

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

IV

*К 200-летию И. С. Тургенева
(1818–2018)*

Москва — С.-Петербург
Альянс-Архео
2016

И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. Вып. 4. — 969 с., ил.

ISBN 978-5-98874-128-2

Сборник включает исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященные малоизученным аспектам биографии и творчества И. С. Тургенева, в частности его деятельности как романиста, критика, редактора, переводчика, драматурга и члена первого Комитета Литфонда, а также его отношениям с русскими и зарубежными литераторами и современниками (Ап. Григорьевым, Н. А. Добролюбовым, Н. Г. Чернышевским, В. Рольстоном, Г. Чорли, Ж. Валлесом, Э. Золя и др.). Наряду со статьями концептуального характера особое место в сборнике уделено публикациям неизвестных ранее документов: это черновые и беловые автографы переводов двух сказок Ш. Перро, а также черновой автограф Предисловия Тургенева к изданию сказок Перро в России, автографы двух новонайденных либретто, написанных для оперетт на музыку П. Виардо, обнаруженные в российских и зарубежных архивах ценнейшие письма Тургенева к П. В. Анненкову, Н. В. Соколову, В. Рольстону, а также письма к писателю А. М. и В. М. Жемчужниковых и видного деятеля Парижской коммуны Жюля Валлеса и др. Впервые в полном объеме воспроизведены воспоминания писательницы Е. И. Бларамберг и ранее неизвестный очерк современницы Тургенева В. И. Дмитриевой. Значительный интерес представляют два архивных документа: опись имущества, оставшегося после смерти двоюродного деда Тургенева И. И. Лутовинова, и копия родословной писателя, составленная в 1832 году. В сборник включены «Материалы к Тургеневской энциклопедии», знакомящие читателя с результатами готовящегося издания.

Издание предназначено для специалистов по истории русской литературы XIX века, а также для широкого круга читателей, интересующихся неизвестными страницами отечественной культуры.

Редакционная коллегия:

Л. А. Балькова, Н. П. Генералова, Н. Г. Жекулин, В. А. Лукина

Ответственные редакторы:

Н. П. Генералова, В. А. Лукина

Рецензент

Т. М. Вахитова

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 15-04-16506д1

© Коллектив авторов, 2016
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2016
© ООО «Альянс-Архео», 2016

ISBN 978-5-98874-128-2

СТАТЬИ

Е. Н. Ашихмина

ВЛАДЕНИЯ ПРЕДКОВ ТУРГЕНЕВА КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ

Предки Ивана Сергеевича Тургенева — Тургеневы и Лутовиновы, Апухтины, Тепловы, Лавровы и Лаврецкие — оказали огромное влияние на формирование его личности, на понимание им глубинных основ российской истории и российской действительности; яркие характеры родственников Тургенева органично стали прототипами персонажей целого ряда произведений писателя. Давнее пребывание Лутовиновых в Орловском крае дало Тургеневу немало количество сюжетов, основанных на событиях отечественной старины, на биографиях родственников и соседей. Их имена и фамилии, как и названия целого ряда топонимов Орловской губернии, оказались на страницах тургеневских произведений.

Роды, к которым принадлежал Тургенев, изначально представляли собой старинное служилое сословие. Но если Тургеневы имели более древнее и в истории более заметное родословное древо, то Лутовиновы стали известны России как раз благодаря Тургеневу. Однако и Лутовиновы несли государеву службу со времен российского средневековья. Известный литературный краевед и исследователь биографии Тургенева Н. М. Чернов помещает в начале родословной таблицы Лутовиновых Ивана Ивановича, помещика Коломенского уезда, упоминаемого в 1572 году.¹ Помещиками в XVI веке называли служилых людей, «по-

---

¹ Чернов Н. М. Лаврецкие и Лутовиновы в жизни и в романе (Комментарий к «Дворянскому гнезду») // Спасский вестник. 1999. Вып. 5. С. 51.

мещаемых» на землю, которая давалась им за службу. Так как Н. М. Чернов не приводит источник, откуда им были взяты приведенные сведения, это сделаем мы в данной статье. Согласно Писцовой книге Московского уезда 1577–1578 годов «письма и меры Данилы Петровича Житова и Федора Комынина», Иван Иванович Лутовинов значился помещиком Коневского стана (прилежащего к г. Коломне), где у него имелось полдеревни Михневы на речке Вохорке.²

Внук И. И. Лутовинова Трофим Иванович, прозванный Мясоедом, был послан из Москвы в Казань к митрополиту Ефрему и ко всем чинам казанским с грамотой, приглашавшей их на Земский собор для избрания на царство Михаила Романова (1613). Сын Трофима Марк был воеводой при царе Алексее Михайловиче, а дети Марка — царскими стольниками. Братья Кирилл и Иван Марковичи, из которых последний являлся прямым предком Тургенева, получили земли в Мценском уезде после Смуты — в 60–70-х годах XVII века. В 1694 году «в урочищах на реке Алешне» земля была выделена Ивану Марковичу Лутовинову. Его брат, стольник Кирилл Маркович Лутовинов, в 1699 году стал владельцем поместья в старинной деревне Борзенковой Меньшого Городского стана.³ Еще один Лутовинов — Самсон Васильевич — тогда же стал владеть землей в деревне Губоревой (Губаревой) Большого Городского стана и в урочищах по реке Оптушке.⁴

Поместье Самсона Лутовинова в деревне Губоревой сохранялось в собственности семьи в XVIII и в XIX веках, а в дальнейшем перешло по наследству к Ивану Сергеевичу Тургеневу. Так, в 1778 году эта земля была владением прабабки писателя: «Губаревой пустоши владения бригадирши Мавры Ивановой Лутовиновой, с проч.».⁵ А в 1861 году две части сельца Губорева числились в собственности И. С. Тургенева: «Губаревой пустоши 3 ч., влад. коллежского секретаря Ивана Сергеева Тургенева»

---

² «...Пашни сер<ой> земли 25 четьи, и добр<ой> землю 20 четьи, и пер<елогом> 70 четьи, да пер<елогом> же кустарем поросло 30 четьи, добр<ой> землю пер<елогом> и лесом поросло 80 четьи, и обоего пашни и пер<елогом> и кустарем поросло добр<ой> землю с наддачею 100 четьи в поле, а в дву потому же, сена по рчк. по *Вохорке* и по врагом 50 коп., лесу непашенного 6 дес.» (Писцовые книги Московского государства. Издание Императорского Русского географического общества. СПб., 1872. Ч. 1: Писцовые книги XVI века. Отд. I: Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской / Под ред. Н. В. Калачова. С. 409).

³ Писцовые книги Юго-Западного порубежья. М., 2013. С. 113.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Мценский уезд. Ч. 1 // *РГАДА*. Ф. 1354. Оп. 320/1. Д. 992. Л. 10.

и «Губаревой пустоши 4 ч., влад. вышеписанного господина Тургенева».⁶ Интересно, что часть пустоши Губаревой называлась Самсоновской. Так в мценской топонимике сохранилось имя одного из Лутовиновых, дошедшее к нам из XVII века. Именно в XVII веке на южнорусских пограничных рубежах, в частности в Мценском уезде, появляется и с тех пор не исчезает из документов фамилия Лутовиновых.⁷

Однако еще одна ветвь Лутовиновых, происходившая от Степана Лутовинова, сына того же коломенского помещика Ивана Ивановича, по документам обитала в мценских пределах уже во второй четверти XVII века, а возможно и гораздо раньше, с досмутного времени. Лутовиновы здесь фиксируются как дети боярские — носители небольшого «офицерского» чина Русского государства допетровских времен, защитники его южного рубежа.

Впервые дети боярские Лутовиновы встречаются в мценских третейских меновых книгах в записи от 20 декабря 1635 года, где говорится об обмене земельных наделов Первого Степанова сына Лутовинова и Нестера Шумилова сына Бирлова.⁸ На сегодняшний день это самое раннее упоминание о Первом Лутовинове. Н. М. Чернов, правда без ссылки на источники, называет другую дату — 1648 год.⁹ Первой Степанович Лутовинов был двоюродным братом Трофима Мясоеда. Земли Первого Лутовинова в дальнейшем также окажутся в числе важных лутовиновских владений вплоть до середины XVIII века.

В 1635 году владением Первого Лутовинова была земля в деревне Старой Парахиной Сатыевского стана Мценского уезда. Некогда он уже выменял ее часть у Максима Дивеева сына Чурилова. Эту небольшую часть в деревне Парахиной Первой Лутовинов менял «по полубовному договору» на землю отца Нестера — Шумилы Бирлова в деревне Могилевской, Бирлова тож, Меньшого Городского стана Мценского уезда. Мену удостоверил «третей» Игнатий Лаврентьев сын Мишков. Меняясь, Первой Лутовинов получает в деревне Могилевской не только земли — в самой деревне и под Карауловой горою, но и такую важную часть де-

---

⁶ Там же. Ч. 2 // *РГАДА*. Ф. 1354. Оп. 320/2. Д. 994. Л. 22. Речь в записи идет не о пустоши, а именно о сельце Губареве, так как в записи о первой части владения значится «сельцо», а в записи о второй части слово «пустошь» зачеркнуто и сверху вписано «с-ца».

⁷ Заметим, что значительная часть родственных семейных владений, полученных в XVII в., в дальнейшем была Лутовиновыми сохранена.

⁸ Мценская отказная книга. 1630–1691 гг. // Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977. С. 191.

⁹ Чернов Н. М. Лаврецкие и Лутовиновы в жизни и в романе. С. 51.

ревни, как «двор его помещиков Нестеров с хоромы и с гумны и с городбою и с огороды да м<есто> дворовое».¹⁰

В записи возникает имя духовника Первого Лутовинова — монаха мценского Петровского монастыря Феодорита: «К сим третейским книгам Петровского монастыря черный поп Феодорит в (за. — *Е. А.*) сына своего духовного Первого Лутовинова места руку приложил».¹¹ Подпись Феодорита за Первого Степановича — важное свидетельство того, что Лутовиновы с давних пор были связаны духовными узами с знаменитым Петропавловским монастырем (в XVII веке именовавшимся Петровским), который тогда помещался в районе Мценской крепости на горе Самород. Судя по всему, Лутовиновы уже тогда являлись вкладчиками монастыря и духовно окормлялись его братией. «Домашнее» имя Лутовинова — Первой — говорит о старшинстве его среди других детей Степана Лутовинова. К сожалению, крестильного имени Первого не указывает даже инок Феодорит. Тем не менее в записи 1634 года перед нами предстает одна из старейших ветвей предков Тургенева, уже связанная тесными узами с самыми важными духовными центрами мценской земли.

20 февраля 1636 года тот же Первой Лутовинов продолжил обмен земли в деревне Парахиной на землю в деревне Могилевской с Нестером Бирловым. Теперь это мена «чети на чети». Она увеличивала надел Лутовинова в деревне, которую он, вероятно, избрал местом своего жительства. Землю в Парахиной он «променил полюбовно» на землю в «деревне Могилевской на Рогу Бирлова тож и под Короуловою горою».¹² Запись указывает, что «для хоромного и дровеного лесу и по всякая угодыя Первого людем и крестьяном въезжать в большой черной лес за речку за Студенец и за Лопашину деревню <...> а к воде ему Первому из той деревни Могилевской дорога к речке к Студенцу».¹³ При обмене наделами в этот раз присутствовал Алексей Олтухов. Он «те их меновные помеси велел в книги написать и с отказных книг на те их меновные помеси выпись дал за печатью воеводы Лариона Даниловича Комынина».¹⁴ Документ об обмене подписал сам Ларион Комынин, Олтухов, пятницкий поп Емельян и соседи — дети боярские; в их числе были Агарковы, которые владели частью земли в деревне Могилевской. За свидетелей —

---

¹⁰ Мценская отказная книга. 1630–1691 гг. С. 192.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 183.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 184.

детей боярских Бирловых, Агарковых и Кунаевых и за мценского затинщика Ивана Егурнова поставил подпись «поп Омелян», служитель Пятницкой церкви; свидетели в документе называются его прихожанами.

Так Первой Лутовинов собирал свою земельную собственность в одном месте, создавая крупное поместье. В дальнейшем подобно ему будут поступать и другие Лутовиновы, предки и родственники Тургенева по материнской линии. Запись в отказной книге описывает границу лутовиновских владений Первого, сына Степана Ивановича. Она проходила «по гору, по верху Хвощеватому, от Воинова водопоя Очкасова (т. е. от водопоя, находившегося на земле Воина Очкасова. — *Е. А.*) до Устомля по городскую дорогу, и на Бабы ямы, и на полевые грани».¹⁵

Земли, которые перешли затем в другие руки, активно пытался вернуть в семейный удел Иван Иванович Лутовинов (1753–1813). На протяжении ряда лет он вел упорные, длительные и в правовом отношении небезупречные тяжбы с родственниками, уже утратившими права на поместья дедов и прадедов. Челобитья И. И. Лутовинова по земельным вопросам наглядно демонстрируют как давность появления семейства в Мценском уезде, так и старинные родственные связи Тургенева в здешних краях.

После смерти прадеда И. С. Тургенева — бригадира Ивана Андреевича Лутовинова — крупные поместья семьи в Большом Городском стане Мценского уезда были разделены между его детьми: секунд-майором Иваном Ивановичем Лутовиновым и «братьями его лейб-гвардии капитан-поручиком Петром, бригадиром Алексеем и сестрами девицами Дарьей и Елисаветой Ивановыми детьми Лутовиновыми».¹⁶ В 1781–1782 годах Иван Иванович совершал неоднократные попытки вернуть себе часть утраченных семейных владений в Большом и Меньшом Городском станах.

В 1781 году Иван Иванович попытался, в частности, отобрать поместье у вдовы своего родственника Алексея Лутовинова Пелагеи Афанасьевны «по второму муже Ушаковой», подав 25 октября челобитную в Мценский земский суд. В челобитной И. И. Лутовинов указывал, что именно ему должны принадлежать земли «в урочищах промеж Пушкарева верха», в пустоши Дикого Поля, в деревне Бородиной, Хоботово селище тож, в деревне Хохловой, в урочищах на речке Оптушке, «что ныне деревня Оптушка», в «урочищах под Карауловой горой».¹⁷ Указан-

---

¹⁵ Там же. С. 183.

¹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 289. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 14.

ные имения Ушаковых были заложены и обременены долгами по просроченным закладным с 1753 года, причем по крайней мере однажды владельцы этих в прошлом лутовиновских земель оказались должниками отца Ивана Ивановича — бригадира Ивана Андреевича Лутовинова. Иван Иванович просил Мценский земский суд вернуть «вдовы неделимое имение собственное первого ее мужа Алексея Лутовинова, доставшееся ему на указную часть со крестьяны и со всеми к тому принадлежностями, не исключая и того отцу нашему от нее Ушаковой заложеного».¹⁸

Иван Иванович намеренно вводит в заблуждение Мценский суд, уверяя, что Алексей Лутовинов, первый муж Пелагеи Ушаковой, был его родным братом — «лейб-гвардии бригадиром» Алексеем Ивановичем Лутовиновым. Обращаясь к суду, он называет поместье имением полковника «Андрея Григорьева сына Ушакова жены его вдовы Пелагеи Афанасьевой дочери, а по первом муже Алексеевой жены вдовы сына Лутовинова лейб-гвардии Преображенского полку»¹⁹ и указывает, что имение это якобы досталось «Пелагее после смерти первого ее мужа дворянина Алексея Иванова сына Лутовинова» на «наследную часть».²⁰

На самом деле Пелагея была женой совсем другого Алексея Лутовинова, тоже родственника Ивана Ивановича, но с отчеством Федорович. Знал ли об этом Иван Иванович? Конечно, знал! Более того, Иван Иванович отлично был осведомлен, что брат его, получивший в январе 1778 года при уходе в отставку чин бригадира,²¹ вообще не был женат. А в то самое время, когда Иван Иванович объявлял его покойным, то есть в 1781 году, Алексей Иванович был жив, хотя и тяжело пораженный параличом и лишенный речи. Находился он при этом в Москве, что и дало возможность И. И. Лутовинову сделать попытку забрать имение. Скончался А. И. Лутовинов 11 сентября 1795 года. По свидетельству Н. М. Чернова, бабка Тургенева Екатерина Ивановна Лутовинова в 1796 году сообщала о его смерти: «Родной мужа моего брат бригадир Алексей Иванов, будучи холост и находясь в параличной болезни безъязычным, живучи в Москве, возвратясь оттуда с братом своим секунд-майором Иваном Лутовиновым в село свое Среднее Спасское, прошедшего сентября 11 скончался».²²

---

¹⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 289. Л. 14.

¹⁹ Там же. Л. 16.

²⁰ Там же.

²¹ Чернов Н. М. Лаврецкие и Лутовиновы в жизни и в романе. С. 58.

²² Цит. по: Там же. С. 59.

11 августа 1782 года, то есть почти в то же самое время, что и в предыдущем случае, И. И. Лутовинов подал иск о другом спорном владении — «с девицей Федосьей Ивановой дочерью Лутовиновой» (впоследствии подпоручицей Синявиной) и ее мать «Федосьею Васильеву дочерью по второму муже Юшковой». На этот раз речь в челобитной шла о недвижимых мценском и чернском имениях поручика Федора Матвеевича Лутовинова. Упомянув в иске имя Пелагеи Ушаковой, Иван Иванович на этот раз правильно называет ее вдовой Алексея Федоровича Лутовинова, причем даже осведомлен о том, что отец последнего стал иноком.

Старинные семейные земли, на которые претендовал И. И. Лутовинов в новой челобитной, некогда отошли к его родственнику по отцовской линии — поручику Федору Матвеевичу Лутовинову, принявшему монашеский постриг под именем Филарета. Бывший поручик владел перешедшей к нему от предков той самой деревней Могилевской Меньшого Городского стана, которая еще в 30-х годах XVII века принадлежала Первому Степановичу Лутовинову. Оказалось, что у Ивана Ивановича хранились (и сохранились!) старинные отказные книги, закреплявшие права на землю в деревне Могилевской со времен Первого Лутовинова, а отсюда и его, Ивана Ивановича Лутовинова, требование на хотя бы часть этой наследной, родовой земли — 191 десятину.²³

Документы XVII века на деревню Могилевскую И. И. Лутовинов предъявлял в Мценском уездном суде. И они, безусловно, произвели там должное впечатление. Судя по всему, это были те самые выписи, которые для Первого Степановича Лутовинова в 30-х годах XVII века делал некий Мишка Паншин и которые были скреплены подписью самого мценского воеводы Лариона Даниловича Комынина. Выдержки из выписей мы приводили выше.

Так, благодаря И. И. Лутовинову, сохранившему старые записи о земельной собственности, еще раз подтверждается прямое родство детей боярских Лутовиновых — служилых людей Мценского уезда 30-х годов XVII века — с Иваном Сергеевичем Тургеневым.

В разборе дела, инициированного И. И. Лутовиновым в 1781 году, фигурируют документы о продаже земли в деревне бывшей Могилевской иноком Филаретом и его сыновьями Леонтием и Алексеем Лутовиновыми. Земля в деревне, именуемой уже Лутовиновой (Агарковой тож), вместе «с лесною дачей» под Могилевским лесом была продана в 1720 году «киевского гарнизона солдату Степану Афанасьевичу Раго-

---

²³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 289. Л. 40 об.

зину»: «Лета тысяща семьсот двадцатого году апреля восьмого мценского Петропавловского монастыря монах Филарет, что быв в мире Федор Матвеев сын Лутовинов, с детьми своими Леонтьем да Алексеем Лутовиновыми продали для своей нужде проплаты долгов своя»²⁴ землю «с усадьбами, с лесы и с санные покосы и со всеми угоды и с садом яблонным и с хмелевыми» «без остатку».²⁵ Обратим внимание, что в середине XVIII века деревня уже называлась по фамилии ее владельцев XVII века — Лутовиновых и Агарковых.²⁶

Купчую на землю в деревне Лутовиновой, бывшей Могилевской, Рагозин получил в 1722 году. Но его сын — секунд-майор Алексей Степанович Рагозин в 1781 году также привлекался Мценским уездным судом по челобитью И. И. Лутовинова и давал показания.

Дело о деревне Лутовиновой (Агарковой) разбиралось и в Палате гражданского суда Орловского наместничества, причем материалы из Орла были переданы в Вотчинную коллегию.²⁷ Вскоре оттуда последовал указ, запрещающий И. И. Лутовинову претендовать на земельную собственность Рагозиных.

Продажа деревни Лутовиновой, бывшей Могилевской, — исконной родовой деревни — возмущала Ивана Ивановича, как возмущали его и другие лутовиновские земельные утраты, заставлявшие его вновь и вновь обращаться с челобитьями в Мценский уездный суд. Причем имели место случаи, когда обращения такого рода решались в Мценском уездном суде в пользу авторитетного (и, добавим, неотступного в своих требованиях) секунд-майора И. И. Лутовинова, но оспаривались в более высокой инстанции Орловского губернского суда. Так произошло, например, в случае с поместьем, права на которое оспаривал И. И. Лутовинов у уже упоминавшихся выше девицы Федосьи Ивановны Лутовиновой и ее матери Федосьи Васильевны, по второму мужу Юшковой. Так же было, и когда Иван Иванович настаивал, чтобы ему отдали землю, дважды заложенную сыном Филарета Алексеем Федоровичем Лутовиновым, а позже его вдовой Пелагеей Ушаковой. Оба раза сроки оплаты должником по закладным были пропущены. Указывая на эти обстоятельства, И. И. Лутовинов просил отдать ему в собственность землю предков и позволить оплатить закладные. Мценский уездный суд при-

---

²⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 289. Л. 30.

²⁵ Там же. Л. 29.

²⁶ Ларя Демидов сын Огарков выступал свидетелем в деле обмена земли Лутовиновым и Бирловым в феврале 1636 г.

²⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 289. Л. 29.

судил имения Ивану Ивановичу. Однако 11 августа 1782 года Орловская палата гражданского суда приняла во внимание аргументы Ушаковых, и поместье, уже утвержденное Мценским судом за Лутовиновым, снова вернулось к прежним владельцам.²⁸ Крестьян, уже записанных за Иваном Ивановичем, ему также предписывалось вернуть.

Со временем, безусловно, могут обнаружиться и более ранние, чем вторая четверть XVII века, документы, касающиеся служебной истории семьи Лутовиновых в Орловском крае.

В истории литературы навсегда остался тургеневский Бежин луг. Вне всякого сомнения, Тургенев слышал эту фамилию в родных краях.

Сын боярский Яков Бежин был отмечен в мценских поместных отказных книгах мецнянина Ивана Ивановича Кривцова в записи от 5 января 1641 года.²⁹ Земельное владение Якова Бежина — «Касьяновская пустошь Яковлева поместья Бежина» — в те годы находилось неподалеку от Черного Усова леса и Усова колодезя, то есть на границе с Чернским станом. В XVII веке эта территория входила в Мценский уезд. В XVIII веке Бежина деревня с пустошью уже являлась владением сенатора, тайного советника Лукьяна Ивановича Камынина (1778),³⁰ вероятного потомка мценского воеводы.

Мы не утверждаем, что Бежиным лугом действительно именовался тот самый, ставший знаменитым луг, но можем предположить, что Тургенев дал название лугу потому, что знал фамилию Бежина. Даже если Тургенев дал название «Бежин луг» произвольно, у писателя были на слуху местные аналогии: Борзенкова пустошь, Минов луг, Волобуева деревня, Рагозин колодезь.

Фамилию «Бежин», в измененном варианте — Беженов, мы встречаем в Малоархангельском уезде, где еще в конце 20-х годов XX века находились две Беженовы деревни и одни Беженовские выселки.³¹ Все три населенных пункта раньше числились в Дросковской волости (ныне — Покровский район Орловской области). Старинные семейства дросковских Беженовых происходили от детей боярских Бежиных, проживавших в 1615 году на Дроскове колодезе. Об этом говорит записка: «За Богданом да за Мартюшкою за Архиповыми детьми Бежина,

---

²⁸ Там же. Л. 40.

²⁹ Мценская отказная книга. С. 201.

³⁰ Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Тульская губерния. Чернский уезд. Ч. 1 // *РГАДА*. Ф. 1354. Оп. 546/1. Д. 1308. Л. 3.

³¹ Список населенных мест Орловской губернии. Издание Орловского губстатотдела. Орел, 1927. Вып. 6: Малоархангельский уезд. С. 38.

что им дано брата их родного Логиново поместье в той же деревне в Драчевой под Большим под Дросковым лесом на Лесном на Дроскове колодезе».³²

В Кромском уезде, а ныне также в современном Покровском районе, у Тургеневых, как известно, было имение Топки (Топковская и Верхне-сосенская дачи), принадлежавшее в XVIII веке, как считается, Петру Ивановичу Лутовинову,³³ затем его дочери Варваре Петровне³⁴ и доставшееся затем по разделу Ивану Сергеевичу Тургеневу. Интересно, что согласно материалам Генерального межевания в XVIII веке владений Лутовиновых в Топках нет. Может быть, из-за небольшого надела или за незначительностью происхождения они «укрылись» за припиской «прочие». В последней четверти XVIII века (1779) Топки (или Тапки) принадлежали «действительному камергеру Александру Борисовичу Куракину (с прочими)»,³⁵ капитан-поручику князю Дмитрию Юрьевичу Трубецкому³⁶ и действительному статскому советнику графу Ивану Александровичу Головкину.³⁷ А вот кромское сельцо Холодово в это время уверенно записано за прабабкой Тургенева — генеральшей Прасковьей Богдановной Лавровой (1778).³⁸

Происхождение Тургенева от служилых людей Лутовиновых — важный индикатор для понимания источника его творческой биографии. Подобное происхождение от детей боярских мы видим у таких известных литераторов, как выросший среди потомков той же среды В. А. Жуковский, отцом которого был А. И. Бунин, как Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, выросший среди потомков той же среды, А. Н. Апухтин, И. А. Бунин.

В 1711 году Петр I упразднил прежние сословия бояр и детей боярских. Сословие «дети боярские» было искусственно разделено. Часть прежнего сословия числилась теперь в дворянах, часть превратилась в однодворцев и далее эволюционировала в государственных крестьян. Несмотря на резкое изменение социального статуса, образа жизни и образовательные возможности, бывшая среда детей боярских была очень

---

³² Мацук М. А. Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/16 году. Сыктывкар, 2001. Ч. 3. Л. 400.

³³ С момента образования в 1778 г. Орловской губернии и нового уездного деления селения вошли в Малоархангельский уезд.

³⁴ Известны приезды В. П. Тургеневой в Топки летом 1839 и 1842 гг.

³⁵ Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Кромской уезд. Ч. 1 // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 317/1. Д. 985. Л. 21.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 23.

близка к крестьянской — по морали, за века общего существования буквально вошедшей в плоть и кровь; по языковой среде с ее поговорками, былями и сказаниями; по обрядовой стороне и даже по воспитанию. Известно, что В. П. Тургенева была своих детей и не считала это чем-то из ряда вон выходящим, хотя в среде старинного дворянства, вышедшего из бояр и князей, такой образ действий был в постекатеринские времена уже неприемлем. Однако подобные методы воспитания, к сожалению, были приняты во многих семьях их прежней страты. Лесков в повести «Житие одной бабы» пишет: «Мужик говорит: „За битого двух небитых дают“, „не бить — добра не видать“, — и колотит кулачьем; а в дворянских хоромах говорят: „Учи, пока впоперек лавки укладывается, а как вдоль станет ложиться, — не выучишь“, и порют розгами. Ну, и там бьют и там бьют. Зато и там и там одинаково дети вдоль лавок под святыми протягиваются. Солидарность есть не малая».³⁹

Но родство с народной средой давало и огромное преимущество дворянину, имевшему в родовых корнях служилое сословие, ибо оно по факту было близким к народу на коренном, генетическом уровне, пусть дворянское сословие и решительно дистанцировалось от низов, особенно при расцвете крепостного права. Среда, в которой вырос Тургенев, во всей своей противоречивости, со всеми ее плюсами и минусами, оказала колоссальное влияние на его личность, она же явилась для него источником сюжетов и прототипов персонажей, стала источником вдохновения.

Одновременно она подарила писателю и названия описанных им мест, и имена его героев. Известно, что Тургенев применял знакомые ему имена и топонимы произвольно, безотносительно к конкретному персонажу или месту. Так, например, появилось имя Мардарий в рассказе «Два помещика» — столь редким именем звали соседа Тургеневых по имению Спасское-Лутовиново Мардария Васильевича Милокова, так возникла и фамилия Лаврецкого, произведенная от девичьей фамилии прабабки писателя Мавры Ивановны Лутовиновой.

Так же, как мы предполагаем, появилось и имя Анны Одинцовой. Фамилию «Одинцовы» носили представители старого рода орловских дворян. В начале XIX века, когда семья Тургеневых еще проживала в Орле, в приходе кафедрального Борисоглебского собора жили две многочисленные родственные семьи Одинцовых.⁴⁰ Из-за того, что строи-

---

³⁹ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1956. Т. 1. С. 284–285.

⁴⁰ Исповедные ведомости Борисоглебского кафедрального собора города Орла. 1816–1817 годы // ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3153. Л. 54 об.

тельство собора Павла Исповедника растянулось на много лет, функцию кафедрального в Орле долгие годы исполнял Борисоглебский собор, прихожанами которого являлись и Тургеневы. В приходе Петропавловского, а ранее Борисоглебского кафедрального собора Орла проживала поручица Анна Петровна Одинцова. В 1820 году ей было 23 года. По возрасту, социальному положению и месту жительства она вполне подходила молодой чете Тургеневых. В 1841 году Анна Одинцова в одиночестве проживала в Орле — в том же приходе.⁴¹

Не столь далеко от тургеневского имения Топки еще в конце 20-х годов XX века имелся хутор Базарова⁴² на реке Туровке и две деревни Бежиных, о которых говорилось выше.

Однако особенно яркие представители мценских родов, тесно связанных соседством с Тургеневыми и Лутовиновыми, вошли в произведения писателя под своими настоящими фамилиями. К ним относятся однодворцы Овсян(н)иковы. Их владения отмечены в документах Генерального межевания XVIII века: «Азарова сельца первой части общего владения однодворцев деревни Голоплеки Клементья, Якова Филатьевых детей Овсяниковых»⁴³ (межевание 8 ноября 1780 г.). Перед нами — возможные имена знакомых Петра и Ивана Ивановичей Лутовиновых. О непростых отношениях между соседями говорится в «Однодворце Овсяникове». Захват чужих земельных наделов в преддверии Генерального межевания («Ваш дедушка у нас его отнял») и непрерывные челобитья в отношении бывших лутовиновских владений Иваном Ивановичем наглядно показывают стремления и характер близких родственников писателя. «Дедушкой», о котором говорит в рассказе Овсяников, мог оказаться все тот же И. И. Лутовинов, который владел Голоплеками в конце XVIII века (1778).⁴⁴ Им мог быть и Петр Иванович, если он владел здешней землей совместно с братом (документы, подтверждающие или опровергающие это предположение, пока не найдены). Изменив имя своей родной прабабки (Марья Васильевна в рассказе вместо Мавры Ивановны), Тургенев честно называет отобранный ею у Овсяниковых

---

⁴¹ Исповедные ведомости Петропавловского кафедрального собора города Орла. 1841–1850 годы // *ГАОО*. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3237. Л. 12.

⁴² Список населенных мест Орловской губернии. Издание Орловского губстатотдела. Вып. 6: Малоархангельский уезд. С. 24.

⁴³ Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Мценский уезд. Ч. 1. Л. 1 об.

⁴⁴ Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Тульская губерния. Чернский уезд. Ч. 1. Л. 6.

клин. «...Клин-то, что идет от Чаплыгина к Малинину?.. Он у вас под овсом теперь... Ну, ведь он наш <...>», — говорит Овсяников.⁴⁵ Действительно, Чаплыгинская пустошь, Авдеевская тож (1778),⁴⁶ являлась владением вдовы Мавры Ивановны Лутовиновой и ранее принадлежала ее супругу Ивану Андреевичу, который умер в 1778 году чуть ли не накануне Генерального межевания, проводившегося летом и осенью того же года — 27 августа 1778 года Мавра Ивановна уже называется вдовой.

В рассказе встречается еще одна фамилия, представители которой происходили из той же социальной страты, — Комов. Даже в мелочах Тургенев предпочитает не использовать выдуманных фамилий в случае, если речь идет о родных пенатах и о давних соседях.

Рассказ «Однодворец Овсяников», как известно, был написан Тургеневым в 1847 году. В 1858 году Тургенев и Овсянниковы владели землей в пределах того же села Голоплеки. 5-я часть Голоплек тогда являлась принадлежностью «коллежского секретаря Ивана Сергеева Тургенева».⁴⁷ Но большей частью здешняя земля находилась в собственности семейства Овсянниковых, фамилия которых в документе Генерального межевания записана с двумя «н», но с заглавной буквой «А» — «Авсянниковы». 2-я часть села, в частности, принадлежала наследникам коллежского регистратора Ивана Антоновича Овсянникова,⁴⁸ 3-я и 7-я части — коллежскому секретарю Борису Антоновичу Овсянникову,⁴⁹ 4-я, 6-я и 9-я части — обществу казенных крестьян; 1-я и 8-я — коллежскому регистратору Николаю Федоровичу Туленинову и его жене Варваре Ивановне,⁵⁰ 10-я часть — губернской секретарше Авдотье Антоновой (фамилию Авдотьи прочесть не удалось, но до замужества она, судя по отчеству, тоже была Овсянниковой).⁵¹

Именно Тургенев дал исчерпывающее описание бывших служилых людей прошлых веков: «Овсяников своею важностью и неподвижностью, смышленостью и ленью, своим прямотушием и упорством напоминал мне русских бояр допетровских времен... Ферязь бы к нему при-

---

⁴⁵ См.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 3. С. 60–61.

⁴⁶ Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Мценский уезд. Ч. 1. Л. 54 об.

⁴⁷ Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Тульская губерния. Чернский уезд. Ч. 2 // *РГАДА*. Ф. 1354. Оп. 546/2. Д. 1309. Л. 16 об.

⁴⁸ Там же. Л. 16.

⁴⁹ Там же. Л. 16 об.

⁵⁰ Там же. Л. 16, 16 об.

⁵¹ Там же. Л. 16 об.

стала. <...> Все соседи его чрезвычайно уважали и почитали за честь зняться с ним. Его братья, однодворцы, только что не молились на него, шапки перед ним издали ломали, гордились им. Говоря вообще, у нас до сих пор однодворца трудно отличить от мужика: хозяйство у него едва ли не хуже мужицкого, телята не выходят из гречихи, лошади чуть живы, упряжь веревочная. Овсяников был исключением из общего правила, хоть и не слыл за богача. Жил он один с своей женой в уютном, опрятном домике, прислугу держал небольшую, одевал людей своих по-русски и называл работниками. Они же у него и землю пахали. Он и себя не выдавал за дворянина, не прикидывался помещиком, никогда, как говорится, „не забывался“ <...>» («Однодворец Овсяников»).⁵²

Это восхитительное описание соответствует общей характеристике тех потомков детей боярских, что стали однодворцами, но не так обеднели, как те, что из-за нужды продали старые семейные земли и остались почти безземельными. Интересно, что часть Овсяниковых при Петре I была записана дворянами и в этом качестве проходила по документам. Разрезанное пополам сословие составляло одну из важных частей Орловского края XVIII–XX веков.

Родственники Тургенева в XVIII веке владели значительными землями в орловско-тульских краях. Так, за прадедом писателя — бригадиром Иваном Андреевичем Лутовиновым, а позже за его вдовой Маврой Ивановной Лутовиновой в Мценском уезде числились:

- село Спасское-Лутовиново с пустошами (1778);⁵³
- сельцо Долгий колодезь (1779);⁵⁴
- Столбецкая деревня Верховья Доброго колодезя (1780);⁵⁵
- Гущина пустошь, Федоровская тож (1778);⁵⁶
- Губарева пустошь (1778);⁵⁷
- «Казенная земля, отмежеванная из дачи деревни Мертвеца колодезя, в ведомство Казенной палаты Орловского наместничества» (1795);⁵⁸
- Маринкова пустошь (1778);⁵⁹

---

⁵² ПССиП(2). Соч. Т. 3. С. 58.

⁵³ Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Мценский уезд. Ч. 1. Л. 45 об.

⁵⁴ Там же. Л. 12.

⁵⁵ Там же. Л. 46.

⁵⁶ Там же. Л. 8 об.

⁵⁷ Там же. Л. 10.

⁵⁸ Там же. Л. 24.

⁵⁹ Там же. Л. 27.

— селцо Оптушка, Горбунцово тож (совместно с генерал-поручиком Яковом Яковлевичем Протасовым) (1786);⁶⁰

— Починок Дмитриевский (1780).⁶¹

Большое село Спасское позже стало владением сына И. А. Лутовинова — Ивана Ивановича. Возможно, по завещанию оно принадлежало и его братьям, но документальных подтверждений этому пока не найдено.

В церковном отношении Спасское-Лутовиново именовалось селом уже в XVIII веке. В 1778 году здесь была церковь. На карте Мценского уезда 1785 года⁶² она стоит в ином месте, нежели нынешняя. На той же карте указан и погост Спасский. Его южная часть выходит на верх⁶³ с названием Станиславский. В восточной части села на карте изображен значительный по длине Стромиллов овраг, идущий от села Бастыева и достигающий Спасского-Лутовинова. Судя по всему, по дну оврага тек ручей и в пределах села Спасского он был запружен. Во времена И. И. Лутовинова в окрестностях села существовало несколько запруд. Водой были заполнены запруженные Истобенский овраг и Аводоцкий верх — последний находился в деревне Спасское, что располагалась около села Спасского; третья запруда находилась на большом безымянном пруду, являвшемся ответвлением Аводоцкого верха.

В Чернском уезде XVIII века прадеду Тургенева Ивану Андреевичу Лутовинову принадлежали: Лука Вострая пустошь, Попкова пустошь, Рудинская пустошь (не от нее ли позаимствовал Тургенев фамилию Рудин?), Федотова пустошь, что под Рудинским болотом; деревня Солодиловка, Каницева тож. У его сына Ивана Ивановича Лутовинова в 1778 году состояли в собственности уже упоминавшиеся Голоплеки, Горохов лес и часть деревни Свиной. У бригадира Алексея Ивановича Лутовинова, брата Ивана Ивановича, имелась в Чернском уезде Островка пустошь. У майорши Марьи Сергеевны Лутовиновой — пустошь Дикого Поля.

В Чернском уезде у предков Тургенева также имелись земельные наделы. За капитаншей Марьей Михайловной Тургеневой числилось селцо Богородицкое (1778);⁶⁴ за вдовой, действительной статской со-

⁶⁰ Там же. Л. 33 об.

⁶¹ Там же. Л. 37 об.

⁶² Генеральный геометрический план г. Мценска и его уезда, состоящего в Орловском наместничестве; сочинен в Курской межевой конторе в 1785-м году.

⁶³ Так в Орловском крае назывались небольшие водные потоки, стекавшие с возвышенностей в реки или в низменное место.

⁶⁴ Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Тульская губерния. Чернский уезд. Ч. 1. Л. 3 об.

ветницей Прасковьей Михайловной Тургеневой — сельцо Тургеневское, «что была пустошь Лепеховская» (1778); село Гунково с сельцом Гунковым и с пустошью Савоновской; Сониная пустошь, сельцо Липицы, «что была пустошь Филипповская»; Хожавина пустошь.⁶⁵ Артиллерии капитан Михаил Михайлович Тургенев владел сельцом Липицы, пустошью Липец, «что прежде было село» Никольское, и пустошью Филипповской.⁶⁶

Названия своих и соседских поместий, названия рек, лесов и пустошей, пусть и не в тех же местах, где они находились, имена, судьбы и характеры, запечатленные пером Тургенева, навсегда остались в русской литературе.

---

⁶⁵ Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Тульская губерния. Чернский уезд. Ч. 1. Л. 34 об., 6, 32, 18, 37.

⁶⁶ Там же. Л. 17 об.

Н. П. Генералова

**«НЕИЗВЕСТНЫЙ» ОТВЕТ ТУРГЕНЕВА
ЧЕРНЫШЕВСКОМУ
(О втором эпилоге романа «Рудин»)**

В финале объемной и содержательной статьи «Творческая история романа „Рудин“» известный в свое время тургеневед М. О. Габель писала по поводу рецензии Н. Г. Чернышевского на русский перевод книги Натаниэля Готорна: «Статья о Готорне объявила войну Тургеневу. Вполне понятно, что Тургенев почувствовал себя оскорбленным и принял окончательное решение разорвать с „Современником“». ¹ Какое же оскорбление содержалось в статье Чернышевского, отчего Тургенев решил окончательно порвать с журналом, с которым его связывало более десяти лет сотрудничества?

Обратимся к указанной статье Чернышевского, напечатанной в июньской книжке «Современника» за 1860 год. Скажем сразу, что в действительности дело обстояло несколько иначе, хотя решение расстаться с журналом на самом деле было принято Тургеневым и одной из причин этого решения им была названа упомянутая статья Чернышевского, которую ближайший друг писателя П. В. Анненков в разговоре с И. И. Панаевым охарактеризовал как «мерзость». ² Однако в данном случае очень важно проследить хронологию событий, именно она приведет нас к пересмотру некоторых устоявшихся представлений об истории разрыва Тургенева с «Современником».

---

¹ ЛН. Т. 76. С. 63.

² Анненков. Письма. Кн. 1. С. 87. Письмо от 20 октября (1 ноября) 1860 г.

Итак, шестой номер «Современника» за 1860 год с рецензией Чернышевского на книгу Готорна вышел в свет 18 (30) июня,³ а письмо к Анненкову, в котором Тургенев впервые заговорил о ней как о непосредственной причине отказа от сотрудничества в журнале, было написано более трех месяцев спустя, 30 сентября (12 октября). Почему Тургенев так долго не отвечал на нанесенное оскорбление и лишь в этом письме попросил Анненкова передать Панаеву (а фактически всей редакции «Современника») письмо, удостоверяющее прекращение его отношений с журналом?⁴

Вот что писал Тургенев: «Сообщите прилагаемую записку Ив<ану> Ив<ановичу> Панаеву. Если бы он хотел узнать настоящую причину моего нежелания быть более сотрудником „Современника“ — попросите его прочесть в июньской книжке нынешнего года, в „Современном обозрении“, с. 240, 3-я строка сверху, пассаж, где г. Добролюбов обвиняет меня, что я преднамеренно из Рудина сделал карикатуру, для того, чтобы понравиться моим *богатым* литературным друзьям, в глазах которых всякий бедняк мерзавец. Это уже слишком — и быть участником в подобном журнале уже не приходится порядочному человеку».⁵ Печатаемая это письмо Тургенева много лет спустя, Анненков воспроизвел

---

³ *Боград В.* Журнал «Современник»: 1847–1866. Указатель содержания. М.; Л., 1959. С. 380.

⁴ Маловероятно, что писатель прочитал июньскую книжку лишь в сентябре, поскольку за этот период он неоднократно имел возможность ознакомиться с выходящими номерами «Современника», не говоря о том, что кто-то из корреспондентов должен был обратить внимание Тургенева на выпад по его адресу.

⁵ *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 244. Спустя полтора месяца, 12 (24) ноября, поздравляя Е. Я. Колбасина с поступлением на службу, Тургенев не без иронии отметит среди выгод службы в Новгороде и то, что она прерывает его связь с «Современником», который все более «усовершенствуется». В качестве наглядного примера этого «усовершенствования» писатель приводит статью Чернышевского о Готорне: «В одном №-е он намекает прямо на то, что если я представил *Рудина* с критической точки зрения, так это потому, что мне за это заплатили — или что-то подобное. <...> Тут важно не то, что меня ругают, — а то, с какою легкостью себе позволяют сознательные клеветы» (Там же. С. 264). В примечаниях к письму (автор Е. И. Кийко) утверждается, что в названной статье Чернышевского «не содержалось никакого намека на якобы материальную заинтересованность автора романа в изображении Рудина с „критической точки зрения“, как несправедливо пишет Тургенев» (Там же. С. 598, примеч. 5). Кажется, в данном случае речь не может идти о «несправедливости», поскольку Тургенев хотел подчеркнуть, что ставить его авторскую честь в зависимость от «богатых друзей» могло означать что угодно («или что-то подобное»), но прежде всего желание оклеветать, оскорбить его.

также упомянутое письмо к Панаеву, которое так и осталось в его бумагах, не будучи переданным по назначению.⁶ Воспроизведем его полностью, обратив внимание на то, что в нем Тургенев не называет повода для своего окончательного решения, а просит Анненкова передать его

---

⁶ Правда, при публикации (в мемуарном очерке «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым»: *ВЕ*. 1885. № 3. С. 5–41; № 4. С. 465–505) он никак не пояснил несовпадение в датах двух писем: письмо к Анненкову датировано в публикации 12 октября н. ст. 1860 г. (что даже внешне выглядит маловероятно, поскольку обычно Тургенев, указывая дату заграничного письма, не обозначал новый стиль, это разумелось само собой), а упомянутое «прилагаемое» письмо к Панаеву датировано 1 (13) октября, хотя логичнее было бы предположить, что сначала было написано письмо к Панаеву. Эта несуразица отразилась, например, на том, что в *ПССиП(2)* письмо к Панаеву, вложенное в письмо к Анненкову, оказалось отделенным от него запиской к М. А. Маркович, условно датируемой сентябрем 1860 г. Скорее всего, готовя письма Тургенева к печати, Анненков где-то ошибся в дате. Причину же невыполнения поручения Тургенева он объяснил в письме от 20 октября (1 ноября) 1860 г.: «Письмо Ваше к Панаеву я не отдавал, потому что оно бесполезно: „Современник“ и без того выставил в объявлении два только имени — Добролюбова и Чернышевского как своих сотрудников, презрительно умалчивая о всех других, но о мерзости, ими допущенной, я сообщил лично Панаеву» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 87). В комментарии к этому письму вкралась неточность: здесь говорится, что в объявлении упоминается имя Тургенева (Там же. С. 367, примеч. 1), однако оно написано в тот же день, когда вышла в свет октябрьская книжка «Современника» (очевидно, по получении ее), где за подписью Панаева и Некрасова была напечатана ранняя редакция объявления «Об издании „Современника“ в 1861 году», и в ней действительно были названы только Добролюбов и Чернышевский. Имя Тургенева, как, впрочем, и других авторов, здесь названо не было. Часть объявления, в котором сообщалось, что «обещали свои повести» Тургенев, Потехин, Печерский и др., была прибавлена позже, в декабрьской книжке. Отметим, что в Полном собрании сочинений Некрасова помещен лишь окончательный вариант объявления, в комментариях же указано, что ранее объявление было напечатано в сокращенном виде (*Некрасов*. Т. 13. Кн. 1. С. 171–172). Впоследствии, объясняя свой поступок, Анненков признал, что совершил ошибку: «Письмо осталось в моих бумагах. Я не отослал его по адресу из одного соображения: при разгоравшейся ссоре не следовало подкладывать еще дров и раздувать пламя. Но я ошибся. Редакция „Современника“ решилась довести дело до конца. В объявлении о подписке и в особой статье (Речь идет об объявлении «Об издании „Современника“ в 1862 году» (см.: *Некрасов*. Т. 13. Кн. 1. С. 173–174) и о статье Чернышевского «Полемические красоты» (*Совр.* 1861. № 6). — *Н. Г.*) она сообщала подписчикам своим, что принуждена была отказаться от участия и содействия автора „Записок охотника“ по разности взглядов и убеждений и уволить его от сотрудничества в журнале» (*Анненков (1983)*. С. 430). В ответ на эти заявления Тургенев вынужден был протестовать публично (см. его письмо к издателю «Северной пчелы» от 10 (22) декабря 1862 г.: *ПССиП(2)*. Письма. Т. 5. С. 134). Однако это завершение конфликта было скорее формальным.

изушно. При этом письмо далеко не выглядит ультиматумом, а окончание его и вовсе не предполагает разрыва личных отношений с адресатом (они, как увидим далее, действительно не прекратились).

Любезный Иван Иванович. Хотя, сколько я помню, вы уже перестали объявлять в «Современнике» о своих сотрудниках и хотя, по вашим отзывам обо мне, я должен предполагать, что я вам более не нужен, однако, для верности, прошу тебя не помещать моего имени в числе ваших сотрудников, тем более что у меня ничего готового нет и что большая вещь, за которую я только что принялся теперь и которую не окончу раньше будущего мая, уже назначена в «Русский вестник».

Я, как ты знаешь, поселился в Париже на зиму. Надеюсь, что ты здоров и весел, и жму тебе руку. Преданный тебе Ив. Тургенев.⁷

«Большая вещь», предназначенная в «Русский вестник», — роман «Отцы и дети», к работе над которым Тургенев действительно приступил в это время.

1860-й год с самого начала выдался на редкость напряженным в жизни Тургенева. Находясь в расцвете творческих сил и на вершине славы, автор «Дворянского гнезда» воспринимается как писатель первой величины, его поддержкой стремятся заручиться не только популярные журналы («Русский вестник», «Современник»), но и образующиеся новые периодические издания («Русская речь», «Век», «Московский вестник» и др.). Довольно много времени отнимает общественная жизнь: работа в недавно образованном Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд), одним из деятельных орга-

---

⁷ ПССИП(2). Письма. Т. 4. С. 245. Здесь вместо «мне» ошибочно напечатано: «меня». Следует отметить еще одну странность этого письма: говоря о том, чтобы «Современник» не называл его имени среди своих сотрудников, Тургенев имел в виду Объявления на следующий, 1861 год, которые, как правило, начинали печататься с октябрьской книжки. Но, как сказано выше, октябрьская книжка вышла уже после приведенного письма к Панаеву, а значит Тургенев не мог ее прочитать, в объявлении же на 1860 г. имя Тургенева было упомянуто (см.: Некрасов. Т. 13. Кн. 1. С. 166, а также с. 444). Не мог он прочитать объявление и в первой его публикации в «Московских ведомостях» (1860. 6 октября. № 215). По поводу этого объявления Некрасов писал И. А. Панаеву 11 октября ст. ст. 1860 г.: «Потрудись отослать экземпляр *нового* объявления в Москву, чтоб в „М<осковских> вед<омостях>“ вставили находящиеся там (т. е. в объявлении) прибавления» (Некрасов. Т. 14. Кн. 2. С. 141–142). В том же сокращенном виде объявление было напечатано в № 215 и 243 «Санкт-Петербургских ведомостей». Остается предположить, что кто-то из сотрудников «Современника» сообщил Тургеневу о том, что в подготовленном объявлении на 1861 г. имя его не было упомянуто, или, как уже говорилось, Анненков ошибся в датировке писем Тургенева к нему и к И. И. Панаеву.

низаторов и участников которого стал писатель, публичные чтения, выход в свет одного за другим ключевых произведений — статьи «Гамлет и Дон-Кихот», романа «Накануне», написание повести «Первая любовь» и бурное обсуждение каждого сочинения как в прессе, так и в кругу литераторов, в особенности романа «Накануне». Тургенев — желанный гость литературных и светских салонов, вокруг него немало женщин, с которыми он охотно поддерживает дружеские, подчас более чем дружеские отношения (гр. Е. Е. Ламберт, В. Я. Карташевская, М. А. Маркович и др.). Но этот успех имеет и обратную сторону: кому-то он кажется не вполне заслуженным, у кого-то возбуждает неоднозначные чувства. Не случайно, именно в этот период с новой силой вспыхивает казалась бы утихший конфликт с И. А. Гончаровым, завершившийся, как известно, «третейским судом».⁸ Можно только догады-

---

⁸ Напомним, что по выходе в свет «Дворянского гнезда» (РВ. 1859. № 1) Гончаров заметил в некоторых местах романа сходство с тем, что было у него в программе романа «Обрыв» (первоначальное заглавие «Художник»), с планом которого он ранее познакомил Тургенева. У писателя родилось подозрение, что Тургенев заимствовал у него эти места, о чем он и объявил автору. Вот как излагал суть не дошедшего до нас ответного письма Тургенева и возникшего конфликта А. В. Никитенко, ставший его непосредственным участником: «...Тургенев отвечал <...> письмом, что он, конечно, не думал заимствовать у него что-нибудь умышленно; но как некоторые подробности сделали на него глубокое впечатление, то немудрено, что они могли у него повториться бессознательно в его повести. Это добродушное признание сделалось поводом большой истории. В подозрительном, жестком, себялюбивом и вместе лукавом характере Гончарова закрепились мысль, что Тургенев с намерением заимствовал у него чуть не все или по крайней мере главное, что он обокрал его. Об этом он с горечью говорил некоторым литераторам, также мне» (Никитенко. Т. 2. С. 114–115). Стремясь сгладить конфликт, Тургенев совершил, вероятно, ошибку, сняв один из эпизодов романа (сцену в гл. XXXVIII, где содержался намек на «падение» Лизы, так напомнивший Гончарову сцену объяснения героини «Обрыва» Веры с бабушкой, см.: ПССУП(2). Соч. Т. 6. С. 382–383, коммент. Т. П. Головановой). Этот примиряющий жест лишь укрепил Гончарова в его подозрениях, о чем он не преминул напомнить в письме от 27 марта (8 апреля) 1860 г.: «Вы тогда отчасти согласились в сходстве общего плана и отношений некоторых лиц между собой, даже исключили одно место, слишком живо напоминавшее одну сцену, и я удовольствовался» (Гончаров и Т. С. 38). Появление год спустя романа «Накануне» вновь вернуло Гончарова к навязчивой идее плагиата все из того же еще не вышедшего в свет романа «Обрыв». В результате 29 марта (10 апреля) 1860 г. на квартире Гончарова состоялся так называемый «третейский суд» (в качестве «судей» выступали П. В. Анненков, А. В. Дружинин, А. В. Никитенко и С. С. Дудышкин), описанный тем же Никитенко в «Дневнике»: «Сегодня в час пополудни и происходило это знаменитое объяснение. Тургенев был видимо взволнован, однако

ваться, какое тяжелое впечатление эта некрасивая история должна была произвести на Тургенева.

Настоящим потрясением стал, конечно, конфликт с Некрасовым и «Современником», в мартовском номере которого была, вопреки настойчивой просьбе автора «Накануне», напечатана известная статья Н. А. Добролюбова «Когда же придет настоящий день?»⁹ хотя и под

весьма ясно, просто и без малейших порывов гнева, хотя не без прискорбия, изложил весь ход дела, на что Гончаров отвечал как-то смутно и неудовлетворительно. Приводимые им места сходства в повести „Накануне“ и в своей программе мало убеждали в его пользу, так что победа явно склонилась на сторону Тургенева, и оказалось, что Гончаров был увлечен, как он сам выразился, своим мнительным характером и преувеличил вещи. Затем Тургенев объявил, что всякие дружественные отношения между им и г. Гончаровым отныне прекращены, и удалился». Подводя итог, Никитенко писал: «Вообще надобно признаться, что мой друг Иван Александрович в этой истории играл роль не очень завидную; он показал себя каким-то раздражительным, крайне необстоятельным и грубым человеком, тогда как Тургенев вообще, особенно во время этого объяснения, без сомнения для него тягостного, вел себя с большим достоинством, тактом, изяществом и какой-то особенной грацией, свойственной людям порядочным высоко образованного общества» (*Никитенко*. Т. 2. С. 115–116). Более подробно передал состояние Тургенева еще один участник события П. В. Анненков: «После изложения дела, обмена добавлений сторонами замечания экспертов все сводилось к одному знаменателю. Произведения Тургенева и Гончарова как возникшие на одной и той же русской почве должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях, что оправдывает и извиняет обе стороны. И. А. Гончаров, казалось, остался доволен этим решением экспертов. Не то, однако же, случилось с Тургеневым. Лицо его покрылось болезненной бледностью; он пересел на кресло и дрожащим от волнения голосом произнес следующее. Я помню каждое его слово, как и выражение его физиономии, ибо никогда не видел его в таком возбужденном состоянии. „Дело наше с вами, Иван Александрович, теперь кончено; но я позволю себе прибавить к нему одно последнее слово. Дружеские наши отношения с этой минуты прекращаются. То, что произошло между нами, показало мне ясно, какие опасные последствия могут являться из приятельского обмена мыслей, из простых, доверчивых связей. Я остаюсь поклонником вашего таланта, и, вероятно, еще не раз мне придется восхищаться им вместе с другими, но сердечного благорасположения, как прежде, и задушевной откровенности между нами существовать уже не может с этого дня“. И, кивнув всем головой, он вышел из комнаты. Заседание наше тем самым было прекращено» (*Анненков (1983)*. С. 433).

⁹ Прочитав эту статью, цензор В. Н. Бекетов 19 февраля ст. ст. 1860 г. написал Добролюбову следующее: «Критика такая, каких давно никто не писал, и напоминает Белинского. / И пропустить ее в том виде, как она составлена, решительно нет никакой *никому* возможности. / Напечатать так, как она вылилась из-под вашего пера, по убеждению, значит обратить внимание на бесподобного Ивана Сергеевича, да

другим, более нейтральным заглавием и в значительно смягченном виде. Это событие принято считать центральным в истории разрыва Тургенева с «Современником».

Наконец, ссылаясь на плохое состояние здоровья, которое действительно стало подводить писателя, он чуть ли не сбегает на воды в Германию и, после почти месячного пребывания в Париже, в конце мая по старому

не поздоровилось бы и другим, в том числе и слуге вашему покорному» (Заветы. 1913. № 2. С. 96). Статью передал Тургеневу для ознакомления сам Бекетов. Прочитав ее, Тургенев написал Некрасову: «Убедительно тебя прошу, милый Некрасов, не печатать этой статьи: она кроме неприятностей ничего мне наделать не может, она несправедлива и резка — я не буду знать, куда деться, если она напечатается. — Пожалуйста, уважь мою просьбу. — Я зайду к тебе» (ЛССиП(2). Письма. Т. 4. С. 163). Очевидно, Некрасову удалось уговорить цензора Бекетова пропустить статью Добролюбова в сокращенном виде, но последний сам отказался печатать ее. Следует отметить, что ранее при рассмотрении вопроса о статье Добролюбова привлеклась записка Некрасова к Н. Г. Чернышевскому, ошибочно датированная 19 февраля ст. ст. 1860 г.: «Я прочитал статью и отдал ее Тургеневу. Вы получите ее от него часу в 9-м сегодня. Я вымарал много, но иначе нельзя, по моему мнению. Припишите что-нибудь в конце. Ваш Н. Некрасов. / Бекетов заходил к Тургеневу и сказал ему, что он статью не пропустит, но это вздор — завтра мы к нему отправимся» (см.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 1952. Т. 10. С. 413). Однако после статьи И. А. Костомаровой, сопоставившей записку Некрасова к Чернышевскому с его же запиской к цензору Бекетову от 29 марта ст. ст. 1856 г. и убедительно доказавшей, что записка имеет отношение к другой статье, а именно к четвертой части статьи «Очерки гоголевского периода» Чернышевского, редакция последнего Полного собрания сочинений Н. А. Некрасова передатировала эту записку 28 марта ст. ст. 1856 г. (см.: Некрасов. Т. 14. Кн. 2. С. 12). «Из содержания записки ясно, что в ней речь идет о статье Чернышевского, препятствия к публикации которой Некрасов принимает очень близко к сердцу. Поэтому допустима мысль, что он как редактор в ней „вымарал много“, лишь бы она прошла через препоны цензуры. На место становится и его просьба к Чернышевскому: „Припишите что-нибудь в конце“. / Упоминание имени Тургенева в данном случае также вполне закономерно. / Известно, что середина 50-х годов — это период наибольшей близости Тургенева к Некрасову и „Современнику“. До отъезда за границу он принимал самое активное и непосредственное участие в издании „Современника“. Некрасов настолько высоко ценил роль Тургенева как сотрудника журнала, что предполагал оставить его в качестве редактора на период своего пребывания за границей. Мнениями и оценками Тургенева в отношении публикуемых в журнале материалов Некрасов очень дорожил. Поэтому не исключено, что статью Чернышевского он передал Тургеневу, который в ней мог быть особенно заинтересован: ведь в ней речь шла о Белинском, память о котором и имя которого были писателю всегда очень дороги» (Костомарова И. А. К вопросу о датировке записки Н. А. Некрасова Н. Г. Чернышевскому // Филологические науки. 1971. № 6. С. 30).

стилю оказывается в небольшом захолустном городке Соден в прусской провинции Гессен-Нассау. О том, насколько предшествующие события сказались на состоянии здоровья Тургенева, свидетельствует записка к Е. Я. Колбасину от 2 (14) апреля 1860 года: приглашая его на обед, писатель просит «не мешкать», поясняя, что у него «опять пошли холерические припадки <— —> и, пожалуй, я наконец окачурюсь».¹⁰

Однако не все события внешней и внутренней жизни Тургенева лежат на поверхности. Исследователи почти не уделили внимания одному важному моменту его творческой биографии — подготовке и выходу в свет в 1860 году четырехтомного собрания его сочинений в издании Н. А. Основского, в сущности первого и наиболее полного, если не считать трехтомного издания «Повестей и рассказов», опубликованного в 1856 году. Три тома из четырех вышли в октябре — декабре ст. ст. 1860 года, причем сначала появились первый и четвертый, в конце года вышел третий, и лишь второй том — в начале марта ст. ст. 1861 года (цензурное разрешение 28 февраля 1861 г.). Нас интересует четвертый том, который составили романы «Рудин», «Дворянское гнездо» и «Накануне». Цензурное разрешение на него, как и на два других тома, было подписано 30 сентября (12 октября) цензором Н. П. Гиляровым-Платоновым.¹¹ Том этот вышел из печати во второй половине октября 1860 года, о чем свидетельствует письмо издателя Основского к Тургеневу от 21 октября (2 ноября), где сообщалось о получении поправок к комедиям: «„Записки охотника“ (1-й том) кончены уже давно; в них еще добавлено: „Поездка в Полесье“ и „О соловьях“». 4-й том, в который вошли три большие вещи, именно: „Рудин“, „Дворянское гнездо“ и „Накануне“ — кончен сего дня. Остается напечатать 3-й и 2-й томы, которые к 1-му декабря будут окончены».¹²

Именно в этом издании «Рудин» был по существу определен как роман, а не повесть, будучи помещен вместе с «Дворянским гнездом» и «Накануне», хотя и сам Тургенев, и большая часть критики называли

¹⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 179.

¹¹ Высокобразованный и талантливый философ, публицист и издатель Н. П. Гиляров-Платонов (1824–1887) служил в Московском цензурном комитете с 1856 г. и, конечно, рисковал, пропуская дописанный Тургеневым «революционный» эпилог романа «Рудин», напечатанный впервые в этом издании. Вскоре, в августе 1862 г., он был уволен из комитета за «цензурные провинности», одной из которых мог быть в том числе четвертый том собрания Сочинений Тургенева в издании Основского.

¹² ИРЛИ. Ф. 7. № 149. Л. 5–5 об. Упомянутые в письме комедии относились к планировавшемуся пятому тому издания, но в свет этот том не вышел.

эти произведения до поры до времени повестями. Есть еще одна отличительная черта этого тома, представляющая особую ценность: здесь «Рудин» появился в окончательной редакции, с дописанным новым эпилогом, где главное лицо романа героически погибает на парижских баррикадах 1848 года. В сущности, это было основным новшеством всего издания, и Тургенев беспокоился, удастся ли дописанному эпилогу благополучно миновать цензуру. Возможно, из желания как можно скорее провести роман в новой редакции сквозь цензурные препоны писатель решил нарушить порядок выхода томов, пропустив четвертый том перед вторым и третьим.

Прежде чем вернуться к хронологии событий, следует сказать несколько слов о новом эпилоге, который был многими расценен, возможно не вполне правомерно, как апофеоза Рудину. В целом это, без сомнения, так, хотя нельзя не обратить внимания на то, что в изображении гибели героя присутствует значительная доля иронии. Прежде всего, сама его смерть, «когда уже восстание „национальных мастерских“ было почти подавлено», а оставшиеся в живых защитники баррикады в Сент-Антуанском предместье «ее покидали и только думали о собственном спасении»,¹³ является бессмысленной. В заключительный момент сражения на самой вершине баррикады появился «высокий человек в старом сюртуке, подпоясанном красным шарфом, и соломенной шляпе на седых, растрепанных волосах. В одной руке он держал красное знамя, в другой — кривую и тупую саблю, и кричал что-то напряженным, тонким голосом, карабкаясь кверху и помахивая и знаменем, и саблей. Венсенский стрелок прицелился в него — выстрелил... Высокий человек выронил знамя — и, как мешок, повалился лицом вниз, точно в ноги кому-то поклонился... Пуля прошла ему сквозь самое сердце».¹⁴ Иронически звучат и комментарии инсургентов: «Tiens! (Смотри-ка! — *франц.*) — сказал один из убежавших *insurgés* (повстанцев — *франц.*) другому, — *on vient de tuer le Polonais. — Vigre!* (поляка убили. — Черт возьми! — *франц.*) — ответил тот, и оба бросились в подвал дома, у которого все ставни были закрыты и стены пестрели следами пуль и ядер. / Этот „Polonais“ был — Дмитрий Рудин».¹⁵ И все же, несмотря на иронию, на комическую сторону героя («соломенная шляпа на седых, растрепанных волосах», «кривая и тупая сабля», «карабкаясь кверху», «как мешок, повалился лицом вниз»), читатель не мог не сочувствовать этой

---

¹³ ПССУП(2). Соч. Т. 5. С. 322.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

нелепой смерти за чужую свободу человека, даже имя которого осталось неизвестным сражавшимся. В их памяти он остался «поляком».

По воле не странному совпадению прототип Рудина — Михаил Бакунин,¹⁶ в момент написания эпилога к роману находившийся в сибирской ссылке на вечном поселении, но вскоре бежавший в Европу, в недалеком времени действительно окажется в рядах сражающихся поляков, приняв участие в так называемой «экспедиции Лапинского», завершившейся, как известно, полным провалом.¹⁷ Напомним, что писал ему

---

¹⁶ Этот факт не подлежит сомнению благодаря собственным признаниям писателя, который, например, в письме к М. А. Маркович от 16 (28) сентября 1862 г. прямо писал: «Что за человек Бакунин, спрашиваете Вы? Я в Рудине представил довольно верный его портрет: теперь это Рудин, *не* убитый на баррикаде. Между нами: это — развалина. Будет еще копошиться помаленьку и стараться поднимать славян — но из этого ничего не выйдет. Жаль его: — тяжелая ноша — жизнь устарелого и выдохшегося агитатора» (*ИССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 108). В то же время образ Рудина вобрал в себя типические черты многих представителей его поколения, и Тургенев был доволен, что С. Т. Аксаков не искал в герое «копии с какого-нибудь известного лица... Уж коли с кого списывать, так с себя начинать» (см. письмо к С. Т. Аксакову от 27 февраля (10 марта) 1856 г.: Там же. Т. 3. С. 83). 18 февраля (1 марта) 1856 г. С. Т. Аксаков писал: «Я не хочу знать, чистый ли вымысел характер Рудина, или нет. Я принимаю его как тип таких людей. Я вижу гораздо более внешнего сходства с известным лицом, чем нравственного, и вас обвиняют за это внешнее сходство. <...> я даже видал на моем веку людей, подобных Рудину, и слышал приговоры о них именно таких же нравственных людей, как Лежнев. Вообще повесть возбуждает много немелких вопросов и раскрывает глубокие тайны духовной природы человека, а всего более ту запутанную и, по-видимому, необъяснимую совместимость противоположных качеств» (Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу / С введ. и примеч. Л. Майкова // *Русское обозрение*. 1894. № 12. С. 580. Отд. оттиск: М., 1894. С. 131). Наиболее полно вопрос о Бакунине как прототипе Рудина освещен в работе Н. Л. Бродского «Бакунин и Рудин» (Каторга и ссылка. 1926. № 5 (26). С. 136–169).

¹⁷ В феврале 1863 г. Бакунин оказался в Швеции, надеясь оттуда перебраться в Финляндию и связаться с организацией «Земля и воля», а затем поднять крестьянское восстание в Польше и Литве. В Литву направлялась на корабле из Англии и повстанческая польская группа под командованием полковника Ф. Лапинского (1826–1886), везя на подмогу сражавшимся полякам оружие и людей. К этой экспедиции присоединился Бакунин, однако в Копенгагене команда парохода во главе с капитаном отказалась принимать участие в походе и покинула судно, пришлось нанять другую. Достигнув порта Мальмё в Швеции, пароход был задержан и интернирован в Россию. Наняв парусное судно, Лапинский попытался еще раз прорваться в Литву, что ему не удалось. С остатками своей группы он вернулся в Англию. Поначалу воспринявший полковника с энтузиазмом, Бакунин вскоре разочаровался в нем: «Лапинский храбрый, ловкий, смелый, но бессовестный или, по крайней

Герцен по этому поводу: «Я вообще полагаю, что ты хорошо бы сделал, если б в *самом деле* не мешался в внутренние дела поляков — мы союзники en gros (в главных чертах — *франц.*)».¹⁸ Еще более жестко высказался Герцен в письме от 20 августа (1 сентября) 1863 года: «Оторванный жизнью, брошенный с молодых лет в немецкий идеализм, из которого время сделало dem Scheine nach (по видимости — *нем.*) реалистическое воззрение, не зная России ни до тюрьмы, ни после Сибири, но полный широких и страстных влечений к благородной деятельности, ты прожил до 50 лет в мире призраков, студентской распашки, великих стремлений и мелких недостатков. <...> После десятилетнего заключения ты явился тем же — теоретиком <...>, болтуном, <...> не скрупулезным в финансах, с долей тихенького, но упорного эпикуреизма и с чесоткой революционной деятельности <...>». Упрекая Бакунина в неосторожности, в умении подводить соратников («Болтовней ты погубил не одного

мере, широкосовестный кондотиер, патриот в смысле непримиримой и непобедимой ненависти к русским, как военный по ремеслу ненавидящий и презирающий всякий, даже свой собственный народ» (Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896. С. 118. Письмо от 31 марта — 9 апреля н. ст. 1863 г.). Не один Бакунин был очарован Лапинским. 12 сентября н. ст. 1863 г. К. Маркс писал Ф. Энгельсу: «Самый интересный человек, с которым я здесь познакомился, — полковник *Лапинский*. Это безусловно самый умный поляк — и притом homme d'action (человек действия — *франц.*), — из всех, кого мне до сих пор довелось узнать. Симпатии его целиком на стороне немцев, хотя по своим манерам и языку он француз. Вместо национальной борьбы он признает лишь борьбу расовую. Он ненавидит всех сынов востока, причисляя к ним с одинаковой готовностью русских, турок, греков, армян и т. д.» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1963. Т. 30. С. 305). В том же письме Маркс весьма презрительно отозвался о Бакунине: «Бакунин стал похож на чудовище — огромная гора мяса и жира; передвигаться он может лишь с трудом. Помимо того, бешено ревнует свою семнадцатилетнюю польку, которая вышла за него замуж в Сибири из-за его мученичества. Сейчас он в Швеции, где делает „революцию“ вместе с финнами» (Там же. С. 306). Жизнь Лапинского, по определению В. В. Тренина, «дает богатый материал для авантюрного романа» (*Тренин В.* Полковник Лапинский и его мемуары // *ЛН*. Т. 41–42. С. 540). Участник венгерской революции, в 1849 г. он сражался против русской армии в рядах «красных республиканцев», во время Крымской войны под именем Тевфик-бея воевал против России на стороне турок, в конце 1850-х гг. принял участие в экспедиции А. Чарторыжского (при содействии английского и турецкого правительств) против России на Кавказе (см.: *Герцен*. Т. 11. С. 722). Герцен посвятил экспедиции Лапинского 1863 г. в «Былом и думам» отдельную главу («Пароход „Ward Jackson“ R. Weatherley & Co»: Там же. С. 378–390), тесно связанную с главой, посвященной Бакунину («М. Бакунин и польское дело»: Там же. С. 353–377).

¹⁸ Там же. Т. 27. Кн. 1. С. 311. Письмо от 9 (21) апреля 1863 г.

Налбандова»), Герцен выдвигает не менее серьезные обвинения, прямо говоря, что упорное стремление к союзу с поляками сыграло роковую роль в истории русского революционного движения: «...польский союз <...> был невозможен, они поступали с нами неоткровенно — результат тот, что ты чуть не потонул в нем, а мы сели на мель».¹⁹ Правда, не все обвинения Герцена звучали вполне убедительно. Нельзя не признать, что и до появления в конце декабря 1861 года, после многих лет заключения и ссылки, Бакунина в кругу Герцена связи «лондонских пропагандистов» с польскими революционерами были многочисленны и далеки от простого приятельства. И Герцен, и Огарев если не полностью рассчитывали разжечь костер русской революции посредством польского восстания, то во всяком случае надеялись на это. После подавления восстания ситуация резко изменилась, и Герцен вынужден был признать, что «польское дело было устроено плохо с нашей стороны, что оно не *наше дело* — хотя и правое относительно».²⁰ Возвратимся, однако, к нашей хронологии событий.

Итак, 18 (30) июня 1860 года выходит в свет шестой номер «Современника», в котором напечатана рецензия Н. Г. Чернышевского на русский перевод сборника рассказов Н. Готорна «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии».²¹ Истинную причину обращения к «плохой» книге Готорна, которого критик упрекал в избыточной художественности (это слово превратилось у Чернышевского почти в ругательное, аналогичное «пустословию», «болтовне», «фальши») и искажении

---

¹⁹ Герцен. Т. 27. Кн. 1. С. 371. Это письмо было вызвано жалобой Бакунина на сына Герцена Александра, который, с февраля 1863 г. состоя в организации «Земля и воля», повел себя с Бакуниным высокомерно и не стал содействовать установлению его связей с молодыми революционерами.

²⁰ Там же. С. 372.

²¹ Два года ранее французский перевод этой книги отрецензировал Н. А. Добролюбов в «Журнале для воспитания» (1858. Т. 4. № 12. Отд. IV). Несмотря на то, что критик высказался отрицательно о пользе для детей изучения греческой мифологии, отдавая предпочтение книгам «реального направления», он все же писал: «...если уж мы допустим пользу сказочного чтения для детей, то между сказками не много можно найти таких живых и увлекательных вещей, как рассказы Готорна» (см.: Добролюбов. Т. 3. С. 481). Очевидно, именно Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевского имел в виду Тургенев, когда в Предисловии к изданию сказок Ш. Перро в России (в этом издании он выступил и как переводчик) иронически упоминал о «положительных и просвещенных» людях, «которым не нравится именно эта примесь чудесного: воспитание ребенка, по их понятиям, должно быть делом не только важным, но и серьезным — и вместо сказок ему следует вручать маленькие геологические и физиологические трактаты» (ПССуП(2). Соч. Т. 10. С. 344).

греческих мифов,²² он и не думал скрывать: «...нам вздумалось произвести вивисекцию этой книжки на пользу и назидание нашим собственным авторам так называемых художественных произведений: авось, кто-нибудь из них увидит, что урок может относиться и к нему с его собратиями».²³ При этом Чернышевский не преминул заметить, что дар американского писателя столь огромен, «что из наших художников не найдется ни одного, равного ему по таланту».²⁴ Значит, и Тургенев не может равняться с Готорном.

Не называя ни имени Тургенева, ни романа «Рудин», Чернышевский упрекнул некоего автора в том, что герой «одной прекрасной повести», «мало писавший по-русски», но имевший «самое сильное и благотворное влияние на развитие наших литературных понятий, затмевавший величайших ораторов блеском красноречия», человек, «не бесславными чертами вписавший свое имя в историю» и сделавшийся «предметом эпических народных сказаний», мог бы «как человек серьезный» быть изображен с большим уважением, чем это сделал автор. Автор повести, писал Чернышевский, «кажется, и хотел так сделать; но вдруг ему вздумалось: „а что же скажут мои литературные советники, люди такие рассудительные, умеющие так хорошо упрочивать свое состояние, если получили его в наследство, или, по крайней мере, с таким достоинством держать себя в кругу людей с состоянием, если сами не получили большого наследства? Человек, который так расстроил свои семейные отношения, что остался безо всего при существовании значительного родового имения, который занимал деньги у богатых приятелей, чтобы раздавать их бедным приятелям, — нет, такой человек не может считаться серьезным по суду моих благоразумных советников“». И вот автор стал переделывать избранный им тип, вместо портрета живого человека

---

²² Готорн «ударился в то, что обыкновенно называют художественностью люди, не имеющие понятия о художественности; вдобавок вообразил, что в подлинных рассказах много неприличного, могущего развратить детское воображение, что надобно уродовать их для сглажения в них того, что люди с развращенным воображением считают безнравственностью. Он писал под влиянием двух этих мыслей, и результатом вышло — дрянь» (*Чернышевский*. Т. 7. С. 441).

²³ Там же. Одним из авторов, кому Чернышевский желал внушить «благоразумные мысли», был И. А. Гончаров (см.: Николай Гаврилович Чернышевский: Рекомендательный список литературы / Ред. М. М. Григорьян. М., 1953. С. 153. См. также: *Егоров Б. Ф.* Кого пародировал Н. Г. Чернышевский в рецензии на книгу Н. Готорна? // *Вопросы изучения русской литературы XI–XX вв.* М.; Л., 1958. С. 321–322).

²⁴ *Чернышевский*. Т. 7. С. 442.

рисовать карикатуру, как будто лев годится для карикатуры. Разумеется, такое странное искажение не удалось, да и самому автору по временам, кажется, было совестно представлять пустым человеком исторического деятеля. Повесть должна была бы иметь высокий трагический характер, посерьезнее шиллерова Дон-Карлоса, а вместо того вышел винегрет сладких и кислых, насмешливых и восторженных страниц, как будто сшитых из двух разных повестей». ²⁵ Вряд ли у кого-то могло возникнуть сомнение, о каком авторе и о какой повести шла речь. Единственной загадкой для неискушенного читателя могли быть те состоятельные «литературные советники», в угоду которым автор повести представил «исторического деятеля» «пустым человеком».

В комментариях к статье Чернышевского в Полном собрании его сочинений приводится цитированное выше письмо Тургенева к Анненкову и утверждается, что писатель не понял брошенного упрека: «Тургенев либо невнимательно прочитал соответствующее место из статьи Чернышевского, либо сознательно искажил его: слова Чернышевского о зависимости от богатых людей относятся не к автору „Рудина“, а к самому Рудину. Что же касается упрека Чернышевского в отношении лиц, „умеющих хорошо упрочивать свое состояние“, то и это не относится лично к Тургеневу, а к его „литературным советникам“ из либерального лагеря — П. В. Анненкову, В. П. Боткину и другим друзьям Тургенева, которым он читал „Рудина“ в рукописи». ²⁶ Думается, оба эти утверждения по существу не верны.

Нет никаких сомнений в том, что Чернышевский совершенно сознательно обвинил автора «Рудина» в намеренном искажении образа некоего «исторического деятеля», недвусмысленно указывая на М. А. Бакунина, который, напомним, уже после участия в Пражском народном восстании 1848 года и восстании в Дрездене 1849 года стал видной фигурой международного революционного движения, будучи дважды приговорен к смертной казни саксонским и австрийским судами. Выданный России в 1851 году австрийским правительством, он около семи лет провел сначала в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а затем в Шлиссельбургской крепости, после чего был сослан на

---

²⁵ Чернышевский. Т. 7. С. 449.

²⁶ Там же. С. 1025, коммент. Н. М. Чернышевской и С. С. Борщевского. Нельзя согласиться и с утверждением, что оценка Чернышевским образа Рудина в этой статье была «резко отрицательной» (см.: ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 585, примеч. 9; автор — Л. Н. Назарова). В действительности Чернышевский в своей статье встал, условно говоря, как раз «на защиту» Рудина.

вечное поселение в Сибирь. Обвинение в желании сделать карикатуру на томящегося в ссылке Бакунина звучало более чем оскорбительно, особенно если учесть, что Тургенева связывали со знаменитым революционером старинные дружеские отношения, начавшиеся еще в 1840 году в Берлине.

Нельзя не согласиться с М. О. Габель в том, что для Чернышевского личность Бакунина была знаковой. «Русские революционеры-разночинцы, — писала исследовательница, — должны были считать Бакунина подлинным революционером. <...> В этом причина того, что для Чернышевского Бакунин 40–50-х годов герой-революционер».²⁷ Через два года Чернышевский повторит путь Бакунина: в июне 1862 года он будет арестован и заключен в Петропавловскую крепость, а еще через полтора года приговорен к 14 годам каторги с последующим затем вечным поселением в Сибири. Правда, он не будет писать покаянной «исповеди» царю и бежать из ссылки, обманув своих покровителей, как это сделал Бакунин.

Оскорбление было для Тургенева, вероятно, неожиданным, хотя он и приписал его Добролюбову. Ведь Чернышевский по выходе в свет «Рудина» высоко оценил роман.²⁸ Несмотря на то, что к концу 50-х го-

---

²⁷ Габель М. О. Творческая история романа «Рудин». С. 62.

²⁸ Подробно ранние оценки Чернышевским «Рудина» освещены в комментариях к роману в *ПССУП(1)* (Соч. Т. 6. С. 572–573. Историко-литературный комментарий М. О. Габель при участии Н. В. Измайлова) и *ПССУП(2)* (Соч. Т. 5. С. 487, 489. Историко-литературный комментарий М. О. Габель при участии Н. В. Измайлова), а также в указанной выше статье Габель (С. 46–49). В этом отношении особенно интересна незавершенная статья Чернышевского «Разговор отчасти литературного, а более не литературного содержания» (1856–1857). Здесь Чернышевский от имени «одного из многих», споря с многочисленными критиками, прямо говорил об «огромном значении» в русской литературе и влиянии на публику творчества Тургенева, «которому так много обязаны мы все», и даже призывал их «преклониться перед благородным писателем» (*Чернышевский*. Т. 3. С. 780). Оценивая повесть «Рудин», «один из многих» писал об «очень сильном впечатлении», которое она произвела «на всех порядочных людей», и призывал критиков: «...когда будете писать о „Рудине“, не забудьте указанного мною факта — из действующих ныне писателей нет никого, чьи заслуги перед публикою равнялись бы заслугам г. Тургенева» (Там же). О близости этих оценок, принадлежащих «герою» статьи, к оценкам романа самим Чернышевским см.: Габель М. О. «Рудин»: Из истории борьбы вокруг романа (Чернышевский и Тургенев) // *Т Сб*. Вып. 3. С. 77–83. Нельзя, правда, не отметить налета вульгарного социологизма в этой и других работах уважаемой исследовательницы. Так, имея в виду мнения А. В. Дружинина, В. П. Боткина и П. В. Анненкова, М. О. Габель пишет: «Чернышевский был прекрасно осведомлен об „эстетическом нажиме“ на Тургенева со стороны его приятелей-советчиков. Его не могло не взволновать

дов отношения между Тургеневым и «Современником», прежде всего его главными сотрудниками — Добролюбовым и Чернышевским, значительно обострились, все же писатель вряд ли мог ожидать подобного грубого и незаслуженного выпада.

Мнения, что опубликованная без подписи статья о Готорне принадлежала перу Добролюбова, придерживался и Анненков. Даже визит к нему Чернышевского с объяснениями по поводу статьи не развеял его уверенности. Описание визита Чернышевского крайне интересно в свете будущих рассуждений: «Чернышевский — наивеликодушнейше, для спасения <Добролю>бова, принял статью на себя и приезжал ко мне объясняться, скромнейше выкидывая из себя такие слова: „Это я, вот видите, пишешь много глупостей; проскочит и большая какая-нибудь... оскорблять я никого не хотел... проврался... что же тут делать?... слушаешься кругом сплетней... и сам так мерзко сосплетничаешь, что изумишься...“ и т. д.».²⁹ «Но все это вздор, — заключал Анненков, — не обративший ничего внимания».³⁰

Что же вызвало столь резкую выходку ведущего сотрудника «Современника»? Последним по времени событием перед появлением рецензии Чернышевского на книгу Готорна была ссора между Тургеневым и «Современником» в связи со статьей Добролюбова «Когда же придет настоящий день?». Зная все подробности этой ссоры, поставившей вынужденного выбирать между Тургеневым и Добролюбовым Некрасова в очень сложное положение, Чернышевский был, без сомнения, глубоко задет поведением как Тургенева, так и Некрасова, просившего Добролюбова отказаться от статьи, чтобы не обидеть старого товарища и одного из ведущих авторов журнала.³¹ Хорошо знал Чернышевский и

их активное стремление вырвать Тургенева из передового, демократического лагеря и увести его в мир „чистой поэзии“» (Там же. С. 83). Подобные примеры не единичны.

²⁹ Анненков. *Письма*. Кн. 1. С. 87.

³⁰ Там же.

³¹ Довольно подробно, хотя и пристрастно по отношению к Тургеневу, изложена история со статьей Добролюбова о «Накануне» в воспоминаниях А. Я. Панаевой (см.: Панаева (1972). С. 272–280). Тем не менее многое в ее изложении кажется вполне правдоподобным. Если упоминание ею письма Тургенева к Некрасову, состоявшего только из одной фразы («Выбирай: я или Добролюбов») следует отнести скорее к богатому воображению мемуаристки, то некоторые другие свидетельства заслуживают большего внимания. «Разрыв Тургенева с „Современником“ произвел такое же смятение в литературном мире, как если бы случилось землетрясение, — писала Панаева. — Приближенные Тургенева, которыми он себя всегда окружал,

все цензурные перипетии со статьей Добролюбова о «Накануне». Вот почему не стоит полностью доверять его поздним свидетельствам о том, что происходило внутри редакции журнала и вне ее вокруг этой статьи. Настойчивое желание мемуариста представить Тургенева ненавистником молодого критика, которому он «желал мстить», когда писал свой роман «Отцы и дети», бросается в глаза любому непредвзятому читателю.³² Слишком многое в этих поздних воспоминаниях не соответствует документальным свидетельствам (что было давно замечено иссле-

---

как глашатаи, оповещали всюду о разрыве и цитировали чуть ли не целые страницы ругательств на Тургенева, будто бы заключавшихся в статье Добролюбова. Одним словом, Добролюбов выставлялся Змеем Горынычем, а Тургенев богатырем Добрыней Никитичем, который спас литературу от чудовища, пожиравшего всех как прежних, так и современных авторитетных писателей. / Когда вышла книжка „Современника“ со статьей <...> то в оправдание себя друзья Тургенева стали кричать, что Некрасов струсил и заставил Добролюбова написать другую статью» (Там же. С. 278). В комментариях к этому фрагменту (автор Г. В. Краснов) справедливо говорится о «новой редакции» статьи (Там же. С. 446). Несомненно, располагая первой редакцией статьи Добролюбова (до сих пор не обнаруженной), друзья Тургенева действительно могли цитировать из нее какие-то отрывки, появление же статьи в обновленном виде должно было заглушить эти разговоры, чем и объясняется «забывчивость» Панасовой, не упомянувшей о ее переработке. Косвенным подтверждением сказанному является упоминание статьи в письме Добролюбова к С. Т. Славутинскому от второй половины апреля 1860 г. Прося товарища передать поклон М. И. Дарагану, автору резко критической статьи о «Накануне» в газете «Наше время» (1860. 13 марта. № 9), Добролюбов писал об этой статье: «...здесь рассказывали о ней ужасы, которых я тут вовсе не нашел. О Елене мысли его очень странны, даже дики; но видно, что на этот счет с ним можно спорить. Что касается до Инсарова, то я с ним совершенно согласен и даже высказал те же мысли в своей статье. Жаль только, что согласно с тоном и целью всей моей статьи я не мог их высказать резко» (*Добролюбов*. Т. 9. С. 416). Любопытно, что и в воспоминаниях Чернышевского красноречиво умалчивается о двух редакциях статьи Добролюбова. «Что именно так испугало Бекетова и Тургенева в статье Добролюбова, в точности нам неизвестно, так как первоначальный текст этой статьи до нас не дошел, — читаем в комментариях к воспоминаниям. — В „Современнике“ же она была напечатана в значительно переделанном виде» (*Чернышевский*. Т. 1. С. 813, примеч. 3).

³² *Чернышевский Н. Г.* Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым (Ответ на вопрос) // *Чернышевский*. Т. 1. С. 737–738. Чернышевский приписывает данное признание Тургеневу на основании свидетельства М. А. Маркович, однако письменного подтверждения подобного факта нет, даже если Маркович и была убеждена в том, что излагает Чернышевский. Этот прием вообще характерен для мемуаров Чернышевского: он ссылается на слова Некрасова, Добролюбова, Боткина (когда заходит речь о «Рудине»), оставляя за собой роль беспристрастного свидетеля.

дователями и комментаторами).³³ Следует также помнить, что они писались не только после тургеневской статьи «По поводу „Отцов и детей“», опубликованной в 1869 году в первом томе салаевского собрания сочинений, но уже после смерти писателя. А поскольку ни Добролюбова, ни Некрасова к тому времени (1884 г.) также не было в живых, опровергнуть его версии и умозаключения было некому.³⁴

Итак, минуя вопрос о переработке Добролюбовым статьи о «Накануне», не упоминая о просьбе Тургенева не печатать эту статью, Чернышевский передает разговор с Некрасовым, который якобы сообщил

---

³³ Назовем, к примеру, комментарии Б. М. Эйхенбаума к роману «Рудин» в издании ГИХЛ, вышедшем в 1929–1933 гг. под редакцией К. И. Халабаева и Б. М. Эйхенбаума, где ученый подверг «проверке» некоторые поздние утверждения Чернышевского (*Тургенев И. С. Соч.: В 12 т. М.; Л., 1930. Т. 5. С. 282–283*).

³⁴ Эти воспоминания были написаны по просьбе бывшего сотрудника «Современника» и близкого по убеждениям Чернышевскому его двоюродного брата А. Н. Пыпина и приложены к письму Чернышевского к Пыпину от 21 января 1884 г. (см.: *Чернышевский. Т. 1. С. 788*). И хотя Чернышевский часто ссылается на плохую память («я не умею теперь припомнить», «не умею определить» и т. п.), допущенные ошибки явно носят тенденциозный характер. Вряд ли соответствуют действительности утверждения, подобные тому, что Тургенев во время пребывания в Петербурге чуть не каждый день проводил у Некрасова, «постоянно держался подле него», «не отходил» от него (С. 726). С трудом верится, что ведущий сотрудник журнала «не интересовался» тем, как «держал себя Добролюбов относительно Тургенева» (Там же). Скорее можно предположить, что Чернышевский исключительно внимательно следил за отношениями Тургенева и Добролюбова. Повторяя версию «Современника» о разрыве его с Тургеневым (а не наоборот, как было в действительности), Чернышевский сводит это событие к личным отношениям Некрасова и Тургенева и даже делает вид, что пытается в момент написания воспоминаний впервые определить его причины (С. 731). Характерно, что среди причин называются столь незначительные эпизоды, как спор о достоинстве одной повести Б. Ауэрбаха или драмы Л. Мея. С трудом верится, что Некрасов более доверял художественному вкусу Чернышевского, чем Тургенева, как утверждал мемуарист: «Находя в моих мнениях о них (поэтах и беллетристах. — *Н. Г.*) больше согласного с его собственными, чем во мнениях Тургенева, Некрасов, по всей вероятности, стал держаться тверже прежнего против рекомендации плохим романам и повестям со стороны Тургенева». Но первую роль в отчуждении Некрасова от Тургенева Чернышевский уступает Добролюбову: «А когда сблизился с Некрасовым Добролюбов, мнения Тургенева быстро перестали быть авторитетными для Некрасова». И, наконец, окончательный вывод: «Потерять влияние на „Современник“ не могло не быть неприятно Тургеневу» (С. 733). Не последней причиной ссоры Тургенева с Некрасовым Чернышевский считает и так называемое «огаревское дело», в оценке которого Тургенев поддался ошибочному мнению Герцена.

ему, что «Тургенев ненавидит Добролюбова» и что неприязнь к критику достигла ненависти после публикации статьи о «Накануне».³⁵

Не следует удивляться, что Чернышевский в воспоминаниях ни словом не обмолвился о своей выходке против Тургенева в рецензии на

---

³⁵ *Чернышевский*. Т. 1. С. 727. Здесь в комментариях справедливо указано, что этот разговор мог происходить не после напечатания статьи, а до того, и Чернышевский «не мог не знать тех осложнений, которые эта статья вызвала в цензуре» (Там же. С. 813, примеч. 3). Итак, Некрасов будто бы рассказал Чернышевскому о двух причинах ненависти Тургенева к Добролюбову. Первая была такова, что мемуарист «со смехом признал ожесточение Тургенева совершенно справедливым». Оказывается, Тургенев многократно «заискивал» «задушевные беседы» с Добролюбовым, от которых последний решительно отказывался, мотивируя свой отказ так: «Иван Сергеевич, мне скучно говорить с вами и перестанем говорить». «Тургенев отстал, наконец», хотя по-прежнему «пытался сделать своим собеседником Добролюбова, но Добролюбов давал на его длинные речи односложные ответы и при первой возможности уходил в сторону» (Там же. С. 727). Такова была неприглядная и унижительная роль Тургенева в его отношениях с молодым критиком «Современника», описанная Чернышевским якобы со слов Некрасова. В изложении Чернышевского Тургенев еще и скрывал свою досаду на Добролюбова, однако его «неудовольствие» «усилилось в последние дни до положительной ненависти» в связи со статьей о «Накануне». Ссылаясь на мнение Некрасова, Чернышевский пишет: «Тургенев нашел эту статью обидной для себя: Добролюбов третирует его, как писателя без таланта, какой был бы надобен для разработки темы романа, и без ясного понимания вещей» (Там же. С. 728). Что касается собственного мнения Чернышевского, то он делает все, чтобы изобразить дело так, будто просматривал статью невнимательно, «торопливо, пропуская строки и целые десятки слов и целые столбцы корректуры»: «Дело в том, что я вообще уже давно перестал читать статьи Добролюбова и просматривал иной раз кое-что в какой-нибудь из них лишь по какому-нибудь особенному обстоятельству». Обычно это происходило по просьбе самого Добролюбова, как и в данном случае, поскольку молодой критик сомневался в своих знаниях ситуации в Болгарии, вот Чернышевский и «искал глазами в статье только этих мест, пропуская все остальное не читанным». Если допустить, что дело обстояло именно так, то признание Чернышевского не может не вызвать по меньшей мере удивления. Ценить Добролюбова и доверять ему до такой степени, чтобы хвалить его статьи не читая, даже если речь шла о произведении одного из самых популярных писателей, да еще написанном на столь острую тему, означало лишь одно: Чернышевскому действительно в высшей степени было безразлично, о чем шла речь. А в том, что Добролюбов будет прав, он не сомневался. Впрочем, настойчивое повторение тезиса о своем безразличии к тому, что написал Тургенев, заставляет все же усомниться в искренности мемуариста. Особенно подталкивает к данному заключению «признание» в том, что он, даже после републикации статьи в посмертном сборнике Добролюбова (1862), не запомнил, «достаточно или недостаточно похвал роману Тургенева» было в статье и вообще «как именно оценивал Добролюбов этот роман» (Там же).

книгу Н. Готорна, выходке, послужившей прямым поводом для разрыва писателя с «Современником». Ведь нельзя же предположить, что Панаев после упомянутого разговора с Анненковым не передал ему слов Тургенева по поводу рецензии на Готорна. Окончание всей истории Чернышевский передает и вовсе идилично: Некрасов, несмотря на «тогда еще очень большое расположение к Тургеневу», не высказал «ни малейшего порицания Добролюбову, он только смеялся над обманутыми надеждами Тургенева на панегирик роману; посмеялся и я».³⁶ Как будто, поручая статью о «Накануне» Добролюбову, можно было предположить, что она будет панегирической.

Предположим, Чернышевский не читал статью Добролюбова, а только просмотрел, как он утверждает, болгарские реалии на предмет их соответствия историческим фактам. Предположим даже, что он не читал и сам роман Тургенева «Накануне». Но вот тот факт, что он читал статью Тургенева «По поводу „Отцов и детей“», отрицать не смог бы никто, поскольку в тексте воспоминаний имеются на этот счет прямые указания.

«Открытым заявлением ненависти Тургенева к Добролюбову, — писал Чернышевский, — был, как известно, роман „Отцы и дети“. Мне случилось читать, что Тургенев находил нужным печатать объяснения по вопросу об отношениях этого романа к лицу Добролюбова; попадались на глаза и кое-какие отрывки из этих объяснений».³⁷ Чтобы читатель не догадался о том, насколько внимательно он читал «объяснение» Тургенева, Чернышевский прибавляет: «Но это были только отрывки; и не берусь по ним решать, удовлетворительны ли были объяснения,

---

³⁶ *Чернышевский*. Т. 1. С. 728. В то же время даже из воспоминаний А. Я. Панаевой, вовсе не расположенной к Тургеневу, следует, что Некрасов очень переживал историю со статьей Добролюбова и пытался всеми силами уладить конфликт. Не вызывает также доверия утверждение Чернышевского, будто он даже уговаривал Добролюбова «не держать себя так несговорчиво с почтенным человеком, достоинства которого старался изобразить Добролюбову в самом привлекательном и достойном уважения виде; но мои доводы были отвергаемы Добролюбовым с непоколебимым равнодушием» (Там же. С. 728–729). Даже свою собственную неприязнь к Тургеневу Чернышевский всеми силами пытался скрыть, перенеся весь конфликт на своего младшего товарища, хотя подлинные его чувства обнаруживаются на каждом шагу.

³⁷ Там же. С. 737. В конце воспоминаний Чернышевский еще раз ссылается на «объяснение» Тургенева и снова «не умеет припомнить», точно ли писатель выступал печатно с опровержением слухов о том, что в основу образа Базарова была положена личность Добролюбова (Там же. С. 740).

взятые все вместе». Делая вид, что факт изображения Добролюбова в «злостной карикатуре» на него в образе Базарова общеизвестен, Чернышевский и здесь использует прием косвенного доказательства, причем в качестве свидетеля выставляет самого Тургенева, который будто бы, после долгих отпирательств, признался М. А. Маркович (Марко Вовчок), что «действительно <...> желал мстить Добролюбову, когда писал свой роман».³⁸ И вот здесь система доказательств Чернышевского дает сбой.

«Мое личное мнение об этом деле основано на фактах, которые случилось мне слышать об одном из прежних романов Тургенева — „Рудин“», — пишет Чернышевский.³⁹ Логично спросить: а при чем здесь «Рудин», если речь идет об «Отцах и детях»? К чему подробно излагать рассказы Некрасова и Боткина о том, как Тургенев дорабатывал роман по советам друзей? Причем эти рассказы передаются в качестве ответа на прозрачный вопрос Чернышевского, подсказавшего тему: «Я вставил в их беседу <...> какие-то маловажные слова, имевшие тот смысл, что портрет Бакунина, начерченный Тургеневым в лице Рудина, едва ли верен. По всей вероятности, сходство утрачено через то, что черты слишком изменены с намерением сделать их дурными».⁴⁰ Из их ответа Чернышевский будто бы узнал, что первоначально замысел Тургенева состоял в том, чтобы «изобразить Бакунина в блистательнейшем свете», написать «апофеоз»⁴¹ Рудина, но перед завершением писатель «струсил», убоившись упрека в непонимании человеческой психологии («Без темных уголков никакое человеческое сердце не обходится: кто не нашел их, тот не умел глубоко заглянуть в него»). Из-за этого Тургенев якобы стал стирать «слишком светлые краски» и вносить «тени», пока «не осталось в романе ничего, кроме пасквиля». Не правда ли, приведенный сюжет напоминает характеристику романа в рецензии на книгу

---

³⁸ Там же. С. 737–738.

³⁹ Там же. С. 738.

⁴⁰ Там же. Эти слова явно отсылают к мнению, высказанному Чернышевским в рецензии на книгу Готорна.

⁴¹ Это слово также отсылает к статье Тургенева «По поводу „Отцов и детей“», где приводилась цитата из письма М. Н. Каткова: «Если и не в апофеозу возведен Базаров, то нельзя не сознаться, что он как-то случайно попал на очень высокий пьедестал» (*ИССУП*(2). Соч. Т. 11. С. 92). В то же время никаких данных о том, что в «Рудине» писатель собирался представить «апофеоз» главного героя, нет и не могло быть. Подобное намерение противоречило главным художественным установкам писателя, который откровенно признавался: «Какого бы я ни был скромного мнения о своем даровании — я все-таки считал и считаю сочинение памфлета, „пасквиля“ ниже его, недостойным его» (Там же. С. 88).

Готорна? В изложении Чернышевского Боткин комментировал рассказ Некрасова «беспощадным анализом некоторых сторон характера Тургенева» и говорил об этом с «ядовитым негодованием». Характерно, что ни словом не напомнив о собственной рецензии, в которой так беспардонно трактовался роман Тургенева, Чернышевский приписывал Боткину и Некрасову мнение о романе как о «мозаике клочков противоположных тенденций, в особенности в характере Рудина». При этом он «не умеет припомнить» собственного мнения о романе, утверждая, что и сам роман «плохо помнит».⁴² Рассказ же о его переделках понадобился Чернышевскому для того, чтобы провести параллель между «пасквилом» на Бакунина в «Рудине» и «пасквилом» на Добролюбова в «Отцах и детях». «Защищая» Бакунина и Добролюбова от очернительства Тургенева, Чернышевский утверждал, что оба героя не похожи на портреты реальных людей. Как ни странно, в этом он был как раз прав, не осознавая, впрочем, что подобными заявлениями лишь выдает свое непонимание не только творчества Тургенева, но и вообще основ художественного творчества.

Что же говорил Тургенев, пытаясь отвести от себя упреки в «очернительстве» Добролюбова уже после преждевременной смерти критика в ноябре 1861 года?⁴³ В статье «По поводу „Отцов и детей“» он прямо писал: «Мои критики называли мою повесть „памфлетом“, упоминали о „раздраженном“, „уязвленном“ самолюбии; но с какой стати стал бы я писать памфлет на Добролюбова, с которым я почти не видался, но которого высоко ценил как человека и как талантливого писателя? <...> Что же касается до „уязвленного“ самолюбия, то замечу только, что

---

⁴² «Кажется, и мне самому думалось тогда, что характер Рудина — путаница несообразностей. Не умею припомнить теперь ни того, думалось ли мне так тогда, ни того, так ли это на самом деле» (*Чернышевский*. Т. 1. С. 739). Неясно, когда же лукавил автор воспоминаний — когда хвалил роман, когда в рецензии на Готорна назвал его «винегретом сладких и кислых, насмешливых и восторженных страниц» или когда забыл об этом много лет спустя?

⁴³ О том, до какой степени простирались выдумки тогдашних недоброжелателей Тургенева, дает представление утверждение А. Я. Панаевой о том, что «редакция „Современника“ была извещена, что Тургенев уезжает за границу (в апреле 1860 г. — *Н. Г.*), для того чтобы на свободе писать повесть, под заглавием „Нигилист“, героем которой будет Добролюбов <...>» (*Панаева (1972)*. С. 280), в то время как сам Тургенев свидетельствовал, что «первая мысль» «Отцов и детей» пришла ему в голову в августе 1860 г. в Вентноре, на о. Уайт (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 11. С. 86). Это подтверждается и датой в автографе первой части подготовительных материалов к роману («формулярных списков» будущих героев) (Там же. Т. 12. С. 563).

статья Добролюбова о *последнем моем произведении перед „Отцами и детьми“* — о „Накануне“ (а он по праву считался выразителем общественного мнения) — что эта статья, явившаяся в 1861 году, исполнена самых горячих — говоря по совести — самых незаслуженных похвал». ⁴⁴

Красноречивым подтверждением того, что Тургенев не испытывал личной обиды на автора статьи, является история с другой статьей, посвященной роману «Накануне», а именно — статьей молодого К. Н. Леонтьева «Письмо провинциала к г. Тургеневу», которую он прислал писателю в апреле того же 1860 года с просьбой устроить ее в печать. Переданная, несмотря на содержащуюся в ней резкую критику романа, самим Тургеневым в «Отечественные записки» с просьбой напечатать ее, статья Леонтьева действительно была помещена в журнале. ⁴⁵ Можно

---

⁴⁴ ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 87–88. Приведем для примера лишь один фрагмент статьи Добролюбова, который не мог не тронуть писателя: «Певец чистой, идеальной женской любви, г. Тургенев так глубоко заглядывает в юную, девственную душу, так полно охватывает ее и с таким вдохновенным трепетом, с таким жаром любви рисует ее лучшие мгновения, что нам в его рассказе так и чуетя — и колебана девственной груди, и тихий вздох, и увлажненный взгляд, слышится каждое биение взволнованного сердца, и наше собственное сердце млеет и замирает от томного чувства, и благодатные слезы не раз подступают к глазам, и из груди рвется что-то такое — как будто мы свиделись с старым другом после долгой разлуки или возвращаемся с чужбины к родимым местам. <...> И благо тому, кто умеет пробуждать в других такие воспоминания, вызвать такое настроение души... Талант г. Тургенева всегда был силен этою стороною, его повести постоянно производили своим общим строем такое чистое впечатление, и в этом, конечно, заключается их существенное значение для общества» (Добролюбов. Т. 6. С. 117–118).

⁴⁵ Статья, написанная в виде письма к Тургеневу, была принята редакцией, хотя и снабжена примечаниями, в которых высказывалось несогласие с мнением автора. В редакционном предисловии (очевидно, написанном С. С. Дудышкиным) говорилось, что редакция помещает статью по просьбе Тургенева: «Мы не исполнили бы этой просьбы автора „Накануне“, потому что „Письмо провинциала к г. Тургеневу“ слишком взыскательно и односторонне в своих эстетических требованиях <...>» (ОЗ. 1860. № 5. Отд. III. С. 1). Тургенев, с точки зрения Леонтьева, оказался «недостойным самого себя» как поэт, недостойным не только «Рудина», «Дворянского гнезда», «Муму», «Загишья», но даже «Записок охотника», которые «много уступают в деле зрелой красоты этим повестям». Упреки критика сводились к тому, что в новом романе слишком видна «математическая ясность плана», автор не перешел «за ту черту, за которой живет красота, или идея жизни», психологические и исторические «остовы» образов главных героев не облеклись «художественной плотью». Противопоставляя «Накануне» другим произведениям Тургенева, Леонтьев писал: «...вы не любили Инсарова, вы любили Рудина, <...> автора писем в „Фаусте“, Горского („Где тонко, там и рвется“), и не знаю, зачем вы казните в „Накануне“ это

не сомневаться, что при всей резкости оценок статья Леонтьева в глазах Тургенева много выигрывала на фоне статьи Добролюбова, конечно не своей политической тенденцией (прямо противоположной добролюбовской), а прежде всего более пристальным вниманием к художественной стороне романа.

Еще более красноречиво свидетельствует об отношении Тургенева к Добролюбову другой факт: в текст романа о «новых людях» («Новь») Тургенев включил стихотворение покойного критика, которое было опубликовано уже после его смерти в четвертом томе собрания сочинений, подготовленного Чернышевским, и даже дал ссылку на это издание. В описании разговора Марианны с Неждановым, читающим свои стихи (глава XXVIII), находим: «Марианна вдруг прервала его вопросом: знает ли он удивительное стихотворение Добролюбова, которое начинается так: „Пускай умру — печали мало“, и тут же прочла его — тоже не совсем хорошо, как-то немножко по-детски. / Нежданов заметил, что оно горько и горестно донельзя, — и потом прибавил, что он, Нежданов, не мог бы написать это стихотворение уже потому, что ему нечего бояться слез над своей могилой... их не будет».⁴⁶ Надо признать, что, приводя текст стихотворения целиком под строкой, никакого пародийного подтекста писатель в этот эпизод не вкладывал. Напротив, предсмертное стихотворение Добролюбова не могло не поразить его щемящим предчувствием близкого конца и горьким чувством одиночества:

Пускай умру — печали мало;
Одно страшит мой ум больной:
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной.

изящное, колеблющееся начало. Не подобное ли начало долго было живительным в России?». В то же время Леонтьев не только дал отпор обвинениям в безнравственности, прозвучавшим в нескольких отзывах, но и очень высоко оценил другие романы Тургенева: «Отчего „Рудин“ так высоко поднимает душу, так любим всяким русским умом, умевшим хотя немного жить для идеала? Отчего „Гнездо“ так умиляет, примиряет сердце? <...> потому что мысль о прогрессе, протекающая под живыми явлениями драмы, не первая бросается в глаза» (см.: *Леонтьев*. Т. 9. С. 8–9). Спустя почти 30 лет в статье «Анализ, стиль и веяние» Леонтьев выскажется о «холодом и ложью дышащем» «Накануне» гораздо резче: «...нужно или вовсе уж и не думать о прекрасном ни в искусстве, ни в самой жизни, или иметь вкусы какого-то торжествующего лакея, чтобы не понимать, что в повести „Первая любовь“ и поэзия, и правда бьют ключом из каждой строки, а все это „Накануне“ намалевано почти по заказу прогрессивно-демократического хамства» (см.: Там же. С. 245).

⁴⁶ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 9. С. 314.

Боюсь, чтоб над холодным трупом
Не пролилось горячих слез,
Чтоб кто-нибудь в усердьи глупом
На гроб цветов мне не принес;

Чтоб бескорыстною толпою
За ним не шли мои друзья,
Чтоб над могильною землею
Не стал любви предметом я.

Что всё, чего желал так жадно
И так напрасно я — живой,
Не улыбнулось мне отрадно
Над гробовой моей доской.

Нет сомнений, что поэтическое творчество сближает одного из главных героев романа с безвременно ушедшим критиком, что, кажется, не было замечено ни современниками, ни более поздними читателями «Нови».⁴⁷

Так что же заставило Тургенева протестовать против статьи Добролюбова? Как ни странно, вовсе не то, что в ней прозвучали резкие замечания на его роман. Скорее наоборот: то, за что ее потом с таким восторгом приняла «прогрессивная» часть публики, а именно — ее революционное содержание. Если присмотреться внимательнее к уже процитированному письму Тургенева к Некрасову с просьбой не печатать статью, именно это в завуалированной форме и говорит Тургенев: «...она кроме неприятностей ничего мне наделать не может, она несправедлива и резка — я не буду знать, куда деться, если она напечатается». По сути дела, о том же писал и цензор Бекетов, высоко оценив саму статью, своим пафосом напомнившую ему Белинского: «Напечатать

---

⁴⁷ Показательно, что уже в первых разработках действующих лиц, а именно в «Формулярном списке лиц новой повести», помеченном февралем 1872 г., Тургенев в характеристике Нежданова записывает: «Поклонник Добролюбова» (BN. Slave 75. F. 103 v. См. также: *ПССиП(2). Соч.* Т. 9. С. 403). После конспекта романа («Рассказа новой повести»), помеченного той же датой, на отдельном листе следует запись: «NB. <...> Поместить стихотворение: / Милый друг, когда я буду...» (BN. Slave 75. F. 125 v. См. также: *ПССиП(2). Соч.* Т. 9. С. 413). Наконец, во второй редакции конспекта романа Тургенев находит место для помещения этого стихотворения и записывает в скобках на полях после описания отношений Сипягиной к Нежданову: «NB. <...> Не упомянуть ли здесь о стихотворении „Милый друг“?» (BN. Slave 75. F. 128 v. См. также: *ПССиП(2). Соч.* Т. 9. С. 415). В комментариях почему-то не отмечено, что стихотворение Нежданова перекликается с одним из последних стихотворений Добролюбова «Милый друг, я умираю, / Потому что был я честен...».

так, как она вылилась из-под вашего пера, по убеждению, значит обратить внимание на бесподобного Ивана Сергеевича, да не поздоровилось бы и другим, в том числе и слуге вашему покорному».⁴⁸ Достаточно задать вопрос, чье же внимание могла обратить на «бесподобного Ивана Сергеевича» и, очевидно, на журнал «Современник» статья «Когда же придет настоящий день?», как ответ является сам собой. Эта сторона дела, конечно, была понятна и Некрасову, который уговаривал Добролюбова либо отказаться от нее, либо переделать.

Не так смотрел на дело Чернышевский. Его позиция, разумеется, менее всего имела отношение к самому роману Тургенева. Используя любой предлог, любое произведение или общественное явление, чтобы вести революционную пропаганду, Чернышевский делал это сам и ценил это в других.⁴⁹ Вот почему он заранее соглашался с любой статьей Добролюбова, поскольку хорошо знал, что по главным вопросам их взгляды полностью совпадали. И в этом отношении Чернышевский был безусловно прав, недаром статью Добролюбова принято считать «революционной прокламацией»,⁵⁰ хотя данное определение далеко не исчерпывает ее содержания. Как общая оценка творчества писателя, так и анализ романа «Накануне» выдают в Добролюбова пронизательного литературного критика, имевшего все основания считаться надеждой

---

⁴⁸ Насколько лоялен по отношению к Добролюбову и в то же время дальновиден был В. Н. Бекетов, свидетельствует тот факт, что спустя три года он будет снят с должности цензора за пропуск в печать романа Чернышевского «Что делать?», когда сам автор уже находился в Петропавловской крепости (см.: Шестидесятые годы. Л., 1940. С. 391).

⁴⁹ Кстати, имя Чернышевского тоже появляется в подготовительных материалах к «Нови». В эпилоге первой редакции «Краткого рассказа новой повести» (февраль 1872 г.) читаем: «Соломин и Синецкая сошлись <...> (Маркелов — там, где Чернышевский и др.)» (BN. Slave 75. F. 118 v. См. также: ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 413). При всем неприятии эстетических и политических взглядов Чернышевского, Тургенев все же объективно оценивал его значение в русском общественно-литературном процессе. Так, в недавно обнародованном письме к своей хорошей парижской знакомой кн. А. А. Трубецкой от 12 (24) марта 1877 г. он писал: «Вы правильно делаете, что читаете роман Чернышевского — с литературной точки зрения он очень плох — но сколько существует хорошо написанных книг, которые не стоят труда быть прочитанными. Чернышевский — фигура, которая оставит след в истории умственного развития России; — кроме того, он заслуживает сочувствия всякого честного человека за то, каким варварским, несправедливым, возмутительным образом с ним обращались — и обращаются по сей день» (ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 648. Подлинник по-франц.).

⁵⁰ См.: Добролюбов. Т. 6. С. 495.

отечественной критической мысли. Можно не сомневаться, что Тургенев по достоинству ценил талант молодого критика и внимательно следил за его творчеством.

Заслуживает внимания оценка Добролюбовым романа «Рудин», прозвучавшая в статье о «Накануне». Считая Тургенева чутким выразителем общественных настроений, Добролюбов выстраивал созданные им типы в определенную цепочку («Лишнего человека сменял Пасынков, Пасынкова — Рудин, Рудина — Лаврецкий») и писал: «Каждое из этих лиц было смелее и полнее предыдущих, но сущность, основа их характера и всего их существования была одна и та же. Они были вносители новых идей в известный круг, просветители, пропагандисты <...> в свое время они, видно, очень нужны были, и дело их было очень трудно, почтенно и благотворно. Недаром же все встречали их с такой любовью, так сочувствовали их душевным страданиям, так жалели об их бесплодных усилиях. Недаром никто тогда и не думал заметить, что все эти господа — отличные, благородные, умные, но, в сущности, бездельные люди».⁵¹ Однако, по мнению Добролюбова, время Рудина «и всей его братии», всех этих «красноречивых страдальцев возвышенных убеждений» прошло, в обществе появились новые требования, «подросли новые люди, для которых любовь к истине и честность стремлений уже не в диковинку»: «От гимназиста, от посредственного кадета, даже иногда от порядочного семинариста вы услышите ныне выражение таких убеждений, за которые в прежнее время должен был спорить и гордиться, например, Белинский».⁵² Даже необыкновенный успех изданных в последнее время сочинений «передового из передовых» Белинского (разошедшихся в количестве 12 000 экземпляров) для Добролюбова является свидетельством не столько своевременности его идей, сколько того, что они стали «дороги и святы теперь для большинства». И главное — что в обществе, где столь востребованы книги Белинского, «Рудиным просто делать нечего».⁵³ При этом Добролюбов не отрицает, что Рудин и «все люди его закала принадлежали <...> к лучшим людям своего времени».⁵⁴ Как видим, оценки Чернышевского и Добролюбова в случае «Рудина» разнятся кардинально, как, между прочим, расходились они в оценке книги Н. Готорна.

Говоря о непосредственной причине резкого выпада Чернышевского против Тургенева в статье о Готорне, придется признать, что она до сих

---

⁵¹ Там же. С. 100.

⁵² Там же. С. 101.

⁵³ Там же. С. 102.

⁵⁴ Там же. С. 101.

пор неизвестна. В поисках ответа на этот вопрос, может быть, следует учесть, что около середины мая ст. ст. 1860 года Чернышевский проводил тяжело больного Добролюбова на лечение за границу и был очень обеспокоен его здоровьем. Возможно, он связывал ухудшение состояния критика с переживаниями, вызванными конфликтом по поводу статьи о «Накануне». Не последнюю роль в его настроениях играло и то, что ему пришлось потратить немало усилий, чтобы обеспечить финансовую сторону поездки Добролюбова, не располагавшего достаточными средствами. Рассказ о перипетиях с доработкой романа «Рудин», прозвучавший из уст Некрасова и Боткина либо накануне, либо во время написания рецензии на книгу Готорна, дал Чернышевскому материал для резкого выпада, который переполнил чашу терпения Тургенева. Могли быть и другие дополнительные причины, спровоцировавшие поступок, о котором Чернышевский забыл или не захотел упомянуть в своих воспоминаниях.

Можно не сомневаться, однако, в том, что Чернышевский внимательно читал как роман «Накануне», так и посвященную ему статью Добролюбова, причем и первую и окончательную ее редакции.⁵⁵ В одном он был безусловно прав, не найдя ничего обидного для Тургенева в этой статье. Действительно, на фоне других откликов на роман статья Добролюбова выглядит скорее хвалебной, чем ругательной. Да и основные ее тезисы мало отличались от других его статей этого периода: о чем бы ни шла речь, критик не упускал возможности обличить существующие порядки и выказать страстное ожидание грядущих перемен, в которых главной движущей силой будут уже не «лишние люди», а новые деятели, тесно связанные с народом. Роман «Накануне» даже заглавием подсказывал, в каком направлении можно вести его критический разбор.

В этом смысле характерны, например, рецензия Добролюбова на «Повести и рассказы С. Т. Славутинского» (М., 1860), напечатанная в февральской книжке «Современника» за 1860 год, и в особенности личное письмо к автору книги, с которым у критика сложились доверительные отношения (Добролюбов даже привлек Славутинского к сотрудничеству в «Современнике»). Письмо датировано 22 февраля ст. ст.

---

⁵⁵ По поводу второй редакции статьи он сам замечал в воспоминаниях, что не только читал ее, но и восстановил в ней цензурные изъяты, опущенные в «Современнике». «Издавая собрание сочинений Добролюбова (в 1862 г. — Н. Г.), — писал Чернышевский, — я, разумеется, сличал и эту статью, как была напечатана она в „Современнике“, с рукописью Добролюбова <...> Перечитывал статью во второй раз в корректуре нового набора» (*Чернышевский*. Т. 1. С. 728).

1860 года, то есть как раз тем временем, когда статья о «Накануне» была уже написана и решался вопрос о ее напечатании. Очевидно, рецензия на Славутинского была написана тотчас после статьи о Тургеневе (цензурное разрешение на нее было подписано 20 февраля 1860 г. тем же цензором В. Н. Бекетовым) и тесно с нею связана.

Раскрывая истинный смысл своей статьи, Добролюбов писал Славутинскому: «О Ваших рассказах тоже написал я статью, которой фон не лишен был гвоздиков: вот, мол, человек, не сочиняющий приторных дифирамбов и эклог насчет русских мужичков, не умеет, мол, он этого, потому — не художник, как Григорович с Писемским, и т. д. А в русской, мол, жизни у него попадаются такие задатки, каких „образованному“ обществу и во сне не снилось. Отчего, мол, это? Не оттого ли, что он сознал, да и пришла пора сознать, что народ не игрушка, что ему деятельная роль уже выпала в нашем царстве и пр. Все это было обставлено, конечно, *литературным элементом*, и все это выщипано... (цензором. — *Н. Г.*) И остался один только этот литературный элемент, или, лучше сказать, — черт знает что осталось... Просто смотреть гадко...».⁵⁶ А поскольку подобная манипуляция была произведена и со статьей о «Накануне», не приходится сомневаться, что это оставило в ее авторе не менее горькое чувство. Приведенным словам в письме предшество-

---

⁵⁶ Добролюбов. Т. 9. С. 402. Так, явные намеки на подобострастное отношение Е. Я. Колбасина к литературному авторитету Тургенева, с которым его связывали дружеские отношения, звучали в рецензии Добролюбова на книгу Колбасина «Литературные деятели прежнего времени» (СПб., 1859): «Г-н Колбасин весьма благосклонно смотрит на старинную моду иметь литературных милостивцев <...> Теперь это уже сделалось признаком мелкости и пошлости натуры <...>. В современной литературе нет *литературного генеральства*, и это прекрасно» (Добролюбов. Т. 6. С. 44–45). Несомненно, косвенно метила в «Записки охотника» (отдельное издание которых вышло в 1852 г., а в трехтомном издании 1856 г. они составили первый том) и рецензия на сборник рассказов Славутинского: «Лет семь тому назад была большая мода на повести из простонародного быта <...>» (Там же. С. 49). Не называя имени автора «Записок охотника», что уже само по себе было определенным жестом, критик противопоставлял прежним героям произведений из простонародного быта сочинения Славутинского, который, хотя и «не возвышается над многими из предшествовавших простонародных рассказчиков — силою художественного таланта, а некоторым из них уступает», однако «не подлаживается ни к читателям, ни к народу, не старается <...> смягчить перед нами грубый колорит крестьянской жизни, не усиливается непременно создавать идеальные лица из простого быта. Он не считает нужным и щегольнуть сочувствием к простому классу, которое с таким самодовольством старались выставить напоказ некоторые из прежних, даже талантливых писателей <...>» (Там же. С. 52).

вали строки о статье «Когда же придет настоящий день?», из которой цензор Бекетов «вымарал полтора листа, целую половину из статьи о новой повести Тургенева; я, разумеется, статью должен был бросить. А он пренахально спрашивает: отчего же я не хотел печатать свою статью!».⁵⁷

Что касается статьи о «Накануне», то следует помнить, что мы знаем уже вторую редакцию, которая, судя по всему, существенно отличалась от первоначальной.⁵⁸ Однако можно с большой долей вероятности пред-

---

⁵⁷ Добролюбов. Т. 9. С. 402.

⁵⁸ Мы не разделяем мнения В. Э. Бограда, высказанного в комментариях к статье Добролюбова (Там же. Т. 6. С. 492–493), о том, что, перепечатавая уже после смерти Добролюбова статью в сборнике 1862 г., Чернышевский полностью восстановил первоначальный текст, как он это сделал в отношении других статей, располагая рукописями. «...Если считать, что текст изд. 1862 г. не является первоначальным вариантом, — пишет ученый, — то тогда необходимо признать наличие еще одного варианта, который является промежуточным между первоначальным и дошедшей до нас корректурой» (Там же. С. 493). Нельзя признать убедительным тот аргумент, что корректуре предшествовал только первоначальный вариант. Напротив, свидетельства самого Добролюбова говорят о том, что после вмешательства в текст его статьи цензора Бекетова, вымаравшего «полтора листа, целую половину из статьи», он принял решение ее не публиковать (Там же. Т. 9. С. 402). Отказавшись печатать статью в искаженном виде, Добролюбов послал ее (в рукописи или в корректуре) друзьям для распространения и даже получил предложение от А. Н. Плещеева напечатать ее в газете «Московский вестник». Однако в первой половине марта он уже сообщает тому же Славутинскому: «У Вас в руках статейка моя о Тургеневе. Пожалуйста, не распространяйте ее, чтобы шуму не было. Я ее переделал и представил опять в цензуру; благодаря тому, что у нас цензор теперь другой (им стал Ф. И. Рахманинов. — *Н. Г.*), она пропущена. Впрочем, вторая половина получила совсем другой характер, немножко напоминающий начало Вашего обозрения. Что делать...» (Там же. С. 409). Тот факт, что первоначальная редакция статьи Добролюбова до нас не дошла, не вызывал сомнения у комментаторов Полного собрания сочинений Чернышевского (см.: *Чернышевский*. Т. 1. С. 813, примеч. 3). Очевидно, Некрасову удалось уговорить Добролюбова смягчить ряд положений статьи, чем последний, разумеется, был недоволен. Из сказанного следует, что новому цензору была представлена новая редакция статьи. Вполне вероятно, что, отослав рукопись в Москву и не получив ее обратно, Добролюбов записал вторую редакцию, о чем он прямо пишет в приведенном письме к Славутинскому. Очевидно, была набрана и новая корректура. Что касается сходства второй половины статьи с «обозрением» Славутинского, то о нем Добролюбов писал в том же письме: «И вдруг Вы начинаете гладить современное общество по головке, оправдывать его переходным временем (да ведь других времен, кроме переходных, и не бывает, если уж на то пошло), видеть в нем какое-то сознательное и твердое следование к какой-то цели!.. <...> Я привык находить в Вас строгий и печально-недоверчивый взгляд на всякого рода надежды

положить, что изменения, внесенные во вторую редакцию статьи, менее всего касались оценки романа Тургенева.

Впрочем, нет сомнений, что ряд прямых и косвенных выпадов против Тургенева в публикациях Добролюбова, как в «Современнике», так и особенно в прилагавшемся к нему «Свистке»,⁵⁹ не оставался незамеченным писателем и побудил его ошибочно считать именно Добролюбова автором неподписанной статьи о Готорне. Но все эти выпады никогда не переходили определенных границ и не давали никаких оснований Тургеневу «ненавидеть» молодого, талантливого критика, оставаясь фактами литературно-общественной полемики.

Следует отметить, что Тургенев тоже не оставался в долгу. Так, в конце 1859 года в журнале «Искра» была опубликована без подписи пародия «Шестилетний обличитель», принадлежность которой Тургеневу обосновал в свое время Г. Ф. Перминов.⁶⁰ Действительно, в герое пародии Иеремии Недобобове можно было легко узнать Добролюбова.

и обещания. А тут у Вас такой розовый колорит всему придан, таким блаженством неведения все дышит, точно будто бы Вы в самом деле верите, что в пять лет <...> с нами чудо случилось, что мы поднялись, точно сказочный Илья Муромец... Точно будто в самом деле верите Вы, что мужикам лучше жить будет, как только редакционная комиссия кончит свои занятия <...>» (*Добролюбов*. Т. 9. С. 407–408). Предлагаемая заменить это «розовое» начало обзора предисловием от редакции, Добролюбов утверждал: «У нас другая задача, другая идея. Мы знаем (и Вы тоже), что современная путаница не может быть разрешена иначе, как самобытным воздействием народной жизни. Чтобы возбудить это воздействие хоть в той части общества, какая доступна нашему влиянию, мы должны действовать не усыпляющим, а совсем противным образом. <...> надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи <...>» (Там же. С. 408).

⁵⁹ Далеко не все выпады против Тургенева в «Свистке» учтены в современных исследованиях. См., например: *Генералова Н. П.* Об одной публикации Добролюбова и Некрасова в «Свистке» // Некрасовский сборник. Л., 1988. Вып. 9 / Отв. ред. Ф. Я. Прийма. С. 131–135.

⁶⁰ *Перминов Г. Ф.* Тургенев о Н. А. Добролюбова: Неизвестный фельетон-пародия Тургенева в «Искре» // *Т Сб.* Вып. 3. С. 106–118. Атрибуция была проведена на основе воспоминаний известного впоследствии ориенталиста и путешественника, а в 1860-е гг. сотрудника «Современника» и знакомого Добролюбова П. И. Пашино, опубликованных в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1881) и в газете «Минута» (1882). Аргументы в пользу авторства Тургенева были сочтены вполне достаточными, чтобы включить это произведение в *ПССиП(2)*: *Соч.* Т. 12. С. 310–313. Авторство Тургенева было также признано И. Г. Ямпольским в книге «Сатирическая журналистика 1860-х годов» (М., 1964. С. 113–114).

Написанная от лица отца шестилетнего героя, «отставного учителя российской словесности» Платона Недобובה в форме письма, пародия высмеивала раннюю приверженность мальчика к обличительству, обыгрывая таким образом нетерпимость Добролюбова к обличительной литературе. В качестве примера творческих успехов малыша отцом были приложены к письму несколько его стихотворений, в которых Тургенев, известный мастер злых и остроумных эпиграмм, едко высмеивал отдельные характерные приемы Добролюбова-критика. И все же переводить эпизоды общественно-литературной борьбы в область личных приязней и неприязней, как это выглядит в воспоминаниях Чернышевского, нет никаких оснований, как нет никаких оснований не доверять искренности писателя, признавшегося в уважении к молодому критику в статье «По поводу „Отцов и детей“». Нет оснований не доверять и Добролюбову, писавшему 12 (24) июня 1861 года Чернышевскому из Мессины, что по возвращении в Петербург он будет вновь «потешаться» над Кавелиным и Тургеневым, которых «душевно» любит.⁶¹

Однако самым убедительным доказательством неправоты Чернышевского в оценке отношений писателя к Добролюбову стал следующий после «Накануне» роман писателя «Отцы и дети», главный герой которого Базаров оказался, вопреки всяческим интерпретациям, одной из самых больших удач Тургенева-художника. Опровергая обвинения в том, что он писал «памфлет» на Добролюбова, Тургенев несколько не кривил душой.⁶² Правда состояла в том, что личность молодого талантливого критика действительно послужила одним из прототипов нового героя, на что имеется прямое указание самого писателя, отметившего в «формулярном списке» Евгения Базарова: «Смесь Добролюбова, Павлова и Преображенского».⁶³

---

⁶¹ *Добролюбов*. Т. 9. С. 473. Это письмо к Чернышевскому любопытно тем, что свидетельствует о колебаниях Добролюбова по поводу возвращения в Россию и о желании «отказаться от будущих великих подвигов на поприще российской словесности», ограничив свое участие в «Современнике» несколькими статьями в год ради заработка, «пока не выучусь другому ремеслу» (Там же. С. 474). Вскоре Добролюбов отказался от мысли жить «скромной жизнью в семейном уединении в одном из уголков Италии» и вернулся в Россию.

⁶² Недаром, отвечая на письмо А. Ф. Писемского, Тургенев писал 27 декабря 1869 г. (8 января 1870 г.): «Уж как ругают меня за статейку по поводу „Отцов и детей“! Беда! Даже Анненков вознегодовал. Вы одни взглянули прямо, сказавши, что „верно так оно на деле произошло“. Могу вас уверить, что каждое слово в этой статейке — *непреложная истина* <...>» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 116).

⁶³ *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 566. Подготовительные материалы к роману, хранившиеся в частном архиве, стали известны спустя много десятилетий после того,

Возвращаясь к «забытой» впоследствии Чернышевским статье о Н. Готорне, необходимо уточнить, кого же все-таки подразумевал автор под богатыми «литературными советниками» Тургенева, ради которых «апофеоз» Рудина обернулся «пасквилем». Думается, что ключевыми в негодующей инвективе Чернышевского являются слова «упрочивать свое состояние» и «наследство». Вряд ли это были Боткин, Анненков или Некрасов, с которыми в 1860 году Чернышевский активно общался, как это видно, в частности, из его воспоминаний, хотя В. П. Боткин действительно вошел в права наследства после смерти отца в 1853 году. Однако если учесть, что именно в это время развернулся завершающий этап так называемого «огаревского дела», в котором Тургенев, поддержавший «лондонских пропагандистов» (А. Я. Панаева даже считала, что именно он подбил Огарева вернуться к нему⁶⁴), и Чернышевский оказались на противоположных сторонах,⁶⁵ то не покажется неожиданным

как отшумели споры о том, кто же такой Базаров. Они были обнародованы впервые английским тургениеведом П. Уоддингтоном лишь в 1984 г. Любопытно, что в том же «формулярном списке» отмечено: «...Нигилист. Самоуверен, говорит отрывисто и немного — работящ. <...> Художественного элемента не имеет и не признает. <...> В сущности — бесплоднейший субъект — антипод Рудина — ибо безо всякого энтузиазма и веры. <...> Независимая душа — и гордец первой руки» (Там же). Этот документ помечен августом 1860 г., с местом написания: Вентнор (на о. Уайте), как и писал Тургенев в статье «По поводу „Отцов и детей“». Сопоставление с Рудиним возникло в опровержение мнения кого-то из друзей писателя, кому он рассказал план будущего романа (см. об этом в указанной статье Тургенева). Что касается двух других лиц, послуживших прототипами образа Базарова, то один из них — литератор и врач И. В. Павлов — хорошо известен исследователям (см. примеч. А. И. Батюто: Там же. С. 719–720). По поводу личности упомянутого Тургеневым Преображенского до сих пор исследователи не пришли к единому мнению (см.: *Генералова Н. П., Хитрово Л. К.* К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?) // *Тургенев. НИИМ* (3). С. 329–340).

⁶⁴ См.: *Панаева (1972)*. С. 284, 449.

⁶⁵ Описывая ход этого дела, Анненков писал Тургеневу 29 декабря 1860 г. (10 января 1861 г.): «Авдотья (Панаева. — *Н. Г.*) точно отдала имение (старое огаревское) и приплатила денег точно; за ней осталось только десятилетнее пользование чужим добром, но русский человек за этим не гонится. Хорошо, что всего не проглотила непотребная ее утроба. Милее всего, что Чернышевский, когда она отдавала назад кусок за куском из похищенного брашна — подбирал их, приносил на рассмотрение Сатину, старался подменить их еще ложными бумажными фигурками и проч. Он очень много должен деньгами Некрасову (7000 р., по словам последнего), но на такую службу никто не считал его способным, однако ж видно, в обширном сердце его есть всему место. О, погляди-ка на нас ты — лучезарный моралист земли нашей — Белинский! Однако, гадко» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 95).

ным предположение, что именно Герцена и Огарева имел в виду Чернышевский, говоря о богатых литературных советниках Тургенева, склонивших его к порицанию Бакунина, который нередко пользовался финансовой поддержкой своих состоятельных друзей. Отношения же с лондонскими политическими эмигрантами действительно достигли к этому времени пика напряжения.

Напомним, что после открытого и резкого выступления Герцена в «Колоколе» против «Современника» в статье «Very dangerous!!!» (Л. 44 от 1 июня 1859 г.) редакция журнала приняла решение послать кого-то в Лондон для выяснения отношений. Посланцем от «Современника» оказался Чернышевский, который провел в Лондоне несколько дней и имел несколько бесед с Герценом.⁶⁶ Однако встреча не была слишком продуктивной, непонимание между двумя поколениями революционеров сохранялось. И Герцен и Чернышевский остались недовольны результатами встречи. Свидетельством тому стала вторая статья Герцена, направленная против редакции «Современника» — «Лишние люди и желчевики», опубликованная 3 (15) октября 1860 года в «Колоколе» (Л. 83).⁶⁷

В своих воспоминаниях Чернышевский, пытаясь определить причины разрыва Тургенева с Некрасовым, главную роль отводил Герцену: «Авторитет Герцена был тогда всемогущ над мнением массы людей с обыкновенными либеральными тенденциями, т. е. тенденциями смутными и шаткими. Тургенев ничем не выделялся в своем образе мыслей из толпы людей благонамеренных, но не имеющих силы ни ходить, ни стоять на своих ногах, вечно нуждающихся в поддержке и руковод-

---

⁶⁶ Наиболее полно и объективно этот эпизод литературно-общественной борьбы 50-х гг. изложен, на наш взгляд, в статье Б. П. Козьмина «Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 году и его переговоры с А. И. Герценом» (*Козьмин Б. Литература и история / Вступит. ст. и примеч. Э. С. Виленской. 2-е изд. М., 1982. С. 38–73*).

⁶⁷ Наряду с выпадами против Добролюбова и Чернышевского в статье содержался резкий выпад против Н. А. Некрасова, которого Герцен обвинил в неискренности и присвоении чужих денег: «Мы не привыкли к тому, что можно лгать духом и торговать талантом так, как продажные женщины лгут телом и продают красоту, мы не привыкли к барышникам, отдающим в рост свои слезы о народном страданье, ни к промышленникам, делающим из сочувствия к пролетарию оброчную статью. <...> Поверьте, что гонитель неправды, сзывающий позор и проклятие на современный срам и запустение и в то же время запирающий в свою шкатулку деньги, явно наворованные у друзей своих, при теперешнем брожении всех понятий, при нашей распушенности и удобовпечатлительности вреднее и заразительнее всех праздных и лишних людей, желчевых и слезливых!» (*Герцен. Т. 14. С. 327*).

стве. Конечно, ему трудно было оставаться другом человека (Некрасова. — *Н. Г.*), которого чернит руководитель массы, к которой принадлежал он. <...> разумеется, слишком долго не мог он выдерживать давления авторитета Герцена. И кончилось тем, что он поддался Герцену».⁶⁸ Излишне говорить, насколько несправедливо это утверждение. Не пройдет и двух лет, как Тургенев вполне определится в своих отношениях с главным «лондонским пропагандистом», а в начале 1863 года, давая ответы на допросные пункты Сенатской комиссии в связи с «делом 32-х» («дело о сношениях с лондонскими пропагандистами»), чистосердечно признается, что чем более Герцен увлекался пропагандой, тем более он «становился ему <...> чуждым».⁶⁹

Возвращаясь к началу нашей статьи, обратим внимание на одно различие, которое обнаруживается в статье М. О. Габель «Творческая история романа „Рудин“» и в ее же комментариях к роману в пятом томе первого академического издания Тургенева, на которые она не раз ссылается в своей статье в «Литературном наследстве». Рассматривая в специальной подглавке («Чернышевский и Тургенев в 1860 г.») отношение Чернышевского ко второму эпилогу романа,⁷⁰ где герой погибает на парижских баррикадах, исследовательница ставит вопрос, мог ли Чернышевский при написании статьи о Готорне знать о характере второго эпилога. Приведа письмо Тургенева к Герцену от 2 (14) июня 1860 года, в котором писатель просил прислать ему журнальные тексты «Поездки в Полесье» и «Аси» в связи с подготовкой собрания сочинений в издании Основского, М. О. Габель высказывает гипотезу, что текст «Рудина» был просмотрен Чернышевским ранее.⁷¹ Это предположение неверно, поскольку сохранившиеся письма к Тургеневу Н. А. Основского свидетельствуют о том, что работа над «Рудиным» велась значительно позже.

Отвечая на несохранившееся письмо Тургенева, 22 августа (3 сентября) 1860 года Основский писал: «Все исправления, дорогой Иван Сергеевич, я получил, и все будет исправлено. В первом томе и будут заключаться „Записки охотника“ с прибавлением: „Поездки в Полесье“

⁶⁸ *Чернышевский*. Т. 1. С. 734.

⁶⁹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 311.

⁷⁰ Напомним, что первый эпилог романа (встреча постаревшего Рудина с Лежневым в гостинице губернского города), напоминающий по объему скорее дописанную главу, тоже, судя по всему, появился при доработке романа после обсуждения его в кругу литературных друзей (Боткина, Некрасова, Анненкова, Дружинина и др.) (см.: Там же. С. 471).

⁷¹ *Габель М. О.* Творческая история романа «Рудин». С. 61.

и „О соловьях“». И тут же замечал: «Надеюсь, что и конец к „Рудину“ проскочит».⁷² Таким образом, можно сделать вывод, что второй эпилог к роману был написан к середине августа.

Свое ошибочное заключение о времени написания второго эпилога «Рудина» М. О. Габель сделала, опираясь еще на одно неверное допущение. Из воспоминаний Чернышевского стало известно, что Тургенев просил его через И. И. Панаева не откликаться печатно на дописанный эпилог к «Рудину». Вот что писал Чернышевский: «Не умею определить теперь, через сколько времени после того, как он был в первый раз напечатан, Тургенев издал собрание своих сочинений. Панаев, отдавая мне экземпляр этого издания, передал мне желание Тургенева, что если я буду писать что-нибудь об этом издании, то чтоб я не упоминал о прибавлении, которое он сделал к „Рудину“: роман теперь кончается тем, что Рудин участвует в одном из парижских народных восстаний (Панаев, разумеется, называл, в каком именно, но я теперь не умею припомнить в каком: в июньском ли междоусобии, или в февральской революции), сражается геройски и умирает славною смертью бойца за свободу. Если журналы выставят на вид этот эпилог, все издание может подвергнуться запрещению и потому не надобно говорить о нем. Желание Тургенева, если только следует называть это желанием, а не заявлением справедливого авторского требования, которому честные люди обязаны повиноваться по внушению совести, конечно, было принято мной с полным одобрением; но так как из этого вышло, что мне, обязанному не писать об эпилоге, нет и надобности прочесть его, то я и оставил его не прочтенным; потому не знаю, хорош ли он в художественном отношении и

---

⁷² ИРЛИ. Ф. 7. № 149. Л. 1–1 об. О том, что в момент написания письма издатель уже имел в руках доработанный текст романа, свидетельствует следующая фраза: «Кстати о „Рудине“». Одно место меня ввело в сумнение, именно: на странице 264 напечатано: „Худо то, что он не честен. Ведь он умный человек: он должен же знать цену слов своих, — а произносит их так, как будто они ему *что-нибудь стоят*“. Именно подчеркнутые слова меня ввели в сумнение» (Там же. Л. 1 об.). Прочитанные Основским слова Лежнева о Рудине из главы VI остались без изменений. По-видимому, в одном из не дошедших до нас писем Тургенева к Основскому было сделано указание пустить 4-й том перед 2-м и 3-м, поэтому речь в письме Основского идет только о 1-м и 4-м томах. В письме от 21 октября (2 ноября) Основский, думая, что Тургенев не получил двух его предыдущих писем, повторяет новости о первом томе, «давно» отпечатанном, о четвертом томе он уже сообщает: «4-й том, в который вошли три большие вещи, именно: „Рудин“, „Дворянское гнездо“ и „Накануне“ — кончен сего дня» (Там же. Л. 5). К этому времени цензурное разрешение на тома уже получено, то есть второй эпилог «Рудина» «проскочил».

может ли выгодный для репутации Рудина конец заставить простить ему те слабости или дурные качества, которые в целом длинном романе навязывал ему автор. Но важен ли сам по себе или маловажен этот эпилог, он заслуживает большого внимания, как факт, доказывающий стремление Тургенева заглазить сделанную ошибку, когда достало у него характера и умения».⁷³

Можно предположить, что просьба Тургенева была передана Панаевым (к сожалению, никакими дополнительными документальными свидетельствами этот факт не подтверждается) либо в октябре 1860 года, когда вышел в свет четвертый том собрания Основского, либо в феврале 1861 года, когда вышел последний (второй по нумерации) том издания. Важнее другое. Вопреки утверждению М. О. Габель, что «просьбу к Чернышевскому не откликаться на новый эпилог Тургенев мог передать через Панаева только во время своего пребывания в Петербурге — с 9/21 февраля по 24 апреля / 6 мая»⁷⁴ 1860 года, Чернышевский, когда писал свою рецензию на книгу Готорна, не мог знать ни о том, что второй эпилог к роману будет написан, ни тем более его содержание. Написанный же эпилог он справедливо воспринял как «ответ» писателя на упреки, прозвучавшие в этой статье. Именно таким образом трактуется второй эпилог в комментариях к роману в первом и втором академических изданиях Тургенева.⁷⁵ Однако с полной уверенностью утвер-

---

⁷³ *Чернышевский*. Т. 1. С. 740. В комментариях к этому фрагменту воспоминаний допущена существенная ошибка. Здесь читаем: «Эпилог, в котором рассказывается о смерти Рудина на парижских баррикадах <...> был добавлен Тургеневым лишь при переиздании „Рудина“ в составе III тома „Повестей и рассказов“ Тургенева, изданных в 1856 г. Вопреки сообщению Чернышевского, эпилог к „Рудину“ был ему известен; мало этого, несмотря на просьбу Тургенева, <...> он упомянул об этом эпилоге в печати. Говоря о кружке западников 40-х годов, Чернышевский в 5-й главе „Очерков гоголевского периода“ писал: „И кто хочет перенестись на несколько минут в их благородное общество, пусть прочитает в «Рудине» рассказ Лежнева о временах его молодости и удивительный эпилог повести г. Тургенева“» (Там же. С. 814, примеч. 14). В свете приведенных данных нет никаких сомнений, что Чернышевский говорил о первом эпилоге к роману.

⁷⁴ *Габель М. О.* Творческая история романа «Рудин». С. 61.

⁷⁵ См.: *ПССиП(1)*. Соч. Т. 6. С. 570; *ПССиП(2)*. Соч. Т. 5. С. 484. Указанное различие в статье М. О. Габель из «Литературного наследства» и в ее же комментариях к роману в *ПССиП* так бы и осталось загадкой, если бы не сохранившиеся протоколы заседаний и материалы Тургеневской группы, готовившей первое академическое издание Тургенева, на которые мне любезно указала В. А. Лукина, работавшая с ними в рамках подготовки второго академического издания Тургенева. Оказалось, что большая статья М. О. Габель «Творческая история романа „Рудин“»

ждать, что, дописывая «революционный» эпилог к роману в 1860 году, писатель имел в виду статьи Чернышевского и Добролюбова, а не действовал по внутреннему художественному убеждению, мы, конечно, не можем.

Объективно Тургенев оказался между двух огней. С одной стороны — Герцен и Огарев, с которыми связывали общность убеждений и многолетние дружба и сотрудничество,⁷⁶ с другой — Некрасов и «Современник», с которыми также были старые и налаженные связи. Резкое «полевение» журнала с приходом в него Чернышевского, затем и Добролюбова не могло не беспокоить писателя, видевшего, что «Современник» все более становится не столько литературной, сколько политической силой. При всех симпатиях и антипатиях Тургенев был и оставался прежде всего художником, о чем неоднократно заявлял публично и в чем, разумеется, был глубоко убежден сам. Однако, будучи живописцем «быстро изменявшейся физиономии русских людей культурного слоя», как он сам выразился в Предисловии к романам, написанном в августе 1879 года,⁷⁷ он понимал, что так или иначе его произведения должны были становиться предметом заинтересованного обсуждения. Отсюда нередкие попытки напрямую «объясниться» с читателями и критиками. Характерно, что в упомянутом Предисловии Тургенев, припоминая критические выступления по поводу его романов, в частности о «Накануне», прямо назвал статью Добролюбова «самою выдающеюся».⁷⁸

Отвергая в очередной раз упреки в тенденциозности, отстаивая право художника на собственное видение, Тургенев формулирует свое творческое credo: «Поверьте: талант настоящий никогда не служит посторонним целям и в самом себе находит удовлетворение; окружающая его

была написана для «Литературного наследства» раньше, чем подготовленные ею комментарии к роману для *ПССиП(1)*, однако опубликована позже (в 1967 г.). Шестой том с романом «Рудин» вышел в свет в 1962 г. и был значительно доработан по замечаниям рецензентов (Е. А. Гитлиц, А. П. Могиланского) и прежде всего редактора тома Н. В. Измайлова, о чем свидетельствуют его письма к М. О. Габель, хранящиеся в ИРЛИ. Учтя публикацию статьи Габель из «Литературного наследства» во втором академическом издании Тургенева (*ПССиП(2)*). *Соч.* Т. 5. С. 473, 482, 485), редакторы тома (Н. В. Измайлов и Е. И. Кийко) не указали на ошибку, вкравшуюся в ее статью.

⁷⁶ См., например, не потерявшую значения статью С. А. Рейсера «Тургенев — сотрудник „Колокола“»: И. С. Тургенев: Материалы и исследования / Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940. С. 136–147.

⁷⁷ *ПССиП(2)*. *Соч.* Т. 9. С. 390.

⁷⁸ Там же. С. 391.

жизнь дает ему содержание — он является ее *сосредоточенным отражением*; но он так же мало способен написать панегирик, как и пасквиль... В конце концов — это ниже его. Подчиниться заданной теме или проводить программу могут только те, которые другого, лучшего не умеют».⁷⁹

---

⁷⁹ Там же. С. 396.

Патрик Уоддингтон

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТУРГЕНЕВА
С ГЕНРИ ФОЗЕРГИЛЛОМ ЧОРЛИ**

(С приложением неопубликованного письма Тургенева)*

Полностью история длительного общения Тургенева с Генри Фозергиллом Чорли (1802–1872), будучи неразрывно связанной с оперной карьерой Полины Виардо-Гарсиа, должна быть рассказана в другом месте. Чорли был выдающимся музыкальным критиком, и глубокое восхищение Полиной Виардо, которую он ставил выше всех остальных певиц своего времени, побуждало его укреплять ее славу, по крайней мере в Англии, на протяжении нескольких десятилетий в восторженных рецензиях, помещаемых в лондонском журнале «Атенеум». Но, кроме того, Чорли был поэтом, драматургом, новеллистом и литературным критиком и в роли последнего оказал также некоторое влияние на репутацию Тургенева в Англии.

---

* Настоящая работа является переводом дополненного варианта статьи Патрика Уоддингтона «Turgenev's Relations with Henry Fothergill Chorley (with an unpublished letter)», впервые опубликованной в журнале «New Zealand Slavonic Journal» (1978. № 2. P. 27–39). Письмо Тургенева вошло в издание: *ПССУП(2). Письма*. Т. 1. С. 334–336. — *Ред.*

Дополнительные сведения о взаимоотношениях Тургенева и Чорли содержатся в нашей статье: Henry Chorley, Pauline Viardot and Turgenev: A Musical and Literary Friendship // *The Musical Quarterly*. 1981. Vol. 67. № 2. P. 165–192, перевод которой появится в следующем выпуске. Кроме того, следует иметь в виду вышедшую позднее фундаментальную монографию о Чорли: *Bledsoe Robert Terrell. Henry Fothergill Chorley, Victorian journalist*. Aldershot (Hampshire); Brookfield (Vermont), 1998. — *П. У.*

Настоящая статья несколько неравнозначно распадается на две отчетливые части: в первой говорится о начальном расцвете дружбы Тургенева и Чорли, проиллюстрированной примечательным документом, а затем об их дальнейших связях на литературном поприще.

1

Чорли был сложной и одинокой натурой, и Тургенев, несомненно, любил его, главным образом, за его преданность Полине Виардо. В одном письме к ней 1850 года читаем: «Он вас любит; как же мне его не любить?». ¹ Чорли и Тургенев впервые сблизились весной 1849 года в Париже, в то время когда Полина готовила свою великую роль — Фидес в опере Мейербера «Пророк». Они пообедали вместе в ресторане перед тем, как стать свидетелями ее триумфа в премьерном спектакле. В течение последующих месяцев они поддерживали оживленную переписку, и следует надеяться, что не только то письмо, которое мы публикуем здесь, но и другие письма Тургенева к Чорли когда-нибудь обнаружатся. А пока необходимо более подробно рассмотреть ту обстановку, в которой было написано публикуемое письмо.

Большую часть осени 1849 года Тургенев провел в Куртавнеле вместе с Полиной (и ее мужем). Как видно из его ранних писем к ней, а также из отчасти автобиографической пьесы «Месяц в деревне», у них было заведено сообща читать современные романы или стихи. В июле 1845 года, например, это был роман Жорж Санд «Мопра»; в июне 1849 года — гётевская идиллия «Герман и Доротея». ² Теперь же, в течение сентября и октября 1849 года, они читали в основном «Ярмарку тщеславия», вероятно недавнее издание Галиньяни. Не последним из присущих им обоим талантов было необычайно хорошее знание основных европейских языков.

30 октября Полина Виардо участвовала в отпевании Шопена, а Тургенев присутствовал в церкви Мадлен, наблюдая траурную церемонию. 27 октября Чорли поместил в «Атенеуме» некролог Шопена, но не был приглашен на похороны. Это обстоятельство, вкупе с необходимостью оповестить друга о том, чем еще занималась Полина, послужили основным стимулом к написанию письма Тургенева к Чорли от 6 ноября н. ст. 1849 года. Как обычно, Тургенев чувствовал потребность защитить г-жу

---

¹ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 31. Подлинник по-франц.

² Там же. С. 16, 29. Подлинник по-франц.

Виардо от обвинений со стороны врагов и упрочить ее превосходство над всеми соперницами и коллегами. Упоминание о злополучном теноре Гюставе Роже (1815–1879) — красноречивая иллюстрация этого желания, так же как и намек на «республиканский банкет» — в действительности невинный ужин, который дали супруги Виардо 8 августа в Лондоне, в доме на Клифтон-Вилла, 27, Мейда Вейл, в честь своих друзей Араго, Ледрю-Роллена и Луи Блана.³

Тургенев жил теперь в квартире на улице Порт-Магон, в нескольких минутах ходьбы от Оперы на улице Пелетье. Он чувствовал все возрастающую оторванность от России; его творческая активность уменьшалась, угрожая вовсе сойти на нет; а личные отношения с Полиной вступили в сложную и мрачную фазу. Он был практически постоянно в это время болен страшившей его «невралгией мочевого пузыря» (вероятно, формой простатита). Однако все это не нашло отражения в письме к Генри Чорли, где он преимущественно по-рыцарски описывает восстановившееся здоровье и хорошее настроение Полины, которые не омрачила потеря ее малосимпатичной золовки Женни.⁴

Вот это письмо, публикуемое с любезного разрешения Синдиков Фицвильямского музея в Кембридже.⁵

---

³ *Lettres inédites de George Sand et de Pauline Viardot (1839–1848)* / Ed. Thérèse Marix-Spire. Paris, 1959. P. 286.

⁴ О трех некрасивых сестрах Луи Виардо см.: *Ibid.* P. 209, 218–219, а также: *Nouv corr inéd.* Т. 1. P. 24 и др.

⁵ MSS General Series. Письмо занимает 3½ страницы в 8-ю долю листа. Приобретено Друзьями Фицвильямского музея на аукционе Сотбис 29–30 июля 1940 г. (№ 550, второй день); возможно, это же самое письмо было продано ранее в составе коллекции миссис Толлер, Ландсдаун Хаус, Дидсбери, Манчестер (13–14 июля 1931 г., № 418). В каталоге 1940 г. описано содержание этой коллекции, но ни один из документов не процитирован. Здесь письмо, по решению редакции, воспроизводится с исправлением некоторых особенностей подлинного тургеневского написания и пунктуации, согласно правилам, принятым в настоящем издании. Так, в словах вроде «maitre», «gaité» и «hotel» Тургенев часто не очень-то заботился о «сирконфлексах». Другие диакритические знаки также нередко пропущены («eté» вместо «été» в одном месте) или поставлены неправильно («éxécuté» вместо «exécuté», «régistre» вместо «registre»). Среди других неточностей, почти обычных в тургеневское время, можно отметить использование заглавных букв для обозначения дней недели и месяцев («Lundi» вместо «lundi», «Novembre» вместо «novembre»), пропуск дефиса в инверсиях или императивах («portez vous bien»; но проставлен ненужный дефис в «tout-à fait») и неправильное согласование в причастиях прошедшего времени («les dons... qu'il a reçu»). Среди прочих ошибок отметим «dureste»

Paris, ce 6 novembre 49.

J'avais eu l'intention de vous écrire le lendemain de la première représentation du «Prophète», mon cher Monsieur Chorley — mais je n'ai fait qu'ajouter un pavé au chemin de l'enfer — vous savez qu'on dit qu'il est pavé de bonnes intentions. Cependant je n'en ai pas voulu avoir le démenti et je vous écris aujourd'hui. Je commencerai donc par vous dire de notre amie qu'elle a été «rather nervous» à la première représentation, grâce au bruit, qui s'était propagé, qu'on voulait lui faire une mauvaise réception pour la punir d'avoir assisté à un banquet républicain à Londres. Ce banquet est, comme vous le savez bien, une fable absurde — mais ces messieurs *honnêtes et modérés* n'y regardent pas de si près, quand il s'agit de calomnier et d'insulter les gens, qui ne peuvent pas se défendre. — La réception de Mme Viardot a été superbe — et ces braves messieurs n'ont pas donné signe de vie: cependant l'appréhension qu'elle avait ressentie — avait suffi pour lui ôter une partie de ses moyens — et elle n'a été vraiment elle-même que dans le 5-me acte. Mais dès la seconde soirée elle a reparu plus triomphante que jamais. Vous avez dû lire dans les journaux qu'elle a aussi chanté le «Requiem» de Mozart aux obsèques de ce pauvre Chopin. L'église de la Madeleine est malheureusement fort peu sonore ou plutôt elle l'est beaucoup trop — les sons s'y confondent et s'y perdent. Cependant elle a chanté sa partie avec une voix magnifique et ce style d'Eglise simple et grandiose, dont elle possède le secret. La cérémonie funèbre a du reste été très belle et très touchante; — ce n'était pas une cérémonie — c'étaient de véritables adieux adressés à un être chéri. Il y avait beaucoup de femmes dans l'église et beaucoup d'entr'elles pleuraient sous leur voile. L'orchestre^a a joué une Marche de Chopin, triste et gémissante; on a aussi exécuté un petit prélude de

---

вместо «du reste», «tremblotements» вместо «tremblements», «entr'elles» вместо «entre elles» и «magasin» вместо «magasin» (ср. «magazine»).

Более интересна, без сомнения, специфическая пунктуация Тургенева. Он не только нисколько не беспокоится о последовательности в расстановке скобок или кавычек; как и большинство активных корреспондентов своего времени, писавших на многих европейских языках, он вводит тире всякий раз, когда более «правильные» знаки кажутся слишком определенными (особенность, присущая и русским текстам писателя), слишком рискованными или неудовлетворительными в других отношениях. Иногда тире даже усиливает запятую, точку с запятой или точку; иногда оно появляется там, где ни по каким правилам пунктуации оно вообще не должно употребляться, но где кажется, что необходима некая пауза (как, например, в предложении «L'appréhension qu'elle avait ressentie — avait suffi...»). В абзаце, начинающемся со слов: «Le Prophète fait rage...», Тургенев вставляет заключенное в круглые скобки вводное предложение между тире и ставит ненужную точку внутри самих скобок. Наконец, следует привлечь внимание к чрезвычайно редким примерам калькирования русского синтаксиса — только они одни и выдают тот факт, что французский язык не был родным языком Тургенева: выражение «Nous avons lu avec elle» (от «мы с...») и запятая перед относительными местоимениями (русские «который» и т. д.) в предложениях «grâce au bruit, qui s'était propagé...» и «au rang, où il est appelé».

^a Было: orgue (орган)

lui sur l'orgue qui aurait été encore plus touchant, si l'organiste n'avait pas abusé du registre surnommé «de la voix humaine» qui n'est après tout qu'une jonglerie indigne d'un instrument aussi imposant que l'orgue — et qui avec ses tremblements chevrotants et nasillards — en fait de voix humaine, imite tout au plus celle d'une vieille femme. A propos — votre article sur Chopin dans l'«Athenæum» m'a fait beaucoup de plaisir; je crois qu'il est difficile d'être à la fois sympathique et plus juste: c'est ainsi qu'il faut parler des morts.

Vous savez probablement qu'on s'occupe maintenant de monter les «Huguenots» avec Roger. — Il faut l'avouer — entre nous — Roger baisse à vue d'œil; sa voix devient presque pénible à entendre; elle est lourde, fatiguée; il ne peut plus chanter piano; les transitions d'une note à l'autre sont heurtées — sa voix est endolorie en un mot — comme les jambes d'un cheval qu'on a forcé — et qui ne peut plus marcher au pas.⁶ Il fera bien dans les «Huguenots» — comparativement aux autres; et cependant — ce n'est certainement pas un grand acteur — malgré tout son aplomb et ses petits détails de gestes et de jeu de physionomie — quelqu'un a comparé sa manière de jouer avec l'étalage d'un magasin de modes.

Pour en revenir à Mme Viardot — je vous dirai que sa santé est très bonne et qu'elle est in high spirits — d'une gaîté active et réfléchie — comme vous la connaissez. — Elle est en deuil maintenant; une des sœurs de Viardot est morte. — Vous savez que Mme Viardot va à Berlin chanter le «Prophète» pendant les mois d'avril et de mai. — Nous avons lu avec elle à la campagne une grande partie de «Vanity Fair». C'est un bon ouvrage, vigoureux et sage, très fin et très original; mais pourquoi faut-il qu'à chaque instant l'auteur intervienne entre le lecteur et ses personnages — et se met à débiter avec une «self-complacency» tout à fait sénile des réflexions qui pour la plupart sont aussi pauvres et plates que⁸ les caractères sont tracés de main de maître. — Mr Thackeray est un esprit remarquable qui a vu beaucoup et loin — et qui a de belles qualités d'écrivain; mais si son talent est grand — les habitudes de son talent sont petites et quelquefois malades; il faut qu'il s'en défasse pour compter au rang où il est appelé par les dons très rares et très harmonieux, qu'il a reçu de la Nature.

«Le Prophète» fait rage; — hier lundi — (je vous écris un mardi) — il m'a été impossible de trouver la moindre place. — La vogue est décidément revenue à l'opéra.

J'espère que nous aurons le plaisir de vous voir ici pendant l'hiver; nous comptons tous là-dessus. — Je vous remercie beaucoup de votre souvenir dans⁷ vos lettres à Mme Viardot; croyez que j'attache un grand prix à votre amitié — si vous me permettez d'employer ce mot. — Portez-vous bien et n'avez pas trop de «troubles»; acceptez ce désir cordial et une bonne poignée de main de la part de

votre tout dévoué

J. Tourguéneff.

Rue et Hôtel de Port-Mahon, № 9.

---

⁶ *Далее зачеркнуто*: Cependant il (Однако он)

⁸ *Далее зачеркнуто*: le récit et (повествование и)

⁷ *Далее зачеркнуто*: les

С французского:

Париж, 6 ноября 49.

У меня было намерение написать вам на следующий же день после первого представления возобновленного «Пророка», дорогой господин Чорли, — но я всего лишь добавил камень ко всем тем, которыми вымощена дорога в ад, — вы ведь знаете, говорят, она вымощена благими намерениями. Однако мне не хотелось искать в этом оправдания, и я пишу вам сегодня. Начну, пожалуй, с сообщений о нашем друге: она была «rather nervous»^a на первом представлении из-за распространившегося слуха о том, что ей хотят устроить скверный прием, дабы наказать за то, что она принимала участие в республиканском банкете в Лондоне. Этот банкет, как вы хорошо знаете, — нелепая басня — но эти *добропорядочные и умеренные* господа не слишком-то разборчивы, когда речь заходит о том, чтобы оклеветать и оскорбить людей, которые не в состоянии себя защитить. — Г-жу Виардо приняли превосходно — и эти отважные господа не подали признаков жизни; однако опасений, которые она испытала, оказалось достаточно, чтобы не позволить ей до конца раскрыть свои возможности — и она по-настоящему стала сама собой лишь в 5-м акте. Но, начиная со второго спектакля, она предстала еще более блистательной, чем когда-либо. Вы, должно быть, читали в газетах, что она также пела «Реквием» Моцарта на похоронах бедного Шопена. В церкви Мадлен, к сожалению, не очень хорошая акустика или, пожалуй, уж слишком хорошая — она гулкая, звуки там смешиваются и теряются. Тем не менее она спела свою партию великолепно, в том церковном — простом и величественном — стиле, секретом которого она обладает. Траурная церемония вообще была очень красивой и трогательной. Это были не просто похороны — это было подлинное прощание с дорогим человеком. В церкви было множество женщин, и многие из них плакали под своими вуалями. Оркестр сыграл «Марш» Шопена, печальный и жалобный; была также исполнена его маленькая прелюдия для органа, которая была бы еще более трогательной, если бы органист не злоупотреблял одним регистром, так называемым «человеческим голосом», который, что бы там ни говорили, является просто фиглярством, недостойным такого величественного инструмента, как орган; если своим бляением и гнусавым дрожанием он действительно напоминает человеческий голос, то скорее всего — голос старухи. Кстати, ваша статья о Шопене в «Athenæum» доставила мне большое удовольствие: мне кажется, трудно проявить одновременно бóльшую симпатию и бóльшее чувство справедливости; именно так и следует говорить об ушедших.

Вы, вероятно, знаете, что сейчас готовится постановка «Гугенотов» с Роже. — Надо признаться — между нами — Роже сдает прямо на глазах; слушать его становится просто тягостно. Голос его тяжелый, надломленный; он уже не может петь *riano*^b; переход от одной ноты к другой идет с надрывом; одним словом, голос у него натруженный, как ноги заезженной лошади, которая не может больше идти даже шагом. Он будет хорош в «Гугенотах» — по сравнению с другими; однако же, не-

^a «довольно нервозна» (англ.).

^b тихо (итал.).

сомненно, он не великий актер, несмотря на всю его самоуверенность, и жесты, и мимику — кто-то сравнил его манеру игры с витриной модного магазина.

Возвращаясь к г-же Виардо, — скажу, что чувствует она себя хорошо и находится *in high spirits*^в — в состоянии деятельного и вдумчивого оживления, — такая, какой вы ее знаете. — Нынче она в трауре: умерла одна из сестер Виардо. — Вы знаете, что в апреле и мае г-жа В<иардо> отправляется в Берлин петь «Пророка». — Мы прочли с нею в деревне много из «*Vanity Fair*»^г. Это хорошая вещь, сильная и мудрая, весьма остроумная и оригинальная. Но зачем понадобилось автору поминутно встревать между читателем и героями и с каким-то прямо-таки старческим «*self-complacence*»^д пускаться в рассуждения, которые большей частью настолько же бедны и плоски, насколько мастерски обрисованы характеры. — Г-н Теккерей — замечательный ум, он многое увидел и предвидел; у него прекрасные данные для писателя. Но если талант его велик, то приемы мелки и порой немощны. Ему надо от них освободиться, чтобы занять то положение, к которому призывают его столь редкие и столь гармоничные качества, дарованные ему Природой.

«Пророк» имеет бешеный успех. Вчера, в понедельник (я вам пишу во вторник), мне так и не удалось найти себе местечка. Решительно, опера вновь вошла в моду.

Надеюсь, мы будем иметь удовольствие видеть вас здесь зимой; мы все на это рассчитываем. — Благодарю вас за упоминание обо мне в ваших письмах к г-же Виардо; поверьте мне, я придаю огромное значение вашей дружбе, если позволите мне употребить это слово. — Доброго вам здоровья и поменьше «*troubles*»^е — примите это сердечное пожелание и искреннее рукопожатие от

совершенно вам преданного

И. Тургенева.

Улица и гостиница Порт-Магон, № 9.

2

Хотя высказанное в письме желание Тургенева увидеться с Чорли в ближайшие месяцы было, несомненно, осуществлено, по возвращении Тургенева в Россию и в последовавшее за этим время заключения под стражу и ссылки в Спасское связь между ними вскоре была потеряна. Однако в 1850-е годы они поддерживали переписку, слали приветы и хвалили друг друга в письмах к супругам Виардо.⁶ Тургенев, к тому же, использовал дружбу с Чорли в личных целях. Например, в декабре 1852 года, в связи с кропотливыми изысканиями о Пушкине, которые

^в в превосходном настроении (англ.).

^г «Ярмарки тщеславия» (англ.).

^д «самодовольством» (англ.).

^е «хлопот» (англ.).

⁶ *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. 44, 46–47, 62, 73; *Lettres inéd.* Р. 30, 66. Ср.: ПССУП(2). Письма. Т. 2. С. 31, 43, 121, 150, 164, 197, 229, 245.

проводил П. В. Анненков, Тургенев написал Чорли, чтобы узнать его мнение о таинственном «Ченстоне», драма которого «The Covetous Knight», как предполагалось, послужила основой для пушкинского «Скупого рыцаря». Чорли не отвечал почти месяц; но его ответное письмо с предположением о том, что если речь идет о Вильяме *Шенстоне*, поэте в духе Гварини, то Пушкин, должно быть, разыграл своих читателей, не вполне удовлетворило Тургенева. В феврале 1853 года он снова обратился к Чорли, на этот раз с просьбой проконсультироваться с Пейн Кольером, шекспироведом с неоднозначной репутацией, часто публиковавшим статьи в «Атенеуме». Позднее, когда Полина Виардо отправилась в Лондон на летние гастроли, он просил ее поторопить Чорли с ответом. И лишь в середине июня получил от него второй и окончательный ответ, гласивший, что английского писателя по имени *Ченстон* никогда не существовало и все это, должно быть, была действительно мистификация.⁷ Пушкинисты, по большей части, вынуждены были прийти к тому же выводу; но какая великолепная ирония заключается в том, что именно Кольеру, автору несколько смелых литературных мистификаций, пришлось в этом деле сказать последнее слово!

В письме к Чорли от февраля 1853 года Тургенев, по-видимому, также спрашивал его мнение о Гоголе.⁸ Очень может быть, что он говорил о Гоголе и в более раннем письме, так как в рождественском номере «Атенеума» за 1852 год в колонке «Weekly Gossip» («Еженедельные толки») была напечатана следующая заметка: «Даже в наши дни железных дорог и электрических телеграфов литературные вести из России доходят до нас черепашьими шагами. Поэтому только теперь узнали мы, что Россия потеряла в лице Николая Васильевича Гоголя одного из самых популярных своих писателей. Он умер в прошлом марте в Москве».⁹ Автором этой заметки был В. Х. Лидс, у которого мог быть, разумеется, и другой источник информации; но интересно отметить, что сам Чорли, говоря о предстоящем визите Полины Виардо в Петербург, писал в том же самом выпуске «Атенеума» о новой опере Антона Рубинштейна, о которой ему только что рассказывал «один русский друг». Весьма вероятно, что это был Тургенев. Действительно, Тургенев дол-

---

⁷ Там же. С. 182, 198–199, 229, 241.

⁸ Там же. С. 229.

⁹ Athenæum. 1852. 25 December. № 1313. P. 1428. Авторство отдельных анонимных статей в «Атенеуме», как в случае с Чорли, может быть установлено на основании аннотированных экземпляров газеты, хранящихся в архиве «New Statesman» в Лондоне.

жен был сообщить Чорли о злополучных последствиях своей заметки по поводу смерти Гоголя («Письмо из Петербурга») и, может быть, даже ухитрился переслать ему копию этого некролога. Во всяком случае, он несомненно обратил внимание Чорли на большое значение Гоголя в истории русской литературы, намекнув, возможно, на то, что его собственный (совместно с Луи Виардо) перевод избранных повестей Гоголя «Nouvelles gusses» (1845) не вызвал соответствующего интереса в Англии. Не захочет ли Чорли, хоть и с запозданием, воздать должное Гоголю во влиятельном «Атенеуме»?

Хотя подобные предположения носят умозрительный характер, все же они имеют отношение к серии статей в «Атенеуме», в которых впервые в английской печати было упомянуто имя Тургенева. В мае 1851 года Чорли опубликовал (без подписи) рецензию на роман Натаниеля Готорна «Дом о семи шпилях». ¹⁰ В сентябре и октябре 1852 года «Современник» напечатал анонимный перевод этой книги, и кто-то, предположительно Тургенев, довел этот факт до сведения Чорли. 11 декабря того же года в статье, где зашла речь о Готорне, Чорли сообщил следующий факт: «Возможно, это станет новостью для автора „Алой буквы“ и для его почитателей по обе стороны Атлантики. Письмо из глубины России сообщает, что, привлеченный заметкой в „Атенеуме“, некий русский литератор, человек образованный и с большим вкусом, закончил перевод на русский язык „Дома о семи шпилях“ и напечатал его в одном московитском журнале! — Это уже похоже на славу». ¹¹

Возможно, в это самое время Тургенев задавался вопросом, не почитали ли его автором перевода. Неужели его замечания были неверно истолкованы? Хотя из всех американских писателей Тургенев на самом деле предпочитал Готорна и считал, что «Дом о семи шпилях» несет на себе «отпечаток большого и могучего по оригинальности таланта», ¹² он, по всей видимости, не имел никакого отношения к этому переводу. Действительно, в письмах к Некрасову и Панаеву он называл его тяжелым, неуклюжим, неверным и откровенно плохим. ¹³ Кое-кто может усмотреть в этом попытку напроситься на похвалу. Очевидно, что Тургенев исключительно хорошо знал этот роман и мог, без сомнения, иметь желание перевести его на русский язык. Но даже если бы он ухит-

---

¹⁰ Athenæum. 1851. 24 May. № 1230. P. 545–547.

¹¹ Ibid. 1852. 11 December. № 1311. P. 1355.

¹² Boyesen Hjalmar Hjorth. A Visit to Tourguéneff // Galaxy. 1874. April. Vol. 17. P. 460.

¹³ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 158, 167.

рился скрыть свое авторство от редакторов журнала, в котором печатался перевод, вряд ли бы он признался в этом Генри Чорли. Следовательно, можно предположить, что на самом деле он писал своему английскому другу о том, что рецензия в «Атенеуме» побудила его прочесть роман и что для Чорли будет небезынтересна эта публикация «Современника». А Чорли — и надо сказать, не в последний раз — сделал из его слов совершенно неверные выводы.

Как бы то ни было, в результате, рецензируя в номере «Атенеума» от 22 октября 1853 года отвратительную английскую пародию на лермонтовского «Героя нашего времени» под названием «Sketches of Russian Life in the Caucasus, by a Russe, many Years Resident among the Various Mountain Tribes» («Записки о русской жизни на Кавказе, написанные русским, много лет прожившим среди различных горных племен»), Чорли упомянул также о повестях Гоголя, «переведенных на французский язык гг. Виардо и Тургеневым, — последний, между прочим, тот самый высокообразованный лингвист, который перевел на русский язык „Дом о семи шпилях“». ¹⁴ В ответ на шутовское замечание Анненкова по этому поводу Тургенев заявил 6 ноября ст. ст.: «А я не виноват, что „Атенеум“ меня произвел в „лингвисты“ — и нахожу это название даже обидным». ¹⁵ Однако не следует придавать слишком большое значение этой деланной жалобе.

После промаха с Готорном — о чем он, должно быть, был извещен, — похоже, Чорли не был готов в ближайшее время снова упоминать имя Тургенева. Краткая рецензия в «Атенеуме» на «Russian Life in the Interior» («Русская жизнь во внутренних областях страны» — так называлась миклджоновская переделка «Записок охотника»), опубликованная 30 декабря 1854 года, была написана Горацием Сент-Джоном. ¹⁶ Возможно, однако, что заметка, напечатанная в «Атенеуме» несколькими неделями раньше (о том, что «Внутренняя жизнь в России», написанная «русским дворянином», в действительности представляет собой голевские «Мертвые души»), основывалась на информации, полученной от Тургенева. ¹⁷ Этот перевод вновь оказался ужасающей пародией на оригинал. Но и сам Тургенев, хотя у него не было ни желания, ни случая признаться в них публично, не избежал ошибок по отношению к Чорли.

---

¹⁴ Athenæum. 1853. 22 October. № 1356. P. 1254.

¹⁵ ПССУП(2). Письма. Т. 2. С. 274, см. также с. 543–544.

¹⁶ Athenæum. № 1418. P. 1587.

¹⁷ Ibid. 1854. 2 December. № 1414. P. 1454–1455.

Несмотря на жгучий интерес ко всему, что Чорли писал о Полине Виардо, Тургенев неодобрительно относился к некоторым причудам стиля английского критика. Более того, зная, что большинство стихотворений Чорли впервые появлялись в «Атенеуме», Тургенев принял одно из напечатанных там стихотворений — «Картежник, или Двадцать одно» — за произведение Чорли, ввиду его неуклюжей манерности.¹⁸ Единственной неувязкой было то, что это лирическое стихотворение (на самом деле довольно изящное), как оказалось, принадлежало Данте Габриелю Россетти!

3

Встречи Тургенева с Чорли возобновились в конце 1850-х годов, главным образом во время его ежегодных посещений Лондона. Вероятно, они обсуждали последние произведения писателя и новые переводы его сочинений, которые тогда потоком шли из Франции. В 1859 году, например, Тургенев рассказал Чорли об «авторизованном» переводе «Записок охотника», выполненном Ипполитом Делаво, и преподнес ему эту книгу с дарственной надписью.¹⁹ Все это побудило Чорли вновь написать о Тургеневе, хотя он, естественно, так же мало беспокоился о том, что последний заподозрит его авторство, как и несколько лет назад после опубликования первых малоинтересных заметок. Тем не менее эти несколько статей, вышедшие из-под пера Чорли и опубликованные в «Атенеуме» в первые годы последующего десятилетия, составили основу того просвещенного мнения о творчестве Тургенева, которое, несмотря на всю свою неоднозначность, оказало безусловно благотворное воздействие на английского читателя. Следует рассмотреть эти статьи в совокупности.²⁰

Впервые Чорли нарушил молчание в декабре 1861 года, выступив с разбором «Une Nichee de gentilshommes» («Дворянского гнезда»). Как обычно, он ограничился французским переводом романа, не забывая,

---

¹⁸ *Lettres inéd.* P. 61–62; ср.: *ПССуП(2). Письма*. Т. 2. С. 164; Athenæum. 1852. 23 October. № 1304. P. 1147.

¹⁹ Anthony C. Hall catalogue № 58 (1978). Item 1617.

²⁰ См.: Athenæum. 1861. 14 December. № 1781. P. 803; 1862. 2 August. № 1814. P. 144; 1863. 23 May. № 1856. P. 680; 1863. 12 September. № 1872. P. 333. Ссылка на Джона Гальта в первой из этих рецензий касается образа мисс Мизи Каннингэм, старой тетушки в «Сэре Эндрю Вили» — «совершенного образца аристократической элегантности и аккуратности».

однако, о том, что имеет дело с русским писателем, поглощенным русскими проблемами. Он начал с похвалы тургеневскому мастерству и попытки определить его особенный тембр: «Этого писателя уже знают в Англии как человека, много сделавшего для современной русской литературы, и повесть, находящаяся перед нами, — наиболее пространное из всех его произведений, — расширит и углубит его славу. Быть может, меланхолический, как русская музыка, характер повести является неизбежным следствием правдивого изображения национальных черт». Статья заканчивалась в том же тоне: «Повесть эта, повторим, в высшей степени печальна». Подобная оценка была сама по себе весьма примечательной, поскольку она помогала закрепить в сознании британских читателей устойчивое представление о том, что Тургенев является воплощением «русской души».

Однако наиболее значительным вкладом Чорли в критическую литературу о Тургеневе был его анализ отдельных образов романа и странные, неожиданные сравнения с персонажами английской беллетристики. Например, о старой тетушке Лаврецкого, «скупой, но преданной», говорится, что она «так же колоритна, как одна из героинь мисс Феррьер или гальтовская мисс Мизи». Кроме того, Чорли защищал Тургенева от возможных нареканий относительно «отрицательных» персонажей в его книгах. «Мы не знаем в литературе, — заявлял он, — более отталкивающего и вместе с тем обрисованного с таким художественным изяществом лица, чем лицемерная Варвара Павловна».

Нельзя, однако, сказать, что рецензия Чорли на «Дворянское гнездо» была преисполнена особенного восторга. Не обошлось и без некоторых нелепостей. Мудрая и благодетельная Марфа Тимофеевна изображается «ворчливым существом», в то время как совершенно великолепный Лемм, к которому этот эпитет, собственно, более применим, вообще не упоминается — в одной драме вполне достаточно и одного ворчуна.

В случае с «Рудиным», которого Чорли рецензировал в августе 1862 года, критик кое в чем пошел еще дальше по этому неоднозначному пути. Фактически он не рассматривал роман сам по себе, а использовал его в качестве предлога для общей оценки творчества Тургенева.

«Нет нужды объяснять читателям „Атенеума“, что русские романы г. Тургенева занимают почетное место среди малой прозы нашего столетия и что он стоит на одном уровне с такими писателями, как Андерсен, Ауэрбах, Тепфер, Готорн и Ирвинг, — и замечателен, как и все названные писатели, национальным колоритом своих рассказов, а также тонкой наблюдательностью и глубиной чувства. Преобладание минорного тона <...>, каким бы унылым он ни был, придает этим произведе-

ниям достоверность <...> Изображение жизни и общества у г. Тургенева зачастую превращается в изучение неудач и разочарований. Подобные настроения, быть может, в известной степени характерны для благородных и мыслящих людей, рожденных в такой стране, как Россия. Возможно, в повестях Тургенева недостаточно действия для того, чтобы удовлетворить молодежь, предпочитающую сильные эмоции; в то время как те, кто более умудрен жизненными испытаниями и опытом, пытаются избавиться от своих забот, хотели бы видеть больше солнечного света, чем показывает наш автор. Однако настоящие читатели, те, кто предпочитает общение с истинным художником поддельному блеску и надувательству ремесленника, признают достоинство русских романов г. Тургенева и будут рады, что число их пополнилось».

Несмотря на несомненно щедрые похвалы — «почетное место», «тонкая наблюдательность», «общение с истинным художником» и т. д., — этот пассаж поражает искусной попыткой поставить Тургенева в один ряд скорее с писателями второго, нежели первого ряда. Правда (о, ирония!), он включает в этот круг и Готорна; для Чорли это должно было означать, что Тургенев близок к величию. Но минорный тон, недостаток солнца и, помимо всего, краткость тургеневских романов были достаточно вескими помехами для более благоприятного сравнения, скажем, с Диккенсом, перед которым Чорли просто благоговел.

Когда обращаешься к чорлиевскому разбору тома «Nouvelles scènes de la vie russe» (1863), куда вошли «Накануне» и «Первая любовь», удивляешься, насколько он не боялся испортить добрые отношения с Тургеневым. Одно дело выражать сомнения, умолчать о недостатках, рекомендовать большую дисциплину или самоконтроль; и совсем другое — пытаться подорвать самую основу творческой индивидуальности писателя, считающегося его другом. Прячась под покровом анонимности, Чорли, несомненно, объективно выглядел трусом и предателем. Совсем иначе расценивал он сам свою роль. «Мы обязаны г. Тургеневу слишком большим удовольствием, — писал он, — слишком высоко ценим в нем художника — что не готовы оградить его даже от единственного слова критики <...>». На этот раз «критика» включала в себя атаку на почти все женские и мужские образы, на атмосферу, фабулы и сюжеты его романов.

«Его рассказы необыкновенно печальны, — утверждал Чорли, — и несут на себе печать некой бледности, предвещающей, если не выражающей, близость смерти <...> Кажется, будто элементы борьбы, „тщетности желаний“, разочарования, доходящего до границы отчаяния, должны рано или поздно захлестнуть их. Возможно, при этом рас-

сказы точнее передают национальный образ жизни и его характер, но это не делает их жизнерадостнее».

Тургеневские герои были для Чорли «северянами», говоря проще — не англичанами и не французами. Такие черты, как меланхолия и неудовлетворенность, сами по себе свойственны, может быть, американскому или немецкому обществу (или же некоторым йоркширским леди, которые в недавнее время завезли в Британию моду на раскаяние и смирение); но Россия, кажется, превзошла всех, поскольку именно там милые, талантливые девушки так «бессмысленно, бесцельно несчастливы». И однако же, по мнению критика, эти глубоко несчастные молодые особы отличаются серьезностью и благородством души.

Что касается остальных, то «зрелые женщины у г. Тургенева или эксцентричные, невежественные старые девы, погруженные в кухонные хлопоты и сундуки с бельем, — или же глуповатые мамыши, наделенные долей французского жеманства, которые, напротив, вряд ли стали бы хранить верность своим владыкам и повелителям, окажи им честь и соблазни их какой-никакой музицирующей чиновник или чудаковатый экс-профессор непонятных наук. Не менее неудачными кажутся нам, англичанам, и его мужские персонажи, но над английскими понятиями, как известно, подсмеиваются во всей заумной Европе, считая их меркантильными и глупыми».

Хотя невозможно полностью отвергнуть аргументацию Чорли — ведь английский прагматизм, к примеру, в самом деле нередко помогает рассеять избыточный романтизм или претенциозность, — все же его доводы кажутся неподходящими по отношению к тургеневским произведениям. Неужели Чорли действительно полагал, что тургеневский взгляд на человека ограничивался его второстепенными героями?

Подобная же путаница (кстати сказать, весьма характерная для «английской точки зрения») произошла у Чорли между понятием «безнравственного» и его художественным изображением. «Мы видим проявления скрытого и тайного распутства, что усугубляет болезненность картины», — заявляет он по поводу романа «Накануне», а о несчастной повести «Первая любовь» пишет: «„Что-то, — как цитирует один из персонажей, — подгнило“ в обществе, в котором могут процветать подобные интрижки, а еще более „подгнило“, добавим мы как люди прямотушные, когда гениальный человек посвящает свой литературный дар их описанию». Абсурдность этого последнего замечания заслуживала бы чьего-то молчаливого презрения; однако поучительно сравнить взгляд Чорли с мнением французского рационалиста Луи Виардо, который тоже расценил «Первую любовь» как произведение безнравственное и заставил

своего друга прибавить небольшой дидактический эпилог.²¹ Чорли и Виардо — какое странное соседство в лиге целомудрия!

Последняя известная критическая статья Чорли о романах Тургенева посвящена «Отцам и детям» (сентябрь 1863 г.) и является одновременно кульминацией и опровержением ранее высказанных им тезисов. До сих пор он действительно утверждал, что произведения Тургенева хороши, но слишком мрачны. По поводу новой книги он сделал следующее заключение: «Хотя повесть, как и ее предшественницы, печальна, она великолепно как произведение Искусства». Можно было бы ожидать похожих выводов и относительно «Рудина», «Дворянского гнезда» и «Накануне»; что же касается «Отцов и детей», то хотя этот роман, быть может, и превосходит вышеперечисленные в художественном плане, однако и в нем надежда и отчаяние не представлены в сколь-либо заметно иных пропорциях. Возможно, Чорли хотел загладить свою вину. Его рецензия на роман «Отцы и дети» начинается так: «По заложенной в нем мощи этот роман может считаться лучшим из подаренных нам до сих пор г. Тургеневым». Позднее он заявит, что «немногие страницы в художественной литературе» могут сравниться со сценой возвращения Базарова домой. Видимо, Базаров на самом деле совершенно покорил Чорли: «Мы едва осознаем, каким образом это происходит, но он становится самой интересной фигурой в романе. Г-н Тургенев решительно отказывает ему в привлекательности. Базаров спорит со старшими и критикует их; он диктует свою волю молодому поколению, которое смотрит ему в рот; он презирает установленные обычаи; у него душа не лежит к плодам художественного воображения; в некоторой степени он склонен к чувственности; сама система отрицания его неубедительна, она не несет в себе позитивного начала для обновления общества после того, как религиозные и нравственные предрассудки этого общества будут разрушены. Повторяем, вокруг его головы нет ни малейшего намека на нимб, и тем не менее, подобно всем действующим лицам романа, мы тянемся к нему, слушаем его».

Без сомнения, здесь нет ничего особенно оригинального; это вдумчивый разбор, которым по праву славилась викторианская критика. Сам Тургенев, несомненно, впоследствии по заслугам оценил эту статью, независимо от того, догадывался ли он об авторстве Чорли. Вместе с тем она представляет Чорли в гораздо более выгодном свете и заставляет нас не придавать значения нелепостям, встречающимся в его статьях, —

---

²¹ ПССуП(2). Письма. Т. 4. С. 296; ПССуП(1). Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 196; *Nouv corr inéd.* Т. 2. Р. XXIX–XXX, 115–116.

ибо они присутствуют и в рецензии на «Отцов и детей». Узнав о том, что представители двух поколений русского общества очень болезненно реагируют на этот роман, Чорли снова сравнивает их с американцами, а затем противопоставляет все нации (или, по крайней мере, так это представляется) твердости англичан. Наша Палата лордов, говорит он, не линчевала Теккерея за то, что он создал лорда Стейна; так же, как и лондонский коммерсант, не колеблясь, пообедал бы с автором «Мартина Чезлвита». Еще одна нелепость; но на сей раз она звучит комично, легко, простительно.

4

Если продолжить это исследование дальше, оно завело бы нас в сферу музыкальной критики. Личные контакты Тургенева и Чорли в 1860-е годы вплоть до смерти последнего, последовавшей в 1872 году, были тесно связаны с деятельностью Полины Виардо, в начале десятилетия еще выступавшей как певица, а в дальнейшем отдавшей педагогической и композиторской деятельности и сочинившей, в частности, несколько оперетт на либретто Тургенева. В ноябре 1862 года в Париже Чорли присутствовал на представлении «Орфея» Глюка. Драматическое искусство Полины в этой опере заставило Диккенса, который тоже был на спектакле, безудержно рыдать. Этот случай послужил также поводом к более тесному сближению Диккенса с Тургеневым.²²

В последующие годы Чорли часто посещал семью Виардо и Тургенева в их новом прибежище в Баден-Бадене, слушал пение Полины и был свидетелем постановок оперетт «Le Dernier sorcier» («Последний колдун») и «Trop de femmes» («Слишком много жен»).²³ В промежутках между встречами Тургенев продолжал переписываться с ним, встречался с ним в Париже один или два раза и простодушно посылал ему экземпляры французских переводов своих книг с дарственными надписями.²⁴ Чорли не откликнулся ни на один; а его уход из «Атенеума» в 1868 году означал, что теперь он даже не мог писать о Полине Виардо так же много, как раньше. Кроме того, к этому времени он стал стар и физически немощен.

²² См.: *N Z Sl J.* 1974. № 1. P. 63–64.

²³ *ПССуП(2). Письма.* Т. 8. С. 46–47; Т. 9. С. 55; *Athenæum.* 1864. 6 August. № 1919. P. 186; 1867. 12 October. № 2085. P. 472; 1868. 26 September. № 2135. P. 408 и др.

²⁴ *Lettres inéd.* P. 113–114; *Nouv corr inéd.* Т. 1. P. 121; *ПССуП(2). Письма.* Т. 5. С. 288–289, 291; Т. 9. С. 221; Т. 10. С. 20.

Последний жест Чорли по отношению к Тургеневу был характерно несвоевременным. Во время франко-прусской войны Тургенев и супруги Виардо были в Британии, но, по-видимому, не прилагали больших усилий для поддержания старых связей с Чорли. Возможно, он принял это близко к сердцу; может быть, у него и вовсе не было злого умысла — но 19 января 1872 года в «Orchestra» был напечатан «некролог» Тургенева, который, несмотря на свой в основном хвалебный характер, намекал на то, что тургеновские «пылкость, блеск и любознательность» «временами» казались «утомительными». Естественно, это не очень понравилось Тургеневу, и он пожаловался Вильяму Рольстону, но Чорли удалось вывернуться: ссылаясь на лживость европейской прессы, распространившей ошибочный слух, он смиренно попросил прощения за то, что слишком легко поверил ему.²⁵

Единственной вещью, от которой не удалось ускользнуть Генри Чорли, была его собственная кончина, которая последовала через несколько недель. Но он совсем неплохо, в меру своих средневикторианских возможностей, сослужил службу Тургеневу, и даже его ложное сообщение о преждевременной смерти писателя вдохновило Мануэля Гарсиа (брата Полины Виардо) на создание превосходного панегирика в честь своего друга. Хотя этот панегирик едва ли имеет отношение к нашей основной теме, все же он является подходящей концовкой для статьи. Переводить его с французского было бы бессмысленно, стоит лишь подчеркнуть, что в нем вспоминается та беззаботная, счастливая жизнь в Куртавнеле четверть века назад, в которой мог принимать участие и Чорли.

Вот они, эти неприятзательные александрийские стихи Гарсиа:²⁶

Ivan est trépassé, buvons à sa mémoire,
Un plein tonneau vidons, amis chantons sa gloire.
Nul vice ne manquait à ce noble garçon.
Ah! quel succès l'attend auprès du vieux Pluton.
Il aimait à l'excès vins, femmes et musique,
Parfois il pataugeait en fait de politique.
La chasse, son joujou, ne lui tournait pas bien,
Son fusil lui ratait, son chien ne valait rien.
Ratant à tous les jeux, ratait-il autre chose?
Ne fourrons pas le nez dans ce pot à la rose.

---

²⁵ Orchestra. № 434. P. 251; № 435. P. 267; ПССИП(2). Письма. Т. 11. С. 201; ВП. NAF. № 16274. F. 49–50.

²⁶ Публикуется с выражением глубокой благодарности покойным г-ну и г-же Андре Ле Сен.

Buvons donc à la gloire de ce fier compagnon,
Buvons à ses succès même chez le Démon.²⁷

Перевод Е. М. Лобковской.

---

²⁷ Иван скончался, выпьем за помин его души, / Целую бочку опорожним, друзья, воспоем ему славу. / Не было такого порока, который бы отсутствовал у этого благородного человека. / Ах, какой успех ожидает его у старика Плутона. / Он чрезмерно любил вино, женщин и музыку, / Временами он путался в политике. / Охота, его забава, вышла ему боком: / Ружье его давало осечку, собака оказалась никудышной. / Сделав промашки во всех этих делах, промахнулся ли он в другом? / Не будем совать нос в эту тайну. / Выпьем же во славу отважного товарища, / Выпьем за его успехи даже в преисподней (*франц.*).

Луис Сундквист

**ВИЛЬГЕЛЬМ ВОЛЬФЗОН, КЛЕР ФОН ГЛЮМЕР
И ПЕРВЫЕ НЕМЕЦКИЕ ПЕРЕВОДЫ
РОМАНА «ОТЦЫ И ДЕТИ»¹**

Недаром русские ты с детства помнил звуки
И их сберег в себе сочувствием живым —
Теперь для двух миров, на высоте науки,
Посредником стоишь ты мировым...

*Ф. И. Тютчев. <В. Вольфзону>
Март? 1861 г.*

По предположению Кристи Шульце, высказанному в ее замечательной диссертации о роли Вильгельма Вольфзона (Wilhelm Wolfsohn; 1820–1865) в распространении русской литературы в Германии, вышеприведенные стихи Ф. И. Тютчева были написаны в марте 1861 года, когда Вольфзон находился в Петербурге, пытаясь добиться поддержки русского правительства для создания журнала, посредством которого он хотел ознакомить немецкую публику с «значительнейшими явлениями умственного развития России» и содействовать «рассеянию тех заблуждений, кои доньше на Западе существуют относительно всего, что происходит в России».² Недаром, кажется, Вольфзон год спустя в первом

---

¹ Часть настоящей статьи, посвященная Вольфзону, появилась в сокращенном виде на немецком языке: *Sundkvist L. Wilhelm Wolfsohn als Übersetzer von Turgenevs Roman «Отцы и дети» («Väter und Kinder»)* // *Fontane Blätter*. 2015. Н. 99. S. 41–96.

² Цит. по: *Lehmann-Schultze Ch. Aus Wilhelm Wolfsohns Leben und Wirken als Vermittler russischer Literatur in Deutschland (1840–1865). Dissertation. Humboldt-Universität zu Berlin, 1964. Anlage 33. Далее — *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Письмо*

номере издававшегося им в Лейпциге журнала «Russische Revue» поместил в самом начале свой перевод стихотворения Тютчева «Эти бедные селенья...»³ — стихотворения, столь дорогого и «западнику» Тургеневу, и «почвеннику» Ф. М. Достоевскому.⁴ Открывая новый журнал этим стихотворением, Вольфзон не только отдавал дань признательности поэту, который поддержал его в смелом начинании,⁵ но и намекал на те основные идеи, которыми он руководствовался при издании «Russische Revue». Это прежде всего — любовь к России, которую уроженец Одессы сохранил на всю жизнь, и вместе с тем осознание тех трудностей, которые стояли на пути дальнейшего развития страны, — трудностей, обусловленных не только ее «скудной природой», но и тяжелым наследием крепостничества, которое царский манифест 19 февраля (3 марта) 1861 года, конечно, не смог сразу устранить. Тем не менее вера в то, «что сквозит и тайно светит» под грубой подчас корой русской народной жизни, наполняла Вольфзона надеждой на благополучное будущее родной земли и силами для исполнения задачи, которую он поставил себе, поселившись в Германии, — открыть «гордому иноплеменному взору» красоту и богатство русской культуры.

Если первым образцом русской поэзии, появившимся на страницах «Russische Revue» в мае 1862 года, было стихотворение Тютчева, то первым произведением русской художественной прозы, помещенным Вольфзоном в новом журнале, оказалась повесть Тургенева «Фауст» — правда,

---

к министру народного просвещения Евг. П. Ковалевскому от 29 марта (10 апреля) 1861 г. За помощь в получении доступа к этой неопубликованной диссертации Кристи Шульце приношу глубокую благодарность сотрудникам Архива Теодора Фонтане в Потсдаме — Ганне Дельф фон Вольцоген (Hanna Delf von Wolzogen), Петеру Шеферу (Peter Schaefer) и Ингольфу Швану (Ingolf Schwan), — а также Бербел Расым (Bärbel Rasym), сотруднице библиотеки при Берлинском университете им. Гумбольдта. Благодаря межбиблиотечному обмену оказалось возможным в августе 2013 г. получить оттуда машинописный подлинник диссертации для ознакомления в Австрийской национальной библиотеке в Вене.

³ Mein Vaterland. Von Theodor Tiutschew // Russische Revue. 1863. Bd. 1. N. 1. [Mai]. S. 7. Вольфзон подписал перевод инициалами «W. W.», как и все остальные свои переводы, которые были впоследствии напечатаны в этом журнале.

⁴ См. письмо Тургенева к М. Н. Зубовой от 6 (18) марта 1862 г., в котором он по памяти привел все три строфы этого стихотворения: ПССУП(2). Письма. Т. 5. С. 32. Отзвуки этих тютчевских стихов то и дело появляются как в литературном творчестве, так и в публицистике Достоевского — вплоть до Пушкинской речи 1880 г.

⁵ Об отношениях Вольфзона и Тютчева см.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 195. Anm. 1.

в переводе не самого Вольфсона, а Фридриха Боденштедта.⁶ Это также не представляется случайным. Хотя Вольфзон и Тургенев, по-видимому, никогда не состояли в переписке, мы тем не менее достоверно знаем, что они познакомились в мае 1861 года во время пребывания Вольфсона в Петербурге. На это обстоятельство обратила внимание К. Шульце в своей диссертации, указав на фотографию Тургенева с дарственной надписью на русском языке: «Г-ну Вольфзону на память о нашей петербургской встрече. Тургенев», сведения о которой она обнаружила в старом аукционном каталоге.⁷ Исследовательница предположила, что в ходе этой встречи сам Тургенев натолкнул Вольфсона на мысль привлечь Боденштедта к сотрудничеству в «Russische Revue», так как последний являлся в то время самым востребованным в Германии переводчиком с русского.⁸ Выбор же повести «Фауст» для перевода исходил не от Вольфсона, а от самого Боденштедта.⁹

Как бы то ни было, эта повесть Тургенева наглядно демонстрировала идею посредничества между Россией и Германией, которую Вольфзон положил в основание своего журнала, так как в ней нашло отражение благотворное, хотя и сложное влияние немецкой поэзии на культурное сознание русского дворянства. В выборе последующих двух произведений Тургенева, появившихся в «Russische Revue» в 1863 году, — «Муму»

---

⁶ Faust. Novelle in neun Briefen. Von Iwan Turgenew. Deutsch von Fr. Bodenstedt // Russische Revue. 1863. Bd. 1. N. 1. [Mai]. S. 59–96. Боденштедт впоследствии включил этот перевод в первый том вышедшего в Мюнхене двухтомного собрания повестей и рассказов Тургенева (1864–1865). О роли этого издания в распространении творчества Тургенева в Германии см. работы Х. Раппиха: 1) Тургенев и Боденштедт / Пер. с нем. Л. М. Бродской // ЛН. Т. 73. Кн. 2. С. 342–349; 2) F. Bodenstedt und Turgenew // T und Deutschland. S. 230–233.

⁷ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 118. Каталог, на который ссылается К. Шульце: J. A. Stargardt. Auktionskatalog 298 (Auktion vom 7. XII. 1929), лот № 202. К сожалению, фотография Тургенева здесь не была воспроизведена. В описании лота дается лишь немецкий перевод надписи («Herrn Wolfsohn zur Erinnerung an unser Petersburger Zusammentreffen. Turgenjew»), так что нам пришлось перевести этот текст обратно на русский. За предоставление цифровой копии из этого каталога благодарю Герберта Альбрехта (Herbert Albrecht), сотрудника фирмы Штаргардт. Хотя дата в надписи не обозначена, ее, без сомнения, следует отнести к маю 1861 г., так как только в этот период, как указывает Шульце, Тургенев и Вольфзон одновременно находились в Петербурге.

⁸ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 198; Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn / Hsg. von Ch. Schultze. Berlin; Weimar, 1988. S. 255.

⁹ Ср. запись в дневнике Боденштедта от 8 (20) апреля 1862 г.: *Rappich H. F. Bodenstedt und Turgenew*. S. 241.

(в переводе Вильгельма фон Коцебу)¹⁰ и «Постоялого двора» (на этот раз переводчиком выступил сам Вольфзон)¹¹ — чувствуется уже стремление Вольфзона довести до сведения образованного немецкого читателя не только те стороны русской жизни, которые были ему созвучны и понятны, но и трагические явления крепостнического быта, сквозь которые, однако, как и в стихотворении Тютчева, можно было усмотреть богатейший потенциал русского народа, отразившийся как в «бунте» Герасима, так и в христианском смирении Акима перед несправедливостью, обрушившейся на них по воле их владелиц. Как убедительно предположила Шульце,¹² по схожим причинам Вольфзон взялся также за перевод четырех глав из «Записок из Мертвого дома» Достоевского¹³ и повести Л. Н. Толстого «Поликушка».¹⁴

Ввиду вышесказанного не удивительно, что роман Тургенева «Отцы и дети», в котором помимо его художественных достоинств был поднят самый актуальный для русского общества в середине XIX века вопрос о возможности взаимопонимания между образованным классом и порабощенными на протяжении долгого времени крестьянами, привлек внимание Вольфзона. Приобретя — по всей видимости, во время очередного приезда в Петербург в марте — апреле 1863 года — экземпляр отдельного издания романа, вышедшего в Москве в сентябре 1862 года,¹⁵ Вольфзон уже в начале 1864 года собирался перевести его и напечатать перевод по частям на страницах своего журнала. По разным причинам,

---

¹⁰ Mumu. Erzählung von Iwan Turgenew. Deutsch von W. v. K. // Russische Revue. 1863. Bd. 1. H. 4. [Mai]. S. 352–376. Об этом переводе см.: *Сундквист Л.* Немецкий переводчик «Муму» Вильгельм фон Коцебу и один малоизвестный отзыв об этой повести // *Тургенев. НИИМ* (3). С. 264–271.

¹¹ Der Gasthof. Erzählung von Iwan Turgenew // Russische Revue. 1863. Bd. 2. H. 3. [September]. S. 216–233; H. 4. [Oktober]. S. 287–309; H. 5. [November]. S. 401–413. Переводчик подписался лишь на самой последней странице — криптонимом «W. W.».

¹² См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 172–173, 211–212.

¹³ Theodor Dostojewsky und seine sibirischen Memoiren // Russische Revue. 1863. Bd. 1. H. 2. [Februar]. S. 136–187; *Aus Dostojewsky's sibirischen Memoiren* // Ibid. H. 3. [Mai]. S. 226–243. Инициалы переводчика «W. W.» выставлены в конце каждого из двух разделов.

¹⁴ Paul. Erzählung vom Grafen Leon Tolstoy // Russische Revue 1863. Bd. 2. H. 1. [Juli]. S. 28–50; H. 2. [August]. S. 105–146. Инициалы переводчика «W. W.» выставлены на последней странице перевода.

¹⁵ Этот экземпляр отмечен в перечне книг из библиотеки Вольфзона, составленном им самим. Шульце в свое время имела возможность изучить этот ныне утраченный список. См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 201. Anm. 1.

о которых в дальнейшем пойдет речь, он смог приступить к осуществлению этого замысла лишь год спустя, но, к сожалению, тяжелая болезнь (рак печени) и преждевременная кончина в августе 1865 года не дали ему завершить свой труд. Только первые десять глав романа Тургенева в его переводе появились в «Nordische Revue» (новое название журнала с апреля 1864 г.) в феврале и марте 1865 года.¹⁶

Заверши Вольфзон свой труд, мы имели бы не только отличный (судя по качеству первых десяти глав) полный немецкий перевод «Отцов и детей», но и, что очень важно подчеркнуть, перевод, непосредственно выполненный с русского языка. После смерти Вольфзона немецкому читателю пришлось ждать более десяти лет, прежде чем появился первый перевод романа, в основу которого лег подлинник на русском языке,¹⁷ так как и первый полный немецкий перевод, печатавшийся в фельетонах штутгартской газеты «Der Beobachter» с сентября по декабрь 1865 года, автор которого скрылся за инициалами «O. F.»¹⁸ и второй по времени перевод Клер фон Глюмер, публиковавшийся с конца октября по декабрь 1868 года в литературном приложении к немецкоязычной пражской газете «Correspondenz»,¹⁹ и, наконец, отредактированный Людвигом Пичем и частично самим Тургеневым перевод из «Beobachter», который составил вышедший в свет в 1869 году первый том задуманного рижским издателем Бернгардом Эрихом Бере собрания избранных сочинений Тургенева на немецком языке,²⁰ — все они либо полностью, либо большей частью опирались на французское издание романа.²¹

---

¹⁶ Väter und Kinder. Roman von I. S. Turgenew // Nordische Revue. 1865. Bd. 3. H. 2. [Februar]. S. 135–166; H. 3. [März]. S. 309–331. Далее — *Wolfsohn 1865*. Как обычно в переводах Вольфзона, появившихся в «Russische Revue» и «Nordische Revue», имя переводчика в начале не указано. К этому и другим аргументам, позволяющим с полной уверенностью приписать перевод Вольфзону, мы еще вернемся.

¹⁷ *Turgenjeff Iwan*. Väter und Söhne. Aus dem Russischen von W. Lange. Leipzig, 1876 (Reclam Universalbibliothek Bde 718–720).

¹⁸ Väter und Kinder. Von Ivan Turgenieff (Aus dem Französischen übersetzt von O. F.) // Der Beobachter. Ein Volksblatt aus Schwaben. 1865. № 228–303.

¹⁹ Väter und Kinder. Roman von Iwan Turgenéeff. Deutsch von Claire von Glümer. Autorisierte Übersetzung. (Roman-Beilage der «Correspondenz»). Prag: Verlag der Red. der «Correspondenz»; Druck von Dr. F. Skrejšovský, 1868. Далее — *Glümer 1868*.

²⁰ *Turgénjew Iwan*. Ausgewählte Werke. Mitau: E. Behre's Verlag, 1869. Bd. 1: Väter und Söhne. Об этом издании и о переводе из «Beobachter» см.: *Лукина В. А.* Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание) // *Тургенев. НИиМ* (3). С. 289–315.

²¹ *Tourguéneff Ivan*. Pères et enfants. Précédé d'une lettre à l'éditeur par Prosper Mérimée. Paris: Charpentier, Libraire-éditeur, 1863. Далее — *Charpentier 1863*.

В настоящей работе, посвященной незавершенному переводу «Отцов и детей», выполненному Вольфзоном, и продолжившей его дело немецкой писательнице Клер фон Глюмер (Claire von Glümer; 1825–1906), которая была знакома с Вольфзоном и жила с ним в одном городе (Дрезден), мы хотим сначала представить биографический очерк о Вольфзоне, о котором в последнее время появилось немало ценных исследований на немецком языке,²² но которому в русской научной литературе пока не было уделено должного внимания.²³

Биография и литературная судьба Вильгельма Вольфзона²⁴

Родившийся в Одессе 8 (20) октября 1820 года Карл Вильгельм Вольфзон происходил из еврейской семьи с немецкими корнями. Его

---

²² См. работы Верены Дорн (Verena Dohrn), Франка Гёпферга (Frank Göpfert), Эрхарда Хексельшнейдера (Erhard Hexelschneider), Алексиса Хофмейстера (Alexis Hofmeister), Ингольфа Швана и др. в сборнике: Theodor Fontane und Wilhelm Wolfsohn — eine interkulturelle Beziehung: Briefe, Dokumente, Reflexionen / Hsg. von Hanna Delf von Wolzogen und Itta Shedletzky. Tübingen, 2006. Далее — *Fontane und Wolfsohn 2006*.

²³ Единственная известная нам работа на русском языке, которая полностью посвящена Вольфзону: Ботникова А. Б. Вильгельм Вольфзон (Из истории русско-немецких литературных связей в XIX в.) // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1969. С. 115–127. В статье Ботниковой (за возможность ознакомления с которой благодарю В. А. Лукину) дается довольно хорошая характеристика деятельности Вольфзона, но в то же время встречаются и фактические неточности, как, например, утверждение, что Вольфзон одновременно издавал два журнала в Лейпциге и Петербурге (Там же. С. 116).

²⁴ Помимо упомянутой диссертации К. Шульце 1964 г. и изданной ею в 1988 г. переписки Фонтане и Вольфзона, а также вышеназванного сборника «Theodor Fontane und Wilhelm Wolfsohn — eine interkulturelle Beziehung: Briefe, Dokumente, Reflexionen» (Tübingen, 2006), главными источниками сведений о жизни и творчестве Вольфзона для нашей работы являлись: *Schultze Ch. Wolfsohn, Wilhelm // Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945: Ein biographisches Lexikon / Hsg. von Ernst Eichler. Bautzen, 1993. S. 445–446; Hexelschneider E. Wilhelm Wolfsohn: Ein jüdischer Kulturmittler zwischen Rußland und Deutschland // Dresdner Hefte. 1996. Bd. 14. H. 45. S. 58–62; Schwan I. Bibliographie der Werke Wilhelm Wolfsohns // Fontane und Wolfsohn 2006. S. 450–494; J<acob> H<erbert>. Wolfsohn, Carl Wilhelm // Deutsches Schriftstellerlexikon 1830–1880: Goedekes Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung — Fortführung / Bearbeitet von H. Jacob. 13 Bde. Berlin, 2012. Bd. VIII.2. S. 444–449. Следует назвать также две статьи, доступные в интернете:*

1) http://saebi.isgv.de/biografie/Karl_Wilhelm_Wolfsohn_%281820-1865%29;

2) [http://www.juden-in-mittelsachsen.de/shalom/dr_wilhelm_wolfsohn.html.](http://www.juden-in-mittelsachsen.de/shalom/dr_wilhelm_wolfsohn.html)

Вильгельм Вольфзон. Фотография.
Конец 1850-х — начало 1860-х гг. Из частной коллекции

отец был торговцем, переселившимся в Одессу из Харькова, а мать родом из Бродов, которые в то время являлись частью Австрийской империи. В родительском доме говорили на немецком языке, но, проведя детство и юность в Одессе, Вольфзон в совершенстве усвоил и русский язык, хотя позднее не раз утверждал, что не может надлежащим образом выразить свои мысли на другом языке, кроме немецкого.²⁵ Начальное

---

²⁵ По опубликованным К. Шульце письмам Вольфзона к разным русским корреспондентам можно судить о высоком уровне его владения русским языком. Тем не менее, посылая из Дрездена 22 июня н. ст. 1846 г. А. А. Краевскому статью о немецкой литературе, написанную им на русском языке для публикации в «Отечественных записках», Вольфзон просил извинить его за то, что, «как бы Вы ни поправляли

образование Вольфзон получил в реформированной еврейской школе, учрежденной педагогом Безалелем Штерном в 1826 году, где он воспитывался в духе еврейского просветительского движения «Хаскалы».²⁶ Вольфзон на всю жизнь остался верен идеям этого движения, призывавшего евреев к гуманистическому образованию и равноправному участию в гражданской и культурной жизни Европы.

В октябре 1837 года, получив официальное разрешение от еврейской общины Одессы — так как после высочайшего указа 1834 года получение подобных разрешений, выдававшихся на строго определенный срок, стало обязательным, — Вольфзон отправился на учебу в Лейпциг. В дневнике, который он начал вести уже после отъезда из России, мы встречаем признание, что из узкой среды еврейской общины его давно тянуло «в святую Германию, в ту чудесную и благословенную страну, которую я расписал себе самыми яркими красками своей опьяненной фантазии».²⁷ Хотя он записался на медицинский факультет Лейпцигского университета, Вольфзон уже в первый год обучения начал посещать лекции по литературе, истории и философии. В летний семестр 1839 года он попытался сосредоточить все свои усилия на медицине, но осенью решил бросить ее, так как «его мягкий характер, его чувствительные глаза, его нежная душа не могли привыкнуть к анатомическому театру и хирургической клинике».²⁸ С зимнего семестра 1839/40 года вплоть до окончания учебы три года спустя Вольфзон посещал лекции исключительно по гуманитарным наукам. В университетские годы Вольфзона произошло еще одно событие, имевшее важные последствия для его дальнейшей судьбы: в октябре 1840 года он обручился с Эмилией

странные и ошибочные мои конструкции и слова, все-таки, может быть, Вы не успеете изгладить все германизмы» (*Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 15). Три года спустя, в письме от 14 февраля н. ст. 1849 г. к редактору «Москвитянина» М. П. Погодину он признавался: «Очень приятно мне, что Вы позволяете мне писать по-немецки» (*Ibid*. Anlage 18). Вольфзон русский язык называл «языком родины» («Heimatsprache»), противопоставляя его немецкому, своему «родному языку» («Muttersprache»).

²⁶ О школе, в которой Вольфзон учился, см.: *Hofmeister A. Der Schulbesuch Wilhelm Wolfsohns im Odessa der 1830er Jahre // Fontane und Wolfsohn 2006. S. 293–308*. О «Хаскале» см.: *Dohrn V. «Freund in Odessa» — Das Dilemma des russländischen Maskil Wilhelm Wolfsohn // Ibid. S. 271–292*.

²⁷ Цит. по: *Fontane und Wolfsohn 2006. S. 137*. Подлинник по-нем.

²⁸ Из некролога Вольфзона, написанного его другом, египтологом Георгом Эберсом (Ebers) и опубликованного в «Über Land und Meer. Allgemeine Illustrierte Zeitung» в 1865 г. (№ 50. S. 798). Цит. по: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken. S. 13*.

Гей (Emilie Geu), дочь столяра, в чьем доме он снимал комнату. Эмилия была лютеранкой, и отчасти из-за «иностранный» статуса Вольфзона, отчасти из-за законов, запрещавших во многих германских государствах браки между христианами и евреями, они лишь одиннадцать лет спустя смогли обвенчаться. Согласно воспоминаниям немецкого романиста Теодора Фонтане, который в юности дружил с Вольфзоном, обручению бедного студента с дочерью рабочего предшествовала тяжелая болезнь Вольфзона, за которым самоотверженно ухаживала Эмилия.²⁹ Таким образом, в жизни повторилась — правда, с иными вероисповеданиями и более счастливым концом — история любви еврейки Ребекки к Айвенго — и навеянная этим трогательным эпизодом из романа Вальтера Скотта судьба юной Сусанны в повести Тургенева «Не-счастливая».

Еще будучи студентом в Лейпциге — тогдашнем центре немецкой книготорговли, — Вольфзон начал свою литературную деятельность, надеясь на доходы, которыми он мог бы пополнить скудные средства, получаемые им из Одессы от родной семьи. Под псевдонимом «С. Lpp» в июне 1838 года в газете «Allgemeine Zeitung des Judenthums» появилась его первая статья, в которой он между прочим восторженно писал о России как о юной, многообещающей стране, а также о «благодетельной и благой» политике русского правительства по отношению к евреям.³⁰ Вольфзон здесь прежде всего имел в виду то обстоятельство, что в России евреи с высшим образованием могли поступить на государственную службу, между тем как в большей части германских государств, в том числе в Саксонии, такая служба была им запрещена. Приехав в Германию, Вольфзон, разумеется, не мог не почувствовать резкого контраста между высокими и гуманными идеями немецкого просвещения и законодательством, ограничивавшим права его единоверцев. Поэтому он благоговел перед памятью умершего в 1837 году поборника еврейской эмансипации и демократа Людвиг Бёрне, которому посвятил свой пер-

---

²⁹ См. главу IV в книге воспоминаний Фонтане «Von Zwanzig bis Dreißig» (Berlin, 1898). Беловая рукопись этой главы, которая была написана Фонтане в 1895 г., несколько пространнее печатной версии. Посвященный Вольфзону фрагмент в развернутом виде опубликован: Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn. S. 185–190. Далее ссылка на эту публикацию: *Fontane 1988*. Черновая рукопись этого текста также опубликована (с обозначением всех вычеркнутых мест): *Fontane und Wolfsohn 2006*. S. 250–254.

³⁰ Статья перепечатана: *Ibid.* S. 144–151. См. о ней также: *Schwan I.* Wilhelm Wolfsohn als Student in Leipzig: Zwischen Handelsstadt und «Herwegh-Klub» // *Ibid.* S. 313–314.

вый сборник стихов «Veilchen» («Фиалки»), вышедший — под псевдонимом «Carl Maien» — в 1840 году.

В этом сборнике мы встречаем первый известный перевод Вольфзона с русского — стихотворение В. А. Жуковского «Узник и бабочка». Об обстоятельствах, при которых он начал переводить стихи русских поэтов на немецкий язык — уже во втором своем сборнике стихов, «Sternbilder» («Созвездия»), появившемся в 1841 году, он поместил в виде приложения переводы нескольких стихотворений Державина, Ломоносова, Дмитриева, Батюшкова и Пушкина, — Вольфзон рассказал несколько лет спустя: «В Германии, земле обетованной моих отроческих и юношеских мечтаний, поэтическое творчество русского народа, который здесь так часто не понят и безосновательно обруган, не только не стало чужим для меня, но напротив — я с возрожденной, еще более горячей любовью приветствовал всякий талант, о появлении которого до меня доносилось известие с родины. Всякому, кто живет среди немцев, известно, какая бездонная пропасть открывается перед человеком, интересующимся русским языком и оторванным от русской духовной жизни. Здесь можно даже отыскать русские типографские шрифты, но стоящие книги можно обнаружить лишь в некоторых личных библиотеках. В таком отдалении от русской культуры долгое время прожил и я. Бывало, я как чему-то редкому радовался русским буквам на вывеске, даже когда они встречались в таком небольшом количестве, как в многозначительном слове „Портной“ и других подобных. В то время я по памяти перевел несколько стихотворений Державина и Жуковского и ждал более благоприятной поры, чтобы перевести что-то еще. Такая пора настала, наконец, благодаря ряду знакомств, которые мне удалось завязать и которые дали мне возможность заниматься русской словесностью все больше и больше, а вскоре и посвятить ей все время».³¹

Помимо нескольких проживавших в Лейпциге и других немецких городах обеспеченных соотечественников, снабжавших его русскими книгами и журналами, под «знакомствами», которые способствовали ему в занятиях русской литературой, Вольфзон в приведенном отрывке

---

³¹ Из предисловия к диссертации Вольфзона: *Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen. Auserwähltes aus den Werken der vorzüglichsten russischen Poeten und Prosaisten älterer und neuerer Zeit, ins Deutsche übertragen und mit historisch-kritischer Übersicht, biographischen Notizen und Anmerkungen begleitet von C. Wilhelm Wolfsohn. Leipzig, 1843. Bd. 1. S. XII.* Цит. по: *Schwan I. Wilhelm Wolfsohn als Student in Leipzig: Zwischen Handelsstadt und «Herwegh-Klub».* S. 322. См. также: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken.* S. 17–18.

из предисловия к его диссертации «Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen» («Художественно-научная литература русских»³²) подразумевал в том числе и филолога Яна Петра Йордана. По происхождению серб-лужичанин, Йордан был всего на год старше Вольфзона, а осенью 1842 года он стал первым доцентом славянских языков при Лейпцигском университете — правда, без права на жалованье. Именно в это время Вольфзон, поощряемый Йорданом, начал работать над антологией русской литературы, которая должна была включать в себя и «переводы наиболее значительных памятников русской словесности»,³³ и историко-критические очерки. Первый том вышел в Лейпциге в марте 1843 года, став первой книгой, опубликованной под настоящим именем Вольфзона. Эта работа была принята профессорами философского факультета — с некоторыми оговорками по поводу не совсем научного подхода — в качестве диссертации на соискание докторской степени, которая была присуждена Вольфзону 2 апреля н. ст. 1843 года. Таким образом он стал вторым после Йордана доктором философии Лейпцигского университета, защитившим диссертацию на славяноведческую тему.

Антология «Художественно-научная литература русских» была рассчитана на четыре тома (т. 1: Лирическая поэзия; т. 2: Эпическая, дидактическая и драматическая поэзия; т. 3 и 4: Проза), но Вольфзон выпустил только первый том. Материалами, собранными для остальных томов, он частично воспользовался в изданных им позднее собраниях русских повестей и рассказов на немецком языке. Хотя современные ученые не склонны придавать особую ценность историко-критической стороне работы Вольфзона, помещенные в антологии переводы «Слова о полку Игореве», более шестидесяти народных песен и шести древнерусских былин³⁴ свидетельствуют о его значительном переводческом даровании.³⁵ В комментариях Вольфзон постарался между прочим рассеять односторонние представления многих образованных немцев о России как стране кнута и холода, а также их предрассудки относительно

---

³² Мы позаимствовали перевод ее заглавия из статьи А. Б. Ботниковой: Вильгельм Вольфзон (Из истории русско-немецких литературных связей в XIX в.). С. 119.

³³ Там же.

³⁴ См. полный перечень этих переводов в отличной библиографии сочинений Вольфзона, составленной И. Шваном: *Schwan I. Bibliographie der Werke Wilhelm Wolfsohns*. S. 485–487. № 7.3.1.1.1–38.

³⁵ См.: *Hexelschneider E. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland 1790–1849*. Köln; Weimar; Wien, 2000. S. 520.

Теодор Фонтане. Рисунок карандашом. Лондон, 1844 г.

якобы холопского характера ее народа. Будущий переводчик стихотворения Тютчева «Эти бедные селенья...» подчеркнул здесь «die sonst schöne Seele dieses hartgeprüften Volkes» («все-таки прекрасную душу этого многострадального народа»). Мимоходом Вольфзон также высказался против «лишенных всякой поэзии и энтузиазма» произведений Ф. В. Булгарина, которые тогда были довольно широко распространены в Германии. В отместку «Северная пчела» несколько раз в течение 1843 года обрушилась на его книгу. Как верно замечает К. Шульце, то обстоятельство, что Вольфзон стал мишенью для нападок одиозной газеты Булгарина, послужило ему прекрасной рекомендацией в глазах сотрудников «Отечественных записок», с которыми он познакомился в Петербурге в ноябре 1845 года.³⁶

Одной из отличительных черт характера Вольфзона была его способность к преданной дружбе, и здесь следует остановиться на его отношениях с Теодором Фонтане, так как они наглядно иллюстрируют стремление Вольфзона приобщить других к столь дорогой ему русской литературе. Познакомились они в конце лета 1841 года в Лейпциге, куда

---

³⁶ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 28.

Фонтане приехал в марте, чтобы проработать полтора года в аптеке. Недовольный ремеслом, которое в те годы давало ему насущный хлеб, молодой начинающий поэт, естественно, искал общества литераторов и в саксонской столице и вскоре стал вхож в кружок, возникший вокруг революционно-демократического поэта Георга Гервега. Пятьдесят лет спустя в своих воспоминаниях Фонтане назовет его «клубом Гервега». В этом кружке 21-летний Вольфзон, тогда еще студент Лейпцигского университета, играл видную роль. Предоставим слово старому Фонтане: «Его областью была вся художественная литература, немецкая, французская, русская. Россия, когда он читал нам лекции, всегда оказывалась на первом месте, и я говорил себе: „Запомни это; ты можешь ждать еще столетия, пока тебе снова, как на блюдечке, преподнесут русскую литературу“. В своем восхищении я зашел так далеко, что начал учиться у него русскому языку».³⁷

Хотя уже после второго урока Вольфзон отговорил Фонтане от дальнейших занятий этим слишком трудным для него языком, молодой поэт все-таки оказался благодарным учеником своего нового друга: «Итак, с русским языком ничего не вышло, но русскую литературу я не оставил и, начав со старого Державина, затем перейдя к Карамзину и Жуковскому, мы прошли тогда еще здравствовавших или недавно ушедших поэтов — Пушкина, Лермонтова, Павлова, Гоголя. Большая часть из того, о чем рассказывал Вольфзон, прочно засела в моей голове, особенно что касается трех последних³⁸ (Лермонтов же стал моим любимцем), и, хотя дело не дошло дальше первого знакомства, в любом случае, на своем веку я не встречал больше никого, за исключением Боденштедта, кто знал бы хоть десятую долю того, что узнал я, зато встречал многих, чьи знания сильно уступали моим. Кто был знаком с Тургеневым, часто довольствовался этим».³⁹

---

³⁷ *Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig*. Цит. в русском переводе по: *Ботникова А. Б. Вильгельм Вольфзон (Из истории русско-немецких литературных связей в XIX в.)*. С. 117.

³⁸ В печатной версии воспоминаний Фонтане вычеркнул имя Н. Ф. Павлова, из чего можно заключить, что под «тремя последними» он имел в виду Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

³⁹ «Also mit der russischen Sprache war es nichts, in bezug auf russische Literatur jedoch ließ ich nicht wieder los, und von Dershawin an, über Karamsin und Shukowski fort, zogen die damals noch lebenden oder doch erst jüngst gestorbenen Dichter: Puschkin, Lermontow, Pawlow, Gogol an mir vorüber. Ein ganz Teil von dem, was mir Wolfsohn damals vortrug, ist sitzengeblieben, am meisten von den drei Letztgenannten (Lermontow war mein besondrer Liebbling), und jedenfalls, so sehr alles nur ein Kosthappchen

В своих воспоминаниях Фонтане отметил также, что Вольфзон был очень ему предан — более, чем он того заслуживал — и что впоследствии он не раз доказал свою преданность.⁴⁰ Вольфзон действительно всячески поддерживал Фонтане, нередко помогая нуждавшемуся поэту найти издателей для его сочинений или какую-нибудь журнальную работу, неизменно способствовал популяризации его лирического таланта, в том числе в лекциях о немецкой литературе, которые читал в России. Что касается Фонтане, то он не всегда мог отплатить Вольфзону тем же. Порой он даже долго не отвечал на письма друга, над «сентиментальностью» которого зачастую подтрунивал, и в целом вел себя довольно эгоистически по отношению к Вольфзону, который не менее его испытывал нужду и вдобавок имел другие, более серьезные жизненные проблемы в 1840-е годы (неопределенный статус иностранца-еврея в Германии, невозможность жениться и т. д.).

Как верно заметила Итта Шедлецки, в образе милого аптекаря-чудака португальского происхождения Алонзо Гизгюблера (Alonzo Gieshübler) Фонтане в одном из лучших своих романов — «Effi Briest» («Эффи Брист»; 1894–1895) — воздвигнул памятник давно почившему другу.⁴¹ Преданность Гизгюблера молодой героине в романе, над которым Фонтане работал в то же время, что и над воспоминаниями о юношеском пребывании в Лейпциге, напоминает Вольфзона. Старомодная учтивость Алонзо, его пристрастие к искусствам, наконец его «космополитизм» также навеяны Вольфзоном, в характеристике которого Фонтане в своих мемуарах выделял «изысканные манеры», тягу к «литературной и артистической жизни» и прежде всего к «международному общению».⁴² В том, что одна Эффи способна по-настоящему оценить доброту Гизгюблера, между тем как другие персонажи романа добродушно смеются над горбатым «эстетом» («Schönggeist»), чувствуется, пожалуй, тайный укор старого Фонтане, обращенный к себе самому.

Вернемся, однако, к хронологическому изложению событий жизни Вольфзона. Как установила К. Шульце, в октябре 1842 года Вольфзон,

---

war, so bin ich doch auf meinem Lebensgange, Bodenstedt abgerechnet, keinem begegnet, der auch nur den zehnten Teil davon gewußt hätte, vielen aber, die weit dahinter zurückblieben. Wer seinen Turgenjew kannte, der war befriedigt» (*Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig*. Цит. по публикации белой рукописи: *Fontane 1988*. S. 188).

⁴⁰ *Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig*. Цит. по: *Fontane 1988*. S. 188.

⁴¹ *Shedletzky I. «Des Juden Waffe»: Wilhelm Wolfsohns literarisches Werk im Kontext der deutsch-jüdischen Literatur des 19. Jahrhunderts // Fontane und Wolfsohn 2006*. S. 412–414.

⁴² Ср.: *Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig*. Цит. по: *Fontane 1988*. S. 188, 190.

который в Германии пользовался каждым представлявшимся случаем пообщаться с соотечественниками на русском языке, отправился из Лейпцига в Дрезден, чтобы познакомиться с Михаилом и Павлом Бакуниными.⁴³ Поскольку Тургенев в то время (с конца сентября до первых дней ноября 1842 г.) также находился в Дрездене вместе с братьями Бакуниными, не исключено, что Вольфзон уже тогда познакомился с ним,⁴⁴ то есть за девятнадцать лет до их единственной документально зафиксированной встречи (в Петербурге в мае 1861 г.). Не исключено, что тогда же Вольфзон ознакомился и с рукописью статьи М. А. Бакунина «Die Reaction in Deutschland» («Реакция в Германии»), которая была написана на немецком языке и появилась в октябре 1842 года в журнале «Deutsche Jahrbücher». Если Вольфзон тогда прочел эту статью, он, несомненно, вспомнил ее знаменитую заключительную фразу: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть»,⁴⁵ когда вновь встретился с Бакуниным в Лейпциге шесть лет спустя при более драматических обстоятельствах.

Летом 1843 года, вскоре после присуждения ему докторской степени Лейпцигского университета, Вольфзону пришлось вернуться в Россию, так как он уже давно превысил положенный для недворян срок пребывания за границей (три года). То обстоятельство, что его диссертация была посвящена министру народного просвещения С. С. Уварову, и вообще «патриотический» характер этой работы, по всей видимости, способствовали тому, что власти закрыли глаза на незаконную задержку Вольфзона.⁴⁶ Возвращение на родину, однако, оказалось тяжелым для Вольфзона, так как, с одной стороны, он был вынужден расстаться на неопределенное время с невестой и со своими немецкими друзьями — прежде всего с Фонтане, — а с другой, ему уже было трудно прижиться в Одессе. Ортодоксальный иудаизм, исповедовавшийся в его родном доме, как и меркантильный дух «Южной Пальмиры» были одинаково чужды выпускнику Лейпцигского университета.⁴⁷ Фонтане знал о сомнениях Вольфзона по поводу возможности в дальнейшем жить и работать в России. Так, в начале 1844 года он написал стихотворение «Einem Freunde in Odessa» («Одному другу в Одессе»), в котором увещевал

⁴³ См.: *Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig*. Цит. по: *Fontane 1988*. S. 22–23.

⁴⁴ За указание на эти обстоятельства благодарю В. А. Лукину.

⁴⁵ *Бакунин М. А. Собр. соч. и писем*: В 4 т. М., 1934–1935. Т. 3. С. 148.

⁴⁶ См.: *Schwan I. Wilhelm Wolfsohn als Student in Leipzig: Zwischen Handelsstadt und «Herwegh-Klub»*. S. 321.

⁴⁷ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 41.

Вольфзона переселиться в Германию навсегда, так как ему не было места в стране, где «население делится на шпионов, рабов и тиранов» («das Volk sich in Spione, Sklaven und Tyrannen teilt»)⁴⁸

Раскрыв свой лекторский дар на собраниях «клуба Гервега» в Лейпциге, Вольфзон выступал впоследствии в Одессе с лекциями о немецкой литературе, которые привлекали многочисленную публику. Намереваясь собрать материалы для продолжения антологии «Художественно-научная литература русских», в мае 1844 года он приехал в Москву, где задержался почти на полтора года. Как подчеркивает К. Шульце, пребывание Вольфзона в древней столице (а также менее продолжительное пребывание в Петербурге в ноябре 1845 г.) совпало с важным этапом в истории развития русской интеллигенции, когда разрыв между западниками и славянофилами уже совершился и он имел возможность завязать личные отношения с представителями обоих лагерей.⁴⁹

Через посредство Н. А. Мельгунова, с которым он познакомился еще в Лейпциге, Вольфзон стал вхож во многие московские дома, в том числе — издателя «Москвитянина» М. П. Погодина, С. П. Шевырева, князя П. А. Вяземского (покровительство последнего восемнадцать лет спустя пригодились Вольфзону в хлопотах по созданию журнала «Russische Revue»), Н. Ф. Павлова и его жены Каролины, салон которой посещали и славянофилы, и западники.⁵⁰ В Каролине Павловой, дочери обрусевшего немца, Вольфзон нашел искреннее сочувствие своему стремлению приблизить немецких читателей к русской литературе. Так, в мае 1845 года они совместно перевели на немецкий язык стихотворение А. А. Фета «Я вдаль иду моей дорогой...».⁵¹ Впоследствии она жила по соседству с Вольфзоном в Дрездене и сотрудничала в «Russische Revue».

---

⁴⁸ Опасаясь перлюстрации, Фонтане не мог послать эти стихи в Россию, но в письме к Вольфзону от 29 февраля н. ст. 1844 г. упомянул, что вскоре в одной немецкой газете появится обращенное к нему стихотворение. Однако оно так и не было опубликовано при жизни Фонтане. См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 3. Текст стихотворения, в котором одно место — «des Upas gift'ger Duft» («ядовитый аромат анчара») — позволяет сделать вывод о знакомстве Фонтане (через посредство Вольфзона?) с пушкинским «Анчаром» (1828), см. также: *Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn*. S. 175–176; *Fontane und Wolfsohn 2006*. S. 20–21.

⁴⁹ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 46.

⁵⁰ См.: *Ibid.* С. 47–48.

⁵¹ См.: *Göpfert F. Wilhelm Wolfsohn als Mittler zwischen russischer und deutscher Literatur aus heutiger Sicht // Fontane und Wolfsohn 2006*. S. 329–330.

Из всех новых московских знакомых, однако, самое сильное впечатление произвел на Вольфзона историк Т. Н. Грановский,⁵² чья тонкая душа была сродни его собственной. Как писал не без иронии Фонтане, Вольфзон был за «примирение и эвфемизмы, лишь бы избежать острых углов» («Ausgleich, Umkleidung, nur keine Kanten und Ecken»)⁵³ По-видимому, именно благодаря Грановскому Вольфзон познакомился также с А. И. Герценом и получил место домашнего учителя в семье Чичериных (с января по август 1845 г.). Будущий юрист и общественный деятель Б. Н. Чичерин в письмах к отцу очень положительно писал о новом учителе, который должен был подготовить его с братом к вступительным экзаменам в университет по латыни, немецкому языку и немецкой литературе, а в воспоминаниях, написанных много лет спустя, представил Вольфзона в смешном виде, указывая на его якобы поверхностные познания.⁵⁴ Свою преподавательскую работу у Чичериных Вольфзон вначале совмещал с публичными лекциями о немецкой литературе в Москве, об успехе которых трудно судить по предвзятым мемуарам Чичерина.

Эти занятия, конечно, не могли служить прочной основой к существованию, а были лишь временным источником дохода, пока Вольфзон собирал материалы, необходимые ему для задуманных последующих томов «Художественно-научной литературы русских». Саму антологию он хотел завершить по возвращении в Германию, так как, по-видимому, уже пришел к выводу, что дальнейших перспектив для проживания в России у него нет. Правда, в августе 1844 года благодаря хлопотам С. П. Шевырева Московский университет предложил ему место профессора немецкой литературы, но он отказался из-за того, что профессура была связана с необходимостью принятия православной веры, а Вольфзон, отправившись впервые за границу в октябре 1837 года, поклялся отцу, что никогда не переменит вероисповедания.⁵⁵

---

⁵² См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 49.

⁵³ *Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig*. Цит. по: *Fontane 1988*. S. 187.

⁵⁴ См.: *Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов / Вступит. ст. и коммент. Т. Ф. Пирожковой*. М., 1997. С. 23–24. Письма 16-летнего Б. Н. Чичерина к отцу о Вольфзоне опубликованы полностью: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 8, 9. К. Шульце намекает на то, что нелицеприятная характеристика Вольфзона в более поздних воспоминаниях Чичерина, возможно, объясняется тем, что Чичерин подсознательно сравнивал его со своим другим домашним учителем — Грановским. См.: *Ibid*. S. 51.

⁵⁵ См.: *Ibid*; *Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn / Hsg. von Wilhelm Wolters*. Berlin, 1910. S. 6.

Ein Lied von A. Feth.
 (Aus dem Amer. Sammelb. Mai 1845)

Ich zieh fort auf meine Wege,
 Und streif und wach ich gar,
 Das Gorgon ungeschultes Kugeln,
 Das Gorgon ungeschultes Kugeln.

So ist es mich liebend für mich wieder,
 Gold und in Gold mit mir leben,
 Und mich mit mir, sein Leben,
 dem Bögeln gleich, die man nicht zehnt.

Was ich auf diesen Planeten geschrieben,
 zu Volkswissen, was für ein
 Versprechen ist die Gorgonwörter,
 dem gottlich-erleuchteten Gange nach.

Стихотворение А. А. Фета «Я вдаль иду моей дорогой...»
 в переводе на немецкий язык В. Вольфсона и К. Павловой. Май 1845 г.
 Первая страница

Как уже отмечалось, «патриотический» характер проекта Вольфзона, стремившегося к тому, чтобы повысить репутацию русской литературы в Германии, не мог не расположить власти в его пользу. Поэтому не удивительно, что они разрешили ему снова отправиться за границу. Прежде чем вернуться в Лейпциг, Вольфзон в ноябре 1845 года остановился на несколько недель в Петербурге, чтобы составить себе понятие о литературной жизни северной столицы. Тогда он познакомился с издателем «Отечественных записок» А. А. Краевским и с несколькими сотрудниками этого журнала — И. И. Панаевым, В. А. Соллогубом, А. Н. Майковым, В. Ф. Одоевским и В. Г. Белинским. О последнем Вольфзон через год в статье для одного немецкого журнала писал, что до Белинского «ни один русский не писал о своей родной литературе так умно и с такой живой искренностью».⁵⁶ Князь Одоевский пятнадцать лет спустя оказал деятельную помощь Вольфзону при создании «Russische Revue». В его доме Вольфзон стал свидетелем одного из ярчайших событий русской литературной жизни 1840-х годов, а именно восторженного приема, оказанного публикой роману Достоевского «Бедные люди», который в то время печатался в «Отечественных записках». Под свежим впечатлением от самого романа, в котором, несмотря на некоторые длинноты, он услышал «настоящую поэзию сердца» («wirkliche Poesie des Herzens»)⁵⁷ и значение которого сразу оценил, Вольфзон, уже в Лейпциге, перевел фрагмент из него — «Дневник Вареньки». В конце 1846 года или начале 1847 года этот отрывок был напечатан в до сих пор не установленной немецкой газете, а в 1863 году Вольфзон включил его в очерк о Достоевском, который сопровождал выполненный им перевод четырех глав «Записок из Мертвого дома», напечатанный в «Russische Revue».⁵⁸

---

⁵⁶ Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft. 1846. H. 11/12. S. 445. Цит. по: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 249. А. Б. Ботникова называет этот раздел статьи Вольфзона «первой развернутой характеристикой деятельности Белинского, появившейся на немецком языке» (Ботникова А. Б. Вильгельм Вольфзон (Из истории русско-немецких литературных связей в XIX в.). С. 119).

⁵⁷ *W<olfsohn> W<ilhelm>*. Theodor Dostojewsky und seine sibirischen Memoiren // *Russische Revue*. 1863. Bd. 1. H. 2. [Februar]. S. 143.

⁵⁸ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 204. Перевод Вольфзона, однако, не был первым: в конце сентября ст. ст. (начале октября н. ст.) 1846 г. в «St. Petersburgische Zeitung» появился перевод того же фрагмента, осуществленный Фердинандом Лёве (Löwe) (№ 212–217). См. об этом: *Schultze Ch. Die Erstübersetzung von F. M. Dostoevskijs Roman «Бедные люди» in deutschsprachigen Publikationsorganen // Zeitschrift für Slawistik*. 1981. Bd. 26. H. 6. S. 864–873.

Подытоживая результаты пребывания Вольфсона в Москве и Петербурге с мая 1844 года по ноябрь 1845 года, К. Шульце справедливо отмечает, что здесь было положено начало всей его дальнейшей деятельности как пропагандиста русской литературы в Германии.⁵⁹ Знакомство и тесное общение со многими литераторами и представителями двух главных лагерей русской интеллигенции — западничества и славянофильства — позволили впоследствии Вольфзону более объективно, по сравнению с другими его современниками в Германии, рассуждать о развитии русской литературы и о темах, волновавших ее.⁶⁰ Непосредственная близость к «пульсу» русской общественной жизни, между прочим, является дополнительным фактором, объясняющим решение Вольфсона перевести роман Тургенева «Отцы и дети».

Если в начале своей переводческой деятельности Вольфзон занимался почти исключительно поэзией, то, вернувшись в Лейпциг в конце 1845 года, он стал обращаться преимущественно к прозе. Так, вскоре он перевел повести Гоголя «Страшная месть» и «Майская ночь», которые первоначально, как и перевод повести Пушкина «Капитанская дочка», должны были войти в задуманное им продолжение антологии. Однако из-за необходимости заработать деньги в 1846 и 1847 годах он поместил переводы небольших по размеру произведений (повестей Гоголя и Н. Ф. Павлова) в немецких газетах, откуда они потом перешли в изданное Брокгаузом трехтомное собрание «*Rußlands Novellendichter*» (Leipzig, 1848–1851).⁶¹ Как и в антологии-диссертации Вольфсона, переводы в этом собрании сопровождались обстоятельными биографическо-критическими очерками о представленных им русских авторах.

Накануне отъезда Вольфсона из России, благодаря ходатайству четы Павловых и Н. А. Мельгунова, М. П. Погодин и А. А. Краевский выплатили ему вперед как человеку, по словам Мельгунова, «весьма и весьма нуждающемуся»⁶² деньги за статьи, которые тот должен был написать в Германии для «Москвитянина» и «Отечественных записок». Склонный к перфекционизму, Вольфзон, однако, медлил с составлением

---

⁵⁹ *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 54.

⁶⁰ См.: *Ibid.* S. 55–56.

⁶¹ В первый том (1848) были включены его переводы повестей Е. А. Ган «Джеллаледдин» и «Утбалла» и повести Пушкина «Капитанская дочка», во второй (вышедший также в 1848 г.) — повестей Н. Ф. Павлова «Маскарад», «Именины», «Миллион» и «Ятаган», а в третий (1851) — романа Герцена «Кто виноват?».

⁶² Из письма Н. А. Мельгунова к М. П. Погодину, написанного в конце октября 1845 г. Цит. по: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 12.

большой статьи о Вольфраме фон Эшенбахе для журнала Краевского, и она так и не была напечатана. Из по меньшей мере шести статей, посланных им Краевскому, лишь одна появилась в «Отечественных записках», а именно написанные Вольфзоном на русском языке «Литературные заметки из Германии».⁶³ Публичные лекции, по-видимому, являлись для Вольфзона более надежным источником дохода, и с февраля по май 1846 года он читал в Дрездене курс средневековой немецкой поэзии, а с ноября 1846 года по февраль 1847 года в Лейпциге — лекции о Лессинге и Шиллере.

Вольфзон выступал с лекциями о немецкой литературе и в Берлине, где пребывал с января по март 1848 года. Тогда же он имел возможность общаться не только с другом юности Фонтане, но и с К.-А. Фарнгагеном фон Энзе — автором одних из самых первых статей о Пушкине и Лермонтове в немецкой прессе. Невольно став свидетелем революционных событий марта 1848 года, Вольфзон, судя по некоторым фрагментам статьи, появившейся в «Москвитянине» год спустя,⁶⁴ принимал близко к сердцу страдания берлинских рабочих и ремесленников, чье восстание было жестоко подавлено прусской армией, но, как подчеркивает К. Шульце, ни тогда, ни впоследствии не был сторонником насильственных переворотов.⁶⁵ Несмотря на свою веру в «шиллеровские» идеалы свободы и прогресса и на свое сочувствие идее объединенной Германии, он неизменно держался в стороне от политики.

Тем не менее революция неожиданно вторглась в жизнь Вольфзона, когда ночью с 28 сентября (10 октября) на 29 сентября (11 октября) 1848 года М. А. Бакунин постучал в дверь его квартиры в Лейпциге.⁶⁶ О том, что тогда произошло между ними, Вольфзон много лет спустя рассказал двум русским знакомым. Приведем сначала изложение этой встречи в дневнике А. В. Никитенко: «Рассказал мне анекдот о Бакунине, когда тот бушевал в Лейпциге, в 1848 г. Бакунин находился в большой опасности; его преследовали, и если б он был пойман, то его расстреляли бы. Спасаясь от преследователей, Бакунин явился к Вольфзону и

---

⁶³ См.: ОЗ. 1846. № 8. Перепечатано: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 63, Anlage 43.

⁶⁴ *W<olfsohn>*. Заграничная хроника (Письмо лейпцигского корреспондента, от 14 февр. н. с.) // *Москвитянин*. 1849. № 5. Март. Отд. V: Разные известия. С. 7–13. Это одна из двух статей Вольфзона, которые появились в этом журнале. Перепечатано: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 44.

⁶⁵ См.: *Ibid.* S. 70.

⁶⁶ О точной датировке этой встречи см.: *Hexelschneider E. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland 1790–1849*. S. 352–353.

просил у него убежища на ночь. Вольфсон скрыл его у себя. В следующее утро на прощанье Бакунин сказал ему: „Ты оказал мне услугу, поэтому предупреждаю тебя: если наша возьмет верх — не попадайся мне: повешу или расстреляю“. Во время резни в Дрездене в том же году Бакунин, по словам того же Вольфсона, направлял пушки на картинную галерею». ⁶⁷

О причинах такой, казалось бы, исполненной неблагодарности выходки Бакунина мы узнаем из более пространного пересказа В. Ф. Одоевского, с которым Вольфсон встретился в Петербурге в марте 1861 года: «Вольфсон рассказывал мне, что он было принялся увещевать Бакунина отстать от той нелепой партии, где он ораторствовал в Саксонии. Бакунин благодарил его, но напомнил ему сказку Пугачева в „Капитанской дочке“ и прибавил, что в случае, когда у него будет власть — он его непременно повесит, ибо находит, что такие либеральные филантропы с добрым и благородным сердцем всего более портят *их* дело; что дело социальное принадлежит не одному поколению, но двум, из коих одно должно все существующее разрушить, а другое устроить; что первое и не знает и не хочет знать, *чем* должно заменить старое; что его дело есть лишь *разрушить*». ⁶⁸

Итак, именно «аполитичность» Вольфсона оказалась Бакунину не по вкусу и побудила его к «пугачевской» угрозе в адрес спасителя. Когда Вольфсон в приобретенном им весной 1863 года экземпляре «Отцов и детей» читал реплики Базарова в знаменитом споре с Павлом Петровичем Кирсановым в главе X и затем его же прощальные слова Аркадию в главе XXVI: «Ваш брат дворянин дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может <...>», он не мог не вспомнить о своей знаменательной встрече с Бакуниным в ту октябрьскую ночь 1848 года. Судя по вышеприведенной выдержке из дневника А. В. Никитенко, Вольфсон поверил в правдивость истории, согласно которой во время восстания в Дрездене в мае 1849 года Бакунин намеревался вывесить на баррикадах «Сикстинскую Мадонну» и другие картины из Дрезденской галереи, чтобы помешать прусским солдатам обстреливать повстанцев. ⁶⁹ Тем не менее «либеральный филантроп» Вольфсон

---

⁶⁷ Никитенко. Т. 2. С. 285–286. Запись от 20 июня н. ст. 1862 г.

⁶⁸ «Текущая хроника и особые происшествия»: Дневник В. Ф. Одоевского 1859–1869 гг. / Вступит. ст. Б. Козьмина, ред. текста и предисл. М. Брискмана // ЛН. Т. 22–24. С. 130. Запись от 3 (15) марта 1861 г.

⁶⁹ См. об этой истории: *Hexelschneider E. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland 1790–1849. S. 543–544.*

сумел по достоинству оценить столь несхожий с его собственным характер Бакунина. В разговоре с Фарнгагеном фон Энзе, состоявшемся в Берлине в октябре 1850 года, он подчеркнул «героическую храбрость и благородство души», проявленные Бакуниным во время заключения в крепости Кёнигштейн.⁷⁰ Опыт общения с настоящим бунтовщиком впоследствии позволил Вольфзону во многом лучше других понять сложное отношение Тургенева к Базарову.

Революционные события, потрясшие Европу в 1848–1849 годах, косвенно обрекли на неудачу возобновившиеся в начале 1849 года попытки Вольфзона стать постоянным заграничным сотрудником русских журналов. Лишь две из восьми корреспонденций, посланных им Погодину, были напечатаны в «Москвитянине», так как сообщения о любых, даже не имевших отношения к политике событиях в Европе вызывали подозрения царской цензуры.⁷¹ И хотя Краевский — которому Вольфзон летом 1849 года писал: «...я желал и желаю быть в литературных сношениях с Россией, а именно чрез Ваш журнал <...>»,⁷² — согласился ежемесячно помещать в «Отечественных записках» четыре его обзора французских и немецких книжных новинок, постановление русского правительства, согласно которому иностранные книги подлежали обязательному рассмотрению особым Комитетом цензуры, прежде чем их можно было рецензировать в русских журналах, разрушило эти планы.⁷³

Вольфзон продолжал между тем читать в Лейпциге публичные лекции по истории немецкой литературы, а зимой 1849/50 года — в Дрездене, где познакомился с драматургом Отто Людвигом, произведения которого стал активно пропагандировать. В свою очередь, пример Людвиг впоследствии побудил самого Вольфзона обратиться к драматургии.⁷⁴ К этой стороне его деятельности мы еще вернемся.

Во второй половине 1850 года Вольфзон впервые предпринял попытку издавать собственный журнал, став вместе с «левым» литератором Робертом Пруцом (Prutz) соредактором журнала «Deutsches Museum». С этим шагом он, очевидно, связывал надежды на прочное финансовое благополучие. Однако уже в сентябре 1851 года Вольфзон отказался от своего поста — отчасти из-за того, что не смог убедить Пруца при-

---

⁷⁰ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 76.

⁷¹ См.: *Ibid.* S. 78.

⁷² Цит. по: *Ibid.* Anlage 23. Письмо к А. А. Краевскому от 27 июля (8 августа) 1849 г.

⁷³ См.: *Ibid.* S. 79.

⁷⁴ См.: *Ibid.* S. 84.

гласить Фонтане в качестве берлинского корреспондента журнала, отчасти из-за опасений, что сам факт редактирования либерального журнала повлечет за собой немилость немецких — и русских — властей. Ведь Вольфзон оставался русским подданным, а срок действия его паспорта уже давно истек, что легко могло привести к неприятностям. К тому времени он уже неоднократно подавал прошение о подданстве в нескольких немецких государствах (в том числе в Саксонии), но каждый раз терпел неудачу, поскольку для этого требовалось свидетельство об эмиграции из России — документ, который Вольфзон из-за Указа 1834 года никак не мог получить. О его тяжелом положении «бездомного скитальца» свидетельствует письмо, которое он отправил Фарнгагену фон Энзе в конце 1850 года.⁷⁵ Вместе с тем, пытаясь получить германское подданство, он искренне писал А. А. Краевскому: «...я питал и питаю непреодолимое желание оставаться в какой-нибудь литературной связи с Россией, которую, Вы знаете, я искренно люблю и которой любить не перестану».⁷⁶

Нравственные страдания Вольфзона, связанные с его «скитальчеством», прекратились 13 декабря н. ст. 1851 года, когда муниципальные власти г. Дессау дали ему гражданство герцогства Ангальт-Дессау без предъявления свидетельства об эмиграции. Две недели спустя в столице этого маленького государства он смог наконец жениться на Эмилии Гей, на протяжении 11 лет остававшейся его невестой, так как браки между евреями и христианами стали возможны в Ангальт-Дессау с принятием новой конституции в 1848 году.⁷⁷

Новый 1852-й год не только принес Вольфзону долгожданное семейное счастье, но и стал своеобразной вехой, означавшей конец первой фазы его деятельности как переводчика и пропагандиста русской литературы в Германии. На протяжении истекшего года в Лейпциге вышли и последний том уже упомянутого трехтомного собрания «*Rußlands Novellendichter*» с переводом романа А. И. Герцена «Кто виноват?»,⁷⁸

---

⁷⁵ Пространные выдержки из письма к Фарнгагену фон Энзе от 19 (31) декабря 1850 г. см.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 88–89; *Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn*. S. 231–232. Полностью письмо опубликовано: *Fontane und Wolfsohn 2006*. S. 247–248.

⁷⁶ Цит. по: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 24. Письмо от 1 (13) февраля 1851 г.

⁷⁷ См.: *Ibid.* S. 91; *Fontane und Wolfsohn 2006*. S. XII.

⁷⁸ Вольфзон снабдил этот перевод, над которым работал в 1847–1850 гг., предисловием, явившимся «первым подробным очерком о Герцене на немецком языке» (*Ботникова А. Б. Вильгельм Вольфзон (Из истории русско-немецких литературных связей в XIX в.)*. С. 126).

и книга «Russisches Leben und Dichten», в которую вошли переводы повестей В. А. Соллогуба («Большой свет») и Н. В. Гоголя («Страшная месть», «Шинель» и «Старосветские помещики»).⁷⁹ В 1851 году в Дессау вышло также двухтомное собрание «Erzählungen aus Rußland», включавшее в себя переводы повестей Гоголя, Соллогуба, Одоевского и Елены Ган. После появления в 1852 году — опять-таки в Дессау — его анонимного перевода исторического романа И. И. Лажечникова «Последний новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого»⁸⁰ Вольфзон в течение десяти лет не брался за переводы русской художественной прозы.

Это, разумеется, не значит, что интерес Вольфзона к литературе отчизны охладел после того, как он стал немецким подданным. Напротив, узнав о смерти Гоголя, он сразу приступил к составлению некрологической статьи о великом писателе, которую в начале апреля 1852 года попытался поместить в газете «Augsburger Allgemeine Zeitung». Это ему не удалось — возможно, из-за того что некрологу предшествовал обзор развития русской литературы, в котором, как установила К. Шульце, в некоторой степени заметно влияние книги Герцена «О развитии революционных идей в России». Лишь в феврале 1853 года его статья-некролог появилась в лейпцигском журнале «Blätter für literarische Unterhaltung».⁸¹ С другой стороны, Вольфзон по какой-то причине не решился перевести повесть Герцена «Долг прежде всего», рукопись которой автор послал ему в октябре 1851 года.⁸² Раздраженный подобной нерешительностью, Герцен в письме к М. К. Рейхель назвал Вольфзона «сыном зайца», обыграв таким образом его фамилию (от нем. Wolfsohn — «сын волка») в каламбуре.⁸³

---

⁷⁹ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 217. Переводы «Шинели» и «Старосветских помещиков» были в 1863–1864 гг. перепечатаны в «Russische Revue». Вольфзон в итоге перевел четыре повести Гоголя.

⁸⁰ Вдова Вольфзона в письме к старшему сыну поясняла, что его отец был не вполне доволен своим переводом этого романа и поэтому выпустил его анонимно, так же он поступил и в нескольких других случаях. См.: *Ibid.* S. 61. Anm. 4.

⁸¹ См.: *Ibid.* S. 222–223. В эту статью Вольфзон включил свой перевод стихотворения Лермонтова «Смерть поэта». По мнению К. Шульце, это первый немецкий перевод, достойный подлинника, поскольку перевод Боденштедта, появившийся в ноябре 1852 г., она называет «более чем пошлым».

⁸² См. об этом: Ранняя редакция повести «Долг прежде всего» / Публ. Ю. Красовского // *ЛН*. Т. 61. С. 27–88.

⁸³ «Волчий сын — сын зайца, чего боится, сам не знает» (*Герцен*. Т. 25. С. 82). Письмо от 10 (22) июля 1853 г.

В провинциальном городке Дессау Вольфзон с женой прожили недолго. Уже в июне 1852 года они переселились в Дрезден, столицу Саксонии, где Вольфзон провел оставшиеся годы жизни. В ноябре 1852 года родился его старший сын Вильгельм, которого он, во избежание неприятностей, обязался окрестить по христианскому обряду и воспитывать в христианской школе. Так же он поступил и при рождении трех других своих детей. Старший сын Вольфзона Вильгельм впоследствии принял «немецкую» фамилию Вольтерс (Wolters) и под этим именем стал в 1880-е годы автором нескольких комедий, которые с успехом игрались в Дрездене.⁸⁴

В атмосфере насыщенной культурной жизни Дрездена — «Эльбской Флоренции», как называли город, — Вольфзон чувствовал себя как нельзя лучше. Там он общался с такими видными художниками, как скульптор Эрнст Ритшель (Rietschel), автор памятника Гёте и Шиллеру в Веймаре,⁸⁵ который около 1858 года по заказу М. К. Рейхель создал для Герцена бюст Т. Н. Грановского (ныне утрачен).⁸⁶ Близким другом Вольфзона стал Бертольд Ауэрбах, который до марта 1859 года жил по соседству, на одной с ним улице в Дрездене и с которым Вольфзон вел оживленную переписку после того, как с конца 1860 года знаменитый автор «Шварцвальдских деревенских рассказов» навсегда поселился в Берлине. Вместе с Ауэрбахом Вольфзон принял активное участие в основании Фонда Шиллера (Deutsche Schillerstiftung) в 1859 году, к столетию со дня рождения великого поэта.⁸⁷

Вольфзон и в Дрездене на протяжении 1850-х годов продолжал выступать с публичными лекциями о Гёте, Шиллере и Лессинге. Для научного фельетона газеты «Leipziger Zeitung» он составил больше пятидесяти «Писем о культуре» («Kulturbriefe»), из которых лишь три были посвящены русской литературе.⁸⁸ Тем не менее история и современная

---

⁸⁴ См. об этом: *Hexelschneider E.* Wilhelm Wolfsohn: Ein jüdischer Kulturmittler zwischen Rußland und Deutschland. S. 61. Вильгельм Вольтерс в 1910 г. осуществил первое издание переписки Фонтане со своим отцом.

⁸⁵ Ср. хвалебные слова Тургенева об этом памятнике в его статье «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре»: «А вот и двойная статуя, воздвигнутая Ритчелем „dem Dichter paar“ — поэтической чете, — статуя, по которой ваятели могут учиться, как *надо* делать... <...>» (*ИССУП(2)*). Соч. Т. 10. С. 299).

⁸⁶ Изображение этого бюста можно увидеть на фотографии 1870-х гг., воспроизведенной в «Литературном наследстве» (Т. 61. С. 569) и озаглавленной «Кабинет Огарева».

⁸⁷ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 154.

⁸⁸ См.: *Ibid.* S. 107. Anm. 1.

Бертольд Ауэрбах. Гравюра на меди по наброску Фр. Пехта. Около 1850 г.

жизнь России не переставали привлекать его внимание, о чем свидетельствует тематика двух первых из трех принадлежащих его перу и ныне забытых театральных пьес. Так, в первой из них — «Zar und Bürger» («Царь и бюргер») — он обратился к периоду европеизации России при Петре Великом. Благодаря хлопотам Отто Людвига эта пьеса была впервые поставлена в Карлсруэ в декабре 1853 года, а уже месяц спустя прошла и на дрезденской сцене.

Вторая пьеса Вольфсона — «Nur eine Seele» («Только одна душа») — являлась открыто тенденциозной драмой, направленной против крепостничества. По собственному признанию автора, образ славянофила Анатолия, который помогает спасти от гибели героя пьесы Александра Волинского — прогрессивного дворянина, отпустившего своих крестьян

на волю и женившегося на крепостной девушке Елене («одной душе» из заглавия пьесы), — был навеян К. С. Аксаковым, с которым Вольфзон познакомился в Москве в 1844 году.⁸⁹ Пьеса «Только одна душа», которую Вольфзон посвятил Фонтане,⁹⁰ начатая еще при Николае I, была закончена после вступления на престол Александра II. Ее ждал несомненный успех — впервые поставленная в Лейпциге в феврале 1855 года, она впоследствии прошла на сценах важнейших немецкоязычных театров (Берлин, Франкфурт-на-Одере, Кёльн, Прага, Данциг, Вена, Грац и Дрезден), что объясняется прежде всего искусственным «счастливым концом», в котором отразились надежды на нового императора.⁹¹ Если после заключительного представления в Лейпцигском городском театре в сентябре 1865 года, которое было устроено в пользу семьи недавно скончавшегося Вольфзона, пьеса «Только одна душа» совсем исчезла из репертуара немецких театров, то в России она, как доказала К. Шульце в своей диссертации, под другим заглавием — «Было да прошло» — постоянно шла на петербургской сцене на протяжении пятидесяти лет. Она ставилась преимущественно в память освобождения крестьян.⁹²

В своей третьей драме — «Die Osternacht» («Ночь на Пасху»), — премьера которой состоялась в Дрездене в феврале 1858 года, Вольфзон объявил борьбу другой несправедливости — вопиющему навету на евреев, будто бы убивавших христиан для использования их крови в своих религиозных ритуалах. После некоторой обработки эта пьеса была в 1862 году поставлена в Берлине и в Лейпциге, но была холодно принята публикой и не удержалась в репертуаре.⁹³

Хотя Вольфзон в 1850-е годы активно не занимался пропагандой современной русской литературы, он не терял ее из виду, так как, являясь одним из самых выдающихся представителей так называемой «русской

---

⁸⁹ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 101.

⁹⁰ Посвящение гласит: «Meinem Freunde Theodor Fontane gewidmet» («Посвящается моему другу Теодору Фонтане»). См.: *Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn*. S. 243.

⁹¹ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 99.

⁹² В основу этой версии («Было да прошло. Комедия в 4-х актах, переделанная из пьесы Вольфзона „Nur eine Seele“ О. О. Новицким и В. И. Родиславским»; впервые поставлена в Александринском театре 11 (23) сентября 1863 г.) был положен русский перевод, осуществленный Оскаром Беккером и вышедший в Лейпциге в 1860 г. Об авторстве Вольфзона в России скоро забыли. См.: *Ibid.* S. 104–105.

⁹³ См.: *Ibid.* S. 94–95. Текст шести картин из этой пьесы см.: *Fontane und Wolfsohn 2006*. S. 225–246.

колонии» в Дрездене⁹⁴ и будучи гостеприимным по своей натуре, всегда держал дом открытым для многочисленных русских литераторов, посещавших саксонскую столицу. Так, в сентябре 1858 года, когда князь Одоевский, возвращаясь в Россию из Йены, где он был удостоен почетной степени доктора философии за педагогические заслуги, остановился в Дрездене, Вольфзон усердно заботился о нем.⁹⁵ Графа А. К. Толстого, который не раз проводил летние месяцы в Дрездене, Вольфзон познакомил с Бертольдом Ауэрбахом.⁹⁶ В 1859 году, с приездом Каролины Павловой, которая после развода с мужем навсегда переселилась в Дрезден, русская колония пополнилась еще одним центром притяжения для русских путешественников. Во фрагменте, озаглавленном «От Москвы до Дрездена», который К. Павлова написала в марте 1859 года и который ныне хранится в Рукописном отделе ИРЛИ, она самым лестным образом высказывалась о своем новом соседе: «Вольфзон, тот самый, который провел несколько лет в России, переводчик *par excellence* (по преимуществу — франц.). Я не знаю, кто бы мог лучше его перелить в форму немецкого языка стихи Пушкина и Лермонтова. Он мог бы составить себе имя одними своими переводами, если бы не составил себе имени иначе, а особенно успехом пьесы: „Nur eine Seele“, где картины русских нравов и крепостного состояния, на которые смотря, мы теперь, слава Богу, можем более, чем прежде *faire bonne contenance* (сохранять хладнокровие — франц.)».⁹⁷

Павлова тогда и не подозревала, что Вольфзон вскоре вернется к деятельности переводчика и пропагандиста русской литературы в Германии. По предположению Франка Гёпферта, мысль издавать немецкоязычный журнал о России пришла к Вольфзону во время бесед, которые он в январе 1860 года имел с И. С. Аксаковым в Дрездене, куда тот приехал в надежде найти переводчика для задуманного им сборника славя-

---

⁹⁴ О «русской колонии» в Дрездене см.: *Hexelschneider E. Wilhelm Wolfsohn und die russische Kolonie in Dresden // Fontane und Wolfsohn 2006. S. 338–343.*

⁹⁵ См. письмо Вольфзона к В. Ф. Одоевскому от 31 августа (12 сентября) 1858 г.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken. Anlage 30.*

⁹⁶ См. письмо А. К. Толстого к Ауэрбаху от 8 (20) марта 1863 г.: *Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 153.*

⁹⁷ Цит. по: *Файнштейн М. Ш. «Меня Вы назвали поэтом...»: Жизнь и литературное творчество К. К. Павловой в ретроспективе времени. Фихтенвальде, 2002. С. 79.* Указание на эту публикацию см.: *Hexelschneider E. Wilhelm Wolfsohn und die russische Kolonie in Dresden. S. 351.* На этот фрагмент воспоминаний К. К. Павловой ссылалась уже К. Шульце в своей диссертации. См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken. S. 108. Anm. 4.*

нофильских статей из русских журналов.⁹⁸ Прочитируем письмо Аксакова к семье, в котором отразилось положение Вольфзона накануне создания «Russische Revue»: «В Дрездене я виделся с Вольфзоном, тем самым, который когда-то жил в Москве и знаком с Константином; он с большим уважением и участием относится к Константину и просил передать, что хоть он и выставил его в своей комедии „Nur eine Seele“, но выставил так, что ты, Константин, можешь быть доволен, как самого либерального, честного и чистого человека, славянофила, штудировавшего в Германии и женившегося на крестьянке. Вольфзон говорит очень хорошо по-русски (он родился в Одессе), здесь занимает довольно видное место и издает от времени до времени переводы разных русских оригинальных произведений, которые можно добыть в Германии. Так как он незнаком почти с сочинениями Отесиньки, то я дал ему их прочесть с тем, чтобы он познакомил с ними настоящим образом немецкую публику. Он, кажется, в эстетическом отношении довольно развит и оценить способен, хотя отчасти. Мысли издать „Russische Ideen“ (заглавие задуманного сборника. — Л. С.) он вполне сочувствует и готов заняться переводом, только не раньше апреля месяца. Вообще здесь он известен под именем русофила, и сам меня уверял, что будущность принадлежит только русскому крестьянину, разумеется — женатому на *Deutsche Cultur und Bildung* (немецкой культуре и образовании — нем.). <...> Впрочем, он же мне рассказывал о равнодушии и о презрении немецкого ученого мира к русской духовной деятельности, и вообще о нелюбви к русским европейцев».⁹⁹

Будучи некрещеным евреем, Вольфзон, однако, в глазах Аксакова не вполне подходил в переводчики славянофильского сборника, и в конце концов ему удалось в Мюнхене завербовать самого известного в те годы переводчика с русского на немецкий — Фр. Боденштедта. Под заглавием «Russische Fragmente» этот сборник в переводе Боденштедта вышел в двух томах в Лейпциге в 1862 году.¹⁰⁰

Как уже отмечалось выше, около 1860 года, накануне эпохи «великих реформ» в России, у Вольфзона возникла мысль создать журнал,

---

⁹⁸ См.: *Göpfert F.* Wilhelm Wolfsohn als Mittler zwischen russischer und deutscher Literatur aus heutiger Sicht. S. 335.

⁹⁹ Цит. по: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: В 3 т. М., 2004. Т. 3. С. 40–41. Письмо к родным от 23 января (4 февраля) 1860 г.

¹⁰⁰ См.: *Thiergen P.* Wilhelm Heinrich Riehl in Rußland (1856–1886). Gießen, 1978. S. 218; *Hexelschneider E.* Wilhelm Wolfsohn und die russische Kolonie in Dresden. S. 355.

посредством которого можно было бы знакомить «равнодушную» или даже враждебно настроенную немецкую публику с успехами родной страны, в том числе с самыми последними достижениями в области литературы. Для небогатого человека осуществление подобной затеи было невысказано без финансовой поддержки, и Вольфзон за ней обратился, естественно, к русскому правительству, которое почти двадцать лет тому назад уже благосклонно отнеслось к его «пропагандистской» деятельности. С этой целью — а также чтобы по просьбе Ауэрбаха содействовать помещению перевода его романа «Edelweiß» в журнале «Современник» до появления немецкого отдельного издания¹⁰¹ — в начале 1861 года Вольфзон отправился в Россию. Будучи приглашенным на банкет в честь П. А. Вяземского, устроенный Академией наук 2 (14) марта 1861 года, Вольфзон получил возможность посвятить в свою затею таких влиятельных министров, как Евг. П. Ковалевский и П. А. Валуев. За него хлопотали также Вяземский и Одоевский, которые уже давно сочувственно следили за деятельностью Вольфзона в Германии. В упоминавшемся выше письме к Ковалевскому, написанном во время пребывания в Петербурге, он подробно изложил проект нового журнала: «...содержание его будет состоять из статей, кои бы давали вразумительное для западных читателей понятие о произведениях науки и художеств в России, о народных нравах, об общественных учреждениях и заведениях, о замечательных городах, людях и проч., но при сем будет строго исключено *все политическое*. Во всем, как в точке зрения, так и самом тоне, будет соблюдаема везде благородная независимость и неподкупность суждений, соединенные с нравственным и гуманным достоинством, умеренностию и надлежащею почтительностию. / Это предприятие тогда лишь только может иметь значение и влияние, если оно приобретет и заслужит доверие в Германии и если я не подам ни малейшего повода сомневаться в чистоте и искренности моих видов и в добросовестности моего направления. Лишь под сим условием я могу надеяться, что мой честный труд встретит честную и беспристрастную оценку, и тогда он не останется без благих последствий, так что журнал мой может сделаться истинным посредником между Россией и Германиею».¹⁰²

Как мы увидим, говоря о необходимости «строго» исключить из журнала «все политическое», Вольфзон не без оснований опасался обвине-

---

¹⁰¹ О безуспешных попытках пристроить роман Ауэрбаха в «Современник», а также об участии Л. Н. Толстого, большого поклонника творчества немецкого писателя, см.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 163–170.

¹⁰² Цит. по: *Ibid.* Anlage 33. Письмо от 29 марта (10 апреля) 1861 г.

ний в том, что он является агентом русского правительства. Далее Вольфзон просил обеспечить его экземплярами всех ведущих официальных и частных журналов, издававшихся в России.

Прекрасно сознавая, что бюрократические жернова русского правительства вращаются медленно и что продвижение проекта потребует его личного присутствия в России, Вольфзон еще до отъезда из Дрездена, по-видимому, предполагал, что задержится в Петербурге. Он, однако, не сидел там сложа руки, использовав представившуюся возможность пополнить библиотеку русскими книгами. Кроме того, в течение апреля 1861 года он прочел в зале Бенардаки на Невском четыре публичные лекции — на русском языке — о драматических сочинениях Шиллера.¹⁰³ Немецкоязычная газета «St. Petersburger Zeitung» восторженно отозвалась об ораторском даре Вольфзона и о том, что он сумел прочесть двухчасовую лекцию свободно, без какого-либо конспекта. В середине мая ст. ст. 1861 года состоялась петербургская встреча Вольфзона и Тургенева, единственным подтверждением которой пока является упомянутая выше фотография Тургенева с дарственной надписью. По просьбе Ковалевского, 7 (19) мая 1861 года Вольфзон отправил в Министерство народного просвещения подробный список необходимых ему журналов и газет и объяснил, как их следовало пересылать в Дрезден.¹⁰⁴ О благоприятном результате хлопот Вольфзон узнал от самого Ковалевского восемь дней спустя. В приписке к прошению на имя Александра II о пособии для Вольфзона Ковалевский отметил: «Государю императору благоугодно было изъявить согласие на предложение доктора Вольфзона и повелеть производить ему пособие из Государственного Казначейства по три тысячи рублей ежегодно, пока правительство будет признавать нужным поддерживать предполагаемое Вольфзоном издание и доколе оно будет соответствовать его видам. 6 мая 1861 года, Царское Село».¹⁰⁵

Вернувшись в Дрезден, Вольфзон в августе 1861 года действительно получил сумму в 2835 талеров, которая соответствовала примерно 3000 рублей. За вычетом денег, которые шли на оплату заказанных статей и расходов по изданию журнала, на его долю, как замечает К. Шульце,

---

¹⁰³ См. письмо Ег. П. Ковалевского от 10 (22) марта 1861 г. к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа с просьбой разрешить Вольфзону выступить с чтением лекций: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 32. В. А. Лукиной удалось обнаружить в Рукописном отделе ИРЛИ письмо Вольфзона к П. А. Плетневу с приглашением на эту серию лекций (Ф. 234 (П. А. Плетнев). Оп. 3. № 127).

¹⁰⁴ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 34.

¹⁰⁵ Цит. по: *Ibid.* Anlage 35.

оставалось очень мало.¹⁰⁶ К тому же финансовая поддержка от русского правительства оказалась недолговременной. Новый министр народного просвещения Е. В. Путятин, который в июне 1861 года сменил Ковалевского, отказался доставлять Вольфзону требуемые журналы, так как это обошлось бы казне слишком дорого. Вольфзон был принужден 3 (15) сентября 1861 года разослать письма в редакции всех основных русских журналов с «покорнейшею просьбою немедленно выслать мне, в обмен на мое издание, один экземпляр всех номеров Вашего журнала, начиная с 1-го января текущего года, дабы я мог иметь пред глазами самый полный обзор всех произведений русской современной литературы».¹⁰⁷ Для некоторых современников, однако, одного факта, что Вольфзон стал получать денежное пособие от русского правительства, было достаточно, чтобы оклеветать его. Так, Л. П. Блюммер, бежавший в 1861 году в Берлин после студенческих волнений в Петербурге, в самом первом номере основанного им там русскоязычного журнала «Свободное слово» назвал «немецкого литератора Вольфзона» среди лиц, продавших свои услуги царскому правительству.¹⁰⁸

Если принять во внимание все затруднения, которые Вольфзону пришлось преодолеть, не удивительно, что первый номер журнала «Russische Revue» появился лишь в мае 1862 года. Исполняя одновременно должности издателя и редактора нового журнала, Вольфзон вынужден был как заботиться о материальной стороне дела, так и перечитать огромное количество русских периодических изданий, чтобы выбрать наиболее интересное, не говоря уже о собственной работе в виде статей и переводов. Лишь к концу 1863 года он счел возможным нанять помощника — некоего «молодого Эйнхорна».¹⁰⁹

Еще до появления «Russische Revue» в Германии выходили два периодических издания, ставивших себе целью информировать немецкого читателя о различных сторонах жизни России и других славянских стран, а именно — издававшийся Я. П. Йорданом в Лейпциге с 1843 по 1848 год журнал «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft», который был запрещен в России, а также выпускавшийся А. Эрманом в Берлине с 1841 года «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Rußland».¹¹⁰

---

¹⁰⁶ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 189.

¹⁰⁷ Цит. по: *Ibid.* Anlage 38.

¹⁰⁸ См.: *Ibid.* S. 184.

¹⁰⁹ Ср. письмо Вольфзона от 10 (22) октября 1863 г. к Б. Ауэрбаху, упомянутое К. Шульце: *Ibid.* Anlage 39. Anm. 9.

¹¹⁰ Об этих двух журналах см.: *Dornacher K.* Die Anfänge der Turgenew-Rezeption in Deutschland (1845–1854) // *Zeitschrift für Slawistik*. 1968. Bd. 13. H. 3. S. 449–452.

4

Докторъ Философiи
Вильгельмъ Вольфзонъ имѣетъ
честъ пригласитъ Ваше
Превосходительство удосто-
итъ Вашими присутствiемъ
его четыре лекцiи о Шиллере
(: 3^ю Апрѣля въ Понедѣльникъ,
6^ю Апрѣля въ Четвергъ, 10^ю Апри-
ля въ Понедѣльникъ, 13^ю
Апрѣля въ Четвергъ, въ 8^{мѣ}
часовъ вечера, въ залѣ Сенар-
даки, что на Невскомъ про-
ектѣ.

Его Превосходительству
Петру Александровичу
Плетневу

Письмо В. Вольфзона к П. А. Плетневу с приглашением
на серию его лекций о Шиллере.
Петербург, конец марта ст. ст. 1861 г.

Журнал Вольфзона, однако, стал уникальным явлением в том смысле, что вся его «программа» была связана с надеждой на возрождение России, начатое отменой крепостного права в 1861 году. Для Вольфзона это было и личным делом, и делом общечеловеческого масштаба, как наглядно показывает его предисловие к первому номеру «Russische Revue»:

Внутреннее развитие России, которое при Александре II и особенно после завершения недавней войны получило чрезвычайно широкий размах, с эмансипацией крестьян вступает в новую и знаменательную эпоху. Лишь после снятия оков с миллионов людей, которые составляют на протяжении долгого времени погребенную, но не тронутую разложением и весьма жизнеспособную сердцевину русского народа, можно говорить о плодотворном и перспективном развитии нации. Царский манифест является первой подлинной основой национальной культуры в России — культуры, которая более не будет поддерживаться поверхностным и выборочным образом в качестве предмета роскоши, вроде оранжереи для привилегированных сословий, а оживит народный дух и даст возможность всем слоям гражданского общества принять участие в исполнении высших материальных и нравственных задач государства.

Чем более действия правительства и всех здравомыслящих патриотов сосредотачиваются на достижении этой цели — несмотря на всевозможные злоупотребления и промахи, — тем сильнее должна возрасти заинтересованность Европы в том, чтобы следить за движением интеллектуальной жизни и народного развития России и получать регулярные сведения о важнейших шагах в этом направлении. Такой интерес не может быть только политического свойства. Нет, тут заключается и моральный интерес — общечеловеческий интерес.

А раз речь заходит о печатном органе, занимающемся русской жизнью и служащем общечеловеческим интересам, где ему возникнуть, как не в Германии, на немецком языке, среди *той* нации, которая во всех частях старого и нового света доказала, что распространение самых возвышенных гуманных идей является ее благотворным и неотъемлемым призванием!

Именно этим убеждением руководствуется редактор настоящего издания. Он искренне признает, что в силу душевных и самых заветных представлений ощущает себя прежде всего немцем; внутренне сросшийся с немецкой народностью, он ничего не желает так сильно в политическом отношении, как укрепления силы и величия Германии. Однако он столь же искренне полагает, что любовь к русской земле, на которой он родился и особенности которой, прекрасные победы и неиссякаемую плодородность знает благодаря непредвзятому наблюдению и основательному изучению, уже в ранней юности заставила его поставить себе целью донести до немцев результаты своих наблюдений и исследований; чтобы здесь, на своей духовной родине, бороться с предубеждениями против страны, против народа, ложные понятия о котором тем более вопиюще несправедливы, что ему в вину ставятся грехи тех, от кого он терпел самые тяжкие страдания. <...>

Ничто не сможет лишить издателя уверенности в том, что над всеми заблуждениями, недоразумениями и бессмысленными беспорядками (имеются в виду студенческие и крестьянские волнения 1861 г. — Л. С.), с одной стороны, и над всеми реакционными поползновениями, с другой (которые на мгновение могут смутить

13

Dr. Wilhelm Wolfsohn,
Dresden,
Lindengasse 8.

Милостивый Государь,

Приступая въ самомъ непродолжительномъ времени къ изданію на нѣмецкомъ языкѣ журнала подѣ заглавіемъ

„Russische Revue,“

съ цѣлію ознакомить Германію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю Европу, съ значительнѣйшими явленіями умственнаго развитія Россіи, я обращаюсь къ Вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою немедленно выслать мнѣ, въ обмѣнъ на мое изданіе, одинъ экземпляръ всѣхъ номеровъ Вашего журнала, начиная съ 1-го Января текущаго года, дабы я могъ имѣть предѣ глазами самый полный обзоръ всѣхъ произведеній русской современной литературы.

Пріемъ посылокъ на мое имя и доставка ихъ за границу поручены мною придворному нѣмецкому книгопродавцу **Г. Шмицдорфу** (что на Невскомъ Проспектѣ, противъ Генеральнаго Штаба, въ домѣ Боссе № 5, въ С. Петербургѣ).

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю быть,

Милостивый Государь,

Дрезденъ, 15/3 сентября,
1861.

Вашимъ
покорнѣйшимъ слугою

Вильгельмъ Вольфзонъ,
докторъ философіи.

даже беспристрастного наблюдателя), в России однажды восторжествует дух доброты, любви и справедливости. Ничто не сможет лишить издателя этой уверенности, даже если она связана с устремлениями одного единственного человека, который по велению сердца, вопреки тем, кто пытался скорее напугать, чем поддержать его, проявил непоколебимую волю и высокую нравственную силу и, сломав вековые традиции, провозгласил для всех своих подданных столь непредсказуемое в своих последствиях право на самоопределение! Однако издатель, не принадлежа к льстецам монархов, основывая свою уверенность как на наличии в стране здравомыслящих людей, так и на государе, придерживается убеждения, что Россия ступила на путь прогресса, на путь свободы и законности, с которого ей, несмотря на все неизбежные злоупотребления и козни, уже никогда не свернуть.

В то время как Россия встала на этот путь, издатель считает своевременным предложить западноевропейской, в особенности немецкой публике наглядную демонстрацию того, каким образом складывается жизненный уклад новой России — не скрывая тех препятствий и заблуждений, которые не могут не возникнуть на этом пути.¹¹¹

Мы привели столь длинный отрывок из обращения Вольфзона к читателям «*Russische Revue*», чтобы дать более полное представление о его намерениях. Подчеркнутая готовность Вольфзона показать читателям журнала не только достижения, но и «препятствия и заблуждения», стоящие перед страной на пути к прогрессу, заслуживает особого внимания ввиду его решения, год спустя, перевести «Отцов и детей». Вышеприведенный отрывок также в некоторой степени показателен для той «многозначности» («*Weitschweifigkeit*»), которая, как заметила К. Шульце, была свойственна стилю Вольфзона.¹¹² Как ни странно, этот недостаток проявляется преимущественно только в тех случаях, когда Вольфзон говорит от своего лица, то есть в его литературно-критических сочинениях, стихотворениях и драмах. Его переводы, напротив, являются образцовыми по точности, выразительности и — при необходимости — лаконичности, что особенно заметно в его переводах из Тургенева, который, как известно, возвел до эстетического принципа максиму Вольтера: «секрет того, как вызывать скуку, как раз в том и состоит, чтобы говорить обо всем подряд».¹¹³

Возвращаясь к деятельности Вольфзона на посту издателя и редактора собственного журнала, следует отметить, что с самого начала ему пришлось столкнуться с трудностями различного характера. Каждый

---

¹¹¹ Prospectus // *Russische Revue*. 1863. Bd. 1. H. 1. [Mai]. S. I–IV.

¹¹² См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 14.

¹¹³ ПССУП(2). Письма. Т. 16. Кн. 1. С. 103. Письмо к Л. Я. Стечкиной от 25 апреля (6 мая) 1878 г. В подлиннике у Тургенева: «le secret d'ennuyer est celui de tout dire».

том «Russische Revue» должен был состоять из четырех книжек, но сроки их выхода в свет были лишены всякой регулярности. Например, вторая книжка первого тома появилась в феврале 1863 года, то есть спустя девять месяцев после первой книжки, а третья и четвертая книжки вышли одновременно, в мае 1863 года! Отчасти задержки в выходе томов объясняются большим объемом работы, которой требовало составление и редактирование каждой книжки. Дело усугублялось и перфекционизмом Вольфсона, особенно по отношению к собственным переводам. Непредсказуемость сроков появления книжек «Russische Revue», разумеется, не могла не сказаться на количестве подписчиков.¹¹⁴ Сверх того, положение Вольфсона-редактора еще более осложнилось, когда в августе 1863 года последовало решение нового министра народного просвещения А. В. Головнина лишить его журнал финансовой поддержки русского правительства.¹¹⁵ Пытаясь привлечь новых подписчиков — согласно данным, которыми располагал Головнин, в Германии их насчитывалось всего 400 — и сделать журнал более рентабельным, Вольфзон стал помещать статьи, которые были посвящены не только России. Это отразилось и в смене названий журнала. С мая 1862 года по декабрь 1863 года (Т. 1–2) полное название звучало — «Russische Revue. Zeitschrift zur Kunde des geistigen Lebens in Rußland», с января по март 1864 года (Т. 3) — «Russische Revue. Internationale Zeitschrift für Literatur, Kunst und öffentliches Leben», а затем слово «русское» и вовсе исчезло из заглавия. Хотя Россия продолжала занимать центральное место в большинстве журнальных материалов, с лета 1864 года по лето 1865 года (Т. 1–4) он издавался под новым названием — «Nordische Revue. Internationale Zeitschrift für Literatur, Kunst und öffentliches Leben».¹¹⁶

Несмотря на все невзгоды, Вольфзон не падал духом и не щадил ни сил, ни времени, чтобы обеспечить высокий уровень журнала. Так, чтобы собрать новые материалы для «Russische Revue», он еще дважды специально ездил в Россию и пробыл в Петербурге в марте — апреле 1863 года и с конца апреля до июня 1864 года. Из весенней поездки 1863 года он привез с собой в Дрезден, как уже отмечалось, экземпляр отдельного издания «Отцов и детей», а также февральскую книжку «Русского вестника», где была опубликована повесть Л. Н. Толстого «Поликушка», которую он тотчас начал переводить для летних номеров

---

¹¹⁴ См.: *Hexelschneider E.* Wilhelm Wolfsohn: Ein jüdischer Kulturmittler zwischen Rußland und Deutschland. S. 62.

¹¹⁵ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken.* S. 190.

¹¹⁶ См.: *Ibid.* S. 191–192.

«Russische Revue». В примечании на первой странице перевода он дал краткую, но меткую характеристику совсем еще неизвестного в Германии автора: «Среди современных русских писателей граф Лев Толстой является одним из самых выдающихся — как в художественной, так и в педагогической литературе. Он дал глубокие и исполненные жизни описания и тихого домашнего уюта, и шумного света. Его книга „Детство и отрочество“ принадлежит к самым поэтическим книгам, которые когда-либо являлись на русском языке. Его „Военные рассказы“ являются превосходными картинами Кавказской и Крымской войн, насыщенными характерными деталями. Несколько лет тому назад он посвятил себя целиком народному образованию. Он сам учит крестьян в своих имениях и издает журнал для народа, который носит название его главного имения, — „Ясная Поляна“». ¹¹⁷ Вольфзон таким образом первым познакомил немецких читателей с творчеством Толстого. ¹¹⁸

На основе обстоятельного изучения всех семи томов журнала Вольфзона, вышедших в 1862–1865 годах, К. Шульце установила, что в нем было представлено 26 переводов из русской художественной литературы, среди которых 13 стихотворений, два отрывка из драматических пьес и 11 произведений беллетристической прозы. ¹¹⁹ Большинство стихотворных переводов принадлежит самому Вольфзону (хотя в основном это были старые, ранее публиковавшиеся переводы), но некоторые стихотворения были переведены К. Павловой, она же осуществила перевод исторической драмы А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного», отрывок из которой был представлен в «Russische Revue» в ноябре 1863 года, то есть за два с лишним года до публикации ее в России.

Из 11-и прозаических переводов не менее восьми принадлежат Вольфзону. В хронологическом порядке появления в журнале это — «Дневник Вареньки» из «Бедных людей» (февраль 1863 г.) и четыре главы из «Записок из Мертвого дома» (май 1863 г.) Достоевского, «Поликушка» Толстого (июль — август 1863 г.), «Постоялый двор» Тургенева (сентябрь — ноябрь 1863 г.), «Старосветские помещики» Гоголя (декабрь

---

¹¹⁷ Paul. Erzählung vom Grafen Leon Tolstoy // Russische Revue 1863. Bd. 2. H. 1. S. 28.

¹¹⁸ Об этом см. подробнее: *Шульце Хр.* Толстой в Германии (1856–1910) // *ЛН*. Т. 75. Кн. 2. С. 208.

¹¹⁹ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 194. В число переводов художественной прозы не включена народная сказка «Невеста с площади» в обработке В. И. Даля, которая в переводе Вольфзона появилась в «Nordische Revue» в 1864 г. См.: *Schwan I. Bibliographie der Werke Wilhelm Wolfsohns*. S. 482. № 7.2.1.

1863 г.), «Шинель» Гоголя (февраль 1864 г.), «Большой свет» Соллогуба (лето 1864 г.) и первые десять глав «Отцов и детей» Тургенева (февраль — март 1865 г.), причем переводы из Гоголя и Соллогуба ранее были напечатаны в сборнике «Russisches Leben und Dichten» (1851). Если один из «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина Вольфзон в октябре 1863 года просто перепечатал из недавно вышедшего в Берлине сокращенного немецкого издания книги русского писателя, где имя переводчика не указывалось, то для первых двух произведений Тургенева, представленных в «Russische Revue», он сумел привлечь двух именитых переводчиков — Фридриха Боденштедта («Фауст», май 1862 г.) и Вильгельма фон Коцебу («Муму», май 1863 г.).

Печатая произведения Достоевского и Толстого, Вольфзон, как уже говорилось, счел нужным снабдить переводы вступительной заметкой, чтобы познакомить немецкого читателя с авторами, о которых тот не имел ни малейшего понятия. А вот Тургенев в таком представлении не нуждался, поскольку к 1863 году являлся самым известным русским писателем в Германии! Учитывая успех «Записок охотника» в немецком переводе Августа Видерта, с которым он был лично знаком,¹²⁰ и Августа Больца, Вольфзон понимал, что его задачей было подать в «Russische Revue» «неизвестного» Тургенева. Однако выбор «Отцов и детей» нельзя объяснить одной жаждой новизны. Главным для Вольфзона стал, скорее, тот факт, что в романе отразился сложный путь России накануне освобождения крестьян и в то же время прозвучала надежда на возможность окончательного торжества «духа доброты, любви и справедливости».

Вильгельм Вольфзон — переводчик «Отцов и детей»

Самое раннее упоминание о намерении перевести «Отцов и детей» для «Russische Revue» содержится в письме Ауэрбаха к Вольфзону от 19 января н. ст. 1864 года из Берлина: «Приходи поскорей с романом Тургенева. Это важно».¹²¹ Как справедливо замечает К. Шульце, такой призыв свидетельствует о том, что Вольфзон, либо при личной встрече с Ауэрбахом в Берлине, либо в не дошедшем до нас письме, посвятил друга в содержание романа и рассказал о желании поместить его немец-

¹²⁰ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 197.

¹²¹ Цит. по: *Ibid.* S. 201 («Komm nur bald mit dem Roman von Turgeneff. Das ist wichtig»).

кий перевод в своем журнале.¹²² Вольфзон откликнулся на следующий день из Дрездена: «Тургеневским романом я собираюсь открыть второй квартал. Он слишком велик, чтобы успеть напечатать его в первом».¹²³ В остальной части сохранившейся переписки Вольфзона с Ауэрбахом и другими корреспондентами — за одним исключением, о котором далее пойдет речь, — никаких упоминаний о романе Тургенева выявить не удалось.¹²⁴

Намерение Вольфзона начать публикацию перевода тургеневского романа во втором квартале 1864 года подтверждается объявлением о подписке на журнал «Russische Revue», появившимся через десять дней после его письма к Ауэрбаху. В этом объявлении анонсировались различные интересные статьи и произведения, среди которых «в точном

---

¹²² См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 201. Не исключено, что Ауэрбах, который не владел русским языком, уже познакомился с романом через французское издание (*Charpentier 1863*).

¹²³ Ср.: «Mit dem Turgenew'schen Roman beginne ich das zweite Quartal. Er ist zu umfänglich, als daß ich ihn noch in das erste hätte bringen können». Письмо от 20 января н. ст. 1864 г. Цит. по подлиннику: Deutsches Literaturarchiv Marbach. Signatur: A: Auerbach, Zugangsnummer Z 3705, 5. Приношу глубокую благодарность сотруднице Немецкого литературного архива Гудрун Бернгардт (Gudrun Bernhardt), которая любезно согласилась просмотреть все хранящиеся в этом архиве письма Вольфзона на предмет упоминаний о Тургеневе. Таковое обнаружилось лишь одно — в процитированном выше письме к Ауэрбаху. Это письмо было известно и К. Шульце, которая приводит его в своей диссертации, с одним существенным разночтением во втором предложении: «Er ist zu verfänglich, als daß ich ihn noch in das erste hätte bringen können» (*Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 201. Выделено мною. — Л. С.). Таким образом, вместо «Он слишком велик <...>» (umfänglich) она прочла: «Он слишком рискован <...>» (verfänglich). Исходя из данного прочтения, Шульце заключила, что Вольфзон, который до апреля 1864 г. еще вынужден был соизмерять свои действия с Министерством народного просвещения, опасался, что роман, вызвавший столь бурную полемику в России, может скомпрометировать его в глазах русского правительства. После того как мы обратили внимание г-жи Бернгардт на это разночтение, она с помощью своего коллеги, д-ра Гельмута Мойема (Helmuth Mojem) — эксперта по старым рукописям, — повторно обратилась к указанному фрагменту и подтвердила чтение: «umfänglich» («объемный, большой»).

¹²⁴ По нашей просьбе, в марте 2013 г. сотрудник Рукописного отдела Берлинской государственной библиотеки (Staatsbibliothek zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz) Ральф Бреслау (Ralf Breslau) любезно пересмотрел все хранящиеся там письма к Вольфзону от разных корреспондентов за 1862–1865 гг., но не обнаружил никаких указаний на перевод «Отцов и детей». Для настоящей работы мы, к сожалению, не смогли изучить все письма самого Вольфзона, а также обращенные к нему, которые зафиксированы в немецкой электронной базе данных автографов и архивов «Kalliope»: <http://kalliope.staatsbibliothek-berlin.de/>.

переводе вышедшая недавно выдающаяся русская повесть («die neueste epochemachende russische Erzählung». — Л. С.) „Отцы и дети“ Тургенева, знаменитого автора „Записок охотника“». ¹²⁵ Однако, как уже говорилось, последняя книжка «Russische Revue» вышла в марте 1864 года. По каким-то неизвестным причинам — возможно, из-за болезни, которая стала подтачивать силы Вольфзона, ¹²⁶ а может быть, из-за трудностей с переводом — Вольфзон не считал возможным начать публикацию перевода «Отцов и детей» в тех книжках «нового» журнала «Nordische Revue», которые выходили с апреля до конца 1864 года.

В «Nordische Revue» перевод «Отцов и детей» начал публиковаться лишь в феврале 1865 года (гл. I–VII). Печатание продолжилось в марте (гл. VIII–X), но потом было прекращено, и в остальных книжках журнала, которые Вольфзон успел издать до своей преждевременной кончины (1 (13) августа 1865 г.), перевод больше не появлялся. Здесь прежде всего следует отметить, что этот, к сожалению, так и не завершённый перевод «Отцов и детей» вышел под заглавием «Väter und Kinder», более, на наш взгляд, соответствующим заглавию оригинала, чем заглавие «Väter und Söhne» (буквально «Отцы и сыновья»), которое впоследствии с одобрения Тургенева — с выходом в июне 1869 года первого тома митавского издания его избранных сочинений на немецком языке — укоренилось в Германии. Заглавие «Väter und Kinder» также более соответствует содержанию самого романа, в котором изображены не только «сыновья», но и женские представители нового поколения. ¹²⁷

Что касается авторства перевода первых десяти глав «Отцов и детей», появившегося в «Nordische Revue» в начале 1865 года, то К. Шульце в своей диссертации смогла лишь заключить, что оно, скорее всего, при-

---

¹²⁵ Magazin für die Literatur des Auslandes. 1864. № 5. 31. Januar. S. 80. На это объявление уже обратила внимание В. А. Лукина (см.: Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 289, примеч. 1).

¹²⁶ Это предположение высказывает К. Шульце (*Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 201–202) как альтернативу гипотезе о том, что Вольфзон по «политическим» причинам не решился начать публикацию перевода в 1864 г.

¹²⁷ На этот аспект обратила мое внимание покойная Диана Эннинг Томпсон (Diane Oenning Thompson) — автор замечательного исследования о последнем романе Достоевского, которое было переведено на русский язык: *Томпсон Д. Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти* / Пер. с англ. Н. М. Жутовской и Е. М. Видре. СПб., 2000. Ей не нравилось заглавие «Fathers and Sons», которое утвердилось в США и в Англии, начиная с первого английского перевода Юджина Скайлера (Eugene Schuyler), вышедшего в Нью-Йорке летом 1867 г. Лишь для некоторых позднейших изданий романа на английском языке было выбрано более верное заглавие «Fathers and Children».

Nordische Revue.

Internationale Zeitschrift

1907, 993
für

Literatur, Kunst und öffentliches Leben.

Herausgegeben

von

Dr. Wilhelm Wolffohn.

~~~~~
Dritter Band.

f. z. 916⁺:3.4.
1865

Leipzig.

Verlag von Veit und Comp.

1865.

St R 1830

Титульный лист третьего тома журнала «Nordische Revue» (Лейпциг, 1865)

Väter und Kinder.

Roman von Iwan Turgeneu.

I.

— Nun, Peter? Noch nichts zu sehen?

Diese Frage richtete am 20. Mai 1859 ein Herr von etwas über vierzig Jahren, in bestaubtem Paletot und farrirten Hosen, der ohne Mütze auf die niedere Vortreppe des Gasthauses an der **er Landstraße hinaustrat, an seinen Diener, einen jungen pausbäckigen Kerl mit hellem Flaum am Kinne und kleinen, trüben Augen.

Der Diener, an welchem sowohl der Türkisring im Ohre als das pomadirte verschiedenfarbige Haar und die höflichen Bewegungen, kurz, alles ein Subject der modernen, vervollkommenen Generation verrieth, sah herablassend nach der Landstraße und erwiderte: — Nein, man sieht nichts.

— Man sieht nichts? wiederholte der Herr.

— Man sieht nichts, entgegnete zum zweiten Mal der Diener.

Der Herr seufzte und ließ sich auf die Bank nieder. Wir wollen, während er so mit untergeschlagenen Beinen dasitzt und nachdenklich umherblickt, den Leser mit ihm bekannt machen.

Sein Name ist Nikolaj Petrowitsch Kirjanow. Er besitzt ein hübsches Gut, fünfzehn Werst von dem Gasthause, ein Gut von 200 Seelen oder — wie er selbst es bezeichnet, seit er das Land mit seinen Bauern abgemessen und eine „Farm“ angelegt — von 2000 Dessätinen. Sein Vater, General aus der Campagne von 1812, ein des Lesens und Schreibens nur halbfundiger, roher, aber gutmüthiger Russe, stak zeit- lebens im Joch, commandirte erst eine Brigade, dann eine Division und

«Отцы и дети» в переводе В. Вольфсона (Nordische Revue, 1865).

Начало первой главы

надлежит Вольфзону, но за отсутствием неопровержимых доказательств утверждать это безоговорочно нельзя. Среди аргументов, говорящих в пользу авторства Вольфзона, она указала на то обстоятельство, что перевод появился без указания имени переводчика, напомнив, что Вольфзон и ранее не подписывался под переводами, которые считал не вполне удавшимися.¹²⁸ Однако вывод Шульце неверен. Дело в том, что во *всех* переводах Вольфзона, помещенных в его журнале, инициалы «W. W.» всегда указывались в самом конце. Когда в марте 1865 года вышла очередная книжка «Nordische Revue» с главами VIII–X романа, Вольфзон, очевидно, еще рассчитывал довести перевод до конца. Усилившиеся боли от рака печени, однако, не дали ему продолжить свой труд, и последние две книжки журнала, вышедшие в апреле и мае 1865 года, содержали лишь шесть сравнительно кратких статей и обзоров.¹²⁹ С другой стороны, Шульце в своей диссертации справедливо опровергла предположение о том, что неназванным переводчиком мог быть Боденштедт. Некоторые основания для подобного предположения дает письмо Боденштедта к Тургеневу от 21 мая (2 июня) 1866 года, в котором он поделился намерением дополнить двухтомное мюнхенское издание повестей Тургенева третьим томом с романом «Отцы и дети», «который я тотчас же по выходе его в свет начал переводить».¹³⁰ Однако, как подчеркивает сама Шульце, Боденштедт вряд ли бы отдал Вольфзону незаконченный перевод. Более того, Боденштедт окончательно отказался от идеи издать третий том не ранее ноября 1865 года.¹³¹

Благодаря недавно обнаруженному документу, который мы публикуем ниже, можно безоговорочно утверждать, что автором первого (неполного) перевода «Отцов и детей» на немецкий язык был именно Вольфзон. Следует заметить, что в вышедшей в 2006 году библиографии его сочинений, составленной Ингольфом Шваном, этот перевод

---

¹²⁸ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 202. Anm. 1.

¹²⁹ См.: *Schwan I. Bibliographie der Werke Wilhelm Wolfsohns*. S. 477. № 6.2.11.21–26. В двух из них Вольфзон вернулся к важному для него вопросу об эмансипации евреев: «Die Juden in Rußland» («Евреи в России») и «Die Mischehen in Rußland» («Смешанные браки в России»).

¹³⁰ Цит. по: Письма Фридриха Боденштедта (1861–1866) / Публ. Анри Гранжара; пер. с франц. Л. Р. Ланского и Н. Д. Эфрос // *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 332. Подлинник по-нем. В опубликованных Х. Раппихом выдержках из дневника Боденштедта, в которых упоминаются Тургенев или его произведения и которые охватывают период с 10 (22) февраля 1861 г. по 8 (20) июля 1864 г., нет никаких указаний на работу над переводом «Отцов и детей». См.: *Rappich H. F. Bodenstedt und Turgenew*. S. 237–244.

¹³¹ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 202. Anm. 1.

числится за Вольфзоном.¹³² Атрибутируя ему перевод, составитель опирался исключительно на доводы, выдвинутые К. Шульце.¹³³ Однако Шульце в свое время не решилась поставить точку в вопросе об атрибуции перевода первых десяти глав «Отцов из детей» и назвала его среди тех переводов, для которых «авторство Вольфзона не доказано, а является лишь вероятным».¹³⁴ В русской же научной литературе только в последнее время было обращено внимание на этот неполный перевод и на обстоятельства его появления.¹³⁵

В Рукописном отделе Берлинской государственной библиотеки хранится письмо к Вольфзону от 3–6 марта н. ст. 1865 года, написанное его близкой приятельницей Жанеттой Аронхайм (Jeannette Aronheim), в котором мы находим единственное — помимо двух вышеприведенных писем, которыми Ауэрбах и Вольфзон обменялись в январе 1864 года, — упоминание о переводе «Отцов и детей» в известной нам переписке Вольфзона. К. Шульце, безусловно, была знакома с этим письмом, так как в своей диссертации цитирует несколько других писем Ж. Аронхайм — прежде всего те, где дается характеристика Вольфзона и его «доброй и мягкой» («mild und weich») натуры,¹³⁶ — однако данное письмо она не упоминает, возможно потому что по нему еще нельзя с полной уверенностью заключить о том, что именно Вольфзон был переводчиком первых десяти глав «Отцов и детей», появившихся в его журнале. Тем не менее данное письмо содержит ценный читательский отклик на этот перевод, и мы очень благодарны Ирис Лоренц (Iris Lorenz), сотруднице названного учреждения, за то, что она не только безвозмездно предоставила фотокопию этого письма — на существование которого указал

¹³² См.: *Schwan I. Bibliographie der Werke Wilhelm Wolfsohns*. S. 485. № 7.2.13.2.

¹³³ Указано Ингольфом Шваном 5 июня 2013 г. (по электронной почте).

¹³⁴ *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 46.

¹³⁵ См.: *Лукина В. А.* Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 289, примеч. 1. Как указывает исследовательница, сведения об этом переводе отсутствуют в комментариях к роману в обоих *ПССУП*. Если по отношению к *ПССУП(1)* это объяснимо, так как том с «Отцами и детьми» (*Соч.* Т. 8) появился в 1964 г. — то есть в том же году, когда К. Шульце защитила свою диссертацию в Берлинском университете им. Гумбольдта, — то непонятно, почему составители *ПССУП(2)*, в котором соответствующий том (*Соч.* Т. 7) вышел в 1981 г., не учли хотя бы работу Х. Раппиха о Тургеневе и Боденштедте, в которой были приведены точные библиографические данные о переводе в «*Nordische Revue*» с примечанием: «Здесь были напечатаны только первые десять глав романа; переводчик неизвестен» (*Pannix X.* Тургенев и Боденштедт. С. 352, примеч. 46).

¹³⁶ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. S. 74.

нам Ингольф Шван,¹³⁷ — но и помогла в расшифровке почерка Ж. Аронхайм. Корреспондентка Вольфзона жила в Брауншвейге и к моменту написания письма не виделась с ним уже несколько лет. Узнав о его тяжелой болезни, первые две страницы своего письма она посвящает выражению беспокойства и надежды на то, что Вольфзон в скором времени поправится и сможет навестить ее. Далее она делится своими впечатлениями от прочитанной книжки «Nordische Revue» за февраль 1865 года, в которой, как уже было отмечено, появился перевод глав I–VII «Отцов и детей»: «В последней книжке я пока прочла морские стихотворения Боденштедта,¹³⁸ которые мне очень понравились, и русскую повесть. Последняя исполнена оригинальности: она дает нам своеобразное представление о нравственной жизни России. В особенности те доверительные отношения, которые существуют между отцом и сыном, вызвали во мне почти болезненное замешательство. А все-таки это, несомненно, взято из жизни, так как невозможно, да и не должно выдумывать подобные вещи. Мне очень не хватало Ваших милых и душевных стишков».¹³⁹

Если принять в соображение, что эта читательница была немкой и притом, насколько можно судить, ровесницей Вольфзона или старше его (т. е. ей тогда было около пятидесяти), то не удивительно, что она пришла в смущение от тех мест в главах III и V романа, где Николай Петрович стыдливо признается сыну, что сошелся с молодой крестьянкой, и в особенности от того, как Аркадий не только не укоряет отца за эту связь, но приветствует ее. Прочти Жанетта Аронхайм роман целиком в переводе Вольфзона, кто знает: возможно, она переменила бы свое мнение о якобы «безнравственных» откровениях Кирсановых!

Изучение самого перевода дает множество дополнительных и весьма убедительных доводов в пользу авторства Вольфзона.¹⁴⁰ Прежде всего

---

¹³⁷ Указано Ингольфом Шваном 6 июня 2013 г. (по электронной почте).

¹³⁸ Речь идет о: Gedichte von Norderney. Von Friedrich Bodenstedt // Nordische Revue. 1865. Bd. 3. H. 2. [Februar]. S. 129–134. Нордерней — один из Фризских островов на северо-западе Германии. Боденштедт там провел лето 1864 г.

¹³⁹ На страницах «Russische Revue» и «Nordische Revue» Вольфзон, помимо переводов из русских поэтов, опубликовал свыше пятидесяти собственных стихотворений. См. их полный перечень: *Schwan I. Bibliographie der Werke Wilhelm Wolfsohns*. S. 458–461. № 1.2.6.1–52.

¹⁴⁰ За указание на то, как можно получить доступ к третьему тому «Nordische Revue» с незавершенным переводом «Отцов и детей», приношу глубокую благодарность Рональду де Вету (Ronald de Vet), соредактору журнала «Mitteilungen der Tschaikowsky-Gesellschaft». Этот том «Nordische Revue» является библиографической редкостью, но через Немецкий сводный каталог (Gemeinsamer Verbundkatalog)

это — поразительная точность, которая была присуща всем его переводам. Если во французском издании романа 1863 года (в котором, правда, до сих пор не представляется возможным вычленить первоначальную работу, сделанную неустановленным переводчиком — в силу новых данных, обнаруженных П. Уоддингтоном, им, по всей видимости, следует считать Ипполита Делава (Hippolyte Delaveau), скончавшегося в начале декабря 1862 года,¹⁴¹ — от более поздней редакторской правки

удалось отыскать не менее семи немецких библиотек, в которых имеется его экземпляр. Цифровые копии соответствующих страниц были заказаны в Лейпцигской университетской библиотеке. За выполнение заказа благодарю Гейдрун Деммер (Heidrun Demmer), сотрудницу этой библиотеки.

¹⁴¹ Предположение о том, что перевод в *Charpentier 1863* мог принадлежать Делава, было впервые высказано в библиографии французских переводов произведения Тургенева, составленной П. Уоддингтоном при участии Ф. Монрейно: *Waddington P, Montreynaud Fl. A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854–1885 // Slavonic and East European Review. 1980. Vol. 58. № 1. P. 86. Item 28.* Исследователи исходили из того, что Делава был постоянным сотрудником журнала «Revue des Deux Mondes», для которого изначально предназначался перевод, а также руководствовались письмами Тургенева, в которых он не раз высоко отзывался о Делава как литераторе (см., например, письмо к С. Т. Аксакову от 27 декабря 1856 г. (8 января 1857 г.): «Статью о ваших „Хрониках“ написал некто Делава, здешний литератор, хорошо знакомый с русским языком; я ему помог и кое-что истолковал» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 3. С. 172)). Притом, как явствует из письма Тургенева к А. А. Фету от 8 (20) ноября 1861 г., Делава ознакомился с романом «Отцы и дети» в Париже еще по рукописи («Что касается до моей повести (о которой так благоприятно отозвался всё тот же *единственный* француз, „ночной фортепианист“ (прозвище, данное Фетом Делава. — Л. С.)) — то она, по причинам внутренним и внешним, не явится раньше весны <...>»). См.: Там же. Т. 4. С. 381). Обнаруженное П. Уоддингтоном в июне 2014 г. через вебсайт «Archives de Paris» свидетельство о смерти Делава позволяет уточнить полное имя (Hippolyte Charles Lecoite de Laveau) и биографию этого выдающегося французского пропагандиста русской литературы. Так, из этого документа мы узнаем, что скончавшийся 20 ноября (2 декабря) 1862 г. в Париже в возрасте 54-х лет Делава родился в Москве! Дальнейшие поиски Уоддингтона показали, что он был сыном французского эмигранта Жоржа-Этьена Франсуа Лекуэнта де Лаво (Georges-Etienne François Lecoite de Laveau; р. 1782), который приехал в Россию до 1806 г. (года его женитьбы в Москве на матери Ипполита) и оставался там по крайней мере до 1830-х гг. То обстоятельство, что Ипполит родился и вырос в Москве, подтверждается воспоминаниями Фета о своем пребывании в Париже в августе — октябре 1856 г. и встречах с Тургеневым: «Пока мы разговаривали, вошел высокого роста худощавый с проседью брюнет. Тургенев познакомил нас, назвавши мне господина Делава. Оказалось, что г. Делава прожил несколько лет в России, где познакомился с русской литературой и с литературным кружком раньше моего с последним знакомства. Так, знал он

Мериме и самого Тургенева), несмотря на его несомненные достоинства, все-таки встречаются отклонения от оригинала — которые можно

Панаевых, Некрасова, Гончарова, Боткина, Тургенева и даже меня по имени. В настоящее время он в Париже занимался переводами с русского языка и, как сказывал мне Тургенев, должен был перебиваться весьма затруднительно в денежном отношении» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 148). Переводческую жилку, так сказать, И. Делаво унаследовал от отца, чей перевод «Цыган» Пушкина на французский язык был напечатан в «*Revue du Nord*» в 1837 г. После смерти Делаво Тургенев принял участие в заботах о его вдове (см. письмо Анненкова к Тургеневу от 14 (26) декабря 1862 г.: «Касательно долга редакции „М<осковских> в<едемостей>“ бедному Делаво, справки об этом наводятся и о результате их позабочусь» (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 130)). Представляется весьма вероятным, что Делаво незадолго до смерти завершил перевод «Отцов и детей» и Тургенев, купив эту рукопись у его вдовы, передал ее Мериме для стилистической шлифовки. Из-за возможных осложнений с Франсуа Бюлозом, влиятельным редактором «*Revue des Deux Mondes*», который мог считать перевод Делаво своей собственностью, Тургенев и Шарпантье, если наша гипотеза верна, решили не указывать имени переводчика в публикации французского перевода романа 1863 г. Находки Уоддингтона, к которым принадлежит и некролог Делаво, написанный историком Анри Мартеном (*Le Siècle.* 1862. 9 décembre. P. 3), открыли богатейшее поле для дальнейших исследований. Предположение Уоддингтона о том, что Делаво был переводчиком «Отцов и детей», нам кажется гораздо убедительнее гипотезы, что перевод принадлежит самому Тургеневу и Л. Виардо. Эта гипотеза была, по-видимому, впервые выдвинута Анри Монго в его комментарии ко второму тому «*Etudes de littérature russe*» в Полном собрании сочинений Мериме, вышедшем в 1920–1930-х гг., где утверждается: «Мериме просмотрел корректуру перевода, сделанного Тургеневым и Виардо» («*Mérimée avait revu les épreuves de la traduction due à Tourguénief et Viardot*») (*Mérimée P. Œuvres complètes / Publiées sous la direction de Pierre Trahard et Edouard Champion.* Paris, 1932. Т. 2. P. 548). Она до сих пор имеет своих приверженцев (см., например, публикацию А. Я. Звигильского: *Тургенев. НИиМ* (3). С. 418–419). Помимо отсутствия в дошедших до нас письмах Тургенева за 1862–1863 гг. каких-либо упоминаний о подобной работе вряд ли Тургенев решился бы привлечь строгого Л. Виардо к переводу романа, в котором встречаются несколько случаев прелюбодеяния. Кроме того, против гипотезы Монго говорит и то обстоятельство, что Тургенев в письме к Б.-Э. Бере от 2 (14) января 1869 г. следующим образом охарактеризовал французское издание романа: «Французский перевод (проверенный Мериме) — „Отцов и детей“ великолепен» (*ПССиП*(2). *Письма.* Т. 9. С. 285. Подлинник по-нем.). В письме к Пичу день спустя он также назвал этот перевод «превосходным» (Там же. С. 286. Подлинник по-нем.). Известный своей прирожденной скромностью, Тургенев вряд ли стал бы расхваливать собственную работу! Здесь можно скорее предположить дань памяти покойного Ипполита Делаво. Выявленные Уоддингтоном новые факты о Делаво вошли в основу доклада: «И. С. Тургенев и „ночной фортепьянист“ Ипполит Делаво (К французскому переводу „Отцов и детей“», прочитанного нами на научной конференции «Проблемы научной биографии И. С. Тургенева», которая состоялась в Пушкинском Доме 10 ноября 2014 г.

объяснить либо расчетом на французскую аудиторию, либо особым подходом переводчика к своей задаче, либо недосмотром редакторов (т. е. Мериме и Тургенева), — то перевод «Nordische Revue» в этом отношении практически безукоризнен. К тому же, в отличие от французского,¹⁴² он был выполнен исключительно с отдельного русского издания романа, вышедшего в Москве в сентябре 1862 года.

Приведем несколько показательных примеров. В главе III Николай Петрович на радостное замечание Аркадия о том, что им выпал такой «чудный день», отвечает: «Да, весна в полном блеске. А впрочем, я согласен с Пушкиным — помнишь, в Евгении Онегине <...>».¹⁴³ Во французском издании название произведения Пушкина, из которого отец Аркадия начинает декламировать стихи, пока его не прервет крик Базарова, исчезло: «Au reste, je suis de l'avis de Pouchkine, tu te rappelles ces vers <...>».¹⁴⁴ Такой пропуск был бы немыслим для Вольфсона, который мог рассчитывать на то, что читателю его журнала (в котором уже появились несколько статей о Пушкине) будет небезынтересна любая деталь, связанная с именем великого русского поэта. И действительно, в «Nordische Revue» читаем: «Doch stimme ich übrigens mit Puschkin überein — erinnerst du dich? — in Eugen Onägin <...>».¹⁴⁵ А вот менее «возвышенный» пример — на замечание Павла Петровича в главе VI, что Базаров искусства не признает, тот с «презрительной усмешкой» отвечает: «Искусство наживать деньги, или нет более геморроя!».¹⁴⁶ Во французском издании вторая часть реплики Базарова подверглась изменению: «L'art de gagner l'argent et de guérir radicalement les cors aux

---

¹⁴² В. А. Лукина первой установила тот важный факт, что французский перевод был выполнен на основе журнального, а не отдельного издания романа (см.: Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 299–300). В своей работе она указала на некоторые изменения, внесенные Тургеневым в отдельное русское издание, которые попали и во французское издание — благодаря правке Мериме и Тургенева. То обстоятельство, что французский перевод осуществлялся с журнального издания, свидетельствует в пользу авторства Делава, который, ознакомившись с романом по рукописи (ср. вышеприведенное письмо Тургенева к Фету от 8 (20) ноября 1861 г.), располагал достаточным временем, чтобы перевести его по получении февральской книжки «Русского вестника» за 1862 г.

¹⁴³ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 17.

¹⁴⁴ Charpentier 1863. P. 18.

¹⁴⁵ Wolfsohn 1865. S. 145.

¹⁴⁶ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 28.

rieds!».¹⁴⁷ Вольфзон же не стал смягчать выражения Базарова: «Die Kunst Geld zu erwerben, oder: Keine Hämorrhoiden mehr!».¹⁴⁸

Некоторые отклонения от оригинала во французском издании принадлежат к разряду так называемой «отсебятины»¹⁴⁹ — то есть тех случаев, где переводчик пытается улучшить или украсить оригинал. Например, в конце главы IX, когда Базаров смеется над отцом Аркадия, играющим пьесу Шуберта на виолончели, читаем: «...но Аркадий, как ни благоговел перед своим учителем, на этот раз даже не улыбнулся».¹⁵⁰ Во французском издании последняя часть этого предложения была существенно изменена: «...mais Arcade, quel que fût le respect qu'il portât à son maître, **ne se sentit pas la moindre envie de l'imiter cette fois**» («...на этот раз не почувствовал ни малейшего желания ему подражать»)¹⁵¹ У Вольфзона же — полная верность подлиннику: «...Arkadi aber konnte bei aller Ehrfurcht vor seinem Lehrer jetzt **nicht einmal lächeln**».¹⁵² Поскольку Тургенев сам принял некоторое участие в редактировании французского перевода, нельзя, конечно, исключать, что подобные изменения (которых, кстати, не так уж много) были внесены с его одобрения. Вот другой пример — в своей знаменитой «схватке» с Базаровым в главе X Павел Петрович восклицает по адресу юных нигилистов, бравирующих своей разрушительной «силой»: «...последний пачкун, *un barbouilleur*, тапер, которому дают пять копеек за вечер, и те полезнее вас <...>».¹⁵³ Французский переводчик отказался использовать то слово, от которого происходит русское «тапер» — «*tapereur*», возможно потому что оно чаще употребляется в другом смысле — человек, часто занимающий деньги, — и вместо него довольно свободно парафразировал эту профессию: «...le dernier barbouilleur d'enseignes, **le misérable joueur de**

---

¹⁴⁷ *Charpentier 1863*. P. 39. Возможно, это одно из тех мест, которое Мериме имел в виду в своем письме к Тургеневу от 6 (18) марта 1863 г.: «Вот корректура. Я сделал несколько маленьких изменений в интересах благопристойности» (*Mérimée P. Correspondance générale / Etablie et annotée par Maurice Parturier. 2me série. Toulouse, 1957. T. 5. P. 361. Подлинник по-франц.*).

¹⁴⁸ *Wolfsohn 1865*. S. 158.

¹⁴⁹ О том, насколько Тургенев возмущался подобными вольностями своих переводчиков (в особенности Э. Шаррьера в первом французском издании «Записок охотника»), см.: *Žekulin N. Turgenev as Translator // Canadian Slavonic Papers. 2008. Vol. 50. № 1/2. P. 167, 173.*

¹⁵⁰ *ПССУП(2). Соч.* Т. 7. С. 43.

¹⁵¹ *Charpentier 1863*. P. 66. Здесь и далее полужирным выделено мною. — *Л. С.*

¹⁵² *Wolfsohn 1865*. S. 319.

¹⁵³ *ПССУП(2). Соч.* Т. 7. С. 52.

polkas et de vales («презренный исполнитель полек и вальсов») auquel on donne cinq kopeks par soirée, sont plus utiles que vous <...>». ¹⁵⁴ Вольфзон же нашел самое подходящее и выразительное слово на немецком: «Der letzte Schmierer, un barbouilleur, **ein Klimperer**, dem man fünf Kopeken für den Abend giebt — auch die sind nützlicher als ihr <...>». ¹⁵⁵

В редких случаях стремление Вольфзона к максимальной точности привело к не совсем удовлетворительным результатам. Например, в передаче крестьянского варианта имени Кирсановых Марьино — «Бобылий хутор» — как «Ledig-Gut» сказывается подход ученого-филолога, но менее верное решение французского переводчика — «Maison des Orphelins» («Сиротский приют») — куда выразительнее! Сравним оба перевода иронического ответа Павла Петровича на вопрос брата, поедет ли тот в город, чтобы посетить дальнего родственника Матвея Ильича Колязина: «И я не поеду. Очень нужно тащиться за пятьдесят верст к селю есть». ¹⁵⁶ Во французском издании малопонятная для иностранного читателя вторая половина этой поговорки была заменена эквивалентным выражением на французском: «Moi, non plus. Je ne vois pas la nécessité de me traîner à cinquante verstes **pour ses beaux yeux**» (букв.: «ради его прекрасных глаз»). ¹⁵⁷ Вольфзон же либо не заметил, что Павел Петрович здесь употребляет поговорку, — что маловероятно, если вспомнить его собственные слова из письма к одному русскому корреспонденту: «...народные песни и народные пословицы всегда были для меня драгоценное сокровище», ¹⁵⁸ — либо не нашел лучшего решения, чем перевести ее буквально: «Auch ich nicht. Verlohnte sich auch der Mühe, eine Reise von fünfzig Werst zu machen, **um Kissél zu essen**». ¹⁵⁹ Напрашивается вопрос: сколько читателей «Nordische Revue» были знакомы с этим русским блюдом...

С другой стороны, Вольфзон чувствовал, когда не следует стремиться к абсолютной точности в переводе, и даже был не прочь подправить Тургенева! В начале главы X, во время разговора между Аркадием и Базаровым, который Николай Петрович невольно подслушивает, на вопрос Аркадия, какую «дельную» книгу можно было бы дать его отцу

¹⁵⁴ Charpentier 1863. P. 80–81.

¹⁵⁵ Wolfsohn 1865. S. 329.

¹⁵⁶ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 46.

¹⁵⁷ Charpentier 1863. P. 71.

¹⁵⁸ Цит. по: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken*. Anlage 36. Письмо к Н. Ф. Щербине от 15 (27) июля 1861 г.

¹⁵⁹ Wolfsohn 1865. S. 323.

почитать, Базаров отвечает: «Да, я думаю, Бюхнерово „**Stoff und Kraft**“ на первый случай».¹⁶⁰ На самом деле правильное заглавие материалистического трактата Людвиг Бюхнера — «**Kraft und Stoff**» (Tübingen, 1855). Ошибка, проскользнувшая у Тургенева, дала повод М. А. Антоновичу ехидно спросить в известной разгромной рецензии на «Отцов и детей»: «Он (Тургенев. — Л. С.) не знает даже точно заглавия той книги, на которую он указывает как на кодекс современных воззрений; что же сказал бы он, если б его спросили о содержании книги».¹⁶¹ Во французском издании, несмотря на появление подстрочного примечания к этому месту — «Ouvrage destiné à populariser les principes de l'école matérialiste moderne en Allemagne» («Труд, предназначенный популяризировать современное материалистическое учение Германии»),¹⁶² — неверное заглавие так и осталось неисправленным. Вольфзон же в переводе для журнала, обращенного к образованному немецкому читателю, просто не мог позволить себе оставить ошибку Тургенева, и у него Базаров говорит: «Nun, ich dächte, für's Erste Büchners „**Kraft und Stoff**“».¹⁶³

Можно привести и другие примеры, где Вольфзон ради удобопонятности пожертвовал той максимальной верностью оригиналу, которой он старался придерживаться. Когда Павел Петрович в главе X начинает излагать перед Базаровым свою апологию аристократизма: «Я *эфтим* хочу доказать, милостивый государь <...>», — у Тургенева появляется в скобках пространное пояснение о том, что вельможи Александровского времени любили употреблять такие якобы народные варианты местоимения «это», как «эфто» и «эхто».¹⁶⁴ Во французском издании эта авторская ремарка была переведена целиком. Вольфзон же, по-видимому считая этот экскурс в историю русского языка не совсем интересным для немецкого читателя и не видя в нем необходимого штриха к характеристике Павла Петровича, предпочел его опустить. У него высказывание Павла Петровича не прерывается ничем: «Ich will damit beweisen, mein Herr, daß es ohne das Gefühl der eignen Würde, ohne Selbstachtung <...>».¹⁶⁵

¹⁶⁰ ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 45.

¹⁶¹ Антонович М. А. Асмодей нашего времени // *Совр.* 1862. № 3. Цит. по: Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике / Сост. И. И. Сухих. Л., 1986. С. 86.

¹⁶² Charpentier 1863. P. 69, note 1.

¹⁶³ Wolfsohn 1865. S. 321.

¹⁶⁴ ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 47.

¹⁶⁵ Wolfsohn 1865. S. 324.

А там, где Вольфзон столкнулся с действительно «непереводимыми» оборотами, он, подобно французскому переводчику, прибегает к немецким эквивалентам. Это хорошо видно на примере ироничного замечания Павла Петровича в разговоре с племянником-нигилистом в главе V. Подчеркивая, что для него, как и для всех людей его поколения, невообразима жизнь без твердых принципов, Павел Петрович говорит Аркадию: «Vous avez changé tout cela, дай вам бог здоровья и генеральский чин, а мы только любоваться вами будем, господа... как бишь?».¹⁶⁶ В передаче этого места Вольфзон оставил слегка измененную знаменитую фразу из комедии Мольера «Лекарь поневоле», но не попытался передать народную поговорку (и в то же время цитату из комедии Грибоедова «Горе от ума»¹⁶⁷): «Vous avez changé tout cela... **Wohl bekomms euch, ihr Herren... wie nennt ihr euch doch gleich?**».¹⁶⁸ Во французском же издании мы находим буквальный перевод: «...**que Dieu vous donne la santé et le grade de général; nous nous contenterons de vous admirer, messieurs les... comment dis-tu?**», который сопровождается подстрочным примечанием к выделенному нами фрагменту, поясняющим, что это «Proverbe russe» («Русская поговорка»)).¹⁶⁹

Вообще одно очень существенное различие между французским переводом и переводом из «Nordische Revue», которое сразу бросается в глаза, заключается в обилии подстрочных примечаний в издании Шарпантье. Это различие объясняется двумя противоположными переводческими стратегиями. Если французский переводчик для того, чтобы не затушевать «колорит» оригинала (как правило, это чисто русские реалии, не имеющие аналогов во французском языке), сохранил и транслитерировал ряд русских слов, выделив их при этом курсивом и большей частью пояснив в сносках — «les poches de derrière de son *touloup*» («Pelisse de peau de mouton»); «des *dvorovi* libres» («Serfs employés au service intérieur»); «une *douchagreïka* bleue» («Sorte de manteau court que l'on jette ordinairement sur les épaules»); «un *samovar* allumé les attendait sur une table»; «dans une *kibitka* de Kalmouk» («Charriot à quatre roues»),¹⁷⁰ — то Вольфзон, видимо полагая, что обилие иностранных слов и примечаний утомляло бы читателя и отвлекало бы его от повествования, для всех вышеназванных русских слов нашел подходящие

¹⁶⁶ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 25.

¹⁶⁷ См. коммент.: Там же. С. 457.

¹⁶⁸ Wolfsohn 1865. S. 155.

¹⁶⁹ Charpentier 1863. P. 34, note 1.

¹⁷⁰ Ibid. P. 10, 13, 26, 28, 81.

эквиваленты на немецком: «die Hintertaschen seines **Pelzes**», «Freigelassenen <...> die früher zum **Hausgesinde** gehörten», «in blauem **Mieder**», «Auf dem Tisch am Geländer kochte bereits <...> die **Theemaschine**», «in einer **Mongolenhütte**».¹⁷¹

Такой подход характерен для Вольфсона-переводчика. Например, в выполненном им переводе «Дневника Вареньки» из романа Достоевского «Бедные люди» слово «самовар» в одном месте воспоминаний, которым Варенька предается в петербургском пансионе: «Сидела бы я в маленькой комнатке нашей, у самовара, вместе с нашими <...>»,¹⁷² — было переведено таким же образом: «...ich säß' in dem kleinen Zimmerchen vor der **Theemaschine** zusammen mit den Unsrigen <...>».¹⁷³ В переводе «Отцов и детей» Вольфзон лишь в самых крайних случаях транслитерировал русские слова — например, в начале главы I: «2000 **Dessätinen**»,¹⁷⁴ причем в отличие от французского издания — «deux mille *deciatines*» («Mesure de terrain equivalent à un hectare à peu près»)¹⁷⁵ — он не выделил это слово курсивом, не снабдил сноской. Еще один пример транслитерации встречаем в конце той же главы: «ein **Tarantas**». Это, пожалуй, единственный на все десять глав случай, когда Вольфзон прибегает к подстрочному примечанию: «Eigenthümlich construirter russischer Reiseswagen» («Особым образом сделанная русская повозка»)¹⁷⁶ Во французском же издании только в первых десяти главах насчитывается не менее 26-и примечаний! Притом они объясняют французскому читателю не только русские слова или пословицы, но и русские обычаи, исторические детали и, как уже говорилось выше, даже ту немецкую книгу, которую Базаров рекомендует в качестве чтения для Николая Петровича.

В нашу задачу не входит решение вопроса, какой из этих двух переводческих стратегий отдать предпочтение. Каждая из них по-своему направлена на то, чтобы сделать произведение иностранного автора более понятным для читателя. Заметим только, что внесение подстрочных примечаний, объясняющих русские обычаи и поверья, характерно

---

¹⁷¹ *Wolfsohn 1865*. S. 140, 142, 150, 151, 329.

¹⁷² *Достоевский*. Т. 1. С. 28.

¹⁷³ *W<olfsohn> W<ilhelm>*. Theodor Dostojewsky und seine sibirischen Memoiren. S. 146.

¹⁷⁴ *Wolfsohn 1865*. S. 135.

¹⁷⁵ *Charpentier 1863*. P. 2.

¹⁷⁶ *Wolfsohn 1865*. S. 138. Примечательно, что на этот раз во французском издании слово «tarantass» (*Charpentier 1863*. P. 6) появляется без курсива и без какого-либо подстрочного примечания! По-видимому, либо переводчик, либо Мериме в качестве редактора считали, что это русское слово уже достаточно знакомо французской публике.

для практики Делаво, и что это, как подчеркивает П. Уоддингтон, безусловно связано с тем, что Делаво провел детство и юность в России.¹⁷⁷ Подобными переводческими принципами можно было бы объяснить некоторые из вольностей, которые то и дело попадают во французском издании, ведь иногда подстрочное примечание, либо намеренно, либо по недосмотру, может быть перенесено в главный текст. Возьмем пример, на который уже обратила внимание В. А. Лукина, а именно характеристику Павла Петровича в начале главы VII: «Он с детства отличался замечательною красотой; к тому же он был самоуверен, немного насмешлив и как-то забавно желчен — он не мог не нравиться».¹⁷⁸ Приведем французский перевод этого места со вставкой, выделенной нами: «D'une beauté remarquable, suffisant, un peu moqueur et d'une irascibilité coquette (**c'était la mode à cette époque**) (тогда это было в моде. — *Ped.*), il ne pouvait manquer de plaire».¹⁷⁹ У Вольфзона же, как и следовало ожидать, мы находим вполне точный перевод: «Er zeichnete sich von klein auf durch eine bemerkenswerthe Schönheit aus. Zudem war er selbstvertrauend, ein wenig spöttisch und ergötzlich boshaft — er mußte gefallen».¹⁸⁰

Вольфзону не суждено было дойти в своем переводе «Отцов и детей» дальше главы X романа — главы, в которой знаменитая «схватка» Павла Петровича с Базаровым — и, отчасти, с Аркадием — служит подтверждением афористично сформулированной мысли, которую Тургенев записал для себя, обдумывая замысел романа: «Не желайте никогда ни сам сказать, ни услышать последнего слова».¹⁸¹ Сложно предугадать, как Вольфзон справился бы с задачей передать на немецком языке всю «роскошь поэзии», заложенную в романе, в котором автор, по словам

---

¹⁷⁷ Указано Патриком Уоддингтоном 2 июня 2014 г. (по электронной почте).

¹⁷⁸ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 30.

¹⁷⁹ *Charpentier 1863*. P. 41. По этому поводу исследовательница замечает: «Трудно предположить, что кто-то другой, кроме самого Тургенева, мог вставить во французский текст ремарку в скобках, отсутствующую в оригинале» (*Лукина В. А.* Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 311). Однако если принять во внимание последние находки П. Уоддингтона, то следует признать, что появился вполне правдоподобный кандидат — Делаво, который был старше Тургенева на десять лет (он родился в Москве в 1807 или 1808 г.) и следовательно имел возможность в юности наблюдать за манерами в высшем свете времен Александра I.

¹⁸⁰ *Wolfsohn 1865*. S. 160.

¹⁸¹ См. подготовительные материалы к роману «Отцы и дети», которые были впервые опубликованы П. Уоддингтоном в «*New Zealand Slavonic Journal*» в 1984 г.: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 12. С. 576.

Н. Н. Страхова, показывает нам «жизнь во всей ее красоте» — ту жизнь, которая «стоит выше всех лиц и даже выше Базарова».¹⁸² Изучение перевода первых десяти глав романа — а также завершенных переводов других произведений — дает нам, однако, полное право предположить, что если бы ему было суждено перевести роман целиком, то он сделал бы это мастерски, ибо к Вольфзону по праву можно отнести слова Тургенева из рецензии 1843 года на русский перевод «Вильгельма Телля»: «Дух (личность) переводчика веет в самом верном переводе, и этот дух должен быть достоин сочетаться с духом им воссозданного поэта».¹⁸³

Тургенев, по всей видимости, не сразу узнал о том, что Вольфзон предпринял перевод «Отцов и детей». В конце 1862 года он еще рассчитывал на Боденштедта как на будущего переводчика своего романа на немецкий язык.¹⁸⁴ О существовании журнала Вольфзона он, разумеется, знал, так как Боденштедт в конце мая 1862 года послал ему экземпляр самой первой книжки «Russische Revue», в которой был напечатан его перевод повести «Фауст»¹⁸⁵ — перевод, который Тургенев считал «просто прекрасным»¹⁸⁶ и который побудил его стремиться к дальнейшему сотрудничеству с Боденштедтом. Вольфзон, скорее всего, не обращался к Тургеневу за авторизацией перевода, поскольку, имея за плечами немалый опыт в издательском деле, был хорошо осведомлен об отсутствии конвенции между Россией и Германией, требующей такого разрешения.¹⁸⁷ Как и в других случаях, когда Тургенев узнавал о переводах

---

¹⁸² *Страхов Н. Н.* И. С. Тургенев. Отцы и дети // *Время*. 1862. № 4. Цит. по: Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. С. 252, 253.

¹⁸³ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 1. С. 190. Н. Г. Жекулин ссылается на рассуждения Тургенева в этой статье как на одно из самых ранних проявлений его интереса к «теории» перевода. См.: *Žekulin N.* Turgenev as Translator. P. 156–157.

¹⁸⁴ См. его письмо к Боденштедту от 25 октября (6 ноября) 1862 г.: «К этому (Выше Тургенев, по просьбе Боденштедта, перечисляет свои произведения, которые могли бы заинтересовать немецкого читателя. — *Л. С.*) можно бы еще прибавить мой последний роман: „Отцы и дети“. Я вышлю его вам дня через два или три» (*ПССиП(2)*. Письма. Т. 5. С. 125. Подлинник по-франц.).

¹⁸⁵ См. письмо Боденштедта к Тургеневу от 16 (28) мая 1862 г.: *Pannux X.* Тургенев и Боденштедт. С. 311–312. См. также: *Rappich H.* F. Bodenstedt und Turgenev. S. 213.

¹⁸⁶ *ПССиП(2)*. Письма. Т. 5. С. 121. Письмо к Боденштедту от 19 (31) октября 1862 г. Подлинник по-франц.

¹⁸⁷ См. об этом, например: *Rimscha H., von.* Die bisher unbekanntten Briefe Ivan S. Turgenevs an seinen deutschen Verleger Erich Behre in Mitau // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N. F. Wiesbaden, 1970. Bd. 18. H. 4. S. 531. Кстати, Боденштедт также не просил разрешения Тургенева на перевод «Фауста» для «Russische Revue», а поставил его, так сказать, перед совершившимся фактом.

своих сочинений после их выхода в свет, нельзя исключать, что кто-то в 1865 году обратил его внимание на появление перевода «Отцов и детей» в «Nordische Revue» — особенно если учесть, что журнал Вольфсона, по словам Теодора Фонтане, «пользовался хорошей репутацией» («in gutem Ansehen stand»).¹⁸⁸

К переводу «Отцов и детей» в штутгартской газете «Der Beobachter»

Как убедительно показала В. А. Лукина, Тургенев не сразу узнал и о первом полном переводе своего романа на немецкий язык, который публиковался с сентября по декабрь 1865 года под заглавием «Väter und Kinder» в фельетонах штутгартской ежедневной газеты «Der Beobachter. Ein Volksblatt aus Schwaben».¹⁸⁹ Здесь мы прежде всего должны подчеркнуть, что в отличие от более раннего неполного перевода Вольфсона в «Nordische Revue» перевод в «Beobachter», как доказала исследовательница, был выполнен исключительно на основе французского издания. Поскольку в ходе состоявшихся осенью 1868 года переговоров с издателем Тургенев сам согласился на то, чтобы перевод из «Beobachter», с которым он тогда впервые бегло ознакомился,¹⁹⁰ был положен в основу первого тома задуманного Б.-Э. Бере собрания его избранных сочинений на немецком языке, писателю оставалось винить лишь себя самого за то, что получившее широкое распространение митавское издание «Отцов и детей» базировалось на французском переводе, а не на русском тексте. Если уже в издании Шарпантье, несмотря на тщательную редактуру Мериме, встречались отклонения от оригинала (включая пропуски)¹⁹¹

¹⁸⁸ Fontane Th. Von Zwanzig bis Dreißig. Цит. здесь по: Fontane 1988. S. 190.

¹⁸⁹ См.: Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 291.

¹⁹⁰ См. письмо к Бере от 7 (19) ноября 1868 г.: ПССУП(2). Письма. Т. 9. С. 269.

¹⁹¹ Например, в главе XXI после того, как появление Василия Ивановича помешало Базарову познакомиться с Аркадием, в подлиннике читаем: «— Ну, полно, — шепнул Аркадий и пожал украдкой своему другу руку. Но никакая дружба долго не выдержит таких столкновений» (ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 123). Во французском издании последнее предложение отсутствует: «— Allons, en voilà assez, répondit Arcade, et il lui serra furtivement la main» (Charpentier 1863. P. 207). То обстоятельство, что в беловом автографе Тургенев вписал, но затем зачеркнул это предложение (см.: ПССУП(1). Соч. Т. 8. С. 466), которое тем не менее попало и в журнальное, и в отдельное издание романа, говорит в пользу гипотезы о Делаво как об авторе французского перевода, так как тот, как уже было отмечено, ознакомился с романом по рукописи.

и вставки¹⁹²), то, как и следовало ожидать, при переводе с французского на другой язык количество их лишь возросло. Ни редакторская работа Тургенева над первыми двенадцатью главами перевода из «*Veobachter*», ни последующая усердная проверка всего текста, осуществленная Л. Пичем (который, не владея русским языком, вынужден был сличать текст не с подлинником, а с французским изданием), не смогли вполне устранить из немецкого перевода все отклонения, а иногда и ошибки, перешедшие в него из французского.¹⁹³

Что касается авторства немецкого перевода в «*Veobachter*», который появился лишь с указанием инициалов переводчика — «О. Ф.», то оно, к сожалению, остается нераскрытым, но мы можем дополнить аргументацию В. А. Лукиной против ошибочного утверждения, встречающегося в научной литературе о Тургеневе, согласно которому переводчиком был австрийский литератор Мориц Гартман.¹⁹⁴ Гартман начал сотрудничать с «*Veobachter*» еще в 1865 году, когда проживал в Штутгарте, однако и в последующие годы он также неоднократно печатался на страницах этой газеты. Из составленной Гербертом Якобом (Jacob) библиографии Гартмана явствует, что в фельетонах «*Veobachter*» в конце октября 1868 года вышел также его перевод рассказа Тургенева «Три встречи».¹⁹⁵ Таким

---

¹⁹² Например, в главе XXVII, в начале своего предсмертного свидания с Одиной Базаров просит ее позволения отослать отца из комнаты, чтобы остаться с ней наедине. В подлиннике читаем: «Он указал головою на свое распростертое бесильное тело» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 182). Во французском издании описание жеста Базарова претерпело значительное изменение: «D'un mouvement de tête il semblait lui dire qu'elle n'avait rien à redouter d'un mourant» (*Charpentier 1863*. P. 313). Ни в беловом (см.: *ПССУП(1)*. Соч. Т. 8. С. 477), ни в черновом автографе (см.: *Тургенев И. С. Отцы и дети / Изд. подгот. С. А. Батюто и Н. С. Никитина*. СПб., 2008. С. 435) нет никаких указаний на то, что такой вариант когда-либо предусматривался самим Тургеневым. Здесь, возможно, мы имеем дело с вмешательством Мериме-редактора, который, возвращая Тургеневу корректуру перевода, признался, что ради соблюдения приличий внес «несколько небольших изменений».

¹⁹³ См. тщательный анализ редактуры, которой подвергся перевод из «*Veobachter*»: *Лукина В. А.* Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 298–311.

¹⁹⁴ См.: Там же. С. 294–295.

¹⁹⁵ *Drei Begegnungen. Eine Jagd- und Reise-Erinnerung von Iwan Turgeneff. Mit Erlaubniß des Verfassers übersetzt von Moritz Hartmann // Der Beobachter. Ein Volksblatt aus Schwaben. 1868. 21.–29. Oktober. № 245–248, 250–253.* См.: *J<acob> H<erbert>. Hartmann, Moritz // Deutsches Schriftstellerlexikon 1830–1880. Goedekes Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung — Fortführung / Bearbeitet von H. Jacob. Berlin, 2003. Bd. 3.2 (H). S. 232.* Натасха Хауэр (Natascha Hauer) — сотрудница библиотеки земли Вюртемберг (Württembergische Landesbibliothek; далее — *WLB*) — любезно сообщила нам дату номера газеты с первым выпуском перевода.

образом подтвердилось предположение, выдвинутое еще в первом академическом Полном собрании сочинений и писем Тургенева, о том, что данный перевод Гартмана появился именно в этой газете.¹⁹⁶

Это объясняет и сам факт обращения Тургенева к Гартману за адресом редактора «*Veobachter*» Карла Майера, понадобившегося ему для переговоров с Бере, и скорость, с которой последний исполнил просьбу Тургенева.¹⁹⁷ Не вызывает сомнений, что автором перевода «Отцов и детей», скрывшимся за криптонимом «О. Ф.», был один из постоянных сотрудников «*Veobachter*», который регулярно помещал в фельетонах этой газеты рецензии на различные книжные новинки, неизменно подписывая их теми же инициалами.¹⁹⁸ Как можно заключить по некоторым разбросанным в его рецензиях замечаниям, «О. Ф.» был уроженцем Штутгарта или близлежащих мест. Следовательно, уроженец Богемии Гартман никак не мог быть автором перевода из «*Veobachter*»,¹⁹⁹ не говоря уже о том, что в своей статье 1868 года о Тургеневе он весьма поверхностно охарактеризовал «Отцов и детей», назвав роман «беспощадным разоблачением» «пустой секты» нигилистов.²⁰⁰ Человек, взявший

---

¹⁹⁶ В комментарии к следующему месту из письма Тургенева к Гартману от 19 ноября (1 декабря) 1868 г.: «К. Майер прислал мне Ваш перевод „Trois Rencontres“: как всегда прелесть!» (*ПССУП(1). Письма*. Т. 7. С. 412. Подлинник по-нем.), — читаем: «Перевод Гартмана, по-видимому, был напечатан в газете „*Der Veobachter*“, редактором которой был Карл Майер» (Там же. С. 527). То же: *ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 359. В списке переводов Гартмана из Тургенева, который Гюнтер Витженс составил в 1982 г., австрийский ученый смог только повторить это предположение: *Wytzens G. Zur österreichischen Turgenew-Rezeption bis 1918 // Wytzens G. Slawische Literaturen — Österreichische Literatur(en) / Hsg. von Fedor Poljakov und Stefan Simonek. Bern, 2009. S. 181.*

¹⁹⁷ См. письмо Тургенева к Бере от 9 (21) октября 1868 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 264. См. также изложение этих переговоров: *Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети»* (Митавское издание). С. 292–294.

¹⁹⁸ Приношу глубокую благодарность Наташе Хауэр (см. выше), которая в фондах WLB просмотрела номера «*Veobachter*» с сентября по декабрь 1865 г., пытаясь обнаружить какую-нибудь статью, подписанную полным именем «О. Ф.». Эти поиски оказались безуспешными, но г-жа Хауэр любезно предоставила цифровые копии нескольких рецензий, подписанных «О. Ф.», по которым можно составить представление о личности этого литератора.

¹⁹⁹ Составитель библиографии Гартмана Г. Якоб пришел к тому же выводу: «*Der Beitr.: Turgeneff, Iwan: Väter und Kinder. <Aus d. Franz. übers. v. O. F.> 35, 1865, № 228–306, offenbar nicht von Hartmann*» («Авт<ор>: Тургенев Иван: Отцы и дети. <Пер. с франц. О. Ф.> 35, 1865, № 228–306, очевидно не Гартмана»; см.: *J<acob> H<erbert>. Hartmann, Moritz. S. 232*).

²⁰⁰ См.: *Ergänzungsblätter zur Kenntnis der Gegenwart (Hildburghausen)*. 1868. Bd. 3. H. 6. S. 343.

на себя труд перевести роман Тургенева и для этого постаравшийся вникнуть в авторское отношение к Базарову, не мог вынести такой скоропалительный приговор!

Клер фон Глюмер — продолжательница дела В. Вольфсона

Поскольку перевод «Отцов и детей» в «Beobachter» не получил, как замечает В. А. Лукина, широкой известности,²⁰¹ не удивительно, что почти три года спустя, в апреле 1868 года, Клер фон Глюмер обратилась к издателю, чье имя пока установить не удалось, с предложением перевести целиком роман, который, по ее словам, полностью еще не выходил на немецком языке. Письмо Клер фон Глюмер хранится в Музее истории города Лейпцига (Stadtgeschichtliches Museum Leipzig) и публикуется здесь впервые:

Dresden, 22. Apr. 68.
Tharandterstraße 16^a.

Gehrter Herr!

In der Voraussetzung, daß Ihnen mein Name nicht ganz unbekannt sein dürfte, erlaube ich mir, bei Ihnen anzufragen, ob Sie vielleicht geneigt wären, eine Uebersetzung des Turgeneff'schen Romans: «Väter und Kinder» in Verlag zu nehmen. Dr. W. Wolfsohn hatte im Jahre 1865 die Uebertragung des Buches begonnen und den Anfang in zwei Nummern der «Nordischen Revue» erscheinen lassen, dann wurde er krank, starb und das höchst interessante Buch, das in Turgeneff's Meisterschaft ein ganzes Stück moderner russischer Kultur schildert, blieb unübersetzt. Mich selbst haben bis jetzt andere literarische Arbeiten an der Uebertragung gehindert; erst jetzt finde ich dazu Zeit und nachdem ich von Herrn Turgeneff die Erlaubniß erhalten, meine Uebersetzung als eine autorisirte bezeichnen zu dürfen, erlaube ich mir, mich mit obiger Anfrage an Sie zu wenden. Ich füge hinzu, daß «Väter und Kinder» ein splendid gedrucktes Bändchen von circa 20 Bogen füllen und daß ich, falls Sie nicht abgeneigt wären, auf mein Anerbieten einzugehen, Ihnen die von Wolfsohn übersetzten Kapitel gerne zur Ansicht vorlegen würde.

Ihrer Antwort entgegensehend

Hochachtungsvoll
ergeben

Claire von Glümer.²⁰²

²⁰¹ См.: Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 293.

²⁰² Печатается по подлиннику: Stadtgeschichtliches Museum Leipzig, Nachlässe: Stohmann-Tietz Sammlung. Signatur: A/1229/2006. Благодарю Михаэля Волосиновского (Michael Volosinovszki), сотрудника Музея, за оформление заказа на сканирование письма. Письмо записано рукой подруги Глюмер — Августы Шейбе (Augusta Scheibe), как удалось установить Гудрун Бернгардт (см. выше), сравнившей по нашей просьбе почерк с автографами писем А. Шейбе, хранящихся в DLA (Марбах); подпись — автограф.

Dresden 22 Apr. 68.
Tharandterstraße 16^a

Gentlemen Sir!

In der Voraussicht, daß Ihre
mein Name nicht ganz unbekannt
sein dürfte, erlaube ich mir, bei
Ihnen anzufragen, ob Sie willens
sind, mir meine Abhandlung
des Turgeneff'schen Romans: „Wörter
und Tücher“ in Abdruck zu geben.
Dr. W. Wolfson hat im Jahr 1865
die Abhandlung des Kaisers herausgegeben
und den Anfang in dem „Nüchternen
der Nordischen Revue“ veröffentlicht.
Ihre
Gentlemen

Письмо К. фон Глюмер к неизвестному издателю от 22 апреля н. ст. 1868 г.
Первая страница. Музей истории города Лейпцига

С немецкого:

Дрезден, 22 апр. 68.
Тарандгер-штрассе 16^a.

Милостивый государь!

Предполагая, что мое имя Вам, наверное, не совсем неизвестно, позволяю себе осведомиться, не угодно ли Вам издать перевод романа Тургенева «Отцы и дети». Д-р В. Вольфзон в 1865 году начал переводить его и поместил начало перевода в двух номерах «Nordische Revue», но затем заболел и умер, так что эта интереснейшая книга, которая с присущим Тургеневу мастерством воссоздает полную картину современной русской культуры, осталась непереведенной. Другие литературные работы не позволяли мне ранее приняться за этот перевод. Только сейчас у меня появилось на это время и, получив от г-на Тургенева разрешение назвать свой перевод авторизованным, позволяю себе обратиться к Вам с данным предложением. Прибавлю, что «Отцы и дети» могли бы составить прекрасный томик примерно в 20 печатных листов и, если Вы сообразите принять мое предложение, я с удовольствием предоставлю на Ваше рассмотрение главы, переведенные Вольфзоном.

В ожидании Вашего ответа

с совершенным почтением

преданная Вам

Клер фон Глюмер.

Это письмо является окончательным доказательством того, что именно Вольфзон был автором перевода первых десяти глав «Отцов и детей», появившегося в его журнале в феврале — марте 1865 года. Клер фон Глюмер не только жила в одном городе с Вольфзоном, но и была с ним хорошо знакома, о чем свидетельствует, например, ее письмо к Вольфзону от 22 января н. ст. 1865 года, в котором она приглашала его с супругой к себе на вечер.²⁰³ Клер фон Глюмер упоминает в нем лишь стихотворения Вольфзона, которыми она, по собственному признанию, наслаждалась, но она, несомненно, была осведомлена и о его работе над переводом романа Тургенева.

Из приведенного выше письма от 22 апреля н. ст. 1868 года следует также, что ранее К. фон Глюмер обратилась к Тургеневу за разрешением на перевод романа. Однако ни ее письмо, ни положительный ответ Тургенева не дошли до нас. Возможно также, что она обратилась к нему

---

²⁰³ Письмо, о существовании которого мы узнали через электронную базу данных «Kalliope», хранится в Рукописном отделе Берлинской государственной библиотеки (Staatsbibliothek zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz, Handschriftenabteilung). Сотрудница Рукописного отдела Ирис Лоренц любезно сообщила нам его содержание. Впоследствии Ингольф Шван также обратил наше внимание на это письмо.

через посредство общего знакомого.²⁰⁴ В отличие от Вольфзона К. фон Глюмер посчитала необходимым обратиться к автору за авторизацией будущего перевода, несмотря на то, что, как уже отмечалось, никакой литературной конвенции между Германией и Россией не существовало. По-видимому, ее поступок объясняется тем, что в то время она еще рассчитывала на отдельное издание своего перевода, а указание на титульном листе, что перевод авторизован, повысило бы ценность издания и отгородило бы его от возможных конкурентов. Это был также знак уважения к автору, который по существовавшим законам не мог рассчитывать на авторский гонорар. Точно так же поступил, например, американский дипломат Юджин Скайлер, который в первой половине 1867 года обратился к Тургеневу с просьбой дать свое согласие на английский перевод «Отцов и детей».²⁰⁵ Когда роман в переводе Скайлера вышел в Нью-Йорке летом того же года, на титульном листе значилось, что перевод осуществлен с согласия автора.²⁰⁶

Перевод Клер фон Глюмер вышел не отдельным изданием, а сначала (с конца октября по середину декабря 1868 г.) печатался в виде литературного приложения («Romanbeilage») к немецкоязычной пражской газете «Correspondenz». Редакция сообщила читателям газеты о появлении

---

²⁰⁴ См. письмо Тургенева к Бере от 13 (25) июня 1869 г. из Баден-Бадена: «Припоминаю, будто не прошлой, а даже *позапрошлой* зимой (1866–7) — живший здесь д-р Поль говорил мне об одной даме, которая хотела переводить мои сочинения; я ответил на это очень *неопределенно*, так что (*вернее*: так как. — Л. С.) о согласии вообще не могло быть и речи; однако (*букв.*: ведь. — Л. С.) нынче в Германии согласие автора необязательно» (ПССУП(2). Письма. Т. 10. С. 288. Подлинник по-нем.). Хотя в начале этого письма упоминается М. Г. Пецольд, недавно обращавшаяся к Тургеневу по поводу своего перевода повести «Несчастливая», Тургенев мог забыть о том, что полтора года тому назад к нему обращалась не Пецольд, а Глюмер.

²⁰⁵ См. письмо Тургенева к Скайлеру от 5 (17) июля 1867 г.: *Yakobson S.* Unpublished Letters of Ivan Turgenev // *Russian Literature Triquarterly*. 1982. № 17. P. 186. Как справедливо замечает А. Н. Николокин, этому письму должны были предшествовать другие, не дошедшие до нас письма Тургенева к Скайлеру. См.: *Николокин А. Н.* Взаимосвязи литератур России и США: Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка. М., 1987. С. 81–82.

²⁰⁶ *Turgenev Ivan Sergeïevitch. Fathers and Sons / Translated from the Russian with the approval of the author by Eugene Schuyler, Ph.D.* New York, 1867. Несколько лет спустя Генри Холт, в издательстве которого вышел этот перевод, по собственному побуждению послал Тургеневу денежное вознаграждение за печатание его сочинений в США. См. письмо к П. В. Анненкову от 26 января (7 февраля) 1874 г., в котором Тургенев высказал свое радостное удивление по этому поводу: ПССУП(2). Письма. Т. 13. С. 15–16.

первой части перевода следующим образом: «В сегодняшнем номере мы начинаем публикацию анонсированного нами ранее романа Ивана Тургенева „Отцы и дети“, единственный авторизованный перевод которого на немецкий язык выполнила для нашей газеты известная писательница Клер фон Глюмер. О достоинствах этого самого последнего произведения знаменитого русского автора критика высказалась единодушно, открыто назвав его эпохальным явлением в современной русской литературе».²⁰⁷ Как видно из более поздних объявлений, редакция газеты решила начать публикацию (в литературном приложении) новейших произведений славянских литератур в немецком переводе именно с романа Тургенева, чтобы доказать необоснованность часто звучавших в немецкой прессе заявлений о том, что славяне лишены творческой самобытности.²⁰⁸

Итак, перевод К. фон Глюмер хронологически является вторым полным переводом (после перевода в «*Veobachter*») романа «Отцы и дети» на немецкий язык. Его смело можно считать продолжением дела Вольфзона не только потому, что переводчица, как мы в дальнейшем увидим, опиралась на труд своего предшественника, но и с точки зрения обстоятельств его появления. Точно так же, как и журнал Вольфзона, пражская газета «*Correspondenz*» намеревалась противостоять антиславянским (в том числе и антирусским) предубеждениям, которые в то время были широко распространены даже среди образованных немцев.

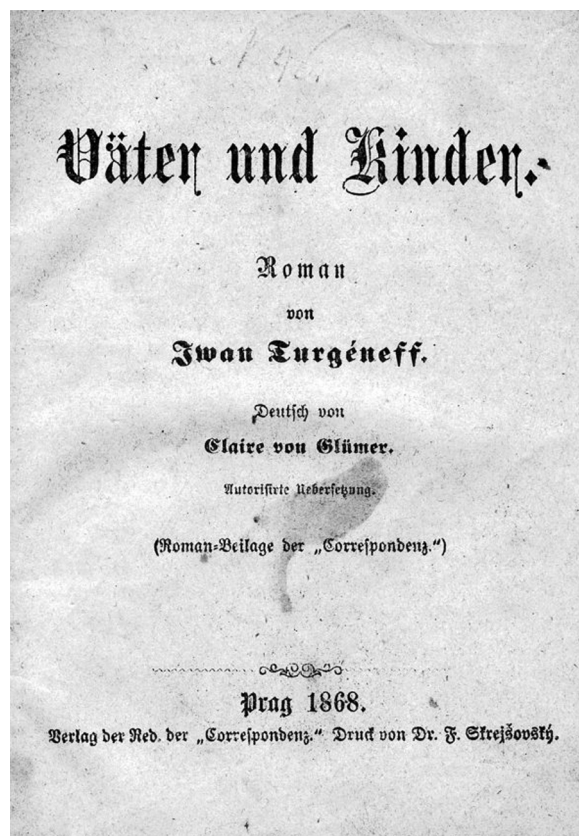
Однако прежде чем обратиться к самому переводу К. фон Глюмер — сведения о котором, как и о неполном переводе Вольфзона, отсутствуют в обоих академических изданиях Тургенева, — мы хотели бы представить биографию этой практически забытой на сегодняшний день писательницы. До последнего времени сведения о ней можно было почерпнуть только в соответствующих немецкоязычных справочных изданиях,²⁰⁹

---

²⁰⁷ *Correspondenz*. 1868. 28. Oktober. № 92.

²⁰⁸ См.: *Ibid.* 27. Dezember. № 151.

²⁰⁹ Уже в энциклопедии 1898 г., посвященной немецким писательницам, мы находим статью о ней: *Lexikon deutscher Frauen der Feder: Eine Zusammenstellung der seit dem Jahre 1840 erschienenen Werke weiblicher Autoren, nebst Biographien der lebenden und einem Verzeichnis der Pseudonyme* / Hsg. von Sophie Pataky. Berlin, 1898. Эта статья доступна в интернете: <http://www.zeno.org/Pataky-1898/A/Gl%C3%BCmer,+Fr1.+Claire+von>. Из более современных справочных изданий назовем: *Jonas G. Glümer, Claire von // Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945: Ein biographisches Lexikon*. S. 135; *Sagarra E. Glümer, Claire von // Killy Literaturlexikon: Autoren und Werke des deutschsprachigen Kulturraumes*. 2., vollständig überarbeitete Auflage / Hsg. von Wilhelm Kühlmann. Berlin; New York, 2009. Bd. 4. S. 256–257.

«Отцы и дети» в переводе К. фон Глюмер.
Литературное приложение газеты «Correspondenz» (1868).
Титульный лист

и лишь недавно ее личность и творчество стали предметом более обстоятельных исследований.²¹⁰

* * *

Писательница и переводчица Клер фон Глюмер родилась 18 октября н. ст. 1825 года в Бланкенбурге, в регионе Гарц в самом центре Герма-

---

²¹⁰ См. главу, посвященную Клер фон Глюмер и ее роману «Фата-моргана»: *Freund M.* «Mag der Thron in Flammen glühn!»: Schriftstellerinnen und die Revolution von 1848/49. Königstein im Taunus, 2004.

нии. Она была старшей дочерью адвоката и журналиста Карла Веддо фон Глюмера (1798–1876) и писательницы Шарлотты Шпор (1799–1839) — двоюродной сестры композитора Людвиг Шпора.²¹¹ Ее отец в 1829 году оставил работу юриста, чтобы целиком посвятить себя публицистике и поддержать таким образом либеральную оппозицию в Германии, которой он сочувствовал со студенческих лет. За либеральные статьи его изгнали из нескольких немецких городов и государств. Ввиду усиливавшихся полицейских преследований так называемых «демагогов» он в марте 1833 года решил эмигрировать во Францию с женой и детьми. Следующие шесть лет семья провела в разных уголках юга Франции и Швейцарии. В своих воспоминаниях, написанных в конце жизни, Клер фон Глюмер рассказала, как в городке По у подножия Пиренеев общалась с детьми немецкого врача, который жил и работал в России, и благодаря им познакомилась с некоторыми русскими сказками.²¹² При такой скитальческой жизни, конечно, не могло быть и речи о регулярном посещении школы, и маленькая Клер училась главным образом на дому, у матери. Смерть последней в 1839 году явилась тяжелым ударом для всей семьи, тем более что, занимаясь литературным трудом, она пополняла скудные доходы семьи.

Летом 1841 года Клер вернулась в Германию, в Вольфенбюттель к дедушке, который после смерти ее матери принял на себя также заботу о внуке Бодо — ее любимом младшем брате. Шестнадцатилетней девушке пришлось исполнять роль компаньонки ослепшей тетки. Родственники не принимали политических убеждений ее отца и попрекали Клер за то, что она вместе с братьями и сестрами станет обузой для них после смерти дедушки, поэтому ей жилось там очень нелегко, и лишь в чтении она находила какое-то утешение. Одиночество Клер еще более усилилось после того, как Бодо в 1844 году покинул Вольфенбюттель, чтобы вступить в прусскую армию. В 1846 году она получила место гувернантки у знатной семьи вблизи города Хамельн, но вскоре поняла, что у нее нет призвания к педагогической работе. Она начала писать, но впоследствии сожгла все свои ранние литературные опыты. Узнав, что отец вернулся из эмиграции и поселился во Франкфурте, устроившись корреспондентом газеты «Magdeburger Zeitung», она решила бросить место гувернантки и присоединиться к нему. Клер стала помогать отцу

---

²¹¹ Большую часть биографических сведений о Клер фон Глюмер, представленных здесь, мы почерпнули из вышеназванной книги Марион Фрейнд.

²¹² *Glümer Cl., von. Aus einem Flüchtlingsleben (1833–1839): Die Geschichte meiner Kindheit.* Dresden; Leipzig, 1904. S. 243.

в составлении корреспонденций о заседаниях Франкфуртского парламента, и те семь месяцев (с октября 1848-го по март 1849 г.), которые она провела над этой работой, были богаты впечатлениями. Естественно, К. фон Глюмер сочувствовала прежде всего левым депутатам и познакомилась с некоторыми выдающимися личностями, в том числе с будущим приятелем и переводчиком Тургенева — Морицем Гартманом. Кроме того, у нее завязался роман с одним журналистом, который был значительно старше ее и к тому же женат. Вследствие этой несчастной истории, а также слишком больших нагрузок по газете она заболела и в конце марта 1849 года покинула Франкфурт, найдя временный приют у знакомой семьи близ Вольфенбюттеля. К тому времени она уже окончательно разорвала отношения с отцом, который во Франкфурте пытался все более и более оказывать на нее давление.

За участие в Дрезденском восстании ее любимый брат Бодо после ареста летом 1849 года был — как и один из руководителей восстания Бакунин — приговорен к смерти, с заменой приговора на пожизненное заключение. Клер ходатайствовала о помиловании брата и смягчении условий заключения, но не смогла ничего добиться. В марте 1850 года она переехала в Дрезден, чтобы быть ближе к брату, который отбывал там срок в тюрьме. Она снова стала заниматься воспитанием детей, но на этот раз не в частной семье, а в одном из «детских садов», которые были созданы в Германии по системе Фридриха Фрёбеля (Fröbel). Тогда же она познакомилась с будущей спутницей жизни — Августой Шейбе (1824–1898), которая училась на воспитательницу. Поскольку власти подозревали, что дети в таких учреждениях воспитывались в демократическом духе, вскоре Клер и особенно Августа оказались на подозрении полиции.²¹³ Когда осенью 1850 года заболевшего в тюрьме Бодо фон Глюмера перевели в городскую больницу, Клер предприняла попытку освободить его, но потерпела неудачу. После высылки из Саксонии она вместе с Августой поселилась в Брауншвейге, где они планировали открыть собственный детский сад.

Еще в Дрездене весной 1850 года ради дополнительного заработка К. фон Глюмер, по совету знакомого книготорговца, занялась переводами с французского. Свою переводческую деятельность она начала с сочинений Жорж Санд и одновременно завершила свой первый роман — «Fata Morgana. Ein Roman aus dem Jahre 1848» («Фата-моргана. Роман из 1848 года»), который вышел в свет в Лейпциге в 1851 году. О содер-

---

²¹³ Об этих учебных заведениях см.: *Freund M.* «Mag der Thron in Flammen glühn!»: Schriftstellerinnen und die Revolution von 1848/49. S. 513.

жании романа дает хорошее представление книга Марион Фрейнд, посвященная восприятию революционных событий 1848/49 годов в Германии немецкими писательницами. Роман Глюмер частично опирается на ее собственные впечатления от заседаний Франкфуртского парламента. Возникшие тогда надежды на социальные преобразования, которые в романе воплощает Вернер фон Ринген, сторонник Фурье, оказываются в конце концов миражом, как следует уже из самого заглавия романа. Это относится и к надеждам на равноправие женщин в общественной и семейной жизни. Дочери Вернера фон Рингена Гертруде мечтается некий идеал отношений между мужчиной и женщиной, основанных на родстве душ. Но она — и в этом чувствуется горький опыт автора романа — не может поверить в возможность осуществления этого идеала, отдавая предпочтение дружбе, которая прочнее любви.²¹⁴ Роман «Фата-моргана» сегодня почти забыт, что отчасти объясняется его слабой композицией (как определяет ее М. Фрейнд). Затронутые в нем проблемы, однако, помогают понять, почему Клер фон Глюмер впоследствии заинтересовалась возможностью завершить труд Вольфсона, а несколько лет спустя планировала взяться за перевод романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».²¹⁵ В обоих романах, как бы они ни различались по концепции и художественной ценности, ставится вопрос о демократизации общества и тесно связанный с ним вопрос о возможности равноправия между мужчиной и женщиной.

В сентябре 1851 года К. фон Глюмер разрешили вернуться в Дрезден. Тогда же, однако, она приняла участие в организации побега из тюрьмы брата Бодо и других политических заключенных. Попытка вновь провалилась и повлекла за собой новое судебное дело, расследование которого затянулось на два года. Несмотря на то, что полиции не удалось найти никаких явных доказательств против Клер фон Глюмер, в начале апреля 1853 года ее арестовали и перевели в государственную тюрьму Саксонии — замок Губертусбург. Проведя три месяца в тюрьме, в начале июля она вышла на свободу и была снова выслана из Саксонии, без права возвращения.

Поселившись летом 1853 года в Вольфенбюттеле, К. фон Глюмер вместе с Августой Шейбе сначала намеревалась открыть дамский пан-

---

²¹⁴ См.: *Freund M.* «Mag der Thron in Flammen glühn!»: Schriftstellerinnen und die Revolution von 1848/49. S. 536.

²¹⁵ См. ниже ее письмо в редакцию журнала «Über Land und Meer» от 8 (20) марта 1875 г., к которому были приложены на пробу две главы романа Чернышевского в ее переводе.

Клер фон Глюмер. Гравюра на стали А. Вегена.
Австрийская национальная библиотека

сионат, но из этой затеи ничего не вышло, и ей оставалось рассчитывать только на литературный заработок. По-видимому, в этом начинании ее поддерживал критик и историк литературы — и приятель Тургенева — Юлиан Шмидт.²¹⁶ За 1850-е годы Глюмер среди прочих работ перевела мемуары Жорж Санд «История моей жизни» (1854–1856). Выступала она и в роли редактора, выпустив восьмитомную «Bibliothek für die deutsche Frauenwelt» («Библиотеку для немецких женщин», 1856–1857).

Как подчеркивает М. Фрейнд, в январе 1859 года, с освобождением Бодо фон Глюмера из тюрьмы по амнистии, для его сестры настала более светлая пора. Она смогла вернуться вместе с Августой в Дрезден, где они и поселились до конца жизни. В «Эльбской Флоренции» ее литературная деятельность расцвела, и на протяжении последующих десятилетий она написала множество рассказов и повестей, из которых особо стоит выделить «Frau Domina» («Фрау Домина», 1873) и роман «Dönninghausen» («Дённингхаусен», 1881), выдержавшие несколько переизданий. Клер фон Глюмер составила себе имя и как переводчица, причем если вначале она занималась переводами с французского (Жорж Санд) и английского (Джонатан Свифт, Уилки Коллинз), то в 1870-е годы сосредоточилась почти исключительно на русской литературе. С возрастом, однако, пришли недуги, в том числе и ослабевшее зрение, которое мешало ей заниматься литературной работой. К счастью, ей была назначена пожизненная пенсия от Фонда Шиллера (одним из соучредителей которого, напомним, был Вольфзон). Умерла Клер фон Глюмер в Дрездене 20 мая н. ст. 1906 года и была похоронена рядом с Августой Шейбе, которую пережила на восемь лет. Ее могила не сохранилась, поскольку в 1945 году, как и большинство могил на кладбище святого Иоанна (Johannisfriedhof), была разрыта для захоронения всех погибших во время бомбардировки Дрездена.²¹⁷

В биографическом очерке о К. фон Глюмер, написанном одним из ее родственников и вышедшем уже после ее смерти, говорится, что в Дрездене она общалась со «многими выдающимися людьми».²¹⁸ Хотя имена их прямо не названы, известно, что среди них были такие видные представители «русской колонии» в Дрездене, как Вольфзон и Каролина

---

²¹⁶ См.: *Freund M.* «Mag der Thron in Flammen glühn!»: Schriftstellerinnen und die Revolution von 1848/49. S. 595.

²¹⁷ См.: *Boetcher Joeres Ruth-Ellen.* Respectability and Deviance: Nineteenth-Century German Women Writers and the Ambiguity of Representation. Chicago, 1999. P. 294–295.

²¹⁸ Цит. по: *Freund M.* «Mag der Thron in Flammen glühn!»: Schriftstellerinnen und die Revolution von 1848/49. S. 596.

Павлова. В письмах к Павловой А. К. Толстой не раз передает приветы Клер фон Глюмер.²¹⁹ Нам, к сожалению, пока не удалось установить, когда именно она начала изучать русский язык. Возможно, интерес к нему проснулся в то время, когда она подвизалась на ниве журналистики во Франкфурте. К этому же времени, по-видимому, относится ее знакомство со стенографом Парламента — Юлиусом Цейбигом (Zeibig), который самостоятельно изучил русский язык и перевел на немецкий язык басни Крылова. Цейбиг впоследствии стал директором Королевского стенографического института в Дрездене.²²⁰ Не исключено, что в 1860-е годы К. фон Глюмер имела возможность общаться с ним и вдохновиться его примером. Во всяком случае, в Дрездене, благодаря возникшей там «русской колонии», были все предпосылки для занятий русским языком. Так, в городе находились по крайней мере три библиотеки, в которых можно было получать русские книги на дом.²²¹

Перевод «Отцов и детей» в 1868 году был, насколько нам известно, первым переводом из русской литературы, предпринятым К. фон Глюмер.²²² Однако к тому времени она, по-видимому, не владела русским языком в достаточной мере, чтобы перевести роман Тургенева с оригинала. Дело в том, что изучение текста перевода, появившегося, как уже было отмечено, в литературном приложении к пражской газете «Correspondenz»,²²³ убеждает нас, что за исключением первых десяти глав, где

---

²¹⁹ Например, в письме от 26 марта (7 апреля) 1867 г.: «Наверно, Вы иногда встречаете mles Глюмер и Шейбе. Пожалуйста, пожмите им руки за меня и заверьте их в моих горячих дружеских чувствах» (Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 210. Подлинник по-франц.).

²²⁰ О Цейбиге и в особенности о его встречах с Достоевским и его женой в 1867 г. см.: *Hexelschneider E.* 1) Anna Dostojewskaja, Pavel Olchin und Julius Woldemar Zeibig: Aus der Geschichte der deutsch-(sächsisch-)russischen Beziehungen im Bereich der Stenographie // Archiv für Stenographie — Textverarbeitung — Bürotechnik. 2001. Bd. 3; 2) Wilhelm Wolfsohn und die russische Kolonie in Dresden. S. 350.

²²¹ См.: Ibid. S. 344–345.

²²² Такой вывод можно сделать на основании подробной библиографии ее сочинений и переводов: *S<elter> K<atrin>, J<acob> H<erbert>*. von Glümer, Clara // Deutsches Schriftstellerlexikon 1830–1880: Goedeke Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung — Fortführung / Bearbeitet von H. Jacob. Berlin, 2003. Bd. III.1 (G). S. 260–265.

²²³ Данное издание (*Glümer 1868*) является библиографической редкостью, поэтому неудивительно, что оно не упоминается ни в одном из известных нам справочных изданий, содержащих статьи о Клер фон Глюмер. Мы узнали о его существовании благодаря объявлению в интернете о продаже этого издания на аукционе, устроенном фирмой «Bassenge» в апреле 2013 г. См.: http://www.liveauctioneers.com/item/16687802_turgenjew-iwan-ter-und-kinder. Впоследствии удалось установить,

Глюмер опиралась на уже готовый перевод Вольфсона с русского, ее перевод был осуществлен с французского издания 1863 года.

Укажем на несколько показательных примеров. В главе XIII на вопрос Кукшиной, разделяет ли он мнение Прудона о женщинах, Базаров отвечает сухо: «Я ничьих мнений не разделяю: **я имею свои**».²²⁴ Во французском издании вторая часть этого ответа стала пространнее: «Je ne partage les idées de personne; j'ai **ma manière de voir en propre**» («Я ничьих идей не разделяю; у меня есть собственная точка зрения»)²²⁵ Точно так же и в переводе К. фон Глюмер: «„Ich theile keines Menschen Ansichten,“ sagte er, „sondern habe **meine eigene Weise, die Dinge zu sehen**“».²²⁶ Переводя мрачное высказывание Базарова в разговоре с Аркадием (глава XXI: «А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или **Сидора**, для которого я должен из кожи лезть <...>»²²⁷), французский переводчик (или Мериме-редактор!) решил заменить слишком «экзотическое» простонародное имя Сидора именем Жака, более понятным для французской аудитории: «Eh bien, moi, je me suis mis aussitôt à détester ce paysan, que ce soit Philippe ou **Jacques**, pour le bien-être duquel je serais obligé de trimer <...>».²²⁸ Наша переводчица последовала французскому варианту, предложив немецкое имя Якоб: «Ich aber habe in demselben Augenblick begonnen den Bauer zu hassen, mag er Philipp oder **Jakob** heißen, für dessen Wohl ich mich plagen soll <...>».²²⁹

Опираясь на французское издание, К. фон Глюмер по недосмотру допустила и некоторые очевидные ошибки. Так, в главе XVI Базаров и Аркадий шутят по поводу того, что Одинцова пригласила к себе таких

что один экземпляр хранится в Чешской национальной библиотеке (Národní knihovna České republiky) в Праге. За оформление заказа на сканирование этого экземпляра приношу глубокую благодарность сотруднице библиотеки Каролине Кошталовой (Karolína Košťálová).

²²⁴ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 65.

²²⁵ Charpentier 1863. P. 105.

²²⁶ Glümer 1868. S. 122.

²²⁷ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 120.

²²⁸ Charpentier 1863. P. 203. Следует заметить, что этот разговор во французском издании происходит не в главе XXI, а в главе XX. Дело в том, что во французском издании роман насчитывает 26 глав, а не 28, как во всех русских изданиях. Этот сбой перекочевал и в перевод в «Veobachter», и в Glümer 1868, и в первый том митавского издания с текстом перевода из «Veobachter», отредактированным Л. Пичем, который, не владея русским языком, не обращался к отдельному русскому изданию.

²²⁹ Glümer 1868. S. 236.

незнатных людей: «Особенно я, будущий лекарь, и лекарский сын, и дьячковский внук... Ведь ты знаешь, что я внук дьячка?.. — **Как Сперанский**, — прибавил Базаров после небольшого молчания и скривив губы».²³⁰ Во французском издании это место передается верно (хотя со вставкой в начале фразы): «Un aristocrate comme moi surtout; un futur médecin, fils de médecin, et petit-fils de sacristain! car, je ne sais si je te l'ai jamais dit, je suis petit-fils de sacristain... **comme Spéranski**; ajouta Bazarof entre ses dents, après un moment de silence».²³¹ Несмотря на то, что в издании Шарпантье есть подстрочное примечание, объясняющее, что Сперанский был известным государственным деятелем при Александре I, К. фон Глюмер, по-видимому, не обратила внимание на него, а неправильно прочла «comme» как «nommé» (т. е. «по имени»). От этого произошла путаница в последнем предложении: «„Einen Aristokraten meines Gepräges vor Allem! ... Einen künftigen Arzt! ... Sohn eines Arztes und Enkel eines Sakristans!“ rief Basaroff und nach einem Augenblick des Schweigens fuhr er mit zusammengepreßten Zähnen fort: „Ich weiß nicht, ob ich Dir schon erzählt habe, **daß mein Großvater Sakristan war und Speranski hieß?**“» («...Не знаю, рассказывал ли я тебе, что мой дед был дьячком и звался Сперанским?»).²³²

Встречаются и другие ошибки, которые можно объяснить недостаточным знанием французского языка. Например, в конце главы XIX, после того как Базаров иронически спрашивает мужика-извозчика, бьет ли его жена, читаем: «Мужик задергал вожжами».²³³ Во французском издании дополнительно раскрывается цель этого движения: «Le paysan donna une saccade à ses **chevaux**» («Крестьянин подстегнул своих лошадей»)²³⁴ К. фон Глюмер вместо «chevaux» («лошадей») прочла «cheveux» («волосы»), и в ее переводе читаем: «Der Bauer schüttelte seine

²³⁰ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 76.

²³¹ Charpentier 1863. P. 125.

²³² Glümer 1868. S. 144–145. Эта довольно грубая ошибка не была исправлена и в новом издании перевода К. фон Глюмер, вышедшем в 1883 г.: Väter und Söhne von Iwan Turgenjew. Übersetzt von Claire von Glümer. Mit einer Einleitung von Robert Boxberger. Stuttgart, 1883 (далее — Glümer 1883). За предоставление цифровых копий титульного листа и вступления из этого издания, а также за проверку отдельных мест приношу глубокую благодарность Рейчел Гриффитс (Rachel Griffiths) и Кэтрин Аскоф (Catherine Ascough) — стажеркам в библиотеке Института Тейлора (Taylor Institution Library) при Оксфордском университете, в которой имеется экземпляр этого издания.

²³³ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 105.

²³⁴ Charpentier 1863. P. 174.

Haare» («Крестьянин встряхнул волосами»)²³⁵ В главе XXIII, после того как Базаров попросил Фенечку почитать немного «ученую книгу», происходит следующее: «Фенечка, которая принялась было разбирать вполголоса попавшуюся ей статью „о креозоте“, **засмеялась** и бросила книгу... она скользнула со скамейки на землю».²³⁶ Во французском издании читаем: «Fenitchka, qui essayait de déchiffrer à voix basse un paragraphe traitant „de la créosote“, se mit à **rire** et repoussa le livre qui glissa par terre».²³⁷ Вследствие неправильного прочтения глагола «rire» («смеяться») как «lire» («читать») в переводе К. фон Глюмер поведение Фенечки становится гораздо серьезнее: «Fenitschka, die eben einen Paragraphen über Kreosot zu entziffern suchte, fing an zu **lesen** und schob das Buch zurück, so daß es zu Boden fiel» («Фенечка, которая как раз пыталась разобрать статью о креозоте, начала читать и бросила книгу, так что она упала на землю»)²³⁸ В другом случае переводчица столкнулась с двусмысленностью некоторых французских слов. Так, в главе XXVI Базаров отказывается от предложения Одинцовой остаться в Никольском, и далее следует реакция героини: «Одинцова посмотрела на Базарова. Горькая усмешка подергивала его бледное лицо. „Этот меня любил!“ — подумала она — и жалко ей стало его, и с участием протянула она ему руку».²³⁹ Прочитаем только два первых предложения из французского перевода этого фрагмента: «Madame Odintsof regarda Bazarof. Un rire amer contractait **son pâle visage**».²⁴⁰ Во французском языке местоимение «son» может означать и «его» и «ее». К. фон Глюмер решила, что горькая усмешка появилась не у Базарова, а у Одинцовой: «Anna Sergewna sah Basaroff an; ein bitteres Lächeln verzerrte **ihr bleiches Gesicht**» («Анна Сергеевна посмотрела на Базарова; горькая усмешка исказила **ее** бледное лицо»)²⁴¹

Мы привели все эти примеры вовсе не из желания выставить «недостатки» Клер фон Глюмер как переводчицы, но чтобы показать, что при

²³⁵ *Glümer 1868*. S. 202. Эта ошибка также повторена в *Glümer 1883*. Указано Кэтрин Аскоф.

²³⁶ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 137.

²³⁷ *Charpentier 1863*. P. 233.

²³⁸ *Glümer 1868*. S. 272. На этот раз ошибка была исправлена в *Glümer 1883*: «Fenitschka, die eben einen Paragraphen über Kreosot zu entziffern suchte, fing an zu **lachen**, und schob das Buch zurück, so daß es zu Boden fiel». Указано Рейчел Гриффитс.

²³⁹ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 168.

²⁴⁰ *Charpentier 1863*. P. 288.

²⁴¹ *Glümer 1868*. S. 339. Эта ошибка была также исправлена во втором издании перевода, где читаем: «Anna Sergewna sah Basaroff an; ein bitteres Lächeln verzerrte **sein** bleiches Gesicht» (*Glümer 1883*. S. 227). Указано Кэтрин Аскоф.

переводе не прямо с русского, а через посредство французского издания подобные ошибки неизбежны. С другой стороны, она сама заметила несколько ошибок во французском издании и исправила их. Укажем лишь на один такой случай. В последней главе, где рассказывается о дальнейшей судьбе всех персонажей романа, читаем: «Фенечка, Федосья Николаевна, после мужа и Мити никого так не обожает, как свою **невестку** <...>».²⁴² Французский переводчик перепутал степень родства между Фенечкой и Катей и передал этот фрагмент следующим образом: «Fénitchka, maintenant Fédoïssia Nikolaïevna, n'aime personne au monde, après son mari et son fils, autant que sa **belle-sœur** <...>» (т. е. «жена брата», а не «жена сына»)²⁴³ У К. фон Глюмер же находим соответствующий оригиналу перевод: «Fenitschka, die jetzt Fedossia Nikolajewna heißt, hat außer Gatten und Sohn Niemand auf Erden lieber, als ihre **Schwiegertochter** <...>».²⁴⁴ В другом случае, где переводчица отступила от французского текста — и от подлинника, — заметно, пожалуй, желание подправить самого Тургенева. Речь идет о сцене объяснения Базарова с Одинцовой в ее кабинете: «Он быстро обернулся, бросил на нее **пожиряющий** взор <...>».²⁴⁵ Во французском издании читаем: «Il se retourna vivement, lui jeta un regard **dévorant** <...>».²⁴⁶ К. фон Глюмер, по-видимому, посчитала, что это прилагательное может создать ложное впечатление, будто Базаров здесь питает к Одинцовой одно вожделение, а не настоящую любовь, и в своем переводе заменила его другим: «Er wendete sich hastig um, sah sie **glühend** an <...>» («Он быстро обернулся, посмотрел на нее пылающим взором <...>»)²⁴⁷ Такой взгляд можно было бы скорее ожидать от гётевского Вертера!

Как уже было отмечено, для первых десяти глав романа К. фон Глюмер имела перед собой не только французское издание, но и немецкий перевод Вольфсона. В нескольких случаях она полностью позаимствовала отдельные предложения из перевода своего «предшественника»²⁴⁸ — включая его перевод стихов из «Евгения Онегина» в главе III. Тем не ме-

²⁴² *ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 186.*

²⁴³ *Charpentier 1863. P. 320.*

²⁴⁴ *Glümer 1868. S. 378.*

²⁴⁵ *ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 98.*

²⁴⁶ *Charpentier 1863. P. 162.*

²⁴⁷ *Glümer 1868. S. 188.*

²⁴⁸ Например, его перевод иронического вопроса Базарова к Аркадию: «Видно, лишний наследничек нам не по нутру?» (*ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 42*), который звучит так: «Der Miterbe scheint dir nicht zu behagen» (*Wolfsohn 1865. S. 318*). Ср. у К. фон Глюмер: «Der Miterbe scheint Dir nicht zu behagen!» (*Glümer 1868. S. 75*).

нее следует признать, что большей частью она постаралась найти собственные слова и эту часть ее перевода никак нельзя назвать плагиатом. Иногда — отчасти потому что в отличие от Вольфсона она пользовалась французским изданием, отчасти благодаря тому, что она не была столь скована стремлением к максимальной точности перевода — мы находим у К. фон Глюмер более удачные решения, чем у Вольфсона. Это относится, например, к слову «одеженка», которым Базаров в главе IV пренебрежительно называет свой балахон: «Прикажите только чемоданишко мой туда стащить, да вот эту одеженку <...>».²⁴⁹ У Вольфсона читаем: «Lassen Sie nur meinen Koffer hinbringen und dieses **Gewändchen** <...>» («Велите только принести мой чемодан и эту одежду»)²⁵⁰ Это очень точный перевод русского слова, но нельзя не признать, что К. фон Глюмер подобрала более выразительное немецкое слово: «Ich bitte nur, daß Sie die Güte haben, meinen Mantelsack und diese **Lumpen** hinbringen zu lassen» («Прошу только, будьте добры распорядиться, чтобы принесли мой чемодан и эти лохмотья»)²⁵¹ Есть и другое высказывание Базарова, где излишний буквализм Вольфсона проигрывает переводу К. фон Глюмер. Имеется в виду замечание, которым Базаров подводит итог рассказу Аркадия о несчастной любви Павла Петровича к княгине Р. в главе VII: «Это всё романтизм, чепуха, гниль, художество».²⁵² Вольфзон перевел все эти слова буквально: «Alles das ist Romantik, Unsinn, **Fäulniß, Kunst!**».²⁵³ У К. фон Глюмер, которая здесь ориентировалась на французское издание, где слово «гниль» было опущено («Tout cela n'est que romantisme, divagation, langage d'artiste»²⁵⁴), Базаров выражается естественнее: «Nein, das ist Alles nichts als Romantik, Unsinn, **Künstelei!**».²⁵⁵ Вообще ей очень хорошо удалось передать на немецком тот «демократизм языка» разночинца Базарова, который подметил А. И. Батюто.²⁵⁶ Вот, например, как презрительное восклицание Ба-

²⁴⁹ ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 18. В. А. Лукина обратила внимание на изменение, которому подвергся перевод этого слова в митавском издании после того, как Пич, в не дошедшем до нас письме, обратился к Тургеневу за разъяснениями некоторых не вполне понятных ему мест. См.: Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 309.

²⁵⁰ Wolfsohn 1865. S. 147.

²⁵¹ Glümer 1868. S. 25.

²⁵² ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 34.

²⁵³ Wolfsohn 1865. S. 166.

²⁵⁴ Charpentier 1863. P. 320.

²⁵⁵ Glümer 1868. S. 59.

²⁵⁶ Батюто А. И. Из наблюдений над языком и стилем романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Тургенев И. С. Отцы и дети. С. 471.

зарова при отъезде из имени Кирсановых в главе XXIV («Барчуки проклятые»²⁵⁷) звучит у нее: «Verdamptes Junkerpack!» («Проклятый дворянский сброд юнцов!»).²⁵⁸ Недаром, кажется, К. фон Глюмер провела свои юные годы в обществе либералов и демократов, боровшихся против феодализма в немецких княжествах!

Работая над переводом первых десяти глав романа, К. фон Глюмер имела возможность пользоваться не только французским изданием, но и немецким переводом Вольфсона. Однако из двух вариантов перевода она порой выбирала вовсе не тот, что был ближе к подлиннику. Приведем несколько примеров, где ее выбор неудачно пал на французское издание. В главе III после того, как Базаров прерывает декламацию стихов Пушкина, читаем: «Николай Петрович умолк, а Аркадий, который начал было слушать его не без некоторого изумления, но и не без **сочувствия** <...>».²⁵⁹ Во французском переводе выделенное нами слово, столь важное для характеристики отношения Аркадия к отцу, претерпело значительное ослабление: «...Arcade, qui l'écoutait avec quelque surprise, mais non sans **intérêt** <...>» («...Аркадий, который слушал его с некоторым изумлением, но не без интереса <...>»)²⁶⁰ К сожалению, К. фон Глюмер последовала французскому изданию: «...Arkadi, der ihm mit einigem Erstaunen aber nicht ohne **Interesse** zugehört hatte <...>»²⁶¹ а не верному переводу Вольфсона: «...Arkadi, der ihm nicht ohne ein gewisses Befremden, aber auch nicht ohne **Mitgefühl** zugehört hatte <...>».²⁶² При передаче знаменитого антиэстетического «лозунга», которым Базаров в главе VI перебивает Павла Петровича: «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта»,²⁶³ — К. фон Глюмер опять-таки ориентировалась на не совсем точный французский перевод: «Un **bon** chimiste est vingt fois plus utile que le **meilleur** poète» («Хороший химик в двадцать раз полезнее лучшего поэта»),²⁶⁴ так что у нее вышло так: «Ein **guter** Chemiker ist zwanzigmal mehr werth, als der **beste** Dichter!» («Хороший химик в двадцать раз ценнее самого лучшего поэта!»).²⁶⁵ А у Вольфсона,

²⁵⁷ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 150.

²⁵⁸ *Glümer* 1868. S. 300. Это значительно выразительнее, чем во французском издании: «maudits gentillâtres!» (*Charpentier* 1863. P. 255).

²⁵⁹ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 17.

²⁶⁰ *Charpentier* 1863. P. 18–19.

²⁶¹ *Glümer* 1868. S. 22–23.

²⁶² *Wolfsohn* 1865. S. 145.

²⁶³ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 28.

²⁶⁴ *Charpentier* 1863. P. 38.

²⁶⁵ *Glümer* 1868. S. 45.

как почти всегда, совершенно точная передача всех слов оригинала: «Ein **ordentlicher** Chemiker ist zwanzigmal mehr werth, als **jeder** Dichter».²⁶⁶

Опора на французское издание привела к тому, что в перевод Клер фон Глюмер вкрались и уже упоминавшаяся вставка к характеристике молодого Павла Петровича в главе VII — «с’était la mode à cette époque»,²⁶⁷ — и одно «отклонение» в описании Фенечки в главе VIII: «Прелестно было выражение ее глаз, когда она глядела как бы исподлобья да посмеивалась ласково и немножко глупо».²⁶⁸ Французскому переводчику, по-видимому, не понравилось слово «глупо», и у него находим: «L’expression de ses yeux était charmante quand elle vous regardait un peu en dessous tout en riant d’un air **naïf** et caressant» («Выражение ее глаз было прелестно, когда она глядела на вас немного исподлобья, подсмеиваясь с ласковым и **наивным** видом»)²⁶⁹. К. фон Глюмер передала это место схожим образом, хотя и опустила глагол «смеяться»: «Der Ausdruck ihrer Augen, wenn sie unter halb gesenkten Lidern mit **unschuldig** zärtlichem Blick aufsahe, war reizend» («Выражение ее глаз, когда она смотрела из-под полуопущенных век невинно-ласковым взглядом, было прелестно»)²⁷⁰. Вольфзон же не считал нужным подправлять тургеневское описание: «Reizend war der Ausdruck ihrer Augen, wie sie so von unten aufblickte und zugleich freundlich und ein wenig **dumm** dreinlächelte» («Прелестно было выражение ее глаз, когда она глядела исподлобья и одновременно дружелюбно и немного глупо посмеивалась»)²⁷¹. Полагаться на французское издание было опасно в том числе и тем, что оно, как показала В. А. Лукина, опиралось на неокончателный текст журнального издания романа. Исследовательница указала на одно из мест в журнальной публикации, которое Тургенев изменил при подготовке отдельного русского издания. Оно также относится к характеристике Фенечки в главе VIII. В «Русском вестнике» о ней сказано: «...она жила тихонько, как мышонок в норке <...>», а в отдельном издании Тургенев поправил это место — «она жила тихонько, в сторонке <...>».²⁷² Эта по-

²⁶⁶ *Wolfsohn 1865*. S. 158.

²⁶⁷ Ср. в *Glümer 1868*. S. 49: «wie es die Mode damals verlangte» («как требовала тогдашняя мода»).

²⁶⁸ *ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 38–39.

²⁶⁹ *Charpentier 1863*. P. 57.

²⁷⁰ *Glümer 1868*. S. 67.

²⁷¹ *Wolfsohn 1865*. S. 313.

²⁷² См.: *Лукина В. А.* Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 300. Следует добавить, что Тургенев внес эту поправку, поскольку это сравнение повторилось в главе XXIV — опять-таки в связи

правка не была учтена во французском издании: «...elle vivait tranquillement **comme une souris dans son trou** <...>».²⁷³ К. фон Глюмер и здесь предпочла это издание: «...und lebte still **wie ein Mäuschen in seinem Loch**»,²⁷⁴ а не перевод Вольфзона, который, напомним, был сделан с отдельного русского издания: «Sie lebte still, abseits <...>».²⁷⁵

С другой стороны, можно привести немало примеров, когда Клер фон Глюмер следовала Вольфзону, очевидно чувствуя, что его перевод ближе к подлиннику. Это относится к некоторым из уже рассмотренных нами примеров — например, сохранение названия «Евгений Онегин» в главе III; дословный перевод реплики Базарова в главе VI о «геморрое»; точная передача реакции Аркадия в конце главы IX, когда Базаров начинает смеяться над его отцом.²⁷⁶ Приведем и другой интересный пример, на который обратила внимание В. А. Лукина в своей статье. В рассказе о молодости Павла Петровича в главе VII сказано, что он «прочел всего пять, шесть французских книг».²⁷⁷ Во французском издании — с расчетом на иную аудиторию, как верно замечает исследовательница,²⁷⁸ — это место преобразовалось: «n'avait lu en tout que cinq ou six **brochures de Chateaubriand**» («прочел всего пять или шесть брошюр Шатобриана»)²⁷⁹ У Вольфзона мы, разумеется, находим полное соответствие с оригиналом: «...hatte in Allem fünf bis sechs französische Bücher gelesen».²⁸⁰ Клер фон Глюмер, очевидно, упоминание о Шатобриане во французском издании показалось странным и, сверившись с переводом Вольфзона, она из французского текста позаимствовала только слово «brochures» («брошюры»): «...hatte aber im Ganzen nicht mehr als fünf oder sechs **französische Broschüren** gelesen» («...в целом прочел не больше пяти или шести французских брошюр»)²⁸¹

с Фенечкой: «...она сидела в своей комнатке, как мышонок в норке» (*ПССуП(2)*). Соч. Т. 7. С. 142).

²⁷³ *Charpentier 1863*. P. 58.

²⁷⁴ *Glümer 1868*. S. 68.

²⁷⁵ *Wolfsohn 1865*. S. 314.

²⁷⁶ «Arkadi aber konnte bei aller Ehrfurcht vor seinem Meister nicht einmal lächeln» (*Glümer 1868*. S. 77). Ср. у Вольфзона: «Arkadi aber konnte bei aller Ehrfurcht vor seinem Lehrer jetzt nicht einmal lächeln» (*Wolfsohn 1865*. S. 319).

²⁷⁷ *ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 30.

²⁷⁸ *Лукина В. А.* Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 304.

²⁷⁹ *Charpentier 1863*. P. 42.

²⁸⁰ *Wolfsohn 1865*. S. 160–161.

²⁸¹ *Glümer 1868*. S. 50.

Несмотря на явную ориентацию на французское издание романа — особенно начиная с главы XI, когда воспользоваться для справки переводом Вольфсона было уже невозможно, — некоторые детали в переводе К. фон Глюмер свидетельствуют о том, что русский язык был ей не чужим и, сталкиваясь во французском переводе со словами, означающими русские реалии, которые переводчик сохранил и транслитерировал, она обращалась либо к русскому словарю, либо к кому-то из «русской колонии» Дрездена за разъяснениями. Это особенно бросается в глаза при рассмотрении подстрочных примечаний в ее переводе. Она заимствовала далеко не все примечания из французского издания — не востребованными остались объяснения прежде всего тех слов, в пояснении которых немецкий читатель не нуждался, например Тоггенбург в главе XVII.²⁸² Заимствуя те или иные примечания к русским реалиям из издания Шарпантье, она зачастую их либо сокращала, либо расширяла, неизменно воспроизводя слово, как в транслитерированном виде, так и в кириллическом написании: «Nalim (**налим**), ein wohlschmeckender Fisch» («Налим, вкусная рыба»)²⁸³ (ср. во французском переводе: «Poisson d'un goût exquis; on en fait de l'*oukha*, sorte de bouillabaisse» — «Рыба отменного вкуса; из нее варят уху, разновидность буйабеса»²⁸⁴); «Jassen (**ясень**), der russische Name der Esche erinnert an jasni (**ясный**) hell, klar, heiter» («Ясень, русское название ясеня созвучно словам „светлый, чистый, ясный“»)²⁸⁵ (ср. примечание во французском переводе: «*Jassen*, le nom de cet arbre, en russe, ressemble à *iasni*, clair, transparent» («Ясень, название этого дерева по-русски напоминает *ясный*, то есть светлый, прозрачный»)²⁸⁶); «Kwass (**квас**), ein säuerliches Getränk aus Wasser, Mehl und Hefen» («Квас, кисловатый напиток из воды, муки и дрожжей»)²⁸⁷ (ср. французский вариант: «Boisson faite avec de l'orge» («Напиток, который готовят из ячменя»)²⁸⁸); «Schtschi (**щи**), Kohlsuppe; Bortsch (**борщ**), Suppe von rothen Rüben, Rindfleisch und Speck» («Щи, суп из капусты; борщ, суп из свеклы, говядины и сала»)²⁸⁹ (ср. во фран-

²⁸² Ср. во французском издании: «Héros d'une ballade de Schiller, qui meurt d'amour sous la fenêtré de sa bien-aimée» («Герой баллады Шиллера, который умирает под окнами своей возлюбленной») (*Charpentier 1863*. P. 143).

²⁸³ *Glümer 1868*. S. 247.

²⁸⁴ *Charpentier 1863*. P. 211.

²⁸⁵ *Glümer 1868*. S. 247.

²⁸⁶ *Charpentier 1863*. P. 264.

²⁸⁷ *Glümer 1868*. S. 321.

²⁸⁸ *Charpentier 1863*. P. 273.

²⁸⁹ *Glümer 1868*. S. 321.

цузском издании: «Le premier de ces potages est préparé avec des choux, le second avec des betteraves» («Первый из этих супов готовится из капусты, второй из свеклы»)²⁹⁰).

Вообще Клер фон Глюмер придерживалась иной переводческой «стратегии», нежели Вольфзон. Она не боялась вставлять русские слова в текст перевода. Так, вместо слова «Theemaschine» («чайная машинка»), которым Вольфзон решил перевести «самовар», у нее мы находим «Samowar» (как и во французском издании) со следующим примечанием: «Samowar: die russische Theemaschine» («Самовар: русский прибор для приготовления чая»)²⁹¹. Это, кстати, один из нескольких случаев, когда она внесла примечание, отсутствовавшее во французском издании. К другим подобным примерам относятся: «Isba (изба) Bauernstube» («Изба, хижина крестьянина»)²⁹², а также длинное объяснение по поводу неправильного немецкого произношения Василия Ивановича в разговоре с немецким врачом, которого Одинцова привезла к умирающему Базарову.²⁹³

Несомненный интерес К. фон Глюмер к русскому языку явствует также из примечания, которое она внесла в главе X, решив вслед за Вольфзоном дать буквальный перевод русской поговорки в устах Павла Петровича: «Очень нужно тащиться за пятьдесят верст киселя есть». Как уже отмечалось выше, французский переводчик сумел подобрать эквивалент на родном языке: «...me traîner à cinquante verstes pour ses beaux yeux» (см. выше). Глюмер позаимствовала (с некоторыми изменениями) перевод Вольфзона: «Ich fühle mich durchaus nicht berufen eine Fahrt von 50 Werst zu machen um Kissel zu essen» («Я вовсе не чувствую тяги совершить поездку за пятьдесят верст, чтобы есть кисель»), дав в примечании пояснение к этой поговорке: «Kissel: Hafergrütze. „Um Kissel zu essen“ sprichwörtliche Redensart, wie unser: „Für ein Butterbrod“» («Кисель: овсяная каша. „Киселя хлебать“ — поговорка, как наша: „За бу-

---

²⁹⁰ *Charpentier 1863*. P. 294.

²⁹¹ *Glümer 1868*. S. 33. На этот раз в примечании кириллическое написание отсутствует.

²⁹² *Ibid.* S. 236. Во французском переводе употребляется слово «isba» без какого-либо примечания (*Charpentier 1863*. P. 203). Переводчик, по-видимому, считал, что оно достаточно знакомо французским читателям благодаря французским изданиям «Записок охотника».

²⁹³ «Ik gabe statt: ich habe. Da das russische Alphabet kein **h** enthält, wird dieser Buchstabe durch **g** ersetzt und von wenig Gebildeten auch in fremde Sprachen übertragen» («„Ик габе“ вместо: ich habe. Поскольку в русском алфавите нет **h**, эту букву часто заменяет **г**, которую малообразованные люди переносят и в иностранные языки»). См.: *Glümer 1868*. S. 368.

терброд (т. е. даром. — Л. С.)“»²⁹⁴ Здесь ей удалось восполнить изъян в переводе Вольфсона, так как без какого-либо объяснения для иностранного читателя трудно понять точный смысл этого места.

Мы не располагаем данными о ходе работы К. фон Глюмер над переводом «Отцов и детей». Однако несомненно, что она взяла на себя эту задачу не только в поисках заработка. С одной стороны, ей, вероятно, было жаль, что труд Вольфсона останется незавершенным, с другой — роман вызвал у нее, без сомнения, неподдельный интерес. Возможно, в начале августа 1868 года ей попала в «Allgemeine Zeitung» статья Людвига Фридендера о Тургеневе, в которой он, в частности, замечал: «Большинство его повестей, написанных по-русски, еще не переведены на немецкий — в том числе и та, которую, возможно, следует поставить на первое место, — „Отцы и дети“».²⁹⁵ Если К. фон Глюмер прочла эти строки, они, несомненно, придали дополнительный смысл ее работе, успешно завершившейся где-то в декабре 1868 года с выходом последнего номера литературного приложения газеты «Correspondenz», в котором печатался ее перевод.²⁹⁶

Несмотря на то, что Клер фон Глюмер, как следует из ее письма от 22 апреля н. ст. 1868 года к неустановленному издателю, обратилась к Тургеневу с просьбой авторизовать ее еще не начатый перевод, на которую писатель ответил согласием, он, по-видимому, все же не знал

---

²⁹⁴ *Glümer 1868*. S. 83.

²⁹⁵ *Friedländer L. Iwan Turgenew // Allgemeine Zeitung*. 1868. 3. August. № 216. Цит. по публикации Г. Цигенгайста: *T und Deutschland*. S. 80. В комментарии Цигенгайст указывает на то, что от внимания Фридендера ускользнул перевод, появившийся в «*Veobachter*» в 1865 г., но ошибочно утверждает, что этот перевод был сделан с русского (*Ibid.* S. 85). Эта ошибка повторена в другой публикации Цигенгайста в этом же издании (S. 93). Примечательно, что Цигенгайст не упоминает о переводе, появившемся еще ранее в «*Nordische Revue*». В этом специальном сборнике, посвященном теме «Тургенев и Германия» и вышедшем под его редакцией, имя Клер фон Глюмер не упоминается ни разу.

²⁹⁶ Нам удалось установить дату выхода номера газеты, содержавшего начало ее перевода, — 28 октября н. ст. 1868 г., однако когда именно завершилось печатание «Отцов и детей», остается неизвестным. К сожалению, Австрийская национальная библиотека располагает неполным комплектом газеты «Correspondenz», тем не менее можно с уверенностью утверждать, что последний номер с романом Тургенева вышел до 27 декабря н. ст. 1868 г., так как в этот день в газете было помещено следующее объявление от редакции: «Мы недавно опубликовали роман Тургенева „Отцы и дети“ в переводе с русского; за ним последует теперь польский роман Б. Болеславиты „Полицейский агент“ в переводе д-ра *Зигфрида Каннера*» (*Correspondenz*. 1868. 27. Dezember. № 151).

о появлении ее перевода в пражской газете, поскольку в переговорах с Бере по поводу издания «Отцов и детей», начавшихся осенью 1868 года, нигде не упоминает об этом обстоятельстве.²⁹⁷ Следует заметить, что Тургенев часто получал аналогичные запросы от немецких переводчиков и, как правило, в таких случаях ссылаясь на отсутствие литературной конвенции между Россией и Германией,²⁹⁸ так что положительный ответ, данный им Глюмер, ни к чему его не обязывал. Людвиг Пич, скорее всего, также не знал о переводе Глюмер. Перечисляя в начале появившейся в июне 1869 года рецензии на митавское издание «Отцов и детей» вышедшие на тот момент немецкие переводы сочинений Тургенева, Пич заметил: «Можно также добавить (к переводам Боденштедта. — Л. С.) достаточно посредственный перевод „Отцов и детей“ и в недавнее время „Дыма“».²⁹⁹ Если бы Пич кроме перевода из «*Beobachter*» (1865) имел в виду и перевод К. фон Глюмер (1868), то он должен был причислить его к «недавним» переводам.

К счастью, до нас дошел ценный отзыв о переводе Клер фон Глюмер. Это — письмо, которое А. К. Толстой послал жене из Дрездена в декабре 1871 года: «...Я был у *mlle Glümer*, которая дала мне свой немецкий перевод „Отцы и дети“. / Я не могу сказать тебе, с каким неожиданным удовольствием я это читаю. / Какие звери — те, которые обиделись на Базарова! / Они должны были бы поставить свечку Тургеневу за то, что он выставил их в таком прекрасном виде. Если бы я встретился с Базаровым, я уверен, что мы стали бы друзьями, несмотря на то, что мы продолжали бы спорить».³⁰⁰

²⁹⁷ Благодарю В. А. Лукину за то, что она обратила мое внимание на этот аспект.

²⁹⁸ См., например, его письмо к Карлу Мюллеру от 5 (17) мая 1869 г., фрагмент которого опубликован: *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 311. В июне 2012 г. оно вновь было выставлено на аукционе. См.: J. A. Stargardt. *Autographen aus allen Gebieten*. Auktion 5. und 6. Juni 2012. Katalog 698. S. 154. Los 277. Мюллер обратился к Тургеневу с просьбой авторизовать именно перевод романа «Отцы и дети».

²⁹⁹ «Ein paar weniger als mittelmäßige Übertragungen der „Väter und Söhne“ und in neuerer Zeit des „Rauch“ von anderer Seite sind noch hinzugekommen» (*Vossische Zeitung*. 1869. 10. Juni. № 132; цит. по: *Turgenjew I. Briefe an Ludwig Pietsch* / Hsg. von Ch. Schultze. Berlin; Weimar, 1968. S. 152). Русский перевод цит. по: *Перминов Г. Ф.* «Отцы и дети». Статья Л. Пича о романе Тургенева (1869) // *Т Сб.* Вып. 2. С. 164.

³⁰⁰ *Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 388. Письмо от 11 (23) декабря 1871 г. В примечании к первому предложению сказано: «Читал ли Толстой перевод Глюмер в рукописи или он уже был напечатан — не установлено. Нам известно лишь его более позднее издание, вышедшее в Штутгарте в 1883 г.» (Там же). Сейчас мы знаем, что перевод Клер фон Глюмер действительно был уже напечатан, а именно в литературном приложении к пражской газете «*Correspondenz*» в конце 1868 г.

Из этого единственного известного нам высказывания А. К. Толстого об «Отцах и детях» явствует, что даже в немецком переводе — и притом в переводе, который осуществлялся большей частью с французского, — роман Тургенева оказывал глубокое воздействие на непредубежденного читателя, как и мечталось его автору, судя по записи из дневника Тургенева за 30 июля (11 августа) 1861 года, которую он привел в статье «По поводу „Отцов и детей“» (1869): «Не знаю, каков будет успех. „Современник“, вероятно, обольет меня презрением за Базарова и не поверит, что во всё время писания я чувствовал к нему невольное влечение...».³⁰¹ А. К. Толстой воспринял Базарова как живое лицо и, называя его «прекрасным», в сущности повторил более знаменитые слова Достоевского о «беспокойном и тоскующем Базарове (признак великого сердца)».³⁰² Положительный отзыв от такого замечательного поэта, как А. К. Толстой, конечно, не мог не обрадовать переводчицу!

Другие переводы Клер фон Глюмер из русской литературы

Имя Клер фон Глюмер в переписке Тургенева впервые упоминается в постскриптуме к его письму к Юлиану Шмидту от 19 февраля (3 марта) 1873 года: «От Пауля Гейзе получил я наконец очень милое и тонкое письмо. Он прислал мне два томика избранных иностранных новелл с моим „Фаустом“ и „Первой любовью“. Он очень хвалит перевод (какой-то дамы — Claire von Glümer) и критикует авторизованный рижский перевод. Я заглянул мельком в „Первую любовь“: очень мило».³⁰³ По-видимому, Тургенев к тому времени уже забыл о том, что несколько лет тому назад Глюмер обратилась к нему — либо письменно, либо через посредство третьего лица, — чтобы сообщить о готовящемся ею переводе «Отцов и детей».

В письме к Шмидту речь идет о двух переводах, выполненных К. фон Глюмер для четырнадцатитомного собрания «Novellenschatz des Auslandes» («Сокровища иностранной новеллы»), которое Пауль Гейзе вместе с Германом Курцем издавал в Мюнхене в 1872–1876 годах па-

---

³⁰¹ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 87.

³⁰² Достоевский. Т. 5. С. 59.

³⁰³ ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 110. Немецкий оригинал этого письма неизвестен. В основном тексте письма речь идет как раз о подготовке переиздания «Отцов и детей» для второго митавского издания. См. об этом: Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 312–314.

параллельно с собранием «Deutscher Novellenschatz» («Сокровища немецкой новеллы», 1871–1877). К сотрудничеству в издании «Novellenschatz des Auslandes» Гейзе старался привлекать только самых лучших переводчиков Германии. Наибольшее количество произведений (12 из 56) Гейзе доверил Августе Шейбе.³⁰⁴ На долю Глюмер пришлось ненамного меньше — семь переводов, причем все из русской литературы, как видно из следующего перечня:³⁰⁵

- «Фауст» И. С. Тургенева — «Faust» (Bd. 1, 1872)
- «Выстрел» А. С. Пушкина — «Ein Schuß» (Bd. 2, 1872)
- «Утбалла» Е. А. Ган — «Utballa» (Bd. 3, 1872)
- «Пиковая дама» А. С. Пушкина — «Pique Dame» (Bd. 4, 1873)
- «Первая любовь» И. С. Тургенева — «Erste Liebe» (Bd. 6, 1873)
- «Семейное счастье» Л. Н. Толстого — «Eheglück» (Bd. 13, 1874)
- «Леший» А. Ф. Писемского — «Der Waldteufel» (Bd. 14, 1876)

У нас не было возможности изучить эти переводы и установить, опиралась ли К. фон Глюмер (и если да, то в какой мере) на более ранние немецкие издания — «Фауст» и «Первая любовь», например, были уже к тому времени переведены Боденштедтом, а «Утбалла» — Вольфзоном,³⁰⁶ — но следует подчеркнуть, что на титульном листе каждого из них значится: «Aus dem Russischen von Claire von Glümer» («Перевод с русского Клер фон Глюмер»). Нет никаких причин сомневаться в том, что к началу 1870-х годов она уже в достаточной степени владела русским, чтобы переводить прямо с оригинала, а не через посредство французских изданий, как в случае с «Отцами и детьми».

Инициатива сотрудничества с Гейзе, как установила Гизела Йонас, исходила от самой Глюмер, которая познакомилась с ним в октябре 1871 года. Она тогда предложила выбрать и перевести для его издания русские новеллы и с этой целью в 1872–1875 годах обращалась за помощью к знакомым как в России, так и среди «русской колонии» Дрез-

---

³⁰⁴ См.: *Frank A.-P. Kopftheater: Über eine vergessene oder unterdrückte Art, Literatur zu übertragen // Literaturübersetzen: Englisch. Entwürfe, Erkenntnisse, Erfahrungen / Hsg. von H. Friedl, A.-R. Glaap, K. P. Müller. Tübingen, 1992. S. 99.* Для собрания Гейзе Августа Шейбе перевела среди прочего «семейную сказку» Диккенса «Сверчок за очагом».

³⁰⁵ Этот список составлен на основе двух статей Гизелы Йонас: *Jonas G. 1) Paul Heyses Beziehungen zur russischen und tschechischen Literatur // Zeitschrift für Slawistik. 1968. Bd. 13. H. 3. S. 446; 2) Paul Heyses Beitrag zur Rezeption russischer Novellen in Deutschland // Ibid. 1971. Bd. 16. H. 2. S. 240, 242.*

³⁰⁶ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken. S. 240.*

дена.³⁰⁷ Общавшись с А. К. Толстым в декабре 1871 года, она не только дала ему для ознакомления экземпляр своего перевода «Отцов и детей», но и советовалась с ним о том, какие произведения русских авторов следовало отобрать для издания Гейзе. Как видно из письма Глюмер к Гейзе от 5 января н. ст. 1872 года, первым А. К. Толстой назвал своего более знаменитого однофамильца: «Он прежде всего считает, что граф Лев Толстой не должен отсутствовать в Вашем собрании, и рекомендует следующие его произведения: „Детство“, „Казачи“ и „Кавказские очерки“».³⁰⁸

Эти советы не пропали даром. И хотя в собрание «Novellenschatz des Auslandes» в итоге вошла лишь одна повесть Л. Н. Толстого — «Семейное счастье», К. фон Глюмер в то же время взялась за перевод его самого значительного произведения — романа «Война и мир». Ее перевод начал публиковаться в марте 1873 года в вечерних выпусках немецкоязычной пражской газеты «Politik», но из-за временной приостановки газеты публикация оборвалась в конце января 1876 года на главе XXXIII части III третьего тома — там, где Пьер во время пожара Москвы спасает из огня маленькую девочку. Хотя большая часть романа была ею переведена, к работе над ним К. фон Глюмер по каким-то причинам так и не вернулась. Позднее Рафаил Лёвенфельд (Raphael Löwenfeld) с ее согласия пересмотрел и дополнил ее перевод, положив его в основу самого полного к тому времени немецкого издания «Войны и мира» (1892–1893).³⁰⁹

Письма Глюмер к Гейзе, которые хранятся в Баварской государственной библиотеке, свидетельствуют о ее деятельном участии в подготовке собрания «Novellenschatz des Auslandes». Чтобы обеспечить успех

---

³⁰⁷ Jonas G. Paul Heyses Beitrag zur Rezeption russischer Novellen in Deutschland. S. 238. В своей статье Йонас называет ее «московского приятеля Петра Юргенсона», но не приводит никаких сведений о нем. Мы предполагаем, что это мог быть музыкальный издатель и друг П. И. Чайковского — П. И. Юргенсон, который в июле 1873 г. посетил Дрезден вместе с композитором и, возможно, тогда же познакомился с Глюмер. К сожалению, данных, подтверждающих это предположение, пока найти не удалось. Ни в архиве издательства Юргенсона, который хранится во Всероссийском музейном объединении музыкальной культуры имени М. И. Глинки, ни в архиве семьи Юргенсон, хранящемся в РГАЛИ, нет никаких писем от Клер фон Глюмер (указано А. В. Комаровым).

³⁰⁸ Цит. по: Ibid. S. 239. Подлинник по-нем.

³⁰⁹ См.: *Штудьц Хр.* Толстой в Германии (1856–1910). См. также предисловие Р. Лёвенфельда ко второму изданию романа (1901), которое приводится в выдержках: *Lexikon deutsch-jüdischer Autoren* / Red. Leitung: R. Heuer. Berlin, 2008. Bd. 16. S. 116.

этого издания, она, в частности, советовала Гейзе отбирать прежде всего те русские произведения, которые еще не появлялись на немецком языке.³¹⁰ Сведения о ее успехах дошли и до Тургенева, который, несмотря на обнаружившиеся в ее переводе «Первой любви» «неприятные недоразумения»,³¹¹ рекомендовал ее Бере в мае 1874 года в качестве переводчицы для последующих томов своих избранных сочинений на немецком языке: «Поскольку Вы, кажется, испытываете некоторые трудности с переводчиками, я хотел бы обратить Ваше внимание на г-жу *Клер фон Глюмер*, которую мне чрезвычайно хвалил Пауль Гейзе в Мюнхене. Она очень помогла ему в работе над „Избранными иностранными новеллами“». ³¹²

Из идеи сотрудничества в митавском издании ничего не вышло, но параллельно с работой над историческим романом Толстого в 1870-е годы Глюмер продолжала искать возможность заниматься и произведениями русской литературы, в которых, как и в «Отцах и детях», затрагивались более «актуальные» темы. Этим объясняется ее обращение в редакцию штутгартской еженедельной газеты «Über Land und Meer» в марте 1875 года с предложением перевести роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Из ее письма по этому поводу видно, что ее мнение об авторе было достаточно высоким: «Имя Чернышевского в Германии никому почти неизвестно. В России же оно является страшилищем старорусской партии и кумиром молодежи, несмотря на то — или, возможно, из-за того, — что его носитель не принадлежит к нигилистам, а верит в прогресс человеческого рода и стремится усердно и деятельно к тому, чтобы внести в него свою лепту». ³¹³ К письму она приложила две главы

---

³¹⁰ См. ее письмо от 13 (25) февраля 1874 г., выдержки из которого приводятся: *Zymonrja M.* Deutschland und Ukraine: Durch die Abrisse zur Wechselseitigkeit von Kulturen. Paris; Lemberg; Zwickau, 1999. S. 108. В этом исследовании рассматривается ее перевод украинского рассказа Марко Вовчка «Козачка», который она выполнила (по русскому переводу Тургенева) в 1875 г., но который не был включен в собрание Гейзе. Он впервые появился под заглавием «Leibeigen» в берлинской газете «Die Tribüne» в феврале 1882 г.

³¹¹ См. письмо к Юлиану Шмидту от 24 апреля (6 мая) 1873 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 12. С. 136. Немецкий подлинник этого письма к Шмидту также остается неизвестным.

³¹² Там же. Т. 13. С. 284. Подлинник по-нем. Письмо от 17 (29) мая 1874 г.

³¹³ «Der Name Tschernischeffski ist in Deutschland ziemlich unbekannt; in Rußland ist er der Schrecken der altrussischen Partei u<nd> der Abgott der Jugend, obwohl, oder vielleicht weil sein Träger nicht dem Nihilistenthum angehört, sondern an den Fortschritt des Menschengeschlechts glaubt, u<nd> ernst u<nd> energisch bemüht ist, sein Scherflein dazu beizutragen». Письмо в редакцию «Über Land und Meer» от 20 марта н. ст.

из романа в своем переводе, со следующим пояснением: «Некоторое представление о своеобразном стиле Ч<ернышевского> Вам дадут приложенные листы. Вы сможете лучше меня судить, придется ли этот стиль по вкусу немецкой читающей публике. Меня же повесть так сильно заинтересовала, что перевести ее было бы для меня настоящей радостью. Но задача эта нелегка и поэтому, прежде чем взяться за этот труд, я хотела бы быть уверена в том, что он будет напечатан».³¹⁴ Первый немецкий перевод «Что делать?», однако, вышел лишь в 1883 году в трехтомном издании, и хотя там не указывалось имя переводчика,³¹⁵ маловероятно, чтобы им была Клер фон Глюмер.

В чем же заключается основная разница между подходами к переводу «Отцов и детей» Вольфсона и Глюмер, помимо того факта, что первый переводил с русского, а вторая преимущественно с французского? Скажем прямо, что для Вольфсона работа над романом Тургенева являлась кровным делом, неразрывно связанным с любовью к стране детства и юности, с надеждами на ее будущее развитие. Для Клер фон Глюмер же, несмотря на увлечение русской литературой, побудившее ее к изучению языка, Россия оставалась чужой страной. Поэтому ее рассуждения об «Отцах и детях», изложенным в статье о Тургеневе, которая появилась в газете «Über Land und Meer» в декабре 1876 года, присуща некоторая «холодная» объективность. Так, говоря о романах «Отцы и дети» и «Дым», она замечает, что «в них он с одинаковой беспощадностью показывает как ложные пути, по которым пошла молодая Россия в своих цивилизаторских устремлениях, так и опасности, которые таят в себе приверженность к старой рутине, умственная лень, поверхностность и эгоистическое довольство прошлым».³¹⁶

1875 г. (цит. по подлиннику: Sächsische Landesbibliothek — Staats- und Universitätsbibliothek Dresden / Mscr.Dresd.Aut. 2124. За оформление заказа на сканирование письма благодарю Петру Долле (Petra Dolle), сотрудницу Немецкой фототеки (Deutsche Fotothek) в Дрездене).

³¹⁴ «Von der eigenartigen Schreibweise Tsch<ernischeffskis> geben Ihnen die beikommanden Blätter eine Probe. Ob dieselbe Schreibweise dem deutschen Lesepublikum zusagen wird, können Sie besser beurtheilen als ich. Mich hat die Novelle so lebhaft interessirt, daß es mir eine wahre Freude sein würde, sie zu übersetzen. Aber die Aufgabe ist nicht leicht u<nd> ich möchte deshalb, ehe ich die Arbeit übernehme, ihres Gedrucktwerdens sicher sein» (Ibid.). Две главы из «Что делать?» в ее переводе до нас не дошли.

³¹⁵ См. об этом издании: Дювель В. Чернышевский в немецкой рабочей печати (1868–1889) / Пер. Л. М. Бродской // ЛН. Т. 67. С. 184–191.

³¹⁶ «...die Romane: „Väter und Kinder“ und „Dunst“ <...>, in denen er ebenso rücksichtslos die Irrwege zeigt, die das junge Rußland bei seinen civilisatorischen Bestrebungen

В этих строках мы не найдем той горячей веры в торжество «духа доброты и любви» в России, которой проникнуто предисловие Вольфзона к первому номеру «Russische Revue». Именно эта вера, на наш взгляд, заставила его взяться за перевод романа «Отцы и дети», в котором Тургенев в лице Базарова с его — по меткому наблюдению Достоевского — «великим сердцем» изобразил отнюдь не отрицателя или будущего революционера, но человека, способного проявить деятельную любовь на благо других и своей страны.

Как верно заметила К. Шульце, для Вольфзона занятия русской литературой не были просто ремеслом, дававшим ему средства к существованию, а настоящим призванием.³¹⁷ Своими переводами и статьями он хотел приблизить немцев к любимой русской литературе, а также, по словам А. Б. Ботниковой, «ввести молодую и малоизвестную тогда литературу в общее русло европейского культурного развития».³¹⁸ Таким образом и он хотел внести свою лепту в то возрождение русского общества, которое началось в 1860-х годах.

Как ни странно, если принять во внимание трагические события, произошедшие в Германии — и во всей Европе — в конце первой половины XX века, могила Вольфзона на еврейском кладбище в Дрездене сохранилась до наших дней. На надгробной плите вырезаны слова, в которых отражается весь смысл его жизни и трудов: «Благородному поэту и апостолу гуманности» («Dem edlen Dichter und Priester der Humanität»)³¹⁹.

---

eingeschlagen, wie die Gefahren, die in dem Festhalten am alten Schlendrian, in der Geisträgheit, der Oberflächlichkeit und dem egoistischen Behagen der Vergangenheit liegen» (*Glümer Cl., von. Iwan Turgenjew // Über Land und Meer. 1876. № 50. S. 995*). Указание на эту статью обнаружилось в статье Г. Йонас о Глюмер: *Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945. Ein biographisches Lexikon. S. 135*. Мерседес Агуадо Сагаррибай (*Mercedes Aguado Sagarriba*) любезно сделала копию статьи по микрофильму комплекта газеты за 1876 г., хранящегося в газетном отделе Британской библиотеки.

³¹⁷ См.: *Aus Wolfsohns Leben und Wirken. S. 121*.

³¹⁸ *Ботникова А. Б. Вильгельм Вольфзон (Из истории русско-немецких литературных связей в XIX в.). С. 127*.

³¹⁹ См.: *Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn. S. 51*.

В. А. Лукина

**ТУРГЕНЕВ — РЕДАКТОР И ПЕРЕВОДЧИК:
Об участии писателя в редактировании переводов
собственных произведений
(На примере митавского собрания сочинений)***

Несмотря на то, что в настоящее время подходит к завершению второе издание Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, весьма масштабная и разнообразная переводческая деятельность писателя представлена в нем далеко не в полном объеме. Как известно, в оба академических издания включались лишь переводы на русский язык, но и они вошли далеко не все.¹

Следует отметить, что решение не включать в собрание сочинений переводы на иностранные языки было продиктовано, в первую очередь, колоссальным, даже ошеломляющим количеством переводных произ-

---

* Статья выполнена в рамках совместного проекта Университета Калгари (Канада) и Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по подготовке электронного собрания переводов И. С. Тургенева.

¹ Согласно заметке «От редакции», открывавшей т. 1 серии Сочинений, в первое издание первоначально должны были войти «художественные переводы иноязычных текстов на русский язык, осуществленные Тургеневым» (см.: *ПССиП(1). Соч.* Т. 1. С. 5). Однако обещание это не было исполнено, так как переводы из Марко Вовчка и Ш. Перро, например, в него в итоге включены не были. Во втором издании в аналогичной заметке было заявлено о включении только переводов иноязычных *поэтических* произведений на русский язык (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 5), хотя, как и в первом издании, помимо собственно поэтических были напечатаны также переводы из Г. Флобера. Таким образом, состав представленной в обоих изданиях этой части наследия писателя оставался фактически без изменений.

ведений, которые, будучи собраны воедино, составили бы несколько томов. Немалые затруднения вызывали и вопросы, связанные с атрибуцией ряда переводов, определением степени участия в них Тургенева и, не в последнюю очередь, техническая сторона подобного издания. Одним из решающих факторов принятого решения стала вместе с тем массовость первого академического издания, на которое к началу работы над ним уже подписалось около двухсот тысяч человек.² Было сочтено нецелесообразным включать для столь широкой аудитории переводы, осуществленные Тургеневым с русского языка на европейские, например Гоголя, Пушкина, Лермонтова и др., хотя известно, что главный редактор Полного собрания сочинений и писем Тургенева академик М. П. Алексеев неоднократно советовал издать тургеневские переводы отдельно, для более узкого круга специалистов.

Об остроте дискуссии, в результате которой было принято компромиссное решение о частичном включении в основной корпус переводов на русский язык, красноречиво свидетельствует, например, сохранившийся протокол совместного заседания Тургеневской группы и Сектора изучения взаимосвязей русской литературы с зарубежными, состоявшегося в ИРЛИ 6 октября 1959 года. Представляется не лишним воспроизвести его целиком:

ПРОТОКОЛ

заседания сектора изучения взаимосвязей русской литературы с зарубежными и тургеневской группы
6 октября 1959 г.

Порядок дня:

1. Сообщение академика М. П. АЛЕКСЕЕВА «И. С. Тургенев — переводчик русских писателей на иностранные языки (К вопросу о составе Собрания сочинений И. С. Тургенева)».

А. В. ФЕДОРОВ. Считаю, что противоречие между высказываниями Тургенева о невозможности писать на чужом языке и его писательской практикой — мнимое. Противоречие скорее психологическое, а не объективное. Доводы М. П. Алексеева в пользу Тургенева убедительны.

Что касается вопроса об издании этих переводов, то, конечно, надо их издавать, так как это имеет и большое международное значение. Опубликование текстов

---

² Как отметил академик М. П. Алексеев в одном из докладов о ходе издания на Ученом совете ИРЛИ в 1961 г., случаи, когда «академические издания выпускаются таким большим тиражом», в «академических летописях» довольно редки (*ИРЛИ. Ф. 150, документы Группы по изданию сочинений И. С. Тургенева*).

будет представлять интерес и для широких читательских кругов. Но как быть с рукописями? Где их найти?

М. П. АЛЕКСЕЕВ. Мы принимаем все меры к тому, чтобы получить рукописи. Переводы И. С. Тургенева займут целый том.

Г. ЦИГЕНГАЙСТ. Было бы интересно для издания ознакомиться с материалами герценовской группы в Москве. Может быть, следует ввести особый отдел в каждом томе — важнейшие переводы Тургенева. Нужно конкретное разрешение вопроса в каждом отдельном случае.

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ. Противоречия, конечно, нет. Но как быть с изданием? Если включить все это в корпус Собр. соч., то следует назвать — Полное собрание сочинений и переводов. Но если этого не делать, то что делать с тем, что всегда печаталось? Предлагаю переводы, а также переводы романсов, оперетт и т. д. включить в специальное приложение к Полному собр. соч. Таким образом, считаю необходимым включить его переводы в специальное приложение к изданию.

Н. В. ИЗМАЙЛОВ. Доклад показал, что вопрос с изданием переводов очень сложен и решать его трудно. Надо думать над каждой вещью отдельно. Думаю, что нет смысла печатать переводы Гоголя или «Евгения Онегина» Пушкина. Эти переводы мы не должны помещать ни в корпус, ни в специальное приложение. Так же и романсы или оперетты не должны включаться в корпус. Что касается переводов, например, Флобера, то это надо включить в корпус, т. ак к ак Тургенев сам включил их в свое Собр. соч.

И. З. СЕРМАН. Н. В. Измайлов стоит на самой правильной точке зрения в смысле практическом.

А. П. МОГИЛЯНСКИЙ. Я бы не говорил, но по этим вопросам негде выступить в печати. Должны быть общие решения. Когда нет общего решения, то открывается простор для вкусовщины. Разговор о том, включать переводы в корпус или не в корпус — пустой разговор. Нет необходимости писать на титульном листе Полн. собр. соч., писем, дневников и т. д. Есть общее название «Полн. собр. соч.», а туда включается все, что написано автором, разумеется в соответствующих разделах.

Если уж не включать, то не надо и писать «Полн. собр. соч.». Что касается текста оперетт, то их тоже надо печатать. Решение может быть только одно — печатать.

Т. П. ДЕН. М. П. Алексеев ничего не сказал о работе Тургенева с Боденштедтом. Я считаю необходимым дополнить его доклад. Боденштедт делал переводы, но значительная часть работы принадлежит Тургеневу, хотя они и помещены все в собрании Боденштедта.

Л. Н. НАЗАРОВА. Хочу сказать о переводе пушкинских драм Тургенева и Виардо. Виардо сам признавал, что переводы сделаны Тургеневым. Да он и не знал русского языка.

Т. П. ГОЛОВАНОВА. Вряд ли кто разрешит посвятить переводам отдельный том. Но вопрос этот встает. Что же делать? Ведь известны переводы Марко Вовчок. Все переводы могут и не поместиться в одном томе. Быть может, сделать особый тургеневский сборник, а в «Собр. соч.» указать на этот сборник.

М. П. АЛЕКСЕЕВ. Вопрос не объясняется, а запутывается. Были у Тургенева разные переводы. Если переводы имели значение в творчестве Тургенева, то почему же

мы должны их исключить. А переводы Гоголя имели для него большое значение.³ Я склоняюсь к тому, чтобы не печатать, но, идя последовательно, следует исключить и Флобера. Как быть?

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ. То, что автор сам включал в свое собр., идет под особым знаком. В конце концов предлагает переводы на чужие языки включить в отдельный сборник.

Н. И. СОКОЛОВ (ЛГУ). Выпустить переводы невозможно, но полное изучение творчества Тургенева необходимо в учебных целях. Сотрудничество с Виардо очень важно для изучения тургеневского творчества.

Ю. Д. ЛЕВИН. Возражение Б. М. Эйхенбауму и требование восстановить понятие академического издания. Н. В. Измайлов прав в том, что надо выяснять в каждом отдельном случае степень участия Тургенева в переводах, но необходимо включить переводы в издание.

А. В. ФЕДОРОВ. По поводу заявления Могиланского насчет полноты издания — необходимо полное издание переводов с целью показать высоту и всесторонность лингвистической культуры Тургенева. Это имеет огромное политическое значение в наше время.

Мих<аил> Павл<ович> заявляет, что такого решения — сохранить материал переводов, уже более или менее единодушного, он не ожидал. Предложение: кое-что надо поместить в ж. «Русская литература» с извещением о том, что редакция ждет ответа. Такую статью надо поместить. Быть может, и гоголевский перевод мог бы послужить предметом обсуждения. Запланировать предварительные изыскания и по сектору взаимосвязей. А т<ак> к<ак> этот материал печатать придется в последнем томе, т. е. через семь лет, то время у нас еще есть.

Решили: Предложить ред. «Русская литература» дискуссионную статью, посвященную этим проблемам.

СЕКРЕТАРЬ: <Алексей Ив.> Хватов.⁴

К сожалению, дискуссионная статья, упомянутая в протоколе, в журнале «Русская литература» не появилась. Скорее всего, она, по каким-то причинам, так и не была написана. Остается признать, что до сих пор решение поднятой более полувека назад проблемы так и не было найдено. В этой связи становится и более понятной оговорка М. П. Алексева о том, что за пределами первого академического издания «не должны были остаться даже переводы Тургенева на французский язык некото-

³ Вопрос этот также был затронут в статье М. П. Алексева «Мировое значение Гоголя», впервые опубликованной в 1954 г. См.: Гоголь в школе. Сб. ст. М., 1954. С. 126–154; перепечатано: *Алексеев М. П.* Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 175–206. Здесь же впервые было отмечено огромное значение, которое оказал выпущенный в 1845 г. Тургеневым и Л. Виардо французский перевод из Гоголя, действительно сделавший имя Гоголя широко известным всем европейским литературам (см.: Там же. С. 181–197).

⁴ *ИРЛИ*. Ф. 150, документы Группы по изданию сочинений И. С. Тургенева.

рых произведений русских писателей, — переводы, никогда не воспроизводившиеся в России (например, полный прозаический перевод „Евгения Онегина“ Пушкина, напечатанный в „Revue Nationale“ в 1863 г.).⁵

Наметившееся в последние годы более пристальное внимание к изучению переводческого наследия русских писателей в целом и введение переводов в состав издающихся в настоящее время академических собраний сочинений (например, в собрание Сочинений и писем А. А. Фета в 20 томах, во второе издание Полного собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского в 30 томах и др. — правда, здесь идет речь только о переводах на русский язык) вновь поднимают вопрос о необходимости включения в академическое издание Тургенева его переводов и о выработке текстологических принципов их подачи.

Нельзя не признать, что в настоящий момент темы «Тургенев-переводчик» и тесно связанная с нею «Тургенев-редактор» относятся, пожалуй, к одним из наименее изученных.⁶ Достаточно сказать, что лишь сравнительно недавно в рамках совместного международного проекта по подготовке электронного собрания переводов Тургенева, инициированного профессором Н. Г. Жекулиным и ставшего возможным, не в последнюю очередь, благодаря развитию цифровых технологий, была впервые составлена наиболее полная библиография всех переводов писателя, включая коллективные, сохранившиеся лишь частично, а также утраченные.

Работа над этим проектом вновь остро поставила вопрос о необходимости «систематически обследовать иностранные переводы Тургенева, им самим допущенные к печати»,⁷ как писал М. П. Алексеев еще в 1948 году. При сличении некоторых авторизованных Тургеневым переводов его произведений на французский и немецкий языки с оригиналами обнаруживаются существенные разночтения, дополняющие их «канонизированные» русские тексты. Сделанные писателем вставки или исправления, как оказалось, имеют прямое отношение к творческой

---

⁵ Алексеев М. П. Предисловие // *Т Сб.* Вып. 1. С. 3.

⁶ За исключением отдельных работ (М. П. Алексеева, П. Р. Заборова, Р. М. Гороховой и др.), а также обобщающей статьи Н. Г. Жекулина «Тургенев — переводчик: Вопросы теории и практики» (см.: *Тургенев. НИИМ (1)*. С. 48–94), наметившей перспективы дальнейших исследований, данная сторона деятельности Тургенева все еще остается малообследованной, особенно это касается переводов на иностранные языки.

⁷ Цит. по: Алексеев М. П. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. С. 271. Впервые: Труды Отдела новой русской литературы. Л., 1948. Кн. 1.

истории произведений. Так, во французских переводах были выявлены интересные варианты, внесенные Тургеневым, например, в повесть «Затишье» и роман «Дым», не говоря уже о «прибавленном хвосте» к «Первой любви».

Среди немецких авторизованных переводов наибольшего внимания, по объективным причинам, до сих пор удостоился лишь выполненный Леопольдом Кайслером (Kaуßler; 1828–1901) для лейпцигского журнала «Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft» перевод «Странной истории» (1869. № 10), на просмотре которого Тургенев настаивал изначально и к редактированию которого возвращался дважды. Сохранившаяся обильная собственноручная правка писателя на корректурных листах этого перевода, а также дополнительный перечень из двенадцати наиболее существенных исправлений и вставок к тексту «Salon», — озаглавленные Тургеневым «Zusätze zur „Wunderlichen Geschichte“» («Дополнения к „Странной истории“») и разосланные немецким друзьям, например Л. Пичу и Л. Фридендеру, — лишь частично привлекались в комментариях к первому и второму академическим изданиям и в полном объеме остались неопубликованными.⁸ Между тем, по справедливому наблюдению Л. М. Лотман, давшей в Полном собрании сочинений великолепный, тонкий анализ тургеневской правки перевода этого произведения, зачастую дополнения и исправления писателя носили творческий характер и в отдельных моментах могут служить «как бы комментарием к русскому тексту».⁹ Здесь Тургенев «проявил себя не только как вдумчивый редактор-переводчик и комментатор, но и как неутомимый автор, готовый постоянно работать над текстом, совершенствуя его и учитывая, какому читателю адресована книга».¹⁰

Особенно показательным в этом отношении участие Тургенева в редактировании немецких переводов, которые вошли в состав двенадцатитомного издания его «Ausgewählte Werke» («Избранных сочинений»), выпущенного в Митаве в 1869–1884 годах книгоиздательской фирмой Бернгарда Эриха Бере (Behre; 1832–1881) и ставшего фактически первым (и единственным) авторизованным собранием сочинений писателя на иностранном языке.¹¹

---

⁸ См.: ПССиП(1). Соч. Т. 10. С. 472–476; ПССиП(2). Соч. Т. 8. С. 467–470.

⁹ Там же. С. 469.

¹⁰ Там же. С. 468.

¹¹ При жизни Тургенева начало выходить второе издание «Ausgewählte Werke», завершившееся уже после его смерти (1873–1902). Писатель принял участие в подготовке по крайней мере двух томов (т. 1 и 2), состав которых не поменялся и в которые

До недавнего времени работа Тургенева по редактированию митавского издания не становилась предметом специального изучения, что уже не раз отмечалось в исследовательской литературе о писателе.¹² Во многом подобное положение дел (распространяющееся и на историю большинства переводов произведений Тургенева в целом) обусловлено скудостью фактических данных, которыми мы располагаем о взаимоотношениях Тургенева и его митавского издателя, а также недостатком введенных в научный оборот архивных материалов, связанных с деятельностью «E. Behre's Verlag». Значительно расширились наши представления об истории «Ausgewählte Werke» благодаря вышедшей в 1970 году публикации пятидесяти пяти неизвестных ранее писем Тургенева к Бере,¹³ тем не менее многие аспекты нуждаются в дальнейшем прояснении: не установлены имена переводчиков ряда произведений, не исследованы тексты самих переводов, а также степень участия в них Тургенева.

Последняя задача существенно осложняется тем, что выявить весь объем правки, внесенной Тургеновым, не представляется возможным, поскольку первоначальные варианты переводов либо не сохранились, либо остаются неизвестными. Однако в тех случаях, когда Бере во втором издании обращался к уже изданному ранее переводу, который можно рассматривать в качестве «исходного текста», сопоставление немецких текстов дает ценнейший материал о Тургенове редакторе и переводчике. Пожалуй, наиболее ярким примером в данном отношении является немецкая история двух главных романов писателя — «Отцы и дети» и

вошли соответственно: «Отцы и дети» («Väter und Söhne», 1873) и «Несчастливая», «История лейтенанта Ергунова», «Переписка», «Ася» («Eine Unglückliche. Das Abenteuer des Lieutenants Jergunow. Ein Briefwechsel. Assja», 1881).

¹² См., например: Эгле К. К. Малоизвестные материалы об И. С. Тургенове из рижских книгохранилищ // *Т Сб (1818–1883–1958)*. С. 351–358. Сложно не согласиться с утверждением современного исследователя, что «издание Бере имело глубоко принципиальное значение. Раньше выходили на немецком языке лишь отдельные произведения Тургенева, причем в разное время, в различных местах, что препятствовало их распространению по всей Германии, если учесть тогдашнюю обособленность немецких земель. Издание Бере, печатавшееся в Рудольштадте, было первой и очень важной попыткой познакомить всю Германию со всем творчеством писателя» (Перминов Г. Ф. «Отцы и дети»: Статья Л. Пича о романе Тургенева (1869) // *Т Сб*. Вып. 2. С. 159).

¹³ Rimscha H., von. Die bisher unbekanntten Briefe Ivan S. Turgenyevs an seinen deutschen Verleger Erich Behre in Mitau // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1970. Bd. 18. H. 4. S. 530–574. См. также: Тиме Г. А. И. С. Тургенов в переписке с Бернгардтом (sic!) Эрихом Бере (По новым материалам второго академического собрания писем И. С. Тургенева) // *РЛ*. 1988. № 3. С. 171–174.

«Дым», над которыми Тургенев работал практически одновременно, готовя их для второго митавского издания.

Судя по сохранившимся письмам Тургенева, в конце 1872 года Бере обратился к нему с предложением переиздать немецкий перевод романа «Отцы и дети», которым в 1869 году открывалось издание «Ausgewählte Werke» и тираж которого к тому времени был распродан.¹⁴ Писатель охотно откликнулся, взяв на себя, по обыкновению и по договоренности с Бере, просмотр корректурных листов. Очевидно, что за четыре года, истекшие со времени подготовки романа для первого митавского издания, перипетии, связанные с редактированием далеко не безупречного перевода некоего «О. Ф.» из штутгартской газеты «*Veobachter*», который лег в основу издания Бере, успели стереться из памяти писателя. Тогда, бегло ознакомившись с немецким текстом романа в «*Veobachter*», Тургенев неосмотрительно рекомендовал его Бере в качестве «превосходного», однако в ходе последующей работы над корректурами его оценка этого перевода сменилась на диаметрально противоположную. Внеся значительную правку в перевод первых двенадцати глав «Отцов и детей», он вынужден был в итоге обратиться за помощью к Людвигу Пичу, согласившемуся отредактировать оставшуюся часть романа.

Несмотря на то, что Тургенев внешне остался доволен полученным результатом и в предисловии к первому изданию даже поручился «за точность предлагаемого перевода»,¹⁵ на деле он вряд ли внимательно просматривал окончательный текст романа целиком и, по всей видимости, не сличал его ни с русским оригиналом, ни с французским переводом, выпущенным издательством Шарпантье,¹⁶ который лег в основу штутгартского перевода и который сам писатель считал образцовым.¹⁷

Дав согласие на переиздание немецкого перевода «Отцов и детей», Тургенев изначально не предполагал, что просмотр корректур отнимет у него много времени, и в письме к Бере от 14 (26) декабря 1872 года мель-

---

¹⁴ «Отцы и дети» составили первый том этого издания: *Turgénjew Iwan. Ausgewählte Werke*. Mitau: E. Behre's Verlag, 1869. Bd. 1: Väter und Söhne. Далее — *VuS 1869*. Второе издание под тем же заглавием вышло в Митаве в 1873 г. Далее — *VuS 1873*.

¹⁵ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 10. С. 351. Подлинник по-нем.

¹⁶ Речь идет об издании: *Tourguéneff Ivan. Pères et enfants / Précédé d'une lettre à l'éditeur par Prosper Mérimée*. Paris: Charpentier, Libraire-éditeur, 1863. Далее — *Charpentier 1863*.

¹⁷ Подробнее об истории редактирования Тургеньевым немецкого перевода «Отцов и детей» для первого митавского издания см. нашу статью: *Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание) // Тургенев. НИИМ(3)*. С. 289–315.

ком отметил, что «надо лишь избавиться от некоторых опечаток».¹⁸ Гораздо большие опасения вызывала у него предстоящая в том же 1873 году работа по подготовке к печати очередного (седьмого) тома первого издания «Ausgewählte Werke», куда должен был войти роман «Дым»¹⁹ в злополучном переводе Фридриха Чиша, послужившем в свое время поводом для серьезного конфликта между Тургеневым и Бере.²⁰ «Исправления в „Дыме“, — с досадой писал Тургенев в том же письме, — более значительны, так как, если Вы помните — перевод оставлял желать много лучшего».²¹

Вместе с тем, получив в скором времени²² от Бере корректурные листы «Отцов и детей» для второго митавского издания и внимательно ознакомившись с немецким текстом, Тургенев снова был вынужден констатировать, что перевод нуждается в дальнейшем серьезном редактировании. «Я получил „Отцов и детей“, — сообщал он 11 (23) февраля Бере, — внимательно прочитал их — и к моему великому удивлению, нашел множество очень значительных, искажающих смысл ошибок! Я все их исправил и послал экземпляр для большей гарантии г-ну д-ру Юлиану Шмидту в Берлин с просьбой — проверить мои исправления и как можно скорее направить книгу в типографию Г. Фрёбеля».²³ Таким образом, принимая помету Бере «9/21.I.73», сохранившуюся на письме Тургенева к нему от 14 (26) декабря 1872 года, за дату отправки корректурных листов в Париж, можно установить, что писателю потребовался почти целый месяц на внесение правки. Тургенев действительно выслал Шмидту корректуру романа в тот же день — 11 (23) февраля, когда писал Бере, сопроводив ее следующей просьбой: «Дело в том, что вы-

¹⁸ ПССуП(2). Письма. Т. 12. С. 76. Подлинник по-нем.

¹⁹ Речь идет об издании: *Turgénjew Iwan. Ausgewählte Werke*. Mitau: E. Behre's Verlag, 1873. Bd. 7: Rauch. Zweite Ausgabe. Далее — *Rauch 1873*.

²⁰ См. об этом: ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 546; *Rimscha H., von. Die bisher unbekanntten Briefe Ivan S. Turgenews an seinen deutschen Verleger Erich Behre in Mitau*. S. 531–534; *Тиме Г. А. И. С. Тургенев в переписке с Бернгардом Эрихом Бере*. С. 171.

²¹ ПССуП(2). Письма. Т. 12. С. 76. Подлинник по-нем. Отметим, что до сих пор участие Тургенева в редактировании немецкого перевода «Дыма» для митавского издания 1873 г., кажется, не становилось предметом специального рассмотрения. Об этом см. далее.

²² Судя по помете Бере на цитирувавшемся выше письме Тургенева к нему от 14 (26) декабря 1872 г., ответное письмо было послано им 9 (21) января 1873 г., тогда же, по всей видимости, были отправлены в Париж и корректуры «Отцов и детей» (см. микрофильм в Рукописном отделе ИРЛИ).

²³ ПССуП(2). Письма. Т. 12. С. 104–105. Подлинник по-нем.

ходит второе издание „Отцов и детей“, а я лишь теперь прочел книгу — перевод — в первый раз. Несмотря на то, что я в предисловии с неслыханным энтузиазмом расхвалил перевод, в нем попадаются совершенно недопустимые неточности и сокращения (см., например, стр. 358!., 202 и другие). Я исправил их, но не вполне уверен в том, что правильно выразился по-немецки. Просмотрите книжку! Нет надобности, конечно, читать ее всю; останавливайтесь только на поправках».²⁴

Конечно, не все в этом эмоциональном письме соответствовало действительности: как уже отмечалось выше, достоверно известно о существенной редакторской правке, внесенной Тургеневым в перевод по крайней мере двенадцати глав романа в период подготовки первого митавского издания, что предполагало хотя бы частичное знакомство с текстом. Однако для нас крайне важным является свидетельство Тургенева о том, что на этот раз он не только прочел *весь* перевод, но и самостоятельно внес в него целый ряд исправлений. Ценно также указание писателя на номера двух конкретных страниц, вызвавших его особое негодование.

Сличение первого и второго митавских изданий романа подтверждает, что общий объем внесенной Тургеневым правки был довольно большим, при этом исправлению подверглась не только та часть, просмотр которой в 1869 году писатель «доверил» Л. Пичу, но и главы, просмотренные ранее им самим. Наряду с устранением явных опечаток,²⁵ которых на деле оказалось сравнительно немного, бросается в глаза последовательная работа по исправлению знаков препинания — в частности, восстановлению вопросительных знаков. Например, вопрос Николая Петровича Аркадию в главе III о роде занятий Базарова: «Mit was beschäftigt er sich?»²⁶ (ср. в оригинале: «Он чем занимается?»²⁷) в первом издании завершался точкой; восстановлен также вопросительный знак вместо точки в главе IV в вопросе, адресованном Николаем Петро-

---

²⁴ Там же. С. 106.

²⁵ Так, в издании 1873 г. исправлена опечатка, допущенная на с. 123 первого издания, где было напечатано «*aingreift*» вместо «*angreift*»; нередки случаи исправления формы артикля — например, на с. 17 первого издания «*und indem er diesem Gedanken nachging*» исправлено на: «*und indem er diesen Gedanken nachging*» и т. д.

²⁶ *VuS 1873*. S. 23.

²⁷ *ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 13. Здесь и далее русский текст романа приводится по данному изданию, поскольку для всех рассмотренных в настоящей статье примеров расхождения окончательного текста с текстом первой публикации романа в «Русском вестнике», а также с текстом отдельного издания 1862 г. не выявлены или не существенны.

вичем Базарову по приезде в Марьино: «Aber würde Eugen Wassiliewitsch nicht vielleicht gerne vorher in sein Zimmer gehen?»²⁸ (ср. в оригинале: «Но не пройдет ли вы сперва в вашу комнату, Евгений Васильич?»²⁹).

В главе V вопросительный знак появляется вместо точки с запятой в эпизоде, когда Николай Петрович переживает целую гамму чувств, ожидая реакции Аркадия на известие о том, что у него появился брат: «Kamen ihm die fremden Beziehungen, die nothwendig zwischen seinem Sohne und ihm eintreten mußten, zum Bewußtsein? dachte er darüber nach, ob es von Arkad nicht rücksichtsvoller gewesen wäre, wenn er jede Anspielung auf das Verhältniß vermieden hätte oder machte er sich Vorwürfe über seine Schwäche? Dies war schwer zu unterscheiden».³⁰ Внесение второго вопросительного знака в данном случае добавляет экспрессивности всему немецкому предложению, при этом примечательно, что в русском оригинале и во французском переводе на этом месте стоит точка с запятой; более того, вся фраза строится вообще без использования вопросительных знаков: «Представилась ли ему в это мгновение неизбежная странность будущих отношений между им и сыном, сознавал ли он, что едва ли не большее бы уважение оказал ему Аркадий, если б он вовсе не касался этого дела, упрекал ли он самого себя в слабости — сказать трудно <...>».³¹ Во многих случаях оказались восстановлены тире, отделяющие речь персонажей от слов автора (ср., например, с. 72 и 62 изданий 1873 и 1869 гг. соответственно), а также опущены лишние восклицательные знаки и введены другие пунктуационные поправки. Можно было бы считать эти исправления техническими и усомниться в принадлежности их Тургеневу, если бы не сохранившиеся корректурные листы немецкого перевода другого произведения — «Странной истории», на которых можно найти примеры аналогичной правки, свидетельствующие о вдумчивом отношении писателя к пунктуации в своих произведениях не только на родном языке, но и в переводах.

---

²⁸ *VuS 1873*. S. 34.

²⁹ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 18. Ср. соответствующий немецкий текст в первом митавском издании: *VuS 1869*. S. 13, 24.

³⁰ *VuS 1873*. S. 45. Здесь и далее немецкий текст воспроизводится по изданиям 1873 и 1869 гг. в старой орфографии. Полу жирным выделен знак, исправленный Тургеневым.

³¹ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 23. Ср. с французским изданием 1863 г., послужившим источником немецкого перевода: «Avait-il conscience des rapports étranges qui allaient nécessairement s'établir entre son fils et lui; pensait-il qu'Arcade eût agi plus respectueusement à son égard en évitant toute allusion à cette affaire, ou se reprochait-il sa faiblesse; c'est ce qu'il serait difficile de décider» (*Charpentier 1863*. P. 30).

Однако еще более неожиданным является значительное количество исправлений фактического и стилистического характера, которые обнаружены в ходе сопоставления текста первых двенадцати глав перевода, изданного в 1873 году, с митавским изданием 1869 года. Следует оговориться, что подобных исправлений не меньше и в оставшейся части второго издания «Отцов и детей», но наличие их в первых двенадцати главах лишний раз подтверждает, что Тургенев продолжал постоянно работать над текстом, совершенствуя его и учитывая особенности языка, на который переводилось произведение.

Прежде всего, укажем на устранение явных фактических ошибок, которые вкрались в вариант перевода «Veobachter» из-за неточного перевода с французского и не были устранены писателем в издании 1869 года. Так, в главе II Тургенев отмечает эпитет «perfecter» («отличный», «совершенный», «превосходный») в применении к Петру, «который в качестве усовершенствованного слуги не подошел к ручке барина, а только издала поклонился ему»,³² заменяя его в издании 1873 года на «moderner» («современный», «новейший»). Очевидно, что здесь мы имеем дело с примером межъязыковых омонимов, в свою очередь перешедшим в первое митавское издание из «Veobachter», переводчик которого посчитал французское «perfectionné» полным синонимом немецкому прилагательному «perfect»: «Pierre qui, en sa qualité de serviteur **perfectionné** <...>».³³ Еще с одним наглядным примером буквализма (или плохого знания переводчиком «Veobachter» французского языка) читатель встречается в начале главы III, когда, рассказывая Аркадию о переменах, произошедших в Марьино в связи с приготовлениями к его приезду, Николай Петрович замечает в оригинале: «И комната твоя оклеена обоями».³⁴ Если по-французски в издании 1863 года он говорит: «Et j'ai fait mettre du **papier** dans ta chambre»,³⁵ то в немецком варианте 1869 года читаем: «Und **Papier** findest Du auch in Deinem Zimmer» (*букв.*: «И бумагу ты найдешь в своей комнате»)³⁶ Таким образом, французское «papier» в немецкий перевод перешло в своем основном значении — «бумага», а не «обои». В издании 1873 года после правки Тургенева это место звучит близко к русскому и французскому тексту: «Ich habe auch Dein Zimmer mit neuen **Tapeten** bekleben lassen» (*букв.*: «Я велел также

³² ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 12.

³³ Charpentier 1863. P. 9. Здесь и далее полужирным выделено мною. — В. Л.

³⁴ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 13.

³⁵ Charpentier 1863. P. 11.

³⁶ VuS 1869. S. 12.

оклеить твою комнату новыми обоями»³⁷ Исправляет Тургенев и неверное написание фамилии В. А. Жуковского,³⁸ которая в первом митавском издании была передана как «Jublovsky», сделав тут же дополнение, в котором не нуждались русские читатели («Dichter Jukofsky» — «поэт Жуковский»)³⁹ и т. д.

В отдельных случаях Тургенев дополняет немецкий вариант перевода, стремясь к большей выразительности образов героев. Так, в описании мужа княгини Р., которое дается в начале главы VII, он вводит слово «präsentabler» («представительный», «видный», «статный»), отсутствовавшее в издании 1869 года: «Ihr Gemahl war ein präsentabler Mann von guter Erziehung, aber ein wenig beschränkt <...>» («Ее муж был видным мужчиной, хорошо воспитанным, но немного ограниченным <...>»)⁴⁰ Интересно, что немецкий вариант 1869 года в данном случае довольно точно следовал французскому переводу: «Son mari était un homme bien élevé, mais un peu bête <...>» («Ее муж был человеком хорошо воспитанным, но глуповатым <...>»)⁴¹ в то время как обновленный текст митавского издания ближе к русскому подлиннику: «У ней был благовоспитанный и приличный, но глуповатый муж <...>»⁴²

Еще один схожий пример, который дает основание с большой долей уверенности предположить, что Тургенев редактировал немецкий перевод для второго издания, сверяясь с рукописью или русским отдельным изданием, находим в главе XI, когда Николай Петрович вспоминает о своей покойной жене: «...ему хотелось вновь осязать близость своей Марии, ощутить ее теплоту и дыхание <...>»⁴³ Если сравнить немецкий вариант 1869 года: «...er hätte wieder an der Seite seiner geliebten Marie

³⁷ *VuS 1873*. S. 22.

³⁸ Ср. у Тургенева в главе XX слова Базарова-старшего: «Я, тот самый я, которого вы изволите видеть теперь перед собою, я у князя Витгенштейна и у Жуковского пульс щупал!» (*ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 110).

³⁹ Ср.: *VuS 1869*. S. 211; *VuS 1873*. S. 221. В издании 1873 г. исправлено также грамматически двусмысленное построение предложения: «Ich selber, ich, wie ich da vor Euch stehe, habe **dem** Fürsten Wittgenstein und **dem Dichter** Jukofsky den Puls gefühlt» («Я, тот самый я, который тут стоит перед вами, щупал пульс у князя Витгенштейна и у поэта Жуковского»). Ср. с изданием 1869 г. («Ich selber, ich, wie ich da vor Euch stehe, habe **den** Fürsten Wittgenstein und Jublovsky den Puls gefühlt»), которое допускало следующий перевод: «Я, тот самый я, который тут стоит перед вами, щупал пульс у **князей** Витгенштейна и Жубловского».

⁴⁰ *VuS 1873*. S. 60. Ср.: *VuS 1869*. S. 50.

⁴¹ *Charpentier 1863*. P. 42.

⁴² *ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 30.

⁴³ Там же. С. 56.

sein, ihre weiche Wange streicheln, ihren warmen Athmen fühlen mögen <...>» (букв.: «...он хотел бы снова быть рядом со своей возлюбленной Мари, гладить ее нежную щеку, ощущать ее теплое дыхание <...>»),⁴⁴ — с французским переводом: «...il aurait voulu se trouver de nouveau près de sa bonne Marie, sentir la chaleur de sa joue et de son souffle <...>» (букв.: «...он хотел бы снова оказаться рядом со своей милой Мари, ощутить теплоту ее щеки и дыхания <...>»),⁴⁵ то можно заметить, что немецкий переводчик позволил себе небольшую вольность, добавив несколько трогательных деталей. Однако в издании 1873 года не только исчезает эпитет «weich» («мягкий», «нежный»), но и весь пассаж о щеке, а также прилагательное «warm» («теплый»): «...er hätte wieder an der Seite seiner geliebten Marie sein, ihren Athmen fühlen mögen <...>» (букв.: «...он хотел бы снова быть рядом со своей возлюбленной Мари, ощущать ее дыхание <...>»).⁴⁶ Аналогичный пример существенной в смысловом отношении правки, приближающей немецкий вариант к русскому изданию, встречается также в главе VIII, в описании выражения глаз Фенечки, когда она поднимает взгляд на Николая Петровича, а также в других главах.⁴⁷

Два самых вопиющих случая расхождения немецкого перевода с подлинником Тургенев назвал сам в приведенном выше письме к Ю. Шмидту. Первое из них — на с. 358 (по пагинации издания 1869 г.) — выделено Тургеневым двумя восклицательными знаками и относится к последнему свиданию Базарова с Одинцовой в главе XXVII (глава XXV в немецком издании 1869 г.), когда умирающий Базаров просит отца оставить их наедине и обращается к Одинцовой со словами: «Анна Сергеевна, вы позволяете? Кажется теперь... / Он указал головою на свое распростертое бессильное тело».⁴⁸ В немецком варианте 1869 года читаем: «Anna Ser-

⁴⁴ *VuS 1869*. S. 102.

⁴⁵ *Charpentier 1863*. P. 88.

⁴⁶ *VuS 1873*. S. 112.

⁴⁷ «Прелестно, — замечает автор, — было выражение ее глаз, когда она глядела как бы исподлобья да посмеивалась ласково и немножко глупо» (*ПССуП(2)*). Соч. Т. 7. С. 38–39). Ср.: «Der Ausdruck ihrer Augen war **bezaubernd**, wenn sie so von unten herauf mit **naivem** und zärtlichem Lächeln Jemand ansah» («Выражение ее глаз было очаровательно, когда она так исподлобья смотрела на кого-нибудь с наивной и нежной улыбкой». См.: *VuS 1869*. S. 67) и «Der Ausdruck ihrer Augen war **rührend**, wenn sie so von unten herauf mit zärtlichem und **etwas einfältigen** Lächeln Jemand ansah» («Выражение ее глаз было трогательно, когда она так исподлобья смотрела на кого-нибудь с ласковой и глуповатой улыбкой». См.: *VuS 1873*. S. 77).

⁴⁸ *ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 182.

gejewna, Sie erlauben es? ich glaube, daß jetzt... / **Sie nickte mit dem Kopfe** als ob sie sagen wollte, daß sie von einem Sterbenden nichts zu fürchten habe» (букв.: «Анна Сергеевна, Вы позволяете? полагаю, что теперь... / **Она кивнула головой**, как будто хотела сказать, что ей нечего опасаться от умирающего»). «Винovníком» этой вопиющей неточности снова стал текст французского издания романа, неверно понятый переводчиком из «Beobachter»: «Anna Serghéïevna, vous le permettez? Je crois que maintenant... / D'un mouvement de tête il semblait lui dire qu'elle n'avait rien à redouter d'un mourant» («Анна Сергеевна, вы позволите? Полагаю, что теперь... / Кивком головы он, казалось, говорил, что ей нечего опасаться умирающего»).⁴⁹ Тургенев внес существенную правку в первую часть предложения, дав точный перевод русского текста: «Anna Sergejewna, Sie erlauben es? ich glaube, daß jetzt... / **Er wies mit dem Kopfe** auf seinen kraftlosen hingestreckten Leib hin, als ob er sagen wollte, daß sie von einem Sterbenden nichts zu fürchten habe» (букв.: «Анна Сергеевна, Вы позволяете? полагаю, что теперь... / **Он указал головой** на свое бессильное распростертое тело, как будто хотел сказать, что ей нечего опасаться от умирающего»).⁵⁰ Как видно, исправив допущенную переводчиком ошибку, писатель все же оставил нетронутой вторую часть предложения, отсутствующую в русском тексте.

Второй из указанных Тургеневым промахов в издании 1869 года относится к началу главы XX, где читатель впервые знакомится с Василием Ивановичем Базаровым. Рисуя портрет отца главного героя, писатель отмечает, в частности, его «взъерошенные волосы» и «тонкий орлиный нос». ⁵¹ Если в подборе немецкого эквивалента слова «взъерошенные» у переводчика не возникло проблем, то «тонкий орлиный нос» превратился в «kleine Stülpnase» («маленький курносый нос»), что не могло не вызвать возмущения автора, исправившего эту досадную ошибку в издании 1873 года, где Василий Иванович предстает перед нами «mit <...> seiner Habichtsnase» (букв.: «со <...> своим ястребиным носом»).⁵² Возможно, источником оплошности переводчика послужил неверно понятый французский текст, в котором нос Василия Ивановича представлен как «mince et recourbé». ⁵³

Совершенствуя перевод, Тургенев уделяет большое внимание стилистической правке, стремясь подобрать немецкий эквивалент, наиболее

⁴⁹ Charpentier 1863. P. 315.

⁵⁰ VuS 1873. S. 370.

⁵¹ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 105.

⁵² VuS 1873. S. 212.

⁵³ Charpentier 1863. P. 176.

точно и полно передающий подлинник, устранить лексические повторы, облегчить синтаксически громоздкие конструкции и т. д. Интересно, что первое упоминание имени Аркадия, которое в издании 1869 года звучало как «Arkadius»,⁵⁴ Тургенев сразу заменяет на «Arkad», отказавшись от неудачной попытки немецкого переводчика передать полную форму имени героя.

Рассказывая историю женитьбы Николая Петровича, Тургенев замечает, что он «блаженствовал со своею Машей сперва на даче около Лесного института, потом в городе, <...> наконец — в деревне, где он поселился окончательно <...>».⁵⁵ Если в издании 1869 года о переселении в деревню сказано: «endlich zog er sich ganz auf's Land zurück»,⁵⁶ что можно перевести как «наконец он вернулся/удалился окончательно в деревню», то во втором митавском издании читаем: «endlich **siedelte er sich** ganz auf dem Lande an»,⁵⁷ где немецкий глагол «sich ansiedeln», как кажется, точнее передает значение русского «поселился». В главе III Аркадий, по дороге в коляске с отцом в Марьино, размышляет о бедности края и необходимости преобразований, но постепенно вид пробуждающейся после зимы природы меняет течение его мыслей: «Аркадий глядел, глядел, и, понемногу ослабевая, исчезали его размышления...».⁵⁸ В издании 1869 года это место передано следующим образом: «Arkad bewunderte dies Gemälde und seine trüben Gedanken schwanden allmählig» (букв.: «Аркадий любовался этой картиной и его мрачные мысли постепенно исчезли»),⁵⁹ однако Тургенев заменяет «bewunderte dies Gemälde» на более нейтральное и близкое русскому варианту «sah dies alles» (букв.: «видел это все» или «смотрел на это все»)⁶⁰

Заслуживает внимания также замена отдельных слов, например слова «Мауегп» («стены», обычно в применении к каменным стенам) в конце главы III на «Wände» в описании выкрашенных «серою краской» стен нового дома Кирсановых в Марьино, который, как известно, был деревянным. Или эпитетов «unbeschreiblich» («неописуемый») на «räthselhaft» («загадочный») в характеристике взгляда княгини Р., а также «kaum

---

⁵⁴ *VuS 1869*. S. 8. Отметим, что, за исключением единичного упоминания в первой главе, данная немецкая форма имени Аркадий в издании 1869 г. больше не встречается, поэтому ее замена на Arkad вполне оправданна.

⁵⁵ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 8.

⁵⁶ *VuS 1869*. S. 8.

⁵⁷ *VuS 1873*. S. 15.

⁵⁸ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 16.

⁵⁹ *VuS 1869*. S. 20.

⁶⁰ *VuS 1873*. S. 30.

merklich» («едва заметный») на «leicht» («легкий», «незначительный»), когда речь заходит о ее «незначительной усмешке» в главе VII. Замечательно также, что, передавая отношение Прокофьяча, который среди прочего называл Базарова «живодером», Тургенев в немецком тексте заменяет слово «Abdecker» на, вероятно, более экспрессивно окрашенное «Schinder». Не единожды изгоняет из немецкого перевода Тургенев слово «Dummkopf» («дурак», «олух», «болван»). Так, например, в одной из самых острых стычек Базарова с Павлом Петровичем в главе X этим словом немецкий переводчик передал базаровское знаменитое замечание «Дрянь, аристократишко»⁶¹ об одном из соседних помещиков: «Das ist ein Dummkopf, ein schlechter Aristokrat».⁶² Тургенев меняет начало предложения на «Das ist ein bornirter Mensch <...>» (*букв.*: «Это тупой/ограниченный человек <...>»),⁶³ что, в свою очередь, приближает нас к пониманию того, какой смысл Базаров вкладывал в слово «дрянь» в данном контексте.

Заметно также стремление Тургенева избегать повторного употребления одного и того же слова в пределах небольшого пространства текста. Один из наиболее ярких примеров подобной правки находим в главе V, в момент объяснения Аркадия с отцом по поводу Фенечки, где в немецком издании 1869 года на одной странице в двух соседних абзацах трижды было употреблено слово «Stimme» («голос»):⁶⁴ «Arkad hatte die ersten Worte mit zitternder **Stimme** vorgebracht; <...> aber der Laut unserer eigenen **Stimme** berauscht <...>» (*букв.*: «Аркадий произнес первые слова дрожащим голосом; <...> но звук нашего собственного голоса опьяняет <...>») и далее с нового абзаца: «— Ich danke Dir, Arkascha, gab ihm der Vater **mit unterdrückter Stimme** zur Antwort <...>» (*букв.*: «Благодарю тебя, Аркаша, ответил ему отец глухим голосом <...>»). В первом из приведенных предложений Тургенев добавляет наречие «etwas» («немного», «несколько»), заставив Аркадия говорить не просто дрожащим, а «несколько дрожащим голосом» (ср. в оригинале: «Голос Аркадия дрожал сначала <...>»); во втором — исправляет «Stimme» на «Rede» («речь», «высказывание»), приближая его к русскому тексту: «...но звук собственных речей сильно действует на человека <...>», а в третьем — заменяет выделенную нами конструкцию одним словом «dumpf» («глухо»), что также соответствует оригиналу: «— Спасибо,

⁶¹ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 47.

⁶² VuS 1869. S. 84.

⁶³ VuS 1873. S. 94.

⁶⁴ VuS 1869. S. 34.

Аркаша, — глухо заговорил Николай Петрович <...>». ⁶⁵ Случаи подобной правки далеко не единичны.

Необходимо отметить, что в издании 1873 года впервые на немецком языке появилось посвящение романа В. Г. Белинскому — «Dem Andenken Belinski's gewidmet» («Посвящается памяти Белинского»), которое отсутствовало в первом митавском издании, а в русском тексте впервые было включено Тургеневым в отдельное издание 1862 года. Кроме того, впервые (по всей видимости, самим Тургеневым) количество и состав глав были приведены в соответствие с русским текстом. До этого все рассматриваемые издания (французское отдельное издание, немецкий перевод в «*Veobachter*», митавское издание 1869 г.) вместо 28 глав насчитывали лишь 26. Сбой произошел из-за слияния, которому в первом французском издании подверглись главы XX и XXI (глава XX в *Charpentier 1863*), а также XXV и XXVI (глава XXIV в *Charpentier 1863*), откуда он перешел сначала в штутгартский перевод, а затем и в первое издание Бере, при этом сам текст романа изменению или сокращению не подвергся. Можно с некоторой долей уверенности предполагать, что данное изменение не являлось преднамеренным, а было, по всей видимости, спровоцировано подготовкой к публикации фрагмента романа, предпринятой Шарпантье и Тургеневым, так сказать, для затравки во французском журнале «*La Revue nationale et étrangère politique, scientifique et littéraire*» накануне выхода отдельного издания — в мае 1863 года. ⁶⁶ Именно в этом журнале впервые на французском языке был

---

⁶⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 23.

⁶⁶ 1863. Т. 13 (livraison 10 mai). P. 121–148 (подпись: Ivan Tourguénef). Перевод был опубликован под заглавием «*Pères et enfants*» и предварялся следующей заметкой от издателя (по всей видимости, Жерве Шарпантье): «Под этим заглавием г. Иван Тургенев публикует в *Библиотеке Шарпантье* труд, в котором он поставил перед собой задачу изобразить, в форме романа, конфликт духа и характера между уходящим поколением и его детьми, который совершается в России. Этот конфликт, происходящий в то же время по всей Европе из-за стремительного развития цивилизации, но различным образом, в силу различных условий, поражает и во Франции самых недалеконидных. Каковы последствия его в будущем? Это трудно определить точно, но уже сейчас можно сделать предположения, принимая во внимание политический режим того или иного общественного устройства и в особенности условия существования в нем отдельной личности. / В свободных странах, где наблюдается слишком быстрое развитие материальных благ, избыток роскоши и чувственности, умственные заблуждения и страсти находят в человеке твердых и честных убеждений, в порядочной женщине врагов, чье сопротивление пресекает и парализует заразу. В странах деспотических происходит обратное; каждый человек, стесненный в своем развитии, смиряется и отводит взор, теряет из виду благородный

опубликован отрывок из романа, который и составили две главы — XX и XXI, при этом они были напечатаны как цельный фрагмент, без указания номера главы и какого бы то ни было деления.⁶⁷

Оба эти обстоятельства (восстановление посвящения и структуры романа) косвенно свидетельствуют в пользу того, что Тургенев в ходе правки корректур в январе — феврале 1873 года мог обращаться к рукописи или первому русскому отдельному изданию.

Закономерен вопрос: насколько уверенно можно утверждать, что вся выявленная в издании 1873 года правка принадлежит Тургеневу, а не Юлиану Шмидту, который, как известно, добросовестно подошел к просьбе писателя и не ограничился одним просмотром сделанных им поправок, а прочел весь роман и указал на еще два места, перевод которых вызвал у него сомнения.⁶⁸ Этот вопрос тем более актуален, что, на-

---

идеал, который он смутно предчувствовал, и попадает в зависимость от примитивного удовлетворения животных потребностей, глупого тщеславия, легкомыслия опустошенной и опустившейся души. / Возвращаясь к „Отцам и детям“ г. Тургенева, предлагаем читателям отрывок из этого произведения. Не сомневаемся, что они будут поражены ясностью и верностью наблюдений, которыми отличаются эти живописные зарисовки человеческого сердца» (Ibid. P. 121).

Отметим, что в этом же выпуске журнала была напечатана вторая часть (главы III и IV) прозаического перевода «Евгения Онегина» на французский язык, выполненного Тургеневым и Л. Виардо (Ibid. P. 91–114).

⁶⁷ Можно предположить, что изначально писатель колебался в выборе отрывка для «*La Revue nationale et étrangère*» между главами XX–XXI, с одной стороны, и XXV–XXVI — с другой (в двух последних происходит объяснение Аркадия с Катей, приезд Базарова в Никольское и его напряженное прощание с Одиной перед отъездом к родителям), в итоге остановившись на первом варианте. По всей видимости, журнальная публикация набиралась по той же рукописи, что и отдельное издание, которое вышло практически одновременно с номером журнала. Так, уже 14 мая н. ст. 1863 г. Тургенев через Л. Поме обращается к Жерве Шарпантье за четырьмя экземплярами, предназначавшимися для самого Поме, Ришара, а также немецких друзей — Л. Пича и Р. Линдау (см.: *ПССиП(2), Письма*. Т. 5. С. 175). В библиографии французских переводов произведений Тургенева, составленной П. Уоддингтоном при участии Ф. Монрейно, зафиксирована другая дата — 23 мая н. ст. 1863 г. (см. *Waddington P., Montreynaud Fl. A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854–1885*. Wellington (New Zealand), 1980. Item 28), однако, как отмечают сами составители, сведения о времени выхода книг в этой библиографии являются приблизительными, поскольку базируются на «*Bibliographie de France*», которая регистрировала издания с запозданием (Ibid. P. 1). Таким образом, именно из наборной рукописи сбой в количестве глав мог перейти в печатный текст отдельного издания.

⁶⁸ Подробнее об этом см. в нашей статье: Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 312–314.

пример, применительно к первому митавскому изданию романа разграничить правку Тургенева и Пича на настоящем этапе не представляется возможным. Отчасти ответить на этот вопрос помогает письмо Тургенева к Шмидту от 19 февраля (3 марта) 1873 года, из которого следует, что если Шмидт и вносил самостоятельно какие-либо исправления в корректуру, то они были минимальны. «Вы — самый любезный человек, который только существует на свете, — писал в указанном письме Тургенев, — примите мою искреннейшую благодарность. Но вам не следовало стесняться, и раз уж вы взялись за чтение, надо было хорошенько исправлять: это во всяком случае привело бы только к лучшему».⁶⁹

Договорившись со Шмидтом об отправке корректур в Рудольштадт, где печатались «Ausgewählte Werke», Тургенев затребовал у Бере для правки перевод «Дыма», второе издание которого также было запланировано на 1873 год. «Жду обещанного экземпляра „Дыма“, — писал он 11 (23) февраля, — там *появятся еще и совсем другие* ошибки!».⁷⁰ Как это ни странно, но судьба немецкого авторизованного перевода «Дыма» во многом повторяла французскую, и была не менее драматичной.⁷¹

Первый полный⁷² немецкий перевод «Дыма» был выполнен уроженцем Риги, литератором Фридрихом Чишем (Cziesch; 1841–1905) по журнальному тексту, напечатанному в мартовской книжке «Русского вестника», и публиковался на протяжении полутора месяцев в октябре — ноябре н. ст. 1867 года в фельетонах «Rigasche Zeitung», где Чиш подвизался редактором. Несомненно, Тургенев был осведомлен об этом переводе, хотя на данном этапе сложно сказать, узнал ли он о нем от ре-

---

⁶⁹ ПССУП(2). Письма. Т. 12. С. 110. Справедливости ради следует отметить, что Шмидт в дальнейшем еще раз держал корректуру романа, однако, судя по письмам Тургенева, его вмешательство на этот раз ограничилось исправлением опечаток (см. письма к Шмидту от 24 апреля (6 мая) и 1 (13) мая 1873 г.: Там же. С. 136, 140).

⁷⁰ Там же. С. 105. Подлинник по-нем.

⁷¹ О перипетиях французского издания «Дыма» см.: Горохова Р. М. «Дым». Работа Тургенева над французским переводом романа // Т Сб. Вып. 5. С. 250–261; ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 544–546; Генералова Н. П. Французская судьба романа «Дым» (Тургенев и Проспер Мериме) // Тургеневский ежегодник 2011–2012 года. Орел, 2013. С. 77–89.

⁷² В довольно подробном изложении роман был представлен немецкому читателю Юлиусом Эккартом еще летом 1867 г. в его статье «Zur russischen Romanliteratur. II. „Rauch“. Eine Erzählung von Iwan Turgenjew» (Baltische Monatsschrift. 1867. Bd. 16. H. 2. S. 109–144). В этой же статье прозвучала высокая оценка Тургенева как самого выдающегося современного русского романиста (Ibid. S. 109). Выдержки из обзора Эккарта были перепечатаны в одном из номеров «Rigasche Zeitung» (1867. 8. (20.) September. № 208. S. 2).

дакции газеты или от кого-то из немецких приятелей, тем не менее писатель, судя по всему, даже заглянул в пару номеров и бегло ознакомился с текстом. По крайней мере, такая картина вырисовывается из его писем к Л. Пичу и М. Гартману за этот период.

«Дым» в переводе Чиша начал печататься 25 сентября (7 октября) 1867 года, а уже 14 (26) октября (т. е. к тому моменту, когда были напечатаны свыше 12 глав — больше трети романа) Тургенев сообщал Пичу, что «„Rigasche Zeitung“ дает полный перевод „Дыма“, и если судить по нескольким прочитанным <...> отрывкам романа в газете, перевод довольно удачен». ⁷³ В середине ноября н. ст. увидел свет номер с заключительными главами романа, о чем сам Тургенев вскоре известил Гартмана: «... в „Rigasche Zeitung“ вышел полный, — в тех частях, которые я прочел, — точный, но сухой и прозаический перевод, законченный 15 ноября». ⁷⁴ Здесь же он упомянул о том, что «несколько дней тому назад» обратился в редакцию этой газеты с просьбой прислать весь перевод, и обещал передать его своему корреспонденту.

Переписка Тургенева с редакцией газеты неизвестна, тем не менее не подлежит сомнению, что Джон Беренс (Baerens; 1834–1884), издававший на тот момент «Rigasche Zeitung», ⁷⁵ откликнулся на его просьбу. Более того, примерно в это же время он передал право на отдельное издание немецкого перевода «Дыма» Эриху Бере, который вскоре (вероятно, в конце ноября — начале декабря н. ст. 1867 г.) обратился к Тургеневу за авторизацией перевода Чиша. Именно тогда, по всей видимости, и завязалась переписка Тургенева с будущим издателем его первого наиболее полного собрания сочинений на немецком языке. Попутно заметим, что это был далеко не единственный случай делового сотрудничества Бере и Беренса: оно не прекратится и с переходом Беренса к заведованию «St. Petersburger Zeitung», где в свое время будет впервые печататься на немецком языке роман «Новь».

Тургенев охотно дал Бере согласие на авторизацию отдельного немецкого издания «Дыма», оговорив, правда, два принципиальных условия. Прежде всего, по аналогии со злополучным французским переводом А. П. Голицына, непростую работу над редактированием которого писатель лишь недавно завершил, Тургенев настаивал на включении в немецкий текст «нескольких добавленных мест» из только что вышед-

---

⁷³ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 54. Подлинник по-нем.

⁷⁴ Там же. С. 68. Письмо от 18 (30) ноября 1867 г. Подлинник по-нем.

⁷⁵ С 1861 по 1867 гг. соредктором Беренса был Ю. Эккарт.

шего в Москве русского отдельного издания.⁷⁶ Как известно, в нем Тургенев восстановил почти все цензурные изъятия М. Н. Каткова, а также сделал дополнения, явившиеся ответом на резко критические отзывы о романе.⁷⁷ Именно об этих вставках и шла речь в переговорах с Бере (в основном они затронули споры Литвинова и Потугина, но также сцену объяснения между Ириной и Литвиновым в главе XIII). «...Эти места немногочисленны и составят едва 3 или 4 страницы, но они чрезвычайно важны», — подчеркивал Тургенев и далее — что немаловажно — перечислил точные номера четырех страниц, на которые следовало обратить внимание переводчику.⁷⁸ Кроме того, «особенно» выделил Тургенев добавление «на странице 97, где полностью изложена биография генерала Ратмирова»,⁷⁹ сильно урезанная и смягченная Катковым при публикации в «Русском вестнике».

Отметим, что восстановлению биографии Ратмирова Тургенев уделял первостепенное значение. Сохранился черновик его собственноручного перевода этого фрагмента, выполненного для первой французской публикации романа в «Correspondant» и вошедшего в нее практически в неизменном виде (по всей видимости, доверить перевод Голицыну Тургенев не решился).⁸⁰ Не случайно, посылая А. И. Герцену 30 ноября (12 декабря) 1867 года экземпляр салаевского издания, он замечал: «Сама книга тебе, разумеется, не понравится, но на 97-й странице находится биография генерала Ратмирова, которая, быть может, заставит тебя улыбнуться». ⁸¹ Все эти требования были выполнены Чишем — нужные дополнения внесены, однако результат, как будет видно из дальнейшего изложения, оказался катастрофически неудачным.

Получив в свое распоряжение полный немецкий текст романа из «*Rigasche Zeitung*», Тургенев имел возможность с ним детально ознако-

---

⁷⁶ Первое отдельное издание «Дыма» вышло в свет в Москве (в издательстве Салаевых) в начале ноября 1867 г., хотя на титульном листе указан 1868 г. Далее — *Дым 1867*.

⁷⁷ См. об этом: *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 525–527, а также Предисловие писателя ко второму отдельному изданию романа, вышедшему в 1868 г.: Там же. С. 408.

⁷⁸ *ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 76. Письмо от 29 ноября (11 декабря) 1867 г. Подлинник по-нем.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Французский перевод биографии Ратмирова, принадлежащий Тургеневу, воспроизведен (по печатному тексту) в статье Р. М. Гороховой: «Дым». Работа Тургенева над французским переводом романа. С. 254–255. Рукопись см.: *BN. Slave 83. F. 395–396*.

⁸¹ *ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 78.

миться — уже из цитировавшегося выше письма к Бере от 29 ноября (11 декабря) явствует, что от него не укрылся неудовлетворительный характер перевода. Об этом можно судить по второму условию, выдвинутому в переговорах с Бере, где писатель потребовал «удалить из перевода несколько ошибок, искажающих смысл, как например: в последней главе, где говорится о „почтительном трепете могучих рук“». ⁸² Приведенная писателем ошибка отсылает к ироничному описанию «ливрейных лакеев» в петербургском салоне Ирины Ратмировой, в частности их «облеченных в шелковые чулки» «громадных» **икр** (а не **рук**), «почтительное трепетание дюжих мышц» которых «только усугубляет общее впечатление благолепия, благонамеренности, благоговения...». ⁸³ «...Мышцы, — пояснял Тургенев, — это никоим образом не руки. „Мускулы“, о которых здесь идет речь, находятся в икрах». ⁸⁴

Неизвестно, принимал ли Тургенев на данном этапе еще какое-либо участие в подготовке немецкого перевода к отдельному изданию. По всей видимости, все же нет. Тем не менее переводчик, на первый взгляд, внимательно отнесся к просьбе писателя и не только поправил указанное место из заключительной главы, но и внес значительное количество исправлений в перевод в целом, о чем не преминул сообщить в предисловии к изданию, датированном мартом 1868 года. ⁸⁵ 24 апреля ст. ст. 1868 года было получено цензурное разрешение на отдельное немецкое издание романа, а еще ранее «*Rigasche Zeitung*» разместила следующий анонс: «Как нам стало известно, в скором времени в типографии Лукаса в Митаве выйдет в элегантном оформлении авторизованный перевод „Дыма“ Тургенева. За основу взят впервые опубликованный в нашем издании немецкий перевод знаменитого русского романа, просмотренный и дополненный по указаниям самого автора и по вышедшему за это время в Москве русскому отдельному изданию». ⁸⁶

---

⁸² ПССУП(2). Письма. Т. 8. С. 76. Подлинник по-нем.

⁸³ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 407.

⁸⁴ ПССУП(2). Письма. Т. 8. С. 76. Подлинник по-нем.

⁸⁵ *Turgenjew Iwan*. Rauch. Autorisirte Ausgabe. Mitau: Verlag von E. Behre, 1868. S. VII. Далее — *Rauch 1868*.

⁸⁶ «Wie wir vernehmen, wird demnächst in der Lucas'schen Buchhandlung zu Mitau eine vom Verfasser autorisirte Uebersetzung des „Rauch“ von Turgenjew in eleganter Ausstattung erscheinen. Dem Text liegt die von diesem Blatte zuerst veröffentlichte deutsche Uebersetzung des berühmten russischen Romans zu Grunde, welche nach den eigenen Angaben des Verfassers und nach der unterdessen in Moskau erschienenen russischen Separatausgabe revidirt und ergänzt worden ist» (*Rigasche Zeitung*. 1868. 12. (24.) März. № 59. S. 2).

Однако внесенная Чишем правка не сильно поправила дело. В первую очередь из-за плохого владения переводчиком русским языком, что изначально привело к грубым искажениям и значительным сокращениям текста. Приведем лишь несколько курьезных ошибок, которые благополучно перешли из «*Rigasche Zeitung*» в отдельное митавское издание. Достаточно сказать, что «разночинец» в немецком переводе превратился в «крестьянина», в результате чего слова Потугина в главе V: «...нашему брату, разночинцу, из чего вилять?»⁸⁷ переданы Чишем следующим образом: «*Zu welchem Zwecke soll aber unser Bauer so handeln?*» («С какой целью должен наш крестьянин так действовать?»).⁸⁸ В главе VII переводчик вместо «смелого взмаха бровей»⁸⁹ наклеил Ирине «густые брови» («*starke Brauen*»),⁹⁰ при этом безжалостно опустив упоминание о том, ее глаза напоминали «египетских божеств» (отметим, что эта деталь была важна для Тургенева, и «египетские глаза» Ирины фигурируют уже в Формулярном списке действующих лиц новой повести, составленном им в 1863 г.⁹¹). В главе XXIV «тучный генерал», сопровождавший Ирину Ратмирову, превратился в «*der finstere General*» («мрачного» или «пасмурного»). Примеры подобных, по меткому определению Тургенева, «паразитов» («*Ungeziefer*»),⁹² которыми кишит перевод, можно приводить бесконечно. Нередко встречаются также случаи, где Чиш «дописывал» текст по своему разумению. Из наиболее вопиющих укажем, например, на фразу «*aber du lieber Gott! wer läßt sich nicht hinreißen!*» («но Боже мой! кто не позволял себе увлечься!»),⁹³ которой Чиш сопровождает указание на то, что Ратмиров велел «перепороть пятьдесят человек крестьян в взбунтовавшемся белорусском селении». Не удержался немецкий переводчик и от «нравственной» цензуры, последовательно изгнав со страниц романа, вслед за своим французским собратом, всех «лореток» и заменив их «гризетками». Значительно смягчены были отдельные оценки и выражения, в том числе пресловутая биография Ратмирова.

⁸⁷ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 275.

⁸⁸ Rauch 1868. S. 51.

⁸⁹ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 281.

⁹⁰ Rauch 1868. S. 64.

⁹¹ Тургенев И. С. Подготовительные материалы к роману «Дым» / Публ. и посл. П. Уоддингтона // РЛ. 2000. № 3. С. 101.

⁹² ПССУП(2). Письма. Т. 8. С. 204. Письмо к М. Гартману от 19 (31) мая 1868 г.

⁹³ Rauch 1868. S. 128.

⁹⁴ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 316.

Получив от Бере авторские экземпляры, Тургенев пришел в ярость: перевод показался ему «деревянным» и «жалким». ⁹⁵ В письмах к немецким друзьям он отзывался о нем не иначе, как о «глупой книге» ⁹⁶ и «грандиознейшем, возмутительном по своей тупости свинстве». ⁹⁷ «Целые страницы вычеркнуты переводчиком. Всё, что не является грубо и откровенно банальным, самым старательным образом выброшено!» ⁹⁸ — жалуется он в письме к Гартману и с негодованием заключает в письме к Пичу: «Всё живое безжалостно вырвано — *Saput mortuum* (кладбище — лат.; букв.: мертвая голова) из общих мест». ⁹⁹

Особенно удручающе недостатки отдельного митавского издания «Дыма» стали заметны на фоне другого немецкого перевода, предпринятого параллельно Морицем Гартманом и печатавшегося с 10 апреля по 10 июля н. ст. 1868 года (№ 15–28) в еженедельном приложении к аугсбургской «Allgemeine Zeitung». ¹⁰⁰ Несмотря на то, что Гартман, не владевший, как известно, русским языком, переводил роман с французского текста, оценка его Тургеневым была очень высокой (как, впрочем, и других выполненных Гартманом переводов его произведений): он неизменно называет его «превосходным» («eine wahre Pracht»), ¹⁰¹ а в письме к самому переводчику признается: «...мне хочется расцеловать Вас, так легко, прекрасен и свободен перевод. Это шедевр! Мое собственное произведение кажется мне в 20 раз лучше». ¹⁰²

Контраст был настолько велик («день и ночь», ¹⁰³ по образному выражению самого Тургенева), что 15 (27) мая 1868 года писатель написал Бере довольно резкое письмо, где с горечью констатировал, что сожалеет об авторизации перевода, поскольку из всего издания его устроил лишь «внешний вид». «Кажется, господин переводчик, — резюмировал он, — поставил перед собой задачу тщательнейшим образом вымарать любой тонкий штрих, любую сочную краску — словом, все, что не является общим местом». ¹⁰⁴

---

⁹⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 202. Письмо к М. Гартману от 15 (27) мая 1868 г. Подлинник по-нем.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 203. Письмо к Л. Пичу от 15 (27) мая 1868 г. Подлинник по-нем.

⁹⁸ Там же. С. 202.

⁹⁹ Там же. С. 203.

¹⁰⁰ Роман появился под заглавием «Rauch. Roman von Iwan Turgenieff (Mit besonderer Erlaubnis des Verfassers übersetzt)» (см.: Wochenausgabe der Augsburger Allgemeine Zeitung. 1868. 10. April. № 15. S. 236).

¹⁰¹ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 202. Подлинник по-нем.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. С. 201. Подлинник по-нем.

¹⁰⁴ Там же. С. 200. Подлинник по-нем.

В качестве показательного примера «среди сотен других» сам он привел отрывок из главы IX (в переводе Гартмана), где Литвинов узнает об отъезде Ирины в Петербург:

«Дым» Отдельное издание (1867)	«Rauch» «Augsburger Allgemeine Zeitung» (1868, перевод М. Гартмана)	«Rauch» «Ausgewählte Werke» (1873, с правкой Тургенева)
Он испытывал ощущение, подобное тому, которое овладевает человеком, когда он смотрит с высокой башни вниз: вся внутренность его замирала и голова кружилась тихо и приторно. Тупое недомыслие и мышья беготня мыслей, неясный ужас и немота ожидания, и любопытство, странное, почти злорадное, в сдавленном горле горечь непролитых слез, на губах усилие пустой усмешки, и мольба, бессмысленная, ни к кому не обращенная... о, как это все было жестоко и унижительно безобразно! ¹⁰⁵	Er hatte ein Gefühl, ähnlich demjenigen, das den Menschen ergreift, der von einem hohen Thurme in die Tiefe sieht; er empfand einen Schwindel, eine stumpfsinnige Verwunderung, ein Ameisengewimmel hässlicher kleiner Einfälle, ein unbestimmtes Grauen, eine stumme Erwartung — auch eine Art Neugierde, eine unheimliche, beinahe böswülig Neugierde — und in der zusammengeschnürten Kehle die Bitterniss der Thränen, die nicht fließen wollen. Auf den Lippen den Zwang eines einfältigen Lächelns, und alberner feiger Bitten — die sich an Niemand richteten... O wie grausam und demüthigend war dieses Alles! ¹⁰⁶	Er hatte ein Gefühl, wie man es empfindet, wenn man von der Höhe eines hohen Thurmes hinabsieht: es überlief ihn... widerlich und seine Kopf schwindelte. Stumpfes Verblüffen und wirres Durcheinander der Gedanken, unbestimmtes Bangen und stummes Erwarten, Neugier, eine eigenthümliche, ja schadenfrohe Neugier, die Kehle zusammengeschnürt von bitteren, verhaltenen Thränen, um den Lippen ein erzwungenes, nichtssagendes Lächeln und sinnloses, gegenstandloses Flehen... oh, wie hart und erniedrigend war das Alles! ¹⁰⁷

¹⁰⁵ *Дым* 1867. С. 65–66. Здесь и далее при сопоставлении переводов русский текст приводится по первому отдельному изданию романа, на основе которого немецкий перевод редактировался Чишем для митавского издания.

¹⁰⁶ Цит. по письму Тургенева к Бере: *ПССуП(2). Письма*. Т. 8. С. 200. Цитируя перевод, Тургенев несколько изменяет пунктуацию: так, вместо тире у Гартмана (вслед за французским текстом) везде проставлены запяты. Ср.: *Wochenausgabe der Augsburger Allgemeine Zeitung*. 1868. 1. Mai. № 18. S. 284. Ср. также с французским текстом в переводе Тургенева (за исключением первого предложения), с которого переводил Гартман: «Il éprouvait une sensation semblable à celle qui saisit l'homme regardant en bas d'une haute tour. Il sentait comme un vertige, un étonnement hébété, un fourmillement de vilaines petites pensées, une terreur confuse, une attente muette, de la curiosité étrange, presque maligne, et dans la gorge resserrée l'amertume de larmes qui ne peuvent pas couler. Sur les lèvres un effort de sourire niais et des supplications stupides et lâches qui ne s'adressaient à personne... Oh! que tout cela était cruel et humiliant!» (*Tourguénéff J. Fumée / Augmentée d'une Préface par P. Mérimée*. Paris: J. Hetzel, 1868. P. 90–91. Далее — *Fumée* 1868).

¹⁰⁷ *Rauch* 1873. S. 95.

В переводе Чиша же читаем: «Er hatte ein Gefühl, wie man es empfindet, wenn man von der Höhe eines *Berges* (!) hinabsieht: es überlief ihn eisig kalt und sein Kopf schwindelte» («У него было чувство, которое испытываешь, когда смотришь вниз с высокой *горы* (!); его охватил ледящий ужас и голова закружилась»).¹⁰⁸

«Весь этот отрывок, стоивший мне многих усилий, который я считал удавшимся, — отмечал Тургенев в том же письме к Бере, — господин переводчик совершенно спокойно выбросил за борт — и в дальнейшем то же самое — *во всех значительных местах* — с последовательностью, которую я назвал бы железной». ¹⁰⁹ О том, насколько значимым для Тургенева был этот фрагмент, говорит уже то, что он не доверил его перевести по-французски и А. П. Голицыну, настояв на включении собственного перевода.¹¹⁰ Справедливости ради отметим, что сам писатель считал эту фразу трудной для перевода.

Не могло не задеть Тургенева и предисловие Чиша, предпосланное переводу, которое последний начал с заявления, что благоприятному приему романа, в том числе за пределами России, во многом способствовало напечатанное заблаговременно почти во всех русских журналах сообщение о том, что роман был оценен редакцией московского ежемесячника в 6000 рублей.¹¹¹ Это заявление Тургенев расценил как «совершенное издевательство». ¹¹² Он даже предпринял попытку выступить с официальным протестом против перевода Чиша через посредство М. Гартмана, которому выслал с этой целью открытое письмо на его имя (текст письма остается неизвестным)¹¹³ для помещения в какой-нибудь из немецких газет. И такая заметка была напечатана в «*Kölnische Zeitung*» 6 июня н. ст. 1868 года (№ 156):¹¹⁴ «Тургенев направил Морицу

---

¹⁰⁸ Цит. по: *ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 200. Выделено Тургеневым. Ср.: *Rauch 1868*. S. 84.

¹⁰⁹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 201. Подлинник по-нем.

¹¹⁰ Сохранилась рукопись французского перевода этого фрагмента: *BN*. Slave 83. F. 397. Текст перевода см. выше.

¹¹¹ См.: *Cziesch Fr. Vorwort // Rauch 1868*. S. V.

¹¹² *ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 201. Подлинник по-нем.

¹¹³ См. письмо к Гартману от 19 (31) мая 1868 г.: Там же. С. 204. В комментариях к данному письму ошибочно указано, что открытое письмо, которое Тургенев послал Гартману, «по-видимому, нигде не было опубликовано» (Там же. С. 365).

¹¹⁴ Гартман откликнулся 28 мая н. ст. 1868 г. из Парижа: *Houghton Library. Mus 232 (22)*. Письма Гартмана к Тургеневу в настоящее время готовятся к публикации в одном из следующих выпусков.

Гартману письмо, в котором признал его перевод своего последнего романа „Дым“ превосходным, однако высказал горькое сожаление по поводу перевода, вышедшего в Митаве, который кишит пропусками и искажениями». ¹¹⁵ Бере, как известно, собирался печатно защищать свое издание, о чем уведомил Тургенева, но его заметка опубликована так и не была.

Тем не менее по истечении нескольких лет острота конфликта утихла, и когда осенью 1872 года Бере предложил очередным, седьмым томом «Ausgewählte Werke» переиздать «Дым» в переводе Чиша, Тургенев... согласился. К этому времени уже выработался определенный механизм работы над томами — Тургенев неизменно просматривал и зачастую редактировал перевод того или иного произведения в корректуре, а со временем начал требовать у Бере присылать перевод сначала в рукописи, особенно если ожидалось, что правка будет значительной.

К сожалению, на данном этапе не представляется возможным восстановить в деталях историю работы Тургенева над немецким текстом «Дыма» для второго издания, поскольку переписка с Бере за этот период дошла до нас с большими пробелами. Уверенно можно говорить о том, что Тургенев полностью взял на себя просмотр корректурных листов, которые были присланы ему в конце февраля — начале марта 1873 года, справедливо предполагая, что исправления в «Дыме» будут более «значительными», чем во втором немецком издании «Отцов и детей», о котором говорилось выше. Примечательно, что первоначально Тургенев предполагал в ходе правки воспользоваться столь очаровавшим его переводом Гартмана, который собирался вытребовать из Баден-Бадена, где до сих пор находилась его библиотека. Однако даже беглое знакомство с немецким текстом романа 1873 года убеждает, что намерение это не было осуществлено, причем не был использован и процитированный в свое время Тургеневым в письме к Бере перевод фрагмента из главы IX: этот отрывок был им переведен заново (см. выше). Для иллюстрации объема правки, которой подвергся текст первого митавского издания «Дыма», укажем на исправления, которые были последовательно внесены во все указанные выше огрехи Чиша:

---

¹¹⁵ Ср.: «Turgenjew hat an Moritz Hartmann einen Brief gerichtet, in welchem er dessen Übersetzung seines neuesten Romans „Rauch“ als ausgezeichnet anerkennt, dagegen sich aufs bitterste über die in Mitau herausgekommene Übersetzung beschwert, die von Auslassungen und Entstellungen wimmelt». Впервые установлено Г. фон Римшей: Die bisher unbekanntenen Briefe Ivan S. Turgenjews an seinen deutschen Verleger Erich Behre in Mitau. S. 533–534.

«Дым» Отдельное издание (1867)	«Rauch» Отдельное издание (1868, перевод Ф. Чиша)	«Rauch» «Ausgewählte Werke» (1873, с правкой Тургенева)
Ну, положим, сановник так поступает из желания популярности, а нашему брату, разночинцу, из чего вилять? (С. 42)	Vielleicht erklärt sich beim Staatsmanne das aus seiner Popularitätssucht. Zu welchem Zwecke soll aber unser Bauer so handeln? (S. 51)	Gesetzt nun der Staatsmann thut das aus Sucht nach Popularität , zu welchem Zwecke sollten aber wir Bürgerkinder so handeln? (S. 59)
Поразительны, истинно поразительны были ее глаза, исчерна-серые, с зеленоватыми отливами, с поволокой, длинные, как у египетских божеств, с лучистыми ресницами и смелым взмахом бровей. (С. 51)	Einen wirklich überwältigenden Eindruck aber machten ihre gründlich schimmernden, tiefgrauen Augen mit langen Wimpern und starken Brauen . (S. 64)	Einen wirklich überwältigenden Eindruck aber machten ihre gründlich schimmernden, tiefgrauen Augen, langgeschlitzt und beschattet, wie an den Bildwerken ägyptischer Gottheiten , mit langen Wimpern und kühnem Schwunge der Brauen . (S. 73)
Ирина верхом обогнала его; рядом с нею ехал тучный генерал. (С. 196)	Irina schoß zu Pferde an ihm vorüber, ihr zur Seite der finstere General. (S. 268)	Irina schoß zu Pferde an ihm vorüber, ihr zur Seite ritt der beleibte General. (S. 286)
Изредка, глухо выступая по мягкому ковру, проходят по ливрейные лакеи; громадные их икры, обложенные в тесные шелковые чулки, безмолвно вздрагивают при каждом шаге; почтительное трепетание дюжих мышц только усугубляет общее впечатление благолепия, благонамеренности, благоговения... (С. 220–221)	Bisweilen gehen, vorsichtig den weichen Teppich betretend, Livrée-Diener durch's Zimmer, ihre knolligen , in enge Seidenstrümpfe gepreßten Waden zucken heftig aber lautlos bei jedem Schritt zusammen, so daß dieses ängstliche Beben der angespannten Muskeln nur den Eindruck der Feierlichkeit, des Anstandes und der Andacht steigert . (S. 303)	Von Zeit zu Zeit gehen, vorsichtig auf den weichen Teppich tretend , Livrée-Diener durch's Zimmer; ihre knolligen, in enge Seidenstrümpfe gepreßten Waden zucken lautlos bei jedem Schritt zusammen, und dieses ehrerbietige Beben der drallen Muskeln steigert nur den Eindruck der Feierlichkeit, des Anstandes und der Ehrsucht ... (S. 321)

Сличение двух митавских изданий романа «Дым» показывает, что Тургенев проделал колоссальную работу по выправлению немецкого перевода Чиша, внося в него сотни исправлений — помимо устранения явных фактических ошибок и стилистической шлифовки, были восполнены многочисленные пропуски. Исправления начинаются уже с первых строк, с памятного описания «развала гулянья» русской публики в Бадене, с которого Тургенев снимает некоторый налет сусальности, приданный ему Чишем. Вернулись на страницы романа «насурмлен-

ные, набеленные фигуры парижских лореток»: ¹¹⁶ у Тургенева: «die roth und weiß geschminkten Pariser Loretten» ¹¹⁷ вместо «накрашенных парижских гризеток» («die geschminkten Pariser Grisetten») ¹¹⁸ Чиша; возвратились «выпученные глаза» («weit ausgerissene Augen») и «вспотевшая рука» («schwitzende Hände») помещика из Тамбова, которой он, «ложась грудью на стол» («mit dem ganzen Oberleibe über den Tisch gebeugt»), бесцельно швыряет «золотые кружки луидоров» («Louis-d'or-Röllchen»). ¹¹⁹ Восстанавливает Тургенев и опущенное Чишем указание на то, что князь Коко (прототипом которого послужил Н. И. Трубецкой) являлся «одним из известных предводителей дворянской оппозиции» («einer de bekanntesten Häupter der Adelsopposition»), уничижительную (правда, в некоторых деталях отличающуюся в немецком варианте) характеристику «давным-давно выдохшегося французского экс-литератора, в жидовских башмачонках на мизерных ножках и с презренною бородакой на паскудной мордочке, шута и болтуна», плоские шутки которого из «Шаривари» и «Тентамарры» (название второго альманаха было Чишем также опущено) повторяют «les princes russes» («eines längst schon abgenutzten Exliteraten, Possenreißers und Schwätzers in leichtem Schuhwerk an den jämmerlichen Beinchen und elendem Schnurrbart um das garstige Schnäuzchen»); восстанавливает и прозвище «Царица ос» («die Wespenkönigin»), данное графине Ш., «известной законодательнице мод и гран-жанра» («die bekannte Gesetzgeberin auf dem Gebiete der Moden und des Welttonnes»), которая у Чиша понизилась лишь до «законодательницы мод» и «Медузы в чепце» («Meduse in der Haube»). Углубляет насмешку над безграмотностью «мужей совета и разума» («Männer von Rathschluß und Ueberlegung»), не ведающих подлинного значения «золотой буллы» и английского poor-tax — которые в переводе Чиша названы просто «мужами» («Männer»), и т. д. и т. п. ¹²⁰

Видно, что Тургенев старается приспособить текст для немецкой аудитории, вводя подстрочные примечания, объясняющие специфически русские детали (прием, которым он неизменно пользовался в своих

¹¹⁶ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 249.

¹¹⁷ Rauch 1873. S. 7.

¹¹⁸ Rauch 1868. S. 1.

¹¹⁹ Ср. в переводе Чиша: «...derselbe behäbige, überaus elegant gekleidete Gutsbesitzer aus Tambow streut auch heute wieder mit fieberhafter Lebhaftigkeit, ohne auf das kalte Lächeln der Croupiers zu achten und im Augenblicke des verhängnisvollen „rien ne va plus“ in alle vier Ecken der Roulette Louisd'or-Rollen aus <...>» (Ibid. S. 2).

¹²⁰ Все приведенные в данном абзаце примеры взяты из первой главы романа.

переводах), или внося добавления, которые не требовались русскому читателю. Так, если в русском тексте романа оркестр в Бадене исполняет «„Скажите ей“, российский романс, положенный на инструменты услужливым капельмейстером»,¹²¹ то в переводе Тургенева звучит уже «сочиненный одной русской княгиней романс» («ein, von einer russischen Fürstin componirtes Lied»)¹²² и т. д. Нет нужды говорить, что в составе «Ausgewählte Werke» «Дым» вышел уже без предисловия Чиша, о котором в новом издании не остались ни одного упоминания.

Показательна также правка, которой подверглась биография Ратмирова (только на этих двух страницах насчитывается около 20 исправлений), — она представляет особый интерес еще и потому, что несколько отличается от французского варианта, также принадлежащего Тургеневу.

«Дым» Отдельное издание (1867)	«Rauch» Отдельное издание (1868, перевод Ф. Чиша)	«Rauch» «Ausgewählte Werke» (1873, с правкой Тургенева)
Отец его был естественный... Что вы думаете? Вы не ошибаетесь — но мы не то желали сказать... естественный сын знатного вельможи Александровских времен и хорошенькой актрисы-француженки. Вельможа вывел сына в люди, но состояния ему не оставил — и этот сын (отец нашего героя) тоже не успел обогатиться: он умер в чине полковника, в звании полицмейстера. За год до смерти он женился на красивой молодой вдове, которой пришлось прибегнуть под его покровительство. Сын его и вдовы, Валериан Александрович <sic!>, по про-	Sein Vater was ein natürlicher — ohne Zweifel! aber wir wollten es nicht in dem Sinne gesagt haben, sondern — er war ein natürlicher Sohn eines angesehenen Würdenträgers und einer reizenden Schauspielerin, einer Französin. Der Würdenträger sorgte nun zwar für die Erziehung des Sohnes, aber ein Vermögen hinterließ er ihm nicht, so daß dieser Sohn, der Vater unseres Helden, auch seinerseits in ziemlich dürftigen Verhältnissen starb, und er starb bald, ein Jahr nach der Geburt eines Sohnes in glücklicher Ehe, eben unseres Valerian Wladimirowitsch. Vermögen hatte der Vater nicht	Sein Vater was ein natürlicher — ohne Zweifel! aber wir wollten es nicht in dem Sinne gesagt haben, sondern — er war ein natürlicher Sohn eines angesehenen Würdenträgers und einer reizenden Schauspielerin, einer Französin. Der Würdenträger sorgte nun zwar für die Erziehung des Sohnes, aber ein Vermögen hinterließ er ihm nicht, so daß dieser Sohn, der Vater unseres Helden, es seinerseits auch nicht weit brachte und im Grade eines Obersten als Polizeihauptmann starb. Vor seinem Tode heirathete er eine junge, hübsche Wittwe, die in die Lage gekommen war, sich seinem

¹²¹ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 249.

¹²² Rauch 1873. S. 8. Имеется в виду романс княгини Елизаветы Васильевны Кочубей (1821–1897) на слова Е. П. Ростопчиной, впервые изданный в Петербурге в 1857 г.

«Дым» Отдельное издание (1867)	«Rauch» Отдельное издание (1868, перевод Ф. Чиша)	«Rauch» «Ausgewählte Werke» (1873, с правкой Тургенева)
текции попал в Пажеский корпус, обратил на себя внимание начальства — не столько успехами в науках, сколько фрунтовой выправкой, хорошими манерами и благонравием (хотя подвергался всему, чему неизбежно подвергались все бывшие воспитанники казенных военных заведений), — и вышел в гвардию. Карьеру он сделал блестящую благодаря скромной веселости своего нрава, ловкости в танцах, мастерской езде верхом ординарцем на парадах — большей частью на чужих лошадях — и, наконец, какому-то особенному искусству фамильярно-почтительного обращения с высшими, грустно-ласкового, почти сиротливого прислуживанья, не без примеси общего, легкого, как пух, либерализма... Этот либерализм не помешал ему, однако, перепороть пятьдесят человек крестьян в взбунтовавшемся белорусском селении, куда его послали для усмирения. Наружно-стью он обладал привлекательной и необычайно мягкой: гладкий, румяный, гибкий и липкий, он пользовался удивительными успехами у женщин; знатные старушки просто с ума от него сходили. Осторожный по привычке, молчаливый из расчета, генерал	gehabt, aber Verbindungen, und so kam es, daß der Knabe Aufnahme im Pagencorps fand. Hier lenkte er die Aufmerksamkeit seiner Vorgesetzten weniger durch geistige Hervorragung und Thätigkeit auf sich, als vielmehr durch seine vorzügliche Haltung in der Fronte, durch elegante, feine Manieren und durch sein ihm angeborenes höfliches Wesen. Von hier wurde er zur Garde übergeführt. Er machte glänzende Carrière, denn er war ein liebenswürdiger Gesellschafter, tanzte vorzüglich, imponierte als Reiter eben so sehr auf der Promenade als auf der Parade, namentlich aber verdankte er seine schnelle Beförderung der äußerst schwierigen Geschicklichkeit, seinen Oberen gegenüber einen gewissen familiär-ehrerbietigen Ton anzuschlagen, immer und überall dienstfertig und zuvorkommend gegen sie zu sein, aber so und mit denjenigen kleinen, feinen, unmerklichen Andeutungen, als leide seine edle, eines schöneren Looses würdige Seele unter dieser Abhängigkeit, als verlange sie, kindlich bescheiden, in eine höhere, dem Gegenstande seiner Dienstbeflissenheit nähere Stellung gehoben zu werden. Und das geschah denn auch; man hob und hob ihn. Praktisch ging er ebenso zu Werke, wenn er	Schütze empfehlen zu müssen. Der Sohn aus dieser Ehe, Valerian Alexandrowitsch, fand durch Protektion Aufnahme im Pagencorps. Hier lenkte er die Aufmerksamkeit seiner Vorgesetzten weniger durch geistige Hervorragung auf sich, als vielmehr durch seine vorzügliche Haltung in der Fronte, durch elegante, feine Manieren und durch sein ihm angeborenes höfliches Wesen (wobei er nun freilich alles Das auszustehen hatte, dem in früheren Zeiten die Zöglinge in den Kronsanstalten ausgesetzt waren); — von hier ward er zur Garde übergeführt. Er machte glänzende Carrière, denn er war ein liebenswürdiger Gesellschafter, tanzte vorzüglich, imponierte als Reiter eben so sehr auf der Promenade als auf der Parade, — obgleich er meistens nicht eigene Pferde ritt, — namentlich aber verdankte er seine schnelle Beförderung der Geschicklichkeit, seinen Oberen gegenüber einen gewissen familiär-ehrerbietigen Ton zu behaupten, denselben mit hingebend zärtlicher, ja fast kindlich, waisenhaft bescheidener Dienstfertigkeit entgegenzukommen, wobei jedoch ein leichter Anflug allgemeinen Liberalismus durchschimmerte... Dieser Liberalismus verhinderte

«Дым» Отдельное издание (1867)	«Rauch» Отдельное издание (1868, перевод Ф. Чиша)	«Rauch» «Ausgewählte Werke» (1873, с правкой Тургенева)
Ратмиров, подобно трудолюбивой пчеле, извлекающей сок из самых даже плохих цветков, постоянно обращался в высшем свете — и без нравственности, без всяких сведений, но с репутацией дельца, с чутьем на людей и пониманьем обстоятельств, а главное — с неуклонно-твердым желанием добра самому себе — видел наконец перед собою все пути открытыми. (С. 97–98)	hier und da einen gewissen Liberalismus durchblicken ließ; er bezweckte damit z. B., daß die nachsichtige Regierung ihn beauftragte, die aufständischen Bauern eines kleinrussischen Dorfes zu beruhigen. Er wandte bei der Gelegenheit seinen Liberalismus zwar nicht an, sondern ließ fünfzig Bauern auf das Jammervollste durchpeitschen — aber du lieber Gott! wer läßt sich nicht hinreißen! — Einen nicht unbedeutenden Theil seines Glückes hatte er natürlich den Frauen zu verdanken, die, namentlich waren es die alten, sich um den frischen, rosigen, schmiegsamen und geduldigen jungen General fast rissen. Vorsichtig aus Gewohnheit, schweigsam aus Berechnung, bewegte sich Ratmirow wie ein emsiges Bienchen in der großen, vornehmen Welt und sog den süßen Saft, ohne Wahl, aus häßlichen und hübschen Blumen. Er besaß weder Sittlichkeit noch Kenntnisse, aber er verstand sich auf die Menschen und handelte nach einem Grundsatz, nämlich nur sein eigenes Wohl im Auge zu haben. (S. 127–129)	ihn jedoch nicht, in einem weiß-russischen Dorfe, wohin er, um Ruhe zu stiften, geschickt wurde, eine Anzahl aufständischer Bauern mit Ruthen halbtodt streichen zu lassen. Er besaß ein anziehendes und ungemein jügendliches Aeußere: geschmeidig, rosig, gewandt und zuthulich wie er war, hatte er beim schönen Geschlechte außerordentliche Erfolge. Die alten Damen von Adel waren förmlich in ihn vernarrt. Vorsichtig aus Gewohnheit, schweigsam aus Berechnung, bewegte sich Ratmirow wie ein emsiges Bienchen in der großen, vornehmen Welt und sog den süßen Saft, selbst aus häßlichen Blumen. Er besaß weder Sittlichkeit noch Kenntnisse, hatte jedoch den Ruf eines praktischen Fachmannes, verstand sich auf die Menschen und Verhältnisse, und vor Allem hatte er beharrlich nur sein eigenes Wohl im Auge, daher standen denn auch alle Wege ihm offen. (S. 139–141)

Прежде всего, Тургенев устраняет явные искажения и восстанавливает пропуски. Так, в переводе Чиша полностью исчезли подробности о матери Ратмирова (о ней не сказано ни слова), а единственным верно переданным фактом об отце стало указание на его незаконнорожденность (это предложение практически дословно повторяет русский текст).

Зато в переводе Чиша отец Ратмирова умер «в довольно стесненных/убогих условиях» («in ziemlich dürftigen Verhältnissen») и «умер скоро» («starb bald»), после рождения сына в «счастливом браке» («in glücklicher Ehe»). Напомним, что у Тургенева отец Ратмирова, как и его дед, на самом деле «тоже не успел обогатиться» и «умер в чине полковника, в звании полицмейстера», за год до смерти женившись «на красивой молодой вдове, которой пришлось прибегнуть под его покровительство». Все эти опущенные Чишем подробности были последовательно восстановлены Тургеневым. При этом в немецком переводе Тургенев при описании матери Ратмирова ограничился указанием на то, что она была «молода» и «красива» («junge, hübsche Wittwe»), в то время как во французской редакции о ней сказано: «jeune et riche» («молода и богата»).¹²³ Вместе с тем в описании деда Ратмирова, «знатного вельможи Александровских времен», Тургенев оставляет вариант Чиша, сокращенный до «знатного вельможи» («ein angesehenener Würdenträger»), в то время как во французском он остается «un grand seigneur du temps d'Alexandre Ier».

Не понравилось Тургеневу и то, каким образом в передаче Чиша Ратмиров был зачислен в Пажеский корпус: если в русском тексте он попал туда «по протекции» (во французском «par protection spéciale»), то у Чиша благодаря «связям», оставшимся от отца. Вообще же бросается в глаза, что в немецком варианте Тургенев ужесточает характеристику Ратмирова. Он полностью восстанавливает и даже усиливает завуалированное указание на гомосексуальное прошлое в Пажеском корпусе, опущенное им, например, во французском переводе. Говоря о «блестящей карьере», которой Ратмирову удалось добиться в том числе благодаря «мастерской езде верхом ординарцем на парадах», Тургенев не забывает вставить, что ездил Ратмиров «большой частью на чужих лошадях» («obgleich er meistentheils nicht eigene Pferde ritt») (во французском переводе выражено более определенно: «des chevaux que ses camarades lui prêtaient»), хотя и оставляет вариант Чиша (не вполне совпадающий с русским): «производил впечатление как наездник на прогулках, равно как и на парадах» («imponirte als Reiter eben so sehr auf der Promenade als auf der Parade»).

Устраняет Тургенев и целый досочиненный Чишем пассаж о том, как именно выслуживался Ратмиров перед вышестоящими чинами, чтобы продвигаться по карьерной лестнице, а также выправляет эпизод

---

¹²³ Французский перевод здесь и далее цитируется по изданию: *Fumée 1868*. P. 139–141.

с усмирением белорусских крестьян. Ранее уже говорилось, что Тургенев снял в нем неуместную сентенцию Чиша, однако он внес и ряд других исправлений, с одной стороны приблизив построение фразы к оригиналу, а с другой — заставив Ратмирова не «перепороть пятьдесят человек крестьян», а «выпороть/высечь розгами до полусмерти **нескольких** взбунтовавшихся/мятежных крестьян» (во французском переводе Ратмиров заporол насмерть пятерых крестьян — «faire laisser à mort cinq paysans»). Примечательно, что из четырех прилагательных, которыми в переводе Чиша характеризуется Ратмиров («гладкий, румяный, гибкий и липкий, он пользовался удивительными успехами у женщин»): «frisch, rosig, schmiegsam und geduldig» («свежий, румяный, гибкий и терпеливый»), Тургенев оставляет без изменений лишь второе, отдав предпочтение более негативно окрашенным немецким эквивалентам: «geschmeidig, rosig, gewandt und zuthulich wie er war».

Анализ немецкой правки, внесенной в биографию Ратмирова, позволяет сделать вывод о том, что, редактируя перевод, Тургенев, по всей видимости, обращался к рукописи или отдельному русскому изданию (поскольку именно из него, очевидно, проскользнула опечатка в отчестве Ратмирова: «Александрович» вместо «Владимирович»). Опечатка стала следствием описки самого Тургенева, которая встречается как в черновом автографе «Дыма», так и в поправках к роману, присланных Тургеневым для отдельного издания, а также присутствует в корректуре, правленной Н. Х. Кетчером).

Внес в немецкий текст Тургенев и несколько поправок, которые в русском издании появились лишь в 1874 году.¹²⁴ Рискнем предположить, что именно работа над шлифовкой немецкого перевода «Дыма» для митавского собрания сочинений могла подтолкнуть Тургенева к внесению нескольких вставок и в новое русское издание. Так, он восстановил в главе X реплику одного из генералов — того самого «тучного» («beleibte») генерала, который у Чиша назван «мрачным» («finster»): «Да ты, я вижу, злобен <...> **тебя бы хорошо в обер-прокуроры произвести**», сказанную в ответ на следующее замечание «раздражительного» генерала: «Петербург со всех четырех концов зажгли, вот вам и прогресс!».¹²⁵

¹²⁴ Речь идет об издании «Дыма» в составе салаевского собрания Сочинений, вышедшего в Москве в 1874 г. (Ч. 6. С. 25–210). Подробнее о внесенных в это издание изменениях см.: *ПССУП(2). Соч.* Т. 7. С. 526–527.

¹²⁵ Там же. С. 303. Добавленная в издании 1874 г. строка выделена полужирным. Ср. у Тургенева: «...Du würdest einen vortrefflichen Staatsanwalt bei der heiligen Synode abgeben <...>» (*Rauch 1873. S. 115*).

Важно отметить, что в немецком переводе Тургенев не только восстановил пропуск в «страшной истории» Элизы Бельской, который был допущен под нажимом Каткова и не вошел даже в первое отдельное издание, но и усилил его, сделав очевидным указание на отцовство императора. Если в русском варианте (в том числе в первоначальном варианте наборной рукописи) читаем: «...мощная рука устранила все препятствия»,¹²⁶ то в немецком после правки Тургенева: «...eine mächtige Hand, die mächtigste im Lande, hatte alle Hindernisse beseitigt...» («...мощная рука, самая мощная в стране, устранила все препятствия...»)¹²⁷

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на неизбежно предварительный характер приведенных наблюдений, изучение работы Тургенева как редактора переводов одних из наиболее значимых его произведений не только открывает малоизвестную сторону его биографии, но имеет прямое отношение к творческой истории романов «Отцы и дети» и «Дым». Дальнейшие исследования в этом направлении, без сомнения, обнаружат новые аспекты деятельности Тургенева-переводчика и редактора. Тщательного обследования заслуживают не только остальные тома митавского издания, в особенности те, где возможно вычленивать правку писателя, но и прижизненные переиздания авторизованных переводов в целом. Известно, что Тургенев неизменно внимательно просматривал корректуры переводов своих произведений на французский и немецкий языки, в том числе при последующих переизданиях, и внесенные им поправки, как правило, были довольно многочисленны — в этом убеждает уже французская история романа «Дым» или обстоятельства появления сборника «Nouvelles moscovites» в 1869 году.¹²⁸ Плодотворным представляется также сопоставление

---

¹²⁶ ПССуП(1). Соч. Т. 9. С. 439.

¹²⁷ Rauch 1873. S. 242.

¹²⁸ О правке Тургенева, которой подверглись вошедшие в этот сборник переводы его произведений, см.: Горихова Р. М. К истории издания сборника Тургенева «Nouvelles moscovites» // Т Сб. Вып. 1. С. 257–269, а также: Mongault H. Mérimée et la littérature russe // Mérimée P. Œuvres complètes. Etudes de littérature russe / Texte établi et annoté par H. Mongault. Paris, 1931. Т. 1. P. CIX–CXVII. Во второй том этого издания (Paris, 1932) были включены французские переводы «Призраков», «Собаки», «Жида», «Петушкова» и «Странной истории», хотя, как было установлено Р. М. Гориховой, «Жид» и «Петушков» были переведены И. Делава и лишь отредактированы Мериме. А Монго воспроизвел тексты переводов по «Nouvelles moscovites» (т. е. в отредактированном Тургеневым виде), но в примечаниях привел список различий, отметив также некоторые неточности, оставшиеся в переводе после правки Тургенева.

правки, внесенной Тургеневым во французский и немецкий переводы одного и того же произведения (например, «Странная история», «Отцы и дети», «Дым» и др.). Остается лишь согласиться с Н. Г. Жекулиным в том, что без подобных знаний наше представление о Тургеневе-художнике «следует считать неполным».¹²⁹

---

¹²⁹ Жекулин Н. Г. Тургенев — переводчик: Вопросы теории и практики. С. 92.

О. Б. Кафанова

ТУРГЕНЕВ И НАТУРАЛИЗМ

Тургенев никогда не писал специально о натурализме ни статей, ни заметок. Он никогда также не рецензировал конкретных произведений Золя, Гонкуров или Доде, считающихся наиболее яркими представителями данного направления. Но благодаря дружбе с Гюставом Флобером, инициатором «обедов пяти», традиция которых была заложена 4 апреля 1874 года, Тургенев часто встречался с Эмилем Золя, Эдмоном де Гонкуром и Альфонсом Доде, а в самые последние годы — с Ги де Мопассаном и беседовал с ними о вопросах творчества.

Судя по всему, сочинения большинства молодых участников «обедов» Тургенев читал выборочно, избирательно. Но при всякой возможности он выступал посредником, устраивая публикацию их сочинений в России. Известно, что на родине он случайно прочел роман Доде «Малыш», который ему понравился и определил последующий интерес к талантливому «южанину».¹ Однако это произведение, так же как и статьи Доде в «Новом времени», не было связано с эстетикой натурализма. Сохранились и доброжелательные отклики Тургенева о романах братьев Гонкур, которые были вызваны желанием помочь одному из них, Эдмону, в финансовых затруднениях. Тургенев считал подобные ситуации унижительными для талантливых художников и всегда старался помочь в исправлении этой несправедливости с помощью публикации их сочинений в России.² Тургенев обменивался любезностями с Эдмоном Гон-

---

¹ См.: *Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных отношений.* СПб., 2003. С. 142–150.

² См. письмо к Золя от 14 (26) сентября 1875 г.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 14. С. 146, а также примеч. 7 к нему на с. 343.

куром и старался помочь ему в публикации романа «La fille Elisa» в России.³ Но, по-видимому, был плохо знаком с его творчеством.

Ипполит Тэн, заложивший основы эстетики натурализма, также находился в числе корреспондентов Тургенева. Однако предметом их обсуждения был в большей мере роман «Бувар и Пекюше» Флобера или возможности опубликования в России одного из сочинений самого Тэна, первого тома «Les origines de la France contemporaine» под названием «L'Ancien régime». Таким образом, только в переписке с Э. Золя и другими корреспондентами по поводу творчества этого писателя Тургенев вышел к обсуждению собственно натурализма и его основных принципов.

Эмиль Золя был, пожалуй, одним из самых близких Тургеневу французских литераторов после Гюстава Флобера. Сохранилось 58 писем Тургенева к Золя и 34 письма Золя к Тургеневу. Именно они дают нам представление об отношении Тургенева к натурализму, главным признанным мэтром которого стал Золя. С 5 (17) апреля 1874 года начинается довольно интенсивная переписка Тургенева и Золя, сопровождаемая их встречами. В это время Золя работал над своей эпопеей «Les Rougon-Macquart» («Ругон-Маккары»). В 1874 году он закончил четвертый роман серии — «La Conquête de Plassans» («Завоевание Плассана»). Материальное положение писателя было в это время довольно тяжелым.

Тургеневу чрезвычайно импонировала удивительная работоспособность его молодого приятеля, который каждый год выпускал по объемному роману. Неудивительно поэтому, что главным мотивом в первых письмах Тургенева к Золя является забота об улучшении материального положения талантливого литератора. Русский писатель взял на себя активное посредничество в распространении сочинений Золя в России с целью получения гарантированных выплат. Со стороны Тургенева это был очень человечный акт дружеской помощи. Десятки писем содержат подробную информацию о его переговорах с М. М. Стасюлевичем, редактором журнала «Вестник Европы», и даже точные суммы гонораров.

Не жалея сил и времени, Тургенев взвалил на себя это хлопотное дело. Он без устали согласовывал условия, на которых Стасюлевич принимал роман «La faute de l'abbé Mouret» («Проступок аббата Муре»). В письме от 24 сентября (6 октября) 1874 года Тургенев расхваливал

---

³ См. письмо к М. Е. Салтыкову от 12 (24) ноября 1875 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 176, а также примеч. 2 к нему на с. 360.

его сюжет: «Роман, сколько я могу судить по содержанию и по первым главам, выйдет превосходный — и не имеющий ничего нецензурного — он, собственно, направлен против безбрачия священников».⁴

Тургенев придумал замечательный ход, предложив Стасюлевичу взять Золя в качестве постоянного парижского обозревателя. В «Вестнике Европы» уже была заведена рубрика «Парижские письма», материалы для которой поставлял Огюст Нефтцер, главный редактор французской газеты «Le Temps». Но Тургенев посоветовал разделить функции двух корреспондентов, потому что Золя, по его мнению, «мог бы обращать внимание преимущественно на литературные, художественные, социальные явления».⁵ Стасюлевич принял это предложение, и между ним и Золя состоялось соглашение. Таким образом, с третьего номера за 1875 год по двенадцатый номер 1880-го в «Вестнике Европы» регулярно печатались «Письма из Парижа» Золя (всего 64).

Однако по мере укрепления дружеских связей между двумя литераторами все более явственным для Тургенева становилось его неприятие натуралистической теории Золя. Поначалу, по-видимому, он не вполне отдавал себе отчет в том, что представляет собой «экспериментальный» роман. Скорее всего, русский писатель начал систематическое знакомство с сочинениями Золя уже в начале 1870-х годов, прямо с первых романов «Ругон-Маккаров».

Из писем к разным корреспондентам — Г. Флоберу, Ю. Шмидту, М. М. Стасюлевичу — проясняется, что поначалу Тургенев ожидал чего-то лучшего и более близкого к собственному пониманию художественной правды от каждого нового произведения Золя. Узнав о сюжете «La faute de l'abbé Mouret», он хвалил и рекомендовал его многим знакомым. Но после окончания романа Тургенев не мог скрыть своего разочарования и попросил П. В. Анненкова высказаться по поводу этого произведения. Сам он признался: «Я его с трудом осилил, хотя таланту пропасть. Вся середина, где прежде всего нужны поэзия да фантазия, очень тяжела. Тут одной реалистической кистью ничего не поделаешь».⁶ Тургенев имел в виду описание любви главных героев, Сержа Муре, католического священника, давшего обет целомудрия и нарушившего его, и Альбины, юной девушки, живущей со своим дядей-вольнодумцем в чудесном саду Параду. Этот сад, название которого происходит от французского «paradis» (рай), и становится местом действия любовной идил-

---

⁴ Там же. Т. 13. С. 189.

⁵ Там же. Т. 14. С. 9. Письмо от 6 (18) января 1875 г.

⁶ Там же. С. 63.

лии. Тургенев, истинный поэт первого пробуждающегося чувства, не мог принять преднамеренной заданности Золя, который, по его словам, хотел повторить библейскую легенду об Адаме и Еве, а также изобразить борьбу природы и религии.⁷

Новый роман Золя — «*Son Excellence Eugène Rougon*» («Его превосходительство Эжен Ругон») — Тургеневу вновь удается устроить для публикации в России. «Роман обещает быть весьма интересным», — обнадеживает он и себя самого, и Стасюлевича в письме от 2 (14) сентября 1875 года.⁸ Но и это произведение не приносит желаемого удовлетворения. Наконец, М. Е. Салтыков сумел выразить ту оценку, которую Тургенев еще не вполне сформулировал. Это письмо не сохранилось, но, по-видимому, аналогичные суждения выражены в письме Салтыкова к Анненкову от 20 ноября (2 декабря) 1875 года: «Прочитал я на днях „*Manette Salomon*“ Гонкуров, и словно глаза у меня открылись. Возненавидел и Золя и Гонкуров — всех этих дрович, которые ни до чего додочиться не могут. Извините, что я так выражаюсь. Диккенс, Рабле и проч. нас прямо ставят лицом к лицу с живыми образами, а эти жалкие дровичи нас психологией потчуют. Трудолюбивы, должно быть, анафемски. Не едят, не пьют — все пишут, и зачеркивают, и нанизывают без конца. Это не романисты, а пакостники. <...> Психология — вещь произвольная; тут, как ни нанизывай — или не донижешь, или перенижешь. И выйдет рыло косое, подрезанное, не человек, а компрачикос».⁹

Дело было в недовольстве Салтыкова натуралистической концепцией человека, которую последовательно воплощали Золя и Гонкуры. В программном предисловии к «Терезе Ракен» Золя писал: «...я поставил перед собой задачу изучить не характеры, а темпераменты. В этом весь смысл книги. Я остановился на индивидуумах, которые всецело подвластны своим нервам и голосу крови, лишены способности свободно проявлять свою волю и каждый поступок которых обусловлен роковой властью их плоти. Тереза и Лоран — животные в облике человека, вот и все».¹⁰ Детерминированность человека его биологической природой, наследственностью, которую провозглашал писатель, приводила к под-

---

⁷ См.: *Лилеева И.* Проступок аббата Муре <Комментарии> // Золя Э. Собр. соч.: В 26 т. М., 1962. Т. 5. С. 786–788. Далее ссылки на это издание — *Золя*, с указанием номера тома и страницы.

⁸ *ПССиП(2). Письма.* Т. 14. С. 142.

⁹ *Щедрин.* Т. 18. Кн. 2. С. 233–234.

¹⁰ *Золя.* Т. 1. С. 382.

мене психологии физиологией. Именно это и было неприемлемо как для Достоевского, Л. Толстого, так и для Тургенева.

25 ноября (7 декабря) 1875 года Тургенев пишет в ответ Салтыкову: «...прочитав Ваше письмо от 30-го ноября, охотно бы облобызал Вас, <...> — до того все, что Вы говорите о романах Гонкура и Золя, метко и верно. Мне самому все это смутно мерещилось — словно под ложечкой сосало; но только теперь я произнес: а! — и ясно прозрел. И не то чтобы у них не было таланта, особенно у Золя; но идут они не по настоящей дороге — и уж очень сильно сочиняют. Литературой воняет от их литературы: вот что худо».¹¹

Вновь, как и в случае с «Буваром и Пекюше», когда И. Тэн подтолкнул Тургенева своим письмом к пониманию ложности пути Флобера, он долго колеблется, прежде чем вынести даже для себя какой-то приговор.¹² В подобной позиции много доброжелательности, мягкости и терпимости. Начиная с этого романа Золя, Тургенев постоянно проявлял интерес к рецептивной стороне его литературного творчества. В том же письме к Салтыкову он добавляет: «Но, по всему видно, в эту минуту нашей русской публике именно это по вкусу; и, хотя не следует слепо потакать этому вкусу, не следует также забывать, что романы и повести пишутся не для нашего брата — и что нам может оскомину набить то, что для публики свежо, как ранний снег».¹³

В дальнейшем все возрастающий успех произведений Золя во Франции и за рубежом будет постоянно удивлять и озадачивать Тургенева.

Совершенно очевидно, что для Тургенева (как, впрочем, и для других русских писателей) неприемлемым в принципах Золя оказалось «сближение задач и метода художественного познания человека и общества с задачами и методом естественных наук».¹⁴ В том, в чем Золя и его единомышленники видели движение к «правде», объективности, Тургенев усматривал «литературу», то есть вымысел. И в этой позиции проявлялось, с одной стороны, своеобразие его собственного творческого метода, в котором сильно было романтическое начало. С другой стороны, именно концепция человека отличала русский классический

---

¹¹ ПССиП(2). Письма. Т. 14. С. 187–188.

¹² См.: Кафанова О. Б. Тургенев и Флобер: Творческие дискуссии // Тургенев. НИиМ(2). С. 34–45.

¹³ ПССиП(2). Письма. Т. 14. С. 188.

¹⁴ См. подробнее: Купрянова Е. Н. Национальное своеобразие и мировое значение русского классического реализма // Мировое значение русской литературы XIX века. М., 1987. С. 177–202.

реализм с его верой в неисчерпаемость личности, в ее способность вырваться из жесткого детерминизма, от французского реализма (Бальзак, Флобер, Золя, Мопассан) с его жесткой позитивистской привязанностью к «среде, расе, моменту».

Таким образом, каждый новый роман французского писателя все более углублял разрыв между ним и Тургеневым как художником. Своеобразной кульминацией в осознании Тургеневым эстетического неприятия художественного метода Золя стал его роман «L'Assommoir» («Западня»). Тургенев обсуждал его и с Флобером, и с зарубежными критиками — Л. Пичем, Ю. Шмидтом, и с русскими корреспондентами, прежде чем прийти к окончательному выводу. В начале декабря 1876 года, еще не дочитав роман до конца, Тургенев образно передал свое впечатление Флоберу: «Сунул я нос в „Западню“ и не пришел в восторг (это строго между нами). Очень талантливо — но тяжеловесно — и уж слишком там много копаются в ночных горшках».¹⁵ В ответном письме от 2 (14) декабря 1876 года Флобер не без остроумия замечал: «Как и вы, я прочел несколько отрывков из „Западни“. Они мне не понравились. Золя становится жеманницей *наоборот*. Подобно тому, как Катос и Мадлон верили в существование благородных слов, он верит в существование слов энергических».¹⁶ «Относительно Золя — мы сходимся во мнениях», — заключал Тургенев в письме к Флоберу от 7 (19) декабря 1876 года.¹⁷

Прочитав роман до конца, Тургенев высказал уже гораздо более резкое мнение Людвигу Пичу: «Это совершенно жуткая книга, слово „*merde*“ («дерьмо» — *франц.*) встречается с десятков раз — „*en toutes lettres*“ («буквально» — *франц.*) — но в ней виден большой талант. — Немцам она все же покажется слишком грубой. — Я тоже читал ее со смешанным чувством отвращения и восхищения; отвращение в конце концов одержало верх. — Но она, как говорят французы — „*un signe du temps*“ («знак времени» — *франц.*) и имеет огромный успех».¹⁸

Разумеется, самому Золя о своем восприятии Тургенев не сообщал. Наоборот, он даже написал ему лестные слова о первых главах произведения. Можно ли в этом случае упрекнуть Тургенева в неискренности? Вряд ли: как выясняется из сопоставлений дат, это было первое

¹⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 238–239. Подлинник по-франц.

¹⁶ Цит. по: Там же. С. 543, примеч. 4 к письму 4512.

¹⁷ Там же. С. 249. Подлинник по-франц.

¹⁸ Там же. Т. 15. Кн. 2. С. 35–36. Письмо от 23 января (4 февраля) 1877 г. Подлинник по-нем.

впечатление о начале романа, который публиковался в журнале «La République des Lettres» на протяжении шести месяцев, с 9 июля 1876-го по 7 января н. ст. 1877 года. Это значительный срок, и мнение о романе менялось по мере развития действия произведения. Конечно, деликатность Тургенева не позволяла ему высказать свой окончательный «приговор» молодому автору, но он не прибегал и к намеренной лжи, потому что больше уже с ним лично не заводил речи о романе.

В связи с этим романом у Тургенева возникли размышления о нравственности и безнравственности литературного произведения. В письме к Г. Джеймсу от 16 (28) февраля 1877 года он, по-видимому, полемизирует с какими-то суждениями английского литератора Вильяма Рольстона, сообщенными ему американским корреспондентом. «Рольстон слишком англичанин до мозга костей — чтобы не обладать и моралью англичанина, — замечает Тургенев, — столь же твердой — сколь и узкой. И тем не менее, положи руку на сердце — я не могу обвинить свои сочинения в безнравственности. / „Западня“ тоже не безнравственное произведение — но чертовски грязное. — Несмотря на весь талант, который Золя проявил в ней — эта книга не будет иметь никакого успеха вне Франции. — Если бы я был карикатуристом „Punch“ — я бы позабавился, изобразив королеву Викторию, читающую „Западню“».¹⁹

Это интересное суждение нуждается в комментариях. Выясняется, что не только русские консервативные критики, вроде В. И. Аскоченского,²⁰ но и английские рецензенты упрекали Тургенева в безнравственности. В воспоминаниях о Тургеневе Г. Джеймс отмечал этот парадокс: «Наши англо-саксонские — протестантские, исполненные морализма и условностей — мерки были ему полностью чужды <...>».²¹ Вместе с тем сам Тургенев был далек от ортодоксальности некоторых европейских критиков, обвинявших Золя в безнравственности, когда тот прибегал к изображению неприглядных сторон действительности. Безнравственно любованье автора этими сторонами, а у Золя обстоятельства разрушения личности выписаны с глубокой болью. Золя изображал постепенную деградацию своей героини, прачки Жервезы. В ее падении была виновата не только наследственность, но и социальные обстоятельства, которые человек из народа преодолеть не мог. Объективно французский писатель отошел от своей теоретической установки бес-

¹⁹ Там же. С. 66–67. Подлинник по-франц.

²⁰ См.: Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность) 1830–1860 гг. Томск, 1998. С. 382.

²¹ Цит. по: ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 488, примеч. 7.

пристрастности автора и создал обличительный роман, пафосом которого была апелляция к правительству, которое должно «задуматься над бедственным положением трудового люда и принять необходимые меры». ²² «„Западню“, — писал Золя, — можно резюмировать следующими словами: „Закройте кабаки — откройте школы“». ²³

Но вкус Тургенева, по-видимому, оскорбляли грязные подробности в описании алкоголизма, проституции, пошлости бездуховной жизни. Наконец, роман Золя побудил Тургенева к интересным размышлениям о национальной обусловленности рецептивного восприятия. Через несколько дней после письма к Пичу в постскриптуме к письму Стасюлевичу он вновь констатировал: «„Assommoir“ Золя имеет здесь успех необычайный! — Но это — совершенно непереводаемая вещь. — Кто-то насчитал, что слова „foutre“, „merde“, „pisser“, „fesses“ («пихать», «дерьмо», «мочиться», «ягодицы» — *франц.*) и т. д. — встречаются в этом романе 720 раз! — Но талант громадный». ²⁴

Однако Тургенев проявил неподдельный интерес к театральной инсценировке романа. Пьеса, созданная по мотивам романа двумя драматургами (В. Бюснаком и О. Гастино) при участии самого Золя, утратила то, что в эпическом повествовании раздражало Тургенева. Сценическая версия «Западню» имела успех, который Тургенев объяснял тем, что «выхолощенная надлежащим образом», она приблизилась к мелодраме «старого доброго времени». ²⁵ Эти соображения писатель высказал в письме к Флоберу от 9 (21) января 1879 года. А Золя он попросил достать ему четырехместную ложу на одно из представлений. ²⁶

Следующий роман Золя «Нана», посвященный истории проститутки и нравам публичного дома, уже не особенно возмутил Тургенева. Его оценка только повторяла прежние определения. «Вы, вероятно, уже прочли первые фельетоны „Нана“, — спрашивал он Анненкова, — и уже встретили слова „bordel“ и „emmerder“ («приставать» — *франц.*)? Что будет дальше? А пока журнал „Voltaire“, где печатается „Нана“, продается в числе 400000 экземпляров! Факт поучительный». ²⁷

По мере дальнейшего знакомства с романом недовольство им Тургенева только углублялось. «Кажется, я никогда не читал ничего столь не-

²² Пузиков А. Портреты французских писателей: Жизнь Золя. М., 1981. С. 407.

²³ Золя. Т. 26. С. 513.

²⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 46. Письмо от 28 января (9 февраля) 1877 г.

²⁵ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 12.

²⁶ Там же. С. 9.

²⁷ Там же. С. 142. Письмо от 5 (17) октября 1879 г.

проходимо *скудного*, как „Нана“ (это — между нами), — признавался он в письме к Флоберу. — Какая убийственная пошлость, какое нестерпимое обилие мелочей; нескольких крепких словечек, равно как и немногих крупиц поэзии, явно недостаточно для того, чтобы заглушить отвратительный вкус этого варева. Таково, как будто, и общее мнение». ²⁸ Почти то же суждение Тургенев повторил в письме к Анненкову от 27 октября (8 ноября) 1879 года, на этот раз в контексте сравнения с романом А. Доде «*Les rois en exil*» («Короли в изгнании»). Он замечал, что «Нана» «проваливается торжественно, несмотря на похабность сюжета и множество непечатных выражений»: «Я читаю эту штуку <...> и скуку чувствую необычайную. Вот чего, наверное, друг мой Золя не ожидал!». ²⁹

Эта реакция Тургенева также отличается своеобычностью. Роман, который имел характер скандала и «разошелся во Франции и за границей в количестве 55 тысяч экземпляров — цифра удивительная для французского книгопечатания того времени», ³⁰ вызывал у Тургенева главным образом «скуку». Подобная позиция была далека от брани французских критиков по поводу романа (Ульбах, Шапрон и другие), но отличалась также, например, от восприятия Флобера, на которого книга в целом произвела сильное впечатление. «Это грандиозное произведение, созданное человеком гениальным», — заключил тот. ³¹ Тем не менее Тургенев парадоксальным образом настаивал на том, что «трудно себе представить что-нибудь менее объективное», и называл «Нана» «чертовски тенденциозным» произведением. ³²

Из контекста всех высказываний о романах Золя выясняется, что Тургенев не считал безграничное расширение эстетически дозволенного и введение в литературу новых тем (изображение рынка, труда ремесленников, публичного дома и т. д.) художественным достижением. Наоборот, это казалось ему погружением в мелочи, физиологию, которые искажают правду о человеке. А тенденциозностью, надо полагать, он считал неизбежную биологическую зависимость главной героини Нана, дочери Жервезы, которая наследовала от родителей такие черты, как алкоголизм и развратность, что обусловило ее нравственное падение.

---

²⁸ Там же. С. 160. Письмо от 25 октября (6 ноября) 1879 г. Подлинник по-франц.

²⁹ Там же. С. 161.

³⁰ *Брахман С.* Нана <Комментарии> // *Золя*. Т. 7. С. 829.

³¹ Цит. по: *ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 505, примеч. 6 к письму 5015.

³² Там же. С. 176. Письмо к Флоберу от 11 (23) ноября 1879 г. Подлинник по-франц.

Роман «Нана» преемственно был связан с «Западной», произведением, отвергнутым Тургеневым за его «грязь». Именно в этой диалогии с очевидностью воплотилась на практике теория натурализма. Одностороннее внимание французского писателя к животному, физиологическому началу в человеке было совершенно неприемлемым для Тургенева. Но, осознав это принципиальное разногласие, он не перестал считать Золя своим другом и любить его за большой талант. Следует заметить также, что Тургенев не дождался появления романа Золя «Жерминаль», в котором наиболее очевидным стало отступление самого автора от провозглашенной им теории.

Опосредованно натуралистический подход к изображению человека отразился и в критике Золя, которую Тургенев очень ценил. Он считал настоящей удачей писателя очерки о Флобере, братьях Гонкур, Доде, — то есть художниках, близких Золя по объективности своего метода. Тургенев несомненно ценил Золя как критика, возможно даже в большей мере, чем художника, тем более что темы для публикаций в «Вестнике Европы» он сам часто подсказывал, обсуждал и корректировал. М. К. Клеман, систематизировавший все «Парижские письма» Золя в «Вестнике Европы», определил несколько основных жанров: «критические статьи, публицистические характеристики, очерки, новеллы и хроники».³³ Больше всего Тургенев помогал в выборе сюжетов для очерков или новелл, чему имеется немало свидетельств.

Например, Тургенев писал Флоберу 15 (27) мая 1877 года о темах для русских корреспонденций Золя: «Что, если он напишет физиологический очерк — о закулисной жизни — парижской журналистики? <...> это может быть весьма любопытно. — Русская публика падка на такие вещи».³⁴ Интересно, что Тургенев употребляет термин, получивший распространение в России 1840-х годов, в период расцвета натуральной школы. Он приветствовал «натуральное», то есть безыскусственное, строго правдивое изображение действительности.

В письме от 9 (21) июня 1877 года он объяснял свой замысел самому Золя: «Что касается темы для статьи на *август*, то мне здесь пришла в голову одна мысль. Если вы не думаете приготовить очерк о *закулисной жизни* парижской *журналистики*, как я писал об этом Флоберу <...> быть может, вы хорошо сделали бы, прислав нам своего рода идиллическое изображение юга Франции, где вы сейчас находитесь, описание

---

³³ Клеман М. К. Эмиль Золя — сотрудник «Вестника Европы» // Клеман М. К. Эмиль Золя. Сб. ст. Л., 1934. С. 266.

³⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 161. Подлинник по-франц.

образа жизни южан и т. д. и т. д. Как контраст, это произвело бы прекрасное впечатление, и я думаю, что вы бы отлично с этим справились и что это вас бы развлекло».³⁵

Золя точно следовал этим указаниям, написав для «Вестника Европы» статью «Французская печать» и рассказ «Наиса Микулен» из жизни рыбацкого селения на берегу Средиземного моря, который был помещен в журнале с предисловием автора. Большой успех имела и другая подсказанная русским писателем тема: «Брак во Франции и его главные типы». В письме к Золя от 12 (24) января 1876 года Тургенев замечал: «Я только что получил письмо от Стасюлевича, полное восторгов, по поводу вашей статьи о браке. Она имеет бешеный успех в России. Я проявил чутье, направив вас именно в эту сторону».³⁶ Таким образом, темы, требующие специальных подробностей, знания дела «изнутри», опирающиеся на факты, особенно хорошо удавались Золя, и в этом ему помогали провозглашенные им принципы натурализма.

Вместе с тем любопытно, что Тургенев нашел в Золя единомышленника в оценке многих деятелей французской словесности. При этом трезвый взгляд критика-натуралиста, не допускающего преувеличений, приукрашиваний и идеализации, очень импонировал Тургеневу. Сохранились его восторженные и, судя по всему, искренние отзывы о разных «фэльтетонах» Золя, посланных в Россию. Тургеневу понравился рассказ о вступлении А. Дюма-сына во Французскую академию. «Я прочел этот фэльтетон и нахожу его в своем роде *chef-d'œuvre*», — замечал он в письме к Стасюлевичу от 10 (22) февраля 1875 года.³⁷ Доволен Тургенев был и анализом творчества Ж. и Э. Гонкуров. «Золя напечатал в своем русском журнале великолепную статью о Гонкурах, — сообщал он Флоберу 3 (15) октября 1875 года. — Это побудит перевести их романы».³⁸ «Отличной статьей» назвал Тургенев и публикацию Золя о самом Флобере.³⁹

Многие критические статьи Золя действительно отличаются большой пронизательностью, меткостью оценок и едва ли не содержат элементы литературоведческого анализа. Культ факта, который провозглашал Золя, его опора на документы и широкий историко-культурный контекст способствовали выработке очень верных суждений. Так,

---

³⁵ Там же. С. 176. Подлинник по-франц.

³⁶ Там же. Т. 15. Кн. 1. С. 17. Подлинник по-франц.

³⁷ Там же. Т. 14. С. 28.

³⁸ Там же. С. 156. Подлинник по-франц.

³⁹ Там же. С. 173. Письмо от 10 (22) ноября 1875 г. к М. М. Стасюлевичу.

в статье «Гюстав Флобер как писатель», опубликованной в «Вестнике Европы» в 1875 году (восьмое «Парижское письмо»), он точно подметил важнейшие свойства поэтики писателя: «Первой характерной чертой натуралистического романа, типичным примером которого служит роман Флобера „Госпожа Бовари“, является точное воспроизведение жизни и полное отсутствие всякого романического вымысла. <...> Это — сама жизнь, вправленная в рамку тончайшей ювелирной работы. Всякий вымысел из подобного произведения изгоняется. В нем нет ни детей, отмеченных роком при рождении, которых теряют, чтобы вновь найти при развязке, ни тайников, где хранятся документы, которые обнаруживаются в нужный момент, чтобы спасти угнетенную добродетель. Здесь отсутствует всякая интрига, сколь бы проста она ни была. События романа развертываются день за днем, и писатель повествует о них спокойно, не прибегая ни к каким неожиданностям, сообщая читателю о самых различных жизненных фактах <...>».⁴⁰

Верно обозначив объективность как главное свойство художественного метода Флобера, далее Золя отметил и другое важнейшее свойство его романной поэтики — безгеройность: «Раз романист, изображающий обычное человеческое существование, признает только естественный ход событий, он неизбежно избавляется от всяких героев. Под героями я разумею непомерно раздутые личности, картонных плясунов, превращенных в колоссов».⁴¹

Золя подчеркнул и еще одну важную примету новаторства Флобера — его намеренную позицию авторской беспристрастности: «Флобер подчинил роман методу точного наблюдения, освободил его от ложной напыщенности, превратил в гармоническое произведение, чуждое личных пристрастий, живущее собственной красотой, подобно прекрасному мраморному изваянию».⁴²

Если учесть, что высказанные теоретические постулаты Золя преломлял затем в анализе конкретных произведений Флобера, можно вполне согласиться с Тургеневым, что Золя написал отличную критическую статью.

В то же время Тургенев был солидарен с Золя в развенчании многих кумиров французской публики. Его одобрение получила очень резкая публикация о Дюма-сыне, по поводу которой он заметил: «Она еще немного ухудшит мои отношения с ним, но мне это совершенно безраз-

---

⁴⁰ Золя. Т. 25. С. 438.

⁴¹ Там же. С. 439.

⁴² Там же. С. 441.

лично».⁴³ Понять эту реплику помогает контекст очерка Золя, который начинался с откровенного неприятия Дюма: «Мне не по душе дарование г-на Дюма. Это крайне поверхностный писатель, стиль у него посредственный, и он во власти нелепых теорий, отрицательно влияющих на его творчество. Полагаю, потомство сурово отнесется к нему. Его вознесли на чересчур высокий пьедестал, и это раздражает людей правдивых и честных».⁴⁴

Основная часть статьи была посвящена пьесе «Данишевы», автором которой изначально был безвестный литератор П. В. Корвин-Круковский, которому Дюма помог переделать и поставить пьесу. Известно, что Тургенев не любил Дюма, «дюмасовщину» и специально приглашал Золя побеседовать об этой пьесе.

Золя для анализа этой пьесы как раз не хватало конкретных знаний и фактов по истории России, без которых он не мог работать, поэтому он и консультировался у Тургенева. Под влиянием своего русского друга Золя справедливо назвал изображение России в ней пошлым, не имеющим ничего общего с реальностью, и противопоставил Дюма самому Тургеневу: «Какая же нужна самоуверенность, чтобы поставить этих злополучных „Данишевых“ после огромного успеха, какой имел во Франции великий романист Иван Тургенев! Все произведения этого писателя переведены, их жадно читают. Благодаря ему мы узнаем подлинную Россию, знакомимся с общественной жизнью, нравами и даже постигаем душу страны. Слово „душа“ здесь вполне уместно, ибо этот строгий реалист, подробно описывающий предметы внешнего мира, умеет передать дыхание и краски самой жизни, — в этом его обаяние. Лично я, читая произведения Тургенева, всякий раз чувствую неповторимый аромат русской культуры и национальной самобытности, словно крепкий пленительный запах цветка, растущего только в этой стране <...>».⁴⁵

Одобрил Тургенев и довольно резкую публикацию о поэтическом сборнике «Légende des siècles» («Легенда веков») В. Гюго. Золя, констатируя «неоспоримую славу» автора «Отверженных» во Франции и в Европе, посчитал нужным сказать неллицеприятную «правду» о его новом произведении, потому что «уважение гения», по его мнению, «не исключает уважения истины».⁴⁶

---

⁴³ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 92. Письмо от 27 апреля (9 мая) 1876 г. Подлинник по-франц.

⁴⁴ Золя. Т. 25. С. 215.

⁴⁵ Там же. С. 232.

⁴⁶ Там же. С. 630.

Он сообщил, что книга раскупается очень плохо, и объяснил причину ее неуспеха. С одной стороны, издание очень дорогое, с другой — «для рядового читателя „Легенда веков“ — чтение невероятно скучное». ⁴⁷ Автор «строит самые невероятные догмы и путается в дебрях ошеломляющих толкований. Во всем у него преобладает чувство: в политике — чувство, в философии — чувство, в науке — чувство. Его ученики говорят, что он устремляется к вершинам. Что может быть похвальнее? Но вершины — это нечто неопределенное; в наше время гораздо важнее стремиться к истине. <...> Гюго — философ, историк, критик — заставляет недоуменно пожимать плечами». ⁴⁸

Мнение Золя, посягнувшего на признанного мэтра французской словесности, смутило Стасюлевича, который поделился своими сомнениями с Тургеневым. Тот недвусмысленно поддержал Золя. «Что касается до его статьи о В. Гюго, — отвечал он 25 марта (6 апреля) 1877 года, — то знайте, что *все литераторы* здесь — все без исключения, разделяют мнение З<ола> насчет последних двух томов „Легенд“; — но, разумеется, сказать этого не смеют — *pour ne pas attenter à une gloire nationale* (чтобы не посягать на национальную славу — *франц.*) — и, лежа ничком, поют (печатно) хвалебные гимны; — но на словах не стесняются. — Не такой уж он идол у нас — да и нет причин так трепетно благоговеть! — Во всяком случае, шуму статья З<ола> наделает». ⁴⁹ Через неделю в письме к тому же корреспонденту Тургенев только подтвердил свою позицию: «Пробежал я статью Золя: очень резко — и очень справедливо. — Будут кричать — а он *прав*». ⁵⁰

И только статья Золя о Жорж Санд, написанная в связи с ее кончиной, вновь выявила серьезный методологический конфликт между двумя писателями. Тургенев, еще не прочитав текста Золя, понимал, что тот не может верно оценить своеобразие творчества Жорж Санд и его влияние на литературно-общественный процесс. Он откровенно поделился своими сомнениями с Флобером, который на протяжении полутора десятков лет оставался преданным другом Жорж Санд и плакал на ее похоронах: «Золя, кажется, написал длинную статью о г-же Санд в своем русском журнале; статья очень хороша — но, говорят, немного суховата. Золя не в состоянии в полной мере судить о г-же С<анд>. Между ними слишком большое расстояние». ⁵¹ Сам Тургенев собирался написать

⁴⁷ Золя. Т. 25. С. 631.

⁴⁸ Там же. С. 633.

⁴⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 107–108.

⁵⁰ Там же. С. 113. Письмо от 4 (16) апреля 1877 г.

⁵¹ Там же. Кн. 1. С. 137. Письмо от 22 июня (4 июля) 1876 г. Подлинник по-франц.

статью о Ж. Санд в «Вестник Европы», однако этот замысел не был осуществлен.⁵² Объясняя задержку с исполнением обещания, Тургенев писал Стасюлевичу: «Написать <...> что-нибудь дрянное о Ж. Занд я не могу. Даю Вам честное слово — что до зимы вы будете иметь серьезную статью о ней — быть может, даже в виде возражения Золя <...>».⁵³

Многое в очерке Золя было неверным, особенно по поводу влияния Жорж Санд на русскую литературу, культуру и самого Тургенева. Но более всего был неприемлем финал очерка: «Жорж Санд представляет отжившие свой век принципы, только и всего. Против нее наука, против нее весь дух современности <...>».⁵⁴ Эти утверждения Золя вызвали оппозицию многих русских критиков и журналистов. Отношение к Жорж Санд вновь высветило ту полемику, которая была связана с творческим методом. И то, что французский теоретик натурализма считал недостатком, для Тургенева было достоинством. «Всю свою жизнь Жорж Санд стремилась быть целителем, тружеником прогресса, апостолом новой, блаженной жизни», — сокрушался Золя.⁵⁵ Тургенев те же самые качества Санд-художника назвал своего рода святостью в своей небольшой некрологической статье «Несколько слов о Жорж Санд».⁵⁶

Принципиально разное понимание художественной правды, в которой для Тургенева, как и для Жорж Санд, всегда присутствовал идеал, — это то, что разделяло его с Золя. Вместе с тем именно отношение к идеалу отделяло реализм от натурализма и русскую классическую традицию — от французской литературы, основанной в большой мере на позициях позитивизма.

Наконец, последний вопрос, который возникает в связи с отношением Тургенева к натурализму: не повлияло ли как-то общение с Золя и его единомышленниками на появление натуралистических тем в творчестве русского писателя? Последний роман писателя — «Новь» — создавался в новую историческую эпоху «хождения» интеллигенции «в народ», когда действительно возникала потребность осмыслить потребности этого

---

⁵² В письме от 7 (19) июня 1876 г. к Стасюлевичу Тургенев сообщал: «Вы можете быть покойны: до 15-го числа Вы получите статью о Ж. Санде <...> и именно: я напишу личные воспоминания <...>» (Там же. С. 114). О причинах, побудивших Тургенева отказаться от своего замысла, см.: *Генералова Н. П.* Эпизод творческих отношений Тургенева и Золя 1876 года (Неосуществленный замысел статьи Тургенева о Жорж Санд) // *Спасский вестник*. 1997. Вып. 4. С. 111–121.

⁵³ *ПССиП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 123–124. Письмо от 15 (27) июня 1876 г.

⁵⁴ *Золя*. Т. 25. С. 749.

⁵⁵ Там же. С. 714.

⁵⁶ *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 192.

народа не со стороны, с точки зрения путешественника, охотника и т. д., а изнутри. Эта историко-культурная ситуация совпала с раздумьями Тургенева над натурализмом и последними произведениями Золя.

В «Нови» Тургенев вышел к новому топосу — изображению фабрики, вернее двух фабрик — Соломина и Калломейцева. Это, казалось бы, расширяло привычную сферу его изображения и сближало с Золя. Но описание «небрежности, грязи, копоты», а также мелкие детали царящего беспорядка («...там стекло в окне разбито, там облупилась штукатурка, доски вывалились, зевает настежь растворенная дверь; большая лужа, черная, с радужным отливом гнили, стоит посреди главного двора <...>»⁵⁷) не имеют никакого отношения к характеристике людей, на них работающих. Если для Золя понятие «среды», детерминирующей личность, включало как обстоятельства жизни, труда, воспитания, так и генетическую обусловленность, то Тургеневу было чуждо натуралистическое изображение человека.

Таким образом, Тургенев принимал и приветствовал в натурализме те черты, которые сближали его с русской натуральной школой и были связаны с точным наблюдением и правдивым воспроизведением действительности, в том числе обстоятельным описанием социального существования человека. Вместе с тем в позитивистской критике он ценил смелость, сочетание широкого историко-культурного контекста и скрупулезного анализа фактов, что во многих случаях обеспечивало ее масштабность, остроту и объективность.

Негативное отношение к главным принципам нового направления не мешало Тургеневу уважать и ценить его основных представителей за талант, работоспособность и помогать им своим посредничеством на протяжении всей жизни.

---

⁵⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 223.

ТЕКСТЫ ТУРГЕНЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПЕРЕВОДЫ

СКАЗКИ ШАРЛЯ ПЕРРО В ПЕРЕВОДЕ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ ТУРГЕНЕВА

Публикация Л. А. Балыковой

История издания волшебных сказок Шарля Перро в переводе Тургенева достаточно известна.¹ Самое имя Тургенева в качестве переводчика возникло не случайно — обстоятельства сложились таким образом. Во-первых, в начале 1860-х годов завязывается знакомство писателя с французским издателем, писателем и политическим деятелем П.-Ж. Этцелем (литературный псевдоним: П.-Ж. Сталь), в издательстве которого впоследствии выходили почти все произведения Тургенева на французском языке.² Во-вторых, в 1862 году Этцель выпустил великолепное издание сказок Ш. Перро с иллюстрациями Гюстава Доре³ и, желая воз-

---

¹ См.: *Дмитришин И.* Тургенев и «Волшебные сказки» Шарля Перро в России // *Тургенев. НИИМ* (3). С. 489–501.

² См.: *Waddington P.* Some New Light on Turgenev's Relations with his French Publisher, Pierre-Jules Hetzel // *The Slavonic and East European Review*. 1977. Vol. 55. № 3 (July). P. 328–347; *Zviguilsky A.* Trois éditeurs français de Tourguéniev (Pierre-Jules Hetzel, Juliette Adam, Elie Halpérine-Kaminsky), d'après des correspondances inédites // *Cahiers*. № 10 (1986). P. 149–153. Последнюю работу см. также в пер.: *Звигильский А.* Три французских издателя Тургенева (по неизданной переписке) / Пер. Н. П. Генераловой // *Звигильский А.* Тургенев и Франция. М., 2008. С. 247–276 (Тургеневские чтения. Вып. 3).

³ *Les Contes de Perrault*, dessins par Gustave Doré, préface par P.-J. Stahl. Paris, 1862. Далее — *Perrault 1862*.

местить существенные финансовые затраты, намеревался продать приобретенные им дорогостоящие клише гравюр. Стоит напомнить в этой связи, что иллюстрации Доре к «Сказкам» Перро стали едва ли не первым опытом работы художника в технике торцовой ксилографии (гравюры по дереву) для крупноформатных изданий.⁴ В-третьих, в это самое время М. О. Вольф, русский издатель, внимательно следивший за подобными опытами, заинтересовался работой Доре и по выходе в свет «Сказок» Перро во Франции написал в Париж с просьбой выслать подлинные доски.⁵ На что Этцель охотно согласился.

Так возникает этот «международный проект» — издать сказки Перро с иллюстрациями Доре в России. Но нужен был первоклассный переводчик. Этцель, естественно, обратился к Тургеневу; с его выбором был вполне согласен и Вольф. Имя русского писателя было к тому времени известно не только в России, но и во Франции. Что же касается самого Тургенева, то подобное предложение никак не противоречило его творческим устремлениям: именно тогда, в 1862 году, он хлопочет перед издателем Н. А. Серно-Соловьевичем о публикации «Дневника девочки» С. М. Буткевич и пишет к нему Предисловие, ставшее, по сути, его программным выступлением по вопросам воспитания и, в частности, литературы для детей.⁶ В своем Предисловии писатель, вслед за Белинским, сетует на недостаток в России хороших книг для детей. Он снова повторяет эту мысль — на этот раз в Предисловии к переводу «Сказок» Ш. Перро. В эпоху реформ вопросы воспитания и образования подрастающего поколения были в центре общественного внимания в России, и полемические выступления на эту тему были неизменно в поле зрения Тургенева. Таким образом, предложение перевести знаменитые сказки предоставило писателю возможность внести лепту в копилку «хороших и дельных книг для детей» в России.

Итак, отвечая на предложение Этцеля в письме из Спасского от 9 (21) июля 1862 года, Тургенев писал: «Спешу сообщить вам, что с большим удовольствием принимаю ваше предложение: переводить Перро — это подлинно счастливый случай, и вы можете уведомить г. Вольфа, что я за это берусь».⁷ В том же письме Тургенев заверял, что

---

⁴ *Немировский Е. Л.* Мир книги: С древнейших времен до начала XX века. М., 1986. С. 250.

⁵ Там же.

⁶ Педагогическим взглядам писателя, а также его воззрениям на проблемы литературы для детей посвятил свою работу В. А. Громов: *Громов В. А.* Добрый великан: И. С. Тургенев и литература для детей. Тула, 1974.

⁷ *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 332. Подлинник по-франц.

перевод будет закончен еще до наступления осени. Как видно, писатель был уверен, что небольшая по объему работа (девять сказок) не требует много времени и сил. Однако уже тогда, имея опыт переводчика художественных текстов, Тургенев предвидел некоторые трудности. «Я сказал, что переводить П<ерро> — счастливый случай, — продолжал он в цитированном выше письме, — быть может, это также и опасность».⁸ Писатель понимал, что необходимо найти ключ к переводу знаменитой книги, чтобы достойно ответить на вызов в «схватке» русского языка с французским. Предстояло тактично и точно перенести на русскую почву для маленьких русских читателей шедевр, написанный во Франции XVII века, осуществить перевод, который не утратил бы обаяния подлинника.

На поверку задача оказалась не такой уж простой, и обещание Этцелю — доставить перевод к осени того же (1862-го) года — после неоднократных отсрочек будет выполнено лишь к зиме 1865 года — опоздание чрезвычайное даже для Тургенева. Да и выполнено оно будет не совсем обычным для него образом — с помощью небольшой группы помощников.

В чем же причина столь значительной отсрочки и работы в соавторстве с другими переводчиками? Можно только предположить, что Тургенев, испытывавший в это время духовный и творческий кризис и отправившийся за границу в качестве, так сказать, «литературного инвалида» на своего рода вакации, тогда не предвидел, в каком житейском колесе он окажется. Устройство на новом месте, заботы, связанные с замужеством дочери, неприятности в России, строительство дома в Баден-Бадене, сотрудничество с П. Виардо в осуществлении ее музыкальных замыслов — все это отдаляло выполнение обещания, данного Этцелю и Вольфу. Не говоря уже о том, что Тургенев продолжал писать и искать «новую манеру». Обязательства переводчика отходят на второй план. Заказ Этцеля-Вольфа откладывался по крайней мере до весны 1864 года или даже до января 1865 года, когда отсрочки стали более невозможными и Тургенев вынужден был прибегнуть к помощи знакомых, а именно Н. В. Щербаня и Н. Н. Рашет. Выбор сотрудников был обусловлен рядом причин, в том числе и материального характера.⁹

---

⁸ Там же.

⁹ Возможно, предложение о сотрудничестве Н. В. Щербаню было сделано, кроме всего прочего, в связи с бедственным финансовым положением последнего. См.: Там же. Т. 6. С. 103.

Все же следует заметить, что писатель обратился к помощи сотрудников в последний момент. Работа шла в форс-мажорных обстоятельствах. По воспоминаниям Щербаня, он сделал свою часть перевода в два дня.¹⁰ 1 (13) февраля 1865 года Тургенев заверяет Этцеля, что перевод будет доставлен ему к вечеру 2 (14) февраля. Спешка такова, что Щербань едва успевает к утру со своей частью перевода. Тургенев же в это время заканчивает свой перевод сказки «Синяя Борода».

Одновременно писатель занят подготовлением к венчанию и свадьбе дочери Полины. Наконец, 4 (16) февраля перевод всех девяти сказок передан Этцелю. Дело за Предисловием, которое взялся написать Тургенев. Но так и не составив его, 11 (23) февраля, в четверг, тотчас после венчания дочери, он выехал из Парижа в Баден-Баден. Предисловие будет написано лишь к концу лета 1865 года.

Издание вышло в свет в феврале 1866 года, на обложке значились три имени — Перро, Тургенева, Доре. Однако в этой истории остается немало пробелов. За Тургеневым традиционно числится перевод двух сказок — «Les Fées» («Волшебница») и «La Barbe-bleue» («Синяя Борода»). По крайней мере рукописи этих переводов сохранились в Национальной библиотеке Франции в Париже — их мы публикуем ниже вместе с черновиком Предисловия к русскому изданию «Сказок» Перро.

Из письма Тургенева к Щербаню от 1 (13) февраля 1865 года следует, что последний работал над переводом сказок «Peau d'Ane» («Ослиная Кожа»), «Riquet à la Houppie» («Хохлик») и «La Belle au bois dormant» («Спящая красавица»), однако речь в письме идет лишь об уточнении русских названий, а не о списке порученных переводчику пьес.¹¹ Можно ли на основании этого письма сделать вывод, что остальные четыре сказки, а именно: «Красная шапочка», «Кот в сапогах», «Золушка» и «Мальчик-с-пальчик» — достались Н. Н. Рашет? Неизвестно также, действительно ли Тургенев держал корректуру всех сказок сборника.¹²

---

¹⁰ См.: *Щербань Н. В.* Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем (1861–1875) // *РВ.* 1890. № 8. С. 19–21. Щербань не совсем точен: он начал работу над переводом ранее 1 февраля ст. ст. 1865 г., а закончил не позднее 4 февраля (см. письмо Тургенева к Щербаню от 1 (13) февраля 1865 г.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 6. С. 104, а также примеч. 1 к нему: Там же. С. 291).

¹¹ *ПССиП(2). Письма.* Т. 6. С. 104.

¹² Ошибки, вкравшиеся в окончательный текст, заставляют усомниться в этом — свидетельства Тургенева на этот счет не совсем совпадают. См. письмо к Этцелю от 31 января (12 февраля) 1866 г.: Там же. Т. 7. С. 11, 228; а также письма к И. П. Бородину от 16 (28) марта 1867 г. и к А. А. Фету от 31 марта (12 апреля) 1867 г.: Там же. С. 140, 170.

Эти вопросы остаются пока не проясненными. Вместе с тем следует заметить, что сотрудничество с литературными помощниками, практиковавшееся во времена Тургенева, на этот раз было не вполне удовлетворительным: достаточно вспомнить язвительное замечание Фета насчет «лошади серой „с яблоками“». ¹³ Надо думать, эта реплика задела писателя, хотя он отвечал, что в глаза-де корректуры не видел и вообще к переводу отношения не имеет. ¹⁴ Издание было дорогое, популярное, обратившее на себя внимание... В этом случае писатель более чем когда бы то ни было именем своим отвечал за качество перевода. К тому же Тургенев всегда отличался крайней щепетильностью, когда речь шла об ошибках, стилистических и прочих погрешностях, и обычно без тщательно прочитанной корректуры текста не выпускал. Так что замечание Фета и, возможно, других читателей было чувствительно для него. Что вовсе не умаляет значения того опыта, каким стал для Тургенева перевод сказок Перро и в целом прикосновение к данному направлению в литературе.

Работая над Предисловием, Тургенев тщательно подбирает эпитеты, стремясь определить самобытность сказок; в черновой рукописи видно, как непросто складывается главная формула: сказки Перро отмечены подлинной народностью, в них есть «та смесь непонятно-чудесного и обыденно-простого, возвышенного и забавного, которая составляет отличительный признак настоящего сказочного вымысла». ¹⁵ В окончательный текст не вошли зачеркнутые в черновике такие определения, как «правда» и «строгое чувство меры» — свойства, которые в глазах Тургенева роднили Перро с великими мастерами слова.

С не меньшим тщанием писатель ищет адекватное выражение своему представлению о воспитательном значении сказки. Он высмеивает взгляд «положительных людей», как огня боящихся влияния сказочных вымыслов на ребенка. В окончательном тексте Предисловия он еще усиливает, по сравнению с черновым вариантом, иронию в отношении некой «почтенной» «старой девицы» (в черновике первое определение зачеркнуто), пишущей статьи «в журнал с направлением, но без подписчиков» и изгоняющей из жизни воспитанницы любое постороннее влияние. Тургенев обращает внимание на значимость сказки для развития ребенка в самом раннем возрасте. Да, ребенку «учитель нужен <...> да и няня ему нужна. Всё в свое время», — заключает свою мысль писатель. Правда, последняя фраза не вошла в окончательный текст Предисловия.

---

¹³ Цит. по: Там же. С. 140.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *ПССиП(2). Соч.* Т. 10. С. 344.

В печатном тексте расширена, по сравнению с черновым вариантом, биографическая справка об авторе сказок — однако в черновой рукописи нет тех фактических ошибок (дата выхода в свет книги сказок, дата смерти Перро), которые вкрались в окончательный текст. Последнее позволяет думать, что, возможно, Тургенев не держал корректуру, либо ошибки появились в результате постороннего вмешательства.

По сравнению с черновой рукописью добавлена в окончательном варианте характеристика Г. Доре как «гениального рисовальщика»,¹⁶ что подчеркивает значение появления в свет «Сказок» — выдающегося события в мире книг.

В Предисловии Тургенев подчеркивает главную стилевую особенность сказок Перро: их «несколько щепетильную, старофранцузскую грацию». Однако сам переводчик, как видно, прежде всего ценит в них то, что они «веселы, занимательны, непринужденны, не обременены ни излишней моралью, ни авторской претензией; в них еще чувствуется веяние народной поэзии, их некогда создавшей <...>».¹⁷ Это «веяние народной поэзии» — считал отличительным свойством сказок сам Перро, в своем Предисловии писавший некогда о сказках, «которые наши предки придумывали для своих детей. Рассказывая их, они обходились без той грации и того изящества, которые греки и римляне придавали своим историям <...>».¹⁸

В приведенном отрывке из Предисловия Тургенева обозначены основные принципы, положенные им в основание перевода. Он жертвует «несколько щепетильной, старофранцузской грацией» оригинала ради простоты, непринужденности, духа народной поэзии. Он учитывает также необходимость адаптации перевода: кое-что из реалий французского XVII века могло быть вовсе не понятно юному читателю в России XIX века.

Обратимся к сказке «Волшебница». В титуле оригинала значится «Les Fées» — «Волшебницы», так заглавие переведено и в черновой рукописи, окончательный вариант заглавия был введен позже по очевидной причине: в сказке действует одна волшебница, принимающая разные облики, а не несколько. Несмотря на стремление ничего не упускать из смыслов и оттенков подлинника, Тургенев-переводчик добивается большей простоты в передаче усложненных этикетных форм речевого

---

¹⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 10. С. 345.

¹⁷ Там же. С. 344.

¹⁸ Перро Ш. Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями / Пер. с франц. А. Федорова, Л. Успенского, С. Боброва. М., 1991. С. 9.

обихода, принятого во времена Людовика XIV. Можно с уверенностью сказать, что в его переводе сказка Перро становится «русской сказкой для русских детей». Так, Тургенев заменяет принятое даже в семейном кругу французов «вы» на привычное среди простых русских «ты», хотя это решение пришло не сразу: в черновом автографе «Волшебницы» еще фигурирует «Вы». Или другой пример. Довольно изысканная формула в устах французской простолоюдинки: «...ne seriez-vous pas bien aise d'avoir le même don?»¹⁹ (букв.: «...не приятно было бы и вам иметь такой дар?»), — переведена на русский язык приближенной к народной речи разговорной формой: «Небось, и ты бы желала иметь такой же дар?».

Ничего не упуская из смысловых оттенков оригинала, Тургенев-переводчик усиливает их стилистически. Например, внешне безупречное, но по сути издевательское обращение старшей дочери к волшебнице, обернувшейся знатной дамой: «Justement j'ai apporté un flacon d'argent tout exprès pour donner à boire à madame <...>»²⁰ («Я принесла специально серебряный сосуд, чтобы напоить госпожу <...>»), — он переводит так: «Уж не для тебя ли я принесла из дома этот серебряный графин?». Не упускает Тургенев и нюанса издевки, заключенного в обращении «madame» — он дополняет реплику расхожим: «Вишь какая барыня!».

Тургенев деликатно вводит синонимы там, где Перро лишь обозначает родовые понятия. Если в оригинале героиня представлена как «мать» или «вдова» и лишь однажды «матушка» («ma bonne mère»), волшебница принимает облик бедной деревенской женщины или принцессы, а источник имеет лишь одно название — фонтан («la fontaine»), то в переводе «бедная женщина» названа то «нищей», то «старушкой», вдова — то «мать», то «старуха», то даже «матка» — в последнем случае, согласно словарю Даля, писатель использует простонародное слово, пришедшее из рязанского диалекта. «Фонтан» у Тургенева переводится как «колодец» и как «источник». «Серебряный сосуд» («flacon d'argent») у Тургенева принимает более конкретную форму — «серебряный графин» и т. п. Следует упомянуть и о широком использовании в переводе разговорных оборотов, способствующих восприятию языка сказки как родного, живого, близкого: «Изволь, голубушка», «чтобы старушке ловчее было жить», «небось и ты бы желала». С той же целью Тургенев заменяет имя старшей дочери Фаншон на привычное русскому уху простонародное Груша.

¹⁹ Perrault 1862. P. 52.

²⁰ Ibid.

Но в целом Тургенев нигде не отступает от смыслов оригинала. Пожалуй, несколько вольно он поступает в финале сказки, где повествуется о смерти грубиянки. У Перро читаем: «...la maleureuse, après avoir bien couru sans trouver personne qui voulût la recevoir, alla mourir au coin d'un bois»,²¹ что современный переводчик передал так: «...несчастливая, которую никто не хотел приютить, сколько она ни скиталась, умерла где-то в лесу».²² Тургенев, используя звукопись, находит, на наш взгляд, финал более драматичный и приближенный к русской сказочной традиции: «...и несчастная, всеми отверженная, умерла одна в лесу, с горя и с голода».

В публикуемом ниже черновом автографе перевода «Волшебницы» видно, что Тургенев продолжал до последнего работать над совершенствованием текста, стремясь придать ему большую естественность и выразительность. Он повсеместно исключает характерные для французского языка и избыточные для русского притяжательные прилагательные, усиливает некоторые моменты, следуя отечественной фольклорной традиции. Так, первоначальное расстояние в две версты (у Перро сказано «grand demi-lieu»), которое должна была проходить до колодца младшая сестра, он заменяет на *три* версты. Точно так же ежедневно приносимый девушкой «большой кувшин, полный доверху», он еще «утяжеляет» эпитетом — «большой *тяжелый* кувшин, полный доверху» (Здесь и далее выделено мною. — Л. Б.). В рукописи, характеризую образ жизни девушки, которая работала без отдыха (у Перро нейтральное: «travaillait sans cesse»), переводчик употребляет устойчивое выражение: работала «с утра до вечера» (первоначально предполагалось: «с рас-света» до вечера»). Нюансированию подвергаются нейтральные глаголы «sortir» (выходить, выпадать) и «jeter» (бросать, выбрасывать), когда речь идет о чудесных дарах, полученных сестрами от волшебницы: младшая сестра при каждом слове «*роняет*» цветы и драгоценные камни, у старшей — лягушки и змеи «выпадают» изо рта. В рукописи акцентируется и мотив беспристрастности феи, явившейся испытать характер сестер: в ответ на грубость старшей она объявляет ей о своем даре «спокойным голосом, без всякого, впрочем, гнева».

Перевод Тургенева, который сегодня воспринимается как несколько архаичный, все же отличается какой-то задушевностью, погруженностью в стихию родного языка, близостью к русской народной сказке.

---

²¹ Perrault 1862. P. 53.

²² Перро Ш. Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями. С. 49.

Недаром современная исследовательница фольклора, анализируя сказку «Волшебница» в переводе Тургенева, отметила, что среди переводов Перро тургеневский является наиболее адаптированным к русской сказочной традиции.²³ По ее наблюдениям, схожий сказочный сюжет мог возникнуть в русской сказке под влиянием книжного источника и по времени следует за появлением «Волшебницы» Перро в переводе Тургенева.²⁴

К более значительным лексическим, синтаксическим, стилистическим трансформациям прибегает Тургенев, работая над переводом последней сказки сборника — «Синяя Борода». В парижской Национальной библиотеке сохранились черновая и беловая рукописи этого перевода. Они наглядно демонстрируют процесс работы Тургенева над литературным текстом. В черновике видно, как писатель упорно ищет языковые средства, которые адекватно передавали бы малейшие оттенки оригинала и одновременно отвечали бы художественным установкам переводчика. Как и в случае перевода «Волшебницы», Тургенев старается нарушить чопорную изысканность повествования Перро: он выбирает стиль непринужденной беседы, которая ведется где-нибудь в гостиной русской усадьбы. Отсюда происходит постоянная замена нейтральной по значению лексики стилистически более разнообразными, непринужденными формами, что нашло отражение в правке чернового автографа: «поближе познакомиться» Тургенев заменяет на «узнать покороче», он зачеркивает «ничего не увидела» и вписывает «ничего не разобрала», стилистически нейтральное «пришла немного в себя» уступает место более выразительному «опомнилась» и т. п.

Переводчик пытается облегчить несколько утяжеленный синтаксис оригинала: сложносочиненные и сложноподчиненные конструкции ему приходится порой заменять несколькими выразительными фразами. Так, не опустив ни одной детали в длинном перечне богатств Синей Бороды, Тургенев передает восхищение гостей более энергично: «Они добрались до кладовых — и чего-чего они там не увидели!». Подобный прием, примененный неоднократно, усиливает драматизм повествования — качество, которое становится здесь едва ли не главным.

Тургенев не упускает случая по возможности расцветить сказочную палитру: просто «ключ» у него становится «роковым ключом», ней-

---

²³ *Лутовинова Е. И.* Концепт «вода» в сказках И. С. Тургенева и русской фольклорной прозе // Тургеневский ежегодник 2007 года / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрихина. Орел, 2009. С. 51.

²⁴ Там же. С. 50–54.

тральное «en tremblant» («дрожа») он переводит — «дрожа как лист», «cabinet» («комнатка») переводится как «коморка» (в печатном варианте «каморка»), «faire bonne chère» («хорошо поесть») передается развернуто: «кушать и пить сладко и <...> жить в свое удовольствие».

Использование антонимов служит дополнительной нюансировке в обрисовке героев в переводе Тургенева. У него Синяя Борода не только ужасен, но и смешон. Большой кухонный нож, которым он готов отрубить голову жене, Тургенев называет то «огромный ножище», то «страшный нож»; в русском переводе словосочетания «crier», «crier de toute sa force» («кричать», «кричать изо всех сил») передаются синонимами «орал» и «гремел» (последнее исключено в окончательном тексте), «такой поднял гам». Употребление стилистически сниженной лексики добавляет к характеристике злодея сатирические черты: «...все девушки и женщины от него спасались бегством», в переводе это выражено в конце концов более эмоционально: «...бывало, как только завидят его, так давай Бог поскорее ноги». Так же и в финале, в момент, когда Синяя Борода увидел ворвавшихся в дом братьев жены и спасается бегством («s'enfuit pour se sauver»), Тургенев предпочитает использовать троп: «...и тотчас наострил лыжи». К финалу сказки ничего не остается от «любезного и приятного кавалера», каким он пытается предстать вначале. Причем в то время как в оригинале речь злодея до конца выражена в куртуазном духе (его обращение к жене «вы», «мадам» даже в момент, когда он обрекает ее на смерть), у Тургенева и следа не остается от первоначальной обходительности Синей Бороды: «Ты хотела войти в коморку. Хорошо же: ты войдешь туда и займешь свое место возле тех женщин, которых ты там видела». В черновом варианте значит: «подле тех барынь», упраздненное впоследствии.

Переводчик стремится выразить все оттенки переживаний юной жены злодея: любопытство, нетерпение, тревогу, страх, надежду, смертную тоску. Он еще больше акцентирует сочувствие к ней; не называя ее по имени, он именуется ее то «женой Синей Бороды», то «бедной женщиной», то «бедной женой его», наконец, «бедняжкой горемычной» (в черновой рукописи видно, как не сразу нашлось последнее определение).

В финальных сценах чутко переданы поэтические эпизоды, напоминающие рефрены старинных баллад. Трижды вопрошает жена Синей Бороды сестру Анну, взошедшую на самый верх башни, не едут ли спасители-братья. В ответах звучат архаичные для современного уха глаголы «roudroyer» («пылить») и «verdoyer» («зеленеть»), которые Тургенев передает в русской сказовой манере: «Солнышко яснеет, травушка зеленеет» (причем первоначально были выбраны нейтральные формы: «солнце», «трава»).

Повторим, при всем шепетильном следовании оригиналу, Тургенев, как видно, сознательно стремился сообщить своему переводу колорит русской народной сказки и вместе с тем придать ему большую выразительность и драматизм. Этот опыт не пропал даром. Он предвосхитил в его творчестве серию сказочных либретто для маленьких опер Полины Виардо. Вскоре будут созданы образы колдуна Кракамиша, Людоеда, Паши́, унаследовавшие некоторые черты героя сказки Перро, которую, без сомнения, Тургенев переводил с любовью.

Беловой автограф «Синей Бороды» по сравнению с черновой рукописью имеет незначительные дополнения и изменения. Писатель поправляет неудачные выражения (вроде «одна за одной», «оставлять гостей одних»), исключает избыточные личные местоимения и т. п. На полях л. 2 беловой рукописи вписаны заглавия всех девяти сказок сборника, правда, в несколько иной последовательности — сказка «Волшебница» выделена в этом списке. Все это позволяет думать, что работа над переводом «Сказок» проходила отнюдь не в одночасье (по крайней мере это касается Тургенева), а со всей тщательностью, что, возможно, и не позволило ему тогда выполнить свои обязательства в полном объеме.

Представленные ниже автографы Предисловия и двух сказок в переводе Тургенева (черновой и беловой автографы «Синей Бороды», а также черновой автограф «Волшебницы»; в печатном варианте «Волшебница» предшествовала «Синей Бороде») печатаются по микрофильму, хранящемуся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописи воспроизводятся полностью со всеми имеющимися в них вариантами в соответствии с техникой подачи, принятой в первом Полном собрании сочинений и писем Тургенева²⁵ и серии «Тургеневских сборников», выходивших параллельно с томами сочинений. Имеющаяся в рукописях правка фиксируется в подстрочных сносках по следующей системе: знак сноски ставится в конце измененного текста, а под строкой сначала печатается нужный отрывок основного текста, который начинается первым словом (в отдельных случаях — несколькими словами), оставшимся без изменений, правее — после вертикальной черты — предшествующий ему вариант. Ряд последовательных вариантов обозначается — от самого раннего к самому позднему — литерами: *a.*, *b.*, *v.* и т. д. Если зачеркивание осуществлялось по ходу письма, то сноска ставится при слове, от которого начинается зачеркивание. В квадратных скобках воспроизводятся слова, зачеркнутые Тургеневым. В ломаные скобки заключаются редакторские добавления недописанных слов, конъектуры, а также часть слова, не поддающаяся прочтению.

---

²⁵ См.: *ПССиП(1)*. Соч. Т. 1. С. 475–476.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сказки Перро пользуются в целой¹ Европе особенной популярностью; русским детям они — сравнительно — менее известны, что происходит, вероятно, от недостатка хороших переводов и изданий. Действительно; несмотря на свою несколько щепетильную, старофранцузскую грацию,² сказки Перро³ заслуживают почетное место⁴ в литературе⁵, в них есть⁶ именно та смесь непонятно-чудесного и обыденно-простого,⁷ возвышенного и забавного, которая составляет отличительный признак настоящего сказочного вымысла. —⁸ В наше положительное и просвещенное время начинают изобиловать⁹ полож<ительные> и просв<ещенные> люди, которым не нравится¹⁰ именно эта примесь чудесного — воспитание детей¹¹, по их понятиям, должно быть делом серьезным и вместо сказок им¹² следует вручать¹³ маленькие геологические и физио-

---

¹в целой | во всей ²Далее вписано и зачеркнуто: эти ³Перро зачеркнуто и затем восстановлено. Далее зачеркнуто: едва ли не занимают ⁴заслуживают почетное место | заслуживают едва ли не первое ⁵в литературе | а. в детской литературе б. в сочиненной, не народной литературе в. в сказочной литературе ⁶Далее зачеркнуто: всё что ⁷непонятно-чудесного и обыденно-простого | чудесного и обыденного Далее в строку зачеркнуто: а. непонятного и простодушного б. Начато и зачеркнуто: в в. отдаленного и знакомого (причем отдаленного восстановлено) г. Над строкой вписано: красиво-странного ⁸Далее зачеркнуто: а. Не слишком много, не слишком мало красок; ничего тесного несвободного — и строгое чувство меры, б. Под строкой начато и зачеркнуто: Хоть странные, но не вычурные в. Позднее на полях вписано: + удивительные г. Позднее на полях вписано и зачеркнуто: Правда, относящееся к следующему предложению. ⁹начинают изобиловать | а. могут найтись б. начинают попадаться ¹⁰не нравится вписано над строкой. ¹¹воспитание детей | а. Как в тексте. б. воспитание ребенка Далее начато и зачеркнуто: значительным?> ¹²им | ему ¹³следует вручать | следует давать

логические¹⁴ трактаты.¹⁵ Нам¹⁶ случилось столкнуться с одной воспитательницей (правда она была из остзейских немок¹⁷ и писала статьи¹⁸ в журнал),¹⁹ которая тщательно устранила девочку, порученную ее надзору, ото всякого соприкосновения с детьми²⁰, для того чтобы, как выражалась почтенная воспитательница²¹, ни один ложный факт не водворился в юной голове. — Девочка эта²² выросла и превратилась²³ в отъявленную кокетку — но уже это, как известно,²⁴ не вина теории, остающейся непогрешительной по-прежнему.²⁵ Как бы то ни было, нам кажется весьма трудным — и едва ли полезным —²⁶ заменить сказку²⁷ рассказом,²⁸ оставить молодое воображение²⁹ без пищи —³⁰ учитель нужен ребенку — да и няня ему нужна.³¹

Остроумный издатель сказок Перро³² Ж. Гетцель, известный³³ в литературе под псевдонимом П.-Ж. Сталя³⁴, в предисловии своем³⁵ замечает³⁶, что³⁷ «не следует опасаться³⁸ чудесного для детей. Не говоря уже о том, что многие из них не дают себя в обман вполне — и забавляясь красотой и миловидностью своей игрушки,³⁹ в сущности очень твердо⁴⁰ <знают>, что это⁴¹ никогда не случалось — даже те дети (и это большей частью самые даровитые и умные головки)⁴², которые безусловно⁴³ верят всем чудесам⁴⁴ сказки — очень хорошо⁴⁵ умеют тотчас отрешиться от этой веры, как только час придет⁴⁶. Гетцель прав:⁴⁷ не в этом направ-

---

¹⁴физио<логические> вписано над зачеркнутым гео<логические> ¹⁵по их понятиям ~ трактаты. вписано на полях. ¹⁶Нам | на деле ¹⁷из остзейских немок | старая девица ¹⁸статьи | Начато: ро<маны?> ¹⁹в журнал), вписано позднее под строкой. ²⁰Далее на полях вписано и зачеркнуто: а. одного возраста б. ее возраста ²¹почтенная воспитательница | она ²²Далее зачеркнуто: со врем<енем> ²³преврати<лась> | сделала ²⁴как известно вписано на полях. ²⁵по-прежнему вписано на полях. ²⁶— и едва ли полезным — вписано над строкой, затем полезным зачеркнуто и восстановлено. ²⁷Далее зачеркнуто: а. изгнать нашу 2 нрзб. сказку совсем б. изгнать нашу добрую и умную сказку совсем.<.> И прекрасная волшебница или злой волшебник Черномор ²⁸рассказом вписано на полях. ²⁹оставить молодое воображение | молодое воображение оставленное ³⁰Далее зачеркнуто: а. изгнать б. не изгоняйте ³¹Далее зачеркнуто: Всё в свое время. ³²Далее зачеркнуто: книгопродав<ец> ³³известный | Начато и зачеркнуто: пишущий под ³⁴П.-Ж. Сталя | Гетцеля Далее на полях вписано и зачеркнуто: говорит ³⁵Далее зачеркнуто: а. Начато: сказа<л> б. сделал несколько очень дельных и тонких замечаний насчет ³⁶замечает нрзб. вписано на полях. ³⁷что вписано над строкой. ³⁸не следует опасаться | Не следует бояться ³⁹Далее зачеркнуто: в душе ⁴⁰очень твердо | очень [хорошо знают] ⁴¹Далее зачеркнуто: всё та<ки?> ⁴²(и это большей ~ головки) вписано на полях. ⁴³безусловно | а. вполне б. Начато и зачеркнуто: ск<орее?> ⁴⁴всем чудесам | всему что ⁴⁵очень хорошо вписано над строкой. ⁴⁶как только час придет | а. как только это станет нужным б. как только время придет ⁴⁷Гетцель прав: | Начато: Опасности

лении лежат действительные⁴⁸ опасности и трудности⁴⁹ детского воспитания.⁵⁰

Мы сейчас сказали, что одной из причин относительной неизвестности у нас сказок Перро мы полагаем недостаток хор<оших> перев<одов> и изданий; публике предоставляется судить, насколько наш перев<од> удовлетворителен; что же касается до настоя<щего>⁵¹ издания⁵², то подобного ему⁵³ не было еще <не только> у нас в России, но и за границей — а имя Густава Доре не нуждается ни в каких похвалах.⁵⁴

Карл Перро —
родился в Париже в 1628 и умер там же в 1703. — В 1697 году, будучи 69 лет от роду, он напечатал первое издание своих сказок, посвященных⁵⁵ своему сыну и написанных для него.

Печатается по микрофильму, хранящемуся в ИРЛИ.

Подлинник хранится: *BN. Slave 74. F. 336–337.*

См. также: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10520642g/f719.zoom>

На полях л. 336 справа выписаны следующие слова:

Фотография: Extimteur
Сумочка в Баден
Жерар
Ноден (Афр<иканка>)

Carvalho
Tamburini
Gaudoni <?>
Reber
Flandrin
Cabanel

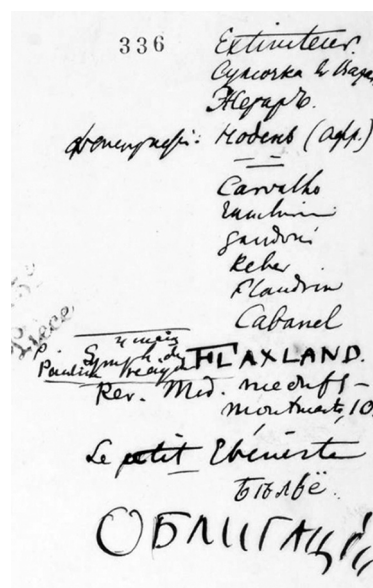
нрзб.
P. Symph. de
Pauline нрзб.

FLAXLAND

Rev. Med. medufs —
Montmartre, 10

Le petit Evénèrte

Белье
ОБЛИГАЦИИ

⁴⁸действительные *вписано под строкой позднее.* ⁴⁹и трудности *вписано под строкой позднее.* ⁵⁰детского воспитания. *дописано позднее.* ⁵¹настоя<щего> *вписано над строкой.* ⁵²Далее *вписано и зачеркнуто:* Перро ⁵³ему *вписано на полях.* ⁵⁴ни в каких похвалах. *вписано на полях.* ⁵⁵Далее *начато и зачеркнуто:* а. свое<му> б. *Над строкой вписано:* <сво>им

СИНЯЯ БОРОДА

Черновой автограф

Жил-был однажды человек, за которым водилось много всякого добра:¹ были у него² прекрасные дома в городе и за городом,³ золотая и серебряная посуда,⁴ шитые кресла⁵ и позолоченные кареты.⁶ Но к несчастью, борода у этого человека была синяя, и это⁷ придавало ему⁸ такой безобразный и грозный вид, что все девушки и женщины, бывало, как только завидят его, так давай бог ноги.⁹

У одной из его соседок, дамы происхождения благородного — были две дочери — совершенные красавицы. — Он посватался за них¹⁰, не назначая какую именно и¹¹ предоставляя самой¹² матери выбрать ему¹³ невесту. — Но ни та, ни другая не соглашалась¹⁴ быть его женой —¹⁵ и только перекорялись между собою:¹⁶ они не могли решиться выйти замуж за человека, у которого борода была синяя. — Их смущало еще то обстоятельство, что он¹⁷ имел уже несколько жен и никто не знал, что с ними случилось.

---

¹водилось много всякого добра: *вписано на полях.* ²у него *вписано над строкой.*
³*Далее над строкой начато и зачеркнуто:* вся<кой?> ⁴золотая и серебряная посуда | золотые и серебряные посуды ⁵кресла | мебели ⁶за которым водилось ~ кареты. | у которого были прекрасные дома в городе и за городом, золотые и серебряные посуды, шитые кресла и позолоченные кареты. ⁷*На полях вписано:* борода ⁸и это придавало ему | это ему придавало ⁹все девушки и женщины ~ давай бог ноги. | все девушки и женщины от него спасались бегством. ¹⁰за них | за одну из них ¹¹не назначая какую именно и *вписано над строкой.* ¹²самой *вписано на полях.* ¹³ему *вписано над строкой.* ¹⁴соглашалась | соглашались ¹⁵*Далее зачеркнуто:* и отсылали ¹⁶и только перекорялись между собою *зачеркнуто и затем восстановлено.* ¹⁷*Далее зачеркнуто:* уже

Синяя Борода, желая дать им возможность узнать его покороче,¹⁸ повез их вместе с их матерью¹⁹, тремя-четырьмя²⁰ самыми²¹ близкими их приятельницами и несколькими молодыми людьми из соседства — в один из своих загородных домов, где и провел с ними целую неделю. Гости²² гуляли, ездили на охоту и на рыбную ловлю; пляски и пиры не прекращались — по ночам²³ сна и в помине не было и всякий²⁴ придумывал разные шалости²⁵ и шутки; словом, всем было²⁶ так хорошо и весело, что младшая из дочерей²⁷ скоро пришла к тому убеждению,²⁸ что у хозяина борода уж вовсе не такая <синяя> и что он был очень любезный и приятный кавалер. Как только все вернулись в город, свадьбу и сыграли.

По прошествии месяца, Синяя Борода сказал своей жене, что он принужден был отлучиться, по меньшей мере на шесть недель, для очень важного дела. —²⁹ Он³⁰ попросил ее не скучать в его отсутствие, а напротив всячески стараться рассеяться — пригласить своих приятельниц, повести их за город, если вздумается —³¹ кушать и пить сладко³², словом, жить в свое удовольствие.³³ «Вот, — прибавил он, — ключи от двух главных³⁴ кладовых; вот ключи от серебряной и золотой посуды, которая не каждый день на стол ставится; вот эти³⁵ от моих сундуков с деньгами;³⁶ от ящиков с драгоценными камнями<ми>; вот ключ, которым все комнаты³⁷ отпереть можно. А вот этот маленький ключик — отпирает коморку³⁸, которая находится внизу, на самом конце главной галереи. Вы можете всё отпирать, всюду входить, но я запрещаю Ва<м>³⁹ входить в ту комнатку⁴⁰ — и запрещение мое такое на этот счет⁴¹ стро-

---

¹⁸желая дать им возможность узнать его покороче | желая *a.* поближе с ними познакомиться *b.* дать им случай узнать его покороче ¹⁹повез их вместе с их матерью | *a.* повез их с их матерью *b.* повез их однажды с их матерью ²⁰Далее зачеркнуто: их ²¹Далее зачеркнуто: коро<ткими> ²²Гости | Они ²³по ночам *вписано слева на полях.* ²⁴по ночам сна и в помине не было и всякий | *a.* никто не спал и только *b.* сна и в помине не было: и каждый ²⁵разные шалости | всякие шалости ²⁶всем было | *a.* Как в тексте. *b.* время шло ²⁷Далее начато и зачеркнуто: нач<ала> ²⁸скоро пришла к тому убеждению, | *a.* понемногу поняла *b.* начала *v.* понемногу убедилась *г.* пришла к тому убеждению *д.* вскоре пришла к тому убеждению ²⁹Далее начато: Он [по<просил?>] ³⁰Далее зачеркнуто: поручил ³¹Далее зачеркнуто: и везде ³²кушать и пить сладко *обведено и перенесено сюда позднее (см. примеч. 33б).* ³³кушать и пить ~ удовольствие. | *a.* словом, жить в свое удовольствие, кушать сладко. *b.* словом, жить в свое удовольствие, кушать и пить сладко. ³⁴Далее зачеркнуто: шкапов ³⁵вот эти | вот ключи ³⁶Далее зачеркнуто: вот эти ³⁷все комнаты | *a.* Как в тексте. *b.* все покои ³⁸отпирает коморку | отпирает комнатку ³⁹Ва<м> *вписано над строкой.* ⁴⁰ту комнатку | ту маленькую комнатку ⁴¹на этот счет *вписано над строкой.*

гое и грозное⁴² — что — если Вам случится⁴³ ее отпереть — то⁴⁴ нет⁴⁵ такой беды,⁴⁶ которой Вы бы не должны были ожидать от моего гнева.

Супруга С<иней> Б<ороды>⁴⁷ обещалась⁴⁸ в точности исполнить все⁴⁹ его приказания и наставления; а он, поцеловав ее, сел в свою карету и пустился в путь.

Соседки и приятельницы молодой не стали дожидаться ее⁵⁰ приглашения — а пришли все⁵¹ сами, до того велико было их нетерпение увидеть собственными глазами все⁵² несметные⁵³ богатства, какие, по слухам, находились⁵⁴ в ее доме; они боялись прийти,⁵⁵ пока муж не уехал. Синяя его борода их очень пугала. — Они тотчас⁵⁶ отправились осматривать⁵⁷ все покои, и удивлению их конца не было: так все было великолепно и красиво!⁵⁸ Они добрались до кладовых — и чего⁵⁹-чего там они не увидали: пышные⁶⁰ кровати, диваны,⁶¹ занавесы богачейшие, столы, столики, зеркала такие огромные, <что> можно было в них⁶² себя видеть с⁶³ головы до ног — и с такими чудесными,⁶⁴ необыкновенными рамами — одни рамы⁶⁵ были тоже зеркальные, другие из⁶⁶ позолоченного резного серебра. — Соседки и приятельницы⁶⁷ без умолку восхваляли и превозносили счастье хозяйки дома — хотя⁶⁸ она⁶⁹ несколько не забавлялась зрелищем всех этих богатств: ее мучило желание⁷⁰ отпереть коморку внизу, на конце галереи⁷¹.

---

⁴²и грозное *вписано над строкой.* ⁴³Далее *зачеркнуто*: чего ⁴⁴то *вписано над строкой.* ⁴⁵Далее *зачеркнуто*: ничего ⁴⁶На полях *записан вариант*: и нет кары ⁴⁷Супруга С<иней> Б<ороды> | Она ⁴⁸Далее *зачеркнуто*: ему ⁴⁹все *вписано над строкой.* ⁵⁰ее *вписано над строкой.* ⁵¹пришли все | пришли тотчас ⁵²нетерпение увидеть собственными глазами все | *а.* нетерпение посмотреть все *б.* нетерпение посмотреть на в<се> ⁵³несметные *вписано над строкой.* ⁵⁴богатства, какие по слухам, находились | *а.* богатства, находящиеся *б.* богатства, какие находились ⁵⁵они боялись прийти *вписано над строкой.* ⁵⁶Они тотчас | *а.* Вот они пришли и *б.* Вот они и пришли и ⁵⁷Далее *зачеркнуто*: все комнаты ⁵⁸удивлению их конца не было: так все было великолепно и красиво! | *а.* *Начато и зачеркнуто*: [все]: После двоеточия *начато и зачеркнуто*: *б.* как всё <?> *в.* какое всё <?> *Далее в строку*: *г.* [все] было [богато] и красиво! *д.* [все] было великолепно и красиво! ⁵⁹Далее *зачеркнуто*: то <чего-то чего> ⁶⁰пышные *вписано под строкой.* ⁶¹диваны *вписано над строкой.* ⁶²можно было в них | что *а.* *Начато*: мож<но> *б.* каждая могла ⁶³Далее *зачеркнуто*: ног ⁶⁴Далее *зачеркнуто*: невиданны<ми> ⁶⁵одни рамы | одни *а.* *Начато и зачеркнуто*: был<и> *б.* из них <?> ⁶⁶Далее *зачеркнуто*: серебра ⁶⁷Далее *зачеркнуто*: неумол<чно> ⁶⁸хотя | *а.* ⁶⁹Далее *зачеркнуто*: *а.* в это время *б.* в это самое время ⁷⁰мучило желание | *а.* мучило нетерпение *б.* ужасно мучило нетерпение *в.* ужасно мучило желание *г.* ужасно мучило нетерпение заглянуть ⁷¹на конце галереи *вписано под строкой.*

Так сильно было ее любопытство, что не сообразив даже того,⁷² как⁷³ невежливо оставлять своих гостей, она вдруг бросилась⁷⁴ вниз по⁷⁵ потаенной лестнице — шеи себе чуть не сломала⁷⁶. — Прибежав к двери коморки, она однако⁷⁷ остановилась на минутку — запрещение мужа⁷⁸ пришло ей в голову. — «Ну,⁷⁹ — подумала она, — будет мне беда за мое непослушание!» Но соблазн был слишком силен⁸⁰ — она никак с ним не сладила⁸¹ — взяла маленький ключ и, вся дрожа как лист, отперла коморку.

Сначала она ничего не увидела⁸² — в коморке было темно⁸³, окна были закрыты.⁸⁴ — Но погода немного,⁸⁵ она увидела, что весь пол был покрыт запекшейся кровью — и в этой крови⁸⁶ отражались тела нескольких мертвых женщин, привязанных вдоль стен: это были прежние жены Синей Бороды, которых он зарезал одну за одной. — Она чуть не умерла на месте⁸⁷ от страха и⁸⁸ выронила из руки ключ.⁸⁹

Наконец она опомнилась,⁹⁰ подняла ключ, заперла дверь и⁹¹ пошла в свою⁹² комнату⁹³ отдохнуть и оправиться; но она⁹⁴ до того перепугалась, что никаким образом⁹⁵ не могла⁹⁶ совершенно прийти в себя.

Она заметила, что ключ от коморки запачкался⁹⁷ в крови,⁹⁸ Она утерла его раз — другой, третий раз,⁹⁹ но кровь не сходила; как она его ни мыла, как ни терла даже песком и толченым кирпичом —¹⁰⁰ кровь все оставалась!¹⁰¹ Ключ этот был волшебный и не было возможности его вытереть:¹⁰² кровь¹⁰³ с одной стороны сходила — а¹⁰⁴ выступала с другой.

---

⁷² не сообразив даже того, | не подумав о том ⁷³ как | а. Как в тексте. б. что ⁷⁴ она вдруг бросилась | а. она побежала б. она бросилась ⁷⁵ по вписано поверх с ⁷⁶ шеи себе чуть не сломала | а. и чуть себе шеи не сломала б. да едва шеи себе чуть не сломала ⁷⁷ однако зачеркнуто и затем восстановлено. ⁷⁸ Далее над строкой вписано и зачеркнуто: неудачно ⁷⁹ Ну | Беда может ⁸⁰ силен | велик ⁸¹ она никак с ним не сладила | а. она не сладила с ним б. она не сладила с своим соблазном ⁸² не увидела | а. Как в тексте. б. не различила ⁸³ — в коморке было темно вписано на полях. ⁸⁴ не увидела ~ закрыты. | не увидела, потому что окна были закрыты. ⁸⁵ Но погода немного | а. Спустя несколько времени б. Спустя немного в. Погода немного ⁸⁶ и в этой крови | в которой ⁸⁷ на месте | тут же ⁸⁸ Далее над строкой начато и зачеркнуто: нрзб. ⁸⁹ Далее зачеркнуто: а. от коморки б. от страха ⁹⁰ она опомнилась | она пришла немного в себя ⁹¹ Далее зачеркнуто: пришла ⁹² свою вписано над строкой. ⁹³ Далее зачеркнуто: чтобы ⁹⁴ она в тексте записано неразборчиво, затем вписано повторно над строкой. ⁹⁵ никаким образом вписано над строкой. ⁹⁶ Далее зачеркнуто: никак ⁹⁷ ключ ~ запачкался | ключ был запачкан ⁹⁸ Далее зачеркнуто: два часа ⁹⁹ Она утерла ~ раз; | а. она несколько раз утерла этот ключ б. несколько раз утерла она этот ключ в. Вписано на полях: Она принялась тереть, еще раз — еще раз; ¹⁰⁰ На полях вписано: пятно ¹⁰¹ Далее зачеркнуто: ни мыло, ни песок потому что ¹⁰² возможности его вытереть | возможно оттереть его ¹⁰³ кровь вписано на полях. ¹⁰⁴ а зачеркнуто и затем восстановлено.

В тот же вечер вернулся¹⁰⁵ Синяя Борода¹⁰⁶ из своего путешествия; он сказал жене¹⁰⁷, что он на дороге получил письма, из которых узнал¹⁰⁸, что дело, по которому он должен был уехать, решилось в его пользу. — Жена его, как следовало,¹⁰⁹ постаралась всячески¹¹⁰ показать¹¹¹ ему, что она очень обрадовалась его скорому возвращению.

На другое утро он спросил у нее ключи¹¹². Она подала их ему, но рука ее¹¹³ так дрожала, что он без труда¹¹⁴ догадался обо всем, что произошло в его отсутствие. — <От>чего,¹¹⁵ — спросил он, — ключ от коморки не находится вместе с другими? — Я его¹¹⁶, должно быть, забрала¹¹⁷ наверху, на столе, — отвечала она. — Прошу принести его, слышишь?¹¹⁸ — сказал Синяя Борода.

После нескольких отговорок и отсрочек — она должна была наконец принести¹¹⁹ роковой ключ. — Это отчего кровь на¹²⁰ нем, — спросил он. — Не знаю отчего, — ответила бедная женщина — а сама побледнела как полотно. — Ты не знаешь? — подхватил С<иняя> Б<орода>. — Ну так я знаю.¹²¹ — Ты хотела войти в коморку? — Хорошо же — ты и войдешь туда и займешь свое место подле тех женщин¹²², которых ты там видела.

Она бросилась к ногам своего мужа, горько заплакала¹²³ и начала просить у него прощения в своем непослушании, изъясняя притом самое искреннее раскаяние и огорчение.¹²⁴ Кажется, камень бы тронулся¹²⁵ мольбами¹²⁶ такой красавицы; но у С<иней> Б<ороды> сердце было тверже всякого камня. — Ты должна умереть, — сказал он ей, —¹²⁷ сейчас. — Коли уж я должна непременно¹²⁸ умереть, — сказала она сквозь слезы,¹²⁹ — так дай мне чуточку времени¹³⁰ Богу помолиться. — Даю

---

¹⁰⁵ В тот же вечер вернулся *вписано на полях*. ¹⁰⁶ *Далее начато и зачеркнуто*: вернулся в ¹⁰⁷ *Далее зачеркнуто*: своей ¹⁰⁸ узнал | увидел ¹⁰⁹, как следовало, *вписано на полях*. ¹¹⁰ Жена его ~ всячески | *а*. Жена его сделала всё что только могла, чтоб *б*. Жена его всячески старалась *в*. Жена его всячески постаралась ¹¹¹ показать | выказать ¹¹² *Далее зачеркнуто*: которые он оставил ¹¹³ ее | у ней ¹¹⁴ без труда | тотчас ¹¹⁵ <От>чего | [Что за притча — от]чего ¹¹⁶ его | ее ¹¹⁷ *Далее зачеркнуто*: у себя ¹¹⁸ Прошу принести его, слышишь? | *Начато*: Но ты мне его ¹¹⁹ *Далее начато и зачеркнуто*: несча^астный> ¹²⁰ *Далее зачеркнуто*: ключе ¹²¹ Ну так я знаю. | Так я знаю отчего. ¹²² тех женщин | *а*. *Как в тексте*. *б*. тех барынь ¹²³ горько заплакала | *а*. *Начато*: и слезы *б*. и зарыдала ¹²⁴ прощения ~ и огорчение. | *а*. прощения со всеми знаками искреннего раскаяния. *б*. прощения в своем непослушании, со всеми знаками искреннего раскаяния. *в*. прощения в своем непослушании, изъясняя притом самое искреннее раскаяние. ¹²⁵ *Далее зачеркнуто*: ее ¹²⁶ *Далее начато и зачеркнуто*: так ¹²⁷ *Далее зачеркнуто*: и ¹²⁸ непременно *вписано над строкой*. ¹²⁹ сквозь слезы | глядя на него ¹³⁰ чуточку времени | немножко времени

тебе ровно пять минут, — сказал С<инья> Б<орода>, — и ни секунды больше.

Он ушел — а она позвала сестру свою и сказала ей: Сестра моя Анна (ее так звали) — взойди, пожалуйста, на¹³¹ сам<ый>¹³² верх башни — посмотри, не едут ли мои братья: они обещались навестить меня сегодня: если ты их увидишь, так подай¹³³ им знак, чтобы они поторопились.

Сестра Анна взойшла на верх башни — а¹³⁴ бедняжка горемычная¹³⁵ кричала ей от времени до времени: Сестра Анна, ты¹³⁶ ничего не видишь? — А сестра Анна ей отвечала: Я вижу — солнышко¹³⁷ яснеет¹³⁸ и трава¹³⁹ зеленеет.

Между тем С<инья> Б<орода> — ухватя огромны<й> ножище, орал¹⁴⁰ изо всей силы: Иди сюда тотчас¹⁴¹ — или я к тебе пойду! — Еще минуточку, — отвечала¹⁴² его¹⁴³ жена — и прибавляла шепотом: Анна, с<естра> А<нна>, ты ничего не видишь! А сестра Анна отвеч<ала>: Я вижу, с<олнышко> я<снеет> и т<равушка> зеленеет.

Иди же, иди же скорей, — орал С<инья> Б<орода>, — а не¹⁴⁴ то я к тебе пойду! — Иду, иду, — отвечала ж<ен>а, — и опять спрашивала сестру: А<нна>, с<естра> А<нна>, ты ничего не видишь?

Я вижу, — отвечала Анна, — большое облако пыли к нам подвигается. — Братья ли это?¹⁴⁵ — Ах нет, сестра — это стадо баранов. — Придешь ли ты наконец! — гремел¹⁴⁶ С<инья> Б<орода>. — Еще маленькую минуточку, — отвечала его жена и опять спросила¹⁴⁷: А<нна>, с<естра> А<нна> — ты ничего не вид<ишь?> — Я вижу двух верховых, которые сюда скачут: но они еще очень далеко. — Слава Богу! — прибавила она, немного погодя — это наши братья. — Я им знак подаю,¹⁴⁸ чтобы они спешили, как только возможно.

Но тут¹⁴⁹ С<инья> Б<орода> такой поднял гам, что сами стены дома задрожали.¹⁵⁰ — Бедная женщина сошла вниз и бросилась к ногам сво-

---

¹³¹Далее начато и зачеркнуто: самую высокую ¹³²сам<ый> вписано над строкой. ¹³³подай | а. сделай б. дай ¹³⁴Далее зачеркнуто: бедная несчастная ¹³⁵бедняжка горемычная | горемычная бедняжка ¹³⁶ты вписано над зачеркнутым ничего ¹³⁷солнышко | а. Как в тексте. б. солнце ¹³⁸яснеет | а. Как в тексте. б. играет ¹³⁹трава | а. травка б. травушка ¹⁴⁰С<инья> Б<орода> ~ орал | С<инья> Б<орода> — с [больш<им>] огромным ножищем в руке, кричал ¹⁴¹тотчас вписано над строкой. ¹⁴²Далее начато и зачеркнуто: шепотом ¹⁴³его вписано над строкой. ¹⁴⁴не вписано над строкой. ¹⁴⁵Братья ли это? | а. Начато и зачеркнуто: Что же б. Начато: Это ли в. Не это ли братья? г. Это братья ли? ¹⁴⁶гремел | кричал ¹⁴⁷спросила | спрашивала ¹⁴⁸Я им знак подаю | а. Как в тексте. б. Я даю им знак ¹⁴⁹Но тут вписано над строкой. ¹⁵⁰что сами стены дома задрожали | что весь дом задрожал

его мужа,¹⁵¹ вся растерзанная и¹⁵² в слезах¹⁵³. — Это ни к чему тебе не послужит, — сказал С<инья> Б<орода>, — пришел твой смертный час. —

Одной рукой он схватил ее за волосы — а другой, подняв свой страшный нож¹⁵⁴ — он замахнулся на нее, чтобы отрубить ей голову.¹⁵⁵ Бедная женщина — обратила к нему свои погасшие глаза¹⁵⁶. — Дай¹⁵⁷ мне еще миг, только один миг, с духом собраться¹⁵⁸. — Нет, нет, — отвечал он, — поручи душу свою Богу... — и поднял уже руку. — Но в эт<о> мгновение¹⁵⁹ такой ужасный¹⁶⁰ стук поднялся у двери, что С<инья> Б<орода> остановился... Дверь разом отворилась — и в комнату ворвались¹⁶¹ два молодых человека,¹⁶² выхватив свои шпаги, они бросились прямо на С<инюю> Б<ороду>.

Он узнал братьев своей жены — один служил в драгунах, другой в конных егерях — и тотчас¹⁶³ наострил лыжи,¹⁶⁴ но братья нагнали его, прежде чем он мог добежать до крыльца. — Они прокололи его насквозь своими шпагами — и оставили его на полу мертвым. — Бедная жена С<иней> Б<ороды>¹⁶⁵ была сама чуть жива, не хуже своего мужа и не име<ла>¹⁶⁶ даже довольно силы,¹⁶⁷ чтобы подняться и обнять своих избавителей.

Оказалось, что у С<иней> Б<ороды> не было наследников — и все его состояние поступило его вдове. — Одну¹⁶⁸ часть его богатства она¹⁶⁹ употребила на то, чтобы выдать свою¹⁷⁰ сестру Анну за¹⁷¹ дворянина, который уже давно был в нее влюблен; — на другую часть¹⁷² она купила братьям¹⁷³ капитанские чины; а с остального¹⁷⁴ она сама вышла за весьма честного и хорошего человека; с ним она забыла все горе, которое¹⁷⁵ претерпела, будучи женой С<иней> Б<ороды>.

Печатается по микрофильму, хранящемуся в ИРЛИ.

Подлинник хранится: BN. Slave 74. F. 338–340.

См. также: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10520642g/f723.image>

---

¹⁵¹к ногам своего мужа | к его ногам ¹⁵²Далее зачеркнуто: ра<стрепанная?>
¹⁵³Далее зачеркнуто: растрепанная ¹⁵⁴а другой подняв свой страшный нож | *Начато*: а замахнувшись своим страшным ножом ¹⁵⁵чтобы отрубить ей голову *вписано на полях*. ¹⁵⁶Далее зачеркнуто: и поп<росила> ¹⁵⁷Дай | Дайте ¹⁵⁸с духом собраться | чтобы собраться с духом ¹⁵⁹в эт<о> мгновение | в эту минуту (эту *осталось без изменений*). *Далее начато и зачеркнуто*: кровь так сильно ¹⁶⁰ужасный | сильн<ый> ¹⁶¹в комнату ворвались *вписано над строкой*. | *а. Начато и зачеркнуто*: появи<лись> ¹⁶²Далее начато и зачеркнуто: кото<рые> ¹⁶³Далее зачеркнуто: пустился в бегство ¹⁶⁴Далее зачеркнуто: пожелав только о своем спасении; ¹⁶⁵Бедная жена С<иней> Б<ороды> | Бедная его жена ¹⁶⁶не име<ла> *вписано над строкой*. ¹⁶⁷даже довольно силы | даже силы довольно ¹⁶⁸Одну *вписано над строкой*. ¹⁶⁹Далее зачеркнуто: отдала Анне ¹⁷⁰Далее зачеркнуто: молодую ¹⁷¹Далее зачеркнуто: молодого ¹⁷²на другую часть | другая часть ей послуж<ила> ¹⁷³Далее зачеркнуто: своим ¹⁷⁴с остального | с остальным имуществом ¹⁷⁵Далее зачеркнуто: она

СИНЯЯ БОРОДА

Беловой автограф

Жил-был однажды человек, за которым водилось множество всякого добра: были у него прекрасные дома в городе и за городом, золотая и серебряная посуда, шитые кресла и позолоченные кареты. Но к несчастью, борода у этого человека была синяя — и эта борода придавала ему такой безобразный и грозный вид, что все девушки и женщины, бывало, как только завидят его, так давай Бог поскорее ноги.

У одной из его соседок, дамы происхождения благородного — были две дочери — красавицы совершенные. — Он посватался за одну из них, не назначая какую именно и предоставляя самой матери выбрать ему невесту. Но ни та, ни другая не соглашалась быть его женой: они не могли решиться выйти за человека, у которого борода была синяя — и только перекорялись между собою, отсылали его друг дружке¹. Их смущало еще то обстоятельство, что он имел уже несколько жен и никто на свете не знал, что с ними случилось.

Синяя Борода, желая дать им возможность узнать его покороче, повез их вместе с матерью, тремя-четырьмя самыми близкими их приятельницами и несколькими молодыми людьми из соседства — в один из своих загородных домов, где и провел с ними целую неделю. Гости гуляли, ездили на охоту, на рыбную ловлю: пляски и пиры не прекращались; сна по ночам и в помине не было — всякий потешался,² придумывал забавные шалости³ и⁴ шутки⁵; словом,⁶ всем было так хорошо и ве-

---

¹ друг дружке | друг к дружке ² потешался, *вписано над строкой*. ³ забавные шалости | всякие шалости ⁴ и *вписано над строкой*. ⁵ и шутки | и забавные шутки ⁶ *Далее зачеркнуто*: время

село, что⁷ младшая из дочерей скоро пришла к тому убеждению, что⁸ у хозяина борода уже вовсе не такая синяя — и что он был⁹ очень любезный и приятный кавалер. Как только все вернулись в город — свадьбу тотчас и сыграли.

По прошествии месяца, Синяя Борода сказал своей жене, что он принужден был¹⁰ отлучиться, по меньшей мере на шесть недель, для очень важного дела. Он попросил ее не скучать в его отсутствие, а напротив всячески стараться рассеяться, пригласить своих приятельниц, повести их за город, если вздумается — кушать и пить сладко — словом, жить в свое удовольствие. «Вот, — прибавил он, — ключи от двух главных кладовых; вот ключи от золотой и серебряной посуды, которая не каждый день на стол ставится; — вот — от сундуков с деньгами; вот — от ящичков с драгоценными камнями;¹¹ вот наконец ключ, которым все комнаты отпереть можно. — А вот этот маленький ключик отпирает коморку, которая находится внизу, на самом конце главной галереи. Вы можете всё отпирать, всюду входить, но я¹² запрещаю Вам входить в ту коморку, и запрещение мое на этот счет такое строгое и грозное — что если Вам случится, чего Боже сохрани — ее отпереть — то нет такой беды, которой Вы бы не должны были ожидать от моего гнева».

Супруга Синея Бороды обещалась в точности исполнить все его приказания и наставления; а он, поцеловав ее, сел в свою¹³ карету — и пустился в путь.

Соседки и приятельницы молодой не стали дожидаться ее¹⁴ приглашения, а пришли все сами, до того велико было их нетерпение увидеть собственными глазами те несметные богатства, какие, по слухам, находились в ее доме. Они боялись прийти, пока муж не уехал: синяя его борода их очень пугала. Они тотчас отправились осматривать все покои — и удивлению их конца не было: так все им показалось великолепным и красивым! Они добрались до кладовых — и чего-чего они там не увидели! — Пышные кровати, диваны, занавесы богатейшие, столы, столики, зеркала такие огромные, что с головы до ног можно было в них

---

⁷ что в тексте подчеркнуто и на полях проставлен крестик, означающий удаление.

⁸ что в тексте подчеркнуто и на полях проставлен крестик, означающий удаление.

⁹ был в тексте подчеркнуто и на полях проставлен крестик, означающий удаление.

¹⁰ был в тексте подчеркнуто и на полях проставлен крестик, означающий удаление. ¹¹ камнями обведено и на полях проставлен крестик, означающий удаление.

¹² я обведено и на полях проставлен крестик, означающий удаление. ¹³ свою обведено и на полях проставлен крестик, означающий удаление. ¹⁴ ее обведено, что, по-видимому, означает удаление, далее начато и зачеркнуто: приг<лашения>

себя видеть — и с такими чудесными, необыкновенными рамами! Одни рамы были тоже зеркальные, другие из позолоченного, резного серебра. — Соседки и приятельницы без умолку восхваляли и превозносили счастье хозяйки дома — а она нисколько не забавлялась зрелищем всех этих богатств: ее мучило желание — отпереть коморку внизу, на конце галереи.

Так сильно было ее любопытство, что, не сообразив того, как невежливо оставлять своих¹⁵ гостей, она вдруг бросилась вниз по потаенной лестнице... чуть шеи себе не сломала. Прибежав к двери¹⁶ коморки, она однако остановилась на минутку — запрещение мужа пришло ей в голову. — «Ну, — подумала она, — будет мне беда за мое непослушание!» Но соблазн был слишком силен — она никак не могла с ним сладить — взяла ключ — и, вся дрожа как лист, отперла коморку.

Сперва она ничего не разобрала: — в коморке было темно... окна были закрыты. Но погода немного, она увидела, что весь пол был залит запекшейся кровью — и в этой крови отражались тела нескольких мертвых женщин, привязанных вдоль стен: это¹⁷ были прежние жены Синей Бороды, которых он зарезал одну за другою¹⁸. Она чуть не умерла на месте от страха и выронила из руки ключ.

Наконец она опомнилась, подняла ключ, заперла дверь и пошла в свою комнату отдохнуть и оправиться; но она до того перепугалась, что никаким образом не могла совершенно прийти в себя.

Она заметила, что ключ от коморки запачкался в крови; она утерла его раз, другой, третий... Но кровь не сходила. Как она его ни мыла, как ни терла даже песком и толченым кирпичом — пятно крови все оставалось! — Ключ этот был¹⁹ волшебный — и не было возможности его вычистить: кровь с одной стороны сходила — а выступала с другой.

В тот же вечер вернулся Синяя Борода из своего путешествия. Он сказал жене, что на дороге получил письма, из которых узнал, что дело, по которому он должен был уехать, решилось в его пользу. — Жена его, как водится, всячески старалась показать ему, что она очень обрадовалась его скорому возвращению.

На другое утро он спросил у нее ключи. Она подала их ему — но рука ее так дрожала, что он без труда догадался обо всем, что произошло в его отсутствие. — «Отчего, — спросил он, — ключ от коморки не находится вместе с другими?» — «Я его, должно быть, забыла у себя

---

¹⁵своих обведено, что, по-видимому, означает удаление. ¹⁶двери обведено, что, по-видимому, означает удаление. ¹⁷это обведено, что, по-видимому, означает удаление. ¹⁸одну за другою | одну за одной ¹⁹Далее начато и зачеркнуто: воз<?>

наверху, на столе», — отвечала она. «Прошу принести его — слышишь?» — сказал Синяя Борода.

После нескольких отговорок и отсрочек — она должна была наконец принести роковой ключ. — «Это отчего кровь?»²⁰ — спросил он. — «Не знаю отчего», — отвечала бедная женщина — а сама побледнела как полотно. «Ты не знаешь? — подхватил Синяя Борода. — Ну так я знаю. — Ты хотела войти в комнату. Хорошо же: ты войдешь туда и займешь свое место возле тех женщин, которых ты там видела».

Она бросилась к ногам своего мужа, горько заплакала и начала просить у него прощения в своем непослушании — изъясняя притом самое искреннее раскаяние и огорчение. — Кажется — камень бы тронулся мольбами такой красавицы: но у Синей Бороды сердце было тверже всякого камня. — «Ты должна умереть, — сказал он, — и сейчас». — «Коли уж я должна непременно умереть, — сказала она сквозь слезы, — так дай мне минуточку времени — Богу помолиться». «Даю тебе ровно пять минут, — сказал Синяя Борода, — и ни секунды больше».

Он сошел²¹ вниз²² — а она позвала сестру свою и сказала ей: «Сестра моя Анна — (ее так звали) — взойди, пожалуйста, на самый верх башни — посмотри, не едут ли мои братья? Они обещались навещать меня сегодня. Если ты их увидишь, так подай им знак — чтобы они поторопились».

Сестра Анна взошла на верх башни — а бедняжка горемычная от времени до времени кричала ей: «Сестра Анна, ты ничего не видишь?»

А сестра Анна ей отвечала: «Я вижу — солнышко²³ яснее и травушка зеленеет».

Между тем Синяя Борода, ухватив огромный ножище, орал изо всей силы: «Иди сюда, иди — или я к тебе пойду!» — «Еще минуточку», — отвечала его жена и прибавляла шепотом: «Анна, сестра Анна, ты ничего не видишь?»

А сестра Анна отвечала: «Я вижу — солнышко яснее и травушка зеленеет».

«Иди же, иди же скорее! — орал Синяя Борода, — а не то я к тебе пойду!» — «Иду, иду», — отвечала жена — и опять спрашивала сестру: «Анна, сестра Анна, ты ничего не видишь?»

«Я вижу, — отвечала Анна, — большое облако пыли к нам приближается». — «Это братья мои?» — «Ах нет, сестра, — это стадо баранов». — «Придешь ли ты наконец?» — вопил Синяя Борода. — «Еще

---

²⁰Это отчего кровь? | Это отчего кровь на ключе? ²¹Он сошел | Он [у]шел ²²вниз
вписано над строкой. ²³Далее начато и зачеркнуто: зеле<неет>

маленькую секундочку», — отвечала его жена и опять спросила: «Анна, сестра Анна, ты ничего не видишь?» — «Я вижу двух верховых, которые сюда скачут: но они еще очень далёко». «Слава Богу! — прибавила она, погода немного, — это наши братья. — Я им подаю знак, чтобы они спешили, как только возможно».

Но тут Синяя Борода такой поднял гам, что самые стены дома задрожали. Бедная жена его²⁴ сошла вниз и бросилась к его ногам, вся растерзанная и в слезах. — «Это ни к чему не послужит, — сказал Синяя Борода, — пришел твой смертный час». — Одной рукой он схватил ее за волосы — другую поднял свой страшный нож... Он замахнулся на нее, чтобы отрубить ей голову... Бедняжка обратила на него свои погасшие глаза. — «Дай мне еще миг — только один миг с духом собраться...» — «Нет, нет, — отвечал он, — поручи душу свою Богу...» И поднял уже руку. — Но в это мгновение такой ужасный стук поднялся у двери — что Синяя Борода остановился — оглянулся...²⁵ Дверь разом отворилась и в комнату ворвались два молодых человека; выхватив свои шпаги, они бросились прямо на Синюю Бороду.

Он узнал братьев своей жены — один служил в драгунах, другой в конных егерях — и тотчас наострил лыжи; но братья нагнали его, прежде чем он успел²⁶ добежать до крыльца. Они прокололи его насквозь своими шпагами — и оставили его на полу мертвым. Бедная жена Синея Бороды была сама чуть жива, не хуже своего мужа: она не нашла даже довольно силы, чтобы встать²⁷ и обнять своих избавителей.

Оказалось, что у Синея Бороды не было наследников — и все его достояние поступило его вдове. Одну часть его богатств она употребила на то, чтобы выдать свою сестру Анну за молодого²⁸ дворянина, который уже давно был в нее влюблен; на другую часть она купила братьям капитанские чины; — а с остального она сама вышла за весьма честного и хорошего человека; с ним она забыла все горе, которое претерпела, будучи женою Синея Бороды.

Печатается по микрофильму, хранящемуся в ИРЛИ.

Подлинник хранится: *BN. Slave 74. F. 342–344 v.*

См. также: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10520642g/f731.image>

---

²⁴Бедная жена его | Бедная женщина ²⁵Синяя Борода остановился — оглянулся... | Синяя Борода остановился. ²⁶успел *вписано над строкой.* ²⁷чтобы встать | чтобы подняться (подняться *обведено и на полях проставлен крестик, означающий удаление, и записан вариант:* встать) ²⁸молодого *вписано над строкой.*

На л. 343 на полях против первого абзаца перечислены в столбик названия сказок Перро:

- 1) Красная Шапочка
- 2) Мальчик-с-пальчик
- 3) Спящая Красавица
- 4) Замарашка
- 5) Кот в сапогах
- 6) Хохлик
- 7) Ослиная Кожа
- 8) *Волшебницы*
- 9) Синяя Борода

ВОЛШЕБНИЦА

Черновой автограф

Жила-была вдова, у которой были две дочери: старшая до того на нее¹ походила и лицом и нравом, что, как говорится, не развел бы их. — Так они были обе горды и неприветны, что, кажется, никто бы не согласился жить с ними. — Младшая, напротив, вышла в отца² кротостью³ и вежливостью — да и сверх того красавица она была необыкновенная. Всякому человеку нравится то,⁴ что на него походит; — мать⁵ была без ума от старшей дочери — а к младшей чувствовала отвращение неодолимое. Она⁶ заставляла ее работать с⁷ утра до вечера и не позволяла ей обедать за столом — а отсылала ее в кухню.⁸

Два раза⁹ в день¹⁰ бедняжка должна была ходить по воду, за три¹¹ версты от дому — и принести оттуда¹² большой¹³ тяжелый кувшин, полный доверху. Однажды, в самое то время как она была у колодца — к ней подошла нищая и попросила ее¹⁴ дать ей напиться. — «Изволь, голубушка», — отвечала¹⁵ красавица; выполоскала кувшин, зачерпнула воды на самом чистом месте источника и подала ей¹⁶ — а сама поддер-

---

¹старшая до того на нее | старшая на нее до того ²Далее зачеркнуто: и ³Над строкой вписано и зачеркнуто: нрава ⁴Всякому человеку нравится то | а. Всякому дорого то б. Начато: Всякий человек скло<няется?> ⁵мать | и мать ⁶Далее зачеркнуто: кормила ее в кухне и ⁷Далее начато и зачеркнуто: рас<света?> ⁸а отсылала ее в кухню | а в кухне ⁹Два раза | [Каждый день она] два раза ¹⁰в день вписано над строкой. ¹¹за три | за две ¹²оттуда вписано над строкой. ¹³Далее зачеркнуто: кувшин ¹⁴ее обведено в тексте и на полях проставлен крестик, означающий удаление. ¹⁵Далее зачеркнуто: а. она б. наша <?> ¹⁶Далее вписано и зачеркнуто: напиться

живала кувшин рукою, чтобы старушке ловчее¹⁷ было напиться¹⁸. — Старушка¹⁹ отпила воды да и говорит: «Ты такая красавица и такая притом добрая и вежливая, что я не могу не сделать тебе подарка». — (Старушка эта была волшебница, которая обернулась нищей²⁰ совсем²¹, чтобы испытать добрый нрав молодой девушки). — И будет мой тебе²² подарок состоять в том,²³ что всякий раз как ты промолвишь²⁴ слово, у тебя изо рта выпадет либо цветок, либо драгоценный камень.

Красавица вернулась домой — и мать принялась ее бранить²⁵ за то,²⁶ что она так долго промешкалась²⁷ у колодца. «Извини меня, матушка,²⁸ — я точно немного замешкалась», — отвечала²⁹ она и тут же выронила изо рта две розы, два жемчуга и два больших алмаза. — «Что я вижу? — воскликнула³⁰ старуха с удивлением. — У ней изо рта валяются³¹ жемчуги и алмазы. Откуда тебе эта благодать пришла, дочь моя?» — (Она ее в первый раз от роду назвала дочерью). — Бедняжка чистосердечно все рассказала, на каждом слове роняя по алмазу. — «Вот как! — возразила вдова; — так³² я сейчас³³ пошлю туда же мою дочь³⁴. Поди сюда, Груша, посмотри, что падает изо рта у твоей сестры, когда она говорит! — Небось, и ты бы желала иметь такой же дар? Тебе стоит пойти по воду к источнику³⁵ — и если нищая тебя попросит³⁶ воды напиться,³⁷ исполни ее просьбу³⁸ со всею³⁹ учтивостью да любезностью». «Вот еще!⁴⁰ — возразила злюка; — такая я, чтобы⁴¹ по воду ходить, как же!» — «Я хочу, чтобы ты пошла по воду, — возразила мать, — и сию же минуту».⁴²

Та⁴³ пошла — только все время ворчала. Она взяла с собою самый красивый серебряный графин, какой только находился у них в доме. — Не успела она приблизиться⁴⁴ к источнику, как увидела даму чрезвы-

---

¹⁷ ловчее *вписано на полях*. ¹⁸ напиться *обведено в тексте и на полях проставлен крестик, означающий удаление*. ¹⁹ Далее *начато и зачеркнуто*: вы<пила> ²⁰ нищей *вписано над зачеркнутым*: нищ<ей> ²¹ совсем *вписано на полях*. ²² И будет мой тебе *вписано над строкой*. ²³ подарок состоять в том | Подарок мой будет тебе тот ²⁴ промолвишь *вписано поверх ска<жешь>* ²⁵ Далее *зачеркнуто*: за то ²⁶ за то, *вписано на полях*. ²⁷ В слове промешкалась *обведены две последние буквы, означающие изъятие*. ²⁸ Далее *зачеркнуто*: отвечала дочь ²⁹ отвечала *вписано поверх*: и ³⁰ Далее *начато и зачеркнуто*: ее м<ать> ³¹ валяются | выходят ³² Далее *зачеркнуто*: надобно ж ³³ сейчас *вписано над строкой*. ³⁴ дочь | *Начато*: м<ать?> ³⁵ пойти по воду к источнику | пойти зачерпнуть воды в источнике ³⁶ Далее *начато и зачеркнуто*: дать ей а. на<пить> б. во<ды> ³⁷ Далее *зачеркнуто*: дать ей; *над строкой вписано*: исполни ее просьбу ³⁸ исполни ее просьбу | а. *Начато*: дайте ей б. исполните ее просьбу ³⁹ Далее *начато и зачеркнуто*: ве<жливостью?> ⁴⁰ Вот еще! | Как же ⁴¹ Далее *зачеркнуто*: пойти ⁴² На полях *против текста вписано*: Говорят тебе ступай — прикрикнула ⁴³ Та | Она ⁴⁴ Не успела она приблизиться | а. Только что она подошла б. Только что она приблизилась

чайно богато одетую: эта дама⁴⁵ вышла⁴⁶ из леса, подошла к ней и попросила⁴⁷ дать ей напиток. — Это была та же самая волшебница, которая явилась⁴⁸ ее сестре: но на этот раз⁴⁹ она⁵⁰ приняла⁵¹ на себя вид и всю наружность принцессы, с тем чтобы испытать, до какой степени нрав этой девушки был зол⁵² и неприятлив. «Разве я сюда пришла, чтобы поить других?»⁵³ — с грубостью отвечала гордячка; — уж не для тебя⁵⁴ ли я принесла из дома этот серебряный графин? Вишь какая барыня! Ты сама рукой зачерпни, коли так тебе пить хочется». — «Какая же ты невежа! — отвечала волшебница спокойным голосом, без всякого, впрочем,⁵⁵ гнева. —⁵⁶ Коли⁵⁷ ты так со мной поступила,⁵⁸ так и я же⁵⁹ тебе сделаю подарок — и будет он состоять в том, что при каждом⁶⁰ твоём слове у тебя изо рта выпадет змея или жаба».

⁶¹Мать, как только издала ее завидела, тотчас ей закричала: «Ну что, дочка?» — «Ну что, матка», — отвечала та — и у нее изо рта выпало две змеи и две жабы. — «О небо! — воскликнула старуха. — Что я вижу? — Все⁶² причину сестра⁶³ — это верно... ну так постой же!⁶⁴ Я же е!» — Она бросилась бить бедняжку⁶⁵ свою вторую дочь — но та убежала и спряталась в соседнем лесу. — Царский сын, возвращаясь с охоты, встретил ее там и, пораженный ее красотой, спросил ее, что она делает одна в лесу и зачем плачет. — «Ах сударь, — отвечала она, — мать моя⁶⁶ прогнала меня из дому», — и при этих словах у нее изо рта выпало несколько жемчугов и алмазов. Царский сын удивился и тотчас⁶⁷ спросил ее⁶⁸, что это значит⁶⁹? — Она рассказала ему свое приключение. Царский сын тут же в нее влюбился и, сообразив, что такой дар стоил⁷⁰ всякого приданого, взял ее с собою во дворец своего отца — и женился на ней.

---

⁴⁵эта дама | *Начато и зачеркнуто*: которая а. вышл<а> б. под<ошла?> ⁴⁶Далее *зачеркнуто*: к ней ⁴⁷из леса, подошла к ней и попросила | из леса и попросила ее ⁴⁸явилась | появилась (*приставка по-* обведена автором как подлежащая удалению). ⁴⁹но на этот раз *вписано над строкой*. ⁵⁰Далее *зачеркнуто*: обернулась принцессой и *вписано над строкой повторно*: она ⁵¹Далее *зачеркнуто*: вид ⁵²зол | дурен ⁵³Далее *зачеркнуто*: отвечала ⁵⁴для тебя | для вас ⁵⁵всякого, впрочем, *вписано над строкой*. ⁵⁶Далее *зачеркнуто*: Ну ⁵⁷Далее *зачеркнуто*: так ⁵⁸со мной поступила *вписано на полях*. ⁵⁹Далее *зачеркнуто*: сде<лаю> ⁶⁰Далее *зачеркнуто*: в том, что при каждом ⁶¹*Начато и зачеркнуто*: Как ⁶²Далее *зачеркнуто*: наверно ⁶³Далее *начато и зачеркнуто*: с ⁶⁴Далее *зачеркнуто*: Она ⁶⁵бедняжку *вписано над строкой*. ⁶⁶моя *обведено в тексте и на полях проставлен крестик, означающий удаление*. ⁶⁷сын удивился и тотчас | сын, увидав это ⁶⁸Далее *зачеркнуто*: тотчас ⁶⁹это значит | это значило ⁷⁰В слове стоил *последняя буква обведена и на полях проставлен крестик, означающий удаление*.

А сестра ее до того себя довела, что все ее возненавидели — и даже собственная мать ее прогнала; и несчастная, всеми отверженная, умерла одна в лесу⁷¹ с горя и с голода.

Печатается по микрофильму, хранящемуся в ИРЛИ, с заменой заглавия «Волшебницы», оставшегося в рукописи неисправленным, на окончательный вариант — «Волшебница».

Подлинник хранится: *BN. Slave 74. F. 345–346.*

См. также: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10520642g/f737.image>

---

⁷¹одна в лесу *вписано над строкой.*

ЛИБРЕТТО ОПЕРЕТТ

Н. Г. Жекулин

*Светлой памяти музыковеда
проф. Золтана Романа*

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О СОВМЕСТНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТУРГЕНЕВА И ПОЛИНЫ ВИАРДО В ХОУТОНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ГАРВАРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Во второй половине 1860-х годов современникам Тургенева его сотрудничество с Полиной Виардо в создании ряда оперетт было хорошо известно. О них писали в газетах всех европейских стран, в том числе и в России.¹ Появились не только сообщения о спектаклях, но и обширные рецензии в серьезной прессе.² Русские друзья, знакомые и недруги

---

¹ См., например: Литературное прибавление к «Нувеллисту». 1867. Сентябрь. С. 72 (номер вышел 1 сентября ст. ст.); Театр в Баденском Тиргартене // Сын отечества. 1868. 31 марта (12 апреля). № 13 (по известной статье Людвига Пича «Fürsten und Feen», появившейся в «Der Salon» за декабрь 1867 г.) и др.

² *Stahl P.-J.* <*Hetzel P.-J.*>. Le Château enchanté du vallon des Chèvres // Journal des Débats. 1867. 13 septembre. P. 1–2; <*Chorley H. F.*> Musical and Dramatic Gossip // Athenæum. 1867. 12 October. № 2085. P. 472; Allgemeine musikalische Zeitung. 1867. 16. Oktober. № 42. S. 339 (раздел «Kleine Nachrichten»); *Lallemand Ch.* Deux opérettes de Madame Viardot // La France musicale. 1867. 2 novembre.

Тургенева относились к этой его деятельности преимущественно скептически, даже отрицательно, особенно после того, как обстоятельства заставили его выступать в качестве не только автора такого «несерьезного» жанра, но и непосредственного участника спектаклей. В злободневном сатирическом еженедельнике «Будильник» была даже напечатана карикатура под названием «Последний мельник-колдун».³ Тургенев все это отлично знал. В своих письмах к русским друзьям он оправдывался. «Это и ее (Полину Виардо. — *Н. Ж.*), и меня забавляет, да и другим, по-видимому, не скучно», — писал он П. В. Анненкову.⁴ «Гости остались довольны, а спич Кракамиша, в котором слегка пародировались спичи его величества Наполеона III, вызвал даже густой смех на августейшие уста короля Вильгельма. Шутите с нами после этого!!» — читаем в другом письме.⁵ Правда, его самолюбие все-таки было немного задето. Говоря в письме от 14 (26) октября 1867 года к немецкому другу Л. Пичу о представлении оперетты «Слишком много жен» («*Trop de femmes*»), в которой сам писатель играл роль паши, он признался: «...когда я в роли „паша“ лежал на земле — и видел, как на неподвижных губах вашей надменной кронпринцессы медленно скользила легкая усмешка презрения, — что-то во мне дрогнуло! Даже при моем слабом уважении к собственной персоне, мне представилось, что дело зашло уж слишком далеко. При всем том — спектакли эти были чем-то очень хорошим и прелестным!».⁶

О его сотрудничестве с Полиной Виардо на поприще романсов русская публика тоже знала. В первом же сборнике романсов П. Виардо, вышедшем у петербургского издателя Иогансена в 1864 году (и в том же году в старейшем немецком издательстве Брайткопфа и Гертеля), был напечатан романс на слова Тургенева «Синица». История создания этого случайного стихотворения, превращенного в романс, не совсем обычна. Тургенев изложил ее в письме к немецкому переводчику Фридриху Боденштедту 26 сентября (8 октября) 1863 года: «Я сочинил эти 4 маленьких, довольно незначительных куплета, слушая пение синицы, а г-жа Виардо написала к ним восхитительную музыку — поэтому я и обращаюсь к вам, умоляя извинить мою нескромность, равно как и ничтожность того произведения, над которым вам предстоит поработать».⁷

---

³ Последний мельник-колдун (Опера). Подражание опере г. Тургенева «Последний колдун» // Будильник. 1869. 9 мая. № 17. С. 130.

⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 31. Письмо от 28 августа (9 сентября) 1867 г.

⁵ Там же. С. 49. Письмо к П. В. Анненкову от 7 (19) октября 1867 г.

⁶ Там же. С. 54, 226. Подлинник по-нем.

⁷ Там же. Т. 5. С. 210, 357. Подлинник по-франц.

А осенью 1868 года вышел третий сборник романсов у Иогансена: «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева». Три из них — «На заре», «Разгадка» и «Разлука» приписывались Тургеневу, хотя на самом деле являлись переводами.

Итак, оказывается, деятельность Тургенева как соавтора П. Виардо никогда не была тайной, но до последнего времени среди тургеневедов считалось, что это сотрудничество не имело большого значения. Правда, некоторые тексты баденских оперетт на языке оригинала и в переводе были изданы в «Литературном наследстве» вместе с поясняющими вступительными статьями и комментариями, а романсы, и в первую очередь роль Тургенева-переводчика, обсуждались в серии сборников, сопровождавших первое Полное собрание сочинений и писем Тургенева.⁸ Но надлежащей оценке самих произведений мешало то, что о тургеневском участии в них приходилось судить вне рамок их музыкального воплощения, так как услышать музыку к ним П. Виардо не было возможности. К счастью, в последние десять-пятнадцать лет ситуация изменилась к лучшему. «Последний колдун» несколько раз ставился на сцене,⁹ а романсы стали нередко звучать в консерваториях и концертных залах всего мира, появились записи на компакт-дисках. Кроме того, за это время исследователям стало доступно огромное количество архивных материалов, в первую очередь две богатейшие коллекции, приобретенные Хоутонской библиотекой Гарвардского университета: часть бывшего архива Андре и Мартин Ле Сен (в 1999 г.), а также архив, принадлежавший покойной австралийской оперной звезде Джоан Сазерленд и ее мужу Ричарду Бонингу (в 2011 г.). В частности, в этих коллекциях оказалось немало материалов, которые не только уточняют, но и значительно расширяют наши знания о произведениях, созданных Тургеневым вместе с Полиной Виардо. Настоящее исследование является очередной попыткой внести вклад в эту тему.¹⁰

Среди сокровищ Хоутонского архива имеется роскошный альбом, в который П. Виардо переписывала набело свои законченные музы-

---

⁸ См.: *Оливье Р.* Оперетты Тургенева // *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 69–90; *Швиц Г.* Представления оперетты «Последний колдун» // Там же. С. 208–224; *Заборова Р. Б.* О переводах Тургенева из Мёрике и Гейне // *Т Сб*. Вып. 2. С. 175–182; *Алексеев М. П.* Стихотворные тексты для романсов Полины Виардо // Там же. Вып. 4. С. 189–204.

⁹ Например, к столетию со дня рождения Полины Виардо в родной Франции в исполнении L'Oréga au Village (Pourrières) 15, 17, 19, 21 и 23 июля 2010 г. Существует некоммерческая видеозапись представления.

¹⁰ См.: *Жекулин Н. Г.* Тургенев в кругу семьи Виардо // *Тургенев. НИИМ* (3). С. 5–72.

«ПОСЛѢДНІЙ МЕЛЬНИКЪ-КОЛДУНЪ (Опера). ПОДРАЖАНІЕ ОПЕРЪ
Г. ТУРГЕНЕВА «ПОСЛѢДНІЙ КОЛДУНЪ».

Арія мельника.
Бывало, мельнику житье:
Колдуеть,—ахають старухи...
А нынче что памъ за житье?
Взять положеніе мое—
Меня не вывели и души!

«Последний мельник-колдун». Карикатура (Будильник. 1869. № 17)

кальные сочинения с 1838-го по 1863 год.¹¹ Этот альбом ценен еще и тем, что в большинстве случаев Виардо свои сочинения датировала. В нем находятся три номера, которые впоследствии попали в партитуру «Последнего колдуна»: «Air de Krakamiche» (Courtavenel, 8bre 1851) (Ария Кракамиша. Куртавнель, октябрь 1851 г.); «Stornello» («Pourrais-je jamais aimer...») (Courtavenel, 6 8bre 1857) («Сторнелло» («Мог бы я когда-нибудь любить...»), Куртавнель, 6 октября 1857 г.); «Chœur des lutins» («Par ici...») (Courtavenel, 16 juillet 1859) («Хор сильфид» («Вот сюда...»). Куртавнель, 16 июля 1859 г.).¹² Самое интересное тут как раз датировка. Давно известно, что до тех пор пока оперетта «Последний колдун» не получила своего окончательного облика в начале 1869 года, она прошла несколько этапов, коренным образом друг от друга отличающихся, о чем говорят многочисленные черновые рукописи под разными заглавиями.¹³ Однако дата, указанная в данном альбоме, свидетельствует о том, что начало совместной работы над музыкой, которая впоследствии стала частью этой оперетты, следует отнести к куртавнельским годам, причем в случае арии Кракамиша — к 1851 году, времени гораздо более раннему, чем до сих пор было принято считать.

Романс «La petite chevrère»

Упомянутый Хоутонский альбом включает в себе еще один сюрприз. Так как установлено, что три романса в альбоме, вышедшем у Иогансена в 1868 году, являются переводами, а не оригинальными стихотворениями Тургенева, «Синицу» в первом альбоме 1864 года было принято считать первым и единственным стихотворением Тургенева, положенным на музыку Полиной Виардо в виде романса. А в Хоутонском альбоме находится еще один романс — «La petite chevrère» («Маленькая пастушка», букв.: «Маленькая пастушка коз»), датированный: «Courtavenel, 19 Sep^{bre}» («Куртавнель, 19 сентября»). Год, по сопоставлению с соседними произведениями, можно установить как 1847-й.¹⁴ Романс был напечатан в самом конце 1849 года в альбоме «10 Mélodies par Pauline Viardot. Album de chant pour 1850» («10 романсов Полины Виардо. Альбом для пения

¹¹ С альбомом можно ознакомиться в интернете на сайте: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/46815169>.

¹² См.: Houghton Library. MS Mus 264 (97). F. 70 r–72 v; 83 r–83 v; 87 v–91 r.

¹³ См. соответствующие материалы в *ПССУП(2)*. Соч. Т. 12. С. 456–485. Крайне сложная творческая история этого произведения все еще требует подробного исследования.

¹⁴ Houghton Library. MS Mus 264 (97). F. 76 r–76 v.

Романс П. Виардо на слова Тургенева «La petite chevrière».
Автограф из нотной тетради. Первая страница.
Куртавнель, 19 сентября н. ст. 1847 г.

на 1850 год») без обозначения автора слов.¹⁵ Но в Хоутонском альбоме в заглавии этого романса мы читаем: «La petite chevrière de I. T.». Трудно себе представить, чтобы за инициалами «I. T.» мог скрываться кто-нибудь иной, кроме Ивана Тургенева. И в самом деле Тургенев в письме к Виардо упоминает о «своей» пастушке («ma chevrière»). Это стихотворение, таким образом, можно считать неизвестным произведением Тургенева, одним из редких, если не единственным его художественным произведением, написанным не на русском языке:

LA PETITE CHEVRIERE

Ah! c'est déjà ma fauvette
Qui chante sur le pommier;
J'ai dormi longtemps;
Allons il est temps!
Il est temps, car la clochette
Sonne au cou de mon bélier.
Allons, mes chevreaux gentils,
Suivez-moi, grands et petits.

МАЛЕНЬКАЯ ПАСТУШКА

Ах! вот уже моя малиновка
Распевает на яблоне;
Я долго спала;
Пора и вставать!
Пора, потому что колокольчик
Позвякивает на шее моего барашка.
Пойдемте, мои милые козочки,
За мной, большие и маленькие.

¹⁵ Paris: chez Brandus & Cie, [1849]. 3 p.

Романс П. Виардо на слова Тургенева «La petite chevrière» (Paris, 1849).
 Первое издание. Обложка

Allons, faire la dinette,
 Sous des chênes du sentier.
 Hé là-bas,
 Ne vous battez pas.
 Ah! la la hi-o
 La la ha la ya,
 La la la ha la hi-o,
 La la haou la yao, yao.

Qu'il fait bon dans la montagne,
 Où personne ne me voit.
 De jolis oiseaux
 Boivent au ruisseaux.
 Mais là-bas dans la campagne
 On étouffe sous un toit...
 On ne voit que des méchants
 Qui maltraitent les enfants.
 Là-haut Finaut m'accompagne,
 Et me mène au bon endroit;
 C'est qu'il m'aime bien,
 Mon bon petit chien.

Пойдемте обедать
 Под дубами, что у тропинки.
 Эй, а там
 Не деритесь.
 Ах! ла ла хи-о
 Ла ла ха ла ийа,
 Ла ла ла ха ла хи-о,
 Ла ла хау ла ийао, ийао.

Как прекрасно в горах,
 Где никто меня не видит.
 Прекрасные птички
 Пьют воду из ручья.
 А там, в деревне,
 Так и задыхаешься под крышей...
 Там только злые люди,
 Обижающие детей.
 Наверх меня сопроводит Фино
 И ответит в красивое место;
 Потому что он меня любит,
 Мой добрый пёсик.

Ah! la la hi-o
La la ha la ya,
La la la ha la hi-o,
La la haou la yao, yao.¹⁶

Ах! ла ла хи-о
Ла ла ха ла ийа,
Ла ла ла ха ла хи-о,
Ла ла хау ла ийао, ийао.

Однако переписка с Полиной Виардо усложняет вопрос о роли Тургенева в создании этой песни. В письме от 2 (14) декабря 1847 года Тургенев пишет: «Господи! А моя пастушка! Вы получите ее, милостивая государыня, вы получите ее в Берлине. Даю вам честное слово»; и несколько дней спустя, в письме от 7 (19) декабря: «Кстати, пришлите же мне „слова“ (знаете, как для „Пастушки“) — уверяю вас, что охотно примусь за это, *туту биена гана* (весьма охотно — *исп.*); если я до сего времени не сделал дополнения к „Пастушке“, то лишь потому, что, как мне казалось, вы в данный момент об этом больше не думаете... Но я от своего намерения не отказываюсь...».¹⁷ Как объяснить то, что Тургенев пишет в этих письмах? Какую «пастушку» должен был он выслать, если романс уже существовал в альбоме? Какие «слова», связанные с этим романсом, выслала ему ранее Полина Виардо? Какого «дополнения» или «продолжения» ожидала она? Однозначных ответов на эти вопросы из-за недостатка конкретных сведений нет, но косвенные данные позволяют воссоздать предположительную — и весьма правдоподобную — творческую историю этого романса.

Рефрен романса представляет собой вереницу слогов, которые не имеют явного смысла, но которые вряд ли случайны. Исследователь народной музыки французской провинции Жюльен Тьерсо приводит свидетельство Жорж Санд о том, как во время своих пребываний у нее в Ноане (в первой половине 1840-х гг.) Полина часами записывала мелодии, которые пели или играли местные сельские жители. После доклада о народной музыке, прочитанного им в Париже в 1885 году, Тьерсо получил от П. Виардо тетради, в которых она тогда записывала то, что слушала. Среди нотных записей, впоследствии изданных Тьерсо, была мелодия, которую пели своим волам пахари.¹⁸ Вполне возможно, что Виардо

¹⁶ Текст воспроизводится по печатному источнику. В рукописи приведена лишь первая строфа, причем со следующими вариантами: стих 1: «Ah ah j'entends la fau-vette» («Ах, ах, слышу я малиновку»); стих 10: «En avant et pas à pas» («Вперед и не спеша»). Среди записей романса на CD: Viardot. *Mélodies. Chopin Mazurkas and other Songs* (Виардо. Мелодии. Мазурки Шопена и другие песни). Brilliant Classics. 94615. 2014. Тр. 16. Исполняют: Марина Компарато (Marina Comparato), меццо-сопрано; Элиза Триулзи (Elisa Triulzi), фортепьяно.

¹⁷ ПССУП(2). Письма. Т. 1. С. 241, 375; 243, 377. Подлинник по-франц.

¹⁸ См.: Tiersot J. *La chanson populaire et les écrivains romantiques*. Paris, 1931. P. 160, 163, 221 (где воспроизводится мелодия). Существует также звуковая запись:

услышала также мелодию или песенку тех, кто пас коз и, пожелав написать на эту тему романс, попросила Тургенева сочинить строфу, для которой услышанный зов (возможно, и его мелодия) мог бы послужить рефреном, и передала ему «слова» этого рефрена. А когда потом возникла идея напечатать данное произведение, она решила, что короткий романс выиграл бы от второй строфы, которую она, естественно, заказала у автора первой. Тургенев здесь признается, что до сих пор не исполнил ее просьбы, но обещает выслать текст в Берлин, где тогда находилась Виардо. Но она также могла посчитать, что своеобразие «Маленькой пастушки» среди других романсов альбома требует «дополнения» — другого произведения в том же «стиле». И чтобы сочинить текст к нему, Тургенев просит ее выслать что-нибудь, что могло бы послужить рефреном, как она раньше сделала для «Маленькой пастушки». По всей вероятности, этот замысел так и не был осуществлен, а «Пастушку» следует включить в список сочинений Тургенева, причем как самый ранний из известных опытов многолетнего творческого сотрудничества писателя и Полины Виардо.

Романс «Разлука»

После представлений в Баден-Бадене оперетты «L'Ogre» («Людоед») в мае — июне 1868 года Тургенев отправился в Россию по делам, связанным с назначением нового управляющего. Вместе с тем он намеревался воспользоваться случаем, чтобы договориться с издателем Иогансеном насчет нового (третьего) альбома романсов П. Виардо. В первых двух альбомах появилось 22 романса на слова русских поэтов (12 в альбоме 1864 г., 10 в альбоме 1865-го), хотя они были напечатаны не только с русским текстом, но и с немецким переводом, выполненным Фридрихом Боденштедтом.¹⁹ О каких именно романсах шла речь для третьего альбома, доподлинно неизвестно. В переписке с П. Виардо упоминаются только два: «Русалка» на слова Лермонтова и «Vor Gericht» («Перед судом») на слова Гёте. Очевидно, работа над ними была еще не завершена, когда Тургенев выехал. Некоторые из них переписывались набело в Бадене, и он должен был получить их в Петербурге.²⁰ Кроме того, он

La Veillée imaginaire. Air populaires harmonisés. Alpha 528. 2009. Tr. 2. Исполняют музыканты оркестра Сен-Жюльена (Les Musiciens de Saint-Julien).

¹⁹ Об этих переводах и роли в них самого Тургенева см.: Жекулин Н. Г. Духовно-интеллектуальные взаимоотношения Тургенева и Полины Виардо // *Тургенев. НИиМ* (2). С. 177–178.

²⁰ См. письмо к П. Виардо от 7 (19) июня 1868 г.: *ПССиП*(2). *Письма*. Т. 9. С. 7.

занимался их переводами в пути.²¹ Романсы, за исключением «Русалки», прибыли, и с Иогансенем он договорился на третий день после своего приезда: «Только что виделся с Иогансенем: он берет романсы, но напечатает их только осенью: передам их ему, когда буду проездом в Петербурге. Если найду в Москве хорошего переписчика, вполне zuverlässig (надежного — нем.), — отдам их ему переписать. <...> Он находит, что можно обойтись без немецких текстов; но советует *смягчить* некоторые выражения в „Vor Gericht“. Надеюсь, что можно будет увезти с собой и „Русалку“ <...>».²² Таким образом, после разговора с Иогансенем выяснилось, что можно было не спешить и дожидаться «Русалки» (она прибыла в Спасское 16 (28) июня); появилось время, чтобы заново перевести романс на слова Гёте и заказать копии в Москве, включая отсутствующие русские переводы. В конечном итоге Иогансен решил не издавать «Перед судом» (даже в новом, но, как настаивал Тургенев, не смягченном переводе;²³ романс вышел лишь в следующем году), и третий альбом обрел свой окончательный — исключительно «русский» и только с русскими текстами — состав. Альбом романсов «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева» получил цензурное разрешение 22 августа ст. ст. 1868 года. Кроме «Утеса» и «Русалки» на слова Лермонтова, в альбоме было три романса («На заре», «Разгадка» и «Разлука»), которые приписывались непосредственно Тургеневу. Давно, однако, установлено, что первое стихотворение принадлежало Эдуарду Мёрике («In der Frühe»; романс вышел на немецком языке в 1870 г.;²⁴ значит, русский текст является переводом Тургенева), а второе — Рихарду Полю («Räthsel»; романс вышел на немецком языке также в 1870 г.,²⁵

²¹ См. письмо к П. Виардо от 3 (15) июня 1868 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 209.

²² Там же. Т. 9. С. 9, 234. Письмо к П. Виардо от 7, 8 (19, 20) июня 1868 г. Подлинник по-франц.

²³ См. письма к П. Виардо от 17 (29) июня и 20, 21 июня (2, 3 июля) 1868 г.: Там же. С. 17, 20.

²⁴ In der Frühe. Gedicht von Eduard Mörike. Componirt von Pauline Viardot-Garcia. Leipzig; Weimar: Robert Seitz, [1870]. Среди записей романса на CD — по-немецки: «Nachtigallensang» Eduard Mörike in Vertonung seiner Zeit. Bayer Records. BR 140 004. 2004. Тр. 20. Исполняют: Мехтхильда Бах (Mechthild Bach), сопрано; Маркус Хадулла (Markus Hadulla), фортепьяно; по-русски: Pauline Viardot. Songs. Toccata Classics. TOCC 0303. 2016. Тр. 3. Исполняют: Ина Канчева, сопрано; Людмил Ангелов, фортепьяно.

²⁵ Räthsel. Gedicht von R. Pohl. Componirt von Pauline Viardot-Garcia. Leipzig; Weimar: Robert Seitz, [1870]. Среди записей романса на CD — по-немецки: Pauline Viardot-Garcia. Lieder — Chansons — Canzoni — Mazurkas. Analekta. AN 2 9903. Тр. 9. Исполняют: Изабель Байрақдарян (Isabel Bayrakdarian), сопрано; Серж Краджян

и значит, этот русский текст тоже является переводом Тургенева). Принято считать, что и третье стихотворение является переводом или адаптацией Тургенева. Предлагался целый ряд возможных, но малоубедительных источников, в частности того же Мёрике. Материалы Хоутонского архива разрешают эту загадку, по крайней мере частично. Среди них есть два автографа Полины Виардо — один черновой, а другой белой — музыки к французскому тексту:

L'ABSENCE

Que l'absence est cruelle,
 Tout espoir m'est ôté,
 Mon cœur est avec elle,
 Mais son cœur m'a quitté.
 Cette angoisse mortelle,
 Ces nuits, ces tristes jours,
 Ces larmes, puisse-t-elle
 Les ignorer toujours!²⁶

РАЗЛУКА

О разлука, разлука,
 Как ты сердцу горька.
 Терзает его скука,
 Сожигает тоска.
 Где бывалая сила?
 Увы, где прежний я?
 Меня ты разлюбила,
 Но не клянью тебя!²⁷

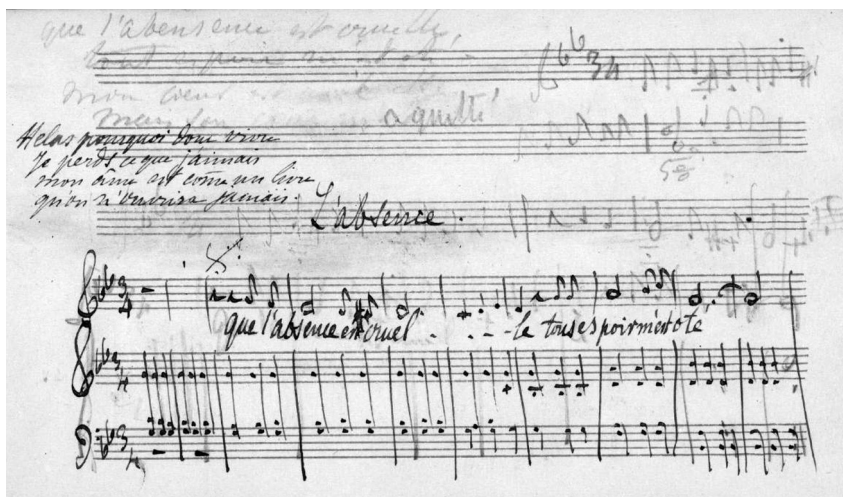
Известно, что Полина Виардо принципиально сочиняла свои романсы на тексты на языке оригинала, а затем легко приспособливала музыку, если было необходимо, к переводу. Если черновой автограф содержит французский текст, то из этого следует, что оригинальным текстом в данном случае являлся как раз французский. Автор этого стихотворения в автографах не назван и его не удалось до сих пор установить. В фельетоне, посвященном представлению оперетты «Людоед», которое состоялось 5 сентября н. ст. 1868 года, Людвиг Пич замечает, что героиня, принцесса Алели, в первом акте поет «Que l'absence est cruelle...».²⁸ Возникает вопрос: не является ли русский текст автопереводом с фран-

(Serouj Kradjian), фортепьяно; по-русски: Pauline Viardot. Songs. Toccata Classics. TOCC 0303. 2016. Тр. 6. Исполняют: Ина Канчева, сопрано; Людмил Ангелов, фортепьяно.

²⁶ Houghton Library. MS Mus 264 (101). F. 38 v–41 v. Черновой вариант: MS Mus 264 (190). F. 15 r–16 r, где приводится третья строфа стихотворения (на которую не была сочинена музыка): «Hélas pourquoi donc vivre / Je perds ce que j'aimais / Mon âme est comme un livre / Qu'on n'ouvrira jamais» («Увы, зачем тогда мне жить? / Я теряю то, что любил. / Моя душа похожа на книгу, / Которую никто никогда не откроет») (F. 15 r).

²⁷ Текст печатается по изданию Иогансена 1868 г. Запись романса на CD: Pauline Viardot. Songs. Toccata Classics. TOCC 0303. 2016. Тр. 13. Исполняют: Ина Канчева, сопрано; Людмил Ангелов, фортепьяно.

²⁸ Об этом фельетоне см. ниже.

Романс П. Виардо «L'absence». 1867 г. (?).
Черновой автограф из нотной тетради. Первая страница

цузского оригинала, предназначенного для либретто оперетты? Такая версия подлежит, однако, исключению. Премьера оперетты состоялась в мае 1868 года — и этот текст не фигурирует ни в одном из списков музыкальных номеров. Кроме того, слова вышеприведенного французского текста явно произносит мужчина, следовательно, они не могли быть предназначены для героини оперетты. Скорее всего, романс заменил арию Адели «La terre est verte et fraîche...» («Земля зелена и свежа...») в сентябрьском представлении, возможно в связи с его изданием в России. Не исключено также, что он был приспособлен для оперетты. Таким образом, самой правдоподобной версией остается та, что «Разлука» является переводом, сделанным Тургеневым с французского оригинала неизвестного поэта. Причем Тургенев здесь позволяет себе обычную долю вольности в переводе, свойственную созданию текста на уже существующую мелодию. Текст именно этого романса вспоминает Тургенев, когда в письме к Полине Виардо из Спасского во время своего пребывания на родине в 1868 году жалуется: «Theuerste Freundinn, c'est en effet une fort vilaine et cruelle chose que l'absence».²⁹

²⁹ «Theuerste Freundinn (Самый дорогой друг — нем.), на самом деле разлука нечто весьма скверное и жестокое» (ИССУП(2). Письма. Т. 9. С. 20. Перевод наш. — Н. Ж.). Письмо от 20, 21 июня (2, 3 июля) 1868 г.

Романс П. Виардо «L'absence». 1867 г. (?).
Беловой автограф из нотной тетради. Первая страница

Оперетты

Материалы из Хоутонской библиотеки расширяют также наши знания о совместной работе Тургенева и Полины Виардо над опереттами. В 2012 году нами был опубликован текст ранее неизвестного произведения, предназначенного не для частного (но публичного) Тиргартенского театра, а для домашнего новогоднего развлечения, — «La Veillée de la St Sylvestre» («Вечер св. Сильвестра»).³⁰ На этот раз мы намерены ознакомить читателей с опереттой «L'Ogre» («Людоед»), известной до сих пор лишь фрагментарно, а также с опереттой, о существовании которой никто даже не подозревал, — «La Partie de whist» («Партия в вист»).

Четыре оперетты были представлены по несколько раз каждая с августа 1867-го по осень 1869 года сначала в только что построенной вилле Тургенева (получившей название «Le Théâtre du Thiergarten» — «Тиргартенский театр» — по названию улицы, на которой стояла вилла), и с августа 1869 года в маленьком театре, который пристроили Виардо к картинной галерее / концертному залу рядом со своим домом. С самого

³⁰ La Veillée de la St Sylvestre // Тургенев. НИИМ(3). С. 5–64, 64–72.

начала эти произведения имели как педагогическую, так и «рекламную» цели. Хотя ученицы Полины Виардо участвовали в воскресных «*matinéés*» («утренниках») с самого их основания в 1863 году, многие из них готовились к сценической карьере, а для этого требовалась другая подготовка, которая бы научила не только петь перед публикой, но и играть роль — взаимодействовать с другими действующими лицами, двигаться, может быть даже танцевать на сцене, причем не только соло, но и в ансамбле. На представлениях присутствовали два различных рода публики (часто порознь) — одна из высшего света, другая «артистическая». Некоторые (например, Клара Шуман³¹) втайне упрекали Виардо в раболепстве перед высокопоставленными особами, но в действительности она лишь ловко пользовалась тем, что в Германии правящие лица все еще имели огромное, иногда даже решающее влияние на то, что происходило в «их» театрах. И в самом деле, не одна ученица Виардо получила ангажемент после того, как выступила перед «избранной» публикой в концертах и опереттах у Виардо.³²

Среди самых усердных посетителей представлений была давняя приятельница П. Виардо (они познакомились еще в 1838 г.) — прусская королева Августа. По свидетельству Л. Пича, после того как она впервые присутствовала на представлении первой из оперетт («Слишком много жен») в сентябре 1867 года, она объявила: «Король обязательно должен все это увидеть, когда прибудет».³³ 20 сентября н. ст., накануне прибытия Вильгельма в Баден, состоялась премьера второй оперетты («Последний колдун»), а 23 сентября — второе представление в присутствии прусской королевской четы.³⁴ Во всех этих спектаклях глав-

---

³¹ См. письмо К. Шуман к Й. Брамсу от 3 ноября н. ст. 1864 г.: Clara Schumann — Johannes Brahms. Briefe / Hsg. Berthold Litzmann. Leipzig, 1927. Bd. 1. S. 474.

³² См., например, случай Аглаи Оргени: Жекулин Н. Г. Тургенев в кругу семьи Виардо. С. 22–23.

³³ *L<udwig> P<ietsch>*. Fürsten und Feen. S. 83. См. также перевод этой статьи: Статья Людвиг Пича «Цари и феи в салоне Тургенева» (1867) / Публ. Л. Сундквиста // Тургенев. НИИМ(3). С. 516. О желании Августы присутствовать на представлении см. письмо Тургенева к дочери от 28 августа (9 сентября) 1867 г.: ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 31.

³⁴ Оба изображены на рисунке Пича к его статье «Fürsten und Feen» (воспроизведение см., например: ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 195; Тургенев. НИИМ(3). С. 517). Дата премьеры устанавливается на основании даты на рисунке Пича «La lune, notre blanche reine»: «20 Sept. 67» (см.: Iwan Turgenjew an Ludwig Pietsch: Briefe aus den Jahren 1864–1883 / Hsg. von Alfred Doren. Berlin, [1923]. S. 77. Подпись под рисунком не верна: «Musikalische Matinee im Hause Viardot» («Музыкальный утренник в доме Виардо»)).

ные мужские роли Паши и Колдуна исполнял давний семейный друг Виардо Луи Поме. Однако когда Августа заказала торжественное представление обеих оперетт, чтобы отметить день рождения кронпринца Фридриха Вильгельма, Поме уже вернулся в Париж, и Тургеневу пришлось его заменить, вызубрив обе партии.³⁵ «...Спешу прибавить, что я не *пел*, а только играл, и не так скверно, как можно было ожидать», — уверял Тургенев Анненкова,³⁶ да и других своих корреспондентов; к огорчению горячего меломана Тургенева, Природа не одарила его голосом, годным для пения.³⁷

Оперетта «L'Ogre»

Работа над третьей опереттой «L'Ogre» («Людоед») началась, когда еще продолжалась работа над предыдущей. Об этом свидетельствуют не только нотные тетради Виардо (где содержатся наброски поздних музыкальных номеров «Последнего колдуна», перемешанные с черновиками «Людоеда»), но и письмо Тургенева к Л. Пичу от 27 июля (8 августа) 1867 года, написанное до премьеры «Последнего колдуна»: «...г-жа В<иардо> написала музыку для *двух* (прелестных!) опереток, а я составил текст, — теперь мы принимаемся за третью».³⁸ В январе 1868 года Тургенев сообщал Жюлю Этцелю: «Мы заняты изготовлением 3-й оперы! Бог даст, это будет к лету».³⁹ В марте этого года Тургенев съездил в Париж, чтобы навестить дочь, — но и с комиссиями, связанными с «Людоедом». В письме к П. Виардо от 12 (24) марта он докладывает, что заказал костюм Людоеда для себя: «...великолепно! Два па-

---

³⁵ См. письмо от 17 (29) сентября или 24 сентября (6 октября) (дата предположительная) к Ж. Этцелю: *ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 47. Неизвестно, когда Тургенев впервые исполнял эту роль. На рисунке Пича, изображающем представление 23 сентября, Тургенев находится среди публики. Следующее известное представление «Последнего колдуна» состоялось 3 октября н. ст. 1867 г. Торжественное представление 17 октября, в котором Тургенев несомненно играл роль Паши, было последним из 11 представлений обеих оперетт в этом сезоне (см. письмо к Анненкову от 7 (19) октября 1867 г.: Там же. С. 49).

³⁶ Там же.

³⁷ В своем дневнике П. Виардо удивлялась: «Voilà une chose qui m'a souvent étonné, c'est que cette voix assourdissante dans la conversation soit complètement éteinte dès qu'il s'agit d'essayer de chanter» («Что меня часто удивляло, так это то, что звучный в разговоре голос совершенно заглушался, как только речь заходила о попытках запеть»). См.: Houghton Library. MS Mus 264 (365). Запись от 11 июля н. ст. 1868 г.

³⁸ *ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 24, 218. Подлинник по-нем.

³⁹ Там же. С. 99, 235. Письмо от 9 (21) января 1868 г. Подлинник по-франц.

рика, две бороды, две пары сапог и т. д. и т. д. <...> Костюм людоеда будет красно-черным, камзол телесного цвета (светло-желтый)».⁴⁰ Он также извещает о том, что продолжает работать над либретто. В свою очередь, П. Виардо передает ему новости о приготовлениях в Бадене: «Вчера мы ходили смотреть швайгертову мебель <...> я присмотрела две прекрасные лампы с отражателями — замечательно подходящие для освещения *сцены*. <...> Я хочу попытаться научить м-ль Байодз одной арии на французском языке, чтобы решить, действительно ли она сможет временно исполнять роль принцессы».⁴¹ Но были также и другие комиссии: «Если у вас найдется время, купите для меня четверть фунта золоченых блесток и особенно *разноцветных* — они нужны для всевозможных костюмов».⁴² В другом письме она сообщает, что уже окончила первый хор — «Хор прядильщиц».⁴³

Вообще третья оперетта готовилась к более грандиозной постановке, чем предыдущие; больше внимания уделялось не только костюмам и декорациям, но и отработке танцевальных номеров, для чего был приглашен из Карлсруэ тамошний балетмейстер Альфред Боваль (Beauval). Сын П. и Л. Виардо Поль вспоминал, как Боваль приходил в отчаяние «от тучности швейцарок, неловкости шведок, медлительности немок, болтливости француженок!» («la lourdeur des Suissesses, la gaucherie des Suédoises, la lenteur des Allemandes, le bavardage des Françaises!»).⁴⁴ Как заметили рецензенты, и музыка приобрела некую новую окраску. Большая ария Алели сопровождалась игрой не только на рояле, но и на скрипке.⁴⁵

⁴⁰ Там же. С. 152–153, 248. Подлинник по-франц.

⁴¹ «Nous avons été hier voir les meubles Schweigert <...> deux beaux quinquets à réflecteur m'ont donné dans l'œil — ils seraient superbes pour éclairer la *scène*. <...> Je vais essayer de faire apprendre un air en français à Mlle Baillod, pour que l'on décide si décidément elle est en état de remplir provisoirement le rôle de la princesse» (*Lettres inéd.* P. 322). Письмо от 29 марта н. ст. 1868 г. В русском переводе письмо полностью опубликовано: *Т в восп совр* (1988). С. 511–513.

⁴² «Si vous avez le temps, achetez-moi un quart de livre de paillettes dorées et surtout de *toutes les couleurs* — c'est nécessaire pour toutes sortes de costumes» (*Lettres inéd.* P. 322).

⁴³ Турганев поздравляет ее с этим в письме от 27 марта н. ст. 1868 г.: *ПССУП*(2). *Письма*. Т. 8. С. 160.

⁴⁴ *Viardot P. Souvenirs d'un artiste*. Paris, 1910. P. 18–19.

⁴⁵ Судя по нотным тетрадам, речь идет об арии «Celui que j'aime est loin de moi...» («Тот, кого люблю, далек от меня...») (№ 10). Правда, в рукописях мелодия в аккомпанементе предназначена не для скрипки, а для гобоя (см.: Houghton Library. MS Mus 264 (166). F. 5 r, 13 v).

Вилла Тургенева в Баден-Бадене (Tiergartenstraße, 3).
Вид со стороны сада. Современная фотография

Репетиции начались 18 апреля н. ст., на следующий день после того, как Тургенев наконец-то переехал в свой новый дом.⁴⁶ «Пускай Ваше воображение, — писал Тургенев Анненкову 7 (19) мая 1868 года, — представит Вам следующую картину: весь мой дом наводнен девицами, воспитанницами г-жи Виардо, которые поют, танцуют, надевают костюмы. Сегодня *первая* репетиция в костюмах третьей нашей оперетки. Я в ней играю роль *людоеда* (!), — не пою, разумеется, — весь в красном, с огромным рыжим париком! Все эти дни дым стоял коромыслом: каждый день репетиции, из Карлсруэ *maître de ballet* (балетмейстер — *франц.*) ставит па, — декорация, стук молотков. Прусская королева то и дело засылает узнавать, когда же наконец? Шум, гам, потение страшное в двадцатипятиградусный жар, хохотня, веселость — тра-та-та, тру-ту-ту!!».⁴⁷ Появились извещения о предстоящих представлениях и

---

⁴⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 180. Письмо к И. П. Борису от 8 (20) апреля 1868 г.

⁴⁷ Там же. С. 196.

в прессе.⁴⁸ Наконец, 23 мая н. ст. состоялась премьера, 29 мая прошло второе представление, а 8 июня — последнее этого раннелетнего сезона.⁴⁹

Первая рецензия появилась уже 24 мая н. ст. 1868 года, на другой день после премьеры, в лейпцигском музыкальном журнале «Der Signale». Автором ее был редактор и музыкальный критик баденской газеты Рихард Поль, отметивший, что представление «состоялось в субботу, 23 мая, имело <...> полный успех. <...> Примадонна: госпожа Байодз из Бреслау, ученица г-жи Виардо, прима-балерина: госпожа Клоди Виардо (16 лет), субретка: госпожа Марианна Виардо (14 лет), певец-буфф альт (не бас): Поль Виардо (11 лет), хор: 9 учениц г-жи Виардо. Капельмейстер: Карл Эккерт, ранее дирижировавший в Штутгарте, был приглашен в качестве оркестра и дирижера в одном лице на домашний театр Виардо-Тургенева, суфлер: господин Виардо. <...> В качестве слушателей присутствовало около 30 человек. <...> Оперетта прелестна; очень мелодична, грациозна и гармонически-утонченна, притом, разумеется, в равной степени певуча и выигрышна, поскольку была виртуозно приспособлена к силам всех участников — задача вовсе не малая, если принять во внимание, что в наличии не было ни тенора, ни баса, ни баритона, ни мужского хора, а исполнитель заглавной роли к тому же вообще не поет».⁵⁰ 27 мая н. ст. Тургенев торжественно писал Пичу: «Victoria! дорогой Пич! 3 дня тому назад состоялось представление новой оперетты „L'Ogre“ — присутствовала королева прусская — успех блестящий. Музыка прелестна, поэтична, увлекательна: это опять что-то новое по сравнению с „Kraakamiche“ — больше огня, больше разнообразия. Аккомпанировал Эккерт; госпожа В<иардо> пела великолепно — всё шло легко и гладко. Во 2-ом акте у нас — „pas oriental“ „reglé par Mr Beauval, maître de ballet du Théâtre Grand Ducal“ («восточный танец», «представленный г-ном Бовалем, балетмейстером великогерцогского театра» — *франц.*) — так стояло в программе — „excusez de peu!“ («не взыщите!») —

⁴⁸ См., например: Der Signale. 1868. 1. Mai. № 26. S. 495, где сообщалось, что П. Виардо готовит к постановке в будущем сезоне не только две оперетты, написанные ею в прошлом году, «но и в настоящее время работает над созданием третьей оперетты, слова к которой снова написал Тургенев. Это также обещает интересные вечера».

⁴⁹ См.: *ПССуП(2). Письма*. Т. 8. С. 201. По сообщениям прессы, представление 8 июня н. ст. было четвертым. В письме к М. Гартману от 28 мая (9 июня) 1868 г. Тургенев назвал его пятым (*ПССуП(2). Письма*. Т. 8. С. 205). В комментариях, исходя из слов самого Тургенева, дата первого представления обозначена как 12 (24) мая: Там же. С. 362, коммент. к письму к П. В. Анненкову (№ 2256).

⁵⁰ Signale. 1868. 29. Mai. № 30. S. 591.

франц.)».⁵¹ Через три дня в местной баденской газете также появилась рецензия Р. Поля, в которой он повторил свою оценку успешного представления, добавив несколько подробностей: «Г-н Тургенев <...> очень умно написал свою роль так, что ему не надо было петь, а его игра и произношение, полные чувства, не оставляли желать ничего лучшего. <...> Г-жа Виардо, автор музыки, взяла на себя роль принца Сафира, которого она сыграла и исполнила неподражаемо. <...> М-ль де Байодз, юная певица из Бреслау, исполнившая роль первой любовницы и prima donna assoluta (абсолютной примадонны — *итал.*) принцессы Алели, одна из лучших учениц г-жи Виардо, выказала своей игрой и пением такой талант, изящество и мастерство, что в публике спрашивали, действительно ли это ее дебют. Юные Клоди и Марианна, дочери г-жи Виардо, исполняли роли, соответствующие их возрасту. Первая (Наина) с успехом дебютировала в качестве prima ballerina (примы-балерины — *итал.*) в грациозном восточном танце, танце с шальями, поставленном для нее танцмейстером из Карлсруэ г-ном Бовалем, на м-ль Марианну (Грациэлла) была возложена роль субретки, а маленький Поль Виардо, прирожденный комик, представлял Эстамбардоса, адъютанта принца, и был очень забавен. Девять других учениц г-жи Виардо, очень высокие сопрано и красивейшие контральто, исполняли хоры, написанные по большей части для 4-х голосов, и показали замечательное мастерство. <...> Либретто, представляющее собой безобидную волшебную сказку и исполненное добродушного юмора, написано очень умело, музыка, отличающаяся мелодическим разнообразием и гармонией, прелестна и изысканно утонченна. Она принадлежит к тому типу певучей и одновременно драматической музыки, которая дает возможность раскрыться таланту исполнителя. / Оперетта содержит 15 музыкальных номеров, из которых наиболее важными представляются следующие: любовный дуэт между г-жой Виардо и м-ль Байодз в первом действии, пленительный романс в сопровождении скрипки и „Застольная“ в исполнении г-жи Виардо, глубоко прочувствованная каватина во втором действии и женские хоры, производящие дивное впечатление».⁵²

⁵¹ ПССуП(2). Письма. Т. 8. С. 202, 268. Подлинник по-нем.

⁵² Pohl R. Chronique de la Saison. Théâtre du Thiergarten. Première représentation de «L'Ogre, Conte de Fées» // Badeblatt für die Großherzogliche Stadt Baden. 1868. 27. Mai. № 27. S. 58. Подлинник по-франц. Рецензент упоминает о следующих номерах: № 4 «C'est bien vous...» («Так это вы...»), № 10 «Celui que j'aime est loin de moi...» («Тот, кого люблю, далек от меня...»), № 13 «Ecoutez ma chansonnette...» («Послушайте мою песенку...») и № 14 «Danse» («Танец»).

Судя по отзыву в «Badeblatt» о последнем представлении, с каждым спектаклем не только усиливалось всеобщее впечатление от исполнения, но и сама оперетта дополнялась новыми элементами. Вот что писала местная газета: «Представление было самым удачным из всех, и все исполнители пели и играли с увлечением, непринужденно и с хорошим настроением <...> три новых фрагмента дополнили партитуру, вполне, как известно, насыщенную. Это прежде всего комическая ария для Поля Виардо, затем трио для женских голосов, исполненное м-ль Валантен, м-ль Хумлер и м-ль Хаупт, и инструментальная интродукция ко второму действию. Весьма искусно была изменена и аранжирована балетная часть».⁵³ В своей рецензии Франсуа Шваб повторил мнение баденского коллеги (он даже выделил те же музыкальные номера): «По мнению всех присутствовавших на этом веселом представлении, во главе с восседающими в партере королевами и принцессами, оно превзошло предыдущие в совершенстве исполнения, что вполне понятно по отношению к этим юным ученицам, чья храбрость лишь понемногу закаляется перед страхом *рампы*, перед лицом знатной публики по мере ее благосклонности. Со своей стороны, я нашел, что „Людоед“ представляет поистине удачный опыт, делающий честь либреттисту и композитору. Первый, г. Иван Тургенев, сумел перевоплотиться в ребенка, сочинив волшебную сказку и не унизив достоинство своего большого литературного таланта; композитор, г-жа Полина Виардо <...> чудесно прочитала и интерпретировала эту детскую поэму. Ее музыка изысканна, мелодически грациозна, сценична, гармонично согласовывается, согласно обстоятельствам, с умением передать смелость, нежность и энергию, а иногда глубину, что может объяснить, почему это четвертое представление стало более прочувствованным и решающим для всего произведения. Все в нем выдает наивысшую слаженность, представляющую, независимо от священного огня, которым оно обязано сотрудничеству двух великих представителей лирического искусства, богатый источник вдохновения, исходящий из собственного содержания.

---

⁵³ <Pohl R.> Chronique de la Saison. Théâtre du Thiergarten // Ibid. 19. Juni. № 49. S. 112. Отчет не был подписан, но, по всей вероятности, он также принадлежал Рихарду Полю. Указанные в нем новые фрагменты — № 6 «Ouf! quelle chaleur!..» («Уф! ну и жарыща!..») и № 9 «Belle princesse» («Прекрасная принцесса»). Интродукция ко второму действию неизвестна. Так как два первых упомянутых номера фигурируют уже в черновых рукописях, не исключено, что первые представления пропускали номера, которые считались не выученными на достаточно высоком уровне и потому добавлялись позднее.

<...> Перейдем к исполнителям: г. Тургенев, величественный людоед-волшебник, похож, заметит кто-то, на героя из „Мальчика-с-пальчика“, сошедшего со страниц сказки; с каким величественным видом этот вскормленный человечиною Микоколембо разгуливает туда и сюда посреди этого цветника из юных девиц, которых он удерживает в плену! И даже такой ценой, кто бы добровольно не согласился жить в людоедии?.. Все эти девушки — ученицы г-жи Виардо, и было по-настоящему приятно слышать эти свежие сопрано, эти великолепные, глубокие и звучные как басы контральто, сливающиеся в хоры пленительной чистоты на протяжении всего произведения, при отсутствии мужских голосов, еще одного затруднения для композитора, поскольку людоед не поет; правда, он компенсирует этот недостаток тонкими политическими аллюзиями. / М-ль Байодз исполнила значительную и трудную роль принцессы Алели чистым голосом и с чувством, обещающими отличную певицу в будущем. М-ль Клаудиа и м-ль Марианна, дочери г-жи Виардо, грациозно исполнили роли Наины и Грациэллы, а маленький Поль Виардо в роли адъютанта Эстамбардоса выдержал комическую партию оперетты вполне увлекательно. / Что касается до г-жи Виардо, то надо ли говорить, до какой степени ее несравненный талант расширил рамки роли принца Сафира, и не должен ли поэт с легкостью простить своего музыкального интерпретатора, таким образом превзошедшего простоту его волшебной сказки?». ⁵⁴ Многие другие газеты давали краткие сообщения, повторяя преимущественно сведения из этих двух рецензий. ⁵⁵

Вскоре после последнего представления Тургенев уехал в Россию, однако «Людоед» не выходил у него из головы. «Я подробно пересказал старине Анненкову сюжет „Людоеда“ — и, признаюсь, мне с большим трудом удалось убедить его в том, что я играл превосходно!» — писал Тургенев П. Виардо 7 (19) июня 1868 года из Петербурга. ⁵⁶ Как часто бывало, в своих письмах к членам семьи Виардо он цитировал фразы и вспоминал моменты и действующих лиц из только что представленной

---

⁵⁴ *François Schwab*. L'Ogre, Conte de Fées. Opérette fantastique de Mme Viardot // *La France musicale*. 1868. 14 juin. № 24. P. 136. Отчет первоначально появился 8 июня в страсбургской газете «*Courrier du Bas-Rhin*».

⁵⁵ См., например: *Signale*. 1868. 29. Mai. № 30. S. 591; *Neue Zeitschrift für Musik*. 1868. 29. Mai. S. 198; *Le Constitutionnel*. 1868. 1, 2 juin. P. 3 (перепечатано в «Санкт-Петербургских ведомостях»: 1868. 12 июня. № 146. С. 2); *Neue Berliner Musikzeitung*. 1868. 3. Juni. № 23. S. 185; *La France musicale*. 1868. 7 juin. № 23. P. 179.

⁵⁶ *ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 7, 233. Подлинник по-франц.

оперетты. Номер в берлинской гостинице его не устраивал из-за грязи. По поводу уклончивого объяснения кельнера он замечает: «Я нашел это утешение „недостаточным“, как говорит Наина».⁵⁷ Рассказав об оживленных разговорах у И. П. Борисова, он прибавляет: «„Как горох об стену“, по выражению Сафира!».⁵⁸ Иногда он представляет себя в виде Микоколембо: «О! если бы вы увидели, как ваш бедный Микоколембо восседает на козлах рядом с ямщиком, насквозь пропитанным водкой и чесноком, и сетующим ему на свою жизнь! У бедняги людоеда был весьма жалкий вид...».⁵⁹ Тургенев даже намерен написать письмо к Клоди Виардо от имени Микоколембо, а в постскриптуме к другому письму сообщает, что «Микоколембо свидетельствует свое почтение всем своим бывшим пленницам; он от души поздравляет м-ль де Байодз».⁶⁰ Мечта о возобновлении представлений не оставляет его: «Через две недели состоится первое представление возобновленного „Людоеда“! Bravo!».⁶¹ Однако, как часто бывало с ним с середины 1860-х годов, во время пребывания в России Тургенева задержал приступ подагры и превратил Людоеда в его «предшественника»; он просит передать Клоди известие, что «ее бедный старый друг сейчас больше смахивает на Кракамиша, чем на Микоколембо».⁶²

---

⁵⁷ Там же. Т. 8. С. 210, 272. Письмо к П. Виардо от 3 (15) июня 1868 г. Подлинник по-франц. Эта фраза, как и последующая, отсутствуют в черновом варианте либретто.

⁵⁸ *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 24, 244. Письмо к П. Виардо от 24 июня (6 июля) 1868 г. Подлинник по-франц. А в ноябре, во время поездки в Париж, в номере было крайне холодно, что вызвало у него жалобу: «„О! Как хочется пить!“ — восклицал Эстамбардос. „О! Как мне холодно! как мне холодно!“ — готов восклицать я <...>» (Там же. С. 87, 271. Письмо к П. Виардо от 9 (21) ноября 1868 г. Подлинник по-франц.).

⁵⁹ Там же. С. 11, 235–236. Письмо к П. Виардо от 13 (25) июня 1868 г. Подлинник по-франц.

⁶⁰ Письма к П. Виардо от 3 (15) июля и от 4 (16) июля 1868 г.: Там же. С. 31, 35; 253. Подлинник по-франц. Анна де Байодз получила приглашение выступить в концертах, в частности в своем родном городе Бреслау (ныне Вроцлав, Польша). О ее выступлении в концерте, состоявшемся в Бреслау 30 ноября н. ст. 1868 г., в музыкальной газете «Signale» сообщалось, что она показала себя «отличной колоратурной певицей» (Signale. 1868. Januar. № 1. S. 8–9).

⁶¹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 24, 244. Письмо к П. Виардо от 24 июня (6 июля) 1868 г. Подлинник по-франц.

⁶² Там же. С. 29, 248. Письмо к П. Виардо от 13 (25) июля 1868 г. Подлинник по-франц. В отсутствие Тургенева, да и всей семьи, которая отдыхала в соседнем Петерстале (ныне Бад Петерсталь-Грисбах), где были лечебные воды, Полина Виардо тоже не забывала об оперетте. В своем дневнике она записала, что была у графини

К сожалению, подагра снова настигла Тургенева после возвращения в Баден-Баден, о чем он сообщал своим корреспондентам, в частности дочери в письме от 26 августа (7 сентября) 1868 года.⁶³ Несмотря на это, именно тогда возобновились представления оперетт. В номере от 8 сентября н. ст. местной газеты «Badeblatt» сообщалось, что «два лирических спектакля состоялись на вилле Тургенева на прошлой неделе. Были возобновлены, в обновленной постановке, оперетты „Последний колдун“ и „Людоед“ <...>».⁶⁴ На представлении «Людоеда» 5 сентября н. ст. присутствовал Людвиг Пич, который совершал очередную осеннюю поездку в Баден-Баден, где остановился у Тургенева. О своем пребывании Пич дал отчет в силезской газете «Schlesische Zeitung» в фельетоне под заглавием «Ein September-Abend in Baden-Baden» («Сентябрьский вечер в Баден-Бадене»)⁶⁵ Поводом для статьи Пича стал недавний концерт Анны Байодз в Бреслау. И как всегда, его изложение содержания оперетты и описание спектакля были самыми полными — и самыми восторженными из всех. С напускной серьезностью он сравнивает элементы представления с кумирами мирового театра: «Высокая простота сценического оформления могла бы привести в восторг Людвиг Тика <...> Поскольку нигде, даже в театре Расина, правил „трех единств“ не придерживались строже, чем в этом салоне, то и сцена, представая в начале второго акта в тех же декорациях, свидетельствует, что классические „двадцать четыре часа“ определенно не истекли <...>».⁶⁶ Он единственный из рецензентов дает описание декораций: «Слева, на высоте нескольких ступеней, возвышается замок злого Людоеда с гербом в виде огромной челюсти над стрельчатыми воротами склеенной башни, с правой стороны — край колодца, с кубком и несколькими цветочными горшками на нем; горшки с олеандрами, виднеющиеся в растворенной двери, которая ведет в соседнюю комнату, и в самом салоне, призваны обозначать лес, который окружает эту местность, исполненную коварных чар и злых сил <...>. Но этот призрачный намек на реальную обста-

---

Флемминг, где пропела «Entends-tu ma belle...» («Слышишь ли ты, моя красавица...») и романс Алели «La terre est verte...» («Земля зелена...»), «текст которого я уже забыла — и вышла из положения как могла» («dont je ne savais plus le texte — je m'en suis tirée comme j'ai pu» — см.: Houghton Library. MS Mus 64 (365). Запись от 24 июня н. ст. 1868 г.).

⁶³ ПССуП(2). Письма. Т. 9. С. 55.

⁶⁴ Badeblatt für die Großherzogliche Stadt Baden. 1868. 8. September. № 131. S. 348. Автором заметки являлся Р. Поль.

⁶⁵ Schlesische Zeitung. 1869. 17. Januar. № 27. S. 2–3; 26. Januar. № 41. S. 3–4.

⁶⁶ Pietsch L. Ein September-Abend in Baden-Baden // Ibid. 26. Januar. № 41. S. 3.

Тургенев в роли Людоода. Рисунок Л. Пича.
Баден-Баден, 6 сентября н. ст. 1868 г.

новку великолепно компенсируется видом вовсе не „призрачного“, а в высшей степени реального, цветущего хора прекрасных молодых пленниц злого владельца замка; расположившись в сверкающих фантастически-восточных одеяниях на ведущих к замку ступенях, сидя или на коленях, хор увенчан благородной изящной фигурой девушки, стоящей на верхней ступеньке, образуя прелестную группу. Руки колеблются в воздухе, справа с высоты на них падает яркий луч света, и они предстают перед нами погруженными в странную работу: „Filons, filons, filons la lumière“ («Прядем, прядем, прядем свет» — *франц.*) — попеременно исполняют они прелестную и искусную музыку; из солнечных лучей они должны спрядать золотую ткань, большой кусок которой уже лежит готовым у них на коленях». ⁶⁷ Его описание отдельных действующих лиц не менее экспансивно. О самом Тургеневе: «И вот из ворот своего замка выходит он сам (Людоед. — *Н. Ж.*), чтобы проверить, достаточно ли усердно они работают, — фигура очень смешная и гротескная. В этом хитром и коварном прищуре рыжеволосой и рыжебородой головы, увенчанной огромным беретом ландскнехта с черными перьями, в фантастическом красном камзоле, с разрезами и в шароварах, узнаем мы прекрасную суть поэта, который не брезгует „одним своим видом дурачить“, это и есть воплощение всей доброты и кротости во весь объем и во всю ширь его колоссальной фигуры. Никогда еще никто не пытался обнаружить в Тургеневе этот исполнительский дар комического актера. И никогда еще подобную роль не исполняли с большим мастерством, чем этого Людоеда, представляющего собой диковинную смесь жестокого, свирепого коварства, обходительной простоты и какого-то „цивилизаторского“ направления мысли». ⁶⁸ Пение Анны Байодз Пич оценивает следующим образом: «И вот выходит она, „образ нежности в печали“, госпожа фон Байодз, хрупкая, стройная, нежная и меланхоличная, словно окутанная лунным светом; она не одарена большим голосом и лишь благодаря задушевной силе и — хорошо отточенному искусству негромко льются из тоскующей девичьей души полные страсти и мечты мелодии. Сказочно красивый, яркий наряд и тонкая выразительность благородного лица делают портрет фантастической принцессы совершенным

---

⁶⁷ *Pietsch L.* Ein September-Abend in Baden-Baden // *Schlesische Zeitung.* 1869. 26. Januar. № 41. S. 3.

⁶⁸ *Ibid.* Образцом для Тургенева тут мог послужить Г. Кудер (Henri Couder(c); 1833–1868), исполнявший роль генерала Бума в оперетте Оффенбаха «La Duchesse de Gérolstein» («Герцогиня Герольштейнская»). О нем Тургенев писал П. Виардо в письме от 16, 17 июня н. ст. 1867 г.: «Но Кудерк (генерал Бум) — идеал мрачного и свирепого комика» (*ПССУП(2). Письма.* Т. 7. С. 220, 288. Подлинник по-франц.).

<...> Покинутая всеми, она погружается в печальные мечты, которые наконец находят свое музыкально-поэтическое выражение в песне („Que l'absence est cruelle“ («Как жестока разлука» — *франц.*) и т. д.), редко когда внутреннему чувству одаренного свыше мастера открывалось что-то более глубокое и сладостно-мучительное». ⁶⁹ Первое выступление героя оперетты — принца Сафира — вызывает у Пича лирические воспоминания о том, когда он впервые услышал Полину Виардо на сцене в 1847 году и впоследствии еще не раз восхищался ее искусством. Пение и игра Поля Виардо также вызывают у него энтузиазм и восторг: «Это обезьяна? это попугай? Нет; он подходит ближе, это человек! Прелезавный, пресмешной карлик с султаном, как у настоящего театрального рыцаря: на острие его шлема топорщится высокий плюмаж; грудь сверкает блестящей кирасой, на плечах красуются эполеты. Но вовсе не рыцарским духом исполнено его сердце: „Эстамбардос, сын пирожника, да и сам пирожник“». ⁷⁰ Но, жалуется Пич, никакое изложение на словах не может полностью передать «милого и озорного юмора, настроения волшебства, тонкой иронии и пронизывающего всё духа самой чарующей поэзии, равно как и мало способно дать удовлетворительное представление о художественной работе, о характере и глубине остроумных шуток, грациозности музыкального сопровождения или о комической силе, изяществе, гениальном задоре и воодушевлении и об искусстве обоих исполнителей главных ролей!». ⁷¹

На этом спектакли пришлось прекратить, так как Поль поступил в школу-интернат в Карлсруэ. ⁷² Однако королева Августа пожелала повторить прошлогоднее торжественное представление ко дню рождения кронпринца, в связи с чем «Людоед» был возобновлен 17 октября н. ст. 1868 года. Об этом представлении не имеется практически никаких сведений (Августа явно не хотела, чтобы о семейном праздновании распространялись в прессе ⁷³), известны лишь исполнители ролей, так как

---

⁶⁹ *Pietsch L.* Ein September-Abend in Baden-Bade // *Schlesische Zeitung.* 1869. 26. Januar. № 41. S. 3.

⁷⁰ *Ibid.* S. 4.

⁷¹ *Ibid.*

⁷² См. письмо Тургенева к Н. Н. Рашет от 20 сентября (2 октября) 1868 г.: *ПССуП(2). Письма.* Т. 9. С. 61.

⁷³ См. письмо Тургенева к Л. Пичу от 17 (29) октября 1868 г.: Там же. С. 76. Из письма П. Виардо к Кларе Шуман известно, что 19 октября н. ст. состоялось последнее представление сезона (так как А. Оргени уезжала), на котором шел «Последний колдун» (*Höft B. Pauline Viardot-Garcia in Baden-Baden // Pauline Viardot in Baden-Baden und Karlsruhe / Hsg. U. Lange-Brachmann, J. Draheim. Baden-Baden, 1999. S. 63 (Baden-Badener Beiträge zur Musikgeschichte. Bd. 4).*) Оргени также выступила

сохранились экземпляры программы. Из нее мы узнаем, что роль принцессы Алели исполняла гостившая в Баден-Бадене бывшая ученица Полины Виардо Аглая Оргени. Ею особо восхищалась Августа, но она также являлась единственной из учениц, которую Тургенев ставил чуть ли не на одном уровне с самой Виардо. В письме к Пичу после ее выступления в опере Мейербера «Гугеноты» он признавался: «...со времен Валентины в исполнении г-жи Виардо я не видел *ничего* подобного. Я был поражен *пылом страсти* (да, да!), трагической силой трактовки, благородством пения и каждого движения, проявленным ею особенно в 4-м действии. <...> *Здесь* просто надо обнажить голову и поклониться — что я и сделал — тем охотнее, чем менее этого ожидал. Это настоящая артистка, играющая не одним только темпераментом или даже умом, но и всеми своими нервами».⁷⁴ Можно себе представить, с каким удовольствием играл Тургенев роль Людоеда в паре с Аглаей Оргени в роли Алели и с Полиной Виардо в роли Сафира в этом торжественном представлении.⁷⁵ Судя по письму Тургенева к Пичу, было еще одно «*aller-aller-aller-letzte*» («самое-самое-пресамое последнее») представление «Людоеда» 31 октября н. ст. (именно этим обстоятельством он объяснял, что не смог выслать единственный существующий экземпляр (автограф) либретто).⁷⁶

Нет никаких сведений о том, что «Людоед» когда-либо возобновлялся. О нем впоследствии будет упомянуто лишь дважды. Когда Виардо отправилась в Веймар в феврале 1869 года, чтобы договориться насчет представления «Последнего колдуна», она взяла с собой и партитуру «Людоеда». Ф. Лист сообщил в записке великому герцогу Карлу Александру, что собирается просмотреть с нею эту партитуру, на что последний ответил: «Вы думаете, я смогу проникнуть под очаровательным покровом тайны к ногам Людоеда, без опасения быть съеденным?!».⁷⁷

в роли Стеллы в «Последнем колдуне» в представлении 5 сентября н. ст. того же года (см.: *Badeblatt für die Großherzogliche Stadt Baden*. 1868. 8. September. № 131. S. 348. Рецензия Р. Поля).

⁷⁴ *ПССуП(2). Письма*. Т. 9. С. 56, 260. Письмо от 3 (15) сентября 1868 г. Подлинник по-нем.

⁷⁵ Тургенев сообщил о нем Пичу: «Аглая была очень красива и пела очень хорошо — успех колоссальный!» (Там же. С. 77, 266. Письмо от 17 (29) октября 1868 г. Подлинник по-нем.).

⁷⁶ См.: Там же. Однако в письме к М. А. Милютиной от 20 октября (1 ноября) 1868 г. Тургенев сообщал, что последнее представление состоялось «третьего дня», т. е. 30 октября н. ст. (Там же. С. 78).

⁷⁷ «*Pensez-vous que je puisse me glisser en charmante surprise aux pieds de l'Ogre, sans courir chance d'être croqué?!*» (*La Mara*. Briefwechsel zwischen Franz Liszt und Carl Alexander, Grossherzog von Sachsen. Leipzig, 1909. S. 142).

Théâtre du Thiergarten.

Samedi 17 Octobre 1868.

L'OGRE

Opérette fantastique en 2 actes.

Paroles de M. I. Tourguénef, musique de Mme P. Viardot.

Personnages :

Micocolembo, ogre	M.	I. Tourguénef.
Le prince Saphir	M ^{me}	P. Viardot.
Aleli, princesse	M ^{lle}	Aglæ Orgeni.
Naïna, son amie	M ^{lle}	Claudie Viardot.
Almé.	M ^{lle}	Carola.
Marina.	prisonnières	M ^{lle} Valentin.
Graziella.	de	M ^{lle} Marianne Viardot.
Iris.	l'ogre	M ^{lle} Busse.
Coraly	M ^{lle}	Humler.
Meta	M ^{lle}	Fehrman.
Aniela	M ^{lle}	Boom.

Estambardos, aide-de-camp de
Saphir. . . . . M. Paul Viardot.

Le piano sera tenu par M. Carl Eckert

Le premier acte se passe dans une forêt enchantée, devant le château de l'ogre; le second acte dans l'intérieur du château.

Baden — Typ. Scotzniofsky.

Программа представления «Людоеда» в театре Тиргартен
17 октября н. ст. 1868 г.

А месяц спустя Тургенев получил от Пича копию его статьи об оперетте и откликнулся: «...я могу только сказать — О! О! О! — но не в том смысле, как леди Макбет. Сегодня вечером прочтем его collegialiter (коллегiallyно — лат.)».⁷⁸

В первых трех баденских опереттах («Слишком много жен», «Последний колдун», «Людоед») заметны некие общие черты, хотя и с вариациями, некий даже шаблон — как в отношении действующих лиц, так и в отношении сюжета. Сюжеты явно сказочные. В них идет речь об освобождении героини из плена молодым героем. Естественно, доблестный герой и героиня влюбляются друг в друга и в конце оперетты их ожидает «жить-поживать да добра наживать».⁷⁹ На сказочный элемент указывается и непосредственно в тексте. В «Людоеде», когда принцесса Алели спрашивает принца Сафира, как он отыщет обратный путь в потайное место, где обитает Микоколембо, он отвечает: «Так вы думаете, что я не читал сказку про мальчика-с-пальчика...».

В центре внимания — «старик»-тиран, который держит в своей власти группу девиц, первое место среди которых занимает главная героиня. Все эти тираны чем-то «чужие» — двое из них (колдун и людоед) обладают магическим даром, а третий — сирийский паша. Главным их противником является молодой герой в полном смысле слова. Преодолев все препятствия, он освобождает героиню (и одновременно ее товарищей по несчастью). К этим ролям прибавлялись роли, предназначенные для трех младших детей Виардо: Клоди играла приближенную к героине, Марианна была членом хора, но обычно с небольшим соло, а для Поля писалась комическая роль — раба-слуги при антигерое, или (в «Людоеде») — адъютанта при герое. Хору девушек Виардо уделяла особое внимание. Музыка хоров была технически самой трудной, причем нередко требовалось, чтобы исполнительницы совмещали пение и танец одновременно.

Роль героини предназначалась одной из продвинутых учениц Виардо и должна была служить ей рекламой перед тем, что рецензенты называли «королевским партером».⁸⁰ Роль героя писалась для меццо-сопрано;

---

⁷⁸ ПССуП(2). Письма. Т. 9. С. 178, 298. Письмо от 8 (20) марта 1869 г. Подлинник по-нем.

⁷⁹ Ранние редакции «Последнего колдуна» следуют этому шаблону, а в баденской версии расписание ролей усложняется тем, что главным противником антигероя колдуна Кракамиша является Королева фей, которая помогает герою (принцу Лелио) победить. В ранних вариантах феерический элемент отсутствовал. А в «Слишком много жен» главные герой и героиня — брат и сестра.

⁸⁰ Pietsch L. Iwan Turgénjew: Persönliche Erinnerungen // Nord und Süd. 1878. November. S. 256. См. также выше рецензию Фр. Шваба.

таких «мужских» ролей было немало в репертуаре, и они создавали особые трудности для исполнительниц в эпоху, когда барышни даже не носили брюк. Однако в первых представлениях баденских оперетт роли героев (Артура и Лелио) исполняла не одна из учениц, а старшая дочь Виардо Луиза, которая в 1867 году находилась в Баден-Бадене (она бежала — вместе с маленьким сыном Луи — от своего мужа из Южной Африки). Впоследствии эти роли, как и роль Сафира из «Людоеда», играла сама Полина Виардо.⁸¹ После того как Тургенев вынужден был заменить Луи Поме в ролях паши и колдуна, очевидно, было принято решение доработать роль Людоеда непосредственно для Тургенева. Именно поэтому Людоед не принимает никакого участия в музыкальных номерах этой оперетты. Но, кажется, Виардо не исключала возможности представления оперетты вне интимной и ограниченной сферы своего частного театра. В письме к ней от 15, 16 (27, 28) марта 1868 года из Парижа Тургенев сообщал о реакции Поме на известие о третьей оперетте: «Обедал я у Поме, которому пришлось подробно рассказать сюжет третьей оперы; он уже жаждет скорее получить свою роль и спеть ее».⁸² И действительно, среди сохранившихся рукописей в Хоутонской библиотеке находится отдельный автограф с арией для Людоеда.⁸³

Кроме того, наличие в черновиках партии Сафира в басовом ключе может означать, что не исключалась возможность, что и ее когда-нибудь будет исполнять мужчина.⁸⁴

Несмотря на заметные параллели между аналогичными ролями в опереттах, все-таки наблюдается некая вариантность, в особенности относительно антигероя. В некоторой степени он становится все более жестоким, более «отрицательным». В оперетте «Слишком много жен» паша приходит к заключению, что одной жены ему достаточно и нужно лишь решить, которую ему лучше выбрать (в конечном итоге он их всех отпускает в Париж — и сам к ним присоединяется). А колдун Крака-

---

⁸¹ Интересно отметить, что в рукописных тетрадях роль Сафира в «Людоеде», которую всегда исполняла сама Полина Виардо, иногда записана в басовом ключе (и следовательно, исполнялась на октаву выше написанного), а в других местах — в ожидаемом скрипичном ключе.

⁸² *ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 162, 255. Подлинник по-франц. Нет, правда, никаких сведений о том, что Поме когда-либо исполнял эту роль.

⁸³ См. *Приложение* к публикации текста «Людоеда».

⁸⁴ В 1904 г. Виардо включила любовный дуэт «Duo de la rose» из «Последнего колдуна» в оперетту «Cendrillon» («Золушка») в исполнении сопрано и тенора, вместо первоначальных сопрано и меццо-сопрано.

миш ропщет на то, что теряет свои магические силы. Это значит, что он не может одолеть принца Лелио в борьбе, что он не может обеспечить блестящую будущность для своей дочери и что ему придется вернуть захваченный им лес феям, которым лес принадлежит. Но убедившись в том, что дочь любит своего принца, он их благословляет на совместную долгую и счастливую жизнь. А людоед по самой природе — более опасное явление; его магическим силам как будто невозможно сопротивляться. Правда, Микоколембо старается изо всех сил стать более «культурным», чтобы понравиться Алели: «У нас, в Людоедии, обычно по этому поводу съедают двух-трех толстеньких детишек — но вам это не подойдет — да и сам я, с тех пор как имел счастье познакомиться с вами, чувствую, что отвыкаю от своих привычек... Я становлюсь нежным, романтичным. Я мечтаю о гитаре, о лунном свете...». Но это ему дается не легко. Выбор перед героиней в этой оперетте тоже более трудный. Во-первых, ей грозит двойная опасность: людоед ее похищает и уносит как раз в тот момент, когда она должна выйти замуж за старого короля, которого она, естественно, не любит. Таким образом, он невольно совершает добрый поступок. Кроме того, здесь идет речь не только о ее личной судьбе. Освобождение из плена девиц-узниц зависит от ее согласия выйти замуж за Микоколембо. А солидарность, которая ранее характеризовала членов хора, в «Людоеде» исчезает; они спокойно требуют от Алели жертвы, которая приведет к их освобождению. Несчастливая принцесса просит Сафира — в случае, если он не сможет ее спасти — убить ее! Комическая роль, которую по обыкновению играл Поль Виардо, тоже претерпела изменение. Обычный детский эгоцентризм и мальчишеская дерзость сменяются в «Людоеде» откровенной трусостью. Когда Сафир упрекает Эстамбардоса в том, что его помощь запоздала, он оправдывает свое поведение с гордостью: «Сир! Я осмотрителен. Я ждал, пока минует опасный момент!».

Не изменился, однако, характерный для всех тургеневских либретто легкий иронический подтекст. В «Людоеде» также присутствуют политические намеки, когда, например, пародируются высокопарные речи французского императора (что было, разумеется, очевидно публике и даже отмечено в рецензиях), высмеивается его мнимый демократизм (явный намек на ненавистный режим Наполеона III), когда речь идет о том, что Сафир избран новым королем вместо умершего старого: «...вы были избраны его преемником единогласно плюс еще 4 голоса!»; или же характерная для режима лесть: «Я знаю, что они меня в душе ненавидят; но мне довольно и официального веселья: люди куда более великие, чем я, им вполне довольствуются. — Пусть они представят, что

я король, совершающий въезд в захваченный город...». А когда Микоколембо объявлял, что он не поет, а квакает, как лягушка, публика сразу понимала, что это относилось к самому Тургеневу! Отпускались шпильки и по поводу пресловутой немецкой учености, например, когда Сафир намеревался узнать от знакомого немецкого профессора секрет того, как победить Микоколембо, высмеивалась эзотеричность того, что изучают до мелочей немецкие профессора: «Эти существа знают всякую бесполезную всячину, я хотел сказать необыкновенную всячину, все, что почти никому не нужно <...>». Есть и ряд мелких, но метких шпилек, имеющих более скрытый подтекст: непьющий Людоед намекает на склонность людей к пьянству: «Ах да — вино — такой напиток, который, кажется, заставляет делать столько глупостей <...>», — а выбор в черновой рукописи марки шампанского «Carte blanche» фирмы Roederer намекает на его популярность среди русских.⁸⁵ Присутствуют и остроумные каламбуры, например по поводу трусости Эстамбардоса. Адъютант Сафира, прибывший на помощь только после победы над Микоколембо, объявляет: «Победа! Победа! я привел подмогу! — За мной вся армия <...>». В награду Сафир назначает его генералом, правда, командовать он будет... лишь арьергардом.

Рукописи «Людоеда» дают редкую возможность представить, как Тургенев и Виардо работали вместе. Сначала Тургенев предлагал сюжеты.⁸⁶ По всей видимости, окончательный сюжет выбирался вместе. Либретто разрабатывал он, но согласовывались музыкальные номера (которые, естественно, следовали неким схемам: открывающий и завершающий хоры, сольные номера для главных героев, «любовный дуэт», песня для маленького Поля и т. д.). В черновой рукописи между первым и вторым актами приводится полный список 17 музыкальных номеров оперетты, с пометами, которые должны были, по-видимому, обозначать, на каком этапе готовности они находились в данный момент.⁸⁷ Стихо-

---

⁸⁵ В 1876 г. фирма Редерер даже ввела новую марку «Cristal» (в прозрачной бутылке) исключительно для царской семьи. Из «Роли Микоколембо» (см.: *BN. Slave 75*) следует, что марка изменилась в окончательной версии на более «демократическую» «Veuve Cliquot».

⁸⁶ «Я плохо спал, — признавался он в письме к П. Виардо от 3 (15) июня 1868 г., написанном из Берлина по пути в Россию, — или, лучше сказать, не спал вовсе и чувствую себя весьма утомленным. Пытался переводить на русский язык романсы, обдумывал либретто — ничего не получилось» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 209, 272. Подлинник по-франц.).

⁸⁷ См. текст публикации, с. 365.

творные тексты, предназначенные для того, чтобы на них сочинялась музыка, требовали больше усилий и взаимодействия. Подобные тексты часто проходили серию разработок. Форму музыкальных номеров, конечно, заказывала Виардо. Так, в сохранившейся в Национальной библиотеке Франции тетради с перечнем музыкальных номеров есть помета, что Тургенев должен был написать «Хор любопытных» (№ 5) александрийским стихом («Chœur des questionneuses en Alexandrins»).⁸⁸ А для формы дуэта между Сафиром и Алели (№ 4) слева на полях приводится «заказ»: «Он соло 8 стихов / Она соло 8 стихов / затем 4 александрийских стиха вместе». Александрийский стих соответствовал как размеру музыки (переход от двухдольного к трехдольному), так и мелодической фразе (с соблюдением цезуры), которые Виардо ввела во вторую — совместную — часть дуэта. В самом тексте после вычеркнутой строфы следует первая строфа («Он»), в той форме, в которой она впоследствии приведена в черновой рукописи, с примечанием «Она: с теми же рифмами».⁸⁹ Тургенев нередко обращался к текстам своих либретто, когда путешествовал и когда ему не спалось. Из Парижа он сообщал: «Будучи не в состоянии уснуть, я с трудом произвел на свет вот какие стихи (дуэт из 1-го действия с окончанием реплики Поля):

Lui	Он
C'est bien vous, vous que j'adore. Je vous trouve. — Oh quel transport! Et mon âme s'ouvre encore A l'espoir d'un heureux sort!	Так это вы, кого я обожаю, Я вас нашел.— О! Какой восторг! И душа моя с надеждой вновь устремляется Навстречу счастливой судьбе!
Elle	Она
Si du tyran que j'abhorre, Ne me sauve votre effort, C'est encore vous que j'implore Pour me sauver par la mort.	Если от ненавистного тирана Вы не в силах меня спасти, Я вас молю, даруйте мне Спасительную смерть.
A deux	Вместе
C'est un rêve Qui nous enivre tous deux. Qu'il s'achève Sur la terre ou dans les cieux!	Это мечта, Которая пьянит нас обоих. Пусть она воплотится На земле или в небесах!

⁸⁸ *BN. Slave 75. F. 60 г* (далее — *T-Vers*); см.: *ПССУП(2). Соч. Т. 12. С. 487.*

⁸⁹ *T-Vers. F. 59 v*; см.: *ПССУП(2). Соч. Т. 12. С. 487.* Подлинник по-франц.

Сейчас мне кажется, что это лишено всякого смысла. Ну что же, постараюсь сделать лучше».⁹⁰ На самом деле первые две строфы сохранились в черновых рукописях, но с новым текстом для совместного исполнения — александрийском стихом:

Nous voilà réunis, la mort peut nous	Вот мы и вместе, смерть может нас
atteindre.	настичь.
Par un flot de bonheur à la fois emportés	Вознесенные потоком счастья,
Nous ne regrettons rien, nous n'avons rien à	Мы ни о чем не жалеем, нам нечего
craindre	бояться
Et le ciel s'est ouvert à nos yeux enchantés. ⁹¹	И небо открывается нашим
	очарованным взглядам.

Однако нам известна окончательная редакция этого дуэта:

Faut-il qu'à mes yeux je croie?	Могу ли я верить своим глазам?
Oui, c'est vous, mon seul trésor,	Да, это вы, мое единственное сокровище,
Et mon cœur frémit de joie	И сердце мое трепещет от радости,
Je puis être heureux encore.	Я еще могу обрести счастье.
Oh! mon seul ami fidèle	О! мой единственный верный друг,
Songez quel fut mon tourment	Представьте, каковы были мои мучения,
Quand du sort la main cruelle	Когда жестокая рука судьбы
Me frappa si durement.	Так сурово поразила меня.
Dans l'excuse de ma souffrance	Из-за моих страданий
J'espérais pouvoir mourir	Я надеялся умереть.
Est-ce enfin la délivrance?	Неужели это освобождение?
Et mes maux vont-ils mourir?	И умрут мои беды?
Nous voilà réunis	Вот мы и вместе,
La mort peut nous atteindre	Смерть может нас настичь.
Par un flot de bonheur à la fois emportés	Вознесенные потоком счастья,
Nous n'avons rien à craindre	Мы ни о чем не жалеем,
Nous ne regrettons rien	Нам нечего бояться,
Et le ciel s'est ouvert à nos yeux enchantés. ⁹²	И небо открывается нашим
	очарованным взглядам.

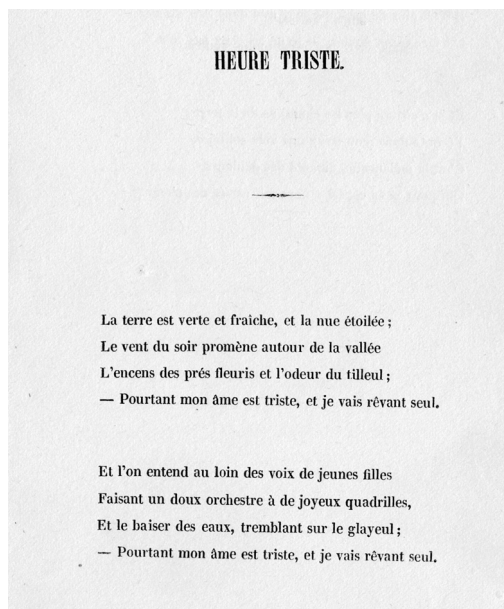
⁹⁰ «Считайте это „рыбой“, но положите на музыку», — добавлял Тургенев на полях (*ИССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 151–152, 247–248. Письмо к П. Виардо от 12 (24) марта 1868 г. Подлинник по-франц.). К чему относится замечание о фразе Поля, установить не удалось.

⁹¹ В одной из нотных тетрадей П. Виардо (Houghton Library. MS Mus 264 (166). F. 6 v) последняя фраза («à nos yeux enchantés») вписана взамен зачеркнутой: «Et mes malheurs vont finir» («И мои несчастья закончатся»).

⁹² А. Звигильский приводит текст этого дуэта на основе неизвестной партитуры из тогдашнего архива четы Ле Сен в примечаниях к первой публикации этого письма (*Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. 150). Ввиду условия, чтобы совместная часть была написана александрийским стихом с сохранением рифмы, кажется, предыдущая версия ближе к тексту Тургенева (в партитуре, где могут повторяться отдельные слова и фразы, иногда трудно восстановить форму первоначального стиха).

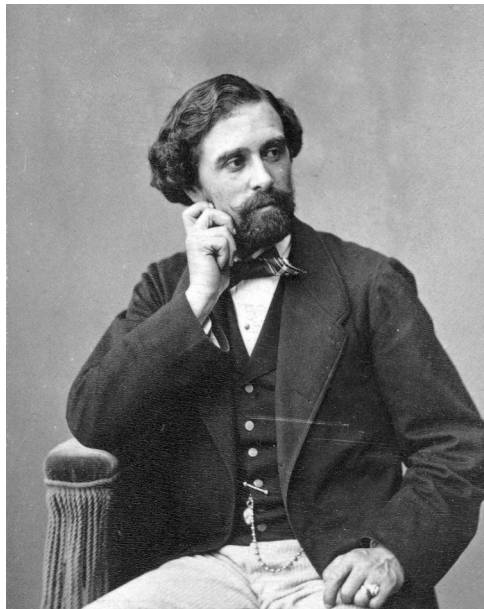
Стихотворение Г. де Ларендьера «Heure triste».
Первая страница. Первое издание (Paris, 1842)

Оперетта «La Partie de whist»

Нигде среди массы биографических материалов как о Тургеневе, так и о Полине Виардо (насколько нам удалось их изучить), нет ни слова об оперетте «La Partie de whist» («Партия в вист»). Это тем более странно, что «Партия в вист» — единственное в своем роде их совместное произведение, и, следовательно, представляет особый интерес. Причем сохранился полный комплект рукописей — два черновых автографа Тургенева: первый содержит наброски отдельных эпизодов, во втором разработан полный черновой текст либретто. Сохранились также окончательная партитура и отдельные партии для каждого из четырех голосов — участников оперетты, в двух видах: автографы Полины Виардо и писарские копии, что свидетельствует о том, что «Партия в вист», по всей вероятности, исполнялась.

Сохранившиеся рукописи оперетты бесспорно устанавливают авторство Тургенева и Виардо, однако не содержат никаких иных опознавательных данных, которые помогли бы определить, например, датировку, за исключением того, что в них названы исполнители четырех ролей. А то, что для некоторых партий назначено более одного исполнителя,

Жюль Лефор.
Фотография Надара. Париж, 1870-е (?)

может означать, что она исполнялась не раз. К сожалению, из названных лиц пока установить с достоверностью удалось лишь одно — Жюля Лефора (Jules Lefort; 1829–1898).⁹⁸ Лефор был камерным певцом (тенором), который после первой неудачи на оперной сцене (в 1861 г.) посвятил себя концертной деятельности. Он прославился чистотой голоса и безупречностью произношения.⁹⁹ До 1875 года он регулярно с успехом

---

⁹⁸ Кроме Лефора, в партитуре-автографе названы: 2) M. Robert (он, очевидно, пел партию первого тенора — возле имени Лефора обозначение «1 ténor» («1-й тенор») заменено на «2 ténor» («2-й тенор»), что подтверждается пометами в самой партитуре); 3) M. Auguste; 4) M. de la tour (sic!). На последней странице названы также: «Mr Pierrot; Mr Robert 2-d ténor; Mr Driestin <?> basse; Mr de la Percerie basse»; внутри самой партитуры еще встречается имя «Bulicheff» как первого тенора. На первых страницах автографов отдельных партий карандашом записаны следующие фамилии: на партии первого тенора — Robert; на партии второго тенора — M. Lefort; на партии «третьего игрока» — M. filibert 2-de basse; на партии «четвертого игрока» «баса» — M. de latour. В писарских копиях отдельных партий эти же имена выведены чернилами в начале каждой первой страницы: «Robert — 1-er Ténor», «Lefort — 2-e Ténor», «De la Tour — 1-er Basse» и «Philibert — 2-e Basse».

⁹⁹ См.: Le Ménestrel. 1893. 29 janvier. № 5. P. 40.

выступал в концертах в Париже и время от времени продолжал выступать — вплоть до 1879 года,¹⁰⁰ после чего посвятил себя исключительно педагогической деятельности и, в частности, написал несколько известных учебников. Первый по времени установленный факт сотрудничества Лефора с Полиной Виардо относится к 1856 году, когда они несколько раз выступали в одних и тех концертах в Лондоне.¹⁰¹ Среди самых известных их совместных выступлений следует назвать участие в концерте в Баден-Бадене 29 августа н. ст. 1859 года в честь Гектора Берлиоза, на котором прозвучали выдержки из его неоконченной оперы «Les Troyens» («Троянцы»). 24 октября н. ст. того же года они снова пели вместе, исполнив пять сцен из этой оперы в частном концерте в парижском доме Виардо для приехавшей принцессы фон Сайн-Витгенштейн.¹⁰² В 1865-м и 1866 годах Лефор снова посетил Баден-Баден. 8 октября н. ст. 1865 года он принял участие в одном из прославленных музыкальных утренников у Виардо, а год спустя, 11 октября н. ст. 1866 года, в последнем утреннике сезона, где исполнил два романса Виардо на стихи Лермонтова и Фета («Ветка Палестины» и «Две розы»).¹⁰³ В начале 1870-х годов в Лондоне и Париже Лефор несколько раз принимал участие в сайнете (легком комическом зрелище) «La Soirée perdue» («Потерянный вечер»), текст которого (по мотивам Альфреда де Мюссе) написала актриса Мари Дюма, а музыку Полина Виардо.¹⁰⁴ Длительное сотрудничество Полины Виардо с Лефором, к сожалению, не способствует решению проблемы датировки «Партии в вист». Однако тот факт, что фамилии всех названных певцов (за одним возможным исключением) французские, говорит о том, что произведение, скорее всего, было написано в 1870-х годах, когда Виардо снова жили во Франции. Не исключено, что некоторые из названных певцов являлись учениками Лефора (у Полины

---

¹⁰⁰ См., например: *Revue et Gazette musicale de Paris*. 1875. 25 avril. № 17. P. 134; 1879. 9 mars. № 10. P. 78.

¹⁰¹ *Stier M.* Pauline Viardot-Garcia in Großbritannien und Irland. Hildesheim, 2012. S. 349, 351, 354 (Viardot-Garcia-Studien. Bd. 3).

¹⁰² *Berlioz H.* Correspondance générale / Ed. Pierre Citron. Paris, 1995. T. 6. P. 19; 13, 49, 56.

¹⁰³ *Le Ménestrel*. 1865. 15 octobre. № 46. P. 366; *Höft B.* Pauline Viardot-Garcia in Baden-Baden. P. 43. Так как оба романса в 1866 г. вышли у парижского издателя Жерара с французским текстом (первый из них в этом издании был посвящен Лефору), он, скорее всего, исполнял их по-французски.

¹⁰⁴ См.: *Le Ménestrel*. 1872. 11 août. № 37. P. 304; 1873. 11 mai. № 21. P. 191; *Musical World*. 1873. 10 May. № 19. P. 308. На первом представлении в Лондоне, состоявшемся 29 апреля н. ст. 1871 г., выступала сама Виардо (см.: *Stier M.* Pauline Viardot-Garcia in Großbritannien. S. 250–251).

Виардо были одни ученицы), так как именно в этот период (с середины 1870-х гг.) он посвятил себя педагогической деятельности в Париже.¹⁰⁵

Карточная игра «вист» считается английской по происхождению. Правила игры были систематизированы в XVIII веке. Из Англии популярная игра распространилась по Европе (в России аналогичной игрой был ералаш). Обычно в вист играют четвером, но парами, до тех пор пока одна пара не выиграет две партии. Цель каждой пары — набрать наибольшее количество очков; очки набираются на основе двух за каждую взятую взятку сверх пяти и за онеры.

Либретто Тургенева для «Партии в вист» вряд ли представляет собой тему широкого общественного значения. Психология отдельных участников остается вне сюжета — они не только обозначены лишь цифрами во всех источниках, но и, судя по ремаркам, вписанным карандашом в автограф партитуры, отдельные реплики могли переходить от одного певца к другому (иногда в зависимости от того, что лучше подходило тому или иному голосу). Даже условными типами их можно назвать лишь с некоторой натяжкой. Незначительность сюжета подчеркивается явным и принципиальным противоречием: согласно принятым нормам поведения, в вист играют молча (само название обычно связывается с «молчанием», старым значением слова «whist»). Значит, перед нами целое произведение, которое состоит из одних реплик тех, кто не должен говорить! О таком запрете открыто упоминается в тексте либретто, но каждый раз иронически: в самом начале игроки № 1, 2 и 3 жалуется на свои карты, игрок № 4 лишь произносит (даже не поет) междометие «hum» («гм»), на что остальные сразу же возражают: если он будет «говорить», то игра окончится лишь на следующий день; и когда игрок № 4 повторяет свой возглас, остальные игроки объявляют его болтуном, хотя на деле он единственный, кто еще не сказал (не спел) ни одного слова! Когда игрок № 3 защищается от упреков других игроков в том, что он сделал неверный ход, они сами его перебивают, напоминая, что говорить в висте запрещено! Все действие сводится к игре в частном кругу, очевидно лишь одной из серии подобных (в конце игроки предлагают снова встретиться на следующей день, чтобы «взять реванш»), — мероприятию, которое проходит без особых последствий

---

¹⁰⁵ Датировка (середина — конец 1870-х гг.) подтверждается также почерком П. Виардо в рукописях оперетты, который соответствует ее зрелому, но не старческому (с 1890-х гг.) почерку. Неверное написание фамилии Philibert в автографе (где она дана как «filibert») также намекает на то, что первоначально Виардо не была с ним знакома лично, т. е. он участвовал по чьей-то рекомендации.

для самих участников (даже присутствующее в черновом либретто упоминание о том № 2 проиграл незначительную сумму — 5 су, — в окончательной партитуре снимается), не говоря о ком-либо другом. Все общение проходит в рамках карточной игры. Все реплики представляют собой сетования на карты или на глупые ходы. Все обобщения ограничиваются жалобами, что такова всегда их судьба в азартных играх, но все-таки в вист стоит играть.

За этой сверхбытовой действительностью скрывается важный технический вызов таланту писателя: среди совместных сценических сочинений Тургенева и Полины Виардо «Партия в вист» является единственным произведением без диалога. Другие либретто разделялись на прозаические диалоги и замкнутые стихотворные формы, предназначенные для пения. А тут весь текст надо петь. Причем пределы возможностей для Тургенева сознательно подверглись строгому ограничению. Он должен был из узкотехнического словаря, связанного с карточной игрой, с легкой примесью простой «нехудожественной» речи по ходу игры составить поэтический (ритмизированный и рифмованный) текст либретто.

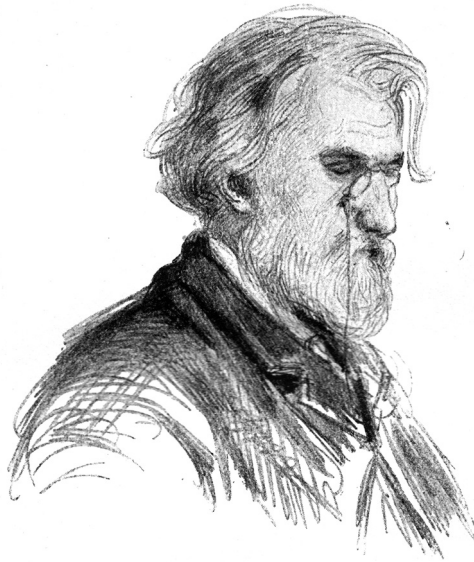
Изменения в окончательном тексте оперетты (представленном в партитуре), по сравнению с черновым либретто, заключаются преимущественно в перестановке отдельных эпизодов. Эпизоды отделены друг от друга коротким повторяющимся мотивом в партии рояля, который означает, что действующие лица играют, соблюдая (лишь на это короткое время!) правило молчания. Кроме того заметно, как на этапе второго сохранившегося автографа, а также между ним и окончательным текстом происходит шлифовка реплик. Например, реплика в либретто: «*Quand l'atout c'est du rouge, / Moi, j'ai mon jeu tout noir! // Moi, je l'ai toujours rouge, / Quand l'atout c'est du noir!*» («Когда выпадают красные козыри, / У меня на руках одни черные! // А у меня всегда одни красные, / Когда козыри черные!») — в партитуре звучит более элегантно: «*Quand l'atout tourne rouge, / J'ai le jeu tout noir. // Moi, je l'ai toujours rouge, / Quand l'atout tourne noir*», причем в беловом автографе этот обмен происходит между игроками № 2 и 3, а в партитуре — между № 1 и 2. Упрек «*couper la chatte aux pattes*» («перебрать»), с которым иронически поздравляет игрок № 1 одного из своих коллег (трудно сказать, к кому он обращен), по отношению к сделанному ходу был вписан в рукопись рукой П. Виардо. Ироническое поздравление сохраняется в тексте партитуры, но относится к тому, как коллега снимает колоду, а яркая риторическая фигура исчезает. Главные отличия между текстами содержатся в самом начале и в самом конце либретто. В конце ранней редакции, пока проигравший № 2 «отсрочивает» уплату своего мелкого долга, все участ-

ники «философствуют» по поводу отвратительной игры, которая всегда приводит к недоразумениям и вызывает громкие споры. В окончательном тексте этот эпизод отсутствует; заключительный «хор» становится нарочито более банальным: вист — трудная игра, он раздражает, но от него можно также получить удовольствие. Выше подобного «философствования» наши игроки подняться не могут! Наиболее существенным различием является то, что в окончательной версии оперетты полностью отсутствует вступительный «хор» (он присутствовал еще в первом черновике). Это коренным образом меняет драматический облик произведения. Такой хор, когда певцы объявляют публике сюжет произведения, подчеркивает его условность, искусственность. При его отсутствии, когда в сопровождении небольшой увертюры на рояле четыре человека выходят, садятся за стол и начинают молча играть, трудно представить, что происходит и во что преобразится произведение — в мимическую сцену под аккомпанемент, в пьесу с музыкой... или же в оперетту. Хотя нельзя установить, кому принадлежало это решение — автору либретто, композитору или обоим вместе, но таким образом значительно усилился драматизм этой небольшой оперетты.

Вист упоминается несколько раз в письмах Тургенева. Судя по его сотованиям, в него особо усердно играли в семье его зятя Гастона Брюэра. В письме к П. Виардо от 6 (18) ноября 1868 года он замечает по поводу предстоящего вечера в семье Брюэр: «...завтра состоится торжественный семейный обед со знаменитым беф бургиньон, которое так выдержали, что оно совсем потеряло вкус — и партией в вист, и разговорами, учтивыми и доверительными, о том, что это за Россия, у всех ли там носы находятся посреди лица и т. д. и т. д.».¹⁰⁶ Такие вечера были неизбежными, когда он приезжал в гости к дочери после ее замужества. Такой же вечер его ожидал, например, за год до этого: «Потом мы поспешно вернулись к папаше Брюэру, где мне пришлось вынести семейный обед — в обществе смешных родственников из Манса, подобных г-ну Пурсоньяку, с непередаваемо пошлыми обывательскими разговорами, вистом, который заставил бы Виардо *кусаться* (когда папаша Брюэр говорил: „снимаю туза у моего партнера — это всегда вернее — а что я буду делать с моим маленьким козырем — впрочем, у меня их шесть!!“) <...>».¹⁰⁷ По этому описанию чувствуется, насколько «папаша Брюэр» и «непередаваемо пошлые обывательские разговоры» могли

¹⁰⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 83, 268. Подлинник по-франц.

¹⁰⁷ Там же. Т. 7. С. 220, 288. Письмо к П. Виардо от 4, 5 (16, 17) июня 1867 г. Подлинник по-франц.

Тургенев за игрой в безик.
Рисунок Л. Пича. Баден-Баден, 11 августа н. ст. 1864 г.

повлиять на характер игры в либретто Тургенева! Но из этого письма также явствует, что в вист играли и в семье Виардо (хотя Луи, очевидно, играл гораздо более серьезно и, по-видимому, молчал, согласно правилам, в отличие от «папаши Брюэра»).

Однако оказывается, сам Тургенев в свое время с увлечением играл в вист. Еще в 1850 году он по вечерам играл в «пылкий и бешеный» вист в Куртавнеле вместе с сестрой Луи Бертой, а также с матерью и дядей Полины.¹⁰⁸ Вист снова упоминается в 1876 году, когда Тургенев

---

¹⁰⁸ В письме от 8–9 мая н. ст. 1850 г. из Куртавнеля Шарль Гуно сообщал Полине Виардо: «В то время как, по обычаю, совсем рядом со мной пылкий и бешеный вист чрезмерно возбуждает воинственное настроение Dom Паоло, Мамиты, Mlle Берты и Тургенева, я, который никогда ничего не смыслил и не собираюсь смыслить в картах, заблаговременно принялся, дорогая и добрая Полина, за завтрашнее письмо <...>» («Pendant que, selon l'habitude, un whist ardent et enragé surexcite tout près de moi l'humeur belliqueuse de Dom Paolo, de Mamita, de Mlle Berthe et de Tourguéneff, moi qui de ma vie n'ai jamais rien entendu et n'entendrai jamais rien aux cartes, je me mets en avance, chère bonne Pauline, pour ma correspondance de demain <...>»). Цит. по: *Goldbeck M., von. Lettres de Charles Gounod à Pauline Viardot. Arles, 2015. P. 106.*

описывает в письме к Клоди Виардо, как проводились летние дни в Буживале: «Нас не слишком много посещают. Леонар сыграл несколько партий в вист и исполнил нам свои новые сочинения, посвященные детям; <...> Лассен (из Веймара) приезжал дважды: он был в Байрейте и весь переполнен им — но успел выплеснуться до моего прихода. <...> Поскольку вся молодежь уехала и рассеялась, ни шарад, ни театральных постановок устроить не удалось... Мы вели и все еще ведем очень спокойную жизнь...».¹⁰⁹ В 1876 году произошло торжественное открытие театра и состоялся первый фестиваль Вагнера в Байрейте, и неудивительно, что поклонник Вагнера веймарский капельмейстер Эдуард Лассен с энтузиазмом рассказывал об этом Полине Виардо. В 1882 году Лассен снова приехал в Буживаль, и снова в письме Тургенева к Клоди фигурируют те же три темы: вист, Вагнер и домашние спектакли: «Вчера все пятеро буживальских учениц обедали у нас. Вечером их познакомили с „Кракамишем“, текстом и музыкой. Это был восторженный успех! Приятно было видеть все эти юные лица, обращенные к маме с выражением восхищения и умиления. <...> Да и мне тоже это доставило огромное удовольствие... Ты знаешь, как мне нравится эта поэтическая и грациозная музыка <...> Вот уже 4 дня, как Хоакинито живет в Ле Френ. Какой-нибудь крот производит меньше шума, чем он. По вечерам он регулярно играет свою партию в вист, весь дрожа перед папой, который отчаивается и стонет более чем когда-либо — и, к счастью, к настоящему времени выиграл около пятнадцати су! <...> в последний вторник у нас обедал Лассен. Он по-прежнему очень мил — но сыграл нам отрывки из „Парсифаля“, которые произвели на меня впечатление настоящего „Katzenjammer“ («кошачьего концерта» — нем.). Никогда я не смогу переварить эту музыку».¹¹⁰

Хотя сочетание трех этих тем — вист, Вагнер и оперетты — в приведенных письмах Тургенева, несомненно, чисто случайное, обращение к *музыке* «Партии в вист» неожиданным образом приводит к дерзкой мысли о возможной связи этого произведения с музыкой Рихарда Вагнера. 21 июня н. ст. 1868 года состоялась премьера оперы «Die Me-

¹⁰⁹ ПССУП(2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 159, 319. Письмо от 14 (26) августа 1876 г. Подлинник по-франц. Известный скрипач, один из учителей Поля Виардо Юбер Леонар был мужем двоюродной сестры П. Виардо — Антонии.

¹¹⁰ *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. 290–291. Письмо от 1 (13) августа 1882 г. Подлинник по-франц. Хоакинито — Хоакин Руис-Гарсиа (Joaquín Ruiz-García), сын от первого брака отца Полины Виардо, Мануэля Гарсиа. 26 июля н. ст. 1882 г. в Байрейте состоялась премьера последней оперы Рихарда Вагнера «Парсифаль».

stersinger von Nürnberg» («Нюрнбергские мейстерзингеры») в Мюнхене. Полина Виардо собиралась присутствовать на этой премьере, но это намерение не осуществилось. Музыка она, однако, знала (очевидно, по партитуре) и в (неизвестном) письме к Тургеневу, написанном еще до премьеры, восторгалась «большими красотами» этой оперы.¹¹¹ А в дневниковой записи от 24 июня н. ст. она признается: «Я нахожу эту партитуру восхитительной — не думаю, что мой маленький квартет утренних идей сможет когда-нибудь двинуться по вагнеровской дорожке — я почти уверена в этом — но очевидно, что эта музыка мне нравится все больше и больше». ¹¹² В «Партии в вист», на наш взгляд, она все же поддалась соблазну.

В свое небольшое произведение Виардо вложила целый ряд черт, которые можно считать присущими эстетическим нововведениям Вагнера, в частности в его опере «Tristan und Isolde» («Тристан и Изольда»). В сборнике, посвященном в первую очередь Тургеневу, нет места для подробного музыковедческого анализа. Пусть этим займутся музыковеды, специалисты по творчеству Полины Виардо. Но даже общий взгляд выявляет совокупность черт, не свойственных другим ее произведениям, на которые следует обратить внимание. Первое отличие «Партии в вист» от всех других сценических произведений П. Виардо (как тех, что были созданы на либретто Тургенева, так и написанных после его смерти) — это то, что оперетта написана исключительно для мужских голосов. Нет ни одной женской роли (которые преобладают в других ее произведениях), нет никакого отдельного хора (а женские хоры, как известно, являлись важнейшим элементом баденских оперетт). Этот факт сам по себе является существенным признаком уникальности данного произведения в творчестве певицы и композитора. «Партия в вист» отличается от других ее оперетт также и рядом музыкальных приемов, которые, взятые вместе, характерны для музыки Вагнера, даже если по отдельности они встречаются в произведениях других его современников.

---

¹¹¹ См. письмо Тургенева к ней от 20, 21 июня (2, 3 июля) 1868 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 21. На основании этого письма долго считалось, что Виардо все-таки на премьере присутствовала и могла судить об опере, только услышав ее на сцене, но ее дневниковая запись от 24 июня н. ст. (см. ниже) явно противоречит такому заключению.

¹¹² «Je trouve cette partition admirable — je ne vois pas que mon petit quatuor d'idées matinales prendra jamais cette pente Wagnérienne — j'en suis presque sûre — mais il est évident que cette musique me plaît de plus en plus» (Houghton Library. MS Mus 264 (365)).

Единственным в своем роде для сценических произведений Виардо является и то, что это сквозное драматическое сочинение («дурхкомпонированное»), то есть в нем отсутствуют отдельные музыкальные номера (арии, дуэты и др.) — принцип, который отстаивал Вагнер. Но отсутствуют также черты повтора, свойственные многим разновидностям вокальной музыки, как, например, строфическая структура, репризы и др. Их заменяют собственно параллельные драматические монологи, в которых лишь слабо представлен мелизматический элемент. Уникальным, или крайне редким, для вокального творчества Виардо в целом является и то, что вокальные линии в «Партии в вист» нарочито силлабические (на один слог текста приходится один звук мелодии) — за исключением одной явно и сознательно преувеличенной исполнительской каденции в партии второго баса, которая по своей виртуозной фиоритуре напоминает украшения, характерные для исполнительского искусства самой певицы. Она также прибегает к приему, особенно тесно связанному с музыкой Вагнера, — лейтмотиву, хотя в довольно несложном и ограниченном виде. Между отдельными «эпизодами» оперетты в аккомпанементе повторяется короткий отличительный ритмико-мелодический мотив с мелизмой (мордентом) над «шагающим басом».¹¹³ Никто не поет — в этих местах в партитуре стоит сценическая ремарка «ils jouent» («они играют»). Это лейтмотив самой игры!

Музыковеды считают оперу «Тристан и Изольда» самым радикальным произведением Вагнера с точки зрения музыкальной эстетики. Многие видят в ней поворотный пункт, который привел непосредственно к новшествам XX века, в частности — к атональности. Среди черт, которые способствовали этому, числятся гармонические прогрессии, которые задерживают каденции иногда на огромные секвенции, намеренно избегая принятых представлений разрешения диссонанса в консонанс. В частности, Вагнер добивается этого применением широко распространенного хроматизма, а также особого аккорда, получившего название «Тристан-аккорд».¹¹⁴ В «Партии в вист», несомненно, преобладает

---

¹¹³ Мотив повторяется восемь раз, то в сокращенном, то в несколько развернутом виде. Он основывается преимущественно на четвертных нотах (иногда на восьмых) и в до мажоре, кроме последних двух случаев, когда объявляется конец игры (в си-бемоль мажоре).

¹¹⁴ Речь идет о малом (минорном) септаккорде (например, фа — си — ре-диез — соль-диез), отличительной чертой которого является то, что у него вообще нет обязательной резолюции. См.: *Devoto M. The Strategic Half-diminished Chord and the Emblematic Tristan Chord: A Survey from Beethoven to Berg // International Journal of Musicology. 1955. Vol. 4. P. 139; Dalhaus C. «Tristan» — Harmonik und Tonalität // Melos. 1978. Jg. 4. H. 3. S. 215–219.*

тональность (до мажор) и никакого «Тристан-аккорда» в ней нет. Однако есть несколько развернутых пассажей с хроматическим ведением голосов, которые не выполняют классическую функцию перехода из одной тональности в другую, а как раз служат для задержания каденции, которая бы утвердила тональность. Присутствуют также пассажи с нестандартными гармоническими прогрессиями, цель их также явно состоит в задержании разрешения и отсрочке устойчивой каденции. Есть даже свой «особенный» аккорд, состоящий из четырех уменьшенных терций (уменьшенный септаккорд, например: ре — фа — ля-бемоль — до-бемоль). Отличительной чертой этого аккорда являются интервалы между нотами, одинаковые во всех обращениях, и, следовательно, на основе этого аккорда тоже нельзя установить тональность. Этот аккорд известен в западноевропейской музыке со времен Баха, но в «Партии в вист» Виардо иногда вводит несколько таких аккордов подряд, что, безусловно, служит тональной неопределенности и задержанию разрешения.

Никто бы не стал утверждать, будто «Партия в вист» — «революционное» произведение в рамках развития западноевропейской музыки или что Виардо вводила принципы атональности в свое творчество. Сами по себе эти черты могли бы считаться лишь проявлением широко распространенных черт в постромантической музыке второй половины XIX века. Однако их совокупность и частота, с которой они здесь встречаются, приводят к заключению, что они имеют определенную функцию. Причем бросается в глаза не только то, что, с одной стороны, эти элементы являются важными характерными чертами музыкальной эстетики Вагнера, но, с другой стороны — и то, что они редко или вовсе не встречаются в других известных нам до сих пор композициях Полины Виардо. Хотя, на первый взгляд, такое утверждение может показаться совершенно вызывающим, существуют основания полагать, что «Партия в вист» является своего рода данью преклонения перед теми новыми идеями, которые Вагнер ввел в музыку, причем с особым вниманием к революционирующим элементам в его опере «Тристан и Изольда». Тут речь идет не о подражании, а именно о приспособлении некоторых наиболее примечательных элементов к собственной музыке (о чем свидетельствует, в первую очередь, миниатюрность этой оперетты по сравнению с исполинским масштабом вагнеровских опер).

Вряд ли существовало другое культурное явление, по поводу которого мнения Тургенева и Полины Виардо расходились больше, чем творчество Рихарда Вагнера. Виардо познакомилась с Вагнером в Париже еще в 1839 году, когда композитор старался уговорить восходящую звезду

включить некоторые его романсы в свои концерты.¹¹⁵ Виардо тогда отказалась, но в 1861 году, когда Вагнер снова приехал в Париж в надежде покорить этот центр европейской музыкальной жизни, она участвовала в частном концерте, посвященном исключительно фрагментам из его опер.¹¹⁶ В баденские годы она несколько раз ездила в другие города, чтобы слушать оперы Вагнера. В ноябре 1863 года она — и Тургенев — ездили на концерт в Карлсруэ, где в присутствии композитора прозвучали отрывки из его новых опер, еще не представленных на сцене. Через пару дней, 15 ноября н. ст., по приглашению М. Ф. Мухановой, Вагнер ездил в Баден-Баден, где вместе с Мухановой отобедал у Виардо и где в первый (и, кажется, единственный) раз встретился с Тургеневым.¹¹⁷

5 сентября н. ст. 1868 года в первый раз состоялось представление оперы Вагнера в Баден-Бадене (шел «Лоэнгрин»), и естественно, что Полина Виардо и, по всей вероятности, ее младшие дочери, а также Тургенев присутствовали на нем. В феврале 1869 года, когда Виардо ездила в Веймар, чтобы поставить «Последнего колдуна», она снова присутствовала на представлении «Лоэнгрина», в котором выступали некоторые из артистов, в скором времени принявших участие в «Последнем колдуне». На этот раз, как она признавалась Тургеневу, опера понравилась ей гораздо больше.¹¹⁸ За пару дней до этой поездки она наконец-то услышала «Мейстерзингеров» в Карлсруэ и написала Вагнеру восторженное письмо. В благодарность Вагнер послал ей партитуру оперы с посвящением: «der Meistersängerin Mme Viardot» («Мейстерзингерин (мастеру пения) г-же Виардо»). Но когда в марте 1869 года Вагнер выпустил второе издание своей брошюры «Das Judentum in der Musik» («Еврейство в музыке»), Виардо написала ему критическое письмо. Реакция на него жены Вагнера Козимы сводилась к тому, что Полина, должно быть, сама была еврейкой; Козима написала соответствующий ответ, и Вагнер отправил его Виардо.¹¹⁹ Этот эпизод не мог не иметь последствий для личных отношений между Виардо и Вагнером, но несмотря на это, в августе 1869 года Полина ездила в Мюнхен, чтобы при-

---

¹¹⁵ Wagner R. *Mein Leben* / Hsg. von M. Gregor-Dellin. München, 1976. S. 184–185.

¹¹⁶ Ibid. S. 654.

¹¹⁷ Ibid. S. 744.

¹¹⁸ См. ее письмо к Тургеневу от 16 февраля н. ст. 1869 г.: *Nouv corr inéd.* Т. 1. P. 354–355. В русском переводе письмо опубликовано: *Т в восп соевр* (1988). С. 519.

¹¹⁹ См.: Wagner C. *Die Tagebücher*. München, 1976. Bd. 1: 1869–1877. S. 51, 68, 72; Wirth J., *geb. Stockhausen*. Julius Stockhausen, der Sänger des deutschen Liedes. Frankfurt, 1927. S. 325.

существовать на несостоявшейся премьере оперы «Das Rheingold» («Золото Рейна»), первой из цикла «Der Ring des Nibelungen» («Кольцо нибелунга»). Приезжим (среди которых снова был и Тургенев) пришлось довольствоваться генеральной репетицией.¹²⁰ А в сентябре 1870 года П. Виардо ездила в Берлин, чтобы присутствовать на представлении «Мейстерзингеров» под управлением Карла Эккерта, частого участника ее музыкальных мероприятий в Баден-Бадене.¹²¹ После франко-прусской войны Виардо в течение восьми лет отказывалась от поездок в Германию, однако интерес к Вагнеру продолжался до старости, о чем свидетельствуют описания визитов Лассена в вышеприведенных письмах Тургенева к Клоди. 12 мая н. ст. 1891 года П. Виардо присутствовала на представлении второго и третьего актов оперы «Die Walküre» («Валькирия») в Париже.¹²² Кроме того, в архиве Виардо в Хоутонской библиотеке находится рукопись либретто под названием «Scène des enchères» («Сцена на аукционе»), в котором идет речь о продаже с аукциона прав на последнее сочинение Вагнера.¹²³ Но все это уже было после смерти Тургенева.

Что касается непосредственно «Тристана», то, по всей видимости, Полина Виардо эту оперу никогда не слышала на сцене. Ее не было ни на премьере в Мюнхене в 1865 году, ни на двух повторных представлениях там же в июне 1869 года. Следующее представление состоялось в Веймаре под управлением Лассена, но тогда Виардо в Германию не ездила. Однако это произведение было ей хорошо знакомо, притом еще до премьеры. В феврале 1860 года она обратилась к Берлиозу с просьбой одолжить ей копию партитуры «Тристана», которую тот получил

---

¹²⁰ См. письмо Тургенева к И. П. Борисову от 24 августа (5 сентября) 1869 г., в котором он объявляет события вокруг этой премьеры достойными стать сюжетом для «нравственно-сатирическо-политической комедии» Аристофана (*ИССУП(2). Письма*. Т. 10. С. 43). Присутствие П. Виардо в Мюнхене подтверждается письмом Вальтера Бахе к сестре (б. д.). См.: *Bache C. Brother Musicians: Reminiscences of Edward and Walter Bache*. London; New York, 1901. P. 212, где оно датируется 1872 г. по ошибочной датировке премьеры «Золота Рейна».

¹²¹ *Schultze Ch. Turgenev und die Eckerts // T und Deutschland*. S. 294.

¹²² *Le Gaulois*. 1891. 13 mai. № 3179. P. 2. Col. a.

¹²³ Houghton Library. MS Mus 264 (94). Почерк рукописи похож на почерк Полины Виардо; рукопись находится в ее архиве — и она ей предположительно приписывается. Некоторое сомнение может возникнуть из-за того, что аукцион ведется частично по телефону (три телефона, один связанный с Лондоном, другой с Нью-Йорком, а третий с Козимой Вагнер в Байрейте).

от Вагнера, что Берлиоз и исполнил.¹²⁴ В мае сам Вагнер, который желал ознакомить свою поклонницу Марию Муханову (тогда еще Калерджи) с «Тристаном», предварительно посетил Полину Виардо и, по свидетельству единственного стороннего лица Феликса Мошелеса, та играла его партитуру с листа, «причем она справилась с его сложностями с чуткостью настоящего мастера». В конце того же месяца Виардо (в роли Изольды) и сам Вагнер (в роли Тристана) пропели весь второй акт в присутствии Мухановой и Берлиоза.¹²⁵ Именно вскоре после этого события Виардо стала обладательницей собственной копии партитуры.¹²⁶

Тургеневу, напротив, музыка Рихарда Вагнера так и не пришлось по вкусу. Следует сказать, что с самого начала он относился к ней с предвзятой точки зрения. Впервые писатель услышал музыку Вагнера во время неудачных представлений «Тангейзера» в Париже в 1861 году. Много лет спустя он признавался Е. И. Бларамберг, что, когда он отправился на представление, «у него <...> имелся тоже на всякий случай ключ в кармане... Пустил ли он его в дело, не знаю... Помнится, он, смеясь, уверял, что общий пример его увлек...».¹²⁷ Правда, в ответ на восторженную оценку «Мейстерзингеров» Полиной Виардо он, казалось, готов был пойти на компромисс: «Итак, Вагнер восторжествовал! Ну что ж, я в восторге — а раз вы обнаружили в партитуре большие красоты — публике надо кричать *браво!*».¹²⁸ Но усилия Тургенева были напрасны. Виардо с энтузиазмом отозвалась о Вагнере после представления «Лоэнгрина», на котором она присутствовала в Веймаре 16 февраля н. ст. 1869 года: «Решительно, да, решительно Вагнер — единственный композитор, творчество которого имеет для меня интерес. О, не буду

---

¹²⁴ *Berlioz H. Correspondance générale*. Т. 6. Р. 118, 120–122. Чтобы заработать, Вагнер заключил со своим издательством, фирмой «Брайткопф и Гертель», необычный договор, по которому части оперы гравировались по ходу работы над ней (см., например: *Deathridge J. Public and private life: on the genesis of «Tristan und Isolde» and the «Wesendonck Lieder» // Richard Wagner. Tristan und Isolde / Ed. Arthur Groos. Cambridge, 2011. P. 21–24.*

¹²⁵ *Moscheles F. S. Fragments of an autobiography*. London, 1899. P. 287; *Wagner R. Mein Leben*. S. 632.

¹²⁶ См. ее письмо к Тургеневу от 8 июля н. ст. 1865 г., в котором она уведомляет его, что затерявшаяся партитура «Тристана» обнаружилась в библиотеке (*Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. 353; в русском переводе: *Т в восп совр (1988)*. С. 508).

¹²⁷ *Ардов Е. (Апрелева)*. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // *Т в восп совр (2)*. Т. 2. С. 178. Ардов — литературный псевдоним Е. И. Бларамберг (в замуж. Апрелева).

¹²⁸ *ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 21, 243. Письмо от 20, 21 июня (2, 3 июля) 1868 г. Подлинник по-франц.

отпираться, я вагнерианка до кончиков ногтей, мой бедный друг! чувствую, что неодолимо качусь по этой наклонной плоскости».¹²⁹ Тщетное воодушевление! Тургенев (который и эту оперу прослушал незадолго до того в Баден-Бадене) оставался непоколебимым врагом Вагнера — до такой степени, что шестнадцатилетняя Клоди Виардо (судя по этому письму к матери, как Клоди, так и ее младшая сестра Марианна тоже успели стать ревностными поклонницами Вагнера) жаловалась: «Но мама, как хорошо, что ты скоро возвращаешься, чтобы спасти „Мейстерзингеров“ — потому что Тургенев пользуется твоим отсутствием, чтобы разрушить их как можно больше! *Трус!*».¹³⁰ А когда в апреле 1870 года Полина вернулась из Берлина, где она присутствовала на представлении тех же «Мейстерзингеров», и, очевидно, снова их хвалила, Тургенев (который до этого оперу слышал в Карлсруэ 5 февраля н. ст. 1869 г.) жаловался Людвигу Пичу: «В конце концов отвратительные „Мейстерзингеры“, кажется, победили. Приап, евнух (Вагнер) может потирать себе руки».¹³¹

Не только музыка Вагнера раздражала Тургенева. Вагнер, как известно, сам писал либретто для своих зрелых опер, издавал их отдельно в качестве поэм и считал себя поэтом.¹³² Как следует из письма к И. П. Борису по поводу «Золота Рейна», Тургенев отрицал и это достоинство творчества Вагнера. «Музыка и текст равно невыносимы <...>», — пи-

¹²⁹ «Décidément, oui, décidément, Wagner est le seul compositeur dont les ouvrages aient de l'intérêt pour moi. Oh, il n'y a pas à le nier, je suis wagnérienne jusqu'au bout des ongles, mon pauvre ami! je sens que c'est une pente qui m'entraîne irrésistiblement» (*Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. 354–355. Письмо от 4 (16) февраля 1869 г. В русском переводе: *Т в восп совр* (1988). С. 519).

¹³⁰ «Mais maman, il est heureux que tu viennes bientôt, pour sauver les „Meistersinger“, car Tourguénef profite de ton absence pour les démolir tant qu'il peut! *Le lâche!*» (Houghton Library. MS Mus 232 (14). Seq. 20. См. также: *Тургенев. НИИМ* (3). С. 43). Письмо датировано лишь месяцем (февраль); по содержанию очевидно, что оно относится ко времени пребывания Полины Виардо в Веймаре в феврале 1869 г.

¹³¹ *ПССУП*(2). *Письма*. Т. 10. С. 171, 326. Письмо от 4 (16) апреля 1870 г. Подлинник по-нем. Отрицательное мнение Тургенева после представления «Мейстерзингеров» в Карлсруэ подтверждается Юлиусом Штокхаузеном в письме к жене от 10 февраля н. ст. 1869 г.: «Потом речь снова зашла о „Мейстерзингерах“; так как Тургенев не хочет о музыке даже слышать, а г-жа Виардо от нее сходит с ума» («Dann kam auch wieder die Rede auf die „Meistersinger“; denn Turgenjeff will nichts von der Musik wissen, Mme Viardot im Gegenteil ist folle davon»). Цит. по: *Wirth J., geb. Stockhausen. Julius Stockhausen...* S. 324–325.

¹³² См.: *Groos A.* «Tristan und Isolde»: In Defence of the Libretto // *Music & Letters*. 1988. Vol. 69. № 4. P. 465–481.

сал он Борису.¹³³ И позже его отрицательное отношение к операм Вагнера не изменилось, хотя, как показывают письма к Клоди по поводу визитов Лассена в Буживаль, он осознал, что спорить не имеет смысла, и предпочитал отлучаться.

Однако, как впервые показал К.-Д. Фишер, отношение Тургенева к музыке Вагнера все-таки не было однозначным.¹³⁴ М. Ф. Муханова так передает непосредственную реакцию Тургенева после вышеупомянутого концерта произведений Вагнера в ноябре 1863 года: «Тургенев с ума сходил от „Полета Валькирий“, а был возмущен „Прощанием“ Вотана».¹³⁵ На концерте в Петербурге 27 февраля ст. ст. 1871 года Тургенев снова слушал оркестровые выдержки, которые на него подействовали положительно: «...вы сейчас удивитесь — и в то же время отдадите должное моей искренности — потом давали „Увертюру к Мейстерзингерам“ и „Антракт“ — которые доставили мне величайшее удовольствие! В особенности „Антракт“ грандиозен, — это — нужно сознаться, могучая музыка».¹³⁶

На самом деле, хотя Тургенев чаще всего отрицал творчество Вагнера в целом, суть проблемы для него была не в музыке как таковой, а в действующих лицах, которых Вагнер выводил на сцену. С. И. Танеев, часто общавшийся с Тургеневым во время своего пребывания в Париже в 1876–1877 годах, приводит довольно тонкий анализ, который сам Тургенев дал своему отношению к творчеству Вагнера. Заметив, что Тургенев «Вагнера не выносит», Танеев цитирует собственные слова писателя: «Его музыка выражает какие-то нечеловеческие чувства, — говорит он, — и действующие-то лица у него не люди — не могу я им сочувствовать. Как я могу знать, что происходит в душе у молодого человека, который приезжает на лебедь (Лоэнгрин), или у барышни, кото-

¹³³ ПССУП(2). Письма. Т. 10. С. 44. Письмо от 24 августа (5 сентября) 1869 г.

¹³⁴ Fischer K.-D. Turgenev und Richard Wagner // Zeitschrift für Slavistik. 1986. Bd. 31. N. 2. S. 228–232. В этой статье (S. 232) Фишер также приводит свидетельства о положительном восприятии Вагнером творчества Тургенева.

¹³⁵ «Tourguénieff était fou du *Ritt der Walküren*, et révolté des adieux de Wotan». Цит. по: Marie von Mouchanoff-Kalergis, geb. Gräfin Nesselrode in Briefen an ihre Tochter / Hsg. von La Mara. 2te neubearbeitete Auflage. Leipzig, 1911. S. 124. Письмо к дочери — графине М. Куденхове (Gräfin Marie Coudenhove), с обозначением лишь дня недели — воскресенье. По воспоминаниям Вагнера, певец, который должен был исполнять партию Вотана (Franz Hauser), заболел, и его заменил певец водевиля (*Wagner R. Mein Leben*. S. 743).

¹³⁶ ПССУП(2). Письма. Т. 11. С. 39, 320. Письмо к П. Виардо от 27, 28 февраля (11, 12 марта) 1871 г. Подлинник по-франц.

рая имеет обыкновение по ночам ездить в облаках на лошади (Валкирии), — да скажут мне, что она ртом смотрит, а носом слушает, — и то надо будет поверить, и поступки ее ни волновать, ни трогать меня не могут. Если у Вагнера и есть на сцене люди, то это не живые люди, а люди, которые выражают какую-нибудь идею. Как Шиллер — тот отыщет где-то наверху идею и старается ее в человека втиснуть. Я люблю совсем обратное движение: не сверху вниз, а снизу вверх. Пускай будет стремление кверху, ввысь, только чтобы шло-то оно от земли, от земного. Как дерево: растет к небу, а корни в земле».¹³⁷ А Клоди Виардо Тургенев признавался: «Говорят, что в своих писаниях я реалист, да и я сам так считаю — и люблю в искусстве реальность, поэтическую реальность — т. е. настолько правдивую, что она становится прекрасной <...>».¹³⁸ Реалист Тургенев, для которого суть художественного произведения заключалась в психологии действующих лиц, не мог смириться с отсутствием бытового реализма в обрисовке действующих лиц в операх Вагнера, реализма, который бы позволил судить об их человеческом характере. Словом, как видно из процитированного выше письма к П. Виардо по поводу ее первой восторженной оценки «Мейстерзингеров», отрицательное отношение Тургенева зависело не столько от личного вкуса, сколько от расхождения в эстетических принципах, от появления чуждого ему «нового искусства»: «Здесь начинается новое искусство — подобные явления я вижу даже в нашей литературе (в последнем романе Льва Толстого есть нечто *вагнеровское*) — я чувствую, что это может быть очень красиво — но это совсем не то, что я любил когда-то и все еще люблю — мне надо сделать известное усилие, чтобы оторваться от моей *Standpunkt* (точки зрения — нем.). Я еще не вполне уподобился Виардо — и пока в состоянии сделать это, — но усилие необходимо — тогда как то, *другое* искусство увлекает меня и несет, как волна. / По этому поводу — на днях — мне в голову пришло следующее сравнение: можно, например, вызвать *сострадание*, описывая или изображая (Лаокоон) страдание; но можно достичь той же цели, *на самом деле* испуская скорбные стоны... Это более грубо воздействует на чувства —

---

¹³⁷ Цит. по: Бернандт Г. С. И. Танеев. 2-е изд. М., 1983. С. 42–43. Письмо к семье Масловых от 15 марта ст. ст. 1877 г. (подлинник в Гос. музыкальном музее-заповеднике П. И. Чайковского).

¹³⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 16. Кн. 1. С. 160, 279. Письмо от 26 августа (7 сентября) 1878 г. Подлинник по-франц. Тургенев здесь высказывает свое эстетическое кредо в связи с оценкой известной «Сикстинской Мадонны» Рафаэля в Дрездене, которую он считал последним словом Искусства, несмотря на ее идеализм.

но захватывает иногда сильнее... Вагнер является одним из основателей школы *стенания* — отсюда его сила и *глубина* воздействия. Это сравнение хромает, как и всякое сравнение... но оно довольно верно выражает то, что я хочу сказать». ¹³⁹ Как и позднее в оценке французского натурализма, Тургенев отрицал воспроизведение реакций действующих лиц вне их непосредственного психологического осмысления. Вагнер считал, что словам действующих лиц не всегда можно доверять, и поручал «комментировать» происходящее внутри героев — добавлять психологический элемент — оркестру. ¹⁴⁰ Далеко не каждый, даже среди вагнерианцев, понимает этот оркестровый «язык», а Тургенев его просто не принимал. ¹⁴¹

Известно, что работа Тургенева и Полины Виардо над другими опереттами проходила в теснейшем общении и сотрудничестве. Трудно себе представить, чтобы Виардо ничего не сказала Тургеневу о своем намерении пуститься по презренной «вагнеровской наклонной плоскости» («*rente wagnérienne*»). Сам по себе разговор о том, что требовалось совсем другое либретто, отличное от тех, которые он создавал для нее до этого, а именно сквозное, стихотворное, но в то же время повествовательное, должен был, казалось, навести на мысль о Вагнере. Как мог Тургенев отреагировать на это предложение обожаемой женщины? И как могли отразиться разногласия по поводу Вагнера в маленькой оперетте «Партия в вист»?

Нашей первой реакцией, пожалуй, оказывается недоумение. Если музыка Виардо все-таки носит отпечаток музыки Вагнера, то вряд ли можно себе представить сюжет, более отдаленный от тем Вагнера, в частности от тепличной атмосферы любовной страсти, преобладающей в опере «Тристан и Изольда», чем крайне будничным сюжетом партии в вист. Можно было бы сказать, что либретто этих двух произведений сходятся в одном — в нарушении норм поведения, но и здесь

---

¹³⁹ ПССУП(2). Письма. Т. 9. С. 21, 243. Письмо от 20, 21 июня (2, 3 июля) 1868 г. Подлинник по-франц.

¹⁴⁰ См.: *Maehder J.* A mantle of sound for the night: timbre in Wagner's «Tristan und Isolde» // *Wagner R.* Tristan und Isolde. P. 97.

¹⁴¹ О разговоре после представления «Мейстерзингеров» в Карлсруэ, когда дирижер Леви старался объяснить, что на оперу не следует смотреть ни с точки зрения музыки, ни с точки зрения текста, а с точки зрения какого-то общего целого, которое Вагнеру не вполне удалось, но которое представляет собой гениальную попытку создать нечто совершенно новое (на что ему возразили, что в таком случае не следует это называть музыкой), см. цитированное выше письмо Ю. Штокхаузена к жене: *Wirth J., geb. Stockhausen.* Julius Stockhausen... S. 325.

пропасть между нарушением правил средневекового рыцарства Тристаном и будничного правила не говорить во время карточной игры до того велика, что лишь подчеркивает, насколько далеки друг от друга эти два произведения. А может быть, именно в этом и кроется разрешение нашего недоумения.

Тема страстной любви довольно часто встречается в произведениях Тургенева. Однако для него порабощающая страсть, которая полностью поглощает и делает лишним в жизни все, кроме объекта любви, была крайне опасным — следовательно, отрицательным — явлением. Еще в первом своем произведении, в котором изображается это чувство — в рассказе «Переписка», Тургенев дает ему определение: «Любовь даже вовсе не чувство; она — болезнь, известное состояние души и тела; она не развивается постепенно; в ней нельзя сомневаться, с ней нельзя хитрить, хотя она и проявляется не всегда одинаково; обыкновенно она овладевает человеком без спроса, внезапно, против его воли — ни дать ни взять холера или лихорадка... Подцепит его, голубчика, как коршун цыпленка, и понесет его куда угодно, как он там ни бейся и ни упирайся... В любви нет равенства, нет так называемого свободного соединения душ и прочих идеальностей, придуманных на досуге немецкими профессорами... Нет, в любви одно лицо — раб, а другое — властелин, и недаром толкуют поэты о цепях, налагаемых любовью. Да, любовь — цепь, и самая тяжелая. По крайней мере я дошел до этого убеждения, и дошел до него путем опыта, купил это убеждение ценою жизни, потому что умираю рабом».¹⁴² Именно такой Тургенев представил любовь в ряде своих произведений. Под ее влиянием главное действующее лицо (преимущественно это герои, но есть и героини, как, например, Софи Б. в повести «Странная история») бросает все и вся, лишается самостоятельной воли и, следовательно, всего в жизни, в частности любой полезной социальной роли, а нередко также взаимной любви, лишь бы служить объекту любви рабской. Хотя благодаря любовному напитку, который по ошибке вместо яда пьют Тристан и Изольда (Изольда намерена была убить Тристана за то, что он убил того, кого она любила, и себя, чтобы избежать принудительной свадьбы с королем Марком), в опере Вагнера можно говорить о взаимной страсти, то, что эта страсть их полностью поглощает, приближает ее к идее рабской любви в понимании Тургенева. Тристан и Изольда предпочитают смерть жизни без другого,

---

¹⁴² ПССУП(2). Соч. Т. 5. С. 47. См. также: Žekulin N. G. «A Correspondence»: The Genesis of a Turgenevian Artistic Ideology. PhD Thesis. Yale University, 1974.

они жаждут любви по ту сторону гроба. Для Вагнера это апофеоз человеческой любви, и высшего идеала любви нельзя достичь. А для Тургенева взаимность не искупает рабскую любовь; ее отрицательные стороны лишь распространяются на обоих. Выбрав сюжет, максимально отдаленный от экзальтированной любовной интриги «Тристана», и создав современную буржуазную — исключительно мужскую — атмосферу, противоположную средневековой рыцарской атмосфере «Тристана», Тургенев подчеркивает свое отрицание идеи Вагнера, точно так же, как Виардо применением приемов Вагнера подчеркивает свое восприятие того нового, что Вагнер вводил в западноевропейскую культуру.

Однако на этом история борьбы Тургенева с Вагнером не кончается. Хотя можно с достоверностью утверждать, что текст «Партии в вист» не имеет ничего общего с текстом «Тристана и Изольды», центральная тема этой оперы, как это ни неожиданно, не осталась, похоже, без отголосков в творчестве Тургенева. Страстная, но запретная любовь, которая усиливается благодаря приворотному зелью и может достичь апогея лишь по ту сторону гроба, разделяется на две составные части, послужившие темой не одного, а двух поздних произведений Тургенева.

Повесть «Песнь торжествующей любви» (1881) уникальна в творчестве писателя, поскольку тут нет ни одного русского действующего лица, все действие происходит исключительно «за границей» (в Италии) и в далеком прошлом (правда не в средневековье вагнеровского «Тристана», а в XVI в., в эпоху Возрождения). Отвергнутый жених Муций возвращается из долгих путешествий по дальнему Востоку и с помощью таинственного напитка и других фокусов ночью трижды обольщает Валерию, жену своего бывшего друга и соперника в любви — Фабия. Фабий закалывает его казалось бы насмерть, но, благодаря чернокнижью таинственного восточного слуги Муция, он не умирает. Тут несомненно нарушение норм поведения со стороны Муция, но Валерия остается невинной жертвой его страсти. Все действие проистекает из первоначального выбора. Разницы между двумя молодыми людьми, просящими руки Валерии, как будто бы нет. Однако после пяти лет супружества у Валерии и Фабия нет детей, а после трех сомнамбулических встреч с Муцием она в первый раз чувствует зарождающую жизнь в своем чреве. Оказывается, отмщение Фабия сводится на нет, и не только потому что Муций таинственным образом не умирает, но и потому что беременность Валерии является отрицанием его супружеской жизни с ней. На этой странной с точки зрения морали, двойственной ситуации тургеневская повесть завершается. А в черновом варианте повести как Муций, так и Валерия умирают — «Фабий схватил себя за го-

лову... Что это значит? разве и теперь они соединены?». ¹⁴³ Тем не менее, принимая во внимание возражение Тургенева, будто действующие лица Вагнера выводятся на сцену без психологического обоснования, важно подчеркнуть, что в «Песни торжествующей любви» писателя интересует то, что его волновало всегда, — психология главных героя и героини. Хотя для «восточного элемента» он использовал некоторые приемы, извлеченные из легенд Гюстава Флобера (незадолго до того он перевел две легенды своего французского коллеги), в центре его внимания продолжает оставаться передача реакций главных героев — внешних и особенно внутренних — в данном случае реакций на вторжение бывшего близкого друга в их спокойную (слишком?) совместную жизнь, их недоумение перед лицом чего-то непонятного и таинственного, что он теперь собой представляет. ¹⁴⁴

Если в «Песни торжествующей любви» Тургенев отверг идею соединения двух лиц после смерти, то именно эта идея становится сюжетом последней его повести, вышедшей при жизни, — «Клара Милич» (1883). Однако повестью о любви ее следует назвать лишь условно. Повесть отличается почти бесстрастным, аналитическим тоном; трудно себе представить произведение, в котором было бы меньше открытых эмоциональных порывов. Речь идет о двух главных героях, которые друг друга, собственно, не знают; а о любви нет между ними ни слова. Виделись они всего два раза, не обменявшись ни одним словом, и впечатление, которое Клара произвела на Аратова, скорее отталкивает его, но подсознательно она оставила в его душе неизгладимое впечатление. Во время их единственной встречи Аратов сердится на Клару, что она не в состоянии объяснить, зачем назначила эту встречу. Его реакция заставляет ее раскаиваться в своем поступке: «...неужели вы ничего не поняли?.. <...> Я обманулась в вас, в вашем лице!...». ¹⁴⁵ На этом их непосредственные отношения прекращаются, и ее намерения остаются для него (да и для читателя) тайной. Их неудачная встреча приводит к тому, что героиня совершает самоубийство, после чего ее образ уже не выходит из сознания героя: он невольно ощущает ее присутствие (мнимое ли, реальное ли, нельзя сказать определенно из-за пряди ее волос, оставленной в его руках). После первого (и последнего в повести),

---

¹⁴³ ПССУП(1). Соч. Т. 13. С. 421.

¹⁴⁴ Подробнее об этом см.: Žekulin N. G. Turgenev's «Pesn' torzhestvuiushchei liubvi» («The Song of Triumphant Love»): The Flaubert Connection // Canadian Slavonic Papers. 2013. Vol. 55. № 1–2. P. 215–236.

¹⁴⁵ ПССУП(2). Соч. Т. 10. С. 84.

но посмертного горячего поцелуя Аратов приходит к заключению, что смерть теперь не страшит его: «Уничтожить она меня ведь не может? Напротив, только *так* и *там* я буду счастлив... как не был счастлив в жизни, как и она не была...».¹⁴⁶ Последние его слова, обращенные к тете, могла бы произнести Изольда перед смертью: «Да разве ты не знаешь, что любовь сильнее смерти?.. Смерть! Смерть, где жало твое? Не плакать, а радоваться должно — так же, как и я радуюсь...».¹⁴⁷ Однако Аратов также признается, как когда-то признавался Алексей Петрович, герой рассказа «Переписка», что его захватила порабощающая страсть: «Хоть он и сказал Анне — в порыве внезапного иступления, — что он влюблен в Клару, но это слово ему самому теперь казалось бессмысленным и диким. Нет, он не влюблен, да и как влюбиться в мертвую, которая даже при жизни ему не нравилась, которую он почти забыл? Нет! но он во власти... в *ее* власти... он не принадлежит себе более. Он — *взят*».¹⁴⁸ В повести «Клара Милич» полностью отсутствуют экзальтированные любовные взрывы, свойственные главным героям «Тристана и Изольды», но сюжет явно намекает на сюжет оперы Вагнера. Отличительной чертой повести является не взаимная страсть, а переживания главного героя, которые Тургенев передает преимущественно через его внутренние монологи. Значит, для Тургенева снова в центре внимания психология главного героя, который от безразличия (а может быть, даже отвращения) к героине переходит к притяжению, до того сильному, что готов пойти на смерть, чтобы с нею объединиться.

Насколько Вагнер и его опера «Тристан и Изольда» были осознанно на памяти у Тургенева, когда он писал свои последние повести, установить невозможно. Однако несомненно то, что в них он обратился к сюжету этой оперы, сосредоточившись на психологии главных героев, то есть подчеркнуто выбрав трактовку, прямо противоположную операм Вагнера. Если в «Партии в вист», где Полина Виардо выказала восхищение творчеством Вагнера, Тургенев выбором совершенно чужой темы высказал свою неприязнь к тому, что вводил Вагнер в западноевропейскую культуру, то в поздних своих повестях писатель показал, как тему «Тристана и Изольды» можно трактовать согласно его неизменным эстетическим принципам.

---

¹⁴⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 10. С. 115.

¹⁴⁷ Там же. С. 117.

¹⁴⁸ Там же. С. 103.

Таким образом, архив Полины Виардо в Гарварде неожиданным образом продолжает расширять наши знания о Тургеневе, преимущественно тем, что вводит в научный оборот новые — и часто совершенно неожиданные — произведения. А поскольку в частных архивах хранится еще немало количество материалов из наследия Полины Виардо, следует ожидать, что кругу наших знаний о Тургеневе суждено еще больше расширяться и в будущем.

L'OGRE

PERSONNAGES

Micocolembo, ogre

Wilfrid, prince

Estambardos, son aide<-de->camp

La princesse Aleli

Naïna, sa confidente

Almé

<**Marina**

Graziella

Iris

Coraly

Meta

Aniela>

} prisonnières de l'ogre

ACTE PREMIER

SCÈNE 1

*(Le théâtre représente — à gauche le perron de la maison de l'ogre;
au fond des arbres — à droite un puits; des bancs etc.)*

Chœur des prisonnières, assises sur le perron

1) Chœur

Allegro 14 All-to Mod-to
p
Lors - que le so - leil Dans un flot ver - meil De nou - veau com - men - ce sa car - riè - re,

1. Lorsque le soleil
Dans un flot vermeil

2. Nous tressons ces fils
Légers et subtils

Ona bonesta.
Kucna Kucya
Kucyina

Personnage.

Micocleube, agre-
Wilfrid, prince
Estrebardey, son aide camp
La promise Aleti
Maire, sa confident
Alme

prisonniers
de l'ogre.

Acte Premier.

Sc. 1er - à gauche
(Le théâtre représente la prison de la
maison de l'ogre; au fond des arbres-
à dent un puits; des bancs &c.)

Chœur de prisonniers, après
de la prison -
(Voyez dans le tableau des Vers. N° 1)

1° Chœur.

Entre:
Aleti. - Quoi? vous traouchez encore?
Et c'est v'raie d'augmente s'heure en heure! C'est affreux!
Ah! si j'en avois pu m'en douter je
me leurois bien garder de perdre à mon tour
sous cette première condition... Mais qui
pourrait pu dire qu'il s'en irait trouver le moyen de
de former des rayons de soleil, de
faire un train.

Alme. Mais avez encore deux caud-
dins à perdre à a vilain ogre à l'ub. ce
p't. Madame.

A. Oh! ma petite; et j'ai si plus que
deux des les ~~deux~~ deux de l'ogre.
Mais la rousque est si vilain à l'ogre.
de la première ~~à tout~~ à fait decouragé.
Et v'raie bien qu'il n'y a rien d'impossible
à l'ogre. ~~Micocleube~~ et moi à s'en aller lui échapper pas!

à quand va repartir
v'raie change
Aleti. - (Comme ce
n'a à son v'raie le
plaisir même d'attendre / j'
tai ma rousque, moi!

Alme. ~~Alme~~
Car c'est pas
l'ogre c'est pas il va
à l'ogre...
Alme. - Madame...
Alme. - Il peut v'raie ogre!
Alme. - Il peut v'raie ogre!
Alme. - Il peut v'raie ogre!

Либретто оперетты «Людоед». Черновой автограф. Первая страница. 1867 г.

De nouveau commence sa carrière,
Nous tendons la main.
A nos doigts soudain
En fils d'or s'attache la lumière.
Filons, filons, filons, filons...
Filons et travaillons,
Sans trêve, ni relâche
Notre incessante tâche.
Vite, achevons
Notre incessante tâche.
Oui, sans relâche,
Sans trêve, ni relâche,
Filons et travaillons
Notre incessante tâche.
Filons, travaillons.

Qu'à nos yeux leur seul éclat indique!
Chaque jour pourtant
S'accroît et s'étend
De ce voile le tissu magique.
Filons, filons, filons, filons...
Filons et travaillons,
Sans trêve, ni relâche
Notre incessante tâche.
Vite, achevons
Notre incessante tâche.
Oui, sans relâche,
Sans trêve, ni relâche,
Filons et travaillons
Notre incessante tâche.
Filons, travaillons.

3. Quand un beau matin
De ce voile enfin
Pourra s'envelopper la fiancée,
L'ogre la prendra.
Puis il nous rendra
Notre liberté si désirée.
Filons, filons, filons, filons...
Filons et travaillons,
Sans trêve, ni relâche
Notre incessante tâche.
Vite, achevons
Notre incessante tâche.
Oui, sans relâche,
Sans trêve, ni relâche,
Filons et travaillons
Notre incessante tâche.
Filons, travaillons.

Entre:

Aleli. Quoi? vous travaillez encore? Et ce voile s'augmente d'heure en heure!! C'est affreux! Ah! si j'avais pu m'en douter, je me serais bien gardée de poser à mon ravisseur cette première condition... Mais qui aurait pu croire qu'il trouverait le moyen de vous faire tresser des rayons de soleil!

Almé. Vous avez encore deux conditions à poser à ce vilain ogre, n'est-ce pas, Madame?

Aleli. Oui, ma petite; et je dois les lui dire dans les 24 heures. — Mais la réussite, ou plutôt le mauvais succès de ma première demande m'a tout

à fait découragée. Je vois bien qu'il n'y a rien d'impossible à Micocolembos — et que je ne lui échapperai pas! Tout ce qui m'en est revenu — c'est de vous avoir rendues aussi malheureuses que moi, car c'est pour tresser ce voile qu'il vous a enlevées.

Almé. Oh, madame, consolez-vous: Micocolembos nous aurait enlevées pour nous croquer. Ces gens-là ne se refusent rien.

Naïna. Tu as le caractère bien fait, toi!

Aleli. A quoi sert de se désoler quand on ne peut rien changer dans la vie? — Comme ça on a au moins le plaisir de pouvoir se dire: je sais me résigner, moi!

Almé. Mais vraiment, Madame. Il veut vous épouser! Il vous aime donc bien? Est-ce que cela <?> peut aimer, les ogres?

Aleli. Que n'ai-je accepté la mort! Que ne m'a-t-il tué tout de suite!.. Quand il a consenti que je lui posasse ces trois conditions mises à ma liberté, j'ai eu un moment d'espoir!.. Hélas, il a joué avec moi comme le chat avec la souris!

Almé. Madame... j'ai une idée... si vous lui demandiez pour votre 2de condition — notre liberté à nous autres?

Aleli. Tu n'y penses pas!.. Cette demande serait trop facile à exécuter — et je me mets l'esprit à la torture pour trouver quelque chose de si difficile, si difficile.

Almé. C'est vrai... mais vous dites vous-même que rien n'est impossible à Micocolembos. Alors — autant vaut demander cela. — (*En mettant les mains devant les yeux*) Il nous a aussi enlevés à nos parents — nous sommes aussi bien malheureuses — et il parle pas de nous épouser!

Naïna. Quoi? Tu voudrais être une ogresse?

Almé. Dame! on serait au moins la maîtresse du logis... Oh! chère princesse, nous avons bon espoir, nous travaillons avec beaucoup de zèle — c'est vrai — mais soyez généreuse, demandez lui notre liberté tout simple <?>.

Toutes. Oh oui, princesse, demandez-la, demandez-la.

Naïna. Quoi? vous voulez que ma bonne princesse se sacrifie pour vous?

Toutes. Oh oui, oui! Sacrifiez-vous, sacrifiez-vous...

Aleli. J'y réfléchirai... Mais, prenez garde... voici Micocolembos qui arrive... J'entends sonner ses éperons... Vite, à vos places!

Toutes. Vite... Vite!

(*Elles se remettent sur le perron — et font semblance de filer.*)

Aleli (*renaudant à la cantonade*). Si du moins il n'était pas si horriblement laid.

SCÈNE 2

(Entre *Micocolembo*. Il a un grand chapeau sur la tête et un manteau sur les épaules.)

Ah ha! — Ho ho! Que faites-vous là, Mesdemoiselles, s'il vous plaît?

Almé. Vous le voyez bien, Monsieur — nous travaillons... nous filons...

Micocolembo. Vous filez?¹ — Et comment pouvez-vous filer — puisque le soleil vient d'être caché par un nuage?..² Voyez-vous cette³ petite effrontée? — Mais soyez tranquille: je veux faire en sorte que vous n'ayez pas à vous croiser les bras... Ayant choisi⁴ les meilleures travailleuses de tous les pays environnants⁵, je me ferai un reproche de ne pas leur donner assez de besogne. — Aussi — comme je tiens — et par des raisons que vous apprécierez, n'est-ce pas, ma charmante princesse⁶ — comme je tiens à ce que ce voile soit achevé⁷ au plus vite, et comme le soleil ne donne⁸ pas toujours — je veux remplacer ses rayons par la lumière électrique, ce prodige de la physique⁹ — et je vais m'en fournir¹⁰ chez un ami à moi¹¹ qui tient boutique¹² d'inventions nouvelles dans la forêt voisine. Vous pourrez travailler sans désemparer, Mesd<emoise>lles la nuit aussi bien que le jour.¹³ Pour le moment — vous allez rentrer dans la maison — vous avez assez pris de l'air du dehors — et cela ne vous donne que des distractions.¹⁴ — Sortez! — (*Les prisonnières s'en vont. A Aleli qui veut les suivre.*) Je ne dis pas cela pour vous, belle princesse... Vous savez que vous êtes libre de tous vos mouvements et que je n'ai pas d'ordre à vous donner!

Aleli. Je suis libre de mes mouvements! Mais je ne puis pas m'éloigner de plus de cinquante pas de votre palais sans rencontrer un mur invisible qui m'arrête tout net!

Micocolembo. Ah! que voulez-vous?¹⁵ Il faut bien prendre ses petites précautions... Quand on a un trésor¹⁶ — comment ne pas le garder? (*Il roule ses yeux.*)

---

¹В Т-Мис фраза опущена. ²В ПССиП(2) ошибочно: les nuages (облаками) ³cette | la ⁴Ayant choisi | Puisque j'ai (Поскольку я) ⁵de tous les pays environnants | des pays environnants (окрестных стран) ⁶que vous apprécierez ~ princesse | que vous apprécierez, charmante princesse ⁷soit achevé | s'achève ⁸donne | luit (светит) ⁹ce prodige de la physique | ce prodige de la science (этим чудом науки). Фрагмент остался непрочитанным в ПССиП(2). ¹⁰et je vais m'en fournir | — après les <нрзб.> — et je vais m'en fournir de ce gaz. Фрагмент остался непрочитанным в ПССиП(2). ¹¹chez un ami à moi | chez un ami ¹²В ПССиП(2) ошибочно: qui tient un type ¹³la nuit aussi bien que le jour. | la nuit comme le jour! ¹⁴Окончание фразы со слов — vous avez assez в Т-Мис отсутствует. ¹⁵Ah! que voulez-vous? | Dame! (Еще бы!) ¹⁶Quand on a un trésor | Quand on possède un trésor (Когда владеешь сокровищем)

Aleli. Ah! Monsieur! au nom du ciel, ne roulez pas les yeux comme cela...
 Un trésor, dites-vous... Comment vous êtes-vous emparé de... ce trésor?
Micocolembo. Oh! princesse — depuis Pluton et Proserpine, l’histoire est pleine d’exemples illustres. — Mais ne parlons pas politique. Ne vous impatientez pas.¹⁷ Je vais vous laisser à vos méditations. Je voulais seulement vous rappeler, que vous avez à me désigner vos deux autres¹⁸ conditions — avant que 24 heures soient écoulées... ou bien¹⁹ — ces conditions seront considérées comme remplies par moi. — Donnez libre carrière à votre imagination, princesse, — je ne reculerai devant aucune difficulté — rien ne me coûtera pour mériter votre bienveillance.²⁰ — N’ai-je pas déjà renoncé, pour vous plaire, à l’usage²¹ de la chair fraîche?..²² N’ai-je pas eu l’attention délicate d’enlever avec vous votre amie Naïna — pour qu’elle vous tienne compagnie? Seulement il est bien entendu que vous ne me demanderez rien qui me soit préjudiciable, rien qui m’empêche de devenir votre époux! — Je vous quitte... voulez-vous me permettre de déposer un baiser sur votre main? Non? — Eh bien! j’attendrai, je patienterai jusqu’au moment où vous daignerez rendre plus de justice <à> mon petit mérite²³... Princesse! (*Il la salue profondément et sort!*)²⁴

SCÈNE 3

Aleli seule.

Va, monstre! — Il fait encore le goguenard!.. Ah que je suis malheureuse!! En vérité, le sort s’acharne à me poursuivre... Quand ce Micoc<olembo> m’a enlevée en plein jour, — j’allais devenir la femme de notre vieux Roi, un Roi de 76 ans! Hélas, oui, je serais devenue reine, malgré l’amour que je portais et que je porte encore au jeune prince, Wilfrid... Un mari de 76 ans! C’était dur — mais devenir la femme d’un ogre!.. C’est affreux, c’est horrible! — Et pas la moindre chance de salut! Ce Micoc<olembo> n’est pas seulement un ogre... c’est un terrible nécromant! — Ah, je le vois bien, je suis perdue!

---

¹⁷ *Фраза* Ne vous impatientez pas. *в Т-Мис отсутствует.* ¹⁸ vos deux autres | les deux autres ¹⁹ ou bien | Sinon (Иначе) ²⁰ *Окончание фразы:* rien ne ~ bienveillance *в Т-Мис отсутствует.* ²¹ *В ПССиП(2) слово* l’usage *прочитано неверно.* ²² à l’usage de la chair fraîche?.. | à l’usage, si hygiénique pourtant, de la chair fraîche? (от привычки, впрочем, очень гигиеничной, от сырого мяса?) ²³ à mon petit mérite | à mon faible mérite (мое скромное достоинство). *В ПССиП(2) неточность в прочтении:* à mes faibles mérites (мой скромные достоинства). ²⁴ Princesse! (*Il la salue profondément et sort!*) | Princesse! (*Il salue et sort.*). *В ПССиП(2) ошибка в прочтении: вместо* Princesse! — Ensuite! (Попозже!).

2) Air <de la princesse>

La terre est verte et fraîche — et la forêt embaumé<e>
Promène ses senteurs à travers la vallée
Et frémit dans les bois... Dorée par le soleil,
Elle s'éveille et sourit — pour moi point de réveil!
C'est en vain qu'on m'invite à jouir... Tout me presse.
Dans mon cœur à jamais habite la tristesse
Car le sort inhumain a sur mes jeunes ans
De l'esclavage amer rivé les fers pesants.
Bercée aux doux accents de la molle espérance,
Le cœur tranquille et pur et tout plein de confiance,
Je marchais vers le ciel... et me trouve... ici!

Mais sotte que je suis! je perds mon temps à me désoler et je ne cherche pas ces deux autres conditions que je pourrais imposer à mon tyran. Voyons... voyons... (*Ritournelle derrière la scène. Aleli lève les yeux.*) Que vois-je! Grands Dieux! Est-ce possible! Ne me trompé-je pas? — C'est Wilfrid! Oui... c'est lui... c'est mon cher prince... Il lève la tête — il se dirige de ce côté... Oh! quelle joie!.. Mais si je reste ici — si l'ogre nous découvre, Wilfrid est perdu... Plus d'une fois ce Micoc<olembo> a apparu tout à coup comme s'il sortait de dessous terre. Je suis sûre qu'il peut se rendre invisible... Wilfrid s'approche — rentrons au palais — et plus tard... Je ne le perdrai pas de vue... (*Elle sort par le perron.*)

SCÈNE 4

Entre Wilfrid.

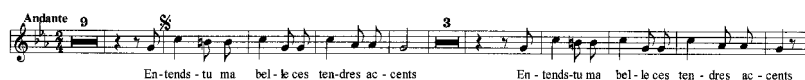
(*La ritournelle cesse... pour reprendre après — avant l'air.*)

Estambardos! Estambardos! Je ne puis m'imaginer ce que cet animal est devenu. Il était là, tout près de moi, il y a quelques instants... Cette forêt est toute sillonnée de petits sentiers qui semblent s'enchevêtrer exprès — c'est un vrai labyrinthe. — Et ce malheureux Estambardos se traîne à peine. Il n'a jamais voulu quitter son uniforme, l'imbécile! Pourquoi suis-je venu ici? c'est ce que je ne pourrais dire — une voix secrète m'y poussait... Et au fait pourquoi préférerais-je un endroit à un autre? Depuis que ma chère princesse m'a été enlevée, il y a 10 jours, sous mes yeux, à midi $\frac{3}{4}$ sur la pelouse du

²⁵ Воспроизводится по: V-Сah.3. F. 9 г.

parc dans un épouvantable tourbillon de poussière — au moment même où je lui disais avec autant de respect que de désespoir, Madame, le roi mon maître et votre futur époux — m’a envoyé vers vous pour vous avertir que le temple est préparé... depuis cet affreux et incompréhensible événement — j’erre comme une âme en peine. J’ai juré de retrouver ma princesse — de la délivrer au prix de tout mon sang, mais comment tiendrai-je mon serment, je ne sais pas seulement le chemin qu’elle a pris... qu’on lui a fait prendre à travers les airs! — Dans mon désespoir — je l’appelle — je crie son nom à tous les échos, je défis le maudit sorcier qui l’a enlevé... Mais rien! Mon épée reste oiseuse dans son fourreau et mon cœur se pâme dans ma poitrine. Je vais pourtant parler encore à ma bien-aimée. Cela soulage ma douleur — et qui sait? Aleli l’entendra peut-être aussi.

3) Couplets <du prince>

Entends-tu, ma belle,
 Ces tendres accents.
 C'est moi qui t'appelle,
 Tu dors et j'attends.
 La lune brillante
 Monte dans les cieux.
 Descends, ma charmante,
 Vers ton amoureux.

Les couplets de W<ilfrid> sont répétés par Aleli derrière la coulisse — ils sont entrecoupés par des exclamations: Dieu! qu'entends-je de W<ilfrid>. — Quand elle a fini il s'écrie: Oui, c'est elle, c'est ma princesse... Et je cours...

SCÈNE 5

Entre Aleli.

<Wilfrid.> C'est elle! (*Il tombe à ses pieds.*) Partons, ma chère pour rentrer au palais.

Aleli. Vous êtes donc bien pressé de me ramener près du roi.

Wilfrid. Nous irons autre part... Du reste, votre disparition a tellement frappé Sa Majesté qu'il n'a plus le souffle... mais partons, partons!

Aleli. Wilfrid, écoutez-moi... Sans m'interrompre. Sachez que je suis au pouvoir d'un terrible enchanteur, d'un ogre, qui veut m'épouser.

Wilfrid. Je le tuerai!

Aleli. C'est lui qui vous tuera comme une mouche, si vous ne retrouvez pas vos sens...

Wilfrid. Raison de plus pour nous éloigner. (*Il veut l'entraver <?>.*)

Aleli. C'est impossible... Nous serions arrêter sur-le-champ... Des charmes puissantes nous entourent de toutes parts... J'avoue que je ne comprends pas comment vous avez pu pénétrer jusqu'ici et je redoute quelque horrible machination... Il faut de la prudence, W<ilfrid>, beaucoup de prudence! — Par le plus grand des hasards Micocolembo est sorti —

Wilfrid. Comment le nommez-vous?

Aleli. Micocolembo!

Wilfrid. Et c'est un ogre?

Aleli. Oui... il l'a été jusqu'à présent.

Wilfrid. Eh bien! Sachez que tout ogre, tout enchanteur a un point vulnérable, qu'il s'agit seulement de connaître, de découvrir — et tout sa puissance s'évanouit!

Aleli. Mais comment découvrir à l'eux ce point vulnérable?

Wilfrid. Comment? Rien n'est plus aisé... Je connais un jeune professeur allemand <hp3б.> — Ces êtres-là savent tout ce qui est inutile, je veux dire extraordinaire, tout ce dont presque personne n'a besoin — je lui nommerai ce Micocolembo — il me dévoilera son secret — et vous me verrez revenir aussitôt pour vous délivrer — ou pour périr à vos pieds...

Aleli. <2 hp3б.> vous pour retrouver votre chemin.

Wilfrid. Vous croyez donc que je n'ai pas lu le conte du petit poucet... Je sèmerai des cailloux blancs sur mon passage comme lui... Ah! (*Il veut l'embrasser.*)

Aleli. W<ilfrid>, au nom du ciel! Soyez raisonnable!

Wilfrid. Je vous dis que je le suis <hp3б.>: que je vais consulter un professeur allemand! Que voulez-vous de plus? — Oh Aleli — quand je pense que dans peu d'heures peut-être, car vous m'aimez, n'est-ce pas?

Aleli. Je vous aime, W<ilfrid>... mais partez de grâce. Il me semble que j'entends les pas de mon tyran.

4) Duo

<Wilfrid.>

C'est bien vous, vous que j'adore

Je vous trouve, ah quel transport!

Et mon âme s'ouvre encore

A l'espoir d'un heureux sort.

<...>

<Aleli.>

C'est bien vous, vous que j'adore
Je vous trouve digne et bien fort
Et mon âme s'ouvre encore
A l'espoir d'un heureux sort.
Si du tyran que j'abhorre
Ne me sauve votre effort,
C'est encore vous que j'implore
Pour me sauver par la mort.

<Wilfrid, Aleli.>

Nous voilà réunis, la mort peut nous atteindre.
Par un flot de bonheur à la fois emportés
Nous ne regrettons rien, nous n'avons rien à craindre
Et le ciel s'est ouvert à nos yeux enchantés.

Wilfrid. Vous tremblez, Aleli. Adieu! à bientôt!

SCÈNE 6

Aleli. Que le ciel te conduise! Ah! maintenant que je l'ai revu — je sens que je ne puis vivre sans lui! — (*Entre Naïna.*) C'est toi, mon amie? Tu sais déjà mon bonheur? tu as vu Wilfrid.

Naïna. Oui, Madame, mais je n'ai pas été la seule à le voir; et je vous annonce toutes les prisonnières, nos compagnes, qui accourent pour vous questionner, les curieuses!

(*Les prisonnières entrent.*)

5) Chœur <des questionneuses>

Chœur.

Quel est-il? Ce jeune homme?
Est-ce un prince? un seigneur?
Il va nous délivrer?
Il est beau... plein d'audace.
C'est un prince, pas vrai...

<Aleli.>

Mais taisez-vous de grâce.

Chœur.

Il va combattre l'ogre
Il restera vainqueur.

<Aleli.>

L'espérance et la crainte ont agité mon cœur,
La main du bien-aimé me rendra le bonheur.

Chœur.

Quel est-il? quel est-il? Un seigneur?

<Aleli.>

L'espérance et la crainte ont agité mon cœur,

Chœur. La main du bien-aimé me rendra le bonheur.
 Il va combattre l'ogre.
<Aleli.> L'espérance et la crainte ont agité mon cœur,
 Il restera vainqueur.
Chœur. Quel est-il? Ce jeune homme.
 Est-ce un prince? o bonheur!
 Il va nous délivrer, il est beau.
<Aleli.> C'est un être charmant,
 Aurai-je un tel mari?
<Naïna?> A bas le vilain ogre!
<Chœur?> A bas le vilain ogre!
<Aleli.> L'espérance et la crainte ont agité mon cœur,
 Car la main d'un ami va me rendre au bonheur.

Naïna. Assez, assez... Ne voyez-vous pas dans quel état vous mettez la pauvre princesse? — Voulez-vous nous perdre toutes? Et bien, oui, c'est un prince de nos amis, qui nous délivrera peut-être... Mais si l'ogre apprend — si la moindre indiscretion, ah grand Dieu! Un secret, connu par tant de femmes, peut-il être gardé?

Aleli. Oui, quand il y va de leur tête.

Naïna. Ce n'est pas une raison... Ah! voici Mic<ocolembo> qui revient. — Sauvez-vous, cachez-vous... (*Les prisonnières se dispersent sur une ritournelle.*)

Aleli (*à Naïna*). Oh Naïna, je tremble.

Naïna. De la fermeté, Madame — et du calme! pensez à Wilfrid!

SCÈNE 7

Entre Micocolembo, un sac noir sous le bras.

Micocolembo. Ah! C'est pourtant agréable de revoir ses foyers,²⁶ même après une courte absence. — Quoi? vous ici, Madame? vous n'êtes pas rentrée?²⁷ Prenez garde que l'humidité du soir²⁸ n'altère les roses et les lys de votre teint... Mon expédition a été couronnée de succès.²⁹ Je rapporte avec moi une cargaison de... (*Il flaire l'air.*) — Je disais donc que j'ai fait provision de lumière électrique et que...³⁰ (*Il flaire de nouveau.*) — Je veux dire que rien ne peut empêcher maintenant... (*Il flaire.*) mais sa-

²⁶ses foyers | son foyer (своему очагу) ²⁷*B T-Mic фраза* Vous n'êtes pas rentrée? *отсутствует.* ²⁸du soir | de l'air (воздуха) ²⁹Mon expédition a été couronnée de succès | J'ai le plaisir de vous annoncer que mon expédition a pleinement réussi (Счастлив сообщить вам, что мое предприятие успешно завершилось) ³⁰et que... в *T-Mic* *отсутствует.*

perlotte! cela sent la chair fraîche... (*Il flaire encore.*) et... et étrangère? — Hum! Hum! Personne n'est venu ici pendant que je n'y étais pas?³¹
Naïna. Personne, Monsieur l'ogre... Qui voulez-vous qui vienne?
Micocolembo. Ce n'est pas à vous que j'ai adressé³² ma question, Mademoiselle... (*A Aleli.*) Ainsi, personne n'est venu.
Aleli. Mais... je vous jure... que...
Micocolembo. Suffit... suffit! (*Il flaire encore et à part.*) Cela sent pourtant l'étranger (*il flaire*) masculin. J'y veillerai, j'y veillerai... (*Haut.*) Madame, daignez accepter mon bras... je crois que nous serons mieux dans la maison. — Et vous, Mademoiselle, précédez-nous, s'il vous plaît... (*Il flaire pour la dernière fois.*) Décidément, mon nez me dit quelque chose... — (*Haut.*) Madame!³³

(*Il rentrent.*)

SCÈNE 8

(*Les prisonnières, qui s'étaient cachées, avancent peu à peu et timidement leurs têtes — puis s'avancent sur la scène.*)

Almé. Il est rentré... pst! pst!
Une autre. Pst... pst...
Almé. Pst! Par ici... mais parlons bas...
Une autre. Il est très joli ce prince... C'est par là qu'il s'en est allé, n'est-ce pas?
Une autre. Oui. Mais je le vois encore...
Toutes. Où... Où?
Une autre. Là...
Almé. Laissez-moi voir... mais non! C'est un singe...
Une autre. C'est un oiseau. Voyez le panache qu'il a sur la tête.
Almé. C'est un singe, vous dis-je... Non, c'est un homme... il est trop laid et il a un sabre. Il vient ici... Il vient!
Naïna (*entrant*). L'ogre m'a dit de vous appeler. Mais que faites-vous donc là?
Almé. Un homme, ma soeur, un homme avec un panache et un sabre et quelque chose de jaune sur les épaules — vient ici, regarde.
Naïna. Grand dieu! C'est Estambardos, l'aide-de-camp de W<ilfrid>.

---

³¹Personne ~ n'y étais pas? | Personne n'est venu pendant mon absence? (Никто не приходил во время моего отсутствия?) ³²j'ai adressé | s'adresse (обращен) ³³Décidément ~ Madame! | Madame! Décidément, mon nez me dit quelque chose! (Мадам! Мой нос решительно подсказывает мне кое-что!)

Almé. Qui ça?

Naina. Il ne faut pas qu'il nous voie... Sauvez-vous, sauvez-vous... (*toutes se dispersent.*)

SCÈNE 9

Entre *Estambardos*

Ouf! je ne puis plus avancer... c'est fini! Voilà deux heures que je cherche mon endiablé de prince à travers cette maudite forêt. — Et j'ai soif, et je suis fatigué. — Cent fois j'ai voulu jeter par terre tout cet accoutrement dont le poids m'accable, mais que dirait l'honneur militaire! Hélas! Fils d'un pâtissier, pâtissier moi-même, pourquoi me suis-je laissé séduire pour l'idée de porter des épaulettes... En ma qualité d'aide-de-camp du prince, j'ai <à> le suivre partout et me voilà... dans un bel état! Oh que j'ai soif! — que j'ai soif!

6) Air <d'Estambardos>

Ouf! quelle chaleur!
Je sens ma valeur
Hélas, qui fuit et m'abandonne.
Ma langue est en feu,
Pour l'amour de Dieu.
De l'eau! qui m'appelle? personne.

Pour un verre d'eau,
Mon casque si beau,
Mes épaulettes et mon glaive
Je donnerais tout.
Ma force est à bout
Et je marche comme en un rêve.

Et j'ai peur aussi:
Tout me semble ici
Menacer ma triste existence.
Pauvre Estambardos
Va laisser ses os
Bien loin du lieu de sa naissance!

Mais que vois-je! Un puits tout plein de la plus belle eau — et une coupe en argent sur la margelle... Oh bienfaiteur inconnu de l'humanité souffrante, je te remercie!.. (*Il prend la coupe et veut boire...*)

7) Mélodrame

(*Une prisonnière sort et lui fait des signes.*) — Eh bien? Qu'est-ce que c'est que ça? D'où vient cette péronnelle? Et quels signes me fait-elle? —

Parlez, Mademoiselle, que me voulez-vous? — (*La pr<isonnière> fait des signes.*) Je ne vous comprends pas... (*Almé sort et fait aussi des signes.*) Une autre encore? — (*La 1re sort et une 3me entre.*) Une troisième? — Qu'est-ce que cela signifie?.. (*Les prisonn<i>ères> entrent, sortent, font des signes...*) Encore, encore. Ah ça... Mais vous moquez-vous de moi! Moi, je veux boire... (*Il porte la coupe à ses lèvres.*)

Naina. Ne bois pas! (*Elle porte tout à coup les mains à ses lèvres... Elle est devenue muette.*)

Estambardos. Eh bien! pourquoi ne boirai-je pas? Répondez donc! Etes-vous devenue muette? Il me semble que je connais cette figure-là... Ma foi, j'ai trop soif... (*Il boit. Coup de pistolet part du puits... Les prisonnières se jettent avec désespoir dans les bras les unes des autres.*)

Fin du mélodrame

Estambardos. Aïe! aïe! (*laissant tomber la coupe.*) Mon Dieu! Qui est-ce qui <me> tient par les jambes. — Je ne puis bouger. — Au secours! au secours! (*Les prisonnières lui font signe de ne pas crier.*) Au secours! je suis attaché!

SCÈNE 10

(*Entre à grands pas Micocolembo. Aleli le suit bientôt après.*)

Micocolembo. Ah ah! en voici un de pris. — C'est toujours ça (*En le ret<irant>. Vers Naina.*) Et toi, toi qui as voulu le prévenir, te voilà muette... pour t'apprendre à parler! (*A Est<ambardos> en le secourant par le bras.*) Réponds qui es-tu? D'où sors-tu?³⁴ Qu'es-tu venu faire ici?

Estambardos (*éperdu de terreur.*) Av av av av av...

Micocolembo. Ce n'est pas une réponse ça — et ce n'est pas toi qui es devenu muet... Réponds donc!

Estambardos. Av av av av av...

Micocolembo. Tu ne sais pas parler?³⁵ Du reste il n'importe... (*Il le tâte.*) Tu es assez dodu — et comme j'ai l'intention de te manger...³⁶ L'eau m'en vient déjà³⁷ à la bouche.

Estambardos. Au secours! Au secours!

Micocolembo. Aha, la parole t'est revenue,³⁸ jeune homme... Mais tu ne gueuleras³⁹ pas longtemps. (*Il porte la main à son coutelas.*)

---

³⁴Réponds qui es-tu? D'où sors-tu? | Qui es-tu, réponds; d'où sors-tu? (Кто ты, отвечай; откуда ты взялся?) ³⁵pas parler? | plus parler! (<не умеешь> больше разговаривать) ³⁶de te manger... | de te manger à la sauce piquante... (съесть тебя под острым соусом...) ³⁷В T-Mic слово déjà отсутствует. ³⁸la parole t'est revenue, | la voix t'est revenue, (голос к тебе вернулся) ³⁹gueuleras | brailleras (кричать <не придется>)

Aleli. Grâce! Seigneur! Grâce pour ce malheureux!

Micocolembo. Madame, je suis désolé de devoir vous refuser...⁴⁰ — mais je sens qu'un petit dîner⁴¹ me fera du bien après un si longue jeûne.⁴² D'ailleurs, rien n'obligeait ce guerrier à me faire une visite...⁴³ Allons, mon garçon, tends le cou! (*Il met de nouveau la main sur son coutelas. Est<ambardos> crie... toutes les prisonnières crient aussi entremettant les mains sur le<s> mains.*)

Aleli. Eh bien! écoutez-moi, Seigneur... Je me décide... relâchez cet infortuné... et je vous tiens quitte de la seconde condition que vous aviez à remplir.

Micocolembo. Vraiment, Madame?⁴⁴ — Soit! — Vous savez que rien ne me coûte quand il s'agit de vous plaire! C'est bien entendu — la 2de condition est remplie?⁴⁵ (*Al<eli> fait un mouvement. Il fait un mouvement magique au-dessus d'Est<ambardos>.*) Allons, décampe-toi avec ton sabre⁴⁶ — et tâche de ne plus⁴⁷ me tomber sous la main!

(*Est<ambardos> pousse un cri de joie et s'en fuit.*)

Aleli. Merci, Seigneur... mais si en même temps vous vouliez rendre la parole à mon amie.

Micocolembo. Volontiers...⁴⁸ Pourvu que ce soit la troisième condition à remplir.⁴⁹

Aleli. Seigneur... vous n'êtes pas généreux...

Naina (*proteste par signes qu'elle n'y consent pas*).

Micocolembo. Vous le voyez, princesse — votre amie paraît être convaincue elle-même⁵⁰ qu'un modeste silence convient à la femme. — Et maintenant que j'ai fait un second pas vers le but où tendent tous mes désirs, je prierai ces dames — en attendant que je fasse le troisième — car vous savez, princesse, que vous devez me donner aujourd'hui même votre dernière condition — je prierai ces dames de célébrer⁵¹ cet heureux événe-

---

⁴⁰Madame ~ vous refuser | Je suis, Madame, désolé de vous refuser... (К сожалению, мадам, вынужден вам отказать...) ⁴¹un petit dîner | un petit repas (немного перекусить) ⁴²jeûne | abstinence (воздержания) ⁴³faire une visite... | rendre visite... (наносить визит...) ⁴⁴Vraiment, Madame? | En vérité, Madame? (В самом деле, мадам?) ⁴⁵C'est ~ remplie? | Ainsi c'est bien entendu — la 2de condition est remplie! В ПССуП(2) слово ainsi прочитано неверно. ⁴⁶В ПССуП(2) слово sabre прочитано неверно. ⁴⁷В ПССуП(2) слово plus прочитано неверно. ⁴⁸Volontiers... | Très volontiers... (Весьма охотно) ⁴⁹la troisième condition à remplir | la troisième condition (третье условие) ⁵⁰В T-Mic слово être отсутствует. ⁵¹je prierai ~ de célébrer | je prierai ces dames, en attendant qu'elles sachent le troisième et dernier pas, de célébrer (я бы хотел попросить этих дам, покуда они узнают третий и последний шаг, отпраздновать)

ment par un chant d'allégresse. — Je sais qu'elles me détestent cordialement;⁵² mais une gaîté officielle me suffit; d'autres plus grands que moi s'en sont très bien contentés.⁵³ — Qu'elles s'imaginent que je suis un roi faisant son entrée dans une ville annexée... Votre bras, Madame.

8) Chœur

Gloire au grand Micocolembo
(Ils sortent en cérémonie.)

Fin du 1^r Acte

ACTE DEUXIÈME

(Chambre intérieure du palais de M<icocolembo>, un sofa au milieu — des fleurs etc. — un meuble derr<ière> lequel on puisse se cacher.)

SCÈNE 1

Aleli — entourée de 3 prison<nières>.

9) Trio <des prisonnières>

Belle - le prin - ces - se, Cet - te tris - tes - se qui vous op - pre - se de - vra fi - nir.

Belle princesse,
Cette tristesse,
Qui vous oppresse,
Devra finir.
Dans sa constance
Plein de prudence
Déjà s'avance
Votre sauveur.

Aleli. Je vous sais gré de vouloir me consoler... mais l'espoir a de la peine à entrer dans mon cœur. — La tristesse m'accable... et quand je pense qu'avant qu'une heure soit écoulée, je dois nommer à notre tyran ma 3me condition — je me sens défaillir... Je n'ai encore rien trouvé... Rien! Et le voile est achevé, dites-vous!.. Que fait Micoc<olemb>o?

⁵²В ПССиП(2) слово cordialement (душевно, сердечно) осталось непрочитанным. ⁵³d'autres ~ contentés | De plus grands que moi s'en contentent fort bien (Люди более великие, чем я, прекрасно им довольствуются)

Une prisonnière. — Il dort, Madame... ne l'entendez-vous pas ronfler? (*On entend des ronflements.*)

Aleli. O s'il pouvait ne jamais se réveiller! Laissez-moi mes amies... j'ai besoin de solitude et de recueillement.

10) Air <de la princesse>

Celui que j'aime est loin de moi!
Il veut donner son sang, sa vie,
Pour délivrer sa triste amie,
Pour elle, ami, conserve-toi.
Sans toi je ne saurais plus vivre,
Le chagrin brisera mon cœur!
S'il faut que ta mort me délivre,
Ma liberté me fait horreur.

Wilfrid! W<ilfrid>! Où est-tu maintenant? Pourras-tu remplir ta promesse? Te reverrai-je? mais — Qui vient ici? — Ah, c'est toi, ma fidèle Naïna — ma pauvre petite muette... Tu me parais agitée. — Qu'y a-t-il? (*Naïna met le doigt sur la bouche et étend la main vers la coulisse...*) Que veux-tu dire?.. Quelqu'un est là ? (*N<aïna> fait signe que oui...*) Qui veut me parler... serait-ce lui?.. Non?.. (*Naïna va vers la coulisse et en ramène Estambardos, vêtu en jeune paysanne. Il a le visage tout pâle et il tremble.*)

SCÈNE 2

<**Aleli**>. Quoi? Me trompé-je ou bien est-ce l'aide-de-camp de Wilfrid, celui que je viens d'arracher à la fureur de l'ogre?

Estambardos (*bégayant*). Lui... lui-même... et croyez que... que c'est là une gra-grande preuve de dé- de dé- de dévoue- dévouement... (*On entend ronfler M<icocolembo>.*) Oh, oh mon Dieu, qu'è... qu'est-ce?

Aleli. C'est l'ogre qui dort. — Mais pourquoi ce déguisement? Est-ce W<ilfrid> qui vous envoie?

Estambardos. Oui, oui. C'est pour vous... vous remettre cette lettre... Li... lisez... vite! (*un autre ronflement.*) Aïe! je... je me sauve. (*Il s'en fuit.*)

Aleli. C'est un lièvre que ce militaire... Voyons, Naïna, voyons vite ce que contient cette lettre. (*Elle l'ouvre et lit à haute voix.*) Victoire! chère princesse! Je tiens le loup par les oreilles! Mon ami le professeur allemand a trouvé dans ses bouquins que toute la puissance de Micocolembo réside dans un cheveu d'or qu'il porte sur le sommet de sa vilaine tête... Si l'on

parvenait à le lui enlever, il ne serait plus qu'un simple butor sans conséquence. — Mais comment arracher ce cheveu? Voilà ce que le professeur allemand n'a pas su me dire. — J'ai mes idées là-dessus... Faites me seulement savoir si cet ogre a jamais bu autre chose que de l'eau... Je ne parle pas du sang — et soyez bien aimable, extrêmement aimable, avec lui. Ne vous étonnez pas et ne vous indignez pas. C'est nécessaire pour la réussite de mon plan. A bientôt! Votre bien dévoué, Wilfrid. Voilà qui est étrange... n'est-ce pas, Naïna? Et comment ferai-je savoir à W<ilfrid> ce qu'il demande, puisque son envoyé a disparu?

La voix de W<ilfrid> derrière la coulisse. Ce n'est pas nécessaire...

Aleli (*en se retournant*). Qui a parlé?

SCÈNE 3

Wilfrid (*entrant de la pointe du pied enveloppé dans un grand manteau gris*). C'est moi.

Aleli. Vous, prince?

Wilfrid. Pst! C'est moi... Je me suis douté qu'Estambardos ne ferait que des bêtises et je l'ai suivi de près... Chère princesse — voici le moment décisif... Ecoutez mon plan. — J'avais pensé un instant revenir avec toute une armée pour vous enlever de force, mais l'enchanteur aurait pu user de sortilèges — il les aurait aveuglés, se serait rendu invisible, que sais-je? Alors, je me suis dit... Boit-il autre chose que de l'eau?

Aleli. Je ne le crois pas.

Wilfrid. Horreur! C'est pourtant bête, un ogre! — Je me suis dit, il faut lui arracher son cheveu!

Aleli. Comment vous y prendrez-vous?

Wilfrid. C'est mon secret. (*Il tire de dessous son manteau une énorme bouteille <hp36.>*) Où pourrai-je bien cacher cela? Ah... ici... Mais écoutez bien mon instruction. Les ogres sont défiants et soupçonneux — comme tous les méchants. Ces soupçons doivent être apaisés... par vous, princesse.

Aleli. Par moi?

Wilfrid. Un peu d'amabilité, une ceillade, un sourire, une lueur d'espoir que vous feriez briller devant ses gros yeux de poisson...

Aleli. Wilfrid... c'est vous qui me donnez un pareil conseil... oubliez-vous qu'il prétend m'épouser...

Wilfrid. Nous l'en empêcherons pardieu bien... Une simple, tout petite lueur d'espoir! Vous le savez, la fin justifie — quelquefois — les moyens.

Aleli. Et quand cette lueur d'espoir, comme vous dites, sera allumée en lui...

Wilfrid. Cela le mettra de belle humeur!

Aleli. Et puis?
Wilfrid. Il rira, il fera le gentil.
Aleli. Et puis?
Wilfrid. Vous lui donnerez une petite tape sur la joue.
Aleli. Et puis?
Wilfrid. Il se sentira tout disposé à faire vos volontés.
Aleli. Et puis?
Wilfrid. Ayant ainsi adroitement préparé les choses, vous lui donnerez à boire de cette liqueur...
Aleli. Et puis?
Wilfrid. Vous le verrez réduit en état de se laisser arracher le cheveu.
Aleli. Vous croyez? Et en supposant même que votre plan réussisse, qui arrachera ce cheveu? Quant à moi je n'oserai jamais. (*Nāina s'avance en faisant signe que ce sera elle.*) Toi, Nāina...
Wilfrid. Oui, oui... c'est une excellente idée. Il se défie moins d'elle... Ainsi, c'est décidé?
Aleli. Je ne sais vraiment...
Wilfrid. Voyons, voyons.

11) Duo comique avec accompagnement de ronflements⁵⁴

(Nāina penchant va écouter à la porte.)

⁵⁴Ranний черновой вариант этой сцены с обильной правкой, фрагментами стихотворных строк сохранился в T-Vers2: <Wilfrid.> Un ogre même est quelque fois sensible / Vous le savez, hélas! pour mon malheur... / Vous possédez un charme irrésistible / Profitez en pour le frapper au cœur. / Vous consentez? // <Aleli.> Oh non! J'aurai trop peur. / Si je lui montre / Il se croirait en droit / De m'adresser une caresse. // <Wilfrid.> Le succès de notre entreprise / Dépend de vous, ce n'est qu'un jeu. // <Aleli.> C'est croyez-moi / Vous en parlez à votre guise / C'est moi qui dois aller au feu. / Laissez-moi réfléchir un peu. // <Wilfrid.> Je serai là pour vous défendre. // <Aleli.> Vous pourriez arriver trop tard! // <Wilfrid.> Quel bel <нрзб.> // <Aleli.> Si l'ogre allait devenir tendre, / S'il tout à coup, si par hasard... / Silence. Dieux! il se réveille... / Nous sommes perdus... (*On l'entend ronfler.*) // <Wilfrid.> Il sommeille / parlez bas / Il faut agir <нрзб.> ensemble, / La tête, le cœur et le bras // <Aleli.> Je tremble. // <Wilfrid.> Vous ne répondez rien? / Viens ici, Nāina, viens à mon aide, enfant, / Et qu'à défaut de mots, ton geste suppliant / Donne ainsi du courage à ta belle maîtresse. // <Aleli.> Pour mourir j'aurais eu / S'il s'agissait de mort // <Wilfrid.> Il s'agit de victoire / Il s'agit avant tout de changer votre sort! / Un tout petit effort // <Aleli.> Allons, à sa demande / Je crois qu'il faut céder. / Sa confiance est grande / Sachons la mériter // <Wilfrid.> Oh ciel! à ma demande / Elle veut bien céder. / Sa confiance est grande / Sachons la mériter (F. 136 r. См. также: ПССУП(2). Соч. Т. 12. С. 492–493).

Wilfrid. Mêmes un ogre farouche
Est quelquefois sensible,⁵⁵
Vous le savez, hélas, pour mon malheur.
Puisque vous possédez un charme irrésistible,⁵⁶
Profitez-en pour le frapper au cœur.
Vous consentez?

Aleli. Oh non, oh non, oh non,
J'aurais trop peur!

Wilfrid. Le succès assuré de la grande entreprise
Dépend de vous, pour vous ce n'est qu'un jeu.

Aleli. Vous en parlez, seigneur, à votre guise
C'est moi qui dois sans vous aller au feu.
Laissez-moi réfléchir un peu.
Si l'ogre allait devenir tendre,
Si tout à coup, si par hasard...

Wilfrid. Je serai là pour vous défendre.

Aleli. Vous pourriez arriver trop tard!

Wilfrid (*parlé*). Il sommeille. Le misérable. Il ronfle même.

Aleli (*parlé*). Parlez bas. Silence. Dieux! il se réveille... Nous sommes tous perdus...

Wilfrid. Il faut agir ensemble,
La tête, le cœur et le bras
Vous ne répondez rien.
Rien?

Aleli. Je tremble.

Wilfrid. Viens ici, Naïna, viens à mon aide, enfant,
Et qu'à défaut de mots ton geste supplie
A ta belle maîtresse inspire du courage.⁵⁷

⁵⁵Mêmes ~ sensible, | Un ogre même est quelquefois sensible (*V-Cah.3. F. 10 v*)
⁵⁶Puisque ~ irrésistible | Vous possédez le charme irrésistible (*Ibid. F. 12 v*) ⁵⁷*B V-Cah.4*
находится вариант первой реплики этой части дуэта. На форзаце второй части тетради приводятся стихи, на f. 13 v-14 v — наброски их музыкальной разработки. Дополнительные стихи, скорее всего, были исключены из окончательной редакции: Viens ici, Naïna ~ à ta belle maîtresse как в публикуемом тексте и далее: Dis-lui combien je l'aime et combien le temps presse / Dis-lui que de ce jour dépend notre destin / Et qu'elle tient sa vie et la mienne en sa main. / Voyons, belle Aleli, écoutez-moi, courage. // Aleli. J'en aurais bien assez. (Скажи ей, как я ее люблю и как нас торопит время, / Скажи, что от этого дня зависит наша судьба, / Что и моя и ее жизнь сейчас целиком в ее руках. / Послушайте, прекрасная Алели, имейте мужество. // Алели. У меня его хватит.)

Aleli. J'en aurais bien assez
S'il s'agissait de mort...

Wilfrid. Il s'agit de victoire

Aleli. Et de ruse...

Wilfrid. fort sage,
Il s'agit avant tout de changer votre sort...

Aleli. Hélas, n'insistes pas, mon prince, d'avantage.

Wilfrid. Au nom de notre amour, o princesse, un effort.

Aleli. Ah! Allons, à sa prière
Il faut céder enfin.
Ma destinée entière
Repose dans sa main.

Wilfrid. A ma tendre prière
Elle consent enfin.
Ma destinée entière
Repose dans sa main.

Aleli. Naïna nous fait des signes... Il s'est réveillé... Sauvez-vous.

Wilfrid. N'oubliez pas ce que je vous ai dit. (*Il s'élançe vers la porte... mais il fait de vains efforts pour sortir... Naïna continue à lui faire des signes.*)

Aleli. Eh bien! Vous ne sortez pas.

Wilfrid. Je ne puis pas... il y a quelque chose, quelque chose d'invisible qui me retient. (*Il fait des efforts désespérés.*) Impossible!

Aleli. Grands Dieux! nous sommes perdus! L'ogre arrive... cachez-vous, si vous ne pouvez pas sortir.

(*W<ilfrid> se précipite derrière le paravent... N<aïna> toute épouvantée se place devant. L'ogre entre.*)

SCÈNE 4

Micocolembo (*s'étirant et un bonnet de coton sur la tête*). Ah ah ah!⁵⁸ j'ai fait un bon somme. — (*En apercevant Aleli, il arrache son bonnet de coton.*) — Oh pardon, princesse, je ne vous savais pas dans cette chambre...⁵⁹ Vous êtes bien pâle... Qu'avez-vous?

Aleli. Rien... rien... Je vous assure (*elle lui sourit*).

Micocolembo. Princesse! voici la première fois que vous me souriez?⁶⁰
Dois-je y voir un heureux augure?.. Et... (*il se retourne tout à coup et flairer.*) — auriez-vous trouvé la troisième condition à... à m'imposer?⁶¹

Aleli. Oui... je l'ai trouvée.

⁵⁸Ah ah ah! | Ah! ⁵⁹dans cette chambre... | dans cette salle (в этой зале) ⁶⁰que vous me souriez? | que vous daignez me sourire! (*T-Mic*) ⁶¹auriez-vous ~ à m'imposer? | Auriez-vous trouvé la même condition (*f<laire>*) à m'imposer?

Micocolembo. Ah vraiment! (*il flaire*) et cette condition?

Aleli. Cette condition... Mais écoutez-moi donc... Où allez-vous? (*M<icocolembo> flaire toujours.*) Restez près de moi — je le veux.

Micocolembo. Charmante princesse, je suis à vos ordres...⁶² (*il flaire.*) Qu'avez-vous imaginé?

Aleli. Écoutez, seigneur — je vois bien que je dois me résigner à mon sort... Rendez-moi au moins la tâche plus facile... (*M<icocolembo> se retourne encore.*) Tenez-vous à me plaire?

Micocolembo. Certainement.

Aleli. Eh bien! Je déteste les cheveux roux — et il faut absolument que vous vous rasiez les cheveux tout net — les cheveux et la barbe. — C'est ma troisième et dernière condition. — Rasez-vous! et je suis votre femme!

Micocolembo. Me raser les cheveux! Jamais!

Aleli. Alors — vous manquez à votre parole — et je suis libre... Car enfin ce que je vous demande n'a rien qui vous soit préjudiciable...

Micocolembo. C'est à moi d'en juger... Mais permettez — avant d'épuiser cette question... j'en ai une autre à éclaircir... (*Il s'avance vers le meuble en flairant...*) Ne me retenez pas... ni vous non plus, Mademoiselle (*à Naïna*). (*Il plonge tout à coup la main derrière le meuble et en tire le prince...*) Qu'est-ce que c'est que cet homme?

Aleli (*éperdue*). C'est... c'est le barbier que j'avais fait venir en prévision... en prévision de votre consentement...

Micocolembo. Ah ah! Vous teniez donc bien à me voir⁶³ joli garçon — et vous aviez bien hâte de m'épouser... (*Il part tout à coup d'un éclat de rire.*) Mes petits enfants, décidément, je suis trop fort pour vous et je vous plains de tout mon cœur!⁶⁴ Vous croyez vous jouer de moi — et je vous tiens tous sous ma griffe. — Je ne sais pas qui est cet être-là, (*en désignant Wilfrid*) qui tâche dans ce moment de se donner un air digne... mais dites-lui donc, princesse, de me percer subitement avec le poignard qu'il porte dans sa ceinture — il ne pourra jamais le sortir seulement du fourreau...⁶⁵ Ha ha ha! Je m'amuse... je m'amuse beaucoup. — Il semble robuste... Cela fera un bon esclave...⁶⁶ Je l'emploierai à donner la pâtée

---

⁶²je suis à vos ordres... | tout à vos ordres... ⁶³à me voir | à me rendre ⁶⁴Mes petits enfants ~ de tout mon cœur! | Ha ha ha! Décidément, mes petits agneaux, je suis trop fort pour vous. (Ха-ха-ха! Решительно, мои ягнятки, слишком я для вас силен.) ⁶⁵dans sa ceinture ~ du fourreau... | à sa ceinture... (за поясом...) ⁶⁶je m'amuse ~ un bon esclave... | je m'amuse énormément! — Cet homme semble robuste — il fera un bon esclave — (мне страшно весело! — Этот человек кажется сильным — из него выйдет неплохой раб —)

à mes chiens. — (A Wilf<rid>.) Oh! tu as beau me lancer des regards indignés... Tu m’amuse mon cher!⁶⁷

Aleli. Vous n’êtes pas généreux, Mico...

Micocolembo. Comment... comment avez-vous dit, princesse? (*Il se retourne vers elle; pendant ce temps W<ilfrid> essaie de tirer son poignard mais n’y réussit pas.*)

Aleli. J’ai dit... Je veux dire qu’en effet il n’y a pas à lutter avec vous... et... et que j’y renonce.

Micocolembo. Vous renoncez, dites-vous...⁶⁸ Comment dois-je comprendre...

Aleli. Je renonce — à ma troisième condition.

Micocolembo. Et vous vous décidez à devenir ma femme?⁶⁹

Aleli (*se détournant?>*). Seigneur, ne me pressez pas ainsi... épargnez-moi.

Micocolembo (*battant des mains*). Bravo! bravo! Me voici donc au pinacle! Car, tout ogre que je suis,⁷⁰ je sais qu’il n’y a pas de bonheur dans un mariage forcé... Chère princesse, permettez-moi de déposer un baiser sur votre joue...⁷¹ Vous avez peur de ma barbe... Je me la raserai...⁷² la barbe seulement. — (*Il l’embra<sse>*.) (à W<ilfrid>) Vil esclave!⁷³ ta présence ici m’a valu la première caresse de Madame — je te fais grâce de la vie — mais tu resteras en mon pouvoir à jamais... (W<ilfrid> veut parler.) Tais-toi, ne trouble pas mon bonheur! Naïna, dites⁷⁴ à vos compagnes d’apporter le voile d’or qui doit parer ma future épouse...⁷⁵ Je veux que la noce se fasse sur-le-champ. (N<aïna> sort. Il marche à grands pas de l’appartement.)⁷⁶

Wilfrid (*s’appr<ochant> de Aleli, à voix basse*). Qu’avez-vous fait?

Aleli. Et que pourrais-je faire! Modérez-vous...

Micocolembo (*s’asseyant sur le sofa*).⁷⁷ Madame, daignez-vous asseoir à mes côtés... Je suis tout ému et saisi en pensant au bonheur qui nous at-

---

⁶⁷Tu m’amuse mon cher! | Tu m’amuse beaucoup. Ва! (Ты меня очень забавляешь. Ступай!) ⁶⁸Vous renoncez, dites-vous... | Vous renoncez... (Вы отказываетесь...) ⁶⁹В Т-Мис эта реплика Микоколембо отсутствует. ⁷⁰Me voici ~ je suis, | Voici enfin le couronnement de l’édifice... Bravo! — vous consentez librement? — Tout ogre que je suis, (Вот достойный венец дела... Bravo! — вы добровольно соглашаетесь? — Каким бы я ни был людоедом,) ⁷¹sur votre joue... | sur votre front. (на вашем челе.) ⁷²Je me la raserai... | Je la raserai (Я сбрею ее) ⁷³Vil esclave! | Esclave! (Раб!) ⁷⁴dites | allez dire ⁷⁵ma future épouse... | mon épouse (мою супругу) ⁷⁶(Il marche à grands pas de l’appartement.) | (Il se promène en se frottant les mains.) (Прогуливается, потирая руки.) ⁷⁷(s’asseyant sur le sofa.) | (s’asseyant.) (садится.)

tend!⁷⁸ — Songez-y. Nous aurons une famille de gentils petits ogrichons, bien sages, qui avec leurs jolies petites dents, croqueront des petites souris... hi hi hi!⁷⁹ Mais j’entends nos demoiselles qui arrivent avec le voile...⁸⁰ Elles doivent être bien contentes aussi...

12) Marche du voile

(*Marche des prisonnières — elles apportent le voile...
Naina le pose sur la tête d’Aleli...*)

Micocolembo.⁸¹ Dieux! que vous êtes jolie comme cela! — Mesdemoiselles, dans une heure je vous rends⁸² à la liberté!

Les prisonnières. Vive le grand Micocolembo!

Micocolembo. Je ne doute pas de votre reconnaissance.

Almé. Seigneur, voulez-vous nous permettre de vous la témoigner?

Micocolembo. Comment?

Almé. En vous chantant une petite chanson.

Micocolembo. J’aime peu la musique — mais il paraît que c’est l’usage. —⁸³

Allez... je ne m’y oppose pas et cela peut faire plaisir à Madame... et pour que ce grand dadais (*en montrant Wilfrid*) ne soit pas là⁸⁴ à ne rien faire — qu’il nous chasse les mouches avec ce bel éventail en plumes de paon. (*W<ilfrid> essaie de nouveau de tirer son poignard — mais il ne peut y parvenir et se résigne à éventer l’ogre.*)

⁷⁸Je suis ~ nous attend! | Je suis tout ému en pensant au bonheur qui nous attend. (Я весь в волнении, думая о счастье, которое нас ожидает.) ⁷⁹Songez-y. Nous aurons ~ hi hi hi! | Songez-y: nous aurons une famille de gentils petits ogrichons qui de leurs jolies petites dents, croqueront de jolies petites souris... pardon! Je voulais dire de jolies noisettes. (Только представьте: у нас будет семейство из хорошеньких людоедиков, которые своими прелестными зубками будут разгрызать прелестных мышат... простите! Я хотел сказать — хорошенькие орешки.) В ПССуП(2) ошибка в прочтении: вместо *petites souris* — *petites mains* (маленькие ручки) (Соч. Т. 12. С. 123). ⁸⁰Mais j’entends ~ le voile... | Mais j’entends nos prisonnières qui arrivent avec le voile d’or... (Но я слышу, как наши пленницы несут золотую вуаль...) ⁸¹В Т-Мис перед следующей репликой Микоколембо ремарка: (*après la pose du voile*) (*после возложения вуали*) ⁸²rends | rendrai ⁸³mais il paraît que c’est l’usage. — | mais je ne la crains pas... D’ailleurs, si c’est l’usage... (но я и не боюсь ее... А раз таков обычай...) ⁸⁴Allez... ~ ne soit pas là | Allez... cela peut faire plaisir à Madame... (*Montrant Saphir*) Et pour que ce grand dadais ne soit pas là

13) Chansonnette avec chœur

<Almé.> Ecoutez ma chansonnette,⁸⁵
Vive et joliette.

<Chœur.> Ecoutez la chansonnette
Que je chante ici
Ecoutez la chansonnette
Que je donne à rien.

Micocolembo. Fort joli! — Mais puisque c'est le festin de notre noce que nous célébrons ainsi, chère princesse,⁸⁶ je voudrais bien savoir quels sont dans ces cas les usages parmi... parmi ceux qui ne sont pas des ogres...⁸⁷ Chez nous, dans l'ogrerie, on a la coutume de manger à ces occasions,⁸⁸ deux ou trois petits enfants bien gras — mais cela ne peut vous convenir — et moi-même, depuis que j'ai eu le bonheur de faire votre connaissance je sens que je vais changer mes habitudes... Je deviens tendre, romantique. Je rêve à une guitare, à un clair de lune...⁸⁹

Aleli. Seigneur... chez nous, autres mortels, quant au sujet de se réjouir, on danse, on chante... on boit...

Micocolembo. Ah! — on boit. De l'eau?⁹⁰

Aleli. Non... autre chose.

Micocolembo. Ah oui — du vin — ce breuvage qui, à ce qu'il paraît, fait faire tant de folies⁹¹ — je n'en ai jamais goûté et je ne veux pas en boire.

Aleli. On pourrait boire aussi... d'autres liqueurs.

⁸⁵ma chansonnette | la chansonnette (*T-Vers*) ⁸⁶que nous célébrons ainsi, chère princesse | que nous allons célébrer (мы собираемся отпраздновать) ⁸⁷les usages ~ des ogres... | les usages de ceux... de ceux qui ne sont pas des ogres. (обычай тех, кто... словом тех, кто не людоеды.) ⁸⁸on a la coutume de manger à ces occasions | on a la coutume de manger ⁸⁹de faire votre connaissance ~ à un clair de lune... | de vous connaître, de vous aimer, je sens que je vais changer mes habitudes... je deviens tendre, romantique. — Je rêve une guitare, un clair de lune... (познакомиться с вами, полюбить вас, чувствую, что я стану отвыкать от своих привычек... Я становлюсь нежным, романтичным... мечтаю о гитаре, о лунном свете...). В ПССиП(2) слово une guitare (гитаре) осталось непрочитанным (Соч. Т. 12. С. 123). ⁹⁰Ah! on boit. De l'eau? | On boit de l'eau? (Пьют воду?) ⁹¹ce breuvage ~ tant de folies | Ce breuvage qui fait faire aux hommes tant de folies (Такой напиток, который заставляет людей делать столько глупостей)

Micocolembo. Ah? En attendant,⁹² je ne serais pas fâché de voir se trémousser ces demoiselles... Commence-toi, Naïna, danse puisque tu ne peux plus chanter.⁹³ (*N<aïna> hésite.*)

Aleli (*à voix basse*). Naïna, je t'en supplie. (*N<aïna> s'incline et va se mettre à la tête de ses compagnes.*)

14) Danse en rond⁹⁴

Aleli (*qui a fait signe à W<ilfrid>et s'est fait remplir une coupe avec le vin de Champagne*). Et maintenant, Seigneur, si vous vouliez goûter de ce breuvage... pour vous conformer à nos habitudes.

Micocolembo. Tiens... ça sent bon.⁹⁵ Ce n'est pas du vin, cela.

Aleli. Eh bien, Seigneur, c'est... c'est...

Wilfrid (*l'incline*). C'est du Roederer carte blanche, ret<ourné> d<e> Russie... boisson aussi inoffensive que salut<aire>.

Micocolembo. Ah ah... N'êtes-ce pas vous aussi, le barbier, qui l'avez apportée, cette boisson?⁹⁶ Et s'il y avait du poison dedans, soit dit sans vous offenser... Ce serait fatal... pour vous... pour vous deux.⁹⁷ J'ai là au doigt un rubis — je n'ai qu'à le faire reluire dans cette coupe et s'il y a du poison mêlé à la liqueur, tout éclat de ce rubis sera instantanément troublé...⁹⁸ (*Il fait l'expérience.*) Mais non — il ne jette que plus de

⁹²Ah? En attendant | C'est possible... En attendant (Возможно... А пока) ⁹³Commence-toi ~ chanter. | Commence-toi, Naïna, et puisque tu ne peux plus chanter, danse. (Начинай ты, Наина, и раз ты не можешь больше петь, танцуй.) ⁹⁴*В Т-Мис далее следуют ремарка и реплика Микоколембо: (Après la danse.)* **Micocolembo.** Bravo! bravo! Je veux danser aussi bien. — Pourquoi ne ferais-je pas enlever le maître à danser de l'Opéra de Paris? Cela n'est pas plus difficile que cela. (*Il danse.*) (*После танца.*) **Микоколембо.** Bravo! bravo! И я бы хотел танцевать так же славно. — Почему бы мне не похитить учителя танцев из Парижской оперы? Это не так уж трудно. (*Танцует.*) ⁹⁵Tiens... ça sent bon. | Tiens! cela sent bon? ⁹⁶Ah ah... N'êtes-ce pas ~ cette boisson? | Ah ah! Ne serait-ce pas vous, qui l'auriez apportée, Mr le tondeur de barbe? (Ах-ах! Не вы ли его принесли, господин подстригатель бород?). *В ПССУП(2) неточность в прочтении: tondeur de barbe вместо tondeur de barbe (Соч. Т. 12. С. 123).* ⁹⁷Ce serait ~ vous deux. | Ce serait fatal — fatal pour vous deux. (Это будет иметь роковые последствия — роковые для вас обоих.) ⁹⁸je n'ai qu'à ~ sera instantanément troublé... | Je n'ai qu'à le faire briller sur cette coupe et si une seule goutte de poison est mêlée à la liqueur, l'éclat de ce rubis sera terni sur-le-champ. (Стоит мне только направить лучи его в эту чашу, свет этого рубина тотчас потускнеет, если в жидкость подмешана хоть капля яду.)

feux... Allons je puis boire en sureté. — (*Il boit.*) Oh!.. (*Il boit encore.*)
Oh Oh! (*Il boit.*) Oh! Oh! Oh! quel est ce nectar? Comment le nommez-
vous? Du Roe... du Roi⁹⁹

Wilfrid. Du Roederer, Altesse!¹⁰⁰

Micocolembo. Cela mérite un plus joli nom. C'est¹⁰¹ presque aussi doux que
vos regards, princesse! Vite, une seconde coupe. (*Il boit.*) Oh! (*Il boit.*)
Oh oh!¹⁰²

Aleli. Seigneur — il est d'habitude — chez nous, quand on boit, de porter la
santé de quelqu'un... et de chanter une chanson.

Micocolembo. Ah très bien! Une troisième coupe, s'il vous plaît... Je vais
porter une santé qui doit vous être bien précieuse... (*Il lève la coupe.*)¹⁰³
à tous les titres. A ma santé — à ma propre santé.¹⁰⁴

Toutes. Vive le grand M<icocolemb>o!

Micocolembo. Quant à la chanson... malheureusement¹⁰⁵ je n'ai pas plus de
voix qu'une grenouille. — Mais j'y pense... Cet esclave, ce barbier... je
suis sûr qu'il possède une voix superbe... Mais je doute fort... hi hi hi,¹⁰⁶
que dans la position... fâcheuse... où il se trouve il se sent en état de
chanter...

Wilfrid. C'est ce qui vous trompe, Seigneur... je vais vous prouver par ma
chanson même que l'homme a raison de chanter et de boire dans le bon-
heur comme dans l'adversité.

Micocolembo. Il a du toupet, ce perruquier... j'aime ça... Naïna — verse lui
de ce Roe... enfin de ce nectar, pas beaucoup...¹⁰⁷ Je veux tout garder
pour moi. Commence! C'est drôle, les oreilles me tintent... Encore une
coupe pour moi...¹⁰⁸ Aleli, vous avez les plus beaux yeux du monde... Je
me sens tout — je ne sais comment... Aleli, m'aimes-tu?

---

⁹⁹Comment le nommez-vous? Du Roe... du Roi | Comment le nommez-vous — du
Clic, — du Clac... (Как вы его там называете — Клик, — Клак...) ¹⁰⁰Очевидно,
между T-Livret и T-Mic марка шампанского Veuve Cliquot (Вдова Клико) заменила
марку Roederer (Редерер). ¹⁰¹Cela mérite un plus joli nom. C'est | Ce nectaire mérite
un plus joli nom. Il est (Этот нектар заслуживает более красивого названия. Он)
¹⁰²Vite, une seconde coupe. (*Il boit.*) Oh! (*Il boit.*) Oh oh! — | Une seconde coupe.
(*Il boit.*) Oh! Oh! Oh! (Еще одну чашу. (*Пьет.*) О-о-о!) ¹⁰³qui doit vous être bien
précieuse... (*Il lève la coupe.*) | qui doit vous être cher (кто должен быть вам дорог)
¹⁰⁴à ma propre santé. | à ma propre santé! hourrah! (за мое собственное здоровье! ура!)
¹⁰⁵malheureusement | par malheur (к несчастью) ¹⁰⁶Mais je doute fort... hi hi hi, | Seu-
lement, je doute fort (Только я очень сомневаюсь) ¹⁰⁷de ce Roe... enfin de ce nectar,
pas beaucoup... | de ce Cli... de ce Cla... — enfin de ce nectar, pas trop... (этого Кли...
этого Кла... — в общем, этого нектара — не слишком много...) ¹⁰⁸Commence! ~
une coupe pour moi... — Фрагмент отсутствует в T-Mic. В ПССиП(2) слова pour
moi (для себя) остались непрочитанными.

Aleli. Seigneur.

Micocolembo. En avant <la> musique, esclave! Ah, je te préviens que je veux chanter aussi moi — le refrain seulement... (*Il boit.*)¹⁰⁹

15) Chanson à boire

Quand en plein automne
Le soleil rayonne¹¹⁰
Au plus hauts des airs,
Que le vin pétille
Dans la coupe brille
En joyeux éclairs.
Quand la destinée
De fleurs couronnée,
Nous sourit gaîment,
Buvons largement.
Oui, buvons sans cesse
Car la douce ivresse
Donne un air vainqueur
Au bonheur. Aah!

Quand la route est sombre,
Quand s'éteint dans l'ombre
Le dernier rayon,
Il faut rire et boire.
Plus la nuit est noire,
Plus le vin est bon.
Nargue du tonnerre,
Buvons à plein verre,
C'est dans le chagrin,
Un nectar divin,
Car sa blanche écume
Ôte l'amertume,
Charme la rigueur
Du malheur. Ah!

Micocolembo. Pas mal, pas mal... Mais reprends ton plumeau...¹¹¹ Belle Aleli, je vous adore — je voudrais vous le dire — et pourtant je sens... une douce langueur¹¹² se répandre dans mes veines. Je crois que je vais... taper un peu de l'œil.¹¹³ C'est drôle, n'est-ce pas... Mais c'est que je n'ai pas l'habitude...¹¹⁴ Ce nectar est... vraiment... adorable comme vous. Je me répète — c'est égal... Esclave... évalue-moi — et vous... prin... princesse...¹¹⁵ (*Il s'endort.*)

Aleli (*fait un signe... Les prisonnières se mettent à chanter une berceuse.*)

¹⁰⁹En avant ~ (*Il boit.*) | Une autre coupe... Esclave, en avant la musique! (Еще одну чашу... Раб, давай музыку!) ¹¹⁰Quand ~ rayonne | Quand le soleil brille / En rayons de flamme (Когда солнце светит / Палящими лучами) (*V-Cah.3*) ¹¹¹Mais reprends ton plumeau... | Mais reprends ton plumeau, esclave... (Но берись опять за свое опахало, раб...) ¹¹²une douce langueur | une certaine langueur (какая-то истома) ¹¹³taper un peu de l'œil. | un peu taper de l'œil. (немного подремать.) ¹¹⁴Mais c'est que je n'ai pas l'habitude... *Фраза отсутствует в T-Mic.* ¹¹⁵et vous... prin... princesse... | et vous, princesse... (а вы, принцесса...)

16) Berceuse¹¹⁶

(à bouche fermée)

Micocolembo. Ah oui... très bien... très agréable. (*Il se rendort. W<ilfrid> continue à agiter le plumeau. M<icocolembo> ronfle.*)

Aleli (à Naïna). N<aïna>, voilà le moment — je ne pourrais jamais... (*N<aïna> s'avance. — Jeu muet. — La berceuse continue... L'ogre remue la tête. — Effroi. N<aïna> se penche sur lui, ne trouve pas le cheveu — l'aperçoit enfin, l'arrache et s'écrie: Le voilà! Coup de tamtam!*)

Micocolembo (*se réveille en sursaut.*) Qu'est cela?

Wilfrid (*qui a jeté le plumeau et se précipite sur lui, le poignard à la main.*)
Misérable, si tu bouges...

Micocolembo. Esclave...

Wilfrid. Si tu bouges, tu es mort. — Tu n'as plus ton cheveu! Entends-tu... ton cheveu d'or, on te l'a arraché — et tu es en notre pouvoir!

Naïna. Oui! et j'ai recouvert la parole. Hourrah!

Toutes. Hourrah... Bravo!

Estambardos (*se précipitant dans la chambre vêtu en paysanne, le sabre à la main et son casque en tête*). Victoire! Victoire! j'amène du renfort! — Toute l'armée est derrière moi — et (à W<ilfrid>) voilà un télégramme qui vous annonce que le vieux Roi est mort — et que vous avez été élu son successeur par l'unanimité des suffrages plus 4 voix!

Toutes. Bravo! Vive le Roi Wilfrid!

Almé. Mais, Monsieur le Roi, pourquoi ne tuez-vous donc pas ce vilain ogre que vous tenez là sous votre poignard?

Aleli. Non, Wilfrid — épargnez-le. Il est devenu inoffensif — nous en ferons un superbe chasseur d'ambassadeur. Mais que dis-je? Vous, roi, voudriez-vous encore d'une simple sujette...

Wilfrid. Princesse, ma nouvelle position n'a pas changé mes sentiments — et je ne puis vivre qu'à vos côtés... (*se retournant vers les prisonnières.*)
Vive la Reine Aleli!

Toutes. Vive la Reine Aleli!

---

¹¹⁶Первоначально со словами: Do, do, l'enfant, do... (Баю-бай, детка, баю-бай...), затем заменено ремаркой à bouche fermée (с закрытым ртом) (*T-Vers.* F. 64 г; см. также: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 12. С. 488).

Wilfrid (à *Naiina*). Notre libératrice ne nous quittera jamais, n'est-ce pas?
(à *Est<ambardos>*) Quant à toi, je te fais général... quoique tu sois venu
bien tard à mon aide.

Estambardos (avec *fierté*). Sire! Je suis prudent. J'ai laissé passer le mo-
ment du danger!

Wilfrid. Tu ne commanderas jamais que l'arrière-garde... Et maintenant en
route pour la capitale!

17) Chœur final

Après un affreux orage
Aussi terrible qu'affreux,
Pur et doux, sans un nuage
Paraît le jour radieux.
Après tant de dures peines
La plus charmante des reines
Est au comble de ses vœux.
Vive Aleli
Et son mari!

O transport! o bonheur! La liberté chérie
Illumine nos fronts de ses rayons divins.
Nous allons vous revoir, amis, parents, patrie
Et de notre retour célébrer le festin.
Nos yeux qui dans la nuit ont versé tant de larmes,
Nos yeux sont éblouis par la clarté du jour.
Vive Aleli, vive Aleli,
Vive Aleli, vive Aleli.

<Aleli.>

O transport, <o bonheur!>
C'est le jour de délivrance.

<Chœur.>

Plus de pleurs, plus d'alarmes

<Aleli.>

O, mon seul ami fidèle,
Devant Dieu qui nous entend
D'une tendresse éternelle
Je fais le serment.

<Chœur.>

Vive Aleli! Vive <Wilfrid>!
Salut jeunesse, amour.

ЛЮДОЕД

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Микоколембо, людоед
Уилфрид, принц
Эстамбардос, его адъютант
Принцесса Алели
Наина, ее наперсница
Альмэ
<**Марина**
Грациэлла
Ирис
Корали
Мега
Аниэла> } пленницы людоеда

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА 1

*(Театр представляет собой — слева крыльцо дома людоеда;
в глубине дерева — справа колодец, скамьи и т. д.)*

Хор пленниц, сидящих на крыльце

1) Хор

1. Когда в потоке алом Встает солнце И вновь начинает свой путь, Мы протягиваем руки вверх. К нашим пальцам вдруг, Наподобие золотых нитей, Пристает свет. Давайте прясть, прясть, прясть, прясть...	2. Сплетаем эти нити, Легкие и незримые, Которые видим лишь из-за их свечения! С каждым днем, однако, Вуаль из этой волшебной ткани Увеличивается и вытягивается. Давайте прясть, прясть, прясть, прясть...
Прясть и продолжать Без отдыха, без передышки Свой непрерывный труд. Скорее закончим Наш бесконечный труд.	Прясть и продолжать Без отдыха, без передышки Свой непрерывный труд. Скорее закончим Наш бесконечный труд.

Да, без отдыха,
Без отдыха и передышки
Прясть и продолжать
Свой непрерывный труд.
Давайте прясть, трудиться.

Да, без отдыха,
Без отдыха и передышки
Прясть и продолжать
Свой непрерывный труд.
Давайте прясть, трудиться.

3. Когда одним прекрасным утром
Наконец в эту вуаль
Сможет облачиться невеста,
Она станет добычей людоеда.
Тогда он вернет нам
Столь долгожданную свободу.
Давайте прясть, прясть, прясть, прясть...
Прясть и продолжать
Без отдыха, без передышки
Свой непрерывный труд.
Скорее закончим
Наш бесконечный труд.
Да, без отдыха,
Без отдыха и передышки
Прясть и продолжать
Свой непрерывный труд.
Давайте прясть, трудиться.

Входит:

Алели. Как? вы еще трудитесь? И эта вуаль час от часу становится все больше!! Это ужасно! Ах! если бы я догадалась об этом раньше, поостереглась бы ставить моему похитителю это первое условие... Но кто мог подумать, что он найдет способ заставить вас спрясть солнечные лучи!

Альмэ. Вам осталось назвать этому гадкому людоеду еще два условия, не так ли, госпожа?

Алели. Так, малышка; и я должна назвать их ему в течение 24 часов. — Но исполнение, вернее, неожиданный успех в исполнении первой просьбы меня совершенно обескуражил. Я вижу, что для Микоколембо нет ничего невозможного — и что мне не ускользнуть от него! Все, чего мне удалось достичь — это сделать вас такими же несчастными, как я сама, ведь он похитил вас только для того, чтобы вы соткали эту вуаль.

Альмэ. Ах, госпожа, успокойтесь: Микок<одембо> похитил бы нас просто для того, чтобы съесть. Такие господа ни в чем себе не отказывают.

Наина. А у тебя решительный характер!

Алели. К чему впадать в отчаяние, если ничего нельзя изменить? — А так можно по крайней мере быть довольным, говоря себе: я умею смиряться!

Альмэ. В самом деле, госпожа. Он хочет на вас жениться! Выходит, он очень любит вас? А они умеют любить, людоеды?

Алели. Почему только я не умерла! Почему он меня тотчас не убил!.. Когда он согласился исполнить эти три желания, поставленные на пути к моей свободе, у меня было появилась надежда!.. Увы, он играл со мною, как кошка с мышкой!

Альмэ. Госпожа... я тут подумала... а что если вы попросите в качестве 2-го условия — освободить всех нас?

Алели. И не думай!.. Эта просьба была бы слишком легка в исполнении — а я ломаю себе голову, чтобы найти что-то такое трудное, такое трудное.

Альмэ. И правильно... но вы же сами говорили, что для Микоколе<мбо> нет ничего невозможного. Тогда — тем более стоит попросить его об этом. — *(Закрывает лицо руками)* Он ведь и нас отнял от родных — мы тоже несчастны — а о женитьбе не заговаривает!

Наина. Как? Ты хотела бы стать людоедкой?

Альмэ. Конечно! будешь по крайней мере хозяйкой в доме... Ах! дорогая принцесса, мы надеемся, мы с огромным усердием трудимся — это правда — но будьте великодушны, попросите у него просто освободить нас.

Все. Ах да, принцесса, попросите, попросите его об этом!

Наина. Как! вы хотите, чтобы моя добрая принцесса пожертвовала собой ради вас?

Все. Ах да, да! Пожертвуйте, пожертвуйте...

Алели. Я подумаю... Но берегитесь... вон идет М<икоколембо>... Я слышу, как звенят его шпоры... Скорее по местам!

Все. Скорее... скорее!

(Они вновь рассаживаются на крыльце — и притворяются, что прядут.)

Алели *(ворча в сторону)*. Был бы он, по крайней мере, не так ужасно уродлив.

СЦЕНА 2

(Входит М<икоколембо>. На голове у него большая шляпа и на плечах накидка.)

Ах-ха! — Ох-хо! Что это вы делаете здесь, сударыни, скажите на милость?

Альмэ. Вы прекрасно видите, сударь, — мы работаем... прядем...

Микоколембо. Прядете? — И как же это вы можете прясть — если солнце только что скрылось за облаком?.. Посмотрите на эту маленькую бесстыдницу! — Но будьте покойны: я собираюсь сделать так, что вам не придется сидеть сложа руки... Выбрав лучших работниц из всех окрестных стран, я буду упрекать себя, если не дам им достаточно работы. — Кроме того — поскольку я желаю — и по причине, которую вы должны оце-

нить, не так ли, моя прекрасная принцесса, — поскольку я желаю, чтобы эта вуаль была соткана как можно скорее, и поскольку солнце светит не во все время суток, — я хочу заменить его лучи электрическим светом, этим чудом физики — и собираюсь им запастись у одного своего друга, который держит лавочку новейших изобретений в соседнем лесу. Вы сможете работать тогда, сударыни, без остановки не только днем, но и ночью. А сейчас — возвращайтесь-ка в дом — вы и так довольно надышались свежим воздухом — а для вас это только развлечение. — Ступайте! — *(Пленницы уходят. К Алели, которая хочет за ними последовать.)* Я говорю это не вам, прекрасная принцесса... Вы знаете, что свободны в любом вашем движении и что для вас у меня нет приказов!

Алели. Свободна в любом движении! Да я не могу отойти от вашего дворца и на пятьдесят шагов, чтобы не наткнуться на невидимую стену, которая меня останавливает самым явным образом!

Микоколембо. А что вы хотели? Маленькие предосторожности необходимы... Когда у тебя есть сокровище — как же его не стеречь? *(Вращает глазами.)*

Алели. Ах, сударь! во имя неба, не вращайте так глазами... Вы говорите, сокровище... Как вы его себе добыли, это... сокровище?

Микоколембо. О, принцесса — со времен Плутона и Прозерпины история полна известными примерами. — Но не будем говорить о политике. Имейте терпение. Оставляю вас наедине с вашими мыслями. Я только хотел вам напомнить, что по истечении 24 часов вы должны назначить мне два других ваших условия — иначе эти условия будут считаться выполненными мной. — Дайте волю своему воображению, принцесса, — я не отступлю ни перед какими трудностями — ни за чем не постою, только бы снискать ваше расположение. — Не я ли, только чтобы понравиться вам, уже отказался от употребления сырого мяса?.. Разве я не проявил деликатность и заботу, похитив вместе с вами вашу подругу Наину — чтобы она развлекала вас? Только не просите от меня, само собой разумеется, ничего предосудительного, ничего, что могло бы помешать мне стать вашим супругом! — Я покидаю вас... вы позволите запечатлеть поцелуй на вашей ручке? Нет? — Что ж! я подожду, наберусь терпения до тех пор, пока вы не соизволите с большей справедливостью оценить мои скромные достоинства... Принцесса! *(Отвешивает глубокий поклон и уходит.)*

СЦЕНА 3

Алели одна.

Уходи, чудовище! — Он еще и насмехается!.. Ах, как я несчастна!! В самом деле, судьба злобно преследует меня... Когда этот Микок<околембо>

украл меня средь бела дня, — я как раз должна была стать супругой нашего старого Короля, Короля 76 лет! Да, увы, я стала бы королевой, несмотря на любовь, которую питала и еще питаю к юному принцу Уилфриду... Муж 76 лет от роду! Это было жестоко — но стать женой людоеда!.. Это страшно, ужасно! — И ни малейшей надежды на спасение! — Этот Микок<околембо> не только людоед... он ужасный некромант! — Ах, мне все ясно, я пропала!

2) Ария <принцессы>

Земля зелена и свежа — и благоуханный лес
Несет свои запахи через долину
И трепещет в лесах... Позлащенная лучами солнца,
Земля пробуждается и улыбается — только не я!
Напрасно зовут меня веселиться... Все гнетет меня.
Навсегда в моем сердце поселилась печаль,
Потому что безжалостная судьба заковала мои юные годы
В тяжелые цепи горького рабства.
Укачиваемая под нежные звуки слабой надежды,
С чистым и ясным сердцем, полным доверия,
Я возносилась к небесам... а оказалась... здесь!

Но как же я глупа! теряю время на жалобы, а надо еще отыскать два условия, которые я должна поставить перед своим тираном. Посмотрим... посмотрим... *(Ритурнель за сценой. Адели поднимает глаза.)* Что я вижу? Боги великие! Быть не может! Неужели я не ошибаюсь? — Это Уилфрид! Да... это он... мой дорогой принц... Он поднял голову — он идет в эту сторону... О, какая радость!.. Но если я останусь здесь — если людоед нас увидит, Уилфрид пропал... Уже не раз этот Микок<околембо> появлялся внезапно, как из-под земли. Я уверена, что он умеет становиться невидимым... Уилфрид приближается — вернемся во дворец — а позже... Я не потеряю его из виду... *(Уходит через крыльцо.)*

СЦЕНА 4

Входит Уилфрид.

(Ритурнель прекращается... чтобы возобновиться впоследствии — перед арией.)

Эстамбардос! Эстамбардос! Не представляю, что могло стрястись с этим животным. Только что, несколько мгновений назад был подле меня... Этот лес весь изрезан маленькими тропками, будто нарочно запутанными — настоящий лабиринт. — А этот несчастный Эстамбардос едва волочит ноги. Он так и не смог расстаться со своим обмундированием, глупец! Почему только я пришел сюда? Вот на этот вопрос я не смог бы ответить — тайный голос подталкивал меня сюда... А в самом деле, почему я предпочитаю одно

место другому? С тех пор, как у меня украли мою дорогую принцессу, 10 дней назад, на моих глазах, на полянке в парке, в $\frac{3}{4}$ часа пополудни, в жутком вихре пыли — в то самое мгновение, когда я говорил ей со смешанным чувством уважения и отчаяния: Госпожа, мой властелин король и ваш будущий супруг — послал меня предупредить вас, что храм подготовлен... с тех пор, как произошло это ужасное и непостижимое событие — я брожу как потерянный. Я поклялся найти мою принцессу — освободить ее ценой всей моей жизни, но как я исполню клятву, ведь я даже не знаю, по какой дороге она ушла... куда ее унесли по воздуху! — В отчаянии — я зову ее — я выкрикиваю ее имя каждому эху, я не боюсь проклятого колдуна, укравшего ее... Ничего! Моя шпага лежит без пользы в ножнах, а сердце млеет в груди. Продолжу, однако, снова говорить со своей возлюбленной. Это утешает меня в горе — и кто знает? Может быть, Алели тоже услышит меня.

3) Куплеты <принца>

Слышишь ли ты, моя красавица,
Эти нежные звуки.
Это я зову тебя,
Ты спишь и я тебя жду.
Сияющая луна
Поднимается в небесах.
Выходи, моя прелестная,
К своему возлюбленному.

Алели повторяет за кулисами куплеты У<илфрида> — они прерываются восклицаниями: Боже! что я слышу У<илфрида>. — Когда она заканчивает, он восклицает: Да, это она, это моя принцесса... Бегу...

СЦЕНА 5

Входит Алели.

<Уилфрид.> Это она! (*Падают к ее ногам.*) Уйдем, моя любимая, чтобы вернуться во дворец.

Алели. Так вы торопитесь вернуть меня обратно Королю.

Уилфрид. Мы отправимся в другое место... К тому же, ваше внезапное исчезновение так поразило его величество, что он при смерти... но бежим, бежим!

Алели. Послушайте, Уилфрид... И не перебивайте меня. Знайте, что я во власти ужасного волшебника, людоеда, который хочет на мне жениться.

Уилфрид. Я убью его!

Алели. Это он прихлопнет вас как муху, если вы не будете благоразумны...

Уилфрид. Еще одна причина, чтобы нам удалиться. (*Пытается увести <?> ee.*)

Алели. Это невозможно... Нас тут же схватят... Могучие чары окружают нас со всех сторон... Признаюсь, я не понимаю, каким образом вы смогли проникнуть сюда, и подозреваю здесь какой-то подвох... Надо быть очень осторожным, У<илфрид>, очень осторожным! — То, что Микоколембо здесь нет, самая настоящая случайность —

Уилфрид. Как вы назвали его?

Алели. Микоколембо!

Уилфрид. Так он людоед?

Алели. Да... до сих пор был им.

Уилфрид. Отлично! Знайте же, что у каждого людоеда, у каждого волшебника есть уязвимое место, и надо только узнать его, открыть — и все его могущество испарится!

Алели. Но как же обнаружить у них это уязвимое место?

Уилфрид. Как? Нет ничего проще... Я знаю одного молодого немецкого профессора <нрзб.>. — Эти существа знают всякую бесполезную всячину, я хотел сказать необыкновенную всячину, все, что почти никому не нужно — я назову ему имя Микоколембо — он откроет мне его тайну — и вскоре вы увидите, как я возвращаюсь, чтобы освободить вас — или погибнуть у ваших ног...

Алели. <2 нрзб.> вы найдете обратную дорогу.

Уилфрид. Так вы думаете, что я не читал сказку про мальчика-с-пальчика... Я помечу дорогу белыми камушками, как он... Ах! (*Хочет ее поцеловать.*)

Алели. У<илфрид>, во имя неба! Будьте благоразумны!

Уилфрид. А я как раз таким и являюсь <нрзб.>: ведь я еду консультироваться с немецким профессором! Чего же больше? — О Алели! Когда я думаю, что через несколько часов, возможно, ведь вы меня любите, не так ли?

Алели. Я люблю вас, У<илфрид>... но ради бога уходите. Мне кажется, я слышу шаги своего тирана.

4) Дуэт

<Уилфрид.>

Так это вы, кого я так люблю,
Я вас нашел, ах, какой восторг!
И душа моя раскрывается
Навстречу надежде на счастье.

<...>

<Алели.>

Так это вы, кого я так люблю,
Я нахожу вас достойным и очень сильным
И душа моя раскрывается
Навстречу надежде на счастье.

Если от тирана, которого я ненавижу,
Меня не освободят ваши усилия,
То я буду молить вас
Освободить меня, убив.
<Уилфрид, Алели.> Вот мы и вместе. Смерть может нас настичь.
Вознесенные потоком счастья,
Мы ни о чем не жалеем, нам нечего бояться
И небо открывается нашим очарованным взглядам.

Уилфрид. Вы дрожите, Алели. Прощайте! до скорой встречи!

СЦЕНА 6

Алели. Да помогут тебе небеса! Ах! теперь, когда я его вновь увидела — я чувствую, что не могу без него жить! — *(Входит Наина.)* Это ты, мой друг? Ты уже знаешь о моем счастье? ты видела Уилфрида.

Наина. Да, госпожа, но не я одна его видела: и объявляю вам, что все пленницы, все наши товарки бегут, любопытные, сюда, чтобы расспросить вас!

(Входят пленницы.)

5) Хор <любопытных>

Хор. Кто это? Кто этот молодой человек?
Это принц? сеньор?
Он нас освободит?
Он красив... полон отваги.
Это принц, конечно...
<Алели.> Да замолчите, ради бога.
Хор. Он победит людоеда,
Он выйдет победителем.
<Алели.> Надежда и страх взволновали мое сердце,
Рука любимого вернет мне счастье.
Хор. Кто он? кто он? Сеньор?
<Алели.> Надежда и страх взволновали мое сердце,
Рука любимого вернет мне счастье.
Хор. Он победит людоеда.
<Алели.> Надежда и страх взволновали мое сердце,
Он выйдет победителем.
Хор. Кто он? Этот юноша?
Это принц? о счастье!
Он нас освободит, он красив.
<Алели.> Это прелестное существо,
Неужели у меня будет такой муж?
<Наина?> Долой гадкого людоеда!
<Хор?> Долой гадкого людоеда!
<Алели.> Надежда и страх взволновали мое сердце,
Потому что рука друга скоро вернет меня к счастью.

Наина. Довольно, довольно... Неужели вы не видите, до какого состояния доводите нашу бедную принцессу? — Хотите погубить нас всех? Ну да, это принц, наш друг, который, может быть, освободит нас... Но если людоед прознает... малейшая неосторожность, о великий Боже! Секрет, известный такому числу женщин, может ли быть сохранен?

Алели. Да, когда дело идет об их головах.

Наина. Это не основание... Ах! вот возвращается Мик<околембо>. — Спасайтесь, прячьтесь... *(Пленницы разбегаются под ритурнель.)*

Алели *(Наине)*. О, Наина, я дрожу.

Наина. Твердость, госпожа, — и спокойствие! подумайте о Уилфриде!

СЦЕНА 7

Входит Микоколембо, с черной сумкой под мышкой.

Микоколембо. Ах! Приятно все же вернуться к своим пенатам даже после короткого отсутствия. — Как! вы здесь, мадам? вы еще не вернулись в дом? Остерегитесь, чтобы вечерняя сырость не потревожила розы и лилии вашего лица... Мой поход увенчался успехом. Я привез с собой целый ворох... *(Принохивается.)* — Так я говорил, что запасаю электрическим светом и что... *(Снова принохивается.)* — Я хочу сказать, что ничто теперь не может помешать... *(Принохивается.)* но черт побери! здесь пахнет человечиной... *(Снова принохивается.)* и... и — чужаком? — Гм, гм! Никто не приходил сюда, пока меня не было?

Наина. Нет, господин людоед... А кому было приходиться?

Микоколембо. Я ведь не у вас спрашиваю, сударыня... *(К Алели.)* Итак, никто не приходил.

Алели. Но... клянусь вам... что...

Микоколембо. Довольно... довольно! *(Снова принохивается и в сторону.)* Однако пахнет чужаком *(принохивается)* мужского рода. Посмотрим, посмотрим... *(Вслух.)* Мадам, разрешите предложить вам руку... полагаю, в доме нам будет лучше. — А вы, сударыня, будьте добры идти впереди нас... *(Принохивается в последний раз.)* Мой нос решительно подсказывает мне кое-что... — *(Вслух.)* Мадам!

(Возвращаются в дом.)

СЦЕНА 8

(Спрятавшиеся пленницы боязливо и потихоньку высовывают головы — затем появляются на сцене.)

Альмэ. Он вернулся... тс! тс!

Другая. Тс... тс...

Альмэ. Тс! Вот сюда... только говорите тихо...

Другая. А он красивый, этот принц... Он ведь туда ушел?

Другая. Да, но я все еще его вижу...

Все. Где... Где?

Другая. Там...

Альмэ. Дайте посмотреть... да нет! Это обезьяна...

Другая. Это птица. Посмотрите на плюмаж на голове.

Альмэ. Говорю вам, это обезьяна... Нет постойте, это человек... только очень уродливый и с саблей. Он идет сюда... Он идет!

Наина (*входит*). Людоед приказал позвать вас. Но что вы здесь делаете?

Альмэ. Мужчина, сестрица, сюда идет мужчина в плюмаже, с саблей и чем-то желтым на плечах — посмотри.

Наина. Боже правый! Да это Эстамбардос, адъютант У<илфрида>.

Альмэ. Кто-кто?

Наина. Не надо, чтобы он нас видел... Спасайтесь, спасайтесь... (*все разбегаются.*)

СЦЕНА 9

Входит Эстамбардос.

Уф! больше не могу идти... кончено! Вот уже два часа ищу я этого чертова принца в этом проклятом лесу. — И хочу пить, да и устал! — Сто раз хотел сбросить с себя этот нелепый наряд, который тянет меня к земле, но как быть с воинской честью? Увы! Сын пирожника, да и сам пирожник, зачем я поддался соблазну носить эполеты во имя отчизны... Будучи адъютантом принца, я обязан следовать за ним повсюду, и вот... попал в переделку! Ох, как же я хочу пить! — как жажду!

б) Ария <Эстамбардоса>

Уф! ну и жарница!	За стакан воды
Я чувствую, что моя сила,	Я отдам все:
Увы, иссякает и покидает меня.	Мой такой красивый шлем,
Господи ты боже мой,	Эполеты и меч.
У меня горит язык.	Силы мои на исходе,
Воды! Кто-то зовет меня? Никого.	И я иду как во сне.

К тому же я трушу,
Все здесь, кажется,
Угрожает моему печальному существованию.
Бедняга Эстамбардос
Сложит свои кости
Вдали от родных мест!

Но что я вижу? Колодец, полный наипрекраснейшей воды — а на краю серебряная чаша... О, безвестный благодетель страждущего человечества, благодарю тебя!.. (*Берет чашу и хочет ее выпить...*)

7) Мелодрама

(Выходит одна из пленниц и делает ему знаки.) — Что такое? Что это значит? Откуда взялась эта болтушка? И что она хочет сказать? — Говорите, сударыня, что вам от меня надо? — *(Пленница делает знаки.)* Я вас не понимаю... *(Выходит Альмэ и тоже подает ему знаки.)* Еще одна? — *(1-я выходит и входит 3-я.)* Третья? — Что все это значит?... *(Пленницы входят, выходят, делают знаки...)* Еще, еще. Вот это да... Так вы смеетесь надо мной? А я хочу пить... *(Подносит чашу к губам.)*

Наина. Не пей! *(Внезапно подносит руки к губам... Она стала немой.)*

Эстамбардос. В чем дело? почему бы не выпить? Отвечайте же! Вы что, онемели? Кажется, я где-то видел это лицо... Признаюсь, я очень хочу пить... *(Пьет. Из колодца раздается пистолетный выстрел... В отчаянии пленницы бросаются друг другу в объятия.)*

Конец мелодрамы

Эстамбардос. Ой! ой! *(роняет чашу.)* Господи! Что-то держит меня за ноги. — Я не могу пошевелиться. — На помощь! на помощь! *(Пленницы делают ему знаки молчать.)* На помощь! я привязан!

СЦЕНА 10

*(Быстрым шагом входит Микоколембо.
Алели следует за ним по пятам.)*

Микоколембо. Ага! Вот кто-то и попался. — Так всегда и бывает *(Вытаскивает Эстамбардоса. Наине.)* А ты, хотевшая предупредить его, теперь стала немой... теперь тебя снова надо учить говорить! *(Эстамбардосу, тряся его за руку.)* Отвечай, ты кто? Откуда взялся? Что ты тут делаешь?

Эстамбардос *(обезумев от ужаса).* Ав-ав-ав-ав-ав...

Микоколембо. Это не ответ — да и не ты потерял дар речи... Отвечай же!

Эстамбардос. Ав-ав-ав-ав-ав...

Микоколембо. Ты разучился говорить? Впрочем, это неважно... *(Ощупывает его.)* Ты достаточно упитан — а поскольку я намерен тебя съесть... У меня уже побежали слюнки.

Эстамбардос. На помощь! На помощь!

Микоколембо. Ага, к молодому человеку вернулась речь... Но долго тебе орать не придется. *(Подносит руку к своему тесаку.)*

Алели. Смилуйтесь! Сеньор! Смилуйтесь над этим несчастным!

Микоколембо. Мадам, к сожалению, вынужден вам отказать... — но чувствую, что небольшой обед пойдет мне на пользу после столь долгого поста. Кроме того, ничто не заставляло этого вояку наносить мне визит... А ну-ка, мой мальчик, давай сюда шею! *(Снова кладет руку на шею.)*

своей тесак. Эст<амбардос> кричит... Все пленницы тоже кричат, переплетая руки между собой.)

Алели. Что ж! послушайте, сеньор... Я решилась... освободите этого несчастного... и я избавляю вас от второго условия, которое вы должны были выполнить.

Микоколембо. Правда, мадам? — Да будет так! — Вы ведь знаете, что я ни за чем не постою, когда речь идет о том, чтобы вам понравиться! Договорились — значит, 2-е условие выполнено? (*Ал<ели> делает движение. Он совершает магический жест над Эст<амбардосом>.*) Давай-ка проваливай вместе со своей саблей — и постарайся больше не попадаться мне под руку!

(Эст<амбардос> испускает радостный крик и убегает.)

Алели. Спасибо, сеньор... но если бы вы еще сообразовали вернуть речь моей подруге.

Микоколембо. Охотно... Если только это будет третьим условием, которое я должен исполнить.

Алели. Сеньор... это не очень-то благородно с вашей стороны...

Наина (*знаками показывает, что она с этим не согласна*).

Микоколембо. Вы видите, принцесса — ваша подруга, кажется, сама убедилась в том, что скромное молчание к лицу женщине. — А теперь, когда я сделал второй шаг к осуществлению цели, к которой устремлены все мои желания, я бы хотел попросить всех этих дам — в ожидании пока я сделаю третий шаг — потому что вы помните, принцесса, что сегодня вы должны сообщить мне ваше последнее условие — я бы хотел попросить всех этих дам отпраздновать это счастливое событие веселой песней. — Я знаю, что они меня в душе ненавидят; но мне довольно и официального веселья: люди куда более великие, чем я, им вполне довольствуются. — Пусть они представят, что я король, совершающий въезд в захваченный город... Вашу руку, мадам.

8) Хор

Слава великому Микоколембо

(Торжественно удаляются.)

Конец 1-го действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(Комната внутри дворца М<икоколембо>, в центре софа — цветы и проч. — мебель, за которой можно укрыться.)

СЦЕНА 1

Алели — в окружении 3-х плен<ниц>.

9) Трио <пленниц>

Прекрасная принцесса,
Эта печаль,
Угнетающая вас,
Должна закончиться.
Будучи стойким,
Исполненным благоразумия,
Он приближается,
Ваш освободитель.

Алели. Я очень признательна вам за сочувствие... но надежда с трудом проникает в мое сердце. — Печаль гнетет меня... и когда я думаю, что не пройдет и часа, как я должна назвать своему тирану свое 3-е условие — я чувствую, что слабею... Я так ничего и не придумала... Ничего! И вуаль закончена, вы говорите!.. Что делает Микок<олемб>о?

Одна из пленниц. — Он спит, госпожа... разве вы не слышите, как он храпит? (*Слышен храп.*)

Алели. О, если бы он никогда не просыпался! Оставьте меня, подруги... мне необходимы одиночество и сосредоточенность.

10) Ария <принцессы>

Тот, кого люблю, далек от меня!
Он готов пролить свою кровь, отдать жизнь,
Чтобы освободить свою печальную подругу,
Для нее, мой друг, сохрани себя.
Без тебя я не смогу жить,
Горе разобьет мне сердце!
Свобода наводит на меня ужас,
Если платой за нее будет твоя смерть.

Уилфрид! У<илфрид>! Где ты теперь? Сможешь ли ты исполнить свое обещание? Увижу ли я тебя? Но — кто идет сюда? — Ах, это ты, моя верная Наина, — моя маленькая немая... Мне кажется, ты встревожена. — Что случилось? (*Наина прикладывает палец к губам и протягивает руку к кулисам...*) Что ты хочешь сказать?.. Там кто-то есть? (*Н<аина> отвечает утвердительным жестом...*) Кто хочет говорить со мной... это он?.. Нет?.. (*Наина идет к кулисам и выводит оттуда Эстамбардоса, переодетого молодой крестьянкой. Лицо его бледно и он весь дрожит.*)

СЦЕНА 2

<**Алели**>. Что? Я ошибаюсь или это адъютант Уилфрида, тот, которого я только что спасла от ярости людоеда?

Эстамбардос (*заикаясь*). Он... он самый... и поверьте, это... это самое б-большое доказательство моей пре- пре- преда- преданности... (*Слышен храп М<икоколембо>.*) О, о боже мой, что, что э... это?

Алели. Это спящий людоед. — Но к чему этот маскарад? Вас послал У<илфрид>?

Эстамбардос. Да, да. Это все для того, чтобы вам... вам передать это письмо... Чи... читайте... быстро! (*снова раздается хrap.*) Ай, я... я убегаю. (*Убегает.*)

Алели. Это какой-то заяц, а не военный... Посмотрим, Наина, скорее посмотрим, что в письме. (*Открывает его и читает вслух.*) Победа, дорогая принцесса! Я держу волка за хвост! Мой друг немецкий профессор обнаружил в своих книжках, что вся сила Микоколембо заключается в золотом волосе, который находится на затылке его отвратительной башки... Если кому-то удастся вырвать этот волос, он превратится просто в ничтожного болвана. — Но как вырвать этот волос? Вот этого немецкий профессор так и не смог мне сказать. — Я кое-что придумал... Только скажите мне, пил ли когда-либо людоед что-то помимо воды... О крови я не говорю, — но будьте с ним любезной, исключительно любезной. Ничему не удивляйтесь и ничем не возмущайтесь. Это необходимо для успешного выполнения моего плана. До скорой встречи! Преданный вам Уилфрид. Как это странно... не правда ли, Наина? И как я дам знать У<илфриду> то, о чем он спрашивает, когда его посланец исчез?

Голос У<илфрида> за сценой. В этом нет необходимости...

Алели (*оборачиваясь*). Кто это говорит?

СЦЕНА 3

Уилфрид (*входит на цыпочках, укутанный в широкий серый плащ*). Это я.

Алели. Вы, принц?

Уилфрид. Тс-с! Это я... Я подозревал, что Эстамбардос наделает глупостей и следовал за ним по пятам... Дорогая принцесса — настал решающий миг... Выслушайте мой план. — Какое-то время я думал вернуться с целой армией и освободить вас силой, но колдун мог применить чары — например, ослепить ее или сам сделаться невидимым, как знать? И тогда я решил... Пьет он что-нибудь кроме воды?

Алели. Вряд ли.

Уилфрид. Это ужасно! Но он все же глуп, этот людоед! — И я решил, что надо вырвать у него этот волос!

Алели. Но как вам это удастся?

Уилфрид. Это мой секрет. (*Достает из-под плаща огромную бутылку <нрзб.>*.) Где бы мне припрятать это? Ах... вот здесь... Но выслушайте мой наказ. Людоеды недоверчивы и подозрительны — как все злодеи. Его подозрения должны быть отведены... вами, принцесса.

Алели. Мною?

Уилфрид. Немного ласки, чуть состройте глазки, улыбочка, зажгите в его круглых рыбьих глазищах свет надежды...

Алели. И это вы, Уилфрид... вы даете мне подобный совет... вы не забыли, что он собирается на мне жениться...

Уилфрид. Черт побери, мы этого не допустим ... Простой, совсем крохотный лучик надежды! Вы же знаете, что цель — подчас — оправдывает средства.

Алели. А если этот лучик, как вы выражаетесь, надежды разожжет в нем...

Уилфрид. Это приведет его в хорошее настроение!

Алели. А потом?

Уилфрид. Он засмеется и станет ухаживать за вами.

Алели. А потом?

Уилфрид. Вы дадите ему легкую пощечину.

Алели. А потом?

Уилфрид. Он почувствует себя расположенным исполнять ваши прихоти.

Алели. А потом?

Уилфрид. Устроив так ловко дело, вы дадите ему выпить вот этой жидкости...

Алели. А потом?

Уилфрид. Вы увидите, что он придет в такое состояние, когда можно будет вырвать у него волос.

Алели. Вы так думаете? Даже если предположить, что ваш план удался, кто будет вырывать этот волос? Что до меня, я никогда не смогу решиться на это. *(Подходит Н<аина> и жестами объясняет, что она может это сделать.)* Ты, Наина...

Уилфрид. Да, да... великолепная идея. Ее он подозревает меньше... Итак, решено?

Алели. По правде сказать, не знаю...

Уилфрид. Ну полно, полно.

11) Комический дуэт в сопровождении храпа

(Наина, наклонившись, прислушивается возле двери.)

Уилфрид. Даже свирепый людоед
Подчас бывает нежным,
Вам, увы, к моему несчастью, это известно.
Пред вашими чарами не устоять,
Воспользуйтесь ими, чтобы поразить его в самое сердце.
Вы согласны?

Алели. О нет, о нет, о нет,
Мне слишком страшно!

Уилфрид. Верный успех задуманного великого предприятия
Зависит от вас, для вас же это только игра.

Алели. Можете говорить об этом сколько угодно,

А в огонь-то придется идти мне одной, без вас.
Дайте мне хоть немного подумать.
А если людоед пустится в нежности,
Если он вдруг, если случайно...

Уилфрид. Я буду рядом, чтобы защитить вас.
Алели. Вы можете не поспеть!

Уилфрид (*произносит*). Он спит. Ничтожество. Еще и храпит.

Алели (*произносит*). Говорите тише. Тихо. Господи! он просыпается...
Мы все погибли...

Уилфрид. Всё должно быть заодно,
Голова, сердце и рука,
А вы ничего не отвечаете.
Ничего?

Алели. Я дрожу.

Уилфрид. Иди сюда, Наина, приди мне на помощь, дитя,
И пусть за неимением слов твой жест, полный мольбы,
Исполнит мужеством твою прекрасную госпожу.

Алели. Если бы речь шла о смерти,
Мне бы его достало...

Уилфрид. Речь идет о победе

Алели. И о хитрости...

Уилфрид. очень мудрой,
Речь прежде всего о том, чтобы изменить вашу судьбу...

Алели. Увы, мой принц, не настаивайте больше.

Уилфрид. Во имя нашей любви, принцесса, одно усилие.

Алели. Ах, на его просьбу
Придется согласиться.
Моя судьба целиком
В его руках.

Уилфрид. На мою нежную просьбу
Она наконец согласилась.
Моя судьба целиком
В ее руках.

Алели. Наина подает нам знаки... Он проснулся... Спасайтесь.

Уилфрид. Не забудьте то, о чем я вам сказал. (*Делает тщетные попытки уйти. — Наина продолжает подавать ему знаки.*)

Алели. Что случилось! Вы не уходите.

Уилфрид. Я не могу... кое-что, что-то невидимое удерживает меня. (*Делает отчаянные попытки.*) Поверить не могу!

Алели. Боги милосердные! мы пропали! Людоед приближается... спрячьтесь, раз уж не можете уйти.

(*У<илфрид> спешно прячется за ширму... Н<аина>, остолбеневшая от ужаса, встает перед ней. Входит людоед.*)

СЦЕНА 4

Микоколембо (*потягиваясь, с хлопковым ночным колпаком на голове*). О-хо-хо! а я неплохо выспался. — (*Замечая Алели, срывает с головы колпак.*) — Ой, простите, принцесса, я не знал, что вы здесь... Вы что-то бледны... Не случилось ли чего?

Алели. Ничего... ничего... Уверю вас (*улыбается ему*).

Микоколембо. Принцесса! вы впервые улыбнулись мне? Должен ли я видеть в этом добрый знак?.. И... (*внезапно оборачивается и принохивается.*) — придумали ли вы третье условие... которое я должен выполнить?

Алели. Да... придумала.

Микоколембо. Ах, в самом деле? (*принохивается*) и что это за условие?

Алели. Это условие... Но послушайте же... Куда вы пошли? (*М<икоколембо> по-прежнему принохивается.*) Оставайтесь подле меня — я этого желаю.

Микоколембо. Прелестная принцесса, я к вашим услугам... (*принохивается.*) Так что вы придумали?

Алели. Послушайте, сеньор — я прекрасно вижу, что должна примириться со своей судьбой... Но облегчите, по крайней мере, мою задачу... (*М<икоколембо> оборачивается.*) Вы хотите мне понравиться?

Микоколембо. Еще бы.

Алели. Хорошо! Я ненавижу рыжие волосы — и совершенно необходимо, чтобы вы их сбрили, все подчистую — волосы и бороду. — Таково мое третье и последнее условие. — Обрейтесь! и я стану вашей женой!

Микоколембо. Сбрить мои волосы! Никогда!

Алели. В таком случае — вы нарушаете свое слово — и я свободна... Ведь в том, о чем я вас прошу, нет ничего предосудительного...

Микоколембо. Это мне виднее... Но позвольте — прежде чем исчерпать этот вопрос... мне нужно прояснить другой... (*Принохиваясь, приближается к мебели...*) Не держите меня... и вы тоже, сударыня (*Наине*). (*Внезапно запускает руку за мебель и вытаскивает оттуда принца...*) А это что за человек?

Алели (*растерянно*). Это... это брадобрей, которому я велела прийти, предвидя... предвидя ваше согласие...

Микоколембо. Ах-ах! Вы так хотели, чтобы я стал красавцем — и так спешили выйти за меня замуж... (*Внезапно раздражается громким смехом.*) Дети мои, решительно я слишком силен для вас и мне жаль вас от всего сердца! Вы хотели посмеяться надо мной — а вы все у меня в лапах. — Я не знаю, что это за существо (*указывая на Уилфрида*), которое пытается в эту минуту придать себе достойный вид... но велите ему, принцесса, немедленно проткнуть меня кинжалом, который он держит у себя за поясом — он даже не сможет вынуть его из ножен...

Ха-ха-ха! Это меня забавляет... очень забавляет. — Он кажется сильным... Из него получится неплохой раб... Я использую его для раздачи пищи моим псам. (*Уил<фриду>*.) О! ты зря стараешься пронзить меня своими негодующими взглядами... Дорогой мой, ты мне смешон!

Алели. Вы не великодушны, Мико...

Микоколембо. Как... как вы сказали, принцесса? (*Оборачивается к ней, в то время как У<илфрид> пытается достать свой кинжал, но это ему не удастся.*)

Алели. Я сказала... Я хочу сказать, что бороться с вами в самом деле бесполезно... и... и я отказываюсь от этого.

Микоколембо. Вы говорите, что отказываетесь... Как я должен это понимать...

Алели. Я отказываюсь — от своего третьего условия.

Микоколембо. И вы решили стать моей женой?

Алели (*отворачиваясь*). Сеньор, не напирайте так на меня... пощадите.

Микоколембо (*хлопая в ладоши*). Bravo! bravo! Вот предел моих мечтаний! Поскольку, каким бы я ни был людоедом, мне известно, что в браке поневоле нет счастья... Дорогая принцесса, позвольте запечатлеть на вашей щеке поцелуй... Вы боитесь моей бороды... Я сбрею ее... но только бороду. — (*Целует ее.*) (*У<илфриду>*) Низкий раб! в твоём присутствии я был удостоен первой ласки от мадам — дарю тебе жизнь — но ты навечно останешься в моей власти... (*У<илфрид> хочет заговорить.*) Молчи, не тревожь моего счастья! Наина, велите вашим подругам принести золотую вуаль, которая должна украсить мою будущую супругу... Я желаю, чтобы свадьба состоялась немедленно. (*Н<аина> выходит. Ходит большими шагами по комнате.*)

Уилфрид (*приблизившись к Алели, тихо*). Что вы наделали?

Алели. А что мне оставалось? Успокойтесь...

Микоколембо (*восседая на софу*). Сударыня, извольте сесть подле меня... Я весь в волнении, думая о счастье, которое нас ожидает! — Только представьте. У нас будет семейство из прелестных людоедиков, очень умненьких, которые своими прелестными зубками будут разгрызать прелестных мышек... хи-хи-хи! Но я слышу, что наши барышни несут вуаль... Они тоже должны быть очень довольны...

12) Марш вуали

(*Марш пленниц — они приносят вуаль...*)

(*Наина возлагает ее на голову Алели...*)

Микоколембо. Боже! как вы прелестны! — Сударыни, через час я отпущу вас на волю!

Пленницы. Да здравствует великий Микоколембо!

Микоколембо. Я не сомневался в вашей признательности.

Альмэ. Сеньор, вы позволите и нам засвидетельствовать ее вам?

Микоколембо. Каким образом?

Альмэ. Пропев вам одну песенку.

Микоколембо. Я не очень люблю музыку — но кажется, таков обычай. —

Давайте... я не против, и мадам это может доставить удовольствие... а чтобы этот верзила (*показывает на Уилфрида*) не болтался здесь без дела — пусть он отгоняет от нас мух этим красивым опахалом из павлиньих перьев. (*У<илфрид> пытается снова вытащить свой кинжал — но ему это не удается, и он довольствуется тем, что обмахивает людоеда.*)

13) Песенка с хором

<Альмэ.>

Послушайте мою песенку,

Живую и прелестную,

<Хор.>

Послушайте песенку,

Что я здесь пою,

Послушайте песенку,

Что я сочиню.

Микоколембо. Очень мило! — Но поскольку мы празднуем нашу свадьбу, я бы хотел знать, милая принцесса, каковы в этом случае обычаи у тех... у тех, кто не людоеды... У нас, в Людоедии, обычно по этому поводу съедают двух-трех толстеньких детишек — но вам это не подойдет — да и сам я, с тех пор как имел счастье познакомиться с вами, чувствую, что отвыкаю от своих привычек... Я становлюсь нежным, романтичным. Я мечтаю о гитаре, о лунном свете...

Алели. Сеньор... у нас, смертных, когда веселятся, то поют, пляшут... выпивают...

Микоколембо. А! — пьют. Воду?

Алели. Нет... кое-что другое.

Микоколембо. Ах да — вино — напиток, который, кажется, заставляет делать столько глупостей — я его никогда не пробовал, да и не хочу пробовать.

Алели. Можно было бы выпить еще... кое-что.

Микоколембо. Да? А пока я не прочь посмотреть, как трясут крыльями эти барышни... Начинай, Наина, и коль петь ты больше не можешь, танцуй. (*Н<аина> колеблется.*)

Алели (*тихо*). Наина, умоляю тебя (*Н<аина> кланяется и направляется, чтобы стать во главе хоровода подруг.*)

14) Хоровод

Алели (*делает знак У<илфриду> и просит наполнить кубок шампанским*).

А теперь, сеньор, не хотите ли отведать этого напитка... чтобы приобщиться к нашим обычаям.

Микоколембо. А ну-ка... пахнет хорошо. Это не вино.

Алели. Как вам сказать, сеньор, это... это...

Уилфрид (*склоняет его*). Это Редерер «Карт бланш», пришедший из России... напиток столь же безобидный, сколь благотворный.

Микоколембо. Ах-ах... Не вы ли, брадобрей, и принесли его, этот напиток? Но если в нем окажется яд, не в обиду вам будь сказано... Вам конец... обоим. У меня тут на пальце рубин — стоит мне только направить его лучи в эту чашу, и в случае если туда подмешан яд, весь свет рубина тотчас помутнеет... (*Проверяет.*) Но нет — вспыхнул еще ярче... Так что я могу пить без опаски. — (*Пьет.*) О!.. (*Пьет еще.*) О! О! (*Пьет.*) О! О! О! что за нектар! Как это вы там назвали его? Ре... Руа...

Уилфрид. Редерер, ваша светлость!

Микоколембо. Этот нектар заслуживает более красивого названия. Он почти так же нежен, как ваши взгляды, принцесса! Скорее вторую чашу (*Пьет.*) О! (*Пьет.*) О-о!

Алели. Сеньор — согласно обычаю — у нас, когда пьют, провозглашают здоровье кого-нибудь... и поют песню.

Микоколембо. Вот и прекрасно! Третью чашу, пожалуйста... Я собираюсь выпить за здоровье того, кто должен быть вам особенно дорог... (*Поднимает чашу.*) в любом виде. За мое здоровье — за мое собственное здоровье.

Все. Да здравствует великий М<икоколемб>о!

Микоколембо. Что до песни... то, к сожалению, голос у меня не больше, чем у лягушки. — Ну и что же... У этого раба, этого брадобрея... я уверен, великолепный голос... Только я сильно сомневаюсь... хи-хи-хи, что в его положении... ложном положении... в котором он находится, он будет в состоянии петь...

Уилфрид. Вот и ошибаетесь, сеньор... я собираюсь вам доказать своей песней, что у человека есть основания петь и пить и в счастье и в горести.

Микоколембо. А он дерзкий, этот парикмахер... мне это нравится... Наина — налей ему этого Ре... словом, этого нектара, не слишком много... Я хочу все оставить себе. Начинай! Забавно, в ушах звенит... Еще одну чашу... Алели, у вас самые красивые в мире глаза... Я чувствую себя совершенно — не знаю, как... Алели, ты любишь меня?

Алели. Сеньор.

Микоколембо. Раб, давай музыку! Предупреждаю тебя, что я тоже хочу петь — только припев... (*Пьет.*)

15) Застольная

1. Когда посреди осени
Солнце светит
С самой высоты,

2. Когда дорога темна,
Когда гаснет во тьме
Последний луч,

Как играет вино,
Как сверкает в чаше
Веселым блеском.
Когда судьба,
Убранная цветами,
Весело улыбается нам,
Будем пить вволю.
Да, будем пить без усталы,
Потому что это сладкое опьянение
Придает победный вид
Счастью. Ах!

Надо смеяться и пить.
Чем чернее ночь,
Тем лучше вино.
Несмотря на гром,
Полные чаши нальем,
Это в печали
Божественный напиток,
Потому что его белая пена
Снимает горечь,
Смягчает остроту
Боли. Ах!

Микоколембо. Недурно, недурно... Но вернись к своему опахалу... Прекрасная Алели, я обожаю вас — я хотел бы сказать вам это — но я, однако, чувствую... как сладкая истома разливается по моим жилам. Думаю, мне стоит... немного вздремнуть. Забавно, не правда ли... Но это оттого, что у меня нет привычки... Этот нектар... на самом деле... восхитителен... как вы. Я повторяюсь, но это все равно... Раб... обмахивай меня — а вы... прин... принцесса... (*Засыпает.*)

Алели (*подает знак... Пленницы начинают петь колыбельную*).

16) Колыбельная

(с закрытым ртом)

Микоколембо. Ах да... очень хорошо... очень приятно. (*Снова засыпает. У<илфрид> продолжает обмахивать его опахалом. М<икоколембо> храпит.*)

Алели (*Наине*). Н<аина>, вот та самая минута — я бы никогда не смогла... (*Н<аина> подходит. — Немая сцена. — Звучит колыбельная... Людоед шевелит головой. — Ужас. Н<аина> склоняется над ним, не находит волоса — наконец замечает его, вырывает и вскрикивает: Вот он! Удар там-тама!*)

Микоколембо (*внезапно просыпается*). Что такое?

Уилфрид (*бросает опахало и склоняется над ним с кинжалом в руке*).
Если ты шевельнешься, негодяй...

Микоколембо. Раб...

Уилфрид. Если шевельнешься, умрешь. — Нет у тебя больше твоего волоса! Ты слышишь... у тебя вырвали твой золотой волос — и ты в нашей власти!

Наина. Да! и я обрела голос. Ура!

Все. Ура... Bravo!

Эстамбардос (*устремляясь в комнату переодетый крестьянкой, с саблей в руке и шлемом на голове*). Победа! Победа! я привел подмогу! — За мной вся армия — и (*У<илфриду>*) вот телеграмма, возвещающая вам, что старый король умер — и что вы были избраны его преемником единогласно плюс еще 4 голоса!

Все. Bravo! Да здравствует король Уилфрид!

Альмэ. Но, господин король, почему же вы не убиваете этого гадкого людоеда, которого держите под ножом?

Алели. Нет, Уилфрид — отпустите его. Он стал безобидным — мы сделаем из него великолепного посыльного. Но что я говорю? Вы, король, захотите ли от простой подданной...

Уилфрид. Принцесса, мое новое положение не изменило моих чувств — и я могу существовать только рядом с вами... (*обернувшись к пленницам.*) Да здравствует королева Алели!

Все. Да здравствует королева Алели!

Уилфрид (*Наине*). Наша освободительница никогда не покинет нас, не так ли? (*Эст<амбардосу>*) Что до тебя, я сделаю тебя генералом... хотя ты и пришел мне на помощь слишком поздно.

Эстамбардос (*горделиво*). Сир! Я осмотрителен. Я ждал, пока минует опасность!

Уилфрид. Ты всегда будешь командовать лишь арьергардом... А теперь вперед на столицу!

17) Финальный хор

После ужасной грозы,
Столь же страшной, как и ужасной,
Чистый и нежный, без единого облачка
Наступает сияющий день.
После стольких тяжелых испытаний
Самая прекрасная из королев
Чувствует себя наверху блаженства.
Да здравствует Алели
И ее супруг!

О восторг! о счастье! Возлюбленная свобода
Запечатлевает на нашем челе божественные лучи.
Мы вновь увидим вас, друзья, родные, отчизна,
И отпразднуем наше возвращение.
Наши глаза в ночи пролили столько слез,
Наши глаза ослепли от дневного света.
Да здравствует Алели, да здравствует Алели,
Да здравствует Алели, да здравствует Алели.

<Алели.>

О восторг, о счастье!
Это день освобождения.

<Хор.>

Не будет больше слез, не будет тревог.

<Алели.>

О мой единственный верный друг,
Перед Господом, который слышит нас,
В вечной нежности
Клянусь тебе.

<Хор.>

Да здравствует Алели! Да здравствует <Уилфрид>!
Привет вам, молодость, любовь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОГРЕ

Toujours en quête de beaux yeux
Dans l'univers errait Joconde,
Cherchant un plat délicieux.
J'ai comme lui connu le monde.
De tout il me fallut goûter
Non, non, y a pas mèche!
J'aime mieux la chair fraîche.

Qu'on vante l'olla podrida
De Madrid jusqu'à Seville,
Et de Naples à Pracida
Le doux Macaroni qui file,
Au pays fameux du Shooting
Que l'on célèbre le pudding.

Allez en France, disait-on,
C'est la cuisine sans rivale,
Tout est parfait, le miroton,
Et le chaud-froid et la timbale.
Ma foi, tout m'y semblait fort bon,
Fort bon, fort bon, fort... Mais non,
Mille fois non, y a pas mèche!
J'aime mieux la chair fraîche.

Перевод

АРИЯ ЛЮДОЕДА

Всю жизнь понапрасну
Бродил по миру брат Жоконд,
Ища наилучшее из блюд.
Как и он, я познал мир.
Мне нужно было все изведать.
Нет, нет, все бесполезно!
Я предпочитаю человечину.

Пусть гордятся олла-потридой
От Севильи до Мадрида,
И от Неаполя до Прасиды
Нежными тянущимися макаронами,
А в знаменитой стране стрелков
Пусть прославляют пудинг.

Говорили, поезжайте во Францию,
Страну бесподобной кухни,
Все здесь превосходно, миротон,
И шофруа и тимбаль.
Ей-богу, все мне нравится здесь,
Очень даже, очень даже, очень... Но нет,
Тысячу раз нет, все бесполезно!
Я предпочитаю человечину.

Печатается по партитуре П. Виардо: Houghton Library. MS Mus 264 (167). См. также: *V-Cah.5. F. 7 v-8 r* (вторая серия — seq. 92–93).

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА¹

Автографы Тургенева

T-Livret — черновой автограф в виде несброшированной тетради на 10 двойных листах большого формата с авторской постраничной нумерацией в верхнем углу. Хранится: Houghton Library. MS Mus 264 (89).

Пометы (нумерация страниц по паг. Тургенева):

- 1) с. 1 — в верхнем правом углу: «*Она воняет. / кислой на щи <?> / капустой*».
- 2) с. 11 — на полях внизу листа, после окончания первого действия, перечень музыкальных номеров для всей оперетты, где, по всей вероятности, условные обозначения указывают на степень готовности номера: «x» — законченный номер; «o» — еще не готовый; «=» — музыкальный номер (без слов).

Musique du 1 ^r Acte:		Musique du 2 ^d Acte:	
	_____	x	9.) Trio
x	1.) Chœur	x	10.) Air
	2.) Air		11.) Duo
	o		o
x	3.) Couplets	=	12.) Marche
	—		=
	4.) Duo		13.) Chansonnette
	o		avec chœurs
	5.) Chœur		o
	o		
x	6.) Air	=	14.) Danse
			=
=	7.) Mélodrame	x	15.) Chanson à boire
	=		
x	8.) Chœur	=	16.) Berceuse
			=
	_____	x	17.) Chœur final

3) с. 13 — на полях в правом верхнем углу карандашом (действие 2, сцена 2) список учениц Полины Виардо, очевидно членов хора: «*les 2 Schlö<man?> <Mathilde> Anna / <Charlotte> Valentin / <Anna> Busse / <Cora> Fehrman / <Elise> Hummler / <Anna> Boom*».

T-Vers — тетрадь с перечнем музыкальных номеров, озаглавленная: «*Cahier des vers pour la 3-me opérette*» («Тетрадь стихов для 3-й оперетты») и содержащая отдельные фрагменты и черновые наброски 17 номеров (№ 1–17). Хранится: *BN. Slave 75. F. 57 г–64 v.* Впервые опубликовано: *ПССУП(2). Соч. Т. 12. С. 486–489* (в составе «Подготовительных материалов»).

T-Vers2 — черновой автограф музыкальных номеров № 2, 4 и 11 на двух листах большого формата. Хранится: *BN. Slave 75. F. 136 г–137 v.* Впервые опубликовано (не полностью): *ПССУП(2). Соч. Т. 12. С. 489–493.*

¹ Большинство перечисленных ниже рукописных материалов ныне доступно в интернете: материалы Национальной библиотеки Франции — на сайте Gallica: <http://gallica.bnf.fr/?&lang=FR>; материалы Хоутонской библиотеки — через сайт поиска библиотек Гарвардского университета: <http://oasis.lib.harvard.edu/oasis/deliver/~hou00141> (Ms Mus 232) и <http://oasis.lib.harvard.edu/oasis/deliver/~hou01978> (Ms Mus 264).

T-Mic — роль Микоколембо (под заглавием: «Rôle de Micosolembo») на четырех листах большого формата. Хранится: *BN. Slave 75. F. 40 r–46 v*. Впервые опубликовано: *ПССУП(2). Соч.* Т. 12. С. 118–125.

Автографы Полины Виардо

V-Cah.1 — записная тетрадь. На заглавном листе в верхнем правом углу дата и место начала заполнения тетради: «15 avril 1866. Baden-Baden» («15 апреля 1866. Баден-Баден»). Хранится: Houghton Library. MS Mus 264 (214).

V-Cah.2 — записная тетрадь. Хранится: Houghton Library. MS Mus 232 (61).

V-Cah.3 — записная тетрадь. На обороте свободного листа переднего форзаца дата и место начала заполнения тетради: «Bade 1868» («Баден 1868»). Хранится: Houghton Library. MS Mus 264 (166).

V-Cah.4 — записная тетрадь. На обороте свободного листа переднего форзаца карандашом дата начала заполнения тетради: «mai 1868» («май 1868»); здесь же чернилами: «L'Ogre» («Людоед») и карандашом «Conte de fées. 3-me opérette» («Волшебная сказка. 3-я оперетта»). Хранится: Houghton Library. MS Mus 264 (213).

V-Cah.5 — записная тетрадь. Хранится: Houghton Library. MS Mus 264 (107).

V-Cah.6 — партитура арии Людоеда. Хранится: Houghton Library. MS Mus 264 (167).

Печатные источники

O-Progr — печатный экземпляр программы представления «Людоеда», состоявшегося 17 октября н. ст. 1868 г. в театре Тиргартена на вилле Тургенева в Баден-Бадене. По *O-Progr* восстанавливаются имена узниц Людоеда, поскольку в *T-Livret* указаны только имена Наины и Альмэ (имена остальных узниц обозначены точкой). Хранится: Houghton Library. MS Mus 264 (89), вместе с *T-Livret*. Воспроизведено: наст. изд. С. 279.

V-Fileuses — Chœur des Fileuses (Extrait de L'Ogre, conte fantastique en 3 <sic!> tableaux). Paroles de Ivan Tourguéneff. Musique de Pauline Viardot (Хор прядильщиц (Отрывок из «Людоеда», волшебной сказки в 3 картинах). Слова Ивана Тургенева. Музыка Полины Виардо). Paris: Miran, [1905]. 8 p.

Музыкальные номера восстанавливаются по следующим источникам:

1. **Chœur <des prisonnières>** (Хор <пленниц>) (действие 1, сцена 1): *V-Fileuses* (текст и музыка).
2. **Air <de la princesse>** (Ария <принцессы>) (действие 1, сцена 3): *T-Vers2*. F. 137 v (текст); автограф представляет собой черновой набросок. Набросков музыки обнаружить не удалось. Впервые опубликовано: *ПССУП(2). Соч.* Т. 12. С. 489, с разночтениями.
3. **Couplets <du prince>** (Куплеты <принца>) (действие 1, сцена 4): *V-Cah.1*. F. 44 v–46 r (текст и музыка). Черновой вариант текста см.: *T-Vers*. F. 59 г.; впервые опубликовано: *ПССУП(2). Соч.* Т. 12. С. 486.

4. **Duo** (Дуэт) (действие 1, сцена 5): первая часть (строфы 1–3) — *V-Cah.2*. F. 39 г; вторая часть (дуэт) — *V-Cah.3*. F. 6 v (текст и музыка).
5. **Chœur <des questionneuses>** (Хор <любопытных>) (действие 1, сцена 6): *V-Cah.3*. F. 3 г–7 v (2-я нумерация: seq. 91–100) (текст и музыка). В *T-Vers* (F. 60) находится черновой вариант этого номера под заглавием «Chœur des questionneuses en Alexandrins» («Хор любопытных александрийскими стихами»); впервые опубликовано: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 12. С. 487, 494–495.
6. **Air d'Estambardos** (Ария Эстамбардоса) (действие 1, сцена 9): *V-Cah.3*, форзац; *V-Cah.4*. F. 5 г–7 г (текст и музыка).
7. **Mélodrame** (Мелодрама) (действие 1, сцена 9): *V-Cah.3*. F. 11 v–12 г; 16 г–17 г (музыка).
8. **Chœur. Gloire au grand Micocolembo** (Хор. Слава великому Микоколембо): *T-Vers*. F. 61 г (название), где записано: «№ 8 / Chœur final du 1-г Acte / Gloire au grande Micocolembo!». Ни набросков текста, ни набросков музыки обнаружить не удалось.
9. **Trio <des prisonnières>** (Трио <пленниц>) (действие 2, сцена 1): *V-Cah.4*. F. 3 v–4 г, 8 г–9 г (текст и музыка).
10. **Air de la princesse** (Ария принцессы) (действие 2, сцена 1): *V-Cah.3*. F. 5 г–5 v; 13 v–14 v; 15 г–15 v (текст и музыка).
11. **Duo comique avec accompagnement de ronflements** (Комический дуэт в сопровождении храпа) (действие 2, сцена 3): *V-Cah.3*. F. 20 v–31 г (текст и музыка), где содержится самый разработанный вариант музыки дуэта. Текст представляет собой позднюю редакцию, поскольку имя Принца в нем уже заменено на Сафира. Автограф содержит ряд (преимущественно незначительных) вариантов — как музыкальных, так и текстуальных (см. в тексте).
12. **Marche voile** (Марш вуали) (действие 2, сцена 4): *V-Cah.4*. F. 1 г–1 v (музыка).
13. **Chansonette avec chœur** (Песенка с хором) (действие 2, сцена 4): *V-Cah.2*. F. 37 г (текст и музыка).
14. **Danse en rond** (Хоровод) (действие 2, сцена 4): *V-Cah.4*. F. 1 v (музыка).
15. **Chanson à boire** (Застольная) (действие 2, сцена 4): *V-Cah.3*. F. 18 v–19 г (текст и музыка).
16. **Berceuse** (Колыбельная) (действие 2, сцена 4): *V-Cah.3*. F. 34 v–35 г; см. также f. 33 v–34 г (музыка).
17. **Chœur final** (Заключительный хор) (действие 2, сцена 4): первая строфа (Après un affreux orage ~ Et son mari!) — *V-Cah.3*. F. 32 г (музыка); *T-Vers*. F. 64 v (текст; впервые опубликовано: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 12. С. 489); вторая часть — *V-Cah.3*. F. 39 г–41 v (текст и музыка).

Когда начались репетиции новой оперетты, для каждого из действующих лиц была изготовлена отдельная «партия», по которой изучалась роль. До приобретения Хоутонской библиотекой Гарвардского университета материалов из наследия Полины Виардо, принадлежавших ранее австралийской певице Джоан Сазерленд, единственными известными рукописями, относящимися к третьей баденской оперетте «L'Ogre» («Людоед»), являлись рукопись партии Людоеда (которую исполнял сам Тургенев) (*T-Mic*) и тетрадь с фрагментами текстов, предназначавшихся для пе-

ния (*T-Vers*). Хотя все новые хоутонские материалы следует считать черновыми, на их основе стало возможным реконструировать почти полный текст оперетты на этапе, близком к тексту окончательной редакции, в которой произведение исполнялось на баденской вилле Тургенева в мае 1868 г.

Самым важным источником является непереpletенная тетрадь (сверток листов) с текстом либретто (*T-Livret*), представляющая собой черновик с обильной правкой. Содержащийся в *T-Livret* текст отличается от окончательной редакции, на что указывает уже то обстоятельство, что Принц здесь носит имя Уилфрида (Wilfrid). Как видно из печатной программы представления, состоявшегося 17 октября н. ст. 1868 г., экземпляр которой присоединен к хоутонской тетради (*O-Progr*), в окончательной редакции Принц стал именоваться более «благородно» — Сафиром (Saphir). Кроме того, бросаются в глаза различия между репликами Людоеда в черновой рукописи и в рукописи отдельной роли (*T-Mic*). Различия в основном несущественны; есть некоторые сокращения и упрощения.

В настоящей публикации основной текст «Людоеда» печатается по окончательному слою *T-Livret*, преимущественно без вариантов, за исключением роли Людоеда, для которой под строкой приводятся варианты по *T-Mic*, а также варианты прочтения, отличные от публикации в *ПССУП(2)*. Соч. Однако, поскольку в *T-Mic* нередко опускаются сценические ремарки, их отсутствие особо не оговаривается. Имена, обозначающие действующих лиц, произносящих ту или иную реплику, раскрываются полностью без оговорок (в рукописи они чаще всего даны в сокращении). Под строкой приводятся также отдельные варианты музыкальных номеров (с указанием на источник).

К сожалению, в *T-Livret* отсутствуют тексты номеров, предназначенных для пения. Их наличие обозначено отсылками к так называемой «Cahier des vers» («Тетради стихов») следующим образом: «Voyez dans le / Voir au Cahier des vers» («Смотри в Тетради стихов»). В Национальной библиотеке Франции находится тетрадь под названием «Cahier des vers pour la 3-me opérette» (*T-Vers*), однако в ней содержатся лишь черновики или наброски. Скорее всего, после завершения работы Тургенева над этими текстами рукописи их были переданы Полине Виардо для того, чтобы она сочинила на них музыку, и могут находиться в не доступной нам части архива певицы. Кроме того, в составе конволюта Slave 75 имеются два листа с черновыми рукописями трех номеров (№ 2, 4 и 11) оперетты (*T-Vers2*).

Среди хоутонских материалов хранится немалое количество записных тетрадей П. Виардо небольшого формата, в которых она на протяжении всей жизни набрасывала свои музыкальные сочинения. В целом ряде тетрадей (датированных преимущественно 1866–1868 гг.²) находятся рукописи, относящиеся к «Людоеду». Это в основном черновые автографы, но на их основе удалось восстановить тексты и начала мелодий почти всех номеров оперетты (см. выше перечень автографов П. Виардо).

Кроме того, первый номер оперетты, так называемый «Chœur des Fileuses» («Хор прядильщиц»), был издан много лет спустя — в 1905 г. Текст хора в настоящей публикации приводится по этому источнику.

---

² Дата обозначает, когда Виардо начала использовать ту или иную тетрадь; некоторые тетради использовались ею длительное время.

Необходимо также отметить, что в составленном А. Звигильским библиографическом списке рукописей, хранящихся во французских архивах и преимущественно принадлежащих потомкам семьи Полины Виардо, указаны партитуры и либретто двух оперетт — «Последнего колдуна» и «Людоеда», которые находились в тогдашнем архиве семьи Ле Сен (Le Cesne).³ Материалы, относящиеся к «Последнему колдуну», в настоящее время находятся в Хоутонской библиотеке (MS Mus 232 (52)). Судьба материалов, относящихся к «Людоеду», неизвестна.

---

³ *Nouv corr inéd.* Т. 2. Р. 133.

LE WHIST

Ранняя редакция*

Joueurs: 1, 2, 3, 4.

Chœur (*tutti*).

Allons amis! Le whist nous attend, nous appelle,
Le whist, ce passe-temps des dieux!
Et puisse enfin la fortune rebelle
Sourire à nos efforts heureux.

(On s'assied.)

- 1.) Allons! pas un atout! Je vois, ça recommence!
2.) Des basses cartes plein la main!
3.) Je n'ai jamais aucune chance.
1.) Vit-on jamais un jeu plus nul et plus vilain?
4.) Hum! Hum!
1. 2. 3.) Si vous parlez, nous finirons demain!
1.) Quoi? vous ne savez pas répondre à mon invite?
3.) J'avais une fourchette!
1.) Allez-vous promener
Avec votre fourchette!
2.) Oh monsieur, pas si vite!
1.) Mais c'est tout bonnement à se faire damner.

---

* Восстанавливается по беловому автографу Тургенева (см. ниже Источники текста). Под строкой приводится позднейшая карандашная правка, внесенная в текст большей частью рукой П. Виардо.

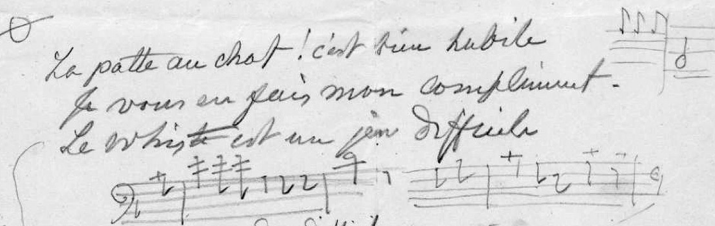
Tutti
 (après une pause)

de whist à la campagne
 Et toujours un peu brusqué -
 mais Et qu'on parle ou qu'on parle
 On s'est bien amusé!

La patte au chat! c'est bien habile
 Je vous en fais mon compliment -

Le whist est un jeu difficile
 qui demande ^{qui demande} beaucoup de jugement
 Perdre le triple! au whist saluez le maintenant
 Chaque faute toujours brasse son châtiment -

Ah mon cher calmez votre bile
 Le whist est un jeu difficile

Либретто оперетты «Партия в вист». Беловой автограф.
 Последняя страница с вставкой карандашом рукой П. Виардо

- 2.) Le valet était maître!
- 3.) Il a pu l'oublier!¹
- 2.) Quand l'atout c'est du rouge,
Moi, j'ai mon jeu tout noir!
- 3.) Moi, je l'ai toujours rouge,
Quand l'atout c'est du noir!
- 1.) Et moi-z-aussi!
- 4.) (*parlant*) Et moi-z-aussi!
1. 2. 3.) Jamais rien ne m'a réussi!!
- 1.) Jouer un singleton! Mais c'est de la folie!
- 3.) Avec ce sot jeu que voilà
Moi je défie, oui, je défie
Qu'on fasse faire un point! Je ne dis que cela!
- 4.) Hum! Hum!
1. 2. 3.) Ah! taisez-vous! Quel bavard est-ce là?
- 1.) Nous avons perdu la levée
Tout en ayant quatre d'honneur!
Il fallait jouer cœur... la chose était aisée...
- 3.) Mais...
- 1.) Ne répliquez pas!
- 3.) (*criant*) Je n'avais pas de cœur!
- 1.) Ce n'est pas une excuse!
- 3.) Pourtant...
1. 2.) C'est bien! c'est entendu!
- 3.) Mais puisque l'on m'accuse!
1. 2. <4>².) Parler au whist est défendu!
- (*Une pause.*)
- 3.) Quoi? rien! et toujours rien!
- 1.) Rien!
- 2.) Rien!
1. 2. 3.) Rien! Rien!
- 4.) (*parlant*) Sept de carreaux!
- 2.) La belle affaire!
- C'est le jeu de votre adversaire!
- 4.) Hum! Hum!

¹ Реплики игроков 1, 2, 3 Mais c'est tout ~ l'oublier! обведены слева карандашом и перенесены ниже, после реплики Jamais rien ne m'a réussi!!

² В автографе ошибочно: 3

- 2.) Vous voulez perdre alors? Allez! C'est bien!
Et vous faites atout?
1. et 3) Atout?³
- 4.) Hum! Hum!
- 2.) Que diable!⁴
1. 2. 3.) Mais c'est épouvantable!
Vous ne comptez donc pas?
- 2.) Vous oubliez mon neuf! Et vous coupez mon as!⁵
- Tutti.** Non,⁶ c'est insupportable!
Et toujours à recommencer!
A ce jeu détestable
Il faudra se renoncer!
- (On se lève.)*
- 1.) Vous me devez cinq sous!
- 2.) J'attendrai pour payer.

Tutti

(après une pause)

Le whist à la campagne
Est toujours un peu bousculé...
Et⁷ qu'on perde ou qu'on gagne
On s'est bien engueulé!

³ Фрагмент: 4.) (*parlant*) Sept de carreaux! ~ 1. et 3) Atout? *зачеркнут крест-накрест карандашом. Слева на полях рукой П. Виардо карандашом 1-я помета «La patte au chat», означающая вставку 1-й части фрагмента, записанного ею на л. 2 (см. ниже).*

⁴ Далее, согласно партитуре и указанной выше помете, помещается 1-я часть фрагмента, записанного П. Виардо: <1.> La patte au chat! c'est bien habile. / Je vous en fait mon compliment. / Le whist est un jeu difficile / Qui demande du jugement (Перебор! ловко получилось. / Поздравляю. / Вист — игра трудная, / Которая требует разума).

⁵ Далее на полях справа 2-я помета «La patte au chat», означающая вставку 2-й части фрагмента, записанного П. Виардо: <4.> Perdre le triple! au whist sachez-le maintenant / Chaque faute toujours trouve son châtement. / Ah, mon cher, calmez votre bile. / Le whist est un jeu difficile (Проиграть при трех очках! в висте, знайте, / Каждая ошибка строго наказывается. / Ах, любезный, успокойтесь. / Вист — игра трудная).

⁶ Non | Ah

⁷ Et | Mais

ВИСТ

Игроки: 1, 2, 3, 4.

Хор (все).

Начнемте, друзья! Нас ожидает, призывает вист,
Вист, это времяпрепровождение богов!
И пусть мятежное счастье наконец
Улыбнется нашим упорным стараниям.

(Рассаживаются.)

- 1.) Ну вот! ни одного козыря! Я вижу, опять все то же!
2.) На руках одна мелочь!
3.) Мне никогда не везет.
1.) Никогда еще не видел более ничтожной и дрянной сдачи!
4.) Гм! Гм!
1. 2. 3.) Если будете разговаривать, мы закончим только завтра!
1.) Что? не знаете, как продолжить?
3.) У меня была вилка!
1.) Подите к черту
С вашей вилкой!
2.) О, не спешите, сударь!
1.) Да тут попросту проклянешь себя.
2.) Валет был старшим!
3.) Он мог забыть!
2.) Когда выпадают красные козыри,
У меня на руках одни черные!
3.) А у меня всегда одни красные,
Когда козыри черные!
1.) И у меня так же!
4.) (говорит) И у меня так же!
1. 2. 3.) Мне никогда не везет!!
1.) Ходить с синглтона! Да это безумие!
3.) При такой дурацкой сдаче
Я ручаюсь, да, ручаюсь,
Что нельзя будет записать ни одного очка! Вот все, что я могу
сказать!
4.) Гм! Гм!
1. 2. 3.) Ах! замолчите! Что за болтун!
1.) Мы проиграли взятку,

- Хотя у нас было четыре онера!
Надо было ходить с червей... дело было бы просто...
3.) Но...
- 1.) Не возражайте!
3.) (*крича*) У меня не было червей!
1.) Это не оправдание!
3.) Однако...
1. 2.) Хорошо! договорились!
3.) Но ведь меня обвиняют!
1. 2. <4>.) Говорить в висте запрещено!
(*Пауза.*)
- 3.) Что? ничего! и опять ничего!
1.) Ничего!
2.) Ничего!
1. 2. 3.) Ничего! Ничего!
4.) (*говорит*) Семерка бубен!
2.) Хорошенькое дельце!
Вы подыгрываете своему противнику!
4.) Гм! Гм!
2.) Вы хотите проиграть? Тогда вперед! Отлично!
Вы козыряете?
1. и 3.) Козыряем?
4.) Гм! Гм!
2.) Черт побери!
1. 2. 3.) Это чудовищно!
Да вы не считаете карты?
2.) Вы забыли про мою девятку! И бьете козырем моего туза!
Все. Нет, это просто нестерпимо!
И каждый раз начинать сначала!
Пора отказаться
От этой проклятой игры!
(*Встают из-за стола.*)
- 1.) Вы мне должны пять су!
2.) Я подожду с оплатой.

Все

(*после паузы*)

Вист в деревне
Всегда немного сумбурный...
Хоть выиграл, хоть проиграл,
Зато отлично поругались!

LA PARTIE DE WHIST

Окончательная редакция*

pour 4 joueurs

*(On bat les cartes, coupe et sert.)
(Ils ne sont pas contents de leurs cartes.)
(Ils jouent.)*

- 4.) Allons, pas un atout!
Je vois, ça recommence!
- 3.) De basses cartes plein la main.
- 4.) Je n'ai jamais aucune chance!
- 1.) (*maussade*) Vit-on jamais un jeu
Plus nul et plus vilain!
- 3.) (*parlé*) Hum! hum!
1. 2. 4.) Si vous parlez, nous finirons demain.
(Ils jouent.)
- 1.) (*plaintif*) Quand l'atout tourne rouge,
J'ai le jeu tout noir.
- 2.) Moi, je l'ai toujours rouge
Quand l'atout tourne noir.
1. 2.) Toujours ainsi.
Jamais rien ne m'a réussi.
(Ils jouent.)

---

* Восстанавливается по партитуре П. Виардо (см. ниже Источники текста).

- 3.) (*nerveux*)   Quoi, vous ne savez pas
Répondre à mon invite?
- 2.)   J'avais une fourchette.
- 3.) (*haussant les épaules*) Allez-vous promener
Avec votre fourchette!
- 2.)   Oh monsieur, pas si vite!
J'avais une fourchette.
- 1.)   Mais c'est tout bonnement à se faire damner,
Son valet était maître.
- 3.)   Mon valet était maître.
- (*bougonnant*) Mais c'est tout bonnement à se faire damner.
- 4.)   Il a pu l'oublier. Il a pu l'oublier
(Ils jouent.)
- 2.) (*presque crié*)   Jouer un singleton!
Mais c'est de la folie!
- 1.)   Avec ce sot jeu que voilà,
Moi, je défie, je défie
Qu'on puisse faire un point,
Je ne dis que cela!
- 2.) (*presque pleurnichant*) Nous avons perdu la levée,
Tout en ayant quatre d'honneur!
- 4.)   Il fallait jouer cœur.
2. 3.)   Il fallait jouer cœur,
La chose était aisée.
- 1.)   Mais... mais...
2. 3. 4.)   Ne répliquez rien! ne répliquez pas.
- 1.) (*se fâchant par degrés*)   mais je n'avais pas de cœur!
2. 4.)   Ne répliquez pas.
3. 4.)   Ce n'est pas une excuse.
- 1.) (*éclatant exaspéré*)   Mais puisque l'on m'accuse!
2. 3. 4.) (*avec bienveillance ironique*) C'est bien, c'est entendu!
2. 3. 4.)   Parler au whist est défendu! C'est défendu!
- 1.) (*presque crié*)   Mais... mais... mais... mais... mais...
- 4.)   Parler au whist est défendu!
(Ils jouent.)
- 4.)   Quoi? rien!
- 2.)   Et toujours rien!
1. 3.)   Rien!
- 4.)   Et toujours rien!

- 2.) Rien!
 4.) (*parlé*) Rien.
 1.) Allons! voilà que vous coupez!¹
 C'est bien habile.
 Je vous en fais mon compliment.
 4.) (*pomposo*) Le whist est un jeu difficile,
 Qui demande du jugement.
 1. 2.) ...du jugement
 4.) ...qui demande du jugement.
 2. 1.) (*entre les dents*) ...du jugement, du jugement
 4.) Ah messieurs, calmez votre bile,
 Vous en aurez (*con grazia*) plus d'agrément.
 (*Ils jouent.*)
 2.) Mais c'est épouvantable,
 Vous ne comptez donc pas?
 Vous oubliez mon neuf,
 Et vous coupez mon as?
 1. 3.) Mais c'est impardonnable,
 Vous lui coupez son as.
 2.) Mais c'est impardonnable,
 Vous me coupez mon as.
 1.) Ah! (*bien chanté*) le whist est un jeu difficile,
 Qui demande du jugement.
 3. 4.) ...du jugement ...du jugement
 1.) Mes amis, calmez votre bile,
 Nous en aurons plus d'agrément.
 (*Ils jouent.*)
 2. 3.) Oui, calmons notre bile,
 4.) Nous en aurons plus d'agrément.
 1. 2. 3.) ...plus ....d'a- ...gré- ...ment.
 (*Ils jouent.*)
 1.) Gagné le triple!
 1. 2.) le triple!
 3. 4.) Et nous avons gagné...
 1. 2. 3. 4.) ...le triple!
 4.) (*sentimentalement*) Au whist, sachez-le bien,
 Chaque faute toujours trouve son châtime.

---

¹ *Вариант партии № 1: Il a coupé la patte au chat! (У него перебор!)*

1. 2.) (*héroïquement*) A nous deux la dernière² manche,
Messieurs, la victoire est à nous!
3. 4.) A vous deux la dernière manche.
1. 2. 3.) Eh bien, demain c'est la revanche.
- Tutti.** Allons, amis, consolons-nous.
Le whist est un jeu difficile,
S'il vous fait remuer la bile,
(*largement*) Il cause aussi de l'agrément.
S'il vous fait remuer la bile,
Il donne³ aussi de l'agrément.
- 1.) Hum!
- 2.) hum!
- 3.) hum!
- 4.) hum!
- Tutti.** Il donne aussi de l'agrément.
(*Ils se saluent et sortent.*)

Перевод

ПАРТИЯ В ВИСТ

для 4 игроков

(*Игроки тасуют карты, снимают и сдают.*)

(*Они недовольны своими картами.*)

(*Играют.*)

- 4.) Ну вот! ни одного козыря!
Я вижу, опять все то же!
- 3.) На руках одна мелочь.
- 4.) Мне никогда не везет!
- 1.) (*угрюмо*) Никогда еще не видел
Более ничтожной и дрянной сдачи!
- 3.) (*говорит*) Гм! гм!
1. 2. 4.) Если будете разговаривать, мы закончим только
завтра.

² В некоторых рукописях здесь ошибочно: première (первая)

³ В некоторых рукописях здесь ошибочно: cause (вызывает)

- (Продолжают играть.)*
- 1.) *(жалобно)* Когда выпадают красные козыри,
У меня на руках одни черные.
- 2.) А у меня всегда одни красные,
Когда козыри черные.
1. 2.) И так всегда.
Мне никогда не везет.
- (Продолжают играть.)*
- 3.) *(нервно)* Что, не знаете,
Как продолжить?
- 2.) У меня была вилка.
- 3.) *(пожимает плечами)* Подите к черту
С вашей вилкой!
- 2.) О, не спешите, сударь!
У меня была вилка.
- 1.) Да тут попросту проклянешь себя,
У него валет был старшим.
- 3.) Мой валет был старшим.
- 4.) *(ворча)* Да тут попросту проклянешь себя.
Он мог забыть. Он мог забыть.
- (Продолжают играть.)*
- 2.) *(почти крича)* Ходить с синглтона!
Да это безумие!
- 1.) При такой дурацкой сдаче,
Я ручаюсь, да, ручаюсь
Что нельзя будет записать ни одного очка,
Вот все, что я могу сказать!
- 2.) *(почти плача)* Мы проиграли взятку,
Хотя у нас было четыре онера!
- 4.) Надо было ходить с червей.
2. 3.) Надо было ходить с червей,
Дело было бы просто.
- 1.) Но... но...
2. 3. 4.) Не возражайте! не возражайте.
- 1.) *(постепенно раздражаясь)* но у меня не было червей!
2. 4.) Не возражайте.
3. 4.) Это не оправдание.
- 1.) *(восклицает, сильно раздраженный)* Но ведь меня обвиняют!
2. 3. 4.) *(нарочито доброжелательно)* Хорошо, договорились!
2. 3. 4.) Говорить в висте запрещено! Запрещено!
- 1.) *(почти крича)* Но... но... но... но... но... но...

- 4.) Говорить в висте запрещено!
(Продолжают играть.)
- 4.) Что? ничего!
2.) И опять ничего!
1. 3.) Ничего!
4.) И опять ничего!
2.) Ничего!
4.) (говорит) Ничего.
1.) Давайте! ваша очередь снимать!
Ловко получилось.
Поздравляю.
- 4.) (помпезно) Вист — игра трудная,
Которая требует разумения.
1. 2.) ...разумения.
4.) ...которая требует разумения.
2. 1.) (сквозь зубы) ...разумения, разумения.
4.) Ах, господа, успокойтесь,
Получите (с изяществом) больше удовольствия.
(Продолжают играть.)
- 2.) Это чудовищно,
Да вы не считаете карты?
Вы забыли про мою девятку,
И бьете козырем моего туза?
1. 3.) Это непростительно,
Вы бьете козырем его туза.
- 2.) Это просто непростительно,
Вы бьете козырем моего туза.
- 1.) Ах! (напевает) вист — игра трудная,
Которая требует разумения.
3. 4.) ...разумения ...разумения.
1.) Успокойтесь, друзья,
И тогда мы получим больше удовольствия.
(Продолжают играть.)
2. 3.) Да, давайте успокоимся,
4.) И тогда мы получим больше удовольствия.
1. 2. 3.) ...больше ...у- ...до- ...вольствия.
(Продолжают играть.)
- 1.) Выиграли три очка!
1. 2.) три очка!
3. 4.) И мы выиграли...
1. 2. 3. 4.) ...три очка!

- 4.) (*сентиментально*) В висте, знайте,
 Каждая ошибка строго наказывается.
1. 2.) (*героически*) За нами последняя партия,
 Господа, победу одержали мы!
3. 4.) За вами последняя партия.
1. 2. 3.) Итак, завтра реванш.
- Все.** Давайте, друзья, утешимся.
 Вист — игра трудная,
 И даже если раздражает,
 Он также вызывает удовольствие.
- (*протяжно*) И даже если раздражает,
 Он также сулит удовольствие.
- 1.) Гм!
- 2.) гм!
- 3.) гм!
- 4.) гм!
- Все.** Он также сулит удовольствие.
 (*Раскланиваются и уходят.*)

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА¹

Автографы Тургенева

ЧА — черновой автограф, без заглавия. 1 л. Содержит наброски текста либретто, с обильной правкой. На обороте чернилами: «Drôleries / fables etc.» («Шалости / басни и т. д.»). Хранится: Houghton Library. MS Mus 264 (90). Seq. 1–2.

БА — белой автограф, без заглавия. 2 л. Содержит текст либретто (ранняя редакция), с небольшой правкой чернилами рукой Тургенева, а также карандашными пометами и вставкой рукой П. Виардо. На обороте л. 2 чернилами рукой П. Виардо заглавие: «Le Whist / Tourg» («Вист / Тург<снев>»). Хранится: MS Mus 264 (90). Seq. 3–5.

Автографы Полины Виардо

Партитура. Беловой автограф. 8 л. 14 с. авторской пагинации, в обложке, на которой рукой П. Виардо чернилами записано заглавие: «La Partie de Whist / pour

¹ Все указанные ниже рукописные материалы из Хоутонской библиотеки доступны на сайте: <http://oasis.lib.harvard.edu/oasis/deliver/~hou01978>.

4 joueurs / Partition / P. Viardot» («Партия в вист / для 4 игроков / Партитура / П. Виардо»). На переднем и заднем листах обложки пометы карандашом и чернилами, представляющие собой списки имен исполнителей. Хранится: Houghton MS Mus 264 (168).

4 отдельные вокальные партии для действующих лиц (игроков в вист): двух теноров и двух басов, имена исполнителей обозначены в верхнем правом углу каждого экземпляра. Беловые автографы. Хранятся: Houghton MS Mus 264 (169).

Писарская копия, включающая в себя общую партитуру для 4 голосов и фортепьяно и 4 отдельные вокальные партии для действующих лиц (игроков в вист): двух теноров и двух басов, имена которых обозначены в верхнем правом углу каждого экземпляра (1-й тенор — Robert, 2-й тенор — Lefort, 1-й бас — De la Tour, 2-й бас — Philibert). Хранится: Houghton MS Mus 264 (170).

Текст либретто печатается в двух редакциях: ранней, по первоначальному слою белого автографа Тургенева (*БА*), и окончательной, которая восстанавливается на основе автографа партитуры П. Виардо.

Черновой автограф «Партии в вист» (*ЧА*) представляет собой ряд записанных Тургеневым на лицевой стороне листа набросков, большинство из которых перешло затем в беловой текст, однако не строго в той последовательности, в которой они находятся в рукописи. Второй автограф Тургенева (*БА*) записан на трех страницах сдвоенного листа и представляет собой беловую рукопись, с незначительной правкой Тургенева, в которую в дальнейшем рукой Полины Виардо был внесен ряд изменений. Таким образом, первоначальный слой этого автографа можно считать ранней редакцией «Партии в вист». Последний слой *БА* близок к окончательному тексту либретто, восстанавливаемому по партитуре-автографу П. Виардо, но не во всем с ним совпадает, поскольку был впоследствии расширен новыми «эпизодами» и основательно доработан. Содержащаяся в *БА* правка чернилами, внесенная Тургеневым по ходу записи текста ранней редакции, как уже упоминалось, незначительна. Более существенные изменения были внесены карандашом и состоят из помет, согласно которым ряд реплик перенесен в другое место, произведена замена двух отдельных слов, а также внесена крупная вставка в конце автографа, означавшая замену некоторых частей текста (зачеркнутых крест-накрест карандашом в основном тексте). Все указанные карандашные пометы воспроизводятся нами под строкой. Кроме того, в рукописи имеются музыкальные пометы, определяющие ритмику некоторых слов. Большая часть карандашной правки внесена Полиной Виардо (сомнения могут возникнуть только в принадлежности помет, обозначающих перемещение реплик), ее рукой записана и вставка в конце автографа, начинающаяся словами «La patte au chat!..» и состоящая в общей сложности из восьми строк. Она разбивается нами на две части, согласно двум карандашным пометам П. Виардо. Помимо текста вставка включает в себя две разработанные мелодические фразы. Как текст, так и (особенно) музыка этой вставки подверглись коренным изменениям в окончательной редакции. Характер внесенной в *БА* правки убедительно показывает, насколько тесно сотрудничали Тургенев и Виардо в работе над этим произведением. Можно с большой долей вероятности предположить, что окончательный текст либретто, извлеченный из партитуры П. Виардо, также принадлежит Тургеневу, хотя некоторые изменения

(по сравнению с *БА*) могли быть введены им по просьбе Виардо в ходе создания музыки.

Помимо партитуры-автографа П. Виардо, в Хоутонской библиотеке имеются и другие ее музыкальные рукописи «Партии в вист», среди которых вокальные партии для каждого из четырех действующих лиц, а также комплект из партитуры и четырех отдельных партий, изготовленных профессиональным переписчиком. По рукописям отдельных партий восстанавливаются сценические ремарки в тексте окончательной редакции. Необходимо, однако, отметить, что в них встречаются разночтения: вместо «sert» («сдает») фигурирует «distribue» или «donne les cartes» («раздает»), а вместо «de leurs cartes» — «de leur jeu» («их карт / сдачи»). Эти разночтения нами особо не оговариваются.

Партитура-автограф несколько отличается от писарской копии, однако эти отличия незначительны и, скорее всего, являются следствием невнимательности переписчика. Кроме того, как в партитуре-автографе, так и в писарской копии четыре голоса приводятся на трех нотных станах, что не всегда дает возможность достоверно установить, кому из голосов принадлежит та или иная реплика. К сожалению, отдельные партии также далеко не во всех случаях позволяют окончательно разрешить возникающие сомнения, поскольку очевидно относятся к более ранней редакции, промежуточной между беловым автографом Тургенева и партитурой-автографом Полины Виардо, и соответственно частично отличаются от окончательного текста. При этом очевидно, что рукописи отдельных партий не были изготовлены одновременно, так как содержат разночтения, которые можно объяснить только тем, что они соответствуют разным этапам создания произведения. Так, например, в некоторых партиях отсутствует ряд фрагментов окончательной редакции, имеются различия в мелодии, отдельные реплики впоследствии перешли в партию другого персонажа (особенно это касается партий двух теноров, что могло быть обусловлено голосами первых исполнителей ролей). В отдельных партиях также присутствуют смысловые ошибки: например, вместо «gagné» («выиграли»), значащегося в партитуре, в партии № 3 стоит «perdu» («проиграли»).

LA PARTIE DE WHIST
pour 4 joueurs

Allegro

The musical score is presented in two systems. The first system consists of five staves: four empty staves at the top and a grand staff (treble and bass clefs) at the bottom. The grand staff begins with the tempo marking 'Allegro' and a dynamic marking of *sf*. The right hand of the grand staff starts with a quarter rest, followed by a series of eighth notes with accents, and then a more complex rhythmic pattern. The left hand of the grand staff plays a steady eighth-note accompaniment. The second system also consists of five staves, with the grand staff at the bottom. The right hand of the grand staff continues the rhythmic pattern from the first system, marked with *poco a poco*. The left hand of the grand staff features a *cresc.* (crescendo) marking and ends with a *f* (forte) dynamic marking.

Allegretto

(On bat les cartes, coupe et sert.)

Allegretto

7

8

9

10

11

17

(Ils ne sont pas contents de leurs cartes)

cresc. *f* *p* *p*

23

Attacca Moderato
Andantino

Musical score for measures 29-33. The score is in 6/8 time and features a piano accompaniment and a vocal line. The piano part consists of a steady bass line with chords. The vocal line begins with a rest, followed by the lyrics "Al - lons, pas un a - tout! Je vois, ça re-com-". The tempo is marked "Andantino" and the dynamic is "mf". There is a triplet of eighth notes in the vocal line at measure 33.

Musical score for measures 34-38. The score continues the piano accompaniment and vocal line. The piano part has a consistent bass line. The vocal line includes the lyrics "Vit on jamais un De bas-ses car - tes plein la main. men - ce ! Je n'ai ja-mais au - cu - ne chan ce !". The tempo remains "Andantino" and the dynamic is "mf (maussade)". There are fermatas over the piano accompaniment in measures 35 and 37.

39 *mf* *Λ* *Λ* *Λ*

jeu plus nul et plus vi - lain! Si vous par - lez, nous fi - ni - rons de - main, si vous par - lez,

mf Si vous par - lez, nous fi - ni - rons de - main Si vous par -

sf *Λ*

(parlé) Hum ! hum ! Si vous par -

43 *mp* *(plaintif)* *Λ*

nous fi - ni - rons de - main. Quand l'a - tout tour-ne rou - ge, J'ai le jeu tout

lez, nous fi - ni - rons de - main. *(Ils jouent)*

lez, nous fi - ni - rons de - main. *mp*

30

noir. *A* Tou-jours ain - si.
 Moi, je fai toujours rou-ge quand l'a tout tour-ne noir. Tou - jours ain -

1° tempo

35

mf Ja - mais rien ne m'a ré - us - si.
 si, Ja - mais rien ne m'a ré - us - si.
 (Ils jouent)
mf

60

f J'a - vais un - e four -

A (nerveux)
mf Quoi, vous ne sa - vez pas ré - pon - dre à mon in - vi - te ?

63

mf chet - te. *(haussant les épaules)*

Al - lez vous prome - ner a - vec votre four - chet - te !

mf Mais c'est tout bon - ne - ment à se fai - re dam - Oh mon - sieur, pas si vi - te ! J'a - vais un - e four -

66 *ff*

ner, son va-let é - tait maî - tre.

chet - te.

(bougonnant)

(Ils jouent)

Mon va - let é - tait Maî - tre! Mais c'est tout bon-ne ment à se fai - re dam - ner!

mf Il a pu fou-bli - er, il a pu fou - bli - er.

69 *plus vite*

(presque crié)

f Jou - er un sin - gle - ton! Mais c'est de la fo - li - e, de la fo -

A - vec ce sot jeu que voi -

plus vite

* На основе отдельных партий первого и второго теноров.

73

là, moi je dé-fi-e, je dé-fi-e Qu'on puis-se faire un point, je ne dis que ce-la !

li-e ! Nous a-vons per-du la le-

(presque pleurichant)

77

(fureur malheureux)

vé-e tout en a-yant qua-tre d'hon-heur!

Il fal-lait jou-er cœur, la chose é-tait ai-cœur.

Il fal-lait jou-er cœur. Il fal-lait jou-er cœur, il fal-lait jou-er cœur, Il fal-lait

mf Mais...

81 *mf* (se fâchant par degrés) *cresc.*

mais... mais... Mais je n'a-va-is pas de cœur! Je n'a-va-is sé-e. La chose é-tait ai sé-e. Ne ré-pli-quez rien, ne ré-pli-quez pas! La chose é-tait ai sé-e. Ne ré-pli-quez rien! Ce n'est pas une ex-jou-er cœur Ne ré-pli-quez rien, Ne ré-pli-quez pas!

85 *f*

pas, je n'a-va-is pas de cœur! Mais... mais... je n'a-va-is pas de C'est bien, c'est bien, c'est en-ten-du! cu-se! C'est bien, c'est bien, c'est en-ten-du! C'est en-ten Ce n'est pas une ex-cu-se

89 *ff* (éclatant exaspéré)

cœur. Mais, puis que l'on m'ac - cu - se, mais, puis-que l'on m'ac-
 C'est en - ten - du. Par - ler au Whist est dé - fen - du!
 du, c'est en - ten - du! Par - ler au Whist est dé - fen - du!
 C'est en ten - du! Par - ler au Whist est dé - fen - du!

93 (presque crié)

cu - se Mais... mais... mais... mais...
 Par - ler au Whist est dé - fen - du, Par - ler au Whist est dé - fen - du, C'est dé - fen - du, c'est dé - fen -
 Par - ler au Whist est dé - fen - du, Par - ler au Whist est dé - fen - du, C'est dé - fen - du, c'est dé - fen -
 Par - ler au Whist est dé - fen - du, Par - ler au Whist est dé - fen - du, C'est dé - fen - du, c'est dé - fen -

96 **1° tempo**

mais...
 du! *(Ils jouent)* *mf* Et tou-jours
 du! *f* *mf*
 du! Par-ler au Whist est dé-fen-du! Quoi? rien!
1° tempo

101 *mf*

Rien! Al-lons l'voi-lâquvovous cou-pez! C'est bien ha-bi-le. Je vousen
 rien! rien!
 Rien! *(parle)* Rien!
 Et tou jours rien!

105

fais mon com-pli-ment.

mf (pomposo)

Le Whist est un jeu dif-fi-ci-le, Le Whist est un jeu di-fi-

108

du ju-ge-

du ju-ge-ment

rit. *mp* *p*

ci-le qui de-man-de du ju-ge-ment, qui de-

113 *(entre les dents)*

ment, Du ju-ge-ment.
(entre les dents)
 du ju-ge-ment
 man - de du ju-ge-ment, Ah mes-sieurs, cal mez vo-tre bi-... le, cal -

116

mez, cal-mez vo-tre bi-... le, vous en au-rez plus d'a-gré

rit. *a tempo* *rit.*

118

ment, vous en au rez, vous en au rez plus d'a - gré ment.

rit. (con grazia)

(Ils jouent)

mf

123

Mais c'est é - pou van - ta - ble, vous ne comp-tez donc pas ? Vous ou - bli - ez mon neuf, et vous cou-pez mon

mf

125 *cresc.*

Mais c'est im-par-don-na - ble! Vous ne comp-tez donc pas! Mais c'est im-par-don-na

as Mais c'est im-par-don-na

Mais c'est im - par - don -

127 *mf* (*bien chanté*)

ble! Vous ne comp-tez donc pas Ah! *p* le Whist est un jeu dif-fi

ble! Vous me cou-peznou as

na - ble Vous lui cou-pe-z son as.

133

ci - le qui de man - de du ju - ge - ment mes a - mis, calmez vo - tre
 du ju - ge - ment du ju - ge - ment
 du ju - ge - ment, du ju - ge -

134

bi - le, Nous en au - rons plus d'a - gré - ment, nous en au - rons, nous en au - rons plus d'a - gré -
 ment.

138

ment, plus

(Ils jouent) Oui, cal-mons no-tre bi-le plus

Oui, cal-mons no-tre bi-le, plus

Nous en au-rons plus d'a-gré-ment, nous en au-rons plus d'a-gré-

142

d'a-gré-ment! Gagné le tri-ple! le tri-

d'a-gré-ment! *(Ils jouent)* le tri-

d'a-gré-ment!

ment, nous en au-rons plus d'a-gré-ment!

147

ff

ple, le tri- ple!

ple, le tri- ple!

Et nous avons gag-né le tri- ple! (*sentimentalement*)

Et nous avons gag-né le tri- ple! Au Whist, sa-chez-le bien, cha-que fau - te tou-

151

(*héroiquement*)

mf À nous deux la pre-mière man - che, mes-

(*héroiquement*)

mf À nous deux la der-nière man - che, mes-

ad lib.

jours trou-ve son châ - ti-ment.

mf À vous deux la der-nière

155

sieurs, la vic - toire est à nous! Eh bien, de - main c'est la re -

sieurs, la vic - toire est à nous! Eh bien, de - main c'est la re -

mf À vous deux la der - niè - re man - che. Eh bien, de - main c'est la re -

man - che, la man - che.

p

162

van - che, Al - lons, a - mis, con - so - lons - nous, Le

van - ce, Al - lons, a - mis, con - so - lons - nous, Le

van - che, Al - lons, a - mis, con - so - lons - nous, Le

Al - lons, a - mis, al - lons, a - mis, con - so - lons - nous, Le

f

* На основе отдельной партии первого тенора.

151
Whist est un jeu di - fi - ci - le.
Whist est un jeu di - fi - ci - le.
Whist est un jeu di - fi - ci - le
Whist S'il vous fait re - mou - er la

157
(largement)
S'il vous fait re - mu - er la bi - le, il cause aus - si
S'il vous fait re - mu - er la bi - le, de l'a - gré -
S'il vous fait re - mu - er la bi - le,
bi - le, Il cause aus - si.

167

(élargissez) **Allegro** *mf*

Il cause aus - si de l'a - gré - ment. S'il vous
 ment, Il cause aus - si de l'a - gré - ment. S'il vous
 il cause aus - si, Il cause aus - si de l'a - gré - ment. S'il vous
 de l'a - gré - ment, Il cause aus - si de l'a - gré - ment.

(élargissez) *sf* *f* *mf*

173

fait re - mou - er la bi - le, il donne aus - si de l'a - gré -
 fait re - mou - er la bi - le, il donne aus - si de l'a - gré -
 fait re - mou - er la bi - le, il donne aus - si de l'a - gré -
 il donne au - si de l'a - gré -

mf

173

ment. S'il vous fait re-mou-cr la bi

ment. S'il vous fait re-mou-cr la bi

ment. S'il vous fait

ment. S'il vous fait re-mou-cr la bi

176

le. Hum!

le. Hum!

re-mou-cr la bi

le. Hum!

le. Hum!

largement

ff Il donne aus si de gré ment!

ff Il donne aus si de l'a - gré ment!

ff Il donne aus si de l'a - gré ment!

ff Il donne aus si de l'a - gré ment!

ff Il donne aus si de l'a - gré ment!

ff **largement**

mp

(Ils se saluent et sortent.)

188

Musical score for piano, measures 188-192. The score is written for four staves: two for the right hand (treble clef) and two for the left hand (bass clef). The key signature is one flat (B-flat major or D minor). The time signature is 4/4. The first measure (188) features a melodic line in the right hand starting with a quarter rest, followed by eighth notes G4, A4, Bb4, and C5, and a bass line of quarter notes G2, Bb2, and D3. The second measure (189) has a quarter rest in the right hand and a quarter note G4 in the left hand. The third measure (190) has a quarter rest in the right hand and a half note chord of G2 and Bb2 in the left hand, marked *mf*. The fourth measure (191) has a quarter rest in the right hand and a half note chord of G2 and Bb2 in the left hand, marked *f*. The fifth measure (192) has a quarter rest in the right hand and a half note chord of G2 and Bb2 in the left hand, marked *ff*.

РУКОЙ ТУРГЕНЕВА

НЕИЗВЕСТНАЯ ЗАПИСКА ТУРГЕНЕВА О ПОЖЕРТВОВАНИЯХ В ЛИТФОНД (1861)

(Дополнение к Летописи жизни и творчества писателя)*

Публикация С. А. Ипатовой

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде Комитета Литфонда обнаружилась неизвестная ранее записка Тургенева, озаглавленная им «Для передачи», к которой, вероятно, были приложены взносы, собранные писателем в Париже накануне его отъезда в Россию 22 апреля (4 мая) 1861 года, от Н. В. Ханькова, С. Г. Волконского и Н. А. Кочубея. Эта своего рода сопроводительная расписка (без даты и подписи) предназначалась для кассы Литфонда и была оглашена на очередном заседании Комитета 12 (24) мая 1861 года, о чем в журнале протоколов имеется соответствующая запись.¹ Будучи членом-учредителем Комитета Литфонда, Тургенев должен был присутствовать на этом заседании, однако, по-видимому торопясь в деревню по крестьянским делам в связи с реформой (прибыл в Спасское 9 (21) мая 1861 г.), составил расписку накануне заседания, то есть в период пребывания проездом в Петербурге с 1 (13) по 5 (17) мая 1861 года, и передал ее одному из членов Комитета, скорее всего его председателю Ег. П. Ковалевскому; не исключено, что он мог передать расписку и непосредственно каз-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-04-00457а.

¹ См.: *РНБ. Ф.* 438. № 1 (Журнал заседаний Комитета; 8 ноября 1859 — 6 января 1864). Л. 156 об.

начео фонда П. Л. Лаврову. Однако факт встречи писателя ни с одним из них в Петербурге в эти дни документально не зафиксирован, хотя весьма вероятно. Передача денег состоялась, по всей видимости, через члена Литфонда Н. Н. Тютчева, о свидании с которым во время пребывания в Петербурге Тургенев писал Д. Я. Колбасину 14 (26) июня 1861 года из Спасского.² Итак, наиболее вероятная датировка публикуемого документа: между 1 (13) и 5 (17) мая 1861 года.

Тургенев как один из инициаторов имел непосредственное отношение к учреждению Литфонда — официальное название: «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым», — основанного 8 (20) ноября 1859 года. Идея создания Общества принадлежала А. В. Дружинину, который за два года до основания фонда в программной статье изложил свои предварительные соображения о целях, структуре, финансовых источниках и деятельности этой общественной организации. Прежде всего, по его мнению, необходимо было составить постоянный капитал, доходы с которого «распределялись бы между писателями, от болезни, старости и других подобных причин нуждающимися в постоянном или временном пособии».³ Выдвигая идею создания фонда, Дружинин выражал уверенность в том, что между «сочувствующими делу науки и изящного, без сомнения, найдется хотя небольшое число, по собственной охоте» готовых «принять участие в учреждении капитала взносом по их средствам».⁴ Одним из первых сочувственных откликов на проект стала статья Н. Г. Чернышевского, который, рекомендуя его вниманию читателей «Современника», развил и обосновал предложения Дружинина о способах обеспечения капитала будущего Литфонда. Помимо единовременных пожертвований, говорилось в статье, необходимы: «добровольная уступка известной части доходов, доставляемых литературными предприятиями писателям и издателям, публичные чтения, издание сборников» и т. д.; пусть «только общественное мнение и собственное сознание каждого писателя о его обязанности побуждают к этому содействию осуществлению доброй цели».⁵ Однако эти благие пожелания общественного энтузиазма не прибавили.

10 (22) августа 1858 года Дружинин, безусловно рассчитывая на популярность и авторитет Тургенева в России, обратился к писателю с просьбой дать статью в виде письма в редактируемый им журнал «Библиотека для чтения» с описанием очередного банкета учредителей лондонского Литературного

---

² ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 344.

³ N. <Дружинин А. В.> Несколько предположений по устройству русского Литературного фонда, для пособия нуждающимся лицам ученого и литературного круга // БдЧ. 1857. Т. 146. № 11. Отд. 3. С. 1.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ <Чернышевский Н. Г.> Современное обозрение // Совр. 1857. Т. 66. № 12. Отд. 5. С. 288–289. См. также: Чернышевский. Т. 4. С. 866. О проекте см. также: Сын отечества. 1857. 22 декабря. № 51. С. 1263–1264 (б. п.).

фонда (Literary Fund), на котором Тургенев присутствовал 23 апреля (5 мая) 1858 года: «Кто его устроил? на каком основании? что в нем стоит заимствования? <...> толчок со стороны такого лица, как Вы, еще более подготовит публику к знакомству с вопросом».⁶ Тургенев откликнулся 25 августа (6 сентября) 1858 года: «Я рад содействовать успеху такого доброго дела, каково основание *Фонда* у нас, — и мне еще приятнее было бы, если б Фонд этот основался дружным и бескорыстным участием литераторов, а не по милости какого-нибудь капризного мецената».⁷ Вскоре писатель выполнил свое обещание: статья «Обед в Обществе английского литературного фонда (*Письмо к автору статьи „О литературном фонде“*)», датированная 30 октября (11 ноября) 1858 года, была написана в виде письма к Дружинину и отправлена в «Библиотеку для чтения». Она завершалась призывом к общественности: «Пусть литераторы, журналисты, все люди, которым дорога русская словесность, русская образованность, которые чувствуют ее пользу и важность, соединятся для доброго дела, и оно пойдет на лад — с Меценатами и без Меценатов!».⁸ Статья, несомненно, повлияла на интерес российских писателей, журналистов и ученых к этому благотворительному проекту и шире — на процесс формирования сочувственного общественного мнения.

Именно после этой статьи Тургенев стал упоминаться в печати как основатель Общества. Так, 9 (21) января 1860 года в «Северной пчеле» появилась заметка, утверждавшая, что «первая мысль» учреждения Литфонда «принадлежит талантливому, увлекательному нашему беллетристу И. С. Тургеневу, которого вся Россия читает и любит. Прошлым летом ему случилось присутствовать в Лондоне, на банкете, данном членами тамошнего „литературного фонда“. <...> Автор „Записок охотника“ и „Дворянского гнезда“ принял горячо к сердцу мысль прекрасного учреждения и возымел желание пересадить его на русскую почву. Он собрал сведения об уставе и деятельности английского Общества и, по возвращении в Петербург, сообщил предположение свое некоторым литераторам и ученым, которые схватились за него, как говорится, обеими руками».⁹ Через неделю в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось опровержение Тургенева, не пожелавшего «присваивать себе справедливых заслуг другого»: «Считаю долгом объявить, что первая мысль учреждения Общества <...> принадлежит никак не мне, а А. В. Дружинину <...>».¹⁰

⁶ Цит. по: *Т и круг Совр.* С. 213–214.

⁷ *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 334.

⁸ *ПССиП(2). Соч.* Т. 10. С. 258; впервые: *БдЧ.* 1859. Т. 153. № 1. Отд. 2. С. 81–86.

⁹ Северная Пчела. 1860. 9 января. № 7. С. 25–26. Б. п. («Петербургское обозрение»).

¹⁰ *СПбВед.* 1860. 17 января. № 15. С. 1. См.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 142. См. также статью-некролог Тургенева «<Памяти А. В. Дружинина>», написанную

9 (21) февраля 1859 года петербургские участники проекта собрались на обеде у Тургенева, где были подписаны проект Устава Общества и прошение о его высочайшем утверждении, а также определен основной состав учредителей Литфонда: Тургенев, Дружинин, Ег. П. Ковалевский, П. В. Анненков, Н. Г. Чернышевский, К. Д. Кавелин и др. (всего 12 человек). 8 (20) ноября 1859 года в Петербурге состоялось первое собрание Общества, на котором Тургенев не присутствовал, находясь в Спасском, и потому не участвовал в выборах, но в качестве одного из учредителей «по запискам» большинством голосов был избран членом Комитета на срок с 8 (20) ноября 1859 по 2 (14) февраля 1861 года.¹¹ Рабочую атмосферу первых заседаний Общества Дружинин описал в письме к Л. Н. Толстому: «Общество фонда сильно нас занимает и, помимо своего полезного значения, служит нам центром соединения. Из комитета всегда уезжаешь с приятным чувством. Ковалевский кричит, Чернышевский попискивает, Анненков пускает сладостного туману, Тургенев блаженствует, как рыба в воде, и сам Андрей (Краевский. — С. И.) хотя предлагает в члены отъявленных стервцов, но с бурчанием своим прекрасен <...>. Вас не убудет от того, что Вы будете стоять в списке и пришлете хоть десять рублей ежегодного взноса».¹²

для прочтения в годовом собрании Общества 2 (14) февраля 1864 г. (*ПССУП(2)*). Соч. Т. 12. С. 323–324); *Громов В. А.* Тургенев и Литфонд: Забытое письмо писателя в редакцию «С.-Петербургских ведомостей» (1860) // *Т. Вопр биогр и творч* (1982). С. 8–12; *Гаевский В. П.* А. В. Дружинин как основатель Литературного фонда // XXV лет. 1859–1884. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. С. 423–424.

¹¹ 23 октября (4 ноября) 1859 г. Тургенев писал Анненкову из Спасского: «Рад я очень утверждению Литературного фонда и очень бы желал быть в Петербурге к 8-му ноября, но у меня та же самая болезнь, как в прошлом году (кашель. — С. И.) <...>» (*ПССУП(2)*). Письма. Т. 4. С. 102).

¹² См.: *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 294. Письмо от 31 декабря 1859 г. (13 января 1860 г.). Однако не всем литераторам идея Фонда пришлась по душе. Так, А. А. Фет, которого Дружинин пытался привлечь в Литфонд, писал ему 24 октября (5 ноября) 1859 г. о своих сомнениях по поводу программы организуемого общества: «Но кто будет распоряжаться этой раздачей? Кто будет поверять правильное употребление капитала, и что значит слово литератор? / Если оно значит поэт, ученый, — прекрасно. <...> но если речь идет о компиляторах и фельетонистах прихвостинских <...> то имейте мя отреченна <...>» (см.: *Письма к Дружинину*. С. 343). Дружинину, вероятно, удалось убедить Фета вступить в Общество, и уже 5 (17) ноября 1859 г. поэт отвечал: «Когда будете пересылать деньги (гонорар), то вычтите 10 р., если меня выбрали» (Там же. С. 344). Имя Фета вошло в список учредителей фонда, что зафиксировано в отчетах Общества (см.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Первый год его существования: с 8 ноября 1859 г. (время его открытия) по 2 февраля 1861 (время его годового собрания). СПб., 1861. С. 9; см. также Общество для пособия... за третий год его существования, по 2 февраля

Тургенев принял непосредственное участие не только в обсуждении проекта и учреждении этого филантропического общества в России, но и, являясь его членом со дня основания, а также членом Комитета с перерывами в течение восьми лет,¹³ активно участвовал во всех видах деятельности Литфонда,¹⁴ в том числе в сборе средств для составления его капитала, поскольку касса фонда складывалась не только из взносов членов Общества, доходов от платных публичных лекций, авторских чтений своих произведений,

---

1863 года. СПб., 1863. С. 9). Известно об участии Фета в чтениях Литфонда. В протоколе заседания Комитета от 17 (29) февраля 1860 г., например, отмечено: вынести благодарность способствовавшим «значительному усилению» средств фонда А. А. Фету, А. Н. Островскому, М. Н. Лонгинову, М. Я. Киттары и Н. А. Основскому «за их искреннее сочувствие и деятельное участие при устройстве в Москве вместе с И. С. Тургеневым литературного чтения в пользу Общества» (*РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 40). На литературных чтениях в Москве в пользу Литфонда, состоявшихся 25 января (6 февраля) 1860 г., Тургенев читал статью «Гамлет и Дон-Кихот» (см.: *МВед*. 1860. 23, 30 января. № 18, 24), с которой выступал и на чтениях в Петербурге 10 (22) января 1860 г. В дальнейшем, продолжая сомневаться в целесообразности этой благотворительной общественной организации, Фет прекратил выплачивать членские взносы. В официальном письме от 13 (25) мая 1868 г. помощник председателя Литфонда А. П. Заблоцкий-Десятовский известил поэта: «При основании Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, в 1859 году, Вы были одним из членов-учредителей. За сделанным Вами <...> взносом в размере 10 рублей в год за Вами числится в настоящее время недоимка за *восемь лет*». Далее он выражал надежду, что «ради благотворительной цели Общества Вы не откажете ему в своем благосклонном содействии к пополнению литературного фонда» (см.: *ФетСб* (1). С. 234–235). Фет ответил 2 (14) июля 1868 г.: «Прекратив ежегодные взносы, я тем самым фактически сложил с себя звание члена. О побудительных к тому причинах я имел честь лично объяснить бывшему казначею Общества П. М. Ковалевскому» (см.: Там же. С. 235). Причины выхода Фет излагал также Тургеневу (см. ответ Тургенева от 23 января (4 февраля) 1870 г. на неизвестное письмо Фета, вероятно от первой половины января 1870 г.: *ПССиП*(2). *Письма*. Т. 10. С. 138; см. также письмо Тургенева к Фету от 8 (20) января 1872 г.: Там же. Т. 11. С. 198). Развернутое объяснение — принципиальное несогласие с программой и политикой Литфонда, а не обывательская скупость — Фет изложил в своих воспоминаниях: «...помощь должна являться к литератору, как и ко всякому труженику, только как помощь при неожиданном несчастье, но никак не в виде поощрения на бездоходный труд» (*Фет. МВ*. Ч. 2. С. 247).

¹³ Тургенев состоял членом Комитета Литфонда с 8 ноября 1859 г. по 2 февраля 1863 г., с 2 февраля 1864 г. по 2 февраля 1866 г. и с 2 февраля 1880 г. по 2 февраля 1883 г. (см.: Список членов Комитета со времени основания Общества // Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859–1909. [СПб., 1909]. С. 73–76).

¹⁴ См.: *Иванов-Натов А. И.* С. Тургенев и Литературный фонд в России // Записки Русской академической группы в США. New York, 1983. Т. 16: *Turgenev Commemorative Volume*. 1818–1883. С. 241–276.

театральных представлений с участием известных литераторов для широкой публики, но также из добровольных пожертвований, принимавшихся от любого желающего.¹⁵ Ежегодно значительные суммы вносились от царской семьи.¹⁶ «Членам комитета и вообще членам Общества, — писал Дружинин в своем отчете о первом собрании Комитета, — было бы легко усилить пожертвования, обращаясь к известным капиталистам и вызывая участие достаточных лиц, известных своей любовью к просвещению, но комитетом раз навсегда было принято за правило — *не просить ничего и никого не вызывать на пожертвования*. Правило это было единогласно одобрено и, как кажется, надолго делается одним из коренных принципов Общества»; за «всякий взнос глубокая признательность, но выпрашивать взноса» ни один член Общества «не решится».¹⁷

По воспоминаниям Анненкова, с основанием Общества в нем стали видеть «признак времени и торжество взглядов, с которыми волей-неволей приходилось считаться»,¹⁸ и значительная доля в формировании общественного статуса Литфонда принадлежала Тургеневу. Именно по его инициативе Комитет участвовал в акции, которая не вполне соответствовала деятельности Общества, прописанной в его Уставе: на заседании от 21 марта (2 апреля)

---

¹⁵ Так, после литературных чтений в Петербурге 10 (22) января 1860 г. в кассу Литфонда поступили пожертвования, собранные на вечере Тургеневым (19 руб.). См.: *РНБ*. Ф. 438. № 9. Л. 10. Согласно Уставу Литфонда, денежные средства «составляются: 1) из ежегодных и единовременных взносов членов Общества и 2) из пожертвований вообще ревнителями просвещения. Сверх того, Общество, для усиления своих денежных средств, может открывать публичные чтения, устраивать спектакли, концерты, предпринимать издание литературных и ученых трудов» (Устав Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1859. С. 4). За первые 15 месяцев деятельности Литфонда было собрано 35 тысяч руб., во второй год удалось собрать лишь 15 тысяч руб. (см.: *Корнилов А. А.* Пятидесятилетие Литературного фонда и первые шаги его деятельности // Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859–1909. С. 15–16).

¹⁶ Подробнее об основании и деятельности Литфонда см.: *Ретинский Г. К., Скабичевский А. М.* Летопись Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1859 по 1884 г. // XXV лет. 1859–1884. С. 1–199; *Корнилов А. А.* Пятидесятилетие Литературного фонда. С. 3–71; *Сажин В. Н.* 1) Литературный фонд в годы революционной ситуации // «Эпоха Чернышевского»: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1978. С. 138–157; 2) Как создавался Литературный фонд // *Благодетельность в истории России: Новые документы и исследования*. СПб., 2008. С. 214–227; *Ярославцев Я. А.* Издательская деятельность Литературного фонда (1859–1917) // Книга: Исследования и материалы. М., 1987. Сб. 54. С. 141–158.

¹⁷ <*Дружинин А. В.*> По поводу последнего собрания членов Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым // *БдЧ*. 1860. Т. 158. № 1. С. 8–9 («Современная летопись»).

¹⁸ *Анненков (1983)*. С. 445.

1860 года «И. С. Тургенев предложил Комитету ходатайствовать об отпуске на волю родных известного литератора Шевченко, крепостных людей» помещика В. Э. Флиорковского.¹⁹ По результатам этого заседания Флиорковскому было направлено письмо, подписанное всеми членами Комитета, и вскоре получен удовлетворительный ответ.

Собираемые Литфондом средства предназначались для единовременных пособий и постоянных пенсий бедствующим, нетрудоспособным и престарелым литераторам или ученым, и это была основная функция Общества, в осуществлении которой на Тургеневе, как и на всех членах Комитета, помимо активного участия в пополнении капитала фонда, лежала обязанность рассмотрения заявок на вспомоществование. На заседании Комитета от 8 (20) января 1860 года Тургенев «объяснил» собранию «обстоятельства прошлой жизни и настоящее положение» П. А. Радищева, престарелого сына известного писателя. «Из этого объяснения видно, — отмечено в протоколе, — что П. А. Радищев имеет от роду с лишком 80 лет и лишен всяких надежных средств к существованию», в связи с чем было решено назначить ему пенсию 400 руб. в год. После выступления Тургенева председатель Ег. П. Ковалевский предложил составлять краткие биографии лиц, уже получивших пособие или претендующих на вспомоществование от Литфонда, с изложением их литературных и ученых заслуг; биографии эти «покажут и основания, которыми Комитет руководствовался в назначении пособий». На этом же заседании члену Комитета Тургеневу было поручено составить биографии П. А. Радищева и писателя В. С. Подшивалова, умершего в 1813 году, чье семейство оказалось в бедственном положении.²⁰ Неизвестно, были ли составлены Тургеневым письменные тексты-обоснования на П. А. Радищева и других лиц, позже порученных писателю: на профессора, коллежского советника И. Я. Андреевского²¹ и на писателя-петрашевца С. Ф. Дурова.²² Вскоре, 21 апреля (3 мая) 1860 года, Тургенев «представил отчет», из которого, как говорится в протоколе, «видно, что г. Андреевский, получая весьма небольшое жалова-

---

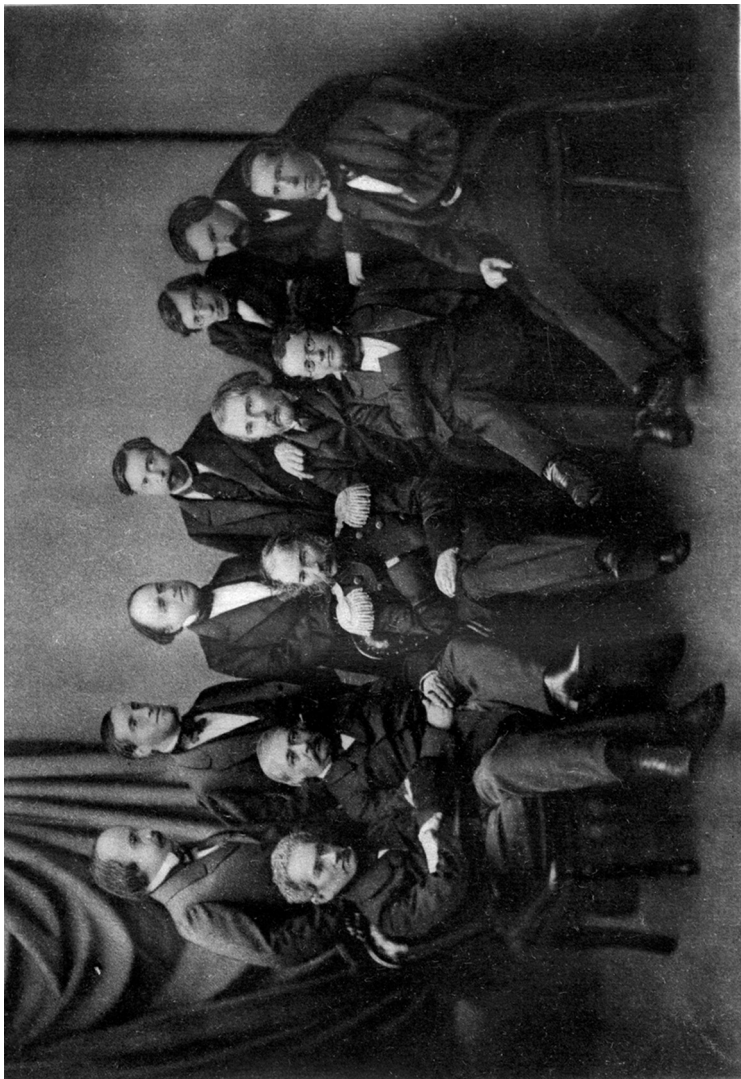
¹⁹ См.: *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 56–56 об.; Л. 89 об.–90; см. также письмо Тургенева к А. А. Оболонскому от 4 (16) марта 1860 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 4. С. 167, коммент. Т. П. Головановой.

²⁰ См.: *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 22–23 об. В связи с отъездом Тургенева в Москву на заседании от 27 января (8 февраля) 1860 г. составление биографии В. С. Подшивалова было поручено Анненкову.

²¹ На заседании от 14 (26) марта 1860 г. (см.: Там же. Л. 51).

²² На заседании от 28 марта (9 апреля) 1860 г. член Литфонда Ф. М. Достоевский предложил «войти в положение» больного писателя, живущего в Одессе, и «Комитет поручил И. С. Тургеневу собрать о г. Дурове сведения» через И. Ф. Минницкого (см.: Там же. Л. 60 об.). Неизвестно, собрал ли Тургенев эти сведения. См. также: *Достоевский*. Т. 28. Кн. 2. С. 565; *Заборова Р. Б.* Ф. М. Достоевский и Литературный фонд // *РЛ*. 1975. № 3. С. 160.

Первый Комитет Литературного фонда. Фотография С. Л. Левицкого. Петербург, 1859 г.

Сидят слева направо: А. В. Никитенко, А. А. Краевский, Ег. П. Ковалевский, И. С. Тургунов, К. Д. Кавелин, А. Д. Галахов.

Стоят: С. С. Дудышкин, Е. И. Ламанский, А. П. Заблоцкий-Десятовский, П. В. Анненков, Н. Г. Чернышевский, А. В. Дружинин

ные» преподавателя русского языка, вынужден содержать дочь (решено выдать единовременное пособие в размере 150 руб. сер.).²³ На этом же заседании Тургенев «сообщил Комитету сведения о стеснительном положении» учителя Рождественского уездного училища и краеведа К. Г. Евлентьева (выдано единовременное пособие в 50 руб.).²⁴ На заседании Комитета от 26 декабря ст. ст.

---

²³ См.: *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 63–63 об. Скорее всего, Тургенев встречался с Иваном Якимовичем Андреевским и собрал сведения о нем лично, поскольку тот, получив пособие, ответил писателю 22 апреля (4 мая) 1860 г.: «Милостивый государь Иван Сергеевич! Имею честь уведомить Вас, что назначенные мне в единовременное пособие Комитетом Вашим сто пятьдесят рублей серебром мною получены. Принося Вам чувствительнейшую благодарность за благотельное содействие *Ваше*, имею честь быть с отличным уважением и преданностию Вашим покорнейшим слугою Ив. Андреевским. 22 апреля 1860 г.» (Там же. № 8. Л. 39; на обороте (л. 40 об.): «Его высокородию милостивому государю Ивану Сергеевичу Тургеневу»). Возможно, Тургенев ответил, так как 10 (22) февраля 1861 г., вновь подавая прошение о пособии и «способствовании к определению на службу», Андреевский, вероятно в качестве аргумента, указал на письмо к нему Тургенева (неизв.) (см.: Там же. № 9. Л. 85–93). 13 (25) февраля 1861 г. проситель, однако, получил отказ, поскольку «никакими литературными трудами не заслужил новое пособие» (Там же. № 1. Л. 136–136 об.).

²⁴ См.: Там же. Л. 63 об. Вероятно, писатель лично передал пособие Евлентьеву, так как в фонде хранится расписка следующего содержания: «От Ивана Сергеевича, господина Тургенева получил 50 р. с. учитель Евлентьев. 22 апреля 1860 года» (см.: Там же. № 8. Л. 44). Об участии писателя в своей судьбе Евлентьев упомянул в письме к Дружинину от 27 сентября (9 октября) 1860 г.: «Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, передать при личном свидании мое глубокое уважение и совершеннейшую благодарность И. С. Тургеневу» (см.: *РГАЛИ*. Ф. 167. Оп. 3. № 160. Л. 4–4 об.). Следует добавить, что 27 января (8 февраля) 1860 г. Евлентьев, желая принести посильную помощь Литфонду, предложил «в качестве ревнителя просвещения жертвовать в кассу Общества в течение 1860 года по копейке с рубля получаемого им жалованья», за что Литфонд принес ему «искреннюю благодарность» (*РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 32 об.). Бедственное положение заставило Евлентьева еще несколько раз обращаться в Комитет за помощью: так, на заседании 5 (17) февраля 1862 г. Анненков сообщил о бедственном положении «учителя Евлентьева, находящегося в Обуховской больнице»; Комитет выдал 50 руб. (Там же. № 1. Л. 193 об.); к своему прошению о пособии от 6 (18) сентября 1867 г. Евлентьев приложил составленный им сборник: *Евлентьев К. Г. Сборник народных загадок, расположенных в азбучном порядке*. Псков, 1865. 53 с. (Там же. № 16. Л. 547–575). Евлентьев (1824–1885) стал впоследствии известным псковским археологом и краеведом (подробнее о нем см.: *Медников М. М. Константин Григорьевич Евлентьев // Псков*. 2005. № 22. С. 206–216; здесь же воспроизведена его фотография). 6 (18) июля 1870 г. Евлентьев «принес в дар Обществу» экземпляры своей брошюры «Хронологический указатель статей, касающихся Псковской губернии...» (см.: *ИРЛИ*. Ф. 155. Кор. 5. Л. 215 об.–216); 14 (26) сентября 1870 г. он подарил Обществу экземпляры

1873 года был заслушан письменный «отзыв» Тургенева о некоем Н. Васильеве, по результатам заседания было «определено» «И. С. Тургеневу изъяснить благодарность Общества за труды его по настоящему делу».²⁵ Не исключено, что краткие биографические справки указанных просителей с изложением их затруднительных обстоятельств, являясь обоснованием для выдачи пособия, считались частью финансовой документации Литфонда, а потому были составлены Тургеневым письменно; в таком случае предположение о существовании этих текстов обоснованно и поиск их может оказаться продуктивным.²⁶ Не следует исключать и той возможности, что не только биографии, порученные писателю (П. А. Радишев, Андреевский, Евлентьев, возможно С. Ф. Дуров), но и биографии других претендентов на вспомоществование, зачитанные на заседаниях, на которых присутствовал Тургенев, могли причудливой фантазией писателя преломиться в его творчестве, и это дает ценный материал исследователям прототипии его персонажей.

Публикуемая записка Тургенева была прочитана и запротоколирована (без указания имени) на заседании Комитета Литфонда от 12 (24) мая 1861 года, на котором, повторим, Тургенева не было; присутствовали четыре члена — Ег. П. Ковалевский, Е. И. Ламанский, П. Л. Лавров и Н. Г. Чернышевский. В журнале значится: «11). Пожертвования: от Л. Е. Лазарева 25 рублей; от князя Сергея Волконского 20 франков (5 рубл. 45 коп.); от Николая Аркадиевича Кочубея 50 франков (13,62 ½ коп.). — Благодарить».²⁷ В протоколе имя Н. В. Ханькова, указанное в тургеньевском списке парижских жертвователей, по какой-то причине оказалось выпущенным. Не исключено, что переданные через писателя деньги были ежегодным взносом Ханькова как члена Литфонда и потому не могли проходить под рубрикой «пожертвова-

---

своей брошюры «Книга псковитина, посадского торгового человека Сергея Иванова, сына Поганкина» (см.: Там же. Л. 278 об.). Нет никаких сведений о дальнейшем общении Тургенева с Евлентьевым.

²⁵ См.: *ИРЛИ*. Ф. 155. Кор. 5. Л. 232, 346 (Журналы заседаний Комитета). Речь идет, по всей видимости, об «отзыве», содержащемся в письме к М. М. Стасюлевичу от 16 (28) декабря 1873 г., в котором Тургенев сообщал: «...я собрал справки о г-не Васильеве — и самого его видел и разговаривал с ним. Этот человек вполне достойный поощрения и участия — трудолюбивый, серьезный, болезненный. Полагаю, что Общество наше, придя ему на помощь, не бросит своих денег даром. Положение его весьма стесненное» (*ПССиП*(2). *Письма*. Т. 12. С. 254). Вероятно, об этом же Васильеве шла речь и в его письме к Н. П. Веретенникову от 17 (29) января 1874 г. (см.: Там же. Т. 13. С. 9).

²⁶ По сведениям располагавшего архивом Литфонда В. П. Гаевского, членами Комитета «биографии эти не были написаны, и самое предложение о составлении» их «не осуществилось» (*Гаевский В. П.* А. В. Дружинин как основатель Литературного фонда. С. 430).

²⁷ См.: *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 156 об.

ния». Вместе с тем возможно, что в момент передачи денег Тургенев не предполагал всей суммой и внес пожертвование от Ханькова позже через Анненкова, которому писал 11 (23) декабря 1861 года: «Кстати, узнайте из бумаг архива — взнес ли я в нынешнем году весной при проезде 40 р. от имени Ханькова. Если нет — значит, я забыл, и Вы внесите».²⁸

Форма передачи пожертвований через членов Комитета не предполагала обязательного указания в протоколе имени лица, препровождавшего деньги, поэтому Тургенев, не значась в протоколе, мог передавать и другие собранные им пожертвования. Так, по всей вероятности, именно через него на заседании от 30 ноября (12 декабря) 1859 года, на котором он присутствовал, в Литфонд поступили 200 руб. от Е. Е. Ламберт, с которой писателя, как известно, связывали дружба, тесное общение и обоюдные благотворительные просьбы.²⁹

17 (29) апреля 1867 года, отвечая Ег. П. Ковалевскому на его благодарственное письмо за участие в литературных чтениях в пользу Литфонда, состоявшихся 3 (15) апреля 1867 года в зале Бенардаки в Петербурге,³⁰ Тургенев писал: «Я горжусь своим участием в основании нашего общества — и дорожу моей тогдашней деятельностью как одним из лучших моих литературных воспоминаний <...> и впредь я с особенным удовольствием готов

---

²⁸ *ПССуП(2). Письма*. Т. 4. С. 389. Вероятно, Тургенев запомнил, что в Париже Ханьков пожертвовал 40 фр. (10 руб. 90 коп.), а не 40 руб.

²⁹ См.: *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 10 об. В 1863 г., когда Тургенев выбыл (по очереди) из состава Комитета (2 (14) января 1863 г. — см.: Там же. Л. 237), Е. Е. Ламберт лично обратилась к Дружинину с просьбой поддержать прошение в Литфонд беллетристки и переводчицы Е. П. Вороновой (см.: *Письма к Дружинину*. С. 167–170).

³⁰ Популярность Тургенева была такова, что литературные вечера с его участием давали особенно большие сборы в кассу Литфонда, поэтому, пользуясь проездом писателя через Петербург, Комитет просил его «устроить» чтение, так как касса регулярно оскудевала (см.: *РНБ*. Ф. 438. № 16. Л. 317 об. — Приложение к журналу общего собрания от 30 апреля (12 мая) 1867 г.). Согласно квитанции, полная выручка за авторское чтение первых глав «Дыма» (уже опубликованных в «Русском вестнике») составила 805 руб.; за вычетом расхода (печать билетов, освещение, прислуга, использование мебели) в кассу поступило 755 руб. (см.: Там же. Л. 248–248^а). Накануне вечера, 2 (14) апреля 1867 г., Тургенев писал И. И. Маслову: «...чтение мое будет происходить завтра вечером — и подвизаться я буду один, что довольно страшно: билеты уже все разобраны» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 7. С. 173). Ожидая приезда Тургенева в Россию в начале декабря 1871 г., Анненков, имея в виду чтения в пользу Литфонда, с иронией писал из Петербурга 30 октября (11 ноября) 1871 г.: «Отдел Общества для покровительства животным, который называется „литературным фондом“ — ждет с трепетом Вашего прибытия — не будет ли невещественного пособия его клиентам, так много страдающим от запоя, сифилиса, голода и холода?..» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 187).

буду делать всё от меня зависящее для возвышения значения нашего общества и усиления его средств».³¹

Позже Анненков вспоминал о значительном вкладе писателя в деятельность Литфонда: «Тургенев вложил всю свою душу для доставления ему успеха; он устраивал блестящие литературные вечера, ездил за тем же в Москву, и всякий раз появление его на эстраде сопровождалось громадным стечением публики и энтузиастическим приемом чтеца. <...> Люди, дотоле не признававшие даже и существования литераторов в России, собирались теперь на помощь сословию, от влияния которого старались прежде охранить нашу публику. <...> Доля участия Тургенева в укреплении литературного фонда и в доставлении ему материальных средств была чрезвычайно значительна. Вместе с императорскими пожертвованиями и приношениями самой публики литературный фонд обязан и Тургеневу тем прочным положением, которым ныне пользуется».³²

Значимость публикуемой официальной бумаги, написанной рукой писателя, обусловлена не только этим, достаточным для публикации обстоятельством, но и детализацией одного из многочисленных фактов его общественной биографии (участие в сборе средств для пополнения кассы Литфонда), а также уточнением суммы ежегодных отчислений самого Тургенева (помимо регулярных взносов «по званию члена»³³) из собственных литературных доходов. Сведения эти, безусловно, являются ценным дополнением к Летописи жизни и творчества писателя.

В Комитет Литфонда

Между 1 (13) и 5 (17) мая 1861 года. Петербург

Для передачи

в Кассу Общества для вспомоществования

бедным литераторам

от Ханькова Николая Владимировича¹ — 40^a фр. = 10 р. 90.

³¹ ПССУП(2). Письма. Т. 7. С. 184, а также с. 375 (здесь приведено письмо Ковалевского, черновик которого см.: РНБ. Ф. 438. № 16. Л. 326–326 об.).

³² Анненков (1983). С. 445.

³³ Согласно Уставу Литфонда, минимальный размер ежегодного членского взноса составлял 10 руб. (см.: Устав Общества. С. 5). Тургенев платил намного больше, о чем свидетельствует, в частности, публикуемый документ. В ведомости за февраль 1867 г., например, отмечено, что 6 (18) марта 1867 г. от Тургенева получен членский взнос (вероятно, годичный) в размере 25 руб. (РНБ. Ф. 438. № 16. Л. 221 об.).

^a Было: 20

от кн. Сергия Волконского² — 20 фр. — 5,45.
от Николая Аркадьевича Кочубея³ — 50⁶ фр. — 13,62 ½

итого: 110 фр.,

что на русские деньги составляет 29 руб. 97 ½ коп.

Да от меня будет прислано из деревни 5 проц. с прошлогоднего дохода — 245 р. сер.⁴

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 438 (Комитет Литфонда). № 10. Л. 110. В левом верхнем углу расписки неизвестной рукой (возможно, секретаря Комитета) проставлен регистрационный номер: «№ 30», в правом верхнем углу — дата заседания, на котором она была зачитана: «12 мая 1861». На Л. 110^а об. имеется карандашная помета, скорее всего не имеющая отношения к записке Тургенева: «Просьбу Реймерс поручи Чернышевскому». Согласно «Описанию архива Литературного фонда», помета принадлежит А. С. Энгельгардту⁵ (см.: Описание архива Литературного фонда. Аннотированный каталог / Сост. Р. Б. Заборова, В. Н. Сажин. Л., 1978. Вып. 1. С. 37).

¹ *Ханьков Николай Владимирович* (1822–1878) — географ, востоковед и этнограф; младший брат петрашевца А. В. Ханькова; член Литфонда с 10 (22) февраля 1860 г. (см.: *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 37 об.), чиновник министерства иностранных дел (1866–1868); с 1860 г. находился в длительной заграничной командировке, жил в Париже, где сблизился с Тургеневым, состоял с ним в переписке (см.: *ПССиП*(2). *Письма*. Т. 5. С. 626–627). Тургенев принимал деятельное участие в организации похорон Ханькова, произнес речь на его могиле, собирал средства для установления надгробного памятника работы М. М. Антокольского. Н. В. Щербань, вспоминая о встречах писателя в начале 1861 г. с парижскими знакомыми, с которыми он был в «коротких отношениях», в первую очередь упоминает Ханькова (см.: *РВ*. 1890. № 7. С. 3).

² *Волконский Сергей Григорьевич*, князь (1788–1865) — сослуживец С. Н. Тургенева по Кавалергардскому полку, генерал-майор, участвовал во многих походах царствования Александра I, декабрист, после 20 лет каторги был на поселении, амнистирован в 1856 г., последние годы жил в Париже; Тургенев познакомился с ним в Виши в июле 1859 г., состоял в дружеских отношениях и переписке (см. письмо Тургенева к А. И. Герцену от 4 (16) сентября 1859 г.: *ПССиП*(2). *Письма*. Т. 4. С. 82, а также с. 698). Об отношениях Тургенева с семьей Волконских см.: *Гессен С. И.* Тургенев и семья декабриста Волконского // Каторга и ссылка. 1931. № 4. С. 193–196.

³ *Кочубей Николай Аркадьевич* (1827–1865) — секретарь посольства в Константинополе (с 1849 г.), в 1861 г. стал мировым посредником в Черниговской губернии, сын сенатора А. В. Кочубея, брат П. А. Кочубея, с которыми писатель состоял в дружеских отношениях, вторым браком был женат на дочери декабриста С. Г. Волконского. Тургенев познакомился с ним в Париже в конце 1860 г., часто бывал в его доме,

---

⁶ *Было*: 40

состоял в переписке. 7 (19) ноября 1860 г. Тургенев сообщал из Парижа Н. Я. Макарову: «Здесь я познакомился с Кочубеем, женатым на Волконской. (Он сын Аркадия.) <...> сколько мне кажется, он хороший человек» (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 4. С. 260, а также с. 288, 290; *Голованова Т. П.* Тургенев в кругу петербургских украинцев // *Т Сб.* Вып. 5. С. 363–374).

⁴ О своем решении ежегодно отчислять в кассу Литфонда часть журнальных гонораров Тургенев сообщил на заседании Комитета 23 декабря 1859 г. (4 января 1860 г.), что было отмечено в протоколе: «Член Комитета И. С. Тургенев предложил вносить в пользу Общества по пяти процентов с вознаграждения за статьи, помещаемые в журналах. — Определено: выразить чувствительную благодарность» (*РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 17 об.–18). В письме к Анненкову от 7 (19) января 1861 г. Тургенев просил: «...извините меня перед комитетом, что я до сих пор не выслал должных мною 5 проц. с прошлогодней литературной выручки, и уверьте их, что это будет исполнено очень скоро. Мне придется заплатить 250 р. сер.» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 4. С. 280). В протоколе заседания Комитета от 6 (18) сентября 1861 г., на котором писатель присутствовал, отмечено: «11. И. С. Тургенев представил 145 р. в счет обещанных им 5% с суммы, вырученной за его литературные труды. — Благодарить» (*РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 167 об.). Возможно, недостающие 100 руб. Тургенев внес позже, однако в отчете за период от основания Общества до 2 декабря ст. ст. 1868 г. указано: «Тургенев Иван Сергеевич — 145 руб. в 1861 г. проц. от сочин<ений>»; о членских взносах в графе «Замечания» помечено карандашом: «Платил ежегодно 25 руб.» (Там же. № 17. Л. 819^а об.). Таким образом, речь идет о литературных доходах Тургенева за 1860 г., составивших, согласно этой записке, 4900–5000 руб. сер.

⁵ *Энгельгардт Александр Сергеевич* — чиновник Азиатского департамента министерства иностранных дел, член Литфонда. *Реймерс* (Ремерс) *Александр Васильевич* — депутат Самарской удельной конторы, обратился в Литфонд с просьбой об оказании материальной помощи; в протоколе заседания Комитета от 12 (24) мая 1861 г. говорится: «10). Читана просьба г-на Ремерса о пособии. — Собрать дополнительные сведения поручено Н. Г. Чернышевскому» (*РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 156 об.).

**ОБ ЭКЗЕМПЛЯРЕ ПЕРЕВОДА
«ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК» ПЕРРО С ДАРСТВЕННОЙ
НАДПИСЬЮ ТУРГЕНЕВА М. В. РАШЕТ
(Из собрания Государственного литературного музея)**

Публикация С. А. Ипатовой

В коллекции Отдела книжных фондов Государственного литературного музея в Москве хранится издание «Волшебных сказок» Ш. Перро в переводе Тургенева (СПб.; М., 1867)¹ с дарственной надписью переводчика, адресованной М. В. Рашет. В издание оказалось вложено сопроводительное письмо одного из его бывших владельцев, московского библиофила Г. Остаповича,² который описал историю приобретения книги у букиниста в 1922 году и привел подробные сведения о знакомой и корреспондентке писателя Наталье Николаевне Рашет и ее дочери Марии Владимировне Рашет — адресате тургеневской надписи. Сведения эти, в основном почерпнутые (местами дословно) из вступительной статьи Н. О. Лернера к публикации писем Тургенева к Н. Н. Рашет,³ были в 1938 году приложены Остаповичем к экземпляру книги, скорее всего при передаче в какое-то государственное книгохранилище.

Вероятно, издание было подарено Тургеньевым М. В. Рашет (Мане) дважды: впервые — через полгода по выходе книги, о чем говорится в его письме

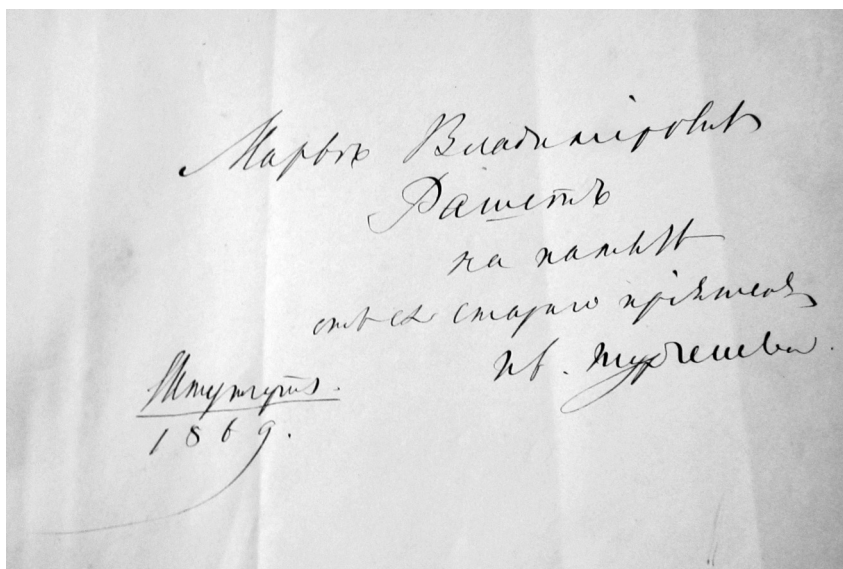
---

¹ Книга вышла в феврале 1866 г. в Лейпциге. См. письма Тургенева к И. П. Борису от 16 (28) марта 1867 г. и к А. А. Фету от 31 марта (12 апреля) 1867 г.: *ПССуП(2). Письма*. Т. 7. С. 140, 170, а также с. 324, примеч. 2 к письму 1857.

² Сведений об авторе письма обнаружить не удалось; известно только, что по профессии он был гражданский инженер, проживал по адресу: Москва, Измайловский Зверинец, Московский пр., д. 25, кв. 1.

³ См.: И. С. Тургенев. Письма к Н. Н. Рашет (1862–1872 гг.) / Предисл. и примеч. Н. Лернера // *Звенья*. 1934. Вып. 3–4. С. 673–678.

Дарственная надпись Тургенева М. В. Рашет
на книге «Волшебных сказок» Ш. Перро (СПб.; М., 1867).
Фрагмент шмуцтитиула

к матери девочки Н. Н. Рашет от 23 августа (4 сентября) 1866 года из Баден-Бадена: «Я очень рад, что Вы основались в Штуттгардте <...> Посылаю для Мани один экземпляр моего перевода сказок Перро, с иллюстрациями Дорэ — помните, над которым и Вы трудились».⁴ Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно.

Через три года писатель по какой-то причине дарит Мане «Сказки» Перро во второй раз;⁵ именно этот экземпляр сохранился в книжных фондах ГЛМ, с приложенным к нему письмом Г. Остаповича, публикуемым ниже. Возможно, книга, посланная писателем в 1866 году, была надписана им при личной встрече в 1869 году, в таком случае следует говорить о единственном дарственном экземпляре книги. Однако принимая во внимание известную забывчивость писателя по части дарения своих книг, версия о существова-

⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 54; значительная часть перевода принадлежала Н. В. Щербаню и Н. Н. Рашет. См. также письмо Тургенева к Н. Н. Рашет от апреля 1864 — января (не позднее 18) ст. ст. 1865 г. (?): Там же. Т. 6. С. 95.

⁵ Не исключено, что книга была подарена М. В. Рашет 10 января н. ст. 1869 г., в день приезда Тургенева в Штуттгарт на крестины дочери Жемчужниковых, о котором Н. Н. Рашет была осведомлена. Подробнее об этом пребывании Тургенева в Штуттгарте см. публикацию писем А. М. Жемчужникова к Тургенову в наст. томе.

нии первого экземпляра, подаренного Тургеневым в 1866 году, кажется более убедительной.⁶

Приводим текст сопроводительной записки Г. Остаповича целиком:

Настоящую книгу:

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

ПЕРРО

перевод с французского

ИВАНА ТУРГЕНЕВА.

Рисунки Густава Дорэ.

Санктпетербург и Москва

издание книгопродавца и типографа М. О. Вольфа.

1867

я приобрел у одного из букинистов на Моховой улице в Москве в 1922 году; у какого именно букиниста — не помню; небольшая книжная лавка его находилась в том доме, который ныне сломан и где помещался известный книжный магазин Карбасниковых.¹

На первой странице этой книги, перед шмуцтитолом имеется собственноручная надпись И. С. Тургенева, сделанная очень хорошо сохранившимися чернилами:

Марье Владимировне

Рашет

на память

от ее старого приятеля

Ив. Тургенева.

Штутгарт.

1869.

За истекшие годы, после 1922 г., я неоднократно пытался узнать: кто такая была Марья Владимировна Рашет² и какое имела отношение к И. С. Тургеневу, но поиски мои, признаться не очень усердные, оставались безрезультатными.

И вот в 1936 году один мой знакомый, которому я как-то показывал упомянутую книгу, сказал мне, что в сборнике «Звенья» за 1934 год в т. III–IV напечатана интересная статья: «И. С. Тургенев. Письма к Н. Н. Рашет»; автор статьи — Н. Лернер.³

---

⁶ См.: *Белехова С. П.* Автографы И. С. Тургенева на книгах в собрании Государственного литературного музея // *Иван Сергеевич Тургенев и Москва*. М., 2009. С. 183–184.

Из этой статьи я узнал следующие, интересовавшие меня, весьма содержательные и малоизвестные сведения.

Марья Владимировна Рашет — дочь Натальи Николаевны Рашет.⁴ Наталья Николаевна была младшая дочь генерала Антропова; ее мать, рожденная Собаньская, была полька, вышла замуж еще подростком лет тринадцати и тотчас после свадьбы была увезена мужем, Антроповым, в парижский поход.⁵

Родилась Наталья Николаевна около 1830 года в Виленской губернии в родительском имении Соля; воспитывалась в Белостокском институте благородных девиц, курс которого окончила в 1847 году с золотой медалью,⁶ и вскоре вышла замуж за командира гвардейского саперного батальона Владимира Антоновича Рашет,⁷ внука знаменитого скульптора Якова Рашет, «каменсечца хитрого», как назвал его Державин.^{*, 8}

Дочь Натальи Николаевны и Владимира Антоновича Рашет Марья Владимировна, которой Тургенев подарил настоящую книгу, родилась в 1854 году.

В 1855 году умер Владимир Антонович. Наталья Николаевна осталась молодой вдовой, очень красивой — высокой, стройной и вскорости вышла замуж вторично за своего родственника Антропова,⁹ но чрез несколько месяцев с ним разошлась и, покинув его, уехала с дочкой за границу.

По дороге на пароходе познакомилась с молодым поэтом К. К. Случевским (род. 1837 г., ум. 1904); между ними начался роман, который весьма мучительно и тяжело для обеих сторон длился несколько лет; наконец, они разошлись окончательно.

За границей Н<аталья> Н<иколаевна> прожила от начала 60-х годов до 1872 г.

В 1872 году она переехала в Петербург на постоянное жительство; выдала здесь замуж свою Маню, Марью Владимировну, за Велихова Александра Тимофеевича (1839–1888).

Умерла Наталья Николаевна в 1894 году и погребена на кладбище Александро-Невской лавры рядом со своей приемной дочерью Леночкой,¹⁰ которую пережила пятью годами.

В 1921 году рядом с ними обеими похоронена и Марья Владимировна Велихова, рожденная Рашет.

Настоящая книга — русский перевод И. С. Тургенева известных французских сказок Перро с рисунками художника Г. Дорэ, подаренная Тургеньевым в 1869 году М. В. Рашет, очень долго хранилась в семье Велиховых вместе с большой куклой (в украинском костюме), которую также Тургенев подарил малютке, внучке Натальи Николаевны.¹¹

---

* «Рашетт, он же Рошет и Ришет — Яков Иванович — Dominique Rchette; род. 1744 г., умер 1809 г. Медальер и скульптор, приехал в Россию в 1779 году».

Справку эту я нашел в Юбилейном сборнике императорской Академии художеств, 1714–1914, в т. II-м, стр. 269. — *Примеч. Г. Остаповича.*

У Марии Владимировны Велиховой была дочь Мария Александровна, рожд. Велихова, а по мужу Красовская, у которой и хранились упомянутые книга и кукла, а также все письма Тургенева к Н. Н. Рашет, с которой он был в переписке с 1862 по 1872 год.

Наталья Николаевна письма Тургенева передала лично на хранение Марии Александровне Красовской и завещала опубликовать их только тогда, когда уже никого из упоминаемых в письмах лиц не останется в живых...

С Тургеневым Наталья Николаевна познакомилась в Париже, вероятно чрез Случевского, вскоре после своего переезда за границу, и между ними быстро завязалась дружба, которая продолжалась до самой смерти Ивана Сергеевича.

После 1872 года они уже не переписывались, но Тургенев, приезжая в Петербург, навещал ее и ее дочь Марью Владимировну, которую помнил маленькой девочкой.¹²

С образованной, умной, привлекательной Н. Н. Рашет Тургенев легко сблизился, и письма его к ней сразу приняли характер простой и сердечной дружеской откровенности.

Он деликатно дает ей советы как старший друг, охотно делится с нею своими писательскими и иными тревогами и огорчениями и принимает участие в перипетиях ее капризного романа со Случевским.

Для характеристики отношений Тургенева к женщинам имеют значение его беглые и скупые упоминания о Полине Виардо. Тургенев, который в письмах к друзьям-мужчинам никогда не упускает случая похвалить ее, П. Виардо, даже порекламиривать и на все лады восхищается ею, в письмах к Рашет совсем не хвалит ее, говорит о ней редко и немного. П. Виардо, которая цепко держала в руках своего рыцаря, ревновала его ко всем молодым и красивым женщинам, с которыми он встречался, и Наталья Николаевна, конечно, не могла приобрести ее расположение.

Что чутье в данном случае не обманывало подозрительную испанку, об этом свидетельствуют письма 38-ое и 39-ое Тургенева к Наталье Николаевне.¹³ Поклоняясь Тургеневу как писателю, Наталья Николаевна, одинокая и тоскующая (она уже приближалась к сорока годам), увлеклась им как человеком. Хотя нам неизвестно* то письмо, с которым она обратилась к нему в начале 1869 года, но по ответу Тургенева, грустному и недоуменному, можно заключить с достаточной уверенностью, что она призналась Тургеневу в любви и предложила ему соединить обе их жизни.

Получив прямой и откровенный ответ Тургенева, она, как ловкая светская женщина, постаралась придать своим словам совсем иной оборот, а Тургенев охотно пошел ей навстречу и признал себя виновным в том, что — «дурно выразил свою мысль».¹⁴

---

* как неизвестны вообще ее письма к нему, которые, кажется нам, надо искать в парижском архиве Виардо. — *Примеч. Г. Остаповича.*

Тем дело и кончилось, не оставив тяжелого осадка на душе у обоих. Нат<алья> Ник<олаев>на немного огорчилась, немного посердилась на самое себя, но они остались друзьями как ни в чем не бывало.

Надо думать, что и сам пятидесятилетний писатель был тут не совсем без вины и подал Нат<алье> Ник<олаев>не повод к ее решительному признанию.

В жизни Тургенева было несколько таких едва завязывавшихся и так в ранней почке и закоченевших романов с достойными девушками и женщинами, и может быть, ни раз не сумел он взять счастье, которое само давалось ему в руки.

В его обычном герое, следующем из повести в повесть, из романа в роман, слабом и нерешительном мужчине, настоятельно повторяется эта черта, которая была присуща самому автору.

Гражданский инженер
Г. Остапович
12 сент. 38 г.
Москва,
Измайл<овский> Зверинец,
Московск<ий> просп. 25, кв. 1.

Печатается по авторской машинописи (подпись и адрес — автограф): Отдел книжных фондов ГЛМ. Шифр: Рав 90368 КА 50858/3890. Л. 1–3 об.

¹ Книжный магазин издательства Н. П. Карбасникова в Москве располагался по адресу: ул. Моховая, дом Коха (напротив Университета, на углу Тверской; здание не сохранилось). Неизвестно, о каком букинистическом магазине идет речь.

² *Рашет Мария Владимировна* (в замуж. Велихова; 1853–1921), дочь Н. Н. и В. А. Рашет («Маня»); 12 ноября ст. ст. 1872 г. в Петербурге вышла замуж за Александра Тимофеевича Велихова (1839–1888), товарища председателя Общества российских железных дорог (см., например, его работу: *Велихов А. Т.* Финансовые отношения государства и частных железных дорог. СПб., 1887. 9 с.), а также председателя советов Русского и Международного банков, о котором Тургенев, приглашенный в посаженные отцы, написал Н. Н. Рашет 29 июля (10 августа) 1872 г.: «...сколько можно судить по двухдневному знакомству, А. Т. Велихов совершенно способен составить счастье Вашей дочери», — но за неопределенностью сроков своей поездки в Петербург был «принужден отказаться от предложенной» чести (*ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 284). В браке М. В. Велихова родила дочь Марию и сына Льва (1875 — после 1940), впоследствии публициста, общественного деятеля, политика; в 1920-е гг. профессора Ростовского университета, арестованного по 58-й статье в 1940 г.; дальнейшая его судьба неизвестна. В ОГЛМТ хранится дневник М. В. Велиховой, который она вела с 1868 по 1921 гг.; последняя запись — периода гражданской войны: «Пальто и шубы проданы, брюки проданы, пиджак продан» (цит. по: *Александрова Л. М.* И. С. Тургенев и Маша Рашет (1854–1921) // *Тургеневский ежегодник 2007 года* / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрюхина. Орел, 2009. С. 46); видимо, сразу же после ее смерти (умерла и похоронена в Петербурге) экземпляр сказок Перро, подаренный Тургеневым, появился на букинистическом рынке Москвы.

³ И. С. Тургенев. Письма к Н. Н. Рашет (1862–1872 гг.) / Предисл. и примеч. Н. Лернера // *Звенья*. 1934. Вып. 3–4. С. 673–678.

⁴ *Рашет Наталья Николаевна* (урожд. Антропова, во втором браке Антропова; ок. 1830–1895), близкий друг поэта К. К. Случевского, знакомая и корреспондентка Тургенева, переводчица; писатель привлекал ее к работе над переводом сказок Ш. Перро (подробнее о ней см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 616).

⁵ *Антропов Николай Николаевич* (1782 — после 1834), отец Н. Н. Рашет, окончил Артиллерийский кадетский корпус (1797), генерал-майор артиллерии (с 1819 г.), участник войны 1812 г., походов 1813 и 1814 гг., окончил войну в Париже; в 1828 г. командир правого фланга Кавказской линии, командовал отрядом в операции против закубанских горцев.

⁶ См.: Исторический очерк Белостокского института благородных девиц. 1841–1891 г. / Сост. Н. П. Авенариус. Белосток, 1891. С. 61.

⁷ *Рашет Владимир Антонович* (1811–1855), первый муж Н. Н. Рашет, выпускник Царскосельского лицея, генерал-майор; его отец Антон Яковлевич Рашет был директором таможни в Риге.

⁸ В. А. Рашет был внуком скульптора Якова Ивановича (Жака-Доминика) Рашета (1744–1809), который прибыл в Петербург из Германии в 1779 г. для занятий на фарфоровом заводе (подробнее о нем см.: *Кобеко Д. Ф.* Скульптор Ж. Д. Рашет и его произведения // *Вестник изящных искусств*. 1883. Т. 1. Вып. 4. С. 636–646; *Рошет С. Н.* Скульптор Жак-Доминик Рашетт... Биография, история рода, список произведений, письма, документы. СПб., 2011). Г. Р. Державин о выполненных Рашетом мраморных бюстах себя и своей жены написал стихотворение «Мой истукан» (1794):

Готов кумир, желанный мною,
Рашет его изобразил!
Он хитрою своей рукою
Меня и в камне оживил.

⁹ *Антропов Лука Николаевич* (1841 (?), по др. сведениям 1843–1881), драматург, театральный и литературный критик; автор одного из самых резких отзывов на «Вешние воды» (*МВед.* 1872. 12 (24) января. № 9).

¹⁰ *Рашет Елена Владимировна* («Леночка»; ум. 1889), была взята Н. Н. Рашет на воспитание, а затем в 1862 г. удочерена. Вероятно, была дочерью Н. Н. Рашет и К. К. Случевского (*ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 478, примеч. 2 к письму 2808).

¹¹ *Красовская Мария Александровна* (урожд. Велихова), дочь М. В. Велиховой, внучка Н. Н. Рашет; никакими сведениями о ее судьбе не располагаем.

¹² Тургенев 28 декабря 1862 г. (9 января 1863 г.) (дата предположительная) приглашает близкого друга Н. Н. Рашет поэта К. К. Случевского «непрерменно с Маней» на рождественский «детский обед» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 139).

¹³ См.: И. С. Тургенев. Письма к Н. Н. Рашет (1862–1872 гг.). С. 716, 717; см. также: *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 124, 126.

¹⁴ В ответ на признание Рашет (неизв.) Тургенев писал 3 (15) января 1869 г.: «Мне очень жаль Вас — и удивление наполняет мою душу: как возможно продолжать питать те чувства, о которых Вы пишете?» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 124); и в следующем письме от 11 (23) января 1869 г.: «...мне очень жаль, что мое письмо, по-видимому, Вас огорчило: я, вероятно, дурно выразил свою мысль и прошу извинить меня» (Там же. С. 126).

СООБЩЕНИЯ

М. Я. Саррина

К ВОПРОСУ О ПРОТОТИПАХ ГЕРОЕВ «ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА» (в продолжение темы «Тургенев и Аполлон Григорьев»)

Замысел романа «Дворянское гнездо» относится, по признанию самого Тургенева, к началу 1856 года. На обложке рабочей тетради, в которой содержится черновая рукопись большей части романа, сохранилась запись: «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО, / повесть Ивана Тургенева. / Задумана в начале 1856-го года; долго очень не принимался за нее, всё вертел ее в голове; начал выработать ее летом 1858-го года в Спасском. / Кончена в понедельник, 27-го октября 1858-го года в Спасском».¹ Впервые описание рукописи было дано французским исследователем А. Мазоном.² Он же первым опубликовал и указанную надпись. Правда, ни Мазон, ни впоследствии составители седьмого (*ПССиП(1)*) и шестого томов сочинений (*ПССиП(2)*) первого и второго академических изданий не отметили, что в этой записи было сделано два исправления: вместо слова «выработать» первоначально было написано «отрабатывать» и, что особенно важно для нас, вместо слова «летом» было начато «в», что, по всей видимости, означало «весной» 1858 года.

Сравнительно недавно вопрос о времени возникновения замысла романа был поставлен под сомнение в работе известного новозеландского ученого Патрика Уоддингтона.³ Критикуя точку зрения автора

---

¹ *BN*. Slave 92, page du garde. См. иллюстрацию на с. 433. См. также: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10522483h/f3.image>

² *Mazon A.* Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev: Notices et extraits. Paris, 1930. P. 63.

³ *Уоддингтон П.* О хронологии создания «Дворянского гнезда» // *Т. Вопр биограф и творч (1990)*. С. 78–86.

историко-литературной части комментариев к «Дворянскому гнезду» в обоих академических изданиях (Т. П. Головановой, которая также готовила текст романа и варианты чернового автографа), П. Уоддингтон предположил, что упоминание о «новой большой повести» в письме к И. И. Панаеву от 3 (15) октября 1856 года, а также о совсем сложившемся «в голове плане романа» и даже набросанных «первых сценах» в письме к В. П. Боткину от 25 октября (6 ноября) того же года нельзя считать первыми свидетельствами о работе писателя над «Дворянским гнездом». Поводом к пересмотру датировки замысла романа, очевидно, послужило неизвестное ранее письмо Тургенева к Полине Виардо из Спасского, начатое 9 (21) и законченное 18 (30) июля 1858 года, где он сообщал о работе над новым романом. «...Как бы я был счастлив, — писал Тургенев, — если бы мог изложить вам его план, представить характеры, цель, которую я себе наметил, и проч.; как охотно принял бы я замечания, которые вы бы мне сделали! На этот раз я долго обдумывал сюжет и надеюсь избежать тех внезапных, нетерпеливых решений, которые вас справедливо раздражали».⁴ Из этих слов П. Уоддингтон сделал вывод, что собственно работа над романом началась между датами, обозначенными в письме, поскольку это был план и формулярные списки («характеры»), еще неизвестные Полине Виардо, а в упомянутых письмах к Боткину и Панаеву 1856 года речь шла о будущем романе «Накануне» или вообще о какой-то неизвестной повести.⁵ Между тем из приведенного письма к П. Виардо можно сделать и другой вывод, а именно: что Тургенев радикально переделал план романа, с которым уже знакомил П. Виардо, не одобрявшую слишком «нетерпеливые» повороты сюжетной линии. Кстати, именно неодобрение П. Виардо могло отложить написание романа на два года. Но важно отметить и другое:

---

⁴ ПССуП(2). Письма. Т. 3. С. 399. Подлинник по-франц.

⁵ «...Ибо в противном случае у писателя была бы возможность обсудить его с Полиной Виардо во время своих встреч с нею в апреле в Лейпциге или в мае в Лондоне <...>», что не следует из приведенного письма (Уоддингтон П. О хронологии создания «Дворянского гнезда». С. 80–81). Точка зрения Уоддингтона была принята Н. С. Никитиной в *Летописи (1818–1858)* (С. 453, примеч. 113), хотя отмеченные здесь события, произошедшие в перерыве между началом и окончанием письма к П. Виардо (те девять дней между 9 и 18 июля ст. ст. 1858 г., в которые, по мнению Уоддингтона, Тургенев приступил непосредственно к написанию романа), а именно: поездка с 11 по 12 июля к Фету в Новоселки, охота с ним же между 12 и 16 июля, возвращение в Спасское лишь 16 июля, кажется, не оставляют времени для усидчивой работы над новым произведением (Там же. С. 428). Очевидно, по этой причине Н. С. Никитина не отметила здесь начала написания «Дворянского гнезда».

Дворянское Гнездо,

Сок. 25
67. Piece

повесть Ивана Тургенева.

Заключена в печать 1858-го года, после чего
не притомилась за нее, все вернулось ей в
полн; печать исправлена в 1888-
году в С.-Петербурге.

Копчена в Понезовичах, 27-го октября

1858-го года в С.-Петербурге

1858.

«Дворянское гнездо». Титульный лист чернового автографа

в письме к П. Виардо от 20 января (1 февраля) того же 1858 года Тургенев, сообщая о том, что приступил к «довольно большому роману», напоминал: «...план которого я, по-моему, вам рассказывал как-то вечером в Париже».⁶ В комментариях к письму по этому поводу говорится: «Тургенев имеет в виду роман „Дворянское гнездо“, который был задуман в начале 1856 г. Беседовать о нем с П. Виардо Тургенев мог в конце лета — начале осени этого года».⁷ Тогда же П. Виардо могла сделать замечания, о которых Тургенев вспоминал в упомянутом письме. Сказанное не противоречит тому, что непосредственно к написанию романа он приступил позже, в июле 1858 года, как не противоречит и приведенной выше записи на обложке рабочей тетради с черновым автографом «Дворянского гнезда».

Следует, таким образом, признать, что высказанное Т. П. Головановой в историко-литературной части комментариев (реальные комментарии к роману были написаны М. П. Алексеевым) мнение, обобщающее разыскания целого ряда исследователей, остается в силе: «Напряженная работа над „Дворянским гнездом“, самый процесс написания романа начались после возвращения писателя на родину, в спокойной обстановке жизни в Спасском. Но и предшествующий период, насыщенный разнообразными впечатлениями, — частые переезды в новые места, встречи с многими людьми, беседы с Черкасским, Боткиным, Анненковым, Герценом, с другими современниками, олицетворявшими мысль и дух века; размышления о событиях, происходивших в русской общественной жизни, о развертывавшейся подготовке к освобождению крестьян, о роли дворянства в этом процессе, — был периодом интенсивного накопления материала и вынашивания основных образов и идей романа».⁸ Несомненно, в ряду перечисленных комментатором современников Тургенева должно стоять и имя Ап. Григорьева, с которым Тургенев встречался во Флоренции в марте 1858 года. «Григорьевский» след в «Дворянском гнезде» не раз становился предметом исследования в отечественном литературоведении. Однако прежде чем приступить к этой теме, следует обратить внимание на еще одну мысль, высказанную в упомянутой статье П. Уоддингтона, несмотря на то, что исследователь признает лишь одно упоминание о будущем романе за «подлин-

---

⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 390. Подлинник по-франц. В *Летописи (1818–1858)* упоминание о «новом большом романе» также никак не прокомментировано (С. 413).

⁷ Там же. С. 584.

⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 378.

ное», то есть относящееся к «Дворянскому гнезду», а именно письмо к гр. Е. Е. Ламберт от 22 декабря 1857 года (3 января 1858 года), где читаем: «Я теперь занят другою, большою повестью, главное лицо которой — девушка, существо религиозное <...>».⁹

«Отметим, — пишет П. Уоддингтон, — что на этой стадии обдумывания и первых набросков романа писатель, по-видимому, в значительной мере под влиянием своей переписки с графиней Ламберт и, быть может, под впечатлением от своего пребывания в Риме (этой признанной колыбели организованного христианства, претендующей быть его столицей) предполагал главным лицом в своем задуманном произведении сделать героиню, будущую Лизу Калитину, а не героя, Лаврецкого, характер которого с его колебаниями и сомнениями, с отраженными в нем мотивами судьбы и цыганского существования, возможно, сложился у Тургенева уже на самых ранних подступах к „Дворянскому гнезду“».¹⁰ Признавая несомненным высказанное мнение относительно первоначального замысла, в котором Лиза была главным лицом в романе, усомнися в выводе исследователя о времени переакцентировки внимания на образ Лаврецкого. Она могла состояться не на самых ранних подступах к роману, а значительно позже, и здесь могли иметь особое значение встречи Тургенева с Ап. Григорьевым во Флоренции в начале марта 1858 года.¹¹

Значение флорентийских бесед Тургенева и Григорьева при создании образа Лаврецкого убедительно аргументировали Р. Виттакер и Б. Ф. Егоров. Комментируя единственное сохранившееся письмо Григорьева к Тургеневу, исследователи отмечают: «Более чем вероятно, что Тургенев во время флорентийских бесед узнал многие факты из личной жизни Г<ригорьева> и использовал их, а также некоторые черты характера Г<ригорьева> при создании образа Лаврецкого в „Дворянском гнезде“ (скандальная история женитьбы отца на простой девушке, некоторые особенности воспитания в детстве, трагическое потрясение при обнаружении измены жены) <...>».¹²

Необходимо добавить, что в Италии Григорьев переживал сильную личную драму. О неразделенной любви к юной Леониде Визард, в ко-

⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 283.

¹⁰ Уоддингтон П. О хронологии создания «Дворянского гнезда». С. 80.

¹¹ Об этих встречах см.: Саррина М. Я. Тургенев и Аполлон Григорьев: Диалоги во Флоренции // Тургеневский ежегодник 2010 года. Орел, 2011. С. 33–49.

¹² Григорьев А. А. Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М., 1999. С. 404, примеч. к письму 212 (Лит. памятники). Далее ссылки на это издание сокращенно: Григорьев. Письма.

торой он видел столь поздно обретенный женский идеал, о сковывающих узах брака критик не мог не рассказать писателю. Эти факты из личной жизни Григорьева мог использовать Тургенев при создании образа Лаврецкого.

Б. Ф. Егорову принадлежит одно любопытное наблюдение. Анализируя прозу Ап. Григорьева, он пришел к выводу, что в ней «оказалось неожиданно много зародышей, „черновики“, набросов будущих значительных идейно-художественных разработок. Например, очень многое здесь предвещает известные тургеневские открытия».¹³ Среди подобных открытий Григорьева исследователь справедливо называет сквозной, «переходящий из повести в повесть» образ «лишнего человека» Александра Ивановича Браги (что уже само по себе дает право отнести его к разряду типов), который в рассказе «Один из многих» говорит о себе: «...я не литератор, не служащий, я человек вовсе лишний на свете».¹⁴ «Рассказ в трех эпизодах» (авторский подзаголовок) «Один из многих» был впервые опубликован в журнале «Репертуар и Пантеон» в 1846 году (№ 6), а четыре года спустя «этот эпитет благодаря тургеневской повести „Дневник лишнего человека“ станет всероссийски известным и значимым».¹⁵

Егоров же обратил внимание на сходство некоторых деталей в биографиях Федора Ивановича Лаврецкого и Григорьева. Однако в данной статье привел лишь одно из них — «спартанское воспитание полковником Скарлатовым Ванюши Званинцева <...> — как бы прообраз будущей сходной истории тургеневского Лаврецкого (ряд других фактов биографии Лаврецкого Тургенев, надо полагать, заимствовал из рассказов Григорьева о его реальной жизни: известно их сближение в период создания „Дворянского гнезда“ и слишком уж сходны эпизоды)».¹⁶ Соглашаясь в целом с высказанной гипотезой о прототипичности образа Лаврецкого, скажем сразу, что значение многих «совпадений» в биографиях Лаврецкого и Григорьева не следует преувеличивать, они носят вполне типовой для эпохи характер.

Необходимо помнить, что повествование о Лаврецком, как уже отмечалось исследователями, «изобилует автобиографическими дета-

---

¹³ Егоров Б. Ф. Художественная проза Ап. Григорьева // Григорьев Ап. Воспоминания / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров. М., 1988. С. 350–351 (Лит. памятники). Далее ссылки на это издание сокращенно: *Григорьев. Воспоминания*.

¹⁴ Там же. С. 211.

¹⁵ Там же. С. 351.

¹⁶ Там же.

лями».¹⁷ Так, в воспоминаниях о Тургеневе Н. А. Островской говорится, что, изображая «спартанское» воспитание Лаврецкого, писатель имел в виду в том числе себя и своего отца.¹⁸ Цитируемое Т. П. Головановой в комментариях к роману письмо Тургенева к П. Виардо также свидетельствует о том, что подобный подход к воспитанию в дворянских семьях не был редкостью.¹⁹

К сказанному можно добавить несколько существенных деталей. Несомненно, в сюжете об отце Лаврецкого, женившемся, вопреки воле родителей, на крепостной девушке Маланье, явно прочитывается история женитьбы отца Григорьева на дочери кучера. Но подобные «мезальянсы» не были исключением в среде дворянства. Представляется очень важной акцентированная писателем в результате правки в автографе после первого чтения романа в конце ноября — начале декабря 1858 года тема близости Лаврецкого к народу. «Писатель, — отмечает Т. П. Голованова, — упорно оттеняет вставками важное для него обстоятельство — мужицкие черты в характере Лаврецкого».²⁰ В уста Михалеви́ча Тургенев вписывает строки «о происхождении Лаврецкого от матери-крестьянки („благодари бога, что и в твоих жилах течет честная плебейская кровь“».²¹

---

¹⁷ См.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 6. С. 397, коммент. Т. П. Головановой.

¹⁸ Рассуждая о приемах воспитания и воздействии его на детей, Тургенев говорил Островской: «Мое убеждение <...>, что можно обучить, но не воспитать. Каким образом, под каким впечатлением складывается характер, до сих пор еще остается неразгаданной тайной. Вот вам пример <...>. Нас с братом и Самариных наши отцы воспитывали по одной и той же системе. Я описал подобную систему в „Дворянском гнезде“ в детстве Лаврецкого. В это время многие увлекались так называемым спартанским воспитанием. И что же вышло? Я оказался слабохарактерным, расплывчатым, а из Юрия, Дмитрия Самариных вышли люди сосредоточенные, с сильной волей» (*Островская Н. А. Из воспоминаний о Тургеневе // Т в восп совр (2)*. Т. 2. С. 87).

¹⁹ Как раз в период написания «Дворянского гнезда» Тургенев, рассказывая о семейных обстоятельствах сестры Л. Н. Толстого Марии Николаевны, писал: «Она принуждена была разойтись со своим мужем, своего рода деревенским Генрихом VIII, преотвратительным. У нее трое детей, которые отлично развиваются, особенно с тех пор, как папаши нет с ними. Он, независимо от их поведения, обращался с ними весьма сурово, доставляя себе удовольствие воспитывать их на спартанский лад, сам ведя образ жизни совершенно противоположный. Подобные вещи случаются часто: люди таким образом доставляют себе удовольствие быть и порочными и добродетельными — добродетельными за чужой счет» (*ПССиП(2)*. Письма. Т. 3. С. 396. Письмо к П. Виардо от 25 июня (7 июля) 1858 г. Подлинник по-франц.).

²⁰ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 6. С. 384.

²¹ Там же.

Очень может быть, что, рассказывая в беседах с Тургеневым²² о своем роде, Григорьев, который, в отличие, например, от Фета, «довольно спокойно относился к своему „незаконному“ рождению и мещанскому званию (скорее даже гордился им <...>», говорил о «своей кровной связи с народом».²³ Именно в близости к народу он видел главное отличие и своего независимого учения: «Мы не ученый кружок, как славянофильство и западничество: мы — народ».²⁴ Тема близости к народу, интерес и сочувствие к жизни крепостных занимают одно из центральных мест в мемуарах Григорьева «Мои литературные и нравственные скитальчества».

Именно близость Лаврецкого к народу подчеркивал Григорьев в цикле статей о романе «Дворянское гнездо»: «Лаврецкий — живой человек, связанный с жизнью, почвою, преданиями, но прошедший бездны сомнения, внутренних страданий, совершивший несколько моральных скачков. Отсюда выходит весь его душевный процесс, вся драма его отношений».²⁵ По мнению критика, в образе Лаврецкого (и Лежнева — героя романа «Рудин») «философское направление кончает смирением перед действительностью, смирением перед <...> *народною правдою*».²⁶ Это «смирение действительное», в нем «больше внутренних, физиологиче-

---

²² В «Краткой летописи жизни Ап. Григорьева» Б. Ф. Егоров отмечает: «Начало марта 1858 г. Приезд во Флоренцию И. С. Тургенева, непрерывные, в течение нескольких дней, беседы с ним» (*Григорьев. Воспоминания*. С. 375).

²³ *Егоров Б. Ф. Художественная проза Ап. Григорьева*. С. 363. Здесь можно отметить, что сравнение с обстоятельствами рождения А. А. Фета не вполне корректно, поскольку в случае Фета речь шла не о «низком» происхождении (напротив, мать Фета принадлежала к аристократическому немецкому роду фон Гагернов).

²⁴ *Григорьев. Письма*. С. 128. Письмо к М. П. Погодину (около апреля 1857 г.). Следует учитывать, что под народом Григорьев понимал не «исключительно одно крестьянство», видя также «старую извечную Русь» «в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу» (Там же. С. 106. Письмо к А. И. Кошелеву от 25 марта 1856 г.). В этом проявлялся демократизм критика, которому славянофильство было «отчасти смешно, отчасти ненавистно как *барство* с одной стороны и пуританство с другой» именно потому, что видело «*народное* начало только в одном крестьянстве (потому что оно у *них* связывается с старым боярством)» (Там же. С. 127).

²⁵ *Григорьев Ап. И. С. Тургенев и его деятельность: По поводу романа «Дворянское гнездо»* (Русское слово. 1859. № 1). Письма к г. Г. А. К. Б. // *Сочинения Аполлона Григорьева* / Изд. Н. Н. Страхова. СПб., 1876. Т. 1. С. 432. Далее ссылки на эту статью сокращенно: *Григорьев. Тургенев и его деятельность*. Цитируем по этому изданию, поскольку здесь статья опубликована без купюр.

²⁶ Там же. С. 382.

ских связей с той почвою, которая произвела их».²⁷ Трактовка критиком образа Лаврецкого в цикле статей о романе «Дворянское гнездо» очень личностная. Очевидно, что все процитированные выше строки, по мнению Григорьева, в равной мере характеризуют и Лаврецкого, и его самого. Недаром в начале четвертой статьи цикла Григорьев обобщает свои рассуждения о характере Лаврецкого указанием на черты, «которые делают его нашим общим представителем».²⁸ Григорьев, несомненно, видел биографическое и духовное родство между героем романа и собой, воспринимал себя как человека, «в народ верующего» и «воспитавшего в себе смирение перед народною правдою». Прямо обращаясь к Тургеневу в начале статьи о «Грозе» А. Н. Островского, Григорьев недвусмысленно указывает на это духовное родство: «Для меня лично, человека в народ верующего и давно, прежде вашего Лаврецкого, воспитавшего в себе смирение перед народною правдою, понимание и чувство народа составляют высший критерий <...>».²⁹ Не случайно именно слова Лаврецкого — «Смирение перед народною правдою» — критик выносит в качестве одного из эпиграфов к этому новому циклу статей, написанному в форме писем к Тургеневу. Рискнем предположить, что сама эта формулировка могла прозвучать из уст Григорьева и была вложена Тургеневым в уста Лаврецкого.

Интересно, что в статьях о «Дворянском гнезде», цитируя текст романа, критик выделил курсивом те строки о мужицких чертах в характере Лаврецкого, которые писатель добавил в ходе интенсивной правки после первого чтения. Однако трактовал их Григорьев несколько иначе: как «борьбу природы *сделанной*, созданной идеями, образованием, с натурой грубой, звериной», борьбу «против стихийного, физиологического».³⁰ «Правда, — пишет критик, — что приливы звериных свойств природы тут только пена, а не настоящее дело. Лаврецкий не только что не убил — не побил бы своей жены; за это можно отвечать».³¹

Еще одна черта личности Григорьева, точнее событие его духовной биографии, о котором мог размышлять писатель, создавая образ Лаврецкого, — неопытность, неумение отличать истинное чувство от лож-

---

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Григорьев Ап. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу. Письмо первое // Григорьев Ап. Литературная критика / Под ред. Б. Ф. Егорова. М., 1967. С. 368.

³⁰ Григорьев. Тургенев и его деятельность. С. 386.

³¹ Там же.

ного и как следствие — обман и трагически неудачная женитьба. Необходимо отметить, что эти эпизоды также подверглись интенсивной правке. «Почти каждая строка в этих эпизодах имеет по несколько вариантов, иногда до 8».³² Возможно, общение с критиком во Флоренции помогло писателю найти точное психологическое объяснение ослепления Лаврецкого ложным чувством. И это объяснение было чрезвычайно близко критику. Одной из причин «драмы отношений» молодого Лаврецкого является позднее взросление героя и его неподготовленность к жизни.

Образ «взрослого ребенка» значим в романе. «Здоровый, краснощекий, уже с заросшей бородой, молчаливый» Лаврецкий «производил странное впечатление на своих товарищей; они и не подозревали того, что в этом суровом муже, аккуратно приехавшем на лекции в широких деревенских санях парой, таился чуть не ребенок».³³ Женившись на Варваре Павловне, Лаврецкий «блаженствовал, упивался счастьем; он предавался ему, как дитя... Он и был невинен, как дитя, этот юный Алкид».³⁴ Возможно, мотив «взрослого ребенка» Тургенев заимствовал именно из флорентийских бесед с Григорьевым. Ведь эта тема была чрезвычайно значимой, даже болезненной для критика. Фактически сбежав в Петербург из Москвы в 1845 году, он так объяснял отцу причины отъезда: «Мне стало несносно <...> жить *ребенком* (вспомните только утренние головочесания, посылания за мною по вечерам к Крыловым Ванек, Иванов и сцены за лишний высиженный час), <...> мне стало *постыдно* выносить чьи бы то ни было наставления».³⁵ От надежд на любовь и счастье он отрекся: «А у меня не было *надежд*; ребенок, которому чесали головку — я, однако, был столько благороден, чтобы отречься от всяких надежд».³⁶

Причина, по которой Лаврецкий не повзрослел вовремя, — та же, что и у Григорьева — «совершенно уродливое воспитание», обусловленное «гнетом деспотизма домашнего».³⁷ Отец Федора Лаврецкого, Иван Петрович, по мнению критика, — «тип не простой, а тип реформаторский. Ведь он ломает жизнь по своему личному капризу, где только может, — ведь он своими бестолковыми реформаторскими замашками

---

³² ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 376.

³³ Там же. С. 44.

³⁴ Там же. С. 48.

³⁵ Григорьев. Письма. С. 17.

³⁶ Там же. С. 17–18.

³⁷ Григорьев. Тургенев и его деятельность. С. 442.

и оскорбляет, и, — когда эти реформаторские замашки оказываются мыльными пузырями, — возбуждает к себе невольное презрение».³⁸ Ощувив «на себе всю тяжесть зависимости от подобного типа в жизни», при «освобождении из-под гнета» Лаврецкий «законно мог почувствовать, что жизнь перед ним открывается».³⁹ Нечто похожее мог испытать в свое время и Тургенев, вырвавшись из-под деспотической опеки матери, когда оказался за границей в мае 1838 года. Даже «реформаторство» Варвары Петровны было вполне сопоставимо с «реформами» Ивана Петровича Лаврецкого. Однако, по мнению критика, «спартанская система воспитания, как всякая теория, нисколько не приготовила Лаврецкого к жизни... Лучшее, что дала ему жизнь, было сознание недостатков воспитания».⁴⁰ Герой совершил ошибку, женившись на Варваре Павловне, именно потому, что «был лишен всякого понимания жизни».⁴¹ В результате «капризного воспитания», даже когда «заколдованный круг расторгся», Лаврецкий «сознавал, что он не свободен; он втайне чувствовал себя чужаком» и «продолжал стоять на одном месте, замкнутый и сжатый в самом себе».⁴²

Представляется далеко не случайным, что именно Григорьев был единственным критиком, который при разборе романа акцентировал внимание на теме домашнего деспотизма. «Человеком жестоким, дерзким, умным и лукавым» был родной прадед Федора Лаврецкого, Андрей, который чем «тише говорил, тем больше трепетали все вокруг него».⁴³ «До нынешнего дня не умолкла молва об его самоуправстве, о бешеном его нраве, безумной щедрости и алчности неутолимой».⁴⁴ Тетке Лаврецкого, Глафире, «все <...> покорялись; без ее разрешения куска сахара не выдавалось; она скорее согласилась бы умереть, чем поделиться властью с другой хозяйкой, — и какую еще хозяйкой!».⁴⁵

³⁸ Там же. С. 440.

³⁹ Там же. С. 439–440.

⁴⁰ Там же. С. 441.

⁴¹ Там же. С. 442.

⁴² *ПССУП(2). Соч.* Т. 6. С. 43.

⁴³ Там же. С. 28–29.

⁴⁴ Там же. С. 29. «В первоначальной редакции приводилось значительно больше подробностей из семейной хроники Лаврецких, чем вошло в окончательный текст. В частности, подробнее описывались „страшные дела“ Тимофея Лаврецкого и его сына Петра, прадеда и деда героя — жестокие методы обучения дворовых мальчиков ремеслу, картина оскудения некогда богатых хозяйств, произвол и беспутство поместных прожигателей жизни» (Там же. С. 398).

⁴⁵ Там же. С. 36.

Можно ли приобрести нравственные качества, которыми человек не обладает с рождения? Возможно, об этом говорили писатель и критик во Флоренции. Тургенев мог рассказать о брате деда по материнской линии — А. И. Лутовинове, которого можно считать прототипом деда Лаврецкого. На черты сходства «между образом деспота Андрея Лаврецкого и братом деда Тургенева по материнской линии Алексея Ивановича Лутовинова, между жизненной судьбой отца Лаврецкого Ивана Петровича и деградировавшего вольтерьянца Ивана Ивановича Лутовинова» не раз указывалось литературе.⁴⁶

Григорьев — в свою очередь — мог рассказать о «мире страшного, багровского деспотизма», о «домашней догме», постоянном «ожидании проявлений непререкаемой власти», о своем деде, представителе типа «кряжевых людей бывалой эпохи».⁴⁷ Свое детство и юность критик описал в мемуарах «Мои литературные и нравственные скитальчества». В них Григорьев посмотрел «на себя как на одного из сынов известной эпохи», поэтому в книгу вошло «только то, что характеризует эпоху вообще», а «личное» «только в той степени, в какой оно характеризует эпоху».⁴⁸

Вспоминая необузданные выходки отца, Григорьев писал: «Нет, это было нечто физиологическое, дань чему-то родовому, нечто совсем бешеное и неистовое, нечто такое, чего приливы я сам, конечно, по другим поводам, чувствовал иногда в себе и чему тоже отдавался, как зверь...».⁴⁹ Вспомним, что именно как один из приливов «звериных свойств природы» критик трактовал желание Лаврецкого избить жену.

Узнав об измене жены, Лаврецкий «затрепетал весь и бросился вон; он почувствовал, что в это мгновение он был в состоянии истерзать ее, избить ее до полусмерти, *по-мужицки*, задушить ее своими руками».⁵⁰ Ему хотелось «пойти, сказать им: „*Вы со мной напрасно пошутили; прадед мой мужиков за ребра вешал, а дед мой сам был мужик*“, — да убить их обоих».⁵¹ Подчеркнем еще раз, что выделенные курсивом строки были внесены Тургеневым при переработке романа.

⁴⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 398.

⁴⁷ Григорьев А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Григорьев. Воспоминания. С. 14, 13.

⁴⁸ Там же. С. 10.

⁴⁹ Там же. С. 17.

⁵⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 52. Выделено мною. — М. С.

⁵¹ Там же. С. 53. Выделено мною. — М. С.

В мемуарах Григорьева тема безотчетного смирения перед домашним деспотизмом и его влияния на ребенка связана прежде всего с личностью отца.

Тургенев как тонкий психолог, познакомившись ближе во Флоренции с Григорьевым, несомненно понял, что в характере критика удивительно сочетались стремление к единовластию, категоричность, не позволившие ему долго сотрудничать ни в одном из существовавших журналов, и бесхарактерность, безответственность, следствием которых стали постоянные финансовые проблемы, алкогольная зависимость и убеждение, что любые проблемы можно решить отъездом, побегом.

Есть, правда, и другая версия «григорьевского» следа в романе «Дворянское гнездо». В содержательной статье «„Дворянское гнездо“: О реальных истоках образа Михалевича» Г. Н. Антонова отметила, что образ Михалевича воплощает характерные черты «русских романтиков славянофильского толка, идеология которых складывалась в 30-е годы»,⁵² а «самый душевный склад и судьба этого героя, как они раскрываются в романе, разительно напоминают нравственный облик и некоторые факты биографии А. Григорьева».⁵³ Идеализм, фанатическая преданность идеалам, демократизм, бедность, о которой свидетельствовали небрежность одежды и манер, — «эти приметы облика тургеневского героя тоже во многом повторяли характерные черты личности А. Григорьева».⁵⁴ В некоторых эпизодах биографии Михалевича (восторженные влюбленности, учительство в «казенных заведениях») также, по мнению Антоновой, отразились факты из жизни А. Григорьева.⁵⁵ Высказанные наблюдения позволили исследовательнице признать Ап. Григорьева прототипом образа Михалевича, хотя и с оговоркой, что этот образ имеет «обобщающий смысл».⁵⁶

Опираясь на эпистолярное наследие Тургенева и мемуары А. А. Фета, еще одну версию прототипичности образа Михалевича предложила Н. П. Генералова, придя к выводу, что в спорах Лаврецкого и Михалевича «отразились в значительной степени споры Тургенева с А. А. Фетом».⁵⁷

---

⁵² Антонова Г. Н. «Дворянское гнездо»: О реальных истоках образа Михалевича // *Т Сб.* Вып. 5. С. 228.

⁵³ Там же. С. 230–231.

⁵⁴ Там же. С. 233.

⁵⁵ Там же. С. 234.

⁵⁶ Там же. При этом, подчеркивает исследовательница, «именно художественный тип видел в нем и сам А. Григорьев».

⁵⁷ Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 388.

Прототип идеалиста Михалевича, несомненно, следует устанавливать, пользуясь выражением Т. П. Головановой, «по признаку интеллектуального и духовного родства».⁵⁸ По этому признаку сходство Михалевича с Григорьевым представляется очень спорным. Так, например, Г. Н. Антонова, упоминая о встречах Тургенева и Григорьева во Флоренции в марте 1858 года, не учитывает того факта, что круг обсуждавшихся там вопросов отражен в письме критика к М. П. Погодину: пути развития литературы в России в период борьбы позитивистского и эстетического взглядов, отличия нового направления Григорьева от западничества и славянофильства, судьба критического наследия Белинского и др.⁵⁹ Вопросы крестьянской реформы и роли дворянства в пореформенный период никогда не входили в сферу интересов критика, как и любая реформаторская, общественно-экономическая деятельность. Вопросы искусства, напротив, обсуждались ими весьма живо.

Тургенев уже был знаком с программной работой Григорьева «О правде и искренности в искусстве, по поводу одного эстетического вопроса. Письмо к А. С. Х—ву» (1856), которую критик прочитал ему во Флоренции. Работая над образом Михалевича, говорившего о своих стихах: «...в них поэзии нет, но есть правда»,⁶⁰ писатель не мог иметь в виду эстетические принципы Григорьева, поскольку, безусловно, понимал, что эти слова абсолютно противоположны взглядам критика на природу искусства. По мысли критика, искусство и правда не делимы, истинный художник является «носителем света и правды», идеала, «высшим представителем нравственных понятий, окружающей его жизни».⁶¹ Но приведенные слова Михалевича противоречат и эстетическому кредо «чистого лирика» Фета, который не мог сказать о своих стихах, что «в них поэзии нет».

Аргументируя свою точку зрения, Г. Н. Антонова цитирует первые строки из стихотворения Григорьева «Отрывок из неоконченного собрания сатир» («Сатиры смелый бич, брошенный давно...», 1855), не публиковавшегося при жизни автора, но не приводит ни одного аргумента в пользу того, что критик познакомил с ним Тургенева. К тому же очевидно, что стихотворение посвящено не реформаторской деятельности и «долгу перед народом», а высмеиванию мнимых страданий,

⁵⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 397.

⁵⁹ См.: Григорьев. Письма. С. 194. Письмо от 7–10 (19–22) марта 1858 г.

⁶⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 74.

⁶¹ Григорьев Ап. Эстетика и критика / Изд. подгот. А. И. Журавлева. М., 1980. С. 68.

«мятежных дум» и постоянных сомнений представителей литературного направления, которое Григорьев называл «лермонтовским». Поэтому данный отрывок нельзя считать аргументом, доказывающим близость идейных позиций Григорьева и Михалевича.

Противоречат принципам Григорьева и «последние три слова» Михалевича: «религия, прогресс, человечность!...».⁶² Можно предположить, что во Флоренции критик говорил писателю о своем отношении к религии и прогрессу примерно так, как написал А. Н. Майкову 9 (18) января 1858 года: «...именно ты-то и принадлежишь к числу личностей, не могущих жить без абсолюта, т. е. без целостного мирозерцания, т. е. без веры. <...> Я не знаю, что для меня отвратительнее: петербургский прогресс <...> или дилетантизм православия или, наконец, цинический атеизм Герцена! Все это вещи — равного нумера и достоинства — и <...> одинаково происходят от одной причины: от неверия в жизнь, идеалы и искусство. Все это разрешается *утилитарною* утопиею плотского благополучия или духовного рабства и китайским застоём под гнетом *внешнего* единства — за отсутствием единства внутреннего, т. е. Христа, т. е. Идеала, т. е. *Меры*, Красоты, — в которой одной заключается истина и которой одной входит истина в душу человека. <...> Искусство — это второй мир второго творца...».⁶³ Слова «прогресс» и «религия» (как антоним понятия «вера») для критика имели исключительно отрицательную коннотацию. В цитируемом Антоновой письме к Тургеневу Григорьев писал: «...мало верю вообще в *statu quo* нашего прогресса и *définitivement* (окончательно — *франц.*) верю, кажется, только в *отрицательную* правоту Герцена, да в *положительную* правоту тех таинственных, еще не раскры<в>шихся миру сил, которые зовутся *народом* и *православием*».⁶⁴

В целом следует признать, что принципы Михалевича кардинально отличаются от идей Григорьева.

Напротив, наблюдение Г. Н. Антоновой о схожих привычках Михалевича и Ивана Ивановича (литературной маски Григорьева)⁶⁵ является очень точным, но его можно интерпретировать иным образом. Роман «Дворянское гнездо» был опубликован на год раньше очерка Григорьева. Поэтому в некоторых характеристиках Ивана Ивановича обнаруживается текстуальное сходство с чертами Михалевича, а не наоборот.

⁶² ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 79.

⁶³ Григорьев. Письма. С. 184.

⁶⁴ Там же. С. 200. Письмо от 28 или 29 апреля (10 или 11 мая) 1858 г.

⁶⁵ Антонова Г. Н. «Дворянское гнездо»: О реальных истоках образа Михалевича. С. 233.

В характеристиках обоих героев скорее обнаруживается текстуальное сходство с характеристикой Дон-Кихота из статьи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот». Черновой автограф романа, как отмечала Т. П. Голованова, также свидетельствует о том, что Тургенев сознательно вводил и подчеркивал черты сходства между Михалевичем и Дон-Кихотом.⁶⁶ Это девять «дополнительных строк, характеризующих бедность Михалевича, его дурные привычки, вызванные полуголодным существованием, его пренебрежение к одежде и по контрасту — его преданность идеалу, во имя которого он готов подвергаться всем возможным лишениям».⁶⁷ И Михалевич, и Иван Иванович (литературная маска Григорьева) наделены «донкихотским» набором черт романтика, идеалиста. Идеалистом и «вечным Дон-Кихотом» был сам Григорьев. Это, безусловно, и есть то качество критика, которое мог позаимствовать писатель для образа Михалевича. Однако романтиками и идеалистами были многие близкие Тургеневу люди поколения «культурного слоя», именно поэтому образ Михалевича является обобщающим.

Возможно, ответ на вопрос о прототипе Михалевича стоит искать в работах самого Григорьева. Разбирая в статьях о «Дворянском гнезде» эпизод спора Лаврецкого и Михалевича, критик не случайно назвал его «глубоко-знаменательной, исторической сценой».⁶⁸ В чем же, по его мнению, было историческое значение этой сцены? Образ Михалевича нужен, чтобы показать связь Лаврецкого с эпохой могущественного влияния философии, «с миром Рудина, Фауста, Гамлета Щигровского уезда».⁶⁹ Подчеркивая взаимосвязь образов Михалевича и Рудина, Григорьев пишет их через дефис: Михалевич-Рудин. Разница между этими героями и Лаврецким в том, что в Лаврецком «философское направление кончается смирением перед действительностью, <...> народною правдою», а в «Михалевиче-Рудине» «философское направление — кончается протестом, протестом вечным, безвыходным».⁷⁰ Так происходит потому, что в этих героях меньше «внутренних, физиологических связей с той почвою, которая произвела их, с той средой, которая воспитала их первые впечатления».⁷¹ Их смирение является «логическим требованием», смирение же перед почвою Лаврецкого — это «смирение дейст-

---

⁶⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 385.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Григорьев. Тургенев и его деятельность. С. 372.

⁶⁹ Там же. С. 368.

⁷⁰ Там же. С. 362.

⁷¹ Там же.

вительное».⁷² Таким же «действительным» является смирение «перед почвою» автора романа, потому что оно возникло в душе Тургенева, «как душе поэта — не чисто логическим, рудинским или михалевичевским требованием, — а отсадком самой почвы, самой среды, пушкинским Белкиным».⁷³

Размышляя об образе Михалевича, Григорьев очень точно уловил стремление Тургенева подчеркнуть черты сходства между Михалевичем и Дон-Кихотом.⁷⁴ Сравнивая Михалевича и Лаврецкого, он писал: «...Михалевич-Рудин — Дон-Кихот, Дон-Кихот почтенный, но все-таки Дон-Кихот, а Лаврецкий — Лежнев опозтизированный, Лежнев, которому придано много качеств Рудина».⁷⁵ Именно это сопоставление Григорьева, а также текстуальное сходство характеристик Михалевича и Дон-Кихота в статье Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» позволяют выдвинуть еще одно предположение о прототипе этого героя романа.

Нам уже приходилось затрагивать проблему взаимосвязи замыслов очерка «Встреча моя с Белинским» (и шире — воспоминаний Тургенева о Белинском) и статьи «Гамлет и Дон-Кихот».⁷⁶ Проводя параллель между указанными выше произведениями и романом «Дворянское гнездо», отметим, что замыслы всех трех относятся к 1856 году. Определенный «всплеск» творческой активности Тургенева в работе над «незаконченным» «Гамлетом и Дон-Кихотом» наблюдается в мае 1858 года. Роман «Дворянское гнездо» был закончен 27 октября ст. ст. 1858 года.

Образ Дон-Кихота для этих трех столь различных по жанру и проблематике произведений оказывается связующим. Сопоставление статьи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» и его «Воспоминаний о Белинском» дает интересный материал для выявления генезиса тургеневского образа Дон-Кихота. В частности, оно позволяет предположить, что в основу этого социально-психологического типа положен комплекс морально-этических черт, характерных для лучших людей уходящего поколения 1830–1840-х годов, и прежде всего — В. Г. Белинского. Вот почему Белинского можно с уверенностью назвать одним из «прототипов» тургеневского Дон-Кихота.

---

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 389.

⁷⁴ Более подробно о взаимосвязи образов Михалевича и Дон-Кихота см.: ПССиП(2). Соч. Т. 6. С 385–386.

⁷⁵ Григорьев. Тургенев и его деятельность. С. 382.

⁷⁶ Саррина М. Я. К восприятию проблемы «русского Дон-Кихота»: И. С. Тургенев // Пушкинские чтения-2011. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст. Материалы XVI международной конференции. СПб., 2011. С. 279–287.

При сопоставлении статьи «Гамлет и Дон-Кихот», воспоминаний Тургенева о Белинском и романа «Дворянское гнездо» параллель Дон-Кихот — Белинский — Михалевич также становится очевидной. В «Воспоминаниях о Белинском», в статье «Гамлет и Дон-Кихот» и при работе над образом Михалевича писатель ставит акценты на внешности героев (подчеркнутая некрасивость, худоба, «нескладность»), на их социальном положении (бедность Дон-Кихота и Михалевича, рассказ о бедной юности Белинского), на бескорыстии и энтузиастической природе их характеров.

В статье «Гамлет и Дон-Кихот» писатель отмечает альтруизм Дон-Кихота, в очерке «Встреча моя с Белинским» подчеркивает, что «себялюбия», «эгоизма в нем и следа не было; собственно себя он ставил ни во что».⁷⁷ Михалевич также «не унывал и жил себе циником, идеалистом, поэтом, искренно радея и сокрушаясь о судьбах человечества, о собственном призвании — и весьма мало заботясь о том, как бы не умереть с голоду».⁷⁸

Слова «циник», «идеалист» присутствуют и в главе о Белинском в «Литературных и житейских воспоминаниях»: «...мне — признаюсь в том — доставило не малое удовольствие объявить Белинского „идеалистом“ перед сборищем людей, которым имя его представлялось неразрывно связанным с понятием о цинике, грубом материалисте и т. п. К тому же и самое название шло к нему. Белинский был настолько же идеалист, насколько отрицатель; он отрицал во имя идеала».⁷⁹

Основное содержание эпизода с Михалевичем составляют споры этого героя с Лаврецким. В очерке «Встреча моя с Белинским» Тургенев также вспоминал многочисленные эпизоды споров: «Трудно было иногда следить за ним; человеку хотелось — по человечеству — отдохнуть, но он не знал отдыха — и ты поневоле отвечал и спорил, и нельзя было пенять на это нетерпение: оно вытекало из самых недр взволнованной души».⁸⁰ Спорам, «продолжительным толкам, суждениям и распросам», писал Тургенев в «Воспоминаниях о Белинском», он «отдавался <...> со всем лихорадочным жаром своей жаждавшей правды души».⁸¹ Как искренность и энтузиазм Михалевича увлекли Лаврецкого, так Тургенева увлекала искренность Белинского: «Искренность его

---

⁷⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 168.

⁷⁸ Там же. Т. 6. С. 78.

⁷⁹ Там же. Т. 11. С. 38.

⁸⁰ Там же. С. 170.

⁸¹ Там же. С. 26.

действовала на меня, его огонь сообщался и мне, важность предмета меня увлекала <...>».⁸²

Именно желание найти истину, «нетерпение взволнованной души» в споре отмечает Тургенев как отличительную черту Белинского. Так же горячо и искренне спорят в романе Лаврецкий и Михалевич: «Четверти часа не прошло, как уже загорелся между ними спор, один из тех нескончаемых споров, на который способны только русские люди. С оника, после многолетней разлуки, проведенной в двух различных мирах, не понимая ясно ни чужих, ни даже собственных мыслей, цепляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметах самых отвлеченных — и спорили так, как будто дело шло о жизни и смерти обоих <...>».⁸³ Стихотворение Михалевича:

Новым чувствам всем сердцем отдался,
Как ребенок душою я стал:
И я сжег всё, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

также в полной мере характеризует Белинского. В очерке «Встреча моя с Белинским» Тургенев пишет об умении в поисках истины признавать свои ошибки: «Белинский <...> беззастенчиво высказал перелом, совершившийся в его убеждениях. Я с намерением употребил слово беззастенчиво. Белинский не ведал той ложной и мелкой щепетильности эгоистических натур, которые не в силах сознаться в том, что они ошиблись <...>».⁸⁴

Идеалы Михалевича сформулированы в его «последних трех словах»: «религия, прогресс, человечность!..». С одной стороны, эти слова можно сопоставить с понятиями об идеале самого писателя. В письме к Е. Е. Ламберт, рассуждая об отсутствии в русском обществе определенных, четких идеалов, Тургенев писал: «У нас нет идеала <...> идеал дается только сильным гражданским бытом, искусством (или наукой) и религией. Но не всякий родится афинянином или англичанином, художником или ученым — и религия не всякому дается — тотчас».⁸⁵ В то же время «последние три слова» Михалевича близки идеалам Белинского. Идеал критика «был свойства весьма определенного и однородного, хотя именовался и именуется доселе различно: наукой, *прогрессом*, гу-

⁸² Там же. С. 27.

⁸³ Там же. Т. 6. С. 75.

⁸⁴ Там же. Т. 11. С. 167–168.

⁸⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 107. Письмо от 10 (22) июня 1856 г.

манностью, цивилизацией, — Западом, наконец».⁸⁶ Необходимо отметить, что для Тургенева при характеристике просветительских идеалов западничества понятия «наука», «прогресс», «гуманность», «цивилизация» были синонимичными.

Глава о Михалевиче заканчивается мыслью о значении человеческой доброты: «Многие из слов Михалевича неотразимо вошли ему в душу, хоть он и спорил и не соглашался с ним. Будь только человек добр, — его никто отразить не может».⁸⁷ Вспоминая Белинского, писатель цитировал строки Гёте из «Фауста»: «Ein guter Mann in seinem dunkeln Drange / Ist sich des rechten Weges wohl bewusst» («Добрый человек и в неясном своем стремлении всегда имеет сознание прямого пути») и писал, что «Белинский, был именно ein guter Mann, был правдивый и честный человек».⁸⁸ Эти слова также подчеркивают смысловую близость характеристик Дон-Кихота (Алонзо Доброго), Белинского и Михалевича.

Михалевич — образ, без сомнений, обобщающий, но вобравший в себя черты конкретных людей, современников Тургенева (Белинского, Фета, Ап. Григорьева и многих других).

Еще большей силы обобщение несет в себе образ Лаврецкого, однако и в нем можно усмотреть отдельные черты конкретных лиц. Если когда-нибудь будут обнаружены подготовительные материалы к роману «Дворянское гнездо», в них, несомненно, будет присутствовать имя Ап. Григорьева, оригинальная личность которого не могла не привлечь Тургенева-художника. Начатое в указанной записи на титульном листе чернового автографа время «выработки» романа (слово «весна») могло означать, что именно весной 1858 года, после «флорентийских встреч» с Аполлоном Григорьевым, Тургенев существенно изменил концепцию «Дворянского гнезда», углубив и «отработав» образ главного его героя Федора Ивановича Лаврецкого.

---

⁸⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 38. Выделено мною. — М. С.

⁸⁷ Там же. Т. 6. С. 79.

⁸⁸ Там же. Т. 11. С. 26. Неточная цитата, пер. Тургенева.

В. И. Дудко*

**М. А. и А. В. МАРКОВИЧИ
В ПИСЬМАХ ТУРГЕНЕВА 1860–1862 ГОДОВ:
ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ**

1

Тургенев познакомился с Марией Александровной Маркович, писавшей под псевдонимом Марко Вовчок, и ее мужем Афанасием Васильевичем Марковичем в Петербурге в начале февраля 1859 года. Писатель встречался с Марковичем в столице в феврале — марте и в конце апреля 1859 года, а также впоследствии за границей, куда Маркович выехал в мае того же года.

До середины 1860 года письма Тургенева содержат весьма немногочисленные упоминания о Марковиче (преимущественно обращенные к М. А. Маркович просьбы передать ему привет). И только в июле 1860 года в письмах Тургенева появляется относящаяся к Марковичу деловая тема, возникающая время от времени вплоть до начала 1861 года, — его трудоустройство в Петербурге. В комментариях к эпистолярию Тургенева данный сюжет до сих пор не рассматривался.

7 (19) июля 1860 года Тургенев писал Ег. П. Ковалевскому о М. А. Маркович: «Она хочет Вас видеть <...> в качестве просительницы. Ее мужу надобно доставить штатное место в Петербурге, а то средства их становятся весьма и весьма тесны. Я знаю наперед, что Вы обрадуетесь этому

---

* С прискорбием сообщаем, что выдающийся украинский исследователь Виктор Иванович Дудко ушел из жизни 4 июня 2015 г. — *Ред.*

случаю сделать что-нибудь для нее приятное <...>».¹ Встреча писательницы с Ковалевским состоялась в тот же день, о чем она сообщила Н. Я. Макарову около 9 (21) июля.² 20 июля (1 августа) Тургенев спрашивал ее: «Виделись ли Вы с Ковалевским в Эмсе и какой был результат Вашего свидания?».³ Дошедшие до нас письма М. А. Маркович не содержат сведений о результатах этой встречи. Однако двумя месяцами позже, 15 (27) сентября 1860 года, Тургенев сообщил А. И. Герцену, что в Петербурге Марковича «ждет место, приготовленное Ковалевским».⁴

20 сентября (2 октября) 1860 года Маркович выехал из Франкфурта в Петербург.⁵ Через десять дней Тургенев писал П. В. Анненкову: «Пристройте, т. е. помогите пристроить через Егора Ковалевского (которому кланяюсь дружески) Марковича».⁶ Как свидетельствует просьба посодействовать устройству Марковича на службу, после написания цитированного письма к Герцену Тургенев получил известие о том, что проблема все еще не решена. То есть его оптимистическое представление о том, будто бы Марковича в Петербурге «ждет место, приготовленное Ковалевским», не соответствовало действительности.

Еще через несколько месяцев данный сюжет возникает в эпистолярной Тургенева уже в последний раз. Писатель спрашивал Макарова в письме от 23 января (4 февраля) 1861 года: «Нашел ли Маркович наконец себе место?».⁷

Вне поля зрения комментаторов писем Тургенева с упоминаниями о Марковиче осталось относящееся к теме важное эпистолярное свидетельство Т. Г. Шевченко. 31 октября ст. ст. 1860 года он писал Макарову: «Я вчера виделся с Е. П. К<овалевским>. Афанасий хуже, чем мы его знаем».⁸ Украинские исследователи давно — и вполне обоснованно — связывают этот пассаж с инициативой Тургенева трудоустроить Марковича в Петербурге, не уточняя, однако, что ее не удалось реализовать именно вследствие неблагоприятного мнения Ковалевского о Марковиче.

---

¹ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 216.

² Листи Марка Вовчка: У 2 т. Київ, 1984. Т. 1. С. 91.

³ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 223.

⁴ Там же. С. 238.

⁵ См.: Лобач-Жученко Б. Б. Літопис життя і творчості Марка Вовчка. 2-е вид., доп. Київ, 1983. С. 91.

⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 244. В дошедших до нас письмах Анненкова к Тургеневу тема трудоустройства Марковича не обсуждалась.

⁷ Там же. С. 290. Письма Макарова к Тургеневу не сохранились.

⁸ Шевченко Т. Повне зібрання творів: У 12 т. Київ, 2003. Т. 6. С. 211.

Комментарии к рассматриваемому письму Шевченко не содержат сведений о том, с чем связан отрицательный отзыв Ковалевского о Марковиче.⁹ Можно предположить, что Ковалевский поступил как опытный бюрократ (в то время он возглавлял Азиатский департамент Министерства иностранных дел¹⁰) и решил получить объективную информацию о деловых качествах Марковича. И, вполне вероятно, использовал самый простой путь, обратившись за справкой к родному брату — министру народного просвещения Евг. П. Ковалевскому, к ведомству которого Маркович формально принадлежал в то время, не занимая с 27 марта 1859 года должности.¹¹ Едва ли возможно достоверно воссоздать конкретную «технику» получения искомых данных о Марковиче, однако несомненно, что Евг. П. Ковалевский, также бюрократ с многолетним стажем, имел возможность обеспечить получение объективных сведений. Как представляется, именно тем, что полученный Евг. П. Ковалевским отзыв о службе Марковича оказался негативным, можно объяснить его отказ посодействовать мужу М. А. Маркович в устройстве на службу в Петербурге.¹²

В пользу реалистичности изложенной версии можно привести мемуарные свидетельства украинского историка А. М. Лазаревского, работавшего с Марковичем в съездах мировых посредников Черниговской губернии. Хотя эти сообщения относятся не к немировскому, а к более позднему периоду биографии Марковича, обратиться к ним вполне кор-

---

⁹ Например, см.: *Шевченко Т.* 1) Повне зібрання творів. [Київ], 1929. Т. 4. С. 931 (коммент. В. В. Мияковского); 2) Повне зібрання творів: У 6 т. Київ, 1964. Т. 6. С. 534 (коммент. В. С. Бородин); 3) Повне зібрання творів: У 12 т. Т. 6. С. 519 (коммент. Н. Н. Павлюка).

¹⁰ Одновременно он исполнял обязанности председателя Комитета Литературного фонда, в связи с деятельностью которого был знаком с Шевченко.

¹¹ См.: *Лобач-Жученко Б. Б.* Літопис життя і творчості Марка Вовчка. С. 46. С 24 августа 1855 г. Маркович служил младшим учителем географии Немировской гимназии; преподавание в ней оставил 15 декабря 1858 г., получив отпуск (см.: Там же. С. 25, 39).

¹² В мае 1861 г. Маркович уехал из Петербурга (см.: Там же. С. 107). 4 июля 1861 г. министр внутренних дел по представлению черниговского губернатора С. П. Голицына утвердил Марковича членом от правительства в съездах мировых посредников Стародубского, Новгород-Северского и Глуховского уездов (см.: Там же. С. 110). Также см.: *Дорошкевич Ол.* Марко Вовчок: Біографічна розвідка // Твори Марка Вовчка. [Київ], 1928. Т. 4. С. 173, где указано, что Маркович получил должность «непременного члена» от правительства в съездах мировых посредников Черниговской губернии 20 июня 1861 г. Далее ссылки на это издание: *Твори Марка Вовчка (1928)*.

ректно, поскольку в обеих персональных характеристиках зафиксированы постоянные черты его характера. В мемуарной заметке о Марковиче Лазаревский писал: «В 1861 г. А<фанасий> В<асильевич> приехал в Чернигов на службу по крестьянскому делу, получив должность члена от правительства мировых съездов, которым Положение 19 февраля 1861 г. имело в виду поручить нечто вроде прокурорского надзора за деятельностью съездов мировых посредников. Никаких определенных обязанностей этим чиновникам закон не указывал, но центральная губернская власть указывала, что эти правительственные члены съездов должны, по возможности, влиять на беспристрастное разрешение острых вопросов, доходивших, чрез мировых посредников, до съездов. Таким образом, должность эта требовала прежде всего такта и спокойного отношения к делу. Но А<фанасий> В<асильевич> таким чиновником стать не мог; он вечно кипятился и свою миссию исполнить положительно был не в силах».¹³ Так же жестко оценил Лазаревский деловые качества Марковича в воспоминаниях о реализации крестьянской реформы в Черниговской губернии: «Деятельность М<аркови>ча в съездах едва ли была особенно полезна, так как он не способен был к хладнокровному обсуждению дела...».¹⁴

Требует уточнения и комментариев к упоминанию о Марковиче в письме Тургенева к В. Я. Карташевой от 19 (31) марта 1862 года. Сообщая об удовлетворительной финансовой ситуации М. А. Маркович, о том, что за ее литературные труды «платят очень хорошо», Тургенев прибавил: «И жалованье ее супруга значительнее, чем Вы предполагаете».¹⁵ В комментарии указано, что Маркович «в целях улучшения материального положения поступил в 1862 г. на службу в акцизное управление Черниговской губернии».¹⁶ Это утверждение следует скорректировать: Тургенев, безусловно, писал о зарплате Марковича на должности члена от правительства в съездах мировых посредников Черниговской губернии. Как известно, губернские акцизные управле-

---

¹³ А. Л<азаревский>. Памяти А. В. Марковича // Киевская старина. 1892. Т. 38. № 9. С. 406.

¹⁴ А. Л<азаревский>. Отрывки из черниговских воспоминаний (1861–1863 гг.) // Там же. 1901. Т. 72. № 3. Отд. I. С. 359.

¹⁵ См.: ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 40.

¹⁶ Там же. С. 423. Еще раньше А. К. Дорошкевич сообщил, что Маркович находился на акцизной службе с начала 1862 г. (см.: Дорошкевич Ол. Марко Вовчок: Біографічна розвідка. С. 173).

ния, в одно из которых перешел на службу Маркович, начали свою деятельность лишь 1 июля 1862 г.¹⁷

2

7 (19) ноября 1860 года Тургенев сообщал Макарову: «Счет, присланный Вами, был тотчас же представлен М<арии> А<лександровне>. Впрочем, Вы и ей писали. Я нахожу, что Белозерский поступает с оглушительным громадным великодушием; больше ему делать невозможно и не следует — и М<ария> А<лександровна> должна благодарить бога за подобного издателя. Она, сколько я могу судить, работает — и не слишком сверлит себя <...>. Присланные 200 целк<овых> пролетели, как мечта, „как дым по небу голубому“, и М<ария> А<лександровна> опять в своем нормальном положении, сиречь без гроша. / Жду обещанных 1000 фр<анков>. Впрочем, особенно торопиться не к чему; деньги пока есть — а ведь ей все равно, что есть они, что нет: во всяком случае они больше минуты у ней не остаются».¹⁸ В комментарии отмечено: «Упомянутое письмо Макарова к М. А. Маркович неизвестно. Речь идет о финансовых расчетах между М. А. Маркович и редактором журнала „Основа“ В. М. Белозерским за опубликованные в этом журнале произведения писательницы. В 1861 г. здесь были напечатаны рассказы: „Три доли“, „Не до пари“, „Два сини“, „Ледащица“. В январе 1861 г. редакция сообщила, что в ее портфеле находятся „Марка Вовчка: восемь повестей и рассказов на южнорусском языке“ (Основа, 1861, № 1, с. 7)».¹⁹ Едва ли можно считать такое объяснение достаточным для понимания комментируемого места, поскольку из письма Тургенева понятно, что речь шла об экстраординарном поступке, свидетелем которого он был в Белозерском. Существуют мате-

---

¹⁷ Например, см.: Сборник правительственных распоряжений по управлению питейно-акцизными сборами. СПб., 1862. Вып. 1. С. 1, 66. С учетом даты открытия губернских акцизных управлений требует коррекции и комментарий к письму Тургенева к Макарову от 22 июня (4 июля) 1862 г. Тургенев писал: «Боюсь я очень, дорогой Николай Яковлевич, что это письмо не застанет Вас уже в Петербурге <...>» (см.: ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 82). В комментарии отмечено: «В 1862 г. Н. Я. Макаров был назначен управляющим питейно-акцизными сборами в Гродненской губернии. Возможно, именно в это время он должен был выехать из Петербурга на место службы» (Там же. С. 445). Имеются основания утверждать это не гипотетически, а безоговорочно.

¹⁸ Там же. Т. 4. С. 259–260.

¹⁹ Там же. С. 595, примеч. 3, 4.

риалы, дающие основание уточнить и дополнить комментаторские примечания к письму Тургенева.

Прежде всего мелкое уточнение — редакция «Основы» сообщила о находящихся в ее портфеле восьми произведениях писательницы не в самом журнале, а в приложенном к его первому номеру объявлении о подписке на 1861 год.

Важнее, однако, другое — сохранилась и давно опубликована касающаяся именно финансовых вопросов часть письма Макарова к писательнице, о котором упомянул Тургенев.²⁰ Точная его дата неизвестна, ориентировочное время написания — начало ноября ст. ст. 1860 года.²¹ В сохранившемся отрывке Макаров назвал — безусловно, на основании свидетельств Белозерского — восемь имеющихся в редакции произведений М. А. Маркович (кроме опубликованных в «Основе» в 1861 г. и учтенных в комментариях *ПССуП(2)*, это появившиеся в ней в 1862 г. «Институтка» и «Павло Чернокрыл»,²² а также ненапечатанные в журнале «Мотря» и «Дяк»), указал их объем в печатных листах, причитающийся за каждое гонорар и его общую сумму — 2031 рубль. Дополняя эти материалы, полученные от Белозерского, Макаров изложил их таким образом: «„Мотря“ оценена только <в> 50 р. с. за полулист, вместо 100 р., потому, что цензура едва ли пропустит ее. Необходимо еще сказать, что

---

²⁰ Об авторстве Макарова предположительно высказался — по-видимому, на основании материалов В. Н. Доманицкого — Б. С. Лепкий (см.: Твори Марка Вовчка. Київ: Ляйпціг, [1926]. Т. 1. С. 156–157). Однако А. К. Дорошкевич, напечатавший данный эпистолярный отрывок двумя годами позже, писал: «Неизвестно, кто „я“ этого письма <...>» (*Твори Марка Вовчка (1928)*. Т. 4. С. 605). Об основаниях утверждать авторство Макарова не предположительно, а безоговорочно, подробно см.: *Дудко В.* Марко Вовчок у журналі «Основа»: реалії і міфи // Спадщина: Літературне джерелознавство. Текстологія. Київ, 2007. Т. 3. С. 20–23.

²¹ В. Н. Доманицкий предполагал, что данное письмо М. А. Маркович получила летом 1862 г. (см.: *Доманицький В.* Марія Олександрівна Маркович — авторка «Народніх оповідань» (На основі нових матеріалів) // Літературно-науковий вісник. 1908. Т. 41. Кн. 1. С. 73). В лейпцигском издании сочинений писательницы рассматриваемый отрывок расположен после ее письма к мужу, которое Б. С. Лепкий датировал ориентировочно: «Осень, вероятно, ноябрь 1862 г.» (Твори Марка Вовчка. Київ: Ляйпціг, [1926]. Т. 1. С. 156). А. К. Дорошкевич отнес письмо ко второй половине 1862 г. (см.: *Твори Марка Вовчка (1928)*. Т. 4. С. 605). Все три исследователя не аргументировали свои выводы относительно датировки письма, которые подробно рассмотрены и отведены в статье: *Дудко В.* Марко Вовчок у журналі «Основа»: реалії і міфи. С. 25–30.

²² Эта повесть появилась в январской книжке под названием «Від себе не втечеш».

расчет рукописей по листам сделан весьма широко, так что по напечатании предполагаемая плата в общем итоге, вероятно, убавится; при том же за „Три доли“ полагается 1000 р. с. в то время, когда и по широкому расчету в ней не оказывается 5-ти листов. Несмотря, однако, на это все же Вы еще остаетесь должны редакции 205 р. с. В настоящую минуту Белозерский не может Вам выслать денег, но если Вы ему и ничего более не пришлете, то все-таки Вы получите от него между последними числами ноября и 15 декабря нашего стиля еще 1000 франков. Все это я уже написал Ивану Сергеевичу, который взялся быть Вашим казначеем и распорядителем Ваших сумм».²³

Поскольку письмо содержит ориентировочные сведения об объеме произведений писательницы, вполне очевидно, что он был рассчитан до их напечатания в журнале (включая помещенную в январской книжке за 1861 г. повесть «Три доли»). Автор письма вполне выразительно реферировал мнение Белозерского о том, что «по напечатании предполагаемая плата в общем итоге, вероятно, убавится».

Безусловно, это именно тот счет, который получили от Макарова в ноябре 1860 года и М. А. Маркович, и Тургенев. Об этом документе шла речь в цитированных письмах Макарова к писательнице («Все это я уже написал Ивану Сергеевичу, который взялся быть Вашим казначеем и распорядителем Ваших сумм») и Тургенева к Макарову («Счет, присланный Вами, был тотчас же представлен М<арии> А<лександровне>. Впрочем, Вы и ей писали»). После получения этого счета М. А. Маркович писала Макарову 23 ноября (5 декабря) 1860 года: «Благодарю Вас за все хлопоты, за все вести и известия. Посылаю расписку. Верно, она будет годна, — Иван Сергеевич сказал так написать. Когда окончу работу (начало послано), то пришлю Василию Михайловичу (Белозерскому. — В. Д.)».²⁴

Вследствие сложения указанных в счете 2031 руб. (гонорар за рассказы и повести, переданные в редакцию) и 205 руб. (авансовая сумма, которую писательница должна была компенсировать новыми произведениями) получаем 2236 руб. Эта информация об объеме авансовой оплаты вполне тождественна сумме, которую М. А. Маркович занесла в записную книжку — в списке денежных поступлений — как полученную от Белозерского.²⁵

---

²³ Твори Марка Вовчка (1928). Т. 4. С. 471.

²⁴ Листи Марка Вовчка. Т. 1. С. 105. Речь идет о повести «Дяк», материалы к истории ее написания см.: Дудко В. Марко Вовчок у журналі «Основа»: реалії і міфи. С. 27–30.

²⁵ См.: Дорошкевич Ол. Марко Вовчок: Біографічна розвідка. С. 132.

Представление о том, каким образом писательница получала авансовые выплаты от редакции украинского журнала, можно составить на основании другого счета Белозерского, от 12 октября 1862 года (к нему нам еще предстоит вернуться): «...мною и другими лицами от моего имени, в 1859 и 60-м годах, Вам послано (по списку, составленному *собственноручно*, по Вашему поручению, Н. Я. Макаровым, копия с которого была им послана Вам, а подлинник, известный и Афан<асию> В<асильевичу> Марковичу, оставлен у меня), 2303 р.».²⁶

Счет от 12 октября 1862 года свидетельствует и о том, что Белозерский переслал М. А. Маркович — и именно в обусловленный срок — сумму, близкую к 1000 франков (о намерении произвести эту выплату редактор журнала писал Макарову в начале ноября 1860 г.). Белозерский отметил 12 октября 1862 года: «...у меня есть вексель, переданный мне Н. Я. Макаровым, на 935 франков, посланных через Томсона и Бонара на имя Donop'a, Avbry, Gautiers et C-ie по распоряжению И. С. Тургенева, в Париже 3/15 декабря 1860 года. Эти деньги, вероятно, также получены Марией Александровной; но надо взять справку от Макарова».²⁷ Хотя редактор «Основы» считал нужным указать на необходимость дополнительной проверки данного пункта счета, соответствующее его свидетельство вполне подтверждает и запись М. А. Маркович о получении от Белозерского 250 руб. (приблизительный эквивалент 935 франков), сделанная вскоре после записи о поступлении 2236 руб.,²⁸ и синхронное сообщение Тургенева в письме к Макарову от 23 января (4 февраля) 1861 года: «Деньги М. А. Маркович давно мною получены — и, прибавлю, давно переданы ей до последней копейки <...>».²⁹

3

В письме к Н. Х. Кетчеру от 28 октября (9 ноября) 1862 года Тургенев писал из Парижа: «...здесь, как ты может быть знаешь, живет Марья

---

²⁶ *Твори Марка Вовчка (1928)*. Т. 4. С. 472. Не имеем возможности объяснить незначительное — на фоне общей суммы — отличие, зафиксированное в цитированном документе авансовой выплаты, полученной в 1859–1860 гг., с обозначенной в счете от ноября 1860 г. (2236 руб.). Это расхождение, однако, не ставит под сомнение соображения относительно общей картины финансовых отношений Белозерского с писательницей как автором «Основы».

²⁷ Там же. С. 472–473, 694.

²⁸ См.: Там же. С. 132, 168.

²⁹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 4. С. 289.

Александровна Маркович (Марко Вовчок). Положение ее было сносно — т. е. она перебивалась кое-как — но теперь она внезапно очутилась в скверном казусе: пятьсот рублей сереб., которые она ожидала получить от некоего г. Лобко, за проданные ему малороссийские сочиненья, задержаны Белозерским, издателем „Основы“ — за какой-то долг, сделанный мужем г-жи Маркович (об этом я пишу в Петербург) <...>».³⁰ В комментарии некорректно описан изданный П. А. Лобко второй том «Народних оповідань» (СПб., 1862) и сообщено «Кому Тургенев писал в Петербург о делах М. А. Маркович — неизвестно».³¹

Установлено, что соответствующее письмо Тургенева (неизвестное) было обращено к П. В. Анненкову, который сообщил своему корреспонденту 8 (20) ноября 1862 года: «Несколько строк о Вовчке. Я справлялся очень подробно о ее делах у Белозерского, и надо удивляться, почему она не показала Вам *подробного расчета* долга ее и мужа, посланного ей Белозерским с месяц назад, пересмотренного и проверенного Н. Я. Макаровым и имеющего поэтому всю желаемую достоверность. Покажи она тот расчет Вам — не было бы и вопроса Вашего. А что этот несомненный долг ее и мужа Белозерскому был вычтен из продажной цены 500 р. сер., полученной за ее малороссийские сочинения — то, во-первых, таково было условие первого с Макаровым, а, во-вторых, почему же было и не вычесть, когда и за вычетом Марко Вовчок состоит должным Белозерскому 400 р. сер., тоже по несомненному расчету денежных высылки, им произведенных. В эту минуту — Белозерский объявляет себя окончательно истощенным всеми затратами по журналу и может возобновить их только после подписки, в январе месяце, к которому времени и Марко Вовчок может получить право требовать снова уплат, выслав остальные главы своего нового романа „Основе“, владеющей теперь только первыми 8-ю. Вот и все дело».³² В комментариях, кроме цитаты из письма Тургенева к Кетчеру от 28 октября (9 ноября) 1862 года, относящегося к данному сюжету, и сведений о втором томе «Народних оповідань», сообщено: «Судя по письмам М. А. Маркович к мужу, он занял, и не только у В. М. Белозерского, больше денег, чем знала его жена (см.: *Листи Марка Вовчка*, т. 1, с. 142, 145–146). „Основа“ в 1863 г. уже перестала выходить. Имеется в виду роман „Глухий городок“, отдававшийся в журнал „Основа“ по частям».³³

³⁰ Там же. Т. 5. С. 127–128.

³¹ Там же. С. 470.

³² Анненков. *Письма*. Кн. 1. С. 127–128.

³³ Там же. С. 402.

Как свидетельствует письмо Анненкова, в конце 1862 года Белозерский еще был исполнен надежд на дальнейшее издание «Основы», о чем известно и из других источников. Надеждам его, однако, не суждено было сбыться по финансовым причинам — последним в истории журнала оказался октябрьский номер за 1862 год, вышедший в феврале 1863 года.³⁴

Упомянутый в письме неназванный роман писательницы — это, несомненно, не «Глухий городок», а «Дяк». Первая глава «Дяка», о чем уже упоминалось, находилась в редакционном портфеле журнала еще в конце 1860 года. По всей видимости, следующие главы «Дяка» попали в «Основу» уже после того, как М. А. Маркович получила счет Белозерского от 12 октября 1862 года, и поэтому не были учтены в этом финансовом документе.

Посмертная публикация «Дяка» включает 7 глав (а не 8, имевшихся, по сообщению Анненкова, в конце 1862 г. в распоряжении редакции «Основы»). Нельзя исключать, что, информируя Тургенева о количестве глав, ошибся не Анненков, а — положившись на память — его информатор Белозерский.

Свидетельства о работе М. А. Маркович над украинской версией «Глухого городка» в научном обороте отсутствуют. (На русском языке произведение было впервые опубликовано в февральском номере «Русского слова» за 1862 г.) Значительно позже «Глухой городок» перевел на украинский В. Н. Доманицкий.³⁵

---

³⁴ Подробно см.: *Дудко В.* Журнал «Основа» у жандармських матеріалах // Спадщина: Літературне джерелознавство. Текстологія. Київ, 2006. Т. 2. С. 28–32.

³⁵ Например, см. комментарии Т. Н. Резниченко в издании: *Вовчок Марко.* Твори: У 7 т. Київ, 1964. Т. 2. С. 603.

Н. П. Генералова

ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА

I

Какое неизвестное стихотворение Фета хотел прочитать Тургенев*

Как в первом, так и во втором издании Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева один фрагмент из письма к Ивану Петровичу Борису, а именно письма от 1 (13) декабря 1867 года, остался без комментария. Вот этот фрагмент: «Посмотрел бы я на Фета с мировой цепью на шее! Отчего же Вы не прислали его стихов на Р.? Я Вам могу слово дать, что всё останется в тайне».¹ Как отмечено в комментариях к письму, упоминание о мировой цепи на шее Фета относилось к избранию его мировым судьей на съезде мировых судей в Мценске. Это факт известный, сохранилась даже фотография Фета с «мировой цепью» на шее.² По поводу же «стихов на Р.» в комментариях сказано: «О каком стихотворении Фета идет речь — неясно».³

К сожалению, письмо И. П. Борису, который, очевидно, сообщил Тургеневу о таинственном стихотворении Фета на какого-то «Р.», до нас

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1866), проект № 14-04-00457а. За помощь в подготовке настоящей статьи сердечно благодарю И. А. Кузьмину.

¹ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 79.

² См., например: ЛН. Т. 103. Кн. 1. С. 513.

³ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 316, примеч. 4 к письму 2126.

не дошло. Последнее из известных писем Борисова к Тургеневу помечено 22 ноября ст. ст. 1862 года.⁴

Теперь, когда сохранившаяся часть переписки Фета с В. П. Боткиным (86 писем Фета и 114 писем Боткина, включая письма М. П. Фет и обращенные к ней) полностью опубликована Ю. П. Благовоиной,⁵ мы можем с полной уверенностью сказать, о каком стихотворении поэта шла речь в письме Тургенева и кто скрывался за криптонимом «Р.». Вот что сообщал Фет Боткину 22 октября (3 ноября) 1867 года: «Ты, может быть, слышал, что Ржевский баллотировался в почетные мировые судьи во Мценске и провалился mit grossen Schkandalen (с большим скандалом — нем.), чему Тургенев рукоплещет из Бадена и что внушило мне следующий *стих*:

В лакейских нюхая давно,
Звездой он спереди украшен.
Как сочинитель он говно,
Как губернатор был бы страшен.

Но сзади он всего страшней,
Нам проповедуя Европу.
Завистник русских снохачей,
Сей рыжечалый любодей
Всему что дышит, целит в ж...⁶

Скажем сразу, что, кроме самого факта провала Ржевского на выборах, мы пока можем прокомментировать в этом стихотворении далеко не все, но несомненно, что просьба к Борисову прислать эпиграмму Фета на Ржевского должна найти место не только в комментарии к письму, но и в Летописи жизни и творчества писателя. Личность Владимира Константиновича Ржевского (1811–1885) хотя и была хорошо знакома современникам, но скорее с официальной стороны. Его богатый послужной список включает десятки ответственных должностей — от чиновника особых поручений, инспектора кадетского корпуса до члена Совета министра внутренних дел, закончившего свои дни сенатором. В 1867 году

⁴ Письма Борисова к Тургеневу опубликованы Е. М. и Н. А. Хмелевскими в Тургеневских сборниках (*ТСб*. Вып. 3–5).

⁵ *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 156–538. По подсчетам Ю. П. Благовоиной, из этой переписки до нас не дошло 56 писем Фета и 7 писем Боткина (Там же. С. 538–542).

⁶ Там же. С. 504. Эпиграмма вошла в раздел «Стихотворения и поэмы 1863–1892 годов, не вошедшие в сборники» пятого тома выходящего ныне Собрания сочинений и писем Фета в 20 т. (*Фет. ССП*. Т. 5. Кн. 2. С. 59).

он был произведен в тайные советники. Выпускник Московского университета, Ржевский был знаком с братьями Бакуниными, с которыми состоял в родстве, числился приятелем В. Г. Белинского, однако со временем чиновничья карьера разорвала связи с друзьями молодости. В пореформенное время он активно выступал как публицист со статьями самого разного свойства (в основном в «Русском вестнике» и в правительственной газете «Северная почта», где заведовал отделом), состоял в многочисленных комиссиях — по устройству почтовой службы, по пересмотру положений о питейном сборе и др. Находясь с 1869 года на службе при Министерстве юстиции, Ржевский отвечал за межевую часть, затем был назначен сенатором в Межевой департамент Правительствующего сената.

Происходя из родовитого дворянства, Ржевский владел именьями во многих губерниях, в том числе в Мценском уезде Орловской губернии. В 1860 году, когда Фет присматривал себе «клочок земли», чтобы заняться сельским хозяйством, он чуть не купил «небольшое серпуховское именье», принадлежавшее Ржевскому. По словам Борисова, дядя Тургенева, Николай Николаевич, с которым Фет многие годы поддерживал дружеские отношения, «написал целый трактат, чтобы *не покупать* у Ржевского», и все-таки уговорил не совершать этой покупки.⁷ Правда, причины столь негативного отношения к покупке земли именно у Ржевского остаются не вполне ясными.

В 1861 году Ржевский был назначен мировым посредником 4-го участка Мценского уезда, но пробыл в этой должности недолго, лишь до мая 1862 года. Очевидно, деятельность его не пришлась по душе землякам, оттого его и «прокатили» на выборах почетных мировых судей, которые состоялись 25–26 июня 1867 года. Именно тогда Фет был впервые избран мировым судьей 3-го участка Мценского уезда и пробыл в этой должности вплоть до переезда в 1878 году в Курскую губернию, оставаясь, впрочем, и впоследствии почетным мировым судьей Мценского уезда.

---

⁷ *Т Сб.* Вып. 3. С. 338. Письмо И. П. Борисова к И. С. Тургеневу от 8 октября ст. ст. 1860 г. Е. М. Хмелевская отметила в комментариях, что хозяином имения мог быть и родной брат В. К. Ржевского Григорий Константинович (Там же. С. 340). Это замечание не было учтено в издании: *Фет А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство / Вступит. статья, сост., подгот. текста и коммент. В. А. Кошелева, С. В. Смирнова. М., 2001. С. 411*, где категорически утверждается, что хозяином был В. К. Ржевский. То же: *Фет. Сил.* Т. 4. С. 506–597. Ср.: *ЛН.* Т. 103. Кн. 1. С. 291, примеч. 6 (Публ. Ю. П. Благоволиной).

Что касается «большого скандала», связанного с избранием Ржевского, об этом сведений пока найти не удалось.⁸ Характерно, однако, что Тургенев, по сообщению Фета, «рукоплескал из Бадена» его провалу, но, очевидно, не в письме к нему. Накануне он получил от Фета письмо (неизв.) с резким отзывом о «Дыме» и в ответном письме от 30 июля (11 августа) 1867 года не менее резко возражал ему, хотя и поздравил с избранием в мировые судьи: «...с назначеньем в судьи поздравляю и Вас и наш край. И это поздравление мое серьезно. В Вас еще столько немецкой крови, что Вы наверно будете руководствоваться в Вашей деятельности ясным и честным здравым смыслом и положительной законностью <...>».⁹ О провале Ржевского, правда, в этом письме нет ни слова. О нем мы узнаем из письма Тургенева к Борису, написанного через несколько дней (письмо Борисова, как было сказано, не сохранилось): «Я очень рад избранию Фета и уверен, что из него выйдет отличный судья. <...> Я очень также рад „фиаску“ Ржевского: этому противному господину всякий щелчок во спасение».¹⁰

Похоже, мнения всех четверых — Тургенева, Боткина, Борисова и Фета — насчет Ржевского совпадали. Помимо недвусмысленного намека на нетрадиционную ориентацию Ржевского, эпиграмма Фета метила в его карьеризм, искательство наград,¹¹ а также в его публицистические статьи, обильно публиковавшиеся в периодике, прежде всего в «Русском вестнике». Известно, что Тургенев, хотя и печатался сам на страницах этого журнала (в нем, в частности, только что был опубликован

---

⁸ В отчете о втором дне заседания, состоявшемся 26 июня 1867 г. и посвященном выборам участковых и почетных судей, даются лишь сухие цифры баллотировки. После того, как председатель В. А. Шеншин зачитал соответствующие статьи Судебного устава и указ Правительствующего сената, выступил «гласный А. А. Фет» и «прочел речь о более удобном, по его мнению, способе производства выборов. Способ этот оставлен собранием без внимания как противоречащий основным правилам» (Журналы Мценского уездного собрания. Орел, 1867. С. 7). Фет был избран в участковые мировые судьи 22-мя голосами против 11-ти, а Ржевский получил 14 голосов против 18-ти (Там же. С. 8).

⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 24.

¹⁰ Там же. С. 25. Далеко не безобидный каламбур содержится в письме к Фету от 12 (24) февраля 1868 г.: «Скверно только, что геморрой атакует Вас à la Ржевский, а posteriori (задним числом — *лат.*)». Недаром, публикуя письмо, Фет опустил приведенный пассаж (МВ. Ч. 2. С. 173). В комментариях в обоих ПССиП высказано неправомерное предположение, что речь шла «о каких-то личных взаимоотношениях Ржевского с Фетом, упоминание о которых в печати показалось последнему неуместным» (ПССиП(1). Письма. Т. 7. С. 485–486; ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 357).

¹¹ Незадолго до мценских выборов, 14 мая 1867 г., Ржевский был произведен в тайные советники.

роман «Дым», вызвавший столько споров), однако крайне отрицательно относился и к общему направлению журнала, и в особенности лично к его редактору М. Н. Каткову. В упомянутом уже письме к Фету, отбиваясь от нападок на роман, он не без сарказма заметит: «Но отчего Вас в „Русском вестнике“ нет? Боги! отчего не приходится хотя от времени до времени читать такие, нетенденциозные стишки:

Где-то, что-то вееет, млеет...
Нос сопиг... язык немеет...
Стих свербит вокруг пупка...
Музе хочется кака!

Как бы это было прохладно!».¹² Писатель и сам понимал, что высказался несколько сильно, и извинился: «Письмо это вышло резко — но у меня на душе накопело. Вы — добрый; сердиться не будете; Вы знаете, что я все-таки Вас очень люблю».¹³ Пересылая это письмо через И. П. Борисова, Тургенев замечал: «Прилагаемое письмо передайте ему (Фету. — *Ред.*) <...> оно его несколько покоробит — но это ничего: мы еще не так друг другу кишки рвали — а дружба наша от этого не пострадала».¹⁴ Да и Фет, по-видимому, не слишком стеснялся в выражениях, давая отзыв о «Дыме». На упомянутое письмо Тургенева он откликнулся: «От Тургенева получил раздражительное письмо, в ответ на мое мнение о „Дыме“. Но дело обойдется».¹⁵ Дело, разумеется, обошлось, — еще несколько лет, вплоть до разрыва, последовавшего в 1874 году, Тургенев и Фет продолжали обмениваться все более «раздражительными» письмами. Тем более любопытно, что в отношении В. К. Ржевского их мнения оказались схожими.

Оставляя в стороне «сочинения» Ржевского, которым Фет дал столь нелицеприятную оценку в своей эпиграмме, стоит отметить, что и строчка о возможном губернаторстве адресата, кажется, имела реальную подоплеку. В своем дневнике А. В. Никитенко, которому по долгу службы приходилось постоянно общаться с Ржевским, отметил: «Вечером был <В. К. Ржевский>. Его произвели в тайные советники, а места губернатора все-таки ему не дали, как он его ни добивается».¹⁶ Запись сделана 28 мая 1867 года, то есть вскоре после получения Ржевским чина тай-

¹² ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 23–24.

¹³ Там же. С. 24.

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ ЛН. Т. 103. Кн. 1. С. 501. Письмо к В. П. Боткину от 4 (16) сентября 1867 г. В ЛН опечатка: 1868.

¹⁶ Никитенко. Т. 3. С. 88.

ного советника и незадолго до выборов в почетные судьи Мценского уезда, на которых он, выражаясь словами Тургенева, потерпел «фиаску». К сожалению, нам не удалось выяснить, в какой губернии добивался должности губернатора В. К. Ржевский. Исходя из его желания стать почетным мировым судьей Мценского уезда, можно предположить, что его притягивал пост губернатора Орловской губернии. Пост орловского губернатора освободился после того, как А. Б. Лобанов-Ростовский 10 марта 1867 года был назначен и. д. товарища министра внутренних дел. Его преемником вскоре стал М. Н. Лонгинов, назначенный губернатором 7 апреля 1867 года.¹⁷

Остается вопрос, почему Тургенев так радовался провалу Ржевского, называя его «противным господином», ведь на первый взгляд деятельность этого видного чиновника и публициста была вполне в русле позитивных тенденций русского общества накануне и после отмены крепостного права. Сам он, без сомнения, причислял себя к партии прогрессистов, сумев внушить это мнение не одному Тургеневу. И все же писатель скоро почувствовал, что стояло за громкими фразами завязтых либералов из числа помещиков, входивших в Комитет по подготовке крестьянской реформы.

Сохранился один любопытный документ, обнародованный в свое время В. А. Громым, который при желании можно было бы расценить как свидетельство довольно близких отношений Тургенева и Ржевского. Этот документ находится в секретном архиве III отделения, в деле под названием «Выписки из писем Ржевского, Чичерина и других к Тургеневу И. С., Аксакову И. С. и другим об открытии и деятельности Орловского губернского комитета по выработке проекта условий отмены крепостного права и отношении дворянства к предстоящей реформе. 27 апреля 1858 г. — 17 декабря 1860».¹⁸ В деле сохранилась копия, снятая полицией с письма Ржевского от 16 ноября 1858 года, в котором тот выражал сожаление об отсутствии Тургенева на первых заседаниях Комитета. В самом деле, накануне заседания Тургенев покинул Орловскую губернию и приехал в Петербург, поселившись в известном доме Вебера на Большой Конюшенной, где вскоре верный друг П. В. Анненков будет читать в кругу литераторов только что заверченный роман «Дворянское гнездо».

Вот что писал Ржевский: «Очень жаль, что вы не исполнили своего намерения провести несколько дней в Орле во время первых заседаний

---

¹⁷ Сведения взяты из: <http://www.runivers.ru/doc/territory/362328/>

¹⁸ Громов В. А. Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения // *Т Сб.* Вып. 4. С. 232.

нашего Комитета. Вы потеряли случай вынести впечатления более благоприятные нам, бедным, загнанным помещикам, нежели те, которые вы до сих пор испытывали».¹⁹ Похоже, однако, что Тургенев намеренно не присутствовал на заседании, не желая принимать участие в потасовках «бедных, загнанных помещиков», к слову сказать принадлежавших к числу наиболее богатых в Орловской губернии. Так, один В. В. Апраксин, сподвижник Ржевского по Комитету, произведший в свое время неизгладимое впечатление на Н. В. Гоголя, который усмотрел в нем тип нового русского помещика, призванного спасти Россию, владел пятнадцатью тысячами десятин земли только в трех уездах губернии, а за его имением в Брасово числилось девять тысяч крепостных душ.²⁰

Воссоздавая картину битвы «прогрессистов» и «крайне правой» партии в письме к Тургеневу, Ржевский представлял себя, разумеется, в самом выгодном свете. Писателя он, конечно, числил своим единомышленником, отсюда доверительный тон письма: «Жаль, очень жаль, что вас нет, вы бы от души порадовались. Наш маленький город, с своим маленьким парламентом, принял совершенно другой вид. Карты, а пока еще и танцы, на втором плане. Даже в клубе стали играть менее».²¹ Однако не приходится сомневаться, что Тургенев хорошо знал цену уездным «прогрессистам». Об этом свидетельствует его письмо к В. А. Черкасскому от 9 (21) июля 1858 года, написанное после посещения Орла: «На другой же день после моего приезда (в Спасское. — *Н. Г.*) я поскакал в Орел в надежде застать там комитетские выборы; но они уже были кончены — весьма скверно, как оно и следовало ожидать: благородное дворянство выбрало людей самых озлобленно-отсталых — и едва ли не единственным представителем прогресса в Орловском комитете — как и в других комитетах — будет лицо, назначенное правительством — а именно Ржевский. В странное время мы живем! — Слышанные мною в Орле и в других местах слова и мнения представляют мало отрадного <...>».²² Горькая ирония сказанного раскрывается в сочетании слов «выбрали» и «лицо, назначенное правительством». Любопытным подтверждением общей оценки Тургеневым деятельности Ржевского является один сюжет, воспроизведенный в воспоминаниях Е. М. Феоктистова.

---

¹⁹ Цит. по: Там же.

²⁰ О В. В. Апраксине см.: Мельник *Е. Г.* Тургенев и В. В. Апраксин накануне крестьянской реформы в Орле // *Тургенев. НИИМ* (3). С. 272–288. С 1857 по 1865 г. Апраксин занимал пост Орловского губернского предводителя дворянства.

²¹ Цит. по: *Громов В. А.* Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения. С. 233.

²² *ПССиП*(2). *Письма*. Т. 3. С. 328.

Рассуждая о политических пристрастиях Тургенева, Феокистов высказался несколько иронично, считая, что политика никогда не была его сферой и даже собственное признание Тургенева в том, что ненависть к крепостному праву была его «заветным чувством», побудившим дать Аннибалу клятву борьбы с этим злом (о чем писатель сообщил в своих «Литературных и житейских воспоминаниях»), нельзя принимать всерьез. «Среди тогдашнего избранного кружка, — писал Феокистов, — не встречал я человека, который по самой натуре своей был бы так мало склонен заниматься политикой, как Тургенев, и он сам сознавался в этом: „Для меня главным образом интересно не *что*, а *как* и *кто*“. Вот фраза, которую беспрерывно приходилось слышать от него близким ему лицам. На первом плане стояли для него типы, характеры, а вовсе не деятельность сама по себе в том или другом направлении».²³ Убежденный в том, что различные партии нещадно эксплуатировали Тургенева, навязывая совершенно не свойственные ему роли, Феокистов в качестве примера привел «уморительную» историю, рассказанную ему самим писателем. «Так, например, В. К. Ржевский уж, конечно, мог быть по всей справедливости причислен к разряду людей, которых принято у нас называть „крепостниками“; это был человек незавидной нравственности, но умный, сведущий и считавшийся одним из корифеев партии, враждебной освобождению крестьян. Когда начались заседания редакционных комиссий, он поспешил в Петербург; по словам его, он объездил почти все гостиницы и нигде не нашел сколько-нибудь удобного приюта, а потому на основании долгого и близкого знакомства с Тургеневым — оба они были орловские помещики — счел за лучшее поселиться у него. Однажды, вернувшись с прогулки, Иван Сергеевич нашел у себя неожиданного сожителя».²⁴

Этот фрагмент воспоминаний Феокистова, к сожалению, не нашел отражения в Летописи жизни и творчества Тургенева, хотя имя Ржевского встречается в ней не один раз. Между тем можно с большой долей вероятности предположить, что насильственное вселение Ржевского в апартаменты Тургенева произошло именно в 1858 году, причем уже после описанных им заседаний Орловского губернского комитета. Именно тогда, судя по приведенному выше перлюстрированному письму к Тургеневу, он почувствовал себя «на коне», оценив практическую для себя пользу в активной деятельности комитетов, созданных «в видах прави-

---

²³ Феокистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). М., 1991. С. 48.

²⁴ Там же. С. 49.

тельства». Именно в это время начинается и бурная публицистическая деятельность Ржевского, и участие его в самых разнообразных комиссиях и т. д. Тургенева же, когда вышли высочайшие рескрипты в связи с подготовкой крестьянской реформы, в России не было: он отсутствовал почти два года — с июля 1856-го по июнь 1858-го. Вернувшись из-за границы, Тургенев сразу оказался в гуще политических событий, и конечно Ржевский, явно наметивший себе политическую карьеру, не мог упустить случая привлечь на «свою» сторону известного писателя. Возможно, случай, описанный Тургеньевым Феоктистову, произошел именно в доме Вебера на Большой Конюшенной, по адресу, на который было, очевидно, отправлено и письмо Ржевского от 16 ноября 1858 года, процитированное выше. Неуместное вторжение незваного гостя было тем более неприятно писателю, что в это время он был более всего озабочен только что завершенным романом «Дворянское гнездо» и тем, как он будет принят публикой.

Вот как передает Феоктистов рассказ Тургенева: «Можете себе представить <...> что вот уже более двух недель, как моя квартира превратилась в главный штаб крепостничества; с утра до ночи приходят к Ржевскому господа, самые имена которых достаточно говорят о том, что они замышляют; человек мой избегался, подавая им чай и закуски; я отлично знаю, что за стеной, рядом с моим кабинетом, вырабатываются планы, придумываются всевозможные каверзы, чтобы затормозить освобождение крестьян, но что хотите — у меня просто не хватает духу отправить их всех к черту...».²⁵ Таким образом, к этому времени суть «бойкого» господина Ржевского (определение Никитенко²⁶) не была для Тургенева тайной. В то же время статьи Ржевского, похоже, вызвали у писателя определенное сочувствие, о чем свидетельствует его письмо к А. А. Краевскому от 12 (24) февраля 1860 года, в котором он спрашивает редактора «Отечественных записок», не желает ли он приобрести статью Ржевского «О централизации и самоуправлении». Сообщая со слов автора о ее содержании и объеме («Он пишет мне, что „она объемом четьре печатных листа и вся оригинальная, безо всяких вставок и заимствований, и наполнена намеками на современные обстоятельства“»), Тургенев, верный своим обычаям, старается уладить и финансовую сторону вопроса, поскольку Ржевский просил за статью «очень дорого», по 250 руб. сер. за лист, и готов передать ответ Краевского Ржевскому,

---

²⁵ Там же.

²⁶ «Был <В. К.> Ржевский, будущий редактор отдела внутренней летописи (газеты «Северная почта». — Н. Г.). Человек бойкий» (Никитенко. Т. 2. С. 246).

дав при этом общую оценку его публицистическим выступлениям: «А статьи Ржевского все дельны и производят впечатление».²⁷

Нельзя не согласиться с В. А. Громовым, что опубликованные им материалы из секретного архива III отделения, «значительная часть которых так или иначе связана с кругом наблюдений Тургенева над русской жизнью 1858–1861 гг., служат дополнительным подтверждением глубокой зависимости идейного замысла „Отцов и детей“ от реальных конфликтов самой действительности того времени».²⁸ Отразились эти наблюдения и в романе «Дым», задуманном в 1862 году, и в других произведениях писателя. Вот почему фигуры, подобные В. К. Ржевскому, не могут не интересовать исследователя творчества Тургенева и достойны дальнейшего изучения.

Можно не сомневаться, что интерес писателя к эпиграмме Фета на Ржевского был обусловлен жгучим интересом к менявшейся на глазах русской жизни, как нельзя не сомневаться и в том, что И. П. Борисов выслал Тургеневу искомое стихотворение. Тургенев же, как и обещал, сохранил этот факт «в тайне».

II

Об одной ошибке Андре Мазона, или Когда появился в «Нови» Нечаев

Роман «Новь» — пожалуй, единственное из произведений Тургенева, которое сохранилось во всех ключевых моментах работы над ним писателя — от первоначального наброска до правки в корректуре окончательного текста. Если исследователи, восстанавливая творческую историю того или иного произведения, нередко вынуждены домысливать и реконструировать ее при помощи косвенных данных, то в случае «Нови» мы имеем уникальную возможность практически полностью представить себе документально зафиксированную историю создания романа. Это, конечно, не означает, что мы знаем все, что стояло за внесенными в несколько рабочих тетрадей и записанными на листках текстами. Некоторые слова подготовительных материалов и чернового автографа до сих пор остаются непрочитанными или прочитанными неверно.

---

²⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 156.

²⁸ Громов В. А. Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения. С. 239.

В небольшой заметке нет нужды приводить огромный список литературы, посвященной «Нови», достаточно сказать, что он исчисляется сотнями работ. Мы вернемся к одной из важнейших, а именно — подготовительным материалам к «Нови», впервые опубликованным и прокомментированным еще в 1925 году известным французским славистом Андре Мазоном (1881–1867) в основанном им журнале «Revue des études slaves». ²⁹

Скажем сразу, что сама по себе эта публикация по-своему уникальна, ведь решиться впервые обнародовать тексты на русском языке по авторграфам, да еще не беловым, мог далеко не всякий русскоязычный исследователь. А родным языком Андре Мазона был французский. Вот почему результат его работы не может не поражать. Сложнейшие слова и предложения прочитаны им тщательно и точно, сомнительные прочтения обозначены в тексте, недописанные слова восстановлены. На несколько десятилетий исследователи, благодаря этой блестящей работе, получили доступ к творческой истории «Нови» и немедленно этим воспользовались. ³⁰

Следует признать, что не все, опубликованное А. Мазоном, выдержало проверку временем. Когда несколько десятилетий спустя отечественным исследователям стали доступны фотокопии парижских бумаг писателя (по договоренности с Национальной библиотекой Франции и при содействии того же А. Мазона они были официально переданы сотрудникам Пушкинского Дома), они тщательно изучили и подготовили их для первого Полного собрания сочинений и писем Тургенева в 28 томах под редакцией М. П. Алексеева. При этом выявилось немало разночтений: многие слова, оставшиеся не разобранными французским исследователем, были прочитаны заново, уточнены написания отдельных фамилий, слов и выражений и т. д. Так, уже в первом наброске будущего романа вместо «проповедник круглый (т. е. законченный, в чистом виде. — *Н. Г.*), в самом себе заключенный...» у Мазона читаем: «проповедник круговой <sic!>, в самом себе заключенный...»; ³¹ в характеристике Соломина, фигурирующего еще как № 2, вместо «№ 2 не дол-

---

²⁹ *Mazon A. L'élaboration d'un roman de Tourguénev: «Terres vierges» // Revue des études slaves. 1925. Т. 5. Fasc. 1–2. P. 85–112. Далее — Mazon, с указанием страницы.*

³⁰ Так, в комментарии к «Нови» в 9-м томе (М.; Л., 1930) Собрания сочинений Тургенева в 12 томах, вышедшего (под ред. Б. М. Эйхенбаума и К. И. Халабаева) в 1929–1934 гг., Ю. Г. Оксманом были частично включены и осмыслены подготовительные материалы, опубликованные А. Мазоном (С. 431–445).

³¹ *Mazon. P. 87.*

жен представляться читателю как буржуа и пошляк» во французской публикации читаем: «...как буржуа и отсталый».³² Примеры можно, но не следует множить, поскольку большинство неточностей исправлено в Полном собрании сочинений, несмотря на то что исследователям пришлось иметь дело не с автографами, а с фотокопиями не самого хорошего качества. Справедливости ради надо сказать, что некоторые фрагменты текста, исправленные в нашем издании, кажутся более убедительными в прочтении А. Мазона. Есть, однако, одна фраза, оставшаяся неисправной и имеющая, как представляется, принципиальное значение для истории «Нови».

В самом конце первого наброска будущего романа, помеченного точной датой и даже временем — «*Баден-Баден. / Пятница. 29/17-го июля 1870, / без четверти 10*», — после записи «Нужно внести элемент политически-революционный»³³ идет заключительная фраза с одним непрочитанным словом: «Женская фигура <нрзб.> должна пройти *in dem Hintergrund* (на заднем плане — *нем*)».³⁴ Собственно, именно это неразобранное слово и привлекло поначалу наше внимание. Открывшаяся не так давно возможность познакомиться с рукописями Тургенева, хранящимися в Национальной библиотеке Франции, побудила заглянуть на сайт открытого доступа и увидеть качественную цифровую копию указанного фрагмента.³⁵

Каково же было удивление, когда вместо указанной фразы в автографе ясно читалось: «Темная фигура — (Нечаев) должна пройти — *in dem Hintergrund*». Сверив прочтение этой фразы в публикации А. Мазона, мы обнаружили следующий вариант: «Женская фигура (нигилистка) должна пройти *in dem Hintergrund*».³⁶ Как ни странно, французского исследователя не смутило, что привязанное к имени Марианны определение «нигил<истка>», фигурирующее в скобках чуть ниже, в списке из четырех действующих лиц романа («№ 4. (нигил.) Марианна»), явно

³² *Mazon*. P. 88.

³³ У Мазона эта фраза, кстати, прочитана неточно: «Нужно внести элемент политических революционеров» (*Ibid*. P. 89).

³⁴ *ПССуП(2)*. Соч. Т. 9. С. 400. То же: *ПССуП(1)*. Соч. Т. 12. С. 315. Подготовительные материалы к «Нови» были заново сверены по автографам и прокомментированы Н. Ф. Будановой. Автограф, о котором идет речь, обозначен в *ПССуП* как «Заметка о замысле романа».

³⁵ *BN*. Slave 76. F. 100. См. иллюстрацию на с. 473. Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность сотрудникам Национальной библиотеки Франции, сделавшим доступными для исследователей автографы Тургенева.

³⁶ *Mazon*. P. 89.

не походило на заключенное выше в скобках имя таинственной незнакомки, написанное к тому же с заглавной буквы. Возможно, на подобное прочтение повлияло то обстоятельство, что из четырех перечисленных персонажей лишь с именем Марианны Тургенев определился сразу, после того как в тексте наброска, намечая краткую характеристику будущего Нежданова (пока он значился как № 1: «№ 1 должен кончить самоубийством»),³⁷ Тургенев записал: «Нигилистка — (не назвать ли ее Марианной?) сперва увлекается им и бежит с ним — потом, разубедившись, живет с № 2».

Таким образом, Марианна оказывалась в центре интриги и по аналогии с центральной ролью нигилиста Базарова в «Отцах и детях» могла претендовать на роль главной героини. Но дело было не только в этом. Ошибка А. Мазона была обусловлена, так сказать, концептуально: Нечаев «не мог» появиться в первом наброске романа потому, что, с точки зрения исследователя, первый «нечаевский» процесс состоялся в 1871 году, следовательно, в середине 1870 года Нечаев еще не мог оказаться «героем» задуманного романа. По существу, это не было ошибкой: первый процесс над арестованными «нечаевцами» действительно состоялся летом 1871 года.³⁸ Поэтому появление имени Нечаева в «Формулярном списке лиц новой повести», помеченном февралем 1872 года, не вызвало сомнений. Здесь оно фигурирует в характеристике ограниченного, но «неустрасимого до отчаянности» революционера Маркелова, в котором развито «чувство адмиративности», то есть склонности к восхищению, почитанию (от *франц.* *admirer*), «а потому, несмотря на свою резкость, он способен подчиняться влиянию».³⁹ Именно при характеристике Маркелова Тургенев записал: «Совершенно удобная и готовая почва для Нечаевых и К^о», хотя данная мысль, несомненно, относится и к другим героям романа, например к Машуриной, в краткой характеристике ко-

---

³⁷ Среди зачеркнутых вариантов фамилии Нежданова Мазоном был прочитан один: Незванов Петр Николаевич (*Mazon*. P. 89). В *ПССуП(1)* и *ПССуП(2)* к нему добавился еще один: Неправд<ин>.

³⁸ Перед судом предстало более 80 человек. Второй процесс над Нечаевым имел место в 1873 г., уже после того, как он был выдан русскому правительству властями Швейцарии. Подробнее см.: Нечаев и нечаевцы. Сб. материалов / Предисл. и примеч. Б. П. Козьмина. М.; Л., 1931.

³⁹ *BN*. Slave 76. F. 104. Галлицизм «адмиративность» был прочтен верно А. Мазоном, но не принят отечественными текстологами, вместо него в обоих изданиях *ПССуП* ошибочно внесено: «чувство административности», что существенно искажает авторский текст.

торой значится: «Способна на всякое самоотвержение. <...> Нечаев делает из нее своего агента».⁴⁰

Ошибка А. Мазона тем более удивительна, что в начале второй редакции «Рассказа новой повести» (по сути конспекта будущего произведения) Тургенев фактически повторяет фразу, которой завершался первый набросок романа. В первом же разговоре Нежданова с Машуриной звучат «намекы на общее дело. — (Нечаев уже тут на заднем плане.)».⁴¹ Однако будучи уверенным, что вторая редакция конспекта написана гораздо позднее (как и было на самом деле), ученый не сопоставил эту фразу с той, которая прозвучала в наброске 1870 года. Очевидно, что магия первого прочтения оказала влияние и на повторное обращение к указанной фразе при подготовке Полного собрания сочинений и писем Тургенева.

Между тем в действительности имя С. Г. Нечаева, несмотря на то что после убийства студента И. И. Иванова, совершенного 21 ноября 1869 года, ему удалось избежать ареста и скрыться за границей, появилось в газетах уже в конце того же 1869 года. Довольно скоро, когда в руках полиции неожиданно оказался архив революционной организации «Народная расправа», стало ясно, что за убийством одного из ее членов Иванова стоит злоецающая фигура человека, уже не раз попадавшего в поле зрения III отделения. В высших правительственных кругах было решено придать делу об убийстве Иванова широкий резонанс. Нечаевский процесс стал первым гласным политическим процессом в России, он широко освещался в печати, причем была допущена перепечатка материалов после того, как они были опубликованы в «Правительственном вестнике».⁴²

Первое сообщение в газете «Московские ведомости» о найденном в пруду близ Петровской академии неопознанном трупе было напечатано уже 27 ноября 1869 года.⁴³ В следующих номерах газеты это сообщение начало обрастать подробностями. В номере от 29 ноября сообщалось, что убитый оказался слушателем Петровской академии Иваном Ивано-

---

⁴⁰ *ВН*. Slave 76. F. 108.

⁴¹ *Ibid.* F. 127. А. Мазон в своей публикации 1925 г. не стал воспроизводить вторую редакцию конспекта (или «концепта», как определял сам писатель) содержания романа, поместив разночтения с первой редакцией под строкой. Эта фраза у него прочитана верно (*Mazon*. P. 99).

⁴² Подробнее см.: *Лурье Ф. М.* Созидатель разрушения: Документальное повествование о С. Г. Нечаеве. СПб., 1994. С. 179–187.

⁴³ *МВед.* 1869. 27 ноября. № 258. С. 2.

вичем Ивановым,⁴⁴ а уже 25 декабря в газете было названо имя С. Г. Нечаева: «Тайна убийства студента Петровской земледельческой академии Иванова начинает раскрываться. Некоторые из участников этого преступления, как слышно, уже находятся в руках правосудия. Но главный виновник злодеяния ускользнул. Это тот самый Нечаев, который отличался на бывших прошлую зиму студенческих беспорядках в Петербурге и который, как хвалился он в своей прокламации, изданной им в Женеве, бежал будто бы из Петропавловской крепости».⁴⁵ Тут же без указания имен завуалированно назывались и те, кто содействовал Нечаеву за границей, а именно А. И. Герцен, Н. П. Огарев и М. А. Бакунин: «После совещаний с женевскими героями нашей так называемой революции негодяй этот возвратился благополучно в Россию, был в Петербурге, проживал в Москве и ознаменовал свое тайное пребывание в ней убийством, которое было совершено самым гнусным образом...».

Заканчивалось сообщение, в котором явственно чувствовалась рука главного редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, призывом ко всем здоровым общественным силам сплотиться против этого зла: «Пора, давно пора разделаться нам с этою мерзостью, которую враги наши, с помощью отъявленных негодяев, продолжающих дело польских жандармов-вешателей, вносят в нашу учащуюся молодежь, вербуя в ней свои *тройки*, посреди глубокого земского мира, который господствует в нашем отечестве. Несчастные обманутые ими жертвы не знают сами, куда сходятся нити той организации, в которую их заманивают грубыми революционными химерами!».⁴⁶

Таким образом, уже в конце 1869 года Тургенев мог узнать не только об участии Нечаева в убийстве студента Иванова, но и о разветвленной революционной организации, им возглавляемой, а с января 1870 года все новые и новые сведения о «Народной расправе» стали регулярно появляться на страницах газет. Именно из газет узнал об этом и Ф. М. Достоевский, приступивший в январе 1870 года к написанию романа «Бесы».

Известно, как трудно писался этот роман Достоевским. Оттолкнувшись от нечаевского дела, писатель задумал масштабное произведение, призванное «разоблачить» нигилизм, начиная с его истоков, которые виделась Достоевскому в западничестве 1840-х годов. Ключевыми фигурами западничества были избраны Т. Н. Грановский и В. Г. Белинский. Немаловажное место в будущем романе было отведено Тургеневу, черты

---

⁴⁴ *МВед.* 1869. 29 ноября. № 260. С. 2.

⁴⁵ Там же. 25 декабря. № 281. С. 2.

⁴⁶ Там же.

которого читаются не только в пародийном образе Кармазинова, но и в образе Степана Петровича Верховенского.⁴⁷ Недаром А. Н. Майков, ознакомившись с началом романа, заметил в письме к Достоевскому: «Это тургеневские герои в старости».⁴⁸ Писатель долго сомневался в том, кто станет центральной фигурой будущего романа, остановившись в конце концов на образе Ставрогина.⁴⁹ Роман, еще не будучи завершенным, начал печататься в первых номерах «Русского вестника» за 1871-й, а закончен печатаньем в последних номерах за 1872 год (отдельное издание вышло в 1873 г.). Писатель торопился, испытывая серьезные финансовые трудности, приходилось заранее рассчитывать на гонорары за еще не написанные части романа.

Как признавался сам Достоевский в мае 1870 года, писал он «с большим жаром» и совершенно «не мог угадать», что выйдет из этого.⁵⁰ Поначалу писатель думал завершить роман к лету, однако в начале августа решил «окончательно: всё написанное уничтожить, роман переделать радикально» и «начать работу почти всего года вновь сначала».⁵¹ Характерна и запись Тургенева в первом наброске будущей «Нови»: «Фабула мне еще далеко не видна...».⁵² Таким образом, получается, что «Бесы» Достоевского (в окончательном замысле) и «Новь» Тургенева были начаты почти одновременно — во второй половине июля — начале августа 1870 года. Характерно, что оба писателя, оттолкнувшись от «дела Нечаева», в центр повествования ставят не его, а другое лицо (Ставрогина и Нежданова), причем с самого начала это лицо должно покончить жизнь самоубийством. При этом Тургенев вообще не выводит Нечаева на сцену, он должен пройти за кулисами, «in dem Hintergrund». «Нечаев

---

⁴⁷ Мнение о Тургеневе Достоевского в это время крайне раздраженное. «Я считаю Тургенева самым исписавшимся из всех исписавшихся русских писателей <...>», — пишет он Н. Н. Страхову 11 (23) июня 1870 г. (*Достоевский*. Т. 29. Кн. 1. С. 129). Впоследствии так о Кармазине выскажется в «Бесах» старший Верховенский: «Ваш Кармазинов — это старая, исписавшаяся, обозленная баба!» (Там же. Т. 10. С. 265).

⁴⁸ Это замечание из неизвестного письма Майкова вызвало живой отклик Достоевского, назвавшего его «гениальным» (см.: Там же. Т. 29. Кн. 1. С. 182).

⁴⁹ Сложная творческая история романа восстановлена в Полном собрании сочинений Достоевского: Там же. Т. 9. С. 157–276 (коммент. В. А. Туниманова, Н. Ф. Будановой, Т. И. Орнатской и др.).

⁵⁰ Там же. Т. 29. Кн. 1. С. 126. Письмо к Н. Н. Страхову от 28 мая (9 июня) 1870 г.

⁵¹ Там же. С. 133. Письмо к В. В. Кашпиреву от 15 (27) августа 1870 г.

⁵² *ПССиП*(2). Соч. Т. 9. С. 400.

так и остался „на заднем плане“, — справедливо писала Л. А. Николаева, — как некая таинственная и несколько комическая фигура „руководителя“, пытающегося своими повелительными письмами направлять движение. Основное течение романа сразу же определилось у Тургенева вокруг деятельности рядовых лиц революционно настроенной молодежи <...>. Эта общая схема осталась у Тургенева неизменной».⁵³

В отличие от Достоевского, автор «Нови» не стал упоминать об убийстве студента. Действие романа происходит, как записано на обороте листа со списком будущих героев (с уточнением их фамилий, имен, отчеств и возраста), в 1868 году.⁵⁴ В центре внимания Тургенева — судьбы молодежи, втянутой в революционное движение, сочувствие к людям искренним, жаждущим подвига во имя народа, которого они не знают, поиск иных путей изменения общественных отношений. Отсюда фигура «положительного» Соломина и его роль в романе. Совсем других путей искал Достоевский, создавая свой широкомасштабный идеологический роман.

---

⁵³ Николаева Л. А. Проблема «злободневности» в русском политическом романе 1870-х годов (Тургенев и Достоевский) // Проблемы реализма русской литературы XIX века. М.; Л., 1961. С. 403.

⁵⁴ *BN. Slave 76. F. 100 v.* В своей публикации А. Мазон высказал предположение, что данная запись сделана позже, в 1872 г. (*Mazon. P. 89*), хотя эта дата появляется лишь в другой записи, отделенной в конволюте от предыдущей «заглавным» листом, на котором читаем: «Формулярный / список / лиц новой повести. / Париж / Февраль 1872» (*BN. Slave 76. F. 101*). Датировка Мазона была принята в *ПССУП* (см.: *ПССУП(1). Соч. Т. 12. С. 480; ПССУП(2). Т. 9. С. 482*), однако более корректно предположить, что запись на обороте л. 100 сделана если не 17 (29) июля 1870 г., как первый набросок будущего романа, то в скором времени после того, то есть, вероятнее всего, в том же 1870 г. Это уточнение принципиально важно в свете нового прочтения заключительной фразы о Нечаеве в первом наброске «Нови», поскольку прямо указывает на время *до* убийства студента Иванова. Позднее Тургенев более точно определит время действия романа: весна 1868 г., то есть период, когда Нечаев лишь готовился к будущим студенческим волнениям зимы 1868/69 г. Возвращаясь к обороту л. 100, отметим, что здесь присутствуют два списка будущих действующих лиц: первый (подробный) с указанием фамилий, имен и отчеств, а также дат рождения и возраста (здесь действующие лица будущей повести пронумерованы арабскими цифрами), и ниже другой — более краткий, записанный явно позже и другими чернилами, где фигурируют только сокращенные фамилии с сокращенными обозначениями их характеристик (например, против фамилии «Нежд<анов>» поставлено: «р. р.», т. е. «романтик реализма», против «Солом<ина>» — «амер<иканец>» и т. д.), слева против каждого карандашом продублированы сокращенно фамилии («Н.» — Нежданов, «С.» — Соломин, «С—а» — Сипягина и т. д.), очевидно для того, чтобы в дальнейшем при разработке фабулы использовать вместо полных фамилий криптонимы.

И Тургенев, и Достоевский начали работу над романами, находясь за границей — в Германии, и черпали материал для задуманных произведений преимущественно из газет. Оба чувствовали, что для продолжения работы им необходимо вернуться в Россию. Достоевский из-за материальных и семейных обстоятельств вернулся лишь в июле ст. ст. 1871 года. Тургенев приехал в Россию уже в конце мая ст. ст. 1870 года и провел там месяц, вернувшись затем в Баден-Баден. Обоим пришлось стать свидетелями начала франко-прусской войны, разразившейся 19 июля ст. ст. 1870 года. Внешние обстоятельства не способствовали творческой работе. Война заставила семью Виардо и Тургенева искать нового места жительства, им оказался Лондон, где они провели тревожное время. Но было еще одно событие, сыгравшее значительную роль в жизни Тургенева и в творческой истории «Нови».

В ночь с 8 (20) на 9 (21) января 1870 года в Париже умер А. И. Герцен. Вместе с ним ушла целая эпоха. За неделю до смерти, 2 (14) января, его «после семилетней разлуки» навестил Тургенев, приехавший в Париж, чтобы присутствовать, по приглашению Максима Дюкана, на казни Тропмана.⁵⁵ Вечером того же дня Герцену стало плохо. В последующие несколько дней Тургенев навещал больного на улице Риволи, той самой, где сам прожил в начале 1860-х годов несколько лет, но видел его только раз «в сильном жару с воспалением в легких», однако общался с его близкими — дочерью Натальей, Н. А. Тучковой-Огаревой и др. Вынужденный 7 (19) января срочно уехать в Баден-Баден, он просил Тучкову и старшую дочь Герцена Тату сообщать ему о состоянии больного, а 10 (22) января узнал о смерти друга.

«Я не мог удержаться от слез, — писал Тургенев П. В. Анненкову час спустя после получения горестного известия. — Какие бы ни были разногласия в наших мнениях, какие бы ни происходили между нами столкновения, все-таки старый товарищ, старый друг исчез: редуют, редуют наши ряды!».⁵⁶ Беспокоясь о судьбе оставшихся детей Герцена, Тургенев особенно был озабочен состоянием Таты: «Старшая дочь Наталия — прекрасное, симпатичное существо — недавно, вследствие каких-то странных недоразумений, в течение шести недель сходила с ума и теперь едва-едва выздоровела... Пожалуй, эта смерть опять потрясет ее рассудок».⁵⁷ Тремя днями раньше в письме к Клоди Виардо Тургенев также упомянул о Тате Герцен: «У старшей (дочери. — Н. Г.) лицо осо-

---

⁵⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 10. С. 128.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

бенно замечательное, правда, несколько трагическое и взгляд у нее долгий и не вполне здоровый. На ней словно лежит какая-то печать... которой не пожелаю тем, кого люблю».⁵⁸ Тургенев был посвящен в тайну болезни Таты, тяжело пережившей осенью 1869 года историю с влюбленным в нее слепым итальянцем Пенизи, самим Герценом.⁵⁹ 20 ноября (2 декабря) 1869 года Герцен записал в дневнике: «Выздоровление Т<аты> меня больше облегчает, чем радует, — впереди завеса, все черно, и я не могу ни обманывать себя, ни понять, в чем мы не согласны. Мы сложились разрушителями; наше дело было полоть и ломать, отрицать и иронизировать. Мы и делали его. А теперь, после 15–20 ударов, мы видим, что ничего *не* создали, не воспитали. Последствие непростиительно — нигилизм в окружающих людях в отношении к семье <...>».⁶⁰

Очень скоро Тате предстояло пережить еще одну трагедию — историю с С. Г. Нечаевым, который попытался вовлечь старшую дочь Герцена в свое «дело», используя для этого все дозволенные и недозволенные способы. Последнюю точку в этой непростой истории поставил, как теперь известно, Г. А. Лопатин, открывший глаза Тате на подлинную сущность авантюриста и убийцы.⁶¹ Не случайно именно Лопатин, с которым Тургенев скоро сблизится, впоследствии упрекнет Тургенева в том, что в «Нови» писатель «смешал» два этапа революционного движения — нечаевский и народнический.⁶²

Если этот упрек и был отчасти справедливым, то для нас в данном случае гораздо важнее другое. Непрочтение упомянутой фразы о Нечаеве в первом наброске романа привело исследователей к недооценке значения «нечаевского дела» для замысла «Нови». Так, А. Мазон, признавая, что уже А. Е. Грузинским было отмечено важное значение для замысла «Нови» «дела Нечаева»,⁶³ писал: «Верно, что процесс Нечаева был одним из важных факторов для замысла Тургенева, но он не был

⁵⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 10. С. 120. Подлинник по-франц.

⁵⁹ Герцен. Т. 30. Кн. 1. С. 255. Письмо от 6 (18) ноября 1869 г.

⁶⁰ Там же. Т. 20. С. 611.

⁶¹ См.: Огарев, Бакунин и Н. А. Герцен-дочь в «нечаевской» истории (1870 г.) / Статья и публ. С. В. Житомирской и Н. М. Пирумовой // ЛН. Т. 96. С. 413–546.

⁶² <Лопатин Г. А. Предисловие>. Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенников по политическим причинам в период 1873–77 гг., осужденных и ожидающих суда. Женева, 1877. С. XV.

⁶³ Грузинский А. Е. И. С. Тургенев. М., 1918. С. 177–184. При этом Грузинский относил первоначальный замысел романа к 1872 г., т. е. после первого «нечаевского процесса» 1871 г.

первоначальным». ⁶⁴ Изначальным толчком был, с точки зрения исследователя, изложенный в первом наброске будущего романа «тезис» о герое как «романтике реализма», что обусловило, по его мнению, «слабость» общей концепции, представлявшей «логическую конструкцию». Даже не попытавшись «расшифровать» указанный «тезис», ученый упрекнул писателя в «банальности» соображений на эту тему и общей неясности концепции. Отсюда и сомнительный вывод о том, что будущий герой — лишь «реинкарнация» прежних героев, изображенных в «Рудине» и «Отцах и детях». ⁶⁵ Между тем в оксюморонном словосочетании «романтик реализма» заключалась вся суть трагедии «новых людей», перешедших от слов к «делу», обреченному, с точки зрения Тургенева, на неудачу.

Не приходится сомневаться в том, что точка зрения А. Мазона о времени знакомства Тургенева с «делом Нечаева» повлияла на последующих исследователей, и в тургеневедении возобладало мнение, что задачей писателя в «Нови» было изображение более позднего явления — так называемого «хождения в народ». ⁶⁶ Думается, что пропаганда в народной среде, распространение листовок и воззваний с целью возбудить недовольство и в конечном счете спровоцировать бунты входили в общую «методологию» революционеров, действовавших как из-за границы, так и внутри страны. Недаром Нечаев пользовался теми же типографиями, что и «вольная русская печать», а в составлении его «воззваний» принимали участие Бакунин и Огарев. Эти «воззвания» обильно

---

⁶⁴ *Mazon*. P. 108.

⁶⁵ *Ibid.*

⁶⁶ «Однако „Новь“ — это роман о народниках-пропагандистах, а не о заговорщиках нечаевского типа», — писала Н. Ф. Буданова (*Буданова Н. Ф.* Роман «Новь» и процесс долгушинцев // *Т Сб.* Вып. 2. С. 182). Отметим, что знакомство Тургенева с прокламациями и брошюрами народников не исключает его знакомства с подобной литературой в исполнении Бакунина, Огарева и др., а затем, в начале 1860-х гг. — приверженцев Чернышевского. Но ближе по времени к замыслу «Нови» относятся прокламации самого Нечаева, которые он в изобилии сочинял и печатал за границей. Трудно согласиться и с А. И. Батюто, считавшим, что первоначально Тургенев собирался отвести в романе «значительное место изображению нечаевщины», а впоследствии, «когда писателю открылось, по определению Лаврова, „нравственное величие русской нови“, это намерение было оставлено» (*Батюто А. И.* Роман «Новь» и «процесс пятидесяти» // Там же. С. 206–207). В свете вышесказанного следует признать, что с самого начала Тургенев собирался изображать не «нечаевщину», а тех, кто оказался втянутым в это движение в силу своего идеализма, оставив фигуру самого Нечаева «на заднем плане».

рассылались по разным адресам в Россию и стали причиной многочисленных арестов, так что кое-кому пришла в голову мысль, не является ли их автор провокатором. Уже летом 1869 года Нечаеву удалось напечатать в Женеве первый номер журнала «Народная расправа» и «Катехизис революционера». Эти «сочинения» могли быть известны Тургеневу.

Тургенев вполне мог столкнуться с Нечаевым у Герцена в последние дни его жизни. Бежав за границу после совершенного преступления, Нечаев развил бурную деятельность в ближайшем окружении Герцена. Еще весной 1869 года, опасаясь ареста за участие в студенческих волнениях, он сумел войти в доверие к Бакунину и Огареву, вынудившим Герцена выдать ему половину так называемого «бахметьевского фонда»⁶⁷ на революционную деятельность в России. С подписанным Бакуниным фальшивым мандатом «доверенного представителя» несуществующей организации «Всемирный революционный союз»,⁶⁸ с посвященным ему Огаревым и отпечатанным в виде листовки стихотворением в кармане, осенью 1869 года Нечаев «на коне» вернулся в Россию и возглавил организацию «Народная расправа». А после убийства студента Иванова и последовавших арестов снова бежал за границу и вновь пытался выйти на прямой контакт с Герценом, который решительно отказался его видеть. 26 декабря 1869 года (7 января 1870 года), буквально за неделю до визита Тургенева, Герцен отвечал на письмо Огарева с сообщением о получении письма от Нечаева из России и скором приезде последнего в Женеву с целью встретиться с Герценом и взяться за продолжение издания «Колокола». На оба предложения Герцен отвечал решительным отказом. «Я буду очень рад, если бой выздоровеет (т. е. Нечаеву удастся избежать ареста. — *Н. Г.*), — но видеться мне с ним не нужно».⁶⁹ И по поводу возобновления «Колокола»: «На таком двойстве воззрений, которое мы имеем в главном вопросе (т. е. по поводу призыва к не-

---

⁶⁷ Так называемый «бахметьевский фонд» образовался вследствие пожертвования на дело революции некоего П. А. Бахметьева, передавшего оказавшиеся в его распоряжении деньги Герцену и Огареву еще в 1857 г., перед тем, как самому уехать на Маркизские острова и основать там коммуны. Бахметьев послужил прототипом Рахметова в романе Чернышевского «Что делать?».

⁶⁸ Как верно пишет Ф. М. Лурье, «на плечах именно Бакунина Нечаев въехал в революционное движение, именно Бакунин особенно близок Нечаеву по пристрастию к разрушению и вседозволенности, не случайно они так молниеносно сблизились в 1869–1870 годах, не случайно Бакунин более всех поддержал Нечаева, сделался его „крестным отцом“» (*Лурье Ф. М. Созидатель разрушения. С. 75*).

⁶⁹ *Герцен. Т. 30. Кн. 1. С. 297.*

медленному восстанию в России. — *Н. Г.*), нельзя создать журнал. Читать нас никто не хочет».⁷⁰

Окончательно разойдясь с Бакуниным, Герцен изложил суть разногласий в «Письмах к старому товарищу», которые вышли в свет лишь после его смерти в «Сборнике посмертных статей», опубликованном под редакцией Огарева в Женеве в 1870 году. Но Нечаев, приехавший в Женеву 9 или 10 января н. ст. 1870 года, так и не добился свидания с Герценом, который писал Огареву 31 декабря 1869 года (12 января 1870 года): «Юношу (Нечаева. — *Н. Г.*) видеть я могу и мужеству его отдаю полную справедливость — но деятельность его и двух старцев (т. е. самого Огарева и Бакунина. — *Н. Г.*) считаю положительно вредной и несвоевременной. Всякий день вижу русских — слушаю, вслушиваюсь — и убеждаюсь больше и больше в том».⁷¹ В этом же письме Герцен сообщал, что Тургенев, которого он, без сомнения, ожидал, «еще не приехал». Трудно представить, чтобы при встрече, состоявшейся всего через день, Герцен не сообщил Тургеневу о ситуации, в которой он оказался. Ведь именно Тургенев еще в 1862 году предупреждал Герцена: «...налив молодые головы вашей еще не перебродившей социально-славянофильской брагой, пускаете их хмельными и отуманенными в мир, где им предстоит споткнуться на первом шаге».⁷² Недаром уже в «Формулярном списке» 1872 года «русский революционер» Маркелов, вообще читающий «очень мало», «прочел, что нужно» — «Герцена в особенн<ости> и готов на дело».⁷³ Это указание, сделанное уже после смерти Герцена, подтверждает, что спор со знаменитым изгнанником был продолжен Тургеневым и в «Нови». История Нечаева лишь подтвердила самые худшие опасения писателя.

Исследователи не раз делали попытки осмыслить творческую историю последнего романа Тургенева, которым он хотел завершить свою литературную карьеру, и достигли в этом существенных результатов.⁷⁴ Однако вопросы «о роли нечаевского дела в творческой истории „Нови“ и о хронологизации изображенных в романе событий принадлежат к числу наиболее сложных и спорных».⁷⁵ Думается, новое прочтение

---

⁷⁰ Там же. Как известно, после смерти Герцена Нечаеву и Огареву удалось выпустить в апреле 1870 г. несколько номеров «Колокола».

⁷¹ Там же. С. 299.

⁷² ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 126–127. Письмо от 27 октября (8 ноября) 1862 г.

⁷³ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 403.

⁷⁴ Наиболее полно история «Нови» рассмотрена в книге Н. Ф. Будановой «Роман И. С. Тургенева „Новь“ и революционное народничество 1870-х годов» (Л., 1983).

⁷⁵ Там же. С. 24.

заключительной фразы в первом наброске будущего романа, сделанном в июле 1870 года, в определенной степени разрешает вопрос о роли нечаевского дела в замысле романа и позволяет уточнить не только текст этого первого наброска, но комментарий к нему, где читаем: «Однако нет оснований преувеличивать роль нечаевского дела в творческой истории романа. Подобное преувеличение содержится, например, в содержательной статье Э. М. Румянцевой „Из творческой истории романа И. С. Тургенева «Новь»“, автор которой считает, что Тургенев „показал в «Нови» представителей различных социальных группировок молодежи, которые действительно участвовали в нечаевском движении“ (Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1957, т. 150, вып. 2, с. 167), и, таким образом, относит революционную молодежь, изображенную в «Нови», не к народническому, а к нечаевскому движению“»⁷⁶.

---

⁷⁶ ПССиП(1). Соч. Т. 12. С. 488, примеч. 1. То же: ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 488, примеч. 20.

Е. Б. Новикова

ТУРГЕНЕВ — ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЕЦ

В биографической литературе о Тургеневе утвердилась точка зрения о неспособности писателя к хозяйственной деятельности. При этом исследователи ссылаются на его собственные признания, жалобы на недостаток денежных средств, отзывы друзей (особую роль здесь играют воспоминания и очерки А. А. Фета). Эта точка зрения формировалась также под влиянием событий, связанных с управлением имениями и недовольством Тургенева своими управляющими. Насколько она справедлива, можно выяснить, обратившись к обстоятельствам жизни писателя и тем целям и задачам, которые он ставил перед собой как землевладелец.

Известно, что после смерти матери и согласно разделному акту, составленному между братьями Николаем Сергеевичем и Иваном Сергеевичем Тургеневыми, Иван Сергеевич получил в наследство 5500 десятин земли и 1925 душ крепостных крестьян.¹ Несмотря на, казалось бы, рачительное хозяйствование Варвары Петровны, имения в руки наследников перешли расстроеными, обремененными долгами. Неурожай 1849 года усугубил положение дел, так что требовалось немало усилий, чтобы его исправить.

Тургенев, никогда не вникавший в дела хозяйства, доверил управление своими имениями Н. Н. Тютчеву — двоюродному брату известного русского поэта. Но за два с небольшим года управления Тютчев довел дело до того, что не стало хватать денег не только ему на жалованье, но и на прожиток Тургеневу. Оказалась растроченной большая сумма де-

---

¹ Заборова Р. Б. Тургенев и его дядя Н. Н. Тургенев // *Т Сб.* Вып. 3. С. 228.

нег, не было произведено никаких улучшений, доходы с имений понизились. Тютчеву пришлось оставить управление и вместе с семьей выехать из Спасского.

После его отъезда писатель сам принялся хлопотать по хозяйству. «Я всё это время ездил по деревням, не охотился, — писал он С. Т. Аксакову в августе ст. ст. 1853 года, — и теперь у меня в голове одно хозяйство, расчеты, счета и т. д. Так что ни о чем литературном я и подумать — пока — не в состоянии <...> всё это в будущем — а в настоящем пропасть занятий, интересных и любопытных, если хотите, но с непривычки — обременительных».²

Тургенев было примирился с новой для себя ролью помещика, с головой ушел в работу и даже начал разбираться в некоторых вопросах ведения хозяйства. Однако это занятие поглотило все его время, так что на литературу не оставалось ни минуты. В письме к своему дальнему родственнику и соседу по имению А. П. Свечину он писал: «Должен Вам сознаться, любезный Александр Павлович, что я едва ли не намерен отказаться от управления моим именем; на это нужны способности, которых я в себе не признаю, и особого рода твердость характера, которой во мне нет. Верно — шелкоперы должны оставаться шелкоперами до конца дней своих».³

Этой фразой Тургенев определил свое предназначение. В ней заключается главная причина отказа от самоличного управления именьями. Но были и второстепенные. Получив столь обширное наследство, писатель со временем осознал, что управление им требует постоянного присутствия в деревне и определенного навыка ведения хозяйства. Именья, располагавшиеся в пяти губерниях России, находились на большом расстоянии друг от друга, были обременены долгами. Кроме того, нельзя не принимать во внимание либеральные воззрения писателя, сформировавшиеся в годы учебы и под влиянием кружка Н. В. Станкевича, Т. Н. Грановского, В. Г. Белинского. Новая роль помещика, владельца крепостных душ противоречила его убеждениям. Очевидно, он это почувствовал, когда сам окупился в хозяйственную деятельность. В приводимом выше письме к А. П. Свечину Тургенев отрицал в себе твердость характера, необходимую в деле управления хозяйством. Действительно, этим качеством он не обладал, о чем свидетельствует, в частности, эпизод из воспоминаний А. А. Фета, где Тургенев, не сумев отказать крестьянам села Топки (или Тапки), раздал им всю барскую землю.⁴

---

² ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 249–250.

³ Там же. С. 273. Письмо от 6 (18) ноября 1853 г.

⁴ Фет. МВ. Ч. 1. С. 278–279.

Отношение к хозяйственной деятельности было одной из причин разногласий между Тургеневым и Фетом, однако их взгляды нельзя считать кардинально противоположными. Разногласие возникло в момент приобретения поэтом имения Степановка, которое стало главным предметом его забот, отодвинув литературу на второй план. Но задолго до этого события и даже до знакомства с Фетом Тургенев отмечал «неудовлетворительное состояние науки земледелия, а также и скотоводства и лесоводства в нашем отечестве, происходящее <...> от нерадения богатых владельцев, часто проживающих в отдалении от своих имений и как бы пренебрегающих своим добром».⁵ Записка «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», в которой содержится приведенное высказывание, была написана в 1842 году, когда Тургенев готовился поступить на службу в Министерство внутренних дел. Не исключено, что в будущем он предполагал самостоятельно заниматься хозяйством, но на практике все оказалось гораздо сложнее. Писатель постепенно пришел к выводу, что ему необходим честный и знающий управляющий. Что касается Фета, то он всегда был убежден, что сельское хозяйство не может идти без личной инициативы хозяина.

Однако приглашение управляющих в Спасское не предполагало полного отстранения писателя от решения хозяйственных вопросов. На протяжении всей жизни он чутко наблюдал за тем, что происходило в деревне и был строгим распорядителем в делах хозяйства. Тургенев прекрасно осознавал всю ответственность, которая возлагалась на него как на землевладельца. Доход от имений необходим был для того, чтобы обеспечить себя, свою дочь, довольно большое количество бедных родственников и бывших дворовых, которые поступили к нему на пенсию. Тургенев постоянно оказывал помощь нуждавшимся друзьям, делал взносы в различные фонды, занимался благотворительностью.

Не справившись с хозяйством, он решил пригласить на должность управляющего своего родного дядю — Николая Николаевича Тургенева. Отношение к хозяйству дяди и племянника оказалось различным, но, на первый взгляд, выбор не был случайным. После смерти отца писателя — Сергея Николаевича — дядя был назначен опекуном Ивана и Николая Тургеневых и одновременно исполнял обязанности управляющего в имениях Варвары Петровны.

В письмах к сыну Варвара Петровна часто жаловалась на нерадивость Николая Николаевича, его скупость и мешкотность в принятии важных решений. Например, летом 1843 года он не смог продать хлеб

---

⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 423–424.

вовремя. Когда цена с 13-ти рублей опустилась до 9-ти, продавать его уже не было смысла, получился бы убыток.⁶ Дядя часто отсутствовал в Спасском. Его отвлекала бумажная фабрика, устроенная в селе Тургенево, и дела, связанные с предводительством (как известно, в 1841 г. Н. Н. Тургенев был избран предводителем дворянства по Чернскому уезду Тульской губернии). «...Споров с дядей нету, — писала Варвара Петровна, — потому что и его никогда нету».⁷

Николай Сергеевич — брат писателя, который впоследствии стал преуспевающим землевладельцем, часто критиковал Николая Николаевича, указывая на недостатки его управления. В другом письме к сыну Ивану Варвара Петровна выражала свое недоумение: «Брат (т. е. Николай Сергеевич. — *Е. Н.*), видя совершенное расстройство моего здоровья и умственных способностей дяди... предложил м<не выйти в> отставку и заняться хозяйством. Именье <на>ше большое, <но!> совершенно расстроенное, благодаря упрямству и самолюбию Николая Н[иколаевича] братья быть управителем, <не пони>мая <совершенно> хозяйственной части и да<же не вникая в оное>».⁸

Однако в упоминавшемся письме к Свечину Тургенев объяснял свое решение сделать дядю управляющим тем, что тот хорошо знает его имения «и если последнее время не мог действовать как бы следовало — то виноват в этом был не он, а покойница маменька и пресловутая *контора*».⁹

При вступлении Николая Николаевича в должность управляющего писатель не надеялся на скорое поправление дел. Основная задача, которую он ставил перед собой на ближайшее время, — оплата казенных и частных долгов, которыми были обременены имения. В 1856 году, несмотря на скудные доходы, был оплачен последний частный долг. Намного легче оказалось избавиться от казенных. Они были погашены в процессе выкупных операций, проводившихся в период крестьянской реформы.

Реформа 1861 года изменила весь уклад помещичьей и крестьянской жизни, диктовала новые условия хозяйствования. Позиция Тургенева в отношении крестьянского вопроса хорошо известна. В канун реформы, в ноябре 1857 года, в письме к Е. Е. Ламберт из Рима он сообщал:

---

⁶ Письмо от 25 июня ст. ст. 1843 г.: «Твой друг и мать Варвара Тургенева»: Письма В. П. Тургеновой к И. С. Тургеневу (1838–1844). Тула, 2012. С. 447.

⁷ Там же. С. 483. Письмо от 12 (24) октября 1843 г.

⁸ Там же. С. 201. Письмо от 26–28 мая (7–9 июня) 1839 г.

⁹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 2. С. 273.

«В мае месяце я надеюсь прибыть в деревню — и не выеду оттуда, пока не устрою моих отношений к крестьянам. Будущей зимой, если бог даст, я буду землевладельцем, но уже не помещиком и не баринном».¹⁰

Писатель выступал за новые экономические отношения, которые предполагали использование наемного труда и сельскохозяйственных машин. Прежде чем осуществить положения реформы, он все хорошо обдумал и действовал последовательно. Еще до ее провозглашения Тургенев подготовил для крепостных в Спасском и других имениях переход от барщины к оброку и труду по найму.

Летом 1858-го и осенью 1859 года писатель находился у себя на родине. С переходом к новым условиям хозяйствования появились и новые трудности. Но вначале Тургенев их не замечал. «...Весь поколебленный быт ходил ходуном, как трясина болотная <...>»,¹¹ — напишет он впоследствии в романе «Дым», а в настоящий момент Тургенев с полной ответственностью занимается устройством отношений с крестьянами. Он переводит их с барщины на оброк. Оброчные крестьяне обязаны были платить 3 руб. сер. с десятины, не выполняя при этом никаких других повинностей. С принятием «Положения 19 февраля» эта сумма будет снижена до 2 руб. 50 к. сер. Крестьянам, пожелавшим переселиться, Тургенев дает новый сруб, что стоит ему немало денег. Много внимания уделяется размежеванию крестьянской и господской земель. Оставшуюся господскую землю он планирует обрабатывать вольным трудом или отдавать внаймы. По расчетам Тургенева, в первый год он должен потерять чуть больше четвертой части годового дохода. «...Но, должно надеяться, — писал он Н. И. Тургеневу, — что, со временем, результаты вольного труда и употребленного капитала пополнят этот недостаток».¹²

Лето 1861 года писатель также проводит в Спасском. Помимо работы над романом «Отцы и дети», он продолжает заниматься устройством нового быта. Тургенев не во всем следует положениям крестьянской реформы. Например, он дарит крестьянам усадьбы, в то время как те обязаны их выкупать, бывших дворовых людей даже наделяет землей, что тоже не предусматривалось положениями. Высший душевой надел в черноземных губерниях, в том числе в Орловской и Тульской, составлял 3 десятины. Писатель увеличил его до 3½ десятин.

¹⁰ Там же. Т. 3. С. 270.

¹¹ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 400.

¹² ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 153–154. Письмо от 10 (22) февраля 1860 г.

Главной целью Тургенева было как можно быстрее перевести крестьян с барщины на оброк, так как без этого невозможно совершение выкупной операции. Причем он настаивал на одностороннем выкупе, который осуществлялся при потере 20% денежной суммы, зато оставшиеся 80% землевладельцу выплачивались сразу.

Дяде Николаю Николаевичу новые порядки не нравились, он был убежден, что подобная раздача земли и те уступки, на которые шел Тургенев, могут привести к разорению и без того расстроенного хозяйства. Не разделял он позицию своего племянника и в отношении выкупа. В его отсутствие дядя распоряжался как большинство помещиков-крепостников в тех условиях: переселял крестьян на неудобные земли, отрезал выгоны для скота, не выполнял обязательств, данных Тургеневым.¹³

Писатель терпеливо ожидал результатов хозяйственных нововведений. «Из деревни, — сообщал он Е. Е. Ламберт в декабре 1861 года, — приходят известия неблагоприятные: но это зло необходимое — и переходное; я все-таки убежден, что дело пойдет хорошо!».¹⁴

Посещение Спасского летом 1862 года не оправдало ожиданий Тургенева. Ничтожно малый доход от имений, медленность совершения выкупных операций заставили писателя рассчитывать на литературный заработок. Он уже получил гонорар за публикацию романа «Отцы и дети» в «Русском вестнике», а находясь в деревне, обратился к Н. Х. Кетчеру с просьбой об издании этого романа отдельной книгой.¹⁵ Следует отметить, что в дальнейшем публикация произведений была для писателя одним из важнейших источников дохода.

В это время дядя совершает ряд хозяйственных и финансовых ошибок, к примеру, завышает цену на тамбовское имение, отчего оно не было продано.¹⁶ При переводе за границу 5000 руб. сер. через посредство А. А. Фета и В. П. Боткина Тургенев теряет 1500 руб. сер.¹⁷ За недостатком средств писатель вынужден занимать деньги у друзей и обращаться к брату.

Дальнейший ход событий вселил в Тургенева надежду. Весной 1864 года П. В. Анненков высылает ему 20 000 руб. сер., полученные

---

¹³ Бизюкин Ф. И. Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове и И. С. Тургеневе // *РВ*. 1885. № 1. С. 367–370.

¹⁴ *ПССиП(2). Письма*. Т. 4. С. 388.

¹⁵ См.: Там же. Т. 5. С. 80–81, 445. Письмо от 13 (25) июня 1862 г. Как известно, первое отдельное издание романа «Отцы и дети» с посвящением В. Г. Белинскому вышло в свет в начале сентября 1862 г. в Москве.

¹⁶ См. письмо от 3 (15) сентября 1863 г. к Н. Н. Тургеневу: Там же. С. 204–205.

¹⁷ См. письмо к В. П. Боткину от 13 (25) ноября 1863 г.: Там же. С. 219–220.

от выкупа земель. В июне Тургенев покупает 1,5 десятины земли в Баден-Бадене, а в сентябре начинает строительство дома. Предприятие требует новых денежных вложений, поэтому писатель торопит дядю с совершением выкупной операции по тамбовским имениям. «...Повторяю мой старинный припев, — пишет он Николаю Николаевичу, — выкуп, выкуп с пожертвованием как единственное средство иметь хотя небольшие деньги, все же остальное совершенно ненадежно... / ...Повторяю, не надеюсь я ни на одно зерно хлеба, ни на один вершок земли, уж это действительно темно-розовый свет!». ¹⁸

Выкуп тамбовских имений удалось совершить не сразу и только с помощью петербургских друзей — В. П. Боткина и П. В. Анненкова. В результате этой операции Тургенев рассчитывал получить 15 000 руб. сер., но получил 10 400 руб. сер. 5%-ными билетами. Вскоре бумаги упали в цене, поэтому их продажа оказалась невыгодной. Также при посредстве Анненкова писатель отдает их в залог.

«Необдуманная постройка» дома, предстоящая свадьба дочери, многочисленные обязательства — такие, как помощь семье М. А. Бакунина, и др. — заставили писателя задуматься об источниках получения денег. Выкуп имений оказался делом трудным и ненадежным, поэтому он вновь обратился к возможности получения дохода с имений и к продаже земли. Для этого, по мнению Тургенева, необходимо было грамотное управление. Писатель решает отстранить дядю от управления имениями. П. В. Анненкову он пишет из Баден-Бадена в декабре 1864 года: «Присутствие мое в России необходимо: дядя стареет и путает мои дела; непростительные проволочки влекут за собой убытки <...>». ¹⁹ Тургенев не замечает, как в оценке деятельности Николая Николаевича повторяет свою мать — обвиняет в проволочках. Варвара Петровна чаще называла это другим словом — мешкотностью — что по сути одно и то же. Писатель отчетливо осознавал всю ненормальность сложившейся ситуации, недобросовестность дяди, его косность и нерадение. Поскольку его брат с такого же количества земель получал до 20 000 руб. сер., ²⁰ то Тургенев был вправе рассчитывать на подобную сумму. В приведенном выше письме он просит Анненкова приискать «молодого, честного и деятельного человека» на должность управляющего.

Дальнейшие действия Николая Николаевича укрепили писателя в этом решении. Он по-прежнему продолжал получать малое количество денег

---

¹⁸ Там же. Т. 6. С. 58. Письмо от 25 октября (6 ноября) 1864 г.

¹⁹ Там же. С. 75.

²⁰ Там же. Т. 7. С. 170. Письмо к А. А. Фету от 31 марта (12 апреля) 1867 г.

из деревни. В одном из писем к А. А. Фету Тургенев сообщал: «Я с прошлого июля до нынешнего октября месяца получил *всего* доходных денег с моих имений около 2000 р. сер. <...>. Находите ли Вы подобный *доход* достаточным? <...> „Афины русского земледелия“, как Вы изящно прозвали Спасское, не только *ничего* не приносят — но я даже не могу добиться отчета о действиях и ходе пресловутой фермы. Лучшим доказательством справедливости моих слов служит сделанное мне на днях предложение моим дядей: отдать Спасское, имение, лежащее в 10 верстах от Мценска и состоящее из 1200 десятин отличной земли в круглой меже — какому-то арендатору <...> За 1400 р. сер. в год <...>».²¹

Несмотря на денежные затруднения, Тургенев продолжает строительство дома в Баден-Бадене, выплачивает приданое дочери, помогает друзьям.

В начале 1867 года он стремится попасть в Спасское для того, чтобы определить на должность управляющего своими имениями Н. А. Кишинского. Эта поездка не состоялась из-за болезни. 20 марта ст. ст. Тургенев из Москвы дает письменное распоряжение Кишинскому принять от Николая Николаевича управление имениями. Дяде при этом были сделаны многочисленные уступки. Он мог оставаться в Спасском столько, сколько пожелает. Люди, служащие ему, оставались на счету Тургенева. До выхода замуж второй дочери Николаю Николаевичу была назначена пенсия в 800 руб. Делая уступки, писатель рассчитывал на мирное разрешение ситуации. Дядя действительно согласился с передачей имения. В письме к П. Виардо Тургенев сообщал: «...я начал, наконец, получать от дядюшки рассудительные письма: он смиряется с необходимостью передать бразды правления в другие руки. Мой управляющий сообщает мне, что он начинает чувствовать себя хозяином: по-видимому, застал он там хаос несказанный».²²

Однако Кишинскому не сразу удалось приступить к делам, поскольку Николай Николаевич препятствовал ему. Иван Сергеевич полностью доверял Кишинскому. «...Я никогда не доверяю вполнину, а Вам я доверяю, — писал он ему в апреле 1867 года, — а потому не смущайтесь ничем и делайте спокойно свое дело».²³ Подобного рода поощрения Тургенева развязывали руки новому управляющему, в том числе в отношении Николая Николаевича. Тем не менее дядя передал новому управляющему опись имения и деньги, а некоторое время спустя Кишинский

²¹ ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 63–64.

²² Там же. С. 274. Письмо от 22 марта (3 апреля) 1867 г. Подлинник по-франц.

²³ Там же. С. 175.

в письме к Тургеневу сообщил о том, что бывший управляющий подал к взысканию векселя, данные ему писателем на случай своей смерти. В ответ на это Тургенев потребовал удаления Николая Николаевича из Спасского.

История конфликта Тургенева с его дядей хорошо известна. Исследователи жизни и творчества писателя сходятся во мнении о вине Николая Николаевича, о его грабительских намерениях и бесчестии,²⁴ забывая при этом, что немалую роль в конфликте сыграл Н. А. Кишинский. К сожалению, мы не располагаем подробностями, касающимися взаимоотношений Николая Николаевича с новым управляющим. Однако реакция Тургенева была явно спровоцирована Кишинским. В тот момент дядя еще ничего не говорил своему племяннику о векселях.

Николай Николаевич ожидал приезда Тургенева, самолично хотел передать ему дела. В своих воспоминаниях А. А. Фет свидетельствует, что при встрече с ним дядя начинал «громко рыдать каждый раз, когда <...> касался в речах грозившей ему сдачи управления не лично Ивану».²⁵

Вместо того, чтобы найти возможность посетить Спасское и самому разобраться в событиях, там происходивших, Тургенев довольствовался сообщениями Кишинского, чем совершал серьезную ошибку. Он решил, что для урегулирования ситуации достаточно письменных распоряжений новому управляющему. Так, по распоряжению Тургенева дядя мог оставаться в Спасском до 15 июня. При этом Кишинский обязан был снабжать его и его семью всем необходимым. Однако задолго до назначенного срока снабжение продовольствием и фуражом прекратилось, о чем Николай Николаевич сообщил в письме к своему племяннику. Тургенев нашел эту жалобу безосновательной.²⁶ В ответ Николай Николаевич наложил запрещение на имения писателя, предъявив к оплате безденежные векселя, которые Тургенев дал ему на случай своей смерти. Кроме того, он перевел на свое имя уже уплаченный вексель Е. Т. Сливицкой — родственницы и бывшей компаньонки Варвары Петровны — и потребовал вторичной его уплаты.

Родовому гнезду писателя грозила продажа с аукциона. Чтобы сохранить за собой имение, Тургенев продал баденский дом своему другу Луи Виардо, добавил к этой сумме все деньги, которые находились в спас-

---

²⁴ См., например: *Заборова Р. Б.* Тургенев и его дядя Н. Н. Тургенев // *Т Сб.* Вып. 3. С. 221–234. См. также: *ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 358, примеч. 3 к письму 1944.

²⁵ См.: *Фет. МВ.* Ч. 2. С. 110.

²⁶ *ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 7. Письмо к Н. А. Кишинскому от 12 (24) июня 1867 г.

ской кассе, и заплатил Николаю Николаевичу 20 000 руб. сер. В результате были выкуплены три предъявленных векселя, но при этом писатель остался практически без средств к существованию. Еще раньше в газете «Московские ведомости» он опубликовал «заявление благодарности» Николаю Николаевичу Тургеневу за труды по управлению имениями. «Дело с дядюшкой, слава богу, кончено. Он ободрал меня как липку <...>»,²⁷ — сообщал Тургенев Фету в апреле 1868 года.

Выезжая из Спасского, Николай Николаевич взял с собой изрядное количество лошадей, скота, экипажей, мебели. Чтобы не раздувать затянувшийся конфликт, Тургенев подписал все описи вывозимого имущества, а приехав в Спасское летом 1868 года, не обнаружил столового серебра со своими инициалами. По подсчетам писателя, дядя разорил его на 36 500 руб. сер., оставив при этом 5000 руб. долгу, который Тургеневу пришлось заплатить.²⁸

Расставаясь с племянником, дядя написал ему письмо, которое было «исполнено ругательствами, клеветами, ложью самой наглой <...> Тут же Кишинский обозван *нигилистом* и предсказывается <...> (Тургеневу. — *Е. Н.*) скорое разорение от этого злодея, который „отовсюду тащит деньги“!!!».²⁹

Что послужило причиной такого поведения Николая Николаевича? Природная скупость, обида, спровоцированная неправильным поведением племянника или действиями нового управляющего? В. П. Боткин в письме к Фету указывает на еще одно обстоятельство конфликта: «Вся буря поднята женским отделением <...>, и тот же Ник<олай> Ник<олаевич>, который говорил, что во всяком деле причину надо непременно искать в женщине; и вот теперь эта *она* оказалась и в его собственном деле. А там еще их *две* (Боткин имел в виду жену и младшую дочь Николая Николаевича. — *Е. Н.*), и при известной своей глупости, на что не могут они подбить старика!!».³⁰

Супруга дяди — Елизавета Семеновна — не уступала мужу в скупости, даже жадности к деньгам. В декабре 1874 года Тургенев сообщал брату Николаю: «Я сегодня только узнал, что жена дяди Николая Николаевича недавно скончалась, растратив все деньги, которые он получил от меня. Он теперь у себя в деревне, слепой, больной, одинокий. Мне его жаль...».³¹

²⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 183.

²⁸ Там же. Т. 9. С. 43.

²⁹ Там же. Т. 8. С. 147. Письмо к И. П. Борисову от 6 (18) марта 1868 г.

³⁰ Цит. по: *Фет. МВ.* Ч. 2. С. 114.

³¹ ПССиП(2). Письма. Т. 13. С. 240.

Трудно сказать, осознал ли Тургенев свою долю вины в ссоре с дядей. Но постепенно родственное чувство подавило обиду, и в августе ст. ст. 1878 года состоялось их примирение.

Управление имениями Н. А. Кишинским создало новые проблемы. Если Николай Николаевич отличался скупостью и нерадением, то Кишинский хитростью и алчностью. Нет сомнений, что Тургенев не раз вспомнил обвинения, высказанные дядей по адресу нового управляющего, которые, к сожалению, оказались пророческими. Очевидно, писатель их принял к сведению. Уже в ноябре 1867 года он просит И. П. Борисова наблюдать «одним глазом, что происходит в Спасском»,³² а через год получает анонимное письмо, в котором содержалось описание афер Кишинского.

Тургенев отправил это письмо своему управляющему, но сообщил, что не верит содержащемуся в нем доносу. Борисову вновь было поручено присмотреться к обстановке в Спасском. «Ваши замечания насчет Кишинского верны, — писал Тургенев, — и я бы очень Вам был благодарен, если б Вы при свидании с ним намекнули ему о „вреде ревниа“ <...>».³³

Излишне активная деятельность управляющего была связана с преобразованиями в усадьбе. В ноябре 1867 года Кишинский предложил писателю строить богадельню.³⁴ В 1869 году открывается новая школа; хозяйственные строения переносятся из Спасского в Петровское. Тургенев одобряет все предприятия своего управляющего, но для этого требуются денежные затраты.

Писатель живо интересуется всеми вопросами, связанными с хозяйством. Ему необходим контроль за деятельностью Кишинского и за поступлением денежных средств. Он понимает, что его материальное положение зависит от погоды и урожая, от цен на хлеб, от выкупных сделок и продажи земли. Поэтому от Кишинского требовались подробные отчеты.

По-прежнему основными источниками дохода являются продажа и выкуп земель. В конце 1869 года совершилась выкупная операция по калужским имениям. Значительно сложнее оказалось выкупить с. Топки Малоархангельского уезда Орловской губернии. Кишинскому пришлось дать взятку чиновникам.

---

³² Там же. Т. 8. С. 67.

³³ Там же. Т. 9. С. 147.

³⁴ Там же. Т. 8. С. 66. Богадельня была построена в 1872 г.

Более активно совершалась продажа земель. Тургенев обдумывал каждую предстоящую сделку, стараясь не продешевить. «...Если выкупные операции по жиздринским имениям, по Тапкам и по Холодову должны окончиться скоро и деньги <...> поступят своевременно — то никакой нужды дешево продавать Холодово не предвидится <...>. А потому прошу Вас следить с полным вниманием за успешным ходом выкупной операции — и продажей земли повременить, которая при проведении железной дороги должна будет возрасти в цене»,³⁵ — писал он Кишинскому.

Планируя продажу Любовши — имения в Новосильском уезде Тульской губернии — Тургенев производит подробный финансовый расчет: «...вчера получил я от <...> помещика и богача Шатилова предложение купить Любовшу <...>. Он за нее дает по 70 р. за десят<ину>, что составляет за 616 дес. 43 120 р. — расходы по купчей пополам. Если я не ошибаюсь, арендная плата за нее — 2500 р. сер. в год (за исключением, конечно, леса, которого, помнится, 78 дес.). Следовательно, отдавать за эту цену невыгодно; ибо если мне очистится 42 000 р., то даже по 5½ процентов они не принесут мне 2500 р. — а лес пойдет не в счет. Я пишу ему с нынешней почтой, что менее 50 000 р. сер. <...> я отдавать Любовшу не намерен <...>». ³⁶ Из письма видно, что Тургенев капитализирует доходы с продажи имений. Обычно на эти деньги он покупал акции. Писатель рассчитал, что процент, получаемый с акций, должен быть не меньше платежа за аренду.

С начала 70-х годов Тургенев обращается к новому источнику дохода — сдаче земель в аренду. До сих пор он с осторожностью относился к такого рода предприятиям, но малопродуктивность имений и пример других землевладельцев заставили его пересмотреть свою позицию. «Самое главное в этих делах, довольно новых и непривычных в России, — писал он Полине Виардо, — это не дать себя обмануть <...>». ³⁷

Сдачу имения в аренду Тургенев считает временной мерой, предвещающей его продажу. Однако прежде чем продать, писатель думает о выгоде — насколько сопоставим доход с имения с предлагаемой ценой. В конце августа 1873 года была продана Любовша. Немного позднее — часть земельных угодий близ Спасского-Лутовинова и в Тульской губернии; а в начале 1875 года в тульский банк заложено село Кадное.

³⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 10. С. 35. Письмо от 27 июля (8 августа) 1869 г.

³⁶ Там же. Т. 12. С. 62. Письмо от 25 ноября (7 декабря) 1872 г.

³⁷ Там же. Т. 11. С. 322. Письмо от 3 (15) марта 1871 г. Подлинник по-франц.

По вопросам аренды и продажи имений писатель советуется с Кишинским; правда, тот не торопится с поиском покупателей и арендаторов. Особенно ему невыгодна продажа, так как теряется процент жалованья за управление. В ответ на высказанное неудовольствие Тургенев заявил, что не собирается стеснять свою свободу и если понадобится продать все, то он это сделает. В качестве компенсации будущих потерь он предложил Кишинскому 5% за каждое проданное имение.³⁸ Это предложение удовлетворило управляющего, и в дальнейшем он старался найти такого покупателя, который заплатит больше. Осенью 1873 года нашлись желающие на покупку кромского и жиздринского имений, но, по совету Кишинского, писатель не торопился их продавать и одобрил его предложение на возвышение цен. В то же время Тургенев рекомендовал своему управляющему застраховать усадебные строения и хлеб от пожаров.³⁹

Несмотря на деловой подход к хозяйству, писателя далеко не все устраивало в управлении Кишинского. Он был недоволен цифрой расхода на преобразования в Спасском, считал ее несколько завышенной. За два года на это было потрачено 33 000 руб. В каждом письме Тургенев призывал своего управляющего к экономии. Ввиду сокращения расходов тот предложил упразднить контору и приказчиков, на что писатель согласился, но сумма, затрачиваемая на постройки, продолжала оставаться большой. Следующее предложение, сделанное Кишинским в целях сокращения расходов — сдача Спасского в аренду, причем он сам готов был стать арендатором. Как известно, Тургенев осуществил эту идею, но после удаления Кишинского.

С момента вступления в должность действия управляющего были направлены на извлечение собственной выгоды. Завышенная сумма расходов на преобразования в Спасском не могла пойти вся по назначению. Очевидно, значительная часть ее оседала в кармане Кишинского. Упразднение конторы и приказчиков делали его действия бесконтрольными. Да и доходы с имений, скорее всего, отправлялись за границу частично. За девять лет управления писатель не раз намеревался его уволить. В марте 1871 года Кишинский, по просьбе Тургенева, посетил Москву: «Сегодня вечером мой управляющий отбыл в Спасское; он исправился — и я собираюсь оставить его еще на этот год»,⁴⁰ — сообщал писатель Полине Виардо.

---

³⁸ Там же. Т. 9. С. 176. Письмо от 6 (18) марта 1869 г.

³⁹ Там же. Т. 12. С. 227. Письмо от 30 сентября (12 октября) 1873 г.

⁴⁰ Там же. Т. 11. С. 329. Подлинник по-франц.

Тургенева долгое время устраивала деловая активность Кишинского, который быстро и ловко, часто не стесняясь «обходных путей», выполнял все его распоряжения. Деньги регулярно поступали за границу, иногда большими суммами. Писатель покупал акции, пополнял приданое Клоди Виардо, арендовал охотничье угодье близ Ружмона. Еще в начале 1867 года появились первые сигналы о проблемах на фабрике зятя — Гастона Брюэра и информация о том, что приданое Полины начало использоваться на их решение. Тургенев восстановил дочери пенсию, которую платил до замужества, и, по мере необходимости, делал капитальные вложения для уплаты долгов фабрики.

С весны 1873 года он начинает собирать коллекцию картин, а в 1874 году совместно с Виардо приобретает виллу и участок в Буживале, где планирует строительство собственного дома. В это же время Клоди Шамро Тургенев сообщает о «грудах золота», которого у него «по горло» и с которым он не знает что делать.⁴¹

Из Спасского продолжают поступать неблагоприятные сведения о Кишинском, но писатель не торопится отстранить его от должности. «Не сомневаюсь в том, что Кишинский нагревает себе руки, — пишет он Фету, — но несомненно также и то, что я никогда столько не получал дохода, как с тех пор, что он у меня живет».⁴²

Строительство дома в Буживале, долги стекольной фабрики, аренда охотничьего угодья, которая оказалась значительно дороже предполагаемой суммы, вызвали новые денежные затруднения. Нельзя также забывать и многочисленные обязательства, данные Тургеневым, — содержание школы, богадельни и др. В 1875 году писатель вынужден распорядиться о сокращении пенсий пенсионерам и занять деньги у брата.

Сомневаясь в честности своего управляющего, Тургенев с подозрением относится к его просьбе о новых расходах по Спасскому — призывает к экономии, а в одном из писем к Фету просит узнать о том, какое имение было куплено Кишинским. Сомнения вызывают и проценты, получаемые им от продажи имений. Отчеты, присылаемые из Спасского, запутанны. Писатель по ним не может проследить движение денежных сумм — что составляет расходная часть, сколько денег хранится в банке, а сколько находится в кассе. Возможно, касса Спасского, по упразднении конторы, также переместилась в карман Кишинского.

Приехав на родину в июне 1876 года, Тургенев заметил, что в целом дела по имениям идут неплохо, но в то же время убедился в нечестно-

---

⁴¹ ПССиП(2). Письма. Т. 13. С. 316. Письмо от 23, 24 июля (4, 5 августа) 1874 г. Подлинник по-франц.

⁴² Там же. Т. 12. С. 210. Письмо от 21 августа (2 сентября) 1873 г.

сти своего управляющего. «...У меня появилась почти полная уверенность, что мой управляющий меня грабит <...>»,⁴³ — писал он Г. Флоберу. А из письма к П. Ф. Самарину от 1 (13) июля 1876 года мы узнаем об устранении Кишинского.⁴⁴

Из-за постоянных денежных затруднений Тургенев не оставляет мысли о сдаче в аренду Спасского-Лутовинова. В июне 1876 года своему брату Николаю он сообщал: «Сегодня я отказал г-ну В. А. Кретову, который предлагал мне 125 000 р. сер. <...>. Я отказал <...> потому, что мне как-то жутко продавать Спасское <...> я отдаю Спасское в аренду моему соседу А. М. Щепкину».⁴⁵

С 1 июля ст. ст. 1876 года управляющим имениями писателя становится сын А. М. Щепкина Николай Александрович. Н. А. Щепкин в наибольшей степени по сравнению с предыдущими управляющими отвечал требованиям писателя. Но Тургенев продолжал внимательно следить за тем, что происходило в Спасском, — давал распоряжения по имениям, наблюдал за движением денежных средств, вникал во все тонкости хозяйства. Он уже приобрел значительный опыт в делах, научился понимать экономическую сторону управления, так что даже малейшая ошибка управляющего не оставалась без внимания. Н. А. Щепкин обязан был регулярно высылать за границу приходно-расходные ведомости, которые Тургенев внимательно изучал, и обсуждать все хозяйственные вопросы.

По распоряжению Тургенева, новый управляющий продолжал заниматься выкупом, продажей и сдачей в аренду земель. В конце 1876 года было продано жиздринское имение. А. И. Кашеверов, арендовавший с. Топки Малоархангельского уезда Орловской губернии, не выплатил часть аренды. Тогда Тургенев распорядился заложить это имение в Харьковском банке и выставить его на продажу. В октябре 1880 года Топки были проданы бывшему арендатору за 81 000 руб. В то же время мценский купец Н. А. Никифоров приобрел лес вблизи Спасского.⁴⁶

На долю Н. А. Щепкина достались хлопоты, связанные с махинациями Кишинского. Будучи управляющим, тот, без ведома Тургенева, продал купцу Волнову имение при деревне Ситовой Ефремовского уезда Тульской губернии, сдал в аренду с. Кадное того же уезда и с. Холодово Кромского уезда Орловской губернии. Аренду Волнов платил неисправно,

---

⁴³ Там же. Т. 15. Кн. 1. С. 309. Письмо от 6 (18) июня 1876 г. Подлинник по-франц.

⁴⁴ Там же. С. 140.

⁴⁵ Там же. С. 131.

⁴⁶ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 268.

поэтому Тургенев вынужден был завести судебный процесс, который впоследствии выиграл.

Осенью 1880 года начался капитальный ремонт дома в Спасском. Тургенев просил не экономить, поскольку дом сильно обветшал. 4 (16) августа 1880 года он писал Н. А. Щепкину: «...благодарен за хлопоты — и повторяю просьбу не отступать перед издержками, лишь бы дом был основательно и надолго возобновлен».⁴⁷ Весной 1881 года дом был готов к приему гостей, куплена новая мебель. Кроме того, в Спасском строится часовня Александра Невского, а на территории усадьбы — новая конюшня.

Как известно, лето 1881 года Тургенев с друзьями провел у себя на родине. Это время не обошлось без хозяйственных забот. В июле писатель посетил с. Кадное, которое находилось в аренде у А. Ф. Борисова, а немного позднее — в декабре 1881 года — имение было продано купцу Ф. М. Шилову. Уезжая за границу, Тургенев возвысил цену за аренду Спасского с 5000 до 5200 руб., при этом выделил из контракта сад и строения.

В начале 1882 года родители Н. А. Щепкина купили на его имя поместье Никольское-Истомино в Веневском уезде Тульской губернии. «Радуюсь устройству Вашей будущей жизни, — писал ему Тургенев, — и, конечно, вполне согласен на ссуду Вам 5000 р. по 4% в год — чтобы тем доказать Вам мою благодарность за все Ваши старания и хлопоты».⁴⁸ Процентная ставка за ссуду была невелика, но ее наличие свидетельствует о том, что писатель не хотел потерять капитал. Долг Тургеневу Щепкин не выплатил. Более того, пользуясь тем, что писатель был тяжело болен и жил за границей, взял без его ведома из кассы еще 2800 руб. Узнав об этом, Тургенев упрекал своего управляющего, но продолжал ему доверять.

После покупки имения Щепкин с семьей переехал в него, стал реже бывать в Спасском, поэтому летом 1882 года заботы по хозяйству в усадьбе взяла на себя жена друга Тургенева Я. П. Полонского Жозефина Антоновна, а бывший камердинер Тургенева — Захар Балашов — часто приходил, чтобы присматривать за домом.

Несмотря на перемены, Н. А. Щепкин продолжал оставаться управляющим тургеневскими имениями. Он регулярно переводил деньги за границу и отправлял писателю отчетные ведомости.

---

⁴⁷ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 296.

⁴⁸ Там же. Т. 13. Кн. 1. С. 211.

В последние годы жизни писатель испытывал острую нужду в денежных средствах. Большую часть его доходов поглощала стекольная фабрика зятя — Гастона Брюэра. Тургенев настаивал на ее ликвидации, на что Брюэр не соглашался и в результате пришел к полному разорению. Я. П. Полонскому Тургенев писал: «...на меня свалился кирпич в виде окончательного разорения моей дочери, необходимости ее развода с мужем, а также — для меня — продажи лошади, карет, картин <...> и т. д.».⁴⁹ Все свободные средства Тургенев тратил на покупку ценных бумаг на имя дочери и ее детей. В 1878 году с большим убытком была продана картинная галерея. На деньги, полученные в наследство после смерти брата, также были куплены акции. Процент, получаемый с них, увеличился, а следовательно увеличилась пенсия дочери до 5000 фр. в год. В марте 1882 года Полина Брюэр уехала от мужа в Швейцарию.

Чтобы окончательно упрочить положение дочери, Тургенев продает право собственности на издание своих сочинений И. И. Глазунову и решает продать или отдать в залог Спасское-Лутовиново. Это последнее распоряжение, которое он отдает как землевладелец. За неделю до смерти он просит Н. А. Щепкина отправить в Буживаль документы, касающиеся родового поместья, для передачи банкирскому дому Гинцбургов, но совершить сделку не успеваает.

Несмотря на события, омрачившие последние годы жизни, Тургенев продолжал выполнять многочисленные обязательства, взятые им еще при вступлении во владение именьями. Это выплата пенсий, помощь друзьям и родственникам, многочисленные пожертвования на благотворительные цели, содержание школы и богадельни в Спасском.

В оценке хозяйственной деятельности Тургенева мы часто ссылаемся на Фета. В очерке «Из деревни» за 1871 год он доказывал, насколько вреден экономическому развитию абсентизм.⁵⁰ Абсентное землевладение характерно для богатого или достаточно обеспеченного помещика, который сам не занимается хозяйством, проживает за пределами именья, часто за границей, и лишь пользуется доходами с него. Нанятый управляющий, как правило, недобросовестен, не заинтересован в улучшении производства и увеличении доходов, ворует. Такое хозяйство неэффективно и даже убыточно.

---

⁴⁹ Там же. С. 189.

⁵⁰ *Фет А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство / Вступит. ст., сост., подгот. текста и коммент. В. А. Кошелева и С. В. Смирнова. М., 2001. С. 312–315.* Абсентизм — здесь в значении: проживание землевладельца за пределами своего именья.

Трудно не согласиться с аргументами Фета. Напротив, изображенная им ситуация напрямую относится к Тургеневу. Однако нельзя не учитывать обстоятельство, в которых оказался писатель после смерти матери и отмены крепостного права, его мировоззрение и главное — цель, которую он ставил перед собой как землевладелец. Тургенев не был хозяином-практиком. Его творческой и гуманной натуре чужда была позиция собственника, стремящегося обогатиться, «сколотить капитал». Его хозяйственная деятельность была направлена на то, чтобы обеспечить себя, свою дочь, внуков, по мере сил и средств помогать ближним и — самое важное — иметь свободу и возможность трудиться на литературном поприще.

ПЕРЕПИСКА ТУРГЕНЕВА

ПИСЬМА ТУРГЕНЕВА

ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА К В. РОЛЬСТОНУ (1879)

(Об одном автографе И. С. Тургенева в собрании
Государственного музея А. С. Пушкина)

Публикация Е. В. Полянской

В 2013 году собрание тургеневских материалов Государственного музея А. С. Пушкина пополнилось еще одним автографом И. С. Тургенева. Это короткое письмо, адресованное английскому переводчику, критику, фольклористу, историку литературы, слависту Вильяму Рольстону.

Письмо занимает одну страницу, написано по-английски на плотной синеватого цвета бумаге и приклеено на подложку из картона.¹ Подложка письма — распространенный в XIX веке способ хранения рукописного документа. На обратной стороне листа помета «С 555», сделанная рукой неустановленного лица. К письму приложена лицевая часть конверта из твердой синей бумаги с почтовой маркой и тремя почтовыми штемпелями.

Публикуемое письмо Тургенева ценно прежде всего как неизвестный ранее автограф писателя. Вместе с тем это первое и пока единственное среди дошедших до нас писем Тургенева к Вильяму Рольстону, относящееся к 1879 году.

---

¹ Подлинность автографа подтверждена экспертизой, проведенной сотрудниками Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Почерковедческий сравнительный анализ выявил идентичность почерка с хранящимися в РГБ автографами И. С. Тургенева, причем одно из сохранившихся писем Тургенева за 1882 г. написано на такой же плотной бумаге синеватого оттенка.

Оно написано перед отъездом Тургенева из Парижа в Оксфорд, куда он направился, чтобы присутствовать на церемонии присуждения ему почетной степени доктора гражданского права.

Предупреждая Рольстона о своем приезде, Тургенев почти буквально повторял те сведения, которые днем ранее сообщил в письме к американскому литератору Генри Джеймсу: «Любезный г-н Джеймс, Рольстон не всё сказал вам: я еду в Оксфорд, потому что Университет оказывает мне неожиданную честь, избирая меня D. C. L. (Doctor of Civil Law. — *Е. П.*) — вручение диплома состоится 18-го: через неделю. / Я уезжаю из Парижа в воскресенье вечером: в понедельник приеду в Лондон — и уеду оттуда в Оксфорд в тот же день — или очень рано во вторник. Мне самому очень хочется повидать вас; но я пока не знаю, в какой гостинице остановлюсь; как только приеду в Лондон — утром в понедельник — пошлю вам телеграмму. На обратном пути из Оксфорда я пробуду в Лондоне только два дня — и мы тогда смогли бы спокойно пообедать в *пятницу, 20-го*. В Париже я должен быть в воскресенье, 22-го».²

Тургенев пишет обоим адресатам, что выезжает в воскресенье — именно в воскресный день, 15 июня н. ст., писатель действительно выехал в Англию. Он еще не знает, в какой гостинице остановится, но по прибытии в Лондон обещает Рольстону, как и Джеймсу, дать телеграмму. Заметим, что, судя по письму, Рольстону, в отличие от Джеймса, было известно о решении Оксфорда.

Поступивший в Государственный музей А. С. Пушкина документ, при всей его краткости, дополняет картину многолетней переписки Тургенева и Рольстона, характер которой свидетельствует не только о стремлении обоих быть посредниками между западной и русской культурой, но и об их личной дружбе. В частности, обращает на себя внимание более теплый тон письма к Рольстону, нежели к Джеймсу: писатель называет своего английского корреспондента «дорогим другом» и выражает желание немедленно увидеться и о многом поговорить. Позволим себе очертить предположительный круг вопросов, обсуждавшихся Тургеневым и Рольстоном в 1879 году, а также сделать еще одну попытку прояснить вопрос о причастности Рольстона к выдвижению кандидатуры Тургенева на степень доктора *honoris causa*.

Вильям Рольстон Шедден-Рольстон (William Ralston Shedden-Ralston; 1828–1889) был, по словам академика М. П. Алексева, «одним из пионеров изучения русской литературы в Англии».³ Сын богатого английского купца, Вильям Рольстон родился в Лондоне, в 1850 году окончил Тринити-колледж Кембриджского университета и готовился к адвокатской деятельности. Но разорение семьи, последовавшее за неудачным судебным процессом отца, заставило его искать более надежный заработок. С 1853 года в течение двадцати двух лет он работал библиотекарем в Британском музее, занимаясь одновре-

² ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 358. Подлинник по-англ.

³ Цит. по: Тургенев. Переписка. Т. 2. С. 256.

менно литературной деятельностью. В начале 1860-х годов Рольстон, проявлявший особый интерес к русской литературе и фольклору, начал изучать русский язык. Впоследствии он неоднократно посещал Россию, подружился с фольклористом А. Н. Афанасьевым, был знаком с А. А. Фетом, издателем М. М. Стасюлевичем, состоял в переписке с Л. Н. Толстым, Я. К. Гротом, Ф. И. Буслаевым, П. И. Бартневым, В. О. Ковалевским, А. С. Сувориным. Наиболее тесные отношения сложились у Рольстона с Тургеневым.

Их знакомство, вначале заочное, завязалось осенью 1866 года, когда английский критик первым представился русскому писателю, написав ему письмо. К сожалению, письма Рольстона к Тургеневу неизвестны. П. Уоддингтон в книге «Turgenev and England» («Тургенев и Англия») пишет о том, что в конце жизни Рольстон «уничтожил почти всё <...> включая дневники, воспоминания, рукописи и сотни писем, полученных от знаменитых современников; письма Тургенева к нему, к счастью, избежали этой ужасной участи. Это главный источник наших знаний об их удивительных взаимоотношениях, которые продолжались с 1866 года до смерти Тургенева в 1883 году».⁴ В своем первом письме Рольстон сообщил Тургеневу о желании познакомиться соотечественников с русской литературой, а также выслал экземпляр журнала «Fortnightly Review» со своей статьей о Кольцове («The Russian Poet»). В ответном письме Тургенев горячо приветствовал намерение Рольстона и назвал его статью «превосходной», отметив большое дарование Кольцова. Здесь же Тургенев привел имена других русских литераторов — Белинского, Гоголя, Л. Толстого, Островского, Писемского, Гончарова, которые «могут представить интерес, поскольку в них отразилось новое понимание поэтического начала и наша литература приобрела оригинальный характер».⁵ В том же письме Тургенев выразил готовность установить с англичанином «личную связь» и охотно предоставить те сведения, которые могут ему понадобиться. В дальнейшем переводы и статьи Рольстона о Н. А. Некрасове, И. С. Никитине, А. Н. Островском, И. А. Крылове, А. Н. Афанасьеве, Н. И. Тургеневе, А. И. Герцене, А. Ф. Писемском, И. А. Гончарове, Л. Н. Толстом и, конечно, о Тургеневе, наряду с несколькими авторитетными книгами о России принесли ему славу самого выдающегося из современных британских славистов.

Рольстон, добросовестнейший и крайне скрупулезный переводчик, неоднократно выступал в печати в защиту творчества Тургенева, откликаясь на появившиеся небрежные переводы произведений русского писателя. Так, в «Pall Mall Gazette» он довольно резко критиковал английские переводы романов «Дым» («Smoke, or Life at Baden» в переводе Р. Бентли) и «Накануне» («On the Eve» в переводе Ч. Э. Тернера).

---

⁴ Waddington P. Turgenev and England. London, 1980. P. 155. Здесь и далее перевод наш. — Е. П.

⁵ ПССуП(2). Письма. Т. 7. С. 242. Подлинник по-франц.

В 1868 году Рольстон, с полного одобрения Тургенева,⁶ приступил к переводу «Дворянского гнезда». На все возникавшие вопросы Тургенев охотно и подробно отвечал, вносил необходимые исправления и пояснения к русскому тексту, всячески стараясь помочь переводчику. К началу 1869 года перевод «Дворянского гнезда» (заглавие романа в английском переводе — «Лиза» — было одобрено Тургеневым) был завершен, и вскоре книга вышла в Лондоне в издательстве «Charman and Hall». Этот труд Тургенев оценил как «превосходный». Рольстон предпослал изданию следующие слова: «Посвящено автору его другом-переводчиком». В письме от 24 июня (6 июля) 1869 года Тургенев, прочитав полученный из Англии экземпляр «Лизы», писал Рольстону: «Скажу вам совершенно искренне: этот перевод лучше — и намного — всех других переводов моих сочинений. Вы вложили в него много труда — и могу сказать — любви, которая меня весьма тронула. Благодарю вас за это от всего сердца. <...> Благодарю вас также за чувство дружбы, внушившее вам посвящение — и могу уверить вас, что со своей стороны отвечаю на него в полной мере».⁷ Выход в свет «Лизы» и ее успех вызвали заметный интерес в Англии к творчеству русского писателя, который в дальнейшем постоянно поддерживался и укреплялся благодаря неустанным заботам и стараниям Рольстона.

Их личное знакомство состоялось в конце марта 1869 года в Париже, куда Тургенев ненадолго приезжал из Германии. Существует предположение, что познакомились они при посредстве А. Ф. Онегина, близкого друга Рольстона.⁸ Тургенев в письме к Рольстону от 2 (14) апреля 1869 года признавался: «Я также очень рад, что познакомился с вами; это еще усилило ту симпатию, которую я к вам питал».⁹ В эти же дни Тургенев представил Рольстона семье декабриста Н. И. Тургенева.¹⁰

После личного знакомства между Тургеневым и Рольстоном установились близкие дружеские отношения. Обращение писателя в письмах к Рольстону меняется от формальных «милостивый государь» («Cher Monsieur»), «сударь» («Monsieur») до сердечного «мой дорогой друг» («My dear friend»), и постепенно он переходит с французского на английский язык. Что касается Рольстона, то в отношениях с Тургеневым, по наблюдению П. Уоддингтона, ему должно быть отведено «совершенно особое место»: Рольстон «быстро

---

⁶ «...Я буду счастлив видеть вас своим переводчиком <...>», — замечал он в письме к Рольстону от 20 июля (1 августа) 1868 г. (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 258. Подлинник по-франц.).

⁷ Там же. Т. 10. С. 289. Подлинник по-франц.

⁸ См.: *Алексеев М. П., Левин Ю. Д.* Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. СПб., 1994. С. 242. Далее ссылки на это издание сокращенно: *Вильям Рольстон — пропагандист*, с указанием страницы.

⁹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 306. Подлинник по-франц.

¹⁰ Там же.

зарекомендовал себя в качестве неизменного чичероне Тургенева в Англии. Недругам (которых у него было немало) он, должно быть, представлялся чем-то вроде собаки, семенящей рысцой повсюду рядом со своим хозяином, приносящей палочки и газеты, мчащейся в поисках лакомой добычи и огрызающейся на нежеланных чужаков. В действительности это была им самим избранная роль — но в исключительно благородном и доброжелательном смысле этого сравнения». ¹¹ Англичанин-русофил и далее продолжал неустанно пропагандировать творчество Тургенева, переводя его произведения («Собака», «Странная история», «Живые мощи») и выступая в печати с хвалебными статьями о его повестях и рассказах («Записки охотника», «Муму», «Постоялый двор», «Стук... стук... стук!..», «Несчастливая»).

Летом 1870 года Рольстон гостил у Тургенева в Спасском. В ноябре писатель был вынужден из-за начавшейся франко-прусской войны перебраться из Баден-Бадена в Лондон вслед за семейством Виардо. В эти дни в ведущих печатных органах Кембриджа, одного из старейших университетских центров Европы, появились сообщения о приезде Тургенева в Англию. Во время пребывания его здесь в 1870–1871 годах Рольстон активно способствовал знакомству писателя со страной, английской литературой и старательно укреплял его связи с английским обществом. 22 ноября н. ст. 1870 года, по предложению Рольстона, Тургенев был избран почетным членом Клуба искусств (Arts Club). 18 декабря н. ст. писатель присутствовал на организованном Обществом воскресных лекций выступлении Рольстона о России и «преобразованиях, совершенных в нынешнее царствование». Там же оказался и декабрист Н. И. Тургенев, где «неожиданно для себя удостоился оваций, которых так и не дождался на своей родине». ¹² В своей лекции Рольстон назвал его человеком, который более всех других способствовал освобождению крепостных крестьян. Иван Сергеевич был растроган таким вниманием к своему соотечественнику, несмотря на досаду за чрезмерное восхваление Рольстоном Александра П. Н. И. Тургенев прислал Рольстону в дар свой антикрепостнический труд «Россия и русские». На смерть Н. И. Тургенева в ноябре 1871 года Рольстон отозвался проникновенным некрологом. ¹³

В мае 1871 года состоялась поездка Тургенева и Рольстона в Кембридж. Рольстон ввел русского писателя в лучшее общество своей alma mater: Тургенев присутствовал на обеде среди преподавателей Тринити-колледжа, а затем на защите диссертации одного из студентов — Э. У. Дилька (будущего переводчика романа «Новь»), посвященной отношению англичан к Парижской коммуне. ¹⁴

¹¹ Waddington P. Turgenev and England. P. 154–155.

¹² См.: Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 165–166.

¹³ См.: Вильям Рольстон — пропагандист. С. 47.

¹⁴ См.: Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. С. 167–168.

Рольстон способствовал встрече Тургенева с английским поэтом и художником Данте Габриелем Россетти, был посредником в общении своего русского друга с известным поэтом А. Теннисоном, романисткой Дж. Элиот и ее мужем Д. Г. Льюисом, а также с другими видными английскими деятелями культуры, науки, богословия, политики.

9 августа н. ст. 1871 года в Эдинбурге состоялся праздник, посвященный 100-летию юбилею Вальтера Скотта. Тургенев был приглашен на торжество, где произнес краткую речь о писателе на английском языке, переведенную для него Рольстоном.¹⁵ Затем Тургенев провел несколько дней в арендованном семейством Бензенов поместье Аллен Хауз (Питлокри), охотясь на куропаток.¹⁶ Охота крайне утомила писателя: «...это охота для молодых — а я уже давненько таковым не являюсь, — писал он П. Виардо. — <...> Пришлось идти вместе с другим охотником, — молодым, проворным и прытким — как черт <...> Нет, в самом деле — да здравствуют маленькие охоты близ Баден-Бадена — где не надо идти в паре с сумасшедшим, у которого олени ноги и который, как только остановишься, чтобы передохнуть, кричит вам: Come on! come on! (Вперед! вперед! — *англ.*)».¹⁷ В то же самое время неподалеку, в Таммел Бридж, находился с группой своих учеников глава Баллиольского колледжа Оксфорда Бенджамин Джоветт. Рядом, в Литтл Милтоне, гостил друг Джоветта, английский поэт и драматург Роберт Браунинг. Как утверждает Дж. С. Г. Симмонс, «компания оксфордцев, включавшая Джоветта, Свинберна и Браунинга, обедала в Аллен Хаузе».¹⁸ Однако тогда, в августе 1871 года, встреча Тургенева с «компанией оксфордцев» не состоялась.¹⁹ Лишь Браунинг со своим сыном несколько раз гостили у Э. Бензена, хозяина Аллен Хауза. Судя по письмам Тургенева к П. Виардо, отношения с Браунингом не заладились: он показался ему человеком «слишком тщеславным и не слишком приятным».²⁰ В свете этого высказывания представляется маловероятным, что у Браунинга могла возникнуть мысль предложить своему другу Джоветту кандидатуру Тургенева на степень доктора *honoris causa*.

В 1872–1873 годах Рольстон самозабвенно работал над переводами из русского фольклора, опубликовал несколько статей и книг «о народной литературе России».²¹ Тургенев, всегда с большим интересом относившийся к его

¹⁵ См.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 114–115, 344, 459.

¹⁶ *Симмонс Дж. С. Г. Тургенев и Оксфорд // Русско-европейские литературные связи*. М.; Л., 1966. С. 394; *Waddington P. Turgenev and England*. P. 214–219.

¹⁷ *ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 348. Подлинник по-франц.

¹⁸ См.: *Симмонс Дж. С. Г. Тургенев и Оксфорд*. С. 395.

¹⁹ См.: *Waddington P. Turgenev and England*. P. 218, 252.

²⁰ *ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 347. Письмо к П. Виардо от 31 июля (12 августа) 1871 г. Подлинник по-франц. См. также схожие отзывы о Браунинге в письмах к П. Виардо от 1 (13) и 3 (15) августа 1871 г.: Там же. С. 348, 350.

²¹ См.: *Вильям Рольстон — пропагандист*. С. 42.

деятельности, поддерживал и помогал советами при чтении корректур книг «Russian Folk-Tales» и «The Songs of the Russian People, as Illustrative of Slavonic Mythology and Russian Social Life».²² Ранее Тургеневым были высоко оценены выполненные Рольстоном переводы басен Крылова, снабженные комментариями переводчика и вышедшие под заглавием «Krilof and his Fables». «Перевод г. Рольстона не оставляет желать ничего лучшего в смысле точности и колоритности <...>», — писал Тургенев в своей рецензии на третье издание книги.²³

В конце 1873 года Рольстон получил приглашение от Оксфордского университета прочитать в марте следующего года цикл лекций по русской истории.²⁴ По предположению П. Уоддингтона, этому способствовал известный английский славист, профессор Оксфорда Вильям Ричард Морфилл (1834–1909).²⁵ Русский публицист К. Я. Грот, с отцом которого Рольстон состоял в длительной переписке, отмечал, что Морфилл «сыграл огромную роль в деле пропаганды всего русского, и, прежде всего, русской литературы и истории среди английской общественности».²⁶ В связи с подготовкой лекций Тургенев писал Рольстону, что будет «очень счастлив предоставить себя» в его распоряжение «в отношении всего того, что будет касаться сообщения сведений, литературной помощи и т. д. и т. д.».²⁷ Возможно, тогда и родилась у Рольстона идея предложить кандидатуру Тургенева на почетную степень D. C. L. Не исключено также, что эта мысль могла возникнуть и раньше, а теперь появился удобный случай поделиться ею с ученым-славистом Морфиллом, представителем старейшего и наиболее уважаемого университета. Уоддингтон отмечает, что в протоколе Еженедельного Совета университета ничего не сказано о том, кто предложил кандидатуру Тургенева; вместе с тем известно, что «Тургенев просил одного друга (Рольстона. — *Е. П.*) помочь ему написать несколько важных писем на английском, что могло быть связано с этим делом».²⁸ Так или иначе, из письма Тургенева к Рольстону от 10 (22) февраля 1874 года мы впервые узнаем о намерении Оксфордского университета присудить русскому писателю почетную степень доктора гражданского права. «Я был бы очень польщен, — такова была реакция Тургенева тогда, — <...> но не слишком ли это честолюбиво и не спросит ли публика: кто этот чело-

²² См. письма к Рольстону от 30 декабря 1871 г. (11 января 1872 г.), 3 (15) октября 1872 г. и примеч. к ним: *ПССУП(2). Письма*. Т. 11, 12.

²³ *ПССУП(2). Соч.* Т. 10. С. 268. Подлинник по-англ.

²⁴ См.: *Вильям Рольстон — пропагандист*. С. 125.

²⁵ См.: *Waddington P. Turgenev and England*. P. 252.

²⁶ *Грот К.* Профессор В. Р. Морфилл, английский славист // *ЖМНП*. 1910. № 5. С. 35–50.

²⁷ *ПССУП(2). Письма*. Т. 13. С. 258. Подлинник по-англ.

²⁸ См.: *Waddington P. Turgenev and England*. P. 252.

век — и отчего такой почет?».²⁹ В дневнике Ф. Н. Тургеневой, старшей дочери Н. И. Тургенева, отмечено, что 25 февраля н. ст. Тургенев написал в Оксфордский университет письмо,³⁰ которое они с матерью помогли перевести на английский язык.³¹ Однако, как известно, попытка выдвинуть кандидатуру Тургенева на присуждение ему почетной степени D. C. L. в 1874 году не увенчалась успехом.

Весной 1874 года Рольстон прочел в Оксфордском университете четыре лекции по древней русской истории; в том же году они были изданы в Лондоне отдельной книгой «Early Russian History». В 1875 году Рольстон оставил службу в Британском музее и писал по этому поводу В. О. Ковалевскому: «Что касается Музея, то у меня мало желания туда возвращаться. Моя жизнь там была совсем не сладкой, поскольку я был подчинен дурным людям, которые не были ни джентльменами, ни учеными, и они не любили меня за то, что я был реформатором и независимым. <...> теперь я свободен от непрерывного унижения, которое непрестанно точило мое сердце, пока я был в Музее».³² Уход со службы лишил Рольстона постоянного заработка; его стали одолевать болезни, тяготила холостяцкая неустроенная жизнь, тем не менее он не оставлял своих излюбленных занятий, собирался писать книгу о русских былинах. Он мечтал о поездке в Россию, но попытки срывались одна за другой.³³ Среди крайне скудных сведений о контактах Тургенева и Рольстона в этот период можно отметить засвидетельствованный в дневнике Ф. Н. Тургеневой факт присутствия обоих на обеде у семейства Н. И. Тургенева 3 мая н. ст. 1876 года.³⁴

Неблагоприятным оказалось для Рольстона начало 1878 года. «Я занемог в Париже в феврале. Мои русские друзья были очень добры ко мне: Иван Сергеевич Тургенев почти каждый день навещал меня, а супруга Николая Тургенева присылала мне всякие питательные супы и тому подобное. Даже князь Орлов оказал мне любезность, посетив комнату больного (я страдал острым ревматизмом). Я прохворал до октября», — писал он впоследствии кн. П. П. Вяземскому.³⁵

25 сентября (7 октября) 1878 года Тургенев сообщил Рольстону о своем намерении вскоре приехать в Лондон. Он собирался поохотиться в имении своего друга В. Г. Холла (Беллока) близ Ньюмаркета. Рольстон в это время работал над статьей о Л. Толстом; восхищаясь «Войной и миром», он меч-

²⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 13. С. 259. Подлинник по-англ.

³⁰ Текст этого письма Тургенева неизвестен.

³¹ ЛН. Т. 76. С. 382, 406.

³² Вильям Рольстон — пропагандист. С. 219. Подлинник по-англ.

³³ Там же. С. 54.

³⁴ См.: ЛН. Т. 76. С. 386.

³⁵ Вильям Рольстон — пропагандист. С. 56–57.

тал, чтобы вся Англия узнала об этом романе (статья Рольстона «Count Leo Tolstoy's Novels» («Романы графа Льва Толстого») появилась в апрельском номере журнала «The Nineteenth Century» за 1879 г.). Тургенев пригласил Рольстона зайти к нему в гостиницу, пообещав рассказать о Толстом, «с которым только что провел три дня в *Ясной Поляне*».³⁶ П. Уоддингтон предполагает, что Тургенев увиделся с Рольстоном вечером в воскресенье, 20 октября н. ст. 1879 года, и утром уехал в поместье Холла. Поохотившись на куропаток, 26 октября н. ст. Тургенев и Холл отправились в Оксфорд. Здесь состоялось личное знакомство русского писателя с главой Баллиольского колледжа Бенджамином Джоветтом, у которого в свое время обучался Беллок-Холл. Профессор Джоветт, теолог, философ, эллинист, играл важную роль в жизни Оксфордского университета, будучи фактически заместителем вице-канцлера. Он считался образцовым, классическим переводчиком Платона. Тургенев, помимо прочего, намеревался поговорить с магистром о Платоне, видимо не удовлетворившись чтением философских диалогов древнего грека в немецком переводе Шлейермахера. Так или иначе, но «несколько месяцев спустя мы находим его (Тургенева. — *Е. П.*) читающим Платона на превосходном оксфордском английском!».³⁷ Джоветт, несомненно, был наслышан о Тургеневе и радушно принял русского писателя, несмотря на общую недоброжелательную атмосферу и враждебные настроения англичан по отношению к русским в связи с русско-турецкой войной 1877–1878 годов. Помимо Холла и Тургенева, в Баллиол Лодж присутствовало еще несколько гостей. Один из них — Рольстон, который, по обыкновению, всюду следовал за своим русским другом. Здесь же состоялась первая встреча Тургенева с выдающимся языковедом, профессором Оксфордского университета Макс-Мюллером. По всей видимости, Тургенев и Рольстон побывали у него в гостях, но отношение профессора к автору «Крбкета в Виндзоре» было крайне напряженным, что добавило напряженности этому визиту.³⁸ По возвращении на континент Тургенев писал Фету: «...посетил Англию, где очень хорошо поохотился и насмотрелся на тамошние два университета — Оксфорд и Кемб-

---

³⁶ *ПССУП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 357, 482. См. также: *ПССУП(2). Письма*. Т. 16. Кн. 1. С. 279.

³⁷ См.: *Waddington P. Turgenev and England*. P. 242. О Джоветте см.: *Ibid.* P. 242–243.

³⁸ *Ibid.* P. 243–245. Весьма прохладный прием Макс-Мюллером русского писателя красноречиво говорит о том, что стихотворение Тургенева «Крбкет в Виндзоре» имело огромный резонанс в Европе и было известно в оксфордских кругах. Стихотворение написано летом 1876 г. после жестокого подавления болгарского восстания турецкими войсками при попустительстве британских властей. В нем изображается английская королева Виктория, играющая в крокет, где вместо шаров ей чуются окровавленные головы замученных болгар. См.: *ПССУП(2). Соч.* Т. 12. С. 296–297, 641–643.

ридж. — Чудесно, дико, величественно, глупо — всё вместе; а главное — совсем нам чуждо. <...>. Ненавидят нас там лихо — и не скрывают <...>».³⁹ Разумеется, это никоим образом не относилось к Рольстону, который, напротив, всячески старался закрепить успех Тургенева в Англии важными знакомствами.

1879 год стал для Тургенева, по словам П. Уоддингтона, «*annus mirabilis*» («годом чудес»). Он начался хлопотами писателя о выставке работ М. М. Антокольского в Англии. Тургенев составил письмо «к английским господам», предлагая проект выставки.⁴⁰ Однако сам он в этом году поездку в Англию не планировал, отказавшись также от участия во втором Международном литературном конгрессе, который должен был состояться в Лондоне. В январе 1879 года умер брат писателя Николай Сергеевич. Приезд Тургенева в Россию по делам наследства в феврале — марте 1879 года был ознаменован небывалым, восторженным приемом, оказанным прославленному писателю в Москве и Петербурге.

Приглашение в Оксфорд на церемонию присуждения почетной степени доктора гражданского права стало для Тургенева, судя по всему, полной неожиданностью. Однако это решение не кажется случайным после посещения Тургеньевым Оксфорда осенью предшествующего года и личного знакомства с одним из первых лиц университета Б. Джоветтом. По свидетельствам современников, Тургенев произвел тогда сильное впечатление на оксфордское общество. Кроме того, в марте 1879 года вновь проявивший активность Рольстон гостил у Макс-Мюллера. Возможно, ему удалось поколебать предубеждение знаменитого оксфордского профессора против Тургенева, «подшутившего» в свое время над английской королевой.⁴¹ В это же самое время в Англию стали просачиваться сведения (видимо, не без участия Рольстона) о чествованиях Тургенева в Москве и Петербурге. Наконец, 2 июня н. ст. 1879 года на заседании Ежедневного Совета Бенджамин Джоветт официально представил кандидатуру Тургенева на степень D. C. L., которая была одобрена в процессе голосования.⁴²

Этой необыкновенной новостью Тургенев поспешил поделиться с друзьями и знакомыми, прежде всего со своим «старейшим и лучшим другом»

---

³⁹ ПССУП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 376. См. также: ПССУП(2). Письма. Т. 16. Кн. 1. С. 191.

⁴⁰ ПССУП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 19. Письмо к М. М. Антокольскому от 7 или 14 (19 или 26) января 1879 г.

⁴¹ Позднее, в дни оксфордских торжеств, на ланче в резиденции главы Баллиольского колледжа Б. Джоветта Макс-Мюллер вместе с другими профессорами преподнес Тургеньеву шапочку и мантию для торжественной церемонии (см.: *Waddington P. Turgenev and England*. P. 259).

⁴² См.: *Ibid.* P. 252; Симмонс Дж. С. Г. Тургенев и Оксфорд. С. 395.

П. В. Анненковым. Перед выездом в Англию он посвятил в свои планы Г. Джеймса и, как мы теперь знаем, В. Рольстона.

Выехав из Буживаля в Париж 15 июня н. ст., в воскресенье вечером, Тургенев без четверти восемь сел на поезд, отходивший в порт Кале с Северного вокзала. Через Ла-Манш он, быть может, переправился пароходом «Кале-Дувр», регулярные рейсы которого начались в июле 1878 года. В письме-отчете к Полине Виардо от 4 (16) июня 1879 года Тургенев подробно описал свой «превосходный» переезд в обществе двух пожилых англичан и французской горничной.⁴³ Море было спокойное, но Тургенев провел эту ночь без сна, с некоторой тревогой думая о том, что ему предстоит. Было довольно прохладно; добрую службу больным ногам сослужила синяя шаль Клоди Виардо, которую она дала ему перед отъездом взамен пропавшего шотландского пледа. «Вблизи английского берега туман, — сообщал Тургенев в указанном письме, — двигаемся очень медленно и то и дело подаем сигналы гудком, звук которого напоминает трубящего слона».⁴⁴ Этот символический гудок возвестил о приезде русского писателя в Англию. В семь часов утра 16 июня н. ст., в понедельник, Тургенев прибыл в Лондон. Он нашел хорошую комнату в гостинице «Гровенор», близ Бекингемского дворца. Эта гостиница расположена возле вокзала Виктория, куда прибывали поезда из портового Дувра. Очевидно, уставший от долгого пути и бессонной ночи Тургенев изменил свое намерение остановиться у Паддингтонского вокзала, до которого еще нужно было добираться. Лондон встретил писателя неласково: «...все утро шел дождь, стоял желтый туман, небо было грязное, кругом грязь, смрад».⁴⁵ Это была, по меткому определению П. Уоддингтона, «исключительно неудачная прелюдия к одному из его величайших триумфов».⁴⁶ Тургенев отправил обещанные телеграммы Г. Джеймсу, Рольстону, а также П. Виардо, принял в гостинице ванну, выпил чаю, «который не идет в сравнение с тем, что пьют в „Ясенях“».⁴⁷ Унылое настроение стало меняться с появлением сначала Джеймса, а затем Рольстона. Первый просто выразил ему свое уважение и отметил, что они встретятся снова на ланче у Холла. Рольстон, со своей стороны, был весь охвачен волнением перед ежегодным праздником в Оксфордском университете — *Encaenia*, где Тургенева ожидал обряд посвящения в доктора *honoris causa*.

Тургенев тоже волновался. Из письма к Рольстону видно, что ему не терпелось выяснить подробности грядущего торжества. Несмотря на превосходный прием прошедшей осенью, он немного опасался протокола и офи-

⁴³ Здесь и далее письмо к П. Виардо цит. по: *Т в восп совр (1988)*. С. 544–545.

⁴⁴ Там же. С. 544.

⁴⁵ Там же. С. 545.

⁴⁶ *Waddington P. Turgenev and England*. P. 253.

⁴⁷ *Т в восп совр (1988)*. С. 544.

циальной стороны процедуры. Возможно, он предполагал также, что ему предстоит столкнуться с известной высокомерной снисходительностью со стороны оксфордцев. Писатель сразу же поспешил расспросить обо всем своего английского друга и очень обрадовался, узнав, что ему не придется произносить никаких речей на церемонии. Следовало лишь держать себя так, чтобы «достоинство и скромность сочетались с признательностью».⁴⁸ Вместе с тем Рольстон мог в некоторой степени развеять тревогу Тургенева, не без оснований опасавшегося враждебного отношения единомышленников Макс-Мюллера к его резкой памфлетной оценке британской официальной политики в стихотворении «Крбкет в Виндзоре».

После ухода Рольстона Тургенев отправился в Реформ Клуб на Пэлл Мэлл, где позавтракал в обществе своего друга-охотника Холла. На ланче присутствовали также два парламентария, два журналиста и Г. Джеймс. Тургенев был немного скован, поскольку в жизни ему не часто приходилось общаться на английском языке и беседа была для него несколько затруднительна. После ланча Холл повел Тургенева в Галерею Гровенор на выставку современных английских художников. Она произвела на Тургенева удручающее впечатление: «...ужасно, страшно, chamber of horrors (комната ужасов — *англ.*)». «Нет! Англичанам никогда не надо браться за кисть! Виардо, несомненно, исходил бы пеной. <...> Мой друг Холл был в восторге», — писал он П. Виардо.⁴⁹ Рано утром следующего дня, то есть 17 июня н. ст., писатель уехал в Оксфорд, где должен был стать гостем Бенджамина Джоветта и участником торжеств.

Трехдневное пребывание в Оксфорде и торжественная церемония присуждения писателю почетной степени доктора гражданского права подробно описаны П. Уоддингтоном в книге «Turgenev and England».⁵⁰ Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что Тургенев стал первым романистом, удостоенным такой необыкновенной чести. Высшая награда Оксфордского университета присуждена русскому писателю, автору «Записок охотника» за вклад в освобождение крестьян в России. «Всего замечательнее, что Оксфорд сделал то, что прежде его должна была бы сделать Русская Академия», — не без горечи отметил Анненков.⁵¹

Вернувшись в Лондон, Тургенев провел в английской столице два дня. Рольстон, как отмечает П. Уоддингтон, практически не отходил от него. Вероятно, они много говорили. Тургеневу, несомненно, хотелось поделиться

⁴⁸ См.: *Waddington P. Turgenev and England*. P. 254.

⁴⁹ *Т в восн совр (1988)*. С. 545.

⁵⁰ См. главу «Virum praesento vobis»: *Waddington P. Turgenev and England*. P. 249–276, а также: *Симмонс Дж. С. Г. Тургенев и Оксфорд*. С. 395–397; *Миндыбаева Л. В. Тургенев в Оксфорде // Спасский вестник*. Вып. 2. 1993. С. 85–94.

⁵¹ *Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 105. Письмо от 28 мая (9 июня) 1879 г.

с другим впечатлением и переполнявшими его чувствами, вызванными неожиданными почестями, которыми он был осыпан в России и в Англии. Душевно радовал Тургенева и огромный успех пьесы «Месяц в деревне» на сцене Александринского театра, и знакомство с молодой актрисой М. Г. Савиной. Должен был зайти разговор и о семье Н. И. Тургенева, с которой в это время Тургенев часто общался. С ней, как уже говорилось, у Рольстона были самые теплые отношения. Предметом обсуждения могли быть встречи и переписка Тургенева с П. Л. Лавровым и Г. А. Лопатиным, участие писателя в судьбе других революционеров-семидесятников. С Лавровым Рольстон был в приятельских отношениях, симпатизируя многим представителям русского революционного народничества. К этому времени относится замысел Тургенева написать большой роман о русской девушке-нигилистке, сблизившейся с молодым французом-социалистом и, в конечном счете, покинувшей его ради «представителя русского радикализма». ⁵² В числе тех, кому Тургенев рассказывал о своем замысле, был и Рольстон. Последний надеялся перевести будущий роман под руководством писателя. ⁵³ Возможно, именно в эти июньские дни Тургенев делился с Рольстоном своими творческими планами.

Был еще один важный для Тургенева вопрос, по-видимому обсуждавшийся с английским переводчиком. В это время в Лондоне открылась выставка работ художника Верещагина, с которым Тургенев познакомился в ноябре предыдущего года после своего возвращения из Англии. Писатель несколько раз посещал его парижскую мастерскую и отметил «замечательный, крупный, сильный — хоть и несколько грубоватый — талант» художника. ⁵⁴ Между ними установились дружеские отношения, и Тургенев всеми средствами «способствовал популяризации творчества высокоодаренного живописца-соотечественника». ⁵⁵ В подготовке выставки Тургенев, несомненно, принимал деятельное участие. Благодаря общим усилиям, выставка из 180 произведений русского художника — картин и этюдов из индийских серий и ряда работ на тему русско-турецкой войны — разместилась в одном из зданий Кенсингтонского музея. Несмотря на сильные антирусские настроения английского общества, выставка имела большой успех. Тургенев не только сам посетил выставку Верещагина (хотя большинство работ видел в мастерской художника и, вероятно, участвовал в их отборе для показа в Лондоне), но и

---

⁵² См. об этом: *Зильберштейн И. С.* Тургенев и художник В. В. Верещагин (По вновь найденным материалам) // *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 323–324; *Ипатова С. А.* К реконструкции неосуществленного замысла Тургенева «Роман о русских и французских революционерах» // *Тургеневский ежегодник 2013 года* / Сост. и ред. Л. В. Дмитрихина, Л. А. Балыкова. Орел, 2014. С. 40–52.

⁵³ См.: *Т в восп совр (1)*. Т. 2. С. 329.

⁵⁴ *ПССиП(2). Письма*. Т. 16. Кн. 1. С. 201. Письмо к П. В. Анненкову от 15 (27) ноября 1878 г.

⁵⁵ *Зильберштейн И. С.* Тургенев и художник В. В. Верещагин. С. 302.

привел на нее некоторых своих английских друзей, «объяснял им содержание картин и этюдов балканской серии».⁵⁶ Нет сомнений в том, что Рольстон был в их числе. Более того, по просьбе Тургенева он принимал участие в переводе на английский язык каталога этой выставки.⁵⁷

Опубликованная в апреле 1879 года статья Рольстона о романах Толстого также могла стать предметом его беседы с русским писателем, поскольку Тургенев активно пропагандировал творчество Толстого на Западе и снабжал Рольстона различными сведениями об авторе «Войны и мира».⁵⁸

20 июня н. ст., накануне отъезда Тургенева из Англии, состоялся запланированный совместный обед с Генри Джеймсом. Джеймс пригласил нескольких своих лондонских друзей и двух американских гостей. Среди приглашенных был американский историк, писатель, философ-позитивист Джон Фиске, близкий самому Джеймсу и большой друг Рольстона. Разумеется, «всегда восхитительный» Рольстон тоже был здесь. Взволнованный и расчувствовавшийся Фиске без колебаний назвал обед и беседу бесподобными. Героем вечера был, несомненно, «великолепный» Тургенев.⁵⁹

22 июня н. ст. Тургенев вернулся в Буживаль. Оксфордские торжества, где чествовали русского писателя, уже стали историей. Чувством удовлетворения и заслуженной гордости проникнуты письма Тургенева к друзьям и знакомым с отчетами об этом грандиозном событии.

До самой смерти Тургенева Рольстон оставался его другом и активным проводником его творчества, наряду с произведениями других русских писателей, в англоязычном мире. В ноябре 1881 года Тургенев написал неизвестному адресату: «Имею удовольствие удостоверить, что мой друг г-н В. Р. Рольстон обладает весьма доскональным знанием русского языка и русской истории, что его переводы авторов столь же верны оригиналу, сколь изящны — и что его труды на русские темы заслуживают самой безмерной похвалы, заслуживают в самой высокой степени за точность и счастливую привлекательность тех сведений, которые они содержат...».⁶⁰

Красноречивую оценку роли Рольстона как пропагандиста творчества Тургенева в Англии дал А. Гранжар: «Тургенев был достаточно знаменит, чтоб иметь право выбирать себе переводчиков, и он сделал Боденштедта своим представителем в немецкой читательской среде. Мериме и Луи Виардо во Франции, Рольстон в Англии были облечены подобными же полномочиями».⁶¹

Таким образом, письмо Тургенева к Рольстону от 31 мая (12 июня) 1879 года дополняет историю их взаимоотношений, относящихся, в частности, к «чу-

⁵⁶ Зильберштейн И. С. Тургенев и художник В. В. Верещагин. С. 305.

⁵⁷ Подробнее см. в указанной работе Зильберштейна: Там же. С. 304–317.

⁵⁸ См.: *Waddington P. Turgenev and England*. P. 226.

⁵⁹ См.: *Ibid.* P. 275.

⁶⁰ *ПССуП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 1. С. 359. Подлинник по-англ.

⁶¹ *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 303.

десному году». Одним из его самых значительных событий стало присуждение Тургеневу степени доктора honoris causa по гражданскому праву в Оксфордском университете.

Тургенев — В. Рольстону

31 мая (12 июня) 1879 года. Париж

Paris.
50, Rue de Douai.
Thursday, 12 June 79.

My dear friend,

I will leave Paris on Sunday in the evening with the Calais train — and arrive in London Monday morning. — I'll go probably to the Paddington station hotel — but I'll send you immediately a telegramme — and we'll breakfast together on^a *Monday*. — I have many things to tell and to *ask you*. — En attendant — believe me

yours very truly,
Iv. Tourguéneff.

На конверте: *Angleterre.*
W. Ralston, Esq-re.
8, Alfred Place,
Bedford Square,
London.

С английского:

Париж.
Улица Дуэ, 50.
Четверг, 12 июня 79.

Мой дорогой друг,

Я выеду из Парижа в воскресенье вечером поездом до Кале — и прибуду в Лондон в понедельник утром. — Я остановлюсь, наверное, в гостинице

---

^a он *вписано поверх* at

Paris. ⁽¹⁾

50 Rue de Douai.

Thursday. 12th June
75

My dear friend,

I will leave Paris on Sunday in the evening with the Calais train - and arrive in Caudebec Monday morning. - I'll go probably to the Riddings. Ten Hatis Hotel - but I'll send you immediately a telegram - and we'll breakfast together at Monday. - I have many things to tell and to ask you. - 'En attendant' - believe me

Yours very truly,
Iv. Turgeneff.

около Паддингтонского вокзала — однако я немедленно пошлю вам телеграмму — и мы позавтракаем вместе в *понедельник*. — Мне нужно о многом вам рассказать и *расспросить вас*. — *En attendant*⁶ — остаюсь совершенно преданный вам

Ив. Тургенев.

На конверте:

Angleterre.^в

В. Рольстону, экс<вай>ру.

Альфред Плейс, 8,

Бедфорд Сквер,

Лондон.

Печатается по подлиннику: ГМП. Инв. 24826 (Ф. 11. Оп. № 993).

Почтовые штемпели: 1) 12.06.79, Paris; 2) 13.06.79, London.

---

⁶ А пока (*франц.*).

^в Англия (*франц.*).

ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА К Н. В. СОКОЛОВУ (?)
(1876)

Публикация Л. Сундквиста

В огромном собрании книг, рукописей, эстампов, географических карт и монет, которое американский коллекционер Джон Дейвис Батчелдер (John Davis Batchelder; 1872–1958) подарил в Библиотеку Конгресса в Вашингтоне в 1936 году, находится и автограф письма Тургенева на русском языке, которое до сих пор, по-видимому, не было замечено исследователями его жизни и творчества. Текст этого письма, которое адресовано «г-ну Соколову» — по нашему предположению, анархисту Николаю Васильевичу Соколову (1835–1889), — публикуется здесь впервые по фотокопии с подлинника, предоставленной названным учреждением.¹

Мы склоняемся к выводу, что адресатом этого письма является бывший подполковник Генерального штаба Н. В. Соколов, который в декабре 1862 года подал в отставку, не желая участвовать в подавлении намечавшегося Польского восстания. Еще во время службы в армии, летом 1860 года в течение шестимесячного отпуска, который он провел за границей, Соколов общался и с А. И. Герценом в Лондоне, и с Прудоном в Париже. Вернувшись в Россию в сентябре, он стал наряду с Д. И. Писаревым постоянным сотрудником журнала «Русское слово», куда его рекомендовал Н. Г. Чернышевский и где он публиковал в основном статьи на социальные и экономические темы. Получив отставку, Соколов в январе 1863 года снова уехал за границу и поселился в Дрездене. Существует предположение, что он участвовал в Польском восстании в рядах повстанцев.² После непродолжительного пребывания в Па-

---

¹ Заказ по сканированию письма любезно оформила сотрудница Библиотеки Конгресса — Бонни Б. Коулс (Bonnie B. Coles). За помощь в расшифровке отдельных слов благодарю В. А. Лукину.

² Этим объяснилось бы то обстоятельство, что, поселившись в Париже в мае 1873 г., Соколов стал получать материальную поддержку от польского революционного

риже в начале 1865 года, где он получал денежную помощь от Герцена, Соколов решил вернуться в Россию и снова стал печататься в «Русском слове».

В своих статьях Соколов проповедовал социалистические идеи со все усилившейся откровенностью и, наконец, в 1866 году был арестован за издание книги «Отщепенцы», которая была сразу конфискована и запрещена в России, но после переиздания в Цюрихе в 1872 году получила широкое распространение в революционных кругах. В обвинительном заключении против Соколова можно было прочесть о его книге следующее: «По общему своему характеру, она едва ли имеет что-либо подобное себе в русской печатной литературе. Она представляет сборник самых неистовых памфлетов, имеющих целью подкопать все основы цивилизованного общества. Вера, политика, власть, гражданское и судебное устройство, правила нравственности подвергаются в ней самым необузданным нападениям».³ Приговоренный к шестнадцати месяцам заключения в Петропавловской крепости, Соколов после отбытия тюремного срока был отправлен в ссылку, сначала в Архангельскую, а затем в Астраханскую губернию, в Красный Яр. В ноябре 1872 года ему с помощью чайковцев — то есть членов революционного кружка, возникшего в начале 1870-х годов вокруг Н. В. Чайковского, — удалось бежать оттуда и перебраться в Швейцарию.⁴

В Цюрихе, где к тому времени колония русских революционных эмигрантов распалась на две враждующие группы — «лавристов» и «бакунистов», — Соколов встал на сторону последних. В марте 1873 года Соколов — который вообще был бурного темперамента, а в эмиграции имел несчастье пристраститься к вину — избил оскорбившего его секретаря редакции журнала лавристов «Вперед» В. Н. Смирнова. Этот эпизод дошел до сведения Тургенева, как явствует из его письма от 20 мая (1 июня) 1873 года к П. Л. Лаврову, основателю и главному редактору журнала: «Вырубов <...> сообщил мне, правда, что, по Вашим словам, страсти сильно разгорелись в Цюрихе, так что даже Ваш секретарь потерпел физические неприятности <...>».⁵ Выходка Соколова сыграла свою роль в решении Тургенева отказаться от задуманной

комитета, как становится известно из сводки материалов парижской полиции о русских эмигрантах, составленной вице-директором департамента полиции Жуковым, который в ноябре 1882 г. был командирован в Париж русским правительством. См. публикацию отрывков из этой сводки: *Кантор Р. М.* Французская охранка о русских эмигрантах // *Каторга и ссылка.* 1927. Кн. 31. № 2. С. 86–87.

³ Цит. по: *Кузнецов Ф.* Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова»: Григорий Благосветлов, Варфоломей Зайцев, Николай Соколов. М., 1969. С. 247.

⁴ См.: Там же. С. 309–310. О Соколове см. также: *Козьмин Б. П.* Н. В. Соколов: Его жизнь и литературная деятельность // *Козьмин Б. П.* Литература и история. М., 1982. С. 358–426; *Савченко В.* 100 знаменитых анархистов и революционеров. Харьков, 2008. С. 343–347. См. также: *Шахматов Б. М.* Соколов Н. В. // *Русские писатели.* Т. 5. С. 707–708.

⁵ *ПССиП(2).* Письма. Т. 12. С. 149.

им поездки в Цюрих, чтобы познакомиться с демократической молодежью из России и таким образом набраться творческого материала для романа «Новь», так как он не хотел, как он признался Лаврову в том же письме, «подвергаться подобному риску».⁶

Указанием на эту драку в комментариях к вышеприведенному письму Тургенева к Лаврову — сначала в «Литературном наследстве»,⁷ а потом во втором академическом собрании сочинений и писем Тургенева — в сущности ограничиваются упоминания о Соколове в литературе о Тургеневе. Тем не менее есть несколько косвенных свидетельств о том, что, поселившись в Париже, куда его вынудили переехать в мае 1873 года возмущенные его поведением лавристы, Соколов общался с Тургеневым. Так, в публикациях по истории Тургеневской библиотеки в Париже упоминается о том, что в начале 1875 года Соколов помогал ее инициатору Г. А. Лопатину в создании этой уникальной общественной библиотеки, которая после смерти Тургенева, неоднократно оказывавшего ей деятельную поддержку, стала носить имя писателя.⁸ Весьма вероятно, что Соколов присутствовал по крайней мере на одном из музыкально-литературных утреников, которые Тургенев устраивал в пользу библиотеки.

Тургенев, в свою очередь, упоминается в деле французской тайной полиции о Соколове. Характеристика Соколова в этом деле, с которым высокопоставленный жандарм русской полиции имел возможность ознакомиться зимой 1882/83 года, до некоторой степени напоминает образ капитана Лебядкина в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»: «Соколов, Николай, 47 лет, профессор языков, полковник русской службы, автор брошюры „Отщепенцы“. Выдает себя за профессора, но учеников и уроков не имеет. Живет все на одной и той же квартире rue Racine, 12. Сильно пьянствует и наводит страх на всю улицу. Он пьян ежедневно. Известен за буяна во всем Латинском квартале. Очень беден, существует подачками своих единомышленников, и нет питейного заведения низшего разбора, где бы он не был должен».⁹

---

⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 149.

⁷ См.: Письма к П. Л. Лаврову / Публ. Ю. А. Красовского // ЛН. Т. 73. Кн. 2. С. 18. Следует заметить, что в комментарии ошибочно указывается дата письма Лаврова к Г. Н. Вырубову с более подробным описанием драки Соколова со Смирновым как «22 июня 1872 г.». На самом деле дата письма Лаврова — 10 (22) июля 1873 г. См. публикацию этого письма: Письма П. Л. Лаврова / Публ. Б. Л. Модзалевского, Е. П. Казанович и В. Д. Комаровой // Былое. 1925. № 2 (30). С. 21. К сожалению, эта ошибка перешла в: ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 407.

⁸ См.: Фирсов Г. Г. Тургеневская общественная библиотека в Париже // РЛ. 1968. № 4. С. 81; Русская общественная библиотека им. И. С. Тургенева. Сотрудники — Друзья — Читатели / Сост. Т. А. Бакунина-Осоргина и Т. Л. Гладкова. Париж, 1987. С. 23.

⁹ Цит. по: Кантор Р. М. Французская охранка о русских эмигрантах. С. 86.

Согласно этому документу Лавров предупреждал других русских эмигрантов в Париже не доверять «крайне невоздержанному на язык» Соколову, который «разболтает все, что знает». Притом его поведение неизбежно должно было бросить тень на них всех. Так, узнав об убийстве Александра II в марте 1881 года, Соколов «шумно выражал свою радость и бегал с газетой в руках, приглашая прохожих кричать с ним по этому поводу „ура!“ и объявляя, что это дело их, парижских анархистов, рук». Слухи о том, что деятели так называемой «национальной партии» предлагали новому царю перенести столицу в Москву, привели Соколова к новой выходке, после которой русские эмигранты решили обратиться к Тургеневу за помощью: «...Соколов во всеуслышание у Салацкого (владельца русского кафе-ресторана в Париже.¹⁰ — Л. С.) и в библиотеке проповедовал о необходимости нового царевубийства и избиения графа Игнатьева, Каткова и Аксакова и предлагал себя в эmissары для совершения этих преступлений. Испуганные такими речами русские анархисты хотели выдать Соколова за умопомешанного и просили через Ивана Сергеевича Тургенева, которого побудил к тому Лавров, министра внутренних дел не придавать Соколову серьезного значения».¹¹

Правда, довольно трудно представить себе, чтобы этот, по словам полицейского дела, «оскотинившийся от пьянства человек», который якобы хотел также убить русского посла в Париже — и друга Тургенева — князя Н. А. Орлова,¹² мог не только принадлежать к знакомым Тургенева, но даже состоять с ним в переписке. С другой стороны, известно, что писатель, хотя и не мог примириться с готовностью к насильственным мерам, проявленной некоторыми из русских революционеров, всегда сочувствовал «трагическому положению русского борца за прогресс».¹³ Известно также характерное высказывание Тургенева: «Такова, должно быть, судьба русского человека; что он ни делает, как он ни парит, а в конце концов иль сопьется, иль заиграет в карты, или уедет за границу, словом, так иль иначе пропадет».¹⁴ Итак, нельзя исключить,

---

¹⁰ См.: *Waddington P.* Sleazy digs and coppers' narks: the fate of Russian nihilists in Paris a hundred years ago // *N Z Sl J.* 1989–1990. P. 16. В этой весьма интересной, основанной на кропотливых разысканиях в парижских архивах статье нет, кстати, никаких упоминаний о Соколове.

¹¹ Цит. по: *Кантор Р. М.* Французская охранка о русских эмигрантах. С. 86–87.

¹² О дружеских отношениях Тургенева с князем Орловым см.: *Уоддингтон П.* Тургенев и его русские друзья в Фонтенбло: семья Трубецких-Орловых // *Тургенев. НИИМ.* Вып. 3. С. 84–87, 97–99.

¹³ См. статью «Черты из парижской жизни И. С. Тургенева», подписанную инициалами «Н. М.» и впервые опубликованную в «Русской мысли» в ноябре 1883 г.: *Т в восп совр (2).* Т. 2. С. 157. До сих пор не удалось установить имя автора этой статьи.

¹⁴ См.: Воспоминания И. Е. Цветкова, 1874 / Публ. И. С. Зильберштейна // *ЛН.* Т. 76. С. 420.

что будущий автор рассказа «Отчаянный» (1882) сжалился над бедствующим «пьяницей» и «буяном» и постарался помочь Соколову.

В представленном письме 1876 года, похоже, речь идет сначала о хлопотах Тургенева по осуществлению перевода на французский язык «статейки» своего корреспондента, а затем о помещении уже переведенной статьи в каком-то парижском печатном органе. Из дальнейшего текста письма можно заключить, что статья эта была или частью более обширной задуманной работы, или объявлением о такой работе. Если наше предположение верно и адресатом этого письма действительно является Н. В. Соколов, то вполне возможно, что упомянутый здесь проект связан с лингвистическими трудами последнего. Ведь в уже приведенном полицейском деле 1882 года о Соколове говорится: «Зарабатывает небольшие средства участием в изданиях книжной торговли Гарнье B-d S-t Germain, 76. Последнее время был занят составлением русско-французского и французско-русского словаря».¹⁵ Во всяком случае гораздо вероятнее, что «статейка» была такого рода и не связана с политикой. Тургенев при его не раз заявленной любви к «нашему прекрасному русскому языку»,¹⁶ конечно, не мог не сочувствовать такому предприятию.

В некрологе Н. В. Соколова, который появился в марте 1889 года в парижском журнале «La Revue Socialiste» и который был озаглавлен «La mort d'un combattant» («Смерть борца»), мы, разумеется, не находим никаких упоминаний о его пристрастии к вину. Напротив, здесь рисуется героический путь человека, который пожертвовал и прирожденными привилегиями дворянина, и блестящей карьерой в царской армии, чтобы служить страдающему русскому народу. «На протяжении всех 17 лет своего изгнания, — подчеркивал автор некролога, — которое часто было тяжелым и полным лишений, Соколов всегда оставался верен своим убеждениям».¹⁷ Далее упоминаются следующие труды Соколова: «Во Франции он стал известен изданием французско-русского словаря, который высоко ценят, и своей русской грамматикой для французов, которую он выпустил за несколько месяцев до смерти».¹⁸

¹⁵ Цит. по: *Кантор Р. М.* Французская охранка о русских эмигрантах. С. 86.

¹⁶ Из статьи «По поводу „Отцов и детей“» (1869), впоследствии вошедшей в состав «Литературных и житейских воспоминаний»: *ПССУП(2). Соч.* Т. 11. С. 96.

¹⁷ «Durant les dix-sept années de son exil, souvent dur et plein de privations, Sokoloff resta toujours fidèle à ses convictions» (La mort d'un combattant // La Revue Socialiste. 1889. Т. 9. № 51. Р. 365). Этот некролог доступен в онлайн-библиотеке Национальной библиотеки Франции — «Gallica»: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5823055c/f370.image>.

¹⁸ «En France, il s'est fait connaître par la publication d'un dictionnaire franco-russe, très apprécié, et de sa grammaire russe à l'usage des Français, qu'il publia quelques mois avant sa mort» (Ibid.). Речь идет о следующих изданиях: «Nouveau dictionnaire russe-français et français-russe: contenant tous les mots de la langue usuelle, ainsi que les termes scientifiques et techniques, par N. Sokoloff» (Paris, 1882) и «Nouvelle grammaire russe

В публикуемом письме Тургенева, возможно, речь идет о подготовке какого-то из этих двух изданий, которыми Соколов скорее мог снискать расположение великого писателя, чем своей революционной книгой «Отщепенцы».

Тургенев — Н. В. Соколову (?)

29 сентября (11 октября) 1876 года. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET

(Seine-et-Oise.)
Среда, 11-го окт. 76.

Любезнейший г-н Соколов,

Я в субботу увижу того господина, которому я передал Вашу статью — и надеюсь, что она будет готова — но не *уверен* в этом; такие дела еще медлительнее Восточного вопроса. — Я Вам дам знать.

А Вы с своей стороны продолжайте Вашу работу — и не забудьте, что если даже Гашетт или другой какой издатель и убедится Вашей программой и возьмется за издание — то могут еще пройти месяцы и даже годы, прежде чем оно осуществится.

Я не утешителен, но правдив.

Дружески кланяюсь Вам.

Ив. Тургенев.

Печатается по фотокопии: Library of Congress. Manuscript Division. John Davis Batchelder Collection of Manuscripts. Box 14. Folder 3. Part II, с разрешения Библиотеки Конгресса (Вашингтон, США). Письмо написано на именной бумаге, с вензелем и печатным штампом буживальского адреса Тургенева.

à l'usage des Français, par N. Sokoloff» (Paris, 1889). Обе книги вышли в издательстве Гарнье (Garnier). Русская грамматика Соколова выдержала не менее шести изданий!

ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА К П. В. АННЕНКОВУ (1883)

Публикация Л. Сундквиста

В предисловии к двухтомному изданию писем Павла Васильевича Анненкова (1813–1887) к Тургеневу составители его, Н. Н. Мостовская и Н. Г. Жекулин, отметили, что немало писем Тургенева к его близкому другу и литературному советчику известны сегодня только по публикациям, подготовленным Анненковым после смерти писателя, так как подлинники их исчезли.¹ Поскольку часть архива Анненкова, перешедшая к его дочери Вере (1867–1956), которая поселилась в Германии, погибла во время бомбардировки Дрездена в феврале 1945 года,² нельзя не опасаться, что автографы не только этих, но и совсем неизвестных писем Тургенева тогда безвозвратно погибли. Появление одного из пропавших писем Тургенева на аукционе, устроенном в Филадельфии 10 апреля 2014 года американской фирмой «Freeman's», дает надежду на то, что и другие письма Тургенева к Анненкову уцелели в частных собраниях и когда-нибудь выйдут на свет.³

Публикуемое ниже письмо относится к последнему году жизни Тургенева, а именно к началу февраля 1883 года, когда его смертельная болезнь — рак позвоночника, который сам писатель и лечившие его врачи долго принимали

---

¹ См.: *Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 256.

² См.: Там же. С. 257.

³ Следует отметить, что отрывки из данного письма ранее уже были представлены на немецком языке в аукционном каталоге 1974 г. фирмы Штаргардт (J. A. Stargardt. Auktionskatalog 603 (Auktion vom 11. und 12. Juni 1974). Los № 278). П. Уоддингтон перевел эти отрывки на английский язык и впервые установил адресата, сведения о котором в каталоге исчерпывались указанием на то, что это друг Тургенева по имени «P. V.». См.: *Waddington Patrick. Still More Letters of Turgenev // N Z Sl J.* 1979. № 1. P. 26–27.

за «грудную жабу», — заметно усилилась и стала причинять ему мучительные боли.⁴ Несмотря на это, Тургенев тогда взял перо в руки, чтобы ответить на вопросы встревоженного Анненкова насчет недавно проведенной операции по удалению неврома и чтобы поделиться с ним некоторыми мыслями по поводу повести «Клара Милич» — последнего произведения, опубликованного при жизни писателя. Вообще неугасимая любовь Тургенева к литературе — не только как автора по отношению к собственной творческой работе, но и как читателя по отношению к «кумирам» юности⁵ и к современным ему писателям, как старым, так и молодым,⁶ — является лейтмотивом его переписки с Анненковым и другими корреспондентами в эти последние месяцы жизни, наполненные физическими страданиями.

Новонайденное письмо Тургенева к Анненкову от 28 января (9 февраля) 1883 года четко вписывается в их переписку, так как встречные письма Анненкова сохранились и их текст полностью доступен исследователям благодаря вышеуказанному изданию. Письмо Анненкова, на которое отвечает Тургенев, опубликовано с пометой: «Ответ Тургенева неизвестен», а о следующем письме Анненкова сказано, что это — «ответ на неизвестное письмо Тургенева».⁷ Прежде чем привести текст этого письма Тургенева, мы хотим в общих чертах представить историю создания повести «Клара Милич» и ход болезни писателя, так как в указанном письме затрагиваются именно эти две темы.

Толчком к написанию повести «Клара Милич» послужило сообщение Ж. А. Полонской в несохранившемся письме к Тургеневу о «посмертной влюб-

---

⁴ О ходе этой болезни см.: *Waddington P. Turgenev's Mortal Illness: From its Origins to the Autopsy. Upper Hutt (NZ), 1999.*

⁵ Ср. его письмо от 5 (17) декабря 1882 г. к А. И. Незелену, который подарил ему экземпляр своей книги о Пушкине: «Вам, конечно, известно мое благоговение перед нашим великим поэтом. Я всегда считал себя его учеником — и мое высшее литературное честолюбие состоит в том, чтобы быть со временем признанным за хорошего его ученика. А потому Вы легко можете себе представить, с каким вниманием я прочту Ваш труд <...>» (*ПССУП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 118*). В тот же день Тургенев зафиксировал в своем дневнике грустные размышления об увеличившемся невrome на животе, из-за которого операция стала неизбежной, и о своем «старом недуге» (т. е. о болезни, которую он, как и врачи, считал «грудной жабой»). См.: *ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 205.*

⁶ Ср., например, его письмо к М. М. Стасюлевичу от 12 (24) ноября 1882 г., вызванное желанием поместить русский перевод романа Мопассана «Жизнь» («Une vie») в «Вестнике Европы» (*ПССУП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 100*), его заботы о В. М. Гаршине, прошедшем лето 1882 г. в Спасском по его приглашению (Там же. С. 5, 27, 34, 40 и др.), его письма к братьям по перу Я. П. Полонскому, М. Е. Салтыкову и Д. В. Григоровичу, которых он всегда поддерживал (Там же. С. 49–50, 89–90, 100–101, 160 и др.), и, конечно, его знаменитые призывы к Л. Н. Толстому вернуться к литературной деятельности (Там же. С. 74–75, 180).

⁷ *Анненков. Письма. Кн. 2. С. 358, 360.*

ленности» молодого натуралиста В. Д. Аленицына в актрису Евлалию Кадмину, которая 4 (16) ноября 1881 года, в возрасте 27 лет, покончила жизнь самоубийством, приняв яд во время спектакля на сцене харьковского театра.⁸ Другие дела и заботы, однако, мешали Тургеневу приступить к созданию новой повести в Париже в течение зимы 1881/82 года, а весной тяжелая болезнь, которую врачи определили как «грудную жабу», приковала его к постели. При малейшем движении он ощущал невыносимые боли. После переезда в Буживаль на лето состояние его долго оставалось таким же беспросветным, как видно, например, из письма к Анненкову от 19 (31) июля 1882 года: «Насчет моей болезни скажу Вам, что она установилась окончательно, как следует хроническому недугу, который уже не покинет организм. Вообще мне легче, т. е. боли сноснее; но всё же раза два в неделю я принужден прибегнуть к вспыскиванию морфином, если хочу спать; стоять и ходить могу я только в течение двух-трех минут — и то с помощью машинки, придавливающей ключицу; карету переносу с трудом. Результат всего этого — прикованность к месту и совершенное прекращение всяких расчетов на будущее — вместе с прекращением всякой литературной работы, которая немислима при неотступном присутствии невралгии».⁹

Вскоре после этого письма Тургенев по совету известного петербургского врача Л. Б. Бертенсона, посетившего его в Буживале, начал молочную диету, которая принесла ему некоторое облегчение. Так, 17 (29) августа 1882 года он сообщал М. Г. Савиной: «Я, однако, принялся, за литературную работу, хоть и она подвигается очень медленно».¹⁰ Тем не менее уже пять дней спустя он известил Анненкова о том, что закончил в черновике новую повесть: «Сверх того имею сообщить Вам новость: на меня вдруг нашел „стих“ — и я в течение последних двух недель написал повесть (в 3 листа печатных) довольно странного свойства. Это тоже будет переписано — и, разумеется, отправлено к Вам. Если повесть одобрится — то будет напечатана в январской книжке „Вестника Европы“».¹¹

Окончив переписывание повести, Тургенев послал рукопись Анненкову в Баден-Баден 17 (29) сентября 1882 года. Тот откликнулся два дня спустя письмом, из которого мы приведем пространные выдержки, так как высказанное в нем мнение Анненкова впоследствии, в феврале 1883 года, снова станет предметом эпистолярного общения двух друзей: «Мастер чудный! Пишу Вам под впечатлением только что прочитанной превосходной Вашей повести. / Вы не должны ожидать, да, вероятно, и не ожидаете, чтобы она

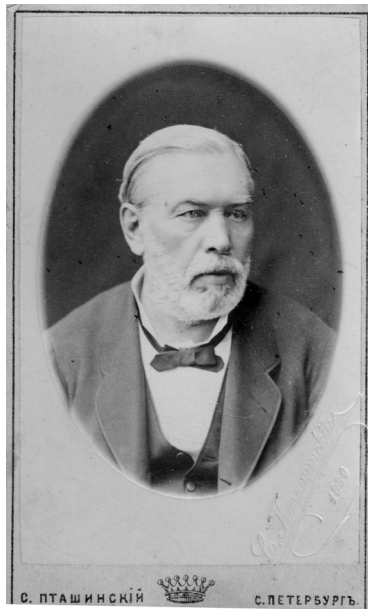
⁸ См.: *ПССуП(2). Соч.* Т. 10. С. 424, 426–428. О Е. П. Кадминой см. также: *Яголим Б. С.* Комета дивной красоты: Жизнь и творчество Евлалии Кадминой. М., 1969.

⁹ *ПССуП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. С. 309.

¹⁰ Там же. Кн. 2. С. 7.

¹¹ Там же. С. 13.

П. В. Анненков. Фотография С. Пташинского.
Петербург, 1880 г.

дружелюбно была встречена на нашей родине людьми, обзывающими сумасшествием всякий психический случай, открывающий позади реального мира еще какой-то другой, и весьма могущественный мир. <...> Тот еще не понял рассказа, кто не может представить его себе как „*истинное происшествие*“. Надо было большое искусство, чтобы сделать его таким. Особенно тонко и эффектно проведено в нем чувство критическое у Аратова по отношению к Кларе, переплетающееся со страстью и любовью, которые потом и одолели его вполне. Клара — живое лицо, будучи вместе с тем и поэтической загадкой: это — тайна таланта создавать из психических ребусов поразительные образы. <...> Последние страницы с видениями Аратова — суть шедевры этого рода описаний. Самая искренняя вера в реальность галлюцинаций Аратова не покидает читателя, между тем как под ними он чувствует все время невидимую струю натурального объяснения дела. Это и составляет премудрость художника!».¹²

Ободренный восторженной оценкой Анненкова и его призывом в том же письме — «смело посылайте свою вещь в печать и без всяких поправок», — 7 (19) октября 1882 года Тургенев из Буживаля отправил наборную рукопись

¹² Анненков. *Письма*. Кн. 2. С. 162. Письмо от 19 сентября (1 октября) 1882 г.

повести редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу. Хотя боли отнюдь не прекратились, писатель все-таки воспрял духом благодаря возобновлению литературной деятельности, как видно из его письма к Л. Н. Толстому: «Мое положение — престранное. Человек вполне здоров... только ни *стоять* — ни *ходить* — ни *ездить* не может — без того чтобы у него в левом плече не заломило нестерпимо, как от гнилого зуба. Пренелепое положение, вследствие которого я осужден на неподвижность. И сколько времени это продолжится — тоже неизвестно. Понемногу привыкаю к этой мысли — но это нелегко. Впрочем, я последнее время опять принялся за работу. / Как бы я обрадовался, если б узнал, что и Вы принялись за нее!».¹³ Работа над корректурой новой повести продолжала занимать Тургенева и после переезда из Буживаля в его парижскую квартиру на улице Дуэ, который состоялся 6 (18) ноября. Именно во время работы над корректурой Тургенев согласился с предложением Стасюлевича переменить заглавие повести на «Клару Миллич», так как первоначальное заглавие «После смерти» показалось редактору слишком мрачным.

Между тем после возвращения в Париж Тургеневу стало значительно хуже, боли возобновились. В письмах к своим друзьям он, однако, старался не впасть в уныние: «...я всё в том же положении; здоров, как рыба — но осужден на неподвижность: ни стоять, ни ходить!» — сообщал он М. Г. Савиной 27 ноября (9 декабря).¹⁴ Вскоре его состояние усложнилось тем, что невром, образовавшийся у него на животе, «вдруг стал непомерно пухнуть». 5 (17) декабря он записал в дневнике: «...если так продолжится, то придется взрезать мне брюхо и вырвать эту гадость... <...> Это на днях должно решиться... веселенький пейзажик! Нечего и говорить, что старый недуг процветает по-прежнему».¹⁵

О том, что ему, возможно, предстояла операция по удалению неврома, Тургенев не сразу сообщил всем. В письме к доктору Бергенсону от 6 (18) декабря, например, он коснулся только своего «старого недуга».¹⁶ По-видимому, он не хотел беспокоить таких друзей, как Полонские, которые именно от Бертенсона получали новости о состоянии Тургенева. В утраченном письме к Анненкову Тургенев, однако, посвятил своего друга в новые обстоятельства, как можно заключить из встревоженного письма Анненкова от 7 (19) декабря: «Что это такое? Опять болезнь, мучение, операция, катастрофа, Иван Сергеевич! Я уже подозревал, долго не получая от Вас известий, что что-нибудь неладно у Вас, но этого не ожидал. <...> Во всяком случае молю Вас, друг, держите меня в известности о ходе этого зловещего нароста».¹⁷

¹³ ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 74. Письмо от 19 (31) октября 1882 г.

¹⁴ Там же. С. 110.

¹⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 205.

¹⁶ ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 119–120.

¹⁷ Анненков. Письма. Кн. 2. С. 167.

Необходимость операции была признана лечившими Тургенева врачами, причем она должна была проходить без хлороформа, так как у писателя был порок сердца. 29 декабря 1882 года (10 января 1883 года) Тургенев сообщал Анненкову о предстоящей операции: «Через три дня, а именно в воскресенье, любезный Павел Васильевич, будут вырезывать у меня именно *невром* <...> Опасность состоит не в самой операции, как она ни мучительна и ни продолжительна, а в возможности двух следующих последствий: рожи или воспаления брюшной полости. Оттого-то и придется мне пролежать после операции недели две недвижимо. Но я не унываю; „le vin est tiré — il faut le boire“ («вино откупорено — нужно его пить» — *франц.*) — говорят французы — да к тому же я буду в искусных руках. А Вы в воскресенье — между 11-ю и 1-м — сочувственно подумайте обо мне».¹⁸ В том же письме он уполномочил Анненкова, в случае его смерти, разобрать его корреспонденцию.¹⁹ Два дня спустя Тургенев в дневнике записал свои размышления о предстоящей операции и о скором выходе в свет своей новой повести: «Послезавтра, в воскресенье, в 11 ч. мне вырезают мой невром. Операция будет мучительная — так как, по решению Бруарделя, меня хлороформировать нельзя. После мне придется пролежать недвижно дней десять. Если сделается рожа — я, вероятно, умру. Но le vin est tiré — il faut le boire. Недуг грудной — всё в том же положении. <...> Повесть моя должна завтра появиться в „Вестнике Европы“, а 15-го в „Nouvelle Revue“ — под заглавием „Après la mort“ («После смерти» — *франц.*)... Как бы в самом деле не вышло: après la mort. Кто знает — я, может быть, пишу это за несколько дней до смерти. Мысль невеселая. Ничтожество меня страшит — да и жить еще хочется... хотя... / Ну, что будет — то будет!».²⁰

В самом деле повесть «Клара Милич» вышла в январской книжке «Вестника Европы» за 1883 год, а 3 (15) января французский перевод — авторство которого до сих пор не удалось установить²¹ — был напечатан в журнале «Nouvelle Revue» под заглавием «Après la mort», то есть под заглавием, которое Тургенев первоначально дал ей в русском оригинале. Несколько позже

¹⁸ ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 143–144.

¹⁹ См. об этом: Анненков. Письма. Кн. 2. С. 358–359, примеч. 2 к письму 342.

²⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 207–208. Запись от 31 декабря 1882 г. (12 января 1883 г.).

²¹ Как объясняется в ценной библиографии французских переводов произведений Тургенева, составленной П. Уоддингтоном при участии Ф. Монрейно: «Неизвестно, был ли этот перевод сделан Эмилем Дюраном или самим Тургеневым совместно с П. Виардо» (A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854–1885. Wellington (NZ), 1980. Item 66). См. также: Анненков. Письма. Кн. 2. С. 350, примеч. 4 к письму 335.

(но предположительно до 28 января (9 февраля) 1883 г.) немецкий перевод повести, сделанный Л. Пичем на основе французской версии, корректурные листы которой Тургенев послал последнему 27 ноября (8 декабря) 1882 года, появился в неустановленной немецкой газете или журнале.²²

Получив известие о предстоящей операции, Анненков 2 (14) января 1883 года послал Тургеневу краткую записку из Баден-Бадена: «Не стану говорить, каким ударом было Ваше письмо для меня. Вышло бы глупо. Я все думал — авось и так сойдет, а когда действительность подошла с ножами, страданиями и, может быть, с катастрофой — так в глазах потемнело. Ни думать, ни писать об этом не хочется, да и страшно — ох, страшно. Умоляю Вас или Mme Viardot известить меня телеграммой, как сошла операция и в каком Вы положении. До тех пор не имею сил ни мыслить о Вас, ни говорить с Вами. Умоляю о телеграмме».²³

Запись, сделанная Тургеневым в дневнике непосредственно перед операцией, которая была проведена молодым хирургом Полем Сегоном (Paul Segond) 2 (14) января 1883 года, свидетельствует о том, что уже тогда писатель начал применять «систему Канта», о которой пойдет речь в дневнике и в найденном письме к Анненкову: «Воскресенье, 14/2 янв. 83. 10½ ч. утра. Сажу в ожидании докторов, которые будут меня резать (они сию минуту приехали), — пока не трушу. Что будет дальше — не знаю. В начале следующей страницы напишу результат».²⁴

Сама операция прошла благополучно, о чем Тургенев на следующий день телеграфировал нескольким друзьям, в том числе Анненкову. Телеграмма не сохранилась, но о том, что она была отослана, свидетельствует радостное письмо Анненкова от 3 (15) января: «Вчера вечером получил, Иван Серг<еевич>, вашу телеграмму. Туча миновалась. Слава богу и трижды слава! <...> Когда вы отдохнете и поправитесь, расскажите мне, прошу вас, всю процедуру пыточного станка, на котором вы лежали. Долго ли, хлороформ<ро>ванны или трезвые, и что ощущали? Кто делал операцию, кто был при Вас? Для души моей это нужно».²⁵ В не дошедшей до нас «записочке» к Анненкову,

---

²² Ср. письмо Тургенева к Л. Пичу от 11 (23) февраля 1883 г.: «Вы должны были бы, право, прислать мне экземпляр Вашего перевода „После смерти“; ну, да это неважно» (*ПССиП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 255. Подлинник по-нем.). См. также примеч. 2 к этому письму (Там же. С. 368), где высказывается предположение, что перевод Пича остался в рукописи и поэтому не был прислан Тургеневу. Против такого заключения говорит представленное здесь письмо Тургенева к Анненкову от 28 января (9 февраля) 1883 г. (см. ниже).

²³ *Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 169.

²⁴ *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 209. Запись от 2 (14) января 1883 г.

²⁵ *Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 169–170.

в которой он благодарил его за участие.²⁶ Тургенев, очевидно, не стал описывать операцию, которой только что подвергся. Это он сделал в письме к Бертенсону от 6 (18) января, причем просил врача сообщить его содержание своим петербургским друзьям, «а также и какому-нибудь журналу *в двух словах только*, но с *упоминовением* имени оператора».²⁷ Именно из русских газет, полученных им в Баден-Бадене, Анненков впоследствии узнал некоторые подробности об операции.

Операция по удалению неврома, к сожалению, не смогла повлиять на ход основной болезни Тургенева. Межреберные боли не только продолжились, но и усилились. Из записи в дневнике от 15 (27) января, в которой Тургенев дал описание недавней операции, видно, однако, что он старался примириться с этими страданиями (которые тогда еще считал симптомами хронической болезни) и что его по-прежнему занимала судьба повести «Клара Миллич»: «В прошлое воскресенье, 2/14 янв<аря> так-таки и вырезали у меня невром. (Действовал Поль Сегон, присутствовали Бруардель и Нелатон и Гиртц.) Было очень больно; но я, воспользовавшись советом Канта, старался давать себе отчет в моих ощущениях — и, к собственному изумлению, даже не пикнул и не шевельнулся. А длилась вся операция минут с 12. Невром был с грецкий орех — большой. Потом меня уложили — и так я пролежал 14 дней. Лихорадки не было и никаких осложнений. Рана в 15 сантим<етров> скоро и правильно зажила. Зато старая моя болезнь — боль в груди и пр. — меня лихо помучила, так как лежание на спине причиняло мне особенные страдания. Пришлось прибегнуть к морфию. Болезнь эта продолжает потешаться надо мною — но ведь от этого я избавиться не могу, что ни говори Бертенсон с своей глиной. <...> Повесть моя появилась и в Петербурге и в Москве — и, кажется, и там и тут понравилась. Чего! даже Суворин в „Новом времени“ расхвалил!».²⁸

Анненков между тем сам заболел и поэтому лишь 25 января (6 февраля) ответил на «записочку» Тургенева, которая, как уже упоминалось, до нас не дошла: «Чего Вы благодарите за участие? Кто не принимал участия в Вас, прожившем полчаса под ножом? Из газет знаю несколько подробностей об операции и только головой встряхиваю — нехорошо было! Надеюсь, что дело не ухудшилось с последнего извещения Вашего. Говорят, что Вы даже и не сто-

---

²⁶ Ср. письмо Анненкова от 25 января (6 февраля) 1883 г. в ответ на эту утраченную записку: Там же. С. 170–171.

²⁷ ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 148.

²⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 209. См. также схожие высказывания о восстановлении после операции, а также об одновременно усилившихся приступах «старой болезни» в письмах к Я. П. Полонскому и М. М. Стасюлевичу от 15 (27) января 1883 г.: ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 155–156.

нали. Не люблю я этого мужества, хотя и сам расположен ему подражать в случае нужды: оно увеличивает страдания, а зачем? Чтобы стоять выше природы! Затея! <...> Перечел „Клару Милич“, еще раз облизался и остаюсь при прежнем мнении. Дело совсем не в разительном сходстве портрета с несчастной Кадминой, чем кажется всего более занята публика, а в психическом процессе, вызванном ее смертью у человека, не распознавшего ее при жизни. Судя по Вашему молчанию, можно думать, что и Вы стоите за поэтический портрет, не более. Тогда я и против Вас». ²⁹ На это письмо Тургенев и отвечает в публикуемом ниже письме.

Как уже было упомянуто в начале публикации, ответное письмо Анненкова, датированное 9 (21) февраля 1883 года, к счастью, сохранилось. В нем Анненков, не касаясь более повести «Клара Милич», сосредоточился на состоянии здоровья Тургенева и даже, чтобы подбодрить своего друга, пошутил по поводу совета Канта: «Милое Ваше письмецо, Иван Сергеевич, написанное таким хорошим мелким почерком, что оно показалось мне бисерным кошельком» ³⁰ — кончается неожиданно для меня дурным известием о возвращении и усилении старой Вашей болезни, между тем как новая отступила перед радикальными мерами, принятыми относительно ее. Может быть, Ваш старик Кант и был прав, утверждая, что анализируя свои мучения — уменьшаешь их силу — не испытал! Но другой старик Руссо уверял, что, сосредоточивая ум на какой-либо идее, можно упразднить самую жгучую боль — это я пробовал при старых и частых зубных моих страданиях. Ничего не выходило». ³¹

Несмотря на грустное содержание многих из приведенных в настоящей публикации писем, включая и новонайденное, нельзя не восхищаться искренним сочувствием, которое смертельно больной Тургенев не только умел возбудить в окружающих, но и сам питал к ним — к близким друзьям, как Анненков, и даже к старым «врагам»: «Как мне жаль бедного Гончарова! — писал он в феврале 1883 года, узнав, что автор «Обломова» ослеп. — Страдая сам, я ближе принимаю к сердцу его страдания». ³²

---

²⁹ Анненков. *Письма*. Кн. 2. С. 170–171. См. также: *ИРЛИ*. Ф. 7. № 13. Л. 95–96.

³⁰ Почерк Тургенева в этом письме действительно отличается четкостью и ровностью. Однако он вскоре не был в силах даже держать перо и начал диктовать письма окружающим его лицам. Ср., например, письмо к Я. П. Полонскому от 2 (14) февраля 1883 г., написанное А. Ф. Онегиным под диктовку Тургенева: «Исполняя твоё желание, извещаю тебя, что мне по-прежнему нехорошо, и пишу не своею рукою по причине ломоты в плече» (*ПССиП(1)*). *Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 161).

³¹ Анненков. *Письма*. Кн. 2. С. 171–172.

³² Письмо к Д. В. Григоровичу от 1 (13) февраля 1883 г.: *ПССиП(1)*. *Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 160.

Тургенев — П. В. Анненкову

28 января (9 февраля) 1883 года. Париж

Париж.
50, Rue de Douai.
9-го февр. 83.

Милый П<авел> В<асильевич>, вот Вам ответ на Ваше дружеское письмо.¹ — Операция моя не оставила никакого следа, за исключением большого шрама на животе — а не стонал я не из желания показать свой стоицизм — а вследствие системы, рекомендованной философом Кантом — во время боли стараться отдавать себе отчет в ней — отчего уменьшается сама боль — так как рефлексия во всяком случае устраняет нервную возбужденность. Старик Кант оказывается правым — и его система принесла мне пользу.²

К сожалению, она неприменима к хроническим постоянным болям — мой старый, неизлечимый недуг в последнее время значительно усилился — и я более чем когда-либо осужден на неподвижность... даже писать мне трудно, ибо приходится двигать рукою.³

В «Кларе Милич» заинтересовал меня психический процесс Аратова — я ее видел всего один раз, двух слов с ней не сказал — и биографию ее и т. д. всё выдумал — по мере возможности целесообразно.⁴ — Не моя вина, что публика видит в моей работе портрет — я даже по этому поводу получил прекурзные письма и т. д.⁵ А потому Вам незачем быть *против меня*.⁶ — Другие публики (французская между прочим) отнесли к К<ларе> М<илич> правильно;^{а, 7}

Все мои здешние здоровы и благоденствуют.

Не могу более писать — лом в плече и в боку — почти несносный. — Ограничусь тем, что поклонюсь всем Вашим и Вас обниму.

Ив. Тургенев.

Печатается с любезного разрешения владельца автографа — Константина Гинзбурга (Konstantin Ginsburg) (США) — по факсимиле, воспроизведенному в аукционном каталоге: Freeman's. Rare Books & Manuscripts. 04/10/14. Posters, Maps & Other Graphics. 04/11/14. P. 77. Lot 394. Выражаю искреннюю благодарность Кристиане Скавуццо (Christiana Scavuzzo) — сотруднице фирмы «Freeman's» — за оказанную помощь. Каталог доступен в Интернете: <http://issuu.com/freemansauction/docs/1487/1> (дата последнего обращения: 27.07.2015). В описании лота возможным адресатом ошибочно была названа Полина Виардо. Недоразумение объясняется тем, что Тургенев в обращении поставил только инициалы своего друга: «П. В.». Автограф был продан за 6250 долларов.

^а Далее следует зачеркнутая фраза, не поддающаяся расшифровке.

¹ Речь идет о письме от 25 января (6 февраля) 1883 г. См.: *Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 170–171.

² Тургенев, вероятно, имеет в виду небольшой трактат Канта 1797 г.: «Von der Macht des Gemüths durch den bloßen Vorsatz seiner krankhaften Gefühle Meister zu sein» («О способности духа силою только воли побеждать болезненные ощущения»), в котором немецкий философ между прочим объяснил, как он преодолевал приступы подагры. Ср. также упоминание о «совете Канта» в приведенной выше записи от 15 (27) января 1883 г. из дневника Тургенева.

³ Ср. письмо к Ж. А. Полонской от 27 января (8 февраля) 1883 г.: «Здоровье мое окончательно испортилось — теперь уже не одна ключица — но вся спина и грудь болят постоянно — двигаться не могу — и спать возможно только при вспыскивании морфином. Ночи особенно жестоки — так как лом распространяется по всей верхней части туловища и при малейшем движении вспыхивает, как порох. Дело, как видите, некрасивое. От операции не осталось ни следа» (*ПССуП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 160).

⁴ Ср. письмо к Ж. А. Полонской от 20 декабря 1881 г. (1 января 1882 г.): «Я, помнится, видел раз эту Кадмину на сцене (когда она была еще оперной певицей; у ней было очень выразительное лицо)» (Там же. Кн. 1. С. 168), а также письмо к Л. Б. Бертенсону от 19 (31) января 1883 г.: «История Кадминой (лично с которой, т. е. с Кадминой, я знаком не был) послужила мне только толчком к написанию моей повести. Биография Клары мною вымышлена, а также и отношение ее к Аратову, типу, сохранившемуся в моей памяти еще со времен молодости» (Там же. Кн. 2. С. 157). Как указывается в комментарии к повести в первом академическом издании: «Что касается истории взаимоотношений Клары Милич и Аратова, то она целиком вымышлена Тургеневым (Кадмина не знала даже о существовании Аленицына)» (*ПССуП(1). Соч.* Т. 13. С. 581).

⁵ Подобный отзыв Тургенев, по-видимому, получил от Л. Б. Бертенсона (см. письмо к нему от 19 (31) января 1883 г., приведенное в предыдущем примечании). Об одном из таких «прекуррезных» писем Тургенев упоминает в письме к М. М. Стасюлевичу от 15 (27) января 1883 г.: «Получил я отгиски „Клары Милич“ и благодарю. Получил также письмо „читательницы“, которая все-таки предпочитает меня Боборыкину и Стахееву» (*ПССуП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 156).

⁶ Тургенев отвечает на следующее высказывание из письма Анненкова от 25 января (6 февраля) 1883 г.: «Судя по вашему молчанию, можно думать, что и Вы стоите за поэтический портрет, не более. Тогда я и против Вас» (*Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 171).

⁷ О французском переводе «Клары Милич», появившемся под заглавием «Après la mort» в журнале «La Nouvelle Revue française» (1883. 15 janvier. Vol. 20), см. выше. Обращает на себя внимание то, что Тургенев пишет о «других публиках» во множественном числе. Из этого можно осторожно заключить, что к тому времени уже был напечатан немецкий перевод повести, сделанный Л. Пичем под заглавием «Nach dem Tode», и что Пич в несохранившемся письме к автору сообщил ему некоторые отзывы немецкой публики на нее. К сожалению, нам не удалось установить, в какой газете или журнале появился перевод Пича. В марте 1883 г. был напечатан другой немецкий перевод повести, который вышел в Мюнхене отдельным изданием: *Turgenjew J. Klara Militsch. Novelle / Deutsch von Wilhelm Henkel. München: Th. Stroeffner, 1883* (см.: *ПССуП(2). Соч.* Т. 10. С. 433; *ПССуП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 368, примеч. 2 к письму 6131).

ПИСЬМА К ТУРГЕНЕВУ

ПИСЬМА А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА К ТУРГЕНЕВУ (1866–1869)

Публикация А. Г. Гродецкой

Хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ 23 письма к Тургеневу Алексея Михайловича Жемчужникова (1821–1908), относящиеся к 1866–1869 годам, тургеневодам давно и хорошо известны: они в значительной степени использованы в комментариях к ответным письмам Тургенева в первом и втором изданиях его Полного собрания сочинений и писем. Биографический и творческий контекст переписки в общих чертах реконструирован в немногих работах, посвященных истории взаимоотношений Тургенева как с Алексеем Жемчужниковым, так и с его братьями — Николаем, Львом и Владимиром.¹

---

¹ См.: *Мостовская Н. Н.* И. С. Тургенев и А. М. Жемчужников (по материалам неопубликованной переписки 1866–1869 гг.) // Второй межвуз. тургеновский сб. Орел, 1968. С. 219–226 (здесь полностью опубликовано письмо Жемчужникова к Тургеневу от 18 (30) марта 1869 г.; в наст. публикации — письмо 18); *Александрова Л. М.* И. С. Тургенев и братья Жемчужниковы // Тургеновский ежегодник 2001 года. Орел, 2002. С. 48–52. *Жемчужников Николай Михайлович* (с 1879 Буда-Жемчужников; 1824–1909) — чиновник Министерства иностранных дел; *Жемчужников Лев Михайлович* (1828–1912) — живописец, гравер, автор мемуаров; *Жемчужников Владимир Михайлович* (1830–1884) — литератор, один из создателей образа Козьмы Пруткова; с 1868 г. высокопоставленный чиновник Министерства путей сообщения. См. о них: *Александрова Л. М.* Жемчужников В. М.; Жемчужников Л. М.; Жемчужников Н. М. // *Тургенев. НИИМ* (3). С. 364–366 (Материалы к Тургеновской энциклопедии). О Владимире Жемчужникове см. также ниже,

А. М. Жемчужников. Фотография Я. Мечковского.
Варшава, 1865 г. (?)

Ссылались на эти неизданные письма и исследователи творчества Жемчужникова.² Однако полностью письма Алексея Жемчужникова к Тургеневу не публиковались, и его «партия» в четырехлетнем эпистолярном диалоге³ двух

с. 609–616. Данные о знакомстве Тургенева с *Александром Михайловичем Жемчужниковым* (1826–1896), в сотрудничестве с братьями создавшим несколько ба-сен Козьмы Пруткова, отсутствуют.

² См., например: *Покусаев Е.* Алексей Михайлович Жемчужников // Жемчужников А. М. Избр. произведения / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Е. Покусаева. М.; Л., 1963. С. 6 и др. (Б-ка поэта. Большая сер.). Далее — *Жемчужников*.

³ Публикуемые письма составляют часть более обширной переписки. О ее ранних этапах (до 1866 г.) сведений нет, позднейшие немногочисленные письма Жемчужникова, после 1869 г., не сохранились, ответы на них Тургенева — два письма 1870 г. и три письма 1877 г. — опубликованы (см. ниже). См. также первую публикацию: Письма И. С. Тургенева к А. М. Жемчужникову // *РМ*. 1914. № 1. С. 126–139.

русских писателей, живших вне России, но с постоянной мыслью о России, ниже воссоздается впервые.

«Я живу и умственно и сердечно в русской литературе, — писал Алексей Жемчужников Некрасову из Висбадена в 1870 году; — а пребывание мое за границей, которое хотя и имеет свою хорошую сторону и свои выгоды по образу жизни, который я здесь веду, лишает меня возможности говорить и рассуждать о том предмете, который составляет такой существенный элемент моей жизни».⁴

Скажем сразу, что подобных признаний в письмах Жемчужникова к Тургеневу нет. И менее всего, как ни странно, он расположен в них «говорить и рассуждать» о литературе. Совсем не напоминает Жемчужников в публикуемых письмах и создателя Козьмы Пруткова, в них нет ожидаемого блеска остроумия, иронии, игры словом и смыслом. Поразительно немногословный, их автор главным образом озабочен бытовыми вопросами — где и как жить и лечиться в Германии и Швейцарии его семье, его многочисленным, то и дело приезжающим из России родственникам. В этих вопросах Тургенев для Алексея Михайловича не просто искушенный знаток и советчик, но и безотказный помощник. Из письма в письмо он просит Тургенева то о присылке мази и ее рецепта для лечения племянниц, то о присылке журналов и газет. И Тургенев безотказно все эти просьбы выполняет.

С Алексеем Жемчужниковым Тургенев был знаком с середины 1850-х годов по петербургскому литературному кругу, сложившемуся вокруг «Современника» (скорее всего — с 1854 г., т. е. после появления в «Литературном ералаше» «Досугов» Козьмы Пруткова).⁵ После дебюта в 1850 году в журнале

---

⁴ Жемчужников А. М. Письма к Некрасову // ЛН. Т. 51–52. Кн. 2. С. 284. Письмо от 25 марта (6 апреля) 1870 г.

⁵ Жемчужников не упомянут в качестве участника этого круга ни И. И. Панаевым и А. Я. Панаевой, ни Д. В. Григоровичем, ни П. В. Анненковым в их известных воспоминаниях. Дружинин впервые упоминает его среди петербургских гостей Тургенева в записи от 10 декабря ст. ст. 1855 г. и год спустя сообщает: «Круг наш сходится чаще чем когда-либо, т. е. почти что всякий день. Центральные персоны — Боткин, Толстой, Анненков, сверх того Ермил (А. Ф. Писемский. — *Ред.*), Гончаров, Жемчужников, Толстой Алексей» (*Дружинин А. В. Повести. Дневник / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 361; см. также: Письма А. В. Дружинина к И. С. Тургеневу // Т и круг Совр. С. 201–202. Письмо от 26 декабря ст. ст. 1856 г.*). О вечере у Тургенева в конце декабря 1854 г. с участием Алексея и Владимира Жемчужниковых и затем об обеде у Б. М. Маркевича, где также присутствовали Тургенев и Алексей Жемчужников, А. К. Толстой подробно рассказал С. А. Миллер в письме от 3 января ст. ст. 1855 г. (см.: *Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 74–75; ср.: Летопись (1818–1858). С. 280. 17 февраля (1 марта) 1855 г. Тургенев и Жемчужников присутствовали на обеде, данном в честь П. В. Анненкова (см.: ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 418; Летопись (1818–1858). С. 285).*

Некрасова комедией «Странная ночь» (хотя стихи и пьесы Жемчужников писал и до этой публикации; часть из них не прошла цензуру) он выступает в печати и как автор комедий,⁶ и как лирик — преимущественно со стихами гражданской тематики, созданными в некрасовской традиции («Нищая», «Сказка о живых мертвецах», «Тяжелое признание» и др.). Характерный пример его гражданской лирики конца 1850-х годов — стихотворение «Мы долго лежали повергнуты в прах...»:

Мы долго лежали повергнуты в прах,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы заживо тлеем в гробах;
Забита тяжелая крыша...
Но вспыхнувший светоч вдруг вышел из тьмы,
Нежданная речь прозвучала, —
И все, вострепнувшись, воспрянули мы,
Почуяв благое начало. <...>⁷

Как заметит много позднее Я. П. Полонский, Жемчужников, уступая Некрасову «по таланту и влиянию», был «более, чем кто-либо из его современников, более чем сам Некрасов, искренним по своим тенденциям».⁸ Глубоко оригинально и другое наблюдение современника-поэта: «По-моему, Жемчужников замечателен не как поэт, а замечателен теми сторонами своей интеллектуальной жизни, которые мешали ему быть поэтом».⁹ Подлинное признание Алексею Жемчужникову принесла не лирика, а созданный им в 1854 году вместе с братом Владимиром и двоюродным братом Алексеем Толстым бессмертный образ Козьмы Пруткова.¹⁰ По мнению Б. Я. Бухштаба, «вне Пруткова его многолетняя литературная деятельность имеет в истории русской поэзии довольно скромное значение. Он писал и пейзажные, и любовные

---

⁶ «...Жемчужникова комедийка вздор <...>», — писал Тургенев Некрасову 16 (28) декабря 1852 г. в ответ на рекомендацию прочесть публикуемую в № 11 «Современника» «недурную комедию в стихах» «Сумасшедший» (*ПССУП*(2). *Письма*. Т. 2. С. 172).

⁷ *Жемчужников*. С. 88.

⁸ *Полонский Я. П.* «Стихотворения А. М. Жемчужникова». Критический разбор. Из отчета о девятом присуждении Пушкинских премий в 1893 году. СПб., 1893. С. 1–2.

⁹ Там же. С. 2.

¹⁰ Среди «прутковедческой» литературы (П. Н. Берков, Б. Я. Бухштаб и др.) см. богатую архивно-документальными материалами монографию: *Жуков Д. А.* Козьма Прутков и его друзья. М., 1983. О частичном участии П. П. Ершова в создании образа Пруткова см.: Там же. С. 261–267; см. также: *Прутков Козьма*. Полн. собр. соч. / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. М.; Л., 1965. С. 27, 396 (Б-ка поэта. Большая сер.).

стихи, но не обладал достаточным лиризмом и сосредоточился преимущественно на „гражданской“ поэзии с сильным налетом либерального дидактизма». ¹¹

В 1859 году Жемчужников-поэт почти на десятилетие умолкает. «Мне казалось, — признавался он, — что мои стихи никому не нужны в такое серьезное время. Поэзия на „гражданские мотивы“ была бы очень уместна в эпоху пробуждения ума и совести. Я сознавал все высокое ее значение, и меня к ней тянуло; но эти песни пел тогда Некрасов. Они были так сильны и оригинальны, что тягаться с ними я, конечно, не мог, а вторить им, хотя бы и не фальшивя, было бы излишне. С другой стороны, так называемая „чистая“ поэзия, отрешенная от злобы дня, — возвышенна и прекрасна всегда. Такого времени, когда она могла бы оказаться ненужной, не бывает. Но я чувствовал, что моя муза не обладает ни лиризмом, ни красотой, которые я почитал необходимыми принадлежностями чистой поэзии. <...> Вот почему я тогда почти бросил писать стихи и обратился к прозе, так как делиться с обществом моими мыслями я все-таки чувствовал потребность». ¹²

Появившиеся в печати публицистические статьи Жемчужникова — «Современный просветитель народа», ¹³ «После похорон Сергея Тимофеевича Аксакова», ¹⁴ «Переходное время. Физиономии и силы» ¹⁵ — написаны со страстью и горечью. Размышляя в первой из них об «отрочестве нашего общественного разума и нравственности», Жемчужников признавал: «Есть сильное стремление к добру и какое-то сладострастное кошение во зле, есть служение чистоте и правде и обожание грязи и лжи <...>». ¹⁶ В последней статье он в крайне резких чертах определил главенствующие «физиономии» времени, отражающие «пошлость и порочность наших нравов». В особый разряд здесь, как и в других своих публицистических выступлениях, Жемчужников выделил тех, кто провозгласил себя «верными слугами и сынами отечества», создателей «учения о патриотизме»: «Разговор их не отличался разнообразием: в нем слышались все одни и те же слова, но слова эти были звучны: родина, добродетель, покорность, честь русского имени, религия, присяга, порядок, долг. Эти слова, подобно колоде карт в руках искусного игрока, с помощью подтасовки и передергиванья, приносили им великие выгоды. Многие из вер-

---

¹¹ Бухштаб Б. Я. Козьма Прутков // Прутков Козьма. Полн. собр. соч. С. 7. То же: Бухштаб Б. Я. Русские поэты. Л., 1970. С. 162.

¹² Жемчужников А. М. Автобиографический очерк // Жемчужников. С. 64–65. Очерк был написан для двухтомного собрания «Стихотворений», изданного поэтом в 1892 г.

¹³ *РВ*. 1858. № 5. Кн. 2.

¹⁴ *МВед*. 1859. 13 мая. № 112.

¹⁵ *РВ*. 1861. № 2.

¹⁶ Там же. 1858. № 5. Кн. 2. С. 126. Отд.: «Современная летопись».

ных сынов отечества, усердствуя на разных поприщах общественной или частной деятельности, основали свое благосостояние на разврате или нищете народа».¹⁷

Человек сороковых годов, каковым Жемчужников считал себя, он в максимализме своего отрицания был и остался идеалистом и мечтателем, признаваясь: «Я продолжал мерить людей и дела мерою сохранившихся в полной чистоте и неприкосновенности моих идеалов. Врожденная отзывчивость не дала душе моей заглухнуть».¹⁸

1858-й год стал рубежным в блестящей служебной карьере Жемчужникова. В этом году он подает в отставку. Сын гражданского губернатора Петербурга,¹⁹ выпускник Училища правоведения, где учился в 1835–1841 годах, Жемчужников последовательно занимал все более высокие государственные посты — от чиновника Сената, помощника юрисконсульта Министерства юстиции (1847–1849; с 1844 камер-юнкер) до помощника статс-секретаря Государственного совета (1855–1858).²⁰ «Я делю мою жизнь, — писал поэт, — <...> на два периода, резко отличающиеся друг от друга по внутреннему своему содержанию: до отставки в 1858 году и после отставки». И почти как Лев Толстой в поздние годы продолжал: «В первом периоде моей жизни я убил много времени даром. Жизнь чувственная часто преобладала совершенно над духовною».²¹ Аристократизм и знатность, принадлежность к высшему светскому обществу, привилегированность образования и службы стали у Жемчужникова основой той убежденной оппозиционности к любого рода сословным привилегиям, того глубокого демократизма, о которых он писал в набросках к автобиографической повести: «Мне равно близки общества придворное, чиновное, великосветское, литераторов, художников. Мне были равно доступны дворцы, скромные семейные квартиры, бедные комнаты в пятом этаже вход со двора, и деревянные старые одноэтажные домики

---

¹⁷ *РВ*. 1861. № 2. С. 763. В небольшой статье, посвященной С. Т. Аксакову, Жемчужников также вспомнил «проповедников того патриотизма, который поддерживается усердным соревнованием невежества ума с подлостью чувств» (*МВед*. 1859. 13 мая. № 112. С. 839–840).

¹⁸ *Жемчужников А. М.* Автобиографический очерк. С. 63.

¹⁹ *Жемчужников Михаил Николаевич* (1788–1865) — участник войны 1812 г., губернатор Костромской губернии (1832–1833), гражданский губернатор Санкт-Петербургской губернии (1835–1841); тайный советник, сенатор (с 1840 г.). См. о нем: *Жемчужников Александр*. О покойном отце // *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 2. № 1023; Записки В. М. Жемчужникова. Из посмертных бумаг / <Вступит. ст. и публ. Л. М. Жемчужникова> // *ВЕ*. 1899. № 2. С. 634–664.

²⁰ См.: *Жемчужников А. М.* Автобиографический очерк. С. 61–62; см. также: *Войналович Е., Кармазинская М.* Жемчужников Алексей Михайлович // *Русские писатели*. Т. 2. С. 264; и др.

²¹ *Жемчужников А. М.* Автобиографический очерк. С. 62, 63.

в отдаленных линиях Васильевского острова».²² Чувство социального братства соответствовало лирической полноте переживания природного всеединства:

Я брат на земле всем живущим
И в жизнь отошедшим иную;
И, полон мгновеньем бегущим,
Присутствие вечности чую.²³

Поддержав с горячим энтузиазмом реформы начала 1860-х годов, Жемчужников был глубоко разочарован и подавлен несостоятельностью их результатов. Центральным символом реставрации российской «ночи» в середине 1860-х, воплощением реакции, торжества консерватизма, лжепатриотизма и сословно-дворянской идеологии стала для него фигура М. Н. Каткова. Сам поэт свое отношение к Каткову определил позднее как «*idée fixe*», именно так озаглавив вторую часть посвященной изобличению «московского пророка» поэмы «Пророк и я» (1868):

Я помню — чужд иным заботам,
Пророка вещие слова
Твердя на память, я под гнетом
Такой премудрости едва
Не изнемог... Дошел я скоро
Уж до того, что разговоры, —
С кем ни случился бы вдвоем, —
Все вел о нем лишь да о нем.²⁴

Действительно, «*idée fixe*» присутствовала даже в его письмах к жене, в которых он, например, признавался: «...атмосфера, созданная „Московскими ведомостями“ в Москве, слишком гнетет меня и душит <...>»; «...Москва возвысила Каткова, стало быть, в ней нет ни ума, ни гражданского чувства, ни просто нравственного чутья». И ей же он писал из Петербурга: «Здесь на улицах чисто и светло! Фонарных столбов больше, чем в Москве патриотических мудрецов, и столбы эти гораздо их умнее».²⁵ Неприятие Жемчужниковым Каткова представлялось современникам, и, вероятно, не без оснований, избыточно эмоциональным, прямолинейным. Так, Полонский,

²² Цит. по: Покусаев Е. Алексей Михайлович Жемчужников. С. 19.

²³ Жемчужников. С. 88 («Восторгом святым пламеня...»).

²⁴ *СПбВед.* 1870. 30 января. № 30. С. 3. Цит. по первой публикации, отличающейся от окончательной редакции, в том числе в заглавии второй части: «*Idée fixe*» — вместо позднейшего: «Я»; ср.: Жемчужников. С. 294–297.

²⁵ *РГБ.* Ф. 101. 4814.4. Л. 79, 90, 91; датируются предположительно 1863 г. О Е. А. Жемчужниковой см. ниже.

Поэма А. М. Жемчужникова «Пророк и я». Первопечатная редакция. (Санкт-Петербургские ведомости. 1870. 30 января. № 30)

редко читавший, по собственному признанию, «Московские ведомости» «во дни их славы», считал, что Жемчужников без достаточных оснований «дарит противника идей своих такой завидной ненавистью».²⁶ И в целом Жемчужников как поэт, в представлении Полонского, «до того субъективнее, что видеть предметы с разных сторон и относиться к ним объективнее или спокойнее он не может». По его же свидетельству, в середине 1860-х годов «упования Жемчужникова на людей, которым он верил, сменились досадой, а может быть, и тайным отчаянием».²⁷ Отъезд его из России был предопределен.

Нельзя не учитывать, что отъезд за границу, как, вероятно, и творческое бездействие в течение нескольких лет, были связаны у Алексея Михайловича, помимо неприятия пореформенной российской действительности, со смертью

²⁶ Полонский Я. П. «Стихотворения А. М. Жемчужникова». Критический разбор. С. 20. С. М. Сухотин в своих записках писал о «страшном раздражении милого и умного Алексея <Жемчужникова> против Каткова и дворянства» (Из памятных тетрадей С. М. Сухотина // РА. 1894. № 2. С. 235; фамилия в тексте журнальной публикации заменена точками).

²⁷ Полонский Я. П. «Стихотворения А. М. Жемчужникова». Критический разбор. С. 20, 8.

двоих детей. А. Н. Плещеев, знавший Жемчужникова со второй половины 1840-х годов, потерявший в начале 1864-го жену²⁸ и благодарный поэту за поддержку в тяжелые дни, в одном из писем к нему писал: «Дорогой Алексей Михайлович! И к вам тоже заглянуло горе! Только ныне узнал я об этом от И. С. Аксакова и не могу вам сказать, как грустно мне было услышать это. Я был почти убежден в счастливом исходе болезни вашей славной Маруси <...>. Верьте, что тот, кто сам разбит и измят жизнью, более чем всякий другой способен понять ваше настоящее положение и сочувствовать вам. Не пришел я к вам единственно потому, что не знал об опасном положении Маруси <...>. Еще вчера я, ничего не подозревая, уговаривал Тургенева, который здесь проездом, поехать к вам. — И вот вдруг — что случилось. Дай Бог, чтобы ваша поездка хоть сколько-нибудь помогла вам — не забыть горе, потому что эти вещи не забываются, — а успокоиться».²⁹ Судя по данному письму, отъезд Жемчужникова с семьей за границу был уже к этому времени намечен. Осенью 1865 года жившая за границей с дочерьми Ольгой и Лидией и сыном Мишей жена поэта несколько раз пишет ему в Петербург о болезни сына и необходимости везти его за границу для лечения. Но осенью того же 1865 года умирает и пятилетний сын Жемчужниковых.³⁰ Видимо, эта вторая смерть, как и обеспокоенность здоровьем старшей дочери,³¹ укрепила мысль об отъезде из России. Жемчужников покидает Россию в 1866 году,³² вернется он только в 1884-м.

---

²⁸ С Плещеевым Жемчужников был знаком по «пятницам» М. В. Петрашевского (см.: *Бухштаб Б. Я.* Русские поэты. С. 162; *Войналович Е., Кармазинская М.* Жемчужников Алексей Михайлович. С. 265). Жена Плещеева — *Еликонида Александровна Плещеева* (урожд. Руднева; ум. 1864).

²⁹ Письма А. Н. Плещеева к А. М. Жемчужникову // *РМ.* 1913. № 7. С. 116–117. Письмо от 1 июля <1865 г.>. В публикации дата была ошибочно прочитана как 1 июня (б/г), с пометой: «Москва». Между тем Тургенев именно в последних числах июня — первых числах июля ст. ст. 1865 г. был проездом в Москве и Петербурге по пути в Берлин, а затем в Баден-Баден. Письмо помогает установить и предположительную дату смерти дочери Жемчужникова Марии — июнь 1865 г. С упомянутым в письме И. С. Аксаковым Жемчужникова связывала многолетняя дружба, начавшаяся в Училище правоведения, где Аксаков учился в 1838–1842 гг.

³⁰ Письма Е. А. Жемчужниковой к мужу из Парижа, Варшавы и Гродно от 2 (14), 7 (19) и 12 (24) сентября 1865 г. см.: *РГБ.* Ф. 101. 4814.6.4; здесь же фотография *Михаила Жемчужникова* <1860–1865 гг.>: Там же. 4813.40. *Жемчужникова Ольга* (в первом браке Рорец, во втором Баратынская; 1859–1920); *Жемчужникова Лидия* (1860–1887).

³¹ Об этом см.: *Войналович Е., Кармазинская М.* Жемчужников Алексей Михайлович. С. 266.

³² Год отъезда указан поэтом в авторском примечании к газетной публикации поэмы «Пророк и я». Подробнее см. ниже, примеч. 58.

Алексей Михайлович с семьей приехал в Баден-Баден в феврале 1866 года.³³ Здесь и происходит его сближение с Тургеневым, с этого же времени становится регулярной их переписка. В мае — июне 1866 года Жемчужников находится в Швальбахе, неподалеку от Франкфурта, на одном из популярных немецких курортов с минеральными источниками, откуда пишет Тургеневу (см. письма 1–3). После летнего путешествия по Европе он предполагает вернуться в Россию, хотя ему «на родину покуда совсем не хочется» (письмо 1). Его сообщение о решении остаться в Бадене на зиму (в несохранившемся письме) Тургенева искренне радует. «Ваше намерение провести зиму в Бадене <...> очень приятно для всех нас <...>», — пишет он Жемчужникову 7 (19) октября.³⁴ В Баден-Баден Жемчужниковы возвращаются в ноябре 1866 года, и именно с ноября, как можно судить по письмам и запискам Тургенева, их встречи становятся частыми. Алексея Михайловича с женой Тургенев не раз приглашает на «музыкальные сеансы» в доме Полины Виардо и на баденские концерты.³⁵

Жемчужниковы живут в Бадене до начала января 1868 года,³⁶ исключая летний период 1867-го, когда семья находится неподалеку от Бадена на станции Оттерсвайер (см. письма 4, 5), и затем переселяются в Гейдельберг. После лета, проведенного в местечке Невшаталь в Швейцарии, семья с осени 1868-го до весны 1869 года живет в Штутгарте и следующей осенью переезжает в Висбаден.

К 1866 году относится недолгое сближение между Тургеневым, Жемчужниковым и М. В. Авдеевым, жившим в начале весны в Баден-Бадене, затем в Содене (до неожиданного отъезда той же весной в Россию).³⁷ Продолжившаяся после встреч и бесед в Бадене переписка сохранила ряд ценных сведений об отношении каждого к ситуации в России после выстрела Д. В. Каракозова и к событиям в газетно-журнальном мире. Жемчужников в это время строит планы издания литературно-политического журнала или газеты, и Авдеева эта идея увлекает. Уже по возвращении в Россию, в Уфу, где он продолжил отбывать ссылку,³⁸ Авдеев просит Тургенева прислать ему адрес Жемчужникова. 22 декабря ст. ст. 1866 года он пишет Тургеневу из Уфы: «По-

---

³³ Эти сведения содержатся в цитируемом ниже письме Тургенева к И. П. Борису от 17 февраля, 9 марта (1, 21 марта) 1866 г.

³⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 67.

³⁵ См. записки Тургенева от ноября — декабря 1866 и января 1867 гг. (Там же. С. 75, 76, 78, 84, 96).

³⁶ См. датировку письма 6 в наст. публикации.

³⁷ См. о М. В. Авдееве примеч. 10 к письму 1.

³⁸ После ареста в 1862 г. по делу М. Л. Михайлова Авдеев находился в ссылке в Пензе, затем в родовой деревне в Оренбургской губернии. В 1865 г. он получил разрешение уехать на лечение за границу, но был вынужден вернуться в Россию. В 1867 г. с него был снят полицейский надзор.

думывал о том, чем бы заняться, и вспомнил предложение, которое делал мне Алексей Жемчужников — и так как я его адреса не знаю, а слышал, что он думает зимовать в Баден-Бадене, то и обращаюсь к Вашему посредничеству <...>. Если он не передумал, то хорошо бы было основать, хоть в Москве, большую ежедневную политическую и литературную газету, которая заменила бы и толстый журнал, выходя листов в 5-ть–6, а в политике наполняясь корреспонденциями. Если эта мысль ему понравится, то пусть он обдумает ее, запасается с Вашего совета хорошими корреспондентами — а я, если получу возможность — то буду ему помогать. Надеюсь, Вы не откажетесь помогать нам и советом и статьями».³⁹ Тургенев отвечал 25 января (6 февраля) 1867 года из Бадена: «Жемчужников Алексей здесь с женой, которая должна в скором времени родить: он остается здесь с весны и живет в Zähringer Hof. Я ему сообщил Ваше письмо; но, кажется, он охладел к мысли основать журнал; во всяком случае он чувствует себя неспособным на редакторское дело. Впрочем — напишите ему».⁴⁰ Спустя два месяца в письме к Авдееву из Петербурга от 30 марта (11 апреля) 1867 года Тургенев подвел итог мыслям о возможности издания журнала в России: «Явно одно: от литературно-эстетического берега наше общество отстало — а к политическому еще не пристало... тут и плыви по середине. Больше всего занимают теперь вопросы юридические и финансовые: даже воробьи на крышах чирикают о железных дорогах, и дельцы — умелые — большие деньги препровождают себе в карман. Основать теперь журнал — дело мудреное: да и к тому же мы, русские — вообще — не одарены необходимым к такому делу темпераментом: не знаю, как Вы. Жемчужникову так, кажется, нравится в Бадене — что он оттуда не выедет. Да и правду говоря — кому охота? Там теперь весна в полном расцвете, трава уже в пол-аршина — а здесь еще вчера снежная метель, пурга, ветер воет и ноет — глухая зима!».⁴¹

В первые годы жизни в Баден-Бадене, Гейдельберге и Штутгарте Алексей Жемчужников стал для Тургенева одним из тех «двух-трех приятелей», которых, помимо неизменных арбитров В. П. Боткина и П. В. Анненкова, он приглашал к участию в чтении своих новых произведений до их публикации и в чьем критическом мнении был заинтересован. В январе ст. ст. 1867 года в Баден-Бадене Тургенев читал в узком кругу «Дым», только что им завер-

---

³⁹ М. В. Авдеев. <Письма к Тургеневу, 1865–1870 гг.> / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Е. И. Кийко // *Т Сб.* Вып. 1. С. 414, 415.

⁴⁰ *ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 89.

⁴¹ Там же. С. 167. Возвращаясь к издательскому проекту, но уже без прежнего энтузиазма, Авдеев писал Тургеневу из Стерлитамака 6 мая ст. ст. 1867 г.: «Мысль о газете все слабеет, принимая в соображение времена и мое положение» (*Т Сб.* Вып. 1. С. 416). См. также неопубликованные письма Авдеева к А. М. Жемчужникову: *РГАЛИ.* Ф. 639. Оп. 2. № 134.

шенный и обещанный М. Н. Каткову для февральского номера «Русского вестника». Планируя в середине февраля отъезд в Россию, 17 (29) января в письме к Боткину он сообщал о причинах задержки (приступ подагры), добавляя: «А выслать по почте роман, без предварительного чтения Анненкову и тебе в Петербурге — я решительно не согласен <...>», и 20 января (1 февраля) писал Анненкову: «Нет препятствий начать печатание моего романа с 15 (27) февраля; до того времени он будет прочтен Вам и двум-трем приятелям, и нужные поправки сделаны».⁴² Этими «приятелями» были Алексей Жемчужников и Н. Н. Рашет.

С их участием чтение «Дыма» состоялось 29 января (10 февраля) 1867 года.⁴³ Спустя два дня Тургенев писал Анненкову: «Мой роман совершенно готов и переписан; я его прочел здесь находящемуся А. М. Жемчужникову, и он, кажется, остался доволен...».⁴⁴ Однако высказывания Жемчужникова о романе, полемика вокруг которого, как признавался Тургенев, превзошла по остроте все его предшествующие произведения, остались неизвестными. Не отразились в его письмах и впечатления от тургеневской повести «Нечастливая», также прочитанной автором ему и Н. Н. Рашет в Штутгарте в январе 1869 года (см. письма 12–14 и примеч. к ним).

Вторая половина 1860-х годов стала для Алексея Жемчужникова временем возвращения к поэтическому творчеству, временем творческого подъема. О своих новых сочинениях он впервые сообщает Тургеневу 18 (30) марта 1869 года, прося его прочесть и высказать мнение о «*длиннейшем* стихотворении» «Перед возвращением на родину» («...557 стихов, да еще другое, которое может быть напечатано в виде приложения к первому, — 111 стихов, итого 668 стихов! Страшно сказать, а прочесть еще страшнее») (см. письмо 18 и примеч. к нему). Однако о работе над поэмой «Сны» в 1867 году он Тургенева не извещал, о ее публикации Тургенев узнал из газет: «Я прочел в газетах, что Ваши „Сны“ помещены в „Отчественных> зап<исках>“».⁴⁵ Между тем еще летом 1867 года Жемчужников расспрашивал Плещеева о возможности публикации своих новых произведений в России, и Плещеев в письме от 15 июля ст. ст. 1867 года представил подробный отчет о редакционной политике нескольких толстых журналов. Отговаривая адресата от идеи печататься в некоторых из них, Плещеев писал: «Я знаю вас за безукоризненно чистого и честного человека и вполне убежден, что <...> если полемика пе-

---

⁴² ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 86–87, 88.

⁴³ В адресованной Рашет записке от 29 января (10 февраля) Тургенев приглашает к 7-ми часам вечера: «...и мы примемся, благословясь, за чтение!» (Там же. С. 94; см. также: *Летопись (1867–1870)*. С. 8, 9).

⁴⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 96.

⁴⁵ Там же. Т. 8. С. 144. Письмо от 4 (16) марта 1868 г. Поэма была опубликована в № 2 «Отчественных записок» за 1868 г.

реходит в область инсинуаций, говоря словами Каткова, сикофантства,⁴⁶ — то вы не в состоянии примкнуть к партии подобных антагонистов <...>».⁴⁷ «Не признаете ли вы лучшим, — заключал Плещеев, — издать ваши произведения отдельно. Можно бы поискать издателя. Я нетерпеливо желаю прочесть все, что у вас написано. Только цензурно ли оно? Вот важный вопрос. — Цена, которую вы просили с Краевского, по-моему, не высокая; и мне сильно сдается, что у него тут был другой умысел: видно, ваша поэма не подошла под их взгляды. Это вернее будет. Если эта вещь идет вразрез с воззрениями так называемого большинства (для которого „Московск<ие> вед<омости>“ *pes plus ultra* (предел — *лат.*) — ума и благородства), то, конечно, ее там не поместят. Не возьмет ли Аксаков в „Москву“? Но тогда придется дробить, а на это вы не пойдете? Я решительно не могу вам дать совета, не зная, какую вещь вы написали — тенденциозную или чисто художественную?».⁴⁸

Из письма следует, что с вопросом о публикации поэмы Жемчужников обращался к Краевскому в «Отечественные записки».⁴⁹ В конце года он отослал поэму редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» В. Ф. Коршу, который переправил ее в «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичу. Последний писал Коршу 27 декабря ст. ст. 1867 года: «Многоуважаемый Валентин Федорович, весьма благодарен Вам за случай, который Вы мне доставляете начать знакомство с А. М. Жемчужниковым. Но сожалею о своей неудаче по поводу доставленных мне в редакцию „Вестника Европы“ стихов. При всем моем желании поместить их в журнале, я должен отказать себе в том и сожалею об этом тем более, что стихи сами по себе весьма хороши, но действительность не такова теперь, чтоб рассказывать подобные „сны“. Не будет ли у А. М. его прозы, разумеется такой, чтобы редакции, напечатав ее, не пришлось увидеть во сне переводов с французского: *vu que* или *considérant que* и т. п., а потом прочесть у себя в журнале другую прозу, написанную и доставленную в редакцию с мутных берегов Фонтанки».⁵⁰ Сцены-аллегории четырехчастной поэмы «Сны» с характерными заглавиями частей: «Бессилие», «Зараза», «Вещая ночь», «Эпилог. *Наяву*» изображали блуждания «вольнoлюбивой души» в «нравственной тьме», на «безжизненном просторе» сновидческого пространства, среди вещей знаков вырождения и болезни.

После перехода «Отечественных записок» к Некрасову Жемчужников отсылает поэму ему, сообщая в письме от 7 (19) января 1868 года: «Посылаю

⁴⁶ Сикофантство (*греч.*) — доносительство, клевета, шантаж.

⁴⁷ Письма А. Н. Плещеева к А. М. Жемчужникову. С. 118.

⁴⁸ Там же. С. 118–119.

⁴⁹ В письме к А. А. Краевскому от 29 июня 1867 г. в ответ на согласие опубликовать поэму Жемчужников отказывается от этого предложения по причине слишком низкого «вознаграждения» (см.: *РГБ*. Ф. 101. 4818.124. Л. 1).

⁵⁰ *Стасюлевич*. Т. 4. С. 334, примеч. 3.

Вам, любезнейший Николай Алексеевич, свою поэму „Сны“ и стихотворение „Заколдованный месяц“;⁵¹ с предложением напечатать их в „Отечественных записках“. Я желаю получить за поэму 350 р. и 15 р. за стихотворение, всего 365 рублей. Если эти произведения мои Вам покажутся пригодными, а между тем Вы встретите затруднение дать мне вышеуказанную сумму, то прошу Вас уведомить меня, на каких условиях согласны Вы напечатать мои стихи. Я буду отвечать Вам немедленно: согласен ли я или нет. Я начал теперь сатирическую поэму о том московском направлении, которого я был свидетелем во время господства „Московских ведомостей“. С большим удовольствием перешлю Вам и ее, если она будет кончена. Мне было бы весьма приятно попасть в список сотрудников возрождающихся в этом году „Отечественных записок“». ⁵² Некрасов ответил 18 января ст. ст. 1868 года: «...поэму Вашу получил, прочел, перечел и опять перечел. Стихи хорошие, картины великолепные, содержание — оно настолько ясно, насколько следует. Напечатать ее во 2 № „От<ечественных> з<аписок>“». ⁵³

Поэма о «московском направлении» — ранний вариант будущей памфлетно-сатирической поэмы «Перед возвращением на родину», направленной против Каткова, который представлен в ней «пророком». Работу над поэмой Жемчужников продолжил в начале 1868 года, известив об этом Некрасова.⁵⁴ Две ее первые части он отправил Некрасову вместе с письмом от 29 марта (10 апреля) того же года, в котором сообщал: «...посылаю Вам две первых части моего стихотворения (не знаю, можно ли назвать его сатирической поэмой) „Перед возвращением на родину“. Я теперь в таком состоянии духа, что должен отложить на некоторое время продолжение его. То, что посылаю Вам теперь, составляет по моим соображениям меньше половины. Вперед у меня уже набросано много, и есть целые куски уже готовые; но я покуда не в состоянии привести их в порядок, дополнить пробелы и, одним словом, окончить. Посылаю Вам только потому, что оно само по себе составляет нечто целое и что оценку собственно катковского периода откладывать на неопределенное время может быть неудобно. Собственно к Каткову, ко вре-

---

⁵¹ Стихотворение, датированное 1859 г., в аллегориях которого российская черная ночь, «Распахнув над сонным краем / Неподвижное крыло», препятствует восхождению месяца, символизирующего рвущиеся к пробуждению силы, было опубликовано Некрасовым позднее (см.: *ОЗ*. 1869. № 1).

⁵² *Жемчужников А. М.* Письма к Некрасову. С. 274.

⁵³ *Некрасов*. Т. 15. Кн. 1. С. 67. Поэма опубликована: *ОЗ*. 1868. № 2. С. 328–340.

⁵⁴ 26 января (7 февраля) 1868 г. он писал ему: «Я занимаюсь теперь сатирической поэмой, о которой намекнул Вам в первом письме. Хотя я еще далеко не переступил за половину, но дело подвигается покуда успешно. Мне бы хотелось отдать Вам и ее, но позвольте с полной откровенностью предварить Вас заблаговременно, что я желаю получить за свою сатирическую поэму не менее 75 коп. сер. за строку» (*Жемчужников А. М.* Письма к Некрасову. С. 276).

мени его силы и могущества я уже более не возвращусь. Далее я говорю о последствиях его влияния, т. е. о времени *настоящем* и вообще о московском духе. <...> Если Вы одобряете и принимаете мои стихи, сколько Вы мне за них дадите? Сколько я могу судить сам о себе, они и лучше и интереснее моих „Снов“». ⁵⁵

Две первые части поэмы — это будущая самостоятельная двухчастная сатирическая поэма «Пророк и я». Некрасов отказался от ее публикации, объяснив свой отказ и ее художественным несовершенством, и неактуальностью авторских разоблачений Каткова. «Дело в том, — писал он Жемчужникову 28 апреля ст. ст. 1868 года, — что присланное Вами начало поэмы произвело на меня впечатление далеко не удовлетворяющее. Вы давно из России, и я затрудняюсь объяснить Вам, почему в напечатании теперь этого отрывка было бы нечто неловкое. Нами здесь это чувствуется ясно. Притом самый отрывок не принадлежит к особенно удачным Вашим произведениям. Вы, вероятно, не читали того, что в последние годы писалось по поводу Каткова в либеральной части мелкой прессы. Все те мотивы, на которых построена Ваша характеристика К<атков>а, многократно и прозой, и стихами были там трактованы, иногда не без удачи, так что — извините — большая часть Ваших строф не имеет ни новости, ни силы. / Это мнение мое и двух-трех моих ближайших сотрудников по редакции». ⁵⁶ Характерна и реакция М. В. Авдеева на антикатковские выступления Жемчужникова. Он писал Тургеневу 6 (18) мая 1867 года: «Скажите Жемчуж<никову> (вместе с моим добрым поклоном), что он, пожалуй, с своими громами на Каткова и опоздает. Что его „Сны“? Они меня интересуют». В письме от 14 (26) сентября 1868 года он повторял: «Что Жемчужников и его грома против Катк<ова>? Разразятся ли они когда-нибудь; привет мой ему». ⁵⁷

Только в январе 1870 года Жемчужникову удалось поместить поэму «Пророк и я» в «Санкт-Петербургских ведомостях» — под заглавием «О времени (Опыт фельетона в стихах)». Обличительный пафос автора в первой ее части, озаглавленной «Пророк», был, если использовать слова Некрасова, «настолько ясен, насколько следует»:

Я край родной в те дни оставил,
Когда, всемогущ и высок,

⁵⁵ Жемчужников А. М. Письма к Некрасову. С. 277.

⁵⁶ Некрасов. Т. 15. Кн. 1. С. 74–75. Позднее Плещеев также сообщит Жемчужникову о звучавших в его адрес упреках в «абсентеизме»: «...очень многие, что называется, собак вешают на вас за „абсентеизм“». Мне несколько раз приходилось горячо спорить на этот счет еще в бытность мою в Москве с нашими друзьями славнофилами <...>» (Письма А. Н. Плещеева к А. М. Жемчужникову. С. 125. Письмо от 10 декабря <1873 г.>).

⁵⁷ Т Сб. Вып. 1. С. 417, 426.

Его умами грозно правил
В Москве явившийся пророк.
<...>
Его заботил непрестанно
Патриотический вопрос:
Как цели нам достичь желанной,
Чтоб в нашей родине пространной
Единомыслие ввелось?
Чтоб дряни вечно недовольной
Не слышен ропот был у нас
И юность, мыслящая вольно,
Чтоб на Руси перевелась?⁵⁸

К весне 1869 года Жемчужников создает полностью обновленный текст поэмы, о котором и сообщает Тургеневу в цитированном выше письме. Сатиру «Пророк и я» он рассматривает на этом этапе работы в качестве приложения к поэме (см. письмо 18). В этом письме упомянут эпизод, нигде документально не зафиксированный. «Из того, что я намерен Вам послать, — писал Жемчужников, — <...> я уже прочел Вам первую главу и то, что теперь хочу напечатать в виде приложения. Все остальное ново и написано мною в это последнее время, после нашего свидания в Карлсруэ». То есть поэму «Пророк и я» Тургенев слышал в исполнении автора при свидании в Карлсруэ, однако ни время свидания, ни его реакция на прослушанные стихи неизвестны. Позднее в одном из писем к Анненкову Тургенев все поэтические сочинения Жемчужникова назовет не иначе, как «стихотворениями».

В декабре 1869 года Жемчужников отсылает Тургеневу цикл эпиграмм. Его письмо, как и тексты, побывавшие в руках Тургенева, не сохранились, но 12 (24) декабря Тургенев отвечал: «Отмеченные * эпиграммы мне понравились; я позволил себе сделать также несколько замечаний. Очень рад, что Вы работаете и чувствуете прилив деятельности».⁵⁹ «Сюиту» из 15 эпиграмм «В альбом современных портретов», где в острых четверостишиях были представлены современные общественные типы, и, кроме того, цикл из шести поэтических сатир «Современные песни» Жемчужников вскоре отправил Некрасову. Отвечал автору 9 февраля ст. ст. 1870 года М. Е. Салтыков: «...стихи Ваши и письмо Некрасовым получены, но Некрасов не отвечал Вам по болезни. По объяснению Некрасова, стихи Ваши имеют быть напе-

---

⁵⁸ *СПбВед.* 1870. 30 января. № 30. С. 3. Здесь к первой строке: «Я край родной в те дни оставил» — имеется авторское примечание: «В 1866 году». Оно не учтено в тексте и примеч. в изд.: *Жемчужников*. С. 291, 384. В ст. 7–8 приведенного фрагмента содержится намек на «Проект: О введении единомыслия в России» Козьмы Пруткова (см.: *Прутков Козьма*. Полн. собр. соч. С. 151–154).

⁵⁹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 100.

чатаны в мартовской книжке. Что Вы так надолго запади за границу? Кажется, надо бы и про нас вспомнить, про нас, которые здесь живут и пишут. Право, литератору не лишнее жить среди тех интересов, о которых очень часто болит сердце его, как члена известной национальности. Плоха нынче литература стала; она носит на себе печать того же брожения, которое примечается и в обществе. Ничего цельного и законченного; все какие-то отрывки и мелочи. Старое отживает, новое нарождается туго. Как хотите, а и наши с Вами дни сочтены». ⁶⁰ Некрасов ответил Жемчужникову 26 февраля ст. ст.: «Ваши последние вещи (как в „Петербургских> ведомостях“, так и нам присланные), отчасти мне известные, хороши; в новой своей форме они много выиграла. Говорю это Вам для того, чтоб Вы не складывали рук. Ваши стихотворения (кроме пьесы „Свободное слово“) напечатаны на первых страницах 3-го № „Отчестственных> зап<исок>“. Пишите, что делать с оставшеюся пьесою и серию пьесок „В альбом современных портретов“, которую мы тоже не решились напечатать». ⁶¹

Сатирический цикл «Современные песни», в который вошли пять стихотворений: «О, скоро ль минет это время...», «Эпохи знамение — в том...», «Кентавр», «Современному гражданину» и «Старик», был напечатан в «Отчестственных записках». ⁶² Все тексты отличала характерная для Жемчужникова резкость позиции в протесте против общественного лицемерия и фальши:

О, скоро ль минет это время,
Весь этот нравственный хаос,
Где прочность убеждений — бремя,
Где подвиг доблести — донос;
Где, после свалки безобразной,
Которой кончилась борьба,
Не отличишь в толпе бессвязной
Ни чистой личности от грязной,
Ни вольнодумца от раба;
<...>
Где стыд и совесть убаюкать
Мы все желаем чем-нибудь,
И только б нам ладонью стучать
В патриотическую грудь!.. ⁶³

⁶⁰ Щедрин. Т. 18. Кн. 2. С. 42.

⁶¹ Некрасов. Т. 15. Кн. 1. С. 127. «Очень мне жаль, — писал Жемчужников Некрасову 25 марта ст. ст. 1870 г. о «Свободном слове», — что стихотворение о нашем литературно-полицейском направлении не попало в „Отчестственные> записки“». (Жемчужников А. М. Письма к Некрасову. С. 284). Стихотворение «Свободное слово», получившее название «Литераторы-гасильники» (см.: Жемчужников. С. 352–353), было опубликовано в 1870 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» (см. ниже).

⁶² ОЗ. 1870. № 3. С. 1–6.

⁶³ Там же. С. 1.

Сатира «Литераторы-гасильники» и цикл из 15 эпиграмм «В альбом портретов», объединенные общим заглавием «О времени недавно минувшем и частью о настоящем (Опыт фельетона в стихах)», были опубликованы в «Санкт-Петербургских ведомостях». ⁶⁴ Главная мысль «фельетона» формулировалась так: «...есть великая препона / Свободе слова — в нас самих».

Тургенев, отвечая 5 (17) июня 1870 года на несохранившееся письмо Жемчужникова, отозвался об обеих публикациях сдержанно: «Я читал помещенные в „С.-П.бургских ведомостях“ Ваши эпиграммы: все метки и ловки; остальные нападения на „Кентавр“ и т. д. слишком обстоятельны и пространны». ⁶⁵ Разумеется, «нападений» автора на Каткова, с их тотальной нетерпимостью и резкостью, порой граничившими с оскорблением, он поддержать не мог. Тургенев публиковался в «Русском вестнике», да и время «пророчеств» Каткова уходило. Антикатковские инвективы Жемчужникова Тургенев в письмах к нему намеренно обходит молчанием. Хотя и для него, безусловно, вопрос о выборе позиции по отношению к Каткову и его изданиям не был отвлеченным. После публикации в «Русском вестнике» «Дыма» (1867. № 3) Герцен писал Тургеневу 7 (19) мая 1867 года: «Но что ты поддерживаешь Каткова — это больно видеть, будто ты не нашел бы издателя без гнусного доносчика, о котором ты сам отзывался (кажется, мне говорил Авд<еев>) с омерзением». ⁶⁶ Тургенев отвечал 10 (22) мая: «Единственная вещь, которая меня самого грызет, — это мои отношения с Катковым, как они ни поверхностны. Но я могу сказать следующее: помещаю я мои вещи не в „Московских ведомостях“ — эдакой беды со мной, надеюсь, никогда не случится, — а в „Русском вестнике“, который не что иное как сборник и никакого политического колорита не имеет; а в теперешнее время „Русский вестник“ есть единственный журнал, который читается публикой — и который платит. Не скрываю от тебя, что это извинение не совсем твердо на ногах, — но другого у меня нету. „Отечественные записки“ — единственный соперник „Русского вестника“ — и половины денег дать не могут. А мнение мое о „Московских ведомостях“ и об их редакторе остается то же самое, которое я высказал Авдееву». ⁶⁷

В продолжение четырех лет переписки Жемчужникова с Тургеневым ее общая интонация заметно меняется. Если в первых письмах Жемчужникова

---

⁶⁴ *СПбВед.* 1870. 29 мая (10 июня). № 146. К двум частям публикации, с нумерацией: III и IV, имелось редакционное примечание: «Первые стихотворения того же автора, под тем же заглавием, были помещены в № 30-м нашей газеты, 30 января текущего года. Предлагаемое продолжение их появляется в печати несколько поздно по случайным причинам, не зависящим от автора» (Там же. С. 1).

⁶⁵ *ПССиП(2). Письма.* Т. 10. С. 196.

⁶⁶ *Герцен.* Т. 29. Кн. 1. С. 102.

⁶⁷ *ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 201.

ощущается та дружеская открытость и непосредственность, которая составляет их своеобразное обаяние (хотя порой граничит с бесцеремонностью), то в письмах 1868–1869 годов более отчетлива позиция почтительной дистанции. Более сухим и сдержанным, а порой и холодно-ироничным становится и общий тон ответных писем «любезнейшему Жемчужникову» Тургенева. Постепенно они приобретают характер хотя и вежливых, но достаточно формальных ответов на заданные вопросы. Переписка становится Тургеневу малоинтересна, и привычный для него широкий и свободный диалог о политической и литературной жизни в России с Жемчужниковым очевидно не складывается. Показательна, к примеру, просьба Алексея Михайловича в майском письме 1869 года (см. письмо 20) прислать ему «не нужные» Тургеневу номера «Вестника Европы» с прибавлением: «*Январскую книжку мы уже прочли*». Между тем в январской книжке началось печатание гончаровского «Обрыва» — романа, выхода которого после десятилетнего молчания автора («Обломов» был опубликован в 1859 г.) читатели с нетерпением ждали. Внимание Тургенева к роману Гончарова и его многочисленные резкие отзывы о нем в письмах первой половины 1869 года хорошо известны. Жемчужников об «Обрыве» молчит. Редкие литературные высказывания в письмах Тургенева становятся вынужденно краткими, а порой и вынужденно резкими. Характерен в этом смысле его отзыв о «Войне и мире» — самый жесткий, вне сомнения, среди его многочисленных и весьма критических отзывов о романе Толстого (см. примеч. 9 к письму 21). Раздражение Тургенева в этом случае, как можно предположить, вызвал не столько очередной том романа, о котором шла речь, сколько адресат письма, его не прочитавший и ничего о нем не готовый сказать. Характерна и ситуация с распространившимися в феврале 1869 году слухами о возвращении в Россию Герцена. На вопрос, заданный о Герцене Жемчужниковым, — вопрос, который глубоко волновал Тургенева, его реакции не последовало (см. письмо 17 и примеч. 3, 4 к нему). Возможно, письмо Тургенева не сохранилось, однако есть основания думать, что ответ и не предполагался.

К середине 1869 года эпистолярный диалог Жемчужникова с Тургеневым кажется почти себя исчерпавшим. И Алексей Михайлович, судя по его последним грустным письмам, это чувствует. В июне 1870 года Тургенев отвечает на несохранившееся письмо Жемчужникова от 26 мая (7 июня), благодаря его за «помянутую добрым словом» повесть «Странная история», а в июле сообщает самые общие сведения о своей жизни в Бадене.⁶⁸ На этом переписка прерывается.⁶⁹

---

⁶⁸ Там же. Т. 10. С. 196, 216. Письма от 5 (17) июня и 17 (29) июля 1870 г.

⁶⁹ Адресатом Жемчужникова в 1873–1874 гг. на недолгое время становится П. В. Анненков; см. посланные ему письма и тексты стихотворений: *ИРЛИ*. Ф. 7. № 41.

Как это ни удивительно, но общение с Жемчужниковым оставило у Тургенева впечатление «неотразимой скуки», и этим впечатлением он с неизменной иронией делится в начале 1870-х годов со своими корреспондентами. О «скучном» Жемчужникове он напоминает, к примеру, Полине Виардо в письме от 24 февраля (8 марта) 1871 года.⁷⁰ Анненкову в Висбаден Тургенев пишет 27 сентября (9 октября) 1872 года: «Итак, Вы поселились в Висбадене, любезнейший Павел Васильевич! Что ж? Выбор хороший. Город приятный, удобный — русские его облюбили; Алексей Жемчужников жил там — и, должно полагать, не оставил в нем ни единой частицы той неотразимой скуки, которую он, как большая часть отличных русских людей, распространял вокруг себя вроде выхухоли!». ⁷¹ Анненков, разделявший впечатления Тургенева, отреагировал 8 (20) ноября: «А что будет, когда явится сюда патриарх скуки и ходульной благонамеренности А. Жемчужников, которого здесь ожидают. Вытерпим и это». ⁷² Тему скуки Тургенев продолжает в письме от 26 ноября (8 декабря) 1872 года: «Полагаю, что Жемчужникова еще нет в Висбадене; а то бы Вы так зевали, что даже здесь было бы слышно». ⁷³ Анненков отвечает 3 (15) декабря: «Жемчужников здесь! Потребовал, чтоб я прочел стихотворную его галлюцинацию <...>, ибо говорит: „надо мне знать — полезное ли я дело делаю!“». ⁷⁴ Тургенев отвечает 20 декабря 1872 (1 января 1873 года): «Итак, Жемчужников пребывает в Висбадене! Пребывает, восседает, вкушает, поживает, беседует и безмолвствует!! Другие глаголы не идут к нему. Поклонитесь от меня сему скучнейшему, но прекраснейшему смертному. Любопытно мне знать, к каким изворотам Вы прибегли, чтобы сказать ему Ваше мнение о его стиходействиях». ⁷⁵ В письме от 18 (30) января 1873 года Тургенев именует Жемчужникова «аспидом добродетели». ⁷⁶ Год спустя в письме к Анненкову от 6 (18) марта 1874 года, после встречи Анненкова в Ментоне с «полуживым» Жемчужниковым и «полумертвым» Алексеем Толстым, ⁷⁷ он признается: «Жаль мне Толстого — как отличнейшего человека; как писатель — он ужасен почти столько же, сколько его двоюродный брат». ⁷⁸

---

⁷⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 35, 317. См. подробнее ниже, во вступит. статье к публикации письма к Тургеневу В. М. Жемчужникова.

⁷¹ ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 13.

⁷² Анненков. Письма. Кн. 1. С. 214.

⁷³ ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 65.

⁷⁴ Анненков. Письма. Кн. 1. С. 215.

⁷⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 80.

⁷⁶ Там же. С. 98.

⁷⁷ О болезни А. К. Толстого см. ниже, примеч. 10 к письму В. М. Жемчужникова.

⁷⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 13. С. 33. См. об отношении Тургенева к творчеству А. К. Толстого: Данилевский Р. Ю. Два таланта. И. С. Тургенев и А. К. Толстой: Отношения личные и творческие // Спасский вестник. 2005. Вып. 12. С. 136–144.

Из всего созданного Тургеневым во второй половине 1860-х годов «безмолвствовавший» Жемчужников, который был и читателем тургеневских произведений, и участником чтений в дружеском кругу, свое суждение высказал только о «Воспоминаниях о Белинском».⁷⁹ В феврале 1869 года он просит Тургенева известить его о ходе работы над воспоминаниями, которые его «очень интересуют», и по выходе апрельского номера «Вестника Европы» с текстом очерка — прислать ему журнал (см. письма 16, 20, 21). Получив его от Тургенева и прочитав «Воспоминания», Жемчужников свое впечатление высказывает в письме от 10 (22) июня: «Очень благодарю Вас, любезный Иван Сергеевич, за Ваши воспоминания о Белинском. Я прочел их с большим интересом. Не будет ли еще каких-либо подробностей и дополнений? Не вспомните ли Вы еще чего-нибудь о Белинском и вообще о том времени? Интерес, возбуждаемый Вашей статьей, таков, что хотелось бы еще и еще. Еще других характеристических черт, анекдотов, критических взглядов, выводов, сравнений с настоящим и проч.! И хотелось бы всё это еще слышать собственно от Вас. Вы — крупный и притом *цельный* представитель того времени, — не подточенный, не урезанный, не разочарованный, не повернувшийся к нему задом. — Вы, наверно, еще преисполнены мыслей и материалов» (письмо 22).

Насколько мог удовлетворить этот отзыв Тургенева? Не «характеристические черты» и не «анекдоты» составляют суть его рассказа о Белинском, но признание за ним роли «великого критика», «русского Лессинга», с «жаром и страстью» ратовавшего за просвещение, и обоснование принципиальной для автора мемуаров позиции русского «западничества». Созданные после «Дыма», в атмосфере продолжавшейся жесткой полемики вокруг идей Потугина, когда, по словам Тургенева, в него «камни летят со всех сторон»,⁸⁰ его мемуары имели программный характер. В критике и публицистике Белинского, по Тургеневу, утверждались те же идеи, что и в речах Потугина. «Белинский был настолько же идеалист, — писал Тургенев, — насколько отрицатель; он отрицал во имя идеала. Этот идеал <...> именовался и именуется доселе различно: наукой, прогрессом, гуманностью, цивилизацией, —

---

⁷⁹ Надо сказать, что и Тургенев в свой творческий процесс Жемчужникова, кажется, не посвящал, и «Литературные воспоминания» — единственное произведение, подробностями работы над которым он счел возможным с ним поделиться. В письме от 19 (31) января 1868 г., на начальном этапе создания цикла мемуарных очерков, Тургенев признавался своему штуртартскому корреспонденту: «... всё выходит какое-то непрошенное и ненужное оправдание самого себя» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 104). О постоянных сомнениях Тургенева во время этой «роковой», по его словам, работы, высказанных в письмах к разным лицам, см. в примечаниях Л. Н. Назаровой к «Литературным и житейским воспоминаниям» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 322–323).

⁸⁰ *ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 207.

Западом, наконец. <...> Белинский посвятил всего себя служению этому идеалу; всеми своими симпатиями, всей своей деятельностью принадлежал он к лагерю „западников“ <...>».⁸¹

Не мог ли, кроме того, отзыв Жемчужникова, на первый взгляд вполне безобидный, задеть Тургенева? Автор отзыва был всего тремя годами моложе, а из его оценки со всей очевидностью следует, что Тургенев — человек из прошлого, как и Белинский, представитель ушедшего времени и ушедшего поколения.

С тургеневскими «Воспоминаниями о Белинском» связан еще один немаловажный сюжет, скрытый за строками писем Жемчужникова от апреля — мая 1869 года. В это время он ведет активную переписку с Некрасовым и в мае встречается с ним в Швейцарии, о чем Тургенев хорошо знал из писем самого Жемчужникова. От Некрасова Жемчужников должен был услышать реакцию на тургеневские воспоминания, содержавшие резкие выпады против редактора «Современника». Далеко не случайно, именно после рассказа о встрече и беседах с Некрасовым Жемчужников, дипломатично обратившись к Тургеневу за советом по поводу «прогулки» по Швейцарии, ниже в письме просит прислать ему номер «Вестника Европы» с «Воспоминаниями о Белинском» (см. письмо 21 и примеч. к нему).

Возвращаясь в «Воспоминаниях» к «старым дрязгам» при создании «Современника», Тургенев посчитал необходимым напомнить, что Белинский «был постепенно и очень искусно устранен от журнала, который был создан собственно для него <...>, а оказалось, что в новом журнале он, вместо хозяйского места, на которое имел полное право, занял то же место постороннего сотрудника, наемщика <...>».⁸² В конце очерка Тургенев поместил отрывки из трех писем к нему Белинского от февраля, марта и апреля 1847 года, в двух из которых упоминались Некрасов и Панаев (в тексте их имена заменены звездочками).⁸³

Болезненная реакция Некрасова на обвинения Тургенева, «вписавшиеся» в развернутую в это время жестокую травлю поэта, хорошо известна.⁸⁴ Важно

---

⁸¹ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 38.

⁸² Там же. С. 46.

⁸³ Там же. С. 52–54.

⁸⁴ Прежде всего по его большому исповедальному письму к М. Е. Салтыкову (в 4-х набросках), написанному в Париже в конце апреля — начале мая 1869 г. по прочтении № 4 «Вестника Европы», но не отправленному адресату. Первый набросок (и второй, с вариациями) начинался словами: «Мне попался здесь 4-й № „Вестника Европы“, и я прочел намеки Тургенева и выдержки из писем Белинского». В третьем наброске фраза была дополнена: «Тургенев, имеющий свои причины пакостить мне, является на помощь Антоновичу» (см.: Некрасов. Т. 15. Кн. 1. С. 92–98; примеч. Н. Н. Мостовской: С. 262–263). О выступлениях против Некрасова весной 1869 г. М. А. Антоновича и Ю. Г. Жуковского см. примеч. 7 к письму 21. О ситуации в целом

в данном случае, что выпады против Некрасова («кулак», «обержулик») в двух майских письмах Тургенева к Жемчужникову (см. примеч. 9 к письму 20) созвучны его обвинениям в «Воспоминаниях о Белинском».⁸⁵ Удивляет одно: почему на выпады Тургенева Жемчужников не реагирует? Тогда как известно, насколько высок был для него авторитет Некрасова. История о том, как он сжег одно из писем Тургенева, содержащее нападки на Некрасова, приобрела легендарный характер.⁸⁶ Однако в публикуемых письмах он не только не го-

---

см.: *Некрасов. Перетиска*. Т. 2. С. 236–247; *Некрасов. Летопись*. Т. 3. С. 103–127; *Щедрин*. Т. 9. С. 563–565; и др.

⁸⁵ Те же обвинения Тургенев не раз повторял и в письмах конца 1860 — начала 1870-х гг., особенно резко — в письмах к Я. П. Полонскому («...г-н Некрасов — поэт с натугой и штучками; пробовал я на днях перечесть его собрание стихотворений... Нет! Поэзия и не ночевала тут — и бросил я в угол это жеваное папье-маше с поливкой из острой водки»; «Он жулик и ярыга первой величины <...>» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 8. С. 99–100; Т. 12. С. 122; и др.). В январе 1870 г. Тургенев публикует открытое письмо редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» (*СПбВед.* 1870. 8 (20) января. № 8) в поддержку поэзии Полонского, против которой некрасовские «Отечественные записки» выступили с критикой (анонимная статья М. Е. Салтыкова: *ОЗ*. 1869. № 9), «развязной и самоуверенной», по словам Тургенева, с «гаерскими завываниями, свистом и кривляньями». Письмо заканчивалось спровоцировавшим самые разноречивые отклики утверждением: «...в деле поэзии живуча только одна поэзия и <...> в белыми нитками сшитых, всякими пряностями приправленных, мучительно высиженных измышлениях „скорбной“ музыки г. Некрасова — ее-то, поэзии-то, и нет на грош <...>» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 10. С. 126–127). См. об этом этапе отношений Тургенева с Некрасовым: *Полоцкая Э. А.* Письма к Тургеневу Я. П. Полонского (1857–1873) // *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 198–205; *Мостовская Н. Н.* Тургенев и Некрасов. Противостояние // *РЛ*. 1999. № 1. С. 45–52; *Степина М. Ю.* Тургеневский отзыв о Некрасове и тема биографии поэта // *Спасский вестник*. 2007. Вып. 14. С. 187–200; и др.

⁸⁶ «Мемуаристы передают характерный случай. Однажды Жемчужников, находившийся в дружеской переписке с Тургеневым, получил от него письмо и тут же его сжег: оно содержало личные и несправедливо резкие нападки на великого поэта в момент, когда Тургенев был с ним в ссоре» (цит. по: *Покусаев Е.* Алексей Михайлович Жемчужников. С. 21–22). Ср.: «Некрасов и его муза всегда были для Жемчужникова святыней. Известен случай, когда, получив от Тургенева письмо, полное нападок на Некрасова, Жемчужников тут же его сжег...» (*Жуков Д. А.* Козьма Прутков и его друзья. С. 330). Указанный Е. И. Покусаевым мемуарный источник содержал, однако, иную информацию: письмо Тургенева было сожжено Жемчужниковым не «тут же», а много позже. В анонимной заметке «Памяти Жемчужникова», опубликованной в год смерти поэта в «Биржевых ведомостях», сообщалось: «К<ирик> Л<евин> из своих личных воспоминаний о Жемчужникове рассказывает <...> один случай. Как он характеризует прекрасную душу поэта!

Раз захожу я к Жемчужникову и вижу его взволнованным. Спрашиваю — в чем дело?

тов возражать Тургеневу по поводу некрасовского «жюльничества», но более того, готов согласиться с ним, что Некрасов слабый поэт. «Я перечел все стихи Некрасова от доски до доски, — пишет Жемчужников. — По моему мнению, есть вещи очень хорошие, и вообще Некрасов имеет свой собственный, неотъемлемо ему принадлежащий букет, что очень важно; но зато есть вещи чрезвычайно слабые. <...> Красивой легкости он лишен вовсе» (письмо 22). Однако едва ли «красивая легкость» могла быть для Тургенева критерием подлинной поэзии.

Многое в письмах Жемчужникова вызывает вопросы, противоречит ожидаемому, хотя отчасти и объясняется благодаря приведенным выше проникнутым иронией разочарования репликам Тургенева в письмах к Анненкову.

Известный прутковед Д. А. Жуков, обнаружив по прочтении позднего «Дневника» Жемчужникова в его записях «без всякого намека на юмор нечто совершенно прутковское», вынужден был признать: «Дневник, который до глубокой старости вел Алексей Михайлович Жемчужников, — явление весьма любопытное. Он многое проясняет, но еще больше запутывает. В нем выветливается личность Алексея Жемчужникова — либерального мечтателя, человека весьма сентиментального».⁸⁷

В публикуемых письмах несомненный интерес представляют сведения о ближайшем родственном круге Алексея Жемчужникова. Это главным образом родственники жены — Дьяковы, Оболенские, Сухотины.⁸⁸ Жемчужников был женат на *Елизавете Алексеевне Дьяковой* (1833–1875),⁸⁹ сестре ближайшего друга Льва Толстого (со времени учебы в Казанском университете)

— А я только что сжег одно из писем Тургенева ко мне.

— Зачем Вы это сделали? — удивился я.

— Нехорошее письмо. Было бы горько и больно за Тургенева, если бы это письмо появилось после моей смерти в печати. Вы представляете себе, что он пишет мне о Некрасове...

И Ал. М.—ч процитировал из письма фразу, которая действительно мало вяжется с тонкой и художественной натурой Тургенева» (*Бирж Вед.* 1908. 29 марта (10 апреля). № 10427. Веч. вып. С. 3–4). *Левин Кирик Никитич* (1876–1922) — публицист марксистского направления, педагог; в 1898–1902 гг. жил в Тамбове, где встречался с А. М. Жемчужниковым; автор ряда статей о нем, важная из которых — «Последний из могикан» (*Жизнь.* 1900. № 2. С. 384–393).

⁸⁷ Жуков Д. А. Козьма Прутков и его друзья. С. 369.

⁸⁸ В письмах Тургенева нет сведений о его контактах с приезжавшими к Жемчужниковым в Баден-Баден и Гейдельберг родственниками. Исключение составил С. М. Сухотин, с которым Тургенев готов был в первой половине 1868 г. встретиться в Баден-Бадене, однако, состоялась ли эта встреча, неизвестно (см. примеч. к письму 6).

⁸⁹ См. краткие сведения о ней: *Александрова Л. М.* Жемчужникова Е. А. // *Тургенев. НИИМ* (3). С. 366–367 (Материалы к Тургеневской энциклопедии).

Е. А. Жемчужникова

Дмитрия Алексеевича Дьякова (1823–1891), помещика, владельца имения Черемошня в Новосильском уезде Тульской губернии. В имении Дьяковых часто бывали не только Лев Толстой с семьей, но и И. П. Борисов и А. А. Фет. В письме к Борисову из Баден-Бадена от 17 февраля, 9 марта (1, 21 марта) 1866 года Тургенев сообщал: «Сюда приехал Жемчужников — писатель; он женат на сестре Дьякова, и через него я узнал довольно много подробностей о „ненавидящем“ меня Льве Николаевиче».⁹⁰ С будущей женой Жемчужников познакомился, живя с 1858 года в Калуге (женится в 1859-м), где в 1858–1862 годах служил губернатором В. А. Арцимович, его сокурсник по Училищу правоведения и на протяжении всей жизни ближайший друг.⁹¹ В «Автобиографическом очерке» Жемчужников вспоминал: «Самое лучшее время моей

⁹⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 23. «Ненависть» Льва Толстого была следствием известной ссоры между писателями, произошедшей в имении Фета Степановке 27 мая ст. ст. 1861 г., которая привела к 17-летнему разрыву отношений.

⁹¹ Арцимович Виктор Антонович (1820–1893) — видный общественный деятель эпохи реформ; был женат на сестре Жемчужникова *Анне Михайловне* (1832–1908). См. о нем: Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904. Среди многочисленных материалов здесь помещены три посвященные Арцимовичу стихотворения А. М. Жемчужникова: «Цветущая старость» (1888), «Другу» (1893), «Последний портрет» (1898).

жизни было пребывание мое в Калуге вскоре после выхода в отставку. Тогда разрешался крестьянский вопрос. Я почитаю себя счастливым, что был свидетелем освобождения крестьян в Калужской губернии, где тогда был губернатором мой товарищ по училищу и друг Виктор Антонович Арцимович, женатый на моей сестре. Великое дело имело огромное влияние на русское общество. Оно вызвало и привлекло к себе большое количество друзей и тружеников. Новые люди являлись повсюду, и общество росло умственно и нравственно, без преувеличения, по дням и по часам. Недавние чиновники и владельцы душ преобразались в доблестных граждан своей земли... Хорошее было время! Я должен упомянуть еще об одном обстоятельстве того времени, чисто личном, но имевшем глубокое влияние на всю мою последующую жизнь. Я тогда сделал знакомство, которое положило основание моему семейному счастью. Словом, это время было в моей жизни светлым праздником».⁹²

Не раз в письмах Жемчужникова к Тургеневу упомянута, причем без каких бы то ни было рекомендательных комментариев (хотя сведений о знакомстве с ней Тургенева нет), его свояченица — княгиня *Александра Алексеевна Оболенская* (урожд. Дьякова; 1831–1890), известная общественная деятельница эпохи реформ, поборница женского образования. Вместе с мужем, князем *Андреем Васильевичем Оболенским* (1825–1875), она поддерживала проведение крестьянской реформы в Калужской губернии, примыкая к кружку ее местных сторонников во главе с Арцимовичем. Как вспоминал о матери В. А. Оболенский, княгиня «принимала горячее участие во всех перипетиях реформы, собирая по вечерам в своей гостиной всех местных ее деятелей. Здесь, в Калуге, ее врожденное свободолюбие оформилось в определенные либеральные политические убеждения, которым она оставалась верна до своей смерти».⁹³ В Петербурге в 1870 году А. А. Оболенская основала и возглавила частную женскую гимназию (вторую в России), готовившую девушек к поступлению в высшие учебные заведения (гимназия княгини Оболенской).

---

⁹² *Жемчужников А. М.* Автобиографический очерк. С. 64. В обширных биографических материалах раздела «Приложение» указанного выше сборника, посвященного Арцимовичу, А. Ф. Кони (выступивший одним из его основных участников) привел признание Алексея Жемчужникова, что в Калуге он был «постоянным интимным секретарем» Арцимовича, добавляя: «В архиве В. А. Арцимовича многие бумаги написаны почерком А. М. Жемчужникова, другие получили от его искусной руки последнюю отделку». В одном из писем к Арцимовичу 1862 г., накануне его отъезда из Калуги, Жемчужников писал: «Калуга и многие ее жители мне не только близки, но родны. Родство с лучшими ее деятелями, мне кажется, ближе, чем родство по крови. Это родство по мысли, по убеждению, по чувству чести» (Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. С. 384).

⁹³ *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 19–20. *Оболенский Владимир Андреевич* (1869–1950) — общественный деятель, кадет, депутат Государственной думы первого созыва.

В воспоминаниях Оболенского предстает и Алексей Михайлович Жемчужников: «Смуглый, с черными выразительными глазами, с раздваивающейся бородой стального цвета и с такими же стальными, слегка вьющимися волосами, окружавшими уже откровенную лысину, он был на редкость красивым человеком. Когда он шел по улице, прохожие невольно оглядывались на него, чувствуя какую-то значительность во всем его облике. Они не ошибались, ибо он действительно обладал блестящим умом, неиссякаемым остроумием и большим литературным талантом. Но не использовал этих даров природы и отошел в прошлое лишь как хороший, но второстепенный русский поэт и как один из главных авторов знаменитого Козьмы Прутков». Литературной второстепенности «дяди Алеши» племянник нашел объяснение: «Мешало развитию дарований А. М. Жемчужникова то, что он был на редкость ленив. После смерти жены он остался за границей на много лет. Эту добровольную эмиграцию объяснял своим свободолюбием и ненавистью к самодержавию, но не принимал никогда участия в политической борьбе и жил в комфортабельном безделье, переезжая из отеля в отель, то во Франции, то в Германии или Австрии, а больше всего в Швейцарии. <...> В качестве плодов этой праздной жизни изредка появлялись в русских журналах его стихотворения, всегда звучные, но в которых подлинная поэзия чувства покрывалась какой-то искусственной красотой. И не мудрено: сочинял он стихи преимущественно утром, которое начиналось поздно, разгуливая по комнате в халате. Торопиться было некуда, и, написав одну или две рифмы, он откладывал их до следующего утра. На следующий день написанное накануне подвергалось длительному обдумыванию; слова переставлялись, фразы менялись местами, рифмы заменялись новыми. Иногда маленькое стихотворение писалось и смаковалось в течение двух-трех недель. Такое ленивое творчество губило недюжинный талант поэта».⁹⁴

Упомянута в письмах Жемчужникова (см. письмо б) и другая его свояченица — *Мария Алексеевна Сухотина* (урожд. Дьякова; 1830–1889), жена *Сергея Михайловича Сухотина* (1818–1886), камергера, вице-директора Кремлевского дворцового ведомства, крупного тульского помещика, жившего в Москве.⁹⁵ С Сухотиным были хорошо знакомы как Тургенев, так и Лев Толстой, не раз бывавшие в его имении Кочетах. В 1868 году М. А. Сухотина

⁹⁴ Там же. С. 33, 34.

⁹⁵ По словам П. И. Бартенева, опубликовавшего в 1894 г. его записки, С. М. Сухотин принадлежал «к достопамятным людям нашей Москвы. В течение многих лет был он необходимою принадлежностью высшего и образованного общества, где его любили за прекрасный его характер, живое усердие ко благу родины, многостороннюю начитанность, всегдашнюю готовность идти навстречу всякому добродушному делу и неизменную возвышенность побуждений» (Из памятных тетрадей С. М. Сухотина // *РА*. 1894. № 2. С. 233).

развелась с мужем, оставив троих детей и выйдя позднее замуж за студента С. А. Ладыженского. Скандальные обстоятельства ее длительного романа с Ладыженским современники сопоставляли с сюжетом «Анны Карениной», оставленного мужа — с Карениным. Немаловажно в данном случае, что о приезде М. А. Сухотиной в Германию и ее намерении там задержаться Жемчужников сообщает в письме, датированном началом 1868 года. Тургенев в ответных письмах на просьбы Жемчужникова о содействии М. А. Сухотиной не отвечал, и, видимо, не без причины: о ее семейной истории он не мог не знать. И. П. Борисову, одному из самых доверенных своих корреспондентов и также близко знакомому с С. М. Сухотиным,⁹⁶ Тургенев дважды сообщает о его приезде в Баден-Баден. Недосказанности в его письмах красноречивы. За фразой письма от 28 октября (9 ноября) 1867 года: «Не знаю, известно ли Вам, что сюда ждут С. М. Сухотина: все семейство его уже здесь, живет с Жемчужниковыми»,⁹⁷ — угадывается понятное Борисову

---

⁹⁶ Навещавший Борисова в Новоселках, охотившийся вместе с ним и состоявший в переписке, Сухотин не раз упомянут в письмах Борисова к Тургеневу (см.: <Письма к И. С. Тургеневу> И. П. Борисов // *ТСб*. Вып. 3–5. Публ. Е. М. Хмелевской; по указ.). В одном из его писем имеются сведения о литературной деятельности М. А. Сухотиной. «Для Пети выписал „Графиню Катю“ (детский ром<ан> с английского) перевод Марьи Алекс<еевны> Сухотиной — жены Серг<ея> Мих<айловича>», — писал Борисов Тургеневу из Новоселок 28 января ст. ст. 1866 г. (*ТСб*. Вып. 5. С. 508; здесь ошибочная конъектура: Александровна — вместо: Алексеевна).

⁹⁷ *ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 60–61. См. также примеч. к письму б. Интересна запись от 18 октября ст. ст. 1868 г. в дневнике С. М. Сухотина: «Прошел целый год печали, несчастий, потери моей милой, незабвенной Манички. Начинается новая для меня жизнь. Не буду возвращаться к этим мрачным временам, которых сердце мое никогда не забудет. В начале сентября возвратились мои дети из чужих краев, и я с ними поселился на наемной квартире, в Дегтярном переулке <...>» (Из памятных тетрадей С. М. Сухотина // *РА*. 1894. № 4. С. 604). М. А. Сухотиной, «тете Маше», В. А. Оболенский также посвятил несколько страниц воспоминаний. «В течение всего моего детства и отрочества самым близким человеком нашей семьи была сестра моей матери Марья Алексеевна Ладыженская. В раннем моем детстве она жила в Москве, в Кудринском переулке, где у нее был собственный дом, точнее говоря, собственная усадьба. <...> Говорили, что в юности она была красавицей. И не мудрено, что уже с шестнадцати лет к ней стали свататься женихи. В те времена браки по любви были величайшей редкостью. Так было и с моей тетей Машей. В московском свете блистал тогда преображенский офицер, Сергей Михайлович Сухотин. Он был богат, для своего времени образован <...>. Маша стала Марьей Алексеевной Сухотиной, одной из самых красивых и обаятельных женщин Москвы. В муже ей посчастливилось. Сергей Михайлович оказался почтенным и добрым человеком, нежно любил и опекал свою жену, которая была лет на двадцать моложе его, и гордился ее успехами в свете, где у нее появилось много поклонников.

отношение к появлению Сухотина в Бадене. Впрочем, угадываться здесь могут и иные мотивы, если судить по едко-сатирическому, а в отдельных строках и оскорбительному «Письму к С. М. Сухотину в деревню по случаю скупанного им перед отъездом из Москвы персика» (1866?) самого Алексея Жемчужникова. В нем «камергер и патриот» Сухотин — убежденный консерватор, отталкивающий узостью взглядов сторонник идей М. Н. Каткова.

Письма Жемчужникова — свидетельство того, насколько дороги были ему отношения с женой и ее родственным кругом — сестрами, племянницами и племянниками. Семейные и бытовые подробности, преобладающие в его письмах к Тургеневу, интонация доверительной, почти родственной близости говорят о поразительной безыскусственности и душевной открытости их автора. Таким и был, по всей видимости, Алексей Михайлович Жемчужников. И его нерешительность в литературных суждениях в диалоге с Тургеневым можно, вероятно, объяснить отличавшей его скромной оценкой собственных творческих заслуг.⁹⁸

В 1875 году Жемчужников потерял жену, умершую от чахотки. Тяжелая утрата стала мотивом лирического цикла, написанного в начале 1876 года: «Кончено. Нет ее. Время тревожное...», «Гляжу ль на детей и грущу...», «Если б ты видеть могла мое горе...».⁹⁹ В течение нескольких последовавших за смертью жены лет Жемчужников почти не публикуется.

Его переписка с Тургеневым, прерванная в 1870-м, возобновляется в 1877-м. От этого короткого этапа эпистолярного диалога сохранились, как уже отмечалось, три письма Тургенева, письма Жемчужникова, скорее всего, утрачены.

Она тоже привязалась к нему, но, выйдя замуж без любви, все же имела потребность в настоящем чувстве». Когда героем ее романа стал С. А. Ладыженский, продолжал рассказ мемуарист, «добрый Сухотин, убедившись, что его молодая жена не может справиться с заполнившим ее чувством, предложил ей развод. Марья Алексеевна обвенчалась с Ладыженским и поселилась с ним в Кудрине, а ее прежний муж жил неподалеку, в своем особняке в Денежном переулке и, хотя по светским понятиям это считалось „ridicule“, часто бывал в доме своей прежней жены в качестве хорошего знакомого» (*Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники*. С. 41, 42).

⁹⁸ «Я никогда не был популярен, — писал Жемчужников в предварявшем издание его «Стихотворений» (1892) «Автобиографическом очерке». — <...> Несколько последних лет я был в постоянной нерешительности. Мне все хотелось написать еще что-нибудь получше прежнего <...>» (*Жемчужников А. М. Автобиографический очерк*. С. 66). По тонкому наблюдению Полонского, Жемчужников «так умен и так скромн, что сам знает меру сил своих и никогда не становится на ходули» (*Полонский Я. П. «Стихотворения А. М. Жемчужникова»*. Критический разбор. С. 19).

⁹⁹ Три стихотворения были опубликованы: *ОЗ*. 1876. № 4. С. 690–692.

В письме от 26 января (7 февраля) 1877 года Тургенев благодарил адресата за «дружеское и симпатическое письмо» с отзывом о романе «Новь» и, сочувствуя его «невозвратной потере», писал: «Я не часто встречался с Вашей женою — но она осталась в моей памяти как одно из самых прекрасных и чистых русских существ, каких мне только случалось встретить». «Присланные Вами стихотворения, — продолжал Тургенев, — в которых выражается эта скорбь, поразительно правдивы и искренни; а „Совет самому себе“ дышит горьким и веским юмором».¹⁰⁰ Стихотворение «Совет самому себе» (с датой: 25 августа 1876) отразило потребность автора выйти из «минорного тона» («В общественной судьбе / Пора принять участие») и отреагировать на остро звучавший во время сербской войны 1876 года «славянский вопрос», на всплеск шовинистических настроений. Этим настроениям была посвящена и статья Жемчужникова «Русское общественное движение. Письмо к редактору», опубликованная в газете «Голос»,¹⁰¹ о которой Тургенев в том же письме писал: «Ваша статья, написанная Вами в самый разгар нашего напускного шовинизма, была замечена мною; выраженные в ней мнения тесно совпадали с моими; надо было своего рода мужество, чтобы в то время говорить так».¹⁰²

Согласимся, последовательной и бескомпромиссной гражданской позиции Жемчужникова дана высокая оценка.¹⁰³

В письме от 5 (17) марта 1877 года Тургенев вновь благодарил своего корреспондента за «теплое — и умное письмо» с замечаниями о романе «Новь» и просил прислать упомянутые им (а Тургеневым не прочитанные) стихи, помещенные в апрельском номере «Отечественных записок» за 1876 год, то есть стихи, написанные Жемчужниковым на смерть жены. Наконец, в письме от 7 (19) апреля 1877 года писатель подтвердил свою высокую оценку

---

¹⁰⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 39. Речь идет о названных выше стихотворениях Жемчужникова на смерть жены. О цензурной и издательской истории стихотворения «Совет самому себе» см.: Жемчужников. С. 120–123, 356–357.

¹⁰¹ Голос. 1876. 20 октября (1 ноября). № 290. С. 1–2.

¹⁰² ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 39.

¹⁰³ Исключительно высокой оценки достоинство поэта Вл. Соловьев, писавший: «Преобладающий элемент в поэзии Жемчужникова — искреннее, глубоко прочувствованное и метко выраженное негодование на общественную ложь; Жемчужников представляет крайне редкий в наше время пример истинного патриота, болезненно чувствующего действительное зло своей родины и желающего ей настоящего добра. Ходячая ложь, подменивающая патриотизм грубым национальным самомнением и шовинизмом, беспощадно обличается в сатирах Жемчужникова. <...> В истинном патриотизме нежная любовь к родине неразлучна с жгучею ненавистью к ее действительным врагам». Он отметил также, что в поэзии Жемчужникова «много чистого лиризма» (Соловьев Вл. Жемчужников А. М. // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб., 1894. Т. XI^А. С. 857–858).

(«...лучше их Вы никогда ничего не написали. Но, я полагаю, Вы бы дорого дали, чтобы не иметь случая их написать») и выразил признательность «за сообщенные сведения о „Нови“». ¹⁰⁴ Этим письмом завершается переписка Тургенева с Алексеем Жемчужниковым.

В 1880-е и 1890-е годы Жемчужников вновь много пишет и публикуется, продолжая в лирике сложившуюся гражданско-публицистическую традицию, — к примеру, в стихотворении «На родине», написанном в 1884 году, в год возвращения в Россию:

Твоя природа так прелестна,
Она так скромно-хороша!
Но нам, сынам твоим, известно,
Как на твоём просторе тесно
И в узах мучится душа...

О край ты мой! Что ж это значит,
Что никакой другой народ
Так не тоскует и не плачет,
Так дара жизни не клянет?¹⁰⁵

Создает Жемчужников в поздние годы и чистейшие образцы «наивной» лирики, вроде:

Зима идет, морозом вея...
И я, как все, ей тоже рад;
И воробьи еще резвее
В кустах, чирикаая, шуршат.

Гостеприимный запах дыма
Из труб доносится ко мне;
Роняя снег, проходят мимо
Под солнцем тучки в тишине.

Как тихо там, в дубовой роще!
Как в чистом воздухе свежо!..
Что может быть на свете проще,
И как всё это хорошо!¹⁰⁶

В дневнике, озаглавленном «Лиза», который Жемчужников вел много лет в форме разговоров с женой, получив известие о смерти Тургенева, он 8 сентября н. ст. 1883 года сделал следующую запись: «Прочел в „Figaro“ подтверждение смерти Тургенева. По вскрытии оказалось, что у него рак на

¹⁰⁴ См.: ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 86–87, 114.

¹⁰⁵ Жемчужников. С. 142.

¹⁰⁶ Там же. С. 152.

спинном хребте. Грустно. Мне его жаль не только как писателя, но просто как человека. Милый, симпатичный человек. Все человеческое было ему доступно. Он был всесторонен. Думал, чувствовал, наслаждался жизнью. Очень образован. Глубокое раздумье и смех были ему равно доступны. Был деятелен. Написал много. Мне очень жаль, что я не успел написать ему несколько слов в последнее время. Иногда казалось, что не кстати беспокоить его во время его страданий; а иногда, что он проживет еще дольше. Мы его очень любили. Он крестил в Штутгарте нашу Настю».¹⁰⁷

1

26 мая (7 июня) 1866 года. Швальбах

7 июня 1866 г. Schwalbach.
Villa Scheuermann.

Потрудитесь, милый и любезный Иван Сергеевич, передать прилагаемые при сем деньги: 47^a флоринов (сорок семь гульденов)^b от имени моей жены¹ и княгини Оболенской² Ольге Васильевне Васильчиковой за присланные ею чулки. Я решился потревожить Вас этою просьбой, потому что мы не знаем наверно: поедут ли еще Васильчиковы³ в Баден или уже уехали в Россию. Если они уже уехали, то я очень прошу Вас оставить эти деньги у себя впредь до их возвращения. Посылать их прямо на имя Васильчиковых и на авось мы не решились.

Мы прожили в Гейдельберге неделю, виделись часто с Фридрихом,⁴ и он имел возможность ознакомиться коротко с нашими недугами. По его совету мы приехали сюда собственно для моей жены, княгини Оболенской и ее старшей дочери,⁵ которая в Бадене пользовалась с таким успехом у Вас. Покуда воды Швальбаха производят у ней тошноту и мигрени; от Вашей же мази⁶ она ничего кроме пользы не ощущала. Народу здесь покуда мало; мы имели по этой причине возможность поместиться в одном из лучших домов, на одном из лучших мест просторно и с хорошим обедом за умеренную цену. Пробудем здесь еще месяц. А потом куда-нибудь на море, а потом в Швейцарию на виноградное ле-

---

¹⁰⁷ Жемчужников А. М. «Лиза». Дневник. Часть пятая (РГБ. Ф. 101. 4801. Л. 61 об.). Сохранились 9 тетрадей дневников за 1882–1886 и 1893–1908 гг.

^a Было: 46

^b Слова в скобках вписаны под строкой.

7 June. 1866. (3) Schwalbach
Villa Scheuermanna
Tomyshch, Russia, independent
Khan's territories, repeated opera-
tions on the sea: 4/6 of the population
our new men? of the population
abolished? Other land estate
Academy? for agricultural
enrichment. I plan to arrange
before our eyes operations of
my life which are possible
under the same conditions
of peace, which are possible
of peace. Each day of the year,
the land of the sea, which
of the sea of the sea, which
of the sea of the sea, which

Ваше письмо получено 26 мая (7 июня) 1866 г. Я пишу вам в ответ, как вы видите, в очень краткой форме. Я пишу вам в ответ, как вы видите, в очень краткой форме.

Письмо А. М. Жемчужникова к Тургеневу от 26 мая (7 июня) 1866 г.
Первая страница

чение,⁷ а потом, к сожалению моему, в Россию. Я теперь в таком настроении духа, что мне на родину покуда совсем не хочется.⁸ Я очень желал бы зимовать за границей, и именно в Бадене, который оставил во мне и в моей жене самое приятное впечатление.⁹ Но курс наш так страшно плох и денег вследствие этого так мало, что и думать, кажется, об этом не следует.

Напишите мне, пожалуйста, несколько строк в уведомление, что Вы получили от меня деньги и письмо, и вместе напишите, как имя и отчество Авдеева. Никак не могу вспомнить; боюсь, что не вспомню и после, а между тем мне хочется написать ему. Ведь он, кажется, в Содене?¹⁰

Передайте мое глубокое уважение Mme Viardot. Будьте здоровы. Дружески жму Вашу руку.

Алексей Жемчужников.

Мы нашли более удобным, как для Вас, так и для нас, расквитаться с Васильчиковыми скорее, а потому просим, в случае что они уже выехали из Бадена, переслать нам деньги обратно по вышеписанному адресу.

Моя жена, княгиня Оболенская и дети¹¹ Вам кланяются.

При этом прилагается также маленький счет чулкам (присланный нам Ольгою Васильевною) для проверки. Этот счет написан английскою монетою. В случае что пришлете нам деньги назад, присоедините к ним и эту бумажку.^в ¹²

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 1–2 об.

Ответное письмо Тургенева от 30 мая (11 июня) 1866 г. из Баден-Бадена на письма 1 и 2 см.: *ПССиП(2)*. Письма. Т. 7. С. 43–44.

¹ О Е. А. Жемчужниковой (урожд. Дьякова), жене А. М. Жемчужникова, см. во вступит. статье.

² О княгине А. А. Оболенской (урожд. Дьякова), сестре Е. А. Жемчужниковой, см. во вступит. статье.

³ *Васильчиков Александр Алексеевич* (1832–1890) — историк, генеалог, искусствовед, коллекционер; с 1856 г. около десяти лет состоял на дипломатической службе при русских миссиях в Риме и Карлсруэ; гофмейстер Двора (1879); в 1879–1888 гг. директор имп. Эрмитажа, в 1882–1886 гг. председатель имп. Археологической комиссии; брат Е. А. Черкасской (урожд. Васильчикова), детской писательницы, с которой Тургенев был знаком с 1840-х гг. Жена А. А. Васильчикова — *Ольга Васильевна Васильчикова* (урожд. Олсуфьева; 1835–1915). См. о Васильчикове: *Новикова Е. Б.* А. А. Васильчиков — знакомый И. С. Тургенева и претендент на покупку

^в Окончание письма притисано слева на полях 1-й страницы.

Спасского-Лутовинова // Спасский вестник. 2005. Вып. 12. С. 232–239 (здесь, в частности, отмечено, что А. А. Васильчиков не имел княжеского титула).

⁴ *Фридрих Николаус* (Friedreich; 1825–1880) — известный гейдельбергский врач-терапевт, профессор, у которого Тургенев неоднократно консультировался и лечился.

⁵ Имеется в виду *Елизавета Андреевна Оболенская* (в первом браке Волкова; во втором Дубенская; 1855–1888), старшая дочь А. А. Оболенской (в последующих письмах Жемчужников упоминает о ней как о племяннице и племяннице жены; см. письма 2, 7, 10, 16, 22). Е. А. Оболенская была замужем за *Евгением Степановичем Волковым* (ум. 1878), возглавлявшим в 1870–1875 гг. в гимназии кн. Оболенской учительский совет (см.: *Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники*. С. 21); о гимназии см. во вступит. статье.

⁶ О присылке из Берлина мази (для лечения ревматизма в левой руке, осложненного воспалением надкостницы) Тургенев просил Л. Пича в письме от 19 (27) февраля 1866 г., сообщая: «Дело в том, что 3 или 4 года назад у меня было воспаление надкостницы на ноге — и комиссионер в гостинице „С.-Петербург“ в Берлине снабдил меня мазью <...>. Мне она помогла быстро и основательно. Сделайте милость, справьтесь в гостинице „С.-Петербург“ — и, если возможно, пришлите мне рецепт. Кажется, там еще тот же комиссионер» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 230. Подлинник по-нем.). А в письме от 12 (24) марта Тургенев уже благодарил Пича: «Ваша мазь так помогла мне, что я обращаюсь к Вам с просьбой прислать мне ее *рецепт*, — а если нельзя, то хоть еще одну баночку (побольше) — так как этот бальзам уже на исходе. Если за копию этого рецепта хотят денег, я охотно дам их» (Там же. С. 231. Подлинник по-нем.).

⁷ Отвечая 7 (19) октября 1866 г. на несохранившееся письмо Жемчужникова, Тургенев желал ему «благополучно и с пользой окончить <...> трудное виноградное лечение» (Там же. С. 67).

⁸ В Россию Жемчужников вернулся только в 1884 г. Понимая и разделяя его нежелание возвращаться в Россию и имея в виду главным образом газетную шумиху, связанную с покушением Д. В. Каракозова на Александра II, Тургенев в письме от 30 мая (11 июня) 1866 г. писал: «Нежелание Ваше возвратиться в Россию — мне более понятно: там всё еще свирепствует Комиссаров. Я душевно предан государю; но это „ломание стульев“ — из рук вон» (Там же. С. 43). Мастеровой О. И. Комиссаров, который по официальной версии отвел руку Д. В. Каракозова в момент выстрела, был объявлен народным героем и возведен в дворянское достоинство. О чествовании Комиссарова с сарказмом отзывался Герцен в «Колоколе» (см.: *Герцен*. Т. 19. С. 59–60, 65 и др.; ср.: *Никитенко*. Т. 3. С. 81; см. также примеч. Т. П. Головановой к письму 1842: *ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 319).

⁹ Хронологию жизни семьи Жемчужниковых в Баден-Бадене, Гейдельберге, Штутгарте и Висбадене см. во вступит. статье.

¹⁰ Беллетрист и критик *Михаил Васильевич Авдеев* (1821–1876) в 1865–1866 гг. жил за границей, весной 1866 г. (до конца апреля) — в Баден-Бадене, где часто встречался как с Тургеневым, так и с Жемчужниковым (см. письма Тургенева № 1829–1831 и примеч. к ним: *ПССиП(2). Письма*. Т. 7). С конца апреля Авдеев жил в Содене, откуда в большом письме к Тургеневу от 9 (21) мая 1866 г., в частности, сообщал: «А Жемчужников как в воду канул» (*Т Сб.* Вып. 1. С. 411). На вопрос

Жемчужникова об Авдееве Тургенев отвечал 30 мая (11 июня) 1866 г.: «Авдеев находится в Содене — имя и отчество его Михаил Васильевич; он очень желал увидаться с Вами и просил переслать телеграмму из Франкфурта; впрочем, Вы в Швальбахе от него в двух шагах» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 43). Об отношениях Жемчужникова с Авдеевым см. подробнее во вступит. статье.

¹¹ Дочери Жемчужниковых Ольга и Лидия; см. о них во вступит. статье.

¹² В ответном письме от 30 мая (11 июня) Тургенев писал: «Любезнейший Жемчужников, возвращаю Вам присланные деньги и записочку — так как Васильчиковы уже в прошлый четверг уехали отсюда в Россию» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 43). Позднее, в письме от 7 (19) октября 1866 г., отвечая на несохранившееся письмо Жемчужникова, он повторял: «Васильчиковы не воротились в Баден — и, сколько мне известно, кажется, не воротятся — так как они выписывают свои вещи назад в Россию; говорили даже, что они намерены здесь всё продать с аукциону» (Там же. С. 67). Васильчиковы жили в Бадене с 1864 г., вернулись в Москву в 1866-м. Посетив их год спустя, Тургенев писал Полине Виардо: «Вчера вечером я отправился к длинному Васильчикову, чтобы повидать его сестру, княгиню Черкасскую, очень милую женщину; г-жа Васильчикова говорит о Баден-Бадене с живейшим сожалением. Я поддакивал ей, как вы, конечно, можете себе представить» (Там же. С. 269. Письмо от 9, 10 (21, 22) марта 1867 г. Подлинник по-франц.).

2

27 мая (8 июня) 1866 года. Швальбах

27 мая
8 июня.

Изготовленное к Вам вчера письмо пролежало день, а между тем я имел удовольствие получить сегодня письмо от Вас.¹ — Княгиня Оболенская и ее дочь очень благодарят Вас за присылку адреса берлинского автора мази.² Как она, так и моя жена еще раз Вам кланяются. — У меня есть надежда, впрочем ни на чем не основанная, что войны не будет.³ В Россию, как я уже Вам писал вчера, ехать не хочется, но, должно быть, поеду.⁴ — Все мы сердечно сожалеем о нездоровье г-жи Виардо и желаем ей скорого и совершенного выздоровления.⁵

Крепко жму Вам руку.

Алексей Жемчужников.

Пожалуйста, не забудьте! моей просьбы относительно Авдеева.⁶ — Русские газеты выписываю из гейдельбергской русской читальни.⁷ В здешнем кабинете для чтения есть отголоски русской печати.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 9–9 об.

Год устанавливается на основании ответного письма Тургенева от 30 мая (11 июня) 1866 г., которым он откликнулся на письма 1 и 2 (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 43–44).

¹ Это письмо Тургенева неизвестно.

² См. примеч. 2, 5, 6 к письму 1.

³ В цитированном выше ответном письме от 30 мая (11 июня) 1866 г. Тургенев так реагировал на это предположение: «Я недоумеваю — на чем могут быть основаны надежды Ваши на мир: кажется, в это самое мгновение потасовка уже началась» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 43). М. В. Авдееву Тургенев писал незадолго до этого, 1 (13) мая: «Здесь уже не берут прусских талеров: война надвигается как туча — висит прямо над головою, уж поскорей бы!» (Там же. С. 33). Речь шла о начале австро-пруско-итальянской войны 1866 г., в истории Германии известной как Германская или Семинедельная война. Конфликт Пруссии и Италии с Австрийской империей за главенство в Германии, длившийся семь недель (с 17 июня по 26 июля н. ст. 1866 г.), завершился поражением Австрийской империи, ее выходом из Германского союза и переходом гегемонии к Пруссии, возглавившей Северогерманский союз. Манифест о начале войны был обнародован 17 июня, однако вооруженные столкновения начались еще раньше.

⁴ См. примеч. 8 к письму 1.

⁵ О нездоровье П. Виардо речь, видимо, шла в несохранившемся письме Тургенева (см. примеч. 1). Отвечая Жемчужникову 30 мая (11 июня), он повторял: «...к сожаленью, г-жа Виардо плохо поправляется» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 44).

⁶ См. примеч. 10 к письму 1.

⁷ Русская читальня была основана в 1862 г. учившимися в Гейдельберге русскими студентами. Читальня стала не только клубом, где проходили собрания русской радикально настроенной молодежи, но и центром конспиративной пропагандистской организации. Наряду с легальными русскими изданиями в читальне были доступны и запрещенные в России лондонские издания Герцена, сочинения немецких материалистов, социалистическая литература. Участницей гейдельбергского студенческого кружка представлена в финале «Отцов и детей» Кукшина («Она по-прежнему якшается с студентами <...> двумя-тремя химиками, не умеющими отличить кислорода от азота, но исполненными отрицания и самоуважения»), что вызвало резкую критику в адрес Тургенева (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 187; примеч. А. И. Батюто: С. 467). Об этом эпизоде писатель упоминал в письме к К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 г. (*ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 59; примеч. Т. П. Головановой: С. 431–432). На начальных этапах работы над «Дымом» Тургенев неоднократно ездил в Гейдельберг. Настроения русских студентов, «диких русских юношей», как он писал М. А. Маркович (Там же. С. 108), претендовавших на роль политических эмигрантов, отражены в «Дыме» в памфлетных «гейдельбергских арабесках»; см. примеч. Е. И. Кийко к «Дыму» и к письму Тургенева к Герцену от 5 (17) мая 1867 г. (*ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 513; *Письма*. Т. 7. С. 382); см. также: *Муратов А. Б.* 1) О «гейдельбергских арабесках» в «Дыме» Тургенева // *РЛ*. 1959. № 4. С. 199–202; 2) «Гейдельбергские арабески» в «Дыме» // *ЛН*. Т. 76. С. 71–105; и др.

2 (14) июня 1866 года. Швальбах

14 июня. Schwalbach.
Villa Scheuermann.

Милый и любезный Иван Сергеевич, один очень близкий мне знакомый и отличный во всех отношениях юноша — Александр Иванович Барановский, путешествовал по разным странам Европы и на этих днях, на обратном пути в Россию, заедет в Баден.¹ Сейчас я получил от него из Парижа письмо, в котором он выражает сильное желание познакомиться с Вами как с человеком, «которого еще со школьной скамьи он привык любить и уважать заочно». Он спрашивает: может ли явиться к Вам, и убедительно просит меня написать Вам несколько рекомендательных строк. Зная, что Вы добры и любите хороших людей, я отвечал ему, что он может к Вам явиться, а Вас очень прошу его принять. Мне кажется, что он непременно понравится Вам: очень добрая, умная,^a живая, но несколько застенчивая личность.

Итак, любезнейший Иван Сергеевич, пожалуйста, примите его. Все Вам кланяются, а я дружески жму Вашу руку.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 3–3 об.

Год устанавливается по месту пребывания Жемчужникова — в Швальбахе.

Ответное письмо Тургенева неизвестно.

¹ Сведения о встрече Тургенева с *Александром Ивановичем Барановским* (1836–1898) летом 1866 г. отсутствуют. Известно о его встрече с ним в Баден-Бадене в октябре 1869 г. — до 12 (24) октября, когда Тургенев составил для Барановского рекомендательное письмо, адресованное Джону Шоу-Лефевру (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 66–67; *Летопись (1867–1870)*. С. 146). О Барановском, «подателе письма», Тургенев сообщал Шоу-Лефевру: «До сих пор он исполнял должность мирового судьи в С.-Петербурге, а сейчас отправляется <...> в Индию, чтобы установить прямую пароходную линию между Одессой и Бомбеем» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 304. Подлинник по-франц.). Жемчужникову Тургенев писал из Баден-Бадена 22 октября (3 ноября) 1869 г.: «Я очень рад, что Вы дали о себе весточку, любезный Жемчужников — а то я не знал, где Вас мысленно искать. Хотя Барановский (Александр) — (который провел здесь два дня и ожидал Вас здесь видеть) — и предполагал, что Вы находитесь в Висбадене — однако всё это было гадательно» (Там же. С. 70).

^a Слово вписано над строкой.

7 (19) июня 1867 года. Оттерсвайер

Милый Иван Сергеевич,

Я никак не мог до сих пор попасть в Баден. Собирался сегодня, между прочим для квартета, и опять не могу. Наша нянюшка больна; моя жена в беспокойстве и в хлопотах, и мне поэтому не хочется от нее уезжать.¹ — Я прочел в «Liste des étrangers»,^a что В. П. Боткин приехал в Баден.² Долго ли он здесь пробудет и увижусь ли я с ним? Покуда крепко жму его руку заочно. — Я надеялся читать здесь «Московские ведомости»,³ которые обещал присылать мне Набоков,⁴ но до сих пор не получил ни одного номера. Между тем чувствую большую потребность в русских газетах. Пожалуйста, пришлите мне *за две последние недели* или даже с 15 мая: «Петербургские ведомости» и «Голос», который Вы также, кажется, получаете.⁵ Присоедините к этому: «Семейную хронику» Аксакова⁶ и те книжки «Архива»,⁷ которые Вам не нужны. Я бы также просил Вас зайти в магазин Marx⁸ и попросить одну из любезных хозяек прислать мне для прочтения «Московские ведомости» с 15 мая; но боюсь, что и без того причиняю Вам много скучных хлопот. Будьте снисходительны и распорядитесь, пожалуйста, так, чтобы отсылка мне газет и книг не стоила Вам никакого труда.⁹ Поручите это Вашей хозяйке. Прошу Вас также, чтобы это ничего не стоило Вам и в денежном отношении. — В воскресенье постараюсь быть в Бадене на музыкальном утре Mme Viardot.¹⁰ Моя жена Вам кланяется, а я дружески жму Вашу руку.

А. Жемчужников.

19 июня 67.

Hôtel des bains de la Houb
(station Ottersweier).¹¹

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 5–6 об.

Тургенев с 3 (15) по 7 (19) июня 1867 г. находился в Париже, ежедневно посещая Всемирную выставку, вернулся в Баден-Баден 11 (23) июня и на это письмо отвечал 15 (27) июня короткой запиской (см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 8. С. 8). См. также его записку Жемчужникову от 17 (29) мая 1867 г. (Там же. Т. 7. С. 206).

¹ В феврале 1867 г. у Жемчужниковых родилась дочь (сведения о ней не найдены). Об этом 14, 15 (26, 27) февраля Тургенев писал П. Виардо: «Только что ушел

^a «Списке приезжающих» (*франц.*).

от меня Жемчужников — он сообщил, что жена его — вполне благополучно — произвела на свет девочку и что всё идет очень хорошо» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 261. Подлинник по-франц.). О том же 16 (28) февраля Тургенев сообщал Н. Н. Рашет: «У Жемчужниковой родилась дочка — la mère et l'enfant se portent bien (мать и дитя чувствуют себя хорошо — *франц.*)» (Там же. С. 118).

² О намеченной поездке в Баден-Баден В. П. Боткин писал Тургеневу из Петербурга 23 апреля (5 мая) 1867 г., а в письме из Берлина от 8 (20) мая извещал его: «...я послал свои чемоданы в Баден на твой адрес. Сделай одолжение, прими их и вели положить где-нибудь у себя до моего приезда, который имеет быть недели через две». В письме из Зальцбурга от 1 июня н. ст. Боткин просил снять для него комнату в Hôtel de l'Angleterre, уточняя: «В Бадене думаю я прожить числа до 20 или 25 июля, а приеду туда 5 июня к вечеру <...>» (*Боткин и Т.* С. 263–267). О приезде Боткина Тургенев 11 (23) мая 1867 г. писал Анненкову: «Боткин еще не прибыл сюда, но выслал вперед из Берлина два громадных чемодана, которые стоят у меня в спальне, — сам же дал стрелка в Вену». 24 мая (5 июня) он сообщал М. А. Милутиной, также направлявшейся в Баден: «...в силу полученной вчера телеграммы — Великий Могол приезжает сюда сегодня в ½ 1-го или ½ 4-го и я, имев неосторожность взять для него комнату не в Hôtel d'Europe, а в Hôtel d'Angleterre, — должен с раболепством ожидать его на железной дороге» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 205, 210–211).

³ Редакторами-арендаторами газеты «Московские ведомости», консервативно-оппозиционной по отношению к реформам Александра II, с 1863 г. были М. Н. Катков и П. М. Леонтьев, в 1875–1887 гг. — единолично М. Н. Катков. Об отношении к Каткову Жемчужникова и Тургенева см. подробнее во вступит. статье, а также в примеч. к письмам 18 и 20.

⁴ Вероятно, Дмитрий Николаевич Набоков (1827–1904) — государственный деятель эпохи реформ, сенатор (с 1864 г.), член Государственного совета (с 1876 г.), министр юстиции в 1878–1885 гг. С ним А. М. Жемчужникова связывала, судя по всему, совместная служба в Сенате и Министерстве юстиции. Окончив в 1845 г. Училище правоведения, Набоков недолгое время служил в Сенате, затем, с 1846 по 1853 г. — на разных должностях в Министерстве юстиции. О служебной карьере Жемчужникова см. во вступит. статье. Кроме того, в ИРЛИ хранится письмо некоего П. Набокова (№ 5824) к Тургеневу, посланное из Баден-Бадена. Дополнительных сведений о нем обнаружить не удалось.

⁵ Русские газеты и журналы Тургенев выписывал регулярно, в оформлении подписки ему содействовали П. В. Анненков, В. П. Боткин, И. И. Маслов и другие. Так, например, в феврале 1866 г. Анненков сообщал Тургеневу, что В. Ф. Корш (в 1863–1874 гг. редактор и арендатор «Санкт-Петербургских ведомостей») обещал «преподнести» Тургеневу свою газету «даром» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 182). Высказывая в ответном письме от 9 (21) февраля благодарность Коршу за его «великодушное намерение», Тургенев, однако, в нем усомнился: «...боюсь, как бы это намерение так и не осталось намереньем, ибо пересылка ведь денег стоит <...>» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 16). Основателем и редактором-издателем ежедневной петербургской политической и литературной газеты «Голос» в 1863–1883 гг. был А. А. Краевский, остававшийся также до декабря 1867 г. издателем «Отечественных записок». Тургенев писал Анненкову 20 апреля (2 мая) 1867 г.: «Если Вы еще

не говорили с Краевским, то скажите ему, что я так и не получил двух декабрьских номеров „Отечественных записок“ за прошлый год, на которые был подписан. Вообще в последнее время все журналы, словно по команде, прекратили свое появление ко мне: даже „Русский вестник“ за нынешний год изъявил презрение. Я об этом написал Каткову <...>» (Там же. С. 187). И тогда же, 23 апреля (5 мая), Боткин извещал Тургенева: «На „Голос“ подписался я для тебя до 1-го января, а на „Петербургские ведомости“ подписаться не решился, по крайней ничтожности, в которую они превратились» (*Боткин и Т.* С. 263). В январе 1868 г. Тургенев напоминал Анненкову, что рассчитывает получать, помимо ведущих изданий, также «Весть», «Искру», «Современное обозрение» (см.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 106).

⁶ «Семейная хроника» *Сергея Тимофеевича Аксакова* (1791–1859), работа над которой продолжалась около полутора десятилетий, была впервые опубликована (в неполном виде, без двух последних отрывков) под одной обложкой с его «Воспоминаниями» в 1856 г.; в том же году была издана отдельно в завершённом виде (СПб., 1856).

⁷ Имеется в виду московский историко-литературный журнал «Русский архив», основанный в январе 1863 г. и редактировавшийся до 1912 г. П. И. Бартевым.

⁸ Магазин неоднократно упоминается Тургеневым в письмах (см.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 16, 71, 187 и др.). Так, 20 апреля (2 мая) 1867 г., прося Анненкова о присылке «Голоса» и «Санкт-Петербургских ведомостей», Тургенев сетовал: «У Маркс получают из петербургских журналов один „Journal de St-Pétersbourg“» (Там же. С. 188). Изначально владельцем магазина был *Давид Рафаэль Маркс* (Marx; ум. ок. 1870), а уже после его смерти — его дочь *Розалия Маркс*. См. дополненный и исправленный указатель к книге *Анненков. Письма*: <http://dspace.ucalgary.ca/bitstream/1880/46909/1/Annenkov.Dopolnenie.Ukazatel.pdf>

⁹ О присылке газет и журналов Жемчужников просил Тургенева не впервые. К примеру, 7 (19) ноября 1866 г. Тургенев сообщал ему: «Посылаю Вам „Отчественные записки“ и „Русск<ий> вестник“ за 4 месяца. Когда Вы это прочтете, я Вам предоставлю другие». В январе — феврале 1867 г. Тургенев дважды извещал Жемчужникова об отсылке ему газет и журналов: «Посылаю Вам <...>, по Вашему желанию, „Вестников“»; «Посылаю Вам всем N<омер>a „С<анкт>-П<етер>бургских ведомостей“ с начала года <...>» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 75, 113, 114; см. также примеч. Т. П. Головановой к письмам 1878, 1917, 1918). На последнюю просьбу Тургенев откликнулся 15 (27) июня, сообщая: «Вот Вам журналы, любезный Жемчужников <...>» (Там же. Т. 8. С. 8).

¹⁰ Речь идет о воскресенье 11 (23) июня; в этот день Тургенев вернулся в Баден-Баден из Парижа. Накануне, в письме к Полине Виардо от 4, 5 (16, 17) июня, он упоминал о «меню», то есть программе «музыкального утра» («*matinée*»). В записке Жемчужникову в четверг 15 (27) июня Тургенев сообщал, что «в воскресенье *matinée* у г-жи Виардо отменено» (Там же. Т. 7. С. 220, 289, 395, 396; Т. 8. С. 8; также см. коммент. Н. П. Генераловой и А. Я. Звигильского о «*matinées*» на вилле Виардо: Там же. Т. 9. С. 327; кроме того: *Чистова И. С.* Тургенев и музыкальные утреники в Баден-Бадене // *Т Сб.* Вып. 1. С. 315–319).

¹¹ Оттерсвайер (*нем.* Ottersweier) — местечко к юго-западу от Баден-Бадена в королевстве Вюртемберг.

5

21 июня (3 июля) 1867 года. Оттерсвайер

3 июля. Hôtel des bains de la Houb,
station Ottersweier.

В воскресенье я оставил на Вашем столе записочку, в которой просил Вас, любезный Иван Сергеевич, прислать мне «С<анкт>-П<етер>бургские ведомости» и «Голос»;¹ но мне кажется, что я ошибся в обозначении номеров. Очень прошу Вас потрудиться отослать к portier отеля Zähringer-Hof свободные номера обеих газет, начиная с 158-го № и той и другой.²

Нашли ли Вы у себя адрес Плещеева?³ Если нашли, то пришлите, пожалуйста, и его. В воскресенье надеюсь быть у Вас в 11 ½ часов, а может быть, приеду в Баден и прежде.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 7–7 об.

Год устанавливается по содержанию, в соответствии с датировкой упоминаемой «записочки» (см. письмо 4) и ответного письма Тургенева от 23 июня (5 июля) 1867 г. См.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 8. С. 15–16.

¹ См. письмо 4.

² «Любезный Алексей Михайлович, — отвечал Тургенев, — вчера послал Вам „С<анкт>-П<етер>бургские ведомости“ начиная с 158-го №. „Голос“ задержан кроважным Боткиным. В воскресенье Вы всё получите. Жду Вас ½ 12-го» (*ПССиП(2)*). *Письма*. Т. 8. С. 15–16).

³ О знакомстве и переписке Жемчужникова с *Алексеем Николаевичем Плещеевым* (1825–1893), поэтом, переводчиком, драматургом, прозаиком, см. подробнее во вступит. статье. Тургенев был знаком с Плещеевым со второй половины 1840-х гг., однако в переписке с ним не состоял. В той же ответной записке Тургенев сообщал Жемчужникову, что «адрес Плещеева никак не мог найти», и высылал московский адрес И. И. Маслова, от которого Плещеев «живет в двух шагах», предлагая написать Маслову (*ПССиП(2)*). *Письма*. Т. 8. С. 16).

6

10 (22) или 17 (19) января
или 24 января (5 февраля) 1868 года. Баден-Баден

Я заходил к Вам два раза, любезный Иван Сергеевич, чтобы спросить Вашего совета по следующим предметам. Так как Вы давно живете

в Бадене, то Вам может быть известно: 1) к кому можно было бы обратиться в Гейдельберге с просьбой преподавать греческий, латинский и немецкий языки молодому человеку, уже вступившему в университет? Или, быть может, Вы укажете на профессора филолога, к которому можно было бы отнестись за такими советами. В таком случае не могли бы Вы снабдить Марью Алексеевну Сухотину (приехавшую сюда из Москвы)¹ рекомендательным письмом к такому лицу. Дело идет о ее сыне,² желающем продолжать свои занятия этими языками в течение зимы, а также и посещать лекции Гейдельбергского университета. 2) Если бы Марья Алексеевна осталась на зиму в Бадене, то не знаете ли Вы такое лицо, которое сочло бы возможным и было бы вполне способно исполнить вышеписанные условия, приезжая для лекций сюда раза два в неделю?

Пожалуйста, дайте мне ответ завтра утром. Крепко жму Вашу руку.

А. Жемчужников.

Четверг вечером.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 43–44.

Датируется январем ст. ст. 1868 г. Судя по содержанию, отправлено из Баден-Бадена незадолго до переезда семьи Жемчужниковых в Гейдельберг (где предполагал учиться в университете племянник Жемчужникова; см. о нем примеч. 2 к наст. письму). Точное время переезда Жемчужникова с семьей из Баден-Бадена в Гейдельберг неизвестно, однако его письмо Некрасову от 7 (19) января написано еще из Баден-Бадена, из отеля Zähringer Hof, следующее же письмо Некрасову от 26 января (7 февраля) отправлено уже из Гейдельберга, из отеля Victoria (см.: *Жемчужников А. М. Письма к Некрасову*. С. 274–275), как и публикуемое ниже письмо 7. Следовательно, данное письмо могло быть написано только в промежуток между 7 и 26 января ст. ст.; четверги в 1868 г. приходились на 10, 17 и 24 января ст. ст.

Ответное письмо Тургенева неизвестно.

¹ О М. А. Сухотиной (урожд. Дьякова) и ее семье, а также об отношении Тургенева к ее семейной ситуации см. во вступит. статье. М. А. Сухотина с детьми приехала в Баден-Баден осенью 1867 г., не позднее 28 октября (9 ноября), когда Тургенев сообщал об этом в письме к И. П. Борисову (см.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 60–61). Вполне вероятно, что к январю 1868 г. относится записка Тургенева к Жемчужникову (ответ на его несохранившееся письмо; предположительно датирована январем — 27 мая (8 июня) 1868 г.): «Я только что отправил к Вам письмо, любезнейший Алексей Михайлович, и очень рад, что Вы с С. М. Сухотиным приехали сюда, — завтра в 12 часов я не буду дома — а приходите оба в 1 час, — но к этому времени Вы уже, вероятно, кончите свой завтрак — и потому мы просто побеседуем» (Там же. С. 204–205). О С. М. Сухотине см. во вступит. статье.

² Речь, вероятно, идет о *Михаиле Сергеевиче Сухотине* (1850–1914), позднее (с 1899 г.) муже Т. Л. Толстой, старшей дочери Льва Толстого. В первом браке у М. А. Сухотиной было трое детей, дочь Елизавета (см. примеч. 3 к письму 7) и сыновья Михаил и Сергей. И. П. Борисову Тургенев писал 1 (13) декабря 1867 г.:

«Семейство Сухотина здесь — и молодой Сухотин тут. Он, кажется, добрый мальчик — но болезненный и слабый» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 79).

7

2 (14) марта 1868 года. Гейдельберг

14 марта. 1868. Hôtel Victoria.
Heidelberg.

Любезный Иван Сергеевич, если у Вас теперь нет той чудотворной мази, которая некогда излечила руку моей племянницы Оболенской,¹ то потрудитесь мне прислать поскорее адрес того господина в Берлине, у которого можно добыть эту мазь, и потрудитесь меня научить, как нам написать ему, чтобы он знал, о какой именно мази идет дело.² Мы хотим излечить ею руку другой племянницы моей Сухотиной.³ На будущей неделе собираюсь в Баден.⁴ Хочу навестить Н. А. Милютину,⁵ но приеду с ранним поездом, для того чтобы навестить и Вас, хотя Вы, надеюсь, совершенно здоровы; ибо не скрою от Вас, что мне очень хочется Вас видеть и что я несколько раз уже чувствовал, что давно Вас не видал. Крепко жму Вашу руку. Моя жена Вам кланяется.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 11–12.

Ответное письмо Тургенева от 4 (16) марта 1868 г. из Баден-Бадена см.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 144.

¹ О племяннице Оболенской см. примеч. 5 к письму 1 и упоминания в письмах 2, 10, 16, 22.

² О «чудотворной мази» см. примеч. 6 к письму 1. Тургенев в указанном выше ответном письме сообщал: «Мази у меня больше нет — но вот адрес ее творца: Herr Zimmermann (Barbier — Chirurg und Heilgehülfe) — Rosenthalerstrasse, 20, Berlin. А называется мазь — Salbe für Überbein, — впрочем, Вы можете ему напомнить, что в прошлом и предпрошлом году ее выписывали в Баден» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 144). См. о той же мази в письмах 1, 8, 16 и примеч. к ним.

³ *Сухотина Елизавета Сергеевна* (в первом браке Фохт, во втором Баратынская), дочь от первого брака М. А. Сухотиной. О ней см.: *Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники*. С. 43.

⁴ «Мне очень будет приятно увидеть Вас в Бадене, — отвечал Жемчужникову Тургенев, — но я боюсь, что Вы не застанете меня, так как я всю будущую неделю проведу в Париже», — и прибавлял: «Я прочел в газетах, что Ваши „Сны“ помещены в „От<естественных> зап<исках>“. Подписались ли Вы на этот журнал? Я с своей стороны подписан на „Современное обозрение“ — и уже получил два номера с ро-

маном Авдеева, который доставил мне весьма мало удовольствия» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 144). О поэме «Сны» см. во вступит. статье. О романе М. В. Авдеева «Меж двух огней» (Современное обозрение. 1868. № 1–3) см. также отрицательный отзыв Тургенева в письме к Анненкову от 18, 21 февраля (1, 4 марта) 1868 г. (*ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 133).

⁵ *Милютин Николай Алексеевич* (1818–1872) — государственный деятель, один из главных разработчиков Крестьянской реформы 1861 г., товарищ министра внутренних дел (1859–1861), сенатор (1861), статс-секретарь (1864), член Государственного совета (1864–1867). Тургенев с 1850-х гг. был близко знаком как с ним, так и с его женой *Марией Аггеевной Милютиной* (урожд. Абаза, во втором браке Стилль; 1834–1903). В декабре 1866 г. у Милютина случился «нервный удар», в 1867 г. он был вынужден выйти в отставку по болезни. В Баден-Баден на лечение семья Милютиных выехала в мае 1867 г., получив через В. П. Боткина собранные Тургеневым «справки» о сдаваемых квартирах (см. в апрельских письмах Тургенева: *ПССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 176, 180, 182; см. также: *Боткин и Т. С.* 263–266). Во время лечения в Бадене Тургенев часто навещал Милютина. Жемчужникову Тургенев сообщал: «Н. А. Милютин всё в том же положении» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 144). Почти за год до этого, 16 (28) июня 1867 г., Анненкову Тургенев писал подробнее: «Милютин поселился здесь окончательно, но положение его не меняется. Известный гейдельбергский врач Фридерейх подает мало надежды к его выздоровлению». И ему же 18, 21 февраля (1, 4 марта) 1868 г. рассказывал: «Третьего дня был у Милютина обед в память освобождения крестьян (19-го февраля), я произнес небольшой спич, и бедняк прослезился, — разумеется, не в силу моего красноречия, а от воспоминаний, которые в нем пробудились, сравнения его прежнего состояния с теперешним и т. д. (Между нами, состояние его очень плохо: он не страдает, но медленно и неотразимо впадает в полудремотное отупение; точно болото его всасывает. Он уже не раздражается более, сидит неподвижно и смотрит, как жена пасьянс раскладывает.)» (Там же. С. 9, 133). После смерти Милютина Тургенев писал Анненкову 2 (14) марта 1872 г.: «Этот человек оставил не только политический — но просто человеческий глубокий след» (Там же. Т. 11. С. 220). На смерть Милютина Некрасов откликнулся стихотворением «Кузнец» («Чуть колыхнулось болото стоячее...», 1872; *Некрасов*. Т. 3. С. 93). Реформаторскую работу Милютина А. Ф. Кони назвал «титанической», причину ее драматического финала он видел в том, что Милютин стал «мишенью для клевет и обвинений» и, «услужливо снабженный зловещею кличкой „красного“, — быть может, за то, что не утратил способности краснеть, — сошел со сцены <...>» (*Кони А. Ф.* Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 496, 731).

8

Март (после 21) н. ст. 1868 года. Баден-Баден

Я принес Вам, любезнейший Иван Сергеевич, «П<етер>бургские ведомости», «Русский вестник» и письмо, полученное на Ваше имя княжной Львовой.¹ Очень сожалеею, что не застал Вас дома. Хотелось

еще раз крепко и дружески пожать Вашу руку и пожелать Вам всего хорошего. Моя жена и княгиня Оболенская² Вам кланяются. Последняя еще раз благодарит Вас за ценную мазь. Вы обещали, кажется, написать ей: у кого ее можно получить в Берлине.³ Наш адрес: Heidelberg, Hôtel Victoria. — Вчера мы были у Madame Viardot, чтобы с ней проститься. Если она этого не знает, пожалуйста, передайте ей это.

Будьте здоровы и благополучны.

Душевно Вас любящий
Алексей Ж<емчужников>.

Очень мне будет приятно вспоминать о нашем пребывании в Бадене.^a

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 45.

Датируется по содержанию. В предыдущем письме из отеля «Виктория» в Гейдельберге (см. письмо 7), где в это время Жемчужников жил с семьей, он уведомлял Тургенева о своем приезде в Баден-Баден «на следующей неделе», видимо, не зная об отъезде писателя 9 (21) марта 1868 г. в Париж, где он находился до 17 (29) марта и о чем извещал Жемчужникова в ответном письме (см. примеч. к письму 7). Кроме того, в данном письме, как и в письме 7, вновь упомянута «ценная мазь» и повторяется просьба о сообщении адреса ее берлинского «автора».

Ответное письмо Тургенева неизвестно.

¹ Трудно сказать, о которой из княжон Львовых, дочерей кн. *Владимира Владимировича Львова* (1805–1856), литератора и цензора, идет речь. О Елиз. В. Львовой см. подробнее в примеч. к публикуемому ниже письму к Тургеневу В. М. Жемчужникова. См. также: *Чернов Н. М.* Тургенев в семействе цензора В. В. Львова // *Спаский вестник*. 2001. Вып. 8. С. 67–74.

² О княгине А. А. Оболенской см. во вступит. статье.

³ Ср. ту же просьбу в письме 7.

9

18 (30) апреля 1868 года. Гейдельберг

30 апреля.
Oestliche Hauptstrasse,
bei doctor Kunz. Heidelberg.

Уведомьте меня, пожалуйста, милый Иван Сергеевич, когда Вы намереваетесь ехать в Россию. Мы давно не видались, и мне очень хотелось бы Вас видеть до Вашего отъезда.¹ Летом думаем ехать в Швейца-

---

^a Последняя фраза вписана слева на полях.

рию,² а где проведем зиму, еще неизвестно. Жена и я дружески жмем Вашу руку.

Алексей Жемчужников.

Адресую в Ваш дом, куда Вы, кажется, уже переехали.³

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 41.

Год устанавливается на основании ответного письма Тургенева от 20 апреля (2 мая) 1868 г. из Баден-Бадена. См.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 193.

¹ В ответном письме Тургенев сообщал: «Я еду в Россию в конце этого месяца, любезный Жемчужников, и очень был бы рад повидаться с Вами. <...> Я до моего отъезда никуда из Бадена не отлучусь, разве только на охоту или, быть может, во Франкфурт <...>» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 193).

² О поездках Жемчужниковых в течение лета 1868 г. см. в письме 10.

³ Тургенев отвечал: «Живу я действительно в новом доме» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 193). Неделю спустя, 26 апреля (8 мая) 1868 г., он писал Луи Депре: «Я живу теперь в доме, который построил себе рядом с домом Виардо <...>» (Там же. С. 265. Подлинник по-франц.). И позднее, 8 (20) октября 1868 г., на вопрос М. В. Авдеева, живет ли он в новом доме, Тургенев отвечал: «В доме своем я живу уже с 15 апреля, и очень он удобен» (Там же. Т. 9. С. 69). Строительство дома (виллы в стиле Людовика XIII) в Баден-Бадене (Тиргартенштрассе, 3) продолжалось несколько лет; Тургенев жил в нем с апреля 1868 по ноябрь 1871 г.; см.: *Плецев А. А.* Вилла Тургенева в Баден-Бадене // *Художник*. 1891. Т. 2. С. 534–536. Он вынужден был продать этот дом в связи с разразившейся франко-прусской войной. Вилла, построенная Тургеньевым, сохранилась до наших дней.

10

13 (25) сентября 1868 года. Невшатель

25 сентября 1868.
Hôtel Belle-vue; Neuchâtel,
Suisse.

Здоровы ли Вы, милый Иван Сергеевич? Давно не видал Вас. Не теряю, однако, надежды побывать зимою в Бадене, потому что будем жить от Вас недалеко, а именно: в Штуттгарте.¹ Напишите мне, пожалуйста, поскорее: там ли еще находится теперь Наталья Николаевна Рашет и как ее адрес?² Ее общество будет нам очень приятно, и кроме того, мы хотим обратиться к ней за советом: как и где устроиться нам на всю зиму. Лето проведено мною, кажется, не без пользы для здоровья, но довольно скучно и бесплодно в литературном отношении.

Сначала лечился я в Киссингене, где видел Гончарова;³ потом отправились мы в Крейцнах,⁴ где под нашим надзором лечилась племянница

жены моей Оболенская;⁵ потом провел целый месяц в Дьеппе⁶ и купался в море. Теперь на неделю приехали сюда, чтобы доставить нашей гурвернантке возможность повидаться с родными.

Перо мое так дурно, что я не в состоянии продолжать царапать им, и потому оканчиваю это письмо.

Что делают Милютины? Как здоровье Николая Алексеевича?⁷

Передайте им мой дружеский поклон.

Жму крепко Вашу руку. Жена Вам кланяется. Если будете отвечать *немедленно*, то Ваше письмо может застать меня здесь. Мы пробудем здесь до 1-го октября. Не то отвечайте мне в Штутгарт *poste restante*.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 13–14.

Ответное письмо Тургенева неизвестно. О получении данного письма Тургенев извещал М. В. Авдеева 8 (20) октября 1868 г.: «Жемчужников писал мне недели три тому назад из Швейцарии, что он на зиму поселяется в Штутгарде». И сообщал далее известие, о котором в публикуемом письме сведений нет: «Он очень огорчен потерю своей младшей дочери» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 9. С. 69). Речь, видимо, идет о дочери Жемчужникова, родившейся в феврале 1867 г. (см. примеч. к письму 4).

¹ Штутгарт (Stuttgart) — главный город королевства Вюртемберг в Швабии.

² *Рашет Наталья Николаевна* (урожд. Антропова, во втором браке Антропова; ок. 1830–1894) — переводчица, знакомая Тургенева с начала 1860-х гг. Большую часть жизни (с 1860 по 1872 г.) провела за границей, в Германии, Франции и Швейцарии. Алексея Жемчужникова с ней познакомил Тургенев. В адресованном в Штутгарт письме к Рашет от 18 (30) января 1867 г. он, приглашая ее приехать в Баден и прослушать чтение «Дыма», прибавлял: «Кстати, я Вас познакомлю с весьма любезным семейством Жемчужниковых» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 7. С. 87). Чтение романа в присутствии Н. Н. Рашет и А. М. Жемчужникова состоялось в Баден-Бадене 29 января (10 февраля) 1867 г. (см. подробнее во вступит. статье). Получив письмо от Жемчужникова, Тургенев писал Рашет 20 сентября (2 октября) 1868 г.: «Меня на днях спрашивал о Вас Жемчужников (которого Вы теперь уже вероятно увидели в Штутгарде — он намерен поселиться там на зиму)», и в письмах ей же от 2 (14) октября и 3 (15) ноября 1868 г. передавал поклон Жемчужниковым (Там же. Т. 9. С. 61, 67, 82).

³ Гончаров находился в Киссингене со 2 (14) июня по 1 (13) или 2 (14) июля 1868 г., после чего переехал в Швальбах. Его встреча с Жемчужниковым произошла 4 (16) июня, о чем он в тот же день писал М. М. Стасюлевичу: «Здесь я встретил Жемчужникова. (Алексия, кажется, который постоянно живет около Бадена) <...>» (*Стасюлевич*. Т. 4. С. 13). См.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 171–172.

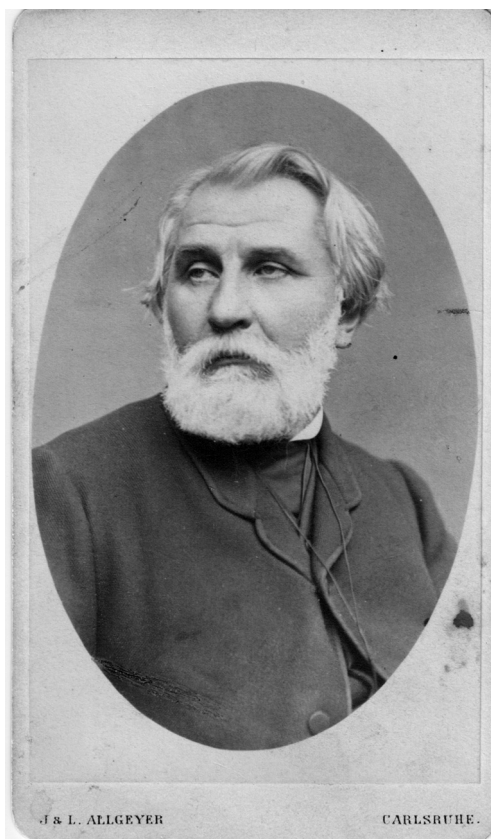
⁴ Крейтснах (*нем.* Kreutznach) — город и курорт в Пруссии.

⁵ См. примеч. 5 к письму 1 и упоминания в письмах 2, 7, 16, 22.

⁶ Дьепп (*франц.* Dieppe) — город на северо-западе Франции, в Верхней Нормандии.

⁷ См. примеч. 5 к письму 7.

И. С. Тургенев. Фотография ателье Альгейер.
Карлсруэ, ноябрь 1868 г.

11

28 ноября (10 декабря) 1868 года. Штутгарт

10 декабря 68 г.
Ulrichstrasse, 17. Stuttgart.

Любезный Иван Сергеевич, нельзя ли нам как-нибудь повидаться? Теперь мои домашние дела наладились и я мог бы отлучиться дня на два. Три с половиною недели тому назад у нас родилась дочь.¹ Моя жена поправилась, и новорожденная покуда здорова. Мне говорила Н. Н. Рашет, что у Вас готова повесть, которую Вы хотели ей прочесть.²

Мне очень желательно было бы ее прослушать. Пожалуйста, уведомьте меня: возможно ли это дело? Мне также очень хотелось бы повидаться с Милютиными, но я только предполагаю, что они в Бадене, а наверно того не знаю.

Потрудитесь сообщить мне их адрес. Если они в Бадене, прошу Вас передать Николаю Алексеевичу, Марье Аггеевне и всем мой дружеский поклон.³ Я слышал также, что Вы собираетесь переехать в Карлсруэ.⁴ Надеюсь, что Вы уведомите меня о Ваших планах и тем доставите мне возможность видеть Вас в Бадене или в Карлсруэ, с повестью или без оной. Как здоровье Madame Viardot? От меня и от моей жены прошу Вас передать поклон ей и всему семейству. — Не могу сказать, чтобы жизнь в Штутгарте была особенно приятна. Нас поразил недостаток удобств при устройстве на квартире. Трудно водворить порядок и порядочность. Беспреданно наталкиваешься на затруднения, неточности и надувательства, от которых мы уже успели отвыкнуть с тех пор, как живем за границей. Концерты и театры хорошей музыкой покуда не изобилуют. Я недавно слышал увертюру к опере Вагнера «Тристан и Изольда»,⁵ и мне кажется, что в этой длинной и утомительно-скучной штуке есть множество звуков, но музыки вовсе нет. Любопытно бы прослушать всю оперу. — Мы часто видимся с Н. Н. Рашет, и она так любезна и внимательна к нам, что мы ей благодарны в высшей степени. Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку за себя и за жену.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 15–16 об.

Ответное письмо Тургенева от 30 ноября (12 декабря) 1868 г. из Карлсруэ см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 102.

¹ Дочь Жемчужниковых Анастасия (1868– не ранее 1900), в семье ее называли Пуши. О ее крещении см. письма 12–14 и примеч. к ним. Упоминания Насти (Пуши) см. в письмах А. М. и Е. А. Жемчужниковых за 1869 г. (*РГБ*. Ф. 101. 4814.5); также см. в письме А. К. Толстого к А. М. Жемчужникову от 19 (31) октября 1874 г. (*РМ*. 1915. № 11. С. 125). Ответное письмо Тургенев начал поздравлением: «Любезнейший Жемчужников, прежде всего позвольте поздравить Вашу жену и Вас с рождением новой дочки, которая, я надеюсь, вырастет Вам на радость и утешение» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 102). В примеч. к процитированному письму Тургенева Анастасия Жемчужникова ошибочно названа Натальей (см.: Там же. С. 362, 445). О рождении у Жемчужниковых дочери в феврале 1867 г. см. примеч. 1 к письму 4; о ее смерти см. примеч. к письму 10.

² Речь идет о повести «Несчастливая», работа над которой была начата весной 1868 г. в Бадене. Тургенев отвечал Жемчужникову: «...повесть мою прочту я Вам охотно — хотя господь знает, доставит ли она Вам много удовольствия: сюжет уж больно мрачен» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 102).

³ О Милютиных см. примеч. 5 к письму 7. Отвечая на вопрос Жемчужникова, Тургенев писал: «Милютины выехали из Бадена и живут теперь в Швейцарии, в Vevey, в Grand Hôtel. Они раздумали ехать во Флоренцию на зиму — и, полагаю, весьма благоразумно поступили» (Там же).

⁴ На протяжении 1868 г. Тургенев несколько раз ездил в Карлсруэ — там готовился к поступлению в лицей Поль Виардо. В середине ноября 1868 г. он переселился из Бадена в Карлсруэ и жил там до середины марта 1869 г. О своей жизни в Карлсруэ и о возможности встречи Тургенев писал Жемчужникову в цитированном выше письме: «Очень было бы мне приятно свидеться с Вами — и если Вы можете отлучиться из Стуттгарта на день или на два, то чего же лучше? Я с 1-го дек<абря> поселился здесь; моя квартира в двух шагах от железной дороги — и только тем неудобна, что слишком отдалена от Виардо; но квартиры и здесь — редкость, хуже Стуттгарта. — Приезжайте, когда вздумается, вместе с Н. Н. Рашет <...>. Но я должен непременно знать наперед день, когда Вы приедете, — а то Вы можете не застать меня, так как я теперь беспрестанно уезжаю на охоту — и пропадаю по целым дням. А потому позвольте сделать Вам следующее предложение. Начиная с будущей среды, ждите от меня телеграммы: получив ее, Вы можете спокойно отправиться на следующий день и, прибывши в Карлсруэ — зайдите в мой hôtel — он наискось напротив железной дороги; он очень невелик, но если будет в нем свободная квартира — то Вы тут и остановитесь. Во всяком случае Вам надобно идти мимо. Я думаю, так будет удобно» (Там же).

⁵ Постановка музыкальной драмы Р. Вагнера «Тристан и Изольда» (1857–1859) ввиду ее сложности долго откладывалась, премьера состоялась 10 июня н. ст. 1865 г. в Национальном театре в Мюнхене.

12

5 (17) декабря 1868 года. Штутгарт

17 декабря 68.

Ulrichstrasse, 17. Stuttgart.

Сейчас Н. Н. Рашет сообщила мне Ваше к ней письмо, любезнейший Иван Сергеевич. Прежде всего приношу Вам большую благодарность от себя и от жены за Ваше согласие быть крестным отцом нашей девочки. Наталья Николаевна писала Вам об этом нашем желании без моего ведома;¹ я хотел просить Вас об этом лично в Карлсруэ.² Так как здоровье новорожденной еще не в совершенном порядке, то крестины откладываются на неопределенное время. Между тем ни я, ни Наталья Н<иколае>вна не желаем откладывать наше свидание с Вами; и потому просим Вас телеграфировать кому-либо из нас: не можем ли мы явиться к Вам в понедельник утром?³ *Во вторник нам нельзя.* А если для Вас не-

удобен понедельник, то назначьте нам после вторника какой угодно день. Мы покуда не предвидим никаких препятствий, начиная с середины.*⁴

Дружески жму Вашу руку. До скорого свиданья, надеюсь.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 17–18.

Ответное письмо Тургенева от 7 (19) декабря 1868 г. из Карлсруэ см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 104.

¹ Тургенев писал Н. Н. Рашет в четверг, 17 декабря н. ст., из Карлсруэ: «Любезнейшая Наталья Николаевна, я было так устроился, чтобы пригласить Вас сюда на пятницу, — но теперь придется отложить Вашу поездку сюда до понедельника или вторника — Вы получите *накануне* дня приезда телеграфическую депешу. А то можно так сделать. Так как я готов крестить ребенка у Жемчужниковых и для этого должен приехать в Карлсруэ (*видимо, ошибочно вместо*: Штутгарт. — *Ред.*) — то можно сделать *d'une pierre deux coups* (одним ударом убить двух зайцев; *букв.*: одним камнем два удара — *франц.*) — и я бы явился на целый день в Штутгарт, также дав знать накануне телеграммой. Сообщите это Жемчужниковым, и пусть они напишут мне свое мнение немедленно» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 104).

² О пребывании Тургенева в Карлсруэ см. примеч. 4 к письму 11.

³ Ранее, в письме от 30 ноября (12 декабря) 1868 г., Тургенев предлагал известить Жемчужникова и Н. Н. Рашет об удобном дне приезда к нему в Карлсруэ телеграммой, которую планировал отправить после 4 (16) декабря (см. примеч. к письму 11).

⁴ В ответном письме Тургенев сообщал: «Любезнейший Жемчужников, в ответ на Ваше письмо спешу сообщить Вам, что буду ожидать Наталью Николаевну и Вас *в среду* утром, так как в понедельник и во вторник я на охоте. Очень приятно будет увидеться» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 104).

13

18 (30) декабря 1868 года. Штутгарт

30 декабря 68.

Stuttgart. Ulrichstrasse, 17.

3-й этаж, а считая *parterre*,¹ 4-й.

Итак, если Вы в воскресенье свободны, любезнейший Иван Сергеевич, мы просим Вас приехать к нам утром. Есть хороший поезд из Карлсруэ в 10 ч. 40 м. Он приходит в Stuttgart в 1 ч. и 5 минут.

---

* Только в субботу на той неделе очень хороший концерт. Вот одно препятствие для одной субботы. — *Примеч. А. М. Жемчужникова.*

Священник² явится к нам к двум часам. Не забудьте, что Вас ждут не только с нетерпением, но и с рукописью.³ Пожалуйста, уведомьте меня: приедете ли Вы в воскресенье и в котором часу? Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

А. Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 19–19 об.

Ответное письмо Тургенева от 20 декабря 1868 г. (1 января 1869 г.) из Карлсруэ см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 112.

¹ Par terre (букв. от франц.: par terre — на земле, в партере) зд.: первый этаж (по-франц.: rez-de-chaussée).

² Священник, настоятель придворной русской церкви в Штутгарте, исполнявший также в течение 40 лет (с 1864 г.) обязанности духовника вел. кн. Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской, — протоиерей *Иоанн Иоаннович Базаров* (1819–1895). Он неоднократно отправлял богослужение и в других городах Германии, когда в них находились представители императорской фамилии. Отец Иоанн был автором нескольких богословских и церковно-исторических сочинений на немецком и русском языках и, кроме того, автором мемуаров: Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *РСт*. 1901. № 2–12. См. о нем: *Генералова Н. П., Хитрово Л. К.* К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?) // *Тургенев. НИиМ(3)*. С. 340–346. О своем знакомстве с А. М. Жемчужниковым и о приезде Тургенева в Штутгарт на крестины прот. Иоанн Базаров вспоминал: «На эту зиму в Стутгарте поселился с семейством А. М. Жемчужников, и здесь у него родилась дочь. Восприемником при крещении ее был И. С. Тургенев, который для этого приехал из Бадена. Как рассказывал мне Свербеев, Тургенев всячески избегал Стутгарт, зная, что королева Ольга Николаевна была недовольна им за то, что он в повести „Отцы и дети“ дал герою романа имя Базарова, „как будто он не знает, — прибавляла при этом ее величество, — что это имя носит мой духовник“. Поэтому и в этот раз он приехал в Стутгарт только на несколько часов и после крестин сейчас же уехал обратно в Баден. Я в первый раз встретился с нашим знаменитым писателем, и мне показалось, что ему было как-то неловко со мною. Но потом мы разговорились <...> После этого мне никогда не случалось более встречаться с Тургеневым, хотя я часто бывал в Бадене, где он тогда жил в своей вилле рядом с виллой Mme Viardot <...>» (*РСт*. 1901. № 11. С. 285).

³ Рукопись повести «Несчастливая»; см. примеч. 2 к письму 11. На просьбу Жемчужникова Тургенев отвечал 20 декабря 1868 г. (1 января 1869 г.), в пятницу, прося перенести его приезд на неделю: «Любезнейший Жемчужников, я только что собирался писать Вам и просить — нельзя ли отложить мой приезд в Штутгарт до *следующего* воскресения, буде возможно? Я в понедельник рано утром должен быть в Карлсруэ, — а это, коли произвести чтение повести, — невозможно. Итак, если Вы мне ничего не напишете, это будет значить, что откладывается дело на неделю; если же Вы хотите не мешкать крещением, то известите; я приеду — но без по-

вести» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 112). О переносе крестин на неделю (видимо, и чтения повести) см. следующее письмо Жемчужникова (письмо 14) и примеч. к нему.

14

27 декабря 1868 года (8 января 1869 года). Штутгарт

8 января 1869.
Stuttgart. Ulrichstrasse, 17.

Ожидаем Вас, любезный Иван Сергеевич, в воскресенье.¹ Уведомьте меня, пожалуйста, немедленно: 1.) в котором часу Вы приедете? 2.) задержать ли Вам комнату в Hôtel Marquardt? 3.) прямо ли к нам с железной дороги Вы отправитесь? — Если Вы мне ответите сегодня вечером, я могу получить Ваше письмо завтра и условиться вовремя с священником.²

До свидания.

Преданный Вам
Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 21–21 об.

Ответное письмо Тургенева от 28 декабря 1868 г. (9 января 1869 г.) из Карлсруэ см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 118.

¹ Жемчужников отвечает на письмо Тургенева от 20 декабря 1868 г. (1 января 1869 г.) с просьбой о переносе крестин на неделю (см. примеч. 3 к письму 13) и на письмо, написанное в пятницу, 27 декабря 1868 г. (8 января 1869 г.). В последнем Тургенев подтверждал свое намерение приехать в Штутгарт: «Любезный Жемчужников, считаю долгом известить Вас, что я своего намерения не изменил и послезавтра, в воскресенье, явлюсь утром в Штутгарт — разве Вы мне завтра напишете, что Вы откладываете крещение; если я ничего не получу, я приеду» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 118). И вновь, в субботу, 28 декабря 1868 г. (9 января 1869 г.), Тургенев писал: «Ссылаясь на вчерашнее мое письмо, я повторяю, что прибуду в Штутгарт с первым Schnellzug'ом (скорый поезд — нем.) завтра. Комнату у Марквирдт задержите для меня» (Там же). Крещение дочери Жемчужниковых, таким образом, было отложено на неделю и состоялось в воскресенье, 10 января н. ст. 1869 г. Вероятно, и повесть «Несчастливая» была прочитана Тургеневым в этот его приезд в Штутгарт. Эти сведения не включены в *Летопись (1867–1870)*; ср.: *Генералова Н. П., Хитрово Л. К.* К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?). С. 342.

² О священнике см. примеч. 2 к письму 13.

10 (22) января 1869 года. Штутгарт

22 января 1869.
Stuttgart. Ulrichstrasse, 17.

Покорно прошу Вас, любезнейший Иван Сергеевич, задержать *два* билета на «Мейстерзингеров».¹ Наталья Николаевна не поедет.² Моя жена остается при прежнем своем желании: ехать. А если ее задержит что-либо дома, я предложу ее билет Володе.³ Если мы не будем обедать во вторник вместе, то я желал бы остановиться по старому знакомству в Hôtel Erbprinz.⁴ Во всяком случае зайду сейчас же по приезде прямо к Вам. Итак, до свидания, а пока дружески жму Вам руку.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 23–23 об.

Ответное письмо Тургенева от 12 (24) января 1869 г. из Карлсруэ см.: *ПССУП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 130.

¹ Речь идет об опере Р. Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры» («Die Meistersinger von Nürnberg»), написанной им на собственное либретто в 1861–1867 гг. и признанной одной из вершин его творчества. Премьера оперы состоялась 21 июня н. ст. 1868 г. в Мюнхене и имела триумфальный успех. На мюнхенскую премьеру в июне 1868 г. предполагала отправиться Полина Виардо, считавшая себя «вагнерианкой до кончиков ногтей». Находившийся в это время в России Тургенев несколько раз писал ей об этой поездке (см.: *ПССУП(2)*. *Письма*. Т. 9, письма 2277, 2278, 2279, 2289 и примеч. к ним). Поездка Виардо на премьеру не состоялась, однако она побывала вскоре в Мюнхене на одном из представлений оперы (см. реакцию Тургенева на ее восторженный отзыв об опере: Там же, письмо 2292 и примеч. к нему). В данном случае речь идет о представлении, состоявшемся 17 (29) января 1869 г. О заказе билетов на оперу Тургенев извещал Н. Н. Рашет в письме из Карлсруэ от 3 (15) января 1869 г.: «Я заказал билеты на „Миннезингеров“ и предварю Вас и Жемчужникова о дне представления» (Там же. С. 124). Жемчужникова Тургенев «предварял» 8 (20) января: «Любезный Жемчужников, спешу известить Вас, что „Мейстерзингеры“ даются во вторник, 26-го числа — и что на Ваше имя взято мною *три* билета. В случае если Ваша супруга предпочтет остаться, дайте мне знать заранее: на лишний билет найдется много охотников» (Там же. С. 125). И вновь Н. Н. Рашет, отказавшейся от поездки, Тургенев писал 11 (23) января: «Билет на „Миннезингеров“ отдать очень легко — охотников бездна — только зачем же Вам не приехать? Кстати: главный тенор занемог, и представление, долженствовавшее иметь место во вторник, отложено. Сообщите это Жемчужникову, которого я извещу заранее о дне представления». Наконец, в воскресенье, 12 (24) января, отвечая на комментируемое письмо Жемчужникова, Тургенев писал: «...первое представление „Мейстерзингеров“ отложено до *пятницы*, а потому жду Вас в тот день непременно. Билет лиш-

ний устроить весьма легко» (Там же. С. 126). И добавлял: «Мне нельзя будет обедать в пятницу с Вами» (Там же).

² Н. Н. Рашет.

³ Имеется в виду, скорее всего, Владимир Жемчужников. Однако сведений о его пребывании в это время в Штутгарте разыскать не удалось.

⁴ Отель в Карлсруэ.

16

19 февраля (3 марта) 1869 года. Штутгарт

3 марта 1869. Stuttgart.
Ulrichstrasse, 17.

Любезный Иван Сергеевич, моя племянница Оболенская снова пробоует Вашу знаменитую мазь.¹ Никакие петербургские мази ей не помогают. Потрудитесь прислать мне адрес берлинского изобретателя мази. Я затерял тот, который Вы мне уже однажды дали.² Пожалуйста, уведомьте меня также о том, в каком положении Ваше здоровье и подвигаются ли Ваши воспоминания о Белинском, которые меня очень интересуют?³ В пятницу (5-го) здесь назначен концерт А. Рубинштейна,⁴ и мы уже запаслись билетами.

Моя жена Вам кланяется, и я дружески жму Вашу руку.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 25–25 об.

Два ответных письма Тургенева от 20 февраля (4 марта) и от 22 февраля (6 марта) 1869 г. из Карлсруэ см.: *ПССуП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 157–158, 161.

¹ О «знаменитой мази» см. примеч. 6 к письму 1, также в письмах 7 и 8; о племяннице Оболенской см. примеч. 5 к письму 1 и упоминания в письмах 2, 7, 10, 22.

² Тургенев действительно уже высылал адрес Жемчужникову; см. примеч. 2 к письму 7. В ответном письме от 20 февраля (4 марта) 1869 г. он писал: «Любезный Жемчужников, адрес изобретателя мази также мною потерян — вследствие чего я сегодня же пишу в Берлин, чтобы мне его доставили, и сейчас Вам его перешлю. Помню только, что имя изобретателя — Циммерманн» (*ПССуП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 157). В следующем письме от 22 февраля (6 марта) 1869 г. он сообщал адрес: «Любезнейший Жемчужников, вот адрес изобретателя мази: Herr Barbier und Chirurges-Gehülfe Zimmermann, Rosenthaler Strasse, 20, Berlin» (Там же. С. 161).

³ В письме к Жемчужникову от 20 февраля (4 марта) 1869 г. Тургенев сообщал: «„Воспоминания о Белинском“ с неделю тому назад мною отправлены в Петербург и будут помещены в мартовской книжке „Вестника Европы“. Если Вы не получаете этого журнала, я Вам пришлю номер» (Там же. С. 157). 22 февраля (6 марта) он уточнял: «Статья моя о Белинском появится только в *апрельской* книжке „Вестника

Европы» (Там же. С. 161). «Воспоминания о Белинском», работа над которыми завершилась в феврале, были опубликованы в № 4 «Вестника Европы» за 1869 г. О творческой истории очерка, входившего в цикл «Литературных и житейских воспоминаний», см. в примеч. к нему Е. И. Кийко: *ПССУП(2). Соч.* Т. 11. С. 337–340. О реакции на тургеневские «Воспоминания» Некрасова и его окружения см. во вступит. статье.

⁴ *Рубинштейн Антон Григорьевич* (1829–1894), уехав из России в 1867 г., вел жизнь «странствующего виртуоза». В январе — мае 1869 г. он концертировал в Бреславле, Познани, Нейссе, Катовице, Дрездене, Гамбурге, Касселе, Данциге, Бремене, Магдебурге, Галле, Ганновере, Брауншвейге, Веймаре, Брюсселе, Кёльне, Эльберфельде, Дармштадте, Штутгарте, Франкфурте-на-Майне, Цюрихе, Базеле, Женеве, Копенгагене (см.: *Баренбойм Л. А.* Антон Григорьевич Рубинштейн: Жизнь, артистический путь, творчество, музыкально-общественная деятельность. Л., 1962. Т. 2: 1867–1894. С. 20).

17

24 февраля (8 марта) 1869 года. Штутгарт

8 марта 1869.
Stuttgart, Ulrichstrasse, 17.

Очень благодарю Вас, любезный Иван Сергеевич, за присланный адресс.¹ — Рубинштейн играл здесь великолепно.² Мне странно было слышать от него, что в Карлсруэ не оказалось залы для его концерта. Что Вы скажете о намерении Герцена воротиться в Россию и о ходатайстве его об этом через о. Раевского (если эти слухи справедливы)?³ Мне кажется, что жизнь его в России будет невозможна.⁴ — Заметили ли Вы в № 49 «С<анкт>-П<етер>бургских ведомостей» акrostих Фета: *Заря Каширева умирает?* («Дикарка»). Эта находка прелестна.⁵ Будьте здоровы. Дружески жму Вашу руку.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 27–27 об.

Ответное письмо Тургенева неизвестно.

¹ См. примеч. 2 к письму 16.

² См. примеч. 4 к письму 16.

³ Реакция Тургенева на этот и следующий вопросы Жемчужникова (об акrostихе «Дикарка») неизвестна. История распространения ложных сведений о прибытии Герцена в январе 1869 г. в Вену для совещания со священником русской посольской церкви М. Ф. Раевским о возможности возвращения в Россию (при условии покаяния) получила широкую огласку в русской и европейской прессе. Тургенев об этой истории прекрасно знал. «Все русские журналы об этом толковали <...>», —

писал он Герцену 27 февраля (11 марта) 1869 г., отсылая ему вырезку из газеты «Kölnische Zeitung» (8 марта. № 67). «Я этому не верю ни на волос, — продолжал он, — но, может быть, ты сочтешь нужным сказать публично два слова?» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 9. С. 165). Накануне, в письме от 24 февраля (8 марта), Тургенев спрашивал Анненкова: «Не можете ли вы узнать *настоящей* правды о просьбе Герцена возвратиться в Россию?» (Там же. С. 163). В следующем письме к Герцену от 6 (18) марта 1869 г. Тургенев извещал его о появлении опровержений в русских и европейских газетах и высказал предположение о первоисточнике слухов, что особенно тревожило и возмущало Герцена (см.: Там же. С. 174). Сведения о поездке Герцена в Вену впервые появились в № 3 за 20 января (1 февраля) 1869 г. политического журнала «Słowianin» (Львов). Подробная версия была изложена в «Биржевых ведомостях» (1869. 14 (26) февраля. № 44), перепечатана в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1869. 18 февраля (2 марта). № 49) и «Новом времени» (1869. 19 февраля (3 марта). № 35).

Жемчужников сведения о Герцене почерпнул из сообщения в «С.-Петербургских ведомостях»: «Сообщаемое многими газетами известие, будто г-н Герцен явился в Вену и имел свидание с священником нашего посольства в Австрии отцом Раевским, по словам „Биржевых ведомостей“, возбудило во многих петербургских кружках большой интерес и разнообразные толки. Молва утверждает, что г-н Герцен виделся с отцом Раевским именно для того, чтобы поверить ему свое желание просить все милостивейшего соизволения возвратиться в Россию. Утверждают даже определенно, что о. Раевский избран г-ном Герценом в ходатаи за него перед правительством и что о. Раевский принял на себя такое ходатайство и будто уже писал об этом в Петербург одному из уважаемых духовных лиц, пользующемуся доверием всего августейшего русского дома» (*СПбВед.* 1869. 18 февраля (2 марта). № 49. С. 1).

Опровергая слухи, Герцен 2 (14) марта 1869 г. обратился с открытым письмом к редактору-издателю «Биржевых ведомостей» (см.: *Герцен*. Т. 20. Кн. 2. С. 517; опубликовано с коммент.: *Бирж. Вед.* 14 (26) марта. № 71). Кроме того, в течение марта он направил открытое письмо с опровержениями «Au rédacteur» редакторам ведущих европейских газет со следующим текстом: «Несколько русских газет поместили совершенно ложное сообщение, будто бы я совершил поездку в Вену с целью выхлопотать себе при посредничестве преподобного о. Раевского право на возвращение в Россию. Вы меня бесконечно обяжете, господин редактор, предоставив в вашей уважаемой газете место для категорического опровержения с моей стороны. Я никогда не бывал в Вене, я никогда не виделся с преподобным о. Раевским, никогда не писал ему, вообще я не сделал ни шага для получения права возвратиться в Россию. Я пламенно желаю, как и всякий эмигрант, вновь увидеть свою родную страну, но не думаю, чтобы нынешние обстоятельства благоприятствовали осуществлению этого желания» (*Герцен*. Т. 20. Кн. 2. С. 518–519; примеч.: С. 833–836. Подлинник по-франц.). 26 марта (7 апреля) 1869 г. помечено открытое письмо редактору-издателю «Голоса» А. А. Краевскому (опубликовано: *Голос*. 1869. 5 (17) апреля. № 95), в котором Герцен опровергал слухи о его ходатайстве перед правительством о возвращении на родину («Я вообще не ходатайствую ни о чем, нигде. Чего удивились „Биржевые ведомости“, что я считал бы за счастье возвратиться

в Россию?») (*Герцен*. Т. 20. Кн. 2. С. 556). Тургенева в письме от 2 (14) марта 1869 г. Герцен просил: «Сделай одолженья, оборони меня — языком, пером, негодованием, авторитетом от уморительного нареkania, что я хлопочу через Раевского, попа в Вене, о возвращении. В „Биржевых ведомостях“ целая статья с нравственными рассуждениями и ободрениями. <...> Разумеется, я в Россию ехать хочу — и когда можно будет туда ехать <...>, поеду. Но в Вене я не был — ни Краевского, ни Раевского, ни Евского не просил. Откуда это? — Или это тонкий намек — со стороны Шуваловки?». Заключал Герцен письмо просьбой: «Если у тебя есть знакомые издатели — пожалуйста, скажи им, чтоб напечатали, что вся эта сплетня о Вене — вранье» (Там же. Т. 30. Кн. 1. С. 58–59). Письмо Тургеневу от 11 (23) марта он начинал словами: «Очень благодарю тебя за помощь в омовении меня от биржевой клеветы» (Там же. С. 65). Историю шумихи вокруг известия о возвращении Герцена в Россию, его покаянии и августейшем прощении см.: *Летопись жизни и творчества А. И. Герцена: 1868–1870*. М., 1990. С. 178, 186, 189, 191–201.

Деавуации ложных сведений была посвящена заметка в «С.-Петербургских ведомостях» за 26 февраля (14 марта): «Неделю назад в газетах было помещено известие о том, что издатель ныне прекратившегося „Колокола“, известный русский эмигрант г-н Герцен ходатайствует чрез состоящего при нашем посольстве в Вене священника Раевского о дозволении ему возвратиться в Россию. По дошедшим до нас слухам, это известие не подтверждается. Достоверно только то, что сын г-на Герцена, живущий ныне во Флоренции и занимающий в тамошнем университете кафедру профессора физиологии, обратился к русскому правительству с просьбою дозволить ему приехать в Россию на короткое время с целью устройства поземельных дел отца своего, за которым и поныне числится большое имение в семи верстах от Костромы, находящееся, со времени отъезда владельца за границу, в опекуновском ведении. Чем разрешилось это ходатайство — нам неизвестно» (*СПбВед.* 1869. № 57. С. 2). Заметка была перепечатана в «Московских ведомостях» за 28 февраля (16 марта) (см.: *МВед.* 1869. № 47. С. 3). *Михаил Федорович Раевский* (1811–1884) — протоиерей, в 1842–1884 гг. настоятель русской посольской церкви в Вене, писатель, сторонник идеи возрождения славянства (см., например, письма к нему И. С. Аксакова 1858–1877 гг.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: <В 4 т.>. М., 1896. Т. 4. С. 1–100). С вопросом о достоверности сведений о его ходатайстве за Герцена к М. Ф. Раевскому 1 (13) марта обратился с письмом А. А. Краевский (см.: *Зарубежные славяне и Россия: документы архива М. Ф. Раевского: 40–80 годы XIX века*. М., 1975. С. 239; *Летопись жизни и творчества А. И. Герцена: 1868–1870*. С. 193). Вероятно, Алексей Жемчужников, как и его братья, был лично знаком с М. Ф. Раевским; ср. упоминание о нем как о «старом знакомом» в рассказе Льва Жемчужникова о посещении Вены в 1858 г. (*Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого*. Л., 1971. С. 319). Старший сын Герцена — *Александр Александрович Герцен* (1839–1906), ученый-физиолог, получивший образование в Швейцарии; с 1863 г. жил во Флоренции, где в 1869 г. получил звание профессора физиологии высшей нервной деятельности.

⁴ Герцен считал, что газетная шумиха была спровоцирована с ведома, а возможно и по указанию шефа жандармов П. А. Шувалова. Тургенев в указанном выше письме к Герцену от 6 (18) марта высказал убежденность в том, что прощение

для него невозможно: «...не забудь, ты оскорбил семью <...> — этого тебе не забудут. Дурак Погодин на сей раз правду сказал — и вероятно, не всю даже правду» (ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 174; примеч. А. И. Батюто: С. 392). В цитированном выше письме к Тургеневу от 2 (14) марта 1869 г. Герцен рассказал о встрече в Монтре с М. П. Погодиным: «Погодин меня уговаривал в „Монтрях“ — и увещал перспективой года или двух в Соловецком монастыре, а потом „на житье пошлют куда-нибудь — вот и всё“. Вы, говорит, напишите историю революции — никто лучше не напишет, поднесите ее государю и напишите: „Отпусти прегрешения молодости моей“» (Герцен. Т. 30. Кн. 1. С. 58–59).

⁵ Изложение истории с «Дикаркой» и гипотезу об авторстве Н. С. Лескова (не отрицающую возможности иного авторства) см.: Черемисинова Л. И. Фет и Лесков: один эпизод из истории журнала «Заря» // XX Фетовские чтения: Афанасий Фет и русская литература. Курск, 2006. С. 133–142. О возможном авторстве В. П. Буренина см.: Бочков В. Н. Кашпирев Василий Владимирович // Русские писатели. Т. 2. С. 522–523; Летопись (1867–1870). С. 199. Согласно комментарию Т. П. Головановой, автором «Дикарки» был Д. Д. Минаев (см.: ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 385; примеч. 7 к письму 2450). Последняя точка зрения поддержана в работе: Ипатова С. А. Кто же был автором акростиха «Дикарка», подписанного «А. Фет»? (мистификация как пародия) // Жанры в историко-литературном процессе: Сб. науч. статей. СПб., 2015. Вып. 6. С. 26–42.

18

18 (30) марта 1869 года. Штутгарт

30 марта 69.

Stuttgart. Ulrichstrasse, 17.

Любезнейший Иван Сергеевич, я только что кончил *длиннейшее* стихотворение: «Перед возвращением на родину» — 557 стихов, да еще другое, которое может быть напечатано в виде приложения к первому,¹ — 111 стихов, итого 668 стихов!! Страшно сказать, а прочесть еще страшнее. Несмотря на это, я решаюсь просить Вас не только прочесть всё это, но и сказать мне Ваше мнение.²

Следовательно, Вам придется не то что называется пробежать мои стихи. Обращаюсь к Вам потому, что я верю Вашему вкусу, пониманию и чутью и непременно желаю подвергнуться Вашей критике и Вас выслушать. Будьте только, пожалуйста, вполне откровенны. Не избегайте ни строгости, ни резкости в оценке. Я хочу узнать от Вас всю правду и воспользоваться ею. Неблагоприятные отзывы о произведении, уже напечатанном, гораздо чувствительнее авторскому самолюбию. Я начну теперь переписывать мои стихи, а покуда прошу Вас меня уведомить:

свободны ли Вы теперь и могу ли я их Вам переслать? Так как литературный сезон уже на исходе, мне хотелось бы отослать поскорее свои стихи в печать. (Думаю послать их в «Отечественные записки».)³ А потому еще прошу Вас о том, чтобы Вы их недолго у себя задерживали.

Из того, что я намерен Вам послать, — если Вы это мне разрешите, — я уже прочел Вам первую главу и то, что теперь хочу напечатать в виде приложения. Всё остальное ново и написано мною в это последнее время, после нашего свидания в Карлсруэ.⁴ Итак, буду ждать с нетерпением Вашего ответа.

Дружески жму Вашу руку.

Моя жена Вам кланяется.

Алексей Жемчужников.

Мне очень жаль, что Одоевский умер. Это был хороший человек. Необходимо следовало бы помянуть его добром, хоть в нескольких строках, а «П<етер>бургские ведомости» перепечатали только известие о его смерти из «Московских ведомостей».⁵ Мне это не нравится!

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 29–30 об.

Опубликовано полностью (с неточностями): *Мостовская Н. Н. И. С. Тургенев и А. М. Жемчужников (по материалам неопубликованной переписки 1866–1869 гг.)*. С. 222–223.

Ответное письмо Тургенева от 23 марта (4 апреля) 1869 г. из Карлсруэ см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 192.

¹ См. о поэме «Перед возвращением на родину» и ее двух первых частях «Пророк и я», которые Жемчужников называет «приложением», во вступит. статье.

² В ответном письме Тургенев замечал: «Любезнейший Жемчужников, я сегодня только что вернулся из Парижа и уезжаю завтра в Веймар, где останусь с неделю. С 15-го апр<еля> до 22-го я здесь — а там опять до конца мая в Бадене. И потому, если Вы желаете иметь вскорости мое мнение о написанном Вами стихотворении — пошлите мне его в Веймар, Hotel zum Egbgrünz — и я обещаюсь Вам выразить мое мнение с полной откровенностью и не задержать рукописи. А не то пришлите в Карлсруэ, через неделю» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 192).

³ См. примеч. 2 к следующему письму.

⁴ Когда состоялась встреча в Карлсруэ, неизвестно. О пребывании Тургенева в Карлсруэ см. примеч. 4 к письму 11.

⁵ *Одоевский Владимир Федорович* (1803–1869) умер в Москве 27 февраля (11 марта). Сообщение о его смерти не появлялось в «Московских ведомостях» — Жемчужников в данном случае ошибся. В № 47 газеты за 28 февраля ст. ст. (пятница) было помещено объявление о выходе следующего выпуска «по случаю Сырной недели» только во вторник, 4 марта. Пространный некролог Одоевского, подписанный криптонимом «М.», был помещен в газете 6 марта. Помимо сведений о выдающихся заслугах покойного и описания литургии и отпевания в церкви Неопалимой

Купины и похорон на кладбище Донского монастыря, в нем, в частности, отмечалось: «По желанию покойного похороны были самые скромные. Над знаменитейшим по происхождению русским человеком не было ни балдахина, ни родовых гербов. Но несмотря на то что никому не было послано приглашений и что по случаю праздничных дней, в которые газеты не выходили, не было и публичных извещений о его погребении, лучшее московское общество и многочисленные толпы народа собрались отдать последнее поклонение усопшему». Далее сообщалось: «Московский генерал-губернатор кн. В. А. Долгоруков, обер-гофмейстер кн. Н. И. Трубецкой, сенаторы, обер-прокуроры, придворные чины, члены судебного ведомства, городской думы, ученые, литераторы, профессора, ученики и ученицы музыкальной консерватории собрались на вынос тела покойного». Некролог заканчивался проникновенными словами: «Чистый сердцем, незлобивый, любвеобильный человек отошел. В земной жизни добро он делал многим, зла никому» (*МВед.* 1869. 6 марта. № 50. С. 3). Извещение о смерти и погребении Одоевского в «Санкт-Петербургских ведомостях» было опубликовано 3 (15) марта: «В Москве скончался гофмейстер двора Его Императорского Величества, сенатор князь Владимир Федорович Одоевский. Друзья и знакомые князя сим извещаются, что заупокойная панихида и литургия по усопшем будут совершены в церкви Министерства народного просвещения в доме шестой гимназии, у Чернышева моста. Служба начнется в 11-м часу, 5 марта, в среду» (1869. № 61. С. 2).

Тургенева связывало с Одоевским многолетнее знакомство. В частности, о своей встрече с ним в 1838 г. он вспоминал в очерке «Литературный вечер у П. А. Плетнева». Работа над очерком, обещанным П. И. Бартеневу в «Русский архив», шла как раз в феврале — марте 1869 г., к концу марта очерк был вчерне написан (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 328). Некрологическая интонация ощущается поэтому в небольшом фрагменте очерка, посвященном Одоевскому: «...наконец, наш добрейший и незабвенный князь Одоевский. Этого описывать нечего: всякий помнит его благообразные черты, таинственный и приветливый взгляд, детски милый смех и добродушную торжественность...» (Там же. С. 14). П. И. Бартеневу 9 (21) марта 1869 г. Тургенев писал: «Итак, князь В. Ф. Одоевский скончался! Очень мне жаль этого отличного человека» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 179). Алексей Жемчужников был также хорошо знаком с Одоевским. Общество любителей российской словесности 13 апреля 1869 г. почтило память своего действительного члена (с 1833 г.) заседанием, на котором председатель Общества А. И. Кошелев, в частности, сказал: «Так недавно князь Одоевский был между нами; так молод и свеж он был душою и умом; так юношески он любил человечество и каждого из своих собратьев <...> Отличительным свойством князя Одоевского было то, что он прежде и более всего был человек, брат всякого человека. Узнавать все до человечества относящееся и могущее быть для него пригодным; действовать на пользу своих братьев и помогать ближнему и советом и делом и своими небольшими достоинствами — было делом всей его жизни. <...> Он глубоко, благоговейно уважал свободу всякого человека и никогда не позволял себе рыться в чужой совести. В самых искренних беседах он никогда и ни о ком не говорил дурно <...>» (В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание Общества любителей российской словесности, 13 апреля, 1869 года. М., 1869. С. 2–3).

27 марта (8 апреля) 1869 года. Штутгарт

8 апреля 69.
Stuttgart. Ulrichstrasse, 17.

Благодарю Вас, любезный Иван Сергеевич, за Вашу готовность прочесть мои стихи и сказать свое откровенное мнение.¹ Когда Вы воротитесь в Карлсруэ, я сам приеду к Вам и попрошу Вас посвятить мне час времени, чтобы выслушать мои стихи и поговорить о них. Я нашел необходимым поторопиться отсылкою их к Некрасову.² Но так как они могут быть напечатаны не прежде первых чисел мая, — если будут напечатаны, — то я во всяком случае успею сообщить Некрасову те поправки, которые, может быть, найду необходимым сделать, выслушав Ваше мнение. Потрудитесь уведомить меня о Вашем приезде в Карлсруэ *сейчас же*. Лучше всего телеграммой.³

После 15-го мы собираемся в Италию, где намерены провести май. Я чувствую неприменную потребность прочесть Вам мои стихи и затем уже отправиться в Италию. Моя жена Вам кланяется. Наталья Николаевна⁴ также. Дружески жму Вашу руку. До свидания.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 31–32.

Ответное письмо Тургенева от 2 (14) апреля 1869 г. из Карлсруэ см.: *ПССуП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 193–194.

¹ См. примеч. 2 к предыдущему письму.

² Жемчужников отправил поэму Некрасову 24 марта (5 апреля); см. подробнее во вступит. статье.

³ Тургенев отвечал 2 (14) апреля: «Любезный Жемчужников, я вчера только вернулся из поездки в Веймар (во всех отношениях удачной и занимательной) — и спешу известить Вас, сообразно с Вашим желаньем, что мне очень будет приятно увидеть Вас и услышать Ваше новое произведение *послезавтра*, в пятницу. Завтра я должен съездить в Баден» (*ПССуП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 193–194). Сведений, подтверждающих факт встречи, обнаружить не удалось.

⁴ Н. Н. Рашет.

6 (18) мая 1869 года. Невишатель, Флерье

18 мая 69. Suisse.
Canton de Neuchâtel. Fleurier.
Maison Strôle.

Прилагаемое при этом письмо жена моя просила Вас, любезный Иван Сергеевич, доставить Н. Н. Рашет. По нашему предположению, она находится теперь в Бадене. Если же она из Бадена уже выехала, то Вы без сомнения знаете, где она теперь находится, и в таком случае потрудитесь это письмо ей переслать.¹ Обращаемся к Вашему посредству потому, что, не имея никакого известия от Н<атальи> Николаевны, мы полагаем, что письма моей жены могли до нее не дойти.

Мы поселились удобно и в хорошей местности (Val-de-Travers) недалеко от Не<в>шателя.² Близ нас лежит деревня Môtiers, в которой жил Руссо. По этому случаю я перечел его Confessions.³ Воспоминание о нем здесь еще живо. Еще живы старики и старухи, выдавшие его.⁴ Я ходил по тем местам, где он любил гулять. Вообще же предаваться дальним и продолжительным прогулкам теперь неудобно, потому что погода дурна.

Некрасов, находящийся теперь в Париже, куда было ему переслано из П<етер>бурга мое стихотворение, не принимает его в «От<ечественные> записки».⁵

Отозвавшись о нем в выражениях весьма лестных и, я думаю, искренних, потому что он определяет хорошие стороны стихотворения, он выражает мнение, что «полемический характер поэмы едва ли не послужит препятствием к напечатанию ее в каком-либо журнале».⁶ Что тут делать? Придется предать ее забвению, а не печати. Особой брошюрой напечатать ее без цензуры нельзя, потому что такие брошюры должны заключать в себе по закону не менее 10 листов; а подвергнуть ее цензуре значило бы, по словам Некрасова, *хуже чем ее уничтожить*. Он мне советует приступить осенью к изданию собрания моих стихотворений (и предлагает^a мне в этом помочь), куда и можно будет поместить удобно последнее стихотворение.⁷ Но я в эту осень еще не собираюсь возвратиться в Россию. Издание же моих стихотворений не может быть сделано без меня, потому что мне надо их собрать, а потом я хочу их про-

^a Слово вписано над [нрзб.]

смотреть, исправить и просеять, так сказать, сквозь мелкое сито.⁸ Уведомляя Вас о моей неудаче, признаюсь Вам, что она возбуждает во мне немалую досаду.⁹ — Пожалуйста, пришлите мне Ваши «Воспоминания о Белинском»¹⁰ и, если можно, те книжки «Вестника Европы», которые Вам не нужны. *Январскую книжку мы уже прочли.*¹¹

Я и жена моя дружески жмем Вам руку. Будьте здоровы. Засвидетельствуйте мое почтение Mme Viardot и всему семейству. Очень сожалею, что последний раз не удалось мне быть у них в Carlsruhe¹² и проститься. Скоро ли Вы едете в Россию?¹³

А. Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 33–34 об.

Ответное письмо Тургенева от 18 (30) мая 1869 г. из Баден-Бадена см.: *ПССиП(2)*. Письма. Т. 9. С. 216–217.

¹ В ответном письме Тургенев сообщал: «...вложенное Вами письмо я передал г-же Рашет тогда же — и она, вероятно, ответила Вам аккуратнее моего: живет она здесь в „Beau séjour“ и останется еще две недели» (*ПССиП(2)*. Письма. Т. 9. С. 216). Письмо Е. А. Жемчужниковой к Н. Н. Рашет неизвестно.

² Невшатель (*франц.* Neuchâtel, *нем.* Neuenburg) — швейцарский кантон, расположенный в области Val-de-Travers.

³ Руссо Жан-Жак (1712–1778), изгнанный из Женевской республики, около трех лет прожил в живописном предгорном местечке Мотье в Невшательском (Ноебургском) княжестве, покинув его в 1765 г. «Confessions» («Исповедь» — *франц.*), опубликованный после смерти Руссо автобиографический роман (1766–1769).

⁴ В следующем письме этот свой исторический «вздор» Жемчужников исправил.

⁵ Некрасов переехал из Висбадена в Париж в середине апреля 1869 г. (см.: *Некрасов. Летопись*. Т. 3. С. 121). Далее Жемчужников пересказывает Тургеневу два полученных им от Некрасова письма — от 22 апреля (4 мая) и от 2 (14) мая 1869 г. (см.: *Некрасов*. Т. 15. Кн. 1. С. 91–92, 98–99). Речь в письмах шла о поэме «Перед возвращением на родину», полный текст которой Некрасов получил от М. Е. Салтыкова. Последний писал ему 5 (17) апреля 1869 г.: «Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, сейчас полученные мной, адресованные на Ваше имя письмо и поэму Жемчужникова. Я телеграфировал ему (на его счет) ваш парижский адрес. Поэму я читал; некоторые места, которые кажутся мне неудобными в цензурном смысле, отметил. Мне несколько странно кажется идея поэмы: полемизировать с Катковым и „Вестью“. Есть место, где „Весть“ может привлечь автора к суду. Прочитайте и, буде случай найдется, объяснитесь с автором, к<отор>ый тоже едет в Италию» (*Щедрин*. Т. 18. Кн. 2. С. 15). Жемчужников писал о поэме Некрасову 24 марта (5 апреля): «Теперь я с Вами совершенно согласен, что отрывки прошлого года печатать не следовало. Но что Вы скажете о целом?» (*Жемчужников А. М.* Письма к Некрасову. С. 280).

⁶ Некрасов отвечал Жемчужникову 22 апреля (4 мая) 1869 г.: «Поэму Вашу прочел несколько раз. В ней есть очень хорошие места, особенно вся вторая половина;

в негодовании много искренности и есть сила. Но полемический характер поэмы едва ли не послужит препятствием к напечатанию ее в каком-либо журнале. Вообще я думаю, что Вам надо было бы приехать в Россию, пообжиться в родном воздухе — и тогда Вы, полагаю, увидели бы, что подобную вещь следует пускать в печать не иначе как особой брошюрой или в собрании стихотворений Ваших (которые, истинно скажу, теперь самое бы время Вам выпустить, — оно было бы встречено известной частью журналистики с несомненным сочувствием). Скажу еще: Вы не согласны исключить ничего, кроме 4-х стихов, но при печатании теперь поэмы в журнале пришлось бы исключить гораздо более. У нас времена теперь нехороши <...>. — Салтыков, разделяя мое мнение о неудобстве многих мест, между прочим, замечает, что „Весть“ может притянуть Вас к суду» (*Некрасов*. Т. 15. Кн. 1. С. 91–92).

⁷ В письме от 2 (14) мая 1869 г. Некрасов продолжал разговор о поэме Жемчужникова: «Вы забыли, многоуважаемый Алексей Михайлович, что по законам о печати без цензуры нельзя выпустить книгу *объемом менее 10-ти листов*, стало быть о выпуске поэмы отдельной брошюрой нечего и говорить, ибо подвергнуть ее цензуре значило бы хуже чем уничтожить. / Мое мнение: время для нее не уйдет, так как ее цель — характеристика известного периода, во всяком случае ставшего уже до некоторой степени прошедшим, а не нападение на Каткова, за какое она была бы принята многими, если б явилась в журнале или даже отдельной брошюрой. Понимаете теперь, почему я думаю, что ей всего выгоднее явиться между другими Вашими произведениями. Так, поверьте, и следует поступить. Если свидимся нынче зимой или осенью в Петербурге, то я берусь доставить Вам средство для напечатания собрания Ваших стихотворений без затраты денег и без всякого ущерба относительно того, что издание может Вам принести. Пришлите мне 2-ое прибавление, мне будет любопытно его прочесть <...>» (*Некрасов*. Т. 15. Кн. 1. С. 98).

⁸ Стихотворения, поэмы и пьесы были собраны и изданы автором значительно позднее; см.: Стихотворения А. М. Жемчужникова: В 2 т. СПб., 1892.

⁹ О реакции Некрасова Тургенев писал Жемчужникову 18 (30) мая 1869 г.: «Мне очень жаль, что Некрасов не принял Вашей поэмы; видно, этот кулак нашел ее делом „неподходящим“. / Хорошо бы было, если б Вы точно собрали и напечатали все Ваши стихотворения: я уверен — общая физиономия Вашего таланта через это бы выиграла, определившись яснее и полнее. Но не берите в помощники Некрасова: Вы, кажется, не нуждаетесь в его деньгах — а он непременно или надует Вас или напакостит Вам. Это — своего рода Петрушка, который не может нигде пройти, не оставив своего запаха» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 217). В следующем письме от 30 мая (11 июня) Тургенев добавлял: «Мне бы весьма хотелось, чтобы Вы издали собранные Вами стихотворения; но при этом деле оставьте обер-жулика Некрасова в стороне» (Там же. С. 227).

¹⁰ О «Воспоминаниях о Белинском» см. примеч. 3 к письму 16.

¹¹ В ответном письме от 18 (30) мая Тургенев писал: «Я бы Вам немедленно выслал „Вестник Европы“ — но, не будучи уверен, что Вы остаетесь в Fleurig (г-жа Рашет говорила о Вашем намерении перебраться в Тироль), подожду Вашего известия — и тотчас отправлю» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 216–217). Январская книжка «Вестника Европы» открывалась публикацией первой части романа Гончарова «Обрыв», здесь же продолжал печататься роман Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне».

¹² Видимо, речь идет о ранее упомянутой Жемчужниковым встрече с Тургеневым в Карлсруэ и чтении начала поэмы «Перед возвращением на родину» (см. письмо 18 и примеч. 4 к нему).

¹³ Тургенев писал в ответном письме: «Путешествие мое в Россию всё затягивается — пожалуй, придется отложить до осени. А может быть, я вдруг уеду скорее, чем думаю. Во всяком случае жду от Вас слова» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 217). А в письме от 30 мая (11 июня) сообщал Жемчужникову: «...вследствие довольно странного припадка (левая рука у меня вдруг на 5 минут отнялась), Гейлигенталь, аускультировавший меня, объявил мне, что у меня болезнь в сердце — хроническое воспаление каких-то клапанов — и запретил мне есть, пить, ходить и ездить, притирает меня йодом и кормит дигиталой. Путешествие мое в Россию кануло в воду — и я сижу теперь здесь, как истукан, и буду сидеть неопределенное время» (Там же. С. 226–227).

21

26 мая (7 июня) 1869 года. Невшатель, Флерье

7 июня 69. Suisse.
Canton de Neuchâtel. Fleurier.
Maison Ströle.

Спасибо Вам, любезнейший Иван Сергеевич, за Ваше письмо.¹ Мы недавно воротились из путешествия по некоторым частям Швейцарии. Я остался очень доволен Интерлакеном, ледниками, громом и видом падающих снежных лавин и проч. и проч.² В Hôtel Victoria (Interlaken) съехался с Некрасовым и много с ним беседовал.³ Он очень хвалит мои стихи, но все-таки их не берет,⁴ на чем я, впрочем, нимало не настаивал. Получил от него экземпляр последнего издания его стихотворений.⁵ Он едет в Kissingen.⁶ Огорчен выходками против него в печати. Впрочем, всё это для Вас неинтересно.⁷

Мы собираемся сделать вскоре прогулку по Итальянской Швейцарии, нам еще неизвестной. Не дадите ли Вы по этому поводу какого-либо совета? Вы везде бывали. Время отъезда нашего отсюда еще не определено. Весь июнь, вероятно, пробудем еще здесь; а потому, если возможно, пришлите, пожалуйста, сюда Ваши воспоминания о Белинском или самый «Вестник Европы»,⁸ если это не очень Вас затруднит. При этом напишите, через сколько времени следует его Вам возвратить. Прочли ли Вы 5-й том «Войны и мира»? Я еще его не видал.⁹ У меня на совести одна грубая ошибка, которую тороплюсь исправить. Не сообразив дела как следует, я со слов одного здешнего приятеля написал Вам, что в Fleurier живы еще некоторые люди, видевшие Руссо. Это, разумеется,

вздор.¹⁰ Есть люди, слышавшие разные рассказы о Руссо от других людей, помнивших его очень хорошо, но, конечно, уже умерших.

Здесьняя газета «*Courier de Val-de-Travers*» повествует о следующем событии: «Un fait, dont les conséquences auraient pu être très graves, est survenu à Fleurier le samedi 15 mai. Le balcon d'une des maisons les mieux construites du village s'est écroulé subitement dans le courant de la journée. Peu d'instantes auparavant des membres de la famille étrangère qui occupent cette maison avaient été aperçus stationnant sur le balcon et sur le perron situé au dessous. Un hasard providentiel les a donc préservés. La pierre du balcon était de roc et sa solidité n'avait jamais été mise en doute».^a¹¹

Этот дом — наш! Эти иностранцы — мы! Действительно мы стояли и сидели постоянно на этом балконе! Передайте это интересное для нас событие Наталье Николаевне.

Я и жена моя дружески жмем Вашу руку. Будьте здоровы и нас не забывайте.

Алексей Ж<емчужников>.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 35–36 об.

Ответное письмо Тургенева от 30 мая (11 июня) 1869 г. из Баден-Бадена см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 226–227.

¹ Письмо от 18 (30) мая 1869 г.; см. примеч. к предыдущему письму.

² Интерлакен (*нем.* Interlaken) — курорт в Швейцарии, находящийся в замкнутой высокими горами котловине.

³ Некрасов уехал из Парижа в Интерлакен 5 (17) мая и жил там до середины (конца) июня 1869 г. (см.: *Некрасов. Летопись*. Т. 3. С. 129, 133, 137).

⁴ Речь идет о поэме «Перед возвращением на родину»; см. выше.

⁵ В 1869 г. были изданы: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 1–2. 5-е изд.; Ч. 3 <2-е изд.>; Ч. 4 <1-е изд.>. В 4-ю часть вошли стихотворения 1865–1868 гг., ранее не печатавшиеся. Жемчужников, судя по текстам, которые он цитирует в следующем письме (см. письмо 22), получил в дар 4-ю часть некрасовских «Стихотворений».

⁶ Из Интерлакена Некрасов в середине июня уехал в Соден, затем 21 июня (3 июля) в Киссинген (см.: *Некрасов. Летопись*. Т. 3. С. 137, 138).

⁷ В начале 1869 г. с обвинениями против Некрасова, возобновившего в 1868 г. редакторскую деятельность в «Отечественных записках», в журнале «Космос» вы-

---

^a «Случай, последствия которого могли быть очень серьезны, произошел во Флерье, в субботу 15-го мая. Днем балкон одного из лучших домов в деревне неожиданно обрушился; за несколько мгновений до этого на балконе, а затем на крыльце под ним находились члены одной иностранной семьи, которая нанимала этот дом. По счастливой случайности, они избежали гибели. Балкон был сооружен из скалистого камня и в прочности его не приходилось сомневаться» (*франц.*).

ступил М. А. Антонович. В начале марта в продажу поступила брошюра-памфлет Антоновича и Ю. Г. Жуковского «Материалы для характеристики современной русской литературы» (СПб., 1869; см.: Некрасов. *Летопись*. Т. 3. С. 112 и след.). В ней содержались намеки на «муравьевскую» историю и были высказаны обвинения в измене Некрасова принципам «Современника». В поддержку Некрасова с резкой отповедью авторам «Материалов...» выступили М. Е. Салтыков и Г. З. Елисейев (*ОЗ*. 1869. № 4), а позднее и некоторые другие литераторы некрасовского круга. Салтыков писал Некрасову из Петербурга 18 (30) апреля, имея в виду Антоновича: «Для меня ясно, что все, что ни напишет этот негодяй, будет клевета и притом сознательная, но, во всяком случае, это так отвратительно, что просто бежал бы из этого нужника, называемого (ошибочно) русской литературой» (*Щедрин*. Т. 18. Кн. 2. С. 19).

Тургенев о «выходках печати» против Некрасова прекрасно знал. Он получал и читал «Космос», и статьи Антоновича им были прочитаны, о чем он писал Я. П. Полонскому 27 февраля (11) марта 1869 г.: «Сейчас получил последний № „Космоса“, в котором Антонович на нескольких страницах тяжело и пошло возится с Коршем, Некрасовым. Господи! что за барахтанье в грязи! хоть бы зло было!» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 169). Герцен писал Тургеневу 11 (23) марта 1869 г.: «Видел ли ты, как „Космос“ начинает заголять Некрасову спину, чтоб пороть за воровство, мошенничество? — Немезида — как следствие былого — все-таки свое возьмет» (*Герцен*. Т. 30. Кн. 1. С. 66). Как автор «Воспоминаний о Белинском» сам Тургенев был одним из участников «выходок печати» против Некрасова (см. подробнее во вступит. статье).

⁸ О публикации «Воспоминаний о Белинском» см. примеч. 3 к письму 16. На просьбу Жемчужникова Тургенев отвечал: «Посылаю Вам мою статью о Белинском — и прошу ее возвратить недели через две» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 227).

⁹ На этот вопрос Жемчужникова Тургенев ответил резко: «Г-на Толстого „Война и мир“ я прочел, есть вещи гениальные, есть — возмутительные. В своем поклонении бессознательному невежеству („vous êtes orfèvre, Mr Josse“ («вы ювелир, г-н Жосс» — *франц.*)) он скоро дойдет до апофеозиса Ивана Яковлевича, московского юридивого» (Там же). Речь шла о первом отдельном 6-томном издании «Войны и мира», печатавшемся в Москве в 1867–1869 гг. Пятый том романа поступил в продажу в конце февраля, шестой — в начале декабря 1869 г. (см.: *Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828–1890*. М., 1958. С. 360, 366). За печатанием романа Тургенев внимательно следил, читая том за томом по мере их публикации и остро реагируя на прочитанное в письмах к своим постоянным корреспондентам — Анненкову, Боткину, Фету, Полонскому, Борисову. Так, в ожидании выхода пятого тома Тургенев писал Борисову 12 (24) февраля 1869 г.: «Очень радуюсь известию о скором выходе V-го тома „Войны и мира“; при всех своих слабостях и чудачествах, при всем даже своем вранье, Толстой — настоящий гигант между остальной литературной братьей — и производит на меня впечатление слона в зверинце: несладко, даже нелепо — но огромно — и как умно! Дай бог написать ему еще двадцать томов» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 146). Прочитав пятый том, он признавался тому же корреспонденту в письме от 18 (30) июня, что читал роман «со смесью противоположных чувств»: «Что хорошо в этом романе — то удивительно, а что плохо или слабо или с претензией — все-таки не скучно и даже в известном смысле интересно — как уродничание гениального человека» (Там же. Т. 10. С. 16). Не принимая в «Войне и мире» «исторической прибавки» («кукольная

комедия и шарлатанство») и «так называемой „психологии“» («колебания, вибрации одного и того же чувства», «quasi-тонкие рефлексии и размышления»), о чем он писал Анненкову 14 (26) февраля 1868 г., Тургенев вместе с тем признавал: «...есть в этом романе вещи, которых, кроме Толстого, никому в целой Европе не написать и которые возбудили во мне озноб и жар восторга» (Там же. Т. 8. С. 129). См. отзывы о «Войне и мире» в письмах Тургенева 1868–1869 гг.: Там же, письма 2184, 2205, 2238, 2254; Т. 9, письма 2480, 2501, 2534.

¹⁰ См. письмо 20.

¹¹ Перевод этого французского фрагмента письма цит. по: ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 417, примеч. 1 к письму 2536.

22

10 (22) июня 1869 года. Невшатель, Флерье

22 июня 69. Canton de Neuchâtel.
Fleurier. Maison Strôle.

Очень благодарю Вас, любезный Иван Сергеевич, за Ваши воспоминания о Белинском. Я прочел их с большим интересом. Не будет ли еще каких-либо подробностей и дополнений? Не вспомните ли Вы еще чего-нибудь о Белинском и вообще о том времени? Интерес, возбуждаемый Вашей статьей, таков, что хотелось бы еще и еще. Еще других характеристических черт, анекдотов, критических взглядов, выводов, сравнений с настоящим и проч.! И хотелось бы всё это еще слышать собственно от Вас. Вы — крупный и притом *цельный* представитель того времени, — не подточенный, не урезанный, не разочарованный, не повернувшийся к нему задом. — Вы, наверно, еще преисполнены мыслей и материалов.

Я на этих днях еду в Franzensbad¹ к больной племяннице Оболенской² и не знаю, сколько времени там останусь. Жена моя еще остается в Fleurier. Если Вы вздумаете написать мне несколько строк, адресуйте все-таки сюда, в Fleurier. И мне и жене моей очень хотелось бы знать, в каком положении теперь Ваше здоровье, и мы будем Вам очень благодарны, если Вы нас уведомите об этом.³

Я перечел все стихи Некрасова от доски до доски.⁴ По моему мнению, есть вещи очень хорошие, и вообще Некрасов имеет свой собственный, неотъемлемо ему принадлежащий букет, что очень важно; но зато есть вещи чрезвычайно слабые. Странное дело; иногда он вышайается до поэтических вершин, до красоты в слове; а иногда тяжело и неуклюже ходит, увязая, по какому-то болоту, и это часто происходит не от свойства мыслей и *сюжета*, а от размера, которым он пишет. Он любит такие размеры, которые или затрудняют свободный ход его мысли,

или кладут на нее печать какой-то вульгарности и прозаической растянутости; след<овательно>, он с этими размерами не мог сладить. Красивой легкости он лишен вовсе. «Наш помещик Пантелеев — Век играл, мотал и пил, — А крестьянин Федосеев — Век трудился и копил»... или: «Взвилась ножка вправо, — Мы вправо... берегись! — Не вывихни сустава, — Приятель... Фор! bis!...». Ведь это плохие куплеты каких-нибудь каратыгинских водевилей!⁵ — Крепко жму Вам руку.

А. Ж.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 37–38 об.

Ответное письмо Тургенева неизвестно.

¹ Франценсбад (*нем.* Franzensbad) — австрийский курорт с лечебными источниками и грязями, основанный в 1743 г.; ныне: Франтишкови-Лазне (Чехия).

² См. о ней примеч. 5 к письму 1 и упоминания в письмах 2, 7, 10, 16.

³ О «болезни в сердце» Тургенев писал Жемчужникову 30 мая (11 июня) 1869 г.; см. примеч. 13 к письму 20.

⁴ О подаренном Жемчужникову Некрасовым последнем издании его стихотворений см. в письме 21 и примеч. 5 к нему. О его отношении к творчеству Некрасова см. во вступит. статье.

⁵ Жемчужников цитирует стихотворения Некрасова, вошедшие в 4-ю часть его «Стихотворений», изданных в 1869 г. В первом примере он ссылается на некрасовский цикл «Песни о свободном слове» (1865–1866), цитируя начальные строки 3-й песни из 7-го раздела цикла — «Осторожность» (см.: *Некрасов*. Т. 2. С. 224). Вторая цитата — из сатиры «Балет» (1866); ср. у Некрасова две последние строфы «куплетов», которые, танцуя под музыку, поет «театрал», персонаж сатиры: «Вот выпорхнула дева, / Бинокли поднялись; / Взвилась ножка влево — Мы влево подались; / Взвилась ножка вправо — / Мы вправо... „Берегись! / Не вывихни сустава, / Приятель!..“ — Фор! bis!» (Там же. С. 238). Упреки Жемчужникова едва ли справедливы. В своих сатирических зарисовках Некрасов действительно использует куплетную ритмику, создавая в «Песнях о свободном слове» хор «песенных» гологов (см. о поэтике цикла: Там же. С. 418) и непосредственно включая «куплеты» в фельетонный «Балет». *Каратыгин Петр Андреевич* (1805–1879) — актер и драматург, автор многочисленных пьес и водевилей, имевших большой сценический успех.

23

20 октября (1 ноября) 1869 года. Висбаден

1 ноября 1869. Wiesbaden.
Rheinstrasse, 13.

Любезный Иван Сергеевич, давно мы друг другу не писали. Здоровы ли Вы теперь? Правда ли, что Вам доктор запретил ходить на охоту?¹

Где Вы проведете зиму: в Бадене или в Карлсруэ? Мы поселились на зиму в Висбадене. Жизнь дорога; но здесь есть много хорошего. Опера весьма недурна и по исполнению и по выбору музыки. Имеются в виду серьезные и интересные симфонические концерты. — Итак, надеюсь наслаждаться в этом году музыкой более, чем в Штутгарте прошлого года. — А В. П. Боткин, который был так способен наслаждаться и который так умел пользоваться своею богатою способностью, — уже кончил.² Мне было очень грустно, когда я прочел в газетах известие о его смерти, и мне понадобилось поделиться с Вами этим грустным чувством. Пожалуйста, напишите мне несколько слов. Я иногда очень сожалею, что нахожусь далеко от Вас. Бывают минуты, когда так бы хотелось потолковать с Вами.

Наталья Николаевна Рашет пишет моей жене, что она покидает Париж и на пути в Россию намерена заехать в Висбаден, чтобы повидаться с нами. — У нас холодно. Три дня лежал снег на траве и на деревьях, еще покрытых зелеными листьями. Сегодня идет дождь, а вчера в 6-м часу вечера было здесь землетрясение, которое повторилось в 4 часа ночи. Последнего я не чувствовал, а первое мы все ощутили. Наш дом покачнулся по направлению к северу, а потом воротился на прежнее место. Надо надеяться, что это явление более не повторится. Не было ли и у вас чего-нибудь в этом роде?³ — Дружески жму Вашу руку, и моя жена также. Будьте здоровы и благополучны. Передайте мое почтение Madame Viardot и всему семейству.

Преданный Вам Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 39–40 об.

Ответное письмо Тургенева от 22 октября (3 ноября) 1869 г. из Баден-Бадена см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 10. С. 70–71.

¹ «У меня решительно расклеилось что-то в сердце — и на жаркие летние охоты мне запрещено ходить», — отвечал Тургенев (*ПССиП(2)*). *Письма*. Т. 10. С. 71).

² В. П. Боткин умер в Петербурге 10 (22) октября 1869 г. Тургенев в ответном письме так откликнулся на замечание Жемчужникова: «Да, батюшка, В. П. Боткин приказал долго жить. Эта смерть потому особенно нелогична — что не было человека, который бы лучше умел наслаждаться жизнью. С другой стороны, так как все члены уже отказались ему служить, окончательное разрушение, пожалуй, логично — и во всяком случае для него было освобождением. Человек был замечательный: несмотря на многие недостатки — русский тип» (Там же).

³ «Землетрясения у нас никакого не было <...>», — отвечал Тургенев (Там же).

ПИСЬМО В. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА К ТУРГЕНЕВУ (1873/1874)

Публикация А. Г. Гродецкой

Короткий сюжет отношений Тургенева с Владимиром Михайловичем Жемчужниковым (1830–1884) составили две-три случайные встречи, вскользь упомянутые в переписке. Тургенев воспринимал его как брата Алексея Жемчужникова, которого знал достаточно близко (см. выше), и едва ли более того. Хотя в создании «памятного всем „Кузьмы Пруtkова“», как это замечательное литературное явление определил Тургенев,¹ Владимиру Жемчужникову принадлежала значительная роль и именно он взял на себя издание его «Полного собрания сочинений», увидевшего свет после длительной подготовительной работы в 1884 году.² Многое, однако, в отношениях писателя и Вл. Жемчужникова остается до сих неизвестным, хотя они были знакомы с середины 1850-х годов.

---

¹ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 185 («Письмо к редактору по поводу смерти гр. А. К. Толстого», 1875).

² См. подробнее: *Бухштаб Б. Я.* Козьма Прутков // Прутков Козьма. Полн. собр. соч. / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. М.; Л., 1965. С. 24–27 (здесь в «Приложении II» напечатаны три письма В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпину с изложением истории создания образа Пруtkова; см.: С. 392–401, впервые эти письма были опубликованы П. Н. Берковым в кн.: *Берков П. Н.* Козьма Прутков, директор пробирной палатки и поэт: К истории русской пародии. Л., 1933. С. 190–200); *Жуков Д. А.* Козьма Прутков и его друзья. М., 1983. С. 215–219, 304–312; *Лотман Ю. М.* Жемчужников Владимир Михайлович // *Русские писатели*. Т. 2. С. 267–268; и др. О Вл. Жемчужникове как авторе «Проекта: О введении единомыслия в России» (1859) и о широком общественно-политическом контексте этой публикации см.: *Генералова Н. П.* Из истории «Современника» 1859–1863 гг. («Свисток» в борьбе с царской цензурой) // Некрасовский сборник. Л., 1988. Т. 10. С. 19–32.

Впервые о встрече с Владимиром Жемчужниковым Тургенев упоминает в 1870 году, сообщая из Спасского 5 (17) июня Алексею Жемчужникову: «В Петербурге я прожил неделю, <...> был у Вашего двоюродного брата, А. Толстого, где, между прочим, встретил также Вашего брата Владимира».³ Почти год спустя Полине Виардо в письме из Петербурга от 24 февраля (8 марта) 1871 года Тургенев рассказал о состоявшемся накануне визите к Вл. Жемчужникову, который пригласил его на вечер с участием представителей новой русской музыкальной школы:⁴ «Вечером я отправился к некоему г-ну Жемчужникову, брату того, которого вы видели в Баден-Бадене и который был столь скучен; этот еще красивее: — у него целый *вулкан* седых волос на голове — и еще скучнее. Я застал там нескольких приверженцев новой русской музыкальной школы (к сожалению, не Кюи), но зато великого Балакирева, которого они признают своим вождем».⁵ В примечании к письму указано, что присутствовавший на вечере М. А. Балакирев был накануне письмом от 22 февраля (6 марта) извещен Жемчужниковым о том, что на нем будет Тургенев.⁶ Приглашал устроитель вечера и П. В. Анненкова (что не отмечено в комментариях), которому 22 февраля ст. ст. отправил следующую записку: «Пожалуйста, Павел Васильевич, не откажите посетить меня завтра во вторник (23 февр<аля>) вечером часов от 8½ до 11-ти, чтобы послушать музыку и провести несколько часов вместе. Не накажите меня за то, что я сам у Вас не был еще; — напротив, отомстите своим примером и — если можете — уговорите также И. С. Тургенева приехать, о чем я прошу его сегодня же. / Христос с Вами. В. Жемчужников».⁷ Упомянутое приглашительное письмо к Тургеневу неизвестно. Анненков, по всей видимости, на вечере не был, во всяком случае о нем Тургенев не упоминает в цитированном выше письме к Виардо. Присутствовали на вечере, как следует из текста публикуемого письма Жемчужникова, П. В. и Л. А. Демидовы (см. ниже).

---

³ *ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 196. Тургенев встречался с Вл. Жемчужниковым в декабре ст. ст. 1854 г. (см. выше, примеч. 5 во вступит. статье к письмам А. М. Жемчужникова). Не исключено, что он мог видеть его и в Карлсруэ в январе 1869 г. (см. выше, письмо А. М. Жемчужникова к Тургеневу от 10 (22) января 1869 г. (письмо 15) и примеч. 3 к нему).

⁴ Подробнее об этом вечере и об отношении Тургенева к русской музыке см.: *Гозенбуд А. А. И. С. Тургенев*. СПб., 1994. С. 52–92 (сер. «Musica et litteratura»).

⁵ *ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 317. Подлинник по-франц.

⁶ См.: Там же. С. 420; см. также письма Вл. Жемчужникова к Балакиреву (*РНБ*. Ф. 41); о вечере у Жемчужникова см.: *Балакирев М. А. Воспоминания и письма*. Л., 1962. С. 95, 103.

⁷ *ИРЛИ*. Ф. 7. № 42. Л. 1. В правом верхнем углу: «22 февр<аля> 1871. Мойка, Храповицкий мост, д. гр. Бобринского 2-й флигель, вход с улицы»; на конверте: «На углу Итальянской и Надеждинской, д. *Овсяникова*. Его высоко<ко>благородию Павлу Васильевичу Анненкову. От В. Жемчужникова» (Там же. Л. 3).

Двумя встречами в 1870 и 1871 годах как будто исчерпывается предыстория парижских контактов Тургенева с Владимиром Жемчужниковым в декабре 1873 — январе 1874 года, о которых идет речь в публикуемом письме. Между тем Тургенев не только встречал Вл. Жемчужникова с середины 1850-х годов в кругу «Современника», но и не мог не слышать о нем. «Отношения Прутков к „Современнику“, — писал Алексей Жемчужников брату 1 (13) февраля 1883 года, — возникли от связей с „Современником“ моих и твоих. Я помещал в „Современнике“ свои комедии и стихи, а ты был знаком с редакцией».⁸ О первых публикациях в журнале сочинений Козьмы Пруткова А. Н. Пыпин вспоминал: «...в редакции „Современника“ я в первый раз познакомился с одним из главных представителей этого сборного символического псевдонима, Владимиром Жемчужниковым».⁹ По данным Д. А. Жукова, основанным на материалах жандармских наблюдений, Вл. Жемчужников в 1850-х и начале 1860-х поддерживал тесные связи с редакцией «Современника» и «нередко бывал у Чернышевского. О его общении с Добролюбовым свидетельствуют напутствие критика к „Пуху и перьям“ и вообще пристальное внимание революционного демократа к творчеству Козьмы Пруткова, весьма украсившего „Свисток“».¹⁰ Впрочем, с конца 1850-х годов Тургенев с редакцией журнала уже разошелся.

Заслуживают внимания немногочисленные свидетельства мемуаристов о «странных» во многих отношениях личности и биографии В. М. Жемчужникова. В неопубликованных «Заметках на память. 1852–1855» Г. Н. Геннади есть любопытная запись: «Его (В. М. Жемчужникова. — *Ред.*) я изо всех Жемчужниковых больше люблю. <...> У него и ум, и способность писать, и охота заниматься, но мало сосредоточенности и определенности, русак настоящий: задумает широко, начнет горячо, да потом и оставит или за другое возьмется. <...> Задуман какой-то всеобщий русский словарь, да хочет собрать все книги о России. Курса в университете не кончил, теперь не знает, куда приютиться, чтобы получить первый чин. А языком русским владеет и теперь хорошо, а если бы больше писал, был бы оригинальный писатель...».¹¹ По свидетельству С. П. Хитрово, племянницы С. А. Толстой, жены А. К. Тол-

---

⁸ Цит. по: *Прутков Козьма*. Полн. собр. соч. С. 394. В подлиннике начало фразы «Отношения Пруткова к „Современнику“» взяты в кавычки, поскольку повторяют вопрос А. Н. Пыпина, на который отвечает А. М. Жемчужников в письме к брату Владимиру.

⁹ *Пыпин А. Н.* А. Некрасов. СПб., 1905. С. 16.

¹⁰ *Жуков Д. А.* Козьма Прутков и его друзья. С. 306. «Пух и перья (Daunen und Federn)» — заглавие второго (после «Досугов», 1854) цикла «сочинений» Козьмы Пруткова, опубликованного в «Свистке» (1860. № 4).

¹¹ Цит. по: *Жуков Д. А.* Козьма Прутков и его друзья. С. 217–218. С 1846 г. Жемчужников учился на юридическом, с 1848 г. на историко-филологическом факультете Петербургского университета; курса не кончил и был уволен в 1852 г.

В. М. Жемчужников. Фотография К. Бергамаско.
Петербург, 1870 (?)

стого, Софья Андреевна «очень любила В. Жемчужникова и считала его почти гениальным, и говорила о нем с большим восторгом, так что он скоро для нас, девочек, стал идеалом, и мы волновались и радовались, когда он приезжал на несколько недель в Пустыньку». «Все непохожие на него, — вспоминала Хитрово, — казались мне не стоящими внимания».¹²

К. А. Скальковский, крупный горнозаводской деятель и писатель-публицист, вспоминал о Жемчужникове, с которым познакомился «довольно близко» в годы службы последнего секретарем Российско-Американской компании:

---

¹² Цит. по: *Лосев А. Ф.* Владимир Соловьев и его время. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 607, примеч. 2. Пустынька — наследственное имение А. К. Толстого под Петербургом, приобретенное в 1850 г. его матерью, *Анной Алексеевной Толстой* (урожд. Перовская; 1796–1857).

«Жемчужников был один из сообщества, писавшего под псевдонимом Кузьмы Пруtkова. Это был красивый собою и умный оригинал и неудачник. С братьями они славились среди петербургского высшего общества своими школьническими выходками и смелостью. Будучи хорошей фамилии и племянником министра внутренних дел Перовского, он всю жизнь и карьеру испортил связью или женитьбою, не помню, с женщиной, не соответствовавшей его положению. Получив наследство, он положил деньги в чемодан рядом с фейерверком, который вез в деревню. По дороге он курил, фейерверк взорвался, и деньги сгорели. Жемчужников получил сильные ожоги и всю жизнь нуждался в средствах, что не помешало ему быть коллекционером, а также спасти от разорения В. Корша, для которого он нашел деньги для продолжения „С.-Петербургских ведомостей“, конторою которых он одно время заведовал».¹³

Воссоздание всех этапов прихотливой служебной карьеры Жемчужникова представляло большую сложность для его биографов. Б. Я. Бухштаб, например, писал: «В. М. Жемчужников по окончании Петербургского университета уехал в 1854 году в Tobольск чиновником особых поручений при своем зяте В. А. Арцимовиче, назначенном тобольским губернатором, но в следующем году вступил в ополчение. Выйдя в 1857 году из военной службы, он не вернулся на чиновничью, а поступил на частную и в 1861 году был одним из директоров Русского общества пароходства и торговли. Впоследствии В. М. Жемчужников вновь поступил на государственную службу, но скитался по разным министерствам, нигде не уживаясь, — вероятно, из-за той суровой честности и принципиальности, которую отмечают в нем мемуаристы. В конце жизни был директором канцелярии министра путей сообщения».¹⁴ Ю. М. Лотман в биографической статье привел следующие данные: после вступления в ополчение во время Крымской войны в 1855-м и отставки в чине поручика в 1857 году Жемчужников в 1864–1868 годах служил в министерствах морском, финансовом, внутренних дел, с 1868-го — в Министерстве путей сообщения, сначала чиновником особых поручений при министре (до 1871 г.), затем директором Департамента общих дел; с 1879 года директором канцелярии министра.¹⁵

Тургенев, таким образом, 23 февраля ст. ст. 1871 года присутствовал на музыкальном вечере у высокопоставленного чиновника Министерства путей

---

¹³ *Скальковский К.* Воспоминания молодости (по морю житейскому): 1843–1869. СПб., 1906. С. 215. На эти мемуары ссылается Д. А. Жуков, оговариваясь, что сведения мемуариста не всегда достоверны (см.: *Жуков Д. А.* Козьма Прутков и его друзья. С. 304–305). Братьям Жемчужниковым граф *Лев Алексеевич Перовский* (1792–1856), министр уделов в 1841–1852 и министр внутренних дел в 1852–1855 гг., приходился дядей по линии матери, *Ольги Алексеевны Жемчужниковой* (урожд. Перовская; 1798–1833).

¹⁴ *Бухштаб Б. Я.* Козьма Прутков. С. 21, примеч. 1. О В. А. Арцимовиче см. выше, примеч. 91 во вступит. статье к письмам А. М. Жемчужникова.

¹⁵ См.: *Лотман Ю. М.* Жемчужников Владимир Михайлович. С. 267.

сообщения, занимавшего квартиру, что немаловажно, в собственном доме министра. Этот факт не обошел вниманием М. Е. Салтыков, не без иронии писавший Алексею Жемчужникову 22 апреля ст. ст. 1870 года: «Братец Ваш, Владимир, слился с гр. Бобринским <...>».¹⁶ Следует иметь в виду, что в апреле 1871 года произошла смена министров путей сообщения: В. А. Бобринского сменил на этом посту его двоюродный брат А. П. Бобринский.¹⁷

В общении с Владимиром Жемчужниковыми, как и с его братом Алексеем, в наблюдениях над социальной и мировоззренческой эволюцией в 1860-е и 1870-е годы ярких представителей этого семейства Тургенев, помимо прочего, находил тот современный русский материал, который был ему в ситуации «абсентеизма» творчески необходим. Ряд характеристических черт «либерального бюрократа» Сипягина в будущей «Нови» Тургенев определил в «Формулярном списке лиц новой повести» (1872), ориентируясь наряду с другими прототипами на семью Жемчужниковых: «Сипягин, Борис Иванович, р. 1820. 48 л. / Средняя пропорциональная между Абазой и Жемчужниковым (и Валуевым). Либеральный бюрократ. <...> Отец его был известный правдолюбием и честностью сенатор, вроде Жемчужникова-старика. — Имение довольно значительное — да и сам он, хотя честным образом, но увеличил его по разным железнодорожным предприятиям, где ему, просто из уважения, давались пай... <...>».¹⁸ В примечаниях к роману Н. Ф. Будановой в качестве прототипа указан Н. М. Жемчужников (Буда-Жемчужников),¹⁹ однако упоминание «разных железнодорожных предприятий» позволяет предположить, что имелся в виду именно «либеральный бюрократ» Владимир Жемчужников, занимавший в 1872 году, во время составления «Формулярного списка...», пост директора Департамента общих дел Министерства путей сообщения. А если так, то подробность о паях, которые ему давали «просто из уважения», может рассматриваться как историко-документальное свидетельство, хотя оно и противоречит известной по воспоминаниям современников репутации Вл. Жемчужникова как человека честного и принципиального.

---

¹⁶ Щедрин. Т. 18. Кн. 2. С. 47.

¹⁷ Граф Владимир Алексеевич Бобринский (Бобринский 2-й; 1824–1898) — генерал-майор свиты, министр путей сообщения с 20 апреля 1869 до 2 сентября 1871 г. Граф Алексей Павлович Бобринский (Бобринский 1-й; 1826–1894) — министр путей сообщения со 2 сентября 1871 по 10 июля 1874 г. См.: Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения за сто лет его существования (1798–1898). СПб., 1898. С. 198 (Список высшим чинам Ведомства путей сообщения (1797–1898)). Об А. П. Бобринском см. также ниже, примеч. 4 к публикуемому письму.

¹⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 405–406. О М. Н. Жемчужникове см. выше, примеч. 19 во вступит. статье к письмам А. М. Жемчужникова.

¹⁹ См.: Там же. С. 510.

В конце 1870-х годов Жемчужников принимал участие в подготовке посмертного издания сочинений А. К. Толстого (по просьбе вдовы) и состоял в деловой переписке с М. М. Стасюлевичем.²⁰ Его письма к Стасюлевичу сохранили несколько заслуживающих внимания высказываний о Тургеневе, относящихся к последнему году жизни писателя. В письме от 19 (31) июля 1883 года Жемчужников просил своего адресата: «Если будете в Париже и увидите И. С. Тургенева, пожалуйста, передайте ему мой поклон и пожелания лучшего здоровья». А 27 августа (8 сентября) признавался: «Жаль потерять Тургенева! Это последний из крупных представителей былой нашей литературы, которая была далеко изящнее, многостороннее и человечнее нынешней». После смерти Тургенева в письме от 6 (18) октября 1883 года Жемчужников широко и смело, хотя и субъективно, судит о нем и о Льве Толстом. «Спасибо Вам, — пишет он Стасюлевичу, — за Ваши строки о Тургеневе в октябрьской книге „Вестника Европы“ <...>. — Да, от России отнялось самое лучшее и изящное, что в ней было. Это тем чувствительнее, что, за духовной болезнью Льва Толстого, нет у нас личности в настоящее время, которая представляла бы изящное творчество с достаточною силою. Притом у Льва Толстого замечается сила дарования, но отсутствие сознательной мысли и всесторонней полноты изящной отделки. У него нет дара изящной правильности слова, которою в таком совершенстве обладал Тургенев. Заметка Тургенева в „Стихотворениях в прозе“ о русском языке — великолепна. Лев Толстой никогда и не чуял ничего подобного. Вообще я мало чем бывал так сыт без насыщения, как „Стихотворениями в прозе“».²¹

В поздние годы Жемчужников работал над мемуарами об отце и его предках, которых так и не закончил.²²

Публикуемое письмо датируется нами декабрем 1873 — январем 1874 года по следующим соображениям. Письмо написано в Париже, где Тургенев находился с 23 сентября (5 октября) 1873 до 30 апреля (12 мая) 1874 года.²³ «Недавнее» его знакомство с княжнами Львовыми (см. о них примеч. 9 к тексту письма) относится к 1873 году. В июле этого года Тургенев в Карлсбаде познакомился с вдовой литератора и цензора кн. В. В. Львова и ее дочерьми.²⁴ Накануне знакомства, откликаясь 26, 27 июня (8, 9 июля) 1873 года на просьбу П. Виардо сообщить сведения о русских в Карлсбаде, он, в духе «игры в портреты», в перечне под № 5 набросал ироничный групповой портрет: «Некая

²⁰ См. его письма к Стасюлевичу 1874–1884 гг.: *Стасюлевич*. Т. 4. С. 309–332.

²¹ Там же. С. 314, 316, 317–318. В «Вестнике Европы» (1883. № 10) была помещена статья Стасюлевича «Из воспоминаний о последних днях И. С. Тургенева».

²² См.: Записки В. М. Жемчужникова. Из посмертных бумаг / <Вступит. ст. и публ. Л. М. Жемчужникова> // *ВЕ*. 1899. № 2. С. 634–664.

²³ См.: *Летопись (1871–1875)*. С. 155 и след.

²⁴ См.: *Львова Елиз. В., кн.* Из воспоминаний об И. С. Тургеневе и его писем // *НВр*. 1910. 25 декабря (7 января 1911). № 12497. С. 8.

княгиня Львова с тремя дочерями. Мамаша нежная, добрая, бесцветная, серая, безобидная, приторная. Старшая дочь похожа на Толстого — бубнового туза — которому она приходится кузиной — думаю, что это натура ограниченная, но восторженная и щедрая. Две другие дочери — юные глупышки. Носы очень длинные».²⁵ Гораздо привлекательнее выглядит характеристика семейства Львовых в письме к Анненкову в Ниццу от 19 ноября (1 декабря): «В Ницце находится теперь очень милое семейство кн. Львовой (вдовы цензора „Записок охотника“). Постарайтесь познакомиться; самое лучшее — подите просто от моего имени — я им писал об Вас, и Вы, наверное, будете отлично приняты. Младшая дочь — очень оригинальное существо и пописывает повестушки — не без таланта; но это секрет между нами <...>».²⁶ Анненков сообщил 4 (16) декабря, что был у Львовой, «но еще не познакомился с нею»,²⁷ а 5 (17) января 1874 года извещал Тургенева, что знакомство состоялось: «Славное семейство Львовых — старшая дочь очень умная девушка».²⁸

Зимой 1873/74 года в Ницце и Ментоне, где с ними встречался Владимир Жемчужников, находились все упоминаемые в письме лица — Анненков, А. М. Жемчужников, А. К. Толстой, братья А. И. и В. И. Васильчиковы. Анненков приехал в Ниццу в октябре 1873 года и впервые оттуда писал Тургеневу 21 октября (2 ноября), сообщая, что здесь «надолго установился», наняв «прекрасную виллу». В письме от 12 (24) ноября он упомянул, что в Ницце живут «оба брата Васильчиковы» (см. подробнее ниже, примеч. 8), добавляя в письме от 4 (16) декабря, что пробудет в Ницце «в силу контракта, заключенного с хозяйкой квартиры», до 1 мая 1874 года.²⁹ Сведения о состоянии здоровья названных в письме лиц также не противоречат предложенной нами датировке. Уточняет ее, позволяя говорить именно о декабре 1873 — январе 1874 года, упоминание Вл. Жемчужниковым о тяжелой лихорадке у сына Анненкова — Павла (см. ниже, примеч. 12).

В. М. Жемчужников — Тургеневу

Декабрь 1873 — январь 1874 года. Париж

Я застал Ваше письмо¹ у себя, возвратясь домой только в 1-м часу ночью. Можете представить себе, как мне было досадно — и то, что я

²⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 318. Подлинник по-франц.

²⁶ Там же. С. 243.

²⁷ Анненков. Письма. Кн. 1. С. 228.

²⁸ Там же. С. 230.

²⁹ Там же. С. 224, 227, 228.

Я не пишу Вам ничего у себя,
возвращаясь домой? Должно бы 1^е мая
полно. Хотел уведомить себя как
и вы обо всем - и то, что не вышло.
Ваше и то, что не могу своевременно
уведомить Вас что не был дома.
- Я рассчитываю, что вы скажете, когда
бы были дома, и я скажу вам то же;
- почему я не уведомить, что не делал
дома ничего. Прошу, скажите пожалуйста
что лучше, а потом обидно и только у Сергея
у Демидова (или понаименовал с имени, когда
бы вечером у меня в Петерб.; - жена Демидова
ушедшая Асарева, сестра графа - Бобринского?). Это
одни из очень любящих и чистых. - Прощайте
еще и до следующего вечера. Впрочем сегодня

Письмо В. М. Жемчужникова к Тургеневу. Первая страница

не видел Вас, и то, что не мог своевременно предупредить Вас, что не буду дома. — Я рассчитывал, что Вы скажете, когда *Вы* будете дома, и я застал бы Вас; — поэтому я не предупредил, что не бываю дома целые дни: утром спешу пересмотреть, что успею, а потом обедаю и провожу вечера у Демидовых² (Вы познакомились с ними, когда были вечером у меня в Петербурге);³ — жена Демидова урожденная Писарева, сестра графини Бобринской).⁴ Это одни из очень любящих и Вас. — Пробуду здесь еще и до завтраго вечера. — Вероятно, сегодня попытаюсь опять застать Вас. — Я съездил только в Ниццу и Ментон, на 3–4 дня. Видел моего брата Алексея,⁵ Алексея Толстого,⁶ Анненкова,⁷ Васильчикова⁸ и — недавних Ваших знакомых княжон Львовых.⁹

Васильчикова застал плохим, Толстого не хорошим,¹⁰ у брата моего жена оправляется,¹¹ а у Анненкова сын все не оправляется и не может освободиться от лихорадки.¹²

На случай, что не увидимся здесь, опять сообщаю Вам адрес Демидовых: rue Richerance 13.

В. Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5761. Л. 1–1 об.

¹ Это письмо неизвестно.

² Имеются в виду *Петр Всеволодович Демидов* (?–1873/1875), чиновник Министерства внутренних дел, и его жена *Лидия Алексеевна Демидова* (урожд. Писарева).

³ Речь идет о музыкальном вечере, состоявшемся 23 февраля ст. ст. 1871 г.; см. о нем подробнее во вступит. статье.

⁴ Графиня *Александра Алексеевна Бобринская* (урожд. Писарева; 1843–1905), жена графа А. П. Бобринского (см. о нем во вступит. статье). С А. П. Бобринским в приятельских отношениях много лет состоял А. К. Толстой; он неоднократно упоминается в его письмах. С 1856 г. Бобринский и Толстой были флигель-адъютантами императора Александра II.

⁵ А. М. Жемчужников с семьей зимой 1873/1874 гг. жил в Ментоне, бывая также и в Ницце. Анненков писал Тургеневу 4 (16) декабря 1873 г. из Ниццы: «Судьба желает, чтоб Алексей Жемчужников сопутствовал мне в сей жизненной юдоли. Он живет в Ментоне, но на днях иду я, беззаботный, по улице и обретаю его на дороге» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 228).

⁶ А. К. Толстой с женой зимой 1873/1874 гг. жили в Ментоне; см. подробнее: *Матвеева Е.* Воспоминания о графе А. К. Толстом и его жене // *ИВ*. 1916. № 1. С. 166–169 (здесь же упомянут живший с семьей в Ментоне А. М. Жемчужников; см.: С. 167).

⁷ О пребывании Анненкова в Ницце см. выше.

⁸ Анненков писал Тургеневу из Ниццы 12 (24) ноября 1873 г.: «Из русских здесь оба брата Васильчиковы (бедный Виктор Иванович) (sic! — А. Г.) вряд ли отсюда и выедет <...>», и в письме от 4 (16) декабря повторял: «Бедный Виктор

Васильчиков изнемогает в изнурительной лихорадке <...>» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 227, 228). В примеч. указано: «Имеются в виду братья Васильчиковы, Виктор и Александр Илларионовичи <...>» (Там же. С. 503). Речь идет о герое обороны Севастополя во время Крымской войны, военном деятеле князе *Викторе Илларионовиче Васильчикове* (1820–1878), уволенном в 1861 г. с поста управляющего Военным министерством по состоянию здоровья, и о его брате *Александре Илларионовиче Васильчикове* (1818–1881), писателе и общественном деятеле.

⁹ О семье цензора В. В. Львова см. примеч. 1 к письму А. М. Жемчужникова к Тургеневу от марта (после 21) н. ст. 1868 г. (письмо 8); о знакомстве Тургенева с Львовыми в июле 1873 г. см. выше. Жемчужниковы, как и А. К. Толстой, приходились двоюродными братьями княжнам Львовым по линии их матери, *Софьи Алексеевны Львовой* (урожд. Перовская; 1811–1883). С младшей из княжон, *Елизаветой Владимировной Львовой* (в замуж. Матвеева; 1853 — после 1896), прозаиком и драматургом, Тургенев не раз встречался и с 1873 до 1882 г. состоял в переписке (известно 7 его писем к ней). Елиз. В. Львова — автор цитированных выше мемуаров об А. К. Толстом и о Тургеневе.

¹⁰ Анненков писал Тургеневу из Ниццы 5 (17) января 1874 г.: «Здесь проезжал в Ментон Алексей Толстой, страдающий сердцем, и, говорят, постарелый и ослабевший до крайности», и позднее, 2 (14) марта, сообщал из Ментона: «Я обедаю здесь у гр. Алек<сея> Толстого, который борется с невероятными страданиями (у него подагра в голове <...>), но продолжает быть деликатен, мягок и эстетичен. <...> И все это никнет к земле, опираясь на Алек<сея> Жемчужникова, гомеопатию, журналы и виды на море» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 230, 232). Елиз. Львова вспоминала о встречах с Толстым зимой 1873/74 г.: «Толстой ужасно страдал уже в это время. Говорили, что у него, будто бы, подагра в голове! Прилив крови к голове был страшный, лицо его было постоянно багровое, все пронизанное толстыми, синими жилами. Иные дни мучительно было на него смотреть. Тем не менее, как только боль немного утихала, он снова шутил и всех смешил» (*Матвеева Е.* Воспоминания о графе А. К. Толстом и его жене. С. 166).

¹¹ Улучшение здоровья Е. А. Жемчужниковой (см. о ней выше, во вступит. статье к письмам А. М. Жемчужникова) было временным, в 1875 г. она скончалась от чахотки.

¹² Анненков впервые писал Тургеневу о болезни сына 5 (17) января 1874 г.: «Мой Павлик схватил здесь лихорадку, с примесью бронхита и какого-то экссудата в легких. <...> Он лежит между жизнью и смертью, — ближе к последней. Здешние пачкуны-доктора умели продержат его 5 недель в лихорадочном пожаре, отчего он стал тенью, а не человеком». В письме от 10 (22) февраля Анненков сообщал: «Я переехал на две-три недели в Ментон с Павликом моим <...>, которого нужно превратить из животного-растения, каким сделала его двухмесячная болезнь — в человека по-прежнему. Задача не совсем еще легкая, ибо воспаление расходится крайне медленно и все члены находятся в виде рудиментов, еще не способных к функциям. Но он спасен, а это главное». 2 (14) марта Анненков писал Тургеневу: «Теперь все кончилось: мы спасли Павлика <...>. Воздух Ментона поднял его на ноги, и я возвращаюсь опять в Ниццу <...>» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 230, 231–232). Тургенев в письмах к Анненкову из Парижа в январе — марте 1874 г. неоднократно высказывал беспокойство о здоровье его сына. Сын П. В. Анненкова — *Павел Павлович Анненков* (1869–1934), экономист, окончил Новороссийский университет.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО К ТУРГЕНЕВУ ЖЮЛЯ ВАЛЛЕСА (1877)

Публикация Н. П. Генераловой

Об отношениях Тургенева и французского писателя-коммунара Жюль Валлеса (Vallès; 1832–1885) было известно давно,¹ однако многое оставалось не проясненным до последнего времени. Настоящая публикация также не исчерпывает вопроса, хотя вносит в него необходимые коррективы и дополнения.

Журналист и политический деятель, автор трилогии «Жак Вентра», книги сатирических очерков «Лондонская улица» («La Rue à Londres») и других произведений Жюль Валлес с ранних лет оказался замешанным в политику. Уже в феврале 1848 года шестнадцатилетний Валлес принимает участие в республиканских манифестациях, а после декабрьского переворота Луи Бонапарта 1851 года открыто встает на путь политической борьбы. Непримирымый противник буржуазных отношений, сторонник радикального переустройства общества на социалистических началах, Валлес продолжал бороться после победы Наполеона III, выступая от лица беднейших слоев народа. В ряде статей и памфлетов он обличал господство финансового капитала, идеологию стяжательства, несправедливость существующего государственного порядка. За активное участие в событиях Парижской коммуны 1871 года, во время которой Валлес сражался и на баррикадах, и как редактор газеты «Le cri du peuple» («Крик народа»), писатель был приговорен к смертной казни

---

¹ Два письма Тургенева к Ж. Валлесу впервые были опубликованы в русском переводе в 1935 г.: Известия ВЦИК. 9 марта. № 59; перепечатаны: Литературный критик. 1935. № 3. С. 228–229. Во французском оригинале впервые опубликованы: ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1, по указ. писем по адресатам.

и был вынужден бежать в Англию, оказавшись там на положении изгнанника без всяких средств к существованию. Пришлось перебиваться случайными заработками в различных периодических изданиях, в основном французских, пользуясь поддержкой друзей и многочисленными псевдонимами. За долгих десять лет изгнания в Лондоне Валлес становится беспощадным критиком английского буржуазного уклада, написав книгу очерков «Лондонская улица», подобно той, что была создана во Франции («Улица» («La rue»)) на основе ежедневной хроники, которую он вел (под тем же названием) в газете «L'Événement». В Англии Валлес напишет автобиографический роман «Жак Вентра», принесший ему впоследствии заслуженную славу.

Однако слава пришла к нему гораздо раньше. Уже после разгрома Коммуны Валлес удостоился единственной в своем роде чести: в 1871 году в Париже вышла его биография (с портретом) на 95 страницах некоего Нарцисса Бланпена (р. 1839), где личность Валлеса была представлена в крайне неблагоприятном свете.² Аттестуя своего героя как «деклассированного писателя» («déclassé de la plume»), обуреваемого жадной славой, неутомимого гуляку и поджигателя, автор биографии все же вынужден был признать, что среди тех, кого выдвинула Коммуна, Валлес является, без сомнения, самым оригинальным и странным человеком («le plus original <...> l'homme étrange»)³ Несмотря на очевидное желание выставить своего героя в самом непривлекательном виде, вплоть до душераздирающей сцены с оставленной им гризеткой, образ Валлеса был набросан ярко и выразительно и выдавал в авторе биографии-памфлета человека, близко знавшего будущего коммунара во времена, когда он еще бунтовал в недрах парижской богемы 1850–1860-х годов. Особенно подробно Бланпен описал поведение Валлеса во время Коммуны.

Человек необычной судьбы, Валлес при жизни стал легендой. Приговоренный к смерти, он был заживо похоронен в нескольких некрологах и долго считался погибшим.⁴ Одни называли его «чудовищем», «бастардом Марата», «интеллектуальным вырожденком» и радовались его смерти,⁵ другие почитали

---

² *Blanpain N.* Les insurgés du 18 mars: Jules Vallès, membre de la Commune. Paris, 1871.

³ *Ibid.* P. 5.

⁴ См.: *Lemaître J.* Sang commune mesure // Les amis de Jules Vallès. Revue d'études vallésiennes. 1986. № 3. P. 73–74. В статье «Письмо расстрелянного» («Lettre d'un fusillé»), помеченной 29 ноября 1879 г., Валлес так описал свое «воскрешение»: «Ружья ушли, но пули не настигли меня, они поразили другие головы: в воздухе было столько дыма — дыма от пороха и крови. Я долго считался погибшим, но вот воскрес. — Привет вам, товарищи» (*Ibid.* P. 75).

⁵ См. об этом: *Гальперин В. А.* Валлес — критик буржуазной Англии («Лондонская улица») // Учен. зап. Коми гос. пед. ин-та. Сыктывкар, 1955. Вып. 5. С. 109. На смерть Валлеса откликнулись и в России. Так, в «Историческом вестнике» был опубликован краткий, но содержательный некролог, где Валлес был назван «известным журналистом». Здесь, в частности, сообщалось, что, когда «он находился на

Жюль Валлес. Фотография Надара. Париж, около 1860 г.

как вождя и оплакивали его героическую гибель. Ему довелось вернуться в Париж после десятилетнего изгнания и продолжить борьбу, а его похороны в 1885 году на Пер-Лашез вылились в невиданную по числу участников демонстрацию.

Трудно представить, чтобы Тургенев, живший подолгу в Париже в конце 1850-х — начале 1860-х годов и следивший за французской прессой, не заметил ярких очерков молодого журналиста, писавшего в нескольких ведущих газетах, и не слышал о шумных выступлениях парижской литературной и артистической богемы, в среде которой фигура Валлеса была весьма заметной. Однако никаких упоминаний о нем в переписке Тургенева нет вплоть до 1877 года, когда, при посредстве Золя, изгнанник обратился к русскому писателю с просьбой рекомендовать его в качестве корреспондента в один из русских журналов.

До последнего времени были известны лишь два письма Тургенева к Валлесу (1877), опубликованные в первом и втором академических Полных собраниях сочинений и писем.⁶ В обоих изданиях указано, что письма Валлеса

смертном одре, в квартире его был произведен обыск полицией по случаю убийства, совершенного в редакции „Cri du peuple“» (1885. № 6. С. 711–712).

⁶ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. № 4327, 4442; ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4761, 4890.

к Тургеневу неизвестны. Новых писем Тургенева к Валлесу за истекшие годы не нашлось. В недавно опубликованной статье «Жюль Валлес — протеже Тургенева в России» было высказано предположение, что Тургенев мог уничтожить письма Валлеса из опасения быть привлеченным к ответственности за связи с неблагонадежными личностями.⁷ Теперь, когда наконец обнаружилось неизвестное письмо Валлеса к Тургеневу, это предположение следует считать несостоятельным.

Публикуемое письмо Валлеса к Тургеневу находится в приобретенной в 1999 и 2001 годах Хоутонской библиотекой (Гарвард) значительной части архива Полины Виардо, принадлежавшей Мартин и Андре Ле Сен.⁸ Оно проливает дополнительный свет на эпизод сотрудничества русского писателя и французского изгнанника.

Знакомство Тургенева с Жюлем Валлесом было, скорее всего, заочным, хотя нельзя исключить, что в один из приездов писателя в Лондон в октябре 1878-го или в июне 1879 года могла состояться и личная встреча. Об интересе Тургенева к Парижской коммуне свидетельствует, например, тот факт, что 31 мая н. ст. 1871 года, в то время как Коммуна доживала последние дни, он присутствовал в Лондоне на диспуте по поводу Парижской коммуны, докладчиком которого был студент Тринити-колледжа Эштон Уэнтворт Дильк (будущий переводчик романа «Новь»), и живо реагировал на него.⁹ Логично предположить, что не только творчество, но и сама личность писателя-бунтаря должна была заинтересовать Тургенева, особенно если учесть, что именно в эти годы им был задуман новый роман, посвященный русским и французским революционерам.¹⁰ Хотя подготовительные материалы к роману, о кото-

---

⁷ «...Здесь, возможно, сыграла свою роль бурная биография французского писателя, общение с которым во Франции, даже во времена республики, не было безопасным. Не было оно безопасным и для Тургенева, который, однажды пострадав за некролог Гоголя, старался проявлять осторожность и известную конспирацию в общении с людьми с „подмоченной“ политической репутацией. Можно с большой долей уверенности предположить, что он уничтожил письма Валлеса как могущие скомпрометировать его в глазах каких бы то ни было властей, русских или французских, ведь, как выяснилось недавно, во Франции Валлес тоже был под негласным надзором полиции» (*Генералова Н. П. Жюль Валлес — протеже Тургенева в России // Тургеневский ежегодник 2013 года / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрихина. Орел, 2014. С. 33–34.*)

⁸ Houghton Library. MS Mus 232 (32). Пользуясь случаем, выражаю сердечную благодарность руководству и сотрудникам Хоутонской библиотеки, давшим разрешение на публикацию этих материалов.

⁹ См. об этом в воспоминаниях В. Рольстона: *Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 306, а также: *Waddington P. Turgenev and England. London, 1980. P. 161.*

¹⁰ Подробнее об этом замысле Тургенева см.: *Инатова С. А. К реконструкции неосуществленного замысла Тургенева <Роман о русских и французских революционерах> // Тургеневский ежегодник 2013 года. С. 40–52.*

рых говорили некоторые мемуаристы, до сих пор не обнаружены, нет сомнений, что яркая биография Валлеса должна была привлечь внимание писателя, тем более что французский писатель-коммунар был связан с Эмилем Золя еще с середины 1860-х годов, а также с Альфонсом Доде, с которыми Тургенев часто встречался в Париже и поддерживал тесные отношения.

Можно предположить, что впервые Золя заговорил с Тургеневым о возможном новом сотрудничестве для какого-то русского журнала еще летом 1876 года в не дошедшем до нас письме, на которое писатель отвечал 21 июня (3 июля) 1876 года. «Для маленького корреспондента на 200 франков, — писал Тургенев в постскрипуме к письму, — шансов очень мало. Я стучался в две или три двери. Полная неудача. Впрочем, еще не все потеряно».¹¹ Под «маленьким корреспондентом» («le petit correspondant») имелись в виду, несомненно, «маленькие корреспонденции». Но о ком шла речь? В переписке Золя можно найти двух претендентов на роль автора небольших заметок для русского журнала — Поля Бурже, с которым Золя хотел бы полемизировать на литературные темы, например о Бальзаке, и Жюль Валлеса. Оба имени названы в комментариях к письму.¹² Первому Золя в письме от 24 декабря н. ст. 1876 года советовал начать «критическую кампанию» («une campagne de la critique») в какой-нибудь газете, чего так не хватало, по его мнению, в современной литературной жизни Франции.¹³ На это предложение Бурже отвечал 27 декабря н. ст.: «...но где эта газета, которой нужна литература? <...> Статья о Бальзаке была написана для одного московского журнала; если мои дела в этом направлении наладятся, мы с вами сразимся, хотя бы для того чтобы за границей восхищались лишь настоящими писателями. В Париже политика поглотила все».¹⁴ Однако, как показывает переписка Золя с Бурже, речь шла об уже написанной (и довольно объемной) статье Бурже о Бальзаке, а возможная полемика не могла уложиться в небольшую корреспонденцию. Что касается Ж. Валлеса, то, учитывая его нужду в деньгах, даже небольшие корреспонденции на 200 франков могли выручить его. Попытка Валлеса найти пути в революционно-демократический журнал «Дело» накануне обращения к Тургеневу не увенчалась успехом, и он прибегнул к помощи Золя с просьбой порекомендовать его в русский журнал в качестве лондонского корреспондента.

Как никто другой, Золя знал, что такое нужда и невозможность печататься. Понимал он также, что талантливый писатель не может не писать, да и общественные взгляды Валлеса, несмотря на все крайности, были ему скорее близки,

---

¹¹ ПССУП(2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 314. Подлинник по-франц.

¹² Там же. С. 477–478.

¹³ Zola E. Correspondance / Editée sous la direction de B. H. Bakker. Editrice associée: Colette Becker, conseiller littéraire: Henri Mitterand. Montréal; Paris, 1980. Т. 2: 1868 — mai 1877. P. 510. Далее сокращенно: Zola. Corr, с указанием тома и страницы.

¹⁴ Цит. по: Ibid. P. 511, note 4.

нежели чужды. Недаром в письме к Валлесу от 25 декабря н. ст. 1876 года, отвечая на вопрос, в каком журнале он публикует свои корреспонденции, Золя прямо указывал, что «Вестник Европы» не очень подходит для того общественно-политического направления, к которому принадлежал Валлес: «...я полагаю, что у него (журнала «Вестник Европы». — *Н. Г.*) уже есть лондонский корреспондент, а с другой стороны, он имеет окраску „Le Temps“». ¹⁵ Говоря об окраске «Вестника Европы», писатель имел в виду достаточно умеренное политическое направление журнала Стасюлевича. ¹⁶ При этом Золя указывал, что есть другой, гораздо более передовой («*avancée*») журнал, а именно «Отечественные записки», который он знал не понаслышке, познакомившись с его редактором М. Е. Салтыковым через Тургенева. ¹⁷

Как известно, Тургенев устроил сотрудничество опального на родине Золя в «Вестнике Европы», с редактором которого М. М. Стасюлевичем у него сложились дружеские отношения. При этом сам писатель не только печатал практически все свои новые произведения у Стасюлевича, но и выступал в роли советчика, рекомендуя новых сотрудников, как русских, так и иностранных. Плодотворным оказалось сотрудничество в газете «Новое время» Альфонса Доде, состоявшееся, очевидно, также не без участия Тургенева. ¹⁸ Еще одного французского журналиста Тимоти Колани (*Colani*; 1824–1888) Тургенев пристроил в «Наш век», правда газета просуществовала недолго и сотрудничество не было продолжительным.

Вообще эта сторона деятельности Тургенева, к сожалению, пока не стала предметом специального изучения. Между тем она весьма любопытна и далека от простой благотворительности, в чем нередко упрекали Тургенева недоброжелатели или люди не очень сведущие. На самом деле, предлагая русским журналам и газетам сотрудничество иностранных авторов и корреспондентов, Тургенев был очень разборчив. Достаточно вспомнить, сколько новых подписчиков получил «Вестник Европы» с появлением на его страницах ярких «Парижских писем» Эмиля Золя, ставшего с 1875 года постоянным корреспондентом журнала. ¹⁹ Тургенев подсказал Золя немало тем для

---

¹⁵ Ibid. P. 513.

¹⁶ Как верно отмечено в комментариях к письму, «Вестник Европы» относился к либерально-консервативному, или левоцентристскому направлению (см.: Ibid. P. 514, note 2).

¹⁷ С 1868 г. фактическим редактором «Отечественных записок» стал Н. А. Некрасов, привлечший к руководству журналом М. Е. Салтыкова, Г. З. Елисеева, Н. К. Михайловского и других литераторов радикального направления.

¹⁸ См. об этом: *Фифис А.* Альфонс Доде — сотрудник петербургской газеты «Новое время» // *Тургенев. НИИМ (1)*. С. 209–218.

¹⁹ См. об этом, например: *Клеман М. К.* Эмиль Золя — сотрудник «Вестника Европы» // *Клеман М. К.* Эмиль Золя. Л., 1934. С. 266–301, а также не потерявшую своего значения публикацию того же автора «Из переписки Э. Золя с русскими корреспондентами» (*ЛН*. Т. 31–32. С. 943–944).

будущих статей. О популярности Золя в России и о роли в этом Тургенева свидетельствовали письма к нему соотечественников, желавших наладить деловые отношения с французским писателем. Так, известный критик В. В. Стасов писал Тургеневу 30 марта ст. ст. 1875 года: «...спросите, пожалуйста, Zola <...> хочет ли он завести со мною небольшую переписку о делах художественных? <...> после его великолепного письма в „Вестнике Европы“ про Дюма-фиса <я> еще более убедился, что он просто самый лучший художественный критик последнего времени».²⁰ А приобретший только что газету «Новое время» А. С. Суворин спрашивал в письме от 28 марта ст. ст. 1876 года, не может ли Тургенев попросить Золя «иногда писать в газету, раза два в месяц, о чем хочет, хотя бы свои *contes* (сказки — *франц.*)».²¹ Любопытно, что в том же письме Суворин сообщал, что уже обращался к Ж. Валлесу, который запросил по франку за строчку, то есть сумму неподъемную для газеты. Обращался к Золя весной 1876 года также издатель «Санкт-Петербургских ведомостей» Ф. П. Баймаков и тоже получил отказ. Через Тургенева еще в конце 1875 года пытался привлечь Золя в «Отечественные записки», как уже говорилось, М. Е. Салтыков, хотя это намерение не было осуществлено.²²

Хорошо представляя себе «расклад сил» в отечественной журналистике, Тургенев учитывал, насколько те или иные авторы «подходили» платформе того или иного периодического издания. Очень показательным в этом отношении был и случай с «устройством на работу» Жюль Валлеса.

Следует признать, что Золя все же несколько кривил душой, когда писал Валлесу, что мало чем может помочь ему в поисках русского печатного органа, где тот мог бы публиковать свои статьи. «Боюсь, что я, к несчастью, не могу быть вам слишком полезен; в Петербурге я не знаю абсолютно никого, в отношении с „Вестником Европы“ я вступил благодаря Тургеневу, который является моим посредником».²³ Как сказано выше, к этому времени к Золя поступали предложения о сотрудничестве от нескольких русских издателей, хотя общался он с ними чаще всего через Тургенева и во всяком случае всегда советовался с русским писателем. Отвечая с опозданием на письмо Валлеса с просьбой посодействовать его устройству в качестве корреспондента в русский журнал, куда он мог бы давать статьи, «враждебные» Англии,²⁴ Золя предварительно переговорил с Тургеневым. Вот что он писал Валлесу

²⁰ Цит. по: *ЛН*. Т. 31–32. С. 947.

²¹ Там же. С. 947. См. также: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу (1875–1876) / Публ. С. А. Ипатовой // *Тургенев. НИИМ* (2). С. 344.

²² См.: *ЛН*. Т. 31–32. С. 948–949.

²³ *Zola. Corr.* Т. 2. Р. 513. Письмо от 25 декабря н. ст. 1876 г.

²⁴ 28 февраля н. ст. 1877 г. Валлес сообщал Золя о желании писать статьи «враждебные англичанам, их гордыне, их грубости» (см.: *Bellet R. Une correspondance Vallès — Zola: Echos d'une correspondance Zola — Tourguéniev // L'Europe*. № 470–472. Р. 171–181. Цит. по: *Zola. Corr.* Т. 2. Р. 553, note 1).

2 апреля н. ст. 1877 года: «Я занялся вашим делом и вот что вкратце могу вам сообщить. Тургенев полагает, что статьи об Англии в том ракурсе, который вы указываете, будут хорошо приняты в России; единственное затруднение, добавляет он, что ваше имя будет пугалом для русской цензуры и его непременно следует скрыть. Согласитесь ли вы на анонимность? Скажите мне об этом немедленно. Через три недели Тургенев уезжает на месяц в Санкт-Петербург, и я попрошу его переговорить лично о вашем участии в журнале, куда я пишу сам».²⁵

Легко догадаться о причинах положительной реакции Тургенева на предложение Валлеса поставлять в русскую прессу враждебные Англии статьи: в самый канун русско-турецкой войны, в которой на стороне Турции тайно выступали европейские державы и прежде всего Англия, писатель неоднократно высказывался с осуждением английской политики, он внимательно следил за военными действиями, начавшимися после объявления Россией 12 (24) апреля 1877 года войны Турции. На зверскую резню турками болгар Тургенев откликнулся еще 20 июля (1 августа) 1876 года стихотворением «Крбкет в Виндзоре», не пропущенным русской цензурой и опубликованным впервые за границей. В стихотворении, написанном, по признанию самого Тургенева, «почти бессознательно» в железнодорожном поезде по пути из Москвы в Петербург,²⁶ главная ответственность за турецкие зверства была возложена на королеву Викторию. Шары в крокете представились королеве отрезанными головами болгар, замученных турками. Заканчивается «Крбкет в Виндзоре» следующими словами:

Нет, ваше величество! Вам уж не смыть
Той крови невинной вовеки!²⁷

Помимо просьбы устроить его английские корреспонденции в «Вестник Европы», в письме Валлеса к Золя содержалось предложение, которое Золя решительно отверг. «Я хотел бы представить современную *художественную и литературную Францию* этой столь любопытной эпохи, — писал Валлес, — Дюма-сын, Флобер, вы, Ожье, Курбе, Гонкур, Мало, Мане, Сарду, Доде и т. д. и т. д. и т. д. Необходимо защищать Революцию, давая эти портреты, живописать время, пробить брешь, бросить энтузиастов, насмешливых или раздраженных, в эту студию деталей, изваяний, картин и книг. Знаете ли вы во Франции место, где я мог бы начать эту кампанию? Не думаю... а вот

²⁵ Zola. *Corr.* Т. 2. Р. 553.

²⁶ Об обстоятельствах написания стихотворения см.: *ПССуИ(2)*. Соч. Т. 12. С. 641–642.

²⁷ Там же. С. 297. Любопытно, что впервые в России это стихотворение Тургенева было напечатано лишь в 1881 г. в журнале «Слово» (№ 3. С. 135), том самом, о котором идет речь в письме Валлеса.

в России Тургенев согласится ли предложить подобную штуку? Для битвы, вы понимаете? Современное искусство, вперед! Реализм for ever! <...> Коротко говоря, я хочу <...> занять свое место на баррикадах, которые вы защищаете с пером в руке, сегодня».²⁸

Очевидно, Валлес не знал, что в «Вестнике Европы» к этому времени был опубликован уже не один десяток статей Золя, посвященных именно той проблематике, о которой он писал.²⁹ Вот почему в ответ на его предложение Золя категорически заявил: «Что касается до публикации в России ваших статей о французской литературе и искусстве, то с этим дело обстоит сложнее; по крайней мере я не знаю, куда предложить ваши статьи, поскольку это как раз то, что я делаю в журнале, в котором сотрудничаю и где имею некоторое влияние».³⁰ Становится понятным, отчего Золя настойчиво советовал Валлесу писать только об Англии, то есть стать лондонским корреспондентом «Вестника Европы», оставив поле для битвы за французское искусство за собой.

Тургенев откликнулся на просьбу Валлеса. Первое из его сохранившихся писем, помимо обычной для него благожелательности и готовности помочь, свидетельствует о том, что он был знаком с творчеством французского писателя. Начинается оно знаменательно: «Милостивый государь и дорогой собрат». Письмо написано из Петербурга, куда Тургенев приехал по неотложным делам в июне 1877 года. Трудно сказать, почему сотрудничество Валлеса в «Вестнике Европы» не состоялось.³¹ В письме Тургенев просил Валлеса написать «пробную статью» («un article spécimen»), очевидно с целью удостовериться, что корреспонденции французского революционера пройдут цензуру. Поскольку в письмах Тургенева к Стасюлевичу нет ни слова о Валлесе, можно предположить, что Тургенев действовал по своей инициативе. При этом он советовал сторониться политической остроты, уделяя больше внимания художественной составляющей. В письме к Золя Тургенев дает Валлесу совет сделать статью как можно более «живописной» («pittoresque»).

Золя тут же передает мнение Тургенева Валлесу: «Сделайте статью на дюжину журнальных страниц и напишите ее как можно более живописными фактами. Очень возможно, что эта статья побудит редактора взять вас в качестве ежемесячного корреспондента. В любом случае, даже если дело про-

---

²⁸ *Bellet R. Une correspondance Vallès — Zola: Echos d'une correspondance Zola — Tourguéniev.* Цит. по: *Zola. Corr.* Т. 2. Р. 554, note 4.

²⁹ Они даже вскоре вышли в русском переводе отдельным изданием: *Золя Э. Парижские письма: Из литературной жизни. 1875–1877.* СПб., 1878. Т. 1 (вышел в свет в 1877 г.).

³⁰ *Zola. Corr.* Т. 2. Р. 553. Письмо от 2 апреля н. ст. 1877 г.

³¹ О возможных причинах этого несостоявшегося сотрудничества см.: *Генералова Н. П. Жюль Валлес — протеже Тургенева в России.* С. 36.

валится, вы сможете использовать статью во Франции. Тургенев утверждает, что это единственный способ придать делу серьезный оборот. И поторопитесь, чтобы ваша статья была послана дней через шесть или семь. <...> Договорились, что вы не подписываете ее и что ваше сотрудничество будет сохраняться в строжайшей тайне. <...> Ваша первая статья должна касаться чувств англичан по отношению к русским, при этом надо постараться найти художественный аспект. Журнал («Вестник Европы». — *Н. Г.*) принадлежит к левоцентристским. Старайтесь как можно более избегать политики, цензура там свирепствует».³²

В результате переговоров Тургенева сотрудничество Валлеса в России состоялось, но не в «Вестнике Европы», а в формирувавшемся в то время новом журнале «Слово».³³

«Ваше письмо, — писал Тургенев Ж. Валлесу 3 (15) июня 1877 года из Петербурга, — пришло немного поздно; я получил его перед самым отъездом в Москву. Я начинал думать, что вы отказались от ваших намерений. Однако я тотчас принялся за дело и, надеюсь, нашел для вас нечто подходящее. Здесь создается новая газета³⁴ (я ей всецело сочувствую). Она называется „Слово“. Издатели были бы очень рады иметь фельетониста и политического корреспондента в Лондоне. Я дал им ваш адрес — и не сомневаюсь, что они уже написали вам. Вот на всякий случай адрес одного из них: г-н Исидор Гольдсмит — Петербург, *Саперный переулок*, № 6, кв. № 8 (Саперный переулок — это маленькая улица саперов — но лучше писать название по-русски). „Слово“ начнет выходить осенью и имеет все шансы на успех. Сговоритесь об условиях: построчно во *французских деньгах* или считая по 3 сантима за 1 копейку и по *три франка* за рубль. (В рубле 100 копеек)».³⁵

Народнический журнал «Слово» выходил всего три года: с января 1878-го по апрель 1881-го и был закрыт по распоряжению правительства. Сведений

³² *Zola. Corr.* Т. 2. Р. 561–562. Письмо от 21 мая н. ст. 1877 г.

³³ Обрадованный поддержкой Золя и Тургенева, Валлес писал 9 апреля н. ст. 1877 г. Гектору Мало: «Он (Золя. — *Н. Г.*) пообещал — с сердечной готовностью — порекомендовать меня Тургеневу, который уезжает в конце месяца и из дружеских чувств к Золя сделает для меня, кажется, все возможное при условии, что я не буду ставить свою подпись и мое имя будет известно только договаривающимся сторонам. Я буду посылать статьи об Англии. Итак, я не говорю об этом никому — кроме вас. Но если Тургеневу удастся устроить меня лондонским корреспондентом в журнал, где Золя печатает свои статьи о Франции, послать свою первую статью туда я смогу не ранее чем через полтора месяца, а заплатят мне как минимум через два-три. Так что я нахожусь в состоянии надежды на удачу и в большом беспокойстве» (*Vallès J. Œuvres complètes / Edition revue, annotée et préfacée par L. Scheler et M.-C. Bancquart. Paris, 1970. Т. 4. Р. 1210–1211*).

³⁴ Тургенев ошибочно употребляет слово газета по-французски: «un journal», хотя речь идет именно о журнале.

³⁵ *ПССиП(2). Письма.* Т. 15. Кн. 2. С. 343. Подлинник по-франц.

о встрече Тургенева с кем-то из сотрудников журнала и о переговорах по поводу Валлеса обнаружить пока не удалось. Впрочем, Тургенев мог действовать и опосредованно, через П. Л. Лаврова, с которым регулярно встречался и который был негласным сотрудником «Слова» с самого основания. В письме к Валлесу Тургенев называет имя Исидора Альбертовича Гольдсмита, редактора-издателя радикального журнала «Знание» в 1872–1877 годах и «Слова» в 1878 году. И. Гольдсмит был заметной фигурой русского революционного движения, поддерживал тесные связи с русской эмиграцией, в том числе с П. Л. Лавровым, неоднократно арестовывался, был в ссылке, затем эмигрировал. Из Константинополя был в 1887 году депортирован в Россию, где находился под гласным надзором до 1888 года, когда снова бежал за границу. Умер в парижской тюрьме, куда был посажен за мошенничество.

Несмотря на то, что об отношениях Тургенева с редакцией «Слова» после декабря 1877 года ничего неизвестно,³⁶ сотрудничество Валлеса в качестве лондонского корреспондента в журнале, вопреки устоявшемуся мнению, осуществилось. Дело в том, что исследователям долгое время не было известно, что среди псевдонимов Валлеса был и следующий: «Паскаль».³⁷ Такова была девичья фамилия его матери, умершей от горя после того, как ей сообщили о том, что ее сын расстрелян. Именно под этим именем в мартовском и апрельском номерах за 1878 год были напечатаны две обширные корреспонденции Валлеса: «Общественное движение в Лондоне» (№ 3. С. 50–61) и «Настоящее положение Англии (Корреспонденция из Лондона)» (№ 4. С. 54–64). Возможно, об одной из них идет речь в публикуемом письме, в адресе которого Валлес называет свой псевдоним — Паскаль.

Совершенно очевидно, что Валлес внял совету Тургенева. Первая корреспонденция начиналась подчеркнуто аполитично: «Интерес войны настолько

---

³⁶ В середине декабря 1877 г. отношения Тургенева со «Словом» прекратились, поскольку в него на роль ведущего критика был приглашен М. А. Антонович, еще в 1862 г. выступивший на страницах «Современника» со статьей «Асмодей нашего времени», где роман «Отцы и дети» был объявлен пасквилем на молодое поколение (см.: *Бушканец Е. Г. И. С. Тургенев и журнал «Слово» // Русские писатели и народничество. Межвуз. сб. Горький, 1977. Вып. 2. С. 91–98*). А в 1877 г. на страницах газеты «Тифлисский вестник», в номере от 4 мая ст. ст., тот же Антонович обрушился на новый роман Тургенева «Новь», обвинив «маститого беллетриста» в плагиате... у М. Е. Салтыкова (см.: *Антонович М. А. Из «Заметок о журналах» // Антонович М. А. Литературно-критические статьи / Подгот. текста, вступит. ст. и коммент. Г. Е. Тмарченко. М.; Л., 1961. С. 342–346*). Правда, в «Слове» Антонович продержался недолго, всего три месяца. Любопытно, что он был устранен из редакции журнала вместе с вышеупомянутым И. А. Гольдсмитом (см.: *Тмарченко Гр. М. А. Антонович — литературный критик и полемист // Антонович М. А. Литературно-критические статьи. С. XLIII*).

³⁷ См.: *Zola. Corr.* Т. 2. Р. 562, note 3.

поглотил все остальные интересы, — писал Валлес, — что корреспонденту крайне трудно следить в ежемесячном отчете за быстрым ходом военных событий <...> Невольно задаешь себе вопрос, следует ли придавать особенное значение этим военным приготовлениям? — Я не думаю». ³⁸ Автор делает вид, что ставит перед собой гораздо более миролюбивую задачу: «...читатель увидит, насколько толпа, *простые смертные*, сохраняет свою обычную физиономию в эту эпоху возбуждения, насколько закон остается в силе, насколько наука не теряет своей авторитетности, искусство — обаяния, в то время, когда предводители гарцуют на конях <...>». ³⁹ Излагая свою задачу как хроникера, Валлес обещает высказать непредвзятое мнение. Хроникер, с его точки зрения, это «художник, который по вдохновению принимает за картину, воспроизводит происходящие перед ним события, господствующие ощущения». ⁴⁰ Не без сарказма Валлес описывает в своей первой корреспонденции такие явления общественной жизни Лондона, как митинги и бракоразводные процессы. При этом он подозревает, что в организации митингов, в частности тех, что проходят в поддержку партии войны, принимает участие и само правительство.

Однако уже вторая корреспонденция, где был дан социально-экономический анализ британского колониализма и исходящей от него опасности для всех стран, втянутых в русско-турецкую войну, была далека от «живописной» картинки. ⁴¹ Рисуя умонастроения английского общества, он писал: «Она (Англия. — *Н. Г.*) тогда только решится ухватиться за оружие, когда русские штыки образуют собою плотину, останавливающую поток ее торговли, когда неприятельский меч станет мешать ходу ее машин и свободному обращению ее фунтов стерлингов». ⁴² С точки зрения Валлеса, если такая угроза возникнет, Англия найдет достаточно золота (или, на крайний случай, бумажных денег), чтобы оплатить военные расходы, поставить под ружье ирландцев и население колоний, в том числе огромной Индии. Ненависть и презрение к чужестранцам сделают свое дело, ведь в глазах англичан «все русские — медведи, все французы — обезьяны, все итальянцы — шарманщики, все американцы — сволочь». ⁴³ Правда, опубликованные в «Слове» две корреспонденции Валлеса не вошли в будущий сборник «*La Rue à Londres*», они явно были рассчитаны на русского читателя и учитывали конкретную историческую обстановку, хотя критический взгляд на основы английской демократии в них сохранился.

---

³⁸ Слово. 1878. № 3. С. 50 (2-я паг.).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 51.

⁴¹ *Паскаль*. Настоящее положение Англии (Корреспонденция из Лондона) // Слово. 1878. № 4. С. 54–64 (2-я паг.).

⁴² Там же. С. 58.

⁴³ Там же. С. 63.

По-видимому, Тургенев все же получил посланную ему статью «Общественное движение в Лондоне» и одобрил ее, хотя из ответа его на публикуемое письмо этого не следует.

Ранее считалось, что сотрудничество Валлеса в «Слове» в 1879 году ограничилось публикацией сокращенного перевода романа «Жак Вентра» (№ 9, 10, 12), позднее ставшего частью трилогии с тем же названием. Роман печатался под псевдонимом «Жан Ла Рю». О высокой оценке романа Тургеневым косвенно свидетельствует письмо Генри Джеймса к отцу от 24 февраля н. ст. 1881 года: «На днях я послал Элис (не читая) роман Жюль Валлеса (коммуниста) „Жак Вентра“, потому что Тургенев очень высоко о нем отзывался...».⁴⁴ Золя также начал печататься в «Слове» с момента основания: в 1878–1880 годах здесь были опубликованы переводы его романов «Страница любви» и «Нана».

Жюль Валлес — Тургеневу

13 октября н. ст. 1877 года. Лондон

Adresse — Pascal, 38, Berners Street,
Oxford Street,
London, 13 X^{bre}.

Monsieur et cher confrère,

Une lettre d'un ami installé en Russie¹ m'a fait découvrir que pour la deuxième fois la *malchance*, comme nous disons dans notre argot,² s'était attachée à ma correspondance russe. Je ne savais à quoi attribuer votre silence.³ Après le ton de confraternité amicale et dévoué qui régnait dans votre lettre, je pensais que vous me donneriez des nouvelles de mon article⁴ — surtout s'il vous eût paru ne pas répondre à ce qu'on attendait. Vous m'auriez retourné⁵ un avis ou nouveau conseil. Voilà que mon copiste m'avoue, — quand je lui parle d'une chronique nouvelle à copier pour St-Pétersbourg,⁵ — m'avoue qu'il n'a jamais jeté dans le boîte⁶ mais qu'il a égaré le paquet qu'il devait mettre à la porte à votre adresse! — C'est vraiment de la mauvaise chance de guignon. D'autre part, grâce à vous, grâce à mon ami de là-bas, les choses se recourent, et c'est peut-être la dernière mésaventure. Pas tout à

⁴⁴ Цит. по: Шерешевская М. А. И. С. Тургенев в письмах Генри Джеймса // *РЛ*. 1983. № 2. С. 142.

⁵ retourné *вписано поверх зачеркнутого* donné (дали)

⁶ dans le boîte *вписано поверх* mis à la porte (не положил в дверь)

Adressa - Pascal, 38, Berners Street
Oxford Street
London, 13 X^{bre}.

Monsieur et cher confrère,

Une lettre d'un ami installé en Russie
m'a fait découvrir que pour la deuxième
fois le mabehane, comme nous disons
dans notre argot, s'était attaché à ma
correspondance Russe. Je ne saisis à quoi
attribuer votre silence. Après le ton de
confiance amicale et dévoué qui régnait
dans votre lettre, je pensais que vous me
donneriez des nouvelles de mon article. Toutefois
s'il vous eût paru ne pas répondre à
ce qu'on attendait. Vous n'auriez ~~retourné~~ en
avis ou un nouveau conseil. Voilà que
mon copiste m'avoue, quand je lui parle
d'une chronique nouvelle à copier pour
St. Pétersbourg, - m'avoue qu'il n'a
jamais jeté dans la boîte mais qu'il a
égaré le paquet qu'il devait mettre
à la poste à votre adresse! - C'est

fait! Car le hasard a fait encore une niche. Je n'ai reçu que huit jours après son arrivée la lettre que mon camarade⁶ m'envoie de Saint-Pétersbourg. Elle était sous pli dans un paquet à l'adresse d'une troisième personne, laquelle ne s'est pas pressée.

Cette lettre m'avertit qu'on compte sur une chronique mensuelle de moi, et j'apprends que vous m'avez appuyé pour me faire obtenir cette besogne. C'est au journal ou à la revue «La Parole; le Mot» que je dois envoyer une feuille pour le 10/22 décembre ou avant le 10/22 janvier (sic.). Je sais bien que le calendrier russe diffère du nôtre, mais je n'en connais pas plus long, et j'ignore si en envoyant mon article dans trois jours, soit lundi, il arrivera à temps pour le numéro dû de 10/22 décembre. J'espère que le 10e Russe est le 22e Français.

Voudriez-vous, Monsieur, être obligeant une fois encore et me donner ce renseignement?⁷ Voudriez-vous aussi m'aider d'un digne⁸ conseil? Savez-vous quel est le genre, jusqu'où va mon droit de choisir les sujets? Mon ami me parle d'une chronique de l'atelier, du foubourg, du peuple. Le peuple, le foubourg, l'atelier n'ont ni vie ni physionomie à Londres. Dois-je être socialiste sérieux ou courriériste pittoresque? Je préférerais avoir à peindre la nation, son caractère, ses mœurs, sa presse, sa littérature, sa langue, faire des paysages ou des pamphlets humoristiques.⁸ J'ai déjà écrit une série sur l'Angleterre dans «L'Événement», signée «Z».⁹ Je la continuerais dans «La Parole», si j'avais de la marge, ma liberté, mais je me conformerai à tout programme. Vous devez être au courant des intentions de la revue qui sur votre recommandation me demande de la copie par l'intermédiaire de mon ami marié à une femme russe, M. Jaclard.¹⁰ Je ne pense pas qu'il m'en veuille de vous dire son nom — seulement il est exilé politique et vit sans doute avec discrétion et prudence là-bas à Saint-Pétersbourg. Je vous confie la situation. Je vous demanderai aussi, Monsieur et cher parrain littéraire, de vouloir bien me dire combien il y a de pages dans une feuille de «La Parole» et combien de lettres dans cette page.¹¹ Je ne dois faire ni trop long, ni trop court.

J'espère que cette fois le guignon, le *bas de chance* russe est mort et que cette lettre vous parviendra! Je m'arrangerai enfin pour que mon article cette fois ne soit pas égaré. — On me le copiera sans doute (les journaux français ne voulaient pas de mon *écriture*¹²) mais je le mettrai moi-même à la porte.

Dans cet espoir et décidé à ces précautions, je vous remercie, Monsieur, cordialement et vous offre l'assurance de mes meilleurs sentiments.

J. Vallès.

---

⁸ digne *вписано под строкой*.

С французского:

Адрес — Паскаль, Бернерс Стрит, 38.
Оксфорд Стрит,
Лондон, 13 октября.

Милостивый государь и дорогой собрат,

Письмо одного моего друга, обосновавшегося в России,¹ открыло мне, что уже во второй раз с моей русской перепиской случается *невезуха*, как мы говорим на нашем жаргоне.² Я не знал, к чему отнести ваше молчание.³ Исходя из дружелюбно-братского тона и готовности помочь, которыми было исполнено ваше письмо, я полагал, что вы сообщите мне новости о моей статье⁴ — в особенности, не показалась ли она вам не соответствующей ожиданиям. Вы бы мне сообщили свое мнение или дали новый совет. И вот мой переписчик признается, — когда я завожу речь о переписке новой хроники для С.-Петербурга,⁵ — так он признается в том, что он не опустил статью в почтовый ящик, а послал пакет по неверному адресу! — Это действительно настоящая неудача. С другой стороны, благодаря вам, благодаря моему тамошнему другу, дела вновь набирают оборот и, возможно, это последнее злослучение. Впрочем, не совсем! Случай еще оставляет за собой место. Я только через неделю получил присланное мне из Санкт-Петербурга письмо одного моего товарища.⁶ Оно было послано под бандеролью через третье лицо, которое не спешило.

Это письмо сообщает, что от меня ждут ежемесячную хронику, из него же я узнал, что именно вы поддержали меня в получении этой работы. Речь идет о газете или журнале «Слово» (La Parole; Le mot), куда я должен посылать печатный лист к 10/22 декабря или до 10/22 января (sic). Я знаю, что русский календарь отличается от нашего, но не более того, и не представляю, придет ли вовремя к номеру от 10/22 декабря моя статья, если я пошлю ее через три дня, то есть в понедельник. Надеюсь, русское 10-е число это 22-е французское.

Не окажете ли вы, милостивый государь, еще раз любезность, разъяснив мне это.⁷ И не будете ли так добры дать мне подходящий совет? Знаете ли вы, в каком жанре мне писать и до какой степени я свободен в выборе сюжетов? Мой друг говорит о хронике мастерской, предместья, народа. Народ, предместье, мастерская в Лондоне не имеют ни жизни, ни физиономии. Должен ли я быть строгим социалистом или живописным газетным хроникером? Я бы предпочел живописать нацию, ее характер, нравы, прессу, литературу, язык, рисовать пейзажи или делать юмористические зарисовки.⁸ Я уже дал серию таких статей за подписью «Z» в «L'Événement».⁹ Продолжил бы ее в «Слове», если бы имел поле деятельности, свободу, но придерживался бы любой программы. Вы должны быть в курсе направления жур-

нала, который, по вашей рекомендации, просит меня передать статью через моего друга г. Жаклара, женатого на русской.¹⁰ Не думаю, что он рассердится на меня за то, что я назвал вам его имя — но он политический изгнанник и живет в Санкт-Петербурге, соблюдая, несомненно, меры скрытности и предосторожности. Говорю вам о его положении откровенно. Я попросил бы вас также, дорогой милостивый государь и литературный крестный, сообразовываясь сообщить мне, сколько в печатном листе «Слова» страниц и сколько слов на странице.¹¹ Я должен написать не слишком длинно, не слишком коротко.

Надеюсь, на этот раз неудача, русское *невезение*, замрет, и это письмо доберется до вас! Наконец, я устрою так, чтобы моя статья не затерялась. — Мне ее, без сомнения, переписут (французские газеты не пожелали видеть мой *почерк*¹²), и я таки пошлю ее по адресу.

В надежде на это и решившись на эти меры предосторожности, сердечно благодарю вас, милостивый государь, и прошу вас принять уверение в моих наилучших чувствах.

Ж. Валлес.

Печатается по подлиннику: Houghton Library. MS Mus 232 (32).

За помощь в переводе письма приношу сердечную благодарность П. Р. Заборову.

¹ Речь идет, судя по дальнейшему содержанию письма, о *Викторе Жакларе* (Jaclard; 1840–1903), французском политическом деятеле, журналисте, участнике Парижской коммуны, который вместе со своей женой Анной Васильевной (урожд. Корвин-Круковская; 1843–1887) с 1874 г. жил в России. Арестованный, как и Ж. Валлес, после подавления Коммуны, он, с помощью жены, ее сестры Софьи Васильевны Ковалевской и ее мужа В. О. Ковалевского, а также родителей жены, приехавших в Париж ради спасения дочери, сумел бежать из-под ареста и поселиться в Швейцарии. Затем супруги Жаклар и Ковалевские вернулись в Россию и жили сначала в имении отца сестер, генерала В. В. Корвин-Круковского вплоть до его смерти в 1875 г., после чего переехали в Петербург. Активные участники французского революционного движения, члены I Интернационала, супруги Жаклар, оказавшись в России, сблизилась с русскими революционерами. Оба хорошо владели пером, печатались в газете Валлеса «Le cri du peuple» и других революционных изданиях. В России В. Жаклар публиковал под псевдонимами статьи в журналах «Слово» и «Дело», в основном по политической истории Франции, а также преподавал французский язык в нескольких учебных заведениях Петербурга. Вернулся во Францию вскоре после амнистии 1880 г. участникам Коммуны (см. о нем: *Книжник-Ветров И.* Виктор Жаклар — деятель Парижской коммуны и русский журналист // Проблемы марксизма. 1930. № 5–6. С. 161–196). Анна Жаклар преимущественно жила в России. Ее писательский талант высоко ценил Ф. М. Достоевский. См. о ней: *Книжник-Ветров И.* А. В. Корвин-Круковская (Жаклар). М., 1931; *Штрайх С. Я.* Русская нигилистка в Парижской коммуне. М., 1935; *Лурье А.* Портреты деятелей Парижской коммуны. М., 1942; *Орнатская Т. И.* Достоевский и рассказы А. В. Корвин-Круков-

ской (Жаклар) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 238–241; Гитович И. Е. Корвин-Круковская А. В. // *Русские писатели*. Т. 3. С. 66–67. Сведения о знакомстве Тургенева с супругами Жаклар обнаружить не удалось. История их, однако, не могла не заинтересовать писателя, задумавшего роман о русских и французских революционерах (об этом замысле см. во вступит. статье).

² Malchance (неудача, незадача) на арго звучит как malchane. В ответном письме от 2 (14) декабря 1877 г. из Парижа Тургенев писал: «Надеюсь вместе с вами, что „невезению“ пришел конец <...>» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 378. Подлинник по-франц.).

³ Очевидно, Валлес имеет в виду свой затерявшийся ответ на письмо Тургенева от 3 (15) июня 1877 г., посланное из Петербурга, куда писатель приехал 22 мая (3 июня) 1877 г. См. о нем во вступит. статье. Отвечая на публикуемое письмо Валлеса, Тургенев писал 2 (14) декабря 1877 г., что он очень рад тому что «дело со „Слово“ налаживается» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 378. Подлинник по-франц.).

⁴ По всей видимости, речь идет о затерявшейся статье «Общественное движение в Лондоне», которая будет напечатана в «Слове» в марте следующего года (1878. № 3. С. 50–61). См. о ней во вступит. статье.

⁵ Скорее всего, Валлес имел в виду вторую из своих корреспонденций — «Настоящее положение Англии (Корреспонденция из Лондона)» (Слово. 1878. № 4. С. 54–64). См. о ней во вступит. статье.

⁶ О ком идет речь, с точностью установить не удалось. Этим товарищем мог быть упомянутый Валлесом далее Виктор Жаклар или муж С. В. Ковалевской палеонтолог В. О. Ковалевский (1842–1883), принимавший, как и его жена, участие в революционном движении.

⁷ Отвечая на эти вопросы, Тургенев писал 2 (14) декабря 1877 г.: «Между старым русским стилем и новым, действительно, 12 дней разницы; следовательно, 10 декабря ст<арого> ст<иля> — это 22 н<ового> ст<иля>. Поскольку журналы выходят у нас 1 (13)-го каждого месяца, думается, ваша статья нужна им за 20 дней до выхода журнала, чтобы ее могли перевести и т. д. Это срок, установленный и для статей Золя. Письма из Парижа — или из Лондона — приходят в Петербург на 4-й день» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 378–379. Подлинник по-франц.).

⁸ «Поскольку „Слово“ представляет собой орган прогрессивно-либерального направления (насколько это возможно в России) — вы, конечно, поймете, — писал Тургенев в цитируемом выше письме, — какую окраску надо придать вашим корреспонденциям. Главное — никакой политики в чистом виде, — *особенно* социальных очерков, освещающих положение низших классов. В Лондоне нет *предместий* — но там есть С. Джаилз, Стренд (районы, населенные беднотой. — *Н. Г.*) и т. д. и т. д. Пишите юмористические, живописные, сатирические памфлеты — русская публика очень падка на такие вещи: отодвиньте печать, литературу на второй план; бытовые очерки, пейзажи (не слишком тщательно выписанные) — это очень хорошо. У нас высоко ценят реализм; вся литература развивается теперь в этом направлении: не забывайте об этом. И терпеть не могут все английское — поэтому вы можете говорить без обиняков» (Там же. С. 379. Подлинник по-франц.). Почти одновременно с Тургеневым давал Валлесу совет и его друг В. Жаклар, писавший ему 3 (15) декабря 1877 г.: «Берите манекены, один за другим, живописуйте их, как вы один умеете, и покажите их играющими свои роли в общественной комедии, которая разыгрыва-

ется в Лондоне или в целой Англии. Словом, пишите комедию характеров. Изобразите типы странные, ужасные, смешные, безрассудные, и смотрите посредством анализа, можно ли показать, что все это чего-то стоит» (цит. по: *Delfau G. Jules Vallès — L'Exil à Londres (1871–1880). Paris, 1971. P. 143–144*). По мнению современных исследователей, именно в период написания корреспонденций в «Слово» и очерков, составивших впоследствии книгу «La Rue à Londres», Валлес начинает выработать новую манеру письма, обращая все больше внимания на художественную сторону, что выражено и в публикуемом письме к Тургеневу. Создававшаяся одновременно с известной автобиографической трилогией, «La Rue à Londres» «является единственным литературным произведением, записанным <...> на полях „Жака Вентра“» (*Saminadayar-Perrin C. Impressions londoniennes // Les Amis de Jules Vallès. 2000. № 30. P. 7*). Таким образом, поддержка Тургенева имела для Валлеса не только материальное, но прежде всего моральное значение.

⁹ Валлес имеет в виду серию своих статей, опубликованных под псевдонимом «Z» в газете «L'Événement» с 27 августа 1876 по 26 мая 1877 г. под общим заглавием «La Rue à Londres» («Лондонская улица»), впоследствии продолженную под заглавием «Lettres de Londres» («Лондонские письма») в газете «Le Voltaire» (1878) и других печатных органах. В 1884 г. под заглавием «La Rue à Londres» выйдет в свет сборник, составленный на основе этих статей, значительно переработанных и дополненных. См. об этом: *Гальперин В. А. Валлес — критик буржуазной Англии («Лондонская улица») // Учен. зап. Коми гос. пед. ин-та. Сыктывкар, 1955. Вып. 5. С. 118–130; Артемьева И. Н. Очерки Жюль Валлеса об Англии и французская очерковая традиция в изображении английской жизни // Традиции и взаимодействия в зарубежной литературе XIX–XX веков. Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1988. С. 50–61; Léger C. Confrontation entre «La Rue à Londres» et la correspondance vallésienne: quelles images littéraires pour la capitale anglaise? // Autour de Vallès. Revue de lectures et d'études vallésiennes. 2012. № 42. P. 143–164; и др. Книге «La Rue à Londres» посвящен специальный выпуск журнала «Les Amis de Jules Vallès» (№ 30), вышедший в 2000 г.*

¹⁰ Речь идет о Викторе Жакларе и его жене Анне Васильевне, урожд. Корвин-Круковской. См. о них примеч. 1 к наст. письму.

¹¹ Отвечая на эти вопросы, Тургенев писал о «Слове»: «Это будет большой журнал вроде тех, которые уже выходят в Петербурге и Москве („Вестник Европы“, „Русский вестник“ и т. д.). Каждый № по объему примерно равняется 3 выпускам „Revue des 2 Mondes“». Страница содержит около 40 строк; строка — 50 знаков. Русский текст, может быть, немного короче французского» (*ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 378. Письмо от 2 (14) декабря 1877 г. Подлинник по-франц.*).

¹² Очевидно, Валлес имеет в виду разрыв с газетой «L'Événement», редактор которой Э. Манье стал требовать от писателя изменить стиль и жанр его очерков (см. об этом: *Migozzi J. Impressions londoniennes: l'écriture vallésienne entre compromis et ajustements // Les Amis de Jules Vallès. 2000. № 30. 24–25*).

МАТЕРИАЛЫ К ТУРГЕНЕВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

АБАРИНОВА Антонина Ивановна (наст. фам. Рейхельт; 1842–1901), оперная (контральто, позже меццо-сопрано), потом драм. актриса. В 1873–1878 служила в *Мариинском театре*, с 1878 — в *Александринском театре*. Дебютировала в роли Периколы в 1872, затем выступала в опере, исполняя партии контральто в «Жизни за царя» *М. И. Глинки*, во «Вражьей силе» *А. Н. Серова* и др. Автор восп. о Т., написать к-рые ее «часто уговаривал» *А. В. Половцов*.

А. познакомилась с Т. в 1874 в *Париже*, когда брала уроки пения у *П. Виардо*. «Эта известная артистка и „другиня“ И. С. Тургенева» произвела на А. «неизгладимое впечатление». *П. Виардо*, говорила о ней А., «божество, понимаете, божество! Это самая замечательная женщина из всех, с которыми мне приходилось сталкиваться в жизни!» (*Половцов*. С. 4). Была исполнительницей роли Натальи Петровны в «*Месяце в деревне*» на Александринской сцене. 15 (27) марта 1879 на спектакле присутствовал автор, о чем А. упомянула в своих восп.: «Тургенев приезжал в Пб. во время первой постановки его комедии „Месяц в деревне“ и был у меня. Я с ним читала мою роль, делая сокращения по его указанию, и приняла к сведению некоторые его замечания. Это было в первый год моего перехода из оперы, я была слишком еще неопытна для трудной роли Натальи Петровны». О том, что А. играла в пьесе «*Месяц в деревне*», упоминают также *Н. Я. Стецкий*, *П. П. Гнедич*, *М. Г. Савина*. *Савина*, описывая настроение актеров за кулисами и вспоминая, как А. все твердила: «Я ведь с ним знакома, я брала уроки у тте Виардо», с жесткой иронией заметила: «Это, впрочем, не помешало ей совсем не понять роли Натальи Петровны, в чем с грустью сознался и сам Иван Сергеевич» (*Савина*. С. 141). Хотя А. разочаровала Т. своей игрой в ком., это не помешало его общению с актрисой позднее в Пб. В п. к *А. В. Топорову* от 12 (24) окт. 1879 Т. обмолвился, что пришлет А. свою карточку в «докторском мундире», т. е. в мантии и шапочке почетного д-ра гражд. права Оксфордского ун-та.

После четырех месяцев занятий в *Париже* А. продолжала знакомство с Т. и певицей, даже как-то «прожила целое лето в Буживале, почти рядом

А. И. Абаринава

с Виардо и И. С. Тургеневым», к-рый «уже начинал хворать; часто он появлялся в высоких мягких плюшевых сапогах и ходил с трудом, опираясь на толстую палку. Виардо все еще была удивительно красивой и чрезвычайно изящной женщиной <...> Она жила в большой даче с мужем и двумя дочерьми, а он в крошечном „шале“» (*РНБ*. Ф. 601. № 180. Л. 54, вырезка из газ. «У А. И. Абаринавой»).

Соч.: Воспоминания об И. С. Тургеневе // *ИВ*. 1901. № 1. С. 220–222.

Лит.: *Половцов А. В.* Памяти А. И. Абаринавой. М., 1901; *Савина М. Г.* Горести и скитания. Л., 1983. С.141.

В. А. Громов, Л. Н. Назарова, Е. В. Проу.

АЛИФАНОВА Анна Афанасьевна, дочь дворового егеря *А. Т. Алифанова*, о к-рой Т. писал 16 (28) марта 1872 *Н. А. Кишинскому*: «Итак, Афанасий скончался... Жаль старого товарища по охоте! Прошу Вас оказывать некоторые — возможные — льготы дочери его Анне — по некоторым давно исчезнувшим, но мною не забытым причинам», — намекая на свое увлечение А. в дни молодости. В списке пенсионеров, сообщенном новому управляющему *Спасским Н. А. Щепкину* в п. Т. от 22 окт. (3 нояб.) 1876, значатся «4 дочери Афанасия-егеря»: Евдокия, Елена, Анна и Наталия. После смерти

А. Т. Алифанова Т. «подарил его жене и дочерям осьминник земли и каждый год выдавал в пособие по 60 р.» (Рында. С. 44).

В. А. Громов.

АЛЛАН-ДЕПРЕО (Allan-Despréaux) Луиза Розали (р. Росс (Ross); 1810–1856), франц. актриса. Род. в Монсе в семье директора театра, с десяти лет играла детские роли в театре *Comédie Française*, воспитанница знаменитого актера *Тальма*.

В 1827 окончила драм. класс *Парижской консерватории*, неск. лет отдала сцене *Comédie Française*, играла в театре *Gymnase*, а с 1837 по перв. пол. 1847 вместе с мужем выступала в *Михайловском театре* в Пб., пополнив его франц. труппу и постепенно заняв в ней ведущее положение в амплуа «гранд-кокет».

Сведений о знакомстве Т. с актрисой не сохранилось, но, возможно, он видел ее на сцене *Михайловского театра* и, несомненно, слышал о ее успехе в ком. А. де Мюссе «Каприз», где она играла мадам де Лери. А. обратилась к произведению своего соотечественника после того, как в бенефис А. М. Каратыгиной в сезон 1837/38 ком. была сыграна на сцене *Александринского театра* под названием «Женский ум лучше всяких дум».

Позднее А. выступила на сцене *Михайловского театра* в ком. Мюссе «Каприз», вступив в состязание с Каратыгиной, а в нояб. 1847 сыграла в «Капризе» уже в Париже на сцене *Comédie Française*. К тому времени Т. знал об отъезде четы А. из Пб. Об этом обмолвился В. Г. Белинский в п. к нему от 1 (13) марта 1847. Сетуя на И. И. Панаева и Н. А. Некрасова за их небрежение к разделу «Смесь» в журнале *Совр.*, он писал: «Раз читаю фельетон „Пчелы“ и вижу, что Мг и Мте Аланы дают свой последний прощальный бенефис. Спрашиваю Н<екрасо>ва, распорядились ли они с Панаевым на этот счет, а они, мои милые, оба даже и не знали о бенефисе <...>» (Белинский. Т. 12. С. 345).

Об игре артистки в «Капризе» на сцене *Comédie Française* Т. писал П. Виардо 19 нояб. (1 дек.) 1847: «„Каприз“ удался как нельзя лучше. Г-жа Аллан была в нем очаровательна, чуть педантична... или, лучше сказать... ее игра немного слишком сочная. Если вы не поняли меня (а это, заметим в скобках, доказало бы только, что я сам себя не понимаю), считайте, что я ничего не сказал».

Е. В. Проц.

АФАНАСЬЕВ Александр Иванович, сын И. А. Афанасьева, внук А. Т. Алифанова. 29 июля (10 авг.) 1879 Т. сообщил Н. А. Щепкину «о своем намерении назначить пенсию одному молодому человеку, Александру Афанасьеву,

сыну Аграфены Афанасьевой <...> Афанасьев мне пишет, что до сих пор ничего не получал; а пенсия была ему назначена с 1-го янв<аря> нынешнего года». *И. Ф. Рында* свидетельствовал, что *И. А. Афанасьев* «сорвался с дерева и убится, оставивши после себя трехлетнего сына Сашу, в котором горячее участие принял Иван Сергеевич, дав ему образование» (*Рында*. С. 44). 14 (26) мая 1882 Т. писал о нем *М. М. Стасюлевичу*: «К Вам явится молодой человек Афанасьев (внук моего слуги) с запиской от меня — пожалуйста, выдайте ему 100 р. с<еребром> <...>».

В. А. Громов.

АФАНАСЬЕВ Иван Афанасьевич, сын дворового егеря *А. Т. Алифанова*, упомянут в п. Т. к *Н. А. Щепкину* от 20 марта (1 апр.) 1879. По словам знавших его, это был «первый скрипач, гармонист и хороводник — тоже охотник», как и отец. «23-х лет от роду он „вязал“ сеть в саду, сорвался с дерева и убится» (*Рында*. С. 44).

В. А. Громов.

АФАНАСЬЕВА Аграфена Андриановна, невестка *А. Т. Алифанова*, пенсионерка Т. 20 марта (1 апр.) 1879 он напомнил *Н. А. Щепкину*: «Записать в число пансионеров Аграфену Андриановну Афанасьеву (вдову Ивана, сына моего бывшего егеря Афанасия) <...> и выдавать ей 30 руб. сер<ебром> полугодичными сроками, начиная с 1-го января 1879-го года».

В. А. Громов.

БАЗИЛЕВСКИЙ Виктор Иванович (1840–1929), геолог, золотопромышленник, театрал, любитель и покровитель иск-в, «большой почитатель» Т., как он сам называл себя, поклонник и друг *М. Г. Савиной*, автор предисл. к своей переписке с ней (*РГАЛИ*. Ф. 853. Оп. 2. № 215). В первом же п. от 28 дек. 1891 он писал: «Что бы Вам подобрать письма Тургенева? Как бы рад я был почитать их! Это мой любимый, самый симпатичный для меня писатель. Люблю я чудный его русский язык — не даром же он перед смертью завещал Толстому продолжать и лелеять чудный русский язык. Право, это Вы такое доставите мне огромное удовольствие, если позволите пробежать тургеневские письма! Я жалею, что, видевши так часто Тургенева, не познакомился с ним, ни разу не пожал руку и не поговорил с ним... Я большой почитатель его. Каждое новое произведение его было для нас эпохами» (Л. 23–24). Письма Т. к *Савиной* Б. читал как «новый роман» (Л. 34) любимого автора. Намерение *Савиной* «сжечь, уничтожить эти письма» он назвал «кошунством» (Там же) и своим восторженным отноше-

нием к ним способствовал их сохранению. 26 окт. 1907 Б. поделился с ней одним воспоминанием, имеющим значение мемуарного свидетельства о писателе: «Я только раз видел Тургенева очень близко. Меня очень поразили в этой колоссальной фигуре добрые, мягкие глаза, сколько помнится, темно-синие (Цабель говорит, что темно-карие) — решите, кто из нас прав. На портрете Репина глаза его, кажется, темно-синие... Но Репин не схватил эти добрые глаза. Вообще я не видел ни одного портрета, который передавал бы то добродушное выражение, которое я видел тогда в Иване Сергеевиче и которое так гармонировало с его походкой, с его жестами — так все было просто, так симпатично. / Ни один писатель так не дорог мне, как Тургенев» (Л. 277).

Лит: Тургенев и Савина. Пг., 1918 (Письма М. Г. Савиной к В. И. Базилевскому); Громов В. А. «Тургенев дарил Вас своей дружбой» (Первый читатель писем нашего земляка к М. Г. Савиной) // Орловская правда. 1992. 23 янв. № 15. С. 3.

В. А. Громов.

БАРСУКОВ Николай Платонович (1838–1906), историк лит-ры и обществ. мысли, библиограф, составитель многотомного свода материалов «Жизнь и труды М. П. Погодина» (не законч.; СПб., 1888–1910. Кн. 1–22), в к-ром впервые были опубл. 2 письма Т. к *Погодину* (Кн. 11. С. 419–420), суждения последнего об авторе «*Записок охотника*», печатный отзыв о сцене «*Разговор на большой дороге*», сведения о цензоре-литераторе кн. В. В. Львове, пропустившем отд. изд. цикла, а также документы об аресте и ссылке писателя за некролог *Н. В. Гоголя* и мн. др. ист.-лит. данные. 29 янв. (10 февр.) 1870 Т. сообщил *Я. П. Полонскому* о полученных им откликах на письмо к ред. *СПбВед* (1870. 8 (20) янв. № 8) в защиту его поэзии: «...даже некто г. Барсуков (Николай), которого я совсем не знаю, но который, очевидно, расположен к тебе и к твоей поэзии, написал мне нечто вроде благодарственной эпистолии <...>». В п., датированном 10 янв. ст. ст. 1870, Б. писал, что «с живейшим сочувствием прочел» воздаваемую Т-вым «заслуженную похвалу скромной, милой и всегда искренней Музе Полонского» и решил обратиться к нему с подтверждением его мнения о «скорбной музе» *Н. А. Некрасова*. Зд. же приведен разговор с фактором типографии Праца о вялой продаже последнего изд. «Стихотворений Н. Некрасова» (СПб., 1869) (*ИРЛИ*. № 5797). Сохранился также черновик этого п., с нек-рыми разночтениями (*РГАЛИ*. Ф. 87. Оп. 1. № 66. Л. 270–270 об.).

В. А. Громов.

БАТАЛИН Иван Андреевич (1844–1918), литератор, журналист, ред. «Петербург. газ.», ред.-изд. в разное время газ. «Минута», ж. «Колосья», «Новое

слово», автор ст. «50-летие „Хоря и Калиныча“», появившейся в изд., о к-ром в хронике «Орловского вестника» от 2 нояб. 1896 (№ 290. С. 2) было сообщено: «И. А. Баталину разрешено издание новой ежедневной бесцензурной, политическо-литературной газеты под названием „Утро“». В ней 18 янв. 1897 (№ 16. С. 2) была напечатана анонимная информация из *Орла* о готовящемся в родном городе Т. праздновании полувекового юбилея рассказа, успех к-рого, по словам автора, породил «*Записки охотника*». В этих, как писал Б. в назв. ст. (Там же. С. 1), «неподражаемых по простоте, изяществу, благородству идей и художественному реализму» рассказах «ярче всего отразился» его самобытный писательский талант. Вот почему юбилей «*Хоря и Калиныча*», положившего начало замечательному циклу, «в сущности есть юбилей самого Тургенева, которому рассказ этот сразу дал известность». В ст. приведены доп. данные о прототипе Хоря, с к-рым Б. познакомился гораздо позже, чем описал его Т., и пришел к выводу, что он создал «этот портрет и характерный тип с живой натуры», а самую местность воспроизвел «как бы фотографически». В ст. сообщалось, что поскольку реальный Хорь «был грамотный, то Тургенев прислал ему свой рассказ; старик с гордостью перечитывал его каждому гостю».

Соч.: *Баталин И. А. 50-летие «Хоря и Калиныча» // Утро. 1897. 18 янв. № 16. С. 1. То же в сокращ.: Моск Вестн. 1897. 22 янв. № 22. С. 3; Орловский вестник. 1897. 24 янв. № 22. С. 3; Неделя. 1897. 26 янв. № 4. С. 128 и др.*

В. А. Громов.

БЕБУТОВ Константин Александрович (1847–1907), кн., публицист, ред.-изд. «*Тифлисского вестника*», участник похорон Т. как представитель г. Тифлиса, «заказал венки из лавров и мирт, перевязанных цепями, но разбитыми», поскольку покойный «разбил цепи рабства „Записками охотника“»; всеми своими произведениями — «цепи мысли, полет которой стал шире, смелее»; и своим языком — «цепи рабского, эфиопского слога». Особое значение Б. придавал тому, что такой «рисунок венка» он заказал худ-ку *Бернштейну* «за два дня до „цепей“ Абу» (*Бильбасов В. А. Князь К. А. Бебутов // РНБ. Ф. 73. № 20. Л. 1*), т. е. независимо от речи франц. писателя, сказанной на церемонии прощания с телом Т. на *Северном вокзале в Париже* 19 сент. (1 окт.) 1883. В конфиденциальном п. товарища министра внутр. дел князю А. М. Дондукову-Корсакову на Кавказ от 20 окт. 1883 сообщалось, что «князь Бебутов, которому было поручено возложить венки, заказал его с крайне тенденциозною эмблемою (разбитые цепи). Признавая неудобным возложение венка с этой эмблемой, СПб. градоначальник распорядился снять с венка цепи, а князя Бебутова, за его неуместный поступок», к-рый «был истолкован лишь в смысле его личной бестактности», «выслать из столицы» (*ГАРФ. Ф. 102. № 785. Л. 30–31*). Об этом инциденте с укрепленным

на венке от тифлисской гор. думы «обрывком цепи» и высылке из столицы Б. вспоминал *А. Ф. Кони* в ст. «Похороны И. С. Тургенева» (*Кони*. Т. 6. С. 388).

Лит.: Некролог К. А. Бебутова // *ИВ*. 1907. № 7. С. 1043–1044.

В. А. Громов.

БОГДАНОВ Александр Федорович (ум. 1877), актер, танцовщик, режиссер (1861–1877) *Малого театра*, муж сестры *М. С. Щепкина Елизаветы Семеновны*.

Достоверных сведений о знакомстве Т. с Б. не сохранилось, хотя оно могло состояться в одно из посещений семьи *М. С. Щепкина*. Т. видел Б. в перв. пол. 30-х в роли г-на Д. в ком. *А. С. Грибоедова* «Горе от ума», что впоследствии нашло отражение в пов. «*Несчастливая*» (1868): «Помню также, что бал в третьем акте привел нас в восхищение. Хотя, вероятно, никто и никогда в действительности не выделял таких па, но это уже было так принято — да, кажется, исполняется таким образом и до сих пор. Один из гостей чрезвычайно высоко прыгал, причем парик его развевался во все стороны, и публика заливалась смехом» (*ИССиП(2)*. Соч. Т. 8. С. 83). Т. запомнил не только бальный дивертисмент, созданный *Малым театром* в спектакле, но и сольный танец Б., мрачного франта с романтической черной гривой на голове.

Б. был режиссером перв. постановки «*Месяца в деревне*» на сцене *Малого театра* в *Москве* 13 янв. ст. ст. 1872 в бенефис актрисы *Е. Н. Васильевой*.

Е. В. Проу.

БОДРИ (Baudry) Поль Жак Эме (1828–1886), франц. живописец академ. школы. Эkleктизм эпохи дал основание причислить мн. картины эт. модного худ-ка ко «второму рококо». В 1870–1874 Б. расписал декоративное панно для фойе здания *Парижской Оперы*. На фресках были изображены аллегорич. фигуры Мелодии, Гармонии, Музыки, Комедии и др., поэты древности и т. п.

Отвечая на вопрос *П. В. Анненкова*, интересовавшегося мнением Т. о фресках Б. «для оперы», высказался об эт. работе худ-ка довольно резко: «Фрески Бодри — „en somme“ — peu de chose («в общем» — не Бог знает что — *франц.*). Есть хорошенькие французские фигурки — но вообще это „пленной мысли раздражение“ и колорит приторный» (п. от 19 сент. (1 окт.) 1874).

А. Г. Ирлин.

БОНАПАРТ (Bonaparte) Наполеон Жозеф Шарль Поль, принц Жером Бонапарт (1822–1891), сын короля Вестфальского Жерома Бонапарта, младш. брата *Наполеона I*, брат принцессы *Матильды*, принял имя Жерома Наполеона. За сношения с республиканцами был выслан из *Франции* в 1845, в 1848 избран в Учредит. собрание, проявив себя радикалом, за что получил прозвище «Красного принца». Участник *Крымской войны*, при *Наполеоне III* занимал ответственные посты. В 1859 женился на дочери короля *Италии* Виктора-Эммануила Клотильде, во время *франко-прусской войны* жил в *Италии*, вернулся во *Францию* в 1872, но был выслан. До рождения у *Наполеона III* наследника (1856–1879) и после его смерти считался наследником престола.

За опубликование в газ. «*Figaro*» 16 янв. н. ст. 1883 манифеста против правительства *Третьей республики* Б. был арестован. По эт. поводу 15 (27) янв. 1883 Т. записал в своем *Дневнике*: «Много шума наделала здесь дурацкая прокламация принца Ж<ерома> Наполеона. Его засадили — и, кажется, собираются прогнать всех принцев» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 210). Действительно, 1 февр. н. ст. 1883 Палата депутатов приняла решение о высылке из страны всех принцев ранее царствовавших фамилий в случае попыток произвести гос. переворот, а в 1886 вышел закон об изгнании из *Франции* всех претендентов на престол, вследствие чего Б. вынужден был эмигрировать в *Швейцарию*, а затем в *Италию*.

Н. П. Генералова.

БОНАПАРТ (Bonaparte) Пьер Наполеон (1815–1881), принц, сын А. Бланшар и родного брата *Наполеона I* Люсьена Бонапарта (1775–1840), двоюор. брат *Наполеона III*. С юности Б. отличался смелым характером, склонным к авантюре, вместе со своими двоюор. братьями присоединился к рев. движению в *Италии*; в *Америке*, живя у своего дяди Иосифа, был послан им во главе вооруженного отряда в Колумбию. Вернувшись в *Италию*, участвовал в заговоре против папской власти, был арестован, бежал в *Америку*, поселился на о. Корфу, принимал участие в разбойничьих набегах на Албанию, затем жил в *Лондоне*. После *революции 1848* вернулся во *Францию*, был избран в Учредит. собрание депутатом от *Корсики*, выступая от имени республиканцев. После *переворота 2 дек. 1851*, приведшего к власти *Наполеона III*, получил титул принца и примирился с монархией. В нач. 1870, раздраженный обвинениями в ренегатстве, прозвучавшими в республиканской газ. «*Marseillaise*», послал вызов на дуэль ее главн. ред. А. Рошфору. В ответ сотрудник газ. П. Груссе послал Б. встречный вызов на дуэль через молодого журналиста *Виктора Нуара* и У. де Фонвьеля. Свидание 10 янв. н. ст. 1870 завершилось тем, что Б. выстрелом из револьвера убил *Нуара*, похороны к-рого 12 янв. в *Париже* вылились в массовую демонстрацию против

режима *Наполеона III*. Арестованный по приказу императора, Б. предстал перед судом в Туре, но был оправдан как применивший оружие в целях самозащиты. После *переворота 4 сент. 1870*, свергнувшего последнего франц. императора, Б. эмигрировал в *Англию*, затем вернулся во *Францию*. Имея, подобно своему отцу, склонность к лит-ре, Б. издал сб. ст-ний «Loisirs» («Досуги», 1865) и кн. «Souvenirs, traditions et révélations» («Воспоминания, традиции и откровения», 1876).

Убийство *В. Нуара* и оправдательный приговор Б. вызвали возмущение Т., к-рый с негодованием несколько раз повторил в письмах к *А. А. Фету* и *Н. В. Ханькову* от 21 марта (2 апр.) 1870 и в «*Письмах о франко-прусской войне*» (1870) фразу Б. «насчет парижан, сопутствовавших гроб *убитого* им Нуара: „C'est une curiosité malsaine, que je blâme“ («Это — болезненное, неуместное любопытство, которое я осуждаю» — *франц.*)» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 10. С. 311). «Но самый великий факт последнего времени — это изречение П. Бонапарта по поводу 200 000-ч граждан, сопровождавших гроб *убитого* им В. Нуара <...> Это достойно Шекспира; Ричард III-й лучше ничего не сказал», — писал Т. *Фету*. «Представьте эту фразу в устах Ричарда III-го!», — повторил он в п. к *Ханькову*. В очерке «*Казнь Тропмана*» (1870) Т. также вспоминает дело Б., «столь изумительно впоследствии оправданного» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 131). Не случайно воспоминание о том, как «гаркнул крепкий голос»: «A bas Pierre Bonaparte!» («Долой Пьера Бонапарта!» — *франц.*) соседствует в очерке со след. пассажем: «„Марсельезу“ в этот раз я услышал — но ее пели всего пять-шесть человек, и то с перерывами. „Марсельеза“ получает свое значение, когда ее поют тысячи» (Там же. С. 139). Отношение к Б. соответствовало у Т. общему неприятию режима *Второй империи*.

Н. П. Генералова.

БУЛЬВЕР-ЛИТТОН (Bulwer-Lytton) Эдвард Джордж, позднее сэр, затем 1-й барон Литтон Небуорс (1803–1873), англ. писатель и полит. деятель. В 1866 с титулом лорда Литтона вступил в Верхнюю палату парламента.

Б.-Л. написал множество ром., очень разнообразных по содержанию: исторических, филос., фантастических и т. д. Переводы мн. ром. Б.-Л. появились в *России* в 50–80-е XIX в.: «Пельгам» («Pelham, or the adventures of a gentleman», 1828), «Последние дни Помпеи» («The last days of Pompeii», 1834), «Какстоны» («Caxtons», 1846), «Что он с этим сделает?» («What will he do with it?», 1859) и др. Б.-Л. был также автором ряда драм. произв., поэм и ст-ний, этногр. очерков и пер. В мемориальной *Б-ке Т.* хранится ром. Б.-Л. «The Caxtons» (London, 1855), а также пьеса «Money» (Paris: Baudry's European library, 1841).

С сыном Б.-Л. Э. Р. Бульвером-Литтоном Т. встречался в Лондоне в 1858.

Литт.: Waddington. T and England. P. 5, 11, 62–63.

Л. В. Миндыбаева.

БУЛЬВЕР-ЛИТТОН (Bulwer-Lytton) Эдвард Роберт, позднее 1-й граф Литтон (псевд. Оуэн Мередис (Owen Meredith); 1831–1891), англ. знакомый Т., поэт и дипломат, сын Э. Дж. Бульвер-Литтона.

Б.-Л. рано вступил на дипл. поприще и сделал прекрасную карьеру. В 1874 он был назначен посланником в Лиссабон, в 1876 занял пост вице-короля Индии, в 1888 назначен послом в Париж. В лит-ре Б.-Л. выступил под именем Оуэна Мередиса с поэтич. сб.: «Clytemnestra, the Earl's return, the Artist, and other poems» (1855); «The Wanderer, a collection of poems in many lands» (1859); «Serbski pesne» (1861); «The poetical works of Owen Meredith» (1867); «Chronicles and characters» (1868); «King Pappu» (1877) и др.

Встреча Т. с Б.-Л. произошла на обеде у Р. М. Милнса в его лондонском доме на 16 Upper Brook Street 3 мая н. ст. 1858.

Литт.: Waddington. T and England. P. 61–63, 254.

Л. В. Миндыбаева.

БУШЕ (Boucher) Франсуа (1703–1770), франц. живописец, представитель рококо. С 1765 директор Королевской академии живописи и скульптуры в Париже и «первый живописец короля». Автор мн. картин на миф., пасторальные и жанровые сюжеты. Стиль Б., несомненно, был чужд Т., однако мастерство худ-ка было для него символом своеобразного направления в иск-ве. Увлечшись в 1870-е собирательством произв. иск-ва, Т. приобрел для своей коллекции «бронзовую пластинку», на к-рой были изображены «Марс и Венера в стиле Буше». Сообщая об эт. приобретении в нояб. 1874 Эдмону де Гонкуру как «лучшему знатоку XVIII-го века», Т. писал: «Венера, на мой взгляд, просто прелесть — вы скажете мне, так ли это». Ответ Гонкура неизвестен, однако в «Дневнике» братьев Гонкур содержится суждение о Б.: «Буше <...> увековечил в искусстве пухленькую женщину XVIII века со всеми ее округлостями» (Гонкур. Дневник. Т. 2. С. 335).

А. Г. Ирлин.

ВАСИЛЕНКО Мария Львовна (в замуж. Левитон; 1856–1948), оперная певица (сопрано), вокальный педагог. Окончила Пб. консерваторию (1881), затем училась у П. Виардо в Париже. Встречалась с Т.

Писатель принял живейшее участие в устройстве В. на оперную сцену по возвращении ее в *Россию*. 28 авг. (9 сент.) 1882 он писал *М. Г. Савиной*: «Дело идет об одной из самых любимых учениц г-жи Виардо — некоей д-це Василенко. Она теперь находится в Киеве и желала бы поступить на театр. Она уже виделась с г-м Сетовым (сцен. псевд. *И. Я. Сетгофа*, в то время антрепренера Киевской оперы. — *Е. П.*) — и он обещал ей дебют через 10 дней. Она собой очень милостива и грациозна, имеет прекрасный голос (сопрано) и поет *отлично*. <...> но Вы знаете, что — особенно в театральных делах — значит рекомендательное слово, и особенно от такого лица, как Вы. Притом же мне известна Ваша дружеская связь с г. Сетовым и всем его семейством. Черкните ему слово о д-це Василенко — а я воспользуюсь этим случаем, чтобы еще и еще поцеловать Вашу милую руку. Вы сделаете доброе и полезное — не для одной д-цы Василенко — дело». *Савина* исполнила просьбу Т., и В. получила дебют и была принята в труппу Киевского оперного театра.

Писатель в дальнейшем, хотя и издалека, следил за артистической карьерой В. Узнав о ее работе над партитурой Людмилы в опере *М. И. Глинки* «Руслан и Людмила», Т. писал В. (окт. 1882 — нач. 1883): «В этой чудесной партии Вы найдете все. Здесь и великолепная техника, столь желанная для многих певиц, жаждущих показать свою виртуозность и тем заслужить признание. Здесь и благодарный материал для подлинной актрисы. Обратите особое внимание на последнее и избегайте быть оперным истуканом. По мере своих сил старайтесь оживить этот прелестный образ артистическим вдохновением, сценической игрой. Я напишу Савиной, чтобы она руководила Вашими опытами. Моя болезнь не позволяет мне подробнее изложить мою точку зрения на игру оперного артиста, искусственно отделенного от драматического только своими виртуозными эффектами. А я не вижу никакой разницы между теми и другими и считаю, что и в опере нужна Савина с ее чудесной душой». К сожалению, смертельная болезнь писателя прервала творч. диалог между ним и начинающей певицей.

Известны 2 п. Т. к В. (1882, 1883; одно из них адресовано также С. Е. Гуревич), письма В. к Т. неизвестны.

Соч.: Воспоминания о Тургеневе одной из учениц Виардо // Киевлянин. 1883. 14 сент.; Воспоминания о Тургеневе и Полине Виардо / Публ. М. Гольдштейна // Сов. музыка. 1951. № 7. С. 73–76.

Лит.: *Огибенин П.* Любимая ученица Виардо // Звезда (Пермь). 1982. 1 дек.

Е. В. Проц.

ВАСИЛЬЕВ 2-й Павел Васильевич (1832–1879), актер реалистической школы. В 1860–1874 в *Александринском театре*.

Сведений о том, когда состоялось знакомство Т. с В., не сохранилось. Очевидно, оно произошло после того, как в 1860 В. был принят на столичную сцену на роли *А. Е. Мартынова*, к-рый обратил внимание на незаурядный актерский талант В.

В. был перв. исполнителем роли Кузовкина в ком. Т. *«Нахлебник»* на сцене *Александринского театра* в Пб. в бенефис *Ф. А. Снетковой* 7 февр. ст. ст. 1862 и, как отмечала пресса, сыграл великолепно (*Вольф. Хроника*. Ч. III. С. 23). Т. не увидел В. в эт. роли; он находился за границей. *«Нахлебник»* на петерб. сцене не удержался и был снят с репертуара в том же году.

Неудовлетворенность своим актерским положением, тяга к ролям трагедийного звучания заставили В. искать выход в самостоятельной работе вне театра. Он готовил и исполнял в дружеском кругу те роли, к-рые ему не удалось сыграть на казенной сцене, и прежде всего роль Гамлета. Т., очевидно, был одним из заинтересованных и благодарных ценителей таланта В. Сохранилось одно п. Т. к В. от 17 февр. (1 марта) — 3 (15) марта 1871, в к-ром он выражал намерение присутствовать на одном из субботних вечеров В.: «Надеюсь, что Вы будете свободны в этот день, и обещаю себе заранее великое наслаждение от Вашего мастерского чтения».

Е. В. Проу.

ВАСИЛЬЕВА Екатерина Николаевна (р. Лаврова; 1829–1877), драм. актриса, с 1847 в труппе *Малого театра*. Перв. исполнительница роли Натальи Петровны в ком. Т. *«Месяц в деревне»*.

В марте 1871, во время пребывания Т. в *Москве*, В. обратилась к нему с просьбой разрешить постановку *«Месяца в деревне»* на сцене *Малого театра*. Писатель дал согласие, хотя, как позднее признавался, «всячески старался ей доказать, что это — вещь не сценическая — скуку распространит ужасную между зрителями» (п. к *П. В. Анненкову* от 24 сент. (6 окт.) 1871). Но В. была настойчива, и Т. сдался. Сохранился текст его разрешения, датированного 17 (29) марта 1871: «Я, нижеподписавшийся, отдаю Екатерине Николаевне Васильевой в полное распоряжение мою пьесу „Месяц в деревне“ (напечатанную в 7-м томе моих сочинений) для постановки на сцену — и при этом изъявляю мое согласие на все те сокращения, которые окажутся необходимыми» (*ПССУП(2)*. П. Т. 11. С. 58).

Постановку ком. Т-ва осуществил *А. Ф. Богданов*. Спектакль состоялся 13 янв. ст. ст. 1872 в бенефис актрисы в связи с 25-летним юбилеем ее сценической деятельности. Дурные предчувствия не обманули Т.: «... ничего иного не ожидал: моя комедия <...> должна была получить фиаско. Оттого я и бросил (с 1851-го года) писать для сцены: это не мое дело. Мне остается только упрекнуть себя: зачем я имел слабость согласиться на просьбы г-жи Васильевой?» — писал он брату (п. от 5 (17) февр. 1872). Критики довольно

жестко обошлись со спектаклем, упрекая актрису за выбор пьесы и утверждая, что она несценична. Они резко отозвались об игре актеров, в частности об исполнении В. роли Натальи Петровны. И хотя спектакль затем прошел еще 4 раза, успеха он не имел.

Е. В. Проц.

ВЕЙСЕ (Weiß) Христиан Феликс (1726–1804), нем. поэт и писатель, автор нравоучительных соч. для детей. 17 июля н. ст. 1789 в дер. под *Лейпцигом* В. навстречу путешествовавший по *Европе* *Н. М. Карамзин*, рассказавший впоследствии об эт. встрече в «Письмах русского путешественника»: «Вейсе, любимец драматической и лирической музыки, друг добродетели и всех добрых, друг детей, который учением и примером своим распространил в Германии правила хорошего воспитания <...> Ему уже с лишком шестьдесят лет; но румяное и свежее лицо его не показывает и пятидесяти — и во всякой черте лица сего видна добрая душа! <...> Я сказал ему, что разные пьесы из его „Друга детей“ переведены на русский, и некоторые мною».

В мемориальной *Б-ке Т.* хранится ж. «Детское чтение для сердца и разума» (2-е изд. М., 1819), в к-ром помещены пер. из В.: «Великодушные в низком состоянии: Комедия для детей в одном действии» (Т. 19. Ч. 1. С. 37–78); «Добрые дети: Драма для детей: В двух действиях. Пер. Н. Н. Сандунова» (Там же. С. 79–161); «Аркадский памятник: Сельская драма с песнями в одном действии <Пер. Н. М. Карамзина в стихах и прозе>» (Т. 20. Ч. 2. С. 25–92).

Т. знал и другие соч. В. В пьесе *«Месяц в деревне»* (1855) он вкладывает в уста Шаафа перв. строки ст-ния В., ставшие пословицей: «Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute... (Завтра, завтра, не сегодня, так ленивцы говорят... — нем.)» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 2. С. 299).

С. Л. Жидкова.

ВЕРНЕ (Vernet) Шарль Эдме (1789–1848), франц. комический актер.

Сведений о знакомстве Т. с В. не сохранилось, но писатель хорошо знал театры парижских бульваров, их выдающихся актеров, среди к-рых особенно отмечал В. 26 нояб. (8 дек.) 1847 он писал *П. Виардо*: «Верне доставил мне большое наслаждение в старой пьесе „Отец дебютантки“. Все французские актеры в существе своем реалисты, но нет ни одного, кто был бы так тонко, так, как сказал бы немец, „крупко“ реален, как Верне. Он одновременно удовлетворяет и чувство и ум зрителя: он восхищает знатока, он заставляет и смеяться, и улыбаться. Как жаль, что он стареет! Вот человек, умеющий творить».

Т. увидел В. в роли старого хлопотуна Гаспара, беззаветно любящего театр и стремящегося всеми силами доставить дебют дочери в водевиле

Ж.-Ф.-А. Байара и М.-Э. Теолона «Отец дебютантки». Это было одно из редких выступлений актера на сцене. В следующем году болезнь свела В. в могилу.

На основе водевиля «Отец дебютантки» *Д. Т. Ленский* создал свою сценическую версию — водевиль «Лев Гурыч Синичкин», в котором главную роль Синичкина блистательно играл на *Александринской* сцене любимый актер *Т. А. Е. Мартынов*.

Е. В. Проц.

ГЕРН (Gern) Альберт Леопольд (1789–1869), нем. комический актер.

Во время учебы в *Берлинском ун-те* Т. вместе с *Н. В. Станкевичем* и *Т. Н. Грановским* часто бывал в *Кенигштадском театре*, на сцене которого выступал талантливый актер Г. Позднее (в «*Воспоминаниях о Н. В. Станкевиче*») Т. заметил, что «Герн был карикатурист вроде Живокини» (*ИССУП(2). Соч. Т. 5. С. 361*), так как артист играл, дерзко выявляя, преувеличивая и заостря смешное в характерах своих персонажей, вызывая взрывы веселости у зрителей. Недаром *Станкевич* в ст-нии «Опять в Берлине» посвятил артисту несколько строк: «Там Герн: он выше всех условий! / Смешит и мертвых и живых!» (*Станкевич Н. В. Избранное. М., 1982. С. 65*).

Е. В. Проц.

ГОРБУНОВ Иван Федорович (1831–1896), актер, блестящий автор-рассказчик собственных произв. из нар. быта, жанровых и сатирических.

Т. познакомился с Г., очевидно, в 1850-е. В 1855 Т., откликаясь на просьбу *А. Н. Островского*, взял на себя хлопоты по устройству Г. на петерб. сцену. Его старания оказались успешными: 17 февр. ст. ст. 1856 Г. получил дебют на сцене *Александринского театра*.

Т. был почитателем таланта Г.-рассказчика. Его восхищали имитационный и импровизаторский дар актера, его умение передавать богатство и своеобразие речи своих многочисл. героев. Т. часто слушал Г. на вечерах в *Пб*. Отношения Т. и Г. были достаточно дружескими. В 1860 Т. рекомендовал Г. *Д. Я. Колбасину*, жившему тогда в Новгороде: «Податель сей записки Иван Федорович Горбунов, имя которого Вам, вероятно, очень хорошо известно. Он едет в Новгород на недельку и желал бы, если возможно, остановиться у Вас. Я уверил его, что Вы очень ему обрадуетесь и примете его с радушием» (п. от 23 февр. (6 марта)). Г. в этом случае подвел своего рекомендателя, оказавшись совершенно необязательным человеком по отношению к *Колбасину*, и Т. пришлось самому улаживать какие-то денежные расчеты Г. с радушным хозяином, но это не привело к разрыву отношений

Т. и Г. В 1862 Т. обедал в Пале-Рояле вместе с приехавшими в *Париж* А. Н. Островским и Г., слушая речи генерала Дитятина, одного из блистательных сатир. созданий Г. Позднее, 13 (25) марта 1879 импровизацией от имени того же генерала Дитятина Г. приветствовал Т. на обеде, данном в его честь в ресторане *Бореля* в *Пб.*

Порой Т. не отказывал себе в удовольствии привести в письме забавлявшее его выражение Г. Он писал *Ег. П. Ковалевскому* о М. А. Маркович: «Она хочет Вас видеть — и само по себе — и, что для нее несколько „внове“, как говорит Горбунов, в качестве просительницы» (п. от 7 (19) июля 1860). Иногда Т. ссылался на актерский талант Г., чтобы более определенно выразить свое мнение. Критически оценивая брошюру для крестьянства, он писал *П. Л. Лаврову* 1 (13) февр. 1876: «Надо быть хорошим чтцом (вроде И. Ф. Горбунова), чтобы верно передать, *напр.*, страницу 9-ую; представьте ее в чтении человека едва грамотного: ничего не выйдет».

Г. участвовал вместе с Т. в сб. «*Складчина*» (1874), изданном в помощь пострадавшим от голода в Самарской губ.

Известно 1 п. Т. к Г. от 29 марта (10 апр.) 1881, в к-ром он извещал актера о том, что собирается исполнить его поручение, но ответ адресует на имя *Я. П. Полонского*, ибо Г., как иронически замечает Т., «по неизменной, *строжайше* соблюдаемой привычке *всех* русских», не приложил своего адреса.

Е. В. Проц.

ГРИГОРЬЕВ 1-й Петр Иванович (1806–1871), актер и драматург-водевильист. С 1826 до конца жизни играл на сцене *Александринского театра* в *Пб.* Там же впервые был поставлен наиболее популярный водевиль Г. «Дочь русского актера».

О знакомстве Т. с Г. сведений не сохранилось, однако несомненно, писатель хорошо знал Г. как актера. Впервые он увидел его в роли Ляпкина-Тяпкина, когда присутствовал на премьере «Ревизора» в 1836. Г. был первым исполнителем роли Беспандина в ком. Т. «*Завтрак у предводителя*».

Набрасывая распределение ролей в ком. «*Где тонко, там и рвется*», на перв. листе чернового автографа ком. Т. вписал имя Г., очевидно назначая ему роль капитана Чуханова. Актер выступил в эт. роли на премьере ком. в *Александринском театре* 10 (22) дек. 1851 в бенефис *Н. В. Самойловой*.

Г. первым сыграл роль помещика Блинова в ком. «*Безденежье*» (1852). Водевильист *Ф. А. Кони* отметил в ст. «Русский театр в Петербурге» игру актера: «Этот характер был прекрасно исполнен Григорьевым 1-м». (Пантеон. 1852. № 1. С. 11).

Е. В. Проц.

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич (наст. имя Иван Николаевич Горелов; 1849–1925), рус. актер, народный артист Республики (1922). За свою творч. жизнь сыграл роли почти во всех драм. произв. Т.: «*Безденежье*» (Матвей), «*Вечер в Сорренте*» (Аваков), «*Завтрак у предводителя*» (Мирволин, Суслов), «*Месяц в деревне*» (Шпигельский), «*Провинциалка*» (Ступендьев). Поразительного совершенства Д. достиг в исполнении ролей Мошкина в «*Холостяке*», Кузовкина в «*Нахлебнике*» и Лаврецкого в сценической интерпретации ром. «*Дворянское гнездо*».

Д. сыграл Мошкина на сцене *Александринского театра* в 1882, создав «глубоко трогательную картину нечеловеческого страдания крошечного, незаметного и незатейливого по натуре человека» (*Брянский*. С. 103). Узнав об успехе Д. из писем *М. Г. Савиной* и *Д. В. Григоровича*, из откликов прессы, к-рая сравнивала игру Д. в роли Мошкина с перв. исполнителем эт. роли *А. Е. Мартыновым*, Т. писал актеру 1 (13) февр. 1882: «Так же как Мартынов, Вы сумели создать живое и целостное лицо из незначительных данных, представленных Вам автором. Ото всей души желаю Вам дальнейших успехов и не сомневаюсь, что Вы их достигнете. Надеюсь, что, по прибытии в Петербург, я узнаю Вас, как человека и как актера, а пока прошу принять от меня вместе с возобновлением моих поздравлений и уверение в искреннем сочувствии и уважении <...>».

Намерениям Т. не суждено было сбыться: он умер, не увидев Д. на сцене. Еще при жизни Т. Д. 2 сент. ст. ст. 1882 сыграл на *Александринской* сцене роль Мирволина в возобновленном спектакле «*Завтрак у предводителя*». Впоследствии Д. блистательно сыграл роль Кузовкина в «*Нахлебнике*», вызвав такой восторженный отклик: «Мы видели Щепкина в этой роли, и если бы речь зашла о сравнении, то мы убеждены, что сам Щепкин открыто и честно вручил бы пальму первенства своему собрату-сопернику» (*Новости дня*. 1888. № 1649).

Впервые Д. исполнил роль Лаврецкого в «*Дворянском гнезде*» в 1894. Он играл эту роль исключительно на гастролях, но никогда в *Пб.* Актер достиг «совершенства в исполнении этой роли. Артист и автор сливались воедино» (*Брянский*. С. 105).

Лит.: Брянский А. М. Владимир Николаевич Давыдов. 1849–1925. Жизнь и творчество. Л.; М., 1939. С. 103.

Е. В. Проц.

ДОБУЖИНСКИЙ Мстислав Валерианович (1875–1957), живописец, график, театр. худ-к, член объединения «Мир искусства». Проф. *Академии художеств* (1922). С 1907 начал работать как театр. худ-к. Оформлял спектакли в Старинном театре Евреинова, в театре *В. Ф. Комиссаржевской* и др. С 1914 принимал участие в «Русских сезонах за границей» С. П. Дягилева.

20 мая 1907 Д. познакомился с *К. С. Станиславским*, а в февр. 1909 получил предложение оформить спектакль *МХТ* по пьесе Т. «*Месяц в деревне*». Если предыдущие театр. работы Д. исходили из примитива и лубка, то с «*Месяца в деревне*» нач. новый плодотворный период его творчества в рамках классического иск-ва. Зд. проявилось умение Д. тонко подметить и передать атмосферу рус. помещичьих усадеб перв. пол. XIX в. Этому способствовали впечатления, полученные худ-ком в юности на родине Т. В своих восп. он писал: «Эпоха Тургенева, особенно 1830-е — 1840-е годы, была мне душевно близка <...> и довольно хорошо был знаком мне и помещичий быт <...> Русскую деревню и помещичью жизнь мне пришлось узнать в моей молодости довольно поздно, детство же мое было полно самых разнообразных впечатлений, от поездок по России <...> В Орле <...> на огромной площади пахло сеном и дегтем, под ногами были <...> гигантские булыжники, и меня поразил размах этого города: каменные солидные дома, обширные их сады, необыкновенного простора улицы, вдоль которых вольно носились целые тучи пыли. Моя двоюродная тетка жила в старинном деревянном особняке на одной из окраинных тихих улиц, неподалеку от самого „Дворянского гнезда“, городской усадьбы Лизы Калитиной — предание еще было живо... <...> Мне хотелось себя настроить поэтически: романы Тургенева я сравнительно недавно прочел впервые, и они были еще мне совсем „осязательны“ <...>» (*Добужинский*. С. 109–110, 237, 315–316). Имение тетки Д. находилось в Севском у. Орл. губ.

Премьера спектакля сост. 9 дек. 1909 и явилась событием в истории *МХТ*. При поднятии занавеса раздалась аплодисменты декорациям, в к-рых зрители «узнавали» изображенные места и спорили о том, уголки какой усадьбы зарисовал худ-к. В мае 1910 *МХТ* привез спектакль в *Пб*. Побывавшая на спектакле *М. Г. Савина* сказала Д.: «Как бы я хотела сыграть в Ваших декорациях» (Там же. С. 245). Газ. «Утро России» писала: «Все образы Тургенева нашли благороднейшее внешнее воплощение...» (1909. 11 дек.). Вдохновленный успехом, Д. в 1910 создал две серии иллюстраций к «*Месяцу в деревне*» (одна из них — непосредственное продолжение театр. работы — выполнена в технике акварели, собр. *И. С. Зильберштейна*; др. — ее органическое развитие: сюжеты подчас изображали не события пьесы, а их возможное продолжение, что явилось новым шагом в развитии рус. книжной графики). Впоследствии Д. неоднократно поздравлял *Станиславского* с очередной годовщиной постановки.

В 1912 Д. успешно оформил спектакли *МХТ* по пьесам Т. «*Где тонко, там и рвется*», «*Нахлебник*», «*Провинциалка*», подготовил декорации к «*Вечеру в Сорренте*», однако постановка не была осуществлена.

Соч.: *Добужинский М. В.* Воспоминания. М., 1987.

Г. Н. Павлова.

ДОМИЦИАН (Domitianus) (51–96), рим. император с 81. Укреплением бюрократии и ущемлением прав сената вызвал против себя оппозицию аристократии. В 89 потерпел поражение от даков во главе с Децебалом. Убит в результате придворного заговора.

Отмечая «величайшее сходство между Галлией нынешнего времени и Римом Траяна, а также Каракаллы и прочих Гелиогабалов» (п. к *П. В. Анненкову* от 1 (13) авг. 1859), Т. в оценках *Франции* периода правления *Наполеона III* неоднократно прибегал к примерам и сравнениям, заимствованным из рим. истории периода Империи. В п. к *П. Виардо* от 4 (16) февр. 1865, описывая открытие законодательной сессии Палат, состоявшееся 15 февр. н. ст. 1865, Т. отметил, что «принц Наполеон держится настоящим Тиберием или Домицианом», правление к-рого характеризовалось возобновлением полит. террора, жестоким произволом и кровавыми репрессиями. Т. подчеркнул «исключительно *военный* характер этой церемонии», обратив внимание, что «единственное место в речи, вызвавшее аплодисменты, — то, где говорится о сооружении новой триумфальной арки». *А. И. Батюто* отметил также присутствие следов «латинomanии», к-рая «напала» на Т. в период «„расцвета“ деятельности» *Наполеона III*, в картинах далекого истор. прошлого в «*Довольно*», в частности выдвинув предположение о возможном заимствовании заглавия эт. произв. из жизнеописания Д., данного *Светонием* (к-рого Т. находил весьма современным) в «Жизни двенадцати цезарей»: «Ворота и арки, украшенные колесницами и триумфальными отличиями, он строил по всем кварталам города в таком множестве, что на одной из них появилась греческая надпись „Довольно“» (*Батюто А. И.* Тургенев-романист // Батюто А. И. Избр. труды / Отв. ред. С. А. Батюто. СПб., 2004. С. 400–401).

В. А. Лукина.

ДЮМА (Dumas) Мари (р. 1846), франц. актриса.

Т. познакомился с Д. в 1871 в *Лондоне*, куда ее вынудили перебраться из *Парижа* события *франко-прусской войны*. 17 (29) февр. 1871, вероятно чтобы поддержать Д. и познакомить влиятельную часть англ. об-ва с ее творчеством, *П. Виардо* и Т. в доме *Виардо* на Devonshire Place устроили вечер актрисы, на к-ром присутствовали *Дж. Г. Льюис*, *Р. Браунинг*, *В. Рольстон*, *Р. Милнс* (лорд Хаутон) и др. (*Летопись (1871–1875)*. С. 28; *Waddington. T and England*. P. 182).

Через год, когда актриса собралась в *Пб.* во время великого поста, чтобы играть в концертах, Т. рекомендовал ее *П. В. Анненкову*: «Она восхитительно декламирует — а также совершенно замечательно играет шуточные пьески, маленькие салонные комедии и пр. Я уверен в том, что она вызовет сенсацию в Петербурге — в эту пору, когда театры там бездействуют. Помогите

М. Дюма

ей вашими советами и подскажите, как взяться за дело <...> Укажите ей, к кому нужно обратиться, чтобы выступить в концерте», — и тут же просил свести актрису с гр. *В. А. Соллогубом* и *А. С. Сувориным* (п. от 4 (16) февр. 1872). Очевидно, Т. дал Д. рекоменд. письма. *Суворин* благожелательно откликнулся на выступления артистки в одном из своих фельетонов (*СПбВед.* 1872. 26 февр. (9 марта). № 57. Недельные очерки и картинки; подп.: Незнакомец). 2 (14) марта 1872, благодаря *Анненкова* за «ласковый прием» Д. в *Пб.*, Т. так характеризовал актрису: «Она бой-девка, в душе, полагаю, великая ерница — но не глупа и не без таланта. Быть может, она в Петербурге соберет кой-какие гроши».

В 1876 Д. задумала серию *matinées caractéristiques* (тематических утренних представлений) для ознакомления парижан с драматическими произв. различных эпох и народов. Сезон 1877 Д. планировала открыть «рус. утренником», рассчитывая изначально представить на нем какую-нибудь из пьес Т. Болезненно относившийся к возобновлению своих драм. произв. на театральной сцене, Т. воспринял эт. затею отрицательно, о чем сообщил *В. А. Соллогубу* 3 (15) янв. 1877: «Для французов „Провинциалка“ явится плоховатой копией с их оригиналов (что она и есть) — да и какой я драматический писатель — помилосердуйте! Я полагаю, лучше всего предоставить девицу *Marie Dumas* собственному течению». Об открытии нов. сезона в театре

Porte Saint-Martin и о «рус. утреннике» в «*Le Temps*» 27 янв. н. ст. 1877 (N 5763. P. 3) сообщалось, что на перв. утреннике должно было состояться представление «Каменного гостя» *Пушкина* в пер. Т. и Л. *Виардо*. «Рус. утренник» состоялся в воскресенье, 4 февр. н. ст. 1877 (см. объявл.: *Le Temps*. 3 févr. N 5770. P. 4). «Программа состояла из стихов, романсов и отрывков исключительно русских авторов» (*Noël E., Stoullig E.* P. 421): она открывалась перв. актом «Русалки» *Пушкина* (в пер. Т. и Л. *Виардо*), затем следовали муз. и лит. паузы; завершился утренник представлением 4-х сцен из «Каменного гостя». В спектакле принимали участие Д. (Дона Анна) и *Дюпон-Вернон* (Дон Гуан). На утреннике присутствовал сам Т. и, по всей видимости, П. *Виардо*.

По восп. *Е. И. Бларамберг*, драм. отделению предшествовала лекция о рус. лит.-ре, прочитанная *Анри де Лапоммере*, в к-рой был упомянут Т. Представление «Русалки», по словам мемуаристки, произвело на Т. тягостное впечатление, прежде всего из-за «жалкого» исполнения: «Особенно комическую фигуру представлял „Князь“ (в эт. роли выступал некий Гальбер. — *Ред.*) — жиденький французик в каком-то шутовском костюме, не то кучерском, не то цыганском, с его забавным размахиванием рук и непрерывным встряхиванием головы... Мы с трудом удерживались от смеха. Тургенев не смеялся. Сжимая кулаки, он, не стесняясь, громкими, резкими восклицаниями выражал негодование и, только уступая нашим просьбам, согласился... не замолчать, а выйти из ложи». Несколько «примирило» Т. с рус. муз.-драм. утром исполнение *Дюпоном-Верноном* роли Дон Гуана в «Каменном госте» (см.: *Ардов Е. (Апрелева)*. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // *РусВед*. 1904. 18 янв. № 18. С. 3). «Рус. утренник», по всей видимости, имел успех у франц. публики, о чем Т. упомянул, напр., в п. к Э. *Перрену*, прося содействовать в постановке драм. произ-й *Пушкина* на сцене *Comédie Française* (п. от 26 янв. (7 февр.) 1877). Всего в перв. сезоне тематических утренников 1877 состоялось 9 представлений (см.: *Almanach des spectacles*. Paris, 1878. T. 4: Année 1877. P. 149–150), еще одно представление «Каменного гостя» — 6 (18) февр. 1877 (см.: *Le XIXe Siècle*. 1877. 18 févr. N 2536. P. 3). Во втор. сезоне, стартовавшем в нояб. на сцене *Théâtre-Lyrique*, 9 дек. н. ст. 1877 прошло еще одно «рус. утро», на к-ром давали «Каменного гостя». На эт. раз в роли Дона Гуана выступил Рене Дидье из театра *Vaudeville*. Кроме того, в программу был включен «Демон» *Лермонтова* (в анонимном пер.), а также «занятая», по замечанию критика, ком. *Грибоедова* «*Tchotsky ou Trop d'esprit nuit*» («Чоцкий (sic!), или Горе от ума» — *франц.*): «Лекция была прочитана самой м-ль Мари Дюма с большим блеском и умом. Публика, любящая ее порывистое и „воспитательное“ творчество, не скупилась на аплодисменты» (*Noël E., Stoullig E.* P. 262–263).

Позднее имя Д. более в письмах Т. не упоминалось.

Лит.: Ардов Е. (Апрелева). Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // *Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 183; Noël E., Stoullig E. *Les Annales du Théâtre et de la musique*. 1877. Paris, 1878. P. 259–267, 420.

Е. В. Проц, В. А. Лукина.

ЖЕМЧУЖНИКОВ Алексей Михайлович (1821–1908), поэт, комедиограф, публицист, один из авторов «соч.» *Козьмы Пруткова*. Брат В. М., Л. М., Н. М. Жемчужниковых; двоюрод. брат А. К. Толстого; муж Е. А. Жемчужниковой. Дебютировал в *Совр.* ком. «Странная ночь» (1850. № 2), в 1850-е выступал в печати как автор стихотв. комедий и лирич. ст-ний, преимущ. гражд. направленности, созданных в некрасовской традиции. Как заметил много позднее Я. П. Полонский, Ж., уступая Н. А. Некрасову «по таланту и влиянию», был «более чем кто-либо из его современников, более чем сам Некрасов, искренним по своим тенденциям» (Полонский Я. П. «Стихотворения А. М. Жемчужникова». С. 1–2). Ж. приобрел известность не как лирик (писавший также пейзажные и любовные стихи), но как создатель образа *Козьмы Пруткова* (совм. с В. М. Жемчужниковым и А. К. Толстым). В кон. 1850-х, усомнившись в «дельности» своих поэтич. произв. («...моя муза не обладает ни лиризмом, ни красотой <...>»; «Автобиограф. очерк». С. 65), Ж. «почти бросил писать стихи и обратился к прозе» (Там же). Опубликовал неск. публицист. статей, в фельетонной манере изображавших тормозящие росс. реформы «физиономии и силы». В 1858 в должности пом. статс-секретаря Гос. совета вышел в отставку, «чтобы иметь право и возможность мыслить и чувствовать с большею свободой и независимостью» (Там же. С. 64). С 1866 до 1884 жил за границей.

Т., имевший представление о перв. лит. опытах Ж. (о напеч. в *Совр.* ком. «Сумасшедший» он писал Н. А. Некрасову 16 (28) дек. 1852: «...Жемчужникова комедийка вздор <...>»), познакомился с ним в кругу петерб. литераторов в сер. 1850-х, очевидно уже после публ. в 1854 в *Совр.* «Досугов» *Козьмы Пруткова* (см.: Дружинин. *Дневник*. С. 361; *Т и круг Совр.* С. 201). Его сближение с Ж. состоялось в *Баден-Бадене*, где поэт с семьей жил с февр. 1866 до янв. 1868; помимо лит-ры, обоих объединяли муз. интересы. С М. В. Авдеевым весной 1866 Ж. предполагал издание в *России* лит.-полит. журн. или газ., рассчитывая на участие в нем Т. С 1866 по 1870 (в 1868–1869 Ж. жил в *Гейдельберге* и *Штутгарте*, затем в *Висбадене*) Т. состоял с ним в регулярной переписке. В присутствии Ж. и Н. Н. Раиет 29 янв. (10 февр.) 1867 Т. читал только что оконч. ром. «*Дым*», сообщив спустя 2 дня П. В. Анненкову: «Мой роман совершенно готов и переписан; я его прочел здесь находящемуся А. М. Жемчужникову, и он, кажется, остался доволен...». В *Штутгарте*, куда 10 янв. н. ст. 1869 Т. приехал на крестины дочери Ж., став ее восприемником, им была прочитана, также

в присутствии Ж. и *Н. Н. Раиет*, пов. «*Несчастливая*». Получив от Т. номер *ВЕ* с текстом «*Воспоминаний о Белинском*» (1869. № 4), Ж. писал ему 10 (22) июня: «Очень благодарю Вас, любезный Иван Сергеевич, за Ваши воспоминания о Белинском. Я прочел их с большим интересом. <...> Вы — крупный и притом *цельный* представитель того времени, — не подточенный, не урезанный, не разочарованный, не повернувшийся к нему задом» (*Тургенев. НИИМ* (4). С. 606).

После переезда Ж. в *Висбаден* и приостановки в 1870 переписки Т. не раз с иронией (в п. к *П. Виардо* и особенно к *П. В. Анненкову*) вспоминал о «неотразимой скуке» общения с ним (см. п. к *Анненкову* 27 сент. (9 окт.) 1872, 26 нояб. (8 дек.) 1872 и от 20 дек. 1872 (1 янв. 1873)).

О работе в 1867–1868 над аллегорич. поэмой «Сны» Ж. не извещал Т., к-рый о ее публикации (*ОЗ*. 1868. № 2) узнал из газет (см. его п. к Ж. от 4 (16) марта 1868). Начало большой сатир. поэмы «Перед возвращением на родину», над к-рой работал в 1868–1869, Ж. читал Т. в *Карлсруэ* в нач. 1869 (точная дата неизв.; см. п. Ж. к Т. от 18 (30) марта 1869: *Тургенев. НИИМ* (4). С. 596). Позднее эта часть поэмы, изобличавшая «московское направление» *М. Н. Каткова*, оформилась в самостоятельную поэму-фельетон «Пророк и я». Обновленный текст поэмы Ж. в п. от 18 (30) марта 1869 просил Т. прочитать и критически оценить, однако его мнение осталось неизв. В дек. 1869 Т. читал присланный Ж. цикл эпиграмм (п. Ж. и тексты эпиграмм не сохр.) и 12 (24) дек. отвечал автору: «Отмеченные * эпиграммы мне понравились; я позволил себе сделать также несколько замечаний. Очень рад, что Вы работаете и чувствуете прилив деятельности» (цикл из 15 эпиграмм «В альбом портретов» опубли.: *СПбВед*. 1870. № 146). В п. к Ж. от 5 (17) июня 1870 Т., признавшись: «Вы едва ли не единственный человек, помянувший добрым словом мою „Странную историю“ <...>», отметил, что прочитанные им в *СПбВед* эпиграммы «все метки и ловки; остальные нападения на „Кентавр“ и т. д. слишком обстоятельны и пространны». Под «остальными» имелся в виду сатир. цикл «Современные песни» (*ОЗ*. 1870. № 3) и входившая в него сатира на *М. Н. Каткова* «Кентавр». Обо всех созданных Ж. на рубеже 1860–1870 поэтич. произв. Т. в п. к *П. В. Анненкову* от 20 дек. 1872 (1 янв. 1873) отозвался саркастически, назвав их «стихотворениями». Позднее, сожалея о болезни *А. К. Толстого*, признался тому же адресату: «Жаль мне Толстого — как отличнейшего человека; как писатель — он ужасен почти столько же, сколько его двоюродный брат» (п. от 6 (18) марта 1874).

Переписка между Т. и Ж. возобновилась на короткое время в 1877. В п. от 26 янв. (7 февр.) Т. благодарил адресата за «дружеское и симпатическое письмо» (не сохр.) с отзывом о ром. «*Новь*» и выразил сочувствие его «невозвратной потере» (Ж. в 1875 потерял жену). Присланные Ж. ст-ния (цикл на смерть жены), по оценке Т., «поразительно правдивы и искренни; а „Со-

вет самому себе“ дышит горьким и веским юмором». О ст. Ж. «Русское общественное движение. Письмо к редактору» (Голос. 1876. № 290), посвященной «славянскому вопросу», Т. в том же п. писал: «Ваша статья, написанная Вами в самый разгар нашего напускного шовинизма, была замечена мною; выраженные в ней мнения тесно совпадали с моими; надо было своего рода мужество, чтобы в то время говорить так». В п. от 5 (17) марта 1877 Т. благодарил Ж. за «теплое — и умное письмо» (не сохр.) с замеч. о ром. «Новь», в п. от 7 (19) апр. 1877 отозвался о цикле ст-ний Ж. на смерть жены: «...лучше их Вы никогда ничего не написали», и выразил признательность «за сообщенные сведения о „Нови“».

Соч.: Автобиограф. очерк [1892] // Жемчужников А. М. Избр. произв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. Покусаева. М.; Л., 1963. С. 61–66 (Б-ка поэта. Большая сер.).

Лит.: Мостовская Н. Н. И. С. Тургенев и А. М. Жемчужников (по матер. неопubl. переписки 1866–1869 гг.) // Второй межвуз. тургеневский сб. Орел, 1968. С. 219–226; Александрова Л. М. И. С. Тургенев и братья Жемчужниковы // Тургеневский ежегодник 2001 года. Орел, 2002. С. 49–50; Письма А. М. Жемчужникова к Тургеневу (1866–1869) / Публ. А. Г. Гродецкой // Тургенев. НИИМ (4). С. 537–608; *Летопись (1867–1870)*, по указ. имен.

А. Г. Гродецкая.

ЗОРИН Леонид Генрихович (р. 1924), драматург, прозаик, киносценарист.

Связанные с именем Т. *Орел* и *Спаское* играют важную роль в судьбах героев ром. З. «Странник» (1986). Тургеневская тема звучит в автобиографическом ром. «Авансцена» (1997) и в лит. записках «Зеленые тетради» (1999). В 1992 З. написал пьесу «Брат, Сестра и Чужестранец», посвященную воображаемой встрече Т. с *Фридрихом Ницше* в 1875 во время прогулки в Штейнабадском лесу. Это оригинальная версия возможного филос. диалога Т. с молодым *Ницше*.

Е. В. Проц.

КАРАТЕЕВА Мария Владимировна, сестра *В. В. Каратеева*. В перв. пол. 1850-х жила в имении своего отца, с-це Лобанове, Мацневе тож Чернского у. Тул. губ., где с ней встречался Т., приехавший к ее брату. Т. упомянул К. в п. к *С. А. Миллер* от 12 (24) окт. 1853: «У меня есть сосед в пятнадцати верстах с музыкальными наклонностями — его сестра даже очень бойко играет на фортепианах, — но сухо, холодно и с треском, словно барабанщик», а также в «*Предисловии к романам*» (1880): «У Каратеева была сестра — очень замечательное существо, — которая <...> кончила сумасшествием» (*ПССиП*(2). Соч. Т. 9. С. 391).

В окт. 1856 в Орл. палате Гражд. суда была совершена запись об отделении К. ее отцом имения в 35 душ в с-це Каменке Щигровского у. Курск. губ. (*Орл губ вед.* 1856. 8 дек.).

С. Л. Жидкова.

КАТОН Марк Порций (Marcus Porcius Cato) **СТАРШИЙ** (234–149 до н. э.), рим. полит. деятель и писатель. Непримирымый враг Карфагена, поборник старорим. нравов. Из соч. К. сохр. трактат «О земледелии», фрагменты речей, истории Рима. Впервые имя К. как местного уроженца встречается в шуточном ст-нии Т. «*На Альбанских горах...*» (1840), описывающем совместное путешествие с А. П. Ефремовым по *Италии*: «Двое их; первый толст; цвет лица — старый холст; / Кривоног и высокого роста, — / А второй, сибарит, слоем жира облит...» (*ИССУП(2)*). Соч. Т. 1. С. 328). Возможно зд., на фоне общей оппозиции былого величия Рима современности, содержится аллюзия на строгости К., осуждавшего праздность, роскошь, уволившего даже одного из сенаторов за излишнюю полноту. В ком. «*Холостяк*» (1849) один из героев говорит: «Мне в вашем приятеле особенно нравится, что он <...> молодой человек с правилами... <...> Это в наше время редко. В нем нет этого ветра... знаете, ветра... <...> Я не какой-нибудь Катон... но...» (Там же. Т. 2. С. 188). В письмах Т. неоднократно обращается к известному изречению К., к-рым тот заканчивал свои речи в сенате: «Caeterum censeo Carthaginem delendam esse» («Впрочем, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен» — *лат.*). Напр., в п. к П. В. Анненкову от 1 (13) дек. 1857: «...художество у нас начнется только тогда, когда Брюллов будет убит, как был убит Марлинский: delenda est Carthago, delendus Brulovius». См. также п. к П. Виардо от 2 (14) янв. 1864, к М. М. Стасюлевичу от 27 февр. (11 марта) 1877 и др.

В. А. Лукина.

КАТУЛЛ Гай Валерий (Gaius Valerius Catullus) (ок. 87 — ок. 54 до н. э.), рим. поэт. Сохранился сб-к из 116 ст-ний, содержащий 8 больших произв. (2 эпиграмм, поэмы «Свадьба Пелея и Фетиды», «Атисс» и др.), а также мелкие лирич. стихи, к-рые К. называл «безделками» (*pugae*). Дарование и мастерство К., особенно ярко проявившиеся в лирике и своеобразно переплетавшейся с ней изысканной обработке миф. сюжетов, неизменно восхищали Т. В письмах к А. А. Фету (от 5, 7 (17, 19) нояб. 1860, 2 (14) янв. 1861) Т. неоднократно обращает его внимание на творч-во К., над переводом к-рого настоятельно советует «потрудиться» (уже после смерти Т. Фет исполнил это пожелание, переведя почти всего К.), даже приводит в качестве «звездки» дистих LXXXV под назв. «De amore suo» («О своей любви»): «Odi

et amo. Quare id faciam, fortasse requiris? / Nescio; sed fieri sentio et excrucior» («Хоть ненавижу, люблю. Зачем же? — Пожалуй ты спросишь. / И не пойму, но в себе чувствуя это, крушусь»; пер. *Фета*). К эт. дистиху Т. вновь обращается в ром. «*Дым*» (1867), где стихи К. помогают Потугину точнее выразить свое отношение к рус. действительности. В разговоре с Литвиновым Потугин признается, что любит и ненавидит «свою Россию, свою странную, милую, скверную, дорогую родину», а на замечание Литвинова, что он говорит «общими местами», от к-рых веет «байроновщиной», «романтизмом тридцатых годов», ссылается на К., подчеркивая, что он «первый указал на подобное смешение чувств... две тысячи лет тому назад» (*ПССУП*(2). Соч. Т. 7. С. 276). Совр. амер. исследователь Ч. Финч, основываясь только на упоминании Потугиным стиха К. «Odi et amo», без всяких доказательств утверждает, что в любовной коллизии Литвинова и Ирины Т. воспроизвел ром. К. и Лесбии (Клодии) (*Finch Chauncey E. Turgenev as a Student of the Classics // The Classical Journal* (Chicago). 1953. Vol. 49. № 3. P. 117–122).

В. А. Лукина.

КУДРЯШОВ Александр Порфирьевич (р. 1856), сын *П. Т.* и *Е. М. Кудряшовых*, в к-ром Т. принимал «самое горячее участие». С его помощью К. был помещен в Технологический ин-т. Т. встречался с К. в *Пб.*, оказывал материальную помощь, старался помирить с отцом: *П. Т. Кудряшов* считал сына «нигилистом» и лишил его наследства, завещав дом и землю в *Спасском* женщине, с к-рой жил последние годы. Дальнейшая судьба К. неизвестна.

Лит.: *Полонский Я. П.* Проза. М., 1988. С. 409; *Щепкина С. Г.* И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове // *Красн Арх.* 1940. № 3. С. 221–222, 227.

Л. А. Митракова.

ЛАННЕР (Lanner) Йозеф Франц Карл (1801–1843), австр. скрипач, дирижер и композитор танцевальной музыки, написавший более 200 разнообразных танцев, из к-рых особой популярностью пользовались вальсы, отличавшиеся мелодической выразительностью, изяществом, ритмической гибкостью. В 1824 Л. создал оркестр, исполнявший, гл. образом, его соч. В 1830–40-х музыка Л. получила широкое распространение в *Австрии* и др. странах *Европы*, где он неоднократно гастролировал. Музыка Л. была хорошо известна и в *России*. Так, вальс Л. упомянут в ст-нии *А. Н. Плещеева* «Бал» (1845): «Вдруг Ланнера слышались мне звуки — / Унылый вальс! Знаком он сердцу с давних дней, / И вспомнил я любви тревожной муки, / Я вспомнил блеск давно угаснувших очей!..»; в поэме *А. А. Григорьева* «Видения»

(1846): «...Ланнера живой / Мотив несется издали, то тих, / Как шепот страсти, то безумья полн / И ропота, как шумный говор волн...».

Вальс Л. дважды упомянул и Т. Сначала в повести «*Ася*» (1858): «Словно на прощание примчались звуки старинного ланнеровского вальса. <...> я почувствовал, что все струны сердца моего задрожали в ответ на те заискивающие напевы» (*ПССУП(2). Соч.* Т. 5. С. 156), а затем в ст-нии в прозе «*Как хороши, как свежи были розы...*» (1879): «...молодые руки бегают, путаясь пальцами, по клавишам старенького пианино — и ланнеровский вальс не может заглушить воркотню патриархального самовара...» (Там же. Т. 10. С. 168).

С. Л. Жидкова.

МАСЛОВ Иван Ильич (1817–1899), обществ. деятель, член *Рус. муз. об-ва*, в 1840-е входил в кружок *В. Г. Белинского*, один из близких друзей Т. Знакомство состоялось в *Пб.* в 1843, когда М. служил секр. коменданта *Петропавловской крепости*. В 1860 М. назначен управляющим *Моск. удельной конторой* (ныне Гоголевский бульвар, д. 10). С эт. времени Т., приезжая в *Москву*, почти всегда останавливался на кв. М., к-рого неизменно посвящал в свои творч., издат., хоз. и личные дела (напр., М. содействовал в передаче денег и переправке за границу жены *М. А. Бакунина*. См. п. к М. от 22 июня (4 июля) 1862). На адрес М. посылали свои письма для Т. мн. его корреспонденты. М. неизменно переправлял их адресату. «Я без Маслова Москвы и вообразить не могу!» — писал *Т. Д. В. Григоровичу* 1 (13) апр. 1882, узнав о тяжелой болезни старинного приятеля. По свидетельству *Н. Я. Стечкина*, Т. «любил и уважал Маслова и ценил его житейскую опытность и его мнения».

В 1863 М. собирался купить «800 десятин отличной земли» в тургеневских владениях (см. п. Т. к *А. А. Фету* от 11 (23) нояб. 1863), однако сделка не состоялась. 28–29 дек. ст. ст. 1858 в *Пб.* М. присутствовал, в числе др., на кв. Т. при чтении ром. «*Дворянское гнездо*». В 1864 М. засвидетельствовал свою подпись на письменном разрешении *А. Е. Ивановой*, матери *П. И. Тургеневой*, на брак дочери с *Г. Брюэрром* (см. п. к М. от 26 дек. 1864 (7 янв. 1865)) и принимал ближайшее участие во мн. др. делах Т. Так, в июне 1867 в *МВед* (№ 121), при посредстве М., было напеч. объявление о благодарности *Н. Н. Тургеневу* за его «вполне бескорыстную одиннадцатилетнюю службу и примерные труды» в кач. управляющего имениями Т., что означало окончат. разрыв писателя с дядей. М. помогал Т. осуществлять операции с его акциями, продажей имений и т. д.

Приехав на *Пушкинские торжества 1880 в Москве*, Т. вновь остановился у М., к-рому, уезжая в *Спасское*, оставил доверенность на получение драгоценной реликвии — знаменитого *Пушкинского перстня-талисмана*,

И. И. Маслов

представленного им на выставку. Когда в 1881 Т. решил построить *часовню в Спасском*, М. «был настолько любезен, что взялся заказать <...> икону св. Александра» Невского для нее (см. п. к *Н. А. Щепкину* от 25 авг. (6 сент.) 1881).

Весной 1882 М. тяжело заболел и «впал в расслабление ума» (п. к *Н. А. Щепкину* от 1 (13) июня). 31 окт. (12 нояб.) 1882 Т. писал *Д. В. Григоровичу*: «Бедному И. И. Маслову можно только пожелать скорого конца, если он сохраняет смутное представление о своем положении, как это часто бывает с людьми, пораженными подобным недугом; если же нет — то пусть его продолжает свое растительное существование! Конечно — если он при том не страдает. Вот и я теперь веду жизнь, несколько схожую с жизнью березы или устрицы, благодаря неподвижности, на которую осужден».

Известно 43 п. Т. к М. за 1860–1882 и 2 п. М. к Т. (*ИРЛИ*). Это отчасти объясняется тем, что, как писал Т. о своем друге, «едва ли в целом свете существует больший неохотник писать письма» (п. к *Н. С. Тургеневу* от 5 (17) июня 1871).

Лит.: *Стечкин Н. Я.* Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. СПб., 1903. С. 17; *Гутьяр Н. И.* С. Тургенев и его нелитературные друзья // *РСт.* 1909. № 3. С. 655–57; *Лит арх* (4). С. 254, 256, 315, 316.

Л. Н. Назарова, Г. Н. Павлова.

НИКИФОРОВ Николай Матвеевич (1805–1881), актер, уроженец *Мценска*. В 1824 после окончания Моск. театр. училища поступил в труппу *Малого театра*, сцене к-рого служил до посл. дней жизни. Н. обладал несомненным комич. даром, поразившим Т. еще в юности, когда он увидел артиста в эпизодической роли г-на N. в сцене бала в ком. *А. С. Грибоедова* «Горе от ума». Недаром даже через сорок с лишним лет Т. вспомнил об эт. представлении в пов. «*Несчастливая*» (1868) (*ПССУП(2)*). Соч. Т. 8. С. 83).

Сведения о знакомстве Т. с Н. отсутствуют. Единственная роль Н., к-рую он исполнил с присущим ему талантом в ком. Т., — Алушкин в «*Завтраке у предводителя*».

Е. В. Проц.

НУАР (Noir) Виктор (наст. имя Иван Салмон (Ivan Salmon); 1845–1870), франц. журналист, убит 10 янв. н. ст. 1870 двоюр. братом *Наполеона III Пьером Бонапартом* в собств. дворце при след. обстоятельствах. Оскорбленный направленными против него ст. в газ. «*Marseillaise*», *П. Бонапарт* послал вызов на дуэль ее гл. ред. *А. Рошфору*. Один из чл. редакции, впоследствии видный деятель *Коммуны*, будущий ред. газ. и министр иностр. дел при *Коммуне* Паскаль Груссе решил сам вызвать принца на дуэль и попросил Н. и У. де Фонвьеля передать *П. Бонапарту* вызов. Свидание Н. и Фонвьеля с принцем закончилось тем, что последний выстрелил в Н., к-рый выбежал на улицу и упал замертво перед дворцом. Фонвьелю, в к-рого *П. Бонапарт* стрелял дважды, удалось спастись. На суде принц категорически отрицал свою вину, заявив, что Н. первый ударил его, а Фонвьель вынул из кармана револьвер и что, т. о., он действовал в целях самозащиты. Суд оправдал *Бонапарта*. Похороны Н. вылились в многочисл. демонстрацию против правящего режима *Наполеона III*, к-рому оставалось существовать неск. месяцев. Решение суда в Туре также вызвало протест общенности и широко обсуждалось в прессе.

Т. был возмущен убийством Н. и оправданием *П. Бонапарта*. В п. к *П. Виардо* от 19 (31) марта 1870, описывая в мрачных красках пребывание в гостинице в *Веймаре*, он заметил: «...в моей комнате стоит запах сильной кислоты, я подозреваю, что в соседнем номере кто-то отравился. Oberkellner (метрлотель — нем.) мрачен как никогда. Лишь бы он не поступил с нами, подобно *П. Бонапарту*! Ведь безнаказанность обеспечена!». В корр. о *франко-прусской войне*, написанной в форме п. к *П. В. Анненкову* и напеч. в *СПбВед* (1870. 8 (20) авг. № 216), Т. сравнил хвастливые заявления французов о неизбежной победе над пруссаками с «классической шекспировской фразой принца Петра Бонапарта насчет парижан, сопутствовавших гроб *убитого* им Нуара: „C'est une curiosité malsaine, que je blâme“ (это — болезненное, неуместное любопытство, которое я осуждаю) <...>»

(ПССУП(2). Соч. Т. 10. С. 311). Эт. фразу Т. повторил в письмах от 21 марта (2 апр.) 1870 к А. А. Фету и к П. В. Анненкову. Вспомнил Т. о Н. в ст. «Казнь Тропмана» (1870), сравнивая интерес парижан к Тропману с интересом их к убийству «Виктора Нуара, павшего от руки столь изумительно впоследствии оправданного принца П. Бонапарта» (ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 131). Описывая меры по охране порядка в связи с казнью, Т. заметил, что ввиду «состояния умов, возбужденных убийством Нуара», правительство «почло нужным не ограничиться одной полицией и прибегнуть к экстренным мерам» (Там же. С. 133). В толпе, ожидавшей казнь, Т. слышал среди проч. рассуждения об убийстве Н., а когда пять-шесть человек затянули «Марсельезу», «крепкий голос» «гаркнул»: «А bas Pierre Bonaparte! (Долой Пьера Бонапарта! — франц.)» (Там же. С. 138–139), что было напоминанием о том, что история убийства Н. не была забыта.

Н. П. Генералова.

ПАНАЕВА Елена Валериановна (в замуж. Дягилева; 1851–1919), дочь В. А. Панаева, сестра А. В. Панаевой (Карцевой), певица. С 1874 жена П. П. Дягилева и воспитательница его сына от перв. брака С. П. Дягилева, будущего руководителя «Мира искусств» и организатора «Рус. сезонов» в Париже. В 1876, во время пребывания в Париже со своим отцом и сестрой А. В. Панаевой (Карцевой), бравшей уроки у П. Виардо, 3 раза встречалась с Т.: в доме Виардо, в парижской квартире своих родителей и на концерте в пользу учащейся рус. молодежи, где Т. выступил с чтением своего рас. «Два помещика». В своих восп. П. живо и непосредственно передает свой разговор с Т. о ром. «Отцы и дети». Узнав, что это любимый ром. П., Т. оживился и рассказал о том, как он познакомился с молодым человеком, послужившим ему прототипом Базарова: «Он познакомился с ним в вагоне, едучи из Москвы в Петербург, и всю дорогу пробеседовал с ним, увлеченный его умом и крайне заинтересованный новым типом, только что появившимся в нашем быту» (Дягилева. С. 142). Не пожелавший назвать свое имя, молодой человек удалился, но, как следует из рассказа Т., писателю удалось впоследствии узнать о его смерти. Важными представляются переданные П. рассуждения Т. о творч. процессе и о переживаниях, связанных с передачей своих рукописей в печать. В восп. П. содержатся впечатления о чтении Э. Золя и о пении П. Виардо. Правдивость ее восп. подтверждают др. мемуаристы, в частности Н. А. Островская (Т в восп совр (2). Т. 2. С. 66) и сам Т. в ст. «По поводу „Отцов и детей“».

Соч.: Панаева-Дягилева Е. В. Воспоминания о Тургеневе / Публ. Г. И. Мурыгина // РЛ. 1972. № 4. С. 121–123; Дягилева Е. В. Семейная запись о Дягилевых / Отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.; Пермь, 1998. С. 142–144.

Л. Н. Назарова.

ПЕТРОВ Василий Петрович (псевд. Василько Петров; 1824–1864), писатель; один из авторов и изд. «Петербургского сборника для детей» (СПб., 1847), в рец. на к-рый *В. Г. Белинский* писал, что он «был бы довольно порядочно детской книгою, если бы авторы помещенных в нем статей умели лучше писать, а переводные статьи были бы не переведены, а переделаны для русских детей» (*Белинский*. Т. 10. С. 153). В 1850-е — театр. фельетонист; рец. постановки на *Александринской* сцене «*Провинциалки*» и «*Безденежья*». По поводу «*Провинциалки*» писал, что «в ней, как в прочих произведениях того же автора, виден замечательный драматический талант, много обещающий для нашей сцены» (*СПбВед.* 1851. 11 (23) февр. № 34); неуспех «*Безденежья*» объяснял тем, что эта пьеса самим автором не предназначалась для театра, отмечая, что комедии Т. «принадлежат к небольшому числу пьес нашего современного репертуара, для понимания и оценки которых нужны изощренный ум и тонкое чувство» (Там же. 1852. 23 янв. (4 февр.). № 19). Т. был лично знаком с П. и встречался с ним в *Шахматном клубе* и на вечерах у *А. А. Краевского*.

Лит.: Дружинин. Дневник. С. 369, 397 и по указ.

Н. С. Никитина.

ПИНДАР (ок. 518 — 442 или 438 до н. э.), др.-греч. поэт-лирик. Поэзию П. отличает сложность строф. структуры, торжеств. величавость языка, прихотливость ассоциативных переходов. Имя П. упоминается уже в студенческих конспектах Т. в перечне знаменит. писателей и ученых древности (*ТСб (1)*. С. 215). «Поэзия классической старины, — вспоминал *Л. Фридендер*, — не была чужда Тургеневу. Он даже старался (разумеется, по переводу) добиться понимания Пиндара, но безуспешно. „Иногда что-то мерцало точно сквозь туман, — говорил он, — потом все опять исчезло“» (*ВЕ.* 1906. № 10. С. 832). Тем не менее в п. к *Л. Пичу* от 28 мая (9 июня) 1871 Т., выражая веру в будущее *Франции*, несмотря на поражение во *франко-прусской войне*, привел цит. из 1-й Олимпийской оды П.: «Там, где стоял француз, теперь осталось только мокрое место. Но — „ἄριστόν ἕδωρ“ («вода лучше всего» — *греч.*) — из этой влаги может еще вырасти прекраснейший цветок былого существования».

В. А. Лукина.

ПЛЕЩЕЕВ Алексей Николаевич (1812/1825–1893), поэт, прозаик, переводчик, драматург, журналист. В 1849 П. был осужден по *Делу петрашевцев* и приговорен к ссылке рядовым в Оренбургский линейный батальон. 10 (22) апр. 1858, сообщая *Ф. М. Достоевскому* о скором отъезде из Оренбурга в *Пб.*, П. писал: «Две, три личности хотелось бы увидеть, потому

что привык любить их за сочинения. Тургенева между прочим. Все говорят, что он и еще поэт Полонский это самые честные личности из пишущей братии <...>» (Письма А. Н. Плещеева к Ф. М. Достоевскому // Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. М.; Л., 1935. С. 439). Познакомившись с Т. в мае 1858 в Пб., П. после неск. встреч писал *Достоевскому* 10 февр. ст. ст. 1859: «Вообще это личность в высшей степени симпатическая, любящая. Он всех влечет к себе с первого разу <...>. Недавно один хохол (предположительно Т. Г. Шевченко. — *Ред.*) недавно выразился про Тургенева: племянник Иисуса Христа! В самом деле есть что-то в нем — неотразимо к нему привязывающее...» (Там же. С. 443).

В нач. 1860-х П. с Т. связывали деловые отношения. Т. обещал для газ. «*Московский вестник*», к-рую П. редактировал вместе с *И. В. Павловым*, ст. «о призвании и значении русского дворянства» («*Несколько мыслей о современном значении русского дворянства*»), не заверш.). В янв. 1860 Т. напечатал в «*Московском вестнике*», пайщиком к-рого с нояб. 1859 был П., ст. «*Встреча моя с Белинским*». П. был одним из издателей 4-томного собр. «*Сочинений*» Т., вышедшего в *Москве* в 1860–1861: печатание 2-го тома производилось под наблюдением П. Сохранились 4 п. П. к Т. (от 25 дек. 1860, 5 янв. 1861, 18 янв. 1861 и 28 февр. 1861), написанных по поводу эт. издания. Письма Т. к П. не сохр.

В июне 1862 П. неск. раз навещал Т. в *Париже* (*Лит Арх* (6). С. 307). В свою очередь, Т. бывал у П. на лит. и муз. вечерах во время своих приездов в *Москву* в кон. 60-х — нач. 70-х; встречался с ним в доме *В. Н. Кауфмана*. О встрече с Т. весной 1874 П. 9 июля ст. ст. 1874 писал *А. М. Жемчужникову*: «Был здесь весной Тургенев, да чуть ли и теперь он не здесь; <...> я встретил его случайно в театре и несколько поговорил с ним» (*РМ*. 1913. № 7. Отд. II. С. 122). 9 (21) марта 1879 Т. и П. приняли участие в лит. вечере, состоявшемся в петерб. *Благородном собрании* в пользу *Литфонда*.

Безусловно доверяя крит. чутью Т., П. в марте 1860 послал ему на просмотр свой перевод поэмы *Т. Г. Шевченко* «*Наймичка*». Пер. П. был опубл. в апр. книжке *Совр.* с посвящением Т. (1860. № 4. С. 457–472).

П. с неизменным восхищением отзывался о произв. Т. Особенно высоко П. оценил ром. «*Накануне*». 12 февр. ст. ст. 1860 он писал *Н. А. Добролюбову*, что «*Накануне*» «гораздо шире по концепции, чем „Дворянское гнездо“» (*РМ*. 1913. № 1. Отд. II. С. 141). В *Инсарове* П. увидел «цельную натуру, несущую на плаху голову во имя любви к правде», разойдясь в оценке эт. образа с *Ф. М. Достоевским*, к-рому писал 17 марта ст. ст. 1860: «Не знаю, легко ли ему жить — но я бы желал пожить такой жизнью. Непосредственным натурам, *цельным*, не подточенным анализом и рефлексорством, не путающимся в разных противоречиях, жить конечно если хочешь легче... но когда эти натуры несут на плаху голову во имя любви к правде — ужели они менее *гамлетов* и *гамлетиков* достойны сочувствия? — А что натуры

практические, деятельные — не любят по большей части искусства — это факт, — повторяющийся беспрестанно в действительности. — Тургенев взял этот факт и был вправе так сделать. — Он вовсе не хотел сказать — что эти люди не *могут* или не *должны* любить искусства. Но показал только, что есть на самом деле. Артистические натуры по большей части — не деятели» (Письма А. Н. Плещеева к Ф. М. Достоевскому. С. 451–452). В «неистовое восхищение» П. привел ром. Т. «Дым». 15 (27) июля 1867 П. писал А. М. Жемчужникову: «Кроме того, что это высоко художественная вещь, напоминавшая прежнего Тургенева — автора „Записок охотника“, „Рудина“ и пр., — но я нахожу, что и с большей частью того, что высказывает Потугин, нельзя не согласиться. — А уж женский образ — до такой степени закончен и так обаятельно прекрасен, что и у Тургенева — за исключением разве Лизы — ничего подобного не было. Меткость и язвительность некоторых выражений не уступит грибоедовским и не умрут, как они. Это верно. Видно, что накоплено у человека, что не чернилами, а кровью сердца писалось; и все-то на него озлобились: и „Весть“, и реалисты, и английский клуб, и славянофилы» (РМ. 1913. № 7. Отд. II. С. 121).

На смерть Т. П. отозвался ст-нием «27 сентября 1883 года» с эпитафией из «Гамлета»: «Вот благородное угасло сердце». Ст-ние было прочитано П. над могилой Т. (напеч.: ОЗ. 1883. № 10. С. 565–566).

Через неск. лет после смерти Т., познакомившись со сб. А. П. Чехова «В сумерках» (1887), П. сказал: «Когда я читал эту книжку, передо мной незримо витала тень И. С. Тургенева. Та же умиротворяющая поэзия слова, то же чудесное описание природы...» (Чехов. Т. 4. С. 540–541).

Лит.: Плещеев А. А. Что вспомнилось: Актеры и писатели. СПб., 1914. Т. 3. С. 1, 7; Письма А. Н. Плещеева: И. С. Тургеневу / Публ. Г. М. Фридендера // Лит Арх (6). С. 306–320.

С. Л. Жидкова.

РИВ (Reeve) Генри (1813–1895), англ. знакомый Т., журналист, долгое время сотрудничавший в «The Times», ред. «Edinburgh Review».

Т. и Р. впервые встретились в лондонск. доме Р. М. Милнса на 16 Upper Brook Street 3 мая н. ст. 1858. Присутствовали на обеде в Королевском Лит. фонде 5 мая н. ст. 1858, о чем Т. упомянул в ст. «Обед в Обществе английского Литературного фонда»: «Я нашел свой билетик на приборе не в дальнем расстоянии от председателя, между местами г-на Ривса, одного из главных критиков „Эдинбургского обозрения“, и Теккеря, который, однако, по нездоровью не приехал» (ПССуП(2). Соч. Т. 10. С. 254).

Лит.: Waddington. T and England. P. 61–65, 211.

Л. В. Миндыбаева.

РИШПЕН (Richepin) Жан (1849–1926), франц. писатель, журналист, автор поэтич. сб. «La Chanson des gueux» («Песнь босяков»), «Caresses» («Ласки»), ром. «Madame André», сб. новелл «Les Morts bizarres» («Странные смерти») и др. произв.; сотрудничал в «Vérité», «Corsaire», «Gaulois», «Gil Blas»; пробовал свои силы как актер и драматург. В нач. 1870-х известен в среде парижск. богемы независимыми соц. теориями и эксцентричными выходками. Лит. известность приобрел с выходом в свет в 1876 сб. «La Chanson des gueux», где воспел мир бродяг, противопоставляя его формам быта и морали буржуа. Р. становится особенно популярным в кругах радикально настроенной молодежи. Скандал вокруг кн. Р., выдержанной в гротескной манере, усугубился в связи с написанной им в 1872 брошюрой о *Ж. Валлесе* и *Парижской коммуне* («Etapes d'un réfractaire»). Сб. ст-ний был конфискован в результате доноса, а его автор приговорен к тюремному штрафу «за оскорбление общественной морали и добрых нравов» (*ЛН*. Т. 31–32. С. 933). Тогда же о творч-ве Р. стало известно в *России* благодаря ст. *М. А. Загуляева*, оценившего кн. ст-ний Р. «как самое крупное явление французской литературы за последние годы» (Там же. С. 936). В 1878 *Э. Золя* посвятил Р. часть своего очередного «Парижского письма» о совр. франц. поэтах, где отметил, что сб-к поэта «наделал много шума», и в целом оценил его достаточно высоко, увидев в Р. «отчаянного реалиста, не отступающего перед резкими словами и называющего безобразные вещи их именем». При этом крайне отрицательно Золя отозвался о ст-ниях, написанных на арго, разглядев в употреблении жаргонной лексики отсутствие правды, стремление к эффекту, а не худож. необходимость. Признавая в Р. большой талант, критик вместе с тем считал его скорее романтиком, нежели реалистом и указывал на заметное влияние *Бодлера* (*ВЕ*. 1878. № 2. С. 890). Вслед за ст. *Золя* в *России* печатаются пер. нек-рых ст-ний Р. (Там же. № 4, 6). Р. рассчитывал воспользоваться этим, чтобы получить место корреспондента в одном из рус. журн. Возможно, именно в это время Т. обращает внимание на творч-во Р., прежде всего на сб. «La Chanson des gueux». 1 (13) окт. 1878 он посылает сб. *Ю. Шмидту*, сопроводив его восторженным отзывом: «...поэт прекрасный — но какой поэт! Многие вещи Вы едва ли поймете, так как они написаны на парижском argot <...>. Но некоторые, как например — „Le Vous auz Enfants“ на стр. 30, исполнены классической красоты». Т. противопоставляет Р. совр. поэтам: «Тут из каждой строки глядит на вас такой удивительно страстный темперамент, который в наше рефлективно-бледное время действует положительно благотворно». Т. и впоследствии не изменил эту оценку и называл Р. одним из наиболее значит. франц. поэтов своего времени, наряду с *Бодлером*, *Готье* и *Эредиа*.

Л. А. Балькова.

РЫЛЕЕВ Кондратий Федорович (1795–1826), поэт-декабрист, казненный 13 июля 1826. Хотя соч. Р. были запрещены, Т., несомненно, знал их. Не случайно именно к нему обратился *А. И. Герцен* с «запросом» о каком-то стихе из «Войнаровского» (*ЛН*. Т. 62. С. 346). В п. к *П. В. Анненкову* от 15 (27) марта 1874 и от 10 (22) янв. 1877 Т. цитирует начальную строку ст-ния Р. «Стансы (К А. Бестужеву)»: «Не сбылись, мой друг, пророчества...».

Т. считал Р., как и *Н. И. Тургенева*, одним из самых замечательных рус. людей и проявлял особое внимание к его биографии. Как следует из п. к *Герцену* от 14 (26) марта 1861, он с большим интересом прочел «Воспоминания о Кондратье Федоровиче Рылееве» *Н. А. Бестужева* в «*Полярной звезде*» (1861. Кн. 6). 4 (16) февр. 1876 Т. обратился к *Анненкову*, жившему в *Баден-Бадене*, с просьбой купить «заграничное издание *Рылеева* („Думы, Войнаровский“)» и прислать к нему в *Париж*: «Здесь этого ничего достать нельзя — а мне нужно». Издание Р., по-видимому, понадобилось Т. для работы над статьей, к-рой он думал отметить приближающееся 50-летие со дня казни декабристов. 12 (24) мая 1876 Т. послал ред. радикальной франц. газ. «*Le Rappel*» *О. Вакери* ст. о Р., к к-рой приложил «рекомендательное» письмо: «Сударь, / Прилагаемая рукопись содержит биографический и литературный очерк о Рылееве — революционере, казненном в 1825 году, одной из самых благородных и симпатичных личностей нашего отечества. Этот очерк написан одним из моих соотечественников — и я ручаюсь за точность изложенных в нем фактов, как и за верность перевода. <...> Если этот очерк появится в „*Le Rappel*“, он должен остаться анонимным. Это уже история — но русское правительство пока того не признает — как и правду — потому что это правда». 6 июня н. ст. 1876 Т. говорил о том, «чтобы поместить статью о Рылееве в „*Rappel*“, и в доме парижских *Тургеневых* (*ЛН*. Т. 76. С. 387).

Статья о Р., к-рую, возможно, написал или перевел сам Т., так и не появилась в «*Le Rappel*». Позднее Т., вероятно, познакомил с нею *А. В. Головнина*, отвечая на п. к-рого, 25 февр. (9 марта) 1877 писал: «Ваш комментарий на стихотворение Рылеева поразителен: на этот раз поэт был точно пророком — vates». В коммент. к п. предполагается, что речь идет о думе Р. «Рогнеда» (*ПССУП(1)*. П. Т. 12. Кн. 1. С. 551). Однако в думе «Рогнеда» (1822) мотив предвидения отсутствует, а в поэме Р. «Наливайко» (1825) действительно имеются строки, к-рые можно назвать пророческими для Р.: «Известно мне: погибель ждет / Того, кто первый восстает / На утеснителей народа, — / Судьба меня уж обрекла. / Но где, скажи, когда была / Без жертв искуплена свобода? / Погибну я за край родной, — / Я это чувствую, я знаю... / И радостно, отец святой, / Свой жребий я благословляю!». Об этом же писал и *П. А. Вяземский*: «Известный стих его: *Меня судьба уж обрекла* был искренний стих, глубоко им прочувствованный и для него самого пророческий» (*Вяземский П. А.* Воспоминания. Записные книжки. По по-

воду бумаг Жуковского. Два письма к издателю «Русского архива». М., 1988. С. 311–312).

С. Л. Жидкова.

СВЕЧИН Николай Петрович (1776/78–1829), драматург, автор многочисл. пьес. Происходил из старинного дворянского рода, с молодых лет был на армейской службе, после *Отеч. войны 1812 г.* вышел в отставку в чине полковника. Особенной страстью С. был театр. Со своей театр. труппой (содержал ее на свой счет и на пожертвования провинц. дворян) странствовал, давая представления, гл. образом, в уездных городах, позднее открыл свой театр в Туле.

С. был добрым другом семейства *Тургеневых*. Сохранившиеся 2 п. *В. П. Тургеневой* и *С. Н. Тургенева* к С. от 12 янв. 1818 свидетельствуют о теплых дружеских отношениях между ними и об объединявшей их любви к театру.

В одной из пьес С. («*По усам стекло, а в рот не попало*») действие происходит в *Спасском*, где скверные мельничиха и бурмистр пытаются разлучить влюбленных, но тут как «боги из машины» появляются владельцы имения Варвара Петровна и Сергей Николаевич Добровы, к-рые наказывают злодеев и соединяют молодых людей. Возможно, в эт. ролях родители Т. выступали на сцене спасского усадебного театра. Роли, конечно, были написаны драматургом в расчете на них, но документального подтверждения тому, что *Тургеневы* их играли, не существует.

Е. В. Проц.

ТОЛСТАЯ (р. Шишкина) Мария Михайловна (1829–1919), с нач. 50-х сожительница *С. Н. Толстого*, выкупленная им из тульск. хора цыган. Отношения *Толстого* с нею не однажды обсуждались в семейной переписке *Толстых*. Так, в дек. 1851 *М. Н. Толстая* писала *Л. Н.* и *Н. Н. Толстым*: «Сергей все время в Пирогове. Его красавица еще у него, но, говорят, она совершенно покинута. Она больше не выходит из своей комнаты, как птица в клетке; но птичка больше не поет, так как, увы, когда тяжело на сердце, не поется. Бедная девушка, я жалею ее от всего сердца. Ее погубил не материальный расчет, видно, что она его любила. Тетенька Туанетта, которая провела в Пирогове месяц и даже не видела Маши, считает это доказательством деликатности со стороны Сережи, который запретил ей показываться. Я же думаю, что это доказательство равнодушия к бедной девушке» (Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С. 90). Однако эта связь оказалась более прочной, чем предполагали родные. 12 апр. 1853 *С. Н. Толстой* писал брату *Льву Ник-чу*: «...если бы моя Маша, которая добрая девка,

не была цыганка и могла бы меня отчасти понимать и сколько-нибудь мне сочувствовать, то я почел бы самым большим счастьем окончить дни мои с нею и иметь много детей, но, увы, несмотря на ее доброту, с ней можно только говорить о бурнусах, да о том, какой московский купец чем наградил свою Грушу или Таню и т. п.» (Там же. С. 138).

Т., знавший о связи *С. Н. Толстого* с цыганкой, упомянул ее в *Подгот. материалах к ром. «Отцы и дети»* (1860): «Федосья Ивановна (*Феничка*) <...> она держалась очень тихо и скромно и почти не выходила из своего флигелька (как Цыганка, с которой живет *С. Толстой*)» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 567).

В 1867 *С. Н. Толстой* все-таки женился на Мар. Мих-не (к эт. времени у них было трое детей) и прожил с нею до конца жизни. По восп. *С. А. Толстой*, «жена Сергея Николаевича, хотя и простая цыганка, но была честная любящая натура, прекрасная, хотя и неумелая мать, очень ревнивая и верная жена, маленькая, некрасивая, прожившая с красавцем графом Сергеем Николаевичем более 50-ти лет вместе. За что-нибудь он любил ее так долго!» (*Толстая. Моя жизнь.* Т. 1. С. 373).

С. Л. Жидкова.

ЧИВИЛЕВ Борис Александрович (р. 1845), сын проф. *Моск. ун-та*, эмигрант, многолетний парижск. корр. газ. *РусВед*, «*Правда*» (Одесса). Т. познакомился с Ч. в 1874. Находясь в сложном материальном положении, Ч. нередко обращался к Т. в 1870–1880-е с просьбами о содействии в публикации своих произв., получении частных уроков и т. п. Ч. входил в состав рус. делегации на *Международном лит. конгрессе в Париже 1878 г.* вместе с Т., П. Д. Боборыкиным, М. П. Драгомановым, В. В. Чуйко и др. О том, что Ч. был довольно близко знаком с Т. и встречался с ним не реже одного раза в месяц в последние 9 лет жизни писателя, свидетельствуют 31 п. Т. к Ч. (1875–1883), а также «Отрывочные воспоминания о Тургеневе» Ч., напечатанные в газ. Известны также 2 п. Ч. к Т. (1876, 1883).

Соч.: Правда (Одесса). 1879. № 114, 139; *РусВед*. 1883. 2 окт. № 270; 11 окт. № 279 (перепеч.: *Бродский Н. Л. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах.* М.; 1924. Ч. 1. С. 86–87).

Лит.: *Лит Арх* (4). С. 230–231; *А. Ф. Онегин. Каталог.* С. 46.

Л. Н. Назарова.

ЮВЕНАЛ Децим Юний (Decimus Iunius Juvenalis) (ок. 60 — ок. 127), рим. поэт-сатирик. Сатиры Ю., написанные в форме филос. диатрибы, проникнуты обвинительным пафосом и направлены против различных слоев рим. об-ва — от низов до придворных.

Т., несомненно, высоко ценил Ю. как классика «суровой сатиры», обнажившего в своей критике и пламенном негодовании язвы обществ. жизни. Тяжелый и грозный обвинительный пафос Ю., насыщенный гиперболами и контрастами, напоминала, по мнению Т., «сатирическая манера» *М. Е. Салтыкова*: «Его смех горек и резок, его насмешка нередко оскорбляет» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 10. С. 262).

Имя Ю. упоминается в рас. «*Призраки*» (1863–1864), где герой, пролетая с Эллис над *Пб.*, видит у раскрытого окна «девицу в измятом шелковом платье, без рукавчиков, с жемчужной сеткой на волосах и с папироской во рту», благоговейно читающую «том сочинений одного из новейших Ювеналов» (Там же. Т. 7. С. 215). В черновом и беловом автографах Т. было названо имя *Вс. В. Крестовского*, ранние стихи и поэмы к-рого содержали мотивы нар. горя и соц. несправедливости.

В. А. Лукина.

СОВРЕМЕННОКИ О ТУРГЕНЕВЕ

ВОСПОМИНАНИЯ Е. И. БЛАРАМБЕРГ (Апрелева-Ардов)

Публикация С. А. Ипатовой

Обширные воспоминания о Тургеневе писательницы, переводчицы, знакомой и корреспондентки писателя Елены Ивановны Бларамберг (в замужестве Апрелева; псевдоним Ардов; 1846–1923) охватывают период их наиболее интенсивного общения (1871–1880), как эпистолярного,¹ так и личного, когда она, будучи подругой старшей дочери П. Виардо Луизы Эригт, подолгу гостила в доме Виардо в Париже, дважды в Буживале, в Спасском-Лутовинове, неоднократно встречалась с Тургеневым в России. Воспоминания Бларамберг, впервые опубликованные в газете «Русские ведомости» в самом начале XX века,² известны специалистам, использующим их в качестве авторитетного источника сведений о писателе, зачастую единственного, однако давность и малодоступность первой газетной публикации, фрагментарность последующих воспроизведений, а также отсутствие надлежащего комментария затрудняют в настоящее время работу с этим источником.

Ценность воспоминаний, сверенных с автографом и републикуемых в полном объеме, очевидна и обусловлена обилием приведенных здесь биографических сведений о Тургеневе, описаний его быта и окружения, встреч, высказываний о русских и зарубежных писателях, композиторах, художниках, а также

---

¹ Известны 11 писем и 3 записки Тургенева к Бларамберг, а также 3 ее письма (черновики) к писателю (ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 33–35). См. *Приложение I*.

² См.: Ардов Е. (Апрелева). Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // *РусВед*. 1904. 4, 15, 18, 22, 25 января. Выдержки из воспоминаний публиковались в «Новом времени», где Бларамберг была аттестована как «известная романистка» (1904. 17 (30) января. № 10011. С. 3; 24 января (6 февраля). № 10018. С. 4; рубрика «Из газет и журналов»). Часть мемуаров Бларамберг, со значительными купюрами, была включена в издание: *Т в восп совр (1)*. Т. 2. С. 172–200; то же: *Т в восп совр (2)*. Т. 2. С. 165–191.

о политических и культурных событиях этого периода, о собственном творчестве и шире — о современной литературе и искусстве — сведений, подчас оставшихся за пределами имеющегося эпистолярия. С ученической скрупулезностью Бларамберг не только цитирует Тургенева, но и фиксирует высказывания о самом писателе окружавших его людей; свидетельствует о событиях, в которых писатель принимал участие, создавая таким образом контекст эпохи, столь важный для исследователя. Мемуаристка могла наблюдать жизнь Тургенева в Париже и Буживале практически день за днем, составив своего рода летопись сопутствовавших писателю разнообразных событий и его реакции на них, его окружение, детали обстановки, мелочи повседневного быта — все то, что легко ускользает, но из чего складывается подлинная биография. В целом Бларамберг предельно объективна и достоверна, что подтверждается как другими биографическими источниками, так и последующими исследовательскими разысканиями.

Родилась Бларамберг в Оренбурге в семье генерала-геодезиста.³ Получила хорошее домашнее образование. Вскоре семья переехала в Петербург (1854). Выдержав экзамен в Петербургском университете на звание домашней учительницы (1868), преподавала в воскресных школах. В самом конце 1860-х годов предприняла поездку в Прагу и Дрезден, где изучала устройство детских садов и начальных школ; три семестра была вольным слушателем философского факультета Женевского университета (1871–1875). В начале 1870-х годов Бларамберг начала сотрудничать в журналах «Русская старина», «Журнал министерства народного просвещения» и «Народная школа», где помещала переводы и компиляции; составила книгу «Игры и занятия для детей» (СПб., 1870). В 1871 году издатель журнала «Семья и школа» Ю. И. Симашко предложил ей редактировать «Детский отдел» журнала. Под редакцией Бларамберг вышло семь первых книжек, в которых в этом же году были помещены написанные ею «Очерки Восточной Сибири» (№ 1, 2; подпись: Е. Бларамберг); за подписью «М. Бларамберг» вышли статьи педагогического содержания: «Симферопольский детский приют» (№ 2), «Фребель и его метод воспитания» (№ 1–3 и 5), а также несколько детских рассказов.⁴ Активно занималась переводческой деятельностью: в ее переводе с французского вышли две книги, посвященные социально-просветительской тематике.⁵ Литературным интересам Бларамберг способствовал ее старший брат Павел Иванович Бларамберг (1841–1907), известный компози-

---

³ Бларамберг Иван Федорович, фон (1800–1878), известен своими статистическими, историческими и этнографическими трудами о народах Северного Кавказа, Персии и др. (см., например: Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И. Ф. Бларамбергом в 1841 году. СПб., 1853). Его личный фонд, насчитывающий 18 ед. хр. (1830–1878), см.: *РГВИА*. Ф. 289. Оп. 1.

⁴ См.: Систематический указатель статей, напечатанных в журнале «Семья и школа» с 1871 по 1876 год включительно. СПб., 1877. Кн. 1–2.

⁵ См.: *Гитто* <К. С.>. Общественное образование в Соединенных Штатах / Пер. Е. Бларамберг. СПб., 1872; *Жонво* Э. Нынешняя Америка / С предисл. Лабулэ; пер. Е. Бларамберг. СПб., 1872.

Е. И. Бларамберг. Фотография Левицкой.
Петербург, 1875 г.

тор, переводчик и журналист, сотрудник политического отдела газеты «Русские ведомости», в которую привел сестру в качестве сотрудника в 1878 году; параллельно преподавал в Московском филармоническом училище.⁶ Таким образом, к моменту знакомства с Тургеневым Бларамберг имела некий литературный опыт.

---

⁶ Подробнее о нем см.: *Щетинин Б. А.* Идеалист-шестидесятник <Некролог> // *ИВ*. 1907. № 6. С. 347–348; *П. И. Бларамберг* <Некролог> // *РусВед*. 1907. № 62. Автор музыки к стихотворениям в прозе Тургенева «Лазурное царство» и «Как хороши, как свежи были розы...» (см.: Каталог выставки в память И. С. Тургенева в имп. Академии наук. Март 1909 / Сост. Ф. А. Витберг, Б. Л. Модзалевский. 2-е изд., с испр. СПб., 1909. Раздел: «Тургенев в музыке». С. 157. Далее — *Каталог выставки*).

С Тургеневым Бларамберг познакомилась в Петербурге в доме В. С. Серовой, вдовы композитора А. Н. Серова, скорее всего 16–18 февраля (28 февраля — 2 марта) 1871 года, однако, судя по словам Тургенева, приведенным в воспоминаниях («Я уже знаком с Вами заочно, — дружески сказал он»), он мог знать о ней от Луизы Эритт, которая, как отмечает мемуаристка, «писала домой обо мне». ⁷ Вероятно, имея в виду встречу с Луизой Эритт и Бларамберг у Серовой, Тургенев вечером 19 февраля (3 марта) 1871 года написал П. Виардо: «М-ль Демидова (подруга Луизы) исчезла с горизонта» и «заменена (потому что раб необходим всегда) — некоей м-ль Бларамберг, которая производит на меня впечатление серьезной и несколько педантичной особы. Со мною — старым болваном — она (Луиза. — С. И.) держится величественно-презрительно». ⁸ Вторая встреча с писателем произошла «три-четыре дня спустя», когда Тургенев вновь посетил Серову вечером 20 февраля (4 марта) 1871 года по окончании диспута между С. К. Брюлловой и В. Д. Сиповским, состоявшегося в Петербургском Педагогическом обществе. ⁹

Летом 1875 года, по прошествии более четырех лет после знакомства с писателем в Петербурге, Бларамберг гостила в Брюсселе у Л. Эритт, которая решила «тайно» отправить Тургеневу первую пробу пера своей подруги — «два или три записанных» по ее просьбе рассказы, «импровизированных в длинные зимние вечера, которые мы проводили с нею в Дрездене» (вероятно, зимой 1874/75 г.). «Рассказы эти утрачены, — вспоминала Бларамберг; — содержания их не помню, но отзыв Ивана Сергеевича побудил меня приняться за более серьезную работу». По инициативе той же Луизы Эритт, писателю была отправлена в Париж и рукопись первой части задуманного Бларамберг романа (окончательное название: «Без вины виноватые») «на рассмотрение вместе с просьбой дать рекомендательные письма к лицам, причастным к литературе». ¹⁰

---

⁷ Следует отметить, что знакомство Бларамберг с Луизой Эритт могло состояться через брата и его жену, оперную и драматическую актрису *Бларамберг-Чернову Мину Карловну* (урожд. баронесса Врангель; 1845–1909), изучавшую вокал у Луизы Эритт в Брюсселе в конце 1860-х гг.

⁸ *ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 314. Подлинник по-франц. Незадолго до знакомства с Бларамберг у Серовой, вечером 14 (26) февраля 1871 г. Тургенев написал П. Виардо отчет о большом концерте (в пользу хора русской оперной труппы под руководством Э. Ф. Направника) в Мариинском театре, где среди прочих артистов пела Луиза Эритт, а также принимала участие «девица Бларамберг, которая, кажется, ходит теперь в рабынях» у Луизы (см.: Там же. С. 311). Встретившись с Луизой Эритт в Петербурге в феврале 1871 г., Тургенев 11 (23) марта 1871 г. описал П. Виардо свои впечатления о ней и ее окружении, включая, вероятно, Бларамберг: «горькое и гордое одиночество — около нее несколько существ женского пола в положении рабынь» (Там же. С. 327).

⁹ О диспуте см. письмо Тургенева к П. Виардо от 22 февраля (6 марта) 1871 г.: Там же. С. 315.

¹⁰ Письмо Луизы Эритт к Тургеневу от лета (до начала августа) 1875 г., приложенное к рукописи Бларамберг, неизвестно.

В ответном письме из Буживаля от 13 (25) августа 1875 года Тургенев, возвращая рукопись, благожелательно отозвался о новом произведении начинающей беллетристки: «Оно, конечно, носит еще печать незрелости; в слогe встречаются небрежности — но нет сомнения, что оно плод ума наблюдательного, начитанного — и теплого, правдивого сердца. Талант также заметен; должно надеяться, что он разовьется со временем».¹¹ Высказав Бларамберг ряд критических замечаний (неправильное словоупотребление, неуместная ирония, шаблонность фигуры главного персонажа, длинноты в разговорах и др.), Тургенев посоветовал ей рассказывать «просто и правдиво: оно же лучше идет к Вашей натуре, как я ее понимаю»; а также «продолжать работать — и Вы можете достигнуть хороших результатов». Поскольку именно Л. Эритт просила Тургенева помочь с устройством рукописи, писатель добавил: «Из письма моего к Луизе (да и кроме того) Вы знаете, что мое литературное влияние почти равняется нулю — если не в глазах публики — то в глазах издателей и журналистов, с которыми я прервал почти все сношения; и потому не пеняйте на меня, если я не могу сделать для Вас столько, сколько бы я желал».¹² Однако уже 5 (17) сентября 1875 года Тургенев при встрече с М. М. Стасюлевицем в Париже, скорее всего, говорил с ним о романе своей протеже, о чем свидетельствует письмо самой Бларамберг от 26 марта ст. ст. 1876 года к Стасюлевицу: «Прошлом лето во время пребывания Вашего во Франции И. С. Тургенев говорил Вам о прилагаемой здесь рукописи. Не найдете ли Вы возможным поместить ее в Вашем уважаемом журнале?».¹³

В октябре 1875 года Бларамберг вернулась в Россию с намерением стать профессиональным литератором и журналистом. Рекомендательные письма Тургенева, адресованные А. Ф. Писемскому,¹⁴ сотруднику «Санкт-Петербургских ве-

---

¹¹ ПССиП(2). Письма. Т. 14. С. 130.

¹² Там же. С. 130–131.

¹³ См.: Стасюлевич. Т. 3. С. 639.

¹⁴ 29 августа (10 сентября) 1875 г. Тургенев писал А. Ф. Писемскому из Буживаля: «Одна моя хорошая знакомая, девица Е. Бларамберг, вручит вам настоящее письмо. Обстоятельства вынуждают ее пуститься в так называемое литературное море. У ней есть несомненный талант, она образованна и трудолюбива. Сам я нахожусь, как вы знаете, вдали от всего этого; но мне весьма бы хотелось помочь ей в первое, самое тяжкое и трудное, время. <...> примите в ней участие, помогите ей советом и делом — она вполне этого заслуживает — а я буду вам искренне благодарен за всё, что вы сделаете для нее» (ПССиП(2). Письма. Т. 14. С. 139). Писемский ответил Тургеневу 29 октября (10 ноября) 1875 г.: «Рекомендованную мне вами девицу Бларамберг я мог рекомендовать Гатцуку (издателю маленькой газеты). Он задал ей перевод, а именно статьи Юльана Шмидта обо мне и об вас, которые она перевела и перевела очень хорошо. Статейки эти уже пошли» (Писемский. С. 327). Статья Ю. Шмидта «Тургенев и Писемский» в переводе Бларамберг вскоре была опубликована в «Газете Гатцука» (1875. № 42–44. С. 695–699, 711–715, 730–732). Позже о Писемском, принявшем участие в ее литературной судьбе, Бларамберг оставила

домостей» И. П. Золотницкому,¹⁵ редактору-издателю газет «Неделя» и «Наш век» Е. И. Рагозину,¹⁶ помогли Бларамберг войти в московские и петербургские литературные круги и начать публиковать свои произведения. На «средах» Писемского она познакомилась и завязала дружеские и деловые отношения с А. Н. Островским, которому по его просьбе редактировала перевод пьесы «Богатые невесты» для французской сцены;¹⁷ с П. И. Мельниковым (Печерским), А. И. Кошелевым, С. А. Юрьевым, П. А. Стрепетовой¹⁸ и др. В 1875–1876 годах стараниями Писемского, сочувственно отнесшегося к ее литературной деятельности, Бларамберг работала в Москве в качестве помощника редактора в «Газете Гатцука», в этот период в течение восьми месяцев сотрудничала в «Русских ведомостях», замещая своего брата П. И. Бларамберга на время его болезни. «Я не была новичком в литературном труде, — вспоминала она, — с переводами и компиляциями была давно знакома; но ближайшего участия в современной ежедневной прессе, даже в скромной роли переводчицы, я не принимала».¹⁹

Расширяя свои знакомства с деятелями литературы и искусства, Бларамберг познакомилась с М. М. Антокольским,²⁰ семейством Е. Г. и С. И. Мамонтовых, в подмосковной усадьбе которых в Абрамцеве была частым гостем и куда 6 (18) августа 1878 года Тургенев вместе с Бларамберг предприняли совместную поездку; с А. Н. Серовым и его женой В. С. Серовой, П. М. Третьяковым и др. В Абрамцеве Бларамберг познакомилась и подружилась с И. Е. Репиным,²¹ которому (как и В. С. Серова, а также домашняя портниха Репиных С. А. де Бове) послужила натурой для головы царевны Софьи, обладавшей властным, сильным характером (этиод «Царевна Софья» экспонировался на вы-

---

теплые воспоминания (см.: *Ардов (Апрелева) Е. У* Алексея Феофилактовича Писемского // *РусВед*. 1905. 10 апреля. № 97. С. 4–5; 14 апреля. № 101. С. 3–4; далее: *Воспоминания о Писемском (1–2)*).

¹⁵ 29 августа (10 сентября) 1875 г. Тургенев писал Золотницкому о Бларамберг: «Девушка Е. Бларамберг, которая передаст Вам это письмо, хорошая моя знакомая — и я принимаю в ней искреннее участие. Она талантлива, умна, образованна и трудолюбива; обстоятельства принуждают ее жить своим трудом — своим пером. <...> если Вы можете доставить ей сотрудничество в „С.-Петербургских ведомостях“, я Вам буду очень благодарен — да, я надеюсь, и журнал скажет Вам спасибо» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 138).

¹⁶ См.: Там же. Т. 15. Кн. 2. С. 123. Письмо от 12 (24) апреля 1877 г.

¹⁷ См.: *Воспоминания о Писемском (2)*. С. 3.

¹⁸ Письма Стрепетовой к Бларамберг (1880–1893) см.: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 98–102.

¹⁹ *Ардов-Апрелева Е.* Из воспоминаний о сотрудничестве в «Русских ведомостях» // *Русские ведомости*. 1863–1913. Сб. ст. М., 1913. С. 160.

²⁰ См.: *Варенцова Е. М.* Письма М. М. Антокольского Е. И. Апрелевой-Бларамберг // *Спасский вестник*. 2001. Вып. 8. С. 135–147.

²¹ Известно одно письмо Репина к Бларамберг (б. д.) (см.: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 92).

И. Е. Репин. Этюд для головы царевны Софьи.
Исполнен с Е. И. Бларамберг. 1878 г.

ставках Репина в 1891 и 1924 гг.; считается утерянным).²² Черты Бларамберг, позировавшей художнику, присутствуют в картине «Правительница царевна Софья Алексеевна, через год после заключения ее в Новодевичьем монастыре, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги, 1698 года» (1879; ГТГ).

Зиму 1876 года по апрель 1877 года Бларамберг провела в Париже. В Буживале, в доме Виардо, вновь не без участия Тургенева она, продолжая работать

---

²² Подробнее об этом см.: *Зильберштейн И.* Утраченные портреты писателей работы Репина // *Огонек*. 1950. № 40. С. 23–25. Здесь же помещена репродукция этого этюда. Репин начал работать над картиной в декабре 1877 г., закончил ее в 1879 г. См. также: *Письма И. Е. Репина: В 2 т. М.; Л., 1949. Т. 2: И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка / Под ред. А. К. Лебедева. С. 25, 233, примеч. А. К. Лебедева и Г. К. Буровой.*

над романом «Без вины виноватые», написала рассказ «Аполлос Маркович» (в окончательном варианте: «Аполлон Маркович»), ставший первой ее публикацией. 21 октября (2 ноября) 1876 года Тургенев рекомендовал его М. М. Стасюлевичу для помещения в «Вестнике Европы»: «Я Вам отправил вчера небольшой рассказ, подписанный буквами Л. А. Автор его — некто д-ца Елена Бларамберг. Я нахожу, что эта небольшая вещь не лишена таланта — и могла бы быть помещена в декабрьской книжке „Вестника Европы“. Если Вы того же мнения, будьте так любезны — известите меня. Этот рассказ — первый опыт молодого пера».²³ В ожидании ответа Тургенев вновь обратился к Стасюлевичу 30 октября (11 ноября) и 28 ноября (10 декабря) 1876 года.²⁴ Однако Стасюлевич нашел рассказ слабым и отказался печатать его. «Мне кажется, — писал ему Тургенев 7 (19) декабря 1876 года, — Вы немного строги к г-же Бларамберг: *соприкосновение рук*, действительно, несколько смешно — но это легко устранить; а самый рассказ не лишен таланта».²⁵ Возможно, разделяя мнение Стасюлевича о достоинстве рассказа, Тургенев все же не терял надежды пристроить первый опыт своей протеже: «Вы положительно отказываетесь от печатания ее очерка „Аполлон Маркович“ — даже если будут сделаны надлежащие изменения?» — написал он редактору «Вестника Европы» 31 декабря 1876 года (12 января 1877 года)²⁶ и вскоре добавил: «Насчет повести, сочиненной девицей Б<ларамберг>, скажу, что я вообще себя хорошим критиком не признаю — вероятно потому, что читаю между строками и т. д. — Вероятно, Вы правы — (хотя орфографической ошибки она не сделала; имя ее барина не Аполлон, а Аполлос). Но это мы всё приведем в ясность, когда я приеду в Петербург <...>».²⁷ Однако в отношении публикации рассказа Стасюлевич остался непреклонен, возможно еще и потому, что в редакции журнала уже имелся роман Бларамберг «Без вины виноватые».

Вскоре, 12 (24) апреля 1877 года, писатель вновь обратился к редактору газеты «Наш век» Е. И. Рагозину, рекомендуя Бларамберг в качестве сотрудника газеты: «Позвольте отрекомендовать Вам *самым теплым образом* подательницу этого письма, хорошую мою знакомую Елену Ивановну Бларамберг. Она возвращается из Парижа в Россию и может сделаться драгоценным сотрудником для „Нашего века“ — так как у нее замечательный литературный талант, который, я не сомневаюсь в том, получит свою настоящую оценку. (В редакции „Вестника Европы“ находится один ее роман, который, вероятно, скоро появится; „Indépendance Belge“ приняла перевод одного из ее рассказов — и пожелала другой). У Е. И. Бларамберг в портфеле хранятся другие рассказы, которые могли бы весьма пригодиться для Вашего фельетона. Вообще Елена

²³ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 195.

²⁴ Там же. С. 206, 239.

²⁵ Там же. С. 247.

²⁶ Там же. С. 278.

²⁷ Там же. Кн. 2. С. 44.

Ивановна личность весьма симпатическая — и я уверен, что при нашем свидании в Петербурге Вы поблагодарите меня за то, что я доставил Вам случай познакомиться с нею. С своей стороны — я Вас заранее благодарю за всё, что Вы сделаете для нее <...>.²⁸ Рагозин внял просьбе Тургенева, и наконец «Аполлон Маркович» появился в газете «Наш век».²⁹ Именно этот рассказ впервые был подписан псевдонимом «Ардов», составленным из анаграммы «Виардо». В подстрочных примечаниях от редакции говорилось: «Мы обращаем особенное внимание читателей на этот рассказ начинающего писателя, имеющего несомненный талант. Роман, написанный им, вероятно, появится в непродолжительном времени в одном из русских месячных журналов». Здесь же вскоре был напечатан одобрительный отзыв читателя, получившего «высоко эстетическое наслаждение» от чтения «прелестного» рассказа: «в нем столько художественно реальной правды, столько весьма тонких психологических штрихов, что он увлекает читателя».³⁰ По всей видимости, стараниями Луизы Эритт, при посредстве ее знакомого Шарля Анри Тардые, рассказ появился в редактировавшейся им газете «Indépendance Belge» (1877. 1–9 июня) во французском переводе («Apollon Markowitch», подпись: L. Ardoff³¹), а месяцем позже, в июле 1877 года, здесь же была опубликована новелла Бларамберг «La vieille fille, nouvelle russe» («Старая дева, русский рассказ»; на русском языке не публиковалась).³²

13 (25) апреля 1877 года в связи с отъездом Бларамберг из Парижа Тургенев, получив от Стасюлевича решительный отказ опубликовать рассказ «Аполлон Маркович», вновь взывает к редактору «Вестника Европы» и снабжает свою протезе рекомендательным письмом к нему: «Девушка Бларамберг сегодня выезжает отсюда — прямо в Петербург. — Ждите ее посещения. Окажите ей покровительство: она хорошая девушка — и с талантом».³³ На этот раз имелся

---

²⁸ ПССУП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 123. См. также письма Тургенева к Рагозину от 13 (25) апреля 1877 г. и 29 августа (10 сентября) 1875 г.: Там же. С. 125; Т. 14. С. 139–140.

²⁹ См.: Наш век. 1877. 21–23 апреля. № 50–52. См. также письма Рагозина (3) к Бларамберг (18 апреля — 24 мая 1877 г.): ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 91.

³⁰ Л—ъ. Письмо в редакцию // Наш век. 1877. 28 апреля. № 57. С. 3.

³¹ 1 июня н. ст. 1877 г., в день выхода первой главы рассказа, Ш. Тардые написал Бларамберг: «Мы с большим удовольствием перечитали сегодня утром первую главу „Аполлона Марковича“, и мы передаем ее нашей дорогой подруге Луизе Эритт, чтобы она направила ее вам туда, где вы скрываетесь в глуши степей» (цит. по: Варенцова Е. М. Письма Мальвины Тардые Е. И. Апрелевой-Бларамберг // Спасский вестник. 2008. Вып. 15. С. 207). М. Тардые была замужем за публицистом, музыкальным критиком Ш. Тардые (1838–1909).

³² Подробнее о публикации обеих повестей в газете «Indépendance Belge» («Независимость Бельгии») см.: Варенцова Е. М. Письма Мальвины Тардые Е. И. Апрелевой-Бларамберг. С. 202–208.

³³ См.: ПССУП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 126.

в виду ее роман «Без вины виноватые» («Одна из многих»), начатый ею в Брюсселе летом 1875 года, несколько раз переработанный по замечаниям Тургенева и законченный в Париже в феврале 1877 года.³⁴ Бларамберг описала одну из встреч с писателем в его парижской квартире в апреле 1877 года. Благодаря стараниям Тургенева, роман наконец был опубликован в «Вестнике Европы».³⁵ Не исключено, что тема романа — угнетенное положение женщины в браке — в какой-то мере отвечала житейской ситуации Луизы Эритт, оставившей мужа и ребенка ради карьеры певицы и композитора.

Критика сдержанно встретила это произведение. Так, рецензент «Северного вестника» заметил, что у автора «есть проблески некоторых писательских способностей».³⁶ В «Новом времени» отрицательной рецензией откликнулся В. П. Буренин: «Если брать в расчет литературное достоинство этого романа, то его смело можно было бы пройти молчанием: в художественном отношении это произведение представляется посредственным в полной мере». Досталось в рецензии и Тургеневу, продемонстрировавшему, по словам Буренина, что рекомендации «от знаменитых литераторов даются весьма часто посредственностям; живой пример рекомендации г. Тургенева поэту Случевскому и знаменитой даме, сочинившей знаменитую итальянскую новеллу» (речь идет об очерке «Фиорио» Н. В. Гаспарини). Сюжет романа «Без вины виноватые» в изложении Буренина неоригинален: «прекрасная юная девица с невинными взглядами на жизнь», не найдя в муже «чистого ангела» и обретя «варвара» и «тирана», свела счеты с жизнью. Здесь же Буренин отметил, что другое произведение автора, опубликованное в газете «Наш век» («Апполон Маркович»), представляет собой «плохонький и рутинный рассказец».³⁷

Сам факт прихода в русскую литературу женщин Тургенев относил к «знаменаниям времени» и с энтузиазмом принимал участие в судьбах начинающих писательниц. Так, в письме к Стасюлевичу от 26 октября (7 ноября) 1877 года

---

³⁴ 30 августа 1877 г. Бларамберг писала брату из Спасского: «Стасюлевичу был у Тургенева и говорил, что роман в общем произвел хорошее впечатление!» (*ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 17. Л. 2).

³⁵ См.: *ВЕ*. 1877. № 7. С. 60–155; № 8. С. 421–511 (подпись: Ардов).

³⁶ Северный вестник. 1877. 16 (28) июля. № 77. С. 1 (подпись: X).

³⁷ См.: Буренин В. П. Литературные очерки. Кое-что по поводу романа «Без вины виноватые» и кое-что о самом романе // *НВр*. 1877. 26 августа (7 сентября). № 536. С. 2. «Вы, может быть, знаете, — писал 2 (14) сентября 1875 г. Тургенев, рекомендуя вниманию Стасюлевичу «преlestную» повесть другой начинающей беллетристки Е. В. Львовой, — что я способен ошибаться в критических моих суждениях в хорошую сторону — т. е. я способен увлекаться — и даже заслужил по этому поводу эпиграмму покойного Щербины <...>» (*ПССиП(2)*. Письма. Т. 14. С. 142). Имелся в виду «Сонник современной русской литературы», где о писателе сказано: «Тургенева во сне видеть — предвещает получить тонкую способность суметь откопать талант там, где его вовсе нет, хоть бы это было даже в государственных людях России» (*Щербина Н. Ф.* Полное собрание сочинений. СПб., 1873. С. 334).

он замечал об А. Н. Луканиной: «...это несомненный, замечательный талант — (не чета д-це Бларамбер, о которой я, впрочем, ничего дурного сказать не намерен)».³⁸ Продолжая участвовать в писательской судьбе начинающей беллетристки, Тургенев советовал Г. Флоберу взять Бларамберг в качестве русского переводчика его повести «*Sœur simple*».³⁹

В июле 1877 года по приглашению Тургенева Бларамберг гостила в Спасском-Лутовинове, куда приехала не только отдохнуть и набраться впечатлений из народной жизни, но и изучить опыт школьного дела, организованного Е. М. Якушкиной, соседкой писателя. Бларамберг подружилась с Якушкиной, состояла с ней в переписке (1878–1892).⁴⁰ «В это лето, — вспоминала С. Г. Щепкина, жена управляющего Спасским Н. А. Щепкина, — у него (Тургенева. — С. И.) гостила писательница г-жа Ардова, познакомившаяся с нашей соседкой по имению, Елизаветой Мардарьевной Якушкиной, передовой дамой, занятой исключительно делом народного образования. Преподаванием у нее занимался один господин ссыльный и сама она считалась поднадзорной. Тем не менее им обоим удалось образовать крестьянский банк и воскресные чтения для взрослых, посещавшиеся усердно не только ее крестьянами, но и из соседних деревень».⁴¹ Позже Бларамберг опубликовала воспоминания о ней.⁴² Страницы воспоминаний о Спасском — одни из наиболее ценных — содержат подробное описание тургеневской усадьбы и дома, утративших с тех пор свой первоначальный вид.

6 (18) августа 1878 года Тургенев вместе с Бларамберг предприняли совместную поездку в Абрамцево, близ станции Хотьково Ярославской железной дороги к Е. Г. и С. И. Мамонтовым. Здесь писатель встретился с семьей Репина, с М. В. Праховым, А. П. Боголюбовым. Репин писал В. В. Стасову 7 (19) августа 1878 года: «...вчера неожиданно-негаданно привалил к нам Иван Тургенев <...> с госпожою Бларамберг; очень был в хорошем духе, много рассказывал и нашу публику очень одолжил <...>».⁴³ На следующий день Тургенев и Бларамберг

---

³⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 256.

³⁹ В письме от 27 октября (8 ноября) 1876 г. Тургенев сообщал Флоберу: «Кажется, я нашел хорошего переводчика для „Простого сердца“» (Там же. Т. 15. Кн. 1. С. 329. Подлинник по-франц.).

⁴⁰ См.: Варенцова Е. М. Письма Е. М. Якушкиной к Е. И. Апрелевой // Спасский вестник. 2004. Вып. 11. С. 258–268.

⁴¹ И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове (Воспоминания С. Г. Щепкиной) // Красный архив. 1940. Т. 3 (100). С. 214. Далее — Щепкина.

⁴² Ардов-Апрелева Е. Одна из немногих (Памяти Е. М. Якушкиной) // РусВед. 1908. 15, 23 февраля. № 38, 45.

⁴³ См.: Письма И. Е. Репина. Т. 2. С. 35. Подробные воспоминания о пребывании Тургенева в тот день в имении Абрамцево оставил сын Мамонтовых Сергей, впоследствии писатель и театральный критик: «Тургенев приехал с утренним поездом <...> ученики местной сельской школы собрались во дворе усадьбы», ожидая «великого писателя земли русской»; как «Тургенев обедал, как он гулял по парку, как

предприняли поездку к Третьяковым в Кунцево, ее описание — одно из самых ярких в ее воспоминаниях.⁴⁴

Весной 1883 года Бларамберг обратилась к своей знакомой, дочери П. Виардо Марианне Дювернуа с просьбой сообщать ей в Россию о состоянии здоровья смертельно больного Тургенева (письмо неизвестно); сохранились три письма М. Дювернуа, датированные 6 апреля, 5 мая и 18 октября н. ст. 1883 года,⁴⁵ выдержки из которых Бларамберг использовала в своих воспоминаниях о Тургеневе. Через четыре года после этой публикации Н. М. Гутьяр в статье «Иван Сергеевич Тургенев и семейство Виардо-Гарсиа»⁴⁶ процитировал фрагмент из последнего письма М. Дювернуа, что дало ей основание в письме от 14 (26) декабря 1908 года заявить редактору «Вестника Европы» о фальсификации ее писем,

---

он заходил в гоголевскую комнату, я, по малолетству своему, не помню. / Помню только его отъезд. Были мобилизованы, кажется, все экипажи, имевшиеся в имении; даже школьная учительница и приходский батюшка, престарелый о. Иоанн, проводили Ивана Сергеевича в стареньком тарантасе»; на станцию «приехали мы чуть ли не за час до поезда, Тургенева провели в дамскую комнату. Очевидно, начальник станции не был чужд литературе»; множество людей смотрели на него «жадными глазами» и ловили «каждое его слово. А Тургенев грузно сидел в станционном клеенчатом кресле и говорил об охоте»; впоследствии он узнал, что Иван Сергеевич, гуляя по берегу исторической реки Вори, вспоминал о том, как они уживали в ней с С. Т. Аксаковым (*Мамонтов В. С. Тургенев (Воспоминание дальних лет) // Родник. 1911. № 8. С. 139–141; см. также: Мамонтов В. С. Воспоминания о русских художниках. Абрамцевский художественный кружок. 2-е изд. М., 1951. С. 13–14).*

⁴⁴ Любопытные воспоминания об этом августовском вечере в Кунцево и чтении Тургеневым рассказа «Пожар на море», опубликованного лишь посмертно, оставила дочь П. М. Третьякова А. П. Боткина: «Подъехала коляска. В ней сидел большой беловолосый старик и с ним дама (Бларамберг. — *С. И.*)». В большой столовой он «негромким спокойным голосом разговаривал с нашими родителями. <...> Вдруг старик оживился — он что-то рассказывал. Голос его повышался, стал ясный, и я уже слышала весь его рассказ. Этот усталый, тяжелый человек стал жив и молод, голос его раскатывался, особенно когда он менял его, изображая разных лиц... / Он рассказывал о пожаре на пароходе, на котором он ехал в Германию. Этот рассказ я прочитала много лет спустя в посмертном издании сочинений Тургенева. / Второй раз он был в феврале 1879 года. В Толмачах (в доме Третьяковых в Лаврушинском пер. — *С. И.* В *Летописи (1876–1883)* не отмечено). Опять вечером. С ним была та же спутница — писательница Бларамберг. <...> За чайным столом, за которым он широко расположился, он водил карандашом по листу бумаги, рисовал профили — типы церковного старосты, нотариуса; и вдруг предложил нарисовать с закрытыми глазами, не отрывая карандаша от бумаги, одним штрихом Венеру Медицейскую. Все облепили его. Вокруг него стоял стон от смеха. Этот рисунок сохранился (см.: *ГТГ. Ф. 1. № 5776. Л. 1–2. — С. И.*)» (*Боткина А. П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1993. С. 114).*

⁴⁵ См.: *ГЛИМ. Ф. 3. Оп. 1. № 63. Л. 1–7 об.*

⁴⁶ См.: *ВЕ. 1908. № 8. С. 433–434.*

поскольку она «никогда ничего не писала г-ну Ардову», которого не знает «даже по имени».⁴⁷ 12 (25) января 1909 года Стасюлевич обратился к Бларамберг за разъяснением, справедливо полагая, что псевдоним «Ардов», которым подписаны ее воспоминания в «Русских ведомостях», неизвестен М. Дювернуа. К своему ответу Стасюлевичу от 14 (27) января 1909 года Бларамберг в доказательство приложила подлинники писем М. Дювернуа⁴⁸ и в тот же день написала самой М. Дювернуа: «Конечно, Вы не знакомы с господином Ардовым, но Вы когда-то прежде были знакомы с мадемуазель Еленой Бларамберг, впоследствии мадам Апрелевой, и именно ей были адресованы указанные письма. Публикуя двадцать один год спустя после кончины Тургенева несколько отрывков из Ваших писем — я получила только три письма с одними лишь подробностями о болезни и смерти Тургенева, — я не считала, что допустила бестактность. Эти волнующие подробности были бесценны для нас, соотечественников писателя, столь дорогого нам, и содержали всё только самое лестное как для автора писем, так и для семьи Виардо».⁴⁹ Стасюлевич опубликовал письмо Бларамберг к нему, сопроводив его собственными комментариями.⁵⁰ Инцидент был исчерпан.

Публикации романа «Без вины виноватые» и рассказа «Аполлон Маркович», состоявшиеся при непосредственном редакторском участии и протекции Тургенева, составили Бларамберг имя и определили ее дальнейшую писательскую судьбу, сложившуюся вполне удачно. Беллетристка активно сотрудничала в журналах «Дело»,⁵¹ «Русская мысль», в сборниках «Дело» (М., 1899), «На помощь учащимся женщинам» (М., 1901) и др. В газете «Русские ведомости» публиковались ее рассказы, очерки, эскизы, путевые заметки, написанные по впечатлениям от путешествий с мужем П. В. Апрелевым⁵² по Украине, Крыму,

---

⁴⁷ См.: Стасюлевич М. М. Письмо г-жи Марианны Дювернуа-Виардо // ВЕ. 1909. № 1. С. 438–439.

⁴⁸ См.: Стасюлевич. Т. 3. С. 640–642.

⁴⁹ Письма Марианны Дювернуа к Е. И. Апрелевой (Бларамберг) и «инцидент» с ними связанный / Публ. Е. М. Варенцовой // Тургенев. НИИМ (2). С. 375. Здесь же см. изложение всей истории: С. 362–377.

⁵⁰ См.: Стасюлевич М. М. Ответ Ел. Ив. Апрелевой по поводу протеста г-жи Марианны Дювернуа-Виардо // ВЕ. 1909. № 2. С. 892–893.

⁵¹ В июне 1884 г. редактор издания Н. В. Шелгунов был арестован. Желая спасти журнал, он предложил Бларамберг приобрести «Дело», писательница согласилась, однако Е. М. Феокистов (начальник Главного управления по делам печати) посоветовал ей «не рисковать своими деньгами», так как участь журнала была предрешена. См. об этом: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 493.

⁵² *Апрелев Петр Васильевич* (1841–1906), подпоручик в отставке, статский советник, поэт (псевдоним Петр Деревский), по некоторым сведениям — член «Земли и воли»; был убит в своем имении в 1906 г. во время революционных событий; по-служной список, а также тетрадь его стихотворений см.: ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 270, 148.

Средней Азии («Крымские очерки», «Среднеазиатские очерки»), а также мемуары о Тургеневе, Писемском, Н. В. Шелгунове,⁵³ Е. М. Якушкиной. В иллюстрированном приложении к «Новому времени» были опубликованы «Воспоминания об Александре Николаевиче Серове».⁵⁴ Эпизодически Бларамберг сотрудничала в журналах «Детское чтение», «Детский отдых», «Родник». Отдельными изданиями вышли роман «Руфина Каздоева» (СПб., 1892), сборник рассказов «Эскизы» (М., 1893), рассказы для детей среднего возраста «Два мира» (СПб., 1909; 2-е изд.: Пг., 1915), «Волшебное стеклышко. Рассказы для детей младшего возраста» (Пг., 1915). Роман «Выдающаяся женщина» — последнее крупное беллетристическое произведение Бларамберг⁵⁵ — было прохладно встречено критикой.⁵⁶ Как драматург выступила с комедией «Битые черепки» (1898), которая, однако, заметного успеха не стяжала.⁵⁷

В 1904 году Бларамберг предложила в газету «Русские ведомости» свои воспоминания о Тургеневе. В письме к редактору газеты Д. Н. Анучину она замечала: «Посылая в редакцию статью под заглавием „Из воспоминаний об И. С. Тургеневе“, я считаю долгом обратить Ваше внимание на *точную* копию писем Тургенева, помещенную в тексте. Не считая возможным доверить

См. также: *Вандалковская М. Г.* Стихотворение шестидесятника П. В. Апрелева «Памяти товарищей XXIV курса» // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. М., 1986. С. 220–221.

⁵³ См.: *Ардов-Апрелева Е.* Муки редактора (Из писем Николая Васильевича Шелгунова. 1880–1884) // *РусВед.* 1909. 16 января. № 12. См. также письма Н. В. Шелгунова к Бларамберг (1882–1884): *ГЛМ.* Ф. 3. Оп. 1. № 124.

⁵⁴ См.: *НВр.* 1914. 1 (14) февраля. № 13611. С. 34–38. Иллюстрированное приложение.

⁵⁵ *РМ.* 1894. № 4, 5.

⁵⁶ «Посредственная» повесть «Выдающаяся женщина», писал В. П. Буренин, «посредственно» написана автором, не принадлежащим «к числу современных известностей»; повесть «любопытна, как образчик простодушной эротоманной беллетристики», где автора занимает преимущественно «комбинация любовных отношений: зрелая маменька, отбывающая любовь жениха дочери и юный жених, „с неотразимым сверканием“ променявший недозрелый плод на почти уже перезрелый» (*Буренин В.* Критические очерки. Эротомания в беллетристике // *НВр.* 1894. 22 апреля (4 мая). № 6517. С. 2). Н. К. Михайловский, иронизируя над такими описаниями, как «улыбка неги разжала сочные, пунцовые губы», полагал, что автор не видит здесь комизма и любит своей «выдающейся» героиней (см.: *Русское богатство.* 1894. № 7. Отд. II. С. 84–101; «Литература и жизнь»).

⁵⁷ Пьеса, написанная в 1879 г. под названием «Свояченица», на сцену не была допущена цензурным театральным комитетом. Под новым названием «Битые черепки» была поставлена 22 сентября ст. ст. 1898 г. в Театре литературно-художественного общества (Суворинский театр). Рецензент «Театра и искусства» А. Р. Кугель характеризовал тему пьесы как «запоздалые отражения жорж-зандизма» (1898. № 39. С. 686; подпись: Н. пов.).

почте подлинны письма, которые я доставлю лично в редакцию, я прошу Вас, если моя статья будет Вами одобрена к напечатанию, сохранить в письмах как знаки препинания, так и орфографию, привычные Тургеневу. Черточка у него заменяет порой запятые и точки».⁵⁸

В ходе подготовки выставки к 25-летию со дня кончины Тургенева, принятой императорской Академией наук, один из ее устроителей Ф. А. Витберг 10 февраля 1909 года обратился к писательнице с просьбой предоставить для экспозиции имеющиеся у нее материалы.⁵⁹ Бларамберг дала согласие,⁶⁰ приложив «реестр» отправленных экспонатов, среди которых письма и фотографии писателя, а также членов семьи Виардо. Приведем этот список полностью,⁶¹ поскольку местонахождение не всех предоставленных ему документов известно:

РЕЕСТР

писем Ивана Сергеевича Тургенева, портретов и проч., переданных Е. Ардов-Апрелевой (урожденной Бларамберг) члену Комитета по устройству в императорской Академии наук выставки в память И. С. Тургенева — профессору Федору Александровичу Витбергу.

Письма:

1. Bougival. Les Frênes. Середя, 25 августа 1875.
2. Париж, 50 rue de Douai, 20 янв. н. с. 1877 г. (записка).
3. Петербург. Большая Конюшенная, д. Петровской церкви, у г-жи Булье, кв. 15. 1/13 июня 1877 г.
4. С.-Петербург. Большая Конюшенная, д. Петровской церкви, у г-жи Булье. Пятница, 10/22 июня 1877 г.

---

⁵⁸ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 13. Л. 1 (датируется по содержанию). См. также письмо редактора «Русских ведомостей» В. М. Соболевского к Бларамберг от 9 января 1904 г. по поводу публикации ее воспоминаний о Тургеневе: Там же. Ф. 3. Оп. 1. № 95.

⁵⁹ См.: Там же. № 58.

⁶⁰ Письмо неизвестно, но сохранились последующие ее письма к Витбергу по этому поводу (9 марта — 26 апреля 1909 г.: ИРЛИ. Ф. 52. Оп. 3. № 240. Л. 2–12).

⁶¹ Бларамберг предоставила не все имевшиеся у нее письма Тургенева. Ср. «Список писем Ивана Сергеевича Тургенева к матери нашей Елене Ивановне Апрелевой (Ардов), рожденной Бларамберг, сохранившиеся в ее архиве за границей» (ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 115. Л. 1–2), составленный 21 апреля 1929 г. в Шанхае сыновьями Бларамберг Борисом Петровичем Апрелевым (1888–1951), морским офицером, писателем, редактором эмигрантской газеты «Русское слово» в Шанхае; и Георгием (Юрием) Петровичем Апрелевым (1889–1964), подполковником царской армии, адъютантом генерала А. И. Деникина, в эмиграции — директор кадетского корпуса в Версале. Подробнее о сыновьях Бларамберг см.: Кислов В. Гатчина и гатчинцы в великой войне (1914–1918). Очерк 29. Братья Апрелевы: <http://kraeved-gatchina.de/>

5. С.-Петербург Большая Конюшенная, д. Петровской церкви, у г-жи Булье. Воскресение, 10/22 <июня> 1877 (Число помечено неверно: на штампе 12 июня 1877 г.).
6. С.-Петербург. Пятница, 17/29 июня 1877 г.
7. Буживаль. Les Frênes. Пятница, 3 сент./22 августа 77 г.
8. Буживаль. Seine-et-Oise. Les Frênes. Понедельник, 27/15 августа 77 г.
9. Спасское-Лутовиново. Орловской губ., город Мценск. Пятница, 11/23 августа 1878.
10. Записки: 1-я
11. 2-я карандашом: Е. И. Бларамберг у А. Ф. Писемского.
12. 3-я. Удельная контора. Вторник 1878 г. Все три записки написаны в Москве. Одно письмо Ивана Сергеевича Тургенева к Евг<ению> Иван<овичу> Рагозину. Одно письмо Елене Ив<ановне> Бларамберг от г-жи Полины Виардо.

Портреты:

1. И. С. Тургенев. Фотографический снимок с портрета Харламова.
2. г. Луи Виардо. Муж знаменитой певицы.
3. Три фотографические карточки г-жи Полины Виардо, из которых две с автографами. 1876–77 г.
4. Mlle Marianne Viardot (1877 г.), младшая дочь г-жи Полины Виардо, ныне Mme Marianne Duvernoy (Автограф).
5. Г-жа Эритт Виардо. Дебютировала в 1871 г. в опере «Рогнеда» А. Н. Серова.
6. Фотографическая карточка: Emile Zola. 1876 г.
7. Фотографическая карточка: Alphonse Daudet. 1876.
8. Фотографическая карточка: (1875 г.) Елена Ивановна Бларамберг.

Пять номеров «Русских ведомостей» за 1904 г.: статья Е. Ардов-Апрелевой: «Из воспоминаний об И. С. Тургеневе».

Е. Ардов-Апрелева.

г. Гатчина, 16-го февраля 1909 г.⁶²

Получив эти материалы, Витберг ответил благодарственным письмом от 17 февраля 1909 года.⁶³ Выставка открылась в большом конференц-зале Академии наук в 2 часа дня 8 марта 1909 года и, судя по многочисленным восторженным откликам в печати, имела огромный успех.⁶⁴

⁶² См.: ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 11. См. также: *Каталог выставки*. № 437–443, 469–471, 668, 893–895, 910, 914–916.

⁶³ См.: ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 58.

⁶⁴ См.: Открытие тургеневской выставки // *ИВ*. 1909. № 4. С. 384–386; *НВр*. 1909. 25 апреля. № 1185; *Измайлов А. А.* На Тургеневской выставке // *Бирж Вед*. 1909. 9 марта. № 10998. С. 3–5 (вечерний выпуск); *Речь*. 1909. 9 марта. № 66. С. 1–2; *Петербургский листок*. 1909. 9 марта. № 66. С. 3. Подробнее о выставке см.: *Ипатова С. А.* К истории юбилейной выставки «В память Тургенева» (март 1909): Письма (6) Е. И. Бларамберг (Е. Ардов-Апрелева) к Ф. А. Витбергу // *Тургеневский ежегодник 2014 года* / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрихина. Орел, 2015. С. 67–82.

Позже, 15 ноября 1911 года, с аналогичной просьбой предоставить имеющиеся у Бларамберг тургеневские материалы для выставки «Русские писатели XIX в.» к ней обратился директор Пушкинского Дома Н. А. Котляревский.⁶⁵ 8 декабря 1911 года Бларамберг ответила ему: «...кроме фотографических снимков И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского (с автографами), Н. Д. Хвощинской (Крестовский — псевдоним), Н. В. Шелгунова и семь писем ко мне, а также фотографических снимков Полины Виардо, ее мужа Луи Виардо и дочерей: Луизы Эритт и Марианны Дювернуа — ничего более ценного, вышеупомянутым писателям принадлежавшим, у меня не имеется». Далее она выражала «полную готовность представить в распоряжение Комитета» имевшиеся у нее фотографии.⁶⁶ В 1919 году Бларамберг эмигрировала из России. Жила в Шанхае, где были изданы ее книги для детей «Как кролики победили кошек» (1922), «Ласточки» (1922). Умерла в Белграде в 1923 году, похоронена на Топчидерском кладбище.⁶⁷

Воспоминания печатаются по тексту первой публикации: *Ардов Е. (Апрелева)*. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // *РусВед*. 1904. 4 января. № 4. С. 2–3; 15 января. № 15. С. 3–4; 18 января. № 18. С. 3; 22 января. № 22. С. 3; 25 января. № 25. С. 3–4.

Текст сверен с черновым автографом: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 4, где воспоминания имеют иное заглавие «Знакомство с И. С. Тургеневым. 1871–1880 г.» (Л. 3). Здесь же сохранился фрагмент начала воспоминаний, озаглавленный «Встречи с Тургеневым» (Л. 2 об.). В подстрочных примечаниях восстановлены и оговорены отсутствующие в окончательном тексте эпизоды. Текст сверен также с машинописью, имеющей незначительную авторскую правку стилистического характера, в основном учтенную в окончательном тексте (см.: Там же. Ф. 3. Оп. 1. № 5).

Местонахождение писем Бларамберг к Тургеневу неизвестно. Сохранились черновики 3 ее писем к писателю (см. *Приложение I*).

В 1914 году участница Тургеневского кружка под руководством Н. К. Пиксанова Г. Н. Сысоева посетила престарелую Бларамберг и составила запись беседы с ней о Тургеневе, содержащую дополнительные сведения к опубликованным воспоминаниям Бларамберг (см. *Приложение II*).

Искренне благодарю старшего научного сотрудника Отдела рукописей и документов ГЛМ (Москва) Евгению Михайловну Варенцову за предоставленную возможность работать с архивом Бларамберг.

⁶⁵ См.: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 74 (см. также его письмо к П. Л. Вакселю от 13 ноября 1911 г. о предоставлении экспонатов на эту выставку: *РНБ*. Ф. 123. № 265).

⁶⁶ *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 27. Л. 1–2. Никаких сведений, состоялась ли выставка «Русские писатели XIX в.», обнаружить не удалось.

⁶⁷ Подробнее о Бларамберг см.: *Голицын Н. Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. С. 27; *Мысляков В. А.* Ардов // *Русские писатели*. Т. 1. С. 102–103; *Zviguilsky T.* Une disciple de Tourguéniev: Eléna Blaramberg-Ardov-Apréleva (1846–1923). Pour le cinquantenaire de sa naissance // *Cahiers*. № 20 (1996). P. 103–107; *Назарова Л. Н.* Бларамберг (Бларамбер) Елена Ивановна // *Тургенев. НИИМ* (2). С. 272–273.

Е. Ардов (Апрелева)

Из воспоминаний об И. С. Тургеневе

Это было в марте 1871 г., вскоре после кончины А. Н. Серова.¹ Мы собрались у вдовы покойного композитора, В. С. Серовой,² и в ожидании Тургенева сидели в небольшой, скромно, если не скудно меблированной комнате, служившей музыкальной чете, кажется, чем-то вроде гостиной.

Старшая дочь Полины Виардо, г-жа Луиза Эритт,³ жила в это время у В. С. Серовой, и ее-то и хотел навестить Иван Сергеевич в этот достопамятный для меня вечер.⁴

Дверь из гостиной была отворена в маленькую переднюю. Квартира Серовых находилась в верхнем этаже большого дома на Васильевском острове.⁵ Не знаю, что чувствовали другие, но меня малейший шум на лестнице приводил в волнение.

Поклонение нашего поколения Тургеневу до появления романов «Отцы и дети» и «Дым» было восторженное. Без критики принимали мы всё, что выходило из-под его пера, и зачитывались каждой страницей, зачитывались все, но особенно молодые девушки... Наталья («Рудин»), Лиза («Дворянское гнездо»), Елена («Накануне») — являлись руководящим идеалом для той или другой, смотря по темпераменту и характеру. После появления «Отцов и детей» восторженное поклонение заменилось отрицательным, а у иных — даже враждебным отношением. Для меня переход от безусловного поклонения к отрицанию тоже совершился, но талант большого художника не померк в моих глазах, и возможность познакомиться с ним лично вызывала и радость, и чувство робости.

Тургенев приехал прямо с вечера в пользу Литературного фонда, на котором он читал; приехал поздно.⁶ Мы уже потеряли надежду его увидеть.

Г-жа Эритт и В. С. Серова встретили его в передней. Когда он, следуя за ними, появился в дверях гостиной, меня, прежде всего, поразили его рост, ширина плеч и красота головы, покрытой седыми, густыми волосами, прядь которых спускалась ему на широкий, поперечными морщинами перерезанный лоб. Рядом с хозяйкою дома и г-жой Эритт — обе небольшого роста — он казался великаном.

Продолжая начатый в передней разговор, Тургенев, надевая рinсе-пез на плоской черной ленте, замешкался несколько в дверях.

— Ошибали!.. Форменным образом ошибали! — смеясь, говорил он на ходу и с этими словами вошел к нам.

Нерешительность, как бы слабость походки поразила меня не менее высокого роста. Впоследствии, когда я имела случай видеть его во фраке, мне бросилась в глаза тонина, дряблость длинных ног, не соответствующих могучему туловищу, что, вероятно, и обуславливало отсутствие твердости в походке и легкое раскачиванье стана, которое часто принимали за небрежную барскую повадку.

В. С. Серова

Г-жа Эритт представила меня ему.

Он мягко обхватил мою руку своею красивой, выхоленной, белой рукой и остановил на мне внимательный, как бы испытующий взгляд прекрасных, вдумчивых и несколько грустных глаз.

— Я уже знаком с Вами заочно, — дружески сказал он.

Голос его, слабый, глухой при обыкновенном разговоре и высокий в пылу спора или гнева, тоже не соответствовал ни львиной могучей голове, ни могучему бюсту.

Он обвел всех глазами и непринужденно опустился в кресло у дивана, на котором рядом с ним села г-жа Эритт.

— Ошибали! — повторил он, все так же посмеиваясь.

Смеялся он заразительно, по-детски, обнаруживая белые, частые, мелкие зубы сквозь седые усы, соединявшиеся с серебристо-белой, волнистою, мягкою, как шелк, бородой.^a

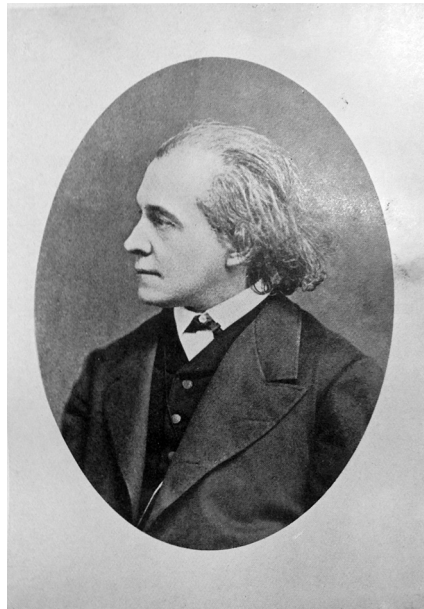
---

^a *Далее в рукописи:*

— Кажется даже апельсином бросили.

— У нас не бросаются апельсинами, — резко произнесла сидевшая в углу стриженная юная девица, вся в черном.

На вид ей было не более 17 лет.

А. Н. Серов

— Странное ощущение, когда шикают!.. Я подождал, постоял, поклонился и ушел с эстрады.

— *Voions, Tourguéneff!*..⁶ Это Вы говорите только для красного словца, — сказала г-жа Эритт. — Никто Тургеневу не станет шикавать!

— Факт остается фактом, — настаивал он на своем.

Иван Сергеевич, поправляя *rinse-nez*, обернулся к ней.

— Потому что апельсины дороги? — очень мягко спросил он, дружески всматриваясь в некрасивое, красное от волнения личико...

— Нет... а потому... потому что это свинство... Мы протестуем иначе.

— А! *вы* протестуете иначе... Ну хорошо, оставим апельсины... Факт тот, что меня ошкаркали... — обернулся он снова к г-же Эритт.

— Шикали за «Отцов и детей», — храбро выпалила та же девица. — Это конечно свинство... Шикавать не следовало... Но... но...

Но тут бедная девочка, кажется, на одобрительные жесты таких же юных, как и она товарищей, растерялась и с полными слез глазами замолкла.

Иван Сергеевич все с той же снисходительной улыбкой подождал, что она скажет, и, не дождавшись, обернулся снова к г-же Эритт (*ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 4. Л. 10 об.-11. Далее указываются только листы*).⁷

⁶ *Послушайте, Тургенев!.. (франц.).*

А факт был тот, что его встретили аплодисментами и аплодисментами же сопровождали его чтение. Только в задних рядах раздался слабый протест. Взрыв аплодисментов покрыл его, но настороженное ухо автора «Отцов и детей» уловило и этот намек на протест, который как бы подтвердил нарекание, вызванное со стороны молодежи знаменитым романом.

Со времени появления «Отцов и детей» Иван Сергеевич, как он мне впоследствии рассказывал, получил немало писем обвинительного свойства. В резких выражениях и брани авторы писем не стеснялись... Один из них даже дошел до письменного заявления, что-де... «такого» (следует грубое ругательство) «не зазорно и подстрелить из-за угла» (sic!).⁸

Иван Сергеевич рассказывал, что в письмах из Гейдельберга ему грозили приехать в Баден-Баден, где он жил, со специальной целью «разделаться» с ним...⁹

Угрозы оставались угрозами, но обвинения и непопулярность, размеры которой он, впрочем, живя за границей, преувеличивал, не могли не наложить своей печати.

Известно, что после приема, оказанного его роману «Дым», давшего повод к новым нареканиям в отступничестве, в измене прежним идеалам и т. д., он даже решил отказаться от писательства. Понятно, что и тогда, четыре года спустя, он прислушивался не к сочувственным горячим аплодисментам, которыми встречала любимого писателя публика, собравшаяся на литературный вечер, а к отдельным, терявшимся среди аплодисментов знакам неодобрения, служившим для него показателем не изменившегося по отношению к нему настроения.

Разговор велся на французском языке, изредка сбиваясь на русский, так как г-жа Эритт по-русски не говорила. Мало-помалу Тургенев стал исключительно обращаться к ней, сообщая вести об ее семье, переехавшей после франко-прусской войны из Баден-Бадена в Париж.

Посторонние лица, из которых многие не владели французским языком, чувствуя себя лишними, стали постепенно выходить из комнаты. Встала и я. Тургенев тотчас же поднялся и, ссылаясь на поздний час, объявил, что ему пора домой.^в

— Позвольте Вас проводить, — обратился он ко мне.

Неожиданность предложения, волнение, робость, овладевшие мною при мысли, что я весь долгий путь с Васильевского острова до Гагаринской, где жили мои родители, проеду с глазу на глаз с писателем, к которому относилась с юношеской восторженностью, лишили было меня слова; но он заго-

---

^в *Далее в рукописи:*

— Вы где живете? — спросил он неожиданно меня.

— На Гагаринской — ответила я, застигнутая врасплох (Л. 12).

ворил так просто, так добросердечно, лишь только попавшийся нам плохой извозчик потащил нас кое-как по рыхлому снегу, что я скоро оправилась и спокойно, без трепета могла слушать и отвечать ему. А заговорил он прежде всего о г-же Эритт.[†] Она писала домой обо мне, и ему, очевидно, хотелось ближе познакомиться со мной. Я знала уже из ее рассказов, как близко Иван Сергеевич принимает к сердцу интересы г-жи Полины Виардо и ее семьи. Разговор о старшей дочери знаменитой певицы, веденный в самом дружеском, искреннем тоне, подтвердил мне это.¹⁰ Мало-помалу, однако, беседа перешла на другие темы и коснулась отрицательного отношения русского современного общества к искусству вообще и к художественной литературе в частности...

— Россия переживает такое время, когда художественные произведения ей не нужны, — сказал он между прочим. — Вы говорите, — продолжал он мне в ответ, — о влиянии, какое я будто бы имею, о той любви, какую пользуюсь... Это относится к прошлому, а теперь я вижу только резко выраженную враждебность... Новые птицы, новые песни... Нам, отсталым писателям, пора и умолкнуть...[‡]

Разговаривая, мы вышли из саней, поднялись на подъезд и остановились перед раскрытой швейцаром дверью, из которой струился яркий свет газа... И неизгладимо запечатлелись у меня в памяти освещенная газом высокая, в шубу закутанная фигура писателя, крупные черты характерного лица с грустными, вдумчивыми глазами, мягкий голос, произнесший несколько добрых слов на прощанье.

Три-четыре дня спустя мы снова коротали вечер в ожидании Тургенева у В. С. Серовой. Он и в этот раз приехал поздно, прямо с педагогического диспута Софьи Константиновны Кавелиной с известным преподавателем истории, Сиповским, если не ошибаюсь.

Впечатление, вынесенное им с этого диспута, было огромное, потрясающее.¹²

[†] *Далее в рукописи:* Г-жа Эритт разошлась со своей семьей... Здесь не место говорить, почему, но так или иначе родные были ею недовольны... (Л. 12 об.).

[‡] *В конце черновой тетради приведен вариант этого разговора:* мало-помалу незаметно перешел на подавленное унылое настроение, господствующее в обществе и на его отрицательное отношение к искусству вообще и к художественной литературе в частности... «Россия переживает такое время, когда художественные произведения ей не нужны... (Печной горшок тебе дороже / Ты пищу в нем себе варишь!..¹¹ / Привел он не без легкой горечи стих своего любимого поэта). Польза, экономический вопрос теперь на первом плане... Нам, отсталым писателям, не грех и умолкнуть... Вы говорите, — продолжал он, возражая на мои протесты, — о моем влиянии на молодое поколение... В прошлом, может быть... А ныне — я вижу только резко выраженную вражду... (Л. 24–24 об.).

Молоденькая, восемнадцатилетняя девушка с ясными глазами в сером платье и белом платочке на шее поразила его и многосторонним знанием, и точностью, определенностью приводимых ею доводов, и тою простотой, искренностью и сдержанностью, с которыми она вела прения в присутствии многочисленных слушателей.

Тургенев был очарован, но его приводило в восхищение и внушало ему какое-то трогательное благоговение главным образом то, что эта очаровавшая его девушка была *русская* девушка. В ней он видел нарождающийся новый тип честной, благородной *русской* женщины, бодрой, умной, кроткой, веселой при изумительном трудолюбии и обширном образовании.

Лицо его, когда он это высказывал, сияло, и глаза утратили обычное грустное выражение. Для него вечер в педагогическом собрании, на котором так блистательно выступила талантливая, симпатичная русская девушка, составлял радостное событие, и радость эта подтверждала его горячую любовь к родине... Какими несправедливыми показались мне упорно преследующие его упреки в том, что он, живя за границей, изменил России, разлюбил ее...

В этот приезд Тургенева в Петербург я более с ним не встречалась.

Года четыре спустя г-жа Эритт тайно от меня отправила ему два или три записанных мною, по ее просьбе, рассказа, импровизированных в длинные зимние вечера, которые мы проводили с нею в Дрездене. Рассказы эти утрачены; содержания их не помню, но отзыв Ивана Сергеевича побудил меня приняться за более серьезную работу.¹³

Первая часть задуманного романа* была ему отправлена на рассмотрение вместе с просьбой дать мне, ввиду моего отъезда в Россию, рекомендательные письма к лицам, причастным к литературе.

Полученное от него письмо служит лишним доказательством того внимания и той бережности, с какими он относился к начинающим писателям, не жалея времени на чтение незрелых произведений и радуясь как находке малейшему проблеску дарования. Впоследствии мне пришлось еще больше убедиться и в его терпении, и в его неиссякаемом доброжелательстве. Вороха рукописей, заваливавших стол в Париже, неутомимо и с одинаковым вниманием разбирались и рассматривались.

Привожу точную копию вышеупомянутого письма,** адресованного в Брюссель,¹⁴ где я тогда проживала, исключив немногие строки, касающиеся лично г-жи Луизы Эритт-Виардо:

---

* «Без вины виноватые». «Вестник Европы», 1877 г. — *Примеч. Бларамберг.*

** Адрес на конверте: Belgique.

Madame Louise Héritte-Viardot.

Bruxelles, 128, Rue du Trône. — *Примеч. Бларамберг.*

Pour Mlle Blaramberg.

Bougival. Les Frênes.
Среда, 25-го авг. 75.

Милостивая государыня,

Вы, вероятно, уже получили рукопись, доставленную мне Луизой, а завтра я Вам перешлю те рекомендательные письма, которые Вы желаете и число которых, к сожалению и поневоле, довольно ограничено; сегодня я намерен, если уже позволите, высказать Вам мое мнение о Вашем произведении. Оно, конечно, носит еще печать незрелости; в слогe встречается небрежность, но нет сомнения, что оно — плод ума наблюдательного, начитанного и теплого, правдивого сердца. Талант также заметен; должно надеяться, что он разовьется со временем. Позвольте обратить Ваше внимание на некоторые недостатки, неизбежные в начале писательской карьеры. Вы слишком часто возвращаетесь к какой-нибудь характерной черте, слишком ее подчеркиваете; напр., в первой же сцене с матерью Вашей героини (Нади) Вы беспрестанно употребляете слово «мягко» в отношении к ней; Вы также впадаете в глумление, что тоже следует избегать. Напр., говоря, положим, о глазах Вашей дамы, Вы уверяете, что ничего не может быть пленительнее, восхитительнее ее взгляда... Ведь Вы это не думаете сами: к чему же это? Ирония — весьма опасное орудие; как раз самого себя поранишь; молодые писатели употребляют глумление только потому, что оно в сущности легче; рассказывайте просто и правдиво: оно же лучше идет к Вашей натуре, как я ее понимаю. Потом вот еще одно: в разговорах Вы вкладываете в уста Ваших лиц часто не те слова, которые они в данном случае должны были вымолвить, а те, в которых выражается то, что Вы, автор, думаете о них и что иногда совершенно справедливо, но неуместно. Напр., при первом свидании двенадцатилетней Нади с своей теткой она говорит ей: *Вы мне нравитесь*. Эти слова в устах той Нади, как Вы ее нарисовали, положительно невозможны, хотя в действительности тетка ей понравилась. Лицо «Вильда» лучше задумано, чем исполнено: надо бы, чтобы он даже один с самим собой, в четырех стенах, сам думал про себя, что он честный и добрый человек, что было бы ново и *верно*; а Ваша фигура Вильда несколько избита. Разговоры тоже вообще немного длинны.

Но все-таки я Вам советую продолжать работать, и Вы можете достигнуть хороших результатов.

Из письма моего к Луизе¹⁵ (да и кроме того) Вы знаете, что мое литературное влияние почти равняется нулю, если не в глазах публики, то в глазах издателей и журналистов, с которыми я прервал почти все сношения; и потому не пеняйте, если я не могу сделать для Вас столько, сколько бы я желал.

Примите, вместе с искренним пожеланием Вам всего лучшего, уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.¹⁶

Рекомендательные письма Ивана Сергеевича ввели меня в круг московских писателей и способствовали моему тесному знакомству с А. Ф. Писемским. О нем, о его средах, на которых неизменными гостями были А. Н. Островский,¹⁷ П. И. Мельников (Печерский),¹⁸ А. И. Кошелев,¹⁹ С. А. Юрьев²⁰

и другие, я писала Тургеневу подробно и под свежим впечатлением. Черновики некоторых этих писем сохранились,²¹ но, к сожалению, его письма, адресованные мне в Москву, утрачены.

Дальнейшее знакомство продолжалось в Париже, куда в начале 1876 г. переехала на жительство г-жа Луиза Эритт. День моего приезда, в марте того года, совпал с одним из знаменитых четвергов г-жи Полины Виардо, на которых появлялись все звезды музыкального, писательского и артистического мира.²² Приглашение на *jour fixe* уже ожидало меня.²³

К 8-ми часам вечера мы явились в дом 50, rue de Douai. Нас провели в салон. Здесь за роялем стояла тоненькая, нарядная молодая девушка, а рядом с нею — черноусый, смуглый, черноволосый молодой человек во фраке. Г-жа Эритт представила мне свою младшую сестру Марианну,²⁴ а вслед за нею Форэ,²⁵ даровитого, молодого в то время композитора, небезызвестного ныне и в России. Марианна — хорошенькая брюнетка с большими темными глазами и свежим цветом лица, приветливо поздоровалась и совершенно непринужденно вернулась к роялю, у которого она просматривала с Форэ какие-то ноты.

Салон, куда весь артистический мир Парижа стремился попасть, был убран в строго выдержанном стиле. Ничего лишнего; много простора. Белая лакированная мебель, обитая светлым шелком, не загромождала середины комнаты. Слева от рояля две ступеньки вводили в картинную галерею, освещенную сверху. Здесь помещался орган и находилось несколько немногочисленных, но очень ценных картин. Между ними превосходный портрет масляными красками Тургенева, работы Харламова, на мой взгляд, — лучший из всех мне известных портрет писателя, передававший и его черты, и характерное выражение его глаз и лица, не говоря уже о мастерском исполнении всего целого.²⁶

Салон, в который мы первоначально вошли, соединялся посредством раздвижной стены с кабинетом г. Луи Виардо, мужа знаменитой певицы.

Он сидел у себя в кресле с газетой в руках. Лишь только г-жа Эритт подошла к нему поздороваться, он встал и приблизился ко мне.

Это был тогда человек лет семидесяти, сдержанный, даже несколько чопорный по внешнему, но бодрый, крепко сложенный, коренастый, среднего роста, с очень крупными чертами лица, на котором улыбка появлялась редко, а когда появлялась, то придавала серьезному, суровому лицу выражение особого добродушия.

Превосходный переводчик «Дон-Кихота» Сервантеса, знаток живописи, составитель известных каталогов картинных галерей Лувра, Мадрида, Дрездена, Ватикана и др., Луи Виардо пользовался заслуженною репутацией образованного и стойкого в политических убеждениях человека. Он был антиклерикал и антиимпериалист с головы до ног и никогда ни при каких обстоятельствах этими убеждениями не поступался.²⁷

Так же просто, непринужденно и радушно приветствуя меня, он, обменявшись со мною немногими словами, вернулся к своей газете, тем подчеркивая, как и младшая дочь, что не считает меня гостьей, а принимает как бы в члены семьи.

Прошло полчаса. На лестнице, ведущей во второй этаж, послышались скорые, легкие шаги; дверь салона распахнулась, и ко мне быстро направилась дама в черном кружевном платье. Большие навывкате, близорукие глаза радостно смотрели на меня. Но, стремительно поспешая вперед, она задела ногой кайму ковра, на котором я стояла, споткнулась и упала на одно колено.

— De prime abord — à vos pieds!^е — вскрикнула она весело.

Но не успели Форэ и Марианна подбежать к ней, как она гибким, молодым движением поднялась уже на ноги и бросилась с протянутыми руками ко мне.

Я была поражена и гибкостью, и стремительностью, и грацией, разлитой во всей фигуре Полины Виардо, далеко однако не безукоризненно сложенной, и сразу поняла то обаяние, которое с первого взгляда производила эта великая артистка и очаровательная женщина на всех окружающих, не имея при этом за собой преимущества красоты. Прекрасны были у нее нос, лоб, волосы, придававшие верхней части лица, в профиль, вид камеи, изящные маленькие уши и совершенной формы бюст и руки. Глаза, отражавшие каждый оттенок настроения, своей выпуклостью не соответствовали понятиям о красоте; не соответствовали понятиям этим и толстые губы, и слишком широкие бедра... Тем не менее общий облик был обаятелен, настолько обаятелен, что эта пятидесятивосьмилетняя женщина заслонила собой и юную прелесть своих молоденьких дочерей, — вторая дочь, хорошенькая *mmе Claudie Chamerot*,²⁸ в это время тоже приехала с мужем, — и эффектных, блестящих дам, съехавшихся в тот вечер в ее салон.

Были: Сен-Санс,²⁹ Сарасатэ,³⁰ появился вслед за ними Шарль Гуно...³¹ Салон наполнился изысканною публикой, центром которой с начала до конца оставалась гениальная хозяйка дома. Но музыкальная часть вечера еще не начиналась, когда в дверях показался Тургенев, а с ним рядом — плотный, рослый господин с красноватым, широким лицом, вниз спускавшимися длинными усами и маленькими, зоркими, светлыми глазками, наружностью напоминающий отставного майора. То был Густав Флобер.³² Оба писателя на мгновение остановились в дверях. Тургенев озирался вокруг и, с непринужденностью большого барина здороваясь и перекидываясь словами то с тем, то с другим, предоставил своему приятелю Флоберу приветствовать хозяйку дома, а сам своей развалистою походкой направился ко мне.

---

^е Сразу же — к вашим стопам! (*франц.*).

Здесь, в этом салоне, где сосредоточивалось все, что писательский, музыкальный и артистический мир Парижа мог предложить наилучшего, где блеснули звезды первой величины, здесь, среди утонченной художественной обстановки, наружность Ивана Сергеевича еще больше выделялась своей выразительностью и духовною красотой, чем в Петербурге в плохо освещенной, по-студенчески обставленной квартирке на Васильевском острове.

Выразив удовольствие по поводу моего приезда в Париж, Тургенев сел в кресло рядом со мной и заговорил так просто и дружески, как будто мы были давнишние знакомые. Дружелюбное отношение ко мне А. Ф. Писемского, видимо, было ему приятно.

— Да, да, Вы правы, — сказал он, — Писемский очень добрый человек и груб только по внешности... Я рад, что внешность Вас не смутила... Впрочем, я уверен, что с Вами он сумел держаться границ дозволенного, — прибавил он, улыбаясь... Несомненно, это — большая литературная сила... Не заройся он в своем Борисоглебском переулке, — эта сила еще как бы проявилась!..³³

Музыкальная часть вечера началась. Жужжание голосов стихло. Иван Сергеевич поднялся с кресла.

— Жду Вас завтра к себе в одиннадцать часов утра. Поговорим о второй части Вашего романа...

Он удалился вместе с Флобером в кабинет. Здесь, за карточным столом, образовалась партия виста: Луи Виардо, Анри Мартэн³⁴ — историк, Тургенев и, если память мне не изменяет, Литтре³⁵ или Ренан,³⁶ оба не постоянные, но и не редкие посетители знаменитых четвергов... Раздвинутая стена, образуя сквозную арку, давала возможность вистерам, сидя в покойных креслах, беспрепятственно слушать и видеть исполнителей... Флобер остался стоять у притолоки и, зорко поглядывая на всех присутствующих, нередко останавливал взгляд на красивой, даровитой ученице Полины Виардо, моей соотечественнице,³⁷ — впоследствии известная концертная певица, — которою остроумный писатель с лицом отставного майора сильно, по словам Тургенева, восторгался.

Вистеры хранили молчание. Иногда Тургенев, положив карты на стол, откидывался на спинку кресла и сосредоточенно слушал,* если исполнялось то, что ему особенно нравилось.

В этот вечер Полина Виардо принимала участие в исполнении только в качестве блестящего аккомпаниатора. Она вообще редко выступала как

---

* *Далее в рукописи:* особенно, если это было пенье... Итальянская музыка, Шуберт и Шуман, кажется, особенно нравились ему... С Вагнером он долго не мог мириться... Не знаю, по-ми>рился ли впоследствии... Русскую музыку, кроме Глинки, отчасти <?> Даргомыжского и Чайковского (в романсах), он решительно не признавал и находил вымученной (Л. 19 об.-20).³⁸

певица не только на эстраде, но и у себя дома. За все довольно продолжительное время знакомства мне удалось слышать ее всего дважды. Раз неожиданно в один из четвергов она сдалась на просьбы, и выбор ее пал на сцену лунатизма леди Макбет из оперы Верди.³⁹ Сен-Санс сел за рояль.

Г-жа Виардо выступила на середину залы. Первые звуки ее голоса поражали странным гортанным тоном; звуки эти точно с трудом исторгались из какого-то заржавленного инструмента; но уже после нескольких тактов голос согрелся и все больше и больше овладевал слушателями. Все приталили дыхание и с замиранием сердца ловили горячие, страстные звуки; все проникались ни с чем несравнимым исполнением, при котором гениальная певица так всецело сливалась с гениальной трагической актрисой. Ни один оттенок страшным злодеянием взволнованной женской души не пропал бесследно, а когда, понижая голос до нежного, ласкательного пианиссимо, в котором слышались и жалоба, и страх, и муки, певица пропела, потирая белые, прекрасные руки, свою знаменитую фразу: «Никакие ароматы Аравии не сотрут запаха крови с этих маленьких ручек...» — дрожь восторга пробежала по всем слушателям.

При этом — ни одного театрального жеста; мера во всем; изумительная дикция: каждое слово выговаривалось ясно; вдохновение, пламенное исполнение, в связи с творческой концепцией исполняемого, довершали совершенство пения.

За арией леди Макбет последовал «Erlkönig» Шуберта,⁴⁰ тоже с аккомпанементом Сен-Санса. Мне случалось слышать эту всем известную балладу в исполнении многих выдающихся певиц и певцов; Полина Виардо затмила всех. Лесная драма проносилась перед вами: и сдержанный, степенный голос отца, и испуганный шепот, жалобы и вопль о пощаде младенца, и вкрадчивый, манящий голос Лесного царя, переходящий в страстный, властный призыв... Впечатление получилось потрясающее!..

Трудно было поверить, что так молодо, пылко, вдохновенно поет 58-летняя женщина, у которой, по ее же словам, сохранилась в голосе всего лишь одна октава.⁴¹

Как бы желая показать всю разносторонность таланта, столь прославленного меломанами сороковых годов, Полина Виардо в тот же достопамятный вечер исполнила по-испански с одним испанцем-тенором, оперным певцом, комический любовный дуэт негра с негритянкой.

Неподдельная веселость, кокетливая, жеманная игривость влюбленной негритянки, выдвинув партию сопрано легкого, жанрового дуэта, действительно явились новым доказательством гибкости и разнообразия изумительного таланта Полины Виардо, по силе музыкального понимания и творческой передаче доселе не имеющей себе никого равного.

«В каждой исполняемой ею роли она давала цельный образ соответственно обстановке эпохи, в которой жило данное действующее лицо, со-

гласно темпераменту этого лица, — говорил Тургенев, вспоминая блестящий период театральной деятельности певицы. — Кто не слышал, не видал ее в „Орфее“ и „Ифигении“ Глюка, в „Фиделио“, в Дездемоне, Норме, Розине («Севильский цирюльник»), тот не может понять энтузиазма, который овладевал всем зрительным залом, когда Полина Виардо появлялась на сцене!».

На другой день моего приезда в Париж, ровно в 11 часов утра, камердинер Ивана Сергеевича, извещенный снизу звонком привратницы, отворил мне на площадке верхнего этажа дома 50, rue de Douai дверь в помещение его господина.

Маленькая темная передняя вела в светлую, в три окна, просторную, устланную ковром комнату — кабинет писателя. Прямо против двери — большой, массивный письменный стол; вдоль одной стены — широкий, темною кожей обитый диван, на котором так часто лежал днем Иван Сергеевич во время припадков подагры; удобные кресла, стулья, тою же кожей обитые, довершали суровую, простую меблировку. Справа от двери, близ окна, — мольберт, поставленный к свету боком; на нем — средних размеров картина, пейзаж Руссо.⁴² По стенам — несколько других картин, преимущественно пейзажей. Мне вспоминается между прочим туманный поэтический пейзаж Коро.⁴³ На одном из простенков, между окон, бросался в глаза прекрасный мраморный слепок изящной женской руки. На этом же простенке над слепком руки выступал мраморный барельеф в профиль Полины Виардо. Дверь налево от входа вела в спальню.

Из передней узким, темным коридорчиком входили в смежную с кабинетом библиотеку: длинная комната в одно окно, уставленная по стенам сверху донизу книжными шкафами.

Здесь, в этом скромном, из трех комнат состоящем помещении, проводил Тургенев зимние месяцы со дня переезда из Баден-Бадена в Париж.⁴⁴

Сюда, как мусульмане в Мекку, стекались знаменитости всех национальностей; сюда же являлись в бесчисленном множестве соотечественники и соотечественницы всякого состояния, настроения, направления... Иные переступали порог заветного кабинета с чувством благоговения и признательности к тому, кто в жизнь их заронил своим творчеством луч света и пробудил чистые, хорошие мысли; иные входили с робкою надеждой встретить нравственную поддержку, а часто и материальную в виде ли работы, или же просто денежной помощи. Другие являлись с заносчивым намерением «отчитать» знаменитого писателя или с не менее заносчивым требованием помощи для них самих или для дела, которому они служили.

Редко кто выходил отсюда неудовлетворенным. Тургенев не умел отказывать, и если не мог удовлетворить просьбу тотчас же, то давал обещание по возможности ее исполнить. Обещаний своих он не забывал, что мог, делал и огорчался искренно, если попытки не увенчивались успехом.

Ивана Сергеевича часто упрекали в «популярничанье». Каким он был в молодости, — не знаю. Мне пришлось познакомиться с ним за несколько лет до его кончины, когда он приблизился к шестидесятилетнему возрасту.³ В это время его мягкость, снисходительность и чарующая простота обаятельно действовали на всех, кто к нему подходил. Он был и остался большим баринком в силу своего происхождения и той сферы материального обеспечения, в которой вырос, в силу привычки благовоспитанности, от которой не мог да и не желал отрешаться; но барство его проявлялось не в оскорбительном высокомерии в общении с теми, кто стоял ниже по происхождению или состоянию, а в брезгливом отношении ко всему мелкому, пошлому, наглому, лживому и продажному.

Когда камердинер распахнул передо мной дверь, Тургенев сидел за письменным столом спиной к свету, лицом к выходу. Тонкая, вязаная, темная вареза⁴⁵ облекала его могучий стан. Он встал, подошел поздороваться и, предложив сесть к столу, вернулся к своему рабочему креслу, но скоро снова встал и продолжал беседу, то шагая⁴ по ковру, то останавливаясь передо мной и пристально, пытливо в меня всматриваясь. Мне казалось, однако, что он не столько старается проникнуть в мои мысли, как уловить особенности лица, жестов, выражения... Беседа шла о второй части моего романа, рукопись которого лежала на столе. Взятая тема, ввиду неопытности автора в житейских отношениях, и как раз именно в тех самых отношениях, которые автор попытался затронуть, удивила его, но не вызвала ни улыбки, ни снисходительно небрежной критики.

Он указал на недостатки, недомолвки, галлицизмы и затем заговорил о самой теме...

Для него, между прочим, не было женской или мужской работы, и литературное произведение, какому бы перу оно ни принадлежало, оценивалось только с точки зрения большего или меньшего его достоинства... Помню, как увлекался он романом, появившимся под заглавием «Варенька Ульямина» в «Вестнике Европы».

Роман этот в рукописи был первоначально прислан Ивану Сергеевичу. Он нашел в этом произведении печать оригинальности, сильный, красочный слог, настроение, — одним словом, недюжинный талант. К этому роману он отнесся как к родному детищу. Шероховатости, которые, по его

---

³ *Далее в рукописи:* В это время он оставался верным своим убеждениям молодости, ни перед кем не кланялся, ни перед кем не заискивал... Не заискивал и перед молодежью... В молодом поколении он искал новые веяния, новые силы, которые бы свидетельствовали о росте крепости России; Россию же он не переставал любить, даже когда негодовал на нее, даже когда в минуты сомнений он думал, что всякая связь между им и родиной порывается... (Л. 22 об.–23).

⁴ *Далее черновой текст обрывается.*

мнению, следовало бы сгладить, он оставлял без изменений до совещания письменно с самим автором, бережно, любовно повергая свои замечания на его усмотрение. В первую же очередную поездку в Россию он познакомился с автором, навестил в его усадьбе и с умилением говорил о той поэтической обстановке, в которой живет, мыслит, работает автор...⁴⁶ Год спустя он также серьезно увлекался рассказом «Полоса»,* возлагая на автора, с которым тоже познакомился, большие надежды...⁴⁷

В своих увлечениях он мог ошибаться и воображением дополнять недостатки того или другого произведения, но в этих увлечениях, может быть более, чем в чем-либо другом, выступало желание, найдя хотя бы крупницу дарования, поощрить к труду, имея в виду возможное рождение и развитие нового на пользу России таланта.

Не всегда, однако, он поощрял. Меня просили узнать мнение его об одной присланной ему повести...

«Удивительное дело, — сказал он в ответ. — Композитор проходит теорию музыки, гармонию; живописец не напишет картины, не ознакомившись с перспективой, красками, рисунком; в архитектуре, в скульптуре требуется первоначальная школа. Только принимаясь за писательство, полагают, что никакой школы не нужно и что доступно оно каждому, кто обучился грамоте... Автор повести, о которой Вам писали, несомненно — человек грамотный и, несомненно, полагает, что этого совершенно достаточно чтобы „накатать“ повесть... Я отослал ее ему обратно без всяких комментариев»...⁴⁸

Не выносил он также повестей «с направлением».

«Можно быть рабским подражателем того или другого известного писателя, — говорил он, — можно быть жалким кропателем бесцветных, водянистых рассказцев, но для чего к тягучей, бездарной беллетристической форме пристегивать „идею“»...

Однажды он выразился так:

— Я все допускаю, но «Черноземные поля»** не допускаю!.. Это — выше сил моих...⁴⁹

Тургенев предоставил в мое распоряжение свою библиотеку. С той поры редкий день не видалась я с ним или у него в кабинете, или же за обедом внизу, у госпожи Виардо.

Под самым кабинетом, во втором этаже, находился салон, где г-жа Виардо давала уроки. С 10-ти часов утра начиналось пение и продолжалось несколько часов подряд. Толстый ковер заглушал голоса и рояль; когда же дверь из передней на лестницу открывалась, то звуки волной вливались в ка-

---

* «Отечественные записки», 1879 г. — *Примеч. Бларамберг.*

** Журнал «Дело». — *Примеч. Бларамберг.*

бинет, но, по-видимому, не причиняли Ивану Сергеевичу беспокойства. Или он к ним привык, или незаурядные большею частью голоса учениц, из которых многие готовились к сцене, не терзали его слуха.

Из первоклассных французских писателей в кабинете Ивана Сергеевича, кроме Флобера, я встречала Эмиля Золя. Флобер относился к Тургеневу с каким-то особенно нежным благоговением, но и в обращении Золя чувствовалось глубокое уважение.

Золя — плотный, ширококостный, с круглым заурядным лицом — напоминал скорее богатого, изрядный капиталец скопившего собственника, чем писателя; только глаза, серьезные и вдумчивые, изобличали мыслителя. Он говорил мало, больше слушал. В то утро, когда мне в первый раз пришлось увидеть его, речь зашла об его романе «Assommoir». Успех этого романа превзошел ожидание автора. До этого романы Золя расходились вообще довольно туго.⁵⁰

— Да и теперь, — заметил он с улыбкой, — я обязан успехом женщинам и... духовенству. Мой издатель утверждает, — пояснил он, — что на десять покупателей моей книги приходится четыре женщины и четыре духовных лица...

На первом представлении нашумевшей комедии Эркмана-Шатриана «L'ami Fritz»⁵¹ мне довелось увидеть и Альфонса Додэ... Мы шли, направляясь за толпой, к выходу по узким коридорам «Comédie Française», когда с нами столкнулся, протискиваясь сквозь толпу, человек маленького роста, узкоплечий, с огромною головой, точно отнятой от другого туловища; громадная, густая, длинная до плеч шевелюра, темная борода и прекрасные, мягкие, бархатные глаза довершали симпатичный общеизвестный по фотографиям облик блестящего романиста. С порывистостью и живостью южанина приветствовал Тургенева автор «Fromont jeune et Risler aîné»⁵² и, кинув на ходу вскользь похвалу пьесе Эркмана-Шатриана, напомнил, удаляясь, об очередном литературном обеде, на котором сходились еженедельно братья Гонкуры, Флобер, Золя, Альфонс Додэ и Тургенев.⁵³

Когда мы двигались в толпе по тесным закоулкам «дома Мольера», вокруг нас раздавался сдержанный благоговейный шепот: «C'est Tourguéneff!.. Le grand Tourguéneff!..».⁵⁴ Подобного рода восклицания мне приходилось слышать каждый раз, когда Иван Сергеевич одновременно с нами появлялся в концерте, в театре, вообще среди какого-нибудь сборища. Львиная седая голова, высокий рост, характерное, белою шелковистою бородой обрамленное лицо обращали на него общее внимание. Редкий из парижан не знал, кому принадлежит эта выдающаяся наружность, и часто приходилось мне сопоставлять уважение, поклонение чужестранцев с холодностью, непони-

---

⁵⁴ Это Тургенев!.. Великий Тургенев!.. (франц.).

манием, порицанием, а нередко и грубым отрицанием соотечественников по отношению к своему знаменитому писателю.

«Мое двадцатипятилетнее „служение музам“ окончилось среди постепенного охлаждения публики, и я не предвижу причины, почему бы она снова согрелась», — пишет он в своих литературных воспоминаниях в 1869 г.⁵⁴

В 1876–1877 годах он приблизительно думал то же самое и не раз это высказывал...

«Наступили новые времена, нужны новые люди, — говорил он. — Устарелому писателю надо умолкнуть»...

А между тем новые люди, новые течения мысли, намечавшиеся в России, продолжали привлекать его внимание.

Некий г. N., русский, поселившийся временно в Париже, возбудил в нем живейший интерес.⁵⁵ Когда и при каких обстоятельствах Тургенев с ним познакомился, я не знаю, но в разговоре он часто о нем упоминал... Однажды мы с N. почти одновременно вошли в кабинет писателя. Иван Сергеевич нас познакомил. Наружность N. была незаурядная. Далеко не юноша, лет 30-ти, рослый, плечистый, борода окладистая, лоб умный, рот резко очерченный, с плотными губами, взгляд быстрый, глаза наблюдательные. Он сел или скорее повалился на диван и, опираясь ладонью на колено, не менял принятой позы, как не менял непроницаемого выражения лица. Говорил он мало, выражался односложно, как бы давая понять, что мог бы сказать гораздо больше, если бы считал это нужным.

Беседу вел Тургенев. Он сидел в кресле против своего собеседника, не спуская внимательного, доброжелательно-испытующего взора с его лица. Каждое отрывистое возражение, небрежное замечание неразговорчивого и, несомненно, высокомерно державшегося гостя, — порой N. ограничивался просто неопределенным мычанием, — он, казалось, ловил с жадным интересом и задерживал в неисчерпаемом кладезе своей памяти, пропуская совершенно без внимания то, что в обращении N. могло быть лично для него оскорбительным.

— Носится с ним, — говорили мне соотечественники, посмеиваясь над «ухаживанием» Тургенева за N., как они выражались, — а N. морочит «старичка»... На, дескать, пиши с меня тип для нового задуманного романа.

Вряд ли N. мог «морочить» Ивана Сергеевича и вряд ли «поза» ускользнула от наблюдательности писателя. Но он умел отбросить внешнее, ненужное, не давая этому ненужному затемнять того, что казалось ему существенным. Факты, свидетельствующие о силе воли, неустрашимости и находчивости, — вот что заинтересовало Тургенева в N. и побуждало искать в этой личности тот нарождающийся тип твердо идущего к намеченной цели человека, которого он надеялся, мнил, хотел видеть в представителях нового поколения.

Лица, с грехом пополам окончившие неудовлетворительный курс неудовлетворительного русского среднеучебного заведения и часто не переступившие даже за половину университетского курса, считали себя вправе относиться «с кондачка» к одному из самых образованных людей нашей родины, первоклассному притом писателю, который за всю долгую, плодотворную жизнь ни одной строки не написал против своего убеждения; никогда не потворствовал своим пером ходячим вкусам и требованиям переходящих веяний и при всей своей мягкости, впечатлительности продолжал, живя и вдали, любить Россию, как любят ее на чужбине, как любил ее другой большой писатель, А. И. Герцен, какою-то жгучею, мучительною любовью, отдавая ей все помыслы, талант свой и труд, хотя именно из России шли все те удары, которые заставляли его временно сомневаться в собственных силах.

«Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись», — писал он еще в 1859 году.⁵⁶

Так думал он и шестнадцать лет спустя.

В апреле, одновременно с семейством Виардо, Иван Сергеевич переехал в Буживаль, на свою дачу «Les Frênes». В мае и я по приглашению г-жи Виардо поселилась у нее в «Les Frênes» на все лето.

Дача Тургенева находилась в саженях двадцати от дачи г-жи Виардо. Подниматься приходилось к обеим дачам от набережной Сены легким подъемом в гору, где на некоторой высоте белелась меж ясеней дача Полины Виардо, а на том же уровне, справа от нее, точно выступая из корзины цветущих фуксий и махровых пеларгоний, густою кустистою порослью обхвативших словно пестрым ярко-цветным поясом фундамент, бросался в глаза грациозный, изящный, как игрушка, резьбой украшенный «chalet» Ивана Сергеевича.

Швейцарский и русский стиль удачно соединялись во внешнем виде летнего приюта писателя, а внутри все отличалось строгою простотой и комфортом. Внизу, налево из передней — просторная гостиная, направо — небольшая светлая столовая. В гостиной — великолепный рояль, на окнах умеряющие дневной свет тяжелые драпировки, ковры, мягкая, покойная мебель... Но не буду описывать нижнее помещение. Мы редко — в исключительных только случаях — сходились там. Кроме общего сохранившегося в памяти впечатления художественного сочетания красок и линий во всей обстановке мне припоминаются артистически расписные стекла в дверях с изображением картин из русской жизни в разных ее проявлениях: зимние пейзажи, сцены охоты, избы, сани, тройки.

Но лучшим украшением этой очаровательной дачи был, несомненно, кабинет Тургенева во втором этаже, обширный, высокий, светлый, где темно-красным обоям соответствовали массивные, черного дерева кресла,

стулья, диван, обтянутые красным сафьяном, художественной работы книжные шкафы, черного же дерева внушительных размеров письменный стол, крытый тоже красным сафьяном. Свет проникал с двух сторон. Три окна выходили в парк, а одно, более широкое, приспособленное для занятий живописью, было проделано в фасаде. Отсюда открывался вид на Сену и ее расцвеченные садами и кокетливыми дачками берега. Близ этого окна помещался всегда мольберт с начатою или законченною картиной.

Вторая дочь г-жи Виардо, Claudie Chamerot, проводившая лето с мужем и малюткой-дочерью у родителей в «Les Frênes», занималась живописью, и для нее-то и был устроен в кабинете уголок мастерской художника.

Над кабинетом находилась спальня писателя с тем же видом на Сену и на простор ее берегов. Если память мне не изменяет, то в связи со спальней, кроме уборной, имелись в том же этаже и комнаты для друзей. Во всяком случае, насколько тесно и скромно было парижское помещение Ивана Сергеевича, настолько просторной, изящной, изысканно-уютно и художественно обставленной была его дача «Les Frênes», где он проживал большую часть года.

Потому ли, что Тургенев заканчивал в то лето свой роман «Новь»,⁵⁷ потому ли, что в «Les Frênes» жизнь велась вообще на менее широкую ногу, чем, судя по рассказам, за несколько лет перед тем в Баден-Бадене, или по неизвестной мне причине, но подолгу проживающих гостей, кроме меня, никого не было.

День в «Les Frênes» начинался довольно рано. С 8-ми часов кофе и горячее молоко ожидали желающих в столовой. К этому первому завтраку, однако, не собирались все разом; приходили поочередно, кто раньше, кто позже, часто стоя выпивая чашку кофе. Иван Сергеевич утром не выходил из своего «шалэ»; редко появлялся он и ко второму завтраку; в таких случаях присаживался в сторонке и выпивал только чашку крепкого чая. Самовар обязательно подавался к этому завтраку.

Часа в 3, по окончании уроков пения, не прекращавшихся и летом, мы сходились обыкновенно у него в кабинете. Claudie садилась за мольберт, я — в некотором расстоянии от нее, — она писала с меня портрет,⁵⁸ — г-жа Виардо занимала место у круглого стола с каким-нибудь рукодельем, Марианна тоже, а г-жа Эритт читала вслух что-либо из новейших произведений английских или французских писателей. Помнится, предметом чтений в то лето был только что появившийся растянутый роман Джорджа Элиота «Дэниель Дэронда».⁵⁹

Иван Сергеевич часто присутствовал при этих семейных чтениях. Он сидел у письменного стола; иногда слушал и вставлял замечания, иногда балагурил, причем Claudie и Марианна вскакивали, тормозили его, зажимая ему рот и восклицая:

Клоди Виардо. Рисунок Л. Пича.
Баден-Баден, 15 октября н. ст. 1870 г.

«Voyons, Turguel, — то было дружеское прозвище, данное ему молодой женскою половиной семейства Виардо, — voulez-vous nous laisser tranquilles!.. Nous voulons écouter...»³

Иногда чтение надолго прерывалось шутками, смехом, бесчисленными анекдотами, которыми Тургенев так и сыпал в часы хорошего расположения духа и первый добродушно смеялся, заставляя смеяться других; иногда во время чтения он пробегал свою многочисленную корреспонденцию или же присаживался к мольберту Claudie и следил за ее кистью.

---

³ Постойте, Тургель, не будете ли вы столь любезны оставить нас в покое!.. Мы хотим послушать... (франц.).

Изредка по воскресным дням мы оставались в гостиной. Г-жа Виардо садилась за рояль. Одно утро, помню, было посвящено на ознакомление с партитурой оперы «Кузнец Вакула» Чайковского,⁶⁰ другое — на исполнение Шопена. Как современница Шопена, лично его знавшая, слышавшая его игру, обладая притом превосходною техникой, Полина Виардо передавала шопеновские ноктюрны, вальсы, мазурки, прелюды с выдающеюся экспрессией и законченностью... Слушая проникновенную игру, Тургенев сидел в отдалении в кресле и, прикрыв глаза рукой, казалось, весь отдавался настроению музыки.

Сам он ни на одном инструменте не играл. Любил больше всего Моцарта, Шуберта, затем Шумана, Шопена и не любил Вагнера. У него, по его словам, на первом представлении в Париже «Тангейзера», жестоко тогда освищенного, имелся тоже на всякий случай ключ в кармане...⁶¹ Пустил ли он его в дело, не знаю... Помнится, он, смеясь, уверял, что общий пример его увлек... Как бы то ни было, но и впоследствии Вагнер не пользовался его симпатиями и только позднейшими произведениями вызывал в нем некоторый интерес.

К обеду, около 7-ми ч. вечера, собиралась вся семья; бывали часто и посторонние. Застольную беседу направлял обыкновенно Тургенев. Он любил говорить и говорил хорошо, уснащая свой разговор меткими, тонкими замечаниями, наблюдениями, описаниями. Его слушали не только охотно, но всегда с живейшим вниманием. Мимолетная встреча, обрывок мелодии, запах цветка, мысль, выраженная и схваченная на лету, складывались у него мгновенно в образы...

Однажды, возвратясь из Парижа к обеду в «Les Frères», он рассказывал за столом о разных встречах, впечатлениях и между прочим упомянул, что на одной из улиц он взял фиакр. Проехав немного, он почувствовал сильный запах фиалок. Сначала он думал, что аромат фиалок несся в спущенное окно фиакра из корзины сидевшей где-нибудь невдалеке продавщицы цветов, но никакой продавщицы поблизости не было. Фиалками пахло внутри фиакра; запахом фиалок была пропитана пошлая, обтертая столькими спинами, захватанная столькими руками обивка фиакра. Хорошенькая женщина ехала, верно, перед тем в этом фиакре... Букет фиалок лежал у нее на коленях; фиалки держала она в руках, фиалками благоухала ее одежда... Куда она ехала?.. Одна ли она ехала?.. Что она думала?.. Что чувствовала, когда, вдыхая аромат, прижимала душистые, прохладные фиалки к лицу?.. Грациозный женский образ, полный поэзии и прелести, уже намечался, готовый войти в «стихотворение в прозе», но Иван Сергеевич только мимоходом коснулся его, и видение исчезло среди других образов, которые возникали, чередуясь, в его беседе, когда он был в ударе...

Иногда он спорил и спорил ожесточенно, но никогда не переходил на личность, никогда не оскорблялся колкостями и нападками, часто едкими и не без оттенка раздражения, на его мнения.

Заговорили как-то о новейших типах женщин, проникших в литературу. Тургенев заметил, что женщина ныне играет первенствующую роль, так как к ней перешла энергия борца, утраченная изнуренными пессимизмом мужчинами, и ей по праву принадлежит будущее...⁶² На это ему иронически возразили: «Вы преклоняетесь перед новыми женщинами, а сами стоите на коленях перед княгинями, графинями, светскими дамами... Leur blancheur, leur fadeur, leur grâce mignardée, leur châtèrie — voilà ce qui vous va!.. Voilà ce qui vous remue!..»^м Тургенев даже не оглянулся в тот край обеденного стола, откуда резко и громко раздался этот упрек, и продолжал развивать свою идею.

За десертом сидели долго. После обеда большею частью все оставались на воздухе. К вечеру обыкновенно появлялись еще гости. Иван Сергеевич иногда оставался с нами, иногда уходил к себе.

День за день мне приходилось видеть его. Он много ходил днем по парку, всего чаще один, изредка с г-жой Виардо, с которой он совещался о своей работе и которой читал каждую главу своего нового романа. Она прекрасно понимала по-русски, отлично выговаривала, когда ей приходилось петь русские музыкальные произведения, но говорить стеснялась...

— Ни одна строка Тургенева с давних пор не попадала в печать прежде, чем он не познакомил меня с нею, — сказала она мне раз. — Вы, русские, не знаете, насколько вы обязаны мне, что Тургенев продолжает писать и работать, — заметила она однажды в шутку.

Это не было тщеславным самообольщением. Даже поверхностное знакомство с этой гениальной артисткой делало понятным то влияние, которое она должна была, не могла не иметь на восприимчивую, впечатлительную натуру писателя. Ее ум, художественный вкус, умение схватывать существенное и отбрасывать мелкое, неважное, ее разностороннее образование, — она в совершенстве владела испанским, итальянским, английским, немецким языками, — наконец, ее энергия, трудолюбие и непоколебимая, никому и ничему не поддающаяся сила воли должны были в часы ослабления художественного творчества действовать ободряющим и побуждающим к деятельности образом.

Чувство меры было ей особенно присуще. Она ненавидела всей цельной и непреклонной натурой своей все расплывчатое, дряблкое, неопределенное. Быть может, это помогло Тургеневу до конца сохранить ту красоту и законченность формы, которыми отличается каждое его произведение... Быть может, — не берусь об этом судить и позволяю себе только предположение, — он сохранил до конца творческую силу, благодаря непрерывному

---

^м «Их белизна, их безвкусица, их жеманная грация, их кокетство — вот это по вам!.. Вот что вас трогает!..» (франц.).

общению с выдающимся женским умом, смягчавшим своею беспощадною логикой принижающее значение общественных веяний и критики, которую Тургенев, подобно современникам своим, А. Ф. Писемскому и А. Н. Островскому, принимал близко к сердцу.

Над дачей г-жи Виардо, в глубине парка, на верхней площадке, стоял домик-беседка. Пианино, стол, два-три буковых кресла и садовый диванчик заполняли крошечную комнатку этого мирного убежища. Сюда Марианна уходила по утрам петь и играть на пианино. Здесь в иные часы дня находила и я пристанище. Из окна этого укромного домика мне приходилось незаметно наблюдать за Иваном Сергеевичем, когда он, совершая обычную прогулку, медленно шел по крайней аллее в близком расстоянии от меня. И лицо, и походка выражали утомление и печаль. Мне казалось, в такие минуты уединения он чувствовал себя одиноким и оторванным от родной почвы и сознавал, что как ни близка ему дружеская семья и как ни любим он всеми членами этой семьи, а все-таки он волей судьбы «прилепился к краешку чужого гнезда», — как он выразился в письме к приятелю.⁶³

Но, быть может, я ошибаюсь. Быть может, печаль его была печалью старости об утраченной и невозвратной молодости, о разреженных смертью и нравственными потерями рядах сверстников, с которыми он одновременно начал жизнь, или же о новом, почти уже законченном труде «Новь»... Не имел ли он основания предполагать, что роман этот по выходе в свет навлечет на него обычные за последние годы гонения и нарекания...⁶⁴

В конце мая мы предполагали все отправиться на несколько дней в «Nohant» к Жорж Санд, с которой семейство Виардо и Тургенев неизменно поддерживали многолетние дружеские отношения.⁶⁵ Моему нетерпеливому ожиданию познакомиться с знаменитою писательницей не суждено было исполниться. Получилось письмо из Nohant о тяжелой болезни Жорж Санд и вслед за тем известие об ее кончине.* Известие это поразило Ивана Сергеевича, который неоднократно подолгу гостил желанным гостем в Nohant, но особенно оно подействовало на г-жу Виардо.⁶⁶

Печалью она ни с кем не поделилась, а только, против обыкновения, замкнулась на несколько часов в своей комнате, где, разбирая письма старого друга, пережила наедине свою скорбь.

Несколько дней спустя Тургенев уехал в Россию, куда его призывали расстроенные дела по имению. Он отличался, как известно, доверчивостью и непрактичностью. Несмотря на достоверные и непреложные факты, доведенные до его сведения, о неудовлетворительном управлении его имением, Иван Сергеевич долго медлил положить этому предел. В конце концов он решился, однако, поехать в Спасское с тем, чтобы переменить управляющего.⁶⁷

---

* Жорж-Санд скончалась 8-го июня 1876 года. — *Примеч. Бларамберг.*

Письма его по поводу совершившегося события полны юмора. Объявив свой ультиматум и выдержав от рассчитанного управляющего целый поток угроз и грубостей, он, кипя от бешенства, молча смотрел из окна, как воз за возом увозили имущество кичливого пана, примечая среди этого имущества знакомые, несомненно всегда в Спасском находившиеся предметы, пока и сам управляющий не выехал из ворот; тогда, словно опомнившись, он выскочил в свою очередь за ворота и, грозя кулаком вслед благополучно отъехавшему уже далеко управляющему, разразился самую неистовую бранью. Облегчив себя этим взрывом никому не повредившей ярости, он вернулся в дом и принялся в юмористическом тоне, не щадя себя, описывать эту комическую сцену в письме г-же Виардо.

Через месяц с небольшим он уже вернулся в «Les Frênes». Вскоре после его возвращения мы как-то все, кроме г-жи Виардо, ехали откуда-то в «трамвае». Тургенев, описывая свое пребывание в Спасском, сказал между прочим, что он слышал от одной старухи-крестьянки слово, которое для него было «comme un coup de foudre»...⁶⁸ Он внесет его в свой роман... «Изумительно меткое выражение и такое простое, несложное, такое многозначное... Оно должно стать таким же прозвищем, как „нигилист“... Марианна, его любимица, начала настаивать, чтобы он сказал, что это за таинственное слово.

«Нет, нет, — говорил он, — тебе значения и смысла его все равно не понять... При писателях же, — он, смеясь, взглянул на меня, — нельзя говорить... Пожалуй, еще заимствуют»...

Поднялся общий протест.

— Догадайтесь! — поддразнивал он меня все с тем же добродушным смехом.

Я, разумеется, не догадалась, что, видимо, доставило ему удовольствие и, несмотря на просьбы Марианны, он, продолжая шутить, так-таки и не назвал своего слова.

А слово это было: «опроститься, опростелые»...⁶⁸

Мое возвращение в Париж прервало на некоторое время ежедневные общения с обитателями «Les Frênes», которые переехали только поздней осенью. Иван Сергеевич, однако, еще до переезда на зиму в дом 50, rue de Douai поднялся ко мне однажды на пятый этаж.

Он привез рукопись рассказа,^{*} написанного мною в «Les Frênes» и оставленного ему для прочтения. Не могу припомнить в точности всего сказанного им по поводу рассказа. Осталось воспоминание о том изумительном

---

⁶⁸ «как удар грома» (франц.).

^{*} «Apollon Markowitch», «Indépendance Belge», 1877 г., «Аполлон Маркович», «Наш век», того же года. — *Примеч. Бларамберг.*

внимании, с которым Тургенев отнесся и к этой второй работе начинающего писателя.

Рассказ вслед за тем был переведен на французский язык и по предложению Тургенева прочитан зимой в салоне г-жи Виардо в присутствии членов семьи и нескольких посторонних лиц.⁶⁹ Кроме Ивана Сергеевича, г-жи Виардо и переводчика, — ему же предстояло и читать по рукописи, — никто не знал имени автора. Инкогнито это сохранялось для того, чтобы личное знакомство с автором и дружеское к нему отношение не помешали непосредственности впечатления. Автор поместился в отдаленном уголке салона. Г-жа Виардо, как всегда, — в центре у круглого стола с вышиванием в руках, Тургенев — в кресле у затопленного камина. Он казался взволнованным и с напряжением переводил пылкий взгляд с одного слушателя на другого. Образцовое чтение образцового перевода небольшой вещицы благополучно дошло до конца.

На другой день в обычный час Иван Сергеевич с доброю улыбкой приветствовал меня в своем кабинете. Рукопись перевода лежала у него на столе.

— Великолепный, великолепный перевод, — повторял он. — Я был бы рад, если бы меня так переводили!.. Ну-с, почин сделан... Х, — он назвал одного из бывших на чтении слушателей, — вернул мне незадолго до Вашего прихода рукопись... Он хотел ее сам прочесть... Вчера уже он узнал, конечно, кто автор, и огорчился... Вы изумлены?.. Он истинно расположен к Вам и огорчился потому, что хотя рассказ ему и понравился, но он считает его... безнравственным!..

Иван Сергеевич встал и, шагая по кабинету, заговорил о той пропасти, которая разъединяет русского и француза различием их основного мирозерцания.

— Французы — формалисты и твердо стоят на букве закона; стоят все: и заурядные, зажившие буржуа, и лица высокой культуры... В Вашем рассказе многократно обманутый, оскорбленный муж продолжает с любовью относиться к жене до последней минуты ее жизни... Такое отношение не только глупо в глазах каждого уважающего себя француза, но прямо безнравственно, ибо закон не прощает, а подвергает заслуженной каре жену за измену... Эту точку зрения разделяет и Х... Вот почему он и огорчился, узнав имя автора...

Быть может, кстати будет привести здесь один характерный эпизод. Передаю его со слов других, так как он произошел до моего пребывания в Париже.

Шла пьеса Ожье «Madame Caverley». В ложе сидели Тургенев, братья Гонкуры, Альфонс Додэ, Флобер и Золя. Содержание пьесы вкратце следующее: героиня, Madame Caverley, разошлась с развратным мужем, промотавшим и женино, и свое состояние, и уезжает с двумя малолетними деть-

ми в Женеву, где и проживает двадцать лет, но не одна, а с любимшим ее доктором, который растит вместе с нею ее детей, сына и дочь, заменяя им отца. Жизнь течет безмятежно. Прошлое забыто. Вдруг на бедную женщину обрушивается крупное наследство, а засим появляется законный муж, который предъявляет *законные* права на жену, детей и... наследство и раскрывает сыну, уже взрослому молодому человеку, тайну отношений его матери к доктору. Юноша узнает, во-первых, что тот, кого он почитал как отца, ему не отец, а во-вторых, что его мать, его «святая» мать, не безупречна.

Здесь «гвоздь» пьесы. Сын требует объяснения от доктора. Доктор не отрицает факта. Во время объяснения входит молодая девушка. Взволнованный доктор подходит к своей названной дочери, целует ее. Тогда юноша срывается с места, бросается между сестрой и доктором и с трагическим жестом, с тремоло в голосе восклицает:

— Ne touchez pas le front pur.l.l.g... de ma sœur!..^o

Взрыв аплодисментов в театральной зале и негодующий крик из ложи, где сидели писатели:

— Cochon!^н

Крик этот вырвался у Тургенева, к великому смущению его знаменитых друзей, которые так же восторженно аплодировали, как и вся публика.⁷⁰

На следующем после этого представлении обеде писательского кружка произошли страстные прения по поводу этого инцидента. Никто, однако, не перешел на сторону Ивана Сергеевича; никто не хотел понять справедливости его протеста с точки зрения высшего человеческого права, а не формальной нравственности. Один только Золя, подумав, заметил, что, быть может, Тургенев и прав...

Сезон начинается поздно в Париже, и четверги возобновились в декабре, если не позже. Но кроме четвергов у г-жи Виардо собирался по воскресным вечерам интимный кружок.⁷¹ Бывали Ренан, Анри Мартэн, Литтре, Сен-Санс, Форэ, Годар⁷² и др. Из русских частым посетителем воскресных вечеров был Панаев и его талантливая дочь.⁷³

Молодежь устраивала шарады в действиях, затевала разные игры. В шарадах участвовал и Тургенев, внося много оживления, остроумия и беспредельного добродушия в эти забавы. К слову сказать, его деятельное участие в играх и веселье молодежи никого не повергало в изумление. Ренан, Анри Мартэн, работавшие по четырнадцати часов в сутки, — нормальный рабочий день француза, — не считали для себя предосудительным отдаваться часа на два самым наивным, самым детским развлечениям, как, например, игра в фанты, причем Ренану, человеку необыкновенной толщины и насчи-

---

^o Не касайтесь чистого чела-а-а... моей сестры!.. (франц.).

^н Свинья! (франц.).

тывавшему уже тогда около семидесяти лет, приходилось, по нашему назначению, прыгать через платок, что он и проделывал при общем неудержимом хохоте самым простодушным образом.

В другой раз, затеяв празднование встречи нового года по старому стилю на русский лад, с играми и гаданьем, мы между прочим соорудили пирамидку из муки, поместив на вершину гладкое золотое колечко. Все обступили эту пирамидку и старались как можно осторожнее срезывать муку, чтобы не уронить кольца и не подвергнуться штрафу. Очередь дошла до Ренана, стоявшего рядом со мною. Пирамидка держалась на волоске. Приняв от меня нож, он неминуемо должен был уронить кольцо, и когда ему объяснили, что теперь он обязан губами достать кольцо из муки, он с полною готовностью приступил к исполнению обряда, склонил над блюдом с мукой свой тучный стан, но не удержался от смеха, мука рассеялась во все стороны, осыпав его и нас всех мелкой белой пылью, а Ренан долго не мог успокоиться, фыркал, смеялся до слез, все приговаривая:

— Ah, cette perfide jeunesse!.. Cette perfide jeunesse!^p

Не это ли уменье без размышления и анализа давать себе после упорного, напряженного труда краткое, но полное отдохновение и сохраняет ту жизненность, которая побуждала Ренана, Анри Мартэна и Литтре, — последние двое тоже уже старцы в то время, — обращаясь к Тургеневу, говорить в пылу спора:

— Vous, qui êtes un jeune homme encore...^c

58-милетний возраст считался молодым этими семидесятилетними старцами, не находившими и себя еще старыми.

Час обеденный, час отдыха для всех, давал повод в Париже, как и в «Les Frères», к оживленной беседе. Касалась она разных предметов, реже всего политики. На Тургенева зимой довольно часто, однако, находило настроение пессимистическое, под влиянием ли повторяющихся мучительных приступов подагры или других неизвестных мне причин. В такие минуты он первым долгом начинал отрицать все русское: и русское искусство, и русскую музыку, и русскую литературу...

— Великоросс ни на что не способен, — сказал он однажды. — Назовите мне в России хоть одного великого человека чисто русского происхождения!? Пушкин — африканская кровь... Лермонтов — шотландская... Гоголь — малоросс... У Жуковского — мать турчанка...

— А Тургенев? — прервала его г-жа Виардо.

Но Иван Сергеевич не слушал. С ожесточением продолжал он громить все родное, отрицая в соотечественниках способность и к труду, и к само-

---

^p Ах, эта коварная молодежь!.. Эта коварная молодежь! (*франц.*).

^c Вы же, вы все еще юноша... (*франц.*).

бытности, и к творчеству, видя в них только дряблость, подражательность, расплывчатость...

Мне же при этих горячих спорах невольно вспоминались слова Потугина:^{*} «...Я и люблю, и ненавижу свою Россию, свою странную, милую, скверную, дорогую родину»...⁷⁴

В эту зиму некая Мари Дюма задумала давать музыкально-драматические «matinées» — утренние представления — для ознакомления парижан с произведениями различных национальностей. Дошел черед и до русского утра. Мари Дюма прислала г-же Виардо ложу.⁷⁵

Программа состояла из первого действия «Русалки» Пушкина, сцен из «Каменного гостя» его же (Дон-Жуан и Донна Анна) и вокально-оркестровой части. Драматическому отделению предшествовала лекция (conférence) о русской литературе. Лектор начал прямо с Жуковского, остановился несколько дольше на Пушкине и перешел к новейшей литературе, «знаменитейшего представителя которой, — закончил он, — мы имеем честь видеть в стенах этого зала».⁷⁶

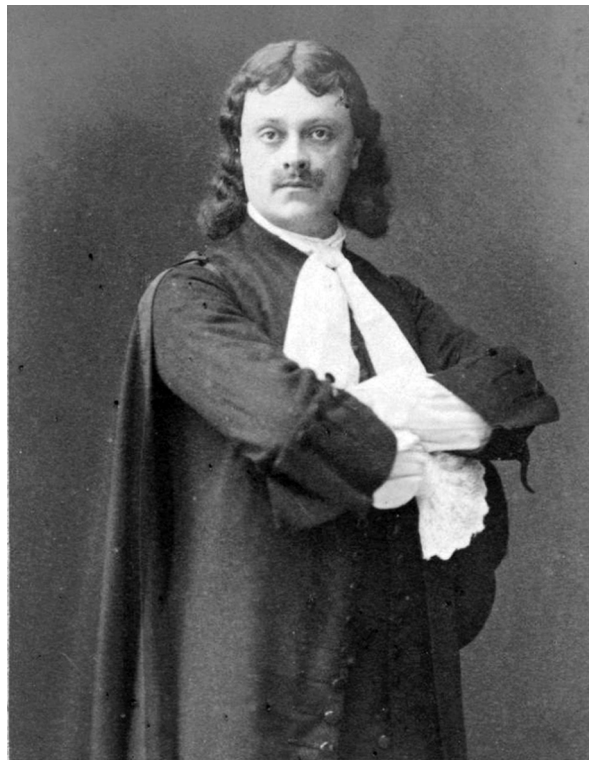
С этими словами лектор обернулся с поклоном к нашей ложе, где позади дам сидел Тургенев. Публика встала; раздались дружные аплодисменты. Тургенев вынужден был тоже встать и раскланяться. Аплодисменты продолжались довольно долго, и довольно долго Тургенев не садился и поклонами благодарил публику.

Наконец, все успокоилось. Занавес поднялся. Казалось бы, после такой овации другой, менее непосредственный человек отнесся бы или, по крайней мере, пытался бы отнестись снисходительно к исполнению, но Тургенев не допускал искажения произведений того, кого он считал светочем России, русского народа, русской литературы... А исполнение «Русалки» было жалкое... Особенно комическую фигуру представлял Князь — жиденький французик в каком-то шутовском костюме, не то кучерском, не то цыганском, с его забавным размахиванием рук и непрерывным встряхиванием головы... Мы с трудом удерживались от смеха. Тургенев не смеялся. Сжимаемая кулаки, он, не стесняясь, громкими, резкими восклицаниями выражал негодование и, только уступая нашим просьбам, согласился... не замолчать, а выйти из ложи.

Дон-Жуан (Муннэ Сюлли⁷⁷) своею поистине великолепною фигурой, звучным голосом и страстною, хотя и несколько мелодраматичною дикцией, проявив и увлечение, и вдумчивость в творении Пушкина, примирил до некоторой степени Ивана Сергеевича с русским музыкально-драматическим утром и заставил его молча прослушать сцены из «Каменного гостя» до конца.

---

^{*} «Дым». — Примеч. Бларамберг.

Анри Дюпон-Вернон. Фотография Надара

Между тем получились последние исправленные корректурные листы первой части «Нови». Иван Сергеевич передал их мне для прочтения; само собою разумеется, не мне одной оказывал он такую честь, что и свидетельствует следующая его записка:*

Париж,
50, Rue de Douai.
Суббота, 20-го янв.

Сделайте одолжение, передайте подателю сей записки, г-ну Веретенникову,⁷⁸ тот экземпляр первой части моего романа, который находится у Вас.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.⁷⁹

---

* Адрес на конверте: Mademoiselle Blaramberg.

21, Rue Duperré
de la part de J. Tourgénéff. — *Примеч. Бларамберг.*

Вскоре вслед за тем познакомилась я в корректурных же листах и со второй частью «Нови».⁸⁰

Припадок подагры продержал Тургенева несколько дней в постели. Мы свиделись за воскресным обедом.

После обеда, когда в салоне начали собираться посторонние посетители, Иван Сергеевич подсел на стул сзади меня в уголке за роялем и вполголоса спросил:

— Ну что?

— «Новь»?.. Чудесно!.. Прочитано в один присест, запоем... Но...

— Но Вы не удовлетворены?

— Но «они» Вам чужды.

Иван Сергеевич понял, что говорится об Остродумове, Маркелове и др.

— И в душе несимпатичны... Помимо воли Вы отнеслись к ним холодно...

— Может быть, может быть, — сказал он, будто несколько огорченный.

К нему подошли. Наш разговор о «Нови» не возобновлялся... Припоминая эту краткую, ярко, со всеми деталями места, где она происходила, внедрившуюся в память беседу, меня поражает в то прошлое время — недостаточно мною оцененное трогательное смирение, с каким всемирно известный писатель выслушал мнение лица, сравнительно молодого, во всех отношениях неопытного и которое не могло иметь никакого авторитета в его глазах...

Газетные и журнальные отзывы о «Нови» известны. Тургенев видел в них подтверждение той непопулярности, которая, по его мнению, продолжала господствовать вокруг его имени в русском обществе...

В самый разгар сезона в салоне г-жи Виардо, по примеру прежних лет, состоялось литературно-музыкальное утро в пользу русской библиотеки в Париже. Салон наполнился многочисленной русской публикой.

Г-жа Виардо исполнила романс Чайковского «Нет, только тот, кто знал свиданья жажду», со свойственной ей страстью, выразительностью и безукоризненной дикцией.⁸¹ Тургенев прочитал отрывок из «Дыма»: «Встреча на станции Литвинова с братьями Губаревыми» и сцену бегства из дома Сипягина Марианны с Неждановым.

Комические сцены удавались ему лучше лирических. Читал он, однако, вообще превосходно, просто и отчетливо. В числе исполнителей находились Поль Виардо (скрипка)⁸² и, если не ошибаюсь, С. И. Танеев — рояль.⁸³ Успех утра был во всех отношениях огромный. Мы, домашние и притом не платные слушатели, изображая из себя раёк, скучились в смежной столовой и, кто стоя, кто сидя на столе, — стулья все были вынесены в залу, — выражали свой восторг неистовыми аплодисментами. Иван Сергеевич неоднократно кланялся в нашу сторону, что, разумеется, вызывало новые

клики и аплодисменты, которые подхватывала и степенная, чопорная публика первых рядов.

Однажды в Париже, войдя днем в кабинет Тургенева, я застала у него даму, очень полную и высокую, с круглым, чисто русским лицом, господина с обликом французского капиталиста и двух детей, от 3-х до 6-ти лет: мальчик и девочка.

— Дочь моя, зять и внуки, — заметил Иван Сергеевич своим ровным, ленивым голосом, представляя меня поднявшейся с дивана даме и ее семье.

Дочь Тургенева по смерти ее матери была взята восьмилетним ребенком г-жой Виардо и воспитывалась со старшей ее дочерью Луизой, в замужестве г-жа Эритт. Получив хорошее воспитание и хорошее приданое, она вышла замуж за фабриканта и, проживая вдали от Парижа, изредка навещала отца. Кроме русского лица да голоса слегка нараспев ничто не выдавало ее происхождения. России она, конечно, не помнила.⁸⁴

В апреле 1877 года я вернулась в Москву, а в начале июня того же года Тургенев приехал в Петербург.⁸⁵ Прожив большую часть молодости в Петербурге и за границей, я не знала вовсе русской деревни, и мне вздумалось пожить некоторое время в Спасском, о чем я и написала Ивану Сергеевичу. Прилагаю его ответ:

С.-Петербург. Большая Конюшенная,
д. Петропавловской церкви,
у г-жи Булье, кварт. 15.
1/13-го июня 1877.

Любезнейшая Елена Ивановна,

Я только вчера вечером получил Ваше письмо⁸⁶ — так как оно было адресовано в Hôtel Demouth — а я живу в «chambres garnies».[†] — С великим удовольствием соглашаюсь на Вами изъявленное желание — и предоставляю Вам весь мой деревенский дом в Спасском, спальное и столовое белье и пр. — Но пища? — У меня там нет ни повара, ни чего подобного. — Если хотите, я немедленно спишусь с моим управляющим,⁸⁷ который живет во флигеле рядом, и спрошу его, не захочет ли он взять Вас en pension[‡] — насчет продовольствия столом, чаем и т. д. — Сам я, вероятно, в деревню не поеду — а останусь всё время в Москве — куда я прибуду непременно в воскресенье — и где я тотчас Вас отыщу. — Но Вы ответьте мне сюда немедленно. Ваше письмо меня еще застанет.⁸⁸ — Мне весьма досадно, что мой ответ — не по моей вине — замедлился — и я пишу уже Вам по адресу г-жи Мамонтовой.

До скорого свидания; дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.⁸⁹

[†] «меблированных комнатах» (франц.).

[‡] на пансион (франц.).

В назначенный день Иван Сергеевич в Москву, однако, не приехал. Он писал мне:

С.-Петербург. Большая Конюшенная,
д. Петропавловской церкви,
у г-жи Булье.
Пятница, 10/22-го июня 1877.

Любезная Елена Ивановна,

Причина моего замедленного прибытия в Москву — грипп, схваченный мною четыре дня тому назад — по милости здешней прелестной погоды; я еще сегодня не выхожу — но так как мне лучше — то надеюсь выехать завтра — или уже никак не позже воскресения. — Я Вам тотчас дам знать; и так как я в деревню не поеду — а выпишу в Москву немедленно моего управляющего — и Вам тогда будет легко уговориться с ним насчет пенсионера. — Я, с своей стороны, «повлияю» на него — и, конечно, дело сладится.

Итак, до скорого свидания. Жму Вам дружески руку и остаюсь
преданный Вам Ив. Тургенев.

P. S. Вы уже, конечно, знаете, что 1-ая часть Вашего романа печатается в июльской книжке «Вестника Европы».⁹⁰

Здесь кстати сказать, Тургенев отличался чрезвычайной мнительностью; и мнительность эта доходила до крайних пределов, когда он приезжал в Россию. Приступы подагры, слухи о какой-либо болезни, принявшей эпидемический характер, особенно призрак холеры заставляли его немедленно бросать дела, задуманные планы и поспешно возвращаться летом — в Буживаль, зимой — в Париж.

В следующем письме он пишет:

С.-Петербург. Большая Конюшенная,
д. Петропавловской церкви,
у г-жи Булье.
Воскресение, 10*/22-го июня 77.

Любезная Елена Ивановна,

На бедного Макара все шишки валятся. И поделом ему: зачем в Россию ездить? — Со вчерашнего дня у меня жесточайший припадок подагры — я не знаю, когда встану — и уже о московской поездке думать нечего. — Я выписал сюда моего управляющего, поговорю с ним о Вашем намерении, дам ему Ваш адрес — и он на обратном пути заедет к Вам в Москву и окончательно с Вами условится.

---

⁹⁰ Число выставлено ошибочно. На штемпеле стоит: Петербург 12-го июня. 10-м числом июня помечено предшествующее письмо от пятницы. — *Примеч. Бла-рамберг.*

Как только мне возможно будет, я удеру в Буживаль. — Но когда? Вот в чем вопрос.

Жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.⁹¹

Несколько дней спустя он писал:

С.-Петербург.

Пятница, 17/29-го июня 77.

Любезнейшая Елена Ивановна, податель сей записки есть мой управляющий, Николай Александрович Щепкин, который приезжал ко мне сюда в Петербург и с которым я говорил о Вашем желании быть у него на пенсии во время Вашего пребывания в Спасском. — Он показал мне совершенную готовность — и, конечно, весьма скоро сойдется с Вами в условиях. Так как он на днях должен жениться — то ему и без того приходилось расширить свое хозяйство.⁹² Он же Вам объяснит, какая ближайшая дорога с железного пути до Спасского и т. д.

Я ему сказал, чтобы он предоставил Вам весь мой флигель в распоряжение.

Я получил Ваше письмо (последнее). С Рагозиным⁹³ я еще не говорил — но, как только узнаю его решение — которое не может не быть в Вашу — так как оно в его пользу (насчет писем Луизы*) — передам Вам. Стасюлевичу я сказал о Вашем желании насчет оттисков — и он очень сожалел о том, что Вы его не выразили раньше — он бы с удовольствием напечатал несколько отдельных оттисков; — но теперь уже июльская книга набрана и ни одного лишнего экземпляра нет. Посылку Луизы, на которую пришла повестка, я доставил в целости.

Моей ноге лучше, но я решительно не могу сказать, когда буду в состоянии выехать. — Дней 10 еще пройдет — но тогда я уже прямо пушусь в Париж — или, говоря точнее — в Буживаль.

Желаю Вам всего хорошего, здоровья и деятельности — (спокойствие у Вас в Спасском будет — и воздух хороший).

Жму Вам крепко руку и остаюсь

искренне Вам преданный Ив. Тургенев.⁹⁴

После кары, постигшей его за известное письмо по поводу кончины Гоголя,⁹⁵ Иван Сергеевич прожил в Спасском около двух лет безвыездно. Затем до 1880 года он наезжал почти ежегодно, но всегда на более или менее короткий срок.

Благодаря, однако, всегда возможному приезду владельца, и дом, и сад содержались в порядке.

Собственно главное здание давно уже сделалось жертвой пожара. Уцелел флигель о восьми комнатах с мезонином, носивший название при жизни

---

* Г-жа Луиза Эритт предлагала посылать музыкальные письма в фельетоны газеты «Наш век», издававшейся в 1877 г. под редакцией Е. И. Рагозина и Шаврова. — *Примеч. Бларамберг.*

матери Ивана Сергеевича «музыкантского», да в мезонине, где по ветхости полов и потолков никто не жил и где собрана была разная рухлядь, насчитывалось три или четыре комнаты.

Сгоревший дом с разбитым перед ним цветником стоял против церкви, отделенной от сада чугунною решеткой. Двое ворот, одни — в сад, другие — на проезжую дорогу, служили въездом в церковную ограду, из сада — владельцам Спасского и их домочадцам, с дороги — остальным прихожанам. Флигель же, как продолжение фасада, приходился сбоку.

Следы пожарища исчезли. Место, на котором стоял дом, заросло деревьями, но площадка с цветником осталась; сохранилась и старинная церковь; сохранился в 1877 году в прежнем виде и флигель, в котором Тургенев задумал и частью написал «Записки охотника», «Рудина», «Дворянское гнездо», «Накануне», заканчивал «Отцов и детей».

Обстановка флигеля была старинная. В гостиной — широкие, мягкие, зеленым сафьяном обтянутые диваны, позволяющие лечь и вдоль и поперек; удобные и тоже широкие кресла с мягкими налокотниками и валиками для головы. Массивные преддиванные столы, горка с остатками старинных чашек и безделушек; тяжелые зеленые занавеси на окнах, устойчивые, работы крепостных столяров ломберные и шахматные столики.

Гостиная с одной стороны имела выход в кабинет Ивана Сергеевича, с другой — в столовую. Одна из дверей столовой вела на балкон с колоннами и широким крыльцом, по низким, временем источенным ступенькам которого сходили в сад.

Кабинет был одновременно и спальней писателя. Ширмы, обтянутые малиновой тафтой, заслоняли кровать. Между двух окон, выходивших в сад, на скрытую густой порослью церковную ограду, стоял по длине комнаты письменный стол.

Смежная с кабинетом узкая проходная комната, уставленная мебелью из карельской березы и книжными шкафами, носила название «Казино». Три двери: одна — в кабинет, другая — на низенькое крыльцо в сад, третья — в большую, очень светлую комнату с биллиардом посредине и библиотечными шкафами из ясеневоего дерева вдоль всех стен от полу до потолка. Шкафы эти заключали более 2-х тысяч томов полных собраний сочинений писателей XVIII столетия, преимущественно энциклопедистов, а также русских старинных изданий и журналов.

В шкафах «Казино» были собраны европейские классики. Особенною полнотою отличалась немецкая литература XVIII и XIX столетий.⁹⁶

Флигель с его домашним обиходом находился в 1877 г. в ведении Захара, старого камердинера Тургенева.⁹⁷

Он же, Захар, с женой и молоденькой дочерью, был приставлен ко мне для личных услуг.

Подавая чай или обед, Захар, — старинной выправки человек, высокий, худощавый, пожилой, с бельмом на глазу, — становился в дверях и, заложив одну руку за спину, охотно вступал в беседу, причем с благоговейной нежностью говорил об Иване Сергеевиче, которого он в молодые годы сопровождал и в Петербург, и в Москву, и с почтительною иронией докладывал о «мамаше их» Варваре Петровне.

В 1877 году Спасское, как село, так и помещичий дом и вся усадьба, были полны еще воспоминаниями о Варваре Петровне Тургеневой, урожденной Лутовиновой.*⁹⁸

Иван Сергеевич только вскользь упоминал об отце, умершем рано,⁹⁹ но о матери, на много лет пережившей своего мужа С. Н. Тургенева, он говорил пространно.

— Это была неглупая, для своего времени довольно образованная, но бессердечная, взбалмошная женщина, — рассказывал он. — Я никогда ее не любил, а она презирала меня за слабость характера вообще, а за писательство в частности... Русской литературы она не признавала, зная только французскую...

Неоднократно в своих произведениях изображал он мать свою. Черты ее характера рассеяны в рассказах: «Муму» (барыня), «Постоялый двор» (Лизавета Прохоровна), «Первая любовь» (мать героя). Кстати, последний рассказ он считал лучшим своим произведением.

«Все это лично пережито», — заметил он как-то раз.

Художественно очерченный образ, казалось, витал и в бывальщинах Захара и других старожил, и в причудливых названиях комнат: Казино, Монтекристо, — так почему-то именовался мезонин, где в ранней юности жил с братом Иван Сергеевич, — и в бильярдной, где, восседая на возвышении, Варвара Петровна принимала доклады и прошения подданных и изрекала свои приговоры...^{**},¹⁰⁰

Анекдотов о властной самодурке-помещице ходило множество, составляя резкий контраст с былью и небылицами, которыми уснащались рассказы об ее знаменитом сыне... В первых преобладали черты жестокости, самоуправства, властолюбия, эгоизма и невнимания к правам человека, будь то родной сын или «раб»; во вторых — черты гуманности, мягкости, подчас излишней, доверчивости, подчас наивной, и ни одной черты, унижающей человеческое достоинство.

В рассказах ли Захара, или дряхлого дворового, бывалого охотника, послужившего прототипом Ермолаю («Записки охотника»),¹⁰¹ или не менее

---

* Спасское принадлежит роду Лутовиновых и в записях именуется: Спасское-Лутовиново. — *Примеч. Бларамберг.*

** «Собственная господская контора». Отрывок из неизданного романа. — *Примеч. Бларамберг.*

дряхлой богаделки, знавшей «благодетельницу» Варвару Петровну и умилявшейся над ее барской добродетелью, а попутно восхвалявшей сынка благодетельницы «ясного сокола, батюшку нашего Ивана Сергеевича»... или в повествованиях испитого фельдшера, бывшего крепостного Варвары Петровны,¹⁰² — личность Тургенева являлась всегда светлою, ясною, ничем не запятнанною...

Вспоминалось, как Варвара Петровна, совершая туалет по соседству с гостиной, наполненной гостями, ожидавшими выхода хозяйки, приказывала слуге вертеть около нее рукоятку шарманки, чтобы музыкой заглушать плески воды; или как в холерный год, страшась холеры, но считая нужным лично обозреть свои владения, она, узнав от фельдшера, что зараза жидется в воздухе, велела смастерить стеклянный шкаф, в шкаф поместить кресло и, сидя в этом шкафу, поставленном на носилки, торжественно появлялась в селе Спасском; причем однажды встречный мужичок вообразил, что несут икону, набожно простерся ниц перед шкафом и положил грошик на его выступ, вызвав тем сильный гнев Варвары Петровны и приказание бурмистру немедленно забрить лоб несообразительному мужичонке...

В стенах, где одновременно с этими анекдотами шли описания физических и нравственных истязаний подвластных людей, — в этих самых стенах созидалась эпопея крепостного права — «Записки охотника», — несомненно, ускорившие его уничтожение.

Тенистый сад раскидывался перед флигелем, охватывая его с трех сторон. Липовые аллеи, пруд, купальня, сиреневые заросшие беседки были обычно принадлежностью старинных помещичьих садов, но здесь каждый уголок этого заглохшего, задумчивого сада носил как бы отпечаток целого ряда годов, прожитых под его сенью Тургеневым в различную пору жизни.

— Эту вот аллею, — говаривал Захар, почтительно следуя за мной по саду, — Иван Сергеевич сами насадили... Каждое дерево собственными руками сажали... В этой беседке часто, когда приедут, сидят с книжкой... А вон на той скамейке, что под двумя братьями, — так называлась оригинальная ель, двойной ствол которой, сплетясь, рос из одного корня, — частенько в прежнее время, когда Иван Сергеевич подолгу в Спасском проживали, сиживали гости: Панаев, Некрасов, Григорович, Полонский, Шеншин, — они же Фэт... Граф Лев Николаевич Толстой тоже, бывало, наезжали...¹⁰³

Много рассказывал Захар об этих «гостях». В его бесхитростных характеристиках образы писателей, которые в то время почти все еще были живы, всплывали из далекого прошлого и, казалось, вновь одухотворяли заветный спасский сад, свидетеля мечтаний юного Тургенева и полного впоследствии расцвета его таланта и душевных сил.

В Спасское Тургенев писал мне:

Буживаль. Les Frênes.

Пятница, $\frac{3\text{-го авг.}}{22\text{-го июля}}$ 77.

Любезнейшая Елена Ивановна,

Я бы давно отвечал на Ваше дружеское письмо¹⁰⁴ — если бы не новый подагрический припадок, который с неделю продержал меня в горизонтальном положении и от которого я едва оправляюсь. — Я очень рад, что Спасское Вам понравилось — и только сожалею о том, что дурная погода мешает Вашим прогулкам и в виде дождя даже врывается под ветхий кров моего дома. Я радуюсь также тому, что Вы довольны вниманием моего управляющего и его семейства, и надеюсь, что Ваше пребывание в деревне отзовется благоприятно и на Вашем здоровье, и на Вашей деятельности.

К великой нашей общей досаде, № «Вестника Европы», в котором находится первая часть Вашего романа, до сих пор не прибыл в Париж (первый пример неаккуратности с тех пор, как я состою сотрудником этого журнала!). — Если он скоро не отъявится — я напишу об этом Стасюлевичу.

Из писем Луизы Вы, наверное, до подробности знаете все, что у нас здесь совершается.¹⁰⁵ — Все обстоит благополучно, она работает безустанно — так же как и ее мать — а остальные все бездействуют — начиная с меня.

Это полусонное, впрочем очень приятное, существование было на днях прервано горестными известиями с театра войны. — Я должен сказать, что давно не испытывал такой патриотической скорби; — предчувствия, самые мрачные, меня терзают. — Я предвижу катастрофы, всяческие унижения и беды, из которых, по-моему, самая малая — окончательное падение славянских надежд. Повторится то, что произошло в Малой Азии; но повторится ли то, что совершилось после Крымской кампании?

Вот чем должно было всё разыграться!

Прощайте; — желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.¹⁰⁶

В Спасском, близ церкви, через дорогу, находилась богадельня, построенная еще при Варваре Петровне. Здесь в 1877 году доживали свой век несколько старух.¹⁰⁷ Не раз заходила я к ним и беседовала об их нуждах и о старине. Благодаря ли вниманию, меня окружавшему, или по другой причине, но богаделки решили, что я — дочь Ивана Сергеевича и прямая его наследница. Толки эти распространились и по селу Спасскому... Иная баба, встречая меня на селе, зазывала к себе, потчевала, чем могла, и, умильно покачивая головой, заявляла, что будто весь народ, когда видит меня в церкви, думает: «И лицом-то она вся в тятеньку свою, барина нашего Ивана Сергеевича».

Мои протесты ни к чему не вели. «Скрывает!» — говорили бабы, хитро подмигивая друг другу. Конечным же выводом слагавшейся, помимо моей воли, легенды являлись просьбы и обращения ко мне со всякими нуждами.

О некоторых просьбах я сообщала Ивану Сергеевичу. Он писал в ответ:

Bougival (Seine & Oise).
Les Frênes.
Понедельник, 27/15-го авг. 77.

Любезнейшая Елена Ивановна,

Мне действительно известна кандидатка в богадельню — о которой Вы говорите — и я не вижу препятствий ее поступлению на открывшуюся ваканцию. Будьте так добры и сообщите об этом Щепкину.

К крайней моей досаде — последние два N-а «Вестника Европы» — именно те, где находится Ваш роман — доселе не прибыли в Париж.¹⁰⁸ Не могу понять, чему должно приписать это отступление от обыкновенной аккуратности. Я хотел довести это до сведения Стасюлевича — я его ежедневно ожидал здесь — и он — точно — был здесь 24-го числа в мое отсутствие и оставил карточку — но, вероятно, уехал за женою в Диепп. Я решился сегодня же написать прямо в редакцию.

Я очень рад, что Спасское продолжает Вам нравиться. — Меня очень трогает то, что Вы говорите о чувствах спасских жителей ко мне: одним доказательством больше — как легко заслужить любовь русских крестьян. Вся моя заслуга состоит в том, что я им никогда не делал зла — и даже, по мере возможности, делал немножко добра, которое, в сущности, ничего мне не стоило — и не лишало меня ни единой прихоти. — Легенда о нашем родстве — очень для меня лестная — вероятно, имеет основанием тот факт, что Вы: Ивановна; впрочем, она служит доказательством, что Вы крестьянам нравитесь; — вот они и приурочили Вас ко мне. — Я уверен, что пребывание Ваше в деревне будет полезно Вам и с литературной точки зрения: набирайтесь как можно больше впечатлений — но не думайте — пока — передавать их. — Это придет со временем. Резервуар не может в одно и то же время набирать в себя воду и выпускать ее. — «Записки охотника» накопились во мне целых 10 лет.

Я не сомневаюсь в том, что г-жа Якушкина* Вам придется Вам^φ по сердцу; это умная, дельная и энергичная женщина.¹⁰⁹

Я бы не желал говорить с Вами о наших военных делах... Слишком всё это скорбно, горько и постыдно. В противность ожиданиям наших бедных орловцев — я предвижу самые тяжелые катастрофы... И они частью уже осуществились. — Такое ведение войны — невысказимо, безобразно... Но на бумаге этого не выскажешь. Результат будет хуже Крымской кампании... Быть может, это несчастье, так же как и тогда, послужит нам в пользу — со временем.

Довольно об этом.

Мы здесь теперь очень одиноки. Все наши дамы на морских купаньях. — Впрочем, г-жа Виардо возвращается сегодня.

Луиза здорова и работает с необычайной настойчивостью.

Будьте здоровы и Вы тоже. — Желаю Вам всего хорошего и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.¹¹⁰

---

* Предшествующее письмо, в котором Иван Сергеевич между прочим рекомендует мне познакомиться с Елизаветой Мардарьевной Якушкиной, утрачено. Усадьба Е. М., Старухино, находилась в семи верстах от Спасского. — *Примеч. Блаرامберг.*

^φ Так в подлиннике.

Иван Сергеевич обладал редкою способностью проникаться настроением чужого художественного произведения, воспринимать и отмечать то, что в нем было истинно прекрасного. Но никто из современных ему писателей не ставился им на такую высоту, как граф Лев Николаевич Толстой.

О бывших между ними недоразумениях Тургенев упомянул как-то раз, и то вскользь, не входя в подробности.

В 1878 году, приехав в начале августа в Москву, он навел меня в редакции «Русских ведомостей»,¹¹¹ где я в то время работала, и первым делом сообщил, что написал Льву Николаевичу о своем желании навестить его в Ясной Поляне и уже получил радушно приглашение приехать.¹¹²

«Вы не можете себе представить, как я рад этой поездке, — говорил он. — Я уверен, что теперь всем недоразумениям конец... С моей стороны, по крайней мере, все давно забыто.¹¹³ Я немедленно еду и уж из Ясной Поляны проеду в Спасское. Что Вам привезти на память из Спасского?.. Издание Жорж Санд, что в шкафу Казино? Прекрасно; не забуду... Привезу с удовольствием».¹¹⁴

Несколько дней спустя пришло письмо:

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловская губ., город Мценск).
Пятница, 11/23-го авг. 1878.

Любезнейшая Елена Ивановна, я приехал сюда вчера рано утром — (я прогостил почти два дня у Л. Н. Толстого) — и не только не нашел здесь ни одного письма из-за границы — но и сегодня мне с почты ничего не привезли. — Это меня беспокоит. — Следовало бы, по расчету, предположить, что г-жа Виардо 10 дней сряду ко мне не писала — чему трудно поверить — притом она была больна... Если Вам что-нибудь известно — так как Вы очень часто переписываетесь с Луизой¹¹⁵ — то будьте так добры — дайте мне знать хотя двумя словами. — Я почему-то очень встревожен и предаюсь разным нехорошим предчувствиям.

Заранее благодарю Вас, крепко жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

P. S. Здесь все Вас помнят и велят Вам кланяться.¹¹⁶

По возвращении из Спасского он приехал ко мне снова в редакцию «Русских ведомостей» с большим томом сочинений Жорж Санд, издания 1838 г., в руках.

Сообщив о полученных письмах из Буживаля, вполне его успокоивших, он заговорил о поездке в Ясную Поляну. По-видимому, свидание с Львом Николаевичем удовлетворило его во всех отношениях, мало того, — придало ему какую-то особую бодрость.¹¹⁷ По крайней мере, никогда не видела я его таким веселым и помолодевшим, как в этот его приезд.

Мы часто встречались у А. Ф. Писемского и предприняли несколько совместных поездок, между прочим в Абрамцево по Ярославской железной

дороге, близ ст<станции> Хотьково, к г-же Мамонтовой, с которою он желал познакомиться, и в Кунцево — к Павлу Михайловичу Третьякову.

В Абрамцеве Тургенев бывал в молодости у Сергея Тимофеевича Аксакова, и ему хотелось вновь увидеть ту узкую, извилистую речку, на берегу которой он с автором «Семейной хроники» предавался ужению рыбы, тот дом, где проживала тесно сплоченная, дружная, патриархальная семья, где он вступал в горячие споры с Константином Аксаковым, с одной стороны приводившим его, молодого западника, в негодование ультраславянофильским мирозерцанием, а с другой — в умиление перед сыновним культом престарелого отца, «и где на старом аксаковском пепелище водворились новые люди, новая жизнь»...¹¹⁸

Об Аксаковых, отце и сыновьях, Константине и Иване Сергеевичах, заговорил он снова, когда поздно вечером, после блестящего приема и не менее блестящих проводов, устроенных ему владельцами Абрамцева, мы остались одни в вагоне, и, как всегда, едва намеченными образами вызывал целые картины пережитых им впечатлений и яркие характеристики сошедших в могилу лиц...

Припоминается мне эпизод со щукой... Иван Сергеевич с обычным юмором начал было рассказывать, как он в один из своих приездов в Абрамцево поймал большую щуку, как он волновался, хватая щуку, упавшую с лесой на траву и бившуюся в тщетных усилиях сорваться с крючка, и какое непритворное огорчение и зависть к удаче своего молодого товарища испытывал Сергей Тимофеевич — страстный рыболов, — у которого в этот день клевала только мелкая, ничтожная рыбешка...

Рассказ этот со всеми подробностями местности неожиданно прервался. Слабый вздох донесся до нас с противоположного конца отделения, куда на одной из промежуточных станций близ Москвы вошла дама под вуалью.

Услышав вздох, Тургенев оглянулся. Дама, сидя спиной к нам, смотрела в окно и время от времени прижимала руку к виску.

— Не больна ли? — наклонясь ко мне, шепнул Иван Сергеевич. — Может, холера?

Я рассмеялась. Добродушно смеясь в свою очередь, он, однако, пошарил в ручном мешке, вытащил флакон о-де-колона, с которым никогда в пути не расставался, окропил меня, себя, наши диваны и украдкой брызнул несколько капель в сторону все в той же позе неподвижно сидевшей незнакомки и затем, убрав флакон, продолжал рассказ.

Вскоре после поездки в Абрамцево мы условились ехать в Кунцево.¹¹⁹

Приехав к нему в назначенный час в квартиру управляющего удельною канторой И. И. Маслова, у которого Иван Сергеевич всегда останавливался,¹²⁰ я застала у него пожилую даму, всю в черном, небольшого роста, худощавую, с очень быстрыми темными глазами и порывистыми движениями. То была мать Скобелева. Язвительно и резко заговорила она, после

того как Иван Сергеевич меня ей представил, о происках и интригах, жертвой которых, по ее словам, сделался ее прославленный сын в русско-турецкую войну...

«Ему всем обязаны, — закончила она, — а между тем наградой ему была только клевета, клевета, клевета!»...

Она говорила стоя, с большим волнением, и не только резкие черты лица ее, но и узкие плечи и руки, — все находилось в движении. Иван Сергеевич внимательно слушал, по обыкновению запечатлевая в памяти особенности жестов, речи, выражения лица...

Не думал он, что дни этой не по летам подвижной, пылкой, честолюбивой, энергичной женщины уже сочтены... «Паломничество к любимому писателю», как она сама именовала свое посещение его, оказалось последним... Она была ограблена и зверски убита, как известно, в предпринятую ею поездку в славянские земли.¹²¹

Визит г-жи Скобелевой затянулся, и уже стемнело, когда мы сели в карету, чтобы ехать в Кунцево. Темнота усилилась набежавшими облаками. За разговором мы не заметили, что начал накрапывать дождь. Вдруг он хлынул, как из ведра. Мы уже доехали до Кунцева, но кучер повернул не туда, куда следовало, и, въехав в какой-то узкий переулок, объявил, остановив лошадей, что не знает, в какую сторону надо теперь свернуть. Тургенев, всю дорогу балагуривший и смешивший меня анекдотами, высунулся наполовину в окно и начал вопить тоненьким голоском:

«Помоги-и-те! Помоги-и-те!»

Со всех дачных дворов поднялся неистовый лай собак. В опущенное с моей стороны стекло просунулись растерянные лица двух дворников, а за ними испуганно заглядывали в карету чьи-то другие лица. От смеха я не могла слова вымолвить, а Тургенев, потешаясь произведенным переполохом, все еще вопил, высунувшись в окно: «Помоги-и-те!».

С дворниками, ночными сторожами на козлах, подножках и на запятках въехали мы в ворота дачи Третьяковых, от которой, как оказалось, мы были всего в нескольких шагах.

Комический эпизод привел Ивана Сергеевича в самое веселое настроение, и весь вечер держал он под властью своего мягкого, незлобивого юмора осчастливленных его приездом хозяев и их домочадцев.

Вскоре после того он уехал в Буживаль.

В январе 1879 года, поднимаясь по лестнице в помещение петербургского Кружка художников, где в тот вечер выступала в «Грозе» Стрепетова,¹²² я неожиданно увидела впереди себя Тургенева, предполагавшего приехать в Петербург только весной. Для него мой приезд из Москвы был также неожидан. Разговаривая, мы вошли в театральную залу, переполненную публикой. Лишь только высокая фигура Тургенева появилась в дверях, какой-то трепет и шепот пронесся по рядам стульев; все начали вставать, и зала раз-

разилась аплодисментами. Тургенев, несколько озадаченный, на мгновение остановился, потом заторопился двинуться вперед вслед за распорядителем, сопровождаемый дружными аплодисментами.

— Что это? — сказал он мне взволнованным голосом. — Настроение будто изменилось.

Изменившееся, по его мнению, настроение еще ярче выразилось в Москве, где в феврале он согласился читать на заседании Общества любителей российской словесности. Бурными, долго не умолкавшими аплодисментами встретили его, лишь только он взошел на эстраду, и восторженными овациями благодарили за чтение, по окончании которого на эстраду вошел студент и, поднеся Ивану Сергеевичу лавровый венок, произнес краткую прочувствованную речь. Тургенев положил венок к подножию находившегося на эстраде бюста Пушкина и ответил несколькими словами, вызвавшими новую бурю восторгов.¹²³ Студенты толпой, кликами и аплодисментами провожали писателя по коридорам до швейцарской и высыпали бы на улицу, если бы полиция не поспешила закрыть дверь, когда Тургенев вышел на подъезд. Пристав предупредительно и почтительно подсадил Ивана Сергеевича под руку в карету.

— С честью провожают! — смеясь сказал он, когда дверка кареты за нами захлопнулась.

Голос его дрожал. Он откинулся в угол кареты и, против обыкновения, молчал, сказав только, как бы про себя:

— Мог ли я это предвидеть!

А. Ф. Писемский ожидал нас после заседания к ужину.¹²⁴ Но и за ужином Тургенев был менее разговорчив, чем всегда. Он казался утомленным, и только глаза его светились каким-то необычным радостным светом.

4-го марта в Благородном собрании был дан вечер с благотворительной целью и с участием Ивана Сергеевича. Появление писателя было встречено *стоя* и восторженными продолжительными аплодисментами. И здесь студент, взойдя на эстраду, поднес большой лавровый венок и сказал приветствие от лица своих товарищей, — приветствие еще более теплое, чем то, которое выслушал Иван Сергеевич в Обществе любителей словесности.

Ответная его речь в свое время дословно была напечатана во всех ежедневных изданиях. Он прибавил после взрыва аплодисментов, что таких оваций, такого венка не удостоивались при жизни великие его литературные учителя, Пушкин и Гоголь, и он просит позволения обратиться на них доставшееся на его долю приношение.¹²⁵ Но молодежь, в лице своего оратора, горячо настаивала на том, чтобы Иван Сергеевич принял их дар.

6-го марта, как известно, состоялся обед в «Эрмитаже» в честь Тургенева, явившийся сплошной ему овацией.¹²⁶

После этого обеда он еще оставался несколько дней в Москве, но вследствие нового приступа подагры вел жизнь замкнутую.

К этому времени относятся следующие записки:

Буду с удовольствием ожидать Вас завтра в ½ 12-го.

Преданный Вам Ив. Тургенев.¹²⁷

Я лежу на диване и, вероятно, пролежу целый завтрашний день — и со всем тем буду рад Вас видеть.

Ваш Ив. Тургенев.*¹²⁸

Я заставала его одного с закутанною теплыми плéдами ногой, но бодрым и чрезвычайно оживленным. За вечерним чаем с крыжовниковым вареньем, — его любимое варенье, — часы летели незаметно. Он говорил о новой задуманной повести, о своем желании поселиться в Спасском, о решении переделать, перестроить свой старый дом, читал выдержки из писем Марианны об ее блестящем дебюте в концерте Колонна...¹²⁹ Письма эти чрезвычайно волновали его... Не упоминал он только о встреченных им овациях, но и в разговоре, касающемся посторонних предметов, и в выражении просветлевшего лица его видно было, что он переживал в этот свой приезд радостные, счастливые минуты, озарившие лучом солнца закат его жизни.

Перед отъездом в Петербург он написал мне по поводу переданного мною ему желания Е. Г. Мамонтовой навестить его:

Удельная контора.
Вторник.

Любезнейшая Елена Ивановна,

Мне самому весьма хотелось видеться с Елизаветой Григорьевной — и я соби­рался ее навестить; но если она желает ко мне пожаловать — то я буду ждать ее и Вас завтра (в среду) — между 3 и 5-ю часами. Я уезжаю в 8 в Петербург — и потому никто нам не помешает. Впрочем, весьма вероятно, что я на будущей неделе опять вернусь сюда на несколько дней по моему делу.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.¹³⁰

Но он не вернулся... Свиделась я с ним мимолетно в Петербурге в начале 1880 года. Это было наше последнее свидание. Меня не было в Москве в памятные «Пушкинские дни» 1880 г., когда на долю Ивана Сергеевича выпали беспримерные доселе почести и овации.

Года два спустя в Севастополе, где я в то время жила, до меня дошли вести о страшном недуге, постигшем писателя.

---

* Обе записки на маленьких клочках бумаги. Вторая написана карандашом и адресована: «Е. И. Бларамберг у А. Ф. Писемского». — *Примеч. Бларамберг.*

Считаю небезынтересным привести здесь в переводе выдержки из писем ко мне Марианны Дювернуа, урожденной Виардо, о предсмертной болезни Ивана Сергеевича:

Paris, le 6 avril 82.
50, rue de Douai.

...Хорошо, что я не могла тотчас же вам ответить на ваше письмо, так как в ту минуту известия о бедном Тургеневе были бы нерадостны! Он пережил два ужасных месяца в мучительных и непрерывных страданиях, и мы были глубоко огорчены, уверяю вас, видеть нашего бедного друга в таком печальном положении, не имея никакой возможности ему помочь. Несколько дней тому назад произошло значительное улучшение. Пароксизмы прекратились, как по волшебству, он может поворачиваться один на своей постели, спать без помощи сильных наркотических средств, двигаться вправо и влево, чего с ним не случалось уж очень давно; вследствие этого он чувствует себя как бы в раю, и мы с ним, потому что ужасно видеть столь страдающим человека, такого доброго и которого так любишь... Я рада, что могла дать более благоприятные известия о больном, лишь бы только это *улучшение* было серьезно, но так как недуг нашего бедного друга состоит из невралгии и подагры,* то доктора не ручаются за полное выздоровление...¹³²

В одном из следующих писем, сообщив мне о болезни и кончине своего отца, г-жа Марианна Дювернуа пишет о Тургеневе:

Les Frênes, Bougival.
Le 5 mai 83.

...Мы все теперь собрались около нашего дорогого больного Тургенева, который все еще очень плох, однако ему с некоторых пор *немного* лучше, но, к несчастью, всегда надо опасаться возобновления припадков. Не будет ли жара иметь такой же счастливый результат, как и прошлое лето?.. На это мы надеемся и желаем этого от всего сердца... Несмотря на все наши заботы, полные любви, о нем, это желание приблизительно все, что мы можем для него сделать... Какая жестокая болезнь и какого бедного мученика она из него сделала!..

В июле того же года, возвращаясь на север, я захала к соседке Тургенева по имени Е. М. Якушкиной и от нее проехала в Спасское.

Желание свое Иван Сергеевич исполнил: старый флигель подвергся и внутренней, и наружной переделке, и лето 1881 года Тургенев провел в своем обновленном деревенском доме, а Спасское снова, как бывало, оживилось пребыванием многих гостей... Гостили в то лето у радушного хозяина Я. П. Полонский с семьей,¹³³ Всеволод Гаршин,¹³⁴ М. Г. Савина¹³⁵ и др.

---

* Так определяли врачи болезнь Тургенева до приезда д-ра Белоголового. — *Примеч. Бларамберг.*¹³¹

Расположение дома осталось, однако, то же, и тот же неизменный, только несколько постаревший Захар встретил меня. Речь его, когда дело коснулось Ивана Сергеевича, полилась свободно. Слухи о тяжком недуге его барина тревожили верного слугу, и он был полон надежды...

— Иван Сергеевич предполагали приехать в Спасское надолго-с... Они и дом-то перестраивали для долгого житья, — говорил он, следуя за мной, как в былое время, при обходе дома и сада.

Надеждам Захара не суждено было сбыться. Месяц спустя весть о кончине страдальца облетела всю Россию.

Марианна Дювернуа писала мне:

Les Frênes, Bougival.

Le 18 octobre 83.

...Простите, что я так долго не отвечала на ваше письмо. Не знаю, как протекло время, но наша большая печаль и тысяча забот и дел, следовавших за кончиной нашего дорогого друга, безусловно поглотили и наполнили наше существование. Мы находимся еще под гнетом этой жестокой утраты и не можем привыкнуть к мысли, что навсегда должны отказаться от мысли увидеть вновь этого доброго дорогого друга, которого мы так нежно любили и который, в свою очередь, так нас любил. Мысль, что мы могли окружить его заботами до самой его смерти, — слабое утешение для нас... А эта смерть, которую он призывал так давно и которая освободила его от невыразимых страданий, не менее для нас ужасна; и пустота, которую он оставил после себя, неизмерима и никогда не будет наполнена. Мы проживем здесь еще некоторое время, не имея духа покинуть Les Frênes, которые наш дорогой усопший так любил и которые теперь наполнены грустными сладостными воспоминаниями! Мне всегда тяжело входить в шалэ, где наш бедный Тургенев так сильно страдал и где мы проводили такие печальные дни, приходя в отчаяние, что так мало в состоянии облегчить его муки. Он перестал страдать только последние три дня, в то же время потеряв сознание, к счастью, так как я надеюсь и верю, что он не видел приближения смерти, столь близкой и быстрой. Он внезапно и тихо скончался в промежутке двух вздохов. Мы все были около него и никогда не забудем этой торжественной минуты. Он был дивной красоты на своем смертном одре. Его прекрасное лицо, столь похудевшее и изменившееся, приняло выражение спокойствия и улыбки, как при жизни. Мы счастливы, что имеем возможность хранить столь светлое воспоминание об его дорогих чертах, которые мы видели так часто искаженными страданием. Теперь он мирно покоится в своей стране, которую он так любил, но здесь он оставил глубокое и неизгладимое воспоминание, ибо никто его так не знал, как мы, и никто не будет его так долго оплакивать...

Светлым, ничем не омраченным остался и в моей памяти образ Тургенева. Случай, познакомив меня с ним, дал мне возможность узнать его в повседневной жизни, — как человека, душевная доброта и отзывчивость которого соединялись с глубоким высоким умом и обширным образованием, — и как писателя, никогда не поступавшегося своими убеждениями и сохра-

нившего неизменно до конца дней строгое отношение к своему таланту и к своей ответственности перед читателями, перед родиной...

Ташкент.

5-го ноября 1903 г.

¹ *Серов Александр Николаевич* (1820–1871), композитор, музыковед, музыкальный критик. Музыкально-критическая деятельность началась в 1851 г. (обзоры музыкально-театральной жизни в «Современнике»); вместе с женой издавал собственный журнал «Музыка и театр». Основные оперы: «Юдифь» (1861–1862; по одноименной пьесе итальянского драматурга П. Джакометти; постановка: Петербург, Мариинский театр, 16 мая 1863 г.), «Рогнеда» (1863–1865; либретто Д. В. Аверкиева по сценарию композитора; постановка: Петербург, Мариинский театр, 27 октября 1865 г.; под управлением К. Н. Лядова) и «Вражья сила» (по пьесе А. Н. Островского «Не так живи, как хочется»; начата в 1867 г., после смерти композитора опера была завершена вдовой В. С. Серовой и учеником композитора Н. Р. Соловьевым; первая постановка: Петербург, Мариинский театр, 19 апреля 1871 г., бенефис Э. Ф. Направника).

В письме к П. Виардо от 6, 7 (18, 19) января 1864 г. из Петербурга Тургенев сообщал, что вечером 6 января слушал оперу Серова «Юдифь»: «Ну, должен сказать, что это замечательное произведение, несмотря на невыносимые длинноты и неловкости, плачевное исполнение, декорации под стать. Оно происходит по прямой линии от Вагнера — но есть в нем и какое-то дуновение страсти и величия, в котором проявляется музыкальное дарование, очень интересное и даже оригинальное». Знакомство с композитором состоялось на следующий вечер, Тургенев описал его в том же письме: «Он играл нам отрывки из своей новой оперы „Рогнеда“ <...> или я жестоко ошибаюсь, или этот странный и нервный человечек обладает очень большим талантом. В особенности меня привели в восторг два хора и ария юноши истинно моцартовской чистоты...». Поразило писателя и исполнительское мастерство Серова: «Он словно дьявол менял облик перед своим фортепиано и пел невероятным голосом. — Этот Серов — великий колорист и мастерски владеет оркестром» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 368–369. Подлинник по-франц.). Правда, несколько лет спустя в письме от 6 (18) сентября 1870 г. к Я. П. Полонскому Тургенев иначе отозвался о музыке Серова: «Его музыка мне кажется неоригинальной и „высиженной“. А впрочем — я, быть может, ошибаюсь» (Там же. Т. 10. С. 237). Ср. также свидетельство В. В. Стасова, не любившего сочинения Серова: «Тургенев, как и я, мало находил у него дарования и признавал его музыку высиженной, вовсе не оригинальною» (*Т в восп совр (2)*). Т. 2. С. 102). Умер Серов от инфаркта 20 января (1 февраля) 1871 г. После его смерти Тургенев присутствовал в конце февраля — начале марта 1871 г. в Петербурге на одной из репетиций последней оперы композитора «Вражья сила» (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 41).

Жена композитора вспоминала, как Тургенев встречался с ее мужем в Баден-Бадене в августе 1864 г., тогда же они вместе посетили П. Виардо: «Серов в наипрекраснейшем настроении начал снаряжаться к Тургеневу». Позже муж сообщил ей, что «на днях» они отправятся к П. Виардо: «Эту певицу он ценит выше всех знаменитых примадонн; ее ум, оригинальность, образование, — словом, ее гениальность

пленила его в бытность ее в Петербурге. Он даже несколько волновался, собираясь к ней, потому что желал ей сыграть еще неоконченную оперу „Рогнеда“ и узнать ее мнение о ней. На другой день Тургенев пришел к Серову отдать ему визит. <...> Он расспросил подробности о „Юдифи“ и „Рогнеде“ <...> Тургенев предупредил Серова, что <...> у нее (Виардо. — *С. И.*) не хватит времени вникнуть в музыкальные детали оперы, которая заведомо ее очень интересует». Однако реакция П. Виардо оказалась совершенно иной: «Узнав сюжет „Рогнеды“, она пришла в неописанный ужас <...>. Вообще ей сюжет показался неотесанным, суровым, трог сгу (слишком сырым — *франц.*). Не так отнеслась к нему ее старшая дочь (Луиза. — *С. И.*), унаследовавшая у нее частичку ее гениальности: она чудесно, тонко-художественно исполняла роль „Рогнеды“ на Мариинском театре. Правда — она была продуктом другого воспитания и мировоззрения» (*Серова В. С. Серовы, Александр Николаевич и Валентин Александрович. Воспоминания. СПб., 1914. С. 61–62*). См. также: *Ардов-Апрелева Е. Воспоминания об Александре Николаевиче Серове. С. 34–38.*

² *Серова Валентина Семеновна* (урожд. Бергман; 1846–1924), жена композитора А. Н. Серова, мать известного художника и графика В. А. Серова (1865–1911), пианистка, первая женщина-композитор и музыкальный критик в России. В 1867–1868 гг. Серов вместе с ней издавал журнал «Музыка и театр» (вышло 17 номеров), в котором ею был опубликован целый ряд музыкально-критических статей. Автор опер «Уриэль Акоста» (по драме К. Гуцкова, либретто переложено на белые стихи П. И. Бларамбергом; постановка: Большой театр, Москва, 1885 г.); «Илья Муромец» (постановка: частная сцена, Москва, 1899 г.; главную роль исполнил Ф. Шаляпин) и др. После смерти мужа вместе с Н. Р. Соловьевым завершила его оперу «Вражья сила», издала партитуру его оперы «Юдифь», собрала и опубликовала статьи мужа о музыке (в 4 т.). Послужила моделью И. Е. Репину для образа царевны Софьи, см. об этом во вступит. статье.

³ *Эритт Луиза-Полина-Мари* (Héritte; урожд. Виардо; 1841–1918), старшая дочь Полины и Луи Виардо, пианистка, композитор, певица, педагог. Преподавала пение в Петербургской консерватории (1868–1871). В мае 1871 г. исполнила партию княгини в опере Серова «Рогнеда» на сцене Мариинского театра, однако ангажемента не получила. Весной 1872 г. собиралась открыть в Петербурге школу пения, но проект этот не осуществился. В середине 1870-х гг. покинула Россию. Преподавала пение в Германии. Знакомство с Луизой Эритт, которую Бларамберг считала «крупной личностью», и отношение к ней композитора Серова описала в своих воспоминаниях, где отметила, что Серов расхваливал ее как редко образованную музыкантшу, тонкую артистку и весьма интересную особу: «Ничего не могло быть милее, как первый ее приход к нам: с парижской грациозностью и элегантностью, полусушутя, опустилась она перед Серовым на одно колено и сказала: „Pardon, maestro! je ne savais pas, que vous avez écrit une aussi belle œuvre, que votre «Rogneda»! mais je vais réparer ma faute. J’ai l’intention de devenir son interprète sur la scène russe, si vous n’avez rien à contredire!“ (Простите, маэстро! я не знала, что вы написали такую чудную вещь, как ваша „Рогнеда“! но я хочу исправить свою ошибку. Я намерена сделаться ее истолковательницей на русской сцене, если вы ничего не имеете против этого! — *франц.*). (Она действительно прелестно исполнила Рогнеду на Мариинском театре, но уже после смерти Серова)» (см.: *Серова В. С. Серовы... С. 144*). Бларамберг вспоминала о профессорской деятельности Луизы Эритт, когда в начале января 1871 г.,

за несколько недель до кончины автора оперы «Рогнеда», Луиза, будучи приглашенной в Петербургскую консерваторию профессором класса оперного пения, предложила ей принять участие в хоре, который под ее управлением разучивал хоровые партии из оперы «Орфей в аду» Глюка (см.: *Ардов-Апрелева Е.* Воспоминания об Александре Николаевиче Серове. С. 34). См. также примеч. 10.

⁴ В Петербурге писатель несколько раз встречался с Луизой Эритт. В день своего приезда 13 (25) февраля 1871 г. он написал П. Виардо, что сразу же посетил В. С. Серову, у которой жила Луиза, но не застал ее, поскольку та была на репетиции. Саму Серову он нашел «довольно странной, умной, весьма огорченной смертью своего мужа — и очень влюбленной в Луизу, о которой она говорит почти с восторгом» (*ПССуП(2). Письма.* Т. 11. С. 310. Подлинник по-франц.). На следующий день, 14 (26) февраля 1871 г., Тургенев присутствовал на музыкальном вечере у Серовой, где Луиза Эритт пела романсы Шуберта и отрывки из опер Серова, и в тот же день в 8 час. вечера на концерте в пользу хора русской оперной труппы под руководством Э. Ф. Направника в Мариинском театре. Среди прочих артистов в представлении участвовала Луиза (отрывки из опер «Рогнеда», вероятно «Юдифь» и «Вражья сила»), а также, вероятно в хоре, «девица Бларамберг» (см.: Там же. Т. 11. С. 24, 311; см. также во вступит. статье, примеч. 8). Через три дня, 18 февраля (2 марта) 1871 г., Тургенев сообщил: «Опять видел Луизу, и мы довольно долго беседовали <...>» (Там же. С. 313). Описываемый Бларамберг визит писателя состоялся, скорее всего, между 16 (28) февраля и 18 февраля (2 марта) 1871 г., что подтверждается ее сообщением о второй встрече с писателем «три-четыре дня спустя», по окончании диспута между С. К. Брюлловой и В. Д. Сиповским. Диспут, как известно, состоялся в Петербургском Педагогическом обществе 20 февраля (4 марта) 1871 г. (см. примеч. 12).

⁵ Квартира Серовых находилась на 15 линии Васильевского острова, д. 8/40; в настоящее время на доме висит мемориальная доска.

⁶ Нет никаких сведений об участии писателя в чтениях в пользу Литературного фонда в предполагаемый период его посещения Серовой и знакомства с Бларамбергом.

⁷ Ничего неизвестно ни о чтениях в пользу Литфонда, где Тургенева «ошикали» и забросали «апельсинами», ни о последовавшем после чтений разговоре писателя с нигилисткой в доме Серовой, хотя такая встреча могла иметь место. По описанию Е. Г. Мамонтовой, Серова была типичная «шестидесятница», участвовала в Петербурге «в движении партий этого горячего времени», говорила «подчас резко и бес тактно, что многих коробило» (*Мамонтова Е. Г.* Записки // *РГАЛИ.* Ф. 799. Оп. 1. № 312; цит. по: *Бахревский В. А.* Савва Мамонтов. М., 2000. С. 127 (Сер. «Жизнь замечательных людей»)). В доме у Серовых Бларамберг встречала «стриженных» грубоватых девушек в черной одежде — «обязательный внешний признак свободно мыслящей девицы» и «отличительная особенность поборниц женской свободы, или, как тогда говорили, женской эмансипации» (*Ардов-Апрелева Е.* Воспоминания об Александре Николаевиче Серове. С. 35). Саму Луизу Тургенев «нашел <...> стриженной словно мальчик» (*ПССуП(2). Письма.* Т. 11. С. 311), а в письме к А. А. Фету от 23 января (4 февраля) 1870 г. называл ее нигилисткой «чистой воды» (Там же. Т. 10. С. 138).

⁸ О каком «письменном заявлении» с угрозами физической расправы в адрес Тургенева идет речь, неизвестно.

⁹ О неприязненном отношении к Тургеневу русских студентов в Гейдельберге, резко описанных в романе «Отцы и дети» (гл. XXVIII), сообщил писателю К. К. Случевский (письмо неизв.). «И Кукшина попала за границу. Она теперь в Гейдельберге <...> якшается с студентами, особенно с молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполнен Гейдельберг и которые, удивляя на первых порах наивных немецких профессоров своим трезвым взглядом на вещи, впоследствии удивляют тех же самых профессоров своим совершенным бездействием и абсолютною ленью» (см.: *ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 187). В ответном письме от 14 (26) апреля 1862 г. Тургенев отрицал обвинение в якобы преднамеренных выпадах против демократической молодежи (см.: *ПССуП(2)*. Письма. Т. 5. С. 57–60). Резкой была реакция гейдельбергской молодежи и на следующий роман Тургенева «Дым» (см.: *Муратов А. Б.* Гейдельбергские арабески в «Дыме» // *ЛН*. Т. 76. С. 71–105).

¹⁰ Отношения между писателем и Луизой Эритт были холодными и неприязненными. Тургенев писал о ней А. А. Фету 23 января (4 февраля) 1870 г.: «Эта несчастная и сумасбродная женщина много причинила горя всему своему семейству — и кончит тем, что себя погубит. Выйдя замуж — по собственному настойчивому желанию, за г-на Геритта (в 1862 г. — *С. И.*) <...> она внезапно возненавидела своего мужа <...> убежала с мыса Доброй Надежды, где он был консулом — и явилась в Баден; — потом покинула родительский дом — и после разных странствований очутилась в Петербурге, где поступила в профессоры пения в консерваторию (она — хорошая музыкантша)» (*ПССуП(2)*. Письма. Т. 10. С. 137). В 1907 г. Луиза Эритт опубликовала в газете «Frankfurter Zeitung» (10 февраля н. ст.) отрывок из воспоминаний, крайне враждебный по отношению к Тургеневу. В статье «Вестника Европы», принадлежавшей, вероятно, Стасюлевичу, по этому поводу появилось опровержение: «Совершенно случайно мы узнали из „Русских ведомостей“ (№ 25. 1 февр. 1907 г.), что в одной немецкой газете <...> напечатано письмо к редактору этой газеты, подписанное именем „г-жи Геррит-Виардо, дочери знаменитой Полины Виардо“. <...> она уверяет, будто Тургенев прожил в доме Виардо, „с полным комфортом“, тридцать лет и за все это время не платил и даже не пытался платить хозяевам <...> „ему и в голову не пришло поблагодарить нас за в высшей степени тяжелый, утомительный и дорогой уход за ним, завещав нам хотя бы часть своего крупного состояния. Его миллионы (!!!) унаследовала старая кузина, которой он никогда не знал, и у которой без того были свои миллионы“... / Если бы г-жа Геррит рискнула все это выразить <...> вслед за смертью Ивана Сергеевича, то это вызвало бы один взрыв всеобщего негодования, который был бы вместе и ответом на ее инсинуации», но она «дала пройти чуть не целой четверти века, чтобы открыто покушаться запятнать чем-нибудь великую память Тургенева» (*М. Ст. <Стасюлевич М. М.?.>*. Злостное покушение на добрую память Ив. С. Тургенева // *ВЕ*. 1907. № 3. С. 413). В то же время Луиза признавала, что, как и все члены семьи Виардо, уважала и любила Тургенева. В газете «Figaro» 18 ноября н. ст. 1922 г. была напечатана очередная глава из ее воспоминаний, где говорилось: «Мы все в семье были глубоко привязаны к Тургеневу, и я лично всегда его ценила, уважала и любила, несмотря на его беззастенчивый эгоизм избалованного великого человека» (цит. по: Тургенев и его время. М.; Пг., 1923. Сб. 1. С. 311). Позже эти воспоминания были

собраны и изданы ее сыном: *Une famille de grands musiciens. Mémoires de Louise Héritte-Viardot / Rec. par Louis Héritte de la Tour. Paris, 1922. См.: ПССУП(2). Письма. Т. 1. С. 558.*

¹¹ Тургенев цитирует строки из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

¹² Диспут между С. К. Брюлловой (урожд. Кавелина; 1851–1877) и известным впоследствии русским педагогом и историком В. Д. Сиповским (1844–1895) о преподавании истории в средних учебных заведениях состоялся 20 февраля (4 марта) 1871 г. в С.-Петербургском Педагогическом обществе. Двумя днями позже Тургенев писал П. Виардо: «...19-летняя барышня — дочь г. Кавелина — профессора из числа моих друзей, — перед 200 слушателями отстаивала свое мнение в диспуте на историческую тему, с редкостными знаниями, уверенностью и красноречием. Вот это, несомненно, нечто новое, и ни тени педантизма — детская непосредственность — столь полная отрешенность от всего личного — что это избавило ее от всякой робости. Это удивительно!» (*ПССУП(2). Письма. Т. 11. С. 365–366. Подлинник по-франц.*). Брюллова стала одной из первых женщин-историков. Ей принадлежит не публиковавшаяся при жизни литературно-критическая статья о романе «Новь», который она называет «крупным общественным явлением», политическим исповеданием веры писателя (см. ее текст: *ЛН. Т. 76. С. 303*; публ. Н. Ф. Будановой. См. также письмо Тургенева к ней от 4 (16) января 1877 г.: *ПССУП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 12–13.*)

Узнав о смерти Брюлловой, последовавшей 5 (17) октября 1877 г., Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 12 (24) октября: «...как громом поразило меня сегодня известие о кончине бедной Сони Брюлловой <...>. — Я никак не могу привыкнуть к мысли, что это прекрасное, молодое, исполненное жизни и сил существо унесено в ту немую, мертвую бездну» (Там же. С. 252). На смерть Брюлловой Тургенев откликнулся некрологом, в котором вспомнил этот диспут: «Да! Это был незабвенный для меня вечер. Молоденькая, небольшого роста, девушка в простом сереньком платьице, с белым платочком на шее, с назад зачесанными недлинными русыми волосами, говорила почти еще детским голосом так умно и увлекательно, возражала так дельно, выказывала такое разнообразное знание своего предмета, такие энциклопедические сведения, что все слушатели (а их собралось много на этот диспут) были поражены — скажу прямо: очарованы. Несколько недоверчивые, снисходительные улыбки, которыми ее встретили сначала, скоро приняли другое выражение — выражение удивления и внимания. <...> Дело шло о способах преподавания истории: Софья Константиновна была тысячу раз права в том, что она защищала <...> Мне потом довольно часто приходилось беседовать с Софьей Константиновной; иногда я вступал с нею в спор. Но всякий раз я уносил с собою убеждение, что в ней воплотился один из лучших наших женских типов» (Из письма в редакцию «Вестника Европы» по поводу смерти С. К. Брюлловой // *ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 193–194*; дата: «Париж, 19/31 октября 1877»).

¹³ Роман «Без вины виноватые» был напечатан в «Вестнике Европы» (1877. № 7, 8). Подробнее об участии Тургенева в доработке и публикации романа см. во вступит. статье.

¹⁴ Некоторое время Бларамберг жила в Брюсселе вместе с Луизой Эритт, которой Тургенев и адресует свое письмо (см.: *ПССУП(2). Письма. Т. 14. С. 130–131.*)

¹⁵ Упомянутое письмо Тургенева к Луизе Эрритт от 13 (25) августа 1875 г. неизвестно.

¹⁶ См.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 14. С. 130–131.

¹⁷ Бларамберг познакомилась с А. Н. Островским (1823–1886) в доме А. Ф. Писемского. 28 ноября ст. ст. 1877 г. в записке к Бларамберг Писемский спрашивал, когда она может посетить его: «...меня просил о том и Островский, который имеет до вас дело и просьбу. Когда вы напишете, что в какой день вы будете у нас, я повешу его, и он тоже явится» (*Писемский*. С. 368–369). Просьба Островского, как вспоминала Бларамберг, состояла в том, что «Александр Николаевич дал кому-то перевести на французский язык свою комедию „Богатые невесты“ и просил меня посмотреть этот перевод в рукописи до отправки в Париж» (*Воспоминания о Писемском* (2). С. 3). 2 января ст. ст. 1878 г. Бларамберг написала Островскому: «Перевод Вашей комедии просмотрен, но так как поправки оказались довольно значительными, то необходимо было бы нам вместе посмотреть весь перевод с начала и до конца и сравнить его с подлинником» (*ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 83). На следующий день драматург ответил, пригласив Бларамберг посетить его. См.: *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1979. Т. 11: Письма (1848–1880). С. 586–587.

¹⁸ *Мельников Павел Иванович* (псевдоним Андрей Печерский, Мельников-Печерский; 1818–1883), писатель, этнограф-беллетрист.

¹⁹ *Кошелев Александр Иванович* (1806–1883), публицист, общественный деятель, славянофил.

²⁰ *Юрьев Сергей Андреевич* (1821–1888), литератор, председатель Общества русских драматических писателей.

²¹ Сохранились черновики трех писем Бларамберг к Тургеневу: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 33, 34, 35. См. *Приложение I*. Местонахождение писем Бларамберг к Тургеневу, которых, безусловно, было значительно больше, неизвестно.

²² Артистические «четверги» в доме Полины и Луи Виардо имели широкую известность в Париже. Здесь бывали многие знаменитости того времени — писатели, художники, музыканты, композиторы. Художник А. П. Боголюбов писал в своих воспоминаниях: «Благодаря Ивану Сергеевичу Тургеневу русские художники (в Париже. — С. И.) имели постоянно вход в дом и на вечера знаменитой тме Полины Виардо, где случалось слушать превосходную музыку, самых лучших артистов и слышать знаменитых певцов и певиц. <...> В доме у Виардо я познакомился с музыкантами Сен-Сансом, Сарасатом (скрипачом), с Золя, Полем Бурже, Ренаном и пр. Все шло под эту кровлю высокого художества, считая честью быть у гениальной певицы и музыкантки» (*ЛН*. Т. 76. С. 449–450). По воспоминаниям сына П. и Л. Виардо Поля, «ни один альманах Гота не мог бы перечислить столько имен, знаменитых талантом, если не рождением, составлявших аудиторию этих четвергов. Я помню их: Ренан, Эмиль Ожье, Жюль Симон, Флобер, Эжен Пелетан, Дешанель, отец и сын, Флоке, тме Адан, Гуно, Сен-Санс, все художники, все знаменитости того времени. Заезжие артисты — Рубинштейны, Венявский, Давыдов, Сарасате считали счастьем участвовать в этих музыкальных собраниях, которые мать моя заканчивала величественными звуками Глюка или Шумана или же пробую каких-либо новых произведений. То были прекрасные артистические вечера, подобных которым я не встречал никогда. <...> / У нас были также приемы по воскресеньям вечером, но эти собрания сильно отличались от четвергов, посвященных серьезному искусству.

Половина большой гостиной превращалась в сцену, столовая в уборную, и раздавалась импровизированная увертюра, предшествовавшая шарадам самым шутовским, самым несслыханным. Наш родственник, географ Поль Жоанн, Сен-Санс и Тургенев были неизменными исполнителями первых ролей» (*Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 291).

²³ Местонахождение этого приглашения неизвестно.

²⁴ *Виардо Марианна* (Viardot; в замуж. Дювернуа (Duvernoy); 1854–1913), младшая дочь П. и Л. Виардо. В 1881 г. вышла замуж за французского композитора, пианиста и профессора консерватории *Виктора-Альфонса Дювернуа* (Duvernoy; 1842–1907).

²⁵ Речь идет о французском композиторе *Габриэле-Юрбене Форе* (Faugé; 1845–1924), ученике Сен-Санса, друге семьи Виардо. 15 июля н. ст. 1877 г. была объявлена помолвка Марианны с Форе, но она заболела и уехала к морю, а вернувшись в середине сентября, отсрочила свадьбу и в октябре расторгла помолвку. Подробнее о нем см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 603 (примеч. Н. П. Генераловой и А. Звигильского).

²⁶ Портрет Тургенева работы *Алексея Александровича Харламова* (1842–1922) был начат 25 января (6 февраля) 1875 г. (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 16. См. также примеч. 4 к письму 3010: Там же. С. 267) и закончен в декабре н. ст. 1875 г. «...Вышел настоящий chef-d'œuvre», — писал Тургенев Анненкову 5 (17) декабря 1875 г. (см.: Там же. С. 197). Портрет экспонировался весной 1876 г. на выставке в парижском Салоне, но успеха не имел (см.: Там же. С. 267). 6 июня н. ст. 1876 г. И. Н. Крамской писал П. М. Третьякову о работе Харламова: «Портрет Тургенева в „Салоне“ мне не понравился, может быть потому, что он в „Салоне“ <...>» (Переписка И. Н. Крамского: И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869–1887. М., 1953. С. 143). В 1887 г. П. Виардо пожертвовала портрет в Эрмитаж, откуда он поступил в Русский музей, где хранится до настоящего времени. Харламов написал также портреты Полины и Луи Виардо и выставил их в Салоне 1875 г.

²⁷ *Виардо Луи-Клод* (Viardot; 1800–1883), французский литератор, художественный критик, переводчик Сервантеса («Дон Кихот», «Избранные новеллы»), коллекционер, страстный охотник; муж П. Виардо. Знакомство с Тургеневым состоялось в 1843 г. в Петербурге и переросло в дружбу и сотрудничество в совместной переводческой деятельности. С помощью Л. Виардо Тургенев перевел на французский язык ряд произведений Пушкина, Гоголя, а также некоторые собственные произведения.

²⁸ *Виардо Клоди-Полина-Мария (Клавдия)* (Viardot; в замуж. Шадро (Chamerot); 1852–1914), средняя дочь П. и Л. Виардо, любимица Тургенева, в 1874 г. вышла замуж за издателя *Жоржа Шадро* (1845–1922). «В 1877 г., — вспоминала С. Г. Щепкина, — у Ел. Ив. Ардовой-Апрелевой я видела портрет второй дочери Виардо — Клотильды, очень красивой, с большими темными глазами, правильными чертами лица южного типа, очень любимая Т. Ее муж Шадро имел издательское типографское дело. Младшая Марианна обладала чудным голосом, была задумчива, меланхолична, замужем за Дювернуа, композитором и профессором консерватории. Обе сестры пели дуэты, а с матерью — вокальное трио» (*Щепкина*. С. 226). «Обе дочери (Клоди и Марианна. — С. И.) прошли школу пения у своей матери», — вспоминала ученица П. Виардо С. И. (Е.) Ромм. На своих вечерах она «исполняла с дочерьми музыкальные трио, а Клоди и Марианна пели дуэты. Эти ансамбли бывали всегда

в конце вечера, после ужина. Голоса их сливались воедино с проникновенным совершенством: это был один тембр, одно понимание, одна школа. Mme Виардо передавала мне, как Амбруз Тома упрашивал Марианну создать заглавную роль в его опере „Франческа да Римини“, находя Марианну как бы воплощением Франчески, предлагал ей блестящий ангажемент в Большую Оперу, но Марианна ни за что не хотела артистической карьеры и наотрез отказалась создать Франческу. Mme Виардо прибавила: „C'est une petite bourgeoise!“ («Она — маленькая мешаночка!» — *франц.*)» (*Ромм С.* Из далекого прошлого: Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе // *ВЕ.* 1916. № 12. С. 100–101).

²⁹ *Сен-Санс Шарль-Камиль* (Saint-Saëns; 1835–1921), французский композитор, пианист, органист, дирижер, педагог. Был дружен с семьей Виардо. Посвятил П. Виардо оперу на библейский сюжет «Самсон и Далила» (1877), в которой, когда композитор закончил два акта, Виардо исполнила роль Далилы на частной сцене (см.: *Абарина А. И.* Воспоминания // *ИВ.* 1901. № 1. С. 220–221).

³⁰ *Сарасате Пабло, де* (Sarasate; 1844–1908), испанский скрипач-виртуоз и композитор, автор 54 произведений, написанных для скрипки (наиболее известны «Цыганские напевы», «Андалузская серенада» и др.).

³¹ *Гуно Шарль-Франсуа* (Gounod; 1818–1893), французский композитор и дирижер. Был дружен с семьей Виардо. С. И. Танеев писал родным из Парижа 15 мая н. ст. 1877 г.: «По четвергам бывал у Виардо. Прошлую неделю был у них последний вечер. На предпоследнем пел Гуно дуэт с Mme Виардо, потом один несколько своих романсов. Вообще я очень много получал удовольствия от этих вечеров...» (цит. по: *Розанов А.* Полина Виардо-Гарсиа. 3-е изд., испр., доп. Л., 1982. С. 145).

³² *С Гюставом Флобером* (Flaubert; 1821–1880) Тургенев познакомился в 1863 г., состоял в переписке; высоко ценил талант французского писателя, перевел на русский язык две его повести: «Легенда о святом Юлиане Милостивом» (*ВЕ.* 1877. № 4; под заглавием: «Католическая легенда о Юлиане Милостивом») и «Иродиада» (Там же. № 5). Именно Флобер организовал знаменитые литературные «обеды пяти», в которых участвовали Тургенев, Э. Гонкур, Флобер, Золя и Доде. Узнав о смерти друга, Тургенев писал Э. Золя 11 (23) мая 1880 г.: «Мне нечего говорить вам о своем горе: Флобер был одним из тех людей, которых я любил больше всего на свете. Ушел не только великий талант, но и необыкновенный человек; он объединял вокруг себя всех нас» (*ПССиП(1).* Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 388. Подлинник по-франц.).

³³ В письме к Тургеневу Бларамберг сообщила: «...меня особенно радушно принял А. Ф. Писемский <...> и до сих пор оказывает мне самое доброе содействие... Но, к сожалению, это — человек крайне больной... Нелегко заставить его выйти из постоянно ипохондрического настроения. Мне это отчасти удавалось... И много интересного, оригинального, занимательного и полезного вынесла я из того, что он высказывал о литературе и об искусстве...» (цит. по: *Воспоминания о Писемском (1).* С. 5).

³⁴ *Мартен Анри* (Martin; 1810–1883), французский политический деятель, историк, беллетрист, автор 25-томной «Истории Франции» (1833–1836), выдержавшей четыре издания при жизни автора, а также книги «Россия и Европа» (1866), отличающейся крайне неприязненным отношением к России. Тургенев познакомился с Марتنеном в конце 1840-х гг. в доме Виардо в Куртавнеле; с 1871 г. Мартен был частым посетителем вечеров в доме Виардо. 11 (23) июня 1878 г. Тургенев писал Флоберу

по поводу вступления Мартена в члены Французской академии: «Конечно, А. Мартен не великий писатель <...> Лично мне — Мартен очень нравится, и я рад его успеху» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 16. Кн. 1. С. 273. Подлинник по-франц.). См. также: Генералова Н. П. Мартен Б. Л. А // *Тургенев. НИИМ(1)*. С. 370 («Материалы к Тургеневской энциклопедии»); *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 423.

³⁵ *Литтре Максимильтен-Поль-Эмиль* (Littré; 1801–1881), известный французский философ-позитивист, автор знаменитого «Словаря французского языка» (в 4 т.; 1870); Тургенев познакомился с ним в 1869 г., вероятно через Л. Виардо; услугами писателя Литтре пользовался при составлении своего словаря, включавшего русские слова, которые вошли во французский язык. В письме Тургенева к Клоди Виардо от 17 (29) марта 1869 г. содержится яркая характеристика ученого: «Визит к настоящему философу Литтре. — Небольшая нора, наполненная старыми книгами, а в норе — он: тщедушный, убого одетый, в сюртуке с поднятым воротником, весь, в том числе и по спине и по рукам, обсыпанный перхотью — небритый! не очень чистый, некрасивый, хилый, в огромных железных очках — но в общем трогательный, достойный, внушающий самое искреннее уважение, добрый, человечный, мудрый, с очаровательнейшим выражением маленьких глаз красивого темного цвета, человек в лучшем смысле этого слова» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 301. Подлинник по-франц.).

³⁶ *Ренан Эрнест-Жозеф* (Renan; 1823–1892), французский историк религии, философ, семитолог, член Французской академии (с 1879 г.). Тургенев познакомился с ним в 1870-х гг. в парижском доме Виардо, где тот постоянно бывал. Тургенев читал труды Ренана и упомянул его имя в гл. IV романа «Дым» в перечне имен великих людей Европы (см.: *ПССУП(2). Соч.* Т. 7. С. 266). В день отправки тела писателя на родину Ренан произнес траурную речь на Северном вокзале (см.: Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1908. С. 9–11; см. также: *Звигильский А.* Эрнест Ренан, Тургенев и Полина Виардо // *Звигильский А.* Иван Тургенев и Франция. Сб. ст. С. 297–326 (Тургеневские чтения. Вып. 3)).

³⁷ Речь идет, вероятно, об *Александр Валерьяновне Панаевой* (в замуж. Карцова, сценический псевдоним Сандра; 1853–1942), дочери публициста В. А. Панаева, которая в 1874–1877 гг. по совету Тургенева совершенствовалась в вокале у П. Виардо. См.: *Назарова Л. Н.* Панаева А. В. // *Тургенев. НИИМ(2)*. С. 311–312 («Материалы к Тургеневской энциклопедии»). В черновом автографе: «моей соотечественнице Мlle П.» (*ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 4. Л. 19 об.).

³⁸ Воспоминания Бларамберг совпадают с воспоминаниями В. В. Стасова: «Тургенев очень мало знал и еще менее понимал русскую школу, но нелюбовь к ней была у него очень сильна». Стасов вспоминал, как Тургенев писал ему однажды «в 1872 году <...> что, кроме Чайковского да Римского-Корсакова (которых он знал, впрочем, всего только по нескольким романсам), всех остальных новых русских музыкантов стоило бы — в куль да в воду!» (*Т в восп совр(2)*. Т. 2. С. 108). На вечере у О. А. и А. Я. Петровых в Петербурге 21 мая (2 июня) 1874 г. Тургенев встречался с М. П. Мусоргским, слушал в авторском исполнении отрывки из его опер «Борис Годунов» и «Хованщина». Впечатление от музыки Мусоргского, высказанное в письме к П. Виардо в тот же день, стало переломным в отношении писателя к новой русской музыкальной школе: «...мне это показалось самобытным, интересным! <...>. Я начинаю верить, что у всего этого есть будущее. — Мусоргский отда-

ленно напоминает Глинку <...> Он мне понравился; очень естественен и сдержан. <...> Итак, вперед, господа русские!!» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 13. С. 288. Подлинник по-франц.). См. также свидетельство Я. П. Полонского, что Тургенев «из прежних русских композиторов» высоко «ставит Глинку, а из новейших всем другим предпочитает Чайковского» (*Т в восп совр (2)*. Т. 2. С. 398). О М. И. Глинке, к музыке которого писатель испытывал неизменный интерес, Тургенев тепло отозвался в письме к В. Н. Кашперову от 23 февраля (7 марта) 1857 г., в связи со смертью композитора: «...как много мог этот человек сделать — и как мало оставил после себя. И за это малое будем ему благодарны. Имя его не забудется в истории русской музыки — и, если суждено ей когда-нибудь развиться, — от него поведет она свое начало» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 3. С. 199). Подробнее об отношении Тургенева к Глинке см: Голованова Т. П. В. Н. Кашперов <Письма к Тургеневу> // *Т Сб*. Вып. 1. С. 382–385.

³⁹ «Макбет» (1865) — опера Дж. Верди (Verdi; 1813–1901); сюжет основан на одноименной трагедии Шекспира. Речь идет об известной арии в акте IV (сцена 2): врач и горничная становятся свидетелями того, как во временном припадке лунатизма леди Макбет безуспешно пытается смыть со своих рук кровь жертв.

⁴⁰ *Шуберт Франц Петер* (Schubert; 1797–1828), австрийский композитор. «Erlkönig» («Лесной царь»; 1815) — музыкальная композиция на слова баллады Гёте (1782). Рудин просит Наталью сыграть «Erlkönig» Шуберта (гл. III): *ПССУП(2). Соч.* Т. 5. С. 228, 493–494.

⁴¹ Роль Ифигении (опера К. В. Глюка «Ифигения в Тавриде») в исполнении П. Виардо была одной из самых любимых Тургеньевым. 11 апреля н. ст. 1872 г. Тургенев присутствовал на репетиции концерта, в программу которого входили отрывки из «Ифигении в Тавриде», исполненные П. Виардо. В этот день Ф. Н. Тургенева записала в дневнике: «И. Тургенев говорит о своем волнении, когда он слушал „Ифигению в Тавриде“ утром на репетиции: „Во всей музыке нет ничего более прекрасного — я это всегда утверждал, и стою на этом. Это так прекрасно — несчастная Ифигения — все женщины подхватывают хором ту же ноту — впечатление потрясающее. Я был уничтожен, потрясен <...>. А как г-жа Виардо пела!» (*ЛН*. Т. 76. С. 377).

⁴² Речь идет о купленном Тургеньевым в 1875 г. пейзаже *Теодора Руссо* (Rousseau; 1812–1867) «Лес», который он любил и очень высоко ценил (см. письма к Анненкову от 1 (13) апреля 1875 г. и А. В. Плетневой от 11 (23) апреля 1875 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 14. С. 63, 76). Картина представляла собой «чащу леса в жаркий полдень и в глубине уходящую фигурку женщины-крестьянки» (см.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1958. Т. 4: И. С. Тургенев. С. 224; *Яворская Н. В.* Пейзаж барбизонской школы. М., 1962. С. 272) и висела в кабинете писателя до 1882 г., когда была продана С. М. Третьякову за 25 тыс. фр., в связи с необходимостью помочь дочери и ее мужу. «У меня в Париже, — писал Тургенев И. И. Маслову 12 (24) января 1881 г., — находится превосходная картина известного французского пейзажиста Теодора Руссо. Я никогда не имел намерения ее продавать — но необходимость принуждает меня это сделать» (*ПССУП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 1. С. 40; см. также письмо к Анненкову от 13 (25) февраля 1882 г.: Там же. С. 200). Полемицируя с Я. П. Полонским по поводу французских импрессионистов, Тургенев описал 1 (13) сентября 1882 г. свое первое впечатление от этого пейзажа:

«...это эскиз, студия (домик даже так и остался неконченным) — но студия гениальная, особенно дорогая для живописцев, потому что в ней сохранилась вся поэтическая свежесть и сила первого впечатления» (Там же. Т. 13. Кн. 2. С. 26). М. де Вогюэ в очерке, посвященном писателю, описал свой визит к больному Тургеневу: «Глаза его часто останавливались на картине Руссо, которую он любил больше всех, потому что Руссо понимал одинаково с ним душу и силу природы: старый, лишенный верхушки дуб, изможденный годами, потрясенный октябрьскими ветрами, которые развевают его последние порыжелые листья. Между этой картиной и этим благородным стариком была словно братская связь, была одинаковая покорность приговорам судьбы» (Иностранная критика о Тургеневе. 2-е изд. СПб., [1909]. С. 72).

⁴³ Вероятно, речь идет о картине «Утро» Жана-Батиста-Камиля Коро (Cogot; 1796–1875), французского живописца и гравера (см.: Каталог выставки-аукциона коллекции Тургенева 1878 г. № 7; на франц. яз.). Споря с Полонским, Тургенев писал 30 августа (11 сентября) 1882 г. из Буживаля: «У нас в саду стоит в пятистах шагах от дому березка (Коро особенно любил писать их). Я сейчас взглянул на нее... ну, точно она живьем вышла из одной <из> его картин» (ИССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 25).

⁴⁴ Описание парижской квартиры Тургенева на верхнем этаже дома 50 по rue de Douai, куда писатель переехал из Баден-Бадена в 1871 г., см.: *Боборыкин П. Д.* У романистов // Слово. 1878. № 11. С. 39–40.

⁴⁵ Вареза (в *черновой тетради*: варезка) — согласно В. И. Далю, *в́арега* — вязаная шерстяная рукавица (см.: *Даль*. Т. 1. С. 167); в Вологодской губернии: *шерстяные чулки* (см.: *Словарь русских народных говоров*. Л., 1969. Вып. 4. С. 49). Здесь, вероятно, вязаная кофта. М. Г. Савина вспоминала, как в Спасском летом 1881 г. Тургенев на прогулке был «в коричневой парижской „вязанке“ с шелковыми рукавами и небрежно завязанным белым шарфиком вместо галстука» (Из писем М. Г. Савиной к Ю. Д. Беляеву // Савина М. Г. Горести и скитания (Записки 1854–1877). Письма. Воспоминания. Л., 1983. С. 146).

⁴⁶ Речь идет о повести начинающей писательницы *Любови Яковлевны Стечькиной* (1851–1900) «Варенька Ульмина» (первоначальное заглавие «Кривые деревья»), посланной Тургеневу. Прочитав ее, Тургенев в письме от 25 апреля (7 мая) 1878 г. подробно разобрал недостатки произведения и посоветовал автору сесть за его переделку: «Я прочел Вашу повесть и вот что имею сказать Вам: у Вас талант несомненный, оригинальный, живой и даже поэтический — но „Кривые деревья“ печатать не следует — ибо я — извините резкость выражения — более уродливого, или, говоря точнее, более изуродованного, произведения не знаю! <...> Я потому говорю с Вами так резко, что вижу в Вас дарование, из ряда вон выходящее <...>. У Вас есть несомненный дар психологического анализа; но он часто переходит в какую-то кропотливую нервозность <...>» (ИССиП(2). Письма. Т. 16. Кн. 1. С. 102–103). Впоследствии Тургенев навестил Стецькину в ее деревне Плутнево под Тулой и продолжил переписку с ней. Повесть, подвергшаяся значительной переработке по замечаниям писателя, вскоре, по его настойчивой рекомендации, была опубликована в журнале «Вестник Европы» (1879. № 11, 12). Позже Тургенев принял непосредственное участие в судьбе Стецькиной, заболевшей туберкулезом. И. Я. Павловский вспоминал: «Приезжает молодая девушка-писательница лечиться в Париж, И. С. бегает по отелям, отыскивая для нее помещение, знакомит с моло-

дыми людьми, чтобы ей не было скучно, возит к докторам, которые будто бы с него „ничего не брали“ (а они с него брали больше, чем с других), утешает, ссорится, когда больная капризничает и не хочет принимать лекарства, два-три раза в день бегает справляться об ее здоровье. И почему? Потому что у девушки этой есть талант...» (И. П. <Павловский И. Я.> Воспоминание об И. С. Тургеневе (Из записок литератора) // Русский курьер. 1884. 18 июля. № 196. С. 1–2). В дневниковой записи от 27 ноября (9 декабря) 1882 г. Тургенев отметил: «Стечкину — умирающую — отправил в Италию» (ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 393). Письма Стечкиной к Тургеневу см.: Степанова Г. В. Л. Я. Стечкина // Т Сб. Вып. 3. С. 373–382.

⁴⁷ Имеется в виду вторая дебютная повесть «Полоса» начинающей писательницы Лидии Филипповны Нелидовой (урожд. Королева; в первом браке Ломовская, во втором Маклакова; псевдоним Л. Нелидова; 1851–1936), опубликованная в «Вестнике Европы» (1879. № 10; в своем примечании Бларамберг местом публикации повести ошибочно указала «Отечественные записки»). Отзыв Тургенева о повести Нелидовой см. в письме к М. М. Стасюлевичу от 8 (20) октября 1879 г. (ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 149–150) и в письме к Анненкову от 27 октября (8 ноября) 1879 г. (Там же. С. 161). Знакомство писателя с Нелидовой состоялось через посредство А. В. Топорова в Петербурге между 28 января (9 февраля) и 21 февраля (4 марта) 1880 г. (см.: *Летопись (1876–1883)*. С. 316). Тургенев неоднократно встречался с Нелидовой, состоял с ней в переписке. См.: *Нелидова Л. Памяти И. С. Тургенева // ВЕ*. 1909. № 9. С. 207–241, а также ее другие воспоминания о писателе: Воспоминания об И. С. Тургеневе // *РусВед*. 1884. 28, 29 августа. № 238, 239; Воспоминания о Гончарове и Тургеневе / Предисл. и публ. А. Д. Алексеева // *ЛН*. Т. 87. С. 26–35.

Об отношении Тургенева к Нелидовой Бларамберг упоминала также в своих более поздних воспоминаниях (записаны с ее слов в 1914 г. участницей Тургеневского кружка Г. Н. Сысоевой). См. *Приложение II*.

⁴⁸ О каком произведении идет речь, установить не удалось.

⁴⁹ Речь идет о романе *Евгения Львовича Маркова* (1835–1903) «Черноземные поля», публиковавшемся в «Деле» на протяжении почти полутора лет (1876. № 1–12; 1877. № 1–4; отд. изд.: СПб., 1877. Ч. 1–2; М.; СПб., 1878) (см.: *Русские писатели*. Т. 3. С. 527; статья В. А. Викторovichа). Роман получил в критике отрицательную оценку за сентиментальное многословие автора, ходульность главного героя (см.: *Буренин В.* Г-н Евг. Марков как модный публицист, критик и беллетрист. Несколько слов по поводу дидактических романов вообще и по поводу одного героя в романе «Черноземные поля» // *НВр*. 1877. 4 (16) марта. № 364. С. 2). По мнению Н. К. Михайловского, «общая архитектура романа очень неуклюжая», Марков «не обладает беллетристическим талантом», роман производит «усыпляющее действие», тенденция произведения — «реабилитирование» деревни, «с точки зрения просвещенного либерала» (см.: *ОЗ*. 1878. № 3. Отд. II. С. 88–89; см. его же: Там же. 1876. № 4. Отд. II. С. 302–303). А. Н. Луканина приводит отрицательный отзыв Тургенева о романе, услышанный ею при их встрече 1 марта н. ст. 1878 г. (*Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 196–197). В рецензии «Уравновешенные души» на роман Тургенева «Новь» П. Н. Ткачев, тем не менее, отметил общность типа Соломина и главного героя романа Маркова (Суровцова) (см.: Дело. 1877. № 3. Отд. II. С. 111–114). Маркову принадлежат несколько критических выступлений о Тургеневе.

⁵⁰ Роман Тургеневу не понравился: «„Assommoir“ Золя имеет здесь успех необычайный! — Но это — совершенно непереводаемая вещь» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 46. Письмо к М. М. Стасюлевичу от 28 января (9 февраля) 1877 г.). Отдельное издание романа Э. Золя «Западня» вышло в начале 1877 г., тираж книги был раскуплен в течение нескольких дней.

⁵¹ Речь идет о пьесе Эмиля Эркмана и Луи Шатриана «Друг Фриц» («L'amî Fritz»), которая шла на сцене «Комеди франсез» в декабре 1876 г.

⁵² Доде Альфонс (Daudet; 1840–1897), французский романист и драматург; познакомился с Тургеневым, очевидно, в 1872 г. в доме Флобера; состоял с ним в дружеских отношениях и переписке. Роман Доде «Фромон старший и Рислер младший» («Fromont jeune et Risler aîné», 1874), посвященный вопросам семьи и брака, принес писателю славу и известность у современников.

⁵³ Знаменитые литературные обеды, в которых на протяжении шести лет участвовали Тургенев, Э. Гонкур, Флобер, Золя и Доде, были организованы Флобером и подробно описаны в дневнике Гонкуров. Начало было положено в 1874 г. «Мы разговаривали с открытой душой, без лести, без взаимных восторгов, — вспоминал А. Доде. <...> Когда с обсуждением книг и повседневными заботами бывало покончено, беседа принимала более общий характер, мы обращались к вечным вопросам и к вечным истинам, говорили о любви и о смерти. <...> После любви и смерти разговор заходил о болезнях, о теле, которое становится в тягость <...> То были печальные признания мужчин, которым перевалило за сорок!» (Доде А. Тридцать лет в Париже // Доде А. Собр. соч.: В 7 т. М., 1956. Т. 7. С. 431–433). Однако литературные застолья Тургенева с французскими литераторами существовали и до «обедов пяти». Так, Э. Гонкур записал в дневнике 2 марта н. ст. 1872 г.: «Сегодня мы пообедали у Флобера — Тео (Теофиль Готье. — С. И.), Тургенев и я. / Тургенев — кроткий великан, любезный варвар с седой шевелюрой <...> он, с его детской болтовней, с самого начала чарует и, как выражаются русские, *обольщает* нас соединением наивности и лукавства — в этом все обаяние славянской расы, у Тургенева особенно неотразимое благодаря оригинальности его ума и обширности его космополитических познаний. <...> От Мольера беседа переходит к Аристофану, и Тургенев шумно высказывает свое восхищение этим отцом смеха <...>» (Гонкур. Дневник. Т. 2. С. 151–152).

⁵⁴ См. «По поводу „Отцов и детей“» (1869): *ПССУП(2). Соч.* Т. 11. С. 94. Бларамберг цитирует статью с небольшим разночтением.

⁵⁵ Трудно сказать, о ком именно из большого числа русских эмигрантов, окружавших Тургенева в этот период, идет речь.

⁵⁶ Слова Лежнева из романа «Рудин»: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится!» (см.: *ПССУП(2). Соч.* Т. 5. С. 305).

⁵⁷ 26 июля (7 августа) 1876 г. Тургенев сообщил Стасюлевичу, что прибыл в Буживаль «третьего дня» и намерен заняться «усиленным» переписыванием «Нови», которое «не продолжится менее 6-ти недель! Эти 6 недель я проведу здесь безвыходно в моем очень удобном chalet <...>» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 149). Переписку чернового автографа Тургенев закончил 24 сентября (6 октября) 1876 г.

⁵⁸ Местонахождение портрета Бларамберг работы Клоди Шамро неизвестно.

⁵⁹ *Джордж Элиот* (George Eliot; наст. имя Мэри Энн Эванс; 1819–1880), английская писательница, автор популярных в России романов «Адам Бид» (1859), «Мельница на Флоссе» (1860), «Ромола» (1863), «Миддлмарч» (1871–1872), знакомая и корреспондентка Тургенева. Последний роман Элиот «Даниель Деронда» («Daniel Deronda»), посвященный проблемам антисемитизма и расовым предрассудкам, появился в 1876 г. См. подробнее об их отношениях: *Waddington P. Turgenev and George Eliot: A Literary Friendship // The Modern Language Review. 1971. Vol. 66. № 4. P. 751–759.*

⁶⁰ После смерти А. Н. Серова, успевшего только начать работу над оперой по повести Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством» (либретто написал Я. П. Полонский), П. И. Чайковский обратился к этому же сюжету и уже в 1874 г. закончил работу над оперой «Кузнец Вакула» (по готовому либретто Полонского). В 1875 г. был устроен музыкальный конкурс, на котором опера Чайковского получила первую премию. Премьера состоялась 24 ноября ст. ст. 1876 г. на сцене Мариинского театра. Историю создания оперы см.: *Кашкин Н. Д. Воспоминания о П. И. Чайковском. М., 1954. С. 105.*

20 августа (1 сентября) 1870 г. Полонский писал Тургеневу: «Был у меня Серов, слушал либретто и остался доволен, особенно тоном, нашел только, что местами порядочно похабно — просил не забывать, что мое либретто будет читаться во дворце великой княгини» (*ЛН. Т. 73. Кн. 2. С. 240*). В ответном письме от 6 (18) сентября 1870 г. Тургенев заметил: «Отрывок из твоего либретто мне кажется *верным* по тону — не сомневаюсь, что ты сумеешь сладить с сюжетом — насчет же Серова уверенность моя гораздо слабее. Его музыка мне кажется неоригинальной и „высуженной“» (*ПССуП(2). Письма. Т. 10. С. 237*). После премьеры оперы Чайковского Тургенев, вероятно прочитав критические отклики в русской прессе, спрашивал Полонского из Парижа 30 декабря 1876 г. (11 января 1877 г.): «Скажи мне правду: „Кузнец Вакула“ имеет успех — или нет? Здесь ходят разноречивые толки» (Там же. Т. 15. Кн. 1. С. 277). Неуспех оперы у публики привел к снятию ее в 1881 г. из репертуара, и в 1885 г. Чайковский, переработав и музыку, и либретто, дал опере новое название — «Черевички».

⁶¹ *Вагнер Рихард* (Wagner; 1813–1883), немецкий композитор. Премьера «Тангейзера» состоялась в Дрездене в 1845 г. Тургенев, вероятно, присутствовал на премьере оперы в Париже 16 (28) марта 1861 г., которая оказалась неудачной. Побывав 15 (27) августа 1869 г. на репетиции оперы Вагнера «Золото Рейна» в Мюнхене, куда приехал специально, чтобы присутствовать на ее представлении, Тургенев писал И. П. Борису 24 августа (5 сентября) 1869 г.: «Музыка и текст равно невыносимы, но Вы знаете, между немцами есть такие люди, для которых Вагнер чуть не Христос», и собирался рассказать «когда-нибудь» об этой репетиции в печати (см.: *ПССуП(2). Письма. Т. 10. С. 44*; замысел не был осуществлен).

⁶² 6 (18) ноября 1879 г. Анненков писал Тургеневу о современной женской литературе: «...по уши купаюсь в прелестной женской литературе. Истинно — в нее перешло у нас теперь все мыслящее, чувствующее и талантливое. <...> верно, что художник и беллетрист на Руси есть в нынешний момент — дама!» (*Анненков. Письма. Кн. 2. С. 113*). В ответном письме от 13 (25) ноября 1879 г. Тургенев заметил: «Радуюсь, что Вам наша женская литература нравится: она действительно этого заслуживает; да и кроме того — это *signum temporis* (знамение времени — *лат.*)»

(*ПССУП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 177). В письмах к Стасюлевичу Анненков высказывал созвучные Тургеневу мысли о женской литературе. Так, 31 октября (11 ноября) 1879 г. он замечал: «...решительно можно сказать, что главная роль в русской литературе и представительство ее беллетристики выпало на долю женщин за последнее время. Факт весьма замечательный — загробление мысли и способности творчества в мужчинах и открытие их родников в другой половине человечества» (*Стасюлевич*. Т. 3. С. 374). А 17 (29) ноября 1879 г. добавлял: «Я полагаю даже, что нынешнее блестящее положение женщины-писательницы в литературе отвечает возродившейся потребности общества к отысканию истинных ключей поэзии, к анализу человеческой интимной жизни, что и делает такую женщину *знаменем времени*» (Там же. С. 375).

⁶³ По воспоминаниям Н. Я. Стечкина, для Тургенева фраза «Я не свил своего гнезда, я прилепился на краешке чужого» была «обычна», и он «не стеснялся повторять» ее, так как «понимал, что про его дружбу с семьей Виардо плетут были и небывлицы» (*Стечкин Н. Я.* Из воспоминаний об И. С. Тургеневе (С приложением семи его неизданных писем). СПб., 1903. С. 10. См. также: *Боборыкин П. Д.* Тургенев дома и за границей // *Т в восп. совр* (2). Т. 2. С. 10; *Кони А. Ф.* И. С. Тургенев // Там же. С. 127).

⁶⁴ После выхода романа «Новь» (*ВЕ*. 1877. № 1, 2; отд. изд.: М., 1878) его обсуждение, начавшееся еще до публикации, приобрело исключительно бурный характер; критические разборы «Нови», в основном с отрицательными оценками, появились уже 6 (18) января 1877 г. одновременно в нескольких газетах. Подробный обзор критических выступлений о «Нови» см.: *ПССУП(2). Соч.* Т. 9. С. 519–536 (статья А. И. Бажото). См. также: *Лукина В. А.* «Новь» в зеркале русской критики: Тургенев — читатель первых откликов на роман // *Тургеневский ежегодник 2013 года / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрихина*. Орел, 2014. С. 21–32.

⁶⁵ Тургенев познакомился с *Жорж Санд* (George Sand; наст. имя Аврора Дюдеван, урожд. Дюпен; 1804–1876) в имении Виардо Куртавнель в 1845 г. Писательница была другом и страстной поклонницей П. Виардо; именно она способствовала ее браку с Л. Виардо, расстроив отношения актрисы с Альфредом де Мюссе. Тургенев вместе с П. Виардо несколько раз навещал Жорж Санд в ее имении Ноан (1872–1873). См.: *Waddington P.* Turgenev and George Sand: An improbable entente. Wellington, 1981; *Звигильский А.* Полина Виардо и Тургенев в Ноане у Жорж Санд // *Тургеневские чтения*. М., 2011. Вып. 5. С. 82–89.

⁶⁶ Жорж Санд умерла 8 (20) июня 1876 г. Тургенев, находясь в это время в России, узнал о ее смерти из письма П. Виардо. Большой фрагмент из этого письма Тургенев цитирует в своей статье-некрологе «Несколько слов о Жорж Санд» (*НВр*. 1876. 15 (27) июня. № 105; см. также письмо Тургенева к А. С. Суворину от 9 (21) июня 1876 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 115–117). Следом он собирался написать большую статью о Жорж Санд для «Вестника Европы». В письме к Стасюлевичу от 15 (27) июня 1876 г. Тургенев сообщал, что работает, «как вол», над «Новью» и «ничего другого решительно» не может сделать, написать же «что-нибудь дрянное» о Ж. Санд не может: «Даю Вам честное слово — что до зимы Вы будете иметь серьезную статью о ней <...>» (Там же. С. 123–124). Однако замысел так и не был осуществлен (подробнее о причинах этого см.: *Генералова Н. П.* И. С. Тур-

генов: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 124–130).

⁶⁷ Имеется в виду *Никита Алексеевич Кишинский* (ум. 1888), управляющий имениями Тургенева в 1867–1876 гг.; о его злоупотреблениях подробно сообщалось в письме П. К. Маляревского к Н. С. Тургеневу от 8 (20) июля 1876 г. (см.: *РГАЛИ*. Ф. 509. Оп. 1. № 180. Л. 3). Тургенев, обнаружив значительные хищения Кишинского, 14 (26) июля 1876 г. писал Ю. П. Вревской: «...я выезжаю из Спасского разоренным человеком, потерявшим более половины своего имущества по милости мерзавца управляющего, которому я имел глупость слепо довериться; я его прогнал <...>» (*ПССиП(2) Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 144); а в письме к Я. П. Полонскому сообщил 31 июля (12 августа) 1876 г.: «...потерял в России ¼ своего состояния по милости канальи управляющего <...>» (Там же. С. 153). Вскоре на место отстраненного от должности Кишинского был приглашен Н. А. Щепкин, внук знаменитого актера, «молодой», но очень «дельный» человек (см. письмо к Н. С. Тургеневу от 3 (15) июля 1876 г.: Там же. С. 142).

⁶⁸ В «Нови» (гл. XXVII) Татьяна обращается к Марианне:

«— Вы, стало, из тех, что опрбститься хотят. Их теперь довольно бывает.

— Как вы сказали, Татьяна? Опрбститься?

— Да... такое у нас теперь слово пошло. С простым народом, значит, заодно быть. Опрбститься. Что ж? Это дело хорошее — народ поучить уму-разуму. <...>

— Опрбститься! — повторяла Марианна. — Слышишь, Алеша, мы с тобой теперь опростелые!

Нежданов засмеялся и тоже повторил:

— Опрбститься! опростелые!» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 9. С. 306).

⁶⁹ Рассказ «Аполлон Маркович» Тургенев рекомендовал М. М. Стасюлевичу для помещения его в «Вестнике Европы», однако Стасюлевич нашел рассказ слабым и отказался публиковать его (см.: *ПССиП(2) Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 195); рассказ был опубликован позднее в газете «Наш век» (1877. 21–23 апреля. № 50–52). В июне 1877 г. в газете «Indépendance Belge» «Аполлон Маркович» появился во французском переводе (подробнее об этом см. во вступит. статье).

⁷⁰ Речь идет о пьесе французского писателя, поэта и драматурга *Эмиля Ожье* (Augier; 1820–1889) «Госпожа Каверле» («Madame Caverlet»), которая впервые была поставлена в Париже в театре «Водевиль» 1 февраля н. ст. 1876 г. Тургенев, знакомый с автором, присутствовал на представлении 4 марта н. ст. 1876 г. Подробную запись о реакции русского писателя на это представление оставил в своем «Дневнике» Э. Гонкур: «Сегодня Тургенев вошел к Флоберу со словами: „Никогда еще я не видел так ясно, как вчера, насколько различны человеческие расы <...> когда я услышал со сцены, как молодой человек говорит любовнику своей матери, обнявшему его сестру: „Я запрещаю Вам целовать эту девушку...“, во мне шевельнулось возмущение! И если бы в зале находилось пятьсот русских, все они почувствовали бы то же самое возмущение! Однако, насколько я заметил, ни у Флобера, ни у кого из сидевших со мной в ложе не возникло такого чувства!.. И я об этом раздумывал всю ночь. Да, вы люди латинской расы, в вас еще жив дух римлян с их преклонением перед священным правом; словом, вы люди закона... А мы не таковы... <...> у нас, русских, закон не кристаллизуется, как у вас. <...> Мы менее связаны условностями, мы более человеческие люди!“» (*Гонкур. Дневник*. Т. 2. С. 225–226). Подроб-

нее об этом эпизоде см.: *Алексеев М. П.* Тургенев в спорах о пьесе Э. Ожье // *Т Сб.* Вып. 3. С. 240–254. См. также: *ЛН.* Т. 73. Кн. 1. С. 401.

⁷¹ По воскресеньям в доме Виардо собирался дружеский круг близких людей. И. Е. Репин, побывавший на таком вечере 15 (27) декабря 1874 г., писал В. В. Стасову: «Вчера был на вечере у *mmе Viardot* и Тургенева, больше из любопытства. Сумасшедшие французы... Вот так веселятся! По-детски, до глупости. Всего перепробовали: начали с пения, музыки, потом импровизировали маленькие пьески (Тургенев и тут отличался, сколько в нем молодости и жару!!!), фанты и кончили танцами. Всех превзошел в шутовстве и глупости композитор Сен-Санс (чуть на голове не ходил, танцы играл!)» (Письма И. Е. Репина. Т. 1. С. 107–108).

⁷² *Годар Бенжамен-Луи-Поль* (Godard; 1849–1895), французский композитор и скрипач. В 1878 г. выступил с драматической симфонией «Тассо» («*Le Tasso*») для солистов, хора и оркестра, положившей начало его композиторской известности. П. Виардо поддерживала этого музыканта (см.: *ПССУП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 1. С. 411–412).

⁷³ Речь идет о *Валерьяне Александровиче Панаеве* (1824–1899), инженере-путейце, публицисте. Тургенев встречался с ним в Париже в 1876 г. Его средняя дочь А. В. Панаева (см. о ней примеч. 37), певица, по совету Тургенева брала уроки пения у П. Виардо. Панаева-Карцова была первой исполнительницей партии Татьяны в концертном исполнении оперы «Евгений Онегин»; Чайковский посвятил ей несколько романсов.

⁷⁴ Текст, приведенный Бларамберг, отличается от авторского текста. В романе «Дым» (гл. V) Литвинов спрашивает Потугина:

«— Ну, а Россию, Созонт Иваныч, свою родину, вы любите?

Потугин провел рукой по лицу.

— Я ее страстно люблю и страстно ее ненавижу» (*ПССУП(2). Соч.* Т. 7. С. 275).

⁷⁵ Тургенев познакомился с французской актрисой *Мари Дюма* (р. 1846) в 1871 г. В 1872 г., когда та отправилась гастролировать в Петербург, через Анненкова рекомендовал ее В. А. Соллогубу и А. С. Суворину (см.: *ПССУП(2). Письма.* Т. 11. С. 369); в начале 1877 г. М. Дюма организовала в Париже в театре Порт Сен-Мартен серию воскресных «международных утренников» для ознакомления парижан с музыкально-драматическими произведениями различных эпох и народов. Тургенев получил предложение разрешить инсценировать «Завтрак у предводителя» на одном из «русских утренников» М. Дюма, но отказался, полагая, вероятно, что французские актеры, не знающие русского быта, не справятся (см. его письмо к В. А. Соллогубу от 3 (15) января 1877 г.: Там же. Т. 15. Кн. 2. С. 9). Тематические утренники М. Дюма пользовались успехом, что отмечалось французскими театральными критиками.

⁷⁶ «Русский утренник», о котором идет речь, состоялся 4 (16) февраля 1877 г. Тургенев, вероятно П. Виардо и другие члены семейства (включая гостившую Бларамберг) присутствовали на этом утреннике. Представление открывалось первым актом «Русалки» Пушкина (в пер. Тургенева и Л. Виардо); завершился утренник сценами из «Каменного гостя». Утренник, по всей вероятности, имел успех у публики (см. письмо Тургенева к Э. Перрену от 26 января (7 февраля) 1877 г.: *ПССУП(2). Письма.* Т. 15. Кн. 2. С. 308, 463).

В Отделе рукописей и документов ГЛМ хранится приглашение на итальянское музыкальное утро, которое Бларамберг получила от П. Виардо (вероятно, в 1877 г.). См.: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 56 (на франц. яз.).

⁷⁷ Память подвела Бларамберг — роль Дон Гуана исполнял не Жан-Сюлли Муне, выдающийся французский трагик, а актер Дюпон-Вернон (см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 405).

⁷⁸ Речь идет о *Николае Петровиче Веретенникове*, владельце отеля в Париже, в котором часто останавливались русские; имел широкие связи в русских писательских кругах, был знаком с Тургеневым, Г. И. Успенским, М. Е. Салтыковым (см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 13. С. 508).

⁷⁹ Письмо от 8 (20) января 1877 г. См.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 15–16.

⁸⁰ В 1914 г. Бларамберг в беседе с участницей Тургеневского кружка Г. Н. Сысоевой вспоминала о чтении Тургеневым «Нови» (см. *Приложение II*).

⁸¹ Романс П. И. Чайковского «Нет, только тот, кто знал свиданья жажду...» написан в 1869 г. на слова Гёте в пер. Л. А. Мея (1857). Тургенев услышал этот романс впервые, вероятно, 16 марта ст. ст. 1871 г. в Москве на концерте из произведений Чайковского (см.: *Шольн А. Е. И. С. Тургенев и «Евгений Онегин» Чайковского // Т Сб.* Вып. 1. С. 171). Ученица П. Виардо А. И. Абаринова оставила воспоминания о том, как (вероятно, в 1874 г.) певица получила «с почты ящик с новыми нотами. Она стала разбирать его при мне и остановилась на новом тогда романсе Чайковского: „Нет, только тот, кто знал“. Она уселась за рояль и стала сама напевать, искренно восхищаясь. Такого исполнения, таких оттенков и фразировки я никогда уж больше не слыхала» (*Абаринова А. И.* Воспоминания. С. 220). Романс этот певица сохраняла в своем репертуаре долгие годы. Так, Г. А. Лопатин вспоминал, как на устроенном Тургеневым литературно-музыкальном утре, состоявшемся в доме Виардо 15 (27) февраля 1875 г. для доставления средств русской библиотеке в Париже, знаменитая певица пела этот «романс Чайковского: «Она была старухой. Но когда она произносила: „Я стражду“, меня мороз подирал по коже, мурашки бегали по спине. Столько она вкладывала экспрессии. Ее глаза. Эти бледные впалые щеки... Надо было видеть публику!» (*Лопатин Г. А.* Запись беседы с Г. А. Лопатиным от 3 ноября 1913 г. <Запись С. П. Петрашкевич-Струмилиной> // *Т в воспр рев.* С. 131).

По воспоминаниям другой ученицы П. Виардо С. И. (Е.) Ромм (Гуревич), присутствовавшей 14 января н. ст. 1882 г. на устроенном Тургеневым литературно-музыкальном вечере в русском художественном клубе, П. Виардо «дала себя уговорить и в конце вечера спела <...> „Нет, только тот, кто знал“ Чайковского (по-русски), сама себе аккомпанируя. Пение ее произвело потрясающее впечатление на присутствующих. Такая глубина выражения, такая сила проникновения была в ее потухшем голосе! Померкшие глаза ее были полны слез, когда присутствовавшее на концерте высокопоставленное лицо сказала: „Oh, vraiment, on a le frisson dans le dos!“ («О, знаете, у меня пошел мороз по коже!» — *франц.*). / Иван Сергеевич стоял вблизи и вглядывался в тме Виардо, точно в новое, незнакомое лицо...» (*Ромм С.* Из далекого прошлого: Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе. С. 113).

⁸² *Виардо Поль-Жоаиен* (1857–1941), сын П. и Л. Виардо, скрипач, успешно концертировал в 1880-е гг. во Франции, Германии, Испании, России. Автор воспоминаний, в которых воссоздана артистическая атмосфера, окружавшая Тургенева

в доме семьи Виардо (см.: *Виардо П.* Из «Воспоминаний артиста» // *Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 290–291). Писатель содействовал его популярности в России.

⁸³ О молодом С. И. Танееве (1856–1915), будущем талантливом композиторе, Тургенев, который ввел его в артистический салон П. Виардо, писал А. П. Боголюбову 21 января (2 февраля) 1877 г.: «Он — наш молодой соотечественник, отличный фортепианист и прекрасный малый» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 30).

⁸⁴ Речь идет о внебрачной дочери Тургенева и Авдотьи (Евдокии) Ермолаевны Ивановой (в замуж. Калугина), белошвейки, служившей у В. П. Тургеневой, Пелагее (по-франц. Полине или Полинетте; в замуж. Брюэр; *Brière*; 1842–1919) и ее муже *Викторе-Эжене-Гастоне Брюэре* (1835 — ок. 1895) (см.: *Гутьяр Н. М. И. С.* Тургенев и его дочь Полина Брюэр // *Гутьяр Н. М. Иван Сергеевич Тургенев*. Юрьев, 1907. С. 117–129; *Бронь Т. И.* Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр // *Т Сб.* Вып. 2. С. 324–334).

⁸⁵ Тургенев приехал в Петербург 22 мая (3 июня) 1877 г.

⁸⁶ Письмо Бларамберг неизвестно.

⁸⁷ Речь идет о *Николае Александровиче Щепкине* (1849–1914), внуке известного актера М. С. Щепкина; с июля 1876 г. до смерти писателя был управляющим его имениями.

⁸⁸ Письмо Бларамберг неизвестно.

⁸⁹ См.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 166–167.

⁹⁰ См.: Там же. С. 177.

⁹¹ Письмо Тургенева от 12 (24) июня 1877 г. см.: Там же. С. 178–179. Возможно, недатированный черновик письма Бларамберг является ответом. См. *Приложение I*; письмо Бларамберг от 13 (25) — 16 (28) июня 1877 г.

⁹² «В июле 1877 г., — писала Бларамберг в статье о Е. М. Якушкиной, — в день моего приезда в Спасское-Лутовиново Тургенева, молодой управляющий Ивана Сергеевича Тургенева праздновал свою свадьбу в старом флигеле, предоставленном в мое распоряжение и полном воспоминаний об авторе „Записок охотника“» (*Ардов-Апрелева Е.* Одна из немногих (Памяти Е. М. Якушкиной) // *РусВед*. 1908. 15 февраля. № 38). В архиве Щепкиных сохранилась записка Бларамберг к Н. А. Щепкину (воспроизведена: *Бондарский И. А.* Щепкины: История рода в письмах, документах, воспоминаниях, фотографиях. М., 2010. С. 181).

⁹³ *Рагозин Евгений Иванович* (1843–1906), публицист, редактор-издатель газет «Неделя» и «Наш век», в которой было опубликовано первое произведение Бларамберг «Аполлон Маркович». Подробнее см. во вступит. статье.

⁹⁴ См.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 181. Это письмо Тургенева является ответом, скорее всего, на письмо Бларамберг от 13 (25) — 16 (28) июня 1877 г. См. *Приложение I*.

⁹⁵ Тургенев был арестован 16 (22) апреля 1852 г., и уже в мае последовала ссылка на родину, в Спасское, под надзор полиции, куда он выехал 18 (30) мая 1852 г. Формально причиной ареста стала публикация статьи-некролога о Гоголе в «Московских ведомостях» (Письмо из Петербурга // *МВед*. 1852. 13 марта. № 32; подпись: Т. И.; датировано письмо 24 февраля 1852 г.). Однако сам писатель считал, что действительным поводом стал выход в свет отдельного издания «Записок охотника». «...В 1852 году, — писал о себе Тургенев в «Автобиографии», — когда, по поводу напечатания его статьи о кончине Гоголя, или, говоря точнее, вследствие появления

отдельного издания „Записок охотника“, И. С. был посажен на месяц в полицейский дом, а потом отправлен на жительство в деревню, из которой он возвратился только в 1854 году» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 204).

⁹⁶ Описание Бларамберг совпадает с описью М. А. Щепкина (см.: *Щепкин М.* Село Спасское-Лутовиново, усадьба И. С. Тургенева (Описание усадьбы и дома, каким он был при жизни И. С. Тургенева, с планом дома и флигеля) // *ИВ.* 1916. № 2. С. 550–564).

⁹⁷ Речь идет о *Захаре Федоровиче Балашиове* (1840–е–1883), бывшем крепостном, камердинере Тургенева, прослужившем писателю сорок лет (см.: *Скокова Л. И.* «В Спасском пусто и уныние...» // *Спасский вестник.* 1995. Вып. 3. С. 67–73). По воспоминаниям А. А. Фета, Тургенев «далеко не пренебрегал» литературным мнением «тонкого» Захара (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 34), а по свидетельству Д. Я. Колбасина, часто встречавшегося с писателем в 1850-е гг., Захар «писал повести в часы досуга, но, по скромности своей, никому не читал их» (*Ти круг Совр.* С. 119). Этот лакей, вспоминал Е. М. Гаршин, «живая хроника жизни Ивана Сергеевича», отношения которого «к своему слуге были в высшей степени оригинальны»: «Вечно суровый и угрюмый на вид, он ходил за своим барином, как за ребенком, и сам сравнивал себя с Савельичем в „Капитанской дочке“ <...>». «Мне приходилось слышать, — прибавлял Гаршин, — что этот же Захар воспроизведен графом Л. Толстым в рассказе „Альберт“» (см.: *Гаршин Е. М.* Воспоминания о Тургеневе // *ИВ.* 1883. № 11. С. 396).

⁹⁸ *Тургенева Варвара Петровна* (урожд. Лутовинова; 1787–1850), мать писателя, умная, властная женщина, убежденная крепостница; черты ее деспотического характера нашли отражение в образах барынь-помещиц ряда произведений Тургенева: «Муму», «Собственная господская контора», «Степной король Лир», «Пунин и Бабурин». Подробнее о ней см.: Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844) / Подг. текста В. А. Лукиной, коммент. С. Л. Жидковой и В. А. Лукиной // *Тургенев. НИиМ(1).* С. 500–585.

⁹⁹ *Тургенев Сергей Николаевич* (1793–1834), отец писателя, полковник в отставке. О его отношениях с И. С. Тургеневым см.: *Ден Т. П.* С. Н. Тургенев и его сыновья // *РЛ.* 1967. № 2. С. 129–135. Некоторые стороны отношений между родителями писателя послужили Тургеневу материалом для повести «Первая любовь». См. также: *ПССиП(2). Письма.* Т. 1. С. 591–592.

¹⁰⁰ Рассказ «Собственная господская контора (Отрывок из неизданного романа)» — конец первой главы первой части незавершенного романа Тургенева «Два поколения» (1852–1853) — был опубликован в газете «Московский вестник» (1859. № 1; *ПССиП(2). Соч.* Т. 5. С. 7–17). 14 (26) июля 1870 г. Тургенев писал казанскому библиографу П. П. Васильеву: «...сколько я помню, был действительно помещен отрывок из сожженного мною романа под заглавием „Собственная господская контора“ в журнале некоего Основского <...>» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 10. С. 213). Прототипом властной помещицы Глафиры Ивановны была мать писателя, о которой П. В. Анненков вспоминал: «Это была женщина далеко недюжинная и по-своему образованная <...> Как женщина развитая, она не унижалась до личных расправ, но подверженная гонениям и оскорблениям в молодости, озлобившим ее характер, она была совсем не прочь от домашних радикальных мер исправления непокорных или нелюбимых ею подвластных. Сама она, по изобретательности и дальновидному

расчету злобы, была гораздо опаснее, чем ненавидимые фавориты ее, исполнявшие ее повеления. Никто не мог равняться с нею в искусстве оскорблять, унижать, сделать несчастным человека, сохраняя приличие, спокойствие и свое достоинство» (Анненков. С. 386–387).

¹⁰¹ Речь идет об *Афанасии Тимофеевиче Алифанове* (ум. 1872), дворовом егере в Спасском; писатель познакомился с ним в 1835 г. (см. письмо к И. П. Борису от 19 (31) января 1866 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 10). В дальнейшем Афанасий неизменно сопровождал Тургенева на охоте и послужил прототипом Ермолая в «Записках охотника». По воспоминаниям Е. Я. Колбасина, «когда Тургенев приезжал в родное село Спасское, то наперед знал, что на другой день явится к нему утром Афанасий, известный под именем дворового егера, ибо на обязанности его было, еще во времена владычества старой барыни, доставлять дичь на барский стол. Как теперь помню этого высокого, стройного мужика в каком-то коротеньком зипунишке до колен, подпоясанного веревочкой и монотонно докладывающего Тургеневу о выводах коростелей, дупелей и т. п.» (подробнее о нем см.: Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844). С. 526). После смерти Алифанова Тургенев материально поддерживал его семью (см. также: *ПССиП(2). Соч.* Т. 3. С. 452–453).

¹⁰² Имеется в виду *Порфирий Тимофеевич Кудряшов* (1813–1880), крепостной Тургеневых. В 1838 г. в качестве «дядьки» был отправлен вместе с будущим писателем в Германию, но стал не столько его слугой, сколько другом. В Берлине Кудряшов прослушал курс лекций по медицине и по возвращении был зачислен В. П. Тургеневой «штатным» врачом. Получив после ее смерти вольную, остался в Спасском. Последние годы жил в Спасском, имея собственный дом и землю, подаренную ему писателем. Именно Кудряшов послужил прототипом домашнего лекаря в повести «Муму» и фельдшера Павла Андреевича в рассказе «Контора» («Записки охотника»). См.: *Митракова Л. А. Кудряшов П. Т. // Тургенев. НИИМ(1)*. С. 367 («Материалы к Тургеневской энциклопедии»).

¹⁰³ В Спасском Тургенев жил летом 1878, 1880 и 1881 гг. В эти периоды к нему приезжали в гости Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович, А. А. Фет, М. Г. Савина и др., два лета там жил Я. П. Полонский с семьей.

¹⁰⁴ Письмо Бларамберг неизвестно.

¹⁰⁵ Письма Луизы Эритт к Бларамберг неизвестны.

¹⁰⁶ См.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 204.

¹⁰⁷ Здание богадельни, вспоминала С. Г. Щепкина, «по наружному своему виду было небольшое, деревянное, в желтую краску выкрашенное, с железной крышей зеленого цвета, фасадом выходило на проезжую дорогу, а противоположной стороной примыкало к парку. Внутри состояло из одной большой комнаты и другой поменьше, где стояли 11 кроватей, большой шкаф, снабженный необходимым бельем, постельным и носильным». Далее помещались кухня и помещение для кухарки. «В нескольких сажнях стояла деревянная церковь. Тургенев выстроил эту богадельню исключительно для бывших дворовых своей умершей матери <...>». По свидетельству мемуаристки, «старухам было запрещено бродяжничать и пьянствовать; позволялось гулять по парку и летом собирать грибы <...> удалось их приучить к смене чистого белья <...> к хождению в баню <...>». По желанию Тургенева были выписаны из Москвы всевозможные медикаменты первой необходимости, приглашен уездный врач (см.: *Щепкина*. С. 212–214).

¹⁰⁸ Речь идет о романе Бларамберг «Без вины виноватые», опубликованном в «Вестнике Европы» (1877. № 7, 8).

¹⁰⁹ Якушкина *Елизавета Мардарьевна* (урожд. Милюкова; 1836–1893), орловская помещица, соседка Тургенева по имению, вдова участника революционного движения 1860-х гг. В. И. Якушкина. Е. М. Гаршин вспоминал, что Тургенев «был очень расположен к соседке своей» Якушкиной, «которую называл замечательной русской женщиной, и все собирался повезти нас к ней, чтобы показать, какие бывают настоящие русские женщины. <...> Г-жа Я<кушкина>, одинокая женщина среднего состояния, вот уже лет 10 посвящает свои силы самой скромной деятельности на пользу своих крестьян. Ею устроена образцовая школа, организована медицинская помощь, а главное, ее исключительными стараниями, при противодействии местного дворянства, устроено ссудо-сберегательное товарищество, глубоко пустившее свои корни среди местного населения» (*Гаршин Е. М. Воспоминания о Тургеневе*. С. 394). Возможно, что через Тургенева осуществлялись какие-то посреднические связи между эмигрантами и Якушкиной (см. письма Тургенева к П. Л. Лаврову от 24 июля (5 августа), 18 (30) августа и 27 августа (8 сентября) 1882 г.: *ПССУП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 1. С. 311; Т. 13. Кн. 2. С. 7, 17). По мнению Ю. А. Красовского, остается «невъясненным, состояла ли эта связь только в денежной помощи, которую, очевидно, оказывала Якушкина эмигрантам, или же она принимала какое-то участие в революционно-конспиративных делах» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 60).

Бларамберг навестила Якушкину в ее усадьбе Старухино в июле 1877 г., подробнее см. во вступит. статье.

¹¹⁰ См.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 212–214.

¹¹¹ Тургенев приехал в Москву 3 (15) августа 1878 г.; факт посещения им редакции «Русских ведомостей» в *Летописи (1876–1883)* не зафиксирован.

¹¹² В письме от 4 (16) августа 1878 г. Тургенев сообщил Л. Толстому, что хочет встретиться с ним (см.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 16. Кн. 1. С. 139). Ответ Толстого, полученный Тургеневым, неизвестен.

¹¹³ Тургенев гостил у Л. Толстого в Ясной Поляне 8 (20) — 9 (21) августа 1878 г.; см.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 16. Кн. 1. С. 627; *Толстой*. Т. 62. С. 406–407. Встреча писателей состоялась после длительного охлаждения в их отношениях, связанного с конфликтом в конце мая 1861 г. и вызовом на дуэль, которая не состоялась.

¹¹⁴ Вероятно, речь идет о французском издании Жорж Санд: *Œuvres de George Sand*. Bruxelles, 1838. Т. 1, куда вошли ее романы «Жак», «Индиана», «Мопра» и др., которое, очевидно, было в Спасской библиотеке Тургенева. Местонахождение этого экземпляра неизвестно.

¹¹⁵ Местонахождение переписки Бларамберг и Луизы Эрритт неизвестно.

¹¹⁶ См.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 16. Кн. 1 С. 141.

¹¹⁷ 14 (26) августа 1878 г. Тургенев написал Л. Толстому: «...не могу не повторить Вам еще раз, какое приятное и хорошее впечатление оставило во мне мое посещение Ясной Поляны и как я рад тому, что возникшие между нами недоразумения исчезли так бесследно, как будто их никогда и не было. <...> мы оба стали лучше, чем 16 лет тому назад; и мне было приятно это почувствовать» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 16. Кн. 1. С. 145).

¹¹⁸ *Мамонтова Елизавета Григорьевна* (урожд. Сапожникова; 1847–1908), жена известного предпринимателя и мецената С. И. Мамонтова (1841–1918), собира-

тельница предметов народного искусства. Вероятно, знакомство писателя с семьей Мамонтовых состоялось в Париже в конце марта — середине апреля 1874 г. Прямого свидетельства не обнаружено, однако известно, что в Париже в конце марта Мамонтовы познакомились с хорошо знакомыми писателю В. С. Серовой (и ее сыном), В. Д. Поленовым и И. Е. Репиным (см.: *Мамонтов В. С.* Воспоминания о русских художниках. С. 33, 114). Последних, как академических пенсионеров в Париже, опекал А. П. Боголюбов, чей салон, по воспоминаниям Серовой об этом периоде, «служил центром всему русскому миру в Париже» (*Серова В. С.* Как рос мой сын / Сост., ред. И. С. Зильберштейн. Л., 1968. С. 77). В это время (около 22 марта (3 апреля) — 13 (25) апреля 1874 г.) Тургенев позировал Репину; готовый портрет был показан художникам, скорее всего, в середине апреля ст. ст. на одном из «боголюбовских» вторников, на котором Тургенев присутствовал (см.: *Летопись (1871–1875)*. С. 182, 188). См. также: *Бахревский В. А.* Савва Мамонтов. С. 133–135, 186–195.

Весной 1870 г. Мамонтовы приобрели у дочери С. Т. Аксакова имение Абрамцево близ станции Хотьково Ярославской железной дороги, куда 6 (18) августа 1878 г. Тургенев вместе с Бларамберг предприняли совместную поездку. С Бларамберг Мамонтова познакомилась в середине 1870-х гг. через брата писательницы П. И. Бларамберга, часто бывавшего в Абрамцево, состояла с ней в переписке (см.: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 80; письма 1877 г.). В 1870–1890-е гг. подмосковная усадьба Абрамцево стала местом деятельности широко известного «Мамонтовского кружка», члены которого, известные композиторы, художники, актеры, исповедовали стремление к возрождению русского искусства, бережное отношение к памятникам национальной старины и их музейное коллекционирование. В настоящее время собранная Мамонтовой богатая коллекция народного искусства является частью фондов музея-заповедника «Абрамцево».

¹¹⁹ Тургенев вместе с Бларамберг посетили П. М. Третьякова на даче в Кунцево (Подмосковье) на следующий после поездки в Абрамцево день, т. е. 7 (19) августа 1878 г. (в *Летописи* ошибочно днем визита указано также 7 (19) августа 1881 г. См.: *Летопись (1876–1883)*. С. 205, 407). Знакомство писателя с собирателем картин русской художественной школы, основателем Третьяковской галереи П. М. Третьяковым (1832–1898) относится к 1860-м гг. Они встречались, состояли в переписке; для галереи портретов русских писателей Третьяков заказывал портрет Тургенева: в 1869 г. — К. Ф. Гуну (портрет не был написан), в 1872 г. — В. Г. Перову, в 1874 г. — И. Н. Крамскому и И. Е. Репину (Третьяковская галерея) и в 1879 г. — вновь Репину. Тургенев, безусловно, бывал в Кунцево до этой поездки — писатель намеревался посетить Третьякова в Кунцево в начале июня 1876 г. См.: *ПССУП(2)*. Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 111. Письмо к П. М. Третьякову от 6 (18) июня 1876 г.

¹²⁰ Об И. И. Маслове см. статью в наст. издании в разделе «Материалы к Тургеневской энциклопедии».

¹²¹ Встреча Тургенева с матерью генерала М. Д. Скобелева, с которой писатель познакомился, вероятно, в начале 1860-х гг., состоялась 7 (19) августа 1878 г. (датируется по воспоминаниям Бларамберг; в *Летописи (1876–1883)* не отмечено). *Скобелева Ольга Николаевна* (урожд. Полтавцева; 1823–1880), мать выдающегося полководца генерала М. Д. Скобелева (1843–1882). В день встречи Тургенева со Скобелевой ее сын писал родственнику: «...чем более проходит времени, тем более растет во мне сознание совершенной моей невинности перед Государем, а потому и чувство

глубокой скорби не может меня покинуть... только обязанности верноподданного и солдата могли заставить меня временно примириться с невыносимой тяжестью моего положения с марта 1877 года. Я имел несчастье потерять доверие, мне это было высказано, и это отнимает у меня всякую силу с пользой для дела продолжать службу» (цит. по: *РБС*. Т.: Сабанеев—Смыслов. СПб., 1904. С. 578). Дочь О. Н. Скобелевой *Ольга Дмитриевна* (в замуж. Шереметева; 185?–1898), родная сестра полководца, фрейлина, сестра милосердия в русско-турецкую войну; певица, композитор, была ученицей П. Виардо, под руководством которой сочиняла романсы, вальсы, марши. Тургенев бывал в ее доме в Париже, высоко отзывался о ее пении: «Г-жа С<кобелева> пригласила человек пятнадцать, — писал он П. Виардо 6 (18) апреля 1864 г., — <...> спела, честное слово, очень хорошо: диапазон ее голоса сильно увеличился; но нижние ноты она берет немного горлом. Она только и мечтает о Баден-Бадене и о счастье снова брать у вас уроки» (*ИССиП(2)*. *Письма*. Т. 6. С. 185. Подлинник по-франц.). Ученицами П. Виардо были также сестры полководца герцогиня З. Д. Лейхтенбергская и кн. М. Д. Белосельская-Белозерская (см.: *Розанов А.* Полина Виардо-Гарсиа. С. 205).

¹²² Тургенев присутствовал в клубе художников в Петербурге на представлении «Грозы» Островского 10 (22) февраля 1879 г. В роли Катерины выступала *Полина* (наст. имя Пелагея) *Антиповна Стрепетова* (в первом браке Писарева, во втором Погодина; 1850–1903), трагическая актриса, знакомая и корреспондентка Бларамберг (см. примеч. 19 к вступит. статье). Позже, в 1880 г., Тургенев познакомится с ней у Писемского (см. письмо Тургенева к М. Г. Савиной от 24 апреля (6 мая) 1880 г.: *ИССиП(1)*. *Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 241).

¹²³ Утром 18 февраля (2 марта) 1879 г. Тургенев присутствовал на заседании Общества любителей российской словесности, где был восторженно встречен публикой, среди которой было много студентов. В корреспонденции «Русских ведомостей» отмечалось, что «обширная университетская физическая аудитория далеко не могла вместить всех желающих»; едва «показалась величественная фигура И. С., как своды зала огласились громом оглушительных рукоплесканий. Крики „браво“ перекачивались в продолжение нескольких минут из конца в конец, возобновляясь все с новою силою» (*РусВед*. 1879. 21 февраля. № 45). С хоров к Тургеневу обратился студент Московского университета П. П. Виктор, представлявший радикальную часть студенчества. Он приветствовал писателя прежде всего как автора «Записок охотника» и поблагодарил за его честное отношение к действительности и желание понять стремления молодежи, ее идеалы. «...Студенты мне такой устроили небывалый прием, — писал Тургенев А. В. Топорову 20 февраля (4 марта) 1879 г., — что я чуть не одурел — рукоплескания в течение 5 минут, речь, обращенная ко мне с хоров, и пр. и пр. <...> Этот возврат ко мне молодого поколения очень меня порадовал, но и взволновал порядком» (*ИССиП(1)*. *Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 38; см. также: *Алексеева Н. В.* Воспоминания П. П. Викторова о Тургеневе // *ТСб (1818–1883–1958)*. С. 311–315). См. также: *Стецкий Н. Я.* Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. С. 18–19; *П. В. <Васильев П.>*. Описание торжеств, происходивших в честь И. С. Тургенева во время пребывания его в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879 года. Казань, 1880. С. 2–4; *Леткова Е.* Об Ив. С. Тургеневе (Из воспоминаний курсистки) // К свету. Научно-литературный сб. СПб., 1904. С. 451–452.

¹²⁴ Память подвела Бларамберг: после заседания в Обществе любителей российской словесности Тургенев посетил любительский спектакль — хронику Шекспира «Генрих IV», поставленный членами Шекспировского кружка (см.: *Полозкова (Инатова) С. А.* Воспоминания В. Н. Ляковского об И. С. Тургеневе // *Т. Вопр биогр и творч (1990)*. С. 198, 200). Визит к Писемскому состоялся, скорее всего, 4 (16) марта 1879 г. после концерта в пользу недостаточных студентов Московского университета в зале Благородного собрания. Об этом визите Писемский писал 3 (15) марта Бларамберг: «...завтра, сиречь в воскресенье вечером, хотел приехать ко мне Иван Сергеевич Тургенев, а потому приезжайте и вы, — побеседуем, позлословим, позубоскалим, — словом, все как следует будет» (*Писемский*. С. 405). В *Летописи (1876–1883)* визит Тургенева к Писемскому не зафиксирован.

¹²⁵ 4 (16) марта 1879 г. Тургенев участвовал в литературно-музыкальном вечере в пользу «недостаточных» студентов Московского университета (см.: *РусВед*. 1879. 6 марта. № 57). Публика встретила писателя стоя, восторженными овациями. В ответ на приветствие студента Н. Н. Чихачева Тургенев произнес знаменитую «Речь к московским студентам», которая была опубликована в целом ряде изданий: «Современные известия» (5 марта), «Русские ведомости» (7 марта) и др. См.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 12. С. 335, 676–677. На этом вечере Тургенев прочел рассказ «Бурмистр» из «Записок охотника».

¹²⁶ 6 (18) марта 1879 г. состоялся прощальный обед в ресторане «Эрмитаж», на котором присутствовало около ста человек. В ответ на приветственные речи (С. А. Юрьева, К. А. Тимирязева, проф. Н. В. Бугаева, проф. Н. С. Тихонравова и др.) Тургенев произнес ответную речь (см.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 12. С. 336–337, 677–678).

¹²⁷ См.: *ПССиП(1)*. *Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 44, где записка датирована временем пребывания Тургенева в Москве: 14 (26) февраля — 7 (19) марта 1879 г.

¹²⁸ Ср. в подлиннике: «Я лежу на диване и, вероятно, пролежу целый завтрашний день — и во всякий час буду рад Вас видеть» (*ПССиП(1)*. *Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 41, где записка датирована: 25–27 февраля (9–11 марта) 1879 г.).

¹²⁹ *Колонн Эдуард* (Colonne; 1838–1910), французский дирижер и скрипач, один из основателей общества «Национальные концерты» (1873), с 1874 г. получившего название «Концерты Шатле», позднее «Концерты Колонна». Никакими сведениями о дебюте Марианны Виардо (в замуж. Дювернуа) в «Концертах Колонна» не располагаем. Местонахождение ее писем к Тургеневу неизвестно.

¹³⁰ См.: *ПССиП(1)*. *Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 43, где письмо датировано 6 (18) марта 1879 г. Писатель пригласил Бларамберг и Е. Г. Мамонтову к себе, т. е. в дом к И. И. Маслову, где он остановился. Неизвестно, состоялась ли эта встреча.

¹³¹ В примечании Бларамберг имеет в виду *Николая Андреевича Белоголового* (1834–1895), известного русского врача и писателя, диагностировавшего болезнь Тургенева; он оставил воспоминания о последних месяцах жизни писателя: *Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1897. С. 411–419. Подробнее об участии Белоголового в диагностике болезни писателя см.: *Тургенев. НИиМ(3)*. С. 554–555, а также: *Битогова И. А.* Белоголовый Н. А. // *Тургенев. НИиМ(2)*. С. 265–267 («Материалы к Тургеневской энциклопедии»).

¹³² Сохранились три письма М. Дювернуа к Бларамберг, подробнее см. во вступит. статье.

¹³³ В письме от 15 (27) февраля 1881 г. Тургенев, намереваясь провести лето в Спасском, пригласил туда Полонского «вместе с семейством» на все лето (см.: *ПССиП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 1. С. 61–62). Кроме них писатель пригласил также Л. Н. Толстого, Д. В. Григоровича, М. Г. Савину, В. М. Гаршина, племянника А. Н. Тургенева; в разные дни лета 1881 г. в Спасском побывали также В. В. Ладыженская, А. А. Мещерский, Н. В. Гербель, П. В. Шейн. Сам Тургенев находился в деревне с 31 мая (12 июня) до 21 августа (2 сентября) 1881 г. Полонский вспоминал: «...это лето провел я под одною с ним кровлей, и провел не как гость, а как брат, захвативший на побывку к родному старшему брату» (*Полонский Я. П. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину // Полонский Я. П. Проза. М., 1988. С. 395; впервые: Нива. 1884. № 1–8*). См. также: Спасский дневник Я. П. Полонского. 1881 год (Фрагменты) / Публ. Е. Н. Левиной // *Спасский вестник*. 1995. Вып. 3. С. 74–85.

¹³⁴ *Гаршин Всеволод Михайлович* (1855–1888), писатель-народник, знакомый и корреспондент Тургенева, который познакомился с ним зимой 1879/80 г. в числе других молодых писателей на квартире золотопромышленника К. М. Сибирякова. По приглашению писателя отдыхал в Спасском летом 1882 г. (с 24 июля (5 августа) по 18 (30) сентября). «Книг здесь куча, — писал Гаршин своей невесте 3 (15) сентября 1882 г. из Спасского, — множество французских, нем<ецких> и английских; все русские журналы. На журналах 30-х и 40-х годов везде буквы В. Б., т. е. Виссарион Белинский: эти книги принадлежали ему. Странно как-то держать в своих руках книгу, которую читал и перелистывал сам Виссарион. — Читаю я довольно много, но бестолково. Очень уж хорошо здесь шататься по парку, купаться, ездить верхом. Лето отличное: ни жарко, ни холодно. И ходишь большую часть дня под огромными липами; а какие здесь есть деревья! По 100 и 200 лет. Дуб, посаженный собственными руками Ивана Сергеевича 50 лет тому назад, совсем мальчик перед ними» (*Гаршин Вс. М. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1934. Т. 3: Письма. С. 272*). В Спасском Гаршин писал свою повесть «Из воспоминаний рядового Иванова» (*ОЗ*. 1883. № 1). Тургенев высоко оценивал талант Гаршина; под впечатлением от его «Рассказов» (СПб., 1882) писал ему в Спасское из Буживаля 3 (15) сентября 1882 г.: «...изо всех наших молодых писателей Вы тот, который возбуждает большие надежды. У Вас есть все признаки настоящего, крупного таланта: художнический темперамент, тонкое и верное понимание *характерных* черт жизни — человеческой и общей, чувство правды и меры, простота и красивость формы — и, как результат всего, оригинальность. <...> Радуюсь, что пребывание Ваше в деревне пошло Вам в пользу — и возвратило Вас к литературной работе» (*ПССиП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 27).

О своем посещении Спасского в августе 1881 г. и разговорах с Тургеневым оставил подробные воспоминания брат В. М. Гаршина Евгений (см.: *Гаршин Е. М. Воспоминания об И. С. Тургеневе*. С. 378–398).

¹³⁵ *Савина Мария Гавриловна* (сценич. фам.; урожд. Подраменцова, в первом браке Славич, во втором Всеволодская, в третьем Молчанова; 1854–1915), драматическая актриса Александринского театра (1874–1915), друг и корреспондент Тургенева, автор воспоминаний о нем (см.: *Савина М. Г. Мое знакомство с И. С. Тургеневым // Савина М. Г. Горести и скитания. С. 137–145*). Писатель познакомился с ней в 1879 г. (подробнее см.: *Назарова Л. Н. Савина М. Г. // Тургенев. НИиМ(3)*. С. 389–390). Актриса по приглашению Тургенева с 14 по 18 июля ст. ст. 1881 г. гос-

тила в Спасском; намеревалась написать воспоминания об этом пребывании, о чем свидетельствует сохранившийся черновой набросок плана (см.: Тургенев и Савина / Под ред. А. Ф. Кони. Пг., 1918. С. 72; см. также: Д. В. Григорович. Письма к Тургеневу и Я. П. Полонскому / Публ. Б. Н. Капелюш // *Т Сб.* Вып. 4. С. 398–406). Впечатления от этих дней содержатся в ее письме к Ю. Д. Беляеву от 14 марта 1909 г.: Иван Сергеевич «возил меня и детей Полонской в лес и к пруду. В большой соломенной шляпе, в коричневой парижской „вязанке“ с шелковыми рукавами и небрежно завязанным белым шарфиком вместо галстука, он был удивительно красив. Он правил лошадью с полным удовольствием, как ребенок, и улыбка не сходила с его лица. В лесу он усерднее всех собирал цветы и болтал без умолку. / Когда я вошла в первый раз в кабинет Спасского, то И<ван> С<ергеевич> так просто сказал: „Вот за этим столом я написал «Отцы и дети»“». В письме содержится также упоминание о чтении ей Тургеневым некоторых из «Стихотворений в прозе» (Из писем М. Г. Савиной к Ю. Д. Беляеву // Савина М. Г. Горести и скитания. С. 146–147). См. также: М. Г. Савина в письмах И. С. Тургенева (Обзор И. И. Шнейдермана) // Там же. С. 183–200. В память о пребывании Савиной в Спасском одна из комнат и пруд носят ее имя.

**ТРИ ПИСЬМА Е. И. БЛАРАМБЕРГ
К ТУРГЕНЕВУ (1875–1877)**

Публикуемые впервые в полном объеме три письма Е. И. Бларамберг к Тургеневу, сохранившиеся лишь в черновиках, дополняют историю отношений писателя и начинающей беллетристки периода их наиболее активного общения 1875–1877 годов.

Черновики публикуются по подлинникам: ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 33–35, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных особенностей стиля автора.

1

Ноябрь — декабрь 1875 года. Москва

Милост<ивый> госуд<арь> Иван Сергеевич,

Louise¹ написала мне на днях, что Вы не получали моего письма,² и потому спешу еще раз написать Вам, чтобы от души поблагодарить Вас за Ваши рекомендательные письма.³ Я все их^а передала по назначению, и благодаря им меня везде приняли чрезвычайно радушно.

Работы еще я не получала, но надеюсь, что зима эта не пройдет без некоторого результата. Во всяком случае, как ни велики и ни тяжелы материальные заботы, они легче сносятся, когда приходится^б отвечать только за себя. Louise, к счастью, теперь обеспечена и имеет, наконец, возможность^в начать ту жизнь, о которой она мечтала с самого детства, тем более что и другая ее мечта, наконец, осуществилась, т. е.^г она свиделась с своей семьей, и все прошлые тяжелые недоразумения сгладились, надеюсь, навсегда.⁴

Меня особенно радушно принял А. Ф.^д Писемский и до сих пор оказывал весьма деятельное содействие.^{е,5} К сожалению, он человек крайне

---

^а Далее зачеркнуто: благодарю

^б Далее зачеркнуто: одной

^в Далее зачеркнуто: отдат<ься>

^г Далее зачеркнуто: ее

^д А. Ф. вписано над строкой.

^е Далее зачеркнуто: желая

дик<ий>* и в нравственном, и в физическом отношении, нелегко заставить его выйти из постоянного³ ипохондрического состояния.⁴ Мне это отчасти удавалось, и, конечно, многое, что он высказывал по поводу литературы и искусства, было крайне интересно и полезно⁵ для меня. Но в пос<леднее время> случился в Москве казус, который озадачил всех, но особенно Алексея Феофилактовича, это происшествие с Коммерческим банком, происшествие весьма обыденное за границей, но здесь совершившее положительно переворот в умах.⁶

На Алексея Феофилактовича этот случай подействовал так сильно, что он ни о чем другом ни думать, ни говорить не может, поэтому я должна терпеливо ждать, пока это состояние пройдет. Мое желание⁷ познакомиться и сблизиться со всеми литераторами в Москве чрезвычайное, а это я могу только сделать посредством Писемского.

Меня как свежего человека крайне поражает общий упадок духа в России; все ноют, все плачут, все стонут. Все ждут какого-то переворота или скорее пророка, который⁸ внес бы новую веру в общество и освежил бы его. Мне кажется, никогда в России не чувствовалась такая потребность в серьезном художественном произведении, как теперь, никогда⁹ писатель не нашел бы более подготовленной почвы. За всякое мало-мальски талантливое произведение ухватываются как за минутное спасение от окружающей бесцветной жизни. Но талантливых произведений нет, молодые не родились, а старые умолкают и умолкают с чувством горечи и с сознанием, будто Россия переживает такое время, когда художественные <произведения> ей не нужны, когда она их не хочет и не может понять. Так говорит Писемский, Островский,⁷ Гончаров (по словам А. Ф. <Писемского>), и так говорите *Вы*. А если б *Вы* знали, так, как я знаю, так, как знает вся читающая публика, какое влияние *Вы* имели в России, какую массу наслаждений, светлые, дорогие минуты *Вы* заставили пережить нас, и старых,⁹ и малых! Ни один значительный¹¹ писатель ни в одной стране не пользуется не только славой, но именно такою¹⁰ любовью, как *Вы* в России, в той России, которая,

---

* дик<ий> *вписано над строкой.*

³ постоянного *вписано вместо зачеркнутого: его*

⁴ *Далее зачеркнуто: заставить его оживиться*

⁵ и полезно *вписано над строкой.*

⁷ *Далее зачеркнуто: сб<лизиться>*

⁸ *Далее зачеркнуто: може<т>*

⁹ *Далее зачеркнуто: молод<ой?>*

⁹ *Далее зачеркнуто: и старых*

¹¹ значительный *вписано над строкой.*

¹⁰ такою *вписано над строкой.*

как говорят, не^с имеет потребности в художественном произведении, в искусстве! Ей преподносят бесцветные,^т безжизненные произведения, а затем авторы этих произведений жалуются^у на то, что России не нужна литература, а она усердно^ф перелистывает этих авторов, пытаясь найти в них какую-нибудь жизнь и не находя последней, снова возвращается к своим старым любимым писателям, невольно сравнивает их с современными и в свою очередь жалуется на то, что у нее нет литературы.

Во Франции, Англии, Германии в массе талантливых писателей иное художественное произведение может не вдруг обратить на себя внимание публики, но у нас, где талантливые писатели наперечет,^х каждое талантливое произведение *тотчас* же признается публикой, тотчас же производит движение в обществе...

Я невольно написала Вам все это, многоуважаемый И. С., находясь под впечатлением разговора с А. Ф. <Писемским> и вспомнив один разговор с Вами. Весьма тяжелое впечатление производит, когда те писатели, которые силой таланта воспитали целое поколение, так разочарованно относятся к России. Во Франции каждый начинающий писатель может найти себе наставника в одном из так называемых литературных отцов. Наставник этот^и сможет опытом предохранить от слишком грубых промахов, передаст ему опыт и жизнью выработанные убеждения. А у нас к кому обратиться? Каждый из наших литературных отцов держит себя в стороне и^и первым делом советует *не писать*, бросить, взяться за выгодную работу... В Ваше время, когда Вы начинали, был Белинский, который и рыбью натуру мог расшевелить и вдувать в нее искру Божью, а теперь — разочарованность,^ш безнадежность, недоверие к силе искусства, тогда как у нас же на глазах, в Ваших же произведениях мы видим, какова эта сила и насколько Россия нуждается в ней! К чему все это? — спросите Вы. — Да просто к тому, что невольно жутко становится. Прокладывать себе путь, когда со всех сторон раздаются крики, может быть, будущих собратий: «Ой, не ходи! ой, упадешь! там пропасть, а там глубокий ров!» Я знаю, что Вы единственный писатель, в котором еще не окончательно сокрушена вера в будущее России, Вы покинули ее, может быть она сделалась Вам чуждой, но Вы сочувственно отзоветесь на все живое, талантливое, что в ней проявится, и потому я спрашиваю, не-

---

^с Далее зачеркнуто: умеет

^т Далее зачеркнуто: скучные

^у Далее зачеркнуто: что

^ф усердно вписано над зачеркнутым: лениво

^х где ~ наперечет вписано над строкой.

^и этот вписано над строкой.

^и Далее зачеркнуто: не советует?>

^ш Далее зачеркнуто: анемия

ужели Вы серьезно полагаете, что художественная¹¹¹ литература невозможна в России и не нужна ей? Неужели в Вас нет веры в то, что настоящее апатичное состояние общества³ только временное, истекающее из <...>¹⁰

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 33. Л. 1–4 об. Автограф без конца. Фрагмент письма с незначительными разночтениями опубликован: *Воспоминания о Писемском (1)*. С. 5.

¹ О Луизе Эритт (урожд. Виардо) см. примеч. 3 к воспоминаниям Бларамберг. См. также примеч. 4 к наст. письму.

² Письмо Бларамберг к писателю неизвестно.

³ Тургенев снабдил Бларамберг, уезжавшую в Россию летом 1875 г., рекомендательными письмами к сотруднику «Санкт-Петербургских ведомостей» И. П. Золотницкому, редактору газеты «Наш век» Е. И. Рагозину, а также к А. Ф. Писемскому. См. подробнее во вступит. статье.

⁴ В 1862 г. Луиза Виардо вышла замуж за Эрнеста Эритт де ла Тура, французского консула в Южной Африке, но в 1864 г. оставила мужа и новорожденного сына и уехала к родителям в Баден-Баден, где прожила до 1868 г. Занялась собственной карьерой певицы и композитора, была приглашена в Россию. Ребенок находился на попечении отца, проживавшего с 1871 г. в Дании, где он исполнял обязанности генерального консула Франции. Встретившись с Луизой в Петербурге в феврале 1871 г., Тургенев описал П. Виардо свои впечатления: «Она по-прежнему „рубит свои канаты“ — чтобы скитаться по волнам. <...> мы с ней много говорили о ее ребенке: это, кажется, льстило ее материнской гордости — но она оставалась непреклонной, как скала. Это существо, отмеченное печатью рока, — к которому, несмотря на невольное отвращение, нельзя не чувствовать глубокой и острой жалости» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 11. С. 327. Подлинник по-франц.). Весной 1872 г. Луиза Эритт пыталась открыть в Петербурге школу пения, но замысел этот не осуществился. В середине 1870-х гг. покинула Россию. См. о ней подробнее во вступит. статье, а также примеч. 10 к воспоминаниям Бларамберг.

⁵ Тургенев писал Писемскому о Бларамберг 29 августа (10 сентября) 1875 г. (*ПССУП(2). Письма*. Т. 14. С. 139). Об отношениях Бларамберг и А.Ф. Писемского см. во вступит. статье.

⁶ В октябре ст. ст. 1875 г. в Москве произошло первое в России банкротство акционерного Коммерческого ссудного банка. Правление банка объявило о прекращении платежей по всем видам обязательств 13 октября ст. ст. См.: *МВед.* 1875. 13 октября. № 260. С. 1; см. также редакционные статьи: Там же. 14 октября. № 261. С. 2; 21 октября. № 268. С. 2. Подсудимыми на процессе, проходившем в Москве годом позже (2–25 октября ст. ст. 1876 г.), предстали немецкий подданный, железнодорожный деятель Генри-Бетель Струсберг (1823–1884), по имени которого в печати этот процесс стал называться «процессом Струсберга», а также директора

---

¹¹¹ художественная *вписано над строкой*.

³ состояние общества *вписано вместо зачеркнутого*: положение

¹⁰ *Далее письмо обрывается*.

банка Г. Ландау и П. М. Полянский, путем подкупа выдавшие подрядчику Струсбергу, строившему в России железную дорогу Брест — Гараево, семимиллионную ссуду под обеспечение ничего не стоивших бумаг. Струсберг в результате банкротства не смог возвратить ссуду, что и повлекло крах банка. Процесс по делу оживленно комментировался в печати (см.: *НВр.* 1876. 11 (23) октября. № 223; 12 (24) октября. № 224; 17 (29) октября. № 229; см. также: *Достоевский.* Т. 23. С. 160, 413 — «Дневник писателя» за 1876 г. Октябрь, гл. «О том же»; картину В. Маковского «Крах банка»).

Тургенев, отвечая Анненкову 25 октября (6 ноября) 1875 г. на его вопрос: «Что там за крах стрёлся в Москве с Коммерческим банком?» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 19), — писал: «А московский *крах* — вещь в своем роде знаменательная! Вручить 6 миллионов р. с. шарлатану, который дома давно прогорел и изверился!» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 14. С. 167). 15 (27) октября 1875 г. Писемский писал сыну Павлу в Берлин: «В Москве теперь сильное волнение: лопнул Коммерческий ссудный банк, в котором у меня, как и в прочих частных банках, нет ни гроша, но тем не менее я другой день в каком-то лихорадочном состоянии, прислушиваюсь к этому общенародному бедствию. <...> В самом банке происходят раздирающие душу сцены: плачут, бранятся, падают в обморок — ужас, что такое!..» (*Писемский.* С. 325–326). Событие это побудило Писемского написать пьесу «Финансовый гений» (1876). См. примеч. 3, 5 к письму 2. Писемский написал о нем Тургеневу 29 октября (10 ноября) 1875 г.: «Над Москвою, как вы, вероятно, уже слышали и читали, разразился страшный удар, — лопнул и рухнул Коммерческий ссудный банк; открылось безобразнейшее мошенничество, акции все ничего не стоят да и по вкладам вряд ли получить полную сумму. Я, разумеется, не пострадал по своему глубочайшему презрению ко всем нашим частным и так называемым общественным учреждениям. Куда я ни покажусь, меня все называют пророком, вспоминая 2-й акт моей пьесы „Просвещенное время“» (*Писемский.* С. 326).

⁷ На «средах» Писемского Бларамберг познакомилась и завязала дружеские и деловые отношения с А. Н. Островским и многими другими литераторами. Подробнее см. во вступит. статье.

2

22 января (3 февраля) 1876 года. Москва

Ранний черновой автограф

Я не могу достаточно благодарить Вас, многоуважаемый Иван Сергеевич, за Вашу телеграмму и письмо Ваше.¹ Ваш немедленный ответ на мою депешу крайне успокоил меня относительно здоровья Louise, и мысленно я Вас уже не раз горячо благодарила и давно бы уже и письменно высказала Вам свою благодарность, если б мне не пришлось поневоле отложить свое письмо.

Алексей Феофилактович, узнав, что я намерена писать, просил меня несколько замедлить отсылкой письма, так как ему хотелось, чтобы я написала

Вам о новом его произведении «Финансовый гений», комедии в 4-х актах. По правде сказать, мне очень жаль, что я дала ему обещание написать Вам^а о впечатлении, произведенном на меня и на публику его комедией... Когда пришлось писать, я не знала, *что* писать! Алексей Феофилактович доволен своим произведением, его собратья, как то Островский, Юрьев, Алмазов² и др., по-видимому, тоже довольны. Трудно при таких обстоятельствах судить.^б

Публики на чтении было много,^в автора приняли прекрасно, слушали внимательно.^г Нельзя сказать, чтобы был огромный успех, но и не было положительного фиаско. Вот вкратце общее внешнее впечатление. Трудно при таких обстоятельствах высказывать свое личное суждение. Так как все, если не вполне, то^д хоть наполовину удовлетвор<ены>, то всякое отриц<ательное> суждение может казаться резким и самонадеянным. И однако мне именно такое отриц<ательное> суждение и приходится высказать. Я вышла под крайне тяжелым впечатлением из залы Общества люб<ителей> словес<ности>.³ Как будто я присутствовала при агонии человека,^е верующего^ж очень^з в жизнь, в свои силы и не подозревающего, что он находится при последнем издыхании... И никто, никто из окружающих его не имеет духу сказать, что для него нет выздоровления...

Комедия «Финансовый гений», по-моему, так слаба, что если бы не имя автора и некоторые намеки^и на только что происшедшее и^к потому интересное всех дело Коммерческого банка,⁴ то ее освистали бы.

В ней нет ни одного живого лица, ни одной живой мысли или положен<ия>. Все лица и положения будто взяты не из жизни, а из газет, да и^л эти лица сшиты на живую нитку... Приводятся по временам две-три марионетки, чтобы рассмешить публику:^м француз, коверкающий рус<ский> язык,

---

^а Вам *вписано над строкой*.

^б *Далее зачеркнуто*: Мне остается стать на точку зрения публики — публики не райка, а публики партера, и с точки зрения этой публики высказать свое суждение. Чтение происходило в здании стар<ого> Унив<ерситета> в заседании Общ<ества> люб<ителей> словес<ности>. Публики собралось много; Писемского приняли прекрасно, слушали внимательно.

^в *Далее зачеркнуто*: Писемск<ого>

^г *Далее зачеркнуто*: подчас смеялись еще чаще над

^д *Далее зачеркнуто*: полу<чили?>

^е *Далее зачеркнуто*: сильного

^ж *Далее зачеркнуто*: в <нрзб.>

^з *очень вписано над строкой*.

^и намеки *вписано над строкой*.

^к *Далее зачеркнуто*: пред

^л и *вписано над строкой*.

^м чтобы ~ публику *вписано над строкой*.

немой спирт-американец с своим толмачом... Впрочем, что же я Вам рассказываю... Вы сами прочтете, когда эта комедия появится в печати.⁵

Я недавно видела «Горькую судьбину»⁶ и было крайне тяжело признать, что после того, как автор сумел создать действительную драму, потрясающую, несмотря на свои недостатки, до глубины души зрителя, что он опускается до таких балаганных средств!

Писемский положительно *сила!* сила своеобразная, оригинальная, но к несчастью для него ему недостает общего образования, и потому сила эта, помимо даже всех тяжелых обстоятельств,⁷ рано подкосилась. Ее чувствуешь, видишь по минутам <...>

Поздний черновой автограф

Москва. 22 января / 3 февраля 1876.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Я не могу достаточно благодарить Вас за Вашу телеграмму и письмо Ваше. Ваш немедленный ответ на мою депешу крайне успокоил меня относительно здоровья Louise, и мыслью я уже не раз горячо благодарила Вас и давно уже и письменно высказывала бы Вам свою благодарность, если бы мне не пришлось поневоле отложить свое письмо.

Алексей Феофилактович, узнав, что я намерена писать Вам, просил меня несколько замедлить отсылкой письма, так как ему хотелось, чтобы я написала Вам о новом его произведении: «Финансовый гений», комедии в 4-х действиях. Он читал ее дня два тому назад в заседании Общества любителей рус<ской> словесности.

По правде сказать, мне очень жаль, что я дала ему обещание написать Вам о впечатлении, произведенном на меня и на публику его комедией... Когда пришлось писать, я не знала, *что* писать! — Алексей Феоф<илакто-вич> доволен своим произведением; его собратья, как то Островский, Юрьев, Алмазов и др., по-видимому, тоже довольны. Публики на чтении было много; автора приняли прекрасно, слушали внимательно. Нельзя сказать, чтобы комедия имела огромный успех, но она и не потерпела положительного фиаско. Вот вкратце общее внешнее впечатление. <Так как все если не вполне, то хотя наполовину удовлетворены, то всякое отрицательное суждение может казаться резким и самонадеянным. И однако именно такое отрицательное суждение приходится высказать>.^a Трудно при таких обстоятельствах высказывать свое личное.

---

^a Фрагмент в угловых скобках отсутствует в черновике и восстанавливается по: Воспоминания о Писемском (1). С. 5.

Печатается по подлинникам: ранний черновой автограф — ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 34. Л. 2–4; поздний черновой автограф — Там же. Л. 1–1 об. На л. 4 об. помета: «Je viens de recevoir une très gentille lettre» («Я только что получил очень милое письмо» — франц.). Оба автографа без конца. Фрагменты письма с некоторыми различиями воспроизведены: *Воспоминания о Писемском (1)*. С. 5.

¹ 10 января н. ст. 1876 г. по дороге из Брюсселя в Париж Луиза Эритт попала в железнодорожную катастрофу, в которой сильно повредила руку. 12 (24) января 1876 г. Тургенев сообщил П. В. Анненкову: «Ее чуть-чуть не убило — но она отделалась сильными ушибами — и довольно мучительным прищемлением руки, к которой до сих пор она владеть не может (беда случилась ровно две недели тому назад). Недели через две, вероятно, никакого следа не останется» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 16). В ответ на запрос Бларамберг Тургенев послал ей телеграмму: «Случай не опасный, Луиза чувствует себя хорошо» (Там же. С. 286. Подлинник по-франц.).

² Алмазов Борис Николаевич (1827–1876), критик, поэт, переводчик; друг и корреспондент Писемского.

³ Писемский читал свою комедию «Финансовый гений» в публичном собрании Общества любителей российской словесности 18 (30) января 1876 г. 7 (19) февраля 1876 г., посылая Тургеневу пьесу, Писемский заметил: «...препровожаю к вам в двух экземплярах, из каковых один убедительнейше прошу переслать П. В. Анненкову <...>. Пьеса моя напечатана в маленькой газетке, потому что „Русский вестник“ не принял ее по негодности <...>. Пьеса между тем была уже поставлена на сцену в Москве и имела и имеет большой успех. Нелепости спиритизма, продажная и глупая печать, фальшивые телеграммы, безденежные векселя, видно, слишком уже намерзли в глазах публики, так что меня неоднократно и с громкими рукоплесканиями вызывают и затем словесно благодарят, что я всех сих гадин хоть на сцене, по крайней мере, казню, так как, к сожалению, прокурорский надзор и суд не до многих еще из них находят юридическую возможность добраться» (*Писемский*. С. 330–331). Тургенев нашел комедию «достаточно безобразной» и переслал ее Анненкову, прочитав которую, тот ответил 19 февраля (2 марта) 1876 г.: «Право — этот господин не дает себе труда подумать, что такое он делает: пишет, точно на горшок ходит — очистился и неси вон из комнаты» (*Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 31, 205). Самому Писемскому Анненков изложил свое мнение 5 марта н. ст. 1876 г.: «Что касается до комедии вашей, то она до такой степени ультрасценична, что в простом чтении не может дать и понятия о впечатлении, какое должна производить на театре. Это ваша сила, которая держит ваших зрителей в обаянии, но это есть и несчастье для кабинетных ваших читателей. Мысль ваша ясна, характеры намечены твердо, крупно, но такими беглыми чертами, что жизнь и физиономию этим смелым очеркам сообщает уже актер, а не автор. Критику вашему надо иметь еще и воображение и способность представить себе — какой вид должно иметь произведение на подмостках <...> комедия доставила мне большое удовольствие. Для массы же публики и для избежания колеблющихся, противоречивых ее суждений необходимо немножко более быть щедрым на рисовку лиц, которая для вас весьма легка, но которою вы слишком пренебрегаете, полагаясь на свое действительно замечательное знание сценического эффекта» (*С. Л-ч. П. В. Анненков в переписке с А. Ф. Писемским // Новь*. 1888. Т. 23. № 20. 15 августа. С. 204–205).

⁴ О деле Коммерческого банка см. примеч. 6 к письму 1.

⁵ В воспоминаниях о Писемском Бларамберг приводит его высказывание о комедии «Ваал» (1873) и о причинах, побудивших писателя обратиться к теме «Финансового гения»: «Раньше в моих многочисленных произведениях я обличал глупость, невежество, смеялся над ложным романтизмом, пустозвонными фразами, боролся против крепостного права, преследовал чиновничьи злоупотребления, обрисовывал цветки нигилизма... Теперь принялся за сильнейшего, может быть, врага человеческого — за Ваала и за поклонение золотому тельцу... Крах коммерческого банка воочию показал, что у нас делается... Ведь все, все основано на постыднейшем обмане. Везде мошенничество, дутые предприятия, колоссальное воровство... — Бога на землю! — закончил он, разгорячась. — Пусть сойдет снова Христос и обновит душу, а иначе в человеке все порядочное исчезнет, издохнет от смрада материальных благ...» (см.: *Воспоминания о Писемском (1)*. С. 5).

⁶ Речь идет о драме Писемского «Горькая судьбина» (1859). Бларамберг, присутствовавшая в середине января 1876 г. вместе с автором на спектакле Художественного кружка с участием Стрепетовой, вспоминала: «Видела я „Горькую судьбину“ <...> за несколько дней до вышеупомянутого чтения в заседании Общества любителей русской словесности («Финансового гения». — *С. И.*) <...> Первое действие не сосредоточило внимания публики. Досадное покашливанье, сморканье, шарканье ног, скрип стульев, подавленный шепот не прекращались. Мне было жаль автора, скромно, безмолвно сидевшего рядом со мной». Во втором действии «на сцене быстро, сжато развивается сильная, художественно созданная драма, передаваемая из ряда вон выходящею артисткой (Стрепетовой. — *С. И.*). Занавес опустился при глубочайшем молчании <...>. Вдруг — треск аплодисментов, вызовы, клики без конца, будто зрители внезапно проснулись от какого-то очарованного сна... Стрепетова выходила усталая, бледная; выходил на вызовы и автор и неловко, конфузливо раскланивался...» (см.: *Воспоминания о Писемском (1)*. С. 5). О Стрепетовой см. примеч. 122 к воспоминаниям Бларамберг.

⁷ Бларамберг имеет в виду самоубийство младшего сына Писемского Николая в возрасте 22 лет (13 февраля ст. ст. 1874 г.). «...Младший сын наш, Николай, — писал Тургеневу Писемский 4 (16) июня 1874 г., — застрелился без всяких каких-либо хоть сколько-нибудь понятных и объяснимых причин» (*Писемский*. С. 264). «Не считаю нужным говорить Вам, — соболезновал Тургенев 10 (22) июня 1874 г., — как глубоко поразил меня удар, обрушившийся на Ваше семейство, и как искренне я сочувствую Вашему горю. Понять причины подобного бедствия невозможно; тут, вероятно, действовала скрытая ото всех глаз психическая болезнь, которую, конечно, никто бы не стал подозревать в том прекрасном, цветущем юноше...» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 13. С. 105).

3

Между 13 (25) и 16 (28) июня 1877 года. Москва

Нечего говорить, многоуважаемый Иван Сергеевич, до какой степени обидно за Вас, что Вам так не везет в России! Надеюсь, однако, что припадок

подагры не будет продолжаться и Вам все-таки удастся побывать в Москве. Погода, кажется, меняется к лучшему, и надо надеяться, что теплые дни помогут Вам скорей оправиться. Из опасенья, однако, что Вам слишком наскучит Ваше насильственное пребывание в Петербурге¹ и что Вы ускорите Ваш отъезд в Буживаль, я решаюсь послать Вам по почте небольшую посылку, кот<орую> я просила бы Вас передать Louise, если это только Вас не затруднит. В этой посылке заключаются 1 ½ ф<унта> табаку и 1 ф<унт> чаю.

Простите меня, пожалуйста, за затруднение. Если бы Вы были в Москве, я имела бы возможность спросить,^a не обременит ли Вас такая посылка, а здесь я уже принуждена послать «au petit bonheur».^{b,2} Еще одна величайшая просьба: помогите мне, ради Бога, в моей неопытности. Хотелось бы мне узнать, могу ли я обратиться к редакции «Вест<ника> Европы» с просьбой выслать мне несколько оттисков моего романа.³ Писемский уверяет, что я имею право на 25 оттисков, но дело в том, что он и другие предполагают, что авторам обязаны высылать корректурные листы, Стасюлевич же пишет, что они ни в каком случае не высылают их, а я, право, не хотела бы снова <обращаться?> в редакцию с таким требованием, которое у них считается незаконным. Будьте так обязательны, Иван Сергеевич, сказать мне, законна ли будет моя просьба или незаконна. Вы знаете все порядки редакции «Вест<ника> Европы» и один можете помочь мне «faire des boulettes»,^b кот<орые>, к несчастью, я наделаю, вероятно, немало в моей жизни.

Надеюсь, что это письмо застанет Вас более бодрым и здоровым. Жму дружески Вашу руку.

Е. Бларамберг.

Печатается по подлиннику: ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 35. Л. 1–2.

Датируется предположительно на следующих основаниях: 12 (24) июня 1877 г. Тургенев сообщал Бларамберг: «На бедного Макара все шишки валятся. И поделом ему: зачем в Россию ездить? — Со вчерашнего дня у меня жесточайший припадок подагры — я не знаю, когда встану — и уже о московской поездке думать нечего. <...> Как только мне возможно будет, я удеру в Буживаль. — Но когда? Вот в чем вопрос» (ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 178–179). Отсюда фраза в ответном письме, что писателю «так не везет в России». Ответное письмо Тургенева от 17 (29) июня 1877 г. см.: Там же. С. 181.

¹ Тургенев приехал в Петербург 22 мая (3 июня) 1877 г. и пробыл там до 24 июня (6 июля) 1877 г.

^a Далее зачеркнуто: Вас

^b «наудачу» (франц.).

^b <не?> «наделать промахов» (франц.).

² В ответном письме от 17 (29) июня 1877 г. Тургенев писал Бларамберг: «Посылку Луизы, на которую пришла повестка, я доставил в целости» (*ПССиП*(2). *Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 181).

³ В том же письме Тургенев сообщал: «Стасюлевичу я сказал о Вашем желании насчет оттисков — и он очень сожалел о том, что Вы его не выразили раньше — он бы с удовольствием напечатал несколько отдельных оттисков; — но теперь уже июльская книга набрана и ни одного лишнего экземпляра нет» (Там же). Речь идет об оттисках первой части романа Бларамберг «Без вины виноватые» (*ВЕ*. 1877. № 7). См. о нем во вступит. статье.

**ИЗ АРХИВА ТУРГЕНЕВСКОГО КРУЖКА
Н. К. ПИКСАНОВА:**

**Дополнения к воспоминаниям Е. И. Бларамберг
о Тургеневе (1914)**

В Библиотеке Н. К. Пиксанова (Пушкинский Дом) хранится конволют, озаглавленный «Архив Тургеневского кружка» (№ 5216), в котором, помимо документов, имеющих отношение к деятельности кружка, организованного Пиксановым в стенах Петроградских Высших женских курсов (январь 1912 — 1914 гг.),¹ имеются также мемуарные записи бесед участниц кружка с лицами, знавшими писателя, — материалы, которые не вошли в первый подготовленный силами участниц кружка сборник² и были, вероятно, предназначены для второго сборника, также посвященного творчеству и биографии Тургенева, который не состоялся.

Несколько из подготовленных для второго сборника работ были напечатаны позже. Так, «Запись беседы с Г. А. Лопатиным от 3 ноября 1913 г.», сделанная С. П. Петрашкевич-Струмилиной, была опубликована лишь в 1927 году.³ В 1930 году, публикуя эту запись, Пиксанов в предисловии к ней отметил:

---

¹ В «Краткой истории кружка», открывающей протокол, говорилось: «На первом заседании Николай Кириакович указал на те задачи, которые должны быть выполнены людьми, желающими подвергнуть научному изучению жизнь и творчество Тургенева. Были предложены следующие работы: I. Библиографическое выяснение матерьялов а). список писем б). воспоминания о Т—ве с). критическая литература. Выполнение взяла на себя С. М. Кавелина. II. Составление хронологической канвы Н. Г. Богданова. III. Т—в в его сношениях с западными писателями Н. К. Гинс. IV. Т—в и учителя его философской мысли Г. Н. Сысоева. Обязанности секретаря кружка были возложены на Н. К. Гинс. За содействием с целью снабжения книгами решено обратиться к Ф. А. Витбергу» (*ИРЛИ*. Библиотека Н. К. Пиксанова. № 5216. Л. 2).

² См.: Тургеневский сборник. Новооткрытые страницы Тургенева. Неизданная переписка. Воспоминания. Библиография / Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова. Пг., 1915; с посвящением: «Посвящается Петроградским Высшим женским курсам». В Библиотеке Пушкинского Дома хранится экземпляр сборника, поступивший, вероятно, вместе с книжным собранием Ф. А. Витберга, на котором имеется дарственная надпись Пиксанова: «Глубокоуважаемому Федору Александровичу Витбергу. От признательного Тургеневского Кружка и его руководителя» (шифр: 1937к / 417). См. иллюстрацию на с. 777.

³ См.: Красная новь. 1927. № 8. С. 164–176. См. также: *Т в восп рев.* С. 109–136.

«Отсутствие мемуаров, написанных самим Лопатиным, восполняется в отношении Тургенева записью беседы с ним С. П. Петрашкевич-Струмилиной. Беседа происходила 3 ноября 1913 года, и запись ее, просмотренная и снабженная собственноручными поправками Г. А. Лопатина, предназначалась для несостоявшегося второго выпуска „Тургеневского сборника“ <...>». ⁴ Переданные Тургеневскому кружку воспоминания о Тургеневе ученицы П. Виардо С. И. Ромм (Гуревич) появились в печати лишь в 1916 году. ⁵

В предисловии «От редактора» к первому выпуску «Тургеневского сборника» Пиксанов изложил историю создания Тургеневского кружка из слушательниц Петроградских Высших женских курсов: «В течение нескольких лет руководя на Курсах семинарием по новой русской литературе, я ставил задачей <...> собирание и разработку новых, еще нетронутых литературных материалов». ⁶ Остановившись на Тургеневе как на «„вечном спутнике“ культурного человечества» и отмечая кажущееся обилие тургеневской литературы, ученый был уверен, что «научное изучение знаменитого русского романиста едва начинается». ⁷ К основным задачам историка литературы Пиксанов относил прежде всего издание критического, выверенного по рукописям и комментированного собрания сочинений, «какого вправе ожидать Тургенев»; планомерное собиранье его писем, особенно неизданных; изыскание и сбор биографических материалов и публикацию архивных документов. «Необходимо энергично разыскивать новые текстуральные, эпистолярные, биографические материалы; но и того, что уже собрано, так много, что теперь же можно приступить к научной обработке накопленных данных». ⁸ По мнению Пиксанова, «обширные знакомства писателя в самых разнообразных кругах русского и западноевропейского общества отозвались уже в печати обилием воспоминаний о нем. Но запас воспоминаний еще далеко не исчерпан. Еще здравствуют многие лица, близко знавшие Ивана Сергеевича, наблюдавшие его или в литературных кругах, или в общественной жизни, или в интимной домашней обстановке. Не все они поделились с читателями своими воспоминаниями, и на обязанности изучающих Тургенева

---

⁴ См.: *Т в восп рев.* С. 112.

⁵ См.: *Ромм С.* Из далекого прошлого: Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе // *ВЕ.* 1916. № 12. С. 95–132. Впервые в сокращенном виде: *С. Г. <Гуревич С.>* Воспоминания об И. С. Тургеневе // *Заря.* 1883. 25 сентября. № 207. В протоколе заседания кружка от 14 февраля 1914 г. приведена небольшая запись беседы Сысоевой с ученицей П. Виардо Софьей Евсеевной (Исаевной) Ромм (урожд. Гуревич), дополняющая ее опубликованные воспоминания о Тургеневе (см.: Библиотека Н. К. Пиксанова. № 5216. Л. 2–2 об.).

⁶ *Пиксанов Н.* От редактора // *Тургеневский сборник.* Новооткрытые страницы Тургенева. С. VII.

⁷ Там же. С. VIII.

⁸ Там же. С. VIII–XII.

12к

Посвящается
Петроградским Высшим
Женским Курсам.

384

Турбоузеловскому
Одору Александровичу
Витбергу

От признательной Тургеневскому
Кружка и его руководителю.

«Тургеневский сборник» (Пг., 1915).
Шмуцтитул с дарственной надписью Н. К. Пиксанова Ф. А. Витбергу

лежит забота о том, чтобы всеми мерами способствовать записям и обнародованию в печати этих воспоминаний, пока еще не поздно».⁹

Среди здравствующих лиц, к кому обратились кружковцы, оказалась и Е. И. Бларамберг. Возможно, именно Витберг посоветовал посетить мемуаристку, так как состоял с ней в переписке¹⁰ и по его инициативе тургеневские материалы Бларамберг экспонировались на юбилейной выставке 1909 года в Петербурге, организованной им и Б. Л. Модзалевским.¹¹ Пиксанов с благодарностью упоминает Витберга, предоставившего «в пользование кружка свою обширную коллекцию книг, оттисков и газетных вырезок по Тургеневу» и собиравшего «все свои обильные библиографические материалы» о писателе.¹²

Помимо публикуемой ниже краткой записи, составленной в 1914 году со слов Бларамберг участницей Тургеневского кружка Г. Н. Сысоевой,¹³ существовала, вероятно, более подробная версия, содержащая сведения, не вошедшие в имеющийся текст беседы (отзыв о П. Виардо и об отношении к ней Тургенева, о некоем письме Луизы Эрритт и пр. — факты, в которых, по выражению мемуаристки, «слишком много интим<ных> подр<обностей>, если это сообщ<ить>

---

⁹ Пиксанов Н. От редактора. С. XI.

¹⁰ См.: *ИРЛИ*. Ф. 52. Оп. 3. № 240. Л. 2–12.

¹¹ См.: Каталог выставки в память И. С. Тургенева в императорской Академии наук. Март 1909 / <Сост. Б. Л. Модзалевский, Ф. А. Витберг>. СПб., 1909. Витбергу принадлежит литературно-библиографическая часть каталога: С. 110–182. В этом же году в июле вышло 2-е изд. каталога, испр. и доп., в котором имена составителей были указаны.

¹² Пиксанов Н. От редактора. С. XVI. Среди лиц, оказавших «деятельную помощь» начинаниям кружковцев, Пиксанов называет также С. А. Венгерова, который «гостеприимно открыл нам доступ в свой богатый литературно-библиографический архив»; Ф. А. Брауна, содействовавшего «своими компетентными указаниями» розыску «литературных материалов за границей»; Д. Ф. Кобеко, которому «мы обязаны доступом к рукописным и книжным богатствам императорской Публичной библиотеки, где встречали также просвещенное содействие И. А. Бычкова и В. И. Савитова»; В. И. Срезневского, помогавшего в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук; а также имена Э. П. Юргенсона, Л. М. Жуковской, предоставившей свои тургеневские материалы, Н. А. Овчинниковой, которая «пожертвовала значительные средства на покрытие типографских расходов по изданию сборника», и художника В. Н. Левитского, украсившего «его обложку своим рисунком» (Там же).

¹³ Никакими биографическими сведениями об участнице Тургеневского кружка Г. Н. Сысоевой, которой Пиксанов в 1912 г. предложил заниматься темой «Тургенев и учителя его философской мысли», а также о ее дальнейших научно-литературных занятиях не располагаем. Возможно, что это поменявшая фамилию в связи с замужеством Галина Николаевна Борисоглебская, имеющая те же инициалы, которая в семинарии Пиксанова «собирала материалы для характеристики философского образования и воззрений Тургенева» (Там же. С. XV). Однако о ней и ее дальнейшей исследовательской работе также не удалось отыскать никаких сведений.

в печать, то оно будет носить „сплетнический характер“»). Местонахождение полного текста этой записи неизвестно. Имеющаяся краткая запись 1914 года дополняет публикуемые выше обширные воспоминания писательницы 1904 года.

Запись печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Библиотека Н. К. Пиксанова. № 5216, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных особенностей стиля автора. Здесь же публикуется выдержка из краткой истории Тургеневского кружка, составленной Н. К. Гинс.

Из истории Тургеневского кружка (в записи Н. К. Гинс)

14-го февраля 1914 г.

Николай Кириакович расспрашивает членов об их работах: Г. Н. Сысоева сообщает о том, что, продолжая начатое ею изучение философского мирозерцания Т<ургене>ва, она в то же время предприняла несколько визитов к современницам Т<ургене>ва: Анне Карл<овне> Субботиной, Соф<ье> Евс<еевне> Ромм — ученицам Виардо, сообщившим ей несколько мелких фактов из жизни И. С. Т<ургене>ва в период их знакомства, и Апрелевой-Ардовой, сделавшей некоторые дополнения к составленным ею воспоминаниям.

Г-же Сысоевой предложено было записать полученные сведения и передать их в Кружок, на что она согласилась.

Дополнения к воспоминаниям Е. И. Бларамберг о Тургеневе в записи Г. Н. Сысоевой

Г-жа Ардова-Апрелева, урожденная Бларамберг.

На мою просьбу обработать записанное мною или продиктовать сызнова она отвечала, что в записанном мной (ее отзыв о Виардо и об отн<ошении> к ней Т<ургене>ва, о письме Луизы Эритт и пр.) слишком много интимн<ых> подр<обностей>, если это сообщ<ить> в печать, то оно будет носить «сплетнический характер». Сама она не упоминала обо всем этом в своих воспоминаниях, опасаясь того же самого.

Фотографическую карточку согласилась дать условно (если позволят сыновья отдать единственный экземпляр).¹

Предложила задать ей вопросы. Ответила только на 3.

1. Отличались ли рукописи от напечатанных произведений?

В них было всегда много поправок, к<а>к в рукописях Толстого. В руках А<рдовой>-А<прелевой> была одна из рукописей Ив<ана> Серг<еевича>.

кажется «Переписка». Эта рукопись передана была Викт<ору> Петр<овичу> Острогорскому.² Чтение же вслух ей пришлось слышать только раз в доме Виардо — «Бурмистр» и выдержки из «Нови», которая тогда была в корректуре.³ В корректурных листах главы о хождении Марианны в народ не было, хотя некоторые и говорили обратное, за это она ручается.⁴

2. Как относился Т<ургенев> к Кавелиной?

Был о ней очень высокого мнения.

Она^a слышала его восторженные отзывы о Кавелиной, будучи у вдовы Серовой. Там же была Луиза Эритт. Т<ургене>в с энтузиазмом рассказывал о прениях между Кавелиной и преподавателем 6-ой гимназии, на которых он присутствовал.⁵ Вообще Т<ургене>в приветствовал с восторгом всякий зарождающийся талант. С восхищением аттестовал он рассказы молодой писательницы, писавшей в 79 г. в «Вестнике Евр<опы>» под псевдонимом Л. Нелидовой («Полоса», «Воробьиные ночи»), вышедшей потом замуж за Маклакова, родственника депутата, чуть ли не брата его.⁶ Восторгался г-жой Стечкиной, пославшей ему в Париж рукопись под заглавием «Варенька Ульмина», и прочил ей блестящую будущность, посетил ее даже в ее имении, с целью посмотреть, как живет талантливая молодая особа.⁷

3. Каков был образ жизни в Буживале?

Вставали в 8½ ч., затем подавался café au lait;⁶ за стол никто никогда не садился, каждый наливал себе и уходил. В 11 завтракали. В хорошую погоду в саду близ виллы Тургенева, который часто подсаживался и оживленно беседовал. После завтрака — русский самовар. Пили чай с варением из Спасского, после чего все расходились каждый по своим делам. Mme Виардо давала уроки почти до самого обеда. Иногда между 5 и 7-ью дамы приходили в кабинет Тургенева. Бывало чтение. Обычно читала Mme Эритт, друг<ие> работали. Mme Виардо прекрасно вышивала, а Claudie писала красками портр<ет> Апрелевой.

Тургенев частью слушал чтение, частью работал. Обедали в 7. Затем занимались музыкой, играли на воздухе в разные игры. Около 12-ти обязательно расходились по своим комнатам.⁸

* * *

Летом Т<ургене>в уезжал обычно в Россию. Иногда ездил даже 2 раза в год.

---

^a Сверху вставлено: Ардова

⁶ кофе с молоком (франц.).

«Четверги» бывали только зимой. Их посещали Флобер, Сен-Санс и др.⁹

В Москве Т<ургене>в был очень хорош с Писемским и очень уважал Madame Писемскую, урожденную Свиньину (ее отец изд<авал> «Отечественные записки»),¹⁰ был также хорош с Островским.¹¹

Дача Буживаль, Лефрен и дом Виардо, по слухам, проданы.¹²

Лучший портрет Т<ургене>ва писан художником Харламовым. Он, кажется, имеется в музее Алекс<андра> III.¹³

Дочь Тургенева не говорила по-русски. Наружностью очень походила на отца.¹⁴

В очень хороших отношениях Т<ургене>в состоял с М. Г. Савиной, и именно благодаря ей пьесы его («Месяц в деревне», «Где тонко, там и рвется») пошли в театр.¹⁵

Тургенев обожал отца. «Первая любовь» — автобиографическое произведение.¹⁶

Мать он изобр<азил> в «Муму» и «Постоялом дворе».

Нечаев приезжал в Женеву, когда там был Герцен.¹⁷ Огарев тоже был в Женеве.

¹ Вероятно, имеется в виду фотографический снимок самой Бларамберг (фотография И. Бранденбурга, 1875), экспонировавшийся на Тургеневской выставке 1909 г. В аннотации значится: «Получен от нее самой» (см.: *Каталог выставки*. № 668; см. также: «Реестр писем...»; № 8 во вступит. статье).

² *Острогорский Виктор Петрович* (1840–1892), известный педагог, литератор, общественный деятель, автор учебных пособий по истории и литературе; редактор журналов «Детское чтение» (1877–1884), «Дело» (1883–1884), «Воспитание и обучение» (1885) и др. Став редактором «Детского чтения», Острогорский в октябре ст. ст. 1877 г. обратился к Тургеневу с просьбой «не отказать украсить журнал каким-нибудь доступным детям небольшим Вашим рассказом...» (цит. по: *ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 487). Тургенев ответил 6 (18) октября 1879 г. и обещал написать рассказ для издания (см.: Там же. С. 146). Известно, что писатель встречался с Острогорским 9 (21) марта 1879 г. Рассказ для «Детского чтения» написан не был. Сведения о том, что рукопись чернового автографа «Переписки», хранящаяся в ИРЛИ (Ф. 93. Оп. 3. № 1261), поступила от Острогорского, обнаружить не удалось (см. также: *ПССиП(2). Соч.* Т. 5. С. 390).

³ Вспоминая об этом, Бларамберг писала: «Вскоре вслед за тем познакомилась я в корректурных же листах и со второй частью „Нови“» (см. наст. том, с. 721).

⁴ О вставках и исправлениях, в том числе в трактовку образа Марианны, сделанных Тургеневым в корректуре «Вестника Европы», см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 9. С. 501–509. Вероятно, под «некоторыми» Бларамберг имеет в виду М. П. Драгоманова, свидетельствующего, что цензура изъяла из «Нови» две сцены, одна из которых — описание «хождения в народ» Марианны (см.: Там же. С. 508).

⁵ О диспуте между С. К. Кавелиной и В. Д. Сиповским см. примеч. 12 к воспоминаниям Бларамберг.

⁶ О Л. Ф. Нелидовой см. примеч. 47 к воспоминаниям Бларамберг. Повесть Нелидовой «Воробьиные ночи» см.: *ВЕ*. 1881. № 5–7.

⁷ О Л. Я. Стечкиной и ее первой повести «Варенька Ульямина» см. примеч. 46 к воспоминаниям Бларамберг.

⁸ Ср. с описанием в «Воспоминаниях» (С. 710).

⁹ Подробнее о знаменитых «четвергах» в доме П. Виардо см. воспоминания Бларамберг (С. 700–704) и примеч. 22.

¹⁰ Речь идет о жене писателя Е. П. Писемской (1829–1891), дочери *Павла Петровича Свиньина* (1787–1839), литератора 1820–1830-х гг., издателя «Отечественных записок» (1820–1830). Тургенев, восхищенный ее умом, обаянием и добротой, писал Писемскому: «...не забывайте, что вы выиграли главный куш в жизненной лотерее: имеете прекраснейшую жену и славных детей» (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 180. Письмо от 22 апреля (4 мая) 1870 г.). «А при мне, — вспоминала Бларамберг, — он (Тургенев. — *С. И.*) однажды выразился так: „Ему (Писемскому) хорошо... Около него Богородица...“ / Предо мной ярко встает светлый образ Екатерины Павловны, всегда ровной, спокойной, всепрощающей, бережной к своему немощному, слабому и далеко не добродетельному мужу. Ровность эта, спокойствие, выдержка происходили не от душевной апатии или холодности. Умная, нежная, кроткая, она, выйдя из литературной семьи, лелеяла в муже талант, жила его литературными интересами и всего больше страшилась быть заставой на его пути. В минуты горя она затаивала скорбь, не открывая души своей даже близким людям и только в молитве, — она была очень набожна, — находя себе облегчение. Образцовая хозяйка, Екатерина Павловна не только отстраняла от мужа заботы по домашнему обиходу, но и служила ему секретарем. Большая часть многотомных и многочисленных сочинений Писемского переписана ее рукой. / Какой это был немалый труд, может оценить только тот, кто знаком с перечеркнутыми, чернилами обрызганными, вкривь и вкось исписанными черновиками автора „Взбаламученного моря“. Кстати, в героине положительного типа этого романа, Евпраксии, Писемский изобразил свою жену» (*Воспоминания о Писемском (1)*. С. 4).

Анненков вспоминал: «Эта примерная женщина умела успокоить его болезненную мнительность и освободила его не только от забот по хозяйству и воспитанию детей, но что важнее — освободила его и от своего вмешательства в его личную, интимную жизнь, тоже исполненную капризов и порывов; она же и переписала на свой век по крайней мере две трети всех его сочинений с черновых оригиналов, представляющих всегда страшно запачканную макулатуру из кривых строчек, крупных каракуль и чернильных пятен» (*Анненков П. В. Художник и простой человек: Из воспоминаний об А. Ф. Писемском // ВЕ*. 1882. № 4. С. 633).

¹¹ Об отношениях Бларамберг с А. Н. Островским см. во вступит. статье, а также воспоминания Бларамберг и примеч. 17 к ним.

¹² Тургенев купил поместье в Буживале, пригороде Парижа, в 1874 г. для П. Виардо и назвал его «Ясени» («Les Frênes»; «Ле Френ»); рядом для себя он построил небольшой дом-шале в швейцарском стиле, в котором прожил последние годы жизни (1875–1883). В настоящее время здесь находится Музей Ивана Тургенева.

¹³ Портрет, написанный А. А. Харламовым (1875), писатель считал одним из лучших. См. также воспоминания Бларамберг и примеч. 26 к ним.

¹⁴ Речь идет о внебрачной дочери Тургенева, впоследствии удочеренной им, П. И. Тургеневой. См. примеч. 84 к воспоминаниям Бларамберг.

¹⁵ О М. Г. Савиной см. примеч. 135 к воспоминаниям Бларамберг. Вероятно, говоря о причастности Савиной к успеху комедии «Где тонко, там и рвется» (1848), в которой актриса никогда не играла, Бларамберг имела в виду «Провинциалку» (1851). 16 (28) марта 1879 г. состоялся вечер в пользу Литературного фонда, на котором Тургенев и Савина прочитали сцену из комедии «Провинциалка» (диалог графа Любина и Дарьи Ивановны). Актриса вспоминала: «Нечего и говорить об овациях после окончания чтения. Ивана Сергеевича забросали лаврами. Вызывали без конца...» (Савина М. Г. Мое знакомство с И. С. Тургеневым. С. 354–355).

¹⁶ Об автобиографической основе повести «Первая любовь» (1860) Тургенев говорил неоднократно. Н. А. Островская, передавая его рассказ, вспоминала: «В „Первой любви“ <...> я изобразил своего отца. Меня многие за это осуждали, особенно за то, что я этого не скрывал. Но я думаю, что дурного тут ничего нет и скрывать мне нечего. Отец мой был красавец <...> Обыкновенно он держался холодно, даже неприступно, но стоило ему захотеть понравиться, — в его лице, в его манерах появлялось что-то неотразимо очаровательное. Особенно он становился таким с женщинами, которые ему нравились» (см.: *Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 74). А. В. Половцев приводит в своих воспоминаниях следующие слова Тургенева: «Одну только повесть я перечитываю с удовольствием. Это „Первая любовь“. Она, пожалуй, мое любимое произведение. В остальном — хотя немного, да выдуманно, в „Первой любви“ же описано действительное происшествие без малейшей прикраски, и при перечитывании действующие лица встают как живые предо мною» (Царь-колокол. Иллюстрированный всеобщий календарь на 1887 г. С. 77; см. также: Чернов Н. Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь» и ее реальные источники // *ВЛ*. 1973. № 9. С. 225–241; *ПССиП*(2). Соч. Т. 6. С. 479–480, коммент. Е. И. Кийко).

¹⁷ *Нечаев Сергей Геннадьевич* (1847–1882), деятель революционного движения, создатель организации «Народная расправа». В 1869 г. инициировал убийство студента И. И. Иванова, пытавшегося выйти из этой организации; изображен Достоевским в «Бесах» (Петр Верховенский) и Тургеневым в «Нови» (революционер-заговорщик Василий Николаевич — см.: *ПССиП*(2). Соч. Т. 9. С. 488). Тургенев интересовался делом участников «Народной расправы» («нечаевское дело»), слушавшимся в июне — августе 1871 г. Возможно, писатель был лично знаком с Нечаевым через А. И. Герцена (см.: *ПССиП*(2). *Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 383–384).

**НЕИЗВЕСТНЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК-ЛЕКЦИЯ
В. И. ДМИТРИЕВОЙ О ТУРГЕНЕВЕ
(Писатель в зеркале «характеристических деталей»)**

*Вступительная статья Т. В. Соколовой,
подготовка текста и комментарии Г. Л. Медынцевой и Т. В. Соколовой*

...Кто все детали передает — пропал;
надо уметь схватывать одни *характери-
стические* детали; в этом одном и состоит
талант, и даже то, что называется творче-
ством.

И. С. Тургенев.¹

В рукописном фонде писательницы-народницы Валентины Ионовны Дмитриевой (1859–1947) в Государственном Литературном музее хранится ее ранее не публиковавшийся очерк об И. С. Тургеневе,² который представляет собой интереснейшее свидетельство младшей современницы как о писателе, так и о восприятии его биографии и творчества народнической и демократической средой.

В. И. Дмитриева ныне практически забыта и известна лишь узкому кругу исследователей, но именно ее выдающийся талант отмечал А. М. Скабичевский, обратив внимание на то, что «это первая писательница на Руси, вышедшая прямо из народа».³

---

¹ ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 38. Письмо к Я. П. Полонскому от 10 (22) сентября 1882 г.

² ГЛМ. Ф. 11. Оп. 1. № 148.

³ Скабичевский А. М. История новейшей литературы 1848–1903 гг. СПб., 1903. С. 400–401.

Она родилась в семье крепостного крестьянина, который покинул имение барина после отмены крепостного права. Семья переезжала с места на место, и это время, как писала Дмитриева в 1890 году в автобиографии, было самым тяжелым, «потому что отец был постоянно в разъездах и поисках какой-нибудь работы, а мать оставалась с детьми часто без всяких средств к существованию. Я была самая старшая и поэтому должна была помогать матери в ее трудах и заботах».⁴ В 1870 году семья переехала в Саратовскую губернию, в село Завьялово, где и поселилась у деда, человека зажиточного, и перестала испытывать «вопиющую» нужду. Дмитриева закончила гимназию в Тамбове, работала учительницей в сельской школе, училась на медицинских курсах в Петербурге (окончила их в 1886 г., получив звание врача), сблизилась с народниками, подвергалась дознаниям за распространение нелегальной литературы и арестам, была даже в заточении в Петропавловской крепости (1880), находилась под надзором полиции за политическую неблагонадежность. Пыталась работать в деревне врачом, но из этого ничего не вышло: «...я полтора года прожила в деревне и занималась „вольной практикой“, причем на практике убедилась в полной несостоятельности подобного рода деятельности. Жить приходилось буквально в шалаше, а питаться — картошкой, которую привозили иногда мужики в виде платы за медицинские советы и лекарства. Больше платить им было нечем, а мне скоро не на что стало покупать лекарства, так у нас это дело и не выгорело. В конце 1886 г. я переселилась в Москву, чтобы усовершенствоваться в акушерстве, и занималась в Голицынской больнице, но через год по независящим обстоятельствам должна была переехать в Тверь и, вместо усовершенствования в акушерстве, работала по статистике. В Твери я прожила почти три года, а когда началась холера, я уехала на службу в Воронежскую губернию» и с тех пор окончательно поселилась в Воронеже и посвятила себя исключительно литературной работе».⁵

«Независящие обстоятельства», упомянутые Дмитриевой, это арест и высылка из Москвы в Тверь. В конце 1891 года она поселилась с мужем, Владимиром Аркадьевичем Ершовым (1859–1922), в Воронеже, работала эпидемиологическим врачом в Воронежской губернии (в том числе, как и А. П. Чехов, на холере в 1892 и 1893 гг.) и занималась литературным трудом. Печаталась в лучших журналах: «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство». О начале своей литературной деятельности писала так: «В Петербурге я познакомилась с покойным Л. О. Котелянским,⁶ известным автором „Чиншевиков“, и он, про-

---

⁴ См.: *Дмитриева В. И.* Автобиографический очерк // Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. С. 191–193.

⁵ Там же. С. 193.

⁶ Котелянский Лев Осипович (1851–1879) — писатель, публицист, работал в народе, увлекшись идеей его просвещения; его перу принадлежат «Чиншевики (Очерки южнорусского сельского быта)» (ОЗ. 1877. № 12) и «Очерки подворной России» (Там же. 1878. № 2, 8, 9), руководил внутренним отделом газеты Д. К. Гирса «Русская правда».

читав кое-что из моих рукописей, советовал мне писать. Но первые мои хождения по петербургским редакциям были неудачны, и только в 1880 году один мой рассказ был помещен в „Мысли“, причем издатель этого журнала Л. Е. Оболенский⁷ так ободрил меня своим отзывом о рассказе и сердечным отношением к начинающему автору, что я совсем воспрянула духом. Следующий рассказ, „Ахметкина жена“, появился в „Русском богатстве“, и этому рассказу я обязана знакомством с Н. Д. Хвоцинской.⁸ Она написала мне по поводу его письмо и позвала меня к себе: знакомство с нею оставило глубокий след в моей душе, и я многим обязана этой необыкновенной женщине и замечательной писательнице. Вообще я считаю себя очень счастливой: на жизненном пути своем я встретила столько замечательно хороших людей, что одно воспоминание о них в самые трудные минуты моей жизни поддерживают во мне бодрость духа <...>».⁹

С 1903 года Дмитриева регулярно бывала в Сочи, где познакомилась с Е. П. Майковой (1836–1920), о которой оставила несколько вариантов воспоминаний и некролог,¹⁰ тяготеющие к жанру биографического очерка. В 1919 году она переехала в Сочи. В Воронеже остался ее архив, который пропал, что во времена революции и Гражданской войны было обычным делом. «Зима была суровая, дров не было, и моими рукописями, письмами, даже книгами подтапливали печи», — вспоминала писательница.¹¹ Потом жила преимущественно в Москве, летом — в Сочи, где и умерла в 1947 году. За ее архивом в Сочи в 1948 году была снаряжена экспедиция из сотрудников Литературного музея. Сюда он и пришел, по акту от 9 сентября 1948 года. Директором музея в то время (1946–1954) был Борис Павлович Козьмин (1883–1958), советский историк и литературовед, доктор исторических наук (1935), профессор. Он знал Дмитриеву, и она не раз отмечала его помощь в работе над воспоминаниями о Е. П. Майковой.¹² Инициатором экспедиции, судя по всему, был В. Д. Бонч-Бруевич, создатель и первый директор музея, который с 1945 года был главным редактором его изданий.¹³

---

⁷ Оболенский Леонид Егорович (1845–1906) — русский философ и социолог; проявлял интерес к позитивизму, в частности к О. Контю. В 1880-е гг. редактировал журналы «Мысль» и «Русское богатство»; сотрудничал в журнале «Вопросы философии и психологии».

⁸ Хвоцинская Надежда Дмитриевна (1822 или 1824–1889) — русская писательница; писала под несколькими псевдонимами, из которых наиболее известен В. Крестовский.

⁹ Дмитриева В. И. Автобиографический очерк. С. 193.

¹⁰ См. подробнее: Соколова Т. В. Судьбы скрещенья // Ненарушаемая связь. К истории романа И. А. Гончарова «Обрыв». Воспоминания о Е. П. Майковой. Письма. М., 2009. С. 5–38. Далее — *Ненарушаемая связь*.

¹¹ Дмитриева В. И. Екатерина Павловна Майкова (Вера из романа «Обрыв» И. А. Гончарова) // Там же. С. 49.

¹² Там же. С. 49, 83.

¹³ См. выписку из приказа № 159 по Государственному Литературному музею от 19 декабря 1945 г.: ГЛМ. Ф. 287. Оп. 1. № 91.

В. И. Дмитриева. Любительская фотография. 1900-е гг.

В архиве Дмитриевой в ГЛМ хранится целая подборка биографических очерков о русских писателях.¹⁴ Очерки о В. М. Гаршине,¹⁵ И. С. Тургеневе и Н. В. Гоголе связаны с памятными датами — 20-летием со дня смерти Гаршина (1908), 25-летием со дня смерти Тургенева (1908), 100-летием со дня рождения Гоголя (1909) — и готовились как лекции, которые, по собственному призна-

---

¹⁴ В описи архива В. И. Дмитриевой (Ф. 11. Оп. 1) значатся следующие не опубликованные ранее очерки: о Л. Андрееве (Д. 124, 125), К. Бальмонте (Д. 127), Н. В. Гоголе (Д. 130), В. Г. Короленко (Д. 134), Д. Н. Мамине-Сибиряке (Д. 140), Н. А. Некрасове (Д. 141, 142), И. С. Никитине (Д. 143), Э. Ожешко (Д. 144), М. Е. Салтыкове-Щедрине (Д. 146), Л. Н. Толстом (Д. 147), Ф. Шиллере (Д. 151).

¹⁵ *Дмитриева В. И.* <Лекция о Вс. М. Гаршине. 1908> // *Ненарушаемая связь*. С. 128–144.

нию писательницы, она читала в Воронежском народном университете и ездила с ними по России.¹⁶ Народные университеты и борьба за их облик, собственно, и стали причиной обращения Дмитриевой к жанру биографического очерка, «публиковавшегося» ею в форме лекции.

В России начала XX века, и особенно в годы первой русской революции, развернулось движение за создание народных университетов. Начиная с 1905 года принимаются многочисленные решения об открытии подобных учреждений, проводятся сборы пожертвований, создаются общества народных университетов. К концу 1907 года было зарегистрировано около 15 обществ народных университетов.

Основу преподавания в народных университетах составляла лекционная деятельность, а слушателями были преимущественно рабочие и служащие с невысоким образовательным уровнем: большинство окончили два-три класса начальной школы, встречались и неграмотные.

С февраля 1907 года начало работать Воронежское общество народных университетов, в деятельности которого принимала участие и В. И. Дмитриева, читавшая в разных городах Воронежской губернии лекции по литературе и на общественные темы. Председателем правления Общества был Сергей Петрович Буренин,¹⁷ врач, брат известного критика и фельетониста В. П. Буренина.

Как отмечает мемуаристка, в Обществе сразу же развернулась борьба вокруг программы Университета,¹⁸ поскольку «занятия начались без всякого плана — так, как „укажет сама жизнь“». Для чтения лекций были приглашены врачи и преподаватели гимназии, семинарии, реального училища. Читали русскую историю, анатомию, историю русской литературы <...>.¹⁹ Дмитриева же и ее единомышленники были сторонниками иной точки зрения на работу Народного университета, полагая, что за привлечение аудитории нужно бороться, учитывая при этом опыт народного образования и постановки дела на Западе, где народные университеты считались средством преодоления классовых, конфессиональных и прочих различий, способствовали единению нации и создавались для решения задачи духовного и нравственного образования человека. Подобные цели требовали преодоления устаревших педагогических шаблонов и предоставления самим слушателям определенной свободы в выборе наиболее важных для них тем и научных дисциплин.²⁰

---

¹⁶ *Дмитриева В. И.* Екатерина Павловна Майкова (Вера из романа «Обрыв» И. А. Гончарова). С. 81.

¹⁷ Памятная книжка Воронежской губернии на 1908 г. Воронеж, 1908. С. 33. <https://ivaldi.nlr.ru/bx000002000/view#page=449> (дата последнего обращения: 24.10.2015).

¹⁸ См.: *Дмитриева В. И.* Так было (Путь моей жизни). Часть вторая. Л., 1931. С. 99. Верстка с авторской правкой: *ГЛМ*. Ф. 11. Оп. 1. № 176. Опубликовано: *Дмитриева В. И.* Так было (Путь моей жизни). Воронеж, 2015.

¹⁹ Там же. С. 101.

²⁰ Там же. С. 103, 105.

Нужно отметить, что аналогичная полемика происходила на Первом Всероссийском съезде деятелей обществ народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы, который состоялся в Петербурге в начале 1908 года.

Дмитриевой, участвовавшей в работе съезда, более всего запомнились два выступления — А. М. Коллонтай (1872–1952) на съезде и М. М. Ковалевского (1851–1916) на товарищеском ужине после его закрытия.

Коллонтай отстаивала радикальные позиции в отношении деятельности народных университетов, требовала усиления роли профсоюзов и переориентации на городской пролетариат. Совершенно в ином духе было выдержано выступление Ковалевского, который спокойно и обоснованно, опираясь на свой опыт историка, на факты и сопоставления, показал, что существующий в России порядок вещей не может быть устойчивым, поскольку «революция <...> это нечто вроде геологических катаклизмов, непрерывно меняющих лицо остывающих планет».²¹

По возвращении в Воронеж Дмитриева, суммировав свои впечатления от съезда, решила расширить деятельность секции внешкольного образования, в которую входила, не ограничиваясь более докладами по вопросам педагогики, а заняться практической работой, поэтому «внесла предложение устраивать литературно-вокально-музыкальные вечера, посвященные русским и иностранным писателям <...> Программа вечера должна была быть так построена, чтобы наиболее полно и ярко выявить перед слушателями и личность писателя, и характер его творчества. В самом начале вечера предполагалось прочесть нечто вроде краткого биографического очерка, а затем отрывки из произведений самого писателя вперемежку с музыкальными и вокальными номерами, которые или выбирались из тех же произведений <...> или сами по себе подходили к творчеству писателя <...>».²² Все вместе, по замыслу автора проекта, должно было рельефно представить среду и эпоху. За биографические очерки писательницей Дмитриева взялась сама.

Первым в цикле стал вечер, посвященный памяти Гаршина:²³ «Выбор пал именно на этого писателя, во-первых, потому что время (март месяц) совпадало с годовщиной его смерти, а затем в биографическом очерке, составлять который я взяла на себя, мне хотелось особенно оттенить известный эпизод из жизни Гаршина, когда он, уже полубезумный от ужасов того времени, ходил к диктатору Лорис-Меликову просить помиловать Молодецкого, только что неудачно покушавшегося на его жизнь. Вечер был обставлен с большой помпой. Художница Бенедико²⁴ нарисовала прекрасный портрет писателя почти в натуральную величину; он был помещен на эстраде, декорирован зеленью, черным крепом,

---

²¹ Там же. С. 110.

²² Там же. С. 115.

²³ Там же. С. 116–117.

²⁴ О ней ничего выяснить не удалось.

цветами, кто-то принес даже букет красных гвоздик и приколот его к черному крепу, отчего получилось эффектное красочное пятно. Перед чтением был сыгран на рояле шопеновский похоронный марш. После биографии, которую я закончила своим собственным стихотворением, посвященным Гаршину, были прочитаны <произведения> самого Гаршина — „Четыре дня на поле сражения“²⁵ в сокращении <...> „Красный цветок“, стихотворение Минского „На смерть Гаршина“,²⁶ и в заключение певица спела романс на слова Надсона „Пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает“.²⁷ Успех вечера получился совсем неожиданный; публики набралось масса, пришло много рабочих, которым были разосланы билеты через профсоюзы <...>“.²⁸

Поскольку на ближайшем заседании секции внешкольного образования «все единогласно признали, что вечер прошел хорошо и произвел сильное впечатление»,²⁹ за ним последовали другие вечера: «За все время существования секции в последовательном порядке и по одному и тому же типу нами были проведены следующие вечера: Некрасова, Тургенева, Островского, Кольцова, Никитина, Шекспира, Шиллера, Толстого, Элизы Ожешко и, наконец, уже во время войны, перед самой революцией, последний — „Вечер Польши“».³⁰ География деятельности секции впоследствии расширилась и более не ограничивалась только Воронежем. Дмитриева теперь ездила со своим проектом по губернии, в которую входили 12 уездов. Воронежская губерния представляла собой крупный регион России, имевший развитую экономику и культуру, с почти трехмиллионным населением, включала часть нынешних Липецкой, Курской, Белгородской и бывшей Харьковской областей, куда и ездила со своими лекциями Дмитриева, о чем свидетельствует сохранившаяся программка лекции о Гаршине,³¹ читанной 9 марта 1913 года в Липецком Петровском обществе.³²

---

²⁵ Известен как «Четыре дня. Один из эпизодов войны». Впервые: *ОЗ*. 1877. № 10. С. 461–474. В массовом издательстве «Посредник» в 1886 г. рассказ вышел в сокращенном и частично переработанном виде под названием «Четыре дня на поле сражения. Рассказ солдата с отрезанной ногой». См. подробнее: *Дмитриева В. И.* <Лекция о Вс. М. Гаршине. 1908>. С. 129, 208.

²⁶ Имеется в виду стихотворение Н. М. Минского «Над могилой В. Гаршина» («Ты грустно прожил жизнь. Большая совесть века...», 1888).

²⁷ Имеется в виду стихотворение С. Я. Надсона «Не говорите мне: „Он умер“. Он живет!...» (1886).

²⁸ *Дмитриева В. И.* Так было (Путь моей жизни). С. 117.

²⁹ Там же. С. 117.

³⁰ Там же. С. 117–118.

³¹ *ГЛМ*. Ф. 11. Оп. 1. № 129. Л. 9.

³² Общество было создано в январе 1909 г. для распространения научных и практических знаний. Основатель — Михаил Павлович Трунов (1867–1942), краевед, действительный член Воронежской и Тамбовской ученых архивных комиссий, член Воронежского церковно-историко-археологического комитета. Общество являлось первым в Липецке краеведческим и научно-просветительским общественным

В. И. Дмитриева в группе (сидит у столика справа). Фотография. 1910-е гг.

Биографические очерки, написанные В. И. Дмитриевой в это время для подобных вечеров, а также впоследствии для иных научно-просветительских нужд и сохранившиеся в ее архиве в ГЛМ, ранее, как уже отмечалось, не публиковались. Исключение составляет очерк о Вс. Гаршине.

В посвященной Дмитриевой энциклопедической статье нового словаря Брокгауза и Ефрона писательница и критик Е. А. Колтоновская (1870–1952) охарактеризовала ее как «писательницу старой реалистической школы», отметив, что «по манере письма она ближе всего стоит к Тургеневу».³³

Рукопись лекции Дмитриевой о Тургеневе автором не датирована, но в заключительной части текста имеется прямое указание на то, что ее возникновение связано с 25-летием кончины Тургенева, которое приходилось на 1908 год. Однако отмечалось это памятное событие в 1909 году. То, что рукопись Дмитриевой следует датировать именно этим годом, подтверждают характеристики бумаги, на которой она записана: линованная тетрадка без обложки, сшитая нитками; формат бумаги 180×115 мм. На некоторых листах есть тиснение: «Рига.

объединением, оставившим значительный след в истории и культуре города, а также современной Липецкой области; см. URL: <http://kraeved48.ru/node/7> (дата последнего обращения: 24.10.2015).

³³ Новый энциклопедический словарь: В 48 т. СПб., [1914]. Т. 16. Стб. 399.

№ 6. К.Р.П.Ф.» и внутри — лев с крыльями держит в лапах свиток. Согласно описанию С. А. Клепикова, такую бумагу выпускала Компания рижских писчебумажных фабрик (КРПФ), существовавшая в 1909–1916 годах.³⁴ Таким образом, бумагой нельзя было воспользоваться ранее 1909 года, что совпадает со временем официальных Тургеневских торжеств.

В своих оценках и размышлениях Дмитриева опирается на известные в то время и обнаруживаемые источники (как, например, воспоминания о семье Тургенева В. Н. Житовой, о самом Тургеневе — А. В. Половцева или публикации о Н. Г. Чернышевском Е. А. Ляцкого). Порой ее оценки и впечатления подтверждаются мемуарами, опубликованными позднее (например, воспоминаниями Н. А. Островской), но, возможно, эти мнения бытовали среди современников.

Как уже отмечалось выше, при цитировании источников Дмитриева нередко пользуется текстами, переложёнными и сокращёнными для демократического читателя. В очерке о Тургеневе тексты, ею приведенные, тоже не всегда соответствуют признанным изданиям времени.

В читательское восприятие Дмитриевой, принадлежавшей совершенно иной среде, нежели Тургенев, жизнь, творчество и репутация писателя вошли уже состоявшимися и отчасти мифологизированными, что и отражает биографический очерк, писавшийся как общедоступная и популярная лекция и переводящий факты и обстоятельства жизни писателя, его творчество и их оценку в систему культурных кодов той аудитории, для которой предназначался, понятных ей, а самому автору текста интересных и представляющихся актуальными. Особое значение в этом ряду взаимосвязанных для Дмитриевой событий имеет приведенное в очерке описание похорон писателя, поскольку это прямое и живое свидетельство человека, присутствовавшего на них, видевшего все своими глазами, а потому — свидетельство особо ценное, хотя и не уникальное среди других сохранившихся. Именно благодаря этому свидетельству очерк приобретает историческую конкретность и характер истинности сообщения.

И для широкого читателя, и для профессионалов-филологов статья Дмитриевой имеет значение как документ эпохи, особенно любопытный своей народнической направленностью в оценке и литературных, и общественных тенденций, хотя, на первый взгляд, это и может показаться неожиданным современному читателю, определенным (и иным) образом регулирующему восприятие творчества и личности писателя.

Печатается по подлиннику: ГЛМ. Ф. 11. Оп. 1. № 148, с сохранением некоторых авторских особенностей, однако рутинные орфография и пунктуация, оформление текста приведены к современной норме.

Неоценимую помощь при подготовке публикации оказали Е. М. Варенцова (Отдел рукописей и документов ГЛМ) и А. Ю. Бобосов (Книжные фонды ГЛМ).

---

³⁴ Клепиков С. А. Филигранные и штемпели. М., 1959. Раздел «Штемпели», № 2. С. 100.

В. И. Дмитриева

<Лекция об И. С. Тургеневе (1909)>

Иван Сергеевич Тургенев!.. Какое славное, какое знакомое имя, и ни с одним из громких литературных имен не связано столько самых душевных воспоминаний, как с именем Тургенева. Когда вы его произносите, перед вами возникает целый ряд смутно-красивых образов, целая галерея картин русской природы, — то грустно-задумчивых, то озаренных бледным северным солнцем. Мечтательные девушки, *ожидающие* своего героя, красивая фигура русского Гамлета, русского «лишнего человека» с его тоской по идеалу, с его благородными порывами, бесплодно угасшими в мертвой пустыне, русский мужик с загадочным лицом египетского сфинкса, сверкающие дали беспредельной русской равнины, молочный туман лугов и полей, одинокий крик коростеля в овраге, синий дымок костра на берегу реки, тенистые аллеи вековых лип — вся эта поэзия стародворянского быта, стародворянского гнезда, под внешней красотью которого скрывались самые глубокие драмы, самые жестокие страдания искалеченной и оскорбленной человеческой души. Сам Тургенев был одним из типичнейших представителей дворянского гнезда, и, может быть, поэтому никто до него и после него не изображал с такою поразительной силой и всю своеобразную красоту, и все тайные язвы этого далекого, теперь чужого для нас мира. Он вышел из недр старинной родовитой семьи и унаследовал от предков все достоинства и все недостатки господствующего класса. Высокий, широкоплечий, с большой головой и типичным русским лицом, с глубоко сидящими, грустно-внимательными глазами, с тонким голосом и мягкими движениями, Тургенев совместил в себе и богатырские свойства Добрыни Никитича, и аристократическую изысканность последующих поколений, растративших свои могучие силы «в безделье и пирах»¹ за счет закрепощенного народа. В его богато одаренной натуре причудливо сочетались: большой, светлый ум с слабостью воли, сила стремления с нерешительностью, высокие подъемы духа с брезгливой щепетильностью, и несмотря на внешний налет утонченной, западноевропейской культуры, Тургенев до конца дней сохранил свой характерный облик и остался настоящим русским баринном. Грустные впечатления детства еще более развили и укрепили в нем врожденные свойства. Он родился 28 октября 1818 года и вырос в самую мрачную эпоху крепостного права, и детские годы его протекли между властным, суровым отцом и самодуркой-матерью, «среди побоев и стенаний», от которых в доме с утра до вечера стояли стоны и рыдания. Сам забитый и задержанный родительским самодурством, лишенный ласки и нежного участия, мальчик рос боязливо и отчужденно и льнул к тем, которые вместе

с ним несли на себе всю тяготу постылой неволи. Из роскошных отцовских хором, где даже пошевелиться было нельзя, не получив грозного окрика «Сиди смирно!», он тайком убежал в людскую, в девичью, в сад, и там, среди простых людей, среди униженных и оскорбленных, находил участие и ласку, которых жадно искала его детская душа. Отсюда он вынес глубокое отвращение и жгучую ненависть к крепостному праву, здесь родилось и возросло в нем почти любовное чувство к русскому мужику и тогда же он дал себе знаменитую аннибалову клятву² — бороться с вековой несправедливостью, тяготевшею над русской землей.³ Тургенев свято выполнил эту клятву и всю силу своего волшебного пера употребил на то, чтобы воочию показать миру, к каким уродливым явлениям ведет господство человека над человеком, роковым образом обрекая господина на одичание и вырождение, а в рабе, наоборот, развивая самые высокие качества души, что еще более обостряет его страдания. Все крестьянские <и> помещичьи типы взяты Тургеневым непосредственно из жизни, и в строгой бабушке, ссылающей мальчика Ермилку³ за то, что он непочтительно на нее взглянул, в капризной барыне, приказавшей утопить собачку Муму, единственную любовь и радость немого Герасима, Тургенев вывел свою собственную мать,⁴ а в герое рассказа «Первая любовь» несомненно отразились черты его властного и сурового отца.⁵

В университет Тургенев поступил очень рано, 15-ти лет от роду, и через три года окончил курс кандидатом. Учился он с большой охотой и мечтал об ученой карьере, но и здесь встретил препятствие со стороны матери, которая отказала ему в средствах. Таким образом, Тургенев принужден был променять профессорскую карьеру на канцелярию Министерства внутренних дел.⁶ Так крепостные самодуры, обитатели поэтического дворянского гнезда, калечили жизнь не только несчастных рабов, но и своих собственных детей. Но несмотря на мягкость своей натуры, Тургенев не мог смириться с чиновничьей карьерой, и врожденная склонность к науке и литературе взяла свое. В ущерб службе он продолжал учиться и с особым рвением занимался философией, особенно изучением Гегеля, который тогда был «властителем дум» не только западноевропейской, но и русской интеллигенции. Даже сам «неистовый Виссарион», как называли Белинского приятели, даже этот протестант и революционер в душе, отдал в свое время долг гегельянству и в его знаменитой формуле: «всё существующее — разумно!»⁷ искал примирения с ужасающей русской действительностью. Положим, примирение он все-таки не нашел и в конце концов порвал с гегельянством, перестал «кланяться колпаку Федора Федорыча», как шутливо выражался он сам.⁸ Но Тургенев на всю жизнь остался верен тем философ-

---

³ Далее зачеркнуто: Как известно,

ским взглядам, которые были выработаны им в молодости, и ко всем явлениям русской жизни относился не с бурным протестом неистового Виссариона,⁹ не с мрачным и желчным негодованием некрасовской музыки,¹⁰ а с глубоким проникновением дисциплинированного ума и тихой, славянской грустью по недостижимом идеале. Есть критики, в том числе Скабичевский, которые называют Тургенева борцом за свободу;¹¹ мне думается, это не совсем верное определение. Борцом Тургенев не был; борьба требует силы, для борьбы нужна кипучая, деятельная натура, которая не боится никакой грязной и черной работы, не боится клеветы, ударов, мести врагов и измены друзей,¹² которая смело бросается в самую гущу жизни, где и самому приходится толкаться и получать толчки от друзей. Тургенев был на это не способен. Активная борьба была не в его натуре; он был рожден мыслителем, созерцателем, поэтом, но не воином и не пророком. Все резкое, все крайнее ему претило, его отталкивало, и хотя он остался верен своей аннибаловой клятве, хотя в «Записках охотника» создал настоящий обвинительный акт против крепостного права,¹³ но впоследствии, когда заветная мечта его юности осуществилась, когда рухнуло крепостное право и потребовалось вступить в открытый бой с пережитками этого общественного зла, Тургенев испугался бурной волны движения 60-х годов и отступил... И не только отсутствие веры в дело и трезвость ума были этому причиной, но и врожденная вялость натуры, которая в юности подчиняла его деспотизму матери, державшей сына в ежовых рукавицах, а в более зрелые годы заставляла мириться со многим, что было противно его собственным убеждениям. Эта тургеньевская расплывчатость причинила ему много обиды и горя, вызвала его ссору с Толстым,¹⁴ чуть было не окончившуюся дуэлью, привела к разрыву с Герценом¹⁵ и с кружком Некрасова и Добролюбова,¹⁶ а под конец жизни сделала его предметом самой бессовестной эксплуатации со стороны разных проходимцев, которые пользовались его деньгами и рекомендациями для своих личных целей.¹⁷ Тургенев сам хорошо знал свои недостатки и с оттенком грустной насмешливости изобразил их в лице некоторых героев своих рассказов, как например г. NN из «Аси»,¹⁸ убежавший от любимой девушки только потому, что она оказалась незаконнорожденной, Алексей Петрович из «Переписки»,¹⁹ в юности мечтавший о благе родины, а кончивший тем, что чистил хлебом перчатки и бегал за каретой для красивой и пустой итальянской танцовщицы, затем Санин в «Вешних водах»,²⁰ приковавший свою жизнь к колеснице бессердечной и беспутной вакханки — Полозовой, Литвинов в «Дыме»²¹ и много других... Несомненно, имеются автобиографические черты также в рассказе «Пунин и Бабурин»,²² где я отмечу одно характерное место. Когда герой рассказа, будучи уже студентом, посещает своего старого знакомого Бабурина, человека крайних убеждений, тот его сурово спрашивает: «А что, освободили вы своих крестьян?». Студент должен был сознаться, что нет. «А бабка-то ведь

умерла?» Студент и в этом сознался. «То-то вы, господа дворяне... — сквозь зубы проворчал Бабурин. — Чужими руками... жар загребать... вы любите!..»

Конечно, этот горький упрек относился к Тургеневу только отчасти, потому что он после смерти матери сейчас же отпустил своих дворовых на волю, крестьян перевел на оброк, а в 61 году при выкупе уступил им $\frac{1}{5}$ часть лучшей земли, тем не менее это было далеко не то, что требовалось тогда от передового человека, и сам Тургенев это хорошо сознавал. И хотя он сердцем и умом понимал, как никто, что не «всё существующее разумно», хотя глубоко страдал от несправедливости и неустройства жизни, но, кажется, еще больше страдал оттого, что нет у него ни сил для борьбы, ни веры в победу. Как психологический тип Тургенев ближе всего стоит к Гамлету, и для нас чрезвычайно интересно определение Гамлета и его сравнение с Дон-Кихотом, сделанное самим Тургеневым. «Гамлет, — говорит Тургенев, — представляет из себя прежде всего анализ, эгоизм и потому — безверие... Он весь живет для самого себя, он эгоист, но верить в себя даже эгоист не может: верить можно только в то, что вне нас и над нами. Сомневаясь во всем, Гамлет не щадит и самого себя; ум его слишком развит, чтобы удовлетвориться тем, что он в себе находит. Он не верит в себя — и тщеславен; он не знает, чего хочет и зачем живет — и привязан к жизни; он сознает свою слабость, но самосознание есть сила, и отсюда его ирония, полная противоположность энтузиазму Дон-Кихота. А что такое Дон-Кихот? Это воплощенная вера, вера в истину, требующую служения и жертвы. Дон-Кихот энтузиаст, служитель идеи, и потому весь обвеян ее сиянием. Он весь живет для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам, волшебникам и великанам, то есть притеснителям. Он весь — самопожертвование; он крепко верит, и оттого бесстрашен, терпелив, отказывает себе во всем, и воля его в борьбе со злом мира — непреклонная воля!»²³ Из этой выдержки, которую я привела, само собой напрашивается сравнение между Тургеневым и Белинским. Белинский — это Дон-Кихот, нищий и больной рыцарь, смиренный сердцем, но смелый и великий духом;²⁴ Тургенев — Гамлет, изящный, поэтический, глубоко-мыслящий и вечно грустный, вечно страдающий оттого, что ненавидит зло, жаждет убить зло — и не в силах это сделать. Русская жизнь и особенно глухая пора 40-х годов,²⁵ когда всякая смелая мысль беспощадно подавлялась, когда всякий светлый порыв подвергался жестокому преследованию, эта пора, говорю я, чрезвычайно способствовала зарождению у нас гамлетовского типа, — высокоодаренного, сознательного, часто всеобъемлющего, но также часто бесполезного и осужденного на бездействие и неподвижность;²⁶ как метко выразился профессор Овсяннико-Куликовский, лишенного возможности «осуществить свою общественную стоимость».²⁷ В жестоких условиях тогдашнего жестокого времени эти люди

являлись «лишними», и вот Тургенев выводит перед нами целый ряд таких «лишних людей». Все они умны, талантливы, все одарены глубоко чувствующим сердцем и прекрасною душой, но их блестящие дарования никому не нужны, всюду их встречает холод, равнодушие, вражда, насмешки, и за «жар души, растроченный в пустыне»,^{6, 28} их ждет впереди или горькое одиночество, или тусклое прозябание и бессмысленная смерть. Вот Чулкатурин²⁹ — человек неглупый, и мысли ему приходят в голову не совсем обыкновенные, но высказать их как-то жутко, и потому именно жутко, что никому они не нужны и не понятны, а когда он все-таки высказывается, хотя и в дневнике, и дневник его после смерти Чулкатурина попадает в руки российскому обывателю, Петру Зудотешину,³⁰ этот самодовольный в своей обывательской мудрости муж кладет на нем свою резолюцию: «Съю рукопись читал и содержание оной нѣ одобрил»!³¹ Вот Рудин,³² блестящий оратор, рожденный быть народным трибуном, увлекательный проповедник прекрасных идеалов далекого будущего — но глупо звучат его призывы к добру и красоте в стране насилия и произвола, бесплодно сохнут его слова на каменистой почве, и сам он, усталый и измученный после бессмысленных скитаний в поисках какого-нибудь живого дела, безжалостно отвергнутый своей родиной, находит смерть на парижских баррикадах... Вот Гамлет Щигровского уезда:³³ он много учился, был за границей, изучал Гегеля и вообще немецкую науку, но что общего между русской жизнью и энциклопедией Гегеля? И бедный русский Гамлет кончает тем, что таскается по соседям, которые относятся к нему пренебрежительно именно потому, что он изучал немецкую науку, обносят его за столом, смотрят на него как на смешного чудака и вообще считают его ни на что негодным и пустым человеком. Он тоже не мог осуществить своей общественной стоимости и грустно размышляет: «Ну, и зачем я пускался за границу? Зачем не сидел дома, да не изучал окружающей жизни на месте? Эх, и рад бы я у нее брать уроки, у русской-то жизни, да молчит она, голубушка»!..³⁴ Вот, наконец, Нежданов...³⁵ Он тоже лишний. Он по натуре эстетик, он пишет стихи и мог бы при лучших условиях быть поэтом. Но писать стихи в то время, когда идет борьба за счастье народа, — позор и стыд, и вот Нежданов, не созданный для борьбы, вступает в ряды революционеров, идет в народ, который его не понимает и которого он не понимает, идет без веры в дело, без надежды победить — и разбитый, потерявший веру и в себя, выстрелом из револьвера кончает свою жизнь. «Вспомни обо мне! — пишет он Марианне перед смертью. — Вспомни, как о человеке честном и хорошем, но которому как-то приличнее было умереть, чем жить...»³⁶ И в самом деле все эти люди — Рудин, Нежданов, Чулкатурин и другие — все честные и хорошие, все одарены талантами и жаждой дела, и все оказываются ненужными, все

---

⁶ Далее зачеркнуто: им приходится расплачиваться,

гибнут бессмысленно и бесполезно. И это у нас, где такая масса необходимой и неотложной работы, где всякое общественное дело чахнет и вянет от недостатка хороших и честных людей!³⁷ Тургенев, этот до мозга костей русский человек, тоже оказался «лишним» у себя на родине и уехал за границу. «Записки охотника» навлекли на него неудовольствие сфер, и он был отмечен как неблагонадежный. Затем письмо его о смерти Гоголя вызвало уже совершенно реальное осуществление этого неудовольствия: Тургенев был арестован и препровожден на съезжую, а через три недели выслан к себе в деревню, где и прожил около двух лет.³⁸ Все эти роскошные дары в награду за талант и труд заставили Тургенева покинуть Россию, а к этому присоединилось еще одно обстоятельство чисто личного характера: Тургенев полюбил знаменитую певицу, Виардо-Гарсиа, и, как один из его героев, навсегда приковал себя к ее триумфальной колеснице.³⁹ С этого времени Тургенев является для России только редким гостем, а когда совершилось освобождение крестьян, у Тургенева произошел разрыв с «Современником»,⁴⁰ и это печальное событие еще более и надолго оттолкнуло его от русской жизни. Я уже вскользь упоминала об этом событии раньше и теперь остановлюсь на нем подробнее. Нужно сказать, что 60-е годы, этот период бури и натиска,⁴¹ вывел на арену русской жизни новую действующую силу — так называемого разночинца.⁴² До этого времени во главе русской интеллигенции стояли преимущественно представители дворянского класса, и им принадлежала руководящая роль как в литературе, так и в жизни. Теперь явился на сцену новый тип — сын дьячка, сын почтальона, мещанин и семинарист, и, властно заявив о своем существовании, внес светлую, демократическую струю в спертый воздух стародворянского гнезда. Наряду с прежними славными и громкими именами в литературе зазвучали новые: Чернышевский, Добролюбов, Решетников, Помяловский, Успенский⁴³ и другие. Эти люди пришли из самых низов жизни и принесли с собою новые слова, новые понятия, небывалую смелость суждений, резкое отрицание отживших форм и стихийный дух разрушения, который, раз вырвавшись на волю, как гётевский Мефистофель из пламени камина, не щадил вместе с старым дурным и старого хорошего. Эта смелая и буйная молодость сразу оттеснила своих умеренно прогрессивных предшественников на второй план и заняла самые крайние позиции. Возможно, что в их победоносном выступлении было много незрелого, чересчур резкого, чересчур поспешного, но яркая, молодая, брызжущая искрами, сверкающая феерическими огнями мысль отвечала настроению проснувшегося от долгой спячки общества и нашла в ней ответный отклик. Зашевелилась глухая провинция, массы

---

* NB. Невольно вспоминается Гоголь, который, озирая вещим оком своим всю беспредельную Русь и не найдя в ней ничего, кроме Мертвых душ, горестно воскликнул: «Боже! Как грустна Россия!..». — *Помета Дмитриевой.*

молодежи, юношей и девушек ринулись в волны общественного потока, в недрах патриархальных дворянских гнезд начались страшные семейные драмы, разрывы отцов с детьми, безжалостная ломка старых прогнивших устоев. Все перепуталось и все перемешалось... Лиза Калитина вместо того, чтобы идти в монастырь, остригла волосы и надела сарафан, отправилась в народ, в анатомический театр, холеные бабушкины внучки побежали с беспутным Маркушкой Волоховым в обрыв...⁴⁴ Этот вихрь, этот ураган сдвинул всю дореформенную Русь с ее исторических трех китов⁴⁵ и своей стремительностью напугал вчерашних деятелей. В числе напуганных был и Тургенев. Его эстетической душе были неприятны крайности освободительной эпохи; он не чувствовал в себе ни веры, ни сил для того, чтобы принять участие в общей ломке старого мира, с которым был связан и происхождением, и воспитанием, — и тихо отошел в сторону. Вскоре появился его знаменитый роман «Отцы и дети»,⁴⁶ где в образе Базарова⁴⁷ он пытается изобразить преобладающий тип того времени. Роман вызвал бурю негодования, в нем увидели карикатуру на молодое поколение.⁴⁸ Но если действительно Тургенев и имел сначала намерение изобразить в смешном виде новых людей (хотя в письме к Случевскому он сам отрицает это⁴⁹), то его огромный талант, художественное чувство меры, присущая ему честность и благородство натуры удержали его на границе шаржа, и в лице Базарова ему удалось верно схватить характерные черты нового человека, создать удивительно цельный и своеобразно красивый тип. Среди мягкотелых и слабовольных Кирсановых,⁵⁰ зараженных предрассудками отживающего мира, Базаров является действительно новой силой. От нее веет здоровой и непосредственной свежестью мысли и чувства; он не знает мучительных гамлетовских сомнений, бесплодной гамлетовской тоски; он знает, чего хочет, твердо идет к тому, чего хочет, а главное, верит в то, к чему идет и зачем идет... Но взаимное раздражение между «отцами» и «детьми» было так велико тогда, что Базарова не поняли, и Тургенев был объявлен чуть не мракобесом. И хотя Тургенев взял Базарова под свою защиту и в блестящих статьях истолковал его как новую демократическую силу, пришедшую на смену старой, аристократической,⁵¹ вокруг Тургенева надолго создалась атмосфера враждебности и отчуждения. С душевной болью он пишет свое «Довольно!»,⁵² но вскоре снова берется за перо и под влиянием пережитых обид и разочарований, поддавшись чувству личного раздражения, пишет новый роман, где все движение 60-х годов представляет в мутных и уродливых формах клубящегося дыма⁵³ и даже, вопреки своей гениально-художественной натуре, впадает в тон политического памфлета, изобразив русских эмигрантов в отталкивающе карикатурном виде, и не щадит при этом больного лирика Огарева, которого он вывел под именем Губарева.⁵⁴ Но время излечивает всякие раны, рассеивает многие заблуждения, и наступившая после бури освободительных лет реакция произвела также и в тургенев-

ской душе реакцию. Он начинает внимательно вглядываться в общественные течения русской жизни и, пораженный могучим движением русской молодежи «в народ»,⁵⁵ пытается отразить это новое явление в романе «Новь».⁵⁶ Но в это время он уже настолько оторвался от русской действительности и так далеко стоял от представителей движения в народ, что типы русских революционеров вышли у него бледными и притом в самом одностороннем освещении.⁵⁷ И все-таки настолько велика в Тургеневе сила художественного проникновения, что даже при всех перечисленных неблагоприятных условиях ему удалось подметить кое-какие характерные черты того типа, который в литературе и истории получил название «семидесятника».⁵⁸ Эти черты: болезненно-чуткая совесть, глубокое сознание ответственности перед народом, жажда самопожертвования и пламенный энтузиазм, не останавливающийся ни перед чем в достижении поставленной цели. Вот почему, несмотря на некоторые смешные стороны, которыми Тургенев наделил своих героев, они, точно так же как Дон-Кихот, вызывают не насмешку, а уважение. И читая «Новь», вы чувствуете, что Тургенев хотя и относится к ним с оттенком добродушной иронии, но и сам их уважает, и суровая Марианна, смешная и некрасивая Машурина, ограниченный фанатик Меркулов⁵⁹ вызывают в нем чувство, похожее на восхищение перед их цельностью, перед их нравственной силой. И нота примирения с этими Дон-Кихотами русской жизни, еще неясно звучащая в романе «Новь», выливается в полный аккорд в его известном стихотворении в прозе, где изображается русская девушка, бесстрашно переступающая мрачный порог,⁶⁰ за которым ждут ее отречение от личного счастья, забвение родины и друзей, клевета, измена и, наконец, ужасная безвестная смерть. Так, при конце дней, Тургенев понял своих прежних врагов и воздал им должное, и русское общество также поняло своего Тургенева и оценило его громадные заслуги перед Россией. Приезд его в Россию в конце 70-х годов был сплошной триумф, апофеоз славы и преклонения, ряд восторженных оваций.⁶¹ Это был момент, когда молодая Россия и Россия старая, в лице лучших своих представителей, сошлись так близко, узнали и поняли друг друга и все друг другу простили. Ведь обе они, хотя и разными дорогами, но шли к одной и той же цели, туда, куда стремился смелый Сокол в песне М. Горького, — к Свободе! К Свету!⁶²

Эти ясные, светлые дни повторились для Тургенева еще раз, на Пушкинском празднике в Москве, в 1880 году,⁶³ и после этого началось его медленное умирание. Умирал он так же, как и Рудин, на чужбине, среди чужих людей, с которыми его хотя и связывали долголетние узы дружбы и привычки, но психология которых была чужда его русской душе. И он не был счастлив, он был одинок; но мысль его всегда стремилась к далекой родине. И если ему суждено было большую половину жизни прожить вдали от нее, то хоть мертвым он пожелал лежать в родной земле и завещал похоронить

себя на Волковом кладбище, рядом с Белинским. Умер он 22 августа, а 27 сентября его хоронили.⁶⁴ Я помню этот ясный, солнечный день, какие редко бывают в Петербурге. Мне пришлось быть в числе депутаток от женских медицинских курсов, и рано утром наша депутация отправилась с венком на Варшавский вокзал, откуда должно было прибыть тело. Перед этим по городу ходили смутные слухи, что не разрешат публичные похороны. И мы сильно сомневались, что нас пропустят на вокзал. Наши опасения сбылись. Но совсем по другим причинам: когда мы вышли на Забалканский проспект,⁶⁵ там оказалась уже такая масса народа, что невозможно было пробраться к вокзалу. Но вот появились конные жандармы и полиция, улицы были очищены, народ оттеснен к тротуарам, и вдали, в солнечных лучах, показалась траурная колесница. Точно ветер пронесся над толпой, и все головы обнажились... Тихо колыхая белыми перьями, двигалась колесница; за нею зеленел целый лес венков. Наша депутация присоединилась к процессии, и мы медленно пошли за гробом. Забалканский проспект, Загородный, Звенигородская улица — все это было запружено народом; люди шпалерами стояли на тротуарах, сидели на заборах, на решетках оград, за двойной стеной жандармов и полицейских. Полная тишина и молчание, только легкий шорох снимаемых шапок да глухое шарканье тысяч ног по камням мостовой. Это было грандиозное зрелище, и, казалось, весь Петербург собрался отдать последние почести великому художнику, бессмертному изобразителю русских «лишних людей», русских гамлетов и дон-кихотов. Да, они бессмертны. И вот уже 25 лет прошло со дня смерти Тургенева,⁶⁶ а они все еще живут между нами, ищут, страдают и борются за счастье русского народа. По-прежнему скитаются и гибнут на чужбине пламенные Рудины; умирают в голодных, зараженных деревнях честные и твердые Базаровы, стреляются усталые, потерявшие веру в себя и в свое дело Неждановы, и суровая Марианна, как крот, работает среди шума и грохота фабричной машины, и мечтательная Елена⁶⁷ уходит в туманную даль, к далеким братьям, которые сражаются за свою независимость... Всех их объединяет одна идея, одно стремление — к свободе, к свету. И пусть многие из них, как смелый Сокол, разобьют о скалы свою грудь, пусть сломают свои крылья в борьбе за народное счастье, — на их место явятся новые и, может быть, достигнут цели. Ибо, как сказал Тургенев, «любовь сильнее смерти, сильнее страха смерти, и только ею, только любовью держится и движется жизнь»!⁶⁸

¹ Возможно, аллюзия на стихотворение Н. М. Языкова «Песня» («Мы любим шумные пиры...», 1823). Повторяющийся в текстах Дмитриевой мотив противопоставления дворянской праздности народному делу.

² Ср.: «Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. <...> враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решил бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская

клятва <...>» (Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания. Вместо вступления // ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 9).

³ Речь идет о повести Тургенева «Пунин и Бабурин» (впервые: *ВЕ*. 1874. № 4).

⁴ Речь идет о повести «Муму» (впервые: *Совр.* 1854. № 3). По свидетельству В. Н. Житовой, приемной дочери В. П. Тургеневой, и других современников, в повести описаны реальные события, происшедшие в доме матери Тургенева. См. подробнее: *Житова*. С. 76–82; см. также: ПССУП(2). Соч. Т. 4. С. 605. Воспоминания Житовой были впервые опубликованы в журнале «Вестник Европы» за 1884 г. (№ 11, 12), и Дмитриева могла их знать.

⁵ Сергей Николаевич Тургенев, отец писателя (1793–1834), считается прототипом Петра Васильевича в повести «Первая любовь» (впервые: *БдЧ*. 1860. № 3. Отд. I). Подробнее см.: ПССУП(2). Соч. Т. 6. С. 479–481.

⁶ Тургенев поступил на словесное отделение Московского университета в 1833 г., а в 1834 г., в связи с переездом семьи в Петербург, перешел на второй курс историко-филологического отделения Петербургского университета, который закончил в 1836 г.; 10 (22) июля 1837 г. получил степень кандидата философии. В 1838–1841 гг. слушал лекции в Берлинском университете. Вернувшись в Россию, безуспешно пытался заняться преподаванием философии. В 1843 г. поступил на службу в канцелярию Министерства внутренних дел (в чине коллежского секретаря) под начало В. И. Даля; уволился в 1845 г.

⁷ Точнее: «Что разумно — то действительно, что действительно — то разумно». Именно над этими словами иронизирует Тургенев в воспоминаниях о Белинском (ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 26).

⁸ Правильно: Егора Федоровича. Так (трансформируя имя Георг Фридрих) Гегеля называл Белинский. Дмитриева почти дословно, хотя и неточно, цитирует письмо Белинского к Боткину от 1 марта 1841 г.: «Благодарю покорно, Егор Федорыч, — кланяюсь вашему философскому колпаку <...>» (*Белинский*. Т. 12. С. 22).

⁹ «Виссарион Неистовый» — так иронично — по аналогии с героем поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд», о рыцаре Круглого стола, — В. Г. Белинского называл Н. В. Станкевич, в литературно-философский кружок которого критик входил с 1833 г.

¹⁰ «Замолкни, Муза мести и печали!» — первая строка стихотворения Н. А. Некрасова, датированного 3 декабря 1855 г. «Поэтом „мести и печали“» назвал Некрасова в «<Речи по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве>» Тургенев (1880). См.: ПССУП(2). Соч. Т. 12. С. 348.

¹¹ Скабичевский Александр Михайлович (1838–1910/1911) — критик и историк русской литературы, принадлежал к либерально-народническому направлению, неоднократно писал о творчестве Тургенева (см.: *Еремин Ю. Г.* Скабичевский А. М. // *Тургенев. НИИМ(1)*. С. 375–378).

¹² Перефразированная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Благодарность» («За все, за все тебя благодарю я...», 1840).

¹³ Ср. с мнением А. И. Герцена: «Тургенев никогда не сгущает краски, не употребляет энергических выражений, напротив, он рассказывает совершенно невозмутимо, пользуясь только изящным слогом, что необычайно усиливает впечатление от этого поэтически написанного обвинительного акта против крепостничества» (*Герцен*. Т. 13. С. 177. Выделено нами. — *Г. М., Т. С.*).

¹⁴ Тургенева с Л. Н. Толстым связывали дружеские отношения, но разница в характерах и мировоззрении приводила к постоянным спорам и столкновениям. В 1861 г. в Степановке, имении А. А. Фета, между писателями произошла бурная ссора, едва не закончившаяся дуэлью. Поводом послужил разговор о воспитании дочери Тургенева, Полины, жившей в Париже. За ссорой последовал разрыв в отношениях, но невзирая на него, Тургенев пропагандировал за границей творчество своего бывшего друга и вечного оппонента. После многолетнего перерыва в отношениях Толстой обратился к Тургеневу в 1878 г. с примирительным письмом, на которое тот с радостью откликнулся (см. письмо Толстого к Тургеневу от 6 (18) апреля 1878 г.: *Тургенев. Переписка*. Т. 2. С. 138–139; а также: письмо Тургенева к Толстому от 8 (20) мая 1878 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 16. Кн. 1. С. 112–113). Тургенев побывал в Ясной Поляне, а перед самой своей смертью написал «великому писателю русской земли» свое знаменитое письмо с призывом вернуться к литературной деятельности (см.: *ПССиП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 180).

¹⁵ После организации А. И. Герценом «Вольной русской типографии» писатели регулярно виделись в Лондоне, куда Тургенев привозил материалы для «Колокола», выполняя поручения Герцена. Усилившиеся идейные расхождения и осуждение Герценом поведения Тургенева на допросе в Сенате в Петербурге (1864) по «Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» («Процесс 32-х»; 1862–1865) привели к временному прекращению отношений. В 1867 г. Тургенев написал другу примирительное письмо (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 6. С. 196–197), а в январе 1870 г. ежедневно навещал его в Париже в течение недели, во время предсмертной болезни Герцена.

¹⁶ Имеется в виду журнал «Современник», издававшийся в 1847–1866 гг., сначала совместно Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым, затем, с 1863 г., только Некрасовым. В 1847–1848 гг. идейным руководителем журнала был Белинский, а сам журнал отражал либеральные взгляды «людей 40-х гг.». В 1858–1862 гг. идейным руководителем журнала стал Н. Г. Чернышевский. Н. А. Добролюбов сотрудничал с журналом с 1856 г., а с конца 1857 г. и до середины 1861 г. возглавлял в нем «Литературно-критический отдел». В это время «Современник» считался органом революционной демократии, идеологов крестьянской революции. Прежние сотрудники либо отошли от «Современника» (Толстой — в 1858, Тургенев — в 1860), либо сократили свое участие в нем.

¹⁷ См. подробнее: *Островский А. Г.* Тургенев в записях современников. М., 1999. С. 324–329.

¹⁸ Повесть Тургенева «Ася» (впервые: *Совр.* 1858. № 1) вызвала оживленные споры и полемику в печати, начало которой положила статья Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous: Размышления по прочтении повести г. Тургенева „Ася“» (Атеней. 1858. № 18. Ч. 3. С. 65–89). Критик осудил поведение героя, сочтя его типичным для «лишнего человека», и придал повести политический смысл. В открытую полемику с Чернышевским вступил П. В. Анненков в статье «О литературном типе слабого человека (По поводу рассказа г-на Тургенева „Ася“» (Там же. № 32. Ч. 4. С. 322–350), в которой защищал героя повести и утверждал, что «круг так называемых *слабых* характеров есть *исторический* материал, из которого творится самая жизнь современности. Он уже образовал как лучших писателей наших, так и лучших гражданских деятелей, и он же в будущем даст основу для всего дельного, полезного и благородного» (С. 349–350).

¹⁹ Повесть Тургенева «Переписка» (впервые: *ОЗ*. 1856. № 1).

²⁰ Повесть Тургенева «Вешние воды» (впервые: *ВЕ*. 1872. № 1).

²¹ Роман Тургенева «Дым» (впервые: *РВ*. 1867. № 3).

²² Повесть Тургенева «Пунин и Бабурин» (впервые: *ВЕ*. 1874. № 4).

²³ Имеется в виду речь Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (впервые: *Совр.* 1860. № 1).

²⁴ Обыграны два образа: пушкинского «рыцаря бедного» («Жил на свете рыцарь бедный / Духом смелый и прямой») и тургеневского Дон-Кихота («Смирный сердцем, он духом велик и смел»).

²⁵ Имеется в виду так называемое «мрачное семилетие» (1848–1855), последние годы царствования Николая I, считающееся одним из самых тяжелых периодов в истории русской журналистики и общественной мысли, когда либеральная жизнь ушла в литературно-художественные и философские кружки, салоны, журналы. Оно наступило вслед за «замечательным десятилетием», начало которого П. В. Анненков ведет со статьи В. Г. Белинского «Литературные мечтания. Элегия в прозе» (Молва. 1834), ставшей первым литературным выступлением критика. Водоразделом между этими двумя судьбоносными для идейной и литературной жизни России периодами стали европейские события 1848–1849 гг., то есть революции, охватившие Францию, Австрию, Пруссию, Италию, Чехию, Венгрию, Польшу, напугавшие власть в России.

²⁶ Неточная цитата из статьи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот»; ср.: «...Гамлеты мыслящие, сознательные, часто всеобъемлющие, но также часто бесполезные и осужденные на неподвижность <...>» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 5. С. 340).

²⁷ См.: *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* «Люди 40-х годов». — Рудин // *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* История русской интеллигенции: Итоги русской художественной литературы XIX века. М., 1906. Ч. 1. С. 172. Неточная цитата, ср.: «В среде, где он (Рудин. — *Ред.*) хотел действовать, все эти духовные блага не имели цены, и неудивительно, что их представитель не мог, даже если бы обладал гораздо большею работоспособностью, цепкостью и практическим смыслом, осуществить в этой среде свою общественную стоимость, и под конец сам убедился в том, что он — „лишний“».

²⁸ Цитата из стихотворения Лермонтова «Благодарность» (1840); см. выше, примеч. 12.

²⁹ Герой повести Тургенева «Дневник лишнего человека» (впервые: *ОЗ*. 1850. № 4).

³⁰ Упоминается в повести «Дневник лишнего человека» как автор слов: «Съю рукопись. Читаль / И Содържаніе Онной Нѣ Одобриль / Пѣтръ Зудотѣшинъ / М М М М, Милостивый Государь / Пѣтръ Зудотѣшинъ. / Милостивый Государь мой» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 4. С. 215).

³¹ Неточная цитата из повести «Дневник лишнего человека»; см. выше, примеч. 30.

³² Главный герой одноименного романа Тургенева (впервые: *Совр.* 1856. № 1, 2).

³³ Персонаж одноименного рассказа Тургенева (впервые: *Совр.* 1849. № 2. Включен в цикл «Записки охотника» (1852)).

³⁴ Неточная цитата из рассказа «Гамлет Щигровского уезда»; ср.: «Так зачем же ты таскался за границу? Зачем не сидел дома да не изучал окружающей тебя жизни

на месте? <...> Я бы и рад был брать у ней уроки, у русской жизни-то, — да молчит она, моя голубушка» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 3. С. 260).

³⁵ Герой романа Тургенева «Новь» (впервые: *ВЕ*. 1877. № 1, 2).

³⁶ Неточная цитата из романа Тургенева «Новь»; ср.: «Вспоминай обо мне, как о человеке тоже честном и хорошем, но которому было как-то приличнее умереть, нежели жить» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 9. С. 379). Марианна — героиня романа «Новь».

³⁷ Слова А. С. Пушкина, известные в передаче Н. В. Гоголя: «...когда я начал читать Пушкину первые главы из „Мертвых душ“, в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: „Боже, как грустна наша Россия!“» (*Гоголь*. Т. 8. С. 294 («Выбранные места из переписки с друзьями»)).

³⁸ «Записки охотника» (1852) — сборник очерков и рассказов, составивших первое по времени крупное произведение Тургенева, положившее, по замечанию М. Е. Салтыкова-Щедрина, «начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды» (*Щедрин*. Т. 9. С. 459). «Записки охотника» были представлены в Московский цензурный комитет и получили разрешение на издание 5 и 6 марта, но 16 апреля Тургенев был арестован и выслан в Спасское под надзор полиции за публикацию в Москве запрещенного цензурой в Петербурге письма на смерть Гоголя (см.: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 11. С. 64–65 («Письмо из Петербурга»)). Печатание «Записок охотника» приостановлено не было, но, когда сборник вышел, началось секретное следствие по выяснению обстоятельств разрешения издания, которое завершилось увольнением московского цензора, князя В. В. Львова, и признанием сочинения Тургенева «неблагонадежным».

³⁹ *Виардо Мишель Фернанда Полина* (урожд. Гарсиа; 1821–1910) — выдающаяся французская певица (меццо-сопрано), пианистка, вокальный педагог и композитор, в том числе автор романсов на слова Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Фета. С 1839 г. солистка Итальянской оперы в Париже. В 1840 г. вышла замуж за директора Итальянской оперы Луи Виардо (1800–1883). В 1839–1861 гг. выступала на оперных сценах Европы; в сезоны 1843/44, 1844/45, 1845/46, 1852/53 гастролеровала в Петербурге и Москве; 1 ноября 1843 г. познакомилась в Петербурге с Тургеневым, что определило его личную судьбу. С этого времени большую часть жизни писатель провел возле семьи Виардо. В 1863 г. П. Виардо оставила сцену и посвятила себя педагогической деятельности. В 1871–1875 гг. преподавала пение в Парижской консерватории. Была прекрасной рисовальщицей; автор многочисленных портретных зарисовок, в том числе Тургенева.

⁴⁰ Тургенев был деятельным сотрудником журнала «Современник» в 1847–1860 гг., до разрыва на почве идеологических расхождений. Приход в журнал Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова привел к драматическому периоду «гражданской войны» в «Современнике», разгоревшейся между «дружеским кружком» и новыми сотрудниками. Статья Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» (1860) о романе Тургенева «Накануне» послужила поводом к окончательному разрыву писателя с журналом.

⁴¹ «Буря и натиск» (*Sturm und Drang*) — литературное движение в Германии 1770-х гг., получившее название по одноименной драме Ф. М. Клингера (1752–1831); формировалось в полемике с эстетикой классицизма, проникнуто духом мятежа и

бунтарства. Дмитриева в своих текстах нередко использует данную формулу, применяя ее в переносном значении, как метафору для обозначения периодов общественной борьбы.

⁴² В России конца XVIII и XIX вв. человек, занимавшийся умственным трудом, не принадлежавший к дворянству, выходец из других сословий (купечества, мещанства, духовенства или мелкого чиновничества); обычно — носитель демократической идеологии.

⁴³ *Чернышевский Николай Гаврилович* (1828–1889) — русский писатель и философ-утопист, революционер-демократ; автор романа «Что делать?» (1863). Арестован в 1862 г. как «враг Российской империи», приговорен к пожизненной ссылке и каторге, однако срок каторжных работ был впоследствии сокращен до семи лет. Подвергнут гражданской казни (1864). Умер в Саратове. *Добролюбов Николай Александрович* (1836–1861) — русский литературный критик, революционный демократ. См. также примеч. 16. *Решетников Федор Михайлович* (1841–1871) — русский писатель, известность которому принес очерк «Подлиповцы» из жизни бурлаков, опубликованный в журнале «Современник» (1864); известен очерками из жизни рабочих. *Помяловский Николай Герасимович* (1835–1863) — русский писатель, автор незавершенных «Очерков бурсы» (1862–1863), печатавшихся в журналах «Время» и «Современник». *Успенский Глеб Иванович* (1843–1902) — русский писатель; автор серии очерков «Нравы Растеряевой улицы» (1866) и «Разорение» (1869), описывающих нравы городской бедноты.

⁴⁴ Аллюзия на романы Тургенева «Дворянское гнездо» (1859) и И. А. Гончарова «Обрыв» (1869), а также на судьбы их персонажей. Отношение к выбору пути для своих героинь, не порвавших со средой, к которой они принадлежали, вызвало негативную оценку демократической критики, причислившей обоих писателей к консервативному лагерю певцов патриархально-дворянской жизни.

⁴⁵ Имеется в виду так называемая теория официальной народности, которая стала государственной идеологией русского самодержавия. Смысл ее заключался в совокупности трех тезисов: православие — основа духовной жизни народа, его нравственной чистоты и устойчивости; самодержавие — опора и гарант российской государственности, ее бытия, могущества и величия; народ российский по природе своей религиозен и царелюбив, предан самодержавию и православию, «един» с царем, как царь «един» с народом. Современники называли тезисы этой теории «уваровской троицей», поскольку именно С. С. Уваров (1786–1855) превратил их в целостную систему и, будучи министром просвещения (1833–1849), провозгласил непреложным руководством для народного образования, науки, литературы, искусства, воспитания молодежи — как «последний якорь спасения» России от всех и всяческих крамол, как «умственную плотину» против идей революции; см. подробнее: *Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997. С. 128 и др.

⁴⁶ Роман Тургенева «Отцы и дети» (впервые: *РВ*. 1862. № 2).

⁴⁷ Евгений Базаров — герой романа «Отцы и дети», вокруг образа которого развернулась основная полемика об этом произведении писателя. Д. И. Писарев давал апологетическую характеристику Базарова, чьи взгляды были созвучны его собственным (см.: *Писарев Д. И.* 1) Базаров // Русское слово. 1862. № 3; 2) Нерешенный вопрос // Там же. 1864. № 9–11 (впоследствии — Реалисты) и др.). Н. Н. Страхов, развивая идею о торжестве жизни над нигилизмом, высоко оценил личность Базарова, назвав его «титаном, восставшим против своей матери-земли» (см.: *Страхов Н. Н.*

«Отцы и дети» И. Тургенева // *Время*. 1862. № 4. Отд. II. С. 81). Ф. М. Достоевский с сочувствием писал о Тургеневе в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» (*Достоевский*. Т. 5. С. 59).

⁴⁸ Критик «Современника» М. А. Антонович (1835–1918) назвал «Отцов и детей» клеветой на молодое поколение и на современные направления, а Базарова — злостной карикатурой, в то же время считал роман панегириком «отцам» и отказывал ему в художественных достоинствах (см. подробнее: *Антонович М. А.* Асмодей нашего времени // Антонович М. А. Литературно-критические статьи. М.; Л., 1961. С. 35–93).

⁴⁹ «*Вся моя повесть направлена против дворянства как передового класса*. Вглядитесь в лица Н<икола>я П<етрович>а, П<авл>а П<етрович>а, Аркадия. Слабость и вялость или ограниченность. <...> если читатель не полюбит Базарова со всей его грубостью, бессердечностью, безжалостной сухостью и резкостью <...> я виноват и не достиг своей цели. <...> Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на погибель — потому, что она все-таки стоит еще в преддверии будущего <...>» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 5. С. 58–59. Письмо от 14 (26) апреля 1862 г.).

⁵⁰ Кирсановы — Аркадий, его отец Николай Петрович и дядя Павел Петрович — персонажи романа «Отцы и дети».

⁵¹ См. статью Тургенева «По поводу „Отцов и детей“», а также «Предисловие к романам» 1880 г. (*ПССиП(2)*. *Соч.* Т. 11. С. 86–97; Т. 9. С. 394).

⁵² Повесть «Довольно» (впервые: *Тургенев И. С.* Сочинения. Карлсруэ, 1865. Ч. 5. С. 335–350), одно из самых автобиографичных и пессимистических произведений Тургенева.

⁵³ Имеется в виду роман Тургенева «Дым».

⁵⁴ Прообразом Губарева А. Мазон также называл Н. П. Огарева (см. подробнее: *Revue des études slaves*. 1925. Т. 5. Р. 261–263; *ПССиП(2)*. *Соч.* Т. 7. С. 511–512; см. также: *Чешихин-Ветринский В.* К созданию «Дыма» // Тургенев и его время / Под ред. Н. Л. Бродского. М.; Пг., 1923. Сб. 1. С. 293–295). Позднее, после обнаружения П. Уоддингтоном подготовительных материалов к «Дыму», предположение Мазона и других исследователей о том, что за криптонимом «О.» скрывался Н. П. Огарев, полностью подтвердилось (см.: *РЛ*. 2000. № 3. С. 108, 113).

⁵⁵ «Хожение в народ» — массовое движение демократической и революционной молодежи в деревню; началось весной 1873 г. и получило наибольший размах весной — летом 1874 г. Его целью были разъяснительная и агитационная работа среди крестьян, попытка сблизиться с народом и служить ему своими знаниями. Представители студенчества и интеллигенции отправлялись в деревню либо в качестве агитаторов, либо устраивались там на работу учителями, фельдшерами, писарями и пытались склонить народ к необходимости свержения царского строя, однако вера в царя оставалась непоколебимой, народников сдавали властям и к концу 1870-х гг. движение себя исчерпало.

⁵⁶ Авторская позиция в отношении романа «Новь» изложена Тургеневым в письме от 22 декабря 1876 г. (3 января 1877 г.) к М. М. Стасюлевичу: «Я решил <...> взять молодых людей, большей частью хороших и честных — и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно, что не может не привести их к полному фиаско» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 268). Роман по-

началу восприняли преимущественно негативно, вокруг него развернулась бурная полемика, особенно болезненно к нему отнеслась радикальная народническая критика.

⁵⁷ Созданию положительного мнения о романе «Новь» способствовал «процесс пятидесяти» — судебное следствие над народниками-пропагандистами 21 февраля — 14 марта 1877 г., состоявшееся как раз в период публикации произведения Тургенева и оцененное публикой как доказательство правдивого изображения народничества писателем (см. подробнее: Статья С.К. Брюлловой о романе «Новь» // *ЛН*. Т. 76. С. 277–320; вступит. ст. и публ. Н. Ф. Будановой).

⁵⁸ Народничество как направление общественной мысли оформилось в 1860–1880-е гг.; имело несколько направлений, в том числе революционное и либеральное. Печатным органом либерального народничества был артельный журнал «Русское богатство» (1876–1918), который издавали Н. Н. Златовратский, С. Н. Кривенко, Е. М. Гаршин (в 1880-е гг.), Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненский (с 1893 г.). С этим журналом сотрудничала Дмитриева.

⁵⁹ Машурина, Меркулов, как и Марианна, — персонажи романа «Новь».

⁶⁰ Имеется в виду стихотворение в прозе «Порог», которое по цензурным соображениям не было напечатано вместе с остальными «Стихотворениями в прозе» в «Вестнике Европы» (1882. № 12), печаталось и распространялось нелегально. Известен список стихотворения, напечатанный вместе с прокламацией «Народной воли», написанной П. Ф. Якубовичем ко дню похорон Тургенева (листок назван: «И. С. Тургенев» и датирован: «25 сентября 1883 г.»). В русской легальной печати полностью появился в 1905 г. (*Венгеров С. Тургеневский «Порог» // Русское богатство*. 1905. № 11–12. С. 155–157).

⁶¹ Обосновавшись за границей, Тургенев тем не менее регулярно приезжал в Россию. Своего апогея чествования Тургенева во время его приездов на родину достигли в 1879 г. Писатель с небывалым успехом выступал перед московской и петербургской публикой на благотворительных вечерах и обедах, в Обществе любителей российской словесности, в Благородном собрании, встречался с профессорами Московского университета и со студентами. Современные очерку Дмитриевой отзывы об этом приезде см., например: *Стецкий Н. Я. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе* (С приложением семи его неизданных писем) // *РВ*. 1903. № 9. С. 61–93; см. также: *Ковалевский М. М. Воспоминания об И. С. Тургеневе // РусВед*. 1883. 27 сентября. № 265.

⁶² Впервые под названием «В Черноморье» с подзаголовком «Песня»: Самарская газета. 1895. 5 марта. № 50 (серия «Теневые картинки»).

⁶³ В тексте описка: «в 1881 году». В 1880 г. Тургенев участвовал в Пушкинских торжествах в Москве по случаю открытия первого в России памятника поэту. На торжественном заседании в актовом зале Московского университета Тургенев был избран (вместе с Я. К. Гротом и П. В. Анненковым) в почетные члены университета. Речь Тургенева о Пушкине в зале Благородного собрания 7 июня стала его триумфом, он был увенчан лавровым венком на публичном заседании Общества любителей российской словесности. Вечером 7 июня Тургенев встретился у памятника Пушкину с его автором, скульптором А. М. Опекушиным, подарившим ему незадолго до этого уменьшенную копию памятника. На следующий день, на заключительном литературном вечере в зале Благородного собрания, во время церемонии

шествия писателей, Тургенев опустил поднесенный ему венок к подножию пушкинского бюста, а Достоевский возложил свой венок на голову поэта. Несколько дней спустя Тургенев передал на Московскую пушкинскую выставку перстень Пушкина и прядь его волос, вделанных в медальон, вместе с пояснительной запиской. Впоследствии эти предметы были переданы П. Виардо, наследницей Тургенева, в Пушкинский музей Александровского лицея; перстень не сохранился (украден, по некоторым предположениям в 1917 г.); прядь хранится во Всероссийском музее А. С. Пушкина (Петербург).

⁶⁴ Предсмертная болезнь Тургенева (рак спинного мозга) дала о себе знать в начале 1882 г. Осень 1882 г. и зиму 1883 г. писатель проводит в Париже, перенеся в январе операцию по удалению неврома, а в апреле 1883 г. его перевозят в Буживаль. В августе 1882 г. он заканчивает повесть «После смерти» («Клара Милич»), диктует по-французски Полине Виардо автобиографический очерк «Пожар на море», а через несколько дней рассказ «Конец». Умер Тургенев в Буживале 22 августа (3 сентября) 1883 г., в понедельник, в 2 часа дня, в окружении семьи Виардо и в присутствии кн. А. А. Мещерского, оставившего воспоминания «Предсмертные часы И. С. Тургенева» (впервые: *НВр.* 1883. 3 (15) сентября. № 2629, в изложении Д. Р. Багницкого). Автором самых подробных и достоверных воспоминаний о последних днях Тургенева и его похоронах был редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич (впервые: *ВЕ.* 1883. № 10, 11), свидетель последних дней жизни Тургенева, встречи тела писателя на русской границе и проводов его до Петербурга (все остальные подробности скрупулезно изложены им по рассказам очевидцев). В Буживале 23 августа (4 сентября) была отслужена панихида протоиереем Д. В. Васильевым (с причтом), специально приехавшим из Парижа; 26 августа (7 сентября) состоялось отпевание в русской церкви в Париже на улице Дарю. Панихида прошла и в Вержболове, на первой русской железнодорожной станции на границе, в местной церкви. Многотысячное траурное шествие состоялось 27 сентября (9 октября) в Петербурге; похоронен на Волковом кладбище.

⁶⁵ Ныне Московский проспект в Петербурге. Вся приведенная Дмитриевой топография свидетельствует о масштабе траурного шествия.

⁶⁶ Двадцатипятилетие со дня смерти Тургенева, исполнившееся 22 августа (3 сентября) 1908 г., было ознаменовано грандиозной выставкой в Петербургской Академии наук, проходившей 8–22 марта ст. ст. 1909 г., инициатором которой выступил в октябре 1908 г. Ф. А. Витберг. В выставке приняли участие: Императорская Академия наук (Библиотека, Рукописное отделение и Пушкинский Дом), Императорская Публичная библиотека, Императорский Исторический музей в Москве и Отделение при нем имени П. И. Щукина, Орловская Ученая архивная комиссия, Касса взаимопомощи учащихся в имп. Академии художеств и Петропавловская школа; из частных лиц — О. В. Галахова, Н. А. и А. Н. Хвостовы. В. Н. Мосина (урожд. Тургенева) и еще 75 лиц. Тогда же вышло подряд два издания «Каталога выставки в память И. С. Тургенева в императорской Академии наук» (СПб., 1909) (второе из них — с исправлениями), составленного Ф. А. Витбергом и Б. Л. Модзалевским (ныне — библиографическая редкость).

⁶⁷ Имеется в виду героиня романа «Накануне».

⁶⁸ Неточная цитата из стихотворения в прозе «Воробей» (впервые в составе первой части «Стихотворений в прозе»: *ВЕ.* 1882. № 12).

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО С. Н. ТУРГЕНЕВА К СЫНУ НИКОЛАЮ

Публикация Е. М. Грибковой*

«Письмо неустановленного лица об обучении Тургенева И. С. в пансионе Вейденгаммера. 1820-е гг.» хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея¹ и было обнаружено нами при подготовке юбилейной тургеневской выставки «Среди людей мне близких... и чужих» в Государственном музее А. С. Пушкина, открывшейся 3 сентября 2013 года. В первую очередь, внимание привлекла фамилия Вейденгаммера — содержателя пансиона, где учились братья Тургеневы, поскольку документальные свидетельства об этом периоде московской жизни семьи Тургеневых крайне малочисленны. Сразу же возникло предположение, что автором письма мог быть Сергей Николаевич Тургенев — отец Ивана Сергеевича. Почерковедческий сравнительный анализ, любезно сделанный по нашей просьбе научным сотрудником Отдела новой русской литературы ИРЛИ РАН, к. ф. н. В. А. Лукиной, подтвердил идентичность почерка исследуемого письма с хранящимися в Пушкинском Доме автографами С. Н. Тургенева.

Сам автограф представляет собой небольшую полоску тонкой бумаги с ровными краями, предположительно вырезанную из письма. Текст занимает примерно один абзац. Почерк крупный, разборчивый. Автограф записан чернилами; есть штамп «10», под ним карандашом черта и цифра «50»; также карандашом «0» и «150». Скорее всего, это позднейшие пометки сотрудников рукописного фонда. Подпись и дата отсутствуют.

---

* С прискорбием сообщаем, что талантливая исследовательница, сотрудница Музея И. С. Тургенева на Остоженке (Москва) Елена Михайловна Грибкова ушла из жизни 27 мая 2016 г. — *Ред.*

¹ Ф. 83. Оп. 2. № 19. Л. 150.

Обращение «Коля» указывает на адресата письма — Николая Тургенева, старшего сына С. Н. Тургенева. Вероятно не случайно, что это письмо именно к Николаю, поскольку, как отмечал первый публикатор писем отца Тургенева к сыновьям М. К. Клеман, аккуратный Николай бережно сохранял отцовские письма, в отличие от куда более беспечного Ивана.

Имя содержателя пансиона Вейденгаммера, где учились братья Тургеневы, и упоминание о «вояже» автора позволяют установить примерную дату письма. Это время второго заграничного путешествия Сергея Николаевича, предпринятого им для лечения мочекаменной болезни у европейских врачей. Как фиксирует в «Спасско-Лутовиновской хронике» Н. М. Чернов, в конце апреля 1829 года Сергей Николаевич отправляется за границу в сопровождении доктора А. Е. Берса и дворовых — Михайлы Лобанова и Савелия Маглинова.² В 1830 году он ненадолго приезжает из-за границы «для устройства личных дел на случай неблагоприятного исхода хирургической операции»,³ а в конце апреля вновь уезжает в сопровождении того же доктора Берса и двух дворовых людей. Сыновья в это время продолжают обучение в пансионе Вейденгаммера и на дому вплоть до сентября 1830 года.⁴

По сути своей это письмо схоже с другими письмами Сергея Николаевича к сыновьям, основным содержанием и неизменным лейтмотивом которых были отцовские наставления и вопросы учебы детей. Даже продолжительное заграничное путешествие не стало препятствием для его общения с Николаем и Иваном, он наставлял их в науке жизни, радовался успехам. Длиннейшие письма Сергей Николаевич отправлял домашним каждые 4–5 дней.

Наш автограф — лишь маленькая часть большого письма, на что указывают слова: «Я такое длинное <письмо> написал к тебе, что не было место приписать, о моем вояже <...>». И такие письма к сыновьям сочинял тяжелобольной человек, которому предстояла мучительная операция с неизвестным исходом. О «твердости покойного отца — который 11 лет страдал, а умер мученик[ом] морально и физически»,⁵ писала позднее сыну Ивану Варвара Петровна Тургенева. Постоянное общение с детьми, пусть на бумаге, было для Сергея Николаевича поддержкой и опорой в самые трудные моменты жизни. Вот строки из его письма к тому же Николаю 1834 года, времени решительного разлада, по сути разрыва между отцом и матерью, причиной которого стало серьезное увлечение

---

² Чернов Н. М. Спасско-Лутовиновская хроника // Чернов Н. М. Провинциальный Тургенев. М., 2003. С. 194.

³ Там же. С. 195.

⁴ Там же.

⁵ Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844). Ч. 2: 29 ноября (11 декабря) 1838 — 14 (26) марта 1839 / Подгот. текста В. А. Лукиной, коммент. С. Л. Жидковой и В. А. Лукиной // Тургенев. НИИМ (2). С. 484. Письмо от 7 (19) января 1839 г.

Сергея Николаевича княжной Екатериной Шаховской: «...они (письма. — *Е. Г.*) для нас, а особенно для меня, есть предмет всех разговоров и единственное утешение, не знаю, как изъяснить тебе мою благодарность».⁶

В своей статье «Отец Тургенева в письмах к сыновьям» М. К. Клеман на основании документальных свидетельств делает основополагающий вывод о том, что Сергей Николаевич «обладал незаурядным педагогическим талантом и несомненно благотворно влиял на обоих сыновей».⁷ И в публикуемом автографе обращает на себя внимание то, как тонко Сергей Николаевич от конкретного факта, радующего душу любого родителя, — одобрения наставником изменений к лучшему у сына — переходит к далеко идущим обобщениям. Он старается показать Николаю плоды его усилий, если тот будет продолжать трудиться. Сергей Николаевич искусно выстраивает мотивацию, ведет свою педагогическую «партию», говоря не о своих отцовских надеждах или разочарованиях, а о выгодах для самого Николая: «...Самим Богом прошу тебя продолжай, ты в короткое время увидишь свою пользу, и сколько ты облегчишь свой труд <...>». Здесь же требование, которое не раз возникало в письмах к Николаю и которому Сергей Николаевич, будучи светским человеком, придавал особое значение: «не позволяй себе никогда ничего не обдумавши и без внимания делать», понимая, что необдуманность поступков, импульсивность — причина серьезных промахов и неудач в карьере и свете.

Уже тогда проницательный ум Сергея Николаевича ясно прозревал те недостатки в характере старшего сына, которые впоследствии сыграли столь роковую роль в неудачной военной карьере Николая Сергеевича Тургенева.⁸ Недостатки: нехватка настойчивости, лень, нетерпение, стремление пооригинальничать... «Если ты решительно не положишь себе за правило употребить твердую волю, стряхнуть с себя несносную твою лень и убедиться в необходимости должной деятельности <...>, то ты никогда не достигнешь желанной цели <...> В полке будешь ты несчастлив, если в тебе оправдается русская пословица — с чем в колыбельку, с тем и в могилку».⁹ Так же строго, с позиций опытного светского человека, осуждает отец резкие высказывания Николая и его оригинальничание: «Странность тогда только извинительна, когда она имеет свою выгодную сторону. Без одного условия всякое отчуждение от принятого общего правила и порядка есть совершенная глупость и неряшливость».¹⁰

В письмах к старшему сыну перед нами предстает любящий, внимательный и вместе с тем требовательный отец, который не стремится подавить Николая

---

⁶ Цит. по: *Клеман М. К.* Отец Тургенева в письмах к сыновьям // Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 134.

⁷ Там же. С. 143.

⁸ *Кретова И. В.* Письма Н. С. Тургенева к брату как биографический источник // Спасский вестник. 2000. Вып. 6. С. 42–49.

⁹ Цит. по: *Клеман М. К.* Отец Тургенева в письмах к сыновьям. С. 139–140.

¹⁰ Там же. С. 140.

своим безусловным авторитетом и отцовской властью, а с уважением относится к его личности, всегда демонстрируя веру в собственный правильный выбор сына.

Возможно, среди «пачки писем» С. Н. Тургенева к сыну Николаю из собрания П. Я. Дашкова, о чем писал в свое время М. К. Клеман,¹¹ есть и то, фрагмент которого теперь находится в Государственном историческом музее.

Одним из первых исследователь взял под сомнение утвердившееся в читательской среде мнение, исходящее из авторитетного авторского признания: «В „Первой любви“ я изобразил своего отца». Помимо этого свидетельства одной из мемуаристок, есть и более достоверное, а именно сохранившийся в архиве Национальной библиотеки Франции список действующих лиц будущей повести, где на первом месте фигурирует «мальчик 15 лет» («Я»), а на втором «Мой [отец] — 38 лет».¹² И хотя эти сведения не были известны М. К. Клеману, все еще в силе остается его вывод: «Бедная фактическими данными, принужденная пользоваться часто слишком недостоверными воспоминаниями современников, биографическая литература ограничивается здесь пересказом случайно сохранившихся анекдотов и совершенно некритичным вылавливанием из художественных произведений некоторых, якобы автобиографических, признаний».¹³

И далее исследователь сформулировал положение, актуальность которого и на сегодняшний день невозможно переоценить. «Удачное выделение биографического элемента из рассказов возможно только по накоплению достаточного количества совершенно неопровержимых документальных данных, несоблюдение этого неперемennого условия влечет за собой то, что при каждом опубликовании нового документа все ранее усвоенные представления рушатся, как карточные домики».¹⁴

Другим важным этапом в изучении вопроса стала статья Т. П. Ден «С. Н. Тургенев и его сыновья»,¹⁵ в которой были подробно и аргументированно исследованы взгляды Сергея Николаевича на теорию воспитания известного просветителя XVIII века Н. И. Новикова и декабристов и сделан вывод о том, что он

---

¹¹ «В богатом архиве П. Я. Дашкова, к занятиям в котором я был любезно допущен, хранилась пачка писем отца И. С. Тургенева, Сергея Николаевича, к сыну, Николаю Сергеевичу, старшему брату писателя, от 1830 года, из Эмса и Франкфурта, и 1834 года из Москвы и частью из Петербурга» (Там же. С. 132). Обзор коллекции Дашкова, хранящейся в Пушкинском Доме, и в частности писем С. Н. Тургенева, был сделан В. А. Лукиной в статье «Тургеневские материалы в собрании П. Я. Дашкова в Пушкинском Доме» (Тургеневский ежегодник 2011–2012 года. Орел, 2013. С. 105–118).

¹² *ПССиП(2)*. Соч. Т. 6. С. 479.

¹³ *Клеман М. К.* Отец Тургенева в письмах к сыновьям. С. 132.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Ден Т. П.* С. Н. Тургенев и его сыновья // *РЛ*. 1967. № 2. С. 129–135.

«испытал несомненно воздействие просветительской философии, особенно философских взглядов Н. И. Новикова».¹⁶

Не ставя здесь своей целью подробное рассмотрение биографии Сергея Николаевича Тургенева, остановимся лишь на одном моменте, который столь же ярко, как письма к сыновьям, свидетельствует о его педагогической одаренности.

Трудно сомневаться в том, что отец писателя был человеком незаурядным. Получив домашнее воспитание, зная языки французский и немецкий, историю, географию, математику,¹⁷ он благодаря службе в Кавалергардском полку, общению со многими выдающимися современниками и постоянным самостоятельным занятиям стал высокообразованным человеком. Одновременно с Сергеем Николаевичем служили и некоторые из деятелей декабристского движения: «...в 1813–1814 годах вместе с Сергеем Николаевичем служили С. Г. Волконский, М. Ф. Орлов, М. С. Лунин, П. П. Лопухин; с 1814 года по октябрь 1819 года — П. И. Пестель, А. З. Муравьев, Н. А. Васильчиков, С. Н. Бегичев, А. Л. Кологривов, Л. П. Витгенштейн, В. М. Бакунин, В. П. Ивашев, а также члены гетерии — два брата Ипсиланти (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ на 1814, 1815, 1816, 1818, 1819 годы)».¹⁸ Как отмечал В. Г. Базанов,¹⁹ в казармах Кавалергардского полка часто бывал Ф. Н. Глинка, член Союза благоденствия, Вольного общества по учреждению ланкастерских школ, президент Вольного общества любителей российской словесности. По семейному преданию, он подарил Сергею Николаевичу свою книгу «Письма к другу» (СПб., 1816), которая в настоящее время находится в составе мемориальной библиотеки И. С. Тургенева.²⁰

Отметим один любопытный факт: среди сослуживцев Сергея Николаевича по Кавалергардскому полку — Николай Ильич Толстой, отец Льва Толстого. Он был моложе на год Тургенева-отца и служил в кавалергардах в 1814–1819 годах.²¹

По своему положению офицеры-кавалергарды должны были вести светский образ жизни. Вот что вспоминал Ф. В. Булгарин: «В Кавалергардском, Преображенском и Семеновском полках был особый тон и дух. Этот корпус офицеров составлял, так сказать, постоянную фалангу высшего общества, непременных танцоров, между тем как офицеры других полков навещали общество только по временам, наездами. В этих трех полках господствовали придворные

¹⁶ Ден Т. П. С. Н. Тургенев и его сыновья. С. 132.

¹⁷ Чернов Н. М. Сергей Тургенев, отец, и его судьба // Чернов Н. М. Провинциальный Тургенев. С. 47.

¹⁸ Ден Т. П. С. Н. Тургенев и его сыновья. С. 130.

¹⁹ Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 12, 41.

²⁰ Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог. Орел, 1994. Ч. 1: Книги на русском языке / Сост. и автор вступит. ст. Л. А. Балыкова. С. 72.

²¹ Л. Н. Толстой. Энциклопедия. М., 2009. С. 326.

обычаи и общий язык был французский <...>».²² Но не только балы и жизнь двора волновали однополчан Сергея Николаевича: вопросы философии, истории и политэкономии для многих из них представляли первостепенный интерес и входили в круг предметов для самообразования. В таком полку прошли почти все годы службы Сергея Николаевича, вся его молодость; определились его педагогические интересы.

Ко времени женитьбы на Варваре Петровне Лутовиновой он отнюдь не был желторотым юнцом, легко поддающимся влиянию. «На полях сражений быстро старятся, а я как раз оттуда», — так отпарировал однажды Наполеон упрек в молодости. Сергей Николаевич Тургенев был боевым офицером, прошедшим великую войну, изведавшим дым сражений Европы. Совсем юным в чине эскадрон-юнкера он сражался на Бородинском поле, где «храбро врезался в неприятеля и поражал одного с неустрашимостью», при этом был «ранен картечью в руку и награжден за отличие орденом св. Георгия под № 1761, а за участие кампании 1812 года — серебряной медалью на голубой ленте».²³ Это отмечено в его послужном списке и говорит о многом, поскольку то было время храбров и храбростью удивить было трудно.

Самовластная хозяйка Спасского сама испытала сильное влияние своего избранника — человека, по уровню развития и образования стоявшего гораздо выше ее. Это, к примеру, отмечает Л. А. Балыкова в статье «Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева: Истоки, читатели, портрет поколений»: «Ее муж, светский и образованный С. Н. Тургенев <...> имел на жену большое влияние и также способствовал тому, чтобы в семье складывалась атмосфера уважения к книге».²⁴ Как можно судить по тому, что мы знаем о жизни Варвары Петровны до замужества из мемуарных источников и документов, она, по сути, не получила вообще никакого образования и нравственного воспитания. Признавая незаурядные качества характера Лутовиновой, Б. В. Богданов писал: «...в этих условиях не было и речи о хотя бы каком-нибудь воспитании и образовании. В те годы, когда религиозное воспитание считалось главным для девушки, Варвара Петровна не знала даже молитвы и не умела молиться».²⁵ Годы детства, юности и молодости (а значит, годы формирования личности) этой одаренной от природы натуры прошли в среде грубого провинциального дворянства, где она переняла отнюдь не лучшие свои привычки и жизненные правила. Семья отчима С. А. Сомова, не отличавшегося высокими моральными устоями, затем

---

²² Булгарин Ф. В. Воспоминания. СПб., 2012. С. 162.

²³ См.: Дело о дворянстве рода Тургеневых // РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. № 3422. Л. 71–72. Цит. по: Ден Т. П. С. Н. Тургенев и его сыновья. С. 130.

²⁴ Балыкова Л. А. Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева: Истоки, читатели, портрет поколений // Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. С. 15.

²⁵ Богданов Б. В. В. П. Лутовинова — мать писателя // Спасский вестник. 1993. Вып. 2. С. 11.

общество дяди-самодура Ивана Ивановича Лутовинова и двусмысленное положение при нем: то ли наследницы, то ли компаньонки, то ли родственницы-сироты при живой матери...

Варвара Петровна никогда не говорила в письмах к сыновьям о своей жизни до замужества, от которой, как вспоминала ее воспитанница В. Н. Житова, у нее остались только мучительные воспоминания. Все рассказы Варвары Петровны начинались со времени заграничного путешествия семьи в 1822–1823 годах. В Спасском была редкая по составу библиотека, собранная братьями Лутовиновыми, и в первую очередь И. И. Лутовиновым, для своего времени человеком неплохо образованным. Однако мы не располагаем никакими свидетельствами — ни ее собственными, ни современников, документальными или мемуарными, — о том, что именно из книг читала и любила Варвара Петровна в молодые годы до встречи с Тургеневым. Под влиянием мужа и под его руководством раскрылись природные способности Варвары Петровны, сложились ее литературные вкусы, появилась необыкновенная эрудированность, проявившаяся в письмах к Ивану, переполненных цитатами и литературными аллюзиями, в тетрадях с выписками о прочитанном. Большое заграничное путешествие всей семьи в Европу, возможно, было связано не только с необходимостью консультаций с европейскими врачами по поводу болезни Сергея Николаевича, но и с желанием мужа удалить Варвару Петровну от пагубного влияния провинциального окружения.

Образ мыслей и интересы Сергея Николаевича находят неизменное отражение в ее письмах к Ивану конца 1830-х — начала 1840-х годов. Она то хочет в Москве «театру хотя дурного посмотреть, но Волтера на сцене видеть, он мне напоминает отца»,²⁶ то рассматривает пометки, сделанные Сергеем Николаевичем в путеводителе Рейхарта, с которым молодая пара путешествовала по Европе в 1820-е годы, то вспоминает его любимые выражения.

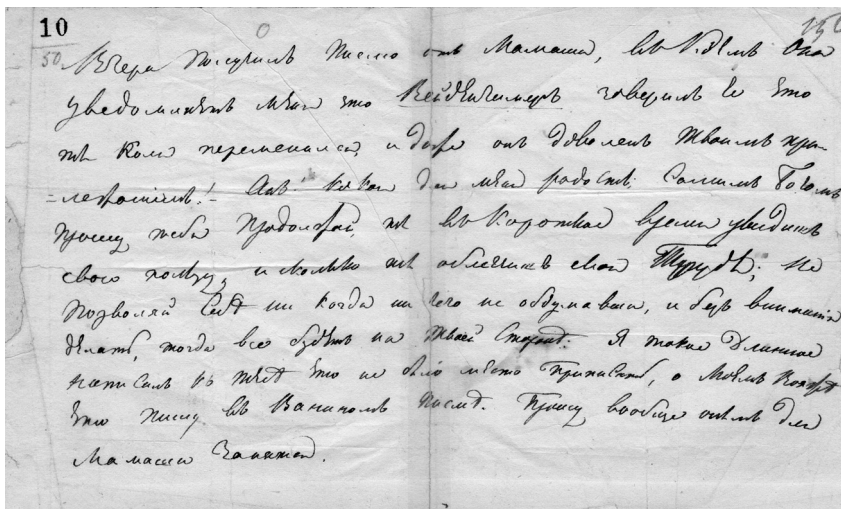
Из всего изложенного можно заключить, что прирожденный воспитатель, обладавший талантом педагога и располагавший сведениями о самых лучших педагогических теориях своего времени, Сергей Николаевич Тургенев сумел пробудить и закрепить у своей жены, оказавшейся способной и восприимчивой ученицей, интерес к литературе, языкам, архитектуре, музыке, сформировать в ней глубокую потребность открывать для себя все новые знания.

Таким образом, умственное и нравственное влияние Сергея Николаевича распространилось на все сферы семейной жизни и не только выразилось в неизменном, горячо заинтересованном участии в жизни и воспитании сыновей, но и сыграло решающую роль в образовании и развитии самой Варвары Петровны.

---

²⁶ Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844). Ч. 2. С. 441. Письмо от 2 декабря 1838 г. Как отмечала Л. А. Балыкова, вскоре после женитьбы С. Н. Тургенев приобрел парижское издание сочинений Вольтера на французском языке (1819–1822). См.: *Балыкова Л. А.* Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева... С. 446.

Письмо С. Н. Тургенева к сыну Николаю. 1829–1830 гг. (?)

С. Н. Тургенев — Н. С. Тургеневу

1829–1830 гг. (?)

Вчера получил письмо от Мамаши, в коем она уведомляет меня, что Вейденгамер говорил ей, что ты, Коля, переменялся, и даже он доволен твоим прилежанием! — Ах! Какая для меня радость; Самим Богом прошу тебя продолжай, ты в короткое время увидишь свою пользу, и сколько ты облегчишь свой труд; не позволяй себе никогда ничего не обдумавши и без внимания делать, тогда все будет на твоей стороне. Я такое длинное¹ написал к тебе, что не было место приписать о моем вояже, что пишу в Ванинном письме. Прошу вообще очень, для Мамаши зачитай.

Печатается по подлиннику: ОПИ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 19. Л. 150, с сохранением некоторых особенностей орфографии и пунктуации.

¹ Вероятно, слово «письмо» пропущено.

**ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА
ИВАНА ИВАНОВИЧА ЛУТОВИНОВА
в собрании Орловского государственного
литературного музея И. С. Тургенева**

Публикация С. Л. Жидковой

Публикуемая ниже Опись имущества И. И. Лутовинова, дяди и крестного отца Варвары Петровны Тургеневой, сохранившаяся в архиве ОГЛИМТ, представляет собой большую ценность и может многое рассказать исследователям не только о владельце имущества, но и о биографии писателя, ведь именно это наследство, доставшееся матери Тургенева, сделало ее одной из богатейших помещиц Орловской губернии и во многом определило как ее судьбу, так и судьбу ее потомков.

Иван Иванович Лутовинов родился в 1853 году и был младшим из трех братьев Лутовиновых, оставивших заметный след в русской истории. В историю же русской литературы Лутовиновы вошли прежде всего благодаря Г. Р. Державину, с которым служили двое из братьев, и своему внуку, ставшему великим русским писателем Иваном Сергеевичем Тургеневым. Образы братьев Лутовиновых, никого из которых будущий писатель в живых не застал, но легендами о которых были полны окрестности Спасского, тем не менее нашли свое место на страницах его произведений.

Старший Лутовинов, Петр Иванович (1743–1787), отец Варвары Петровны и родной дед И. С. Тургенева, более других своих братьев отличался крутым нравом и особой жестокостью. Восьми лет от роду он был записан в Преображенский полк, где служил его отец, Г. Р. Державин, однополчанин П. И. Лутовинова, вспоминал о нем как о человеке «весьма развращенных нравов» и рассказывал, как по проезде двора в Москву были принесены жалобы «особливо на старшего Лутовинова в разных бесчинствах, а особливо в неотдаче ямщикам

прогонных денег <...>. Они были промотаны <...>».¹ В «Записках» Державина содержится рассказ о том, как он предотвратил перестрелку, которую едва не учинили Петр Лутовинов и его младший брат Алексей.² В 1767 году П. И. Лутовинов был арестован и подвергнут суду за то, что, «презря военный артикул, употребил команду свою в неподлежащее до службы дело», а также другие, «офицеру непристойные поступки», в результате чего был вынужден выйти из полка.³

Сохранились документы, свидетельствующие о самоуправстве и жестокости П. И. Лутовинова. Среди них «Дело по указу Орловского наместнического правления в бое капитаном Петром Лутовиновым на станциях ямщиков», заведенное по рапорту прапорщика Добродеева, который жаловался: «Минувшего 1775 года декабря на 31 число проехал в Москву мценский помещик гвардии отставной капитан-поручик Петр Лутовинов на пяти повозках и вез с собой неведомо каких людей, которому по данной от ямской конторы подорожной велено брать из Москвы до Мценска с возвратом только по две лошади, а он усиленно брал до пятнадцати, на Саловский же станции взял из курьерских девять да почтовых лошадей шесть и определенного на оной станции сержанта Шапошникову угрожал бить, а ямщиков на самой же той станции и дорогой бил нещадно и следуемых на две лошади прогонных денег ямщикам не платил <...>».⁴

Создавая образ властного «дедушки» в рассказе «Однодворец Овсяников», Тургенев мог воспользоваться фактами биографии П. И. Лутовинова, содержащимися в документах «Дела о происшедшей лейб-гвардии капитан-поручика Петра Иванова сына Лутовинова людей и крестьян Малоархангельской округи села Верхососенье с однодворцами на спорной земле ссоре и драке и впоследствии смертном убийстве из однодворцев восьми человек»: «Прошлого 1776 году августа 13 дня, ты, Родионов, с ливенским помещиком капитан-поручиком Петром Ивановым сыном Лутовиновым собравшись в многолюдстве человек до трехсот, с кем именно и с каким орудием на посеянную однодворцами в крепостных их дачах, состоящих близ верховья речки Топков, землю приходил и бывших на той земле показанного села Верхососенья однодворцев били и кололи и грабежи у них чинили <...>».⁵

Обращаясь в Сенат в 1803 году, жена Петра Ивановича Е. И. Лутовинова (урожд. Лаврова; во втором браке Сомова) писала: «Жизнь мужа моего была

---

¹ Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г. Р. Соч. / Сост. В. П. Степанова и Г. П. Макагоненко. Л., 1987. С. 293–294.

² Там же. С. 294–295.

³ Цит. по: Чернов Н. Лутовиновская старина // Литературная газета. 1968. № 35.

⁴ ГАОО. Ф. 43. Д. 368. Л. 9.

⁵ Там же. Д. 78. См. также: Балькова Л. А., Молозева А. Т. На родине Лаврецкого (К истории создания литературно-краеведческого музея в селе Топки) // Т. *Вопр биогр и творч* (1990). С. 231–232.

образцом распутности, а вместе с тем и единственным всех зол моих источником, ибо по вступлении моем в брак не могла я еще осмотреться в сем новом состоянии, как он не в долгое время все мои вещи и серебро проиграл в карты, да до супружества еще отяготил незаконно имение долгами».⁶ Не удивительно, что П. И. Лутовинов умер рано, всего 44-х лет от роду, не дожив двух месяцев до рождения дочери.

Не была долгой и жизнь второго брата, Алексея Ивановича Лутовинова (1747–1796), записанного девяти лет в тот же Преображенский полк, в котором служили его отец и старший брат. Г. Р. Державин, служивший под началом поручика А. И. Лутовинова, характеризовал его как человека умного и весьма расторопного в своей должности, но, под влиянием старшего брата, нередко упражнявшегося «в зазорных поступках и в неблагопристойной жизни, то есть в пьянстве, карточной игре и в обхождении с непотребными ямскими девками». По утверждению Державина, распорядясь деньгами Лутовинова по назначению, он спас его от суда, которому был предан П. И. Лутовинов.⁷ В отличие от старшего брата, Алексей участвовал в турецкой войне 1768–1774 годов и даже был произведен за военные успехи Екатериной II в капитаны.

Выйдя в 1778 году в отставку в чине бригадира, Алексей Лутовинов на некоторое время поселился в Спасском. В архивном фонде Мценского уездного суда хранится дело, заведенное в том же 1778 году по жалобе священника Петра Иванова, который по дороге в деревню Круговую повстречал «Мценского уезду помещиков: бригадира Алексея да секунд-майора Ивана Ивановых детей Лутовиновых <...>, из которых господин бригадир Алексей Иванов приказал, а секунд-майор Иван скочил с лошади и начали его, священника, бить <...> бригадир же Алексей Иванов велел бить его, священника, до смерти и выговаривал людям своим, чтоб его, священника, приколоть <...>». В ответ на эту жалобу А. И. Лутовинов был вынужден составить не лишенный литературных достоинств ответ (возможно, при участии братьев), представляющий образец лицемерия и вызывающей самоуверенности. Признавая, что «в горячности по приказу моему один из имеющихся при мне служителей ударил его, попа, раз до пятнадцати ежжалой плетью», Лутовинов счел себя оклеветанным и обвинил пострадавшего в дерзком ответе на вопрос, куда он идет, предлагая в связи с этим судье разобраться, «кто именно к таковому злоумышленному оклеветанию его, священника, подучил, или по какой злобе сам он то выдумал».⁸ Умер А. И. Лутовинов от паралича.

И все же, несмотря на столь неприглядные поступки братьев Лутовиновых, не все в их жизни следует отнести к разряду бесчинств. О литературных инте-

⁶ Цит. по: *Богданов Б. В.* Предки Тургенева // *Т Сб.* Вып. 5. С. 348–349.

⁷ *Державин Г. Р.* Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. С. 293–294.

⁸ *ГАОО.* Ф. 43. Д. 137. См. также: *Жидкова С. Л.* «Дело <...> предать забвению» // *Тургеневский ежегодник.* Орел, 2001. С. 87–89.

ресах братьев говорят сохранившиеся в мемориальной библиотеке Спасского (ныне находится в ОГЛИМТ) книги с их автографами. А. И. Лутовинову, например, принадлежал рукописный перевод «Кандида» Вольтера, описанный Тургеневым в повести «Фауст» и романе «Новь». Кто-то из братьев Лутовиновых, наиболее вероятно Иван Иванович, послужил прототипом Василия Ивановича Лучинова — героя «исторического этюда» «Три портрета» (1845). Семейные предания, родовая библиотека и вся обстановка спасского дома сформировали в сознании будущего писателя образы людей «осмнадцатого столетия», нередко появляющиеся в его произведениях.

На бывшей усадебной земле А. И. Лутовинова в Спасском в начале XIX века его младший брат И. И. Лутовинов основал новую усадьбу, выстроил дом, в котором среди фамильных портретов находились портреты братьев. В повести «Три портрета» Тургенев описал изображение мужчины «лет тридцати в зеленом мундире екатерининского времени, с красными отворотами, в белом камзоле, в тонком батистовом галстуке. Одной рукой опирался он на трость с золотым набалдашником <...> Его смуглое худощавое лицо дышало дерзкой надменностью. Тонкие длинные брови почти срастались над черными как смоль глазами; на бледных, едва заметных губах играла недобрая улыбка».⁹ Среди многочисленных камзолов, мундиров, фуфаяк, жилетов, ветхих и новых, числятся в Описи мундир «орловский» и три мундира «тульских», сохранившиеся с тех времен, когда И. И. Лутовинов в 1789–1790 годах был предводителем мценской дворянской опеки, а в 1796–1798 годах — предводителем чернской дворянской опеки. А два «старых пажеских зеленого сукна мундира» свидетельствуют о временах юности будущего владельца Спасского, когда он служил в Пажеском корпусе при дворе Екатерины II. Нашлась в Описи и «трость с золотым набалдашником».

Еще один портрет (или, как тогда говорили, «потрет») И. И. Лутовинова Тургенев «списал» для «отрывка из неизданного романа» «Собственная господская контора»: «Прямо против господского бюро висел на стене портрет напудренного старика в лиловом французском кафтане с стразовыми пуговицами, известного в свое время хозяина, дяди Глафиры Ивановны, от которого она получила свое имя и которого поставила себе в образец».¹⁰ Лилового французского кафтана в Описи не оказалось, а вот «стразовые пуговицы» от него, возможно, остались и были старательно пересчитаны: их оказалось 25 «больших» и 25 «маленьких».

Младший Лутовинов, без сомнения, был человеком незаурядным. Он не только наследовал, но и значительно преумножил оставленное ему наследство. В составе Новгородского пехотного полка И. И. Лутовинов участвовал в Первой турецкой войне. В отставку (1778) вышел секунд-майором и поселился в Мценском уезде. В дальнейшем служил по гражданской части, занимая выгодные в денеж-

⁹ ПССУП(2). Соч. Т. 4. С. 83.

¹⁰ Там же. Т. 5. С. 7–8.

ном отношении должности — мценского уездного судьи, председателя дворянской опеки и дослужился до чина надворного советника. Получив в 1785 году свою долю отцовского имения, впоследствии присоединил к нему имения умерших сестры и брата, а затем и часть имения троюродной тетки Е. И. Неплюевой.

В памяти современников двоюродный дед Тургенева остался деспотичным, алчным и скупым человеком. Так, Ф. В. Растопчин в 1804 году писал о нем П. Д. Цицианову: «Я забыл, было, 3000-ти душ помещика Ивана Иван<овича> Лутовинова, скряги, коего жизнь есть 6-й акт комедии „Скупого“ Мольерова. Он для того не живет совсем в отделанном своем новом доме, что столяр его, отданный на выучку, не успел, следственно и рам в окна сделать некому».¹¹

Составленная после его смерти Опись неопровержимо свидетельствует, что он ссужал деньги под проценты, что также способствовало росту его состояния. В то же время множество ветхих вещей, разбитая и не выброшенная посуда и другие приметы подтверждают мнение Растопчина. Как бы то ни было, при явной скупости и склонности к преумножению состояния, И. И. Лутовинов был, без сомнения, человеком хозяйственным и не лишенным художественного вкуса. Недаром, как упомянул в автобиографическом романе «Два поколения» Тургенев, героиня романа Глафира Ивановна, получившая от старика-дяди свое имение, именно его «поставила себе в образец».¹²

Хотя в публикуемую ныне Опись не вошла родовая библиотека, мы знаем, что среди принадлежавших И. И. Лутовинову книг были сочинения Вольтера, «Размышления о греческой истории» Мабли и многие другие, в описи указано три шкафа книг. По всей вероятности, именно И. И. Лутовинову принадлежала тетрадь, о которой Тургенев писал в 1869 году П. И. Бартеневу: «Перебирая в прошлом лете старые семейные бумаги, оставшиеся в моем деревенском архиве, нашел и небольшую памятную книжку, в которую дед мой записывал все важнейшие происшествия своей жизни, все известия и слухи, доходившие до его захолустья, — словом всё, что ему казалось занимательным или полезным, начиная с рецептов для грудного декокта до стихов Державина, отрывков из реляций и замечательных просьб».¹³

И. И. Лутовинов, как свидетельствует Опись, содержал крепостной оркестр, а вот тому, что в имении был крепостной театр, в ней подтверждений не нашлось. Очень возможно, что это уже была «затя» новой владелицы Спасского.¹⁴

Многие детали биографии матери Тургенева могут быть подвергнуты корректировке при ознакомлении с Описью доставшегося ей имущества. Так,

¹¹ Цит. по: Деятнадцатый век: Исторический сборник. М., 1872. Кн. 2. С. 57.

¹² ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 8.

¹³ Там же. Т. 10. С. 386.

¹⁴ См.: Проц Е. В. Театральные затей в Спасском // Т. Вопр биогр и творч (1990). С. 164–185.

по воспоминаниям современников и по письмам было известно, что Варвара Петровна увлекалась пчеловодством. А теперь можно с полной уверенностью утверждать, что им увлекался сам Лутовинов, у которого в хозяйстве насчитывалось целых 152 улья с пчелами, да еще 99 «пустопорожных». Разборчив был хозяин Лутовинов в еде и в питье: невиданные запасы зерновых, мясных продуктов в погребах и ледниках, разнообразие вин и крепких напитков, оранжерея со множеством экзотических деревьев, плодами которых лакомился позднее, возможно, и Тургенев. Старый хозяин Спасского умел щегольнуть, но был и запаслив. Сюртуков, рубашек, камзолов, ковтанов, чулок шелковых и разных других, сапог множество перечислено в аккуратно составленной описи, здесь же рядом новые ткани, и тоже в немалом количестве. И далеко ездить не надо было к модным портным: в своем хозяйстве был крытый тесом «флигель для портных, сапожников деревянный и в нем две большие комнаты». Два пруда с рыбою, свои мельницы, гумно, птичий двор, конюшни и проч. и проч. Не говоря уже о мебели, посуде и других домашних аксессуарах.

При жизни основателя усадьбы Спасское было типичным помещичьим хозяйством, с тремя каменными парниками и деревянной оранжереей, с двумя мельницами, ветряной и водяной, с многочисленными службами, расположенными в специальных «флигелях». «Экипажный двор» впечатляет своими размерами и поражает количеством и разнообразием экипажей. Хозяин мог по праву гордиться своими конюшнями, его конный завод сохранялся вплоть до начала 1840-х годов.

Следует признать, что помимо собственно биографического интереса описание спасского имущества имеет и общекультурный смысл, предоставляя бесценные сведения о быте и образе жизни богатой дворянской усадьбы XVIII — начала XIX веков. Даже небольшие детали о многом могут рассказать современному читателю. Так, упомянутые в Описи две палатки, «одна парусинная с полами красными полосами», «другая теплая — домик — стороны парусиновые белые, а изнутри подшита белым сукном», служили хозяину усадьбы в разных поездках, в том числе при объезде имений. Палатки разбивались также во время различных праздников и гуляний. Недаром герой одного из последних рассказов Тургенева «Отчаянный» (1882) — Миша Полтев говорит: «...заезжайте-ка вечерком в Сокольники. Там у меня палатка разбита. <...> А на палатке вымпел, а на вымпеле ба-альшими буквами написано: „Хор полтевских цыган“. Змеем вымпел-то вьется, буквы золотые, всякому прочесть лестно».¹⁵

При внесении в Книгу поступлений документ получил условное название — «Дело о тяжбе между В. П. Лутовиновой (в замужестве Тургенева) и ее тетками — Е. И. Аргамаковой, А. И. Сергеевой и А. И. Шеншиной из-за имущества, оставшегося после смерти И. И. Лутовинова. г. Орел. 1813–1822. С. 288–606» (ОГЛМТ. РДФ.

---

¹⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 10. С. 30.

2078 оф.). История документа достаточно интересна: он был приобретен в августе 1925 года у Мценского кружка мироведения (акт принятия на постоянное хранение отсутствует); при регистрации тургеневских архивных материалов основного фонда после возвращения музея из эвакуации он не был обнаружен (см. акт от 15 января 1946 г.), а в июле 1962 года найден в подвале Дома Галаховых и вновь поставлен на учет.

Единица хранения состоит из разрозненных дел, связанных с разделом имущества, оставшегося после смерти И. И. Лутовинова, между его наследниками. Документы сохранились не в полном объеме, что явствует из нумерации страниц, предоставленной чиновниками-составителями. Среди дошедших до нашего времени — обращения через доверенных лиц в судебные инстанции участниц тяжбы и описи имущества в имениях И. И. Лутовинова в Мценском уезде Орловской губернии (в деревне Оптушка, сельце Долгий Колодезь и новонаселенной Слободке, в деревне Хутор Олешня, селе Сычово, сельце Сомово, селе Спасское-Лутовиново). Из этих документов печатается только часть, непосредственно относящаяся к Спасскому-Лутовинову.

К описи имущества, относящегося к имению в селе Спасское-Лутовиново, неоднократно обращались исследователи: *Богданов Б. В.* Предки Тургенева // *Т Сб.* Вып. 5. С. 349–350; *Чернов Н. М.* И. И. Лутовинов, его дом и хозяйство // *Спасский вестник.* 1993. Вып. 2. С. 35–44; *Жидкова С. Л.* Спасский Гарпагон (по материалам описи имущества И. И. Лутовинова) // *Тургеневский ежегодник 2011–2012.* Орел, 2013. С. 147–154. Однако до сих пор публиковались только фрагменты документа.

Описи имущества И. И. Лутовинова в селе Спасском-Лутовинове печатаются в полном объеме, с сохранением некоторых особенностей орфографии («портрет» вместо «портрет», «ковтан» вместо «кафтан», «табатерка» вместо «табакерка», «дезертный» вместо «десертный», «аглинский» вместо «английский», «донушко» вместо «доньшко», «значутся», «значащийся» вместо «значатся», «значащийся», «сертук» вместо «сюртук», «люстро» вместо «люстра», «чернилица» вместо «чернильница», «муштук» вместо «мундштук» и др.), в ряде случаев сохраняется написание, отражающее особенности произношения («молошник», «подсвешник» и др.) и синтаксиса.

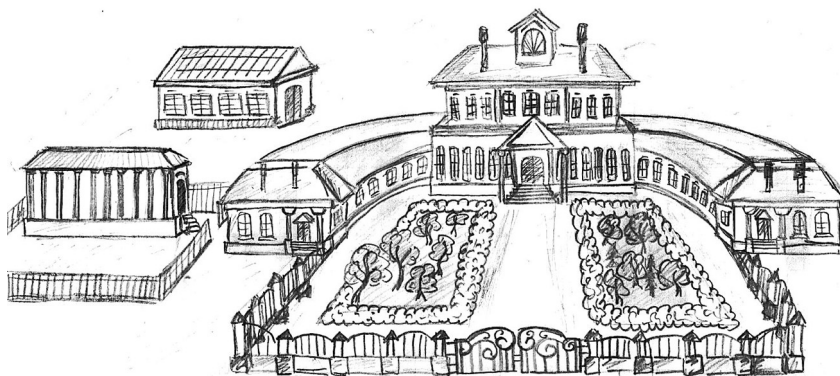
1

ОПИСЬ,

учиненная по указу Мценского уездного суда от 22-го декабря сего года под № 1644 насланному во Мценский нижний земский суд оставшемуся после покойного надворного советника Ивана Ивановича Лутовинова движимому имению, состоящему Мценской округи в селе Спасском, как то: господскому дому, разному строению, мебели, деньгам ассигнациям и разному серебру и прочему, а что описано, значит под сим.

Декабря 24 дня 1813-го года.

Господский дом в Спасском.
Условная реконструкция С. Л. Жидковой и А. Н. Антоновой

А именно:	денег	мебели	вещи	платья	разной посуды
Господский деревянный двухэтажный жилой дом с дверьми, при дверях с медными замками, в окнах во всех с рамами и в рамах со стеклами. В первом этаже — двенадцать, а во втором девять покоев, обусланный на манер каменного, и во оном некоторые комнаты расписаны разными красками, новый. А во оном доме Божие милосердие: <i>первый:</i> нерукотворенный Спаситель, вокруг оклад и венчик серебряный и вызлаченный; <i>второй:</i> Спаситель в серебряном окладе; <i>третий:</i> Божия Матери в серебряной вызлаченной ризе; <i>четвертый:</i> Спаситель в серебряной ризе, маленький; <i>пятый:</i> складни в серебряном окладе, маленькие; <i>шестой:</i> Божия Матери «Взыскание погибших» в серебряном венчике; <i>седьмой:</i> Божия Матери, вокруг оклад жестяной, вызолоченный, венчик серебряный; <i>осьмой:</i> Божия Матери, вокруг в серебряном окладе;					

А именно:	денег	мебели	вещи	платья	разной посуды
<i>девятый</i>: «Благовещение пресвятой Богородицы», вокруг оклад и венчик серебряные; <i>десятый</i>: Иоанна Богослова, вокруг оклад и венчик серебряные; <i>одиннадцатый</i>: Боголюбской Божия Матери, без оклада, два венчика серебряные; <i>двенадцатый</i>: Спасителя и «Усекновения главы Иоанна Предтечи», вокруг оклад жестяной, а венчики серебряные; <i>тринадцатый</i>: складни сломанные в серебряной ризе, маленькие; <i>четырнадцатый</i>: в серебряной ризе, в кивоте; <i>пятнадцатый</i>: в серебряной ризе; <i>шестнадцатый</i>: Спаситель, оклад и венчик серебряные; <i>семнадцатый</i>: Спаситель большой в серебряном венчике; <i>осьмнадцатый</i>: Божия Матери в серебряной ризе и в жестяном киоте; <i>девятнадцатый</i>: Божия Матери, большой, в деревянной вызолоченной раме; <i>двадцатый</i>: Спаситель, в деревянной вызолоченной раме; <i>двадцать первый</i>: в серебряной ризе; <i>двадцать второй</i>: Божия Матери в серебряной ризе, вызолоченной; <i>двадцать третий</i>: греческий кипарисный с цепочкою серебряною.					
В спальне:					
<i>В первой кипарисной шкатулке, обделанной бронзою:</i>					
в красной записной книжке государственными ассигнациями тысяча тридцать рублей;	1030				
в конверте денег государственными ассигнациями одиннадцать тысяч рублей;	11000				
серебряною российскою монетою двадцать девять рублей двадцать пять копеек;	29.25				
медною монетою сорок пять копеек;					
табатерка слоновой кости одна,			1		
в табатерке самого мелкого жемчугу маленькая нитка одна,			1		
мелких бриллиантов четыре камушка,			4		

А именно:	денег	мебели	вещи	платья	разной посуды
в той же табатерке еще самого мелкого бриллианту восемь камушков; кошелек шелковый вязаный один; в той же шкатулке купчая, данная от капитана Николая Григорьева, сына Воейкова, Анне Моисеевой, дочери Ильиной, на крестьянина Федора Тихонова и при ней с прошения копия. <i>Вторая шкатулка:</i> ведомость заемным письмам, в коей значится № 77; две книжки красного сафьяна пустые, самого мелкого жемчугу изорванные небольшие две нитки; кошельков ветхих вязаных два; кошельков вязаных новых три; старых вязаных три; стразовая булавочка с красным футлярцем; золотая четвероугольная табатерка в красном сафьянном футляре одна; женский потрет в медальоне один; табатерка старинная черепаховая с потретом покойного, с оправою золотою одна; <i>в них:</i> женский потрет без оправы один; два камушка желтый и зеленый цветов; шелковый вязаный кошелек один; разных хрустальных камушков двадцать; перстень золотой с вензелем один; кольцо золотое одно; перстень золотой с словами один; перстень золотой с красным камушком один; перстень золотой с красною печаткою один; бриллиантовый фермуар с девятью камушками; перстень золотой с беленьким стразовым вензелем один. <i>В сундуке серебра:</i> доска серебряная, весу семь фунтов; ложек разливных три, весом три фунта, ложек соусных шесть, для рыбы лопаточка одна и для сахару ложечка, весу два с половиною фунта;			8 1 2 2 2 3 3 1 1 1 1 1 1 2 1 1 1 1 1 1 1 1 9 1 7 ф. 3 ф. 2 ½ ф.		

А именно:	денег	мебели	вещи	платья	разной посуды
ложек столовых тридцать три, в них весу пять фунтов; ложек десертных тридцать шесть, в них весу три фунта с половиною; ножей и вилок десертных две дюжины, в них весу шесть фунтов и три четверти; ножей столовых двадцать четыре с серебряными черенками, к ним серебряных вилок двадцать четыре, в них весу четыре фунта; серебряных позлащенных чайных ложечек двенадцать и четыре для соли, одна маленькая, и одни сахарные щипчики, в них весу один фунт; шесть разного сорта серебряных вылащенных солонок, в них весу один фунт и три четверти; серебряный кофейник один, чайник один, сахарница с поддонником одна, молошник один, полоскательная чашка одна и две ложечки чайные, все оное аглинской работы и в середине вылащенные, в них весу семь фунтов; четыре шандала, из них два столовые, серебряные и все оные с поддонниками деревянными, в них весу шестнадцать фунтов; восемь одинаких серебряных подсвешников с деревянными донушками, в них весу шесть фунтов; сахарница серебряная, в ней весу полтора фунта; четыре серебряных с костяными ручками лопаточки для сыру и прочего; подсвешников аплике маленьких шесть; аглинский судок с прибором, серебряный с деревянным поддонником один; четыре стеклянных судка для сахару и перцу с серебряною оправою; солонка стеклянная с оправою серебряною одна; восемь чайных ложечек серебряных, одна столовая, ситечко чайное одно, в них весу сорок восемь золотников. <i>Фарфоровой посуды:</i> чайник один;			5 ф. 3 ½ ф. 6 ¾ ф. 24 4 ф. 1 ф. 1 ¾ ф. 7 ф. 16 ф. 6 ф. 1 ½ ф. 4 6 1 4 1 48 з. 1		

А именно:	денег	мебели	вещи	платья	разной посуды
молочник один;			1		
сахарница одна;			1		
чашек десять;			10		
масленица одна;			1		
полоскательная чашка одна;			1		
разного сорту фарфоровых чашек девять;			9		
хрустальных две чашки;			2		
фарфоровых тарелок глубоких двенадцать;			12		
мелких тарелок столовых девятнадцать;			19		
три горшочка с поддонниками фарфоровые;			3		
двадцать четыре раковины и одно блюдо для них;			24		
две корзины с поддонниками и один к ним горшочек;			2		
три чашки, из них одна с крышкою;			3		
блюд четыре.			4		
<i>Платья:</i>					
сертук с собольим мехом, крыт коричневым сукном один;				1	
сертук с песцовым мехом, крыт темно-синим сукном один;				1	
плащ красного сукна один;				1	
шлафор гарнитуровый полосатый на французской тафте один;				1	
шлафор нанковый серого цвета один;				1	
шлафор шелковый на вате ветхий один;				1	
два нанковых желтого цвета шлафора;				2	
капот дикого цвету суконный один;				1	
сертук байковый ветхий один;				1	
фуфайка казими́ровая коричневая на вате одна;				1	
фуфайка бархатная синего цвету одна;				1	
фуфайка бланжевая белая одна;				1	
фрак синий голландского сукна один;				1	
фрак темно-зеленый суконный новый один;				1	
фрак коричневый суконный голландский новый один;				1	
фрак фигоновый темно-синий один;				1	
фрак фигоновый темно-синий новый один;				1	
фрак полосатый шелковый новый один;				1	
панталоны темно-синие казими́ровые новые одни;				1	
панталоны вязаные белые суконные одни;				1	

А именно:	денег	мебели	вещи	платья	разной посуды
пantalон казиминовых суконных серых поношенных двое;				2	
пantalоны плисовые черные полосатые одни;				1	
фуфайка вязаная белая суконная одна;				1	
жилетов пикеневых гладких белых новых четыре;				4	
жилет шелковый разноцветный один;				1	
жилет белый полосатый шелковый один;				1	
жилетов черных шелковых поношенных три;				3	
жилет байковый с черными полосками один;				1	
жилет пикенетовый желтый один;				1	
жилетов разного цвета шелковых два;				2	
жилет шелковый желтого цвету один;				1	
жилетов казиминовых полосатых два;				2	
жилет вязаный козьей шерсти один;				1	
жилет казиминовый цветной один;				1	
жилет казиминовый шахматный один;				1	
помочей разноцветных старых двое;				2	
шаль дорожная ветхая разноцветная одна;				1	
шелковый вязаный разного цвета кушак один;				1	
платок шейный саржевый один;				1	
платков шейных разного цвета четыре;				4	
картуз бобровый с бархатным верхом зеленым один;				1	
картуз гарнитуровый на вате дикого цвета один;				1	
одеяло тафтяное стеганое на пуху коричневого цвета одно;				1	
лисий мех без верху ветхий один;				1	
с него спорок шелковой материи ветхий один;				1	
спорок красного сукна женской шубы поношенный один;				1	
спорок тафтяной ветхий темного цвета с шубы один;				1	
сафьянных две кожицы красных;				2	
шпага с португеею одна;				1	
шляпа треугольная одна;				1	
шуба волчья, крытая темно-зеленым голландским сукном одна;				1	
сукна голландского темно-серого шесть аршин;				6	
сукна русской фабрики темно-серого тринадцать аршин с половиною;				13 ½	
сукна темно-серого тридцать три аршина;				33	
туфлей черной кожи четыре пары;				4	

А именно:	денег	мебели	вещи	платья	разной посуды
рукавицы собольи одни;				1	
сапоги вязаные белые одни;				1	
сапоги красного сафьяна одни;				1	
для белья подушка атласная белая одна.				1	
<i>В шкафе:</i>					
колокольчик серебряный столовый один;			1		
для очков футляр костяной желтый с серебряною оправою один;			1		
крест кипарисовый маленький один;			1		
гребень головной черепаховый один.			1		
Денег серебра слажею тысяча четыреста семьдесят восемь рублей;	1488				
медною монетою сорок восемь рублей;	48				
древних золотых больших импералов три;	3				
древних золотых полуимпералов три;	3				
древней монеты золотою мелочью разных сортов тринадцать;	13				
старинных золотых четыре копейки;	4 к.				
старинной немецкой монеты талер один;	1				
серебряной старинной звонкой монеты сорок четыре рубли;	44				
часы золотые маленькие одни, при них цепочка медная;			1		
<i>Комода</i>					
красного дерева с четырьмя ящиками с медными замками и таковыми ж ручками одна, в одной комоды карт полторы дюжины;			1 1 ½ д.		
чулки шерстяные одни;				1	
платенец холщевых шитых десять;				10	
кровать деревянная с понебником, при ней занавес малороссийской серпанки обшит белою бахромою, а вверху обобран ситцем одна;		1			
перина пуховая с наволочкою одна;		1			
три подушки;		3			
простыня одна;		1			
байковое белое одеяло одно;		1			
люстро медное вызлаченное одно;		1			
комод с шестью ящиками красного дерева с медными скобами и замками один;		1			
столиков красного дерева два;		2			
зеркало полутороаршинное одно.		1			

А именно:	денег	мебели	вещи	платья	разной посуды
В кабинете:					
зеркало двурешинное одно;		1			
часы столовые в красном футляре одни;		1			
резной столик с мраморною верхнею дскою один;		1			
чернилица с деревянным поддонником медная одна;			1		
три шкафа, наклеенные красным деревом, во оных шкафах книг, кои значутся по приложенному при сей описи реестру;		3			
два треугольника красного дерева с столовыми разными фарфоровыми фигурами тридцатью штуками;		30			
креслы, обшитые красным сафьяном и обделанные медною бронзою одни;		1			
зонтик с двумя подсвешниками медными один;		1			
подсвешников белой меди два;		2			
диван деревянный, обшитый красным сафьяном и накрыт полуситцем один;		1			
зонтик для камина обделан в красном дереве один;		1			
двое кресел с красным сафьяном;		2			
маленьких стульев, обтянутых синим камлотом шесть;		6			
таковых же табуретов два;		2			
органчик в простом деревянном ящике один;		1			
люстро с медною оправою одно;		1			
очки с серебряною оправою одни;			1		
ножницы маленькие одни;			1		
ножик складной с череном белым один;			1		
гребень головной черепаховый один;			1		
статуя глиняная, лежащая, накрытая черным флером одна;		1			
на четыре окна коленкорových с белою бахромою гардин четыре.		4			
В диванной комнате:					
статуев лебастренных вызлаченных, каждая с четырьмя подсвешниками вышиною пяти четвертей две;		2			
зеркалов в красном дереве трехаршинных два;		2			
фарфоровых небольших цветных горшков;		5			
столик круглый красного дерева один;		1			

А именно:	денег	мебели	вещи	платя	разной посуды
диван красного дерева с сафьяновым красным		1			
тюфяком, покрыт полосатым тканьем один;					
люстра медная очернена черной краскою и		1			
частью вызолочена одна;					
столиков красного дерева с мраморными		2			
цками под зеркалами;					
кресел красного дерева с сафьяновыми подуш-		13			
ками, покрытых полосатым тканьем три-					
надцать;					
на пяти окнах с красною бахромою и с кистями		5			
кисейных гардин пять.					
В гостиной комнате:					
столовые часы в красном дереве с бронзою и		1			
при них одна лебастренная статуя одни;					
диван красного дерева с сафьяновыми тюфя-		1			
ками и покрыт цветною выбойкою один;					
кресел с сафьяновыми подушками, покрытых		12			
цветною выбойкою двенадцать;					
стульев, выкрашенных красною краскою двад-		23			
цать три;					
лебастренных с разными фигурами и подсвеш-		3			
никами статуев три;					
столиков красного дерева четырехугольных		3			
с мраморными цками три;					
столиков красного дерева с бронзою четырех-		2			
угольных два;					
стол красное дерево без бронзы один;		1			
статуя белая глиняная за стеклом одна;		1			
зеркалов в красном дереве, каждое до трех		3			
аршин три;					
над окнами кисейных гардин с зеленою бах-		4			
ромою и кистями шелковыми четыре;					
стол круглый довольной величины на четы-		1			
рех ножках красного дерева один;					
люстро медное, вылащенное разными фигу-		1			
рами с принадлежащими цепочками одно.					
В официантской комнате:					
портретов разных лиц с вылащенными рамами		14			
четырнадцать;					
столиков красного дерева с мраморными дска-		2			
ми два;					
столиков красного дерева с бронзами два;		2			
статуев вылащенных столовых две;					

А именно:	денег	мебели	вещи	платя	разной посуды
статуев глиняных больших черных, местами позлащенных, на кругах две; зеркалов в три аршина два; стульев, выкрашенных красною краскою шестнадцать; люстро медное с разными фигурами вылащенное одно. В парадной столовой зале: люстров медных вылащенных два; статуев глиняных на кругах большой фигуры, вылащенных, с подвешниками четыре; стол деревянный, выкрашенный красною краскою один; столиков деревянных красных два. В столовой комнате: столиков красного дерева с мраморными досками два; стол круглый красного дерева с бронзою один; стульев простой кожи черной двенадцать; люстро медное вылащенное одно; зеркалов красного дерева трехаршинных два; столовые часы одни; на окнах три гардины кисейные белые с зеленою бахромою и кистями три. В бильярдной комнате: в ней бильярд простого дерева, окрашен красною краскою и покрыт зеленым сукном и с принадлежащим прибором один; а диванов во всю комнату три. В задней горнице: самоваров медных два; чайник медный черный один; кофейников жестяных три; кастрюлька медная маленькая одна; иготь с пестиком медная одна; пистолетов разных двадцать два; ружей разных шестнадцать; зонтиков два; фарфоровых чайных чашек с блюдами двадцать три; еще чайных чашек с блюдечками низеньких двадцать;		2 2 16 1 2 4 1 2 2 1 12 1 2 1 3 1 3	2		2 1 3 1 1 22 16 23 20

А именно:	денег	мебели	вещи	платья	разной посуды
третьего разбора чашек ступочками шесть; белых чайников четыре; молошников четыре; вызлаченная стеклянная стопка одна; доска фарфоровая с двумя чашками, блюдец- ками, молошником и кофейником одна; кофейник большой один; две сахарницы; саксонских с цветочками чайных чашек двад- цать четыре; большой медный таз.					6 4 4 1 1 1 2 24 1
В верхнем мезонине: зеркалов в красном дереве шестичетвертных четыре; две простых комоды; два шкафа; разных картин; пуховиков с наволочками одиннадцать; подушек тридцать три; двойной пуховик один, к нему шесть подушек; простынь пятнадцать.		4 2 2 18		11 33 1 6 15	
<i>Стеклянной посуды:</i> рюмок шестьдесят; стаканов пятьдесят; бокалов десять;					60 50 10
<i>Фаянцовой посуды:</i> соусников чаш разных восемь; тарелок десять дюжин; блюд двенадцать; филейных досток семь.					8 10 д. 12 7
Итого:	13668 р. 4 к.				

Показанный в сей описи господский дом со всей в нем принадлежностью серебром, мебелью, посудой, вещами, платьем и деньги 13668 р. 4 к. девица Варвара Луговинова приняла и расписалась.

ПЕРЕПИСЬ
нижеписанным старым бумагам нашедшим
покойного Ивана Ивановича Лутовинова в его красной шкатуле
нижним земским судом

А именно:

- 1) раздельная запись надворного советника Ивана Ивановича Лутовинова с племянницею его родною девицею Варварою Петровною Лутовиновою ж в 1809 году декабря в 14-й день;
- 2) купчая, данная от надворного советника Лутовинова племяннице его родной Варваре Лутовиновой на проданных им, Иваном, ей, Варваре, 7-й части крестьян и земли в 1810-м году;
- 3) купчая, данная в 1809-м году от капитанши Катерины Ивановой Лутовиновой надворному советнику Ивану Лутовинову на проданную ему ею, Катериною, 7-й части;
- 4) вексель на 1000 с. р., в 1795 году генваря 24-го данный от бригадира Алексея Лутовинова московскому купцу Василью Федулову;
- 5) вексель на 200 с. р., в 1802 году ноября в 27 день данный надворному советнику Ивану Лутовинову от губернского секретаря Алексея Студеникова;
- 6) вексель на 2000 с. р., 1797-го году апреля 1-го данный от поручицы Анны Ивановой дочери Сергеевой мценскому купцу Алексею Иноземцеву;
- 7) копия векселя на 500 с. р., 1794-го году апреля 13-го дня данный от обер-провиантмейстерши Дарьи Ивановой Рыкачевой московскому купцу Григорью Расторгуеву;
- 8) вексель на 500 с. р., 1794-го апреля 13-го дня данный от прописанной же выше сего Рыкачевой тому ж московскому купцу Расторгуеву;
- 9) вексель на 1000 с. р., 1795 году генваря 24-го дня данный от бригадира Алексея Лутовинова московскому купцу Василью Федулову;
- 10) вексель на 500 с. р., 1786 года марта 1-го дня данный от капитанши Аграфены Ивановой дочери Шеншиной московскому купцу Михайле Малыгину;
- 11) вексель на 7000 с. р., 1777 года июня 9-го дня данный от гвардии капитана Петра Ивановича Лутовинова мценскому купцу Алексею Киселеву;
- 12) вексель на 2000 с. р., 1797-го году апреля 1-го данный от поручицы Анны Ивановой Сергеевой мценскому купцу Алексею Иноземцеву.

Оные раздельную купчию и векселя приняла мценская помещица девица Варвара Петрова дочь Лутовинова декабря двадцать четвертого дня тысяча восемьсот тринадцатого года и расписалась.

Читал титулярный советник Петр Переверзев.

СВЕДЕНИЕ
об имеющихся у г-на Лутовинова обязательствах и об их сроках

№		Сумма		Когда писаны		Когда оным срок		Когда по оным уплачено или переписаны
		рубли	год	месяц число	год	месяц число		
1.	домовое заемное письмо от статского советника Петра Афанасьева сына Маслова Ивану Лутовинову протестованное в Москве сроком на один год суммою в	5145	1806	декабря 20	1807	декабря 20		
2.	домовое заемное письмо от тульского мещанина Ивана Кондратьева сына Старикова с поручительством жены его надворному советнику Ивану Лутовинову сроком на 11 месяцев суммою на	1000	1808	марта 23	1809	февраля 23		
	Явлено и представлено ко взысканию с возвращением подлинного.							
3.	домовое заемное письмо от одного мещанина Старикова с поручительством жены его Ивану Лутовинову сроком на 11 месяцев суммою на	200	1808	марта 23	1809	февраля 23		
	Протестовано и представлено ко взысканию с возвращением подлинного.							
4.	крепостное заемное письмо от покойного орловского помещика князя Петра Иванова сына Юсупова, писанное на имя коллежского регистратора Бориса Васильева сына Дурасова и от него переданное Ивану Лутовинову сроком на один год суммою в	10000						

№		Сумма	Когда писаны		Когда оным срок		Когда по оным уплачено или переписаны
		рубли	год	месяц число	год	месяц число	
5.	Протестовано крепостное заемное письмо от его ж князя Юсупова ему ж Дурасову и от него переданное Ивану Лутовинову сроком на один год суммою	5000					
	Протестовано По сим двум от князя Юсупова крепостным заемным письмам по кончине оного и по определению к имению его жены опекуншею по истечении срока, который был в 1810 году 1-й десятимесячный августа 27, а 2-й пятимесячный октября 28 числ, по коим она, Юсупова, без переписки означенных писем платила положенные проценты по 1812 августа по 27-е число и в уплату сверх процентов внесла 1000 с. р., затем осталось по означенным письмам за ней, Юсуповой, 14000 с. р., срок коим				1813	августа 27	
6.	домовое заемное письмо от титулярного советника Ивана Александрова сына Сахарова Ивану Лутовинову сроком на один год суммою в	1630					
	Протестовано По которому без переписки за 1811-й и 1812-й и 1813-й годы проценты получил, в коих дал ему расписку и отсрочил до				1814	июня 8	

№		Сумма	Когда писаны		Когда оным срок		Когда по оным уплачено или переписаны
		рубли	год	месяц число	год	месяц число	
7.	от крепостных дел закладная, совершенная в Тульской палате гражданского суда от бригадирши графини Пелагеи Николаевой дочери Толстой с закладом недвижимого ее имения Алексенской округи в сельце Плутневе 97 душ Ивану Лутовинову суммою в Сия закладная по неплательству по ней представлена в Тульскую палату гражданского суда со взносом и пошлин, где она явлена, почему то заложенное имение на основании банкротского устава и отдано по описи Ивану Лутовинову во владение.	15000					
8.	домо<во>е заемное письмо от титулярного советника Александра Петровича Клягина Ивану Лутовинову сроком на год суммою в	250	1811	мая 5	1812	мая 5	
9.	крепостное заемное письмо с залогом крестьян от чернского помещика капитана Алексея Петрова сына Савинкова Ивану Лутовинову сроком на 10 месяцев суммою в По сему в уплату получено 1813 года генваря 5 от опекуна Шеина пятьсот рублей, в получении коих на простой бумаге дана расписка.	1320	1811	августа 10	1812	июня 10	

№		Сумма		Когда писаны		Когда оным срок		Когда по оным уплачено или переписаны
		рубли	год	месяц число	год	месяц число		
10.	домовое заемное письмо от чернской помещицы вдовы капитанши Елисаветы Алексеевой дочери Уваровой надворному советнику Ивану Лутовинову на 1 год суммою без процентов	200	1811	октября 1	1812	октября 1		
11.	домовое заемное письмо от неслужащего дворянина Ивана Яковлева сына Овсяникова Ивану Лутовинову сроком на 1 год без процентов суммою в	100	1811	октября 13	1812	октября 13		
12.	домовое заемное письмо от чернского однодворца Николая Степанова Борзенкова Ивану Лутовинову на 4 месяца по 8-ми процентов суммою в Из сей суммы зачесть за караульщика покупного укравшего леса шестьдесят рублей.	200	1811	декабря 1	1812	апреля 1		
13.	крепостное заемное письмо от надворного советника Николая Семеновича Протасова с поручительством жены его сроком на год Ивану Лутовинову суммой в По сему отсрочил еще на год без переписки и проценты получил.	1500	1812	января 29	1813	января 29		
14.	крепостное заемное письмо от титулярного советника Ивана Кондратьевича Шеина с поручительством жены его Ивану Лутовинову на год суммою в	1500	1812	марта 3	1813	марта 3		

№		Сумма	Когда писаны		Когда оным срок		Когда по оным уплачено или переписаны
		рубли	год	месяц число	год	месяц число	
15.	По сему отсрочил еще на год, проценты получил, в них расписку дал. крепостное заемное письмо от поручика Ползикова с поручительством Бунакова Ивану Лутовинову сроком на год суммою в	1000	1812	марта 3	1813	марта 3	
16.	Протестовано По сему отсрочил еще на год без переписки и проценты получил, дал в оных расписку на простой бумаге. домовое заемное письмо от надворного советника Никифора Федоровича Загоскина на полгода без процентов Ивану Лутовинову суммою в	200	1812	марта 5	1812	сентября 5	
17.	крепостное заемное письмо от майора Андрея Семеновича Протасова Ивану Лутовинову на год суммою в	1000	1812	марта 27	1813	марта 27	
18.	По сему проценты получил. крепостное заемное письмо от чернского помещика Николая Андреевича Кривцова надворному советнику Лутовинову сроком на год суммою в	1000	1812	апреля 16	1813	апреля 16	
	По сему проценты получил и отсрочил без переписки еще на год, не дав расписки в получении процентов.						

№		Сумма	Когда писаны		Когда оным срок		Когда по оным уплачено или переписаны
		рубли	год	месяц число	год	месяц число	
19.	крепостное заемное письмо от подполковницы Александры Григорьевой Протасовой на год суммою в Протестовано в уездном суде.	2000	1812	апреля 30	1813	апреля 30	
20.	крепостное заемное письмо от графини Пелагеи Николаевны Толстой с поручительством мужа ее, данное апреля 30-го сроком 20-е декабря суммою в Сие представлено ко взысканию в чернский уездный суд.	3870	1812	апреля 30	1812	декабря 20	
21.	закладная на 700 десятин земли от мценского купца Федора Абрамовича Жегалкина Ивану Лутовинову сроком на год суммою в По сей закладной проценты вперед получил и отсрочил еще на год без переписки, дав в процентах расписку.	27500	1812	мая 9	1813	мая 9	
22.	крепостное заемное письмо от Андрея Андреевича Глазунова сроком на год суммою в По сему проценты получил, дал расписку и еще на год отсрочил без переписки.	10000	1812	мая 28	1813	мая 28	
23.	домовое заемное письмо от чернской помещицы капитанши Елисаветы Алексеевой Уваровой сроком год суммою в	300	1811	декабря 23	1812	декабря 23	

№		Сумма	Когда писаны		Когда оным срок		Когда по оным уплачено или переписаны
		рубли	год	месяц число	год	месяц число	
24.	домовое заемное письмо от удельного крестьянина Егора Григорьева сына Корсакова Ивану Лутовинову сроком на год суммою в	300	1810	марта 26	1811	марта 26	
25.	расписка, данная от московского мещанина Михаила Алексеева, который лес на меня ставит, данная в 1811 году марта 10-го дня без сроку суммою в	200					
26.	расписка, данная в 1810 году марта 26 от удельного крестьянина Егора Григорьева сына Корсакова сроком на год суммою в	300	1810	марта 26	1811	марта 26	
27.	условие, данное графов Ильи и Андрея Толстых 1812 года марта 7-го, по которому должны они Ивану Лутовинову	21480					
	Оное условие представлено к явке в Белевский уездный суд и по отобрании копии возвращено обратно, копия и подлинное в суде оставлено.						
28.	расписка, данная от удельного крестьянина Егора Григорьева Корсакова сроком на год суммою в	500	1811	сентября 4	1812	сентября 4	
29.	крепостное заемное письмо от поручика Владимира Федорова сына Муромцева с поручительством тетки его Надежды Михайловой Лутовиновой сроком на год суммою в	4400	1812	ноября 29	1813	ноября 29	
	Итого процентов						

№		Сумма		Когда писаны		Когда оным срок		Когда по оным уплачено или переписаны
		рубли	год	месяц число	год	месяц число		
30.	крепостное заемное письмо от майора Андрея Семеновича Протасова Ивану Лутовинову сроком на год суммою в	800	1812	декабря 17	1813	декабря 17		
31.	крепостное заемное письмо от коллежского советника Гаврилы Петровича Апухтина Ивану Лутовинову сроком на год суммою в	5000	1812	декабря 31	1813	декабря 31		
32.	крепостное заемное письмо от майора Ипполита Иванова сына Шеншина Ивану Лутовинову сроком на 10 месяцев 27 дней суммою в	3500	1812	декабря 31	1813	ноября 27	отсрочил на год и проценты получил, а расписки не давал	
33.	крепостное заемное письмо от титулярного советника Василья Яковлевича Милюкова Ивану Лутовинову на 11 месяцев и 6 дней суммою в	5000	1813	февраля 8	1814	генваря 14		
34.	домовое заемное письмо генерал-майора Михаила Елисеевича Хитрова Ивану Лутовинову сроком на 11 месяцев суммою в	2000	1813	марта 16	1814	марта 16		
35.	домовое заемное письмо от аптекаря Астафья Иванова сына Берса с поручительством жены его Ивану Лутовинову сроком на год суммою в	2000	1813	марта 1	1814	марта 1		
36.	По шести процентов. крепостное заемное письмо от бригадирши Александры Максимовой Протасовой Ивану Лутовинову сроком на год суммою в	10000	1813	марта 31	1814	марта 31		

№		Сумма	Когда писаны		Когда оным срок		Когда по оным уплачено или переписаны
		рубли	год	месяц число	год	месяц число	
37.	крепостное заемное письмо от действительной статской советницы Елисаветы Федоровны Протасовой Ивану Лутовинову сроком на год суммою в	3600	1813	марта 31	1814	марта 31	
38.	домовое заемное письмо от надворного советника Михайлы Левшина Ивану Лутовинову сроком на год суммою в	260	1813	апреля 4	1814	апреля 4	
39.	крепостное заемное письмо от поручика Ивана Андрияновича Милокова Ивану Лутовинову сроком на 6 месяцев суммою в	10000	1813	апреля 22	1813	октября 22	
40.	крепостное заемное письмо от бригадирши Александры Максимовны Протасовой Ивану Лутовинову сроком на год суммою в	10000	1813	апреля 23	1814	апреля 23	
41.	крепостное заемное письмо от чернского помещика поручика Никиты Дмитриевича Бунакова Ивану Лутовинову сроком на 10 месяцев и 20 дней суммою в	3000	1813	мая 1	1814	марта 21	
42.	крепостное заемное письмо от мценских купцов Козьмы, Петра и Федора Андреевых детей Свечиных Ивану Лутовинову сроком на 10 месяцев и 23 дня суммою в	8000	1813	мая 10	1814	мая 10	
43.	крепостное заемное письмо от ротмистра Афанасья Нефедовича Шеншина сроком на 9 месяцев суммою в	5500	1813	апреля 26	1814	генваря 26	

№		Сумма	Когда писаны		Когда оным срок		Когда по оным уплачено или переписаны
		рубли	год	месяц число	год	месяц число	
44.	домовое заемное письмо от мценского помещика Ивана Андриянова сына Милокова сроком на 5 месяцев суммою	1000	1813	мая 17	1813	октября 17	
45.	крепостное заемное письмо от мценского помещика флота капитан-лейтенанта Павла Ивановича Мацнева сроком на один год суммою в	2000	1813	мая 28	1814	мая 28	
46.	крепостное заемное письмо от инженер-поручика Дмитрия Козмина сына Трубникова сроком на год суммою в	1000	1813	июня 6	1814	июня 6	
47.	крепостное заемное письмо от статского советника Степана Ефимовича Вельяминова сроком по 12 мая 1814 суммою в	4000	1813	июня 30	1814	мая 12	
48.	крепостное заемное письмо от бригадира Александра Матвеевича Шеншина сроком на год суммою в	4000	1813	июля 1	1814	июля 1	
49.	домовое заемное письмо от капитанши Елисаветы Алексеевой дочери Уваровой сроком на три месяца суммою в Без проценту.	100	1813	июля 6	1813	октября 6	
50.	крепостное заемное письмо от надворного советника Петра Ивановича Мацнева сроком на полгода суммою в	1000	1813	июля 4	1814	генваря 4	
51.	крепостное заемное письмо от титулярного советника Сергея Ефимова сына Ефимова суммою в	2000	1813	июля 28	1814	июля 28	

№		Сумма		Когда писаны		Когда оным срок		Когда по оным уплачено или переписаны
		рубли	год	месяц число	год	месяц число		
52.	крепостное заемное письмо от чернского помещика подпоручика Никиты Дмитриева сына Бунакова суммою в	2000	1813	августа 22	1814	августа 22		
53.	расписка, данная коллежского регистратора Семена Соболева в	100	1813	мая 14	1814	мая 14		
54.	закладная на крестьян, данная чернского помещика Дмитрия Милюкова суммою в	1500	1813	ноября 3	1814	ноября 3		
55.	расписка, данная от майора Протасова суммою в	100	1813	ноября 26	1814	ноября 26		
	Итого	203 555						

Значущиеся в сей описи заемные письма, векселя, закладные и расписки получила девица Варвара Петрова дочь Лутовинова декабря 24-го числа 1813-го года. Переверзев.

4

<ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА И. И. ЛУТОВИНОВА>

1813-го года декабря дня опись, учиненная по указу Мценского уездного суда от 23 того ж месяца Мценским нижним земским судом, оставшему после покойного надворного советника Ивана Ивановича Лутовинова состоящему Мценской округи в селе Спасском и сельце Петровском господскому строению и разному в нем находящемуся движимому имению, а что описано, значит под сим.

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	Деревянное строение, примыкающее с правой стороне господского дома:		
1.	Контора , при ней 6-ть комнат, в них мебели:	1	
	стенные недельные в красном дереве часы;	1	
	шкаф простого дерева, выкрашенный, с стеклами и с бумагами, принадлежащими к домашней экономии,	1	
	в коем шкафе книги приходные и расходные всякому хлебу,	2	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	приходная и расходная для столового запаса,	2	
	приходная и расходная материалу, принадлежащему к домовому строению,	2	
	докладные книги разных годов;		
	сундук ветхий, окованный железом;	1	
	стол штучный ветхий;	1	
	стол простой с ящиком;	1	
	креслы ветхие;	1	
	кровать двухместная простая.	1	
2.	При конторе чулан,	1	
	в нем червонного золота книжек,	14/2	
	серебра книжек четыре,	4	
	воску весом пять пуд тридцать три фунта в тринадцати кругах,	13	
	короб с лошадиными лекарствами один,	1	
	шкаф простого дерева о шести ящиках с хозяйственными прошедших годов бумагами один.	1	
3.	Музыкальная , в ней комнат пять,	1	
	в оных два шкафа простого дерева старинные,	2	
	два стола простые,	2	
	канаве старое с шестью креслами одно,	1	
	диван простого дерева один,	1	
	стульев простых шесть,	6	
	комод простого дерева один,	1	
	два зеркала,	2	
	стол ломберный простой один,	1	
	картин разных пятнадцать,	15	
	часы стенные старинные простые одни;	1	
	<i>Музыкальных инструментов:</i>		
	контрабас один,	1	
	виолончель одна,	1	
	два альты,	2	
	скрипок со смычками десять,	10	
	три смычка виолончельских,	3	
	духовых флейт четыре,	4	
	валторн с машинами две,	2	
	кларнетов пять,	5	
	фаготов два,	2	
	ветхих старых без употребления:		
	два валторна,	2	
	фаготов четыре,	4	
	кларнетов четыре;	4	
	к оным принадлежащие ноты, к оным имеется каталог Галле.		

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
4.	Галерея каменная в полуциркульном виде снаружи пятью окнами с стеклами, с тремя кладовыми, в каждой по два окна с стеклами, господскому дому примыкающая одна,	1	
5.	а в них, кладовых , в 1-й от господского дому в крайней:		
	<u>сундук, обитый красною кожею один,</u>	1	
	в нем зеркало полуциркульное в серебряной раме одно,	1	
	лохань серебряная одна,	1	
	рукомойник серебряный один,	1	
	мыльница серебряная одна,	1	
	чаша полоскательная серебряная одна,	1	
	сахарница на ножках серебряная одна,	1	
	кофейник серебряный один,	1	
	молошник серебряный один,	1	
	колпак серебряный один,	1	
	подносец серебряный с вызолоченными обводами один,	1	
	ложка серебряная разливательная с деревянным черенком одна,	1	
	ложек соусных две,	2	
	ложек столовых десять,	10	
	в том числе под чернью одна,		
	десертных ложек шесть и все оные серебряные;	6	
	<u>в другом сундуке, простом обитом железом:</u>		
	тесьмы узкой белой тринадцать аршин,	13 <арши>н	
	полотна голландского тридцать аршин,	30 <арши>н	
	сукна мезерицкого голубого двадцать два аршина с половиною,	22 ½ <арши>н	
	сукна яхонтова двенадцать аршин с четвертью,	12 ¼ <арши>н	
	сукна русского темно-зеленого шесть аршин,	6 <арши>н	
	фламского полотна тринадцать аршин с половиною,	13 ½ <арши>н	
	равендуку семь аршин,	7 <арши>н	
	тику полосатого двадцать шесть аршин с половиною;	26 ½ <арши>н	
	<i>Платья в той же кладовой:</i>		
	мужскова шуба соболья, сделанная капотом, покрытая горохового цвету казимиром одна,	1	
	шуба кунья старая, покрытая горохового цвету сукном, с собольим воротником одна,	1	
	шуба лисья завойчатая, покрытая яхонтовым казимиром одна,	1	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	муфта волчья большая белая одна,	1	
	муфта черная медвежья одна,	1	
	шапка старая бобровая цельная,	1	
	медвежья шуба без покрывки старая,	1	
	фуфайка старая зеленая драповая на хвостовом белом меху одна,	1	
	шляфор дикой саржевый на вате, подбит дикою французскою тафтою один,	1	
	епанча с рукавами зеленая, подбитая красным сукном одна,	1	
	капот пюсовый на вате, подбитый такового ж цвету тафтою один;	1	
	<i>Ковтаны:</i>		
	бархатная пара, вся без пуговиц одна,	1	
	вигоневый зеленый ковшан с стеклянными пуговицами один,	1	
	пюсовая суконная вся пара с стразовыми пуговицами одна,	1	
	черный траурный, подбитый шалью, с казимировым черным камзолом, подбит белою тафтою, ковшан один,	1	
	старомодный траурный ковшан, подбитый черною саржею с черным суконным камзолом с клеенкою один,	1	
	черный траурный ковшан с камзолом, ковшан подбит тафтою, а жилет белым стамедом один,	1	
	яхонтовый немецкий ковшан суконный, подбит белою саржею, с камзолом один,	1	
	нанковый старый белый летний ковшан один,	1	
	вигоневый пюсовый старый ковшан один,	1	
	фрак пюсовый с позлаченными выпуклыми пуговицами один,	1	
	фрак синий с большими медными пуговицами, воротник с ранжевым бархатом один,	1	
	ковшан ватнистый <?> с черными пуговицами, подбит тафтою один,	1	
	ковшан охотничий с золотыми кистями, петлицами, пуговицами и зеленою подкладкою один,	1	
	ковшан охотничий зеленый с серебряными пуговицами и шнурками один.	1	
	<i>Мундиры:</i>		
	тульский новый с камзолом и сподницею белыми и гладкими пуговицами один,	1	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	новороссийский с камзолом и сподницею белыми, а мундир с зеленым бархатным воротником один,	1	
	новый рижский, подбит шалью, с казимировым камзолом и сподницею один,	1	
	два мундира тульских, один с гербовыми пуговицами, а другой с гладкими, к ним две сподницы суконных белых, два,	2	
	сподница и камзол белые казимировые, без пуговиц, подбиты бумазеею две,	2	
	мундир орловский с сподницею и камзолом палевыми один.	1	
	<i>Камзолы:</i>		
	атласный белый мундирный с белыми пуговицами,	1	
	атласный белый мундирный с желтыми пуговицами один,	1	
	парчовый вязаный один,	1	
	черный шелковый водепул один,	1	
	пикеневый темный, поперек полосы один,	1	
	пикеневый лиловый один,	1	
	пикеневый шахматный один,	1	
	пикеневый палевый один,	1	
	белый канифасовый гладкий один,	1	
	камзолов разных цветных девять.	9	
	<i>Жилеты:</i>		
	шелковый черный шахматный один,	1	
	бархатный темный один,	1	
	шелковый черный с белыми полосочками один,	1	
	канифасовых с поперечными полосками и в поло-сах сребрушками три,	3	
	пикеневый гладкий один,	1	
	гарнитуровый клетчатый один,	1	
	ситцевый аглицкий желтый на турецкий манер один,	1	
	белый тафтяной материи с золотом и блестками один,	1	
	казимировый радужный,	1	
	оранжевый поджилетник один,	1	
	жилетов разных материев и цветных двенадцать.	12	
	<i>Исподнего платья:</i>		
	черные атласные четверо,	4	
	черные казимировые двое с подкладкою, а четверо без оной,	6	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	черные бархатные одни,	1	
	черные новые казимировые без подкладки одни,	1	
	летние темные с завязочками двое,	2	
	атласные белые двое,	2	
	канифасовые гладкие трое,	3	
	шелковые вязаные одни,	1	
	казимировые дикие одни,	1	
	разной материи и цветов штанов двенадцать.	12	
	<i>Панталоны:</i>		
	бурые казимировые одни,	1	
	серенькие казимировые одни,	1	
	дикие казимировые одни,	1	
	вязаные средние <?> одни,	1	
	желтые аглинского котону одни,	1	
	дикие аглинского котону одни,	1	
	ситцевые дикого цвету одни,	1	
	шелковые вязаные с чулками и к ним черные под- штанки одни,	1	
	черные шелковые полосатые с чулками одни,	1	
	шаровары зеленые казимировые с шелковым ку- шаком одни,	1	
	панталонов китайчатых бланжевых трое,	3	
	сереньких нанковых двое.	2	
	<i>Маскарадных платьев:</i>		
	венецианов черных, один подбит розовым атла- сом, а другой белою тафтою, с одною манатей- кою два.	2	
	шляп кучерских две,	2	
	картуз бархатный черный один,	1	
	картуз сафьяновый лиловый один,	1	
	картуз черный казимировый один,	1	
	платков шелковых черных шесть,	6	
	платок розовой саржи с каймами один,	1	
	сапоги теплые на медвежьем меху одни,	1	
	сапог с раструбами подфартов аглинского товару три пары,	3	
	с отворотами петербургские аглинского товару са- поги одна пара,	1	
	сапог коротеньких аглинского товару две пары,	2	
	сапог из каневого товару четыре пары,	4	
	сапоги замшевые с пуговками одна пара,	1	
	башмаков тюленевых две пары,	2	
	козловых башмаков четыре пары,	4	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	пряжки золотые башмачные с пружинкою одна пара,	1	
	пряжки серебряные, вызлащенные с шпеньками башмачные и к ним таковые ж шлифные одни,	1	
	пряжки башмачные серебряные с бусинами и к ним таковые ж шлифные одни,	1	
	пряжки шлифные серебряные с бусинами, вызлащенные и с стразами одни,	1	
	пряжка золотая галстучная одна,		
	кушак шелковый персидский один,	1	
	перчатки лайковые, шитые серебром одни,	1	
	перчатки замшевые одни,	1	
	рукавицы сафьяновые с ворсом одни,	1	
	шпаг две с серебряными эфесами,	2	
	темляк к шпаге, золотой один,	1	
	пуговицы стразовые большие с ковтана двадцать пять,	25	
	пуговиц стразовых маленьких двадцать пять.	25	
	<i>Женских платьев ветхих:</i>		
	<u>В 1-м сундуке:</u>		
	салопов атласных два,	2	
	юбок на вате разных материев три,	3	
	платье объяринное шитое лиловое, с белою ж объяринною юбкою одно,	1	
	платье полосатое вышитое одно,	1	
	тамбурное, шитое на полосатом одно,	1	
	тамбурное, шитое на голубом атласе платье с юбкою одно,	1	
	кисейное тамбурное на розовом атласе платье с юбкою одно,	1	
	сертук без юбки одно,	1	
	кисейный сертук на розовой тафте без юбки одно,	1	
	кисейный пудромант один,	1	
	линобатистовое с мушечками одно,	1	
	юбка коленкоровая шитая одна,	1	
	сертук с юбкою кисейною травчатый один,	1	
	линобатистовая юбка одна,	1	
	атласное черное платье одно,	1	
	белое гарнитуровое без юбки платье одно,	1	
	маскарадный венециан гарнитуровый черный один,	1	
	капуцин маскарадный пюсовый один,	1	
	венециан черный флиоровый с манатейкою один,	1	
	мантилия линобатистовая белая одна,	1	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	юбка кисейная одна,	1	
	кофта с юбкою пикеневая одна,	1	
	атласный синий сертук без рукавов один,	1	
	желтая атласная юбка одна,	1	
	корсет тамбурный на розовой тафте один,	1	
	юбка канифасовая с фалборою одна,	1	
	шимис тамбурный на померанцевом атласе один,	1	
	юбка линобатистовая с мушечками одна,	1	
	сертук лиловый шелковый полосатый один,	1	
	юбка тамбурная с кружевом одна.	1	
	<u>Во 2-м сундуке:</u>		
	кроватьный занавес штофный, с прибором, голубой один,	1	
	покрывало тамбурное, подбитое ранжевым атласом одно,	1	
	наволоч кисейных в тамбур шитых, которые подбиты ранжевым атласом, шесть,	6	
	с пуховика атласная ранжевая наволока одна,	1	
	с туалета чехол тамбурной кисеи, подбит ранжевым атласом один.	1	
	<u>В 3-м сундуке:</u>		
	в нем туалетный чехол кисейный, подбит красною тафтою один,	1	
	разных атласных наволок шесть,	6	
	одеяло пикеневое с кисейною бахромою одно,	1	
	юбка и кофта пикеневые с кисейною бахромою одна,	1	
	сертучок линобатистовый с мушечками один,	1	
	юбка белая гарнитуровая одна,	1	
	юбка камертковая, шитая блестками и камушками одна,	1	
	атласная юбка стеганая одна,	1	
	старый занавес вышитый один,	1	
	сверточек вышитой кисеи один,	1	
	полотнище линобатисту, вышито решетчато одно,	1	
	<u>В 4-м сундуке:</u>		
	салфетка красная полушерстяная одна,	1	
	турецких дорогих платков шелковых три,	3	
	пунцовая шаль и косынка, шитые золотом две,	2	
	остаток кисеи шитой серебряной один,	1	
	мантилия черная пикеневая одна,	1	
	скатертей камчатных две,	2	
	салфеток камчатных пять,	5	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
6.	линобатистовых разношитых красных золотом и шелками платков два,	2	
	турецкий платочек зеленый один.	1	
	<u>В 5-м сундуке:</u>		
	простынь ткацких две,	2	
	простыня полотняная одна,	1	
	наволоч атласных розовых шесть,	6	
	одеяло белого стеганья, обобрано белою кисеєю одно,	1	
	одеяло стеганое зеленое одно,	1	
	одеяло стеганое розовое атласное одно,	1	
	подзор с кровати клетчатой кисеи один,	1	
	подзор с кровати белой кисеи с белою бахромою один,	1	
	скатертей простых четыре,	4	
	салфеток цветных тринадцать,	13	
	десертных салфеток цветных две,	2	
	коврик тканый один.	1	
	<u>В 6-м сундуке:</u>		
	салопов атласных черных два,	2	
	еще салоп черный атласный на тафте белой один,	1	
	сертук суконный темненький малороссийский один,	1	
	шляфор тафтяной зеленый с бархатным малиновым воротником один,	1	
	платье черное гарнитуровое пополам с золотым снурочком одно,	1	
	платье колеркорое полосатое одно,	1	
	кофта белая атласная кисейная на розовой тафте одна, бумажная дикая одна и белой кисеи две,		
	итого	4	
	<u>В 7-м сундуке:</u>		
	простых рубашек две,	2	
	платков батистовых три, цветной кисейный один, с цветными каемочками пикейных два, полотняный по каймам шитый шелком один, миткалевый с изображением географической карты один, миткалевый набивной разных красок один, полотняный с красными каймами белый один. Итого	10	
	наволоч ткацких десять.	10	
	Во 2-й кладовой:		
	<i>Образов старинных:</i>		
	Божия Матери с серебряным венцом один,	1	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	Божия Матери с серебряными венцами и окладом два,	2	
	еще Божия Матери «Знамение» с серебряною маленькою ризою один,	1	
	Иоанна Предтечи с серебряным венцом один,	1	
	Великомученика Никиты с серебряным венцом один.	1	
	<i>Мужеского платья:</i>		
	<i>шуб лакейских:</i>		
	суконная синяя на меху овчинном с волчьими полами с енотовым воротником с золотыми кистями одна, другая голубая суконная на меху волчьем с воротником и кистями таковыми ж,	2	
	суконная синяя на меху волчьем, воротник барсовый, галун мишурный, ветхая одна,	1	
	триповая овчинная, а полы и воротник лисьи, ветхая одна,	1	
	серых суконных теплых шинелей на простом меху, воротники медвежьи и у двух с шитьем золотым четыре,	4	
	винчура волчья ветхая одна,	1	
	красный старинный на лисьем меху сертук ветхий без пуговиц один,	1	
	сертук таковой же красный суконный на меху простом с мишурным галуном и с черным плисовым воротником один,	1	
	ярославских овчин тулуп нагольный один,	1	
	шинелей летних парадных суконных голубых с красными воротниками и с опушками,	4	
	сертук светло-синий суконный с золотым галуном и красным воротником один,	1	
	ливрей суконных голубых с черными плисовыми воротниками и обшлагами с четырью панталонами суконными красными и с желтыми четыре,	4	
	шубочка берейтерская суконная голубая на простом меху, воротник черного плиса с золотым обложенным полосами галуном, кистями и с ретузами черного сукна одна,	1	
	шуб кучерских голубого сукна на меху овчинном три,	3	
	летних кучерских ковтанов сукна серого два и по светлей два,	4	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	кучерских свит синего сукна четыре,	4	
	кушаков кучерских шелковых ветхих два,	2	
	шапка кучерская бархатная красная старая одна,	1	
	покойного мундиров зеленого сукна пажеских старых два,	2	
	мундир зеленый с палевыми воротником, обшлагами старинный один,	1	
	мундир зеленый с камзолом бригадирский один,	1	
	виц-мундир синий гусарский старый один,	1	
	светло-серая старинная ливрея лакейская без обшлагов одна,	1	
	людская куртка серого сукна ветхая одна,	1	
	зеленый людской сертук русского сукна один,	1	
	лакейских шляп треугольных с серебряным галуном старых четыре, круглая с золотым галуном одна,	5	
	камзол старинный голубого сукна с серебряным галуном,	1	
	ковров разного сорта и цветов восемь,	8	
	шпаг старого фасона две,	2	
	трость старинная под черным лаком с серебряным набалдашником и наконечником одна, а другая с золотым набалдашником,	2	
	кортик старинный с финифтевым эфесом и серебряною пряжкой с замшевою, вышитую золотом португеею один,	1	
	кубик красной меди ведерный с крышкою один,	1	
	тазов зеленой меди небольших три,	3	
	холста ткацкого беленого четыреста восемьдесят пять аршин,	485 <арши>н	
	небеленого ткацкого три холста мерою семьдесят пять аршин,	75 <арши>н	
	талек аленых восемьдесят,	80	
	холста аленого простого четыреста шестьдесят аршин,	460 <арши>н	
	посконного тысяча пятьсот сорок аршин,	1540 <арши>н	
	мыла простого пятнадцать фунтов.	15 фу<нтов>	
	Со всеми оными вещами сундуков занятых старых восемь.	8	
7.	В 3-й кладовой:		
	Евангелье старое серебряное одно,	1	
	прибор чайный синий фаянцовый дюжин, чашек,	24	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	кофейников,	2	
	чайников,	2	
	сахарниц,	2	
	молошников,	2	
	полоскательных чашек,	2	
	чашка для масла чухонского,	1	
	чашка шоколадная с крышкой,	1	
	бокалов хрустальных старинных,	6	
	кружек с крышками,	2	
	фиолетовая кружка маленькая,	1	
	китайского фарфору чайников,	2	
	кофейник такой же,	1	
	чашек чайных таких же,	6	
	тарелок десертных,	1	
	черный хрустальный графин с вензелем Ивана Лу- товинова,	1	
	маленькая иготь медная зеленой меди с пестиком,	1	
	поднос жестяной,	1	
	самовар зеленой меди старый,	1	
	чепрак плюсовый, шитый серебром и с такими ж бархатными	1	
	муштук старинный и папиросник в серебряной оправе,	1	
	чаю зеленого коробочка <в>скрытая,	1	
	сахару рефинаду тридцать девять фунтов,	39 фу<нтов>	
	мелису сахару двадцать фунтов,	20 фу<нтов>	
	кофию двадцать фунтов,	20 фу<нтов>	
	сундуков занятых и пустопорожних старых, в том числе обит один тюленью,	6	
	солнечные медные часы,	1	
	две кастрюли красной меди,	2	
	два зеркала стенных маленькие.	2	
8.	Галерея в полуциркульном виде, с левой стороны к господскому дому примыкающая, в ней пять окон, две печи и двадцать рам с стеклами, каменная.	1	
	В ней для растения деревьев лебастренных ваз.	13	
9.	При оной галерее кухня , в ней комнат.	3	
	<i>Посуды медной:</i>		
	котел большой без крышки,	1	
	турецких два котла, из коих один без крышки,	2	
	длинный котел передача с крышкой,	1	
	кастрюль с крышками, из коих большие две, сред- них четыре, маленьких семь;	13	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	<i>Фаянсовой:</i>		
	чаш суповых с ручками, поддонниками,	2	
	к ним два блюда и два лучка целые,	4	
	чаш суповых пять, одна с крышкою, две без крышек с поддонниками,	5	
	корзинок две с крышками, поврежденные,	2	
	соусников осьмнадцать, в том числе с крышками семь, а прочие без оных,	18	
	блюд больших круглых четыре,	4	
	блюд поменьше,	5	
	салатник,	1	
	тарелок мелких и глубоких,	6 дюжин	
	чаш суповых с тарелками и крышками,	2	
	еще тарелок мелких две дюжины.	2 д.	
	<i>Старой посуды фаянсовой:</i>		
	чаш суповых продолговатых две с крышками,	2	
	соусников без крышек, из коих один большой,	6	
	лотков семь, из коих три поврежденные,	7	
	круглых блюд два и чашка маленькая без крышки одна,	3	
	салатников худых четыре,	4	
	тарелок глубоких,	7	
	тарелок маленьких.	3 дюжины	
	<i>Простой каменной посуды:</i>		
	чашек соусных с крышками,	2	
	блюд круглых.	4	
10.	Подле кухни бани , в ней 4 комнаты, во оной над окнами четыре занавеса ткацкого полотна сине-клетчатые,	1	
	тюфяк волочный и при нем пять подушек перинных с холстинными наволоками,	4	
	маленький столик простого дерева один, стульев два.	6	
11.	Ко оному строению каменная погребница с десятью колоннами и под оной каменный погреб.	3	
12.	И близ оного два ледника огорожены заборником.	1	
	<i>И во оных хранится:</i>		
	свежины восемьдесят,	80 пуд.	
	ветчины тридцать,	30 пуд.	
	сала говяжьего пять,	5 пуд.	
	соли бузуну пять,	5 пуд.	
	кадок и чанов	40	
	бочек больших,	6	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	бочонков поменьше, корытов для рубли капусты, чашек, ложек деревянных, ларей для ссыпки хлеба, муки ситной пятьдесят, пшеничной двадцать, крупитчатой два, пшеница две, круп гречневых одна, масла коровьего двадцать, масла постного, солонины, гусей, индеек, меду, капусты рубленой белой, серой, огурцов.	16 5 14 40 3 50 пуд. 20 пуд. 2 пуд. 2 четверти 1 четверть 25 пуд. 20 ведр 80 пуд. 50 30 5 пуд. 5 кадок 4 кадки 7 кадок	
	Все ж оно строение в обеих полуциркульных связях крыша деревянная.		
13.	Против дому господского на дворе палисадник с пло- довитыми разных сортов деревьями и цветниками.	1	
14.	Господский двор в передней стене обнесен от флигеля музыкального и до корпуса кухни при каменном строе- нии с двумя большими воротами створчатыми решет- кою железною палисадником.	1	
15.	Близ дому господского оранжерея деревянная в четы- рех комнатах и с тремя печами простыми. В ней рам вышних и нижних сорок, с стеклами и крытая тесом, <i>а деревьев:</i>	1 40	
	лимонных, померанцевых, персиковых, абрикосовых, слив шпанских желтых, грушевых и бергамотных, ранетов, французских яблонь два дерева.	5 1 120 70 15 30 3 2	
16.	Садов плодовых при селе Спасском, <i>а в них строения:</i> деревянная кладовая о двух комнатах, с сенями, крытая тесом,	4 1	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	а во оной кладовой сундуков разных пустопорожних, чайных ящичков китайских, два медных чайника, в том числе один большой, и прочего таковой же меди три тазика, самовар ветхий, тазик с крышечкою и с железною ручкою один, горшочек турецкий один, две стопки с крышками, котлов разной величины, два кувшина с ручками, блюд, чашка турецкая.	10 5 2 3 1 4 8 2 4 1	
	<i>Ловянной посуды:</i> шесть чаш старинных суповых с ручками, блюд разного манера, ку<в>шин, тарелок.	6 13 1 2 дюжины	
	<i>Старинной каменной посуды:</i> чашек желтых, соусников желтых, желтое блюдо, чаш зеленых с крышками худых, соусников зеленых с крышками, блюд большое и малое зеленых, чаша мраморного цвету.	3 2 1 3 2 2 1	
	<i>Дорожной посуды:</i> чашек с крышками круглых, длинная чаша с крышкою, блюд, тарелок глубоких, тарелок мелких, форм для вафлей две, да других форм пять.	3 1 4 12 11 7	
17.	Да еще во оных же садах павлинная горница пустопорожняя, покрытая тесом.	1	
18.	Парников каменных с тридцатью пятью рамами и стеклами.	3	
	<i>Прочие строения:</i>		
19.	Экипажный двор , при нем экипажный сарай большой, четыре сарая с разным лесом и сарай с известью, из них один крыт соломою, а прочие тесом. И во оных хранится	1	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	<i>Экипажей летнего:</i>		
	дормез старый темно-зеленый двухместный,	1	
	дормез четверместный новый темно-шоколатовой краски,	1	
	коляска двухместная, покрытая дикою краскою,	1	
	коляска двухместная, под зеленою краскою, старая,	1	
	коляска двухместная новая под зеленою краскою,	1	
	линейка старая, выкрашенная зеленою краскою, четверместная,	1	
	линейка старая четверместная, покрытая вновь зеленою краскою, без лаку,	1	
	карега двухместная старая темно-зеленая,	1	
	карега двухместная темно-зеленая,	1	
	карега одноместная светлого цвету,	1	
	бричка, обитая кожею,	1	
	таратайка или маленькая колясочка обита кожею,	1	
	коляска двухместная темно-зеленая ветхая,	1	
	двое дрожек распашных старых с кожаными тюфяками,	2	
	дрожки маленькие старинные с триповою подушкою,	1	
	повозка летняя прочная покрытая,	1	
	повозка летняя парная с откладным верхом,	1	
	телег новых четыре, старых семь,	11	
	дрожки разъезжие простые,	1	
	<i>Зимнего экипажа:</i>		
	сани двухместные, убранные белою тесьмою и алым трипом с таковою ж подушкою и одеялом на медвежьем меху,	1	
	сани беговые красного дерева с бронзою,	1	
	сани беговые желтые с подушкою,	1	
	сани очаковские, обитые жестью и кожею,	1	
	повозка с верхом крытым, внутри обита темно-красным трипом, старая,	1	
	повозка с откидным верхом старая,	1	
	повозка с откладным верхом новая, внутри обита сафьяном,	1	
	повозка с глухим верхом, внутри обита сукном,	1	
	саней разъезжих,	10	
	хомутов цуговых новых с кисточками восемь, узд толикое ж число, трое вожжей из ремней калмыцких,	8	
	ветхих цуговых хомутов с уздами,	6	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	наборных хомутов парных с принадлежащими к ним уздами и двумя гарусными вожжами,	4	
	два хомута беговые в медной и посебренной оправе, к ним вожжи с привожжиком тисненные, сиделка наборная и дуга, покрытая черным лаком,	2	
	два хомута беговые в бронзо<во>й оправе, с черными шелковыми кисточками, к ним вожжи с привожжиком тисненные красные с ремешками наконечниками и дуга под лаком кофейного цвету,	2	
	хомут беговой, убран красным сафьяном, к нему вожжи, узда и сиделка такой же работы,	1	
	два хомута беговых с бронзовой уборкою ветхие, к ним две узды и вожжи пеньковые с наконечниками,	2	
	четыре шора с серебряным и четырьмя муштуками, оправленные посеребренною бронзою, к ним вожжи с постромками и прочею принадлежностью,	4	
	двадцать два хомута разьежжих	22	
	к ним толикое ж число узд и двенадцать сиделок с чересседельниками новые.	22	
20.	Две палатки , из коих одна парусинная с полами красными полосами, другая теплая домик верх, стороны парусиновые белые, а изнутри подшитая зеленым сукном, к ним столик и пять стульев складные.	2	
21.	Столярный флигель , в нем две большие комнаты, крыт тесом,	1	
	в нем <i>столярного инструмента</i> :		
	две пилы шпанских,	2	
	станок токарный,	1	
	тиски одни,	1	
	токарного инструмента штук,	25	
	три пилы,	3	
	мебель неотделанная:		
	горка красного дерева с стеклами,	1	
	санки.	1	
22.	Флигель для портных, сапожников, в нем две большие комнаты, деревянный и крыт тесом.	1	
23.	Два с мезонином флигеля людские, в них четыре избы с чуланами, крыты тесом.	2	
24.	Больница с мезонином, в ней две избы с 8-ю чуланами, крыта тесом.	1	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
32.	Флигель поклажи конской и прочей принадлежности, в нем три комнаты, крыт тесом.	1	
	Скотный двор		
33.	При нем две избы, крыты соломою, коров дойных осьмнадцать, подтелков и с нынешними, быков заводских и нонешних, вол ежжалый.	1 18 18 6 1	
	Птичий двор		
34.	При нем две избы, крыты соломою, в нем павлин, пав племенных и молодых, индеек старых и молодых, гусей, уток племенных с молодыми, кур русских.	1 1 3 9 2 7 30	
35.	Кузница		
	деревянная, крытая тесом, в ней инструменты для медной работы штук, ножницы для резки железа, доска сновальная <?>, мехов, наковальни, клещей пятеро, молотков два.	1 10 1 1 2 2 7	
36.	Ветряная мельница об одном поставе и крытая тесом, при ней двор, изба, вокруг огорожено плетнем, а покрыто соломою.	1	
37.	Водяная мельница на Спасском пруде о двух поставвах, крытая соломою.	1	
38.	За садом грунтовый сарай пустопорожний, без крыши.	1	
39.	Да еще в особом отделении хранимых разных господских вещей:		
	сукна в разных штуках российского белого двести тридцать аршин,	230 <арши>н	
	овчин деланных боевых разного сорта,	195	
	реднины намерено,	300 аршин	
	куб с крышкою красной меди вотошный ведерный,	1	
	кос сенокосных с ручками,	8	
	пик <пил?> ратничьих,	20	
	пил проходных,	5	
	железа разного,	6 пуд.	
	стали томленой,	6 фунтов	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
	полосного железа,	1 пуд.	
	связанного железа десять прутьев,		
	шинного железа,	30 фу<нтов>	
	листового железа,	20 листов	
	от кладовых из окон железных решеток,	4	
	заступов для копания земли,	10	
	ломов,	3	
	<i>гвоздей</i> троетесу,	1000	
	двоетесу,	100	
	однотесу,	400	
	лубенных,	600	
	скаловых,	200	
	однотесу мелкого,	400	
	<i>красок</i> мулей,	2 пуд.	
	вохры,	20 фу<нтов>	
	лучшей мулей,	20 фу<нтов>	
	сурику,	8 фу<нтов>	
	белил хороших,	10 фу<нтов>	
	меловых белил,	5 фу<нтов>	
	медянки краски,	8 фу<нтов>	
	провода разной,	4 фу<нта>	
	клею мездриного,	1 пу<д>	
	буравцев больших,	4	
	средней величины,	1	
	рубанков плотнешных,	5	
	дорожичек,	1	
	подпилков площадных,	12	
	трехгранный,	1	
	круглых,	5	
	белой жести,	11 листов	
	навертушков,	10	
	петлиц маленьких,	6 пар	
	желез кованых с замками четверо,	4	
	отдушник с печей с медною личинкою,	1	
	от дверей медных личинок,	3	
	вески с 10-ю фунтами,	1	
	петель от хором новых с винтами,	6 пар	
	неводов один для рыбной ловли,	1	
	сеть одна,	1	
	бродник,	1	
	перьев всяких,	10 пуд.	
	пуху.	1 пуд.	

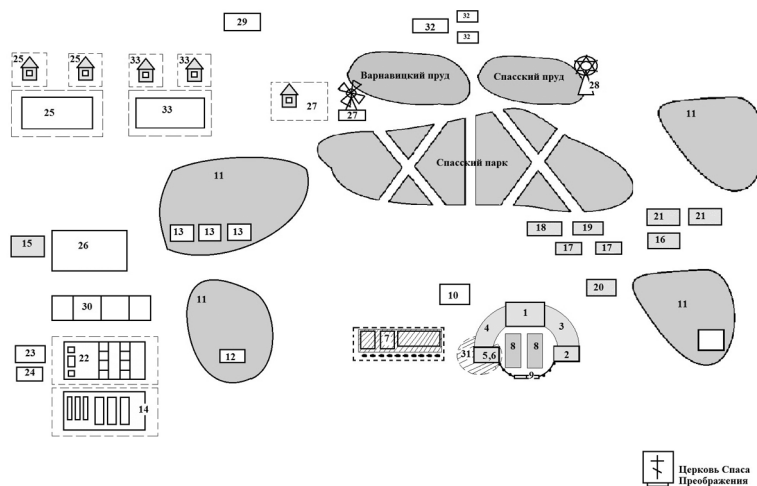
№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
40.	Амбаров господских четыре деревянного строения и покрыты одною связью тесом, из которых в трех в каждом по четыре закрома, а в последнем шесть оных, а во оных амбарах хлеба: ржи, пшеницы озимой, пшеницы яровой, овса, гречки семьдесят, конопли, ячменю, гороху, круп гречневых, горчицы, кинарекшного семя, альненого семя, муки ржаной, пеньки мятой.	4 150 четвертей 10 че<твертей> 15 че<твертей> 10 че<твертей> 70 че<твертей> 40 че<твертей> 20 че<твертей> 2 че<тверти> 10 че<твертей> 1 че<тверть> 2 четверика 10 четвериков 10 че<твертей> 400 пуд.	
41.	Подвал каменный, что под домом господским, с разными напитками, а в нем именно в бутылках: бишофу, бургонского, буржираку, венгерского, виндирафу, византейского, губерзану, домделского, когорского старого, липицу, мадеры, медку, марго старого, меду, малаги, наисотского, портвейна красного, портеру, португальского, да еще оного, рейнвейну, рому, дремондеры,	1 1 10 10 20 15 1 5 7 4 10 20 7 12 3 20 4 3 4 4 26 2 5 2	

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял	
42.	французского старого,	15		
	фронтеньяну,	3		
	шатомарго,	17		
	наливки разной,	10		
	водки коньяку,	1		
	водки сладкой,	40		
	вина горячего.	5 ведр		
	<i>Разного белья:</i>			
	рубашек из голландского полотна,	1		
	голландских,	6		
	новых ткацких,	6		
	простынь из лебедянского полотна,	1		
	голландских,	1		
	старых ткацких,	3		
	одеял пикеневых,	2		
	байковых старых,	4		
	полотенец личных разного полотна, шитых с кружевами,	5		
	колпаков шелковых разного цвету,	2		
	батистовая манишка,	1		
	шейных платков,	1		
	носовых	1		
	миткалевых белой мате<рии?> четыре,	4		
	чулок шелковых две пары,	2		
	нитяных белых,	3 пары		
	шлафоров белый пикеневый и канифасовый,	2		
	столового белья: скатертей камчатых,	2		
	салфеток,	50		
ткацких салфеток дюжина.	1 дюж.			
43.	Господское гумно и на оном в скирдах состоит немолоченного хлеба:	1		
	ржи			
	в шести скирдах,	420 ко<пен>		
	пшеницы			
	яровой скирд,	63 ко<пны>		
	овса			
	в десяти скирдах,	610 ко<пен>		
	гречки			
	в трех скирдах,	205 ко<пен>		
	сена			
	в двух ометах по ложению во оных должно быть зимних возов,	60		

№	В селе Спасском:	Число	Кто принял
44.	овин каменный, крыт тесом, рига деревянная с четырьмя створчатыми воротами, крыта соломою.	1 1	
	В сельце Петровском, что при Спасском:		
	Господский деревянный разного леса дом, в нем три комнаты, пять окон с двойными рамами со стеклами, двумя печами простыми, двое сеней передние и задние, в них по одному окну со стеклами, чрез передние сени стряпущая изба о двух комнат, в них пять окон с рамами, стеклами, два простой работы стула, а чрез задние сенцы лабуторня о двух комнат, чулан, в них пять окон с рамами, стеклами, один очаг, для водки три куба красной меди с трубами, из них один в три ведра, а последние по два ведра, и все оное в одной связи, крыто соломою.	1	
	В линии от дома больница березового леса о четырех комнат с мезонином, с сеньми, против оных крыльцо, в сенях два чулана, в больнице одна печь в капитальных стенах, четырнадцать окон с рамами, стеклами, крыто все оное соломою.	1	
	Близ больницы амбар березового леса,	1	
	ледник разного леса,	1	
	конюшня ветхая.	1	
	Все оное крыто соломою, а двор оных огорожен разного леса пластовым забором с одними воротами.		
	Господский сад со старыми плодовитыми деревьями огорожен плетнем.	1	
	Близ одного прудов с рыбою.	2	
	Господская пасека огорожена березового леса забором, в линии изба такового ж березового леса с одним окошком, с сеньми, омшаник березового леса и сарай и все крыто соломою,	1	
	а в пасеке с пчелами ульев,	152	
	пустопорожних ульев,	99	
	кадок пустопорожних для меду.	5	
При селе Спасском два с рыбою пруда.	2		

Все значущиеся в сей описи имения по данной от мценской помещицы девицы Варвары Петровны Лутовиновой доверенности, засвидетельствованной во Мценском уездном суде, принял и расписался корнет Алексей Тимофеев сын Головин.

План усадьбы Спаское*

Условная реконструкция С. Л. Жидковой и А. Н. Антоновой

1. Господский деревянный двухэтажный жилой дом 2. Флигель (контора, музыкальная) 3. Галерея каменная с пятью наружными окнами с тремя кладовыми (с правой стороны) 4. Галерея каменная с семью наружными окнами (с левой стороны) 5, 6. Флигель (кухня, баня) 7. Погребница с десятью колоннами, каменный погреб и два ледника 8. Палисадник 9. Железная решетка с двумя створчатыми воротами 10. Оранжерея деревянная 11. Сады «плодовитые» (при Спасском 4, в одном деревянная кладовая) 12. Павлинья горница в «плодовитом» саду 13. Каменные парники в «плодовитом» саду 14. Экипажный двор	15. Столярный флигель 16. Флигель для портных и сапожников 17. Флигель с мезонином людской 18. Больница с мезонином 19. Флигель для полиции 20. Флигель с мезонином певческий и музыкальный 21. Флигель с мезонином для бурмистра и прочих дворовых людей 22. Конный двор 23. Флигель для кучеров 24. Флигель поклажи конской 25. Скотный двор (при нем две избы) 26. Кузница 27. Ветряная мельница (при ней изба) 28. Водяная мельница 29. Грунтовый сарай 30. Четыре амбара 31. Подвал каменный под домом господским 32. Гумно (при нем овин и рига) 33. Птичий двор (при нем 2 избы)

* Церковь Спаса Преображения, находящаяся на территории Спасской усадьбы, не входила в число строений, которые принадлежали И. И. Лутовинову.

СЛОВАРЬ К СПАССКОЙ ОПИСИ

Ткани

- Атлас — плотная шелковая ткань с лоском.
- Байка — мягкая, толстая, очень ворсистая шерстяная ткань.
- Бархат — шелковая ткань с коротким, стриженным, очень густым ворсом.
- Бумазея — бумажная ворсистая ткань.
- Выбойка — самый грубый ситец, по коему узор набит в одну доску — в одну краску.
- Гарнитур (*искаж. от: гродетур*) — плотная шелковая ткань.
- Казимир — полусукно с косой ниткой.
- Камлот — плотная шерстяная ткань, часто с примесью шелка или хлопчатобумажной ткани.
- Каморток (камордок, камертух) — самое тонкое голландское полотно.
- Камчатка — бранина, бранное полотно, узорочная ткань, идущая на столовое белье.
- Канифас — льняная прочная полосатая ткань, плотная хлопчатобумажная ткань с рельефным тканым рисунком.
- Кисея — тонкая редкая ткань, начально из индейской крапивы, потом из хлопка.
- Китайка — простая бумажная ткань, начально мутно-желтая и вывезенная из Китая.
- Клеенка — ткань, пропитанная каким-либо клеем или же смолою, или воском, вощанка.
- Коленкор — бумажная тонкая ткань белая или в краске.
- Линобатист — самое тонкое полотно.
- Миткаль — бумажная ткань, изготовленная для обивки, ненабивной ситец.
- Нанка — хлопчатобумажная плотная ткань по названию китайского города Нанкин.
- Объярь — плотная шелковая ткань с золотыми и серебряными разводами, муар.
- Пике — белая бумажная ткань, на вид будто стеганая, тканье.
- Плис — плотная хлопчатобумажная ткань с ворсом, напоминающая бархат.
- Посконина — домотканый холст из конопляного волокна.
- Равендук — голландская толстая парусина, парусинный холст.
- Реднина — редкая, неплотная ткань.
- Саржа — косонитная ткань, шелковая, шерстяная или бумажная.
- Сафьян — тонкая, мягкая кожа, обычно из козьих шкур.
- Серпянка — хлопчатобумажная ткань редкого плетения, хлопковая рединка, используется на полога от мух и комаров.
- Стамед — шерстяная косонитная ткань.
- Сукно — шерстяная вяленая ворсистая ткань.
- Сукно мозерицкое — сукно, выделяемое для китайцев.
- Тамбурная ткань — ткань, вышитая в пальцах петля в петлю.
- Тафта — гладкая шелковая тонкая ткань.
- Тик — косонитная полосатая портяная ткань, используемая на перины, тюфяки.

Ткань — бумажная узорчатая ткань в клетках или разводах.
Травчатая ткань — узорная, с растительным узором.
Трип — шерстяная ворсистая ткань вроде бархата.
Фигонь (вигонь), фигоновый (вигоневый) — ткань из шерсти и пуха животного козьей породы (вигонны), близкого к ламе.
Фламское полотно — тонкий широкий посконный равендук.
Флер — тонкая прозрачная ткань.
Штоф — плотная шелковая ткань, обычно с разводами.

Цвета

Бланжевый — телесный.
Дикий — серый со стальным оттенком.
Палевый — соломенный.
Померанцевый — оранжевый, цвета корки апельсина, померанца.
Пюсовый — темно-коричневый.
Ранжевый — оранжевый.
Яхонтовый — красный.

Одежда

Венециан — маска с капюшоном.
Винчура — шуба из волчьих шкур, особенно славилась драгоценные меха волков туруханских.
Капот — широкая распашная одежда с рукавами без перехвата в талии, иногда капотом именовалась верхняя мужская одежда, похожая на халат.
Ковтан (кафтан) — имеется в виду европейский кафтан, скроенный в талию, расшитый и нарядный.
Корсет — женская кофточка в обтяжку, носится при юбке, как верхняя одежда.
Минтенья — плащик, епаничка, накидка.
Пудромант — накидка, надевавшаяся при пудрени лица, парика.
Салоп — широкая и длинная накидка с прорезями для рук или небольшими рукавами.
Спорок — ветхая или поношенная и споротая покрывка с шубы, салопа, споротый с чего верх.
Фалбала (фалбора) — бористая оборка.
Фуфайка — короткая и теплая поддевка.
Шимис — рубашка.
Шлафор — халат.

Мех

Барсовый — пятнистый, пестрый, наподобие шкуры барса.
Завойчатый мех — мех из завойков набранный. Завойка — задняя часть шеи, а также часть шкуры меха с этого места.
Хвостовая белка — беличьи шкурки с пушьяками.

Обувь

Подфарты (ботфорты) — нарядные сапоги со стоячими голенищами.
Сапоги каневого (тканевого) товару — сапоги из ластика, прынели, парусины, плиса.
Шпенек — язычок пряжки, задерживающий продернутый ремень или тесьму.

Мебель

Зонтик для камина — экран возле камина для защиты от его жара; рама на ножках, обтянутая плотно расшитой тканью.
Цка (дска) — доска.

Светильники

Зонтик с двумя подсвечниками медными — навес, козырек разного вида на лампу, свечу.
Статуя лебастренная (алебастровая) вызолоченная с четырьмя подсвечниками — жирандоль или канделябр.

Посуда

Доска филейная — разделочная доска.
Котел-передача — лоханка для кухни.
Куб — перегонный сосуд, снаряд для перегонки жидкостей, особенно винных.
Кубик — бочка для воды.
Иготь — ступка.

Продукты

Капуста рубленая серая — квашеная капуста из верхних листьев кочана (для «людей»).

Мелис — дешевый сахар из белой патоки, продукт с не доведенной до конца переработкой.

Мука крупчатная (крупитчатая) — лучшая пшеничная белая самого тонкого размола, кошельная, т. е. пробитая на мельнице в частое сито.

Мука ситная — чаще ржаная, битая сквозь сито.

Свежина — убоина, свежее мясо.

Соль бузун — елтонская, озерная самосадочная соль, садится сама в сухмень, с крымских и астраханских озер.

Вина

Бишив (бишоф, бишов, бишон) — настойка виноградного вина на померанцах.

Бургонское (бургундское) — французское вино, которое получается с виноградников департамента Кот д'Ор.

Буржирак (Ле Бержерак) — название разновидности французского красного или белого вина, изготовляемого в районе Перигор.

Венгерское — токайское, известное в России с XVII в. десертное ликерное вино из области Токай в Австро-Венгрии.
Виндираф (виндерж) — французское красное столовое вино.
Мадера — крепкое виноградное вино.
Дремондера (драймадера) — сухая мадера.
Малага — ликерное вино из винограда, выращенного в Малаге (Испания).
Медок — красное бордоское вино из района Медок.
Фронтеньян (фронтинан) — мускатное вино (de Frontignan).
Шатомарго — бордоское крепленое красное вино (Ле Шато Марго).

Масти и породы лошадей

Буланый — светло-желтый, с черной гривой и хвостом.
Вороной — сплошь черный.
Гнедой — темно-рыжий, со светлой гривой и хвостом.
Гнедой дапель (допель) — лошадь эзельской или обвинской породы.
Игрневый — рыжий, со светлой гривой и хвостом.
Саврасый — темно-желтый, с черной гривой и хвостом.
Салово-пегий — в желтоватых крупных пятнах.
Саловый — желтоватый, со светлым хвостом и гривой.
Чалый — серый с примесью другой шерсти.
Чубарый — с темными пятнами на светлой шерсти, с пятнами другой шерсти, грива и хвост черные.

Упряжь

Муштук (мундштук) — прибор для взнуздания лошадей.
Чепрак — суконная, меховая, ковровая подстилка под седло, сверх потника.
Чересседельник — ремень, держащий оглобли на седёлке.
Шоры — конские наглазники для пугливых лошадей.

Экипажи

Дормез — карета со спальными местами.
Дрожки — экипаж, кузов которого укреплялся на длинных продольных брусках, так называемых дрогах.
Карета — экипаж с полностью закрытым кузовом, с обязательными рессорами.
Коляска — экипаж с открытым кузовом с откидным верхом.
Линейка — простые длинные дрожки, с доской для сиденья боком или верхом.
Таратайка — двухколесный рессорный экипаж с высоким сидением.

Предметы хозяйственного назначения

Белая жечь — вылуженное сплошь и с обеих сторон оловом листовое железо.
Гвозди:
троетес — тысяча на полтора или два пуда,
двоетес — тысяча на пуд,
однотес — тысяча на ½ пуда (полупудник);
лубенные (лубочные) — тысяча на два фунта.

Дорожечек (дорожник) — рубанок, похожий на шербель для дороженья теса и карнизов, плотничий струг, наструг.

Железо листовое — сортовое железо.

Железо полосное — железо прямо из-под кричного молота, оно бывает широкое, узкое, круглое, брусковое.

Железо шинное — сортовое железо, оно перековано.

Зеленая медь — медь в сплаве с цинком.

Клей мездринский — животный клей, вываренный из копыт, рогов, обрезков шкур.

Краски:

мулия (мелия) — белая,

вохра — желтая земляная краска,

сурик — свинцовая красная окись, идущая на краску.

Предметы, вышедшие из употребления

Аплике — вещь из простого металла, густо посеребренная или одетая серебряным листом, накладное серебро.

Кошелек — сетка, мешочек для волос или косы, такой кошелек в XVIII в. был частью мужского головного убора.

Органчик — инструмент для обучения певчих птиц.

Разное

Бродник — небольшой неводок, который люди, идучи бродом, тянут за собой на клячах, на двух шестах стойком.

Кинарекшное (канареечное) семя — колосистая трава *Phalaris canariensis*, семя, которое идет на корм канарейкам.

Понебник — крыша, навесец.

Постав — каждая пара жерновов.

Талька — моток ниток.

Темляк — тесьма с кистью.

**КОПИЯ С РЕЗОЛЮЦИИ
ТУЛЬСКОГО ДВОРЯНСКОГО СОБРАНИЯ
по рассмотрению прошения С. Н. Тургенева
о внесении жены и детей в 4-ю часть родословной книги
Тульской губернии, выданная на имя С. С. Тургенева
(1832)**

Публикация Л. Д. Затуловской

Данный документ хранится в Орловском объединенном государственном литературном музее И. С. Тургенева (№ 284 оф.). Он поступил в музей в 1918 году от наследницы Тургенева, О. В. Галаховой (урожд. Шеншина), и представляет собой писарскую копию на двух листах тканевой гербовой бумаги русского производства с гербовым гравированным штампом в верхнем правом углу достоинством в 1 рубль и гербовыми же водяными знаками (в центре листа изображение двуглавого орла, над и под которым надписи: «Гербовая бумага» и «1 рубль» соответственно). Листы исписаны с обеих сторон ореховыми чернилами, текст заверен подписями и скреплен красной сургучной печатью Тульского депутатского дворянского собрания.

Документ ранее привлекался в исследованиях.¹

Первая часть резолюции, в соответствии с правилами составления юридических бумаг, цитирует решение Тульского дворянского депутатского собрания от 15 мая 1810 года по прошению Николая Алексеевича Тургенева о внесении его с родом в Тульскую родословную книгу. Именно в этой части резолюции приводятся перечень и подробное содержание представленных в качестве доказательства родовых документов, на основании которых род Тургеневых был

---

¹ См., например: *Португалов М. В.* Краткий путеводитель по тургеневскому музею. Орел, 1921. С. 13; *Понятовский А. И.* Предки И. С. Тургенева // *Т Сб.* Вып. 5. С. 345–346; и др.

внесен в 4-ю часть родословной книги, а также перечень законов и правил, на которые опиралось решение Дворянского собрания.

Вторая часть документа собственно и есть резолюция по прошению Сергея Николаевича Тургенева о внесении членов его семьи (сыновей и жены) в ту же 4-ю часть Тульской родословной книги. В этой части рассмотрено имущественное состояние С. Н. Тургенева на момент составления документа. Среди тургеньевских родовых имений фигурирует и приданое, полученное за Варварой Петровной, урожденной Лутовиновой, а также имеется перечень и подробное содержание личных документов Сергея Николаевича, касающихся его дворянского происхождения, военной службы и семейного положения.

Данная копия выдана, согласно резолюции собрания, для младшего сына Тургеньевых — Сергея.

Текст публикуется в современном написании, с сохранением некоторых орфографических и пунктуационных особенностей подлинника.

1810-го года мая 15-го дня, по силе высочайше пожалованной 1785-го апреля 21-го и всемилостивейшим его императорского величества указом 1801-го годов апреля 2-го числ утвержденной дворянству Грамоты,¹ Тульской губернии губернский предводитель дворянства и уездные дворянские депутаты в Тульском дворянском депутатском собрании слушав дело, наченшееся сего года марта 14-го по прошению из дворян лейб-гвардии отставного прапорщика Николая Алексеева сына Тургенева, и рассматривая доказательств о дворянстве, при котором он Тургенев, во исполнение высочайше дарованной и всемилостивейшим манифестом утвержденной на права и преимущества благородному российскому дворянству Грамоты, представил данные: 1-е вынесенную им 1796-го сентября 3-го Правительствующего Сената от герольдмейстерских дел из Разрядного архива 1801-го марта 19-го из Вотчинного департамента за подписанием присутствующих и за печатями с справок о предках, о службах их и о состоящем за ними имении копии, в коих значит по герольдмейстерской, что предок его начальный Мурза Лев Тургенев во время княжения великого князя Василья Ивановича Темного выехал в Московское Государство из Золотой Орды и крестился в царствующем граде Москве, и во святом крещении наречено ему имя Иоанн; 2-е жалованную от великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея великия и малыя и белыя России самодержцев, в 7203/1694² году ноября 17-го пращуру его двоюродному Василью Федорову сыну Тургеневу за службы предков, отца его и его для вечного с польским королем учиненного в Андрусове³ 175-го года постановления и милостиво похвальную в роды и роды с поместного его окладу из его поместья в вотчину грамоту; 3-е деду его родному Роману Симеонову сыну Тургеневу на чины 1733-го апреля 14-го полковничий, 1739-го декабря 11-го

**РОДОСЛОВНАЯ КНИГА
КНЯЗЕЙ и ДВОРЯНЪ
РОССІЙСКИХЪ и ВЫБЪЖИХЪ,**

Содержащая въ себѣ:

1.) Родословную Книгу, собранную и сочиненную
въ Розрядѣ при Царѣ *Теодорѣ Алексѣевичѣ* и по
временамъ дополняемую, и которая извѣ-
стна подѣ названіемъ

БАРХАТНОЙ КНИГИ;

2.) Роспись алфавитную тѣмъ фамиліямъ, ошѣ кото-
рыхъ Родословныя росписи въ Розрядѣ поданы, съ по-
казаніемъ, откуда тѣ роды произошли, или выѣхали,
или о которыхъ извѣстія нѣшѣ; также, какіе роды
ошѣ тѣхъ родовъ произошли, по какимъ случаямъ
именія свои приняли, и наконецъ подѣ какими
Но тѣ Родословныя находящаея въ Розрядномъ

Архивѣ;

3.) Роспись, въ которой выѣжіе роды показаны всѣ
вмѣстѣ по мѣстамъ ихъ выѣзда, и

4.) Роспись алфавитную, служащую вмѣсто оглавленія,
въ которой показаны всѣ фамиліи, содержащіяся
въ обѣихъ частяхъ сея книги, число крош-
ныхъ проспирается до 930;

Изданная

По самовѣрнѣйшимъ спискамъ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова
съ указнаго дозволенія.

1787.

«Родословная книга князей и дворян российских и выезжих...»

(«Бархатная книга») (М., 1787. Ч. I). Титульный лист.

Из Мемориальной библиотеки Тургенева

бригадирский за собственноручным блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны подписанием патенты; 4-е родителю его Алексею Романову сыну Тургеневу на чины ж подпоручичий 1737-го февраля 7-го из государственной Военной коллегии патент, на капитанский, секунд- и премьер-майорский и подполковничий из той же коллегии за подписанием чинов 1753-го июня 31-го указ, на коллежского советника 1763-го июня 3-го за собственноручным блаженной и вечно достойной памяти государыни императрицы Екатерины вторья подписанием патент, статского советника 1772-го марта 8-го из государственной Ревизион-коллегии аттестат; 5-е ему Николаю Алексею сыну Тургеневу на нынешний его чин и об отставке от службы 1780-го октября 31-го за собственным ее величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны подписанием абшид,⁴ и 1801-го годов генваря 11-го из Мценского уездного суда, а марта 15-го числ из Вотчинного департамента на утверждаемые родителем и родительницею сестре его родной и ему в вечное владение их имени за скрепою присутствующих и с приложением печатей копии; 6-е какой издревле у предков его употреблялся и ныне по нисходящей линии в роде их употребляется герб, и наконец, 7-е поколенную роду его роспись; просил доказательствы принять и, рассмотря оные, постановя решение, внести его, как с вышеписанным начальным от предка его Мурзы Льва, а во крещении Иоанна, так и от него происходящим родом, в дворянскую родословную Тульской губернии книгу, в которую часть следовать будет, и во свидетельство оног снабдить его грамотою, и для получения на дворянство его герб куда следует представить, почему и деньги 30 с. р. за герб при том взнес; в представленном же от него просителя г. Тургенева при рапорте списке, сочиненном по форме, в высочайшей Грамоте изображенной, показано: дворянин Николай Алексеев сын Тургенев ...⁵ лет, женат на дворянке покойного поручика Петра Петровича Апухтина дочери Елисавете, у него дети: сыновья Алексей 18, Сергей 16, Николай 14, Дмитрий 9, Петр 5, дочери Екатерина 29, в замужестве за прапорщиком Александр Алексеевым сыном Веневитиновым, девицы Прасковья 20, Федосья 11 лет, во владении за ним отданных ему в наследие по даручному челобитью от родительницы его действительной статской советницы Прасковьи Михайловны Тургеневой Чернской округи в селе Тургенева мужеска 95, женска 100; в деревне Кривецкой Поганцово тож мужеска 112, женска 120 да покупных им в той же деревне мужеска 40, женска 45; Богородицкой округи в сельце Большом Суходоле мужеска 120, женска 125; в приданое за женою его полученных Орловской губернии Болховской округи в сельце Михневе мужеска 120, женска 126; Калужской губернии Мещовской округи в сельце Карцове мужеска 150, женска 160, Серпейской округи в селе Никитском мужеска 10, женска 12; Ярославской губернии в деревнях Учинжи, Заболотье, Прокуни<но?>, Нашуклиндини <Щуплондиво?> и Барашевой мужеска 90, женска 96; да доставшихся ему по наследству

от покойной вдовствующей сестры его бригадирши Екатерины Алексеевны Стремоуховой родового имения, состоящего Орловской губернии Карачевской округи в селе Сергиевском Юшково тож, мужеска 205, женска 215; да дошедших ей покойной сестре его по смерти мужа ее бригадира Михайлы Андреяновича Стремоухова на указанную часть Слободско-Украинской губернии Серпейской округи в селе Богодарове мужеска 135, женска 139; а всего во всех селлах и деревнях мужеска 1090, женска полов 1138 душ. Жительство имеет Чернской округи в селе Тургеневе лейб-гвардии прапорщик в отставке по выбору от дворянства Чернской округи дворянским предводителем. А в высочайше пожалованной 1785-го года апреля 21-го дня дворянству Грамоте в статьях изображено: 66-й возобновляем повеления блаженной памяти предков наших, изданные по уничтожении (согласном с прошением о том самих дворян) вредного государству местничества, и снова повелеваем предбудущим родам на память: во всякой губернии составить дворянскую родословную книгу, в коей вписать дворянство той губернии, дабы доставить каждому благородному дворянскому роду тем наипаче способие продолжать свое достоинство и название наследственно, в поколение, непрерывно, непоколебимо и невредимо от отца к сыну, внуку, правнуку и законному потомству, пока Богу угодно продлить им наследие; 68-й в дворянскую родословную книгу в наместничестве внести имя и прозвание всякого дворянина, в той губернии именем недвижимым владеющего и дворянство свое доказательствами утвердить могущего; 75-й губернский предводитель дворянства того наместничества обще с выбранными уездными депутатами из списков уездных предводителей дворянства составит дворянскую родословную книгу той губернии; 80-й в 4-ю часть родословной книги внесут все иностранные роды по алфавиту. Толкование: иностранные роды не иные суть, как те, кои в российское подданство вступили и о коих упомянуто в указах 195-го года о пополнении разрядной родословной книги, повелевая, чтоб таковые царские, владетельные, княжеские и иные выезджие честные роды вносить в особую часть родословной книги; 84-й всякий благородный род представить имеет доказательства своего достоинства или в подлиннике, или засвидетельствованною копиею; 85-й во 2-м отделении буде же при рассмотрении доказательств единогласно или две трети голосов находят доказательства достаточными, тогда тот род внесут в родословную книгу наместничества и дадут тому роду грамоту за своим подписанием и с приложением печати дворянского собрания той губернии; 92-й доказательствами неопровергаемыми благородства да будут в пунктах: 3-м патенты на чины, к коим присвоено дворянское достоинство; 5-м доказательства чрез жалованные или похвальные грамоты; 7-м верстанье⁶ по дворянской службе поместьями; 8-м указы или грамоты на пожалование из поместья вотчинами; 11-м доказательства о дворянской службе предков; 14-м доказательства, что отец и дед владели деревнями; 15-м доказательства

поколенные и наследственные, восходящие сыну от отца, деда, прадеда и так выше, сколько показать могут или пожелают, чтоб быть внесены в которую часть родословной книги с их родом, и под оными изъяснено: указы, в коих доказательство о дворянстве. А именным его императорского величества высочайшим и состоявшимся 1797-го года генваря 20 дня указом повелено составить общий дворянский гербовник в Герольдии под наблюдением генерал-прокурора и в первом отделении поместить все фамилии по старшинству родов, начиная с князей, графов, потом баронов и дворян со времени соединения поместья с вотчинами. ПРИКАЗАЛИ: как из вышеозначенных на основании высочайшей Грамоты 84-й статьи представленных доказательств явствует просителя гвардии прапорщика Николая Алексеева сына Тургенева, в справках, выясненных им 1796 сентября 30-го Правительствующего Сената от герольдмейстерских дел, из Разрядного архива 1801-го годов марта 19-го числ из Вотчинного департамента за подписанием присутствующих, предки его значут: 1-е что предок его первоначальный Мурза Лев Тургенев во время княжения великого князя Василья Ивановича Темного выехал в Московское Государство из Золотой Орды и крестился в царствующем граде Москве, и во святом крещении наречено ему имя Иоанн; 2-е происходящие от него в России по линии предки ж его Иван Иванов, Лев Иванов, Дмитрий Львов, Василий Дмитриев, Никита Васильев дети Тургеневы, в каких службах и чинах находились и чем от великих государей жалованы, в доказательствах не видно; 3-е прапращуры его: первый Петр Никитин сын <Тургенев>, в царствующем граде Москве был первострадалец, обличил вора, еретика и расстригу Гришку Атрепьева, за что от него и мучен разными пытками и казнен смертию, о чем свидетельствует Соборная апостольская церковь; 2-й Григорий Никитин сын <Тургенев> служил по выбору дворянином, и написано во 130-м по разбору боярина Бориса Михайловича Салтыкова в воротынской десятина старым и увечным, а во 137-м годах по Москве в боярской книге, где над именем его отмечено умре, верстан он был окладом поместным 700 четвертей, поместье за ним в Воротынске 150 четвертей пусто<ши>, на Кинешме 181 четверть, в нем 5 человек крестьян и семь бобылей; 3-й Борис, 4-й Иван, 5-й Василий Никитины дети Тургеневы, в каких чинах служили и чем от великих государей жалованы, в тех архивных справках не значится; 4-е прапращур его Федор Васильев сын Тургенев служил дворянином по выбору и состоял 130-го по разбору боярина Бориса Михайловича Салтыкова в воротынской десятина, 135-го по Москве в боярской книге в числе выбранных из городов, 142-го годов по разбору князей Федора Семеновича Куракина и Федора Федоровича Волконского в воротынской десятина в первой статье для государевы службы на коне с пищалью и с саблею и был на службе под Смоленском, отколь по отходе окольного князя Семена Васильевича Прозоровскаго в большой обоз отпущен был в дом для того, что люди его побиты,

а прочие в полон литовскими людьми взяты, во 143-м году был он воеводою в Серпейску, верстан он окладом поместным 1100 четвертей, денег 17 с. р., а за вышеписанную смоленскую службу дано ему жалованья 25 с. р., поместья за ним состояло в Воротынске 297 четвертей с осьминою, вотчины 90 четвертей, поместья ж в Шацке 40, в Рязани 10 четвертей, а по писцовым книгам 134-го и 135-го годов написано за ним поместья в Воротынском уезде, в пустошах, что была деревня Совьян, и Кузьмищеве 150 четвертей, которое во 189-м году июня 29-го дня дано сыну его Якову Тургеневу; 5-е пращурь: 1-й родной Осип Федоров сын Тургенев служил великому государю со 150-го года, а во 170-м отпущен и во 171-м годах был в Орле воеводою, оклад ему поместный во 150-м году написан 300 четвертей, и состояло за ним поместья по даче того ж 150-го года Воротынского уезду в Говейнском стану половина сельца Хмелевого 66 четвертей да за ним же написанного в том 150-м году по разделу Ивана Юрьева сына Тургенева, что было за предком его Афонасьем Дмитриевым сыном Тургеневым по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича 122-го года жалованной за Московское осадное при царе Василье Ивановиче сиденье грамоте и по писцовым 134-го и 135-го годов книгам вотчинного имени Воротынского уезду в полсельце Хмелевом, на речке на Хмелевой, усть<е> речки Козловки полпочинка,⁷ Соболева жеребей пустоши Лысковы полпустоши, что была деревня Подсосенье полпустоши, что была деревня Ескова жеребей пустоши Усторони 166 четвертей; 2-й Степан Федоров сын Тургенев, чем служил и жалован, в доказательствах не видно; 3-й Василий Федоров сын Тургенев со 180-го служил по жилецким спискам жильцом,⁸ во 192-м и 193-м годах был воеводою в Орле, со 194-го года состоял по Москве в боярской книге дворянином и был в походах, во 186-м и 187-м Чигиринском,⁹ во 191-м Троицком, во 195-м годах Крымском, за которые службы и для объявления великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича 183-го и за замирение с польским королем 194-го годов верстан он во 180-м, 183-м, 184-м, 191-м, 194-м и 195-м годах окладом с придачами поместным 1250 четвертей, денег 110 с. р. с полтиною, а в жалованной великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея России самодержцев, грамоте, данной ему Василью в 7203/1694 году ноября 17 дня, изображено, что они, великие государи, для вечного миру с польским королем и за службы предков отца его и его, которые службы и ратоборство, и храбрость, и мужественное ополчение, и крови, и смерти предки и отец его, и сродники, и он показали в прешедшую войну в коруне польской и в великом княжестве Литовском до перимирного в Андрусове постановления 175-го года, пожаловали его Василья Тургенева, похваляя милостиво ту их службу и промыслы и храбрость в роды и роды, с поместного его оклада с 1000 четвертей со 100 по 20 из его поместья в вотчину в Воротынском уезде в Говейнском стану в деревнях Колышеве и Поповке 176 четвер-

тей с осьминою; 4-й Яков Федоров сын Тургенев со 179-го года служил по жилецкому списку жильцом, верстан окладом поместным 750 четвертей, денег 39 с. р., а во 189-м году июля 29-го дня дано ему отца его Федора Тургенева поместье в Воротыньском уезде в пустошах Совьяне и Кузьмищеве 150 четвертей, из которого он в 190-м году октября 13-го дня променил прадеду его просителя Николая Семену Осипову сыну Тургеньеву 55 четвертей; 5-й Андрей Федоров сын Тургенев со 180-го года служил по жилецкому списку в жильцах, а во 194-м и 195-м годах был воеводою в Мосальску и был в походах во 185-м и 186-м Путивльском, во 184-м Киевском, во 191-м Троицком-Сергиеве, за которые службы и для объявления великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича 183-го и за замирение с польским королем 194-го годов, во 180-м, 183-м, 186-м, 187-м, 191-м и 194-м годах верстан окладом с придачами поместным 1180 четвертей, денег 102 с. р. с полтиною и во 194-м году написан он по Москве в боярской книге дворянином; 6-е прадед его просителя родной Семен Осипов сын Тургенев со 183-го служил по жилецкому ж списку жильцом, а со 194-го году по Москве в боярской книге написан стольником и был в походах во 187-м и 188-м Путивльском, во 195-м Крымском и во 197-м годах другом Крымском же, за которые службы и для объявления блаженной памяти великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича 183-го и за замирение с польским королем 194-го годов верстан он в 183-м, 188-м, 194-м, 195-м и 197-м годах окладом с придачами поместным 1040 четвертей, денег 94 с. р. с полтиною, а во 198-м году генваря 12-го дня учинен ему оклад вновь поместный 600 четвертей, денег 30 с. р., и состояло за ним Семеном поместье по дачам 185-го, что ему дано из прописных и обводных земель Воротыньского уезду в Говейнском стану пустошь Избенки, на которую во 186-м годах декабря дня дана ему ввозная грамота, 189-го года что ему дано из состоящего по писцовым книгам 134-го и 135-го годов за Афонасьем и Булыкlichem Дмитриевыми детьми Тургеньевыми в пустоши Устороня из 87-ми 10 четвертей завещанного им во 190-м году октября 31-го дня у дяди Якова Федорова сына Тургенева в пустошах Совьяне и Кузьмищеве 55 четвертей; 7-е дед Роман Семенов сын Тургенев с 208-го года служил по жилецкому списку с царедворцами, в 704-м написан лейб-гвардии в Преображенский полк в солдаты, потом переведен был в Драгунский Шереметева шквудрон и был драгуном и унтер-офицером, а в 705-м произведен в прапорщики, в 708-м в поручики, в 709-м переведен в лейб-шквудрон тем же чином в ранг и трактамент¹⁰ капитана,¹¹ в 715-м по именному его императорского величества указу пожалован ротмистром в ранг и трактамент премьер-майорский, в 722-м определен в полевые полки премьер-майором, в 726-м произведен в подполковники и определен к кавалергардам в капралы, в 731-м по именному ее императорского величества указу пожалован в полковники, в 736-м определен в походный комиссариат обер-кригс-комиссаром и служа

был во многих воинских походах на акциях и баталиях, где и ранен в левое плечо, и в 739-м годах ноября 2-го дня по высочайшему указу за слабостию его здоровья от воинской и штатской службы с награждением бригадирского чина отставлен, и за ним состояло недвижимое имение в поместьях Медынского уезду в сельце Большом Дорохове, в деревнях Потаповой, Озернах, Карачевского уезда в селе Сергиевском Юшково тож, Мещовского уезду в деревнях Гладкой, Огибаловой, Веребье, сельце Барыбине, Малоярославского уезда в сельце Белях, Саратовского уезду в жеребью села Архангельского, которое он в 753-м году поступил и допросом в Вотчинной коллегии утвердил детям своим, а его просителя Николая родителю Алексею и дяде родному адъютанту Дмитрию Тургеневым, и ими того ж года августа 18-го числа между собою разделено по частям; 8-й и вышеозначенный родитель его Алексей Романов сын Тургенев в службу вступил в 730-м мая 1-го и служил сначала при дворе блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны пажом, в 1737-м генваря 27-го пожалован подпоручиком и по именному указу выпущен в Углицкий пехотный полк в поручики и, служа во оном, был на войнах в Ачаковском походе, из которого отправлен был ко двору курьером и будучи в атаке от Ачакова взят в полон, причем ранен в шею и в ногу, где находился по самое заключение с Портою Оттоманскою¹² мира, а в 740-м по освобождении от оногo вступил в Рязанский драгунской полк в капитаны и в том же году в Архангелогородский в секунд-майоры, в 749-м в тот же полк в премьер-майоры, и во время последней шведской войны был при взятъе города Вильманстранда и в других случающихся тогда командах и партиях безотлучно, в 750-м июля 31-го по определению Военной коллегии для излечения имеющихся у него болезни отпущен в дом его по генварь месяц 751-го года, потом оногo генваря 24 дня по определению той коллегии обще с собранным генералитетом за полное в турецкую войну терпение награжден подполковничьим чином и для рекреации¹³ отпущен в дом на два года, а в 753-м году февраля 12-го по свидетельствам Медицинской коллегии и Военной коллегии за слабозрением глазом и другими болезнями уволен в отставку и при том показаны у него дети оный Николай 4-х лет, Михайла году, в поместьях Воротынского, Мещовского и Медынского уездов мужеска полу 300 душ, потом служил он Алексей Тургенев в государственной Ревизион-коллегии, в 760-м августа 16-го пожалован коллежским советником, в 767-м сентября 27 статским советником, в 772-м годах июня 18 числ за совершенною слабостию его здоровья по именному высочайшему указу с награждением чина действительного статского советника от всех дел вовсе отставлен; 9-е он проситель Николай Тургенев в военную службу вступил в 766-м в артиллерию, в 773-м переведен лейб-гвардии в Семеновский полк в фурьеры, а 777-го генваря с 1-го сержантом, а в 780-м годах генваря 1-го числ от военной службы отставлен вовсе на свое пропитание с награждением прапорщи-

чьего чина; 10-е а что из вышеписанного дедовского имени родитель его в 1775-м, село Сергиевское Юшково тож отдела, прошением и допросом в Вотчинной коллегии утвердил сестре его девице, которая потом была вдовствующая бригадирша и умре, Екатерине Стремоуховой и остальным предоставил по смерти своей владеть ему Николаю, и он владев вышеписанными селцом Белями и деревнею Озерною, продал их без остатку, а имеет ныне во владении своем Чернской округи в бывшем прежде селце Вязовне, а ныне селе Тургенева, в деревне Поганцовой Кривецкое тож Епифанского уезда, в селце Большом Суходоле, которым имением в 1800-м году поступилась ему родительница статская советница Прасковья Тургенева и того ж года декабря 20 дня во Мценском уездном суде допросом подтвердила, о чем именно свидетельствуют о утверждении за сестру и за него того имени данные ему 1801 года генваря 11-го из Мценского уездного суда, а марта 15-го числ из Вотчинного департамента с справок копии, а к тому да и по списку, представленному от него, по форме сочиненному при рапорте об оном имении, показано, в котором он жительство имеет и находится ныне по выбору благородного общества Чернским уездным дворянским предводителем; почему соображаясь с постановленными высочайше пожалованной дворянству Грамоте правилами, означенные выше сего доказательствы признаны собранием на дворянство достаточными и означающими везде первоначального предка происшедшего рода Тургеневых службою подтвержденного и для того согласно объявленной высочайшей Грамоты 68-й, 80-й и 92-й статьей 15-го отделения внести его просителя г. гвардии прапорщика Николая Алексея сына Тургенева с родом и со означением имени, так как в списке показано, в дворянскую родословную Тульской губернии книгу в 4-ю ее часть, для выезжего дворянства установленную, и во свидетельство того внесения дать ему, по 85-й статье высочайшей Грамоты, за надлежащим подписанием и с приложением Дворянского собрания печати грамоту. А на сим его императорского величества именного высочайшего повеления доказательствы с поколенною росписью и с производством по ним дела, ровно и внесенные от просителя гвардии прапорщика Николая Тургенева за герб деньги 30 с. р. и употребляемый в роде их герб препроводить при представлении Правительствующего Сената в Герольдию к составлению дворянских родов гербовника, а объявление с производством и с доказательств копиями хранить в архиве сего собрания с прочими. Подлинный за подписанием господ присутствующих и за скрепою секретаря дворянства Ивлева.

1832-го года июля 2-го дня в Журнале Тульского дворянского депутатского собрания записано.

Прошение уволенного от службы полковника Сергея Николаева сына Тургенева, в коем изъясняет, что по доказательствам о дворянстве 1810-го года при родителе его лейб-гвардии прапорщике Николае Алексеевиче Тургенева

в дворянскую родословную Тульской губернии книгу в 4-ю часть внесен, бывши тогда малолетным еще, а потом, находясь в службе, вступил в законный брак с дворянскою дочерью Варварою Петровою урожденною Лутвиною, с которою и прижил детей сыновей Николая, Ивана и Сергея, которые в ту родословную книгу по неподаче от него просьбы не внесены; почему представя о службе и увольнении его от оной данный ему указ, а о законности рождения означенных сыновей метрические свидетельства, имения ж ныне состоит за ним по отделу родителем Чернского уезду в селе Тургенева мужеска 150 да за женою его приданственных ей в Тульской и Орловской губерниях мужеска пола 2000 душ; просит означенных жену и детей его внести в ту же дворянскую родословную книгу и об оном внесении выдать сыновьям порознь на поступление в службу с протокола копии, а подлинные документы возвратить ему обратно. А по справке в сем собрании оказалось: по представленным от означенного гвардии прапорщика Николая Алексея сына Тургенева 1810-го года марта 14-го дня о дворянстве с поколенною росписью доказательством и по рассмотрению оных признанным на основании высочайшей Грамоты 80-й статьи достаточными внесен он Тургенов с родом его в дворянскую родословную сей губернии книгу в 4-ю ее часть и об оном внесении грамота ему выдана, а при нем в числе детей его и показанный сын Сергей 16 тогда лет показан, коему на определение в службу выдано было о том дворянстве того ж 1810-го года марта 16-го дня под № 34-м свидетельство; в представленных же ныне от него просителя Сергея Тургенева, как то указе, данном ему 1822-го года марта 10-го под № 166-м за подписанием генерал от инфантерии главнокомандующего 1-ю армиею Государственного Совета чина и разных орденов кавалера графа Сакена изъяснено, что он полковник Сергей Николаев сын Тургенов 26 лет из дворян, в службу вступил юнкером 1810-го года апреля 24-го лейб-гвардии в Кавалергардский полк, в коем происходил эстандарт-юнкером¹⁴ 1811-го июня 27-го, корнетом 1812-го октября 21-го, поручиком¹⁵ 1813-го сентября 23-го, штабс-ротмистром 1817-го августа 9-го, ротмистром 1818-го июля 6-го, переведен подполковником в Екатеринославский кирасирский полк 1819-го октября 20-го, находился в походах и сражениях против французских войск в 1812-м году, за отличие награжден знаком военного ордена Св. Георгия под № 16461-м и имеет за участие в кампании 1812 года Серебряную медаль на голубой ленте, в штрафах и под судом не бывал. Женат на Варваре Петровой дочери, к повышению аттестован достойным; а 1821-го года февраля в 20-й день по высочайшему его императорского величества приказу уволен от службы по домашним обстоятельствам полковником; в метрических же свидетельствах, выданных ему 3-го июня сего 1832-го года из Орловской духовной консистории, показано, что у него Сергея Тургенева от жены Варвары Петровой родились сыновья Николай 1816-го ноября 4-го, Иван 1818-го октября 28-го и в свидетельстве ж, 18-го декабря

С. Н. Тургенев. Портрет неизв. художника.
1812–1813 гг. (?)

1823-го под № 3-м в городе Орле выданном за подписанием Екатеринославского кирасирского полка протоиерея Алексея Каришева, что сын его полковника Сергея Тургенева Сергей родился 1821-го годов марта 18-го числ. ПРИКАЗАЛИ: Прощение с указом, свидетельствами принять и согласно указа 1800 года августа 1-го дня Правительствующего Сената вышеписанных просителя г. полковника Сергея Тургенева жену и детей трех сыновей в дворянскую родословную книгу в ту же 4-ю ее часть внести, в которую и сам он при отце своем внесенным состоит, и выдать сыновьям Николаю, Ивану, Сергею на показанную надобность, как с определения 1810-го года, так и с сего заключения копии за надлежащим подписанием и с приложением печати; с указа ж и свидетельств оставя при деле копии, подлинные возвратить с распискою, прошение ж приобщить к делу. Подлинный за под-

писанием господ присутствующих и за скрепою секретаря дворянства Александра Федорова.

Дана сия копия из Тульского дворянского депутатского собрания полковника Сергея Николаева сына Тургенева сыну малолетнему Сергею Тургеневу по силе, учиненной в сем собрании на поданное от оногo родителя его прошение резолюции.

Июля 11-го дня 1832-го года.

За губернского тульский предводитель дворянства Соковнин¹⁶
и кавалер Федоров.

№ 243 по исходящей

С подлинным читал титулярный советник Иван Елисеев.

¹ *Жалованная грамота дворянству* была впервые утверждена Екатериной II 21 апреля 1785 г. и представляла собой свод привилегий, которые императрица пожаловала дворянам, подтвердив основные положения Манифеста о вольности дворянства 1762 г. Впоследствии Павел I отменил некоторые статьи Жалованной грамоты: вернул телесные наказания, отменил губернские дворянские собрания и др., но Александр I указом от 2 апреля 1801 г. («Грамота на права, вольности и преимуществ благородного российского дворянства») их восстановил. Жалованная грамота оставалась действующим законом до 1917 г. Согласно Грамоте, дворяне, владевшие в губернии недвижимым имуществом, подлежали записи в родословные книги этой губернии, которые осуществлялись лишь по ходатайствам этих дворян. Каждый дворянин, в особенности не служащий, должен был записываться в родословную книгу той губернии, где он имел постоянное место жительства. При этом дворяне, доказавшие свое дворянство по предкам, но не имевшие нигде никакой недвижимости, вносились в книгу той губернии, где предки их владели имением. Получившие дворянство по чину или ордену могли вноситься в книгу той губернии, где они пожелают, независимо от наличия у них там недвижимости. Родословная книга разделялась на шесть частей: в четвертую часть вносились все иностранные роды. Родословные книги составлялись в каждой губернии депутатским собранием совместно с губернским предводителем дворянства. Уездные же предводители дворянства составляли алфавитные списки дворянских родов своего уезда с указанием о каждом дворянине имени и фамилии, сведений о браке, жене, детях, недвижимости, месте жительства, чине, нахождении на службе или в отставке. Эти списки представлялись за подписью уездного предводителя дворянства губернскому. На этих списках основывалось депутатское собрание при внесении в родословную книгу каждого рода, причем решение о таком внесении должно было основываться на неопровержимых доказательствах.

² Использована хронология по византийскому (от сотворения мира) и по европейскому (от Рождества Христова) календарям. Изменение старого летоисчисления было закреплено указом Петра I от 20 декабря 7208 г. (1699 г.): вслед за 3 декабря 7208 г. от сотворения мира наступило 1 января 1700 г. от Рождества Христова. При этом разрешалось послабление: «А буде кто захочет писать оба те лета, от сотворения мира и от Рождества Христова, сряду свободно».

³ *Андрусовское перемирие* — соглашение, заключенное в 1667 г. между Россией и Речью Посполитой и завершившее активную фазу русско-польской войны 1654–1667 гг. за территории современной Украины и Белоруссии.

⁴ *Абшид* (от нем. Abschied) — отставка, увольнение со службы.

⁵ В документе перед словом «лет» пропуск. Возраст Н. А. Тургенева возможно установить по году его рождения — 1749 (ум. в 1833; погребен на Донском кладбище). Поскольку месяц его рождения неизвестен, на момент составления документа ему было 60 или 61 год.

⁶ *Верстание* — в XVI–XVII вв. зачисление дворян, детей боярских и городовых казаков на военную службу с одновременным назначением земельного надела (поместья) и денежного жалованья.

⁷ *Починок* — 1) расчищенное под пашню место в лесу; 2) выселок, небольшой новый поселок.

⁸ *Жильцы* — один из разрядов служилого чина в Царстве Русском. Жильцы располагались только в Москве (Жилецкие списки). В других городах их не было. Некоторое количество детей дворян, детей боярских, стряпчих и стольников должны были всегда жить в Москве и быть готовы к службе и войне, именно их и называли жильцами. Жильцы считались охранным войском, но использовались для различных поручений, например развозить государевы грамоты.

⁹ *Чигиринские походы 1676–1678 гг.* — походы русского войска и запорожских казаков в период русско-турецкой войны 1677–1681 гг. к городу Чигирин. Неудачи под Чигирином сорвали турецкие планы захвата украинских земель и привели к Бахчисарайскому мирному договору.

¹⁰ *Трактамент* — довольствие, жалованье, оклад.

¹¹ В лейб-гвардии с момента введения в действие Табели о рангах все звания считались на две ступени выше, чем в армии

¹² Имеется в виду Турция.

¹³ Имеется в виду «рекреация» (лат. recreatio — восстановление) — комплекс оздоровительных мероприятий, осуществляемых с целью восстановления нормального самочувствия и работоспособности здорового, но утомленного человека.

¹⁴ *Эстандарт-юнкер* в регулярной кавалерии — звание, присвоенное нижним чинам, выполнившим все условия производства в офицеры и ожидающим производства на вакансии. Это звание было упразднено в 1903 г.

¹⁵ Стена 22 Храма Христа спасителя: Сражение при Вязьме 22 октября поручик Тургенев ранен.

¹⁶ *Соковнин Петр Алексеевич* — предводитель Тульского уездного дворянства в 1826–1834 гг.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Т. М. Кривина

«НОВЬ» ТУРГЕНЕВА В ПЕРЕВОДЕ МАЙКЛА ПЕРСГЛАВА: СОВРЕМЕННЫЙ ТЕКСТ РОМАНА

Недавно в Британии появился перевод романа «Новь», осуществленный Майклом Персглавом.¹ Майкл Персглов (р. 1944) — известный в британских ученых кругах филолог, бывший преподаватель Экстерского университета (одного из лидирующих вузов Великобритании), автор многочисленных литературоведческих статей, опубликованных как в Англии, так и в нашей стране.² Персглову принадлежат многочисленные переводы из Пушкина, Лермонтова, Языкова, А. К. Толстого, Апухтина и др. Среди русских писателей, интересующих Персглава, —

---

¹ *Turgenev I. Virgin Soil / Translated by M. Pursglove. London: Alma Classics, 2014.*

² Нам, в частности, известна статья М. Персглава «Dulcis Fumus Patriae: Tjutchev, Turgenev and „Smoke“» («Dulcis Fumus Patriae: Тютчев, Тургенев и „Дым“»), вошедшая в сборник: *Turgenev and Russian Culture: Essays to Honour Richard Peace (Тургенев и русская культура: Сборник в честь Ричарда Писа) / Ed. by J. Andrew, D. Offord and R. Raid. Amsterdam; New York, 2008.* Этот сборник представлен в обзоре: *Кривина Т. М. Избранные страницы современного британского тургеневедения: О сборнике «Turgenev and Russian Culture» // Тургенев. НИИМ (3). С. 589–615.* Из работ Персглава, опубликованных в России, необходимо отметить, в первую очередь, статьи: *On a New Translation of «Отцы и дети» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2010. Вып. 11. С. 89–101; From «Дым» to «Rauchen» in Baden-Baden: A New Translation of Turgenev's «Smoke» // Там же. 2011. Вып. 14. С. 66–78; Breaking New Ground? Reflections on Translating Turgenev's «Новь» // Urbi et Academiae. Граду и научному сообществу. Научно-практический журнал. № 1 (3). СПб., 2012. С. 167–174.*

Л. Н. Толстой с его «Севастопольскими рассказами» — «Tolstoy: Sebastopol in May and Sebastopol in December» (1998), Григорович, которому посвящен труд «D. V. Grigorovich: The Man Who Discovered Chekhov» («Д. В. Григорович: Человек, который открыл Чехова», 1987); в настоящее время британский филолог-переводчик работает над книгой В. А. Гиляровского «Москва и москвичи». До «Нови» Майклом Персглавом были переведены романы Тургенева «Отцы и дети» («Fathers and Children», 2010), «Дым» («Smoke», 2012), в 2016 году планируется публикация «Дворянского гнезда».

Во введении к «Virgin Soil» и в статье «Breaking New Ground? Reflections on Translating Turgenev's „Новь“» («Новые горизонты?»³ Размышления о переводе тургеневской „Нови“») Персглав уделяет внимание истории перевода «Нови» на иностранные языки. Он отмечает, что ни одно другое произведение Тургенева не получило такого быстрого отклика за границей. Роман был сразу переведен на французский язык Алисой и Эмилем Дюран под названием «Terres Vierges» (1877).⁴ Особенно важно иметь в виду, что именно этот текст читался и отчасти редактировался Луи Виардо и самим Тургеневым. Кроме того, как справедливо отмечает Персглав, предложенный тогда иностранный аналог заглавия тургеневского романа оказал впоследствии доминантное воздействие на переводчиков. Затем появились немецкие тексты «Нови». К концу 1877 года, как сообщал Тургенев своему брату в письме от 26 октября (7 ноября) того же года, «Новь» «уже появилась на следующих языках: французском, немецком (четыре разных перевода!), английском, итальянском, шведском, польском, чешском, сербском и венгерском».⁵

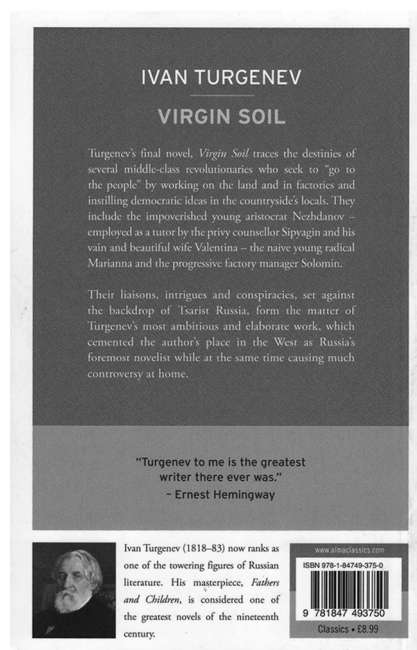
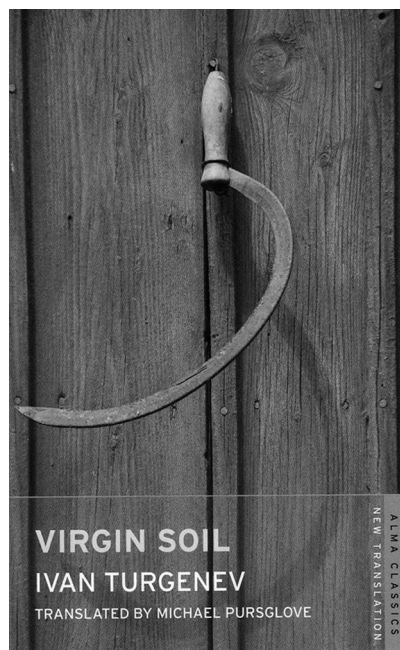
Английские переводы «Нови» заняли по времени создания лишь третье место. Первый из них появился в 1878 году в Америке: его автор, Томас Саргент Перри (Thomas Sergeant Perry), опирался на французский, а возможно, и на немецкий тексты тургеневского произведения. В том же году в Британии был опубликован перевод Эштона Уэнтворта Дилька (Ashton Wentworth Dilke), сделанный с оригинала.⁶ Однако более

³ Именно так — «новые горизонты» — переведено словосочетание «breaking new ground» в российской публикации в журнале «Urbi et Academiae» (см. выше).

⁴ Об этом переводе см. примеч. Н. Ф. Будановой: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 9. С. 536–537.

⁵ *ПССиП(2)*. Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 257.

⁶ Н. Ф. Буданова в упомянутых ранее Примечаниях к роману обращает внимание на работы Перри и Дилька (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 9. С. 541–542), однако последующие английские переводы «Нови» ею не учтены.

Роман Тургенева «Новь» в переводе М. Персглава (London, 2014).
Лицевая и задняя обложки

высоко оцененным в Англии оказался перевод К. Гарнет (Constance Garnett), появившийся впервые в 1896 году.⁷ Он имел многочисленные переиздания, последнее из которых вышло в 2000-м. Как пишет Персглав, «Америка ответила Констанции Гарнет в лице И. Хэпгуд (Isabel Hargood. — Т. К.), которая опубликовала свой перевод в 1904 году».⁸ Затем в 1911 году появился текст Р. Таунсенд (Rochelle S. Townsend). Никаких других переводов «Нови» на английский с тех пор не было создано, однако, несмотря на этот факт, Персглав полагает, что нигде популярность этого тургеневского произведения «не была столь огромной, как

⁷ Констанция Гарнет (Garnett; 1861–1946) — самый плодовитый в Британии переводчик с русского. На рубеже XIX и XX в. она познакомила своих соотечественников со всеми основными произведениями Тургенева (это 17 томов), также переводила Достоевского, Толстого, Гончарова, Чехова и других русских авторов (что в целом составило около 70 томов). Более полувека назад с деятельностью этой переводчицы нас познакомила А. Тове. См. ее статью: Констанция Гарнет — переводчик и пропагандист русской литературы // *ПЛ*. 1958. № 4. С. 193–199.

⁸ *Pursglove M.* Introduction // Turgenev I. *Virgin Soil*. P. VII.

в англоязычном мире».⁹ Такая точка зрения объясняется тем, что в Англии, да и в США роман переиздавался много раз. В то же время, очевидно, возникла настоятельная потребность в том, чтобы взглянуть на это произведение глазами человека XXI века.

Перечитывая «Новь» с перспективой анализа его английского перевода, утверждаешься в сочувствии к переводчику, обратившемуся к этому тексту: настолько сложной для иноязычного читателя — во многом явно непередаваемой — представляется словесная ткань романа. На память приходят высказывания В. А. Жуковского о трудностях стихотворного перевода. Например, известный его тезис из работы «О басне и баснях Крылова» (1809): «Переводчик *в прозе* есть раб; переводчик *в стихах* — соперник».¹⁰ В статье о переводе «Радамиста и Зенобии» Кребильона (1810) Жуковский утверждал, что «переводчик стихотворца есть в некотором смысле сам творец оригинальный».¹¹ Более чем через век М. Лозинский в своем исследовании «Искусство стихотворного перевода» (1935) заметит: «...поэт, приступая к переводу чужеземных стихов, берет на себя задачу, в конечном счете *невыполнимую* <...> В чем цель поэта-переводчика? В том, чтобы созданная им копия оказывала на воспринимающего точно такое же действие, какое оказывает оригинал, написанный на чужом языке».¹² Подобные размышления справедливы и в отношении переводческой работы с художественной прозой, особенно с такой, как тургеневская. В данном случае можно быть уверенным в том, что талантливый «переводчик в прозе» тоже не «раб», а «соперник» исконного автора.

Майкл Персглов в своих статьях о работе с романами «Отцы и дети» и «Дым» представил ряд тех трудностей, с которыми сталкивается переводчик, обратившийся к тургеневскому тексту. Это, прежде всего, реалии XIX века — исторические, социальные, политические и языковые, а также обилие иностранных слов и фраз — в первую очередь французских — и использование дублетов. В статье о «Нови» он выделяет и некоторые другие особенности тургеневской поэтики.

Переводчик обращает особое внимание на слова, словосочетания, фразы, отражающие специфику XIX века (а в главе о Фомушке и Фи-

---

⁹ Ibid.

¹⁰ Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова // Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 410.

¹¹ Жуковский В. А. «Радамист и Зенобия», трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Кребильона // Перевод — средство взаимного сближения народов: Художественная публицистика. М., 1987. С. 397.

¹² Лозинский М. Л. Искусство стихотворного перевода // Там же. С. 92.

мушке — по сути, XVIII-го): они в своем большинстве не имеют аналогов в английском языке. Он вспоминает главу XIX: описание дома Субочевых («...всевозможные сенцы, и горенки, и светлицы, и хороминки, и рундучки с перильцами, и голубцы на точеных столбиках, и всякие задние переходцы и каморки») или обеда «переклитков» («...всё старинные кушанья: сырники, пигусы, солянки, рассольники, саламаты, кокурки, кисели, взвары, верченую курятину с шафраном, олады с медом») или их послеобеденных развлечений («...тоже всё <...> старинные игры: в кребс, в ламуш или даже в бостон сампрáндер!»). К примерам, приведенным Персглавом, можно добавить массу других слов и словосочетаний, которые давно устарели. Среди них: шелкопер, жить на кондиции, на свой салтык, алтынник, сорокоум, приказчик, прасол, грош, кбзлы / кбзел («положите на кбзла саквояж»), десятины, версты, а также слово -ерик-с («знал-с» и т. п.) и буква «ять» и пр.¹³

В романе «Новь», как известно, сталкиваются представители различных социальных слоев, и переводчику необходимо учитывать тот факт, что «идушие в народ» дворяне говорят на своем языке, а простые люди — на своем. Особую «преграду» для иноязычного читателя представляет, конечно, разговорная лексика, и прежде всего — просторечия. Нелегко переводчику справиться с такими словами и словосочетаниями, как: миндальничать, закабалиться, подгулять, осклабиться, облобызаться, нализиться, зашибить копейку, молоть (чепуху), дуться в карты, смотреть букой, завсегдашний, кволенький, восвояси, засим и т. п. Встречаются в речи отдельных персонажей романа элементарные ошибки: «така вещия» (такая вещь), «небель» (мебель), «агличан» (англичанин), «прызводство» (производство) и т. п.

Возможно, ни в одном другом тургеневском романе не обнаруживается столько поговорок, пословиц, фразеологизмов, устойчивых словосочетаний, как в «Нови». Приведу лишь некоторые из них: назвался груздем — полезай в кузов; на людях и смерть красна; пришла беда, растворяй ворота; не ударить лицом в грязь; бить баклуши; сидеть как на иголках; куда ни кинь — все клин.

В статье «Breaking New Ground?..» Персглав выделяет в отдельную группу «вызовов» («challenges») переводчику слова с уменьшительно-ласкательными значениями. В английском языке, как известно, для образования таких форм нет суффиксов, соответствующих русским, а потому им очень трудно найти аналоги, если только использовать прилагательные «little», «small», «tiny», что далеко не всегда возможно. За примерами

---

¹³ Здесь и далее текст романа «Новь» цитируется по: ПССиП(2). Соч. Т. 9.

Персглав опять обращается к главе XIX, вспоминая «клетушки», «амбарчики», «погребки», «леднички», а также субочевское «крошечное фортепиано», которое издавало «беззубенькие», «кисленькие», «дрябленькие», «дрябленькие» звуки. К этому ряду можно добавить немало других примеров: шинелишка, ножки, головка, деревенька, квартирка, старичок, старенький комодец, водица, тетушка, плохонький, хроменький и т. п.

Не надо забывать и о том, что для иностранца странно звучат русские названия селений, фамилии, а также имена, особенно в уменьшительной и уменьшительно-ласкательной форме, в частности такие, как: Алеша, Коля, Вася, Боренька, Силушка. Сам Персглав особо отмечает говорящие имена — *nomms parlants* (Кисляков, Нежданов, Остродумов, Сила Самсонович Паклин, Силин, Сипягин, Соломин), но это иной пласт переводческих сложностей.

Само собой разумеется, что простое перечисление тех или иных специфических для тургеневского текста слов и фраз ничего не поясняет и не проясняет. В каждом отдельном случае та или иная языковая единица играет свою роль.¹⁴

Присутствие стихотворных текстов в романе — тоже проблема для переводчика. Стихи различны по содержанию, по жанровой принадлежности, по метрике. Персглав, не раз обращавшийся к русским поэтам, переведивший их, прекрасно понимает, как сложно передать специфику оригинала — лирико-меланхолического стиха из главы XII — «Милый друг, когда я буду / Умирать...» (с ним перекликается приведенное в сноске к главе XXVIII стихотворение Добролюбова «Пускай умру — печали мало...»), или пафосного философского стихотворения «Сон» из главы XXX («Давненько не бывал я в стороне родной...»), или незатейливых мелодраматических романсов, исполненных Фимушкой и Фомушкой. Кроме того, в романе цитируются строки из Лермонтова — тоже разные по мотивике и тональности (в главе VIII — из острословной «Тамбовской казначейши», а в XXIX-й — личностные, адресные — «Все это было бы смешно...») и т. д.

Что представляет собой английское издание последнего, во многом итогового, а потому, возможно, особенно значимого и для автора и для читателей романа «Новь»?

Книга «*Virgin Soil*» открывается портретом Тургенева, за которым следуют портреты Луи и Полины Виардо и некоторые другие иллю-

---

¹⁴ В ходе анализа основных свойств перевода Персглава будут затронуты отдельные аспекты проблематики и поэтики тургеневского произведения, но полноценное их рассмотрение в рамках данной статьи, конечно, невозможно.

страции биографического характера, тепло вводящие нас в мир русского классика. В небольшом по объему Введении М. Персглав знакомит читателя с историей создания «Нови» и с разноречивой реакцией критиков на роман, называет своих предшественников-переводчиков, поясняет суть заглавия, размышляет о стремлении Тургенева отыскать «нового героя» и о проблематике романа в целом. В своих суждениях о содержании тургеневского произведения Персглав частично опирается на комментарии А. И. Батюто и Н. Ф. Будановой к двум академическим изданиям Полного собрания сочинений Тургенева.¹⁵ Завершается книга Приложением, которое представляет собой статью обзорного характера о жизни и творчестве писателя, сопровождаемую краткой библиографией, включающей, однако, только труды зарубежных авторов. Исключительно важное место в данном издании занимают Примечания к роману, представляющие собой пояснения к русским именам, названиям, историческим и политическим реалиям XIX века, к различным литературным, мифологическим и прочим аллюзиям и т. д. Все это дает основание воспринимать данное издание тургеневской «Нови» как итог работы не только переводчика, но и филолога-исследователя.

Персглав использует традиционный аналог иноязычного заглавия романа. Так звучал французский его перевод («Terres Vierges»), близок к нему был немецкий вариант («Neu-Land» и «Neuland»). Англоязычные предшественники Персглава также не стали нарушать эту традицию. *Virgin soil* — «нетронутая земля» (точнее, «почва»), «целина». Становится понятным, почему именно это значение увидели переводчики в такой версии заглавия, когда вспоминаешь эпиграф к роману («Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом. *Из записок хозяина-агронома*»). Конечно, эпиграф, как и заглавие романа, имеет иносказательный смысл, от которого читателя отвлекает некий мифический «хозяин-агроном» (это своего рода авторская игра с читательским восприятием). Персглав отмечает во Введении, что заглавие романа следует воспринимать в переносном смысле, как «нечто новое», и упоминает предложенный Патриком Уоддингтоном иной его вариант — «Breaking New Ground» (to break new ground — распахать нетронутую почву). На первый взгляд, он соответствует эпиграфу, но, возможно, не вполне удачен. Хотя словосочетание «*virgin soil*» неточно отражает содержание емкого, многозначного тургенев-

---

¹⁵ Персглав выражает глубокую благодарность нашим известным тургеноведам, а также Ф. А. Литвину, профессору Орловского государственного университета, оказавшему ему помощь в собственно переводческой работе.

ского слова «новь», оно все же ближе к сути произведения, завершающегося утверждением «Безымянная Русь!». В словосочетании «breaking new ground» заложена некая положительная энергетика если не «поднятой», то «поднимаемой» целины, чего в романе Тургенева, как кажется, нет.

Эпиграф переведен Персглавом близко к оригиналу: «One must turn the virgin soil not with a ploughshare which skims the surface, but with the plough that goes deep. — *From the notes of a farmer*»,¹⁶ при этом переводчик понимает, что эта «цитата» — выдумка Тургенева (Notes. P. 261). В английском тексте «плугу» (plough) противопоставлен «плужный лемех» (ploughshare), а не «соха», но сохранена иллюзия апелляции автора только к первичному смыслу понятия «новь».

Когда пытаешься оценить новый иноязычный текст романа русского классика, в первую очередь хочется поблагодарить Майкла Персглава за отсутствие купюр. Можно не считать замеченных нами немногих случаев очень незначительных по объему «пробелов» (пропущенных слов или предложений), — в основном оправданных и, главное, принципиально ничего не меняющих. Например, понятно, что нереально передать на английском языке речь некоего раскольника: «Черт знает, что он молол, какая это была смесь церковного языка, книжного, простонародного — да еще не русского, а белорусского какого-то... „Цобе“ вместо „тебе“; „исть“ вместо „есть“; „ы“ вместо „и“ <...>» (гл. XXX). Переводчик отказывается от перевода словесной «абракадабры» и оставляет только первую часть фразы: «The devil knows what he was on about: it was a kind of mixture of ecclesiastical, literary and colloquial language — and not even Russian, and some sort of Belorussian words and sounds <...>» (P. 196).

Как справляется Персглав с теми «вызовами», которые бросает ему Тургенев? Что ушло из исконного текста? Что в нем изменено? Что в него привнесено? Главное, что в нем сохранено? Удалось ли британскому переводчику стать «соперником» автора?

Несомненно одно: Майкл Персглав является достойным собеседником русского писателя, вдумчивым и глубоким.

Об этом, прежде всего, свидетельствуют его комментарии к различным специфически русским реалиям и понятиям. В частности, пользуясь приемом транслитерации в передаче имен, названий и пр., переводчик всякий раз все разъясняет в примечаниях. Так происходит в случае

---

¹⁶ *Turgenev I. Virgin Soil*. P. 3. В дальнейшем ссылки на номера страниц данного издания будут даваться в скобках в тексте статьи.

с *noms parlants*. Например, англоязычному читателю невозможно понять горькую иронию, вложенную Тургеневым в имя и отчество Паклина, умного человека, аналитика-скептика, часто выражающего авторскую позицию, однако нестойкого, физически слабого, «хроменького», иными словами, не способного произвести впечатление, выглядеть убедительным. Персглав поясняет, что «*Sila Samsonovich... — Strength, Son of Samson*» («Сила, сын Самсона») (Р. 261). И очень хорошо, что он не идет дальше, не растолковывает, какую роль играет в романе используемый писателем прием, ведь и в самом тургеневском произведении этот прием работает на уровне подтекста. Фамилию «Нежданов» (*Nezhdanov*), которая ни о чем не говорит человеку, не знающему русский язык, Персглав переводит как «*Unexpected*» (Р. 262), что важно для понимания социального статуса, характера и умонастроения тургеневского героя. Перевод предлагается и к отдельным названиям селений, например, к упоминаемой в главе XXXII деревне Бабы Ключи: «*Babi Klyuchi... — Women's Springs*» («женский источник») (Р. 271).¹⁷ Объяснение дается к уменьшительно-ласкательным формам имен (*Alyosha, Borenya* etc.). Все реалии российской жизни XIX века, названия которых передаются в тексте через транслитерацию, также прокомментированы, например, «земство»: «*Zemstvo was one of the elected rural assemblies created by Alexander II in 1864*» («Земство — один из видов выборного сельского собрания, созданный Александром II в 1864 году») (Р. 263).

Апелляция к историческому контексту тех или иных упоминаемых Тургеневым явлений — важная составляющая работы переводчика. Примеров можно было бы привести немало, выделим лишь некоторые из них: Персглав объясняет и как будет называться Офицерская улица с 1918 года, и когда был образован Смольный институт, и какие реформы проводились в России в различные периоды ее существования, и кто какие посты занимал в тех или иных государственных учреждениях в XIX веке и т. д. Кроме того, благодаря переводчику его соотечественники узнают о периодических изданиях того времени (о «Московских ведомостях», о «Русском вестнике» и др.), о русских писателях и их произведениях (например, о гоголевских «Старосветских помещиках» и втором томе «Мертвых душ», о лермонтовской «Тамбовской казначейше» и т. д.). Не обходит стороной Персглав исторические европейские события и европейских политических деятелей и писателей. Достаточно

---

¹⁷ В данном случае возникает определенное стилистическое несоответствие между оригиналом и переводом, но, очевидно, оно объективно неизбежно. Эта проблема будет затронута далее.

много в примечаниях разъяснений всякого рода аллюзий, намеков на тех или иных лиц.¹⁸

Какие еще пути находит британский переводчик к преодолению тех языковых трудностей, на которые сам обращает внимание в упомянутой ранее статье, написанной до выхода в свет его текста «*Virgin Soil*»?

В ряде случаев Персглав отказывается от транслитерации в передаче русских имен, названий и некоторых реалий российской жизни, как это происходит с именем лошади Недвиги, которое он заменяет словом *Moveless* (неподвижная) (гл. XIX). Английские соответствия находятся названиям периодических изданий: «Московские ведомости» переводятся как «*Moscow News*», «Русский вестник» — как «*Russian Messenger*» и т. п. Кроме того, версты преобразуются в «мили» (*miles*), причем и в прямом смысле — переводчик определяет расстояния в измененной шкале измерения. Папироска (как и пахитоска) становится «русской сигаретой» («*Russian cigarette*»).

Кроме того, Персглав заменяет русские «слова ерик-с», выражающие подобострашие, чисто британским «*sir*». Так, в главе XXIII вопрос Калломейцева, с издевкой обращенный к Соломину: «Как-с? Что такое-с?», перерастает у Персглава в «*How's that, sir? What do you mean, sir?*» («Как же так, сэръ? Что вы имеете в виду, сэръ?») (Р. 150). В главе XXV тот же Калломейцев (один из самых несимпатичных автору персонажей) прямо заявляет: «А я говорю: отыщите мне „слово-ерик-с“! „Слово-ерик-с“ пропало — и вместе с ним всякое уважение и чинопочитание!». В английском тексте это звучит так: «*Find me the word *sir*. The word *sir* has disappeared — and with it all respect for and reference to rank*» («Найдите мне слово „сэр“. Слово „сэр“ исчезло — а с ним всякое уважение к званиям и почтительное к ним отношение») (Р. 158). Следует признать, что исконный русский текст таким образом явно англизируется. Тот же эффект обнаруживается в тех случаях, когда «госпожа» становится «*miss*», «голубушка» — «*dear lady*», а в пословицах появляются фунты, пенни и фартинги.

По-другому действует переводчик, когда имеет дело со старинной буквой «ять». В главе V говорится о происхождении фамилии «Калломейцев», в частности о том, что Семен Петрович поставил букву «ять» на место «е». Персглав передает это следующим образом: «...replaced the first E with an obsolete alternative» («...заменил первую букву „е“ альтер-

---

¹⁸ Во многих случаях отражается знакомство Персглава с упомянутыми ранее примечаниями наших исследователей к Полному собранию сочинений и писем Тургенева, с письмами самого писателя, с различными справочными изданиями.

нативной — устаревшей») (Р. 31), а в комментарии он поясняет, что такое «уат». Решается проблема и английского «you», когда тургеневские персонажи обращаются друг к другу на «ты» (как известно, такого местоимения в английском языке нет): в одном случае переводчик называет собеседника по имени (в уменьшительной форме), как это происходит в главе XXXVI, когда Нежданов обращается к Соломину: «А вы... а ты? — спросил Нежданов»; в английском тексте: «And you Solomin... Vasily?» (Р. 244), в других эпизодах говорится о «неформальном» обращении к собеседнику, как это происходит в главе XV, когда Нежданов и Марианна неожиданно переходят на «ты»: переводчик поясняет: «He reverted to the informal pronoun» (Р. 89).

Явные речевые ошибки персонажей Персглав сохраняет: неправильному «небель» соответствует «furniturements»; «агличану» — Englisher, «призводству» — «prodoostion» и т. п. В некоторых случаях он предлагает соответствующий по стилю английский аналог и для просторечий. Например, для калломейцевской ехидной характеристики «Русского вестника» — «крошечку подгулял» — «got „a touch tiddly“» («под мухой») (Р. 33).

Однако чаще всего трудно переводимым словам и словосочетаниям, в том числе и устаревшим, а также словам с уменьшительно-ласкательными значениями Персглав находит стилистически нейтральные аналоги.

Вот как он конвертирует приведенные им самим в статье «Breaking New Ground?...» зарисовки из главы XIX. Вспомним описание дома Субочевых: «И были в нем всевозможные сенцы, и горенки, и светлицы, и хороминки, и рундучки с перильцами, и голубцы на точеных столбиках, и всякие задние переходцы и каморки». Персглав пересоздает текст таким образом: «In the house there was every conceivable kind of vestibule, garret, chamber, box room, banistered landing, and wooden cross on carved pillars, as well as all kinds of back corridors and cubbyholes» (Р. 106). Это совершенно другой дом — с передней, чердаком, гостиной, лестницей с перилами, деревянным крестом на резных колоннах, многочисленными задними коридорами, домиком для игр — не патриархальный, сказочно-игрушечный, а вполне современный и массивный. То же происходит и с другими зарисовками: из описания уходит уменьшительно-ласкательная составляющая и некая мифическая ирреальность мира «переклитков» Фимушки и Фомушки.

Трансформацию оригинального текста можно увидеть и в других главах, особенно в тех, где появляются «люди из народа». Их речь в основном теряет присущий им колорит и практически мало отличается от речи дворян. Вот как разговаривает Татьяна, деревенская девушка,

у Тургенева: «Стало, так, по вольной милости живете? Теперь и это — тоже часто бывает. Допрежь больше у раскольников водилось, а ноне и у прочих людей» (гл. XXVII). И вот она же у Персглава: «So perhaps you're just living together in a free union? That's quite common now. It used to be the way of the dissenter, but now other people do it» («Итак, возможно, вы живете просто в свободном союзе? Теперь это вполне обычное дело. Это раньше бывало у раскольников, а теперь и другие так живут») (Р. 177).

Корректирование разговорной лексики, часто просторечной, в переводе Персглава обнаруживается постоянно. Вот лишь некоторые моменты подобного рода. Фраза Паклина, обращенная к Нежданову в главе II, «Где уж тут миндальничать?!» превращается в «Why be sentimental?» («Не стоит быть чувствительным?») (Р. 12). Его же «Да что вы все от меня хоронитесь?» преобразуется в «Why do you always keep me out of things?» («Почему вы меня от всего отстраняете?») (Р. 13). У Тургенева в главе VI Сипягин «облобызался» с Анной Захаровной, в английском тексте эти персонажи «exchanged kisses» («обменялись поцелуями») (Р. 38). Марианна, которая при первом представлении «могла казаться почти „дурнушкой“, «смотрела букой», у Персглава — «could almost have been called a „plain Jane“, «looked stand-offish» («некрасивая девушка», «выглядела высокомерно») (Р. 34).

Что происходит с пословицами, поговорками, устойчивыми словосочетаниями? Их переводчик почти не теряет, но они порой преобразуются либо в нефразеологические высказывания, либо в английские параллели. Бывают случаи, когда обычное высказывание заменяется поговоркой или пословицей. Приведем несколько различных примеров. Дважды использует Тургенев пословицу «Назвался груздем — полезай в кузов». Персглав находит разные варианты ее переложения на английский. В главе VIII Нежданов в письме к Силину грустно замечает: «Вскорости придется надеть известную тебе лямку, то есть полезть в кузов, так как я назвался груздем <...>». Переводчик избирает здесь возвышенно-романтический аналог поговорки: «...I volunteered and the die is cast» («...я добровольно на это пошел — жребий брошен») (Р. 52). В главе XXVIII Нежданов реагирует на слова Татьяны о том, что они с Марианной «берут на себя тяготу не в моготу», той же пословицей: «Назвался груздем — полезай в кузов», и в данном случае переводчик находит английское соответствие — «In for a penny in for a pound» («Отдал пенни, придется отдать и фунт») (Р. 184). Татьянино «Берете вы на себя тяготу не в моготу!» трансформируется в английскую пословицу «You're biting off more than you can chew» («Откусываете больше, чем можете прожевать») (Ibid.). Между прочим, близкое к ней «Не в свои сани не са-

дись» (название пьесы Островского) Персглав переводит дословно «Don't Sit in Another Man's Sledge» (Р. 17).

Не является открытием, что сама специфика любого национального языка проявляется в процессе переводческой работы особенно остро. В данном случае приведем лишь один пример, ярко иллюстрирующий этот объективный факт. В английском тексте тургеневской «Нови» одно многозначное слово «friend» заменяет такие русские слова, как «друг», «дружище», «приятель», «приятельница», «знакомый», «знакомец», «компаньон» (также искаженное «кумпаньон»), а в одном случае — «родственник» (в гл. XXX, р. 199) и «товарищ». Правда, для последнего кое-где Персглав использует «comrade».

Можно было бы бесконечно проводить сопоставительный анализ двух текстов, обнаруживая несовпадения, но в рамках статьи это осуществить невозможно, да и не нужно. Приведенных выше примеров достаточно для того, чтобы понять, что «Virgin Soil» Майкла Персглава — в определенной степени *иное* повествование, в котором нивелируются многие стилистические особенности оригинала. Это современная податка романа русского классика, рассчитанная прежде всего на англоязычного читателя.

Возникает вопрос: не ведет ли подобная частичная трансформация подлинной писательской речи к утрате того, что мы называем авторским посланием (message)? Разумеется, нет. Скорее, напротив: проблематика «Нови», которая сегодня воспринимается не столько в историко-политическом, сколько в философском ключе, становится в этом воспроизведении более доступной и ясной. И не только проблематика.

Затронутые выше аспекты тургеневской поэтики — лишь одна из ее составляющих. Мы знаем, что великий русский повествователь был мастером подтекста, а его проза — эталон рафинированного, высоколитературного языка.

Показательно, что именно английские писатели увидели это в русском классике. Вот что сказал о нем эстет Оскар Уайльд: «Из трех великих романистов нашего времени Тургенев безусловно самый рафинированный художник. Он обладает редкой способностью отбирать наиболее важное — до мельчайших деталей, что и определяет существо стиля. Обращаясь к самым жгучим моментам бытия, он на нескольких страницах совершенной прозы умеет показать эмоции и настроения многих жизней».¹⁹ Джон Голсуорси, испытавший на себе влияние рус-

---

¹⁹ Wilde O. Russian Novelists // Wilde O. The Complete Works. N. Y., 1927. Vol. 12. P. 369–370. «Три великих романиста» — это, конечно, Тургенев, Толстой и Достоевский.

ского писателя, обращал особое внимание на этическое содержание творчества Тургенева, но, задавая себе вопрос «реалист ли Тургенев?», писатель отвечал на него следующим образом: «Он самый большой поэт, когда-либо писавший прозой, и никто не умел так ощутимо показать нам живые лица и события».²⁰ Вирджиния Вулф, писательница модернистской ориентации, чутко уловила суть тургеневского «суггестивного» метода, характер его «тайного психологизма». В своем эссе «Романы Тургенева» она пронизательно заметила, что произведения русского писателя «не ограничены пристрастными эмоциями, а потому не стали явлением локального, преходящего значения. Человек, говорящий в них, не громогласный пророк, а провидец, стремящийся многое понять».²¹

Майкл Персглав в своем восприятии творчества Тургенева продолжает традиции соотечественников, что является основным в его переводческой деятельности. Необходимо признать, что британский переводчик достоин, тонко, точно передает то главное, что стремился выразить в своем произведении русский писатель, и остается в основном верен его художественному методу.

«Новь» — произведение, не понятое и отторгнутое многими современниками, да и часто неверно трактуемое отечественными литературоведами последующих десятилетий, — по сути, интеллектуальный роман, «роман-дискуссия», в котором сталкиваются носители самых разных социально-политических и философских идей и жизненных установок.²² Не менее существенна в тургеневском произведении и его психологическая, эмоциональная составляющая — мир чувств его основных персонажей. В этом плане огромную роль играют в романе пейзажные зарисовки и, конечно, включенные в повествование стихи.

Майкл Персглав профессионально занимается поэтическим переводом, а это очень важно в случае с Тургеневым. Именно поэтическое начало в тексте Персглава — одно из основных его достоинств. Начнем со стихов, играющих важную роль в тургеневском романе. Они переведены Персглавом очень хорошо.

---

²⁰ *Голсуорси Дж.* Силуэты шести писателей // *Голсуорси Дж.* Собр. соч.: В 16 т. М., 1962. Т. 16. С. 340.

²¹ *Woolf V.* The Novels of Turgenev // *Woolf V. Mrs. Dalloway and Essays.* М., 1982. P. 250.

²² Тургенева в этом плане можно считать предшественником западных авторов: Б. Шоу, О. Хаксли, Т. Манна.

Стихотворные тексты всегда по-своему обеспечивали тургеневской прозе ее суггестивное наполнение.²³ В «Нови», как уже было сказано, немало поэтических вставок и они разноплановые. Персглаву удастся передать их содержание, образный ряд, структуру.

Сочинения Нежданова, независимо от степени их художественной значимости, отражают глубинную суть его «эстетической» души, явно вступающей в противоречие с тем народническим «делом», которому он «должен служить» и которое ему чуждо. Стихотворение, спонтанно сочиненное и занесенное в «заветную тетрадку» (гл. XII), — отражение его тревоги:

Милый друг, когда я буду
Умирать — вот мой приказ.
Всех моих писаний груду
Истреби ты в тот же час!
<...>
Перейду я в мир иной,
Убаюкан легким звоном
Легкой радости земной!

Персглав увидел в этом тексте нечто надсоновское и перевел его в надрывно-декадентском ключе — что сродни оригиналу, — сохраняя исходный четырехстопный хорей:

Dearest friend, when I succumb,
I of you shall this require:
Put together all my tomes
And destroy them all in fire.
<...>
To another world I go
And be soothed by gentler sounds
Of the gentle joys below.

(Р. 71).

Написанный до реальных попыток «хождения» героя романа «в народ», этот стих не несет на себе печати истинного трагизма и отчаяния, хотя его тема — смерть. Есть в нем что-то от литературной подражательной игры, и в английской его версии это присутствует.

---

²³ Американская исследовательница Джейн Костлоу очень точно показала, насколько существенное место занимает стихотворение Ламартина «Озеро», «пропетое» Зоей в романе «Накануне»: *Costlow Jane T. Worlds within Worlds: the Novels of Ivan Turgenev. New Jersey, 1990.*

В главе XXX Нежданов иной: это сломленный человек, и в горьком стихотворении «Сон» — фактически полное отрицание народнических иллюзий. Здесь слышится не только герой романа, но и сам писатель, посетивший свою родину после разлуки и увидевший, что «все по-прежнему», «все спит кругом: везде, в деревнях, в городах»:²⁴

Давненько не бывал я в стороне родной...
Но не нашел я в ней заметной перемены.
Все тот же мертвенный, бессмысленный застои
<...>
Спит непробудным сном отчизна, Русь святая!

Для названия Персглав из двух английских слов «sleep» (сон, спячка — *физиолог.*) и «dream» (сон, сновидение, мечта, видение, блаженство) выбирает первое, в чем исключительно точен. В переводе этого стихотворения, написанного, как и оригинал, шестистопным ямбом, совершенно иное звучание, нежели в «надсоновском» тексте.

For long I haven't been in this my native land,
But found I nothing there of noticeable changes;
Once living things are dead, in stagnant torpor stand
<...>
In sleep, unwakable, lies Holy Mother Russia.

(Р. 99–100).

Романс Фимушки и Фомушки, трогательно-слащавый, дружно спетый четой, передан переводчиком в соответствующей тональности. Приведем фрагмент эпизода:

На то ль, чтобы печали, —

начал Фомушка, —

В любви нам находить,
Нам боги сердце дали,
Способное любить?

Одно лишь чувство страсти, —

отвечала Фимушка, —

---

²⁴ Возникает ощущение, что в этом стихотворении можно обнаружить отзвуки и кальдероновской драмы «Жизнь есть сон», которая Тургенева глубоко интересовала, и стихотворения Байрона с одноименным названием. Как известно, тургеневский перевод другого стихотворения английского поэта — «Тьма» — до сих пор воспринимается как эталонный.

Без бед, без злой напасти
На свете есть ли где?

Нигде, нигде, нигде! —

подхватил Фомушка,

Нигде, нигде, нигде! —

повторила Фимушка.

Вот английский аналог этого дуэта:

Was it to find but woe

Fomushka began,

In love the Gods above
Us with a heart endow
That's capable of love?..
Can we a passion master,

Fimushka replied, to which Fomushka responded:

Which bringeth no disaster,
If so, then show us where.
Nowhere, nowhere, nowhere!

Fomushka then repeated:

Nowhere, nowhere, nowhere!

(P. 115).²⁵

Эта и последующая сцены с пением романса переданы Персглавом в полном согласии со словами Нежданова: «А что, — подумал Нежданов, как только рукоплесканья унялись, — чувствуют ли они, что разыгрывают роль... как бы шутов? Быть может, нет; а быть может, и чувствуют, да думают: „Что за беда? ведь зла мы никому не делаем. Даже потешаем других!“ И как поразмыслишь хорошенько — правы они, сто раз правы!».

Таким образом, возможно, компенсируются нивелировка и трансформация стилистических особенностей тургеневского повествования, о которых говорилось ранее. Здесь появляется и тепло, и наивная, чудачковатая патриархальность существования людей, как будто вырванных

---

²⁵ Здесь и далее, в отличие от предыдущих случаев, перевод английского текста не представляется необходимым, за исключением отдельных его составляющих, не совпадающих с оригиналом или не передающих его по сути.

из современности. Возвращается то, что ушло из английского текста с утратой уменьшительно-ласкательных и устаревших слов в описании быта «переклитков». Фомушка с Фимушкой — из безвозвратной старины, неуместной в новом времени, отсюда и авторская ирония. Но здесь царят нравственное здоровье и мудрость, вневременные понятия, — недаром Фимушка, напоминающая Бавкиду из гетевского «Фауста», дает точные характеристики своим гостям.

Вечной, вневременной сферой, как мы знаем, является у Тургенева природа. Персглаз замечательно передает тургеньевские пейзажные зарисовки — в этом проявляется мастерство поэта. В частности, он прибегает к аллитерации, как и Тургенев, но она у него своя. Обратимся, например, к финальной странице главы VII. У Тургенева читаем: «Он нашел комнату свою всю наполненную душистой свежестью: окна оставались открытыми целый день. В саду, прямо против его окна, коротко и звучно щелкал соловей; ночное небо тускло и тепло краснело над округленными верхушками лип: то готовилась выплыть луна. Нежданов зажег свечку; ночные серые бабочки так и посыпались из темного сада и пошли на огонь, кружась и толкаясь, а ветер их отдувал и колебал синезелтое пламя свечи». Можно услышать в приведенном фрагменте часто повторяемый звук [l], придающий этому описанию атмосферу мягкости, нежности.

У Персглаза: «He found his room filled with fragrant freshness: the windows having remained open all day. In the garden, right opposite his window, a nightingale was giving out brief bursts of sonorous song; the night sky was glowing dull, warm, red above the rounded tops of the lime trees; the moon was about to rise. Nezhdanov lit a candle; grey moths poured in from the dark garden, making for the light, circling and colliding; the wind blew them back and fluttered the blue-yellow candle flame» (P. 45). Здесь также повторяется звук [l] — в последнем предложении, но аллитерационно добавляются [f], [s] и [b], что наполняет текст энергетикой движения. Кажется, ритмика этого повествования в большей степени приближается к стиховой.

Прекрасно передана в английском тексте и тургеньевская пейзажная свето-цветопись и динамика природной жизни, которая радостью отзывается в человеческом сердце. Обратимся к фрагменту описания березовой рощи, места встречи Марианны и Нежданова в главе XXII. У Тургенева: «...длинные пачки ветвей качались, метались, как распущенные косы; облака по-прежнему неслись быстро и высоко; и когда одно из них налетало на солнце, все кругом становилось — не темно, но одноцветно. Но вот оно пролетело — и всюду, внезапно, яркие пятна света мятежно

колыхались снова: они путались, пестрели, мешались с пятнами тени...». Как видим, здесь в пейзаже осуществляется интеграция цвета, света и движения (синестезия).²⁶

В переводе, как и в оригинале, доминирующее значение имеют глаголы, обозначающие движение: «swayed», «tossed», «were scudding by high and swiftly», «passed across the sun», а также единичные прилагательные, обозначающие свет и цвет: «dark», «monochrome». Завершающее предложение, в котором и наблюдается прием синестезии, соответствует оригиналу: «...bright patches of light again flickered restlessly, intermingling colourfully with patches of shades» (Р. 135).

Естественно, в целом Персглав пересоздает оригинал, и у него это получается качественно.²⁷ Хочется снова обратиться к Жуковскому, который описал процесс преобразования исконного текста в переводной (опять забудем о том, что он имел в виду стихи): «...переводчик остается творцом выражения, ибо для выражения имеет уже собственные материалы, которыми пользоваться должен сам. А сотворить их может только тогда, когда, наполнившись идеалом, представляющимся ему в творении переводимого поэта, преобразит его <...> в создание собственного воображения...».²⁸ Персглав находит в своем воображении те «материалы», которые соответствуют источнику.

Особо следует отметить, что в английском переводе «Нови» обнаруживаются все нюансы тургеневского психологизма. Все то, что так тонко и чутко описывал Тургенев, есть у Персглава. Ему удастся вслед за Тургеневым передать состояние души всех основных персонажей романа — и тех, кто ему ближе, и тех, кому он явно не симпатизирует.

Нам пришлось бы процитировать значительную часть английского текста, чтобы продемонстрировать мастерство переводчика. Обратимся лишь к Нежданову, ибо он у писателя на первом месте. Нежданов представлен в романе и в многочисленных беседах с различными людьми, и в уединении — через внутренние монологи и письма к другу. Противоречие между внешним и внутренним мирами — суть его «трагической натуры» и «трагической судьбы».²⁹ Вспомним эпизод из главы XXI,

---

²⁶ Такой прием, как известно, характерен для поэтов-символистов.

²⁷ Само собой разумеется, что встречаются в переводе М. Персглава отдельные неточности, неудачно выбранные слова, фразы, но подобные моменты немногочисленны и общего впечатления от его текста не меняют.

²⁸ Жуковский В. А. «Радамист и Зенобия», трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Крепильона. С. 397.

²⁹ В кавычки заключены определения самого писателя. См.: ПССУП(2). Соч. Т. 9. С. 403.

отображающий терзания героя после многочисленных встреч, разговоров, когда он, наконец, оказывается в одиночестве в своей комнате: «Голова его все еще болела от выпитого вина, в ушах звенело, в глазах мерещилось, хотя он и закрывал их. Голушкин, Васька приказчик, Фомушка, Фимушка вертелись перед ним; вдали образ Марианны, как бы не доверяя, не решался приблизиться. Все, что он делал и говорил сам, казалось ему такую фальшь и ложью, таким ненужным и приторным вздором... а то, что надо делать, к чему надо стремиться, — неизвестно где, недоступно, за десятью замками, зарыто в преисподнюю...».

Вот как это передано в переводе: «His head was still aching from the wine he had drunk, his ears were ringing; images floated before his eyes, although they were closed. Golushkin, Vasya the steward, Fomushka and Fimushka whirled before him, and in the distance the image of Marianna, as if mistrustful, hesitated to approach. Everything he did and said himself seemed such falsehood and deception, such unnecessary and sickening rubbish, but what he needed to do, needed to aspire to, was missing, inaccessible, buried in Hades» (Р. 132). В этом отрывке, с одной стороны, проявляется та особенность текста Перслова, о которой говорилось ранее: разговорное слово «мерещилось» превратилось во фразу «images floated before his eyes» («перед глазами проплывали мысленные образы (видения)»), а «приказчик Вася» стал дворецким («the steward»). В целом для описания эмоций найдены очень точные аналогии, включая и английскую фразовую замену слова «мерещиться».³⁰

Сатирическое звучание социально-политической мотивики произведения особенно остро воспринимается именно в контексте лирической тональности английского перевода — в русле авторской концепции.

Ирония, сарказм, направленные против всего того, что Тургеневу представляется губительным для России, воссозданы в английском тексте. Вспомним, например, как в главе V Тургенев обрисовывает — с явной издевкой — позерство Калломейцева: «Уже по тому, как Семен Петрович Калломейцев, молодой мужчина лет тридцати двух, вошел в комнату — развязно, небрежно и томно; как он вдруг приятно просветлел, как поклонился немного вбок и как эластически выпрямился потом; как заговорил не то в нос, не то слащаво; как почтительно взял, как внушительно поцеловал руку Валентины Михайловны — уже

---

³⁰ Предлагаемые словарями для «мерещиться» «to seem», «to fancy» не отразили бы смятения героя романа, находящегося, к тому же, в нетрезвом состоянии. Слова «приказчик», очевидно, в английском языке нет.

по всему этому можно было догадаться, что новоприбывший гость не был житель провинции, не деревенский, случайный, хоть и богатый сосед, а настоящий петербургский „гранжанр“ высшего полета».

Перевод точен не только на лексическом, но и на структурном уровне. Персглав сохраняет ритмику оригинала: «From the way Semyon Petrovich Kallomeytsev, a young man of about thirty-two, entered the room — casually, carelessly, languidly — from the way he suddenly beamed pleasantly, from the way he inclined his body slightly sideways and then elastically resumed his upright posture, from the way his speech was not exactly nasal, nor exactly sugary, from the way he courteously took and effusively kissed the hand of Valentina Mikhailovna — from all this it was possible to deduce that the newly arrived guest was not a provincial, not a random rustic, albeit rich neighbour, but a real Petersburg top-flight „grand genre“» (Р. 31). Переводчик даже усиливает в какой-то степени авторскую иронию, когда использует слово «beamed» вместо «просветлел» (to beam — сиять, улыбаться лучезарной улыбкой) или слово «выправился» заменяет фразой «resumed his upright posture» («вернулся в вертикальное положение»), что звучит более официально и выпендренно. Ритмика оригинального текста сохраняется за счет многократного анафорического повторения предложного словосочетания «from the way» (в оригинале повторяемые придаточные предложения вводятся союзом «как»).

Каждый из персонажей тургеневского романа предстает в английском переводе в полном соответствии с тургеневским повествованием, во всем характерном своеобразии.³¹

В центре внимания русского писателя — драматическая судьба «народников», обреченных на поражение. Сам Тургенев, впервые размышляя над новым романом в июле 1870 года, писал: «Они несчастные, исковерканные — и мучатся самой этой исковерканностью, как вещью, совсем к их делу не подходящей».³² А позднее, уже по завершении своего произведения, в письме к М. М. Стасюлевичу от 22 декабря 1876 года (3 января 1877 года) заметил, что в «Нови» решил изобразить «молодых людей, большей частью хороших и честных — и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно, что не может не привести их к полному фиаско».³³

У Тургенева редко встречаются однолинейные характеры. Так, Маркелова, Мишурину и Марианну объединяет преданность делу, которое

---

³¹ К сожалению, формат статьи не позволяет привести соответствующие примеры — пришлось бы цитировать значительную часть английского текста.

³² ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 399.

³³ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 268.

они считают значимым, а также страстность, но в остальном они своеобразные личности. Это проявляется, в частности, в Маркелове, человеке «упрямом», «неустранимом до отчаянности» («stubborn», «fearless to a fault»), который «презирал <...> и ненавидел фальшь и ложь» («loathed and despised falsehood and deceit») (Р. 62); с другой стороны — способном на влюбленность, на «эстетику» и на «честное добродушие» («honest kind-heartedness») (Р. 97), чему «внутренне подивился» Нежданов (гл. XVII). Переводчик очень внимателен к подобного рода нюансам.

В то же время Персглав хорошо передает сарказм писателя, направленный против чистых демагогов типа Кислякова: достаточно вспомнить только одно словосочетание, характеризующее пропагандистскую активность этого второстепенного персонажа, — «судорожная деятельность» (гл. XVII), переведенное на английский как «feverish activity» («лихорадочная активность») (Р. 97).

Персглав прекрасно понимает сложное отношение русского писателя к народничеству. В английском тексте передан разительный контраст между программой людей, искренне стремящихся к справедливости и желающих ходить «в народ» («go to the people» в английском тексте³⁴), но, по сути, этого народа не знающих, — и настроениями и поведением простых людей, в своем большинстве не принимающих и не воспринимающих народников, в худшем случае, расправляющихся с ними (как это было с Маркеловым). Но переводчик при этом сталкивается с теми языковыми трудностями, о которых говорилось ранее, — в частности, с просторечиями.

Вспомним эпизод из главы XXXII, в котором Нежданов терпит фиаско в осуществлении своей пропагандистской деятельности. Понимая, что никто из «народников» не знает, «как именно следует бунтовать народ» (здесь англ. «gouse the people»), он пытается все-таки исполнить свой долг. Тургенев жестко, резко, даже зло описывает процесс «общения» Нежданова с мужиками, которые затаскивают его в кабаки и спаивают. Следует признать, что британскому переводчику этой жесткости все-таки не хватает: например, русское «с размаху треснув его по плечу» у Персглава звучит мягче — «clapping him heartily on the shoulder» (Р. 211). Глагол «to clap» означает «похлопать», если «ударить», то не сильно, и переводчик затем, в главе XXXV, использует этот глагол адекватно, когда описывает губернатора, который «ударил себя по лбу» («clapped

---

³⁴ Конечно, соответствующий аналог русскому «хождению в народ» найти не просто, поэтому предложить иной вариант вряд ли возможно.

himself on the forehead») (Р. 231). Сцена в кабаке представлена в английском переводе несколько менее натуралистично, чем в оригинале. Заключают эпизод слова Павла, — в отличие от мужиков из кабака приличного, разумного человека «из народа», — и его высказывание, возможно, самый сильный аргумент, против народнических идей: «Хорошо бы, кабы не было господ и зёмли все были бы наши — чего бы лучше? — да приказа такого еще не вышло». У Персглава это переведено следующим образом: «It would be good if there were no masters and the land was ours. What could be better? But there's no such decree yet» (Р. 212). Это литературный перевод, без просторечных «кабы» и «чего бы лучше» и без простецкого «приказа» (в английском тексте — «декрет»).

Самого надежного своего героя, Соломина, Тургенев ведет по иному пути, на него — разумного, делового и честного человека — он возлагает определенные надежды. Однако финальные слова Паклина о «безымянной Руси» — итог горьких размышлений великого русского писателя о своей родине. Очевидно, Тургенев имел в виду, что Россия еще не нашла себя, не обрела достойного имени и являет собой неосвоенные просторы нераспаханной почвы.³⁵

Английская «Новь» 2014 года — современный текст, вернее, роман классика XIX века, обретший новую жизнь. Надо признать: это замечательная книга, потому что написана прекрасным автором и пересоздана талантливым переводчиком. Вспоминая высказывание М. Лозинского, без сомнения можно утверждать, что эта книга «оказывает на воспринимающего точно такое же действие, какое оказывает оригинал, написанный на чужом языке». Следует выразить огромную благодарность британскому филологу Майклу Персглаву за то, что он дает возможность своим соотечественникам и всем, кто знает английский язык, вернуться к произведению, которое заставляет нас задуматься не только о судьбе России, но и о страстях человеческих, о странностях любви, о подлинном творчестве, о поисках себя, о противоборстве добра и зла, о вечных жизненных противоречиях, о движении человека и человечества вперед...

---

³⁵ Предложенный Персглавом перевод словосочетания «Безымянная Русь» как «Anonymous Russia» представляется спорным. Лучше было бы использовать в данном случае прилагательное «nameless». «Anonymous» — не желающий открывать свое имя, а «nameless» — не имеющий имени.

PRO MEMORIA

ЖУЖА ЗЕЛЬДХЕЙИ-ДЕАК
(Zsuzsa Zöldhelyi)
(1928–2015)

В ноябре 2015 года в возрасте 87 лет в Будапеште скончалась выдающаяся представительница венгерской русистики, доктор филологических наук Жужа Зельдхейи-Деак. С ее уходом кончилась эпоха, начатая первым поколением специалистов по русской филологии, получивших образование в советских университетах после Второй мировой войны. Эта эпоха была характерна введением методов семиотики и компаративистики. В последней Жужа Зельдхейи-Деак принадлежала ведущая роль в области русско-венгерских межкультурных исследований: она первая соединила рецепцию литературы с историей художественных переводов. Последующие поколения учились у Зельдхейи-Деак уважению к тексту, исследовательской страсти, радости филологического микроанализа, четкости знаний и точности. Она была личностью, не поддающейся стереотипам.

Жужа Зельдхейи, проучившись сразу после окончания войны три года в Будапештском университете на отделениях русского, английского и французского языков (1945–1948), получила возможность завершить высшее образование в Ленинграде, где она в 1951 году защитила дипломную работу под руководством известного некрасоведа В. Е. Евгеньева-Максимова, который обратил ее внимание на тему рецепции Петефи в русской литературе XIX века. Позже она познакомилась с лучшим представителем тогдашнего тургеневедения в лице заместителя директора Пушкинского Дома, будущего академика М. П. Алексеева (1896–1981), который впоследствии, в 1967 году, стал почетным доктором Будапештского университета.

После возвращения в Будапешт Жужа Зельдхейи работала сначала в Ленинском институте, а после революции 1956 года перевелась в университет им. Этвеша Лоранда, где проработала 36 лет, вплоть до пенсии (1992). В 1961 году она стала кандидатом, а в 1990 году — доктором филологических наук.

Ее творческие интересы распространялись на историю литературы, сравнительное литературоведение и историю рецепции, в то время как в центре ее исследований стояли Мор Йокаи, И. А. Гончаров и, главным образом, — Иван Сергеевич Тургенев. Помимо трех монографий о Тургеневе, она вписала свое имя в историю тургеневедения организацией в 1993 году первой после распада Советского Союза международной конференции, посвященной творчеству главного героя ее исследований, и изданием материалов этой грандиозной конференции (1994).

Она была комментатором, редактором и составителем десятков томов, антологий, учебников, хрестоматий и журналов, активным деятелем отечественных и международных научных комитетов и ассоциаций, одним из основателей одной из первых докторских программ в Венгрии «Русская литература и культура между Востоком и Западом» (1993), а также участником ряда международных научных конференций по всей Европе. Коллеги отмечали ее юбилеи книгами — сначала сборником статей в ее честь (*Dolce Filologia*, 1997), название которого стало названием серии изданий докторской программы, насчитывающей к настоящему времени 14 томов; а затем изданием ее книги о восприятии русской литературы в Венгрии (все под редакцией Ж. Хетени, см. библиографию).

Память об ученых воплощается в их книгах, во всем том, что является памятником нерукотворным и что, передаваясь из рук в руки, согреваясь от теплоты этих рук, продолжает жить. Поэтому самым достойным жестом памяти будет назвать важнейшие работы, которые создала Жужа Зельдхейи-Деак.

Жужа Хетени.

Книги

1. Turgenev. Budapest: Gondolat, 1964. 129 p.
2. Turgenev világa [Мир Тургенева]. Budapest: Európa, 1978. 340 p.
3. Turgenev prózai költeményei. Új műfaj születik. [Стихотворения в прозе Тургенева. Рождение нового жанра]. Budapest: Tankönyvkiadó, 1991. 372 p.
4. A külföldi közvetítés szerepe az orosz irodalom magyar fogadtatásában (XIX. század). [Роль иностранного посредничества в венгерской рецепции русской литературы] / Под ред. Zsuzsa Hetényi (Dolce Filologia 4). Budapest, 2008. 98 p.
5. И. С. Тургенев: жизнь, творчество, традиции. Доклады международной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения И. С. Тургенева / Под ред. Ж. Зельдхейи-Деак и А. Холлош. Budapest: ELTE, 1994. 250 p.
6. Az orosz irodalom története a kezdetektől 1940-ig. [История русской литературы с истоков до 1940 года]. Budapest, 1997. 347 p.

Избранные статьи на иностранных языках

7. К вопросу о распространении стихотворений Шандора Петефи в русской демократической печати XIX века // *Studia Slavica Hung.* 1957. Т. 3. P. 349–361.
8. Эндре Сабо — венгерский популяризатор творчества А. П. Чехова // *Studia Slavica Hung.* 1960. Т. 6. P. 436–440.
9. Произведения Герцена и оценка его деятельности в венгерской печати середины XIX века // *Проблемы изучения Герцена* / Отв. ред. Ю. Г. Оксман. М., 1963. С. 404–412.
10. Органические и неорганические моменты во взаимоотношениях русской и венгерской литератур // *Acta Litteraria.* 1962. Т. 5. P. 351–358.
11. Из истории изображения декабристов в художественной литературе // *Studia Slavica Hung.* 1966. Т. 12. P. 453–464.
12. Французский источник М. Йокаи о России // *Slavica (Debrecen).* 1966. Т. 6. P. 141–147.
13. Стихотворения в прозе И. С. Тургенева в Венгрии // *Studia Slavica Hung.* 1968. Т. 14. P. 393–404.
14. Малораскрытая страница русско-венгерских литературных связей // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae, Sectio Philologica.* 1968. Т. 8. P. 81–90.
15. Письма Э. Сабо к В. Г. Короленко // *Studia Slavica Hung.* 1970. Т. 16. P. 138–140.
16. Россия и русские в творчестве М. Йокаи // *Этюды о Венгрии.* 1972. Т. 7. С. 112–124.
17. «Таинственные повести» Тургенева и русская литература XIX века // *Studia Slavica Hung.* 1973. Т. 19. P. 347–364.
18. Шандор Петефи и русская поэзия от XIX век // *София.* 1974. № 4. P. 347–364.
19. Раннее знакомство с творчеством Тургенева в Венгрии (1850–1860 годы) // *Сравнительное изучение литератур: Сборник статей к 80-летию М. П. Алексеева.* Л., 1976. С. 146–153.
20. Изучение творчества Пушкина в Венгрии после второй мировой войны // *Canadian-American Slavic Studies.* 1977. Vol. 11/1. P. 159–167.

21. Письма Эндре Сабо к К. М. Фофанову и Л. Ф. Пантелееву // *Studia Slavica Hung.* 1977. Т. 23. Р. 175–179.
22. К проблеме стилизации в русской литературе начала XX века // *Hungaro-Slavica* 1978. Budapest, 1978. Р. 389–402.
23. Первые шаги Тургенева-новеллиста (В поисках собственной манеры) // *Studia Slavica Hung.* 1979. Т. 25. Р. 451–464.
24. Ранние венгерские отзывы о романе «Новь» (К вопросу о прижизненном восприятии творчества Тургенева в Венгрии) // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1982. С. 124–134.
25. The Chevalier des Grioux of the Russian Province // *Canadian-American Slavic Studies*. 1983. Vol. 17/1. Р. 1–6.
26. Тургенев и новые художественные искания конца XIX — начала XX века (К постановке проблемы) // *Studia Russica*. Budapest, 1983. Р. 113–122.
27. К проблеме реминисценций в «малой» прозе Тургенева // *Проблемы поэтики русского реализма XIX века*. Л., 1984. С. 99–111.
28. Linien der ungarischen Turgenev-Rezeption im 19. Jahrhundert // *Zeitschrift für Slawistik*. 1987. Н. 32. S. 451–460.
29. Из истории художественного перевода произведений русской литературы в Венгрии (1840–60-е гг.) // *Hungaro-Slavica* 1988. Budapest, 1988. Р. 69–83.
30. «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева: К проблеме жанра // *Русская литература*. 1990. № 2. С. 188–194.
31. К проблеме реминисценций в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева // *Studia Slavica Hung.* 1990. Т. 36. Р. 453–460.
32. Некоторые закономерности внутреннего развития «малой» прозы И. С. Тургенева // *Litteraria Humanitas. Genelogické studie*. Brno, 1990. Р. 155–168.
33. К проблеме «мировых образов» в произведениях И. С. Тургенева («Степной король Лир») // *Ex Oriente Lux. Mélanges offerts en hommage au professeur Jean Blankoff, à l'occasion de ses soixante ans*. Bruxelles, 1991. Vol. 2. Р. 197–209.
34. «Лазурное царство» И. С. Тургенева // *Könyv Papp Ferenc 60. születésnapjára*. Debrecen, 1991. Р. 269–279.
35. Первое стихотворение в прозе Тургенева («Дрозд I») // *Studia Slavica Hung.* 1991–1992. Т. 37. Р. 297–312.
36. Поздний Тургенев и символисты (К постановке проблемы) // *От Пушкина до А. Белого: Проблемы поэтики русского реализма XIX — начала XX века*. СПб., 1992. С. 146–169.
37. Новые возможности изучения творчества русских классиков в условиях гласности // *Neueste Tendenzen in der Entwicklung der russischen Literatur und Sprache*. Hamburg, 1992. S. 169–173.
38. Тургенев и Брюсов // *Opera Slavica. Slavistické Rozhledy II*. 1992. № 3. Р. 26–38.
39. К проблеме жанровых особенностей и циклизации «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева // *Litteraria Humanitas. Genelogické studie*. Brno, 1993. Р. 335–345.
40. Восприятие «Обломова» в Венгрии до второй мировой войны // *Ivan A. Gončarov: Leben, Werk, Wirkung*. Köln; Weimar; Wien, 1994. S. 433–445.
41. К проблеме реминисценций в лейтмотивах романа «Обрыв» // И. А. Гончаров: Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 77–90.

42. Таинственное у И. С. Тургенева и В. Я. Брюсова // И. С. Тургенев: жизнь, творчество, традиции. Budapest, 1994. P. 88–97.
43. Западная Европа и русские — глазами Тургенева // *Studia Slavica Hung.* 1995. Т. 40. P. 69–82.
44. Из истории перевода прозы русских классиков в Венгрии: 1840–1860-е годы // Россия — Запад — Восток: Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексева. СПб., 1996. С. 288–298.
45. И. С. Тургенев о финалах // *Hungaro-Slavica 1997: Studia in honorem Stephani Nyomárkay.* Budapest, 1997. P. 348–353.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ*

<i>Анненков</i>	— <i>Анненков П. В.</i> Литературные воспоминания / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. В. П. Дорофеева. М., 1960 (Сер. литературных мемуаров).
<i>Анненков (1983)</i>	— <i>Анненков П. В.</i> Литературные воспоминания / Вступит. ст. В. И. Кулешова; коммент. А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Манна, И. Б. Павловой. М., 1983 (Сер. литературных мемуаров).
<i>Анненков. Письма</i>	— <i>Анненков П. В.</i> Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подгот. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005 (Лит. памятники).
<i>БдЧ</i>	— журнал «Библиотека для чтения».
<i>Белинский</i>	— <i>Белинский В. Г.</i> Полн. собр. соч.: В 13 т. М.; Л., 1953–1959.
<i>Биржс Вед</i>	— газета «Биржевые ведомости».
<i>Боткин и Т</i>	— В. П. Боткин и И. С. Тургенев: Неизданная переписка. 1851–1869 / Пригот. к печати Н. Л. Бродский. М.; Л., 1930.
<i>ВЕ</i>	— журнал «Вестник Европы».
<i>ВЛ</i>	— журнал «Вопросы литературы».
<i>ГАОО</i>	— Государственный архив Орловской области (Орел).
<i>Герцен</i>	— <i>Герцен А. И.</i> Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966.
<i>ГИМ</i>	— Государственный исторический музей (Москва).
<i>ГЛМ</i>	— Государственный литературный музей (Москва).
<i>ГМП</i>	— Государственный музей А. С. Пушкина (Москва).
<i>ГМТ</i>	— Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).

---

* В настоящий список сокращений не включены сокращения, принятые в «Тургеневской энциклопедии».

- Гоголь* — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937–1952.
- Гонкур. Дневник* — *Гонкур Э. и Ж., де.* Дневник. Записки литературной жизни. Избранные страницы: В 2 т. / Сост. и коммент. С. Лейбович. М., 1964.
- Гончаров и Т* — И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома / С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пб., 1923.
- Григорьев. Соч. (1990)* — *Григорьев Ап.* Соч.: В 2 т. / Вступит. ст. Б. Ф. Егорова; сост. и коммент. Б. Ф. Егорова, А. Л. Осповата. М., 1990.
- ГТГ* — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
- Добролюбов* — *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961–1964.
- Достоевский* — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Житова* — *Житова В. Н.* Воспоминания о семье И. С. Тургенева / Ред. текста, вступит. ст. и коммент. Т. Н. Волковой. Тула, 1961.
- ЖМНП* — «Журнал министерства народного просвещения».
- Звенья* — Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XX вв. / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского и др. М.; Л., 1932–1936. Вып. 1–6; М., 1950–1951. Вып. 8–9.
- ИБ* — журнал «Исторический вестник».
- ИРЛИ* — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).
- Леонтьев* — *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2000–2014 (Изд. продолжается).
- Летопись (1818–1858)* — Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858) / Авт.-сост. Н. С. Никитина. СПб., 1995.
- Летопись (1867–1870)* — Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1867–1870). СПб., 1997 / Сост. Н. Н. Мостовская.
- Летопись (1871–1875)* — Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1871–1875). СПб., 1998 / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская.
- Летопись (1876–1883)* — Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883) / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская. СПб., 2003.
- Лит Арх* — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1938–1961. Вып. 1–6.

- ЛН* — Литературное наследство. М., 1931–2012. Т. 1–104 (Изд. продолжается).
- МВед* — газета «Московские ведомости».
- НВр* — газета «Новое время».
- Некрасов* — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.; СПб., 1981–2000.
- Некрасов. Летопись* — Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В 3 т. 1821–1877 / Отв. ред. Б. В. Мельгунов. СПб., 2006–2009.
- Некрасов. Переписка* — Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. / Вступит. ст. Г. В. Краснова; сост. и коммент. В. А. Викторovichа, Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова. М., 1987.
- Никитенко* — *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. / Подгот. текста и примеч. И. Я. Айзенштока. М., 1955–1956 (Сер. литературных мемуаров).
- ОГЛМТ* — Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева (Орел).
- ОЗ* — журнал «Отечественные записки».
- Панаева (1972)* — *Панаева А. Я.* Воспоминания / Вступит. ст. К. Чуковского; примеч. Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова. М., 1972 (Сер. литературных мемуаров).
- Писемский* — *Писемский А. Ф.* Письма / Подгот. текста и коммент. М. К. Клемана, А. П. Могилянского. М.; Л., 1936.
- Письма к Дружинину* — Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова. М., 1948 (Летописи Гослитмузея. Кн. 9).
- ПССиП(1). Письма* — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961–1969.
- ПССиП(2). Письма* — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1982–2016 (Изд. продолжается).
- ПССиП(1). Соч* — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л., 1961–1968.
- ПССиП(2). Соч.* — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. М., 1978–1986.
- РА* — журнал «Русский архив».
- РВ* — журнал «Русский вестник».
- РГАДА (ранее ЦГАДА)* — Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РГАЛИ (ранее ЦГАЛИ)* — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГБ (ранее ГБЛ)* — Российская государственная библиотека (Москва).

- РГВИА* — Российский государственный военно-исторический архив (Москва).
- РЛ* — журнал «Русская литература».
- РМ* — журнал «Русская мысль».
- РНБ* (ранее *ГПБ*) — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).
- РСт* — журнал «Русская старина».
- РусВед* — газета «Русские ведомости».
- Русские писатели* — Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989–2007. Т. 1–5 (Изд. продолжается).
- Совр* — журнал «Современник».
- СПбВед* — газета «Санкт-Петербургские ведомости».
- Стасюлевич* — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1911–1913. Т. 1–5.
- Т в восп рев* — И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеро-семидесятников / Собр. и коммент. М. К. Клеман; ред. и введ. Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930.
- Т в восп совр (1)* — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и подгот. текста С. М. Петрова, В. Г. Фридлянд. М., 1969 (Сер. литературных мемуаров).
- Т в восп совр (2)* — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и подгот. текста С. М. Петрова, В. Г. Фридлянд. М., 1983 (Сер. литературных мемуаров).
- Т в восп совр (1988)* — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей / Сост., вступит. ст. и коммент. к разделу «Воспоминания» В. Г. Фридлянд; сост., пер. писем, вступит. ст. и коммент. к разделу «Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей» Н. П. Генераловой. М., 1988.
- Т. Вопр биогр и творч (1982)* — И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1982.
- Т. Вопр биогр и творч (1990)* — И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества / Отв. ред. Н. Н. Мостовская, Н. С. Никитина. Л., 1990.
- Т и его современники* — Тургенев и его современники / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1977.
- Т и круг Совр* — Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы. 1847–1861. М.; Л., 1930.
- Т Сб* — Тургеневский сборник: Материалы к Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1964, 1966. Вып. 1–2. Л., 1967, 1968, 1969. Вып. 3–5.

- Т Сб (1818–1883–1958)* — И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Ст. и материалы / Под ред. М. П. Алексева. Орел, 1960.
- Толстой* — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. М.; Л., 1928–1958.
- Толстой. Переписка* — Л. Н. Толстой: Переписка с русскими писателями: В 2 т. / Сост., вступит. ст. и примеч. С. А. Розановой. М., 1978.
- Тургенев. НИиМ (1–4)* — И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2009–2016. Вып. 1–4 (Изд. продолжается).
- Тургенев. Переписка* — Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. / Подгот. текста и коммент. В. Н. Баскакова, Т. П. Головановой, Е. И. Кийко, Н. Н. Мостовской, Л. Н. Назаровой. Л., 1986.
- Фет. МВ* — *Фет А.* Мои воспоминания. 1848–1889: В 2 ч. М., 1890.
- ФетСб (1–2)* — А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. СПб., 2010, 2013. Вып. 1–2 (Изд. продолжается).
- Фет. СуП* — *Фет А. А.* Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2002–2015 (Изд. продолжается).
- ЦИАМ* — Центральный исторический архив Москвы (Москва).
- Чернышевский* — *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939–1953.
- Щедрин* — *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977.
- BN* — Bibliothèque Nationale de France (Paris).
- Cahiers* — Cahiers Ivan Tourguénev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1977–2014. N 1–35 (Изд. продолжается).
- Lettres inéd* — *Tourguénev I.* Lettres inédites à Pauline Viardot et à sa famille / Publiées et annotées par H. Granjard et A. Zviguilsky. Lausanne, 1972.
- NAF* — Nouvelles acquisitions françaises.
- Nouv corr inéd* — *Tourguénev I.* Nouvelle correspondance inédite / Texte recueillis, annotés et précédés d'une introduction par A. Zviguilsky. Paris, 1971–1972. T. 1–2.
- N Z Sl J* — журнал «New Zealand Slavonic Journal».
- T und Deutschland* — I. S. Turgenew und Deutschland. Materialien und Untersuchungen / Hsg. von Gerhard Ziegengeist. Berlin, 1965. Bd. 1.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На фронтиспise — И. С. Тургенев. Фотография А. Бергнера. Москва, май 1856 г.
Литературный музей ИРЛИ.

СТАТЬИ

- С. 82 — Вильгельм Вольфзон. Фотография. Конец 1850-х — начало 1860-х гг.
Из частной коллекции.
- С. 87 — Теодор Фонтане. Рисунок карандашом. Лондон, 1844 г.
- С. 93 — Стихотворение А. А. Фета «Я вдаль иду моей дорогой...» в переводе
на немецкий язык В. Вольфзона и К. Павловой. Май 1845 г. Первая
страница. Автограф В. Вольфзона. Рукописный отдел ИРЛИ.
- С. 102 — Бертольд Ауэрбах. Гравюра на меди по наброску Фр. Пехта. Около
1850 г. Литературный музей ИРЛИ.
- С. 109 — Письмо В. Вольфзона к П. А. Плетневу с приглашением на серию
его лекций о Шиллере. Петербург, конец марта ст. ст. 1861 г. Авто-
граф. Рукописный отдел ИРЛИ.
- С. 111 — «Циркулярное отношение» В. Вольфзона в редакции русских жур-
налов. 3 (15) сентября 1861 г. Отпечатано в количестве 50 экзempla-
ров. Приложено к письму к Н. Ф. Щербине от 12 (24) сентября
1861 г. Рукописный отдел ИРЛИ.
- С. 118 — Журнал «Nordische Revue», издававшийся В. Вольфзоном в Лейпциге.
Титульный лист третьего тома, в котором было напечатано начало
перевода «Отцов и детей», выполненного Вольфзоном (1865. Bd. 3).
- С. 119 — Роман «Отцы и дети» в переводе на немецкий язык В. Вольфзона
(гл. 1). Первая страница (Nordische Revue. 1865. Bd. 3. N. 2. Februar).
- С. 137 — Письмо К. фон Глюмер к неизвестному издателю от 22 апреля н. ст.
1868 г. Первая страница. Записано рукой А. Шейбе, подпись — авто-
граф. Музей истории города Лейпцига (Stadtgeschichtliches Museum
Leipzig. Stohmann-Tietz Sammlung). Архивный шифр: A/1229/2006.

- C. 141 — Роман «Отцы и дети» в переводе на немецкий язык К. фон Глюмер. Титульный лист литературного приложения пражской газеты «Correspondenz» (1868).
- C. 145 — Клер фон Глюмер. Гравюра на стали А. Вегена. Австрийская национальная библиотека (Österreichische Nationalbibliothek).

ТЕКСТЫ ТУРГЕНЕВА

- C. 231 — Предисловие Тургенева к переводу «Волшебных сказок» Ш. Перро (СПб.; М., 1867). Черновой автограф. Первая страница. Национальная библиотека Франции (BN).
- C. 233 — Фрагмент первой страницы Предисловия Тургенева к переводу «Волшебных сказок» Ш. Перро.
- C. 235 — Сказка Ш. Перро «Синяя Борода» в переводе Тургенева. Черновой автограф. Первая страница. Национальная библиотека Франции (BN).
- C. 255 — «Последний мельник-колдун (Опера). Подражание опере г. Тургенева „Последний колдун“». Карикатура. Воспроизводится по: Будильник. 1869. 9 мая. № 17. С. 130.
- C. 257 — Романс П. Виардо на слова Тургенева «La petite chevrière» («Маленькая пастушка»). Автограф из нотной тетради П. Виардо. Первая страница. Куртавнель, 19 сентября н. ст. 1847 г. Хоутонская библиотека Гарвардского университета (Houghton Library).
- C. 258 — Романс П. Виардо на слова Тургенева «La petite chevrière». Первое издание (Paris, 1849). Обложка.
- C. 263 — Романс П. Виардо «L'absence» («Разлука»). 1867 г. (?). Черновой автограф из нотной тетради. Первая страница. Хоутонская библиотека Гарвардского университета (Houghton Library. MS Mus 264 (190). F. 15).
- C. 264 — Романс П. Виардо «L'absence» («Разлука»). 1867 г. (?). Беловой автограф из нотной тетради. Первая страница. Хоутонская библиотека Гарвардского университета (Houghton Library. MS Mus 264 (101). F. 38 v).
- C. 268 — Вилла Тургенева в Баден-Бадене (Tiergartenstraße, 3). Вид со стороны сада. Современная фотография. 2008 г. Из личного архива Н. Г. Жекулина.
- C. 275 — Тургенев в роли Людоеда. Рисунок карандашом Л. Пича. Баден-Баден, 6 сентября н. ст. 1868 г. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по: Iwan Turgenjew an Ludwig Pietsch: Briefe aus den Jahren 1864–1883 / Hsg. von Alfred Doren. Berlin, [1923]. S. 53.
- C. 279 — Программа представления оперетты «Людоед» в театре Тиргартен в Баден-Бадене 17 октября н. ст. 1868 г. Хоутонская библиотека Гарвардского университета (Houghton Library).

- C. 287 — Ария Алели «La terre est verte et fraîche...» из оперетты «Людоед». Черновой автограф Тургенева из «Cahiers des vers pour la 3me opérrette» («Тетради стихов для 3-й оперетты»). Национальная библиотека Франции (BN).
- C. 288 — Стихотворение Г. де Ларендьебера «Heure triste» («La terre est verte et fraîche, et la nue étoilée...») («Час печали» («Земля одета в зелень, звезды в небесах...»)). Первое издание. Из сб.: *Larenaudière G., de. Les Cantilènes. Paris, 1842. P. 71.*
- C. 289 — Жюль Лефор. Фотография Надара. Париж, 1870-е (?). Национальная библиотека Франции (BN).
- C. 294 — Тургенев за игрой в безик. Рисунок карандашом Л. Пича. Баден-Баден, 11 августа н. ст. 1864 г. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по: Iwan Turgenjew an Ludwig Pietsch: Briefe aus den Jahren 1864–1883 / Hsg. von Alfred Doren. Berlin, [1923]. S. 89.
- C. 299 — Либретто оперетты «Партия в вист». Черновой автограф. Хоутонская библиотека Гарвардского университета (Houghton Library).
- C. 313 — Либретто оперетты «Людоед». Черновой автограф. Первая страница. 1867 г. Хоутонская библиотека Гарвардского университета (Houghton Library).
- C. 371 — Либретто оперетты «Партия в вист». Беловой автограф. Последняя страница с вставкой карандашом рукой П. Виардо. Хоутонская библиотека Гарвардского университета (Houghton Library).
- C. 417 — Первый Комитет Литературного фонда. Фотография С. Л. Левицкого. Петербург, 1859 г. *Сидят слева направо: А. В. Никитенко, А. А. Краевский, Ег. П. Ковалевский, И. С. Тургенев, К. Д. Кавелин, А. Д. Галахов. Стоят: С. С. Дудышкин, Е. И. Ламанский, А. П. Заблоцкий-Десятовский, П. В. Анненков, Н. Г. Чернышевский, А. В. Дружинин. Литературный музей ИРЛИ. Из архива Л. Ф. Пантелеева.*
- C. 425 — Дарственная надпись Тургенева М. В. Рашет на книге «Волшебных сказок» Ш. Перро (СПб.; М., 1867): «Марье Владимировне Рашет на память от ее старого приятеля Ив. Тургенева. Штутгарт. 1869». Фрагмент шмуцтитула. Книжные фонды ГЛМ.

СООБЩЕНИЯ

- C. 433 — Роман «Дворянское гнездо». Титульный лист чернового автографа. Национальная библиотека Франции (BN). Воспроизводится по фотокопии, хранящейся в Рукописном отделе ИРЛИ.
- C. 473 — Подготовительные материалы к роману «Новь». Первый набросок. Баден-Баден, 17 (29) июля 1870 г. Третья страница. Национальная библиотека Франции (BN). Воспроизводится по фотокопии, хранящейся в Рукописном отделе ИРЛИ.

ПЕРЕПИСКА ТУРГЕНЕВА

- C. 518 — Письмо Тургенева к В. Рольстону от 31 мая (12 июня) 1879 г. ГМП.

- С. 529 — П. В. Анненков. Фотография С. Пташинского. Петербург, 1880 г. Литературный музей ИРЛИ.
- С. 538 — А. М. Жемчужников. Фотография Я. Мечковского. Варшава, 1865 г. (?). Литературный музей ИРЛИ.
- С. 544 — Поэма А. М. Жемчужникова «Пророк и я». Первопечатная редакция. Санкт-Петербургские ведомости. 1870. 30 января. № 30. С. 3.
- С. 561 — Е. А. Жемчужникова. Фотография.
- С. 569 — Письмо А. М. Жемчужникова к Тургеневу от 26 мая (7 июня) 1866 г. Первая страница. Рукописный отдел ИРЛИ.
- С. 585 — И. С. Тургенев. Фотография ателье J. & L. Allgeyer (Альгейер). Карлсруэ, ноябрь 1868 г. Литературный музей ИРЛИ.
- С. 612 — В. М. Жемчужников. Фотография К. Бергамаско. Петербург, 1870 г. (?). Литературный музей ИРЛИ.
- С. 617 — Письмо В. М. Жемчужникова к Тургеневу. Декабрь 1873 — январь 1874 г. Первая страница. Рукописный отдел ИРЛИ.
- С. 622 — Жюль Валлес. Фотография Надара. Париж, около 1860 г.
- С. 633 — Письмо Ж. Валлеса к Тургеневу от 13 октября н. ст. 1877 г. Первая страница. Хоутонская библиотека Гарвардского университета (Houghton Library).

МАТЕРИАЛЫ К ТУРГЕНЕВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

- С. 640 — А. И. Абаринова. Фотография. 1880-е гг.
- С. 657 — Мари Дюма. Фотогравировка Лемерсье. Париж, 1877 г.
- С. 665 — И. И. Маслов. Фотография М. Тулинова. РГАЛИ.

СОВРЕМЕННИКИ О ТУРГЕНЕВЕ

- С. 678 — Е. И. Бларамберг. Фотография Левицкого. Петербург, 1875 г. Литературный музей ИРЛИ.
- С. 682 — И. Е. Репин. Этюд для головы царевны Софьи. Исполнен с Е. И. Бларамберг. 1878 г. Нынешнее местонахождение неизвестно.
- С. 694 — В. С. Серова. С фотографии. Воспроизводится по: Серовы, Александр Николаевич и Валентин Александрович: Воспоминания В. С. Серовой. СПб., 1914, между с. 106 и 107.
- С. 695 — А. Н. Серов. С фотографии. Воспроизводится по: Серовы, Александр Николаевич и Валентин Александрович: Воспоминания В. С. Серовой. СПб., 1914, между с. 48 и 49.
- С. 711 — Клоди Виардо. Рисунок карандашом Л. Пича. Баден-Баден, 15 октября н. ст. 1870 г. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по: Iwan Turgenjew an Ludwig Pietsch: Briefe aus den Jahren 1864–1883 / Hsg. von Alfred Doren. Berlin, [1923]. S. 113.
- С. 720 — Анри Дюпон-Вернон в роли Тартюфа. Фотография Надара. Париж, 1870-е гг.

- С. 777 — «Тургеневский сборник» (Пг., 1915). Шмуцтитул с дарственной надписью Н. К. Пиксанова Ф. А. Витбергу: «Глубокоуважаемому Федору Александровичу Витбергу. От признательного Тургеневского Кружка и его руководителя». Библиотека ИРЛИ.
- С. 787 — В. И. Дмитриева. Любительская фотография. 1900-е гг. ГЛМ.
- С. 791 — В. И. Дмитриева в группе (сидит у столика справа). Фотография. 1910-е гг. ГЛМ.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

- С. 817 — Письмо С. Н. Тургенева к сыну Николаю. 1829–1830 гг. (?). Отдел письменных источников ГИМ.
- С. 825 — Господский дом в Спасском. Условная реконструкция С. Л. Жидковой и А. Н. Антоновой.
- С. 849 — <Опись имущества И. И. Лутовинова>. 1813 г. Первая страница. ОГЛИМТ.
- С. 871 — План усадьбы Спасское. Условная реконструкция С. Л. Жидковой и А. Н. Антоновой.
- С. 879 — «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих...» («Бархатная книга») (М., 1787. Ч. I). Титульный лист. Из Мемориальной библиотеки Тургенева. ОГЛИМТ.
- С. 881 — Герб рода Тургеневых. ОГЛИМТ.
- С. 889 — С. Н. Тургенев. Портрет неизв. художника. 1812–1813 гг. (?). ГМПЗ «Спасское-Лутовиново».
- С. 890–891 — Резолюция Тульского дворянского собрания от 2 июля 1832 г. по рассмотрению прошения С. Н. Тургенева о внесении жены и детей в 4-ю часть родословной книги Тульской губернии, выданная на имя С. С. Тургенева. Копия. Первая и последняя страницы. ОГЛИМТ.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- С. 896 — Роман «Новь» в переводе на английский язык М. Персглава (London, 2014). Лицевая и задняя обложки.

PRO MEMORIA

- С. 917 — Жужа Зельдхейи-Деак. Фотография.

**УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
И ЗАМЫСЛОВ И. С. ТУРГЕНЕВА**

- «Автобиография» — 755
«Ася» («Assja») — 53, 172, 664, 795, 803
«Бежин луг» — см. «Записки охотника»
«Безденежье» — 653, 654, 668
«Бурмистр» — см. «Записки охотника»
«Вечер в Сорренте» — 654, 655
«Вечер св. Сильвестра» — см. «La Veil-
lée de la St Sylvestre»
«Вешние воды» — 430, 795, 804
«Вильгельм Телль, драматическое пред-
ставление в пяти действиях. Соч.
Шиллера. Перевод Ф. Миллера...»,
рец. — 132
«Вист» — см. «La Partie de whist»
«Воробей» — см. «Стихотворения
в прозе»
«Воспоминания о Белинском» — см.
«Литературные и житейские воспо-
минания»
««Воспоминания о Н. В. Станкевиче»» —
652
«Встреча моя с Белинским (Письма
к Н. А. Основскому)» — 447–449,
669
«Гамлет и Дон-Кихот», *речь (ст.)* — 23,
414, 446–448, 796, 804
«Гамлет Щигровского уезда» — см. «За-
писки охотника»
«Где тонко, там и рвется» — 41, 653,
655, 781, 783
«Два поколения», *незаверш. ром.* — 756,
822
«Два помещика» — см. «Записки охот-
ника»
«Дворянское гнездо» («роман», «Une
Nichée de gentilshommes», «Лиза») —
3, 5, 8, 13 («Лаврецкого»), 22, 23, 26,
27, 41, 42, 45 («Лаврецкий»), 54, 68,
69, 72, 412, 431–450, 466, 469, 506,
654, 655, 664, 669, 670, 693, 725, 799,
806, 895, 929
«Дневник лишнего человека» — 45,
436, 793, 797, 804
«Довольно» — 656, 799, 807
«Дым» («Rauch», «Dunst», «Fumée»,
«Smoke, or Life at Baden», «Smoke») —
159, 164, 171, 173, 174, 185–202, 420,
464, 465, 470, 489, 505, 547, 548, 557,
573, 584, 659, 663, 670, 693, 696, 719
(цит.), 721, 740, 745, 753, 795, 799,
804, 807, 895, 897
«Живые мощи» — см. «Записки охот-
ника»
«Жид» — 201
«Завтрак у предводителя» — 653, 654,
666, 753

- «Записки охотника» — 21, 26, 41, 47, 53, 67, 68, 115, 117, 126, 157, 412, 507, 514, 643, 644, 670, 725–727, 729, 755–757, 760, 761, 795, 798, 805
- «Бежин луг» — 11
- «Бурмистр» — 761, 780
- «Гамлет Шигровского уезда» — 446, 793, 797, 804, 805
- «Два помещика» — 13, 667
- «Живые мощи» — 507
- «Контора» — 757
- «Однодворец Овсяников» — 14–16, 819
- «Хорь и Калиныч» — 644
- «Затишье» — 41, 171
- «Из письма в редакцию „Вестника Европы“ по поводу смерти С. К. Брюлловой» — 741
- «История лейтенанта Ергунова» («Das Abenteur des Lieutenants Jergunow») — 172
- «Казнь Тропмана» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
- «Как хороши, как свежи были розы...» — см. «Стихотворения в прозе»
- «Клара Милич (После смерти)» («Après la mort», «Nach dem Tode», «Klara Militsch») — 309, 310, 527, 528, 530–536, 809
- «Контора» — см. «Записки охотника»
- «Конец» — см. «Une fin»
- «Крóкет в Виндзоре», *стих.* — 511, 514, 627
- «Лазурное царство» — см. «Стихотворения в прозе»
- «Литературные и житейские воспоминания» — 468, 524, 557, 593, 802
- «Воспоминания о Белинском» — 447, 448, 557, 559, 592, 593, 601–603, 605, 606, 660
- «Казнь Тропмана» — 647, 667
- «Литературный вечер у П. А. Плетнева» — 598
- «О соловьях» — 26, 54
- «По поводу „Отцов и детей“» — 36, 38–40, 50, 51, 160, 524, 667, 749, 799 («статьях»), 807
- «Литературный вечер у П. А. Плетнева» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
- «Людоед» — см. «L'Ogre»
- «Месяц в деревне» — 59, 515, 639, 645, 650, 651, 654, 655, 781
- «Милый друг, когда я буду...», *стих.* — см. «Новь»
- «Муму» («Mumu») — 41, 78, 79, 115, 507, 726, 756, 757, 781, 794, 802
- «На Альбанских горах...», *стих.* — 662
- «Накануне» («On the Eve») — 23, 24, 26, 27, 34–38, 41–50, 54, 56, 70–72, 432, 505, 669, 693, 725, 801, 805, 809
- «Нахлебник» — 650, 654, 655
- «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», *ст.* — 487
- «Несколько мыслей о современном значении русского дворянства», *незавери. ст.* — 669
- «Несколько слов о Жорж Санд (Письмо к издателю „Нового времени“)» — 217, 751
- «Несчастливая» («Eine Unglückliche») — 84, 139, 172, 507, 548, 585, 586, 589 («с рукописью»), 590, 645, 660, 666
- «Новь» («Virgin Soil», «Terres Vierges», «Neuland», «Breaking New Ground») — 42–44, 186, 217, 218, 470–475, 477–481, 483, 484, 507, 522, 566, 567, 614, 623, 630, 660, 661, 710, 713 («нового романа»), 714, 720, 721, 741, 748, 751, 752, 754, 780, 781, 783, 797, 800, 801, 805, 807, 808, 821, 894, 895–916, 929, 931
- «Милый друг, когда я буду...», *стих. в тексте* — 43, 899, 908
- «Сон» («Давненько не бывал я в стороне родной...»), *стих. в тексте* — 899, 909

- «О соловьях» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
- «Обед в Обществе английского литературного фонда (*Письмо к автору статьи „О литературном фонде“*)», *ст.* — 412, 670
- «Однодворец Овсяников» — см. «Записки охотника»
- «Отцы и дети» («Pères et enfants», «Väter und Kinder», «Väter und Söhne», «Fathers and Sons», «Fathers and Children») — 13 («Одинцовый»), 22, 35, 38–41, 50, 51, 72, 73, 76, 79–81, 95, 97, 98 («Базарову»), 112, 113, 115–117, 119–136, 138–141, 144, 147–165, 172–185, 193, 201, 202, 470, 474, 481, 489, 490, 573, 589, 630, 667, 674, 693, 695, 696, 725, 763, 799, 801, 806, 807, 895, 897, 927, 928
- «Отчаянный» — 524, 823
- ««Памяти А. В. Дружинина»» — 412, 413
- «Партия в вист» — см. «La Partie de whist»
- «Первая любовь» («Erste Liebe») — 23, 42, 70–72, 160, 161, 163, 171, 726, 756, 781, 783, 794, 802, 813
- «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре», *ст.* — 101
- «Переписка» («Ein Briefwechsel») — 172, 307, 310, 780, 781, 795, 804
- «Песнь торжествующей любви» — 308–310
- «Петушков» — 201
- ««Письма о франко-прусской войне»» — 647, 666
- «Письмо из Петербурга» (««Статья о смерти Н. В. Гоголя»») — 66, 623, 643, 755, 756, 798, 805
- «Письмо к редактору <„Вестника Европы“> по поводу смерти гр. А. К. Толстого» — 609
- «По поводу „Отцов и детей“» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
- «Повести и рассказы И. С. Тургенева с 1844 по 1856» (СПб.: тип. Э. Праца, 1856) — 26, 47, 55
- «Поездка в Полесье» — 26, 53
- «Пожар на море», *оч.* — 687, 809
- «Порог» — см. «Стихотворения в прозе»
- «После смерти» — см. «Клара Милич»
- «Последний колдун» — см. «Le Dernier sorcier»
- «Постоялый двор» («Der Gasthof») — 79, 114, 507, 726, 781
- ««Предисловие к „Дневнику девочки“ С. Буткевич»» — 220
- ««Предисловие к немецкому переводу „Отцов и детей“>» — 173, 175
- ««Предисловие к отдельному изданию „Дыма“>» — 187
- «Предисловие <к переводу „Волшебных сказок“ Шарля Перро»» — 30, 219, 220, 222–224, 229, 230–233 (текст), 928
- ««Предисловие к романам»» (1880) — 56, 57, 661, 799 («статьях»), 807
- «Призраки» — 201, 675
- «Провинциалка» — 654, 655, 657, 668, 783
- «Пунин и Бабурин» — 756, 794–796, 802, 804
- «Разговор на большой дороге», *сцена* — 643
- ««Речь к московским студентам 4/16 марта 1879 г.»» — 761
- ««Речь на международном праздновании столетия со дня рождения Вальтера Скотта 28 июля/9 августа 1871 г.»» — 508
- ««Речь на обеде в „Эрмитаже“ 6/18 марта 1879 г.»» — 761
- ««Речь на обеде 19 февраля 1868 г.»» — 581
- ««Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве»» — 800, 802, 808
- ««Роман о русских и французских революционерах»», *неосуц. замысел* — 623, 624, 637

- «Рудин» — 17, 19, 20, 26–28, 31–33, 35, 36, 39–42, 45, 46, 51, 53–56, 69, 72, 438, 446, 447, 481, 670, 709 (цит.), 725, 746, 749, 797, 800, 801, 804
- «Русский язык» — см. «Стихотворения в прозе»
- «Синица» («Слышу я: звенит синица...»), романс — 253, 256
- «Слишком много жен» — см. «Trop de femmes»
- «Собака» — 201, 507
- «Собственная господская контора (Отрывок из неизданного романа)» — 726, 756, 821
- «Сон» («Давненько не бывал я в стороне родной...»), стих. — см. «Новь»
- «Сочинения И. С. Тургенева» (М.: Н. А. Островский, 1860–1861) — 26, 27, 53–55, 669
- «Сочинения И. С. Тургенева» (М.: бр. Салаевы, 1868–1871) — 36
- «Сочинения И. С. Тургенева» (М.: бр. Салаевы, 1874) — 200
- «<Статья о Жорж Санд>», неосуц. замысел — 217, 751
- «<Статья о смерти Н. В. Гоголя>» — см. «Письмо из Петербурга»
- «Степной король Лир» — 756
- «Стихотворения в прозе» («Senilia») — 615, 763, 808, 809
- «Воробей» — 801, 809
- «Как хороши, как свежи были розы...» — 664, 678
- «Лазурное царство» — 678
- «Порог» — 800, 808
- «Русский язык» — 615
- «Сфинкс» — 793
- «Странная история» («Wunderliche Geschichte») — 171, 176, 201, 202, 307, 507, 555, 660
- «Стук... стук... стук!...» — 507
- «Сфинкс» — см. «Стихотворения в прозе»
- «Три встречи» («Drei Begegnungen», «Trois Rencontres») — 134, 135
- «Три портрета» — 821
- «Фауст» («Faust»), пов. — 41, 77, 78, 115, 132, 160, 161, 446, 821
- «Холостяк» — 654, 662
- «Хорь и Калиныч» — см. «Записки охотника»
- «Шестилетний обличитель» — 49, 50
- «Яков Пасынков» — 45
- «Ausgewählte Werke» (Mitau, 1869–1884) («Избранные сочинения», «митавское издание»), 1-е изд. — 80, 117, 121, 125, 131, 133–136, 148, 152, 154, 155, 159, 160, 163, 166, 171–186, 191, 193, 194, 196–201
- «Ausgewählte Werke. Zweite Ausgabe» (Mitau, 1873–1902) («Избранные сочинения», «митавское издание»), 2-е изд. — 160, 171–185, 193
- «Le Dernier sorcier» («Последний колдун», «Кракамиш», «Krakamiche»), либретто — 73, 229, 253–256, 265, 266, 269, 273, 274, 277, 278, 280–282, 287 («первых двух»), 295, 300, 369
- «Erzählungen von Iwan Turgénjew. Deutsch von Friedrich Bodenstedt» (München, 1864–1865) — 78, 120
- «Une fin» («Конец») — 809
- «Krilof and his Fables», рец. — 509
- «Nouvelles moscovites» (Paris, 1869), сб. — 201
- «Nouvelles scènes de la vie russe» (Paris, 1863), сб. — 70, 71
- «L'Ogre» («Людоед»), либретто — 229, 260, 262–264, 266–287, 312–341 (текст), 342–363 (пер.), 364–369, 928
- «La Partie de whist» («Партия в вист»), либретто — 264, 288–293, 295–300, 306–308, 310, 370–375 (текст и пер. ранней ред.), 376–382 (текст и пер. окончательной ред.), 383, 384, 929
- «La petite chevrière» («Маленькая пастушка»), романс — 256–260, 928
- «Trop de femmes» («Слишком много жен»), либретто — 73, 229 («Паши»), 253, 265, 266, 269, 280, 281, 287 («первых двух»)

«La Veillée de la St Sylvestre» («Вечер св. Сильвестра»), *либретто* — 264, 287

«Le Whist» — см. «La Partie de whist»

ПЕРЕВОДЫ

Из Гёте

«Перед судом» («Vor Gericht»), *романс* — 260, 261

Из Гоголя

«Nouvelles russes de Nicolas Gogol», *подпись: Л. Виардо* — 66, 67, 168, 169

Из Марко Вовчка

«Институтка» («Іститутка») — 166, 168
«Украинские народные рассказы» («Народні оповідання») — 166, 168
«Козачка» — 163

Из Мёрике

«На заре» («In der Frühe»), *романс* — 254, 256 («три романса»), 261

Из неизвестного автора

«Разлука» («L' Absence»), *романс* — 254, 256 («три романса»), 260–264, 286, 928

Из Перро

«Волшебные сказки» — 166, 219–224, 227, 229, 231, 233, 424–427, 429, 430, 928, 929

«Волшебница» («Les Fées») — 222, 224–227, 229, 247, 248–251 (текст)

«Синяя Борода» («La Barbe-bleue») — 222, 227–229, 234–246 (текст), 247, 928

Из Поля

«Разгадка» («Räthzel»), *романс* — 254, 256 («три романса»), 261

Из Пушкина

«Eugène Onéguine» («Евгений Онегин») — 168, 170, 184

«Poèmes dramatiques» («Драматические поэмы») — 168, 658, 719, 753

Из Флобера

«Иродиада» («Hérodias») — 166, 168, 309
«Легенда о св. Юлиане Милостивом» («La légende de St. Julien l' Hospitalier») — 166, 168, 309

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза А. А. — 614
Абарина (наст. фам. Рейхерт) А. И. — 639, 640, 744, 754, 930
Абу (About) Э. — 644
Августа (Augusta) Саксен-Веймар-Эйзенахская, королева Пруссии с 1861, имп. Германии с 1871 — 265, 266, 268, 269, 277, 278
Августейшая семья, семья Александра II — 283 («царской семьи»), 415, 596
Авдеев М. В. — 546, 547, 551, 554, 570–573, 581, 583, 584, 659
Авдотья Антоновна — см. Овсяникова А. А.
Авенариус Н. П. — 430
Аверкиев Д. В. — 737
Агарковы — см. Огарковы
Адан (Adam; ур. Ламбер) Ж. — 219, 742
Айзеншток И. Я. — 924
Аксаков И. С. — 28, 104, 105, 466, 523, 545, 549, 595, 731
Аксаков К. С. — 28, 103, 105, 731
Аксаков С. Т. — 28, 105 («Отесеньки»), 123, 486, 541, 575, 577, 687, 731, 759
Аксакова С. С. — 759 («дочери С. Т. Аксакова»)
Аксаковы, семья — 105, 731
Александр I Павлович, рос. имп. с 1801 по 1825 — 128, 131, 149, 196, 199, 422, 892
Александр II Николаевич, рос. имп. с 1855 по 1881 — 103, 107, 110, 112, 201, 507, 523, 571, 576, 596, 618, 902
Александр III Александрович, рос. имп. с 1881 по 1894 — 781
Александрова Л. М. — 429, 537, 560, 661
Александрова Р. В. — 762 («своей невесте»)
Алексеев А. Д. — 584, 748
Алексеев М. — 843
Алексеев М. П. — 167–170, 254, 434, 471, 504, 506, 753, 918, 919, 921, 923, 925, 926
Алексеева Н. В. — 760
Алексей Михайлович (Тишайший), рус. царь и вел. кн. с 1645 по 1676 — 4
Аленицын В. Д. — 528, 536
Алифанов А. Т. — 640–642, 726, 757
Алифанова А. А. — 640, 641
Алифанова Евд. А. — 640
Алифанова Ел. А. — 640
Алифанова Н. А. — 640
Алифанова У., жена А. Т. Алифанова — 641 («жене»)
Алифановы, дочери А. Т. Алифанова — 641
Алифановы, семья А. Т. Алифанова — 757
Аллан (Allan) Л.-Ф. — 641

- Аллан-Депрео (Allan-Despréaux; ур. Росс, в зам. Аллан) Л.-Р. — 641
- Алмазов Б. Н. — 769–771
- Альбрехт (Albrecht) Г. — 78
- Альгейер (Allgeyer) Ж. и Л., фотоателье — 585, 930
- Ангелов Л. — 261, 262
- Андерсен (Andersen) Г.-Х. — 69
- Андреев Л. Н. — 787
- Андреевская, дочь И. Я. Андреевского — 418
- Андреевский И. Я. — 416, 418, 419
- Анна Иоанновна, росс. имп. с 1730 по 1740 — 880, 886
- Анненков П. В. — 19–24, 32–34, 38, 50, 51, 53, 65, 67, 124, 139, 205, 206, 210, 211, 253, 266, 268, 269, 272, 413, 415–418, 420, 421, 423, 434, 452, 459, 460, 466, 479, 490, 491, 513–515, 526–536, 539, 547, 548, 552, 555, 556, 560, 576, 577, 581, 594, 605, 606, 610, 616, 618, 619, 645, 650, 656, 657, 659, 660, 662, 666, 667, 672, 743, 746, 748, 750, 751, 753, 756, 757, 768, 771, 782, 803, 804, 808, 922, 930
- Анненков П. П. — 616, 619
- Анненкова (в зам. Нагель) В. П. — 526
- Анненский Н. Ф. — 808
- Антокольский М. М. — 422, 512, 681
- Антонова А. Н. — 825, 871, 931
- Антонова Г. Н. — 443–445
- Антонович М. А. — 128, 558, 605, 630, 807
- Антропов Л. Н. — 427, 430
- Антропов Н. Н. — 427, 430
- Антропова (ур. Собаньская), жена Н. Н. Антропова — 427
- Анучин Д. Н. — 689
- Анштетт (Anstett) М. — 575 («Вашей хозяйке»)
- Апраксин В. В. — 467
- Апрелев Б. П. — 690
- Апрелев Г. П. — 690
- Апрелев П. В. — 688, 689
- Апрелева Е. И. — см. Бларамберг Е. И.
- Апухтин А. Н. — 12, 894
- Апухтин Г. П. — 844
- Апухтин П. П. — 880
- Апухтины, род — 3
- Араго (Arago) Э. — 60
- Аргамакова Е. И. — см. Лутовинова Елиз. И.
- Ардов — см. Бларамберг Е. И.
- Ариосто (Ariosto) Л. — 802
- Аристофан — 301, 749
- Аронхайм (Aronheim) Ж. — 121, 122
- Артемьева И. Н. — 638
- Арцимович (ур. Жемчужникова) А. М. — 561, 562
- Арцимович В. А. — 561, 562, 613
- Аскоф (Ascough) К. — 149, 150
- Аскоченский В. И. — 209
- Атрепьев Г. — см. Отрепьев Г.
- Ауэрбах (Auerbach) Б. — 36, 101, 102, 104, 106, 108, 115, 116, 121, 602, 927
- Афанасьев А. И. — 641, 642
- Афанасьев А. Н. — 505
- Афанасьев И. А. — 641, 642
- Афанасьева А. А. — 642
- Ашетт (Nachette) Ж.-Ж. — 525
- Ашихмина Е. Н. — 3
- Багницкий Д. Р. — 809**
- Багровы, предки А. А. Григорьева — 442
- Базанов В. Г. — 814
- Базаров И. И. — 589, 590
- Базилевский В. И. — 642, 643
- Байар (Bayard) Ж.-Ф.-А. — 651, 652
- Баймаков Ф. П. — 626
- Байодз (Baillodz) А., фон — 267, 269, 270, 272–274, 276, 277
- Байрактарян (Bayraktarian) И. — 261
- Байрон (Byron) Дж.-Г. — 662, 909
- Бакунин В. М. — 814
- Бакунин М. А. — 28–33, 39, 40, 52, 90, 96–98, 143, 476, 481–483, 491, 521 («бакунистов»), 664
- Бакунин П. А. — 90
- Бакунина (ур. Квятковская) А. К. — 29 («польку»), 664
- Бакунина-Осоргина Т. А. — 522

- Бакунины, братья М. А. Бакунина — 463
- Бакунины, семья М. А. Бакунина — 491
- Балакирев М. А. — 610
- Балашов З. Ф. — 500, 725–727, 736, 756
- Балашова, дочь З. Ф. Балашова — 725
- Балашова, жена З. Ф. Балашова — 725
- Бальзак (Balzac) О., де — 208, 624
- Балыкова Л. А. — 219, 227, 429, 515, 623, 671, 691, 751, 814, 816, 819
- Бальмонт К. Д. — 787
- Барановский А. И. — 574
- Баренбойм Л. А. — 593
- Барсуков Н. П. — 643
- Бартенев П. И. — 505, 563, 577, 598, 822
- Баскаков В. Н. — 926
- Баталин И. А. — 643, 644
- Батчелдер (Batchelder) Дж. Д. — 520
- Батюто А. И. — 51, 152, 481, 573, 596, 656, 751, 900
- Батюто С. А. — 134, 656
- Батюшков К. Н. — 85
- Бах (Bach) И.-С. — 298
- Бах (Bach) М. — 261
- Бахе (Bache) В. — 301
- Бахе (Bache) С. — 301 («сестре»)
- Бахметьев П. А. — 482
- Бахревский В. А. — 739, 759
- Бебутов К. А. — 644, 645
- Бегичев С. Н. — 814
- Беженовы, род — 11
- Бежин Б. А. — 11, 12
- Бежин Л. А. — 12
- Бежин М. А. — 11, 12
- Бежин Я. — 11
- Бекетов В. Н. — 24, 25, 35, 43, 44, 47, 48
- Беккер (Becker) О. — 103
- Белехова С. П. — 426
- Белинский В. Г. — 24, 25, 43, 45, 51, 94, 183, 220, 444, 447–450, 463, 476, 486, 490, 505, 557, 558, 592, 606, 641, 660, 664, 668, 762, 766, 794–796, 801, 802, 804, 922
- Беллини (Bellini) В. — 704 («в Норме»)
- Белоголовый Н. А. — 735, 761
- Белозерский В. М. — 455–460
- Белосельская-Белозерская (ур. Скобелева) М. Д. — 760
- Беляев Ю. Д. — 747, 763
- Бенардаки (Бернардаки) Д. Е. («зал») — 107, 420
- Бенедико, художница — 789
- Бензен (Benzen) Э. — 508
- Бензен (Benzen), семья Э. Бензена — 508
- Бентли Р. — 505
- Бергамаско К. И. — 612, 930
- Бергнер (Bergner) К.-А. — 927
- Бере (Behre) Б.-Э. — 80, 124, 132, 133, 135, 139, 159, 163, 171–174, 183, 185–188, 190–193
- Беренс (Baerens) Дж. — 186
- Берков П. Н. — 540, 609
- Берлиоз (Berlioz) Г. — 290, 301, 302
- Бернандт Г. Б. — 305
- Бернгардт (Bernhardt) Г. — 116, 136
- Бернштейн М. Д. — 644
- Берс А. Е. — 811
- Берс А. (Е.) И. — 844
- Берс (ур. Вульфферт) Е. И. — 844
- Бертенсон Л. Б. — 528, 530, 533, 536
- Бестужев А. А. — 672
- Бестужев Н. А. — 672
- Бетховен (Beethoven) Л., ван — 297, 704 («Фиделио»)
- Бёрне (Börne; наст. имя Барух И. Л.) Л. — 84
- Бизюкин Ф. И. — 490
- Бильбасов В. А. — 644
- Бирлов Н. Ш. — 5, 6, 10
- Бирлов Ш. — 5
- Бирловы, род — 7
- Битюгова И. А. — 761
- Благоволина Ю. П. — 462, 463
- Блан (Blanc) Л. — 60
- Бланпен (Blanpain) Н. — 621
- Бланшар (Blanchard) А. — 646
- Бларамберг (Апрелева-Ардов) Е. И. — 302, 658, 659, 676–762, 764–776, 778–783, 930
- Бларамберг И. Ф. — 677

- Бларамберг П. И. — 677–679, 681, 685, 738, 759
- Бларамберг-Чернова (ур. Врангель) М. К. — 679
- Блюммер Л. П. — 108, 677
- Боборькин П. Д. — 536, 674, 747, 751
- Бобосов А. Ю. — 792
- Бобринская (ур. Писарева) А. А. — 618
- Бобринский А. П. — 614, 618
- Бобринский В. А. — 610, 614
- Бобров С. П. — 224
- Боваль (Beauval) А. — 267, 269, 270
- Бове (Beauvais) С. А., де — 681
- Богданов А. Ф. — 645, 650
- Богданов Б. В. — 815, 820, 824
- Богданова Н. Г. — 775
- Боголюбов А. П. — 686, 742, 755, 759
- Боград В. Э. — 20, 48
- Боденштедт (Bodenstedt) Фр. — 78, 88, 89, 100, 105, 115, 120–122, 132, 159, 161, 168, 253, 260, 516
- Бодлер (Baudelaire) Ш. — 671
- Бодри (Baudry) П.-Ж.-Э. — 645
- Бойесен (Boyesen) Х. Х. — 66
- Болеславица Б. (наст. имя Крашевский Ю. И.) — 158
- Больц (Boltz) А. — 115
- Бонапарт (Bonaparte) Жером, король Вестфальский — 646
- Бонапарт (Bonaparte) Иосиф, король Испании, брат Наполеона I — 646
- Бонапарт (Bonaparte) Луи — см. Наполеон III
- Бонапарт (Bonaparte) Люсьен, брат Наполеона I — 646, 647
- Бонапарт (Bonaparte) Н.-Ж.-Ш.-П. (принц Жером Бонапарт) — 646, 656
- Бонапарт (Bonaparte) Пьер Наполеон, принц — 646, 647, 666, 667
- Бондарский И. А. — 755
- Бонинг (Bonunge) Р. — 254
- Бонч-Бруевич В. Д. — 786, 923
- Борель, ресторатор — 653
- Борзенков Н. С. — 840
- Борисов А. Ф. — 500
- Борисов И. П. — 222, 268, 273, 301, 303, 304, 424, 461–465, 470, 494, 495, 546, 561, 564, 579, 605, 750, 757
- Борисоглебская Г. Н. — 778
- Бородин В. С. — 453
- Борщевский С. С. — 32
- Боткин В. П. — 32, 33, 35, 39, 40, 46, 51, 53, 124, 432, 434, 462, 464, 465, 490, 491, 494, 539, 547, 548, 575, 576–578, 581, 605, 608, 802, 922
- Боткина (ур. Третьякова) А. П. — 687
- Ботникова А. Б. — 81, 86, 88, 94, 99, 165
- Бочков В. Н. — 596
- Брайткопф (Breitkopf), музыкальное издательство — 253, 302
- Брамс (Brahms) Й. — 265
- Бранденбург (Brandenburg) И. — 781
- Браун Ф. А. — 778
- Браунинг (Browning) Р. — 508, 656
- Браунинг (Browning) Р. В., сын Р. Браунинга — 508
- Брахман С. Р. — 211
- Бреслау (Breslau) Р. — 116
- Брисман М. А. — 97
- Бродская Л. М. — 78, 164
- Бродский Н. Л. — 28, 56, 674, 807, 922
- Брокгауз Ф. А. — 95, 564
- Бронте (Brontë), сестры Ш., Эмили и Энн — 71 («Йоркширские леди»)
- Бронь Т. И. — 755
- Бруардель (Brouardel) П.-К.-И. — 531, 533
- Брюллов К. П. — 662
- Брюллова С. К. — см. Кавелина С. К.
- Брюэр (Bruère) В.-Э.-Гастон, зять Т. — 293, 498, 501, 664, 722, 755
- Брюэр (Bruère; «папаша Брюэр») Ж.-Б.-Э., отец В.-Э.-Г. Брюэра — 293, 294
- Брюэр (Bruère) Жанна, внучка Т. — 501, 502, 722
- Брюэр (Bruère) Жорж, внук Т. — 501, 502, 722
- Брюэр (Bruère) Полина — см. Тургенева П. И.
- Брюэр (Bruère), семья дочери Т-ва П. Брюэр — 293

- Брянский А. М. — 654
 Бугаев Н. В. — 761
 Буданова Н. Ф. — 472, 477, 481, 483, 614, 741, 808, 895, 900
 Булгарин Ф. В. — 87, 814, 815
 Бульвер-Литтон (Bulwer-Lytton) Э. Дж. — 647, 648
 Бульвер-Литтон (Bulwer-Lytton) Э. Р., сын Э. Дж. Бульвер-Литтона — 648
 Булье, г-жа, петербургская домовладелица — 690, 691, 722, 723
 Бунаков А. И. — 840
 Бунаков Н. Д. — 845, 847
 Бунин А. И. — 12
 Бунин И. А. — 12
 Буренин В. П. — 596, 685, 689, 748, 788
 Буренин С. П. — 788
 Бурже (Bourget) П.-Ш.-Ж. — 624, 742
 Буровая Г. К. — 682
 Буслаев Ф. И. — 505
 Буткевич С. М. — 220
 Бухштаб Б. Я. — 540, 541, 545, 609, 613
 Буше (Boucher) Фр. — 648
 Бушканец Е. Г. — 630
 Бычков И. А. — 778
 Бюлоз (Buloz) Фр. — 124
 Бюснак (Busnach) В.-Б. — 210
 Бюхнер (Büchner) Л. — 128

 Вагнер (Wagner; ур. Лист) К. — 300, 301
 Вагнер (Wagner) Р. — 295–298, 300–310, 586, 587, 591, 702, 712, 737, 750
 Вакери (Vacquerie) О. — 672
 Ваксель П. Л. — 692
 Валантен (Valentin) Ш.-С. — 271, 365
 Валлес (Vallès; ур. Паскаль) Жюли — 630
 Валлес (Vallès) Ж. — 620–638, 671, 930
 Валуев П. А. — 106, 614
 Вандалковская М. Г. — 689
 Варенцова Е. М. — 681, 684, 686, 688, 692, 792
 Василенко (в зам. Левитон) М. Л. — 648, 649
 Василий II Васильевич Темный, вел. кн. Московский с 1425 — 878, 883
 Василий III Иванович, рус. царь и вел. кн. с 1505 по 1533 — 884
 Васильев Д. В., свящ. — 809
 Васильев Н. — 419
 Васильев 2-й П. В. — 649, 650
 Васильев П. П. — 756, 760
 Васильева (ур. Лаврова) Е. Н. — 645, 650, 651
 Васильчиков А. А. — 570–572
 Васильчиков А. И. — 616, 618, 619
 Васильчиков В. И. — 616, 618, 619
 Васильчиков Н. А. — 814
 Васильчикова (ур. Олсуфьева) О. В. — 568, 570, 572
 Васильчиковы, семья О. В. и А. А. Васильчиковых — 568, 570, 572
 Веген (Wegen) А. — 145, 928
 Вейденгаммер (Weidenhammer) И. Ф. — 810, 811, 817
 Вейсе (Weiß) Х.-Ф. — 651
 Велихов А. Т. — 427, 429
 Велихов Л. А. — 429
 Велихова М. А. — см. Красовская М. А.
 Велихова М. В. — см. Рашет М. В.
 Велиховы, семья М. В. и А. Т. Велиховых — 427
 Вельяминов С. Е. — 846
 Венгеров С. А. — 778, 808
 Веновитинов А. А. — 880
 Венявский Г. — 742
 Верди (Verdi) Дж. — 703, 704, 746
 Веретенников Н. П. — 419, 720, 754
 Верещагин В. В. — 515
 Верне (Vernet) Ш.-Э. — 651, 652
 Вет (Vet) Р., де — 122
 Виардо (Viardot) Берта, сестра Л. Виардо — 60, 62, 64, 294
 Виардо (Viardot) Жанна-Маргарита (Женни), сестра Л. Виардо — 60, 62, 64
 Виардо (Viardot; в зам. Шамро) Клоди — 269, 270, 272 («Клаудиа»), 273, 280, 295, 300 («младшие дочери»), 301, 303–305, 479, 498, 513, 701, 710, 711, 729, 743, 745, 749, 780, 930
 Виардо (Viardot) Луи-Клод — 59, 60, 62, 64, 66, 67, 71, 72, 124, 168, 169, 184, 267, 269, 293–295, 493, 514, 516, 658,

- 691, 692, 700–702, 735, 743, 745, 751, 753, 767, 805, 895, 898
- Виардо (Viardot) Луиза — см. Эррит Л.-П.-М.
- Виардо (Viardot; в зам. Дювернуа) Марианна — 269, 270, 272, 280, 300 («младшие дочери»), 303, 687, 688, 691, 692, 700, 701, 710, 714, 715, 729, 734–736, 743, 744, 761, 762
- Виардо (Viardot; ур. Гарсиа) М.-Ф. Полина — 58–65, 68, 73, 74, 101, 221, 229, 233, 252–254, 256–274, 276–278, 280–288, 290–298, 300–308, 310, 311, 364–371, 373, 376, 382–384, 385–409 (партитура «La Partie de whist»), 428, 432, 434, 437, 492, 496, 497, 508, 513, 514, 531, 532, 535, 546, 556, 570, 572, 573, 575, 577, 582, 586, 589, 591, 601, 608, 610, 615, 623, 639–641, 648, 649, 651, 656, 658, 660, 662, 666, 667, 676, 679, 687, 691–693, 697, 700–704, 706, 709, 710, 712–719, 721, 722, 728–730, 737–746, 751, 753–755, 760, 767, 776, 778–780, 782, 798, 805, 809, 898, 928, 929
- Виардо (Viardot; в зам. Гийон) Нанин, сестра Л. Виардо — 60, 62, 64
- Виардо (Viardot) Поль-Жоашен, сын П. и Л. Виардо — 267, 269–272, 277, 280, 282, 283, 295, 587, 721, 742, 754, 755
- Виардо (Viardot), семья П. и Л. Виардо — 62, 64, 73, 254, 265, 272, 273, 287, 290, 294, 295, 369, 428, 479, 507, 535 («мои здешние»), 583, 587, 608, 656, 667, 682, 684, 688, 690, 696, 697, 709, 711, 712, 714, 716, 730 («все»), 736 («мы»), 740, 742–745, 751, 753–755, 764, 780, 781, 805, 809
- Виардо, супруги П. и Л. — 60, 64, 74
- Видерт (Viedert) А. — 115
- Видре Е. М. — 117
- Визард-Владыкина Л. Я. — 435, 436
- Виктор-Эммануил (Vittorio Emanuele), король Италии — 646
- Виктория (Victoria), англ. королева — 209, 511, 512, 627
- Виктория Аделаида Мария Луиза, крон-принцесса прусская, жена Фридриха Вильгельма Николая Карла — 253
- Викторов П. П. — 733 («студент»), 760
- Викторович В. А. — 748, 924
- Виленская Э. С. — 52
- Вильгельм I (Wilhelm I), король Пруссии с 1861, имп. Германии с 1871 — 253, 265 («король»)
- Витберг Ф. А. — 678, 690, 691, 775, 777, 778, 809, 931
- Витгенштейн Л. П. — 814
- Витгенштейн П. X — 178
- Виттакер Р. — 435
- Вогюэ (Vogüé) М., де — 747
- Воейков Н. Г. — 827
- Войналович Е. В. — 542, 545
- Волков Е. С. — 571
- Волконские, семья С. Г. Волконского — 422
- Волконский С. Г. — 410, 419, 422, 814
- Волконский Ф. Ф. — 883
- Волнов С. И. — 499
- Волосиновский (Volosinovszki) М. — 136
- Вольтер (Voltaire; наст. имя Аруэ Ф.-М.) — 112, 816, 821
- Вольф А. И. — 650
- Вольф М. О. — 220, 221, 426
- Вольфзон (Wolfsohn), мать В. Вольфзона — 82
- Вольфзон (Wolfsohn) А., второй сын Э. и К.-В. Вольфзон — 101
- Вольфзон (Wolfsohn; в зам. Вальден) В., дочь Э. и К.-В. Вольфзон — 101
- Вольфзон (Wolfsohn; псевд. С. Lpn, Carl Maier) К.-В. — 76–117, 119–123, 125–133, 136, 138–140, 144, 146–148, 151–158, 161, 164, 165, 927
- Вольфзон (Wolfsohn) М., отец К.-В. Вольфзона — 82, 92
- Вольфзон (Wolfsohn; впоследствии Вольтерс) М.-В., старший сын Э. и К.-В. Вольфзон — 92, 100, 101
- Вольфзон (Wolfsohn) Фр., третий сын Э. и К.-В. Вольфзон — 101

- Вольфзон (Wolfsohn; ур. Гей) Э., жена К.-В. Вольфзона — 83, 84, 90 («невестой»), 99–101, 138 («супругой»)
- Вольфзоны (Wolfsohn), семья — 84, 90
- Вольфзоны (Wolfsohn), семья Э. и К.-В. Вольфзон — 103
- Вольцоген (Wolzogen) Г.-Д., фон — 77, 81
- Воронова Е. П. — 420
- Вревская (ур. Варпаховская) Ю. П. — 752
- Вулф (Woolf) В. — 907
- Вырубов Г. Н. — 521, 522
- Вьтженс (Wytzens) Г. — 135
- Вяземский П. А. — 91, 106, 672
- Вяземский П. П. — 510
- Габель М. О. — 19, 33, 53–56
- Гагерн (Gagerн), нем. род — 438
- Гаевский В. П. — 413, 419
- Гаклендер (Hackländer) Ф.-В., фон, основатель и редактор журнала «Über Land und Meer» — 144, 163, 164
- Галахов А. Д. — 417, 929
- Галахова (ур. Шеншина) О. В. — 809, 877
- Галаховы, семья О. В. и Н. П. Галаховых — 824
- Галиньяни (Galignani), книготорговый и издательский дом — 59
- Гальперин В. А. — 621, 638
- Гальперин-Каминский (Halpérine-Kaminsky) И. Д. — 219
- Гальт (Galt) Дж. — 68, 69
- Ган (ур. Фадеева) Е. А. — 95, 100, 161
- Гарнет (Garnett) К. — 896
- Гарсиа (Garcia) М., отец П. Виардо — 295
- Гарсиа (Garcia) М.-П.-Р., брат П. Виардо — 74, 75
- Гарсиа (Garcia; ур. Сичес) Х., мать П. Виардо — 294
- Гартман (Hartmann) М. — 134, 135, 143, 186, 189–193, 269
- Гаршин В. М. — 527, 735, 762, 787, 789–791
- Гаршин Е. М. — 756, 758, 762, 808
- Гаспарини Н. В. — 685
- Гастино (Gastineau) О. — 210
- Гатцук А. А. — 680
- Гашетт — см. Ашетт Ж.-Ж.
- Гварини (Guarini) Дж.-Б. — 65
- Гегель (Hegel) Г.-Ф.-В. — 794, 797, 802
- Гей (Gey) А., отец Э. Гей — 84
- Гей (Gey) Э. — см. Вольфзон Э.
- Гейзе (Heuse) П. — 160–163
- Гейлигенталь (Heiligenthal) Ф. — 603, 607
- Гейне (Heine) Г. — 254
- Гелиогабал — 656
- Генералова Н. П. — 19, 49, 51, 185, 203, 217, 219, 443, 507, 577, 589, 590, 609, 620, 623, 628, 646, 647, 667, 743, 745, 751, 925, 926
- Геннади Г. Н. — 611
- Генрих VIII (Henry VIII) Тюдор — 437
- Гербель Н. В. — 762
- Гервег (Herwegh) Г. — 84, 85, 88, 90, 91
- Герн (Gern) А.-Л. — 652
- Гертель (Härtel), музыкальное издательство — 253, 302
- Герцен А. А. — 30, 479 («детей Герцена»), 595
- Герцен А. И. («лондонские пропагандисты») — 29, 30, 36, 51–53, 56, 92, 95, 99–101, 168, 187, 422, 434, 445, 452, 476, 479, 480, 482, 483, 505, 520, 521, 554, 555, 571, 573, 593–595, 605, 672, 709, 781, 783, 795, 802, 803, 922
- Герцен Н. А. (Тата) — 479, 480
- Герцен (в зам. Моно) О. А. — 479 («детей Герцена»)
- Гессен С. Я. — 422
- Гетцель Ж. — см. Этцель П.-Ж.
- Гёпферт (Göpfert) Фр. — 81, 91, 104, 105
- Гёте (Goethe) И.-В. — 59, 101, 151, 260, 261, 276 (цит.), 450, 746, 754, 798, 911 («гетевского»)
- Гиляров-Платонов Н. П. — 26
- Гиляровский В. А. — 895
- Гинзбург (Ginsburg) К. — 535
- Гинс Н. К. — 775, 779

- Гинцбурги, банкирский дом — 501
 Гиппо К. С. — 677
 Гирс Д. К. — 785
 Гиртц — 533
 Гитлиц Е. А. — 56
 Гитович И. Е. — 637
 Гладкова Т. Л. — 522
 Глазунов А. А. — 842
 Глазунов И. И. — 501
 Глинка Ф. Н. — 814
 Глюк (Gluck) К.-В. — 73, 739, 742, 746
 Глюмер (Glümer) Б., фон — 142–144, 146
 Глюмер (Glümer) К., фон — 76, 80, 81, 136–165, 927, 928
 Глюмер (Glümer) К.-В., фон — 142, 143
 Глюмер (Glümer; ур. Шпор) Ш., фон — 142
 Глюмер (Glümer), семья — 142
 Гнедич П. П. — 639
 Гоголь Н. В. («гоголевский») — 25, 55, 65–67, 88, 95, 100, 114, 115, 167–169, 467, 505, 623, 643, 653 («Ревизор»), 687 («в гоголевскую комнату»), 718, 724, 733, 750, 755, 756, 787, 798, 805, 902, 923
 Годар (Godard) Б.-Л.-П. — 717, 753
 Гозенпуд А. А. — 610
 Голицын А. П. — 186, 187, 189 («собратье»), 192
 Голицын Н. Н. — 692
 Голицын С. П. — 453
 Голованова Т. П. — 23, 168, 416, 423, 431, 432, 434, 437, 444, 571, 573, 577, 596, 746, 926
 Головин А. Т. — 870
 Головкин И. А. — 12
 Головнин А. В. — 113, 672
 Голесурси (Galsworthy) Дж. — 906
 Гольдсмит И. А. — 629, 630
 Гольдштейн М. Э. — 649
 Гонкур (Goncourt) Ж., де — 213, 923
 Гонкур (Goncourt) Э., де — 203, 204, 207, 213, 627, 648, 707, 744, 749, 752, 923
 Гонкуры (Goncourt), братья Ж. и Э., де — 203, 206, 212, 213, 648, 707, 716, 749, 923
 Гончаров И. А. — 23, 24, 31, 124, 505, 534, 539, 555, 583, 584, 602, 748, 765, 799 («Обрыв»), 806, 896, 918, 920, 923
 Горбунов И. Ф. — 652, 653
 Горохова Р. М. — 170, 185, 187, 201
 Горький М. (наст. имя Пешков А. М.) — 800
 Гот, издатель альманаха — 742
 Готорн (Hauthorne) Н. — 19, 20, 30, 31, 34, 38–40, 45, 46, 49, 51, 53, 55, 66, 67, 69, 70
 Готье (Gautier) Т. — 671, 749
 Гранжар (Granjard) А. — 120, 516, 926
 Грановский Т. Н. — 92, 101, 476, 486, 652
 Грибкова Е. М. — 810
 Грибоедов А. С. — 129, 645, 658, 666, 670
 Григорович Д. В. — 47, 527, 534, 539, 654, 664, 665, 727, 757, 762, 763, 895
 Григорьев А. А. — 431, 434–450, 663, 923
 Григорьев А. И. — 435, 437, 440, 442
 Григорьев 1-й П. И. — 653
 Григорьева Т. А., мать А. А. Григорьева — 435, 437
 Григорьян М. М. — 31
 Гриффитс (Griffiths) Р. — 149, 150
 Гродецкая А. Г. — 537, 609, 661
 Громов В. А. — 220, 413, 466, 467, 470, 640–645
 Грот К. Я. — 509
 Грот Я. К. — 505, 509, 808
 Грузинский А. Е. — 480
 Груссе (Grousset) П. — 646, 666
 Гун К. Ф. — 759
 Гуно (Gounod) Ш.-Ф. — 294, 701, 742, 744
 Гуревич С. Е. — см. Ромм С. Е. (И.)
 Гусев Н. Н. — 605
 Гутьяр Н. М. — 665, 687, 755
 Гуцков (Gutzkow) К. — 738
 Гюго (Hugo) В. — 215, 216

- Давыдов В. Н. (наст. имя Горелов И. Н.) — 654
- Давыдов (Давидов, Davidoff) К. Ю. — 742
- Даль В. И. — 114, 225, 747, 802
- Дараган М. И. — 35
- Даргомьжский А. С. — 702
- Дашков П. Я. — 813
- Делаво (Delaveau; Lecointe Delaveau) И.-Ш. — 68, 123–125, 131, 133, 201
- Делаво, жена И.-Ш. Делаво — 124
- Демидов П. В. — 610, 618
- Демидова (ур. Писарева) Л. А. — 610, 618
- Демидова, м-ль, подруга Л. Эрिटт — 679
- Демидовы, семья Л. А. и П. В. Демидовых — 618
- Деммер (Demmer) Г. — 123
- Ден Т. П. — 168, 756, 813–815
- Деникин А. И. — 690
- Депре (Dépret) Л. — 583
- Державин Г. Р. — 85, 88, 427, 430, 818–820, 822
- Державина (ур. Бастидон) Е. Я. — 430
- Децебал (Decabalus) — 656
- Дешанель (Deschanel) П. — 742
- Дешанель (Deschanel) Э.-О.-Э.-М. — 742
- Джакометти (Giacometti) П. — 737
- Джеймс (James) Г. старший — 632
- Джеймс (James) Г. — 209, 504, 513, 514, 516, 632
- Джеймс (James) Э. — 632
- Джоветт (Jovett) Б. — 508, 511, 512, 514
- Диккенс (Dickens) Ч. — 70, 73, 161, 206
- Дильк (Dilke) Э. У. — 507, 623, 895
- Дмитриев И. И. — 85
- Дмитриев И. Ф., отец В. И. Дмитриевой — 785
- Дмитриева, мать В. И. Дмитриевой — 785
- Дмитриева В. И. — 784–793, 798, 801, 802, 806, 808, 809, 931
- Дмитриевы, братья и сестры В. И. Дмитриевой — 785
- Дмитриевы, семья И. Ф. Дмитриева — 785
- Дмитришин (Dmytrychyn) И. — 219
- Дмитрюхина Л. В. — 227, 429, 515, 623, 691, 751
- Добродеев, прапорщик — 819
- Добролюбов Н. А. — 20, 21, 24, 25, 30, 33–50, 52, 56, 611, 669, 795, 798, 803, 805, 806, 898, 923
- Добужинский М. В. — 654, 655
- Доде (Daudet) А. — 203, 211, 212, 624, 625, 627, 691, 707, 716, 744, 749
- Долгоруков В. А. — 598
- Долинин А. С. — 669
- Долле (Dolle) П. — 164
- Долотова А. М. — 922
- Доманицкий В. Н. — 456, 460
- Домициан (Domitianus) — 656
- Дондуков-Корсаков А. М. — 644
- Доре (Doré) Г. — 219, 220, 222, 224, 233, 425–427, 427
- Дорн (Dohrn) В. — 81, 83
- Дорофеев В. П. — 922
- Дорошкевич А. К. — 453, 454, 456, 457
- Достоевская (ур. Сниткина) А. Г. — 147
- Достоевский Ф. М. — 77, 79, 94, 114, 115, 117, 130, 139, 147, 160, 165, 170, 207, 416, 476–479, 522, 636, 668–670, 783, 807, 809, 896, 906, 923
- Драгоманов М. П. — 674, 781
- Дружинин А. В. — 23, 33, 53, 411–413, 415, 417–420, 539, 659, 668, 924, 929
- Дудко В. И. — 451, 456, 460
- Дудышкин С. С. — 23, 41, 417, 929
- Дурасов Б. В. — 837, 838
- Дуров С. Ф. — 416, 419
- Дьяков Д. А. — 561
- Дьяковы, семья — 560, 561
- Дювель (Duvel) В. — 164
- Дювернуа (Duvernoy) М. — см. Виардо М.
- Дювернуа (Duvernoy) В.-А. — 743
- Дюкан (Du Camp) М. — 479
- Дюма (сын) (Dumas-fils) А. — 213–215, 626, 627
- Дюма (Dumas) М. — 290, 656–658, 719, 753, 930
- Дюпон-Вернон (Dupont-Vernon) А. — 658, 720, 754, 930

- Дюран (Durand) А. — 895
 Дюран (Durand) Э.-А. — 531, 895
 Дягилев П. П. — 667
 Дягилев С. П. — 654, 667
 Дягилева Е. В. — см. Панаева Е. В.
- Евгенийев-Максимов В. Е. — 918
 Евлентьев К. Г. — 418, 419
 Егоров Б. Ф. — 31, 435, 436, 438, 439, 539, 923
 Егурнов И. — 7
 Екатерина II Алексеевна, рос. имп. с 1762 по 1796 — 13 («постекатерининские»), 820, 821, 880, 892
 Елизаветина Г. Г. — 922
 Елисеев Г. З. — 605, 625
 Елисеев И., тит. совет. — 892
 Емельян (Омельян), свящ. — 6, 7
 Ергольская Т. А. — 673 («тетенька Туанетта»)
- Еремин Ю. Г. — 802
 Ершов В. А. — 785
 Ершов П. П. — 540
 Ефимов С. Е. — 846
 Ефрем, митрополит — 4
 Ефремов А. П. — 662
- Жаклар (Jaclard) А. В.** — см. Корвин-Круковская А. В.
Жаклар (Jaclard) В. — 632, 634–638
Жаклар (Jaclard), семья А. В. и В. Жаклар — 636–638
Жданов В. А. — 539
Жегалкин Ф. А. — 842
Жекулин (Žekulin) Н. Г. — 126, 132, 170, 202, 252, 254, 260, 265, 307, 309, 526, 922, 928
Жемчужников Ал-др М. — 538, 542
Жемчужников Алексей М. — 425, 537–611, 614, 616, 618, 619, 659–661, 669, 670, 930
Жемчужников В. М. — 537, 539, 540, 542, 556, 582, 591, 592, 609–618, 659, 930
Жемчужников Л. М. — 537, 542, 659
Жемчужников М. А. — 545
Жемчужников М. Н. — 542, 614, 615
- Жемчужников Н. М. (Буда-Жемчужников)** — 537, 614, 659
Жемчужникова (1867–1868), дочь Е. А. и А. М. Жемчужниковых — 575, 576, 584 («своей младшей дочери»)
- Жемчужникова А. А. (Пуши)** — 425, 568 («нашу Настю»), 585, 586–590, 659
Жемчужникова (ур. Дьякова) Е. А. — 425, 543, 545–547, 560, 561, 563, 565, 566, 568, 570, 572, 575, 576, 580, 582–586, 591, 592, 597, 599–601, 604, 606, 608, 618, 619, 659–661, 930
Жемчужникова Л. А. — 545, 570, 572, 595, 615
Жемчужникова М. А. — 545
Жемчужникова (в зам. Рорец; Баратынская) О. А. — 545, 570, 572
Жемчужникова (ур. Перовская) О. А. — 613
Жемчужниковы, братья — 595, 613, 619
Жемчужниковы, семья Е. А. и А. М. Жемчужниковых — 425, 545, 546, 564, 571, 574 («все»), 579, 582–584, 586, 588, 589, 592, 603, 604, 608, 618, 619, 659
- Жерар (Gégard), музыкальное издательство** — 233, 290
Живокини В. И. — 652
Жидкова С. Л. — 651, 662, 664, 670, 673, 674, 756, 811, 818, 820, 824, 825, 871, 931
Житов Д. П. — 4
Житова (ур. Богданович-Лутовинова) В. Н. — 792, 802, 816, 923
Житомирская С. В. — 480
Жоанн (Joanne) П. — 743
Жонво Э. — 677
Жуков Д. А. — 540, 560, 609, 611, 613
Жуков К. Н. — 521
Жуковская Л. М. — 778
Жуковский В. А. — 12, 85, 88, 178, 673, 718, 719, 897, 912
Жуковский Ю. Г. — 558, 605
Журавлева А. И. — 444
Жутовская Н. М. — 117

- Заблоцкий-Десятовский А. П. — 414, 417, 929
- Заборов П. Р. — 170, 636
- Заборова Р. Б. — 254, 416, 422, 485, 493
- Загоскин Н. Ф. — 840
- Загуляев М. А. — 671
- Занд Ж. — см. Санд Ж.
- Загуловская Л. Д. — 877
- Звигильская Т. А. — 692
- Звигильский (Zviguilsky) А. Я. — 124, 219, 285, 369, 577, 743, 745, 751, 926
- Зельдхейи-Деак (Zöldhelyi) Ж. — 917–921
- Зильберштейн И. С. — 515, 516, 523, 655, 682, 759
- Златовратский Н. Н. — 808
- Золотницкий И. П. — 681, 767
- Золя (Zola) Э. — 203–218, 622, 624–629, 632, 637, 667, 671, 691, 707, 716, 717, 742, 744, 749
- Зорин Л. Г. — 661
- Зубова (ур. Кокошкина) М. Н. — 77
- Иван Яковлевич, юродивый** — 605
- Иванов И. И. — 475, 476, 478, 482, 783
- Иванов П., свящ. — 820
- Иванов-Натов А. — 414
- Иванова (в зам. Калугина) А. Е., мать П. И. Тургеневой — 664, 722, 755
- Иванова Т. Г. — 667
- Ивашев В. П. — 814
- Ивлев, секретарь — 887
- Игнатьев Н. П. — 523
- Измайлов А. А. — 691
- Измайлов Н. В. — 33, 56, 168, 169
- Ильина А. М. — 827
- Иноземцев А. — 836
- Иоанн, священник в Абрамцево — 687
- Иоанн (Иван) IV Васильевич (Грозный), вел. кн. Московский с 1533, рус. царь с 1547 — 114
- Иоанн (Иван) V Алексеевич, рус. царь и вел. кн. с 1682 по 1696 — 878, 884
- Иогансен А. Ф. — 253, 254, 256, 260–262
- Ипатова С. А. — 410, 424, 515, 596, 623, 626, 676, 691, 761
- Ипсиланти, братья А. К. и Д. К. — 814
- Ирвинг (Irving) В. — 69
- Ирлин А. Г. — 645, 648
- Йокаи (Jókai) М.** — 918
- Йонас (Jonas) Г. — 140, 161, 162, 165
- Йордан (Jordan) Я. П. — 86, 108
- Кавелин К. Д. — 50, 413, 417, 929
- Кавелина (в зам. Брюллова) С. К. — 679, 697, 698, 739, 741, 780, 781, 808
- Кавелина С. М. — 775
- Кадмина Е. П. — 528, 534, 536
- Казанович Е. П. — 522
- Кайслер (Kaуbler) Л. — 171
- Калачов Н. В. — 4
- Кальдерон де ла Барка (Calderon de la Barca) — 909
- Камынин (Комынин) Л. И. — 11
- Кант (Kant) И. — 532–536
- Кантор Р. М. — 521–524
- Канчева И. — 261, 262
- Капелюш Б. Н. — 763
- Каппер (Kapper) З. — 158
- Каракалла (Caracalla), рим. исп. — 656
- Каракозов Д. В. — 546, 571
- Карамзин Н. М. — 88, 651
- Каратеев Вас. Вл. — 661
- Каратеев Вл. Вас. — 661, 662
- Каратеева М. Вл. — 661, 662
- Каратыгин П. А. — 606
- Каратыгина (ур. Колосова) А. М. — 641
- Карбасников Н. П. — 429
- Карбасниковы, книготорговый и издательский дом — 426
- Каришев А., протоиер. — 889
- Карл Александр (Carl Alexander), вел. герцог Веймарский — 278
- Кармазинская М. А. — 542, 545
- Карташевская (ур. Макарова) В. Я. — 23, 454
- Катков М. Н. — 39, 187, 201, 465, 476, 523, 543, 548–551, 554, 565, 576, 577, 601, 602, 660
- Катон (Cato) Старший Марк Порций — 662

- Катулл (Catullus) Гай Валерий — 662, 663
 Кафанова О. Б. — 203, 207, 209
 Кашеверов А. И. — 499
 Кашкин Н. Д. — 750
 Кашперов В. Н. — 669, 746
 Кашпирев В. В. — 477, 593, 596
 Кетчер Н. Х. — 200, 458, 459, 490
 Кийко Е. И. — 20, 56, 547, 573, 593, 783, 926
 Киселев А. — 836
 Кислов В. — 690
 Китгары М. Я. — 414
 Кишинский Н. А. — 492, 493, 495, 497–499, 640, 714 («управляющего»), 715, 723, 724, 752
 Клеман М. К. — 212, 625, 754, 811–813, 924, 925
 Клепиков С. А. — 792
 Клиндер (Klinger) Ф. М., фон — 805
 Клоди — см. Виардо Клоди
 Клотильда, дочь Виктора-Эммануила, короля Италии — 646
 Клягин А. П. — 839
 Книжник-Ветров И. С. — 636
 Кобеко Д. Ф. — 430, 778
 Ковалев П. А. — 286
 Ковалевская (ур. Корвин-Круковская) С. В. — 636, 637
 Ковалевские, семья С. В. и В. О. Ковалевских — 636
 Ковалевский В. О. — 505, 510, 636, 637
 Ковалевский Евг. П. — 77, 106–108, 453
 Ковалевский Ег. П. — 107, 410, 413, 416, 417, 419–421, 451–453, 653, 929
 Ковалевский М. М. — 788, 808
 Ковалевский П. М. — 414
 Козьмин Б. П. — 52, 97, 474, 521, 786
 Колани (Colani) Т. — 625
 Колбасин Д. Я. — 411, 652, 756
 Колбасин Е. Я. — 20, 26, 47, 757
 Коллинз (Collins) У. — 146
 Коллонтай А. М. — 788
 Кологривов А. Н. — 814
 Колонн (Colonne) Э. — 734, 761
 Колтоновская Е. А. — 791
 Кольер (Collier) Дж. П. — 65
 Кольцов А. В. — 505, 790
 Комаров А. В. — 162
 Комарова (ур. Стасова; псевд. Вл. Каренин) В. Д. — 522
 Комиссаржевская В. Ф. — 654
 Комиссаров О. И. — 571
 Комовы, род — 15
 Компарато (Comparato) М. — 259
 Комынин (Камынин) Л. Д. — 6, 9, 11 («воеводы»)
 Комынин (Камынин) Ф. — 4
 Кони А. Ф. — 562, 581, 645, 751, 763, 812
 Кони Ф. А. — 653
 Конт (Comte) О. — 786
 Корвин-Круковская (в зам. Жаклар) А. В. — 634, 636–638
 Корвин-Круковская (ур. Шуберт) Е. Ф. — 636
 Корвин-Круковский В. В. — 636
 Корвин-Круковский П. В. — 215
 Корнилов А. А. — 415
 Коро (Cogot) Ж.-Б.-К. — 704, 747
 Короленко В. Г. — 787, 808
 Корсаков Е. Г. — 843
 Корш В. Ф. — 549, 576, 605, 613
 Корш Л. Ф., жена А. А. Григорьева — 435
 Костлоу (Costlow) Дж. Т. — 908
 Костомарова И. А. — 25
 Котелянский Л. О. — 785
 Котляревский Н. А. — 692
 Коулз (Coles) Б. Б. — 520
 Коцебу (Kotzebue) В. (Вильгельм Августович), фон — 79, 115
 Кочубей А. В. — 422, 423
 Кочубей Е. В. — 196
 Кочубей (ур. Волконская) Е. С. — 422, 423
 Кочубей Н. А. — 410, 419, 422, 423
 Кочубей П. А. — 422
 Кошелев А. И. — 438, 598, 681, 699, 742
 Кошелев В. А. — 463, 501
 Кошталова (Košťálová) К. — 148
 Краджян (Kradjian) С. — 261, 262
 Краевский А. А. — 82, 83, 94–96, 98, 99, 413, 417, 469, 549, 576, 577, 594, 595, 668, 929

- Крамской И. Н. — 743, 759
Краснов Г. В. — 35, 924
Красовская (ур. Велихова) М. А. — 427–430
Красовский, муж М. А. Красовской — 428
Красовский Ю. А. — 100, 522, 758
Кребильон (Кребийон; Crébillon) П.-Ж., де — 897
Крестовский Вс. В. — 675
Кретов В. А. — 499
Кротова И. В. — 812
Кривенко С. Н. — 808
Кривина Т. М. — 894
Кривцов И. И. — 11
Кривцов Н. А. — 840
Крылов И. А. — 147, 505, 509
Кугель А. Р. (псевд. Homo novus) — 689
Куденхове (Coudenhove; ур. Калерджи, Калергис) М. — 304
Кудер(к) (Coudet(с)) Г. — 276
Кудряшов А. П. — 663
Кудряшов П. Т. — 663, 727, 757
Кудряшова Е. М. — 663
Кузнецов Ф. Ф. — 521
Кузьмина И. А. — 461
Кулешов В. И. — 922
Кунаевы, род — 7
Купреянова Е. Н. — 207
Куракин А. Б. — 12
Куракин Ф. С. — 883
Курбе (Courbet) Ж.-Д.-Г. — 627
Куриц (Kurz) Г. — 160
Кюи Ц. А. — 610
Кюрнер (Kürner) Б. — 591 («главный тенор»)
Л—ъ — 684
Л—ч С. — 771
Лабулэ (Laboulaye) Э.-Р.-Л., де — 677
Лаврецкие, род — 3, 5, 8
Лавров П. Л. — 411, 419, 481, 515, 522, 523, 630, 653, 758
Лаврова (ур. Бибилова) П. Б., прабабка Т. — 12
Лавровы, род — 3
Ладыженская В. В. — 762
Ладыженская М. А. — см. Сухотина М. А.
Ладыженский С. А. — 564, 565
Лажечников И. И. — 100
Лазарев Л. Е. — 419
Лазаревский А. М. — 453, 454
Ламанский Е. И. — 417, 419, 929
Ламартин (Lamartine) А., де — 908
Ламберт (ур. Канкрина) Е. Е. — 23, 420, 435, 449, 488, 490
Ландау (Landau) Г. — 768
Ланнер (Lanner) Й.-Ф.-К. — 663, 664
Ланский Л. Р. — 120
Лапинский (Łapiński) Теофил (Теофил) (псевд. Теффик-бей) — 28, 29
Лапоммере (La Pommeraye) А., де — 658
Ларенодьер (Larenaudière) Г., де — 286–288, 929
Лассен (Lassen) Э. — 295, 301, 304
Ле Сен (Le Cesne) А. — 74, 254, 285, 623
Ле Сен (Le Cesne) М. — 74, 254, 285, 623
Ле Сен (Le Cesne), семья М. и А. Ле Сен — 74, 285, 369
Лебедев А. К. — 682
Леви (Levi) Г. — 306
Левин К. Н. — 559
Левин Ю. Д. — 169, 506
Левина Е. Н. — 762
Левитский В. Н. — 778
Левицкий С. Л. — 417, 678, 929, 930
Левшин М. — 845
Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin) А.-О. — 60
Лейхтенбергская (ур. Скобелева) З. Д., герц. — 760
Лекуэнт де Лаво (Lecoigne de Laveau; Делава), жена Ж.-Э.-Ф. Лекуэнта де Лаво, мать И.-Ш. Делава — 123
Лекуэнт де Лаво (Lecoigne de Laveau; Делава) Ж.-Э.-Ф. — 123, 124
Лемерсье (Lemercier), литогр. мастерская — 930
Лемке М. К. — 925
Ленский Д. Т. — 652
Леонар (Léonard; ур. Сичес) А. — 295

- Леонар (Léonard) Ю. — 295
 Леонтьев К. Н. — 41, 42, 923
 Леонтьев П. М. — 576
 Лепкий Б. С. — 456
 Лермонтов М. Ю. — 67, 88, 96, 100, 104, 167, 254, 260, 261, 290, 445 («лермонтовским»), 645 (цит.), 658, 718, 802, 804, 805, 898, 902
 Лернер Н. О. — 424, 426, 430
 Лесков Н. С. — 13, 596
 Лессинг (Lessing) Г.-Э. — 96, 101, 557
 Леткова Е. П. — 761
 Лёфор (Lefort) Ж. — 289–291, 383, 929
 Лёве (Löwe) Ф. — 94
 Лёвенфельд (Löwenfeld) Р. — 162
 Лидс (Leeds) В. Х. — 65
 Лилеева И. А. — 206
 Линдау (Lindau) Р. — 184
 Лист (Liszt) Ф. — 278
 Литвин Ф. А. — 900
 Литтре (Littré) П.-М.-Э. — 702, 717, 718, 745
 Лобанов М. Ф. — 811
 Лобанов-Ростовский А. Б. — 465
 Лобач-Жученко Б. Б. — 452, 453
 Лобко П. А. — 459
 Лобковская Е. М. — 75
 Лозинский М. Л. — 897, 916
 Ломоносов М. В. — 85
 Лонгинов М. Н. — 414, 465
 Лопатин Г. А. — 480, 515, 522, 754, 775, 776
 Лопухин П. П. — 814
 Лоренц (Lorenz) И. — 121, 138
 Лорис-Меликов М. Т. — 789
 Лосев А. Ф. — 612
 Лотман Л. М. — 171
 Лотман Ю. М. — 609, 613
 Луканина (ур. Рыкачева, во втор. бр. Павская) А. Н. — 686, 748
 Лукас (Lucas), семья издателей в Митаве — 188
 Лукина В. А. — 55, 80, 81, 90, 107, 117, 121, 125, 131, 133–136, 152, 154, 155, 159, 160, 166, 173, 520, 656, 659, 662, 663, 668, 675, 751, 756, 810, 811, 813, 926
 Луначарский А. В. — 923
 Лунин М. С. — 814
 Лурье А. А. — 636
 Лурье Ф. М. — 475, 482
 Лутовинов А. И., двоюр. дед Т. — 7, 8, 17, 442, 818–821, 836
 Лутовинов А. Ф., перв. муж П. А. Лутовиновой — 8–10
 Лутовинов И. А., прадед Т. — 7–9, 15–17, 818
 Лутовинов И. И., предок Т., дед Т. И. Лутовинова — 3–5
 Лутовинов И. И., двоюр. дед Т. — 7–11, 14, 17, 442, 816, 818, 820–824, 836, 837, 847, 849, 871, 931
 Лутовинов И. М. — 4
 Лутовинов К. М. — 4
 Лутовинов Л. Ф. — 9, 10
 Лутовинов М. Т. — 4
 Лутовинов Первой (крестильн. имя неизв.) С. — 5–7, 9
 Лутовинов П. И., дед Т. — 7, 8 («мужа»), 12, 14, 17 («братьям»), 818–820, 836
 Лутовинов С. В. — 4
 Лутовинов С. И. — 5–7
 Лутовинов Т. И. (Мясоед) — 4, 5
 Лутовинов Ф. М., отец А. Ф. и Л. Ф. Лутовиновых (в иночестве Филарет) — 9, 10
 Лутовинова В. П. — см. Тургенева В. П.
 Лутовинова (в зам. Рыкачева) Д. И., двоюр. бабка Т. — 7
 Лутовинова (ур. Лаврова, во втор. бр. Сомова) Ек. И., бабка Т. — 8, 819, 836
 Лутовинова Елена И. — 227
 Лутовинова (в зам. Аргамакова) Елиз. И., двоюр. бабка Т. — 7, 823
 Лутовинова (ур. Лаврецкая) М. И., прабабка Т. — 4, 13–16
 Лутовинова М. С. — 17
 Лутовинова Н. М. — 843
 Лутовинова (во втор. бр. Ушакова) П. А., жена А. Ф. Лутовинова — 7–10

- Лутовинова (во втор. бр. Юшкова) Ф. В.,
мать Ф. И. Лутовиновой — 9, 10
- Лутовинова (в зам. Синявина) Ф. И. —
9, 10
- Лутовиновы, братья А. И., И. И. и П. И. —
816, 821
- Лутовиновы, род — 3, 5–12, 14
- Львов В. В. — 582, 615, 616, 619, 643,
805
- Львова Ал-ра В. — 616 (? «три дочери»)
- Львова Анна В. — 616 (? «три дочери»)
- Львова (в зам. Гагарина) Ек. В. — 616
(? «три дочери»)
- Львова (в зам. Матвеева) Ел. В. — 581
(?), 582, 615, 616, 619, 685
- Львова (ур. Перовская) С. А. — 615, 616,
619
- Львова (в зам. Оленина) С. В. — 616
(? «три дочери»)
- Львовы, княжны — 582, 615, 616, 618,
619
- Львовы, семья С. А. и В. В. Львовых —
616, 619
- Льюис (Lewis) Д. Г. — 508, 656
- Людвиг (Ludwig) О. — 98, 102
- Людовик XIII (Louis XIII) — 583
- Людовик XIV (Louis XIV) — 225
- Лядов К. Н. — 737
- Лясковский В. Н. — 761
- Ляцкий Е. А. — 792
- «М.», лицо неустановленное — 597
- Мабли (Mably) Г.-Б., де — 822
- Магинов С. М. — 811
- Мазон (Mazon) А. — 431, 470–472, 474,
475, 478, 480, 481, 807
- Майер (Meurer) К. — 135
- Майков А. Н. — 94, 445, 477
- Майков Л. Н. — 28
- Майкова (ур. Калита) Е. П. — 786
- Макаров Н. Я. — 423, 452, 455–459
- Маклаков А. А. — 780
- Маклаков В. А. — 780
- Маковский В. Е. — 768
- Макогоненко Г. П. — 819
- Макс-Мюллер (Max-Müller) Ф. — 511,
512, 514
- Мало (Malot) Г. — 627, 629
- Малыгин М. — 836
- Маляревский П. К. — 752
- Мамин-Сибиряк (наст. фам. Мамин) Д. Н. —
787
- Мамонтов В. С. — 687, 759
- Мамонтов С. И. — 681, 686, 759
- Мамонтов С. С. — 686, 687
- Мамонтова (ур. Сапожникова) Е. Г. —
681, 686, 722, 731, 734, 739, 759, 761
- Мамонтовы, семья Е. Г. и С. И. Мамон-
товых — 686, 759
- Мане (Manet) Э. — 627
- Манн (Mann) Т. — 907
- Манн Ю. В. — 922
- Манье (Manier) Э. — 638
- Марат (Marat) Ж.-П. — 621
- Маркевич Б. М. — 539
- Марко Вовчок — см. Маркович М. А
- Марков Е. Л. — 706, 748
- Маркович А. В. — 451–456, 458, 459
- Маркович М. А. (ур. Вилинская, во втор.
бр. Лобач-Жученко; псевд. Марко
Вовчок) — 21, 23, 27, 35, 39, 163,
166, 168, 451–460, 573, 653
- Маркс (Marx) Д.-Р. — 577
- Маркс (Marx) К. — 29
- Марлинский (наст. фам. Бестужев) А. А. —
662
- Мартен (Martin) А. — 124, 702, 717, 718,
744, 745
- Мартынов А. Е. — 650, 652, 654
- Маслов И. И. — 420, 576, 578, 664, 665,
731, 746, 759, 761, 930
- Маслов П. А. — 837
- Масловы, семья Ф. И. Маслова — 305
- Матвеева Ел. В. — см. Львова Ел. В.
- Матильда (Mathilde) Бонапарт, прин-
цесса — 646
- Мацнев П. И. — 846
- Мацук М. А. — 12
- Медников М. М. — 418
- Медынцева Г. Л. — 784

- Мей Л. А. — 36, 754
Мейербер (Meysterbeer) Дж. — 59, 61–64, 278
Мельгунов Б. В. — 924
Мельгунов Н. А. — 91, 95
Мельник Е. Г. — 467
Мельников (псевд. А. Печерский) П. И. — 21, 681, 699, 742
Мериме (Mérimée) П. — 80, 124–126, 130, 133, 134, 148, 173, 185, 191, 201, 516
Меценат — 412
Мечковский Я. — 538, 930
Мещерский А. А. — 762, 809
Мёрике (Mörike) Э. — 254, 256 («романса»), 261, 262
Миклджон (Meiklejohn) Дж. Д. — 67
Миллер С. А. — см. Толстая С. А.
Милнс (Milnes; лорд Хаутон) Р. М. — 648, 656, 670
Милюков В. Я. — 844
Милюков Д. — 847
Милюков И. А. — 845, 846
Милюков М. В. — 13
Милютин Н. А. — 580, 581, 584, 586
Милютин (ур. Абаза, во втор. бр. Стиль) М. А. — 278, 576, 581, 586
Милютин, семья М. А. и Н. А. Милютиных — 581, 584, 586, 587
Минаев Д. Д. — 596
Миңдыбаева Л. В. — 648, 670
Миницкий И. Ф. — 416
Минский (наст. фам. Виленкин) Н. М. — 790
Митракова Л. А. — 663, 757
Михаил Федорович (Романов), рус. царь с 1613 по 1645 — 4, 884
Михайлов М. Л. — 546, 688
Михайловский Н. К. — 625, 689, 748, 808
Мишков И. Л. — 5
Мияковский В. В. — 453
Могиланский А. П. — 56, 168, 169, 924
Модзалевский Б. Л. — 522, 678, 778, 809
Мойем (Mojem) Г. — 116
Молодецкий И. О. — 789
Молозева А. Т. — 819
Мольер (Molière; наст. имя Поклен Ж.-Б.) — 129, 208 («Катос и Мадлон»), 293 («Г-ну Пурсоньяку»), 749, 822, 930 («Тартюф»)
Монго (Mongault) А. — 124, 201
Монрейно (Montreynaud) Ф. — 123, 184, 531
Мопассан (Maupassant) Ги, де — 203, 208, 527
Морфилл (Morfill) В. Р. — 509
Мосина (ур. Тургенева) В. Н. — 809
Мостовская Н. Н. — 526, 537, 558, 559, 597, 661, 922, 923, 925, 926
Моцарт (Mozart) В.-А. — 61, 63
Мошелес (Moscheles) Ф. С. — 302
Муне (Mounet) Ж.-С. — 719, 754
Муравьев А. З. — 814
Муравьев (Виленский) М. Н. — 605 («„муравьевскую“ историю»)
Муратов А. Б. — 573, 740
Муромцев В. Ф. — 843
Мурыгин Г. И. — 667
Мусоргский М. П. — 745
Муханова (ур. Нессельроде, в перв. бр. Калерджи, Калергис) М. Ф. — 300, 302, 304
Мысляков В. А. — 692
Мюллер (Müller) К. — 159
Мюссе (Musset) А., де — 290, 641, 751
Н. М., лицо неустановленное — 523
Набоков Д. Н. — 575 (?), 576
Набоков П. — 575 (?), 576
Надар (Nadar; наст. имя Турнашон Г.-Ф.) — 289, 622, 720, 929, 930
Надсон С. Я. — 790, 908 («надсоновское»)
Назарова Л. Н. — 32, 168, 557, 640, 665, 667, 674, 692, 745, 763, 926
Налбандов (Налбандян) М. Л. — 30
Наполеон (Napoléon) I, Бонапарт, франц. имп. с 1804 по 1814 — 646, 815
Наполеон (Napoléon) III, франц. имп. с 1851 по 1870 — 253, 282, 620, 646, 647, 656, 666

- Направник Э. Ф. — 679, 737, 739
Незеленов А. И. — 527
Некрасов Н. А. — 21, 22, 24, 25, 34–40, 43, 44, 46, 48, 49, 51–53, 56, 66, 124, 505, 539–541, 549–553, 558–560, 579, 581, 593, 599–607, 611, 625, 641, 643, 659, 727, 787, 790, 795, 802, 803, 924
Нелатон (Nelaton) А. — 533
Нелидова (ур. Королева, в перв. бр. Ломовская, во втор. Маклакова) Л. Ф. — 706, 748, 780, 782
Немировский Е. Л. — 220
Неплюева Е. И. — 822
Нефтцер (Nefftzer) О. — 205
Нечаев С. Г. — 470, 472, 474–478, 480–484, 781, 783
Никитенко А. В. — 23, 24, 96, 97, 417, 465, 469, 924, 929
Никитин И. С. — 505, 787, 790
Никитина Н. С. — 134, 432, 668, 923, 925
Никифоров Н. А. — 499
Никифоров Н. М. — 666
Николаева Л. А. — 478
Николай I Павлович, рос. имп. с 1825 по 1855 — 33 («царю»), 103, 804
Николюкин А. Н. — 139
Никонова Т. А. — см. Лапицкая Т. А.
Ницше (Nietzsche) Фр.-В. — 661
Новиков Н. И. — 813, 814
Новикова Е. Б. — 485, 570
Новицкий О. О. — 103
Ноден (Naudin) Ш.-В. — 233
Нуар (Noir; наст. имя Иван Салмон) В. — 646, 647, 666, 667
Оболенская (ур. Дьякова) А. А. — 562, 564, 568, 570–572, 582
Оболенская (в зам. Волкова; Дубенская) Е. А. — 568, 571, 572, 580, 584, 592, 606
Оболенские, семья — 560
Оболенский А. В. — 562
Оболенский В. А. — 562–565, 571, 580
Оболенский Л. Е. — 786
Оболонский А. А. — 416
Овсяннико-Куликовский Д. Н. — 796, 804
Овсянников, петербургский домовладелец — 610
Овсянников (Овсянников) Б. А. — 15
Овсянников (Овсянников) И. А. — 15
Овсянников (Овсянников) И. Я. — 840
Овсянников (Овсянников) К. Ф. — 14
Овсянников (Овсянников) Я. Ф. — 14
Овсяникова (Овсянникова) А. А. — 15
Овсяниковы (Овсянниковы, Авсянниковы), род — 14–16
Овчинникова Н. А. — 778
Огарев Н. П. — 29, 30, 36, 51, 52, 56, 101, 476, 481–483, 781, 799, 807
Огарков (Агарков) Л. Д. — 10
Огарковы (Агарковы), род — 6, 7, 10
Огибенин П. А. — 649
Одинцова А. П. — 14
Одинцовы, род — 13
Одоевский В. Ф. — 94, 97, 100, 104, 106, 597, 598
Ожешко Э. — 787, 790
Ожье (Augier) Э. — 627, 716, 742, 752
Оксман Ю. Г. — 471, 919
Оливье (Olivier) Р. — 254
Олтухов А. — 6
Ольга Николаевна, вел. кн., королева Вюртембергская — 589
Ольхин П. М. — 147
Онегин А. Ф. — 506, 534, 674
Опекушин А. М. — 808
Оргени (Orgeni) А. — 265, 277, 278
Орлов М. Ф. — 814
Орлов Н. А. — 510, 523
Орнатская Т. И. — 477, 636
Основский Н. А. — 26, 53–55, 414, 756
Осповат А. Л. — 923
Остапович Г., библиофил — 424–429
Остен-Сакен Д. Е. — 888
Островская (ур. Татаринова, в перв. бр. Грибовская) Н. А. — 437, 667, 783, 792
Островский А. Г. — 803
Островский А. Н. — 414, 439, 505, 652, 653, 681, 699, 714, 737, 742, 760, 765, 768–770, 781, 782, 790
Острогорский В. П. — 780, 781

- Отрепьев (Атрепьев) Г. (Еришка) — 883
 Оффенбах (Offenbach) Ж. — 276
 Очкасов (Ачкасов) В. — 7
- П. В.** — см. Васильев П. П.
- Павел I Петрович, рос. имп. с 1796 по 1801 — 892
 Павлов И. В. — 50, 51, 669
 Павлов Н. Ф. — 88, 91, 95, 104 («му-жем»)
 Павлова Г. Н. — 655, 665
 Павлова И. Б. — 922
 Павлова (ур. Яниш) К. К. — 91, 93, 104, 114, 146, 147, 927
 Павловский И. Я. — 747, 748
 Павловы, К. К. и Н. Ф. — 95
 Павлюк Н. Н. — 453
 Панаев В. А. — 667, 717, 745, 753
 Панаев И. А. — 22
 Панаев И. И. — 19–22, 38, 54, 55, 66, 94, 432, 539, 558, 641, 727, 803
 Панаева (Карцова) А. В. — 667, 702, 717, 745, 753
 Панаева (ур. Брянская, во втор. бр. Головачева) А. Я. — 34, 35, 38, 40, 51, 539, 924
 Панаева (Панаева-Дягилева; в зам. Дягилева) Е. В. — 667
 Панаевы, А. Я. и И. И. — 124
 Пантелеев Л. Ф. — 929
 Паншин М., писарь — 9
 Пашино П. И. — 49
 Пелетан (Pelletan) П.-К.-Э. — 742
 Пенизи (Penisi) — 480
 Переверзев П. — 836, 847
 Перминов Г. Ф. — 49, 159, 172
 Перовский Л. А. — 613
 Перрен (Perrin) Э. — 658, 753
 Перри (Perry) Т. С. — 895
 Перро (Perrault d'Argancourt) П. — 233 («сыну»)
 Перро (Perrault) Ш. — 30, 166, 219–230, 233, 234–246 («Синяя Борода»), 247, 248–251 («Волшебница»), 424–427, 429, 430, 928, 929
 Персглав (Pursglove) М. — 894–916, 931
- Пестель П. И. — 814
 Петёфи (Petöfi) Ш. — 918
 Петр I (Великий) Алексеевич, рус. царь и вел. кн. с 1689, рос. имп. с 1721 по 1725 («допетровских») — 5, 12, 15, 16, 100, 102, 878, 884, 892
 Петрашевский М. В. — 545
 Петрашкевич-Струмилина С. П. — 754, 775, 776
 Петров В. П. — 668
 Петров О. А. — 745
 Петров С. М. — 925
 Петрова А. Я. — 745
 Пехт (Pecht) А.-Фр. — 102, 927
 Пецольд (Pezold) М. Г. — 139
 Печаткин Г. М., дед В. И. Дмитриевой — 785
 Печерский А. — см. Мельников П. И.
 Пиксанов Н. К. — 692, 754, 775–779, 925, 931
 Пиндар — 668
 Пирожкова Т. Ф. — 92
 Пирумова Н. М. — 480
 Пис (Pease) Р. — 894
 Писарев Д. И. — 520, 806
 Писемская (ур. Свиньина) Е. П. — 780, 782
 Писемский А. Ф. — 47, 50, 161, 505, 680, 681, 689, 691, 692, 699, 702, 714, 730, 733, 734, 742, 744, 761, 764–773, 781, 782, 924
 Писемский Н. А. — 772
 Писемский П. А. — 768
 Пич (Pietsch) Л. — 80, 124, 134, 148, 153, 159, 171, 173, 175, 185, 186, 190, 208, 210, 252, 253, 262, 265, 266, 269, 274–278, 280, 286, 294, 303, 532, 536, 571, 668, 928–930
 Платон — 511
 Плетнев П. А. — 107, 109, 927
 Плетнева (ур. кнж. Щетинина) А. В. — 746
 Плещеев А. А. — 583, 670
 Плещеев А. Н. — 48, 545, 548, 549, 551, 578, 663, 668–670
 Плещеева (ур. Руднева) Е. А. — 545

- Погодин М. П. — 83, 91, 95, 98, 438, 444, 596, 643
- Подшивалов В. С. — 416
- Подшиваловы, семья В. С. Подшивалова — 416
- Покусаев Е. И. — 538, 543, 559, 661
- Ползиков, поручик — 840
- Поленов В. Д. — 759
- Половцов А. В. — 639, 640, 783, 792
- Полозкова С. А. — см. Ипатова С. А.
- Полонская (ур. Рюльман) Ж. А. — 500, 527, 536, 763
- Полонская (в зам. Елачич) Н. Я. — 763 («детей Полонской»)
- Полонские, семья Я. П. Полонского — 530, 735, 757, 762
- Полонский А. Я. — 763 («детей Полонской»)
- Полонский Б. Я. — 763 («детей Полонской»)
- Полонский Я. П. — 500, 501, 527, 533, 534, 540, 543, 544, 559, 565, 605, 643, 653, 659, 663, 669, 727, 735, 737, 746, 747, 750, 752, 757, 762, 784
- Полоцкая Э. А. — 559
- Поль — 284, 285
- Поль (Pohl) Р. — 139, 254, 256 («романс»), 261, 269–271, 274, 278
- Польский король — см. Ян II Казимир
- Полянская Е. В. — 503
- Полянский П. М. — 768
- Поме (Pomey) Л. — 184, 266, 281
- Помяловский Н. Г. — 798, 806
- Понятовский А. И. — 877
- Попов П. С. — 924
- Португалов М. В. — 877
- Потехин А. А. — 21
- Прахов М. В. — 686
- Прац Э. — 643
- Преображенский В. Г. — 50, 51
- Прийма Ф. Я. — 49
- Прозоровский С. В. — 883
- Протасов, майор — 847
- Протасов А. С. — 840, 844
- Протасов Н. С. — 840
- Протасов Я. Я. — 17
- Протасова А. Г., подполковница — 840, 842
- Протасова А. М. — 844, 845
- Протасова Е. Ф. — 845
- Проц Е. В. — 640, 641, 645, 649–654, 659, 661, 666, 673, 822
- Прудон (Proudhon) П.-Ж. — 148, 520
- Пруц (Prutz) Р. — 98
- Пташинский С. В. — 529, 930
- Пугачев Е. И. — 97
- Пузиков А. И. — 210
- Путятин Е. В. — 108
- Пуши — см. Жемчужникова А. А.
- Пушкин А. С. — 64, 65, 77, 85, 88, 91, 95–97, 104, 124, 125, 151 («Евгений Онегин»), 153, 155 («Евгений Онегин»), 161, 167, 168, 170, 184, 447, 527, 658, 664, 679, 718, 719, 733, 741, 743, 753, 756 («Капитанской дочке»), 802, 804, 805, 808, 809, 894, 919, 920
- Пыпин А. Н. — 36, 609, 611
- Р. — см. Ржевский В. К.
- Рабле (Rabelais) Ф. — 206
- Рагозин А. С., сын С. А. Рагозина — 10
- Рагозин Е. И. — 681, 683, 684, 691, 724, 755, 767
- Рагозин С. А. — 9, 10
- Рагозины, семья С. А. Рагозина — 10
- Радищев А. Н. — 416
- Радищев П. А. — 416, 419
- Раевский М. Ф. — 593–595
- Раппих (Rappich) Х. — 78, 120, 121, 132
- Расин (Racine) Ж.-Б. — 274
- Растопчин Ф. В. — 822
- Расторгуев Г. — 836
- Расым (Rasym) Б. — 77
- Рафаэль — 97 («Сикстинскую Мадонну»), 305
- Рахманинов Ф. И. — 48
- Рашет А. Я. — 430
- Рашет В. А. — 427, 429, 430
- Рашет Е. В. («Леночка») — 427, 430
- Рашет (в зам. Велихова) М. В. («Маня») — 424–430, 929

- Рашет (ур. Антропова, во втор. бр. Антропова) Н. Н. — 221, 222, 277, 424–430, 548, 576, 583–588, 591, 592, 599–602, 604, 608, 659, 660
 Рашет (Рошет, Ришет; Rchette) Я. И. (Жак-Доминик) — 427, 430
 Резниченко Т. Н. — 460
 Реймерс (Ремерс) А. В. — 422, 423
 Рейсер С. А. — 56
 Рейхарт (Reichard) Г.-А.-О. — 816
 Рейхель (ур. Эрн) М. К. — 100, 101
 Ренан (Renan) Э.-Ж. — 702, 717, 718, 742, 745
 Репин И. Е. — 643, 681, 682, 686, 738, 753, 759, 930
 Репинский Г. К. — 415
 Репины, семья И. Е. Репина — 681, 686
 Решетников Ф. М. — 798, 806
 Ржевский В. К. — 461–470
 Ржевский Г. К. — 463
 Рив (Reeve) Г. — 670
 Римский-Корсаков Н. А. — 745
 Римша (Rimscha) Г., фон — 132, 172, 174, 193
 Ритшель (Ритчель; Rietschel) Э. — 101
 Ришар (Richard) П. — 184
 Ришпен (Richerpin) Ж. — 671
 Родионов — 819
 Родиславский В. И. — 103
 Роже (Roger) Г. — 60, 62–64
 Розанов А. С. — 744, 760
 Розанова С. А. — 926
 Рольстон (Ralston), отец В. Р. Ш. Рольстона — 504
 Рольстон (Ralston) В. Р. Ш. — 74, 209, 503–519, 623, 656, 929
 Роман (Roman) З. — 252
 Романов Михаил — см. Михаил Федорович
 Ромм (ур. Гуревич) С. Е. (И.) — 649, 743, 744, 754, 776, 779
 Россетти (Rossetti) Д. Г. — 68, 508
 Россини (Rossini) Дж. — 704
 Ростопчина (ур. Сушкова) Е. П. — 196
 Рошет С. Н. — 430
 Рошфор (Rochfort) А. — 646, 666
 Рубинштейн А. Г. — 65, 592, 593, 742
 Рубинштейн Н. Г. — 742
 Руис-Гарсиа (Ruiz-Garcia) Х. — 295
 Румянцева Э. М. — 484
 Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. — 534, 600, 601, 603, 604
 Руссо (Rousseau) Т. — 704, 746, 747
 Рыкачева А. И. — 836
 Рылеев К. Ф. — 672
 Рында И. Ф. — 641, 642
 Савина (наст. фам. Подраменцова, в перв. бр. Славич, во втор. Всеволожская, в третьем Молчанова) М. Г. — 515, 528, 530, 639, 642, 643, 649, 654, 655, 735, 747, 757, 760, 762, 763, 781
 Савинков А. П. — 839
 Савченко В. — 521
 Сагаррибай (Sagarribay) М. А. — 165
 Сажин В. Н. — 415, 422
 Сазерленд (Sutherland) Дж. — 254, 367
 Сайтов В. И. — 778
 Сайн-Витгенштейн (ур. Ивановская) К. Е. — 290
 Сакен Остен-Сакен Д. Е. — см. Остен-Сакен Д. Е.
 Салаевы, братья Н. И. и Ф. И. — 187, 200
 Салацкий — 523
 Салтыков Б. М. — 883
 Салтыков М. Е. (псевд. Н. Щедрин) — 115, 204, 206, 207, 527, 552, 553, 558, 559, 601, 605, 614, 625, 626, 630, 675, 754, 787, 805, 926
 Самарин Д. Ф. — 437
 Самарин П. Ф. — 437, 499
 Самарин Ф. В. — 437 («отцы»)
 Самарин Ю. Ф. — 437
 Самойлова Н. В. — 653
 Санд (Sand) Жорж (ур. Дюпен, в зам. Дюдеван) — 59, 60, 143, 146, 209, 216, 217, 259, 689 («жорж-зандизма»), 714, 730, 751, 758
 Сандунов Н. Н. — 651
 Сарасате (Sarosate) П., де — 701, 742, 744

- Сарду (Sardou) В. — 627
 Саррина М. Я. — 431, 435, 447
 Сатин Н. М. — 51
 Сахаров И. А. — 838
 Сербеев Д. Н. — 589
 Светоний (Suetonius) Гай Транквилл — 656
 Свечин А. П. — 486, 488
 Свечин К. А. — 845
 Свечин Н. П. — 673
 Свечин П. А. — 845
 Свечин Ф. А. — 845
 Свинберн (Суинберн; Suinburne) А. Ч. — 508
 Свиньин П. П. — 781, 782
 Свифт (Swift) Дж. — 146
 Сегон (Segond) П.-Ф. — 532
 Сен-Санс (Saint-Saëns) Ш.-К. — 701, 703, 717, 742–744, 753, 781
 Сент-Джон (Saint-Jones) Г. — 67
 Сервантес де Сааведра (Servantes de Saavedra) М., де (Дон-Кихот) — 450, 700, 743, 796, 800, 804
 Сергеева А. И. — 823, 836
 Серман И. З. — 168
 Серно-Соловьевич Н. А. — 220
 Серов А. Н. — 639, 679, 681, 689, 691, 693, 695, 737–739, 750, 930
 Серов В. А. — 738, 759, 930
 Серова (ур. Бергман) В. С. — 679, 681, 693, 694, 697, 737–739, 759, 780, 930
 Серовы, семья В. С. и А. Н. Серовых — 739
 Сетгоф И. Я. (псевд. Сетов) — 649
 Сетгофы, семья И. Я. Сетгофа — 649
 Сибиряков К. Н. — 762
 Симашко Ю. И. — 677
 Симмонс (Simmons) Дж. С. Г. — 508, 512, 514
 Симон (Simon) Ж. — 742
 Сиповский В. Д. — 679, 697, 739, 741, 780 («преподавателем 6-ой гимназии»), 781
 Сичес (Sitchès) П., дядя П. Виардо — 294
 Скабичевский А. М. — 415, 784, 795, 802
 Скавуццо (Scavuzzo) К. — 535
 Скайлер (Schuyler) Ю. — 117, 139
 Скальковский К. А. — 612, 613
 Скобелев М. Д. — 732, 759, 760
 Скобелева (в зам. Шереметева) О. Д. — 760
 Скобелева (ур. Полтавцева) О. Н. — 731, 732, 759, 760
 Скокова Л. И. — 756
 Скотт (Scott) В. — 84, 508
 Славутинский С. Т. — 35, 46–49
 Сливицкая Е. Т. — 493
 Случевский К. К. — 427, 428, 430, 573, 685, 740, 799
 Смирнов В. Н. — 521, 522
 Смирнов С. В. — 463, 501
 Снеткова Ф. А. — 650
 Соболев С. — 847
 Соболевский В. М. — 690
 Соковнин П. А. — 892, 893
 Соколов Н. В. — 520–525
 Соколов Н. И. — 169
 Соколова Т. В. — 784, 786
 Соллогуб В. А. — 94, 100, 115, 657, 753
 Соловьев В. С. — 566
 Соловьев Н. Р. — 737, 738
 Сомов С. А. — 815
 Софья Алексеевна, царевна, с 1682 по 1689 регент при царях Петре и Иване — 681, 682, 930
 Сперанский М. М. — 149
 Срезневский В. И. — 778
 Станиславский К. С. — 655
 Станкевич Н. В. — 486, 652, 802
 Стариков И. К. — 837
 Старикова, жена И. К. Старикова — 837
 Стасов В. В. — 626, 682, 686, 737, 745, 753
 Стасюлевич (ур. Утина) Л. И. — 729
 Стасюлевич М. М. — 204–206, 210, 213, 216, 217, 419, 505, 527, 530, 533, 536, 549, 584, 615, 625, 628, 642, 662, 680, 683, 687, 688, 724, 728, 729, 740, 741,

- 748, 749, 751, 752, 773, 774, 807, 809, 914, 925
- Стахеев Д. И. — 536
- Степанов В. П. — 819
- Степанова Г. В. — 748
- Степина М. Ю. — 559
- Стецкий Н. Я. — 639, 664, 665, 751, 760, 808
- Стечкина Л. Я. — 112, 705 («Варенька Ульямина»), 706, 747, 748, 780, 782
- Страхов Н. Н. — 132, 438, 477, 806
- Стрепетова (в перв. бр. Писарева, во втор. Погодина) П. А. — 681, 732, 760, 772
- Струсберг Г.-Б. — 767, 768
- Стремоухов М. А. — 882
- Стремоухова, сестра М. А. Стремоухова — 882
- Стремоухова (ур. Тургенева) Е. А. — см. Тургенева Е. А.
- Студеников А. — 836
- Субботина А. К. — 779
- Суворин А. С. — 505, 533, 626, 657, 751, 753
- Сундквист (Sundkvist) Л. — 76, 79, 265, 520, 526
- Сухих И. И. — 128
- Сухотин М. С. — 564, 579, 580
- Сухотин С. М. — 544, 560, 563–565
- Сухотин С. С. — 564, 579
- Сухотина (в зам. Фохт; Баратынская) Е. С. — 564, 579, 580
- Сухотина (ур. Мансурова) К. Д. — 740 («старая кузина»)
- Сухотина (ур. Дьякова, во втор. бр. Ладыженская) М. А. — 563, 565, 579
- Сухотины, семья М. А. и С. М. Сухотинных — 560, 580
- Сысоева Г. Н. — 692, 748, 754, 775, 778
- Тальбер — 658
- Тальма (Talma) Фр.-Ж. — 641
- Тамарченко Г. Е. — 630
- Танеев С. И. — 304, 305, 721, 744, 755
- Тардые (Tardier) М. — 684
- Тардые (Tardier) Ш. — 684
- Таунсенд (Townsend) Р. С. — 896
- Теккерей (Thackeray) У. — 59 («Ярмарка тщеславия»), 62, 64, 73, 670
- Теннисон (Tennyson) А. — 508
- Теолон (Théaulon de Lambert) М.-Э.-Г. — 651, 652
- Тепловы, род — 3
- Тёпфер (Töpffer) Р. — 69
- Тёрнер (Turner) Ч. Э. — 505
- Тиберий (Tiberius) Клавдий Нерон, рим. имп. — 656
- Тик (Tieck) Л. — 274
- Тиме Г. А. — 172, 174
- Тимирязев К. А. — 761
- Тихонравов Н. С. — 761
- Ткачев П. Н. — 748
- Тове А. — 896
- Толлер (Toller), миссис, англ. коллекционер — 60
- Толстая (ур. Перовская) А. А. — 612
- Толстая (в зам. Нагорнова) В. В., дочь М. Н. и В. П. Толстых — 437
- Толстая (в зам. Оболенская) Е. В., дочь М. Н. и В. П. Толстых — 437
- Толстая (ур. Шишкина) М. М. — 673, 674
- Толстая (в зам. Толстая) М. Н. — 437, 673
- Толстая П. Н. — 839, 842
- Толстая (ур. Бахметева, в перв. бр. Миллер) С. А. — 159 («жене»), 539, 611, 612, 615 («вдовы»), 618, 661
- Толстая (ур. Берс) С. А. — 674
- Толстая (в зам. Сухотина) Т. Л. — 579
- Толстой А. К. — 104, 114, 147, 159, 160, 162, 539, 540, 556, 586, 610–612, 615, 616, 618, 619, 659, 660, 894
- Толстой Анд. — 843
- Толстой В. П. — 437
- Толстой И. — 843
- Толстой Л. Н. — 79, 106, 113–115, 139, 161–163, 207, 305, 413, 437, 505, 510, 511, 516, 527, 530, 555, 560, 561, 563, 579, 603 «Войны и мира»), 605, 606, 615, 642, 673, 727, 730, 756–758, 762, 787, 790, 795, 803, 814, 895, 896, 906, 926
- Толстой Н. В., сын М. Н. и В. П. Толстых — 437

- Толстой Н. И. — 814
Толстой Н. Н. — 673
Толстой П. В., сын М. Н. и В. П. Толстых — 437
Толстой С. Н. — 673, 674
Толстые, дети М. М. и С. Н. Толстых (Григорий, Вера и Варвара) — 674
Толстые, семья Л. Н. Толстого — 673
Тома (Thomas) А. — 744
Томпсон (Thompson) Д. Э. — 117, 458
Топоров А. В. — 639, 748, 760
Траян (Traianus) Марк Ульпий Нерва, рим. имп. — 656
Тренин В. В. — 29
Третьяков П. М. — 681, 687, 731, 743, 759
Третьяков С. М. — 746
Третьякова (ур. Мамонтова) В. Н., жена П. М. Третьякова — 687 («нашими родителями»)
Третьяковы, семья В. Н. и П. М. Третьяковых — 687, 732
Триулци (Triulzi) Э. — 259
Троицкий Н. А. — 806
Тропман (Troppmann) Ж.-Б. — 479, 667
Трубецкая (ур. Гудович) А. А. — 44
Трубецкой Д. Ю. — 12
Трубецкой Н. И. — 195
Трубецкой Н. И., моск. губернатор — 598
Трубников Д. К. — 846
Трунов М. П. — 790
Тулининов Н. Ф. — 15
Тулининова В. И. — 15
Тулинов М. Б. — 930
Туниманов В. А. — 477
Тургенев Алексей Ник., дядя Т. — 880
Тургенев Алексей Ник., двоюр. племянник Т. — 762
Тургенев Алексей Р., прадед Т. — 880, 886, 887
Тургенев Анд. Ф. — 885
Тургенев Аф. Д. — 884, 885
Тургенев Б. Н. — 883
Тургенев Бул. Д. — 885
Тургенев Вас. Д. — 883
Тургенев Вас. Н. — 883
Тургенев Вас. Ф. — 878, 884
Тургенев Г. Н. — 883
Тургенев Д. Л. — 883
Тургенев Д. Н., дядя Т. — 880
Тургенев Д. Р. — 886
Тургенев И. И. — 883
Тургенев И. Н. — 883
Тургенев И. Ю. — 884
Тургенев Л. И. — 883
Тургенев М. А. — 886
Тургенев М. М. — 18
Тургенев Мурза Лев (в крещ. Иоанн) — 878, 880, 883
Тургенев Никита Вас. — 883
Тургенев Н. А., дед Т. — 877, 878, 880, 883, 886–888, 893
Тургенев Н. И. — 489, 505–507, 510, 515, 672
Тургенев Н. Н., дядя Т. — 463, 487, 488, 490–495, 664, 880
Тургенев Н. С., брат Т. — 437, 485, 487, 488, 490, 491, 498, 499, 501, 512, 650, 665, 726, 752, 810–814, 816, 817, 878, 888–891, 895, 931
Тургенев О. Ф. — 884
Тургенев П. Никит. — 883
Тургенев П. Н., дядя Т. — 880
Тургенев Р. Сем. — 885, 886
Тургенев Р. Сим. — 878
Тургенев Сем. О. — 885
Тургенев С. Н., отец Т. — 422, 437 («отцы»), 487, 673, 726, 756, 781, 783, 793, 794, 802, 810–817, 877, 878, 887–893, 931
Тургенев С. С., брат Т. — 877, 878, 888–892, 931
Тургенев Ст. Ф. — 884
Тургенев Ф. В. — 878, 883, 885
Тургенев Я. Ф. — 884, 885
Тургенева (ур. Лутовинова) В. П., мать Т. — 7 («материнской»), 12, 13, 441, 485, 487, 488, 491, 493, 502, 673, 725–728, 755–757, 781, 793, 794, 796, 802, 811, 815–818, 820, 822, 823, 835, 836, 847, 870, 878, 888–891, 931 («жены»)

- Тургенева (в зам. Стремоухова) Ек. А., дочь А. Р. Тургенева, двоюр. бабка Т. — 882, 887
- Тургенева (в зам. Веневитинова) Ек. Н. — 880
- Тургенева (в зам. Конусевич) Ек. Н., вторая дочь Н. Н. Тургенева — 492, 494
- Тургенева (ур. Апухтина) Ел. П., бабка Т. — 880
- Тургенева (ур. Белокопытова) Ел. С. — 494
- Тургенева (ур. Виарис) Клара — 510
- Тургенева М. М. — 17
- Тургенева (в зам. Брюэр) П. И., дочь Т. — 221, 222, 265, 266, 274, 293, 487, 491, 492, 498, 501, 502, 664, 722, 755, 781, 783, 803
- Тургенева (ур. Сухотина) П. М., прабабка Т. — 17, 18, 880, 887
- Тургенева П. Н., тетка Т. — 880
- Тургенева Фанни Н. — 510, 746
- Тургенева Фед. Н., тетка Т. — 880
- Тургеневы, род — 3, 12–14, 877, 881, 887, 888, 931
- Тургеневы, семья Н. И. Тургенева — 506, 510, 515, 672
- Тургеневы, семья В. П. и С. Н. Тургеневых — 14, 673, 792, 793
- Тучкова (в зам. Огарева) Н. А. — 479
- Тьерсо (Tiersot) Ж. — 259
- Тэн (Taine) И. — 204, 207
- Тютчев Н. Н. — 411, 485, 486
- Тютчев Ф. И. — 12, 76, 77, 79, 87
- Уайльд (Wilde) О. — 906
- Уваров С. С. — 90, 806
- Уварова Е. А. — 840, 842, 846
- Ульбах (Ulbach) Л. — 211
- Уоддингтон (Waddington) П. — 51, 58, 123, 124, 131, 184, 189, 219, 431, 432, 434, 435, 505–507, 509, 511–514, 523, 526, 527, 531, 623, 648, 656, 670, 750, 751, 807, 900
- Усов Павел С. — 21 («издателю „Северной пчелы“»)
- Успенский Г. И. — 754, 798, 806
- Успенский Л. В. — 224
- Ушаков А. Г. — 8
- Ушакова (в перв. бр. Лутовинова) П. А. — см. Лутовинова П. А.
- Ушаковы, род — 8, 11
- Файнштейн** М. Ш. — 104
- Фарнгаген фон Энзе** (Varnhagen von Ense) К.-А. — 96, 98, 99
- Федор III Алексеевич**, рус. царь и вел. кн. с 1676 по 1682 — 884, 885
- Федоров Ал-р**, секретарь — 892
- Федоров А. В.** — 167, 169, 224
- Федулов В.** — 836
- Феодорит**, монах — 6
- Феокистов Е. М.** — 467–469, 688
- Феррьер (Ferrier) С.** — 69
- Фет А. А.** — 12, 91, 93, 123–125, 170, 222, 223, 290, 413, 414, 424, 432, 438, 443, 444, 461–465, 485–487, 490–494, 498, 501, 502, 505, 511, 561, 593, 596, 605, 647, 662–664, 667, 727, 739, 740, 756, 757, 803, 805, 926, 927
- Финч (Finch) Ч.** — 663
- Фирсов Г. Г.** — 522
- Фиске (Fiske) Дж.** — 516
- Фифис (Fifils) А.** — 625
- Фишер (Fischer) К.-Д.** — 304
- Флемминг (Flemming; ур. фон Арним) А.**, фон — 273, 274
- Флиорковский В. Э.** — 416
- Флобер (Flaubert) Г.** — 166, 168, 169, 203–205, 207, 208, 210–214, 216, 309, 499, 627, 686, 701, 702, 707, 716, 742, 744, 749, 752, 781
- Флоке (Floquet) Ш.-Т.** — 742
- Фонвьель (Fonvielle) У.**, де — 646, 666
- Фонтане (Fontane) Т.** — 76–78, 81, 83, 84, 87–92, 96, 99, 101, 103, 133, 165, 927
- Форе (Fauré) Г.-Ю.** — 700, 701, 717, 743
- Фортуатов Н. М.** — 924
- Фрейнд (Freund) М.** — 141–144, 146
- Фрëбель (Frëbel) Г.** — 174
- Фрëбель (Frëbel) Ф.** — 143, 677
- Фридендер Г. М.** — 670

- Фридлиндер (Friedländer) Л. — 158, 171, 668
- Фридланд В. Г. — 925
- Фридрих (Friedrich) Н. — 568, 571, 581
- Фридрих Вильгельм (Friedrich-Wilhelm), кронпринц, король Пруссии Фридрих III и имп. Германии, сын королевы Августы — 266, 277
- Фурье (Fourier) Ф.-М.-Ш. — 143
- Хадулла (Hadulla) М. — 261
- Хаксли (Huxley) Т. — 907
- Халабаев К. И. — 36, 471
- Ханыков А. В. — 422
- Ханыков Н. В. — 410, 419–422, 647
- Харламов А. А. — 691, 700, 743, 781, 782
- Хаупт (Haupt), м-ль, ученица П. Виардо — 271
- Хауэр (Hauer) Н. — 134, 135
- Хвагов Алексей И. — 169
- Хвостов А. Н. — 809
- Хвостова Н. А. — 809
- Хвоинская (псевд. В. Крестовский) Н. Д. — 692, 786
- Хексельшнайдер (Hexelschneider) Э. — 81, 86, 96, 97, 101, 104, 105, 113, 147
- Хетени (Hetényi) Ж. — 918, 919
- Хитров М. Е. — 844
- Хитрово Л. К. — 51, 589, 590
- Хитрово С. П. — 611, 612
- Хмелевская Е. М. — 462, 463, 564
- Хмелевская Н. А. — 462
- Холл (Hall) (Беллок) В. Г. — 510, 511, 513, 514
- Холлош А. — 919
- Холт (Holt) Г. — 139
- Хофмейстер (Hofmeister) А. — 81, 83
- Хумлер (Humler) Э., ученица П. Виардо — 271, 365
- Хэпгуд (Hapgood) И. — 896
- Цабель (Zabel) А. Г. — 643
- Цветков И. Е. — 523
- Цейбиг (Zeibig) Ю.-В. — 147
- Цигенгайт (Ziegengeist) Г. — 158, 168, 926
- Циммерманн (Zimmermann; «берлинский автор мази», «изобретатель мази») — 572, 580, 582, 592
- Цицианов П. Д. — 822
- Чайковский Н. В. — 521
- Чайковский П. И. — 122, 162, 702, 712, 721, 745, 746, 750, 753, 754
- Чарторыйжский (Чарторыйский; Czartogyski) А. Е. — 29
- Черемисинова Л. И. — 596
- Черкасская (ур. Васильчикова) Е. А. — 570, 572
- Черкасский В. А. — 434, 467
- Чернов Н. М. — 3–5, 8, 582, 783, 811, 814, 819
- Чернышевская Н. М. — 32
- Чернышевский Н. Г. — 19–21, 25, 30–40, 42, 44–46, 48, 50–56, 144, 163, 164, 411, 413, 415, 417, 419, 422, 423, 481, 482, 520, 611, 792, 798, 803, 805, 806, 926, 929
- Чехов А. П. — 670, 785, 896
- Чешихин (псевд. В. Ветринский) В. Е. — 807
- Чивилев Б. А. — 674
- Чистова И. С. — 577
- Чихачев Н. Н. — 761
- Чичерин Б. Н. — 92, 466
- Чичерин В. Н. — 92 («братом»)
- Чичерин Н. В. — 92
- Чичерины, семья Е. Б. и Н. В. Чичериных — 92
- Чиш (Cziesch) Фр. — 174, 186–200
- Чорли (Chorley) Г. Ф. — 58–74, 252
- Чуйко В. В. — 674
- Чуковский К. И. — 924
- Чурилов М. Д. — 5
- Шавров А. А. — 724 (?)
- Шавров Н. А. — 724 (?)
- Шаляпин Ф. И. — 738
- Шамро (Chamerot) Жанна, дочь К. Шамро (Виардо) («малютка») — 710
- Шамро (Chamerot) Жорж — 710, 743
- Шамро (Chamerot) Клоди — см. Виардо К.
- Шапошников, сержант — 819

- Шапрон (Chapron) Л. — 211
- Шарпантье (Charpentier) Жерве — 80, 124, 129, 133, 149, 156, 173, 183, 184
- Шаррьер (Charrière) Э. — 126
- Шагилов И. Н. — 496
- Шатобриан (Chateaubriand) Ф.-Р., де — 155
- Шахматов Б. М. — 521
- Шаховская (в зам. Владимирова) Е. Л. — 812
- Шваб (Schwab) Фр. — 271, 272, 280
- Швайгерт (Schweigert) — 267
- Шван (Schwan) И. — 77, 81, 84–86, 90, 114, 120–122, 138
- Швириц (Schwirz) Г. — 254
- Шевченко Т. Г. — 416, 452, 453, 669
- Шевырев С. П. — 91, 92
- Шедлецки (Shedletzky) И. — 81, 89
- Шейн И. К. — 839, 840
- Шейна, жена И. К. Шейна — 840
- Шейбе (Scheibe) А. — 136, 143, 144, 146, 147, 161, 927
- Шейн П. В. — 762
- Шекспир (Shakespeare) У. («Гамлет») — 65, 71 (цит.), 280 («леди Макбет»), 647, 650, 666, 669, 670, 746, 761, 790, 796
- Шелгунов Н. В. — 688, 689, 692
- Шелгунова (ур. Михаэлис) Л. П. — 688
- Шенстон (Chenston) В. — 65
- Шеншин А. М. — 846
- Шеншин Аф. Нефед. (=Неоф.) — 845
- Шеншин В. А. — 464
- Шеншин И. И. — 844
- Шеншина А. И. — 823, 836
- Шеншина (ур. Беккер Шарлотта, в перв. бр. Фёт) Е. П. — 438
- Шерешевская М. А. — 632
- Шефер (Schaefer) П. — 77
- Шиллер (Schiller) Фр. — 32, 96, 101, 107, 109, 132 («Вильгельм Телль»), 146, 156, 305, 787, 790, 927
- Шилов Ф. М. — 500
- Шлейермахер (Schleiermacher) Ф.-Д.-Э. — 511
- Шмидт (Schmidt) Ю. — 146, 160, 163, 174, 175, 179, 184, 185, 205, 208, 671, 680
- Шнейдерман И. И. — 763
- Шольп А. Е. — 754
- Шопен (Chopin) Фр. — 59, 61–63, 259, 712, 790
- Шоу (Shaw) Б. — 907
- Шоу-Лефевр (Shaw-Lefevre) Д. — 574
- Шпор (Spohr) Л. — 142
- Шпор Ш. — см. Глюмер Ш., фон
- Штаргардт (Stargardt) Дж.-А. — 78, 159, 526
- Штерн (Stern) Б. — 83
- Штокхаузен (Schtockhausen; ур. Тоберенц) К., жена Ю. Штокхаузена — 303, 306
- Штокхаузен (Schtockhausen) Ю. — 300, 303, 306
- Штрайх С. Я. — 636
- Штульц Хр. — 114, 162
- Шуберт (Schubert) Фр. — 126, 702, 703, 712, 746
- Шувалов П. А. — 595 («Шуваловки»)
- Шульце (Lehmann-Schultze) К. — 76–79, 81, 82, 87, 89, 91, 92, 94–96, 100, 103, 104, 107, 108, 112, 114–117, 120, 121, 159, 165, 301
- Шуман (Schumann; ур. Вик) К. — 265, 277
- Шуман (Schumann) Р. — 702, 712, 742
- Щепкин А. М. — 499, 500 («родители»)
- Щепкин М. А. — 756
- Щепкин М. С. — 645, 654, 752 («знаменитого актера»), 755
- Щепкин Н. А. («управляющий») — 499–501, 640–642, 665, 686, 722, 728, 729, 752, 755
- Щепкина Д. Г. — 500 («родители»)
- Щепкина (в зам. Богданова) Е. С. — 645
- Щепкина (ур. Алферова) С. Г. — 663, 686, 743, 757, 758
- Щепкины, семья С. Г. и Н. А. Щепкиных — 728, 500
- Щербань Н. В. — 221, 222, 422, 425

- Щербина Н. Ф. — 127, 685, 927
Щетинин Б. А. — 678
- Эберс (Ebers) Г. — 83
Эгле К. К. — 172
Эйнхорн (Einhorn) — 108
Эйхенбаум Б. М. — 36, 168, 169, 471
Эккарт (Eckart) Ю. — 185, 186
Эккерт (Eckert) К. — 269, 301
Элиот Джордж (George Eliot; наст. имя Эванс М. Э.) — 508, 710, 750
Энгельгардт А. С. — 422, 423
Энгельгардт Б. М. — 923
Энгельс (Engels) Фр. — 29
Эредиа (Heredia) Ж.-М., де — 671
Эритт (Héritte; ур. Виардо) Луиза-П.-М. — 281, 676, 679, 680, 684, 685, 691–700, 710, 722, 724, 728–730, 738–742, 757, 758, 764, 767, 768, 770, 771, 773, 774, 778–780
Эритт де ла Тур (Héritte de la Tour) Л.-Ж.-П., сын Луизы Эритт — 281, 289, 383, 685, 741, 767
Эритт де ла Тур (Геритт; Héritte de la Tour) Э., муж Луизы Эритт — 281, 685, 740, 767
Эркман-Шатриан (Erckmann-Chatrian), псевдоним франц. писателей Э. Эркмана и А. Шатриана — 707, 749
Эрман (Erman) Г.-А. — 108
Этцель (Гетцель; Hetzel; псевд. П.-Ж. Сталь) П.-Ж. — 191, 219–222, 232, 252, 266
Эфрон И. А. — 564
Эфрос Н. Д. — 120
Эшенбах (Eschenbach) В., фон — 96
- Ювенал (Juvenalis) Децим Юний — 674, 675
Юргенсон, семья — 162
Юргенсон П. И. — 162
Юргенсон Э. П. — 778
Юрьев С. А. — 681, 699, 742, 761, 769, 770
Юсупов П. И. — 837, 838
Юсупова, жена П. И. Юсупова — 838
Юшкова Ф. В. — см. Лутовинова Ф. В.
- Яворская Н. В. — 746
Яголим Б. С. — 528
Языков Н. М. — 793 (цит.), 801, 894
Якоб (Jacob) Г. — 81, 134, 135, 147
Якубович П. Ф. — 808
Якушкин В. И. — 758
Якушкина (ур. Милюкова) Е. М. — 686, 689, 729, 735, 755, 758
Ямпольский И. Г. — 49
Ян II Казимир, последний польский король — 878, 884, 885
Яниш (Jänisch) К.-Ф. (Карл Андреевич) — 91 («обрусевшего немца»)
Ярославцев Я. А. — 415
- Adam J. — см. Адан Ж.
Andrew J. — 894
Ardoff L. — см. Бларамберг Е. И.
Auguste, певец — 289, 290
- Bache E. — 301
Bakker B. H. — 624
Bancquart M.-C. — 629
Becker C. — 624
Beethoven L., van — см. Бетховен Л.
Behre B.-E. — см. Бере Б.-Э.
Bellet R. — 626, 628
Berg A. — 297
Blankoff J. — 920
Blaramberg E. — см. Бларамберг Е. И.
Bledsoe R. T. — 58
Boetcher Joeres R.-E. — 146
Boom A., ученица П. Виардо — 365
Voxberger R. — 149
Boyesen H. H. — см. Бойесен Х. Х.
Brandus, музыкальное издательство — 257
Bulicheff, певец — 289, 290
Busse A., ученица П. Виардо — 365
Bülow H., von (псевд. La Mara) — 278, 304
- Cabanel A. — 233
Carvalho M.-F. — 233
Chamerot C. — см. Шамро К.
Champion E. — 124
Charpentier G. — см. Шарпантье Жерве

- Chopin F. — см. Шопен Фр.
 Chorley H. F. — см. Чорли Г. Ф.
 Citron P. — 290
- D**
 Dalhaus C. — 297
 Daudet A — см. Доде А.
 Deathridge J. — 302
 Delfau G. — 638
 Devoto M. — 297
 Dohrn V. — см. Дорн В.
 Doren A. — 265, 928–930
 Dornacher K. — 108
 Draheim J. — 277
 Driesten, певец — 289, 290
 Duvernoy A. — см. Дювернуа А.
- E**
 Eckerts, семья — 301
 Eichler E. — 81
- F**
 Fehrman C., ученица П. Виардо — 365
 Filibert — см. Philibert
 Fischer K.-D. — см. Фишер К.-Д.
 Flandrin J.-H. — 233
 Flaxland G.-A. — 233
 Fontane Th. — см. Фонтане Т.
 Frank A.-P. — 161
 Freund M. — см. Фрейнд М.
 Friedl H. — 161
 Friedreich N. — см. Фридрейх Н.
- G**
 Glaar A.-R. — 161
 Goldbeck M., von — 294
 Göpfert F. — см. Гёпферт Ф.
 Gregor-Dellin M. — 300
 Groos A. — 302, 303
- H**
 Hall A. C. — 68
 Hauser F. — 304
 Henkel W. — 536
 Herwegh G. — см. Гервег Г.
 Hetzel P.-J. — см. Этцель П.-Ж.
 Heuer R. — 162
 Hexelsneider E. — см. Хексельшнай-дер Э.
 Heyse P. — см. Гейзе П.
 Héritte L. — см. Эритт де ла Тур Л.
 Hofmeister A. — см. Хофмейстер А.
 Höft B. — 277, 290
 Humler E. — см. Хумлер Э.
- J**
 Jacob H. — см. Якоб Г.
 Jonas G. — см. Йонас Г.
- K**
 Kühlmann W. — 140
 Kürner B. — см. Кюрнер Б.
- L**
 La Mara — см. Bülow H., von
 Lallemand Ch. — 252
 Lange W. — 80
 Lange-Brachmann U. — 277
 Lemaître J. — 621
 Léger C. — 638
 Litzmann B. — 265
 Louise — см. Эритт Луиза-П.-М.
- M**
 Maehder J. — 306
 Malibrán M. — 926
 Marix-Spire Th. — 60
 Marx, mlle — см. Маркс Р.
 Mazon A. — см. Мазон А.
 Mérimée P. — см. Мериме П.
 Migozzi J. — 638
 Mitterand H. — 624
 Montreynaud Fl. — см. Монрейно Ф.
 Müller K. P. — 161
- N**, лицо неустановленное — 708
 Noël E. — 658, 659
 Nyomárkay S. — 921
- O**, переводчик романа «Отцы и дети» —
 80, 134, 135, 173, 177, 179–181
 Offord D. — 894
- P**
 Parturier M. — 126
 Pataky S. — 140
 Percerie, de la, певец — 289, 290
 Philibert (Filibert), певец — 289–291, 383
 Pierrot, певец — 289, 290
 Poljakov F. — 135
- R**
 Raid R. — 894
 Rappich H. — см. Раппих Х.
 Reber H. — 233
 Riehl W.-H. — 105
 Rimscha H., von — см. Римша Г., фон
 Robert, певец — 289, 290, 383
- S**
 Sagarra E. — 140
 Saminadayar-Perrin C. — 638

- Sand George — см. Санд Жорж
Scheler L. — 629
Schlöman A., ученица П. Виардо — 365
Schlöman M., ученица П. Виардо — 365
Schultze Ch. — см. Шульце К.
Schwan I. — см. Шван И.
Seitz R. — 261
Selter K. — 147
Shedletzky I. — см. Шедлецки И.
Simonek S. — 135
Skrejšovský F. — 80
Stahl P.-J. — см. Этцель П.-Ж.
Stargardt J.-A. — см. Штаргардт Дж.-А.
Stier M. — 290
Stockhausen J. — см. Штокхаузен Ю.
Stoullig E. — 658, 659
Stroofer Th. — 536
Tamburini A. — 233
Thiergen P. — 105
De la Tour — см. Эритт де ла Тур Л.
Trahard P. — 124
Valentin Ch. — см. Валантен Ш.
Viardot M. — см. Виардо Марианна
Viardot P. — см. Виардо Полина
Waddington P. — см. Уоддингтон П.
Wirth (ур. Stockhausen) J., дочь К. и
Ю. Штокхаузен — 300, 303, 306
Wolfsohn C.-W. — см. Вольфзон К.-В.
Wolters W — см. Вольфзон В.
Wolzogen H.-D., von — см. Вольцоген Х.-Д., фон
Wytzens G. — см. Вытженс Г.
X, лицо неустановленное — 716
Yakobson S. — 139
Ziegengeist G. — см. Цигенгайт Г.
Zola E. — см. Золя Э.
Zviguilsky A. — см. Звигильский А.
Zviguilsky T. — см. Звигильская Т.
Zymomrja M. — 163
Žekulin N. — см. Жекулин Н. Г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Е. Н. Ашихмина.</i> Владения предков Тургенева как источник исследования биографии и творчества писателя	3
<i>Н. П. Генералова.</i> «Неизвестный» ответ Тургенева Чернышевскому (О втором эпилоге романа «Рудин»)	19
<i>П. Уоддингтон (Новая Зеландия).</i> Взаимоотношения Тургенева с Генри Фозергиллом Чорли (С приложением неопубликованного письма Тургенева) (Пер. <i>Е. М. Лобковской</i>)	58
<i>Л. Сундквист (Швеция).</i> Вильгельм Вольфзон, Клер фон Глюмер и первые немецкие переводы романа «Отцы и дети»	76
<i>В. А. Лукина.</i> Тургенев — редактор и переводчик: Об участии писателя в редактировании переводов собственных произведений (На примере митавского собрания сочинений)	166
<i>О. Б. Кафанова.</i> Тургенев и натурализм	203

ТЕКСТЫ ТУРГЕНЕВА

Предисловие и переводы

Сказки Шарля Перро в переводе и с предисловием Тургенева. <i>Публикация Л. А. Балыковой</i>	219
Предисловие <к «Волшебным сказкам» Шарля Перро>. Черновой автограф	230
«Синяя Борода». Черновой автограф	234
«Синяя Борода». Беловой автограф	242
«Волшебница». Черновой автограф	248

Либретто оперетт

<i>Н. Г. Жекулин (Канада). Новые материалы о совместных художественных произведениях Тургенева и Полины Виардо в Хоутонской библиотеке Гарвардского университета</i>	252
«L'Ogre». Черновой автограф	312
«Людоед» (Пер. <i>Н. П. Генераловой</i>)	342
<i>Приложение. Ogre (Ария Людоеда) (Пер. Н. П. Генераловой)</i>	364
Источники текста	365
«Le Whist». Ранняя редакция	370
«Вист» (Пер. <i>Н. Г. Жекулина</i>)	374
«La Partie de whist». Окончательная редакция	376
«Партия в вист» (Пер. <i>Н. Г. Жекулина</i>)	379
Источники текста	382
<i>Приложение. «La Partie de whist». Партитура</i>	385

Рукой Тургенева

Неизвестная записка Тургенева о пожертвованиях в Литфонд (1861) (Дополнение к Летописи жизни и творчества писателя). <i>Публикация С. А. Ипатовой</i>	410
Об экземпляре перевода «Волшебных сказок» Перро с дарственной надписью Тургенева М. В. Рашет (Из собрания Государственного литературного музея). <i>Публикация С. А. Ипатовой</i>	424

СООБЩЕНИЯ

<i>М. Я. Саррина. К вопросу о прототипах героев «Дворянского гнезда» (в продолжение темы «Тургенев и Аполлон Григорьев») . . . . .</i>	431
<i>В. И. Дудко (Украина). М. А. и А. В. Марковичи в письмах Тургенева 1860–1862 годов: Дополнения к комментарию . . . . .</i>	451
<i>Н. П. Генералова. Заметки комментатора . . . . .</i>	461
I. Какое неизвестное стихотворение Фета хотел прочитать Тургенев . . .	461
II. Об одной ошибке Андре Мазона, или Когда появился в «Нови» Нечаев	470
<i>Е. Б. Новикова. Тургенев — землевладелец . . . . .</i>	485

ПЕРЕПИСКА ТУРГЕНЕВА

Письма Тургенева

Письмо Тургенева к В. Рольстону (1879) (Об одном автографе И. С. Тургенева в собрании Государственного музея А. С. Пушкина). <i>Публикация Е. В. Полянской</i>	503

Письмо Тургенева к Н. В. Соколову (?) (1876). <i>Публикация Л. Сундквиста (Швеция)</i>	520
Письмо Тургенева к П. В. Анненкову (1883). <i>Публикация Л. Сундквиста (Швеция)</i>	526

Письма к Тургеневу

Письма А. М. Жемчужникова к Тургеневу (1866–1869). <i>Публикация А. Г. Гродецкой</i>	537
Письмо В. М. Жемчужникова к Тургеневу (1873/1874). <i>Публикация А. Г. Гродецкой</i>	609
Неопубликованное письмо к Тургеневу Жюля Валлеса (1877). <i>Публикация Н. П. Генераловой</i>	620

МАТЕРИАЛЫ К ТУРГЕНЕВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Абарина А. И. (<i>В. А. Громов, Л. Н. Назарова, Е. В. Проц</i>), Алифанова А. А. (<i>В. А. Громов</i>), Аллан-Депрео Л.-Р. (<i>Е. В. Проц</i>), Афанасьев А. И., Афанасьев И. А., Афанасьева А. А., Базилевский В. И., Барсуков Н. П., Баталин И. А., Бебутов К. А. (<i>В. А. Громов</i>), Богданов А. Ф. (<i>Е. В. Проц</i>), Бодри П.-Ж.-Э. (<i>А. Г. Ирлин</i>), Бонапарт Наполеон Ж.-Ш.-П. (Жером Бонапарт), Бонапарт Пьер Наполеон (<i>Н. П. Генералова</i>), Бульвер-Литтон Э. Дж., Бульвер-Литтон Э. Р. (<i>Л. В. Миндыбаева</i>), Буше Ф. (<i>А. Г. Ирлин</i>), Василенко М. Л., Васильев 2-й П. В., Васильева Е. Н. (<i>Е. В. Проц</i>), Вейсе Х.-Ф. (<i>С. Л. Жидкова</i>), Верне Ш.-Э., Герн А.-Л., Горбунов И. Ф., Григорьев 1-й П. И., Давыдов В. Н. (<i>Е. В. Проц</i>), Добужинский М. В. (<i>Г. Н. Павлова</i>), Домициан (<i>В. А. Лукина</i>), Дюма М. (<i>Е. В. Проц, В. А. Лукина</i>), Жемчужников А. М. (<i>А. Г. Гродецкая</i>), Зорин Л. Г. (<i>Е. В. Проц</i>), Каратеева М. В. (<i>С. Л. Жидкова</i>), Катон Старший, Катулл (<i>В. А. Лукина</i>), Кудряшов А. П. (<i>Л. А. Митракова</i>), Ланнер Й.-Ф.-К. (<i>С. Л. Жидкова</i>), Маслов И. И. (<i>Л. Н. Назарова, Г. Н. Павлова</i>), Никифоров Н. М. (<i>Е. В. Проц</i>), Нуар В. (<i>Н. П. Генералова</i>), Панаева Е. В. (<i>Л. Н. Назарова</i>), Петров В. П. (<i>Н. С. Никитина</i>), Пиндар (<i>В. А. Лукина</i>), Плещеев А. Н. (<i>С. Л. Жидкова</i>), Рив Г. (<i>Л. В. Миндыбаева</i>), Ришпен Ж. (<i>Л. А. Балыкова</i>), Рылеев К. Ф. (<i>С. Л. Жидкова</i>), Свечин Н. П. (<i>Е. В. Проц</i>), Толстая М. М. (<i>С. Л. Жидкова</i>), Чивилев Б. А. (<i>Л. Н. Назарова</i>), Ювенал (<i>В. А. Лукина</i>).	639

СОВРЕМЕННОКИ О ТУРГЕНЕВЕ

Воспоминания Е. И. Бларамберг (Апрелева-Ардов). <i>Публикация С. А. Ипатовой</i>	676
<i>Приложение I. Три письма Е. И. Бларамберг к Тургеневу (1875–1877)</i> . . .	764

<i>Приложение II. Из архива Тургеневского кружка Н. К. Пиксанова: Дополнения к воспоминаниям Е. И. Бларамберг о Тургеневе (1914) . . . . .</i>	775
Неизвестный биографический очерк-лекция В. И. Дмитриевой о Тургеневе (Писатель в зеркале «характеристических деталей») <i>Вступительная статья Т. В. Соколовой, подготовка текста и комментарии Г. Л. Медынцевой и Т. В. Соколовой . . . . .</i>	784

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Неизвестное письмо С. Н. Тургенева к сыну Николаю. <i>Публикация Е. М. Грибковой . . . . .</i>	810
Опись имущества Ивана Ивановича Лутовинова в собрании Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева. <i>Публикация С. Л. Жидковой . . . . .</i>	818
Копия с резолюции Тульского дворянского собрания по рассмотрению прошения С. Н. Тургенева о внесении жены и детей в 4-ю часть родословной книги Тульской губернии, выданная на имя С. С. Тургенева (1832). <i>Публикация Л. Д. Затуловской . . . . .</i>	877

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Т. М. Кривина. «Новь» Тургенева в переводе Майкла Персглава: современный текст романа . . . . .</i>	894

PRO MEMORIA

<i>Ж. Хетени (Венгрия). Жужа Зельдхейи-Деак (Zsuzsa Zöldhelyi) (1928–2015) . . . . .</i>	917
Условные сокращения	922
Список иллюстраций	927
Указатель произведений и замыслов И. С. Тургенева	932
Указатель имен	937

Научное издание

И. С. ТУРГЕНЕВ

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ**

IV

*Утверждено к печати Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук*

Ответственные редакторы:

Н. П. Генералова, В. А. Лукина

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Редактор *В. Н. Илюшенко*

Корректоры *П. А. Енбаев, А. С. Меньшов*

Художник *Ю. П. Амбросов*

Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 11.11.2016. Формат 60×90 1/16.

Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. изд. л. 57. Усл. печ. л. 61.

Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Альянс-Архео»

105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38

тел./факс:

— в Москве (499) 165-31-87

— в Санкт-Петербурге (812) 517-77-31

E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО «Контраст».

192007, Санкт-Петербург,

пр. Обуховской обороны, д. 38, лит. А